This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

THE HOOVER LIBRARY
ON
WAR, REVOLUTION, AND PEACE

STANFORD LIBRARIES

Potanin, G.N
-1713

ТАНГУТСКО-ТИБЕТСКАЯ ОКРАИНА КИТАЯ

И

ЦЕНТРАЛЬНАЯ МОНГОЛІЯ

ПУТЕШЕСТВІЕ Г. Н. ПОТАНИНА

1884—1886

Изданіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества

ТОМЪ ВТОРОЙ.

СЪ ОДНОЙ ФОТОТИПІЕЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1893

DS709
P859
v.2

6762

M.

ТАНГУТСКО-ТИБЕТСКАЯ

ОКРАИНА КИТАЯ

И

ЦЕНТРАЛЬНАЯ МОНГОЛІЯ

ПУТЕШЕСТВІЕ Г. Н. ПОТАНИНА

1884—1886

Изданіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества

ТОМЪ ВТОРОЙ

СЪ ОДНОЙ ФОТОТИПІЕЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1893

Sc

24801

Печатается по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Вице-предсѣдатель *П. Семеновъ.*

25 сентября 1893 г.

Издано подъ наблюденіемъ *Г. Н. Потанина.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе V

I. Сказки.

	стр.		стр.
1. Гэсэръ. Тангутскіе варіанты	3	12. Меджитъ	164
Бурятскій варіантъ	44	13. Балынъ-сенге	166
Примѣчанія	113	14. Аку-ртомба	168
2. а. Иринъ-сайнъ-алтынъ-горголтай . . .	131	15. Боролтай ӱбӱгӱнъ	170
б. Иринъ-сайнъ-гунынъ-хара	133	16. Ховатай убугунъ	171
3. Арджи-Борджи	136	17. Мальчикъ, попадающій въ хвостъ . . .	173
4. Аджинтай-мергенъ-ханъ	140	18. Овца совѣтница	175
5. Три брата хату-гурбуланъ	143	19. Тенекъ-ху	178
6. Долонъ-альбичинъ	145	20. Тене-ху	180
7. Шесть деревьевъ	147	21. Три большихъ угодья	181
8. а. Дочь водяного царя	149	22. Боролтай-ху	184
б. Шацгай ханъ (царь-сорока)	152	23. Ёгъ-таму-нцо	186
9. Дончжи-молумъ-эрдени	157	24. Больная дочь	192
10. Хорульдей-мергенъ-богдо	161	25. Хромой гусь	193
11. Уйленъ-ханъ	163	26. Ковелъ (ухана)	194

II. Легенды.

27. а. Джу-рембучи	197	39. Цзонкава	236
б. Ногонъ-дарихэ	200	40. Образъ Цзонкавы	239
в. Менгу-джу	202	41. Чжаянъ-чжаппа-сэнъ	—
г. Ногонъ-дарихэ	203	42. Ундуръ-гэгэнъ	242
Примѣчанія	205	43. Менгу-чжу	248
28. Дзанданъ-чжу въ Пекинѣ	219	44. Монастырь Марцзанъ	249
29. Абатай-саинъ-ханъ	220	45. Лумбунъ-чимбо	250
30. Джолма-нурму	223	46. Пей-юнъ-сай	251
31. Гуань-инь-пуса	225	47. Нью-тоу-шань	252
32. Манджушри	227	48. Дерево Галбарсынъ-модо	253
33. Арья-бало	229	49. Тува на бжю	—
34. Бурханъ-бакши	—	50. Нью-тоу-ванъ	254
35. а. Миляръ-ава и Гомбу-дорчжи	230	51. Сунъ-ву-кунъ	256
б. Миляръ-ава	—	52. Легенда о введеніи мусульманства въ Китаѣ	—
36. Урджянъ-рембучи или Намунъ-гуре . .	231	53. а. Ангуръ-шихъ	257
37. Джаву-ландеръ	233	б. Ангуръ-лончжа	258
38. Шянба	235		

III. Историческія преданія о лицахъ и мѣстностяхъ.

	стр.
54. Гуань-лао-ё	261
55. Пай-чжянь-чжюнь	264
56. а. Чингисъ-ханъ	267
б. Чингисъ	268
Примѣчанія	270
в. Чингисъ-ханъ и Нарэнъ-ханъ	279
57. Дочь Чингисъ-хана	—
58. Бальджинъ-хатунъ	280
59. Амурсана	281
60. Батырь-чонунъ-бэйли	—
61. Нойонъ-хонгоръ	—
62. Огутуръ-уланъ-ванъ	282
63. а. Тамджинъ-ханъ	—
б. Тамчжинъ-ханъ	—
64. Таинъ-терьхе и Арахи бурханъ	283
65. Цоктай-ханъ	284
66. Ли-чжинъ-ванъ	286
67. Ванъ-моръ	290
68. Леу-да-жень	292
69. а. Ельджигенъ-тологойтой-ханъ	293
б. Ельджигенъ-тологойтой-ханъ	294
70. Саларскія преданія и легенды:	
1) Преданіе о переселеніи саларонъ на Желтую рѣку	295
2) Маджу-гумбе	—
3) Народы ахманъ и караманъ	296
71. Пей-тайджи	—

	стр.
72. Легенды о мѣстностяхъ.	
Гора Тайхыръ-чжло	296
Горы Ноинъ-богдо, Алтынъ-ола, Гельбинту и Сяври	—
Гора Харшютъ	297
Слѣдъ Лу-бянъ-шена	—
Корчага Лу-бянъ-шена	—
Ключъ Субукъ	298
Онгонъ-манхынъ	—
Шя-чунъ	—
Боро-балгасунъ и Чаганъ-балгасунъ	—
Котелъ Чингиса	299
Легенда о колодезѣ Сангинъ-далай	—
Слѣды Гэсэра.	
1) Около Сунъ-пана	300
2) На Желтой рѣкѣ выше Сань-чуани	—
3) Около Лабрана	301
4) Около Гань-чжоу и въ землѣ ёгуровъ	—
73. Могильная насыпь Чао-чжюнъ-фынъ	302
74. Тохто-хото	303
75. Кара-бадзыръ	304
76. Рѣки Ліу-чуань и Янь-джи-чуань, Сычжа-цзуй	306
77. Рѣка Хара-мурэнъ и гора Алтынъ-бургэ	307
78. Оз. Шинъ-ся-норъ	308
79. Легенды о монастырѣ Эрдени-цзу	310
80. Преданія о древнихъ могилахъ	311
81. Поколѣніе Кэшиктенъ	312

IV. Звѣздный и животный эпосъ.

82. Сотвореніе міра	315
83. Цзаду-рахи и Урджянъ-рембучи	316
84. Раху	—
85. Созвѣздіе Большая Медвѣдица	317
86. Плеяды	322
87. Оріонъ	326
88. Полярная Звѣзда	330
89. Зарница	337
90. Млечный путь	340
91. Не опредѣленныя созвѣздія	—
92. Повѣрья о животныхъ.	
1. Верблюдъ и мышь	342
2. Летучая мышь	343
3. Птица ябылыкъ	—
4. Ольби	344
5. Бурундукъ	—
6. Сурокъ	345
7. Заяцъ	348
8. Почему у зайца хвостъ черный	348
9. Хорекъ (хуринъ)	—
10. Усунъ-буха	—
11. Кукушка (хухэй-шибо)	349
12. Воробей (больджуха)	—
13. Лягушка	—
14. Алтынъ-мелекей	350
15. Черепаха	—
16. Змѣи	—
17. Муравей (шоргольджи)	—
18. Ханъ-гариди	—
19. Нохой-баргасу	351
20. Алмасъ	—
21. Самые большіе въ мірѣ звѣрь, гора, море и дерево	—
22. Камень джада	352
93. Присказка о двѣнадцати годовыхъ звѣряхъ	—

Приложенія.

	стр.
I. Исторія спасителя Мила-райбы, или сборникъ пространныхъ и всесовершенныхъ пѣснопѣній (переводъ А. О. Ивановскаго съ тибетскаго).	
Глава о встрѣчѣ духовнаго сына-охотника съ (Мила)—райбой въ сНьи-шанъ-гур-рТа	360
Перечень главъ повѣсти о Мила-райбѣ	370
II. Монгольскія сказки, записанныя въ Ургѣ въ 1889 году.	
1) Три брата	374
2) Долонъ-бурхынъ (созвѣздіе Б. Медвѣдица)	—
3) Два брата	376
4) Огромная корова (ихэ ухуръ)	378
III. Бурятская сказка	379
IV. Дополненія къ примѣчаніямъ	382
V. Примѣчанія А. О. Ивановскаго . . .	387
VI. а. Списокъ мѣстныхъ названій растеній	395
б. Мѣстныя названія животныхъ.	
1) Звѣри	407
2) Птицы	408
VII. Собраніе словъ широнгольскаго и шира-ёгурскаго нарѣчій	410
VIII. Собраніе словъ саларскаго нарѣчія .	426
IX. Собраніе словъ хара-ёгурскаго нарѣчія	435
Указатель собственныхъ именъ, встрѣчающихся во II томѣ.	
(Русской транскрипціей)	I
(Иностранной транскрипціей)	XIV
Предметный указатель къ II тому	XV

Художественное приложеніе.

Портретъ дюрбюта Сарисына, хурчи, т. е. кобзаря, съ хуромъ и смычкомъ въ рукахъ. Отъ него была записана въ монастырѣ Улангомъ (въ сѣверо-западной Монголіи) сказка объ Иринъ-сайнъ-гунынъ-настай-ме-келе, помѣщенная въ Очеркахъ, IV, 429 — 486.

Сказки записывались мною также, какъ и въ прежніе разы, въ видѣ однихъ конспектовъ въ переводѣ на русскій языкъ; записываніе текстовъ съ подстрочнымъ переводомъ ихъ, при моемъ недостаточномъ знаніи монгольскаго языка, для меня было невозможно; китайскія и тангутскія сказки переводились для меня на монгольскій языкъ. Для лингвистовъ мои записи не имѣютъ интереса, но для фольклористовъ, я полагаю, не безполезны. Конечно, онѣ не удовлетворятъ и послѣднихъ; фольклористы также пожелаютъ, чтобы сказки сохранили бы больше мѣстнаго колорита, чѣмъ они имѣютъ въ моей записи, но я надѣюсь, что мои собранія до нѣкоторой степени удовлетворятъ первое любопытство тѣхъ лицъ, которыя пожелаютъ ознакомиться съ сюжетами, живущими въ Монголіи, и дадутъ понятіе, чего можно ожидать отъ дальнѣйшаго собиранія. Можетъ быть, съ ростомъ оріенталистики въ Россіи явится болѣе сильный интересъ къ этому народному богатству Монголіи и за составленіе сборниковъ сказокъ въ интересахъ фольклористики возьмутся оріенталисты. Собранія, которыя были сдѣланы до настоящаго времени, обыкновенно не имѣли задачей удовлетворить потребности занимающихся фольклоромъ; они составлялись скорѣе въ качествѣ хрестоматій, пособій для изученія языка; цѣлью были грамматическія формы и лексическій матеріалъ, поэтому подобные сборники, не исчерпывая всего разнообразія сюжетовъ и богатства варіантовъ,—чего можно было бы ожидать отъ ихъ составителей, благодаря ихъ подготовкѣ,—не давали понятія объ этомъ богатствѣ. Нужно желать, чтобъ въ Среднюю Азію для собиранія устныхъ памятниковъ народнаго творчества отправился какой-нибудь оріенталистъ, который въ то же время соединялъ бы въ себѣ и званіе изслѣдователя фольклора.

Къ своему нынѣшнему собранію я приложилъ примѣчанія, какъ я это дѣлалъ и въ прежнихъ описаніяхъ своихъ путешествій. Началъ я дѣлать эти примѣчанія въ своихъ личныхъ интересахъ. Коллекторъ чувствуетъ себя бодрѣе, когда его сборы не залеживаются въ музеяхъ и библіотекахъ, а вскорѣ же и получаютъ освѣщеніе или оцѣнку. Коллекціи натуралистическія имѣютъ то преимущество, что перваго же взгляда опытнаго спеціалиста бываетъ часто достаточно, чтобы сдѣлать

Кобока и Кодбнъ-пи попала въ лѣтопись араба, который жилъ въ Египтѣ. Она была занесена туда половцами, изъ которыхъ набиралась гвардія египетскихъ султановъ. Это, конечно, рѣдкіе счастливые случаи, когда сохранились указанія или намеки на происхожденіе разсказа. Въ большинствѣ случаевъ такіе намеки не могли сохраниться, и многое изъ того, о чемъ мы не знаемъ, откуда оно взялось, можетъ быть, слѣдовало бы приписать кочевникамъ изъ средней Азіи. Культурный контрастъ между населеніемъ степей юговосточной Европы и пришлыми изъ Азіи кочевниками въ вѣкъ переселенія гунновъ и аваровъ былъ меньше, чѣмъ позднѣе, во времена нашествія монголовъ или прихода на Волгу калмыковъ, и ассимиляція чужеземныхъ сюжетовъ должна была обнаруживаться сильнѣе. Поэтому по скудости усвоеній отъ монголовъ и калмыковъ нельзя заключать о степени усвоенія въ болѣе древнее время.

Напрашивается вопросъ, что это за духовный багажъ былъ, который приносили въ южную Россію кочевники изъ глубины Азіи. Конечно, въ позднѣйшее время, въ эпоху монголовъ и нѣсколько ранѣе, изъ Азіи орды приходили съ буддизмомъ. Въ одной изъ своихъ статей я, указывая на раннее существованіе буддизма въ южной Монголіи и восточномъ Туркестанѣ, относительно сѣверной Монголіи, откуда, можетъ быть, выходили орды, долженъ былъ только ограничиться догадкой, что и здѣсь буддизмъ существовалъ ранѣе монголовъ, т. е. ранѣе XIII ст. Въ прошедшую зиму я имѣлъ случай слышать въ Восточномъ отдѣленіи Археологическаго Общества докладъ академика В. В. Радлова о результатахъ орхонской экспедиціи; въ числѣ ея находокъ есть уйгурская надпись, относящаяся къ VII ст., о присылкѣ къ уйгурамъ изъ Китая четырехъ буддійскихъ монаховъ. Положимъ, что это были не послы для исправленія книгъ, а первые проповѣдники. Все таки, значитъ, буддизмъ уже появился въ сѣверной Монголіи за два вѣка до основанія русскаго государства.

Въ орхонской долинѣ найдены кромѣ уйгурскихъ надписей еще другія руноподобныя письмена, которыя распространяются отсюда на западъ до долины верхняго Енисея. Академикъ Радловъ считаетъ ихъ за болѣе древнее, чѣмъ уйгурское, письмо. Послѣднее по его мнѣнію было принесено съ запада, руноподобное же письмо было туземнаго происхожденія; академикъ приписываетъ его племени Тугю, господствовавшему въ Монголіи въ VII столѣтіи. Если были письмена, значитъ, была уже сложная общественная жизнь, былъ культъ, для потребностей котораго, конечно, и было изобрѣтено письмо [1]); можетъ быть, было и жреческое сословіе; конечно были и легенды. Чтобы все это развилось, требовалось время, и разумѣется, духовно-культурная жизнь началась въ этихъ мѣстностяхъ задолго до VII столѣтія. Что это былъ за культъ? Можетъ быть, это былъ тотъ же буддизмъ; тогда, значитъ, буддійскія легенды могли быть заносимы въ Европу сѣвернымъ путемъ, по

[1]) Если жители сѣверной Монголіи гравировали свои надписи на камняхъ, то навѣрно имѣли и книги, и потому едва ли слѣдуетъ по тому, что средневѣковые кочевники южной Россіи не оставили послѣ себя никакихъ письменныхъ памятниковъ, дѣлать заключенія объ низкомъ уровнѣ ихъ духовной жизни.

сѣверную сторону Каспійскаго моря и гораздо ранѣе VII вѣка. Если же буддизма въ сѣверной Монголіи до VII вѣка не было, то руноподобныя орхонскія письмена принадлежатъ другому, туземному культу, но развившемуся также до нѣкоторой сложности, конечно, изъ элементовъ мѣстнаго шаманства. Гдѣ же искать слѣды этого древняго культа? Съ введеніемъ буддизма въ Монголію этотъ старый культъ не могъ исчезнуть; онъ былъ включенъ въ новый и обратилъ его въ видоизмѣненіе буддизма. Монголо-тибетскій буддизмъ дѣйствительно отличается отъ южнаго. Особенности его, насколько намъ извѣстно, заключаются въ вѣрованіи въ хубильгановъ, «перерожденцевъ», въ культѣ бодисатвы Арья-Бало, котораго южный буддизмъ не знаетъ, и, можетъ быть, въ цамѣ, т. е. въ религіозныхъ пляскахъ. Вотъ эти-то особенности—въ глазахъ свѣдущихъ людей ихъ, вѣроятно, окажется гораздо болѣе—и слѣдуетъ поставить на счетъ древняго буддійскаго культа.

При такомъ взглядѣ на исторію культа въ сѣверной Монголіи, въ гипотезѣ объясненія русскаго народнаго эпоса посредствомъ восточныхъ источниковъ придется ввести только такое видоизмѣненіе—вмѣсто того, чтобъ говорить о заносѣ на югъ Россіи буддійскихъ легендъ, придется говорить о легендахъ до-буддійскаго сѣверо-монгольскаго культа [1]). Сравненіемъ легендъ, живущихъ въ южной Россіи, съ тѣми особенностями, которыми монголо-тибетскій буддизмъ отличается отъ южнаго, можно будетъ возстановить этотъ гадательный добуддійскій ордынскій культъ.

Если въ лѣсистой Сибири съ ея неудобопроходимыми путями мы находимъ много общаго, какъ въ шаманскихъ вѣрованіяхъ и обрядахъ, такъ и въ легендахъ на обширномъ пространствѣ отъ Алтая до Верхоянскаго хребта въ Якутской области, то въ степяхъ, гдѣ передвиженія племенъ совершаются легче, нужно ожидать, что отъ Корсуня въ Крыму до Эрдени-цзу на Орхонѣ еще было болѣе общаго. Мы думаемъ, что на всемъ этомъ пространствѣ господствовали общіе культы и жили однѣ и тѣ же легенды. Иногда сношенія между западной и восточной оконечностью этого міра прерывались неурядицей на серединѣ; тогда на востокѣ могли образоваться новыя редакціи легендъ; но послѣ какого-нибудь промежутка времени народная волна опять перекатывалась черезъ такъ называемыя Каспійскія ворота въ южную Россію, и новыя редакціи присоединялись здѣсь къ старымъ.

Русло этихъ народныхъ теченій на западѣ распадалось на рукава. Одна вѣтвь шла черезъ Туркменію въ Иранъ и Арменію, и отсюда народная волна могла доходить до Палестины и Сиріи; по этой дорогѣ прошли турки Сельджуки, а также часть арміи Чингисъ-хана; но главное русло проходило по сѣверную сторону Каспійскаго моря, примкнувъ къ Кавказу съ сѣвера. Оно могло дать вѣтвь на югъ, черезъ Кавказъ, въ Грузію и Арменію, откуда легенды опять могли разселяться до Палестины. Еще западнѣе отдѣлялись отъ главнаго русла другіе рукава, въ Крымъ, на Балканскій полуостровъ. Могла также быть вѣтвь и на сѣверо-западъ, вверхъ по Волгѣ.

---

[1]) Называемъ его монгольскимъ по мѣсту его нахожденія въ Монголіи, а не по принадлежности монгольской расѣ; онъ былъ, можетъ быть, созданіемъ тюркской расы.

Не по всѣмъ русламъ народы двигались одновременно; по одному въ эту эпоху, по другому въ другую; каждой эпохѣ соотвѣтствовала особая редакція легенды, да и комплексъ легендъ былъ не одинаковъ; поэтому одинъ и тотъ же сюжетъ по одному направленію являлся въ такой-то обработкѣ, по другому — въ другой. Не тутъ ли рѣшится споръ между сторонниками сѣвернаго и южнаго происхожденія Ильи-Муромца? Въ Кіевъ сказанія объ этомъ богатырѣ были занесены съ востока только въ томъ видѣ, въ какомъ мы ихъ находимъ здѣсь и теперь, въ сѣверную же Россію въ видѣ былинъ, и не нужно придумывать объясненія, какимъ образомъ сѣверный богатырь пріурочился къ южному городу, или искать катастрофу, которая смела съ лица южной Россіи цѣлый циклъ народнаго творчества.

Что было культурное движеніе въ сѣверо-западномъ направленіи, объ этомъ говорятъ раскопки. Въ то время, какъ главное русло народныхъ передвиженій, проходящее по южной Россіи, отмѣчено каменными бабами, линія распространенія которыхъ начинается, какъ это теперь прослѣжено, на берегахъ Орхона, по центральной Россіи проходитъ полоса кладовъ восточныхъ монетъ, чеканеныхъ преимущественно въ области, лежащей между Евфратомъ и Сыръ-Дарьей; она начинается на Волгѣ, у древнихъ Болгаръ, идетъ черезъ среднюю Россію по направленію къ Финскому заливу, и потомъ переходитъ въ Швецію и Померанію. Монеты этихъ кладовъ относятся къ періоду съ исхода VII по начало XI столѣтія; послѣдняя монета 1012 г. [1]). Археологи предполагаютъ, что по этому пути во время, предшествовавшее основанію русскаго государства, совершались торговыя сношенія, и клады своимъ происхожденіемъ обязаны этому торговому движенію (но не переселенческому). Если это и не была племенная колонизація, если это въ самомъ дѣлѣ было только торговое движеніе, все таки купцы, заѣзжавшіе въ край, вѣроятно, заживались здѣсь, вносили свои привычки, свои знанія въ мѣстную жизнь. Тутъ непремѣнно нужно рядомъ съ отложеніемъ кладовъ предположить параллельное отложеніе легендъ и сюжетовъ, и, если принять мнѣніе археологовъ о происхожденіи кладовъ, то надо допустить особенности въ составѣ легендарнаго наноса. Разница въ способахъ разселенія легенды и проводникахъ ея тоже должна сказаться въ ея мѣстныхъ отложеніяхъ; по югу Россіи легенды разносило племя, переселяющееся цѣлыми семьями со скотомъ, съ кочевыми жилищами, съ божницами и, можетъ быть, съ такими же кочевыми храмами, храмами въ палаткахъ, иногда даже соборами въ палаткахъ, какъ это и теперь еще можно видѣть въ сѣверо-западной Монголіи; по Волгѣ же и ея сѣвернымъ притокамъ разносили легенду торговые люди; они могли занести только книги, или рядомъ съ ними могли зайдти сюда только отдѣльные пѣвцы былинъ.

Первыя передвиженія народовъ изъ Азіи въ Европу, записанныя въ исторію,

---

[1]) Савельевъ, Мухамеданская нумизматика, Спб. 1846, стр. XXII. На югѣ граница этихъ кладовъ проходитъ черезъ губерніи Рязанскую, Тульскую, Смоленскую, Минскую, Могилевскую, Псковскую и Курляндскую. Позднѣйшія монеты, какъ въ кладахъ Россіи, такъ и въ кладахъ Швеціи и Померанія, относятся къ одному времени. Какая-то политическая катастрофа на востокѣ оборвала торговыя сношенія; такъ думали оріенталисты Савельевъ и Григорьевъ;—какая, они не рѣшались сказать.

относятся къ V вѣку по Р. Х. Но не ускользнули ли отъ исторіи другія, болѣе древнія передвиженія? А если ихъ не было, то восточное богатство легендъ могло передаваться отъ племени къ племени маятнымъ порядкомъ, и скиѳы могли многое получать отъ своихъ восточныхъ сосѣдей, которыми были либо тюрки, либо финны. Пусть сами скиѳы были арійцы или иранцы, это не мѣшаетъ имъ имѣть общія вѣрованія, обряды и легенды съ сосѣдними иноплеменниками. Вѣдь видимъ же мы, что различіе въ языкѣ не мѣшаетъ кочевникамъ средней Азіи имѣть общія вѣрованія и легенды, какъ, напримѣръ, бурятамъ монгольскаго племени съ якутами, тюрками, или монголамъ халхасцамъ съ тюрками алтайцами.

До настоящаго времени всѣ арійскія заимствованія, какія замѣчались у монголовъ, относились къ вліянію буддизма. Арійское вліяніе до этой эпохи не предполагалось или, по крайней мѣрѣ, на него не указывалось. Но предполагается, что арійское племя жило въ западной части азіатскихъ степей или примыкало къ ихъ западной окраинѣ; если тюркское племя примыкало къ этому арійскому міру, то едва ли можно допустить, чтобъ на рубежѣ этихъ племенъ не происходило обмѣна вѣрованій и легендъ [1]). Съ одной стороны, при изученіи монголо-тюркской старины необходимо имѣть въ виду, что часть изъ того, что теперь выводится изъ Индіи, можно отнести къ сношеніямъ съ арійцами, происходившими еще въ то время, когда арійцы населяли сосѣднія степи и еще не спустились въ индійскую низменность, и до того времени, когда буддизмъ проникъ на равнины средней Азіи. Съ другой, можетъ быть не все то изъ запаса кельтскихъ легендъ, чему приписывается такой путь—изъ индійско-буддійскаго міра въ Палестину, вмѣстѣ съ талмудическими легендами, какъ спутниками христіанства изъ Палестины въ Византію и далѣе на западъ,—дѣйствительно совершило этотъ путь. Часть того, что приписывается талмудическимъ вліяніямъ, принадлежитъ къ багажу, который кельты могли вынести со своей древней родины, гдѣ они могли имѣть общій культъ съ другимъ, хотя бы и чужеземнымъ племенемъ, населявшимъ среднюю Азію. Элементы этого культа были занесены кельтами съ ихъ разселеніемъ на западъ Европы, а другими племенами въ Палестину. Могутъ быть и такъ объяснены сходства между кельтскими и талмудическими легендами. Часть христіанскихъ апокрифовъ, можетъ быть, пріурочится къ сѣверной дорогѣ, по сѣверную сторону Каспія, т. е. будетъ отнесена къ прямому воздѣйствію добуддійскаго культа арійско-тюркскаго или, вѣрнѣе, арійскаго и неарійскаго населенія средней Азіи, помимо палестинскихъ легендъ.

Эти размышленія имѣли цѣлью выяснить только, что нѣтъ логическихъ препятствій поставить вопросъ о гипотезѣ широкихъ заимствованій изъ степного или ордынскаго фольклора; фактическое подкрѣпленіе ея будетъ зависѣть отъ дальнѣйшаго сбора тюрко-монгольскихъ легендъ и ихъ критической разработки.

---

[1]) Наша рѣчь идетъ объ обмѣнѣ не на первобытной родинѣ арійцевъ, а въ болѣе позднее время, именно въ ближайшее доисторическое время юга восточной Европы.

Въ примѣчаніяхъ нѣкоторыя книги, на которыя дѣлаются ссылки, указаны подъ сокращенными или неполными именами, поэтому здѣсь прилагаются полные ихъ заголовки.

Агапитовъ и Хангаловъ. Матеріалы для изученія шаманства въ Сибири. Помѣщено въ Извѣстіяхъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Имп. Русскаго Географич. Общества, т. XIV. № 1 и 2.

Алтанъ-Тобчи, краткая исторія о происхожденіи царей. Монгольская лѣтопись, переведенная ламою Галсанъ-Гомбоевымъ. Напечатана въ Трудахъ Восточнаго Отдѣленія Имп. Археолог. Общества, ч. VI, Спб. 1858.

Рашидъ-Эддинъ. Сборникъ лѣтописей. Исторія монголовъ. Переводъ И. Н. Березина. Помѣщено въ Трудахъ Восточнаго Отдѣленія Импер. Археолог. Общества. Переводъ состоитъ изъ трехъ частей: 1) Введеніе: о турецкихъ и монгольскихъ племенахъ въ V части Трудовъ (Спб., 1858); 2) Исторія Чингисъ-хана до восшествія его на престолъ, въ XIII ч. Трудовъ (Спб., 1868) и 3) Исторія Чингисъ-хана отъ восшествія его на престолъ до кончины, въ XV ч. Трудовъ (Спб., 1888).

Васильевъ, В. П. Исторія и древности восточной части Средней Азіи отъ X до XIII вѣка въ Трудахъ Вост. Отд. И. Археол. Общества, ч. IV (Спб., 1859).

Юань-чао-ми-ши, сказаніе о Чингисъ-ханѣ, переводъ о. Палладія съ китайскаго, въ Трудахъ Пекинской духовной миссіи, т. IV.

Подъ сокращеніемъ Оч. вездѣ разумѣются мои Очерки сѣверо-западной Монголіи, 4 выпуска, Спб. 1881—1883.

I.

СКАЗКИ.

1. ГЭСЭРЪ.

Тангутскіе варіанты.

ВАРІАНТЪ А.

Въ странѣ Лынгъ [1]) царствовалъ Чагэнъ-чжаву. Онъ наложилъ дань на муравьевъ (бу-чжугма) въ день доставлять по 10.000 шангъ (ланъ) золота, на рѣку наложилъ дань по 10.000 деревъ въ день, на вѣтеръ по 10.000 вьюковъ травы и на птицу ргуръ-тэнкэръ по 10.000 перьевъ въ день. Отъ этой дани народъ богатѣлъ и благоденствовалъ подъ управленіемъ царя Чагэна. Царь Чагэнъ состарѣлся и удалился въ пещеру. Послѣ него воцарился Чотонъ-чжаву. Это былъ плохой царь; не только муравьи, рѣка, вѣтеръ и ргуръ-тэнкэръ перестали при немъ давать дань но и онъ самъ, Чотонъ-чжаву, попалъ въ данники. Гома-чжаву (т. е. китайскій императоръ) наложилъ на него дань лошадьми; Хоръ-кэркэръ-чжаву наложилъ на него дань ячменемъ (нэй), изъ котораго дѣлается водка; девятирогій царь Дырь (рдырь-тура-рцыйгу), который поѣдалъ людей, наложилъ дань людьми. Дырь [2]) имѣлъ 18 сажень росту, и не 18 просто, а 18 сажень нашихъ да одну дырьскую сажень ротъ у него 18 четвертей, да не 18, а 18 нашихъ и 1 четверть дырьская; глазъ у него былъ 18-ти казанковъ или вершковъ, да не 18-ти, а 18 нашихъ да 1 дырьскій. На головѣ у Дыря 9 роговъ. Если Дырь ляжетъ на землю, земля подъ нимъ колеблется; дотронется рогомъ до неба, небо колеблется. Отъ такихъ даней земля Лынгъ обѣднѣла; въ ней стало холодно.

Въ это время тридцать сильныхъ мужей собрались обсудить положеніе дѣлъ. Въ числѣ ихъ были: Чжарсэй (рчжарсэй) шякыръ-мбумэ, Саянъ (цаянъ) данчинъ-шюгмыръ, Кунгый-уаца (ваца) тарва и Глынга-джунрэ-нохо. Чжарсэй-чжаву держитъ такую рѣчь: «Надо бы Хоръ-куркеръ-чжаву царя убить; найдти бы такого человѣка, который могъ бы это сдѣлать; надо бы Чжаныкъ (рчжаныкъ) чжаву царю

---

[1]) Разсказчикъ произносилъ обыкновенно Глынгъ. Напечатанныя курсивомъ литеры *ng* передаютъ носовой звукъ.

[2]) Разсказчикъ постоянно произносилъ Рдырь.

холодной воды влить въ котелъ, когда для него варятъ рисъ; царю Дырю надѣть на ротъ ослиный намордникъ. Народъ въ Лынгѣ свудается; нужно съѣздить въ нижній Пекинъ (ма-Чжанькъ), въ верхній Гуйцынъ (рто-Гуйцынъ)[1]) и въ Оргацунра, купить тамъ катыговъ (хадаковъ) и поднести Чагэну, чтобъ онъ вернулся въ Лынгъ и поправилъ дѣла.

Тарва поѣхалъ за катыгами въ рто-Гуйцынъ (Лассу), Саянъ въ Пекинъ, Глынга въ Оргу. Добывъ катыги, они отправились къ пещерѣ, гдѣ пребывалъ Чагэнъ-чжаву и стали звать его въ Лынгъ. Въ землѣ находилась лошадь рта-бунгу, Чагэнъ сѣлъ на нее и отправился на небо. Смотритъ, на встрѣчу ему идетъ множество людей; онъ испугался; онъ думалъ, что это высланъ народъ противъ него и сталъ кричать ему, что онъ вооруженъ, что у него есть сабля. Народъ объявилъ ему, что онъ вышелъ привѣтствовать его, какъ своего царя. Чагэнъ явился къ богу Хлачжѝнъ-цонвà-гарву и его женѣ Анэ-гома-чжаму, у которыхъ было три сына: Аву-тончжинъ, Аву-тончжанъ и Аву-тончжунъ. Чагэнъ-чжаву говоритъ богамъ, что при его преемникѣ Чотонѣ народъ Лынгъ обѣднѣлъ, погибаетъ отъ тяжелыхъ даней и сократился; Хоръ-Керкеру платитъ ячменемъ, Чжаньку скотомъ, Дырю даетъ людей на съѣденіе. Чагэнъ проситъ боговъ дать ему одного изъ своихъ сыновей. Боги говорятъ, что первый сынъ для нихъ все равно, что глазъ; второй все равно, что сердце, а третій, какъ правая рука. Осердился Чагэнъ, поѣхалъ далѣе къ богу Нанчжянъ-Кунгванъ, у котораго было два сына; тотъ тоже не далъ. Чагэнъ поѣхалъ къ богу Улу-Гсыгла-рэнчэнъ, у котораго былъ одинъ сынъ. Этотъ говоритъ: «У меня всего одинъ сынъ. Какъ я останусь, если лишусь его?» Чагэнъ спустился въ Лынгъ и сдѣлалъ санъ. Онъ свезъ восемнадцать тысячъ лошадиныхъ вьюковъ можжевельника (шихпа) и восемнадцать вьюковъ талкана (рсамба), сложилъ костеръ и зажегъ. Весь народъ Лынга собрался вокругъ сана; скачутъ на коняхъ, рыскаютъ, стрѣляютъ и шумятъ. Дымъ сана достигъ до боговъ Хлачжина и Анэ-гомы; они испугались и говорятъ: «Это Чагэнъ дѣлаетъ санъ. Что это значитъ? Они хотятъ съ отчаянія перебить другъ друга». Богъ Нанчжянъ говоритъ: «Надо дать имъ сына. Я отдамъ имъ своего сына».

«Нѣтъ, говоритъ Хлачжинъ. Ты не отдавай, я отдамъ. Если ты отдашь, тебѣ нужно будетъ принести клятву, что ты отдашь. А мнѣ не нужно».

Боги (Хлачжинъ и Ане-гома) посылаютъ старшаго сына осмотрѣть народъ Лынгъ. Аву-Тончжинъ сѣлъ на лошадь, поѣхалъ. Лошадь его шарахнулась и понесла въ горы, въ воду, въ лѣса, а хорошей дорогой не пошла; вернулся онъ, ничего не увидѣвъ. Боги посылаютъ второго сына. Аву-Тончжанъ поѣхалъ; и его конь шарахнулся, пошелъ въ воду, въ горы, въ лѣса и онъ, ничего не увидѣвъ, вернулся. Ане-гома заплакала. Какъ теперь быть? Два старшихъ сына не смогли осмотрѣть Лынгъ, а третій сынъ еще грудной ребенокъ. Слеза покатилась по лицу и по груди и попала въ ротъ ребенку, который былъ у груди. Онъ спрашиваетъ мать: «Ты что плачешь?» Мать отвѣчаетъ: «Насталъ день посылать сына, а два

[1]) Т. е. Уй-цзанъ, тибетская провинція, въ которой находится Ласса.

твоихъ старшихъ брата не могли осмотрѣть Лынгъ». Ребенокъ спрашиваетъ: «Можно ли мнѣ попробовать надѣть на себя отцовскій шлемъ и отцовскую кольчугу?» «Можно», говоритъ мать.

Онъ надѣлъ отцовскіе шлемъ и кольчугу, сѣлъ на лошадь и объѣхалъ Лынгъ. Потомъ говоритъ матери: «Теперь мнѣ нужно пращъ съ камнемъ (ватыгъ луму рдо) и красный молотокъ (рчжарта-марву-ртари). Мать дала ему эти вещи. Аву-Тончжунъ поѣхалъ къ скалѣ, въ трещинѣ которой сидѣлъ гадатель, ворожея, умѣвшій смотрѣть шюкуръ (мо) [1]); имя этому ворожеѣ было Мова-Кушинъ-Тему [2]). Подъѣхавъ къ скалѣ, Аву-Тончжунъ проситъ ворожею выйдти изъ трещины и посмотрѣть шюкуръ. Кушинъ-Тему говоритъ, что онъ не можетъ къ нему выйдти, а пусть Аву-Тончжунъ самъ войдетъ къ нему въ трещину. Аву-Тончжунъ замахнулся молоткомъ, хочетъ разбить скалу; отъ одного взмаха скала разсыпалась на мелкіе куски; гадатель очутился наружѣ и подошелъ къ Аву-Тончжуну. Онъ бросилъ шюкуръ и сказалъ Тончжуну, что онъ, подобно Шянбѣ, убивающему овецъ, будетъ въ силѣ убивать людей и, подобно Бурхану, будетъ въ силѣ отсылать человѣческія души на небо. Потомъ Аву-Тончжунъ спросилъ, что ему ѣсть, когда онъ вернется къ матери. Аву-Тончжунъ былъ ребенокъ, смысла не хватало еще спросить о чемъ нибудь серьезномъ. Гадатель говоритъ: «Молоко твоей матери ни въ ротъ, ни въ ноздри тебѣ не попадетъ!»

Аву-Тончжунъ пріѣхалъ домой. Мать указала ему ведро кислаго молока (шю), стоявшее въ шкафу; онъ отворилъ дверцу шкафа, взялъ ведро, понесъ, задѣлъ краемъ ведра и все молоко пролилъ. Правдивы слова ворожеи! сказалъ онъ.

Послѣ этого Аву-Тончжунъ поѣхалъ въ Лынгъ. Дорогой онъ ужаснулся. «Въ какую страну ѣду! Рано пріѣду, лошадь продать нужно будетъ, чтобъ поѣсть; поздно пріѣду, молотокъ нужно будетъ продать, чтобъ поѣсть. Утромъ въ Лынгѣ доятъ коровъ и молоко ѣдятъ; вечеромъ эту корову убиваютъ и мясо ея ѣдятъ!» Старшая жена Чотона Ама-донзама увидѣла, что будто тѣнь птицы мелькнула. Аву-Тончжунъ спускался въ Лынгъ, обратившись въ бѣлую птицу (шя-гарву). Она догадалась и говоритъ мужу, что эта тѣнь не къ добру; должно быть Гэсэръ нараждается въ Лынгѣ. Вторая жена Чотона Ама-нгыгза-хламу доила въ это время коровъ; она вдругъ заснула, упала на землю и увидѣла сонъ; когда она проснулась, Чотонъ спрашиваетъ ее, отчего она упала. Она говоритъ, что не знаетъ, что съ ней случилось; заснула, упала на землю и увидѣла сонъ, будто бы на небѣ собралось множество народа, бьютъ въ бубны и стрѣляютъ, какъ будто привѣтствуютъ прибытіе царя. Чотонъ осердился на нее, далъ ей старую лошадь, старую собаку, старую овцу, худую изорванную палатку и прогналъ жить въ степь. Когда Гзынга поселилась отдѣльно, Аву-Тончжунъ вошелъ въ ея утробу.

Гэсэръ говоритъ изъ утробы своей матери: «Мать! я выйду черезъ голову!» Мать отвѣчаетъ ему: «Нѣтъ, выходи естественнымъ порядкомъ». И Гэсэръ, или

---

[1]) Шюкуръ—деревянный брусокъ со знаками, по паденію котораго на землю гадаютъ.

[2]) Тему—большой палецъ по-тангутски. Онъ былъ величиной только съ большой палецъ человѣка.

какъ онъ назывался въ Лынѣ, Мынгы-нгыгй-чжори, родился по обыкновенному. Въ одинъ день съ нимъ родились: Хоръ-кэркэръ-чжаву, Чжа (рчжа) мэзыкъ-кабдэй, Дырге (рдырге) лама-нгуре, Лынгэ (глынгэ) лынза-чжигэ, а также отъ тѣхъ старыхъ лошади, собаки и овцы, которыя были даны матери Гэсэра Чотономъ, родились лошадь Рта-рчунву [1]), собака Чи-танла и черная овца Маму-чуму.

Родившись, Гэсэръ говоритъ матери: «Придетъ моя ачжа [2]) съ мясомъ и подарками; ты въ это время возьми ножъ и точи его о котелъ. Если тетка спроситъ, что ты дѣлаешь? ты скажи: Ѣсть нечего, такъ вотъ хочу зарѣзать ребенка, котораго родила, и съѣсть». Когда тетка пришла, мать Гэсэра такъ и сдѣлала, какъ её училъ сынъ. Тетка говоритъ: «Не рѣжь ребенка. Вотъ я принесла мяса, масла и дабу, обвернуть ребенка». Гесэръ мясо сразу цѣликомъ съѣлъ, масло тоже цѣликомъ съѣлъ, а дабу всю навернулъ на одинъ палецъ. Тетка подивилась, пошла прочь и всѣмъ встрѣчнымъ разсказывала: «Вотъ такъ ребенокъ родился! цѣликомъ съѣлъ все мясо и масло, которыя я принесла родильницѣ, а дабы, которую я принесла, хватило только обвернуть одинъ палецъ». Слухъ объ этомъ дошелъ и до Чотона.

Какъ только Гэсэръ родился, Чотонъ сейчасъ же далъ знать Дырю и велѣлъ передать ему, что если онъ не хочетъ лишиться своей дани, то новорожденнаго ребенка надо убить теперь же, пока онъ малъ, что послѣ будетъ поздно. Чотонъ просилъ Дыря прислать собаку Чика-арасу [3]). Гэсэръ говоритъ своей матери: «Отъ Дыря придетъ собака Чика-арасу, чтобы съѣсть меня. Ты вымой меня, одѣнь хорошо; когда придетъ Чика-арасу, подай ему меня и скажи: Вотъ тебѣ мой ребенокъ! Съѣшь его! Только не кусай и не жуй его, а проглоти сразу!» Такъ мать Гэсэра и сдѣлала, вымыла ребенка, подала собакѣ и говоритъ: «Вотъ съѣшь моего ребенка, только не кусай и не жуй его, а проглоти цѣликомъ!» Чика-арасу говоритъ: «Онъ такъ малъ, что я могу легко проглотить его цѣликомъ!» Собака проглотила Гэсэра. Гэсэръ остановился въ горлѣ, уперся руками и ногами и не двигается. Собакѣ стало неловко; она то выпрямится, то сгорбится, не можетъ проглотить. «Ты не стой на мѣстѣ», говоритъ она проглоченному Гэсэру, «а выходи или вверхъ или внизъ. Зачѣмъ ты сгорбился? Ты выпрямись!» Гэсэръ выпрямился въ горлѣ и Чика-арасу, задохшись, умерла.

Гэсэръ привалилъ тѣло собаки къ дверямъ Чотонова дома. Не можетъ Чотонъ выйдти изъ дома. Собрался народъ, тащутъ собаку, не могутъ оттащить. Тогда Чотонъ взмолился Гэсэру, чтобъ онъ немного отодвинулъ собаку. Гэсэръ отодвинулъ и Чотонъ вышелъ.

Потомъ Чотонъ проситъ Дыря прислать птицу Дырки (рдырки) шяныгъ-шюгрынъ. Летитъ птица большая, какъ гора; солнце закрыла, наступилъ мракъ. Прилетѣла и сѣла на гору. Гэсэръ точитъ стрѣлу. Мать спрашиваетъ его: «Что ты дѣлаешь?» «Точу стрѣлу, чтобы убить птицу!» Онъ пустилъ стрѣлу, убилъ

[1]) Рта по-тангутски «лошадь».

[2]) Ачжа—широнгольское слово, значитъ тетка по матери. Это была дѣвица, жившая при Чотонѣ.

[3]) Чика по-тангутски значитъ «собака».

птицу и предложилъ народу дергать изъ нея перья. Никто не въ состояніи одного пера выдернуть. Тогда Гэсэръ самъ надергалъ перьевъ; большія перья роздалъ большимъ вельможамъ, малыя малымъ, остальныя перья роздалъ всему народу, а тѣло птицы привалилъ къ дверямъ Чотона. Не можетъ Чотонъ выйдти изъ дома. Собрался народъ, тащутъ птицу, не могутъ оттащить. Тогда Чотонъ взмолился Гэсэру, чтобъ онъ немного отодвинулъ птицу, Гэсэръ отодвинулъ и Чотонъ вышелъ.

Теперь Чотонъ проситъ Дыря прислать семь человѣкоядцевъ Шянба-нибдынъ. Гэсэръ опечалился. Какъ быть? Этихъ не легко убить; одного убьешь, еще шесть останется. Онъ учитъ мать: «Когда Чотонъ будетъ угощать Шянба-нибдынъ, ты внеси меня въ домъ къ Чотону и скажи имъ: «Не дѣлайте зла Чотону, а вотъ вамъ мой ребенокъ! Ѣшьте!» и брось меня передъ ними». Нгыгза-лхаму такъ и сдѣлала, бросила ребенка Гэсэра передъ семью Шянба. Гесэръ обратился въ круглый камень. Стали Шянба грызть камень; грызли, грызли, ничего подѣлать не могутъ, зубы не берутъ; ножами рѣзали, ножи приломали. Покатили камень къ себѣ домой. Прикатили; Гэсэръ спрашиваетъ ихъ: «Есть ли мѣсто три шага сдѣлать?» Отвѣчаютъ ему: «Нѣту». «Есть ли время сказать три слова?» «Слово скажи», сказали ему. Тогда онъ обратился къ небеснымъ отцу и матери и говоритъ: «У меня нѣтъ силъ убить ихъ. Убейте ихъ своею силою!» Ане-гома-чжаму сдѣлала грозу, пустила небесную стрѣлу (тогъ) и убила всѣхъ семерыхъ.

Послѣ этого Гэсэръ обратился въ бурхана, приснился Чотону и велѣлъ ему ѣхать въ страну Тунва-ахырсынъ [1]) и добыть сиваго мула (чюй рмгунъ). Чотонъ, проснувшись, разсказываетъ сонъ женѣ Ама-донзамѣ. Та говоритъ: «А мнѣ сдается то не богъ былъ, а Магай-чжори». Подъ этимъ браннымъ именемъ она разумѣла Гэсэра. «Ты женщина», сказалъ Чотонъ, «и ничего не знаешь». И поѣхалъ добывать сиваго мула. Пріѣхалъ къ Дунъ (рдунъ) ахорсыну, сталъ просить продать мула; тотъ говоритъ: «Мой мулъ не продажный. Но ты царь и я не могу не отдать тебѣ». «Скажи же цѣну?» спрашиваетъ Чотонъ. «Ему цѣны нѣтъ, а ты сколько хочешь, столько и дай!» Чотонъ далъ за четыре ноги мула четыре тарелки серебра, за два глаза двѣ тарелки золота, сколько шерсти было на мулѣ, столько овецъ, сколько въ гривѣ волосъ, столько коровъ, сколько въ хвостѣ волосъ, столько лошадей.

Чотонъ, предвидя, что ему удастся взять Нчжуму за сына, сдѣлалъ пиръ; чтобы угостить гостей мясомъ, онъ убилъ корову Шипо-уачинъ-чаму. Гэсэръ говоритъ ему: «Ака! большую долю мяса отдай народу, а мнѣ дай маленькій худой кусокъ!» Чотонъ далъ ему худой кусокъ; Гэсэръ спряталъ его въ свой мѣшокъ. Все остальное мясо перешло въ его мѣшокъ за этимъ худымъ кускомъ. Чотонъ началъ упрекать Гэсэра, что онъ взялъ все мясо, не чѣмъ угощать гостей, но Гэсэръ показалъ гостямъ свой мѣшокъ; тамъ былъ одинъ только худой кусокъ. Чотону стало стыдно.

Послѣ этого Гэсэръ отправился на небо къ своей матери Ане-гома-чжаму.

---

[1]) Въ другой разъ разсказчикъ назвалъ страну Дунъ (рдунъ) ахорсынъ.

Она дала ему для его лошади Рта-рчунву сѣдло по имени Серга-нима-рэншэрь, а для него самого шлемъ Чанытъ-ксыри-тытдытъ и ножъ Чичонъ-шекъ-игэръ. Сверхъ того небесная мать дала ему еще мѣшокъ, въ который онъ могъ прятать эти вещи.

Въ странѣ Санъ-енчинъ жили отецъ и мать дѣвицы Нчжугму. Это была невѣста Гэсэра и онъ долженъ ѣхать доставать ее. Гэсэръ спрашиваетъ свою мать, гдѣ же его конь. Мать не говоритъ ему; она не хочетъ, чтобъ дитя уѣхало. Когда она жарила ячмень на рсамбу [1]), Гэсэръ прижалъ ея руку къ горячему ячменю, находившемуся на днѣ котла, и сказалъ, что не отпуститъ руки, пока она не скажетъ тайны. Мать Гэсэра не могла вытерпѣть боли отъ обжога и указала ему въ ту сторону, куда онъ долженъ пойдти искать коня. «Тамъ, она сказала, есть двѣ горы; между ними ключъ. На этотъ ключъ приходятъ на водопой табунъ лошадей и кобылица съ жеребенкомъ. Ты засядь за камнемъ и подожди. Сначала прибѣжитъ табунъ; изъ этого табуна ты не выбирай коня; тутъ твоего коня нѣтъ. Потомъ табунъ уйдетъ, а прибѣжитъ кобылица съ жеребенкомъ. Этотъ жеребенокъ и есть твой конь». Гэсэръ свилъ веревку и пошелъ къ указанному мѣсту, засѣлъ за камень. Пришелъ табунъ, напился и ушелъ. Пришла кобылица съ жеребенкомъ. Гэсэръ накинулъ на него петлю; жеребенокъ бросился бѣжать и натянулъ веревку; она порвалась. Гэсэръ вынулъ лукъ, выстрѣлилъ и отстрѣлилъ жеребенку хвостъ и гриву. Жеребенокъ убѣжалъ на вершину горы. Гэсэръ ушелъ домой, ничего не говоритъ матери. Мать вышла въ степь, увидѣла жеребенка на горѣ и стала просить его спуститься и отдаться Гэсэру. Жеребенокъ говоритъ, что ему стыдно спуститься. Какъ онъ будетъ ходить рядомъ съ другими конями безъ гривы и хвоста? Мать Гэсэра говоритъ, что это не бѣда, что грива и хвостъ отростутъ, а чтобъ ему теперь не было стыдно, у всѣхъ жеребятъ будутъ отрѣзаны хвосты и гривы.

Гэсэръ осѣдлалъ жеребенка и поѣхалъ въ Санъ-енчинъ за невѣстой Нчжугму. Чотонъ-чжаву тоже хочетъ взять ее за себя; онъ тоже поѣхалъ. Увидѣла ихъ Нчжугму и запѣла: «Что это за два красивыхъ всадника ѣдутъ? Лица ихъ, какъ два солнца, горятъ?» Небесная мать Гэсэра, небесные и земные боги всѣ смотрятъ и желаютъ, чтобы Гэсэръ пріѣхалъ въ Санъ-енчинъ прежде, но конь Гэсэра и сивый мулъ Чотона были одинаковой силы; они были братья. Никто изъ нихъ не можетъ обогнать. Чжарсэй-чжаву запѣлъ: «Какъ жаль, что Гэсэръ не можетъ обогнать противника!» Гэсэръ имѣлъ въ своемъ мѣшкѣ желѣзную колючку; онъ подбросилъ ее мулу; мулъ накололъ ногу и отсталъ. Гэсэръ прибылъ въ Санъ-енчинъ прежде Чотона.

Чотонъ говоритъ Гэсэру: «Хотя ты и впередъ пріѣхалъ, а все-таки я не отдамъ тебѣ Нчжугму сразу; побори напередъ моего сына. Поборешь, возьми Нчжугму!»

Усѣлся народъ рядами, какъ ламы въ хуралѣ. Во главѣ ряда мужчинъ сидитъ Хоръ-чагэнъ-чжаву, во главѣ женщинъ Ай-бамза-бомбчиръ, во главѣ ряда молодыхъ ребятъ сидитъ Кунгый-вацза-тарва. Вышелъ старшій сынъ Чотона, Ты-

[1]) Рсамба по-тангутски, талханъ по-монгольски «жареная ячменная мука».

григъ (ртыгригъ)-земпыръ, бороться съ Гэсэромъ. Гэсэръ схватилъ Земпыра и бросилъ его въ небо. Тамъ небесные боги окружили его, спрашиваютъ: «Кто тебя сюда забросилъ?» Гэсэръ, отвѣчаетъ онъ. «А, Гэсэръ! это хорошо!» Каждый богъ хлопнулъ Земпыра по головѣ и ущипнулъ его тѣло. Затѣмъ боги столкнули Земпыра на землю. Земные боги спросили его: «Кто тебя сюда забросилъ?» Гэсэръ, отвѣчаетъ Земпыръ. «А, Гэсэръ, говорятъ земные боги,—это хорошо!» И каждый изъ нихъ хлопнулъ Земпыра по головѣ и ущипнулъ его тѣло. Гэсэръ снова забросилъ его на небо. Опять боги спрашиваютъ, кто его забросилъ, опять хлопаютъ его по головѣ и щиплютъ его тѣло; столкнули его на землю; земные боги хлопаютъ по головѣ и щиплютъ его тѣло. Гэсэръ въ третій разъ забросилъ Земпыра на небо; и въ третій разъ боги пощипали. Наконецъ на Земпырѣ не осталось мяса нисколько; небесные и земные боги все мясо съ него сощипали; остались однѣ кости. Тогда Гэсэръ схватилъ его и вдавилъ его кости въ землю.

Чотонъ говоритъ Гэсэру: «Нѣтъ, и теперь еще не уступлю тебѣ Нчжугму! А вотъ пусть тотъ ее получитъ, кто застрѣлитъ птицу Чунъ и принесетъ ея перо». Птица Чунъ сидитъ большая, какъ гора. Четыре вельможи (лумбу) поѣхали стрѣлять ее: Чотонъ-чжаву, Чагэнъ-чжаву, Чжарсэй (рчжарсэй)-чжаву и Тарва. Выстрѣлилъ Чотонъ; стрѣла попала въ гору; отъ горы отвалился камень, разсыпался въ щебень, щебень завалилъ рѣку и прекратилъ ея теченіе. Выстрѣлилъ Чагэнъ-чжаву; стрѣла попала въ гору и отколола камень; камень разсыпался въ щебень, который завалилъ рѣку и прекратилъ ея теченіе. Выстрѣлилъ Чжарсэй-чжаву; стрѣла попала въ гору и отколола камень; камень разсыпался въ щебень, который завалилъ рѣку и прекратилъ ея теченіе. Выстрѣлилъ Тарва, и онъ тоже только откололъ отъ горы обломокъ, которымъ завалило рѣку. Выѣхалъ стрѣлять Гэсэръ. Онъ говоритъ птицѣ Чунъ, которая высунула изъ гнѣзда голову и смотритъ на стрѣлковъ. «Какое красивое перо у тебя на головѣ! А еслибъ ты высунулась побольше, чтобъ увидѣть твою грудь! Я думаю, грудь твоя должна быть еще лучше!» Чунъ думаетъ: «въ самомъ дѣлѣ должно быть мое перо ему понравилось». Высунулась по грудь. Гэсэръ выстрѣлилъ, убилъ птицу Чунъ и принесъ ея перо. Тогда Чотону нечего было больше сказать. Нчжугму осталась за Гэсэромъ.

По обычаю, молодая жена должна поднести мужу вино. Нчжугму налила вина въ чашу и понесла Гэсэру; Гэсэръ принялъ захудалый видъ, всѣ свои хорошія вещи спряталъ въ мѣшокъ, лицо себѣ сдѣлалъ нехорошее, сопли висятъ ниже губъ. Не узнала его Нчжугму и поднесла вино сыну Чотона. Сынъ Чотона не можетъ взять вино; силъ у него не хватаетъ взять. Онъ передалъ вино Гэсэру, а самъ покраснѣлъ отъ стыда. Нчжугму обидѣлась, что досталась такому уроду, какъ Гэсэръ. Небесная мать Ане-гома говоритъ Гэсэру: «Когда будешь пить вино, будетъ летать около тебя пчела и стараться попасть тебѣ въ носъ. Не пускай ее въ носъ. Это будетъ Нчжугму, обратившаяся въ пчелу. Если она заберется въ тебя, она убьетъ тебя. И ты самъ не убивай пчелы, а то убьешь свою жену!» Пчела летаетъ и норовитъ попасть въ носъ Гэсэру; Гэсэръ поймалъ ее, навязалъ на нее нитку и говоритъ: «Ты поднесла вино не мнѣ, а Чотонову сыну». Тутъ все со-

Передъ отъѣздомъ Гэсэръ велѣлъ сдѣлать пиръ. «Не варите много, сказалъ онъ, а сварите только три чашки чая и три куска мяса!» Одну чашку онъ выплеснулъ въ небо, другую выпилъ самъ, а третьей напоилъ все собраніе гостей; одинъ кусокъ мяса бросилъ въ небо, одинъ съѣлъ самъ, одинъ раздѣлилъ собранію и всѣ были сыты.

Затѣмъ онъ сталъ чистить свое оружіе и платье; пыль сметалъ съ каждой вещи три раза; въ первый разъ сметалъ въ землю Дырь [1]), во второй въ землю Хоръ, въ третій въ землю Чжаныкъ (рчжаныкъ).

У Гэсэра было двѣ жены. Старшая спрашиваетъ младшую: «Нѣтъ ли средства удержать Гэсэра отъ поѣздки къ Дырю?» Младшая говоритъ: «Ты ходишь въ шелковомъ платьѣ и ѣшь сладкое, ты больше знаешь, чѣмъ я». Сказавъ это, она, однако, прибавила: «Если спрятать лошадь и сѣдло, то какъ онъ безъ нихъ поѣдетъ къ Дырю?» Жены спрятали лошадь и сѣдло Гэсэра. Но Гэсэръ пошелъ пѣшкомъ къ Дырю и пошелъ одинъ, всѣхъ своихъ товарищей уговорилъ остаться, не могъ отдѣлаться только отъ Чотона. Чотонъ говорилъ: «Какъ Гэсэръ поѣдетъ одинъ? Я долженъ поѣхать вмѣстѣ съ нимъ, я долженъ взять большой запасъ, чтобы кормить Гэсэра дорогой». Поѣхали они вмѣстѣ. На одной стоянкѣ Гэсэръ сдѣлалъ большой снѣгъ, потомъ всѣ хлѣбы изъ мѣшка Чотона поломалъ и куски побросалъ въ снѣгъ. Чотонъ остался съ пустымъ мѣшкомъ, голодаетъ. Гэсэръ добылъ козла и козлинымъ мясомъ покормилъ голоднаго Чотона. Наѣвшись, Чотонъ упрекнулъ Гэсэра: «Накормилъ меня воровскимъ мясомъ». На другомъ ночлегѣ Гэсэръ изломалъ стрѣлу, сдѣлалъ изъ нея огонь, сложилъ руки въ пригоршни, взялъ въ нихъ воды и держитъ ихъ надъ огнемъ. Сварилъ себѣ такимъ образомъ пищу и поѣлъ. Чотонъ тоже изломалъ свою стрѣлу, разжегъ огонь, надставилъ пригоршни съ водой, обжегъ руки и выплеснулъ воду. Отъ голоду Чотонъ началъ думать о возвращеніи домой, но закручинился, какъ быть? Ѣхать впередъ, умереть съ голоду; ѣхать назадъ, дороги не знаешь, заблудишься. Гэсэръ говоритъ ему: «Вотъ тебѣ стрѣла; держи ее прямо передъ собою и она выведетъ тебя. Только не ломай стрѣлу, а пріѣдешь домой, воткни ее въ обо». Поѣхалъ Чотонъ домой и все плутаетъ; заѣзжаетъ въ горы непроходимыя, въ лѣса густые, въ болота. Онъ осердился и о колѣно переломилъ стрѣлу. Отлетѣла одна щепка къ дереву и попала въ зайца, лежавшаго подъ деревомъ. Чотонъ поймалъ зайца и выѣхалъ домой. Приходитъ къ Чжарсэю, а самъ держитъ зайца обѣими руками. Чжарсэй спрашиваетъ: «Гдѣ Гэсэръ?» Чотонъ говоритъ: «Гэсэра я не видалъ, а я вотъ поймалъ Дыря и держу его». «Какой это Дырь? говоритъ Чжарсэй. Такихъ Дырей много. Это заяцъ». «Ты поймай-ка самъ, если ихъ много!» говоритъ Чотонъ. Чжарсэй пустилъ стрѣлу и въ одинъ выстрѣлъ на стрѣлу нанизалъ трехъ зайцевъ. «Твои мертвые», говоритъ Чотонъ, «а мой живой». Чжарсэй снялъ зайцевъ со стрѣлы и они побѣжали живые. Чотону стало стыдно.

Нчжугму стала печалиться, что отпустила Гэсэра безъ лошади и повела ее

---

[1]) Въ этомъ случаѣ Дырь (рдырь) понято, какъ имя страны.

къ нему. Дорогой она приходитъ къ рѣкѣ и спрашиваетъ у пастуховъ, пасшихъ овецъ, есть ли переѣздъ? Пастухи говорятъ, что вершина рѣки уходитъ выше Лассы, устье ниже Пекина, а середина такъ глубока, что два большихъ быка побрели черезъ нее и ихъ теперь не видать, торчатъ изъ воды только ихъ рога; два большихъ волка хотѣли перейдти рѣку, ихъ самихъ не видать, видно только ихъ хвосты. «Не видѣли ли вы человѣка, спрашиваетъ пастуховъ Гэсэрова жена, если спереди на него посмотришь, онъ покажется, какъ гэгэнъ, а сзади посмотришь, покажется, какъ будто князь (хомбу)»?

Нчжугму сѣла на свою лошадь, лошадь Гэсэра ведетъ въ поводу, и поѣхала черезъ рѣку. Лошадь Гэсэра только копыта замочила, а ея лошадь по сѣдло ушла въ воду. Переѣхала Нчжугму воду и догнала Гэсэра. Земные боги собрались вокругъ него, читаютъ ему номъ и моютъ ему тѣло. Гэсэръ обрадовался женѣ и говоритъ, что она можетъ ѣхать съ нимъ вмѣстѣ къ Дырю, что онъ повезетъ ее въ своемъ мѣшкѣ, если только она согласится жить въ номѣ [1]). Но Нчжугму сказала, что она не хочетъ держать номъ, а желаетъ, чтобъ онъ вдвоемъ съ нею вернулся жить въ Лынгъ. Когда она отказалась жить въ номѣ, боги исчезли. Гэсэръ, чтобы заставить жену возвратиться домой, обратился въ тигра. Онъ думаетъ, испугаю ее и она уѣдетъ. Она говоритъ тигру: «Ты хочешь съѣсть меня? ѣшь! Гэсэръ меня оставилъ, не хочетъ возвращаться въ Лынгъ, такъ я готова умереть!» Тогда Гэсэръ обратился въ волка, но она узнала его. «Э, это не волкъ, говоритъ, а мой Гэсэръ! Поймаю его!» Она поймала волка и волкъ сталъ опять Гэсэромъ. Тогда Гэсэръ согласился вернуться въ Лынгъ. Когда они прибыли домой, Нчжугму посадила Гэсэра въ домъ и заперла, собрала народъ и говоритъ: «Пусть всѣ Лынгцы отъ мала до велика идутъ на войну съ Дыремъ подъ предводительствомъ четырехъ вельможъ (лумбу), Чжарсэя, Тарвы и другихъ, а Гэсэра я не отпущу!» Одна санъ-ёнчинская женщина на это сказала ей: «Посмотри, тутъ-ли онъ? Не ушелъ ли въ окно!» Нчжугму посмотрѣла въ дому, Гэсэра уже нѣтъ; онъ выскочилъ въ окно и ускакалъ.

Гэсэръ подъѣхалъ къ высокой горѣ Рэмисыръ-сарй-рухў; гора была такая высокая, что если человѣкъ станетъ на ея вершинѣ, головой упрется въ небо. Гэсэръ остановился и задумался. Лошадь спрашиваетъ его: «Ты что задумался?»— Думаю, что не перевалить мнѣ черезъ эту гору. «Это не твое дѣло», говоритъ лошадь, «а мое. Ты только смотри, чтобъ у тебя не было за пазухой камней; и мы проѣдемъ». Лошадь покаталась по землѣ и у нея подъ передними ногами выросли крылья. Гэсэръ позвалъ мать, собралъ всѣхъ боговъ небесныхъ и земныхъ и отправился. Конь полетѣлъ. Вдругъ конь вмѣстѣ съ Гэсэромъ упалъ на землю; Гэсэръ осмотрѣлъ себя и нашелъ за пазухой кремень и брусокъ, которые онъ забылъ выбросить. Лошадь отъ этого полета устала и проголодалась и не могла вновь подняться. Гэсэръ срѣзалъ съ своихъ колѣнъ кости и вложилъ ей въ ротъ. Она опять стала сыта. Вновь поѣхали и поднялись на гору. Когда поднялись, ло-

[1]) То есть сохраняя цѣломудріе.

шадь спрашиваетъ Гэсэра: «Ты что мнѣ положилъ въ ротъ»? Кость съ своего колѣна, отвѣчаетъ Гэсэръ. Лошадь выплюнула кость и приложила къ колѣну Гэсэра; кость снова приросла.

Съ горы Гэсэръ увидѣлъ всѣ земли, какія есть на свѣтѣ, и сталъ разспрашивать коня. — Это какая земля? спрашиваетъ онъ. «Это, говоритъ конь, Саларская земля, Кугэ-цэрка-рэкшэрь». А это? «Это Ласская (Гуйцынская) Чжачжукъ-марву-цонге-тончжау».—А то что за три монастыря? «Это Гуйга-сэнчже-гэксынъ» (т. е. три монастыря Галданъ, Сэра и Брибынъ).—А то что за три горы? «То три горы братья Лугэ-рцынхсунъ-санчжау, лежащія въ странѣ Монголовъ», сказалъ ему конь.

Въ странѣ царя Хоръ-кэркэръ-чжаву выросло на престолѣ дерево красный зандынъ (зандынъ-марву); на его вершинѣ сорока свила гнѣздо (занцынъ-тонвурчага-цынъ). Сорока, собирая матеріалъ для гнѣзда, нашла волосъ длиною въ одну сажень цвѣта зеленаго камня ю [1]). Она говоритъ: «Есть три красавицы въ свѣтѣ; одна въ низахъ; это Рчже-чжаза-кунчю [2]), жена китайскаго царя; другая вверху; это Гуйгэ-гуйза-учюкъ, жена тибетскаго царя въ Лассѣ; третья красавица въ Лынгѣ, это Глынга-глынза-чжигэ, жена Гэсэра [3]). Этотъ волосъ упалъ съ головы Гэсэровой жены».

Царь Хоръ-кэркэръ-чжаву кормилъ три рода птицъ; первый родъ нгрва-серьву [4]); потомъ онъ кормилъ двухъ птицъ породы хорыгъ-нагчюнъ [5]); наконецъ еще птицу нэйцу. Кэркэръ-чжаву послалъ хорыговъ въ Лынгъ, нгрва въ Лассу, а нэйцу въ Чжаныкъ посмотрѣть, дѣйствительно ли вѣрны слова сороки.

Нчжугму, жена Гэсэра, видитъ сонъ, будто вода въ морѣ закипѣла, поднялась и заливаетъ Лынгъ; гора развалилась и камни засыпаютъ Лынгъ. Она разсказала сонъ Чотону и говоритъ: либо Гэсэръ погибъ, либо Хоръ-кэркэрово войско идетъ на Лынгъ. Чотонъ отвѣтилъ ей: «Что Гэсэръ погибъ, дѣло возможное; вѣроятно его съѣлъ Дырь. А чтобъ Хоръ-кэркэрово войско пришло на Лынгъ, это дѣло не статочное».

Въ это время прилетѣли двѣ птицы хорыгъ и смотрятъ на Нчжугму. Видятъ, сидитъ прекрасивая женщина; другой такой на свѣтѣ нѣтъ. И волосы ея цвѣта камня ю. Полетѣли хорыгъ въ Кэркэрово царство. Дорогой они увидѣли птицу нгрва; сидитъ на берегу моря. «Видѣла ли жену тибетскаго царя?» спрашиваютъ ее птицы хорыгъ. Птица нгрва отвѣчаетъ: «Не полетѣла я въ тибетское царство. Я нашла здѣсь хорошее мѣсто для житья и не хочу возвращаться въ Хоръ». Летятъ хорыгъ далѣе; прилетаютъ къ лѣсу; тутъ сидитъ птица нэйцу. Птицы хорыгъ спрашиваютъ ее: «Видѣла ли жену царя чжаныковъ?» Та отвѣчаетъ: «Не полетѣла я

---

[1]) Такъ камень называется по-тангутски; по-китайски этотъ камень называется су-эръ-ши. Примѣчаніе разсказчика.

[2]) Гуньчжу по-китайски царевна.

[3]) Тутъ, кажется, разсказчикъ ошибся и привелъ имя матери Гэсэра, вмѣсто имени его жены.

[4]) По-широнгольски эта птица называется лама-мургусы.

[5]) По-широнгольски лаува; это воронъ.

въ Чжаныкъ; я нашла здѣсь мѣсто хорошее для житья и не вернусь болѣе въ Хоръ». Птицы хорыгъ сами полетѣли въ Лассу; увидѣли царицу: жирная, чашками пьетъ вино и не пьянѣетъ. Полетѣли въ Чжаныкъ, увидѣли китайскую царицу: жирная, чашками пьетъ вино и не пьянѣетъ. Прилетѣли хорыгъ въ Хоръ, не садятся на землю, кружатся въ воздухѣ. Кэркэръ сказалъ пастуху овецъ, чтобъ убилъ овцу и мясо выложилъ въ полѣ; пастуху коровъ сказалъ, чтобъ убилъ корову и табунщику, чтобъ убилъ лошадь. Пастухи исполнили приказъ царя, но хорыги все таки не спускаются; они сердятся на царя, что онъ отборной пищей кормилъ птицъ *нг*рва и нэйцу, а имъ давалъ худые куски. Царь осердился, натянулъ лукъ, хочетъ стрѣлять по птицѣ; тогда хорыги испугались, спустились на мясо худой собаки и разсказали, что видѣли всѣхъ трехъ красавицъ. Что жена китайскаго царя жирная, пьетъ вино чашками и не пьянѣетъ; можетъ быть, тебѣ она придется по вкусу, а намъ не нравится. Что видѣли царицу тибетскую; жирная, пьетъ вино чашками и не пьянѣетъ; можетъ быть, тебѣ она придется по вкусу, но намъ не нравится. Жена же Гэсэра лучше всѣхъ; красивѣе нѣтъ женщины на свѣтѣ; волосы на ея головѣ цвѣта камня ю.

Кэркэръ-чжаву сейчасъ же отдалъ приказъ, чтобы всѣ, старики, молодые люди, дѣти, женщины, ламы, чтобы всѣ стали солдатами и шли въ Лы*нг*ъ добывать Гэсэрову жену.

Въ Хорской землѣ была птица Хоргисэ-гарву. Она прилетѣла въ Лы*нг*ъ; кто-то изъ слугъ Гэсэра выстрѣлилъ по ней и только перо изъ нея вышибъ. Перо упало на землю. Чжарсэй-чжаву увидѣлъ перо и говоритъ: «Это значитъ, что Хорское войско идетъ. Нужно всему народу собраться».

Дочь хорскаго царя Куныгъ-чжаву, по имени Гари-оло-чючжуръ, говоритъ: «Не годится, что на войну собрали и стариковъ, и дѣтей, и женщинъ; они испугаются и побѣгутъ, за ними побѣгутъ и молодые. На войну нужно брать однихъ молодыхъ». Тогда стариковъ и другой лишній народъ вернули съ дороги; на войну поѣхали одни молодые.

Чагэнъ-чжаву говоритъ: «Не нужно сразу всему войску ѣхать на встрѣчу; нужно прежде послать немногихъ людей посмотрѣть на хорское войско». Совѣтъ этотъ приняли и поѣхали въ эту поѣздку Чагэнъ-чжаву, Чжарчсэй-жаву, Чотонъ-чжаву, старикъ Чими (рчими) ами-кургэль, Тарва, Саянъ и Чагэ-мунго-мончугъ, сынъ Чагэна.

Нчжугму, жена Гэсэра, говоритъ отправляющимся: «Есть гора Содишюма; на ней пасется табунъ (рчинъ); эту гору нужно хорошенько осмотрѣть. Если кони лежатъ, значитъ хорскихъ солдатъ на горѣ нѣтъ; если кони шарахнулись и побѣжали, значитъ хорское войско пришло. Есть гора Соди-вама; на вершинѣ ея пасутся коровы; эту гору нужно хорошенько осмотрѣть; если коровы лежатъ, значитъ хорскаго войска близко нѣтъ; если коровы бѣгутъ, значитъ хорское войско пришло. Есть гора Соди-ку*нг*ма; на ней живетъ тигръ (ртыгъ); эту гору нужно хорошенько осмотрѣть; если тигръ лежитъ, Хоровъ нѣтъ; если тигръ убѣжалъ, значитъ Хоры пришли. Есть мѣсто, гдѣ коней пускаютъ въ бѣгъ (ртачжю танъ);

проѣзжайте его, не пуская лошадей въ бѣгъ, а то лошади лишатся силы вскачь бѣжать. Есть мѣсто, гдѣ играютъ на деньги (шорчжигъ-танъ); его проѣзжайте мимо, играть не садитесь».

Пріѣхали товарищи къ мѣсту, гдѣ коней пускаютъ въ бѣгъ. Чжарсэй не хочетъ пускать своего коня, проѣзжаетъ мимо. Чотонъ сказалъ ему: «Ты женскаго приказа послушался!» и пустилъ своего коня въ бѣгъ. Потомъ товарищи пріѣхали въ мѣсто, гдѣ на деньги играютъ. Тарва, Ами-кургэль, Саянъ и Чагэ-мунго, не игравъ, проѣхали мимо, а Чжарсэй, Чагэнъ и Чотонъ сѣли играть.

Хорскіе солдаты пустили первую стрѣлу. Семеро лынгскихъ вельможъ (лумбу) подъѣзжаютъ къ горѣ Содишюма; табунъ убѣжалъ. Они подъѣзжаютъ къ горѣ Содивама; смотрятъ семеро товарищей, коровы убѣжали. Подъѣзжаютъ къ горѣ Содикунгма; тигръ убѣжалъ. Увидѣли изъ этого лумбу, что хорское войско пришло.

Смотрятъ семеро съ горы въ даль, видятъ войско, но хорское ли это или свое лынгское, ни какъ не могутъ разглядѣть. Старый Ами-кургэль говоритъ: «Ну-ка я посмотрю! Поднимите-ка мои вѣки!» Подняли его вѣки, посмотрѣлъ онъ и такъ испугался того, что увидѣлъ, что не могъ сказать слова, повернулъ лошадь и ускакалъ. Трое товарищей догнали его и говорятъ: «Что же ты не сказалъ, что увидѣлъ?» Старикъ говоритъ: «Я увидѣлъ хорское войско. Нужно намъ скорѣе убираться во свояси!» Остальные лумбу говорятъ старику: «Ты поѣзжай въ Лынгъ, сиди тамъ въ своемъ домѣ, не выходи и не сказывай, что видѣлъ Хоровъ и что мы поѣхали за ними». Лумбу отпустили старика, а сами поѣхали въ хорское войско.

У Хоровъ было три царя: Куркэръ-чжаву, Кусэрь-чжаву и Кунигъ-чжаву. Трое лумбу Тарва, Саянъ и Мунго поѣхали въ Хорамъ. Ихъ встрѣтила дѣвица и спросила, что они за люди. Лумбу говорятъ: «Мы лынгскіе люди, пастухи, лошадей ищемъ!» Дѣвица позвала ихъ въ ставку царя Куркэра. Тутъ ихъ угостили мясомъ; они мясо съѣли, кости переломали. Пошли далѣе. Ихъ увидѣла дѣвица, прислужница царя Кусэря и спросила, что они за люди. Они опять говорятъ: «Мы лынгскіе люди, пастухи, лошадей ищемъ». Она позвала ихъ къ царю Кусэрю. Здѣсь имъ также дали мяса. Они мясо съѣли, кости переломали, пошли далѣе. Увидѣла ихъ дѣвица, прислужница царя Куныга, спрашиваетъ: «что вы за люди?» Они назвались лынгскими пастухами. Ихъ позвали къ царю и дали мяса; они мясо съѣли, кости переломали, идутъ далѣе. Хорскіе солдаты тѣшатся; положили на землю свои шапки и стрѣляютъ въ цѣль изъ луковъ. Лынгскіе лумбу посмѣялись надъ тѣмъ, что Хоры стрѣляютъ въ шапки. Хоры спрашиваютъ ихъ: «А у васъ въ Лынгѣ какъ же стрѣляютъ?» «У насъ кладутъ камень, на камень панцырь [1]). Стрѣла разноситъ панцырь на части и камень разбиваетъ въ мелкіе куски». Хорскіе солдаты положили камень, на камень панцырь и попросили лынгскихъ лумбу показать, какъ стрѣляютъ въ Лынгѣ. Саянъ натянулъ лукъ, призвалъ на помощь небесную мать и всѣхъ боговъ, и выстрѣлилъ; стрѣла его разбила панцырь и расколола камень подъ нимъ на двое. Выстрѣлилъ Тарва и раскололъ ка-

[1]) Переводчикъ широнголъ употребилъ тутъ широнгольское слово чжакуй.

мень на четыре куска. Выстрѣлилъ Мунго и раскрошилъ камень въ песокъ. Хорскіе солдаты говорятъ: «Если бѣдные пастухи въ Лынгѣ такіе мѣткіе стрѣлки, то какіе же у нихъ солдаты!» И хорскіе солдаты пустились бѣжать. Трое лумбу поѣхали за ними слѣдомъ и кричатъ имъ: «Наши лошади, должно быть, совсѣмъ потерялись! Безъ лошадей намъ домой возвратиться неловко; мы не вернемся домой, а поѣдемъ съ вами!» Хоры приняли ихъ и Саяну поручили пасти лошадей Куркэра, Тарвѣ лошадей Кусэря и Чагэ-мунго лошадей Куныга. Пропасли товарищи день, пріѣхали поздно вечеромъ. Ихъ спрашиваютъ: «Что вы такъ поздно!» Лумбу говорятъ: «Траву нашли хорошую; мы съ умысломъ замедлили, чтобъ лошади лучше наѣлись». На другой день ночью они совсѣмъ не пріѣхали, пріѣхали утромъ слѣдующаго дня. Ихъ спрашиваютъ, отчего они такъ долго не пріѣзжали. Лынскіе лумбу говорятъ, траву нашли хорошую, поэтому рѣшили пропасти лошадей въ степи всю ночь. Хоры говорятъ: «Это хорошіе пастухи!»

На слѣдующій разъ лынскіе лумбу вовсе не пріѣхали; они угнали всѣхъ хорскихъ лошадей въ Лынгъ. Одна хорская лошадь нейдетъ, притворилась усталою; изъ носу худыя сопли текутъ. Тарва осердился на нее и говоритъ: «Я разсѣку эту лошадь пополамъ! половину на небо заброшу, половину на землѣ оставлю!» Но Чагэ-Мунго отговорилъ его: «Это худая лошадь! не стоитъ убивать ее. Оставимъ ее на травѣ». Между тѣмъ это была лучшая изъ всѣхъ хорскихъ лошадей; она называлась Сэрву ксерндугъ [1]) и принадлежала царю Кусэрь-чжаву. По совѣту Мунго, лумбу оставили ее и она убѣжала въ хорскую землю. Сынъ царя Кусэря, поимени Вэйгчжа-сынгэ, сѣлъ на нее и догналъ лынскихъ лумбу. Тарва застрѣлилъ Кусэрева сына и хочетъ застрѣлить и коня. Мунго говоритъ: «Ты убилъ человѣка, а зачѣмъ еще убивать лошадь!» Потомъ Мунго разрубилъ тѣло Вэйгчжа-сынге на части, два куска навьючилъ на лошадь и отпустилъ ее. На той же лошади догоняетъ ихъ Шянба-мэри. Тарва и Саянъ говорятъ: «Здѣсь насъ догоняетъ уже вторая погоня. Нужно уѣхать отсюда въ горы». И они уѣхали, а Мунго остался одинъ въ долинѣ. Мэри выстрѣлилъ и весь лѣсъ повалилъ на дорогѣ, по которой ѣхалъ Мунго. Не стало проѣзду лынскому лумбу. Мунго отвязалъ отъ сѣдла мѣшокъ и этимъ мѣшкомъ смелъ весь поваленный лѣсъ въ сторону отъ дороги. Мэри опять выстрѣлилъ и разбилъ гору; камни засыпали дорогу. Чагэ-мунго собралъ всѣ камни въ свой мѣшокъ. Мэри сдѣлалъ море на пути Чагэ-мунго; конь Нигча-сырыгъ, на которомъ ѣхалъ Мунго, выпилъ море. Тогда Шянба-мэри пустилъ двѣ стрѣлы; одна попала въ спину Чагэ-мунго и вышла въ брюхо. Мунго тоже пустилъ стрѣлу; она попала Шянбѣ-мэри въ брюхо и вышла въ черепъ. Шянба упалъ. Конь совѣтуетъ Чагэ-мунго убить Шянбу-мэри, но Мунго вытянулъ свою стрѣлу изъ тѣла Шянбы-мэри и посыпалъ рану землей. Шянба-мэри вернулся въ хорскую землю.

На той же лошади Сэрву-ксерндугъ ѣдетъ изъ хорской земли Тугла-сэргуръ, сынъ царя Кунигъ-чжаву. Чагэ-мунго ѣдетъ со стрѣлой въ животѣ и качается въ

[1]) Золотисто-желтая.

сѣдлѣ во всѣ стороны. Тугла-саргуръ спрашиваетъ у Чагэ-мунго: «Что ты вверхъ посматриваешь?» Чагэ-мунго отвѣчаетъ ему: «Смотрю время, высоко ли солнце?» «Что ты впередъ посматриваешь?» спрашиваетъ Тугла-сургэръ. «Смотрю, гдѣ мои лошади?» «Что ты назадъ посматриваешь?» «Смотрю, не ѣдетъ ли кто».

Подъѣхалъ Тугла-сургэръ поближе, увидѣлъ стрѣлу въ животѣ у Чагэ-мунго, испугался, что прострѣленный насквозь человѣкъ живъ и не падаетъ, и убѣжалъ въ хорскую землю.

Чагэ-мунго проситъ лисицу сбѣгать къ его отцу Чагэну, который остался сзади и сѣлъ играть на деньги, и сказать ему, что сынъ его истомился и умираетъ. «Нѣтъ, говоритъ лисица,—не побѣгу я къ твоему отцу. Ты стрѣлялъ лисицъ и снималъ съ нихъ шкуры на шапки». Чагэ-мунго проситъ бѣлую птицу ргуръ слетать къ отцу его и сказать ему, что сынъ его умираетъ. «Нѣтъ, говоритъ бѣлая птица ргуръ, — гдѣ бы я ни была, ты убивалъ меня, и выщипывалъ мои перья на стрѣлы». Ударила его крыломъ и сказала: «Не полечу къ твоему отцу!» Чагэ-мунго проситъ сороку. Сорока согласилась отнести вѣсть его отцу. Чагэ-мунго надѣлъ ей на шею четки (мани), а къ хвосту привязалъ письмо. Сорока прилетѣла въ то мѣсто, гдѣ Чагенъ игралъ на деньги и уронила передъ нимъ четки. Чагэнъ посмотрѣлъ вверхъ, увидѣлъ сороку, увидѣлъ у ней на хвостѣ письмо, прочелъ его и поѣхалъ къ Чагэ-мунго, а Чжарсэя поставилъ на дорогѣ съ наказомъ: «Поѣдетъ Чотонъ, убей его. Это онъ призвалъ Хоровъ въ Лынгъ!»

Чагэнъ нашелъ лекаря (мамба), который взялся вынуть стрѣлу изъ тѣла Чагэ-мунго. Когда лекарь вынималъ стрѣлу, хорское войско опять пришло. Чагэнъ сталъ стрѣлять и множество народу убилъ. Но у Хоровъ была старуха Аи-дурсы; она окропитъ убитыхъ водою, убитые опять всѣ встанутъ живыми. Хоры убили Чагэна, Чагэ-мунго и мамбу.

Пріѣхалъ Чжарсэй и убилъ множество хоровъ; Аи-дурсы опять окропила водой убитыхъ, всѣ опять встали. Чжарсэй выстрѣлилъ въ Шянбу-мэри; у Шянбы-мэри голова отлетѣла въ небо, вернулась на шею и снова приросла. Шянба-мэри выстрѣлилъ, отшибъ Чжарсэю туловище по поясъ, оно взлетѣло до неба, вернулось къ ногамъ и снова приросло. Не могутъ они убить другъ друга. Ане-гома говоритъ Чжарсэю: «Проглоти иголку». Онъ не разслышалъ и спрашиваетъ у Чотона: «Что говоритъ мать?» Чотонъ подсказалъ ему: «Мать говоритъ—проглоти земли!» Чжарсэй проглотилъ земли и умеръ.

Тогда Хоры подъѣхали къ Лынгу, но въ теченіи цѣлыхъ семи дней не могутъ войдти въ него. Гэсэръ, отъѣзжая, оставилъ въ лхагынѣ семь стрѣлъ; каждый день изъ лхагына вылетала стрѣла и множество Хоровъ убивала. Наконецъ всѣ семь стрѣлъ вылетѣли изъ лхагына. Чотонъ говоритъ Хорамъ: «Что вы не входите въ Лынгъ? Чего боитесь? Гэсэра нѣтъ, въ домѣ осталась одна его жена. Вы женщины боитесь!» Хоры вошли, взяли Нчжугму, все Гэсэрово имущество, скотъ и слугъ и хотятъ поѣхать въ Хорскую землю.

Нчжугму говоритъ хорскимъ царямъ: «Теперь не доброе время, чтобы ѣхать въ Хорскую землю. Если теперь поѣдемъ, наступятъ болѣзни, моръ, голодъ и дру-

гія бѣды. Нужно немного обождать». Хорскіе цари послушались, согласились переждать дурное время. Но какъ только приступятъ къ Нчжугму съ словами, что пора ѣхать, она опять говоритъ имъ, что не время, что нужно еще подождать. И такимъ образомъ оттянула отъѣздъ на цѣлый годъ. Она все ждетъ, не пріѣдетъ ли тѣмъ временемъ Гэсэръ. Шянба говоритъ: «Не годится дольше оставаться здѣсь. Нужно во что бы то ни стало ѣхать». Нчжугму говоритъ: «Хорошо, теперь я поѣду. Только прежде, чѣмъ отправиться, нужно сдѣлать большой санъ [1]) и посмотрѣть, будетъ ли благополучна дорога. А чтобы сдѣлать санъ, соберите всѣ луки и стрѣлы, наложите сверху шихпы (можжевельника) и зажгите!» Хоры сложили въ одну кучу луки и стрѣлы, сверху навалили шихпы и зажгли; огромное зарево сдѣлали. Вышла Нчжугму, посмотрѣла на санъ и говоритъ: «Нѣтъ, санъ показываетъ, что еще не время ѣхать. У меня есть ачжа [2]); мнѣ нужно къ ней съѣздить. Она все знаетъ и скажетъ, въ какое время слѣдуетъ выѣхать». Ни какой тетки у ней не было, а на самомъ дѣлѣ въ мысляхъ у Нчжугму было съѣздить на высокую гору и посмотрѣть, не видать ли возвращающагося Гэсэра. Отпустили ее, только не одну, а дали двухъ человѣкъ провожатыхъ. Подъѣхала она къ горѣ и говоритъ: «Вамъ не зачѣмъ ѣхать до моей тетки. Если она увидитъ васъ, испугается; вы останьтесь здѣсь. А чтобъ я не убѣжала, привяжите къ моимъ ногамъ желѣзныя цѣпи».

Взъѣхала она на гору и видитъ, Гэсэръ разбилъ палатку на степи, настрѣлялъ яковъ и сушитъ ихъ мясо. Нчжугму привязала къ сорокѣ письмо. Сорока прилетѣла на мясо, сѣла и кричитъ: «чикъ, чикъ!» Гэсэръ осердился на сороку. «Ты мое мясо клевать прилетѣла», говоритъ. И убилъ сороку, а письма не замѣтилъ.

Вернулась Нчжугму домой. Шянба опять торопитъ ѣхать. Нчжугму говоритъ, что ей хотѣлось бы прежде отправленія еще одного человѣка увидѣть. Опять ее отпустили. Опять она взъѣхала на гору и видитъ, Гэсэръ сушитъ мясо. Она дала браслетъ (ксерлыгъ) въ зубы лисицѣ. Лисица прибѣжала къ Гэсэрову мясу. Гэсэръ хочетъ застрѣлить ее; лисица оскалила зубы, браслетъ и упалъ на землю. Гэсэръ узналъ браслетъ жены, поднялъ его и прочелъ на немъ письмо: «Скорѣе пріѣзжай! Хоры убили всѣхъ лумбу, хотятъ увезти меня, а стрѣлы ихъ всѣ прижжены».

Гэсэръ началъ собираться въ Лынгъ, но скоро забылъ объ этомъ. Онъ жилъ въ это время съ другой женой Ама-ниму, взятой имъ у Дыря. Подъѣхалъ Гэсэръ однажды къ какой-то рѣчкѣ; стоитъ на берегу лисица, ѣстъ глину и снова ее отрыгаетъ. Тутъ онъ вспомнилъ браслетъ, который отрыгнула лисица, и вспомнилъ, что ему нужно ѣхать въ Лынгъ. Подъ видомъ этой лисицы являлась ему его небесная мать Ане-гома-чжаму.

Гэсэръ снова начинаетъ собираться въ Лынгъ, но замѣчаетъ, что конь его

---

[1]) Курево изъ можжевельника.

[2]) Ачжа—широнгольское слово, значитъ «тетка по матери».

не въ состояніи ходить. По всей его кожѣ Ама-ниму наколотила гвоздей; она это сдѣлала, чтобы заставить Гэсэра не ѣздить въ Лынгъ, а возвратиться въ землю Дыря. Лошадь плачетъ и говоритъ Гэсэру: «Когда мы жили въ Лынгѣ, лынгская твоя жена кормила меня и холила, а эта, новая жена, взятая у Дыря, во всю дорогу старается какъ бы только испортить меня!» Лошадь совѣтуетъ Гэсэру: «Заколи меня!» Гэсэръ хочетъ заколоть лошадь, но не можетъ. Лошадь говоритъ: «Держи ножъ торчма, я сама напорюсь. Потомъ ты сними мою шкуру, оснимай мясо и выложи на степи. Я перерожусь въ другую лошадь». Гэсэръ поставилъ ножъ торчма и держитъ; лошадь бросилась на ножъ, разрѣзала себѣ животъ повдоль и умерла. Гэсэръ выложилъ ея мясо на степи, а самъ легъ спать. Сквозь сонъ онъ услышалъ ржаніе, проснулся и видитъ, вмѣсто мяса убитой лошади, стоитъ другая прекрасная лошадь.

Гэсэръ стоитъ на горѣ [1]) и видитъ вдали множество какихъ-то людей. Онъ спрашиваетъ у лошади: «Что это за люди?» Лошадь говоритъ: «А ты съѣшь прежде чжу, что не поѣдешь въ Лынгъ, тогда скажу». Гэсэръ съѣлъ чжу (поклялся?). Лошадь говоритъ: «Это Хоры, которые убили всѣхъ лынгскихъ лумбу». «Ойя! [2]) вскричалъ Гэсэръ. Я поѣду сейчасъ въ Лынгъ!» «А ты забылъ, что съѣлъ чжу?» «Ну такъ я пущу въ Хоровъ стрѣлу!» «А чѣмъ будешь стрѣлять въ Дыря?» Въ такомъ случаѣ я брошу камень.» «Камень можешь бросить», сказала лошадь. Гэсэръ схватилъ огромную гору, бросилъ её и перебилъ множество Хоровъ, но Хоровъ много и однимъ ударомъ ихъ не перебьешь.

У Гэсэра былъ младшій братъ Кала-мэмбыръ; отецъ у нихъ былъ общій Санда-рачй, мать у Кала-мэмбыра другая,—Дамза. Кала-мэмбыръ сидѣлъ въ многоэтажномъ домѣ, который вокругъ былъ окованъ желѣзомъ, и молился. Самъ онъ былъ обвязанъ желѣзными цѣпями вокругъ пояса, а четыре конца этихъ цѣпей были натянуты и укрѣплены въ четыре стѣны зданія; выйдти изъ этого дома ему не было никакой возможности. Въ этотъ домъ онъ былъ посаженъ Гэсэромъ для того, чтобы тѣло его сдѣлалось желѣзнымъ и способнымъ на борьбу съ Чигныгъ (рчигныгъ) Асыномъ, желѣзнымъ человѣкомъ хорской земли. Въ семь лѣтъ желѣзо должно было замѣнить мясо; Кала-мэмбыръ просидѣлъ семь мѣсяцевъ и у него выросли только желѣзные когти въ сажень длиной и желѣзные клыки въ сажень длиной.

Старики Чунцэй-гаму [3]) смотрятъ въ окно и видятъ, Кала-мэмбыръ дѣлаетъ стрѣлу. Кала-мэмбыръ замѣтилъ, что на него смотрятъ и сдѣлалъ движеніе, какъ будто хочетъ бросить стрѣлу въ стариковъ. Чунцэй-гаму говорятъ: «Не пугай насъ, а есть люди, которыхъ слѣдуетъ попугать! Хоры увезли жену Гэсэра. Если хочешь бросить стрѣлу, такъ бросай въ Хоровъ».

Кала-мэмбыръ закричалъ въ Санъ-ёнчинъ: «Дайте ключъ отъ моего дома и

---

[1]) Это та самая гора, на которую съ такимъ трудомъ вознесъ Гэсэра его крылатый конь и на которой случился эпизодъ съ кремнемъ и брусомъ.

[2]) Ойя—тангутское междометіе, означающее ужасъ или удивленіе.

[3]) Старикъ и старуха, которые жили въ домѣ Гэсэра.

отворите мнѣ двери». Въ Санъ-ёнчинѣ говорятъ: «Что ты одинъ сдѣлаешь? Вотъ подожди, пріѣдетъ Гэсэръ. Вдвоемъ вы вѣрнѣе погубите враговъ». Кала-мэмбыръ призвалъ небесную мать Ане-гома и всѣхъ небесныхъ и земныхъ боговъ и проситъ ихъ изломать домъ, въ которомъ онъ заключенъ. «Если время пришло мнѣ выйдти», говоритъ онъ, «то пусть сѣдло упадетъ прямо на спину лошади, а не на землю; а если время еще не пришло, то пусть упадетъ на землю, а не на спину лошади». Сѣдло упало на спину лошади; небесная мать, боги земные и небесные собрались и разрушили желѣзный домъ.

Вышелъ Кала-мэмбыръ, сѣлъ на коня и закричалъ. Голосъ его загремѣлъ, какъ небесный громъ. «Это что за громъ?» спросилъ Гэсэръ своего коня. «Поклянись, что не пойдешь въ Лынгъ?» говоритъ конь. Гэсэръ поклялся и конь сказалъ ему: «Это Кала-мэмбыръ изломалъ желѣзный домъ и поѣхалъ воевать противъ Хоровъ».

Хоры, увидѣвъ Кала-мэмбыра, обратились въ камни и глину, а три ихъ царя обратились въ птицъ и улетѣли. Нчжугму осталась одна среди степи. Кала-мэмбыръ говоритъ ей: «Ты теперь возвращайся въ Лынгъ!» «Нѣтъ, не поѣду!» говоритъ Нчжугму. «Все равно они снова меня увезутъ, а тебѣ одному съ ними не справиться. А вотъ подожди, когда Гэсэръ пріѣдетъ, тогда вдвоемъ вы одолѣете Хоровъ и отнимете меня». Тогда Кала-мэмбыръ сказалъ ей: «А, вѣрно тебѣ самой хочется остаться у Хоровъ! Я разрублю тебя, если ты не поѣдешь въ Лынгъ». Нчжугму испугалась и вернулась въ Лынгъ, а Кала-мэмбыръ поѣхалъ впередъ. Онъ прирубилъ всѣ камни и всю глину, въ которые обратились Хоры и взъѣхалъ на перевалъ. Идетъ китаецъ и несетъ за плечами желѣзный ящикъ. Въ этомъ ящикѣ сидѣлъ желѣзный человѣкъ Чигныгъ-асынъ [1]). Кала-мэмбыръ убилъ китайца. Мать Ане-гома кричитъ ему съ неба: «Не открывай ящика, а брось его въ море!» Кала-мэмбыръ не разслышалъ и спрашиваетъ Чотона: «Что говоритъ мать?» Чотонъ говоритъ ему: «Она учитъ тебя: пни ящикъ ногой!» Кала-мэмбыръ пнулъ ящикъ, ящикъ раскололся. Желѣзный человѣкъ Чигныгъ-асынъ вышелъ и сталъ бороться съ Кала-мэмбыромъ. Не можетъ одолѣть Кала-мэмбыръ; Асыново тѣло все сплошь желѣзное, а Кала-мэмбырово мясное. Кала-мэмбыръ взглянулъ на небо. «Ты что смотришь вверхъ?» спросилъ его Асынъ. «Смотрю, какъ ѣдетъ сюда Гэсэръ». Асынъ тоже закинулъ голову вверхъ; горло его обнаружилось, а на немъ было небольшое мѣсто изъ мяса. Кала-мэмбыръ укусилъ его въ это мѣсто; два верхнихъ клыка ушло въ животъ, два нижнихъ въ черепъ. Чигныгъ-асынъ умеръ. Ане-гома съ неба кричитъ Кала-мэмбыру: «Сначала вынь твои зубы, потомъ брось Чигныгъ-асына въ море!» Кала-мэмбыръ не разслышалъ ея словъ и спрашиваетъ Чотона: «Что говоритъ мать Ане-гома?» Чотонъ говоритъ ему: «Она учитъ тебя: пни Чигныгъ-асына внизъ! Вотъ какой совѣтъ даетъ Ане-гома». Кала-мэмбыръ, не вынувъ зубовъ, пнулъ Чигныгъ-асына; Чигныгъ-асынъ полетѣлъ въ море и утащилъ за собой Кала-мэмбыра; оба упали въ ядовитое море.

---

[1]) Разскащикъ постоянно произносилъ Рчигныгъ-асынъ.

Мясо свалилось съ костей Кала-мэмбыра. Ане-гома выудила изъ моря все мясо столовыми палочками (турма) и говоритъ Кала-мэмбыру: «Я наложу твое мясо на твои кости и спрысну ихъ животворящей водой (дурцы) и ты снова будешь живъ. Тогда ты снова можешь возвратиться въ Лынгъ». Но Кала-мэмбыръ говоритъ ей: «Нѣтъ, я не долженъ возвратиться въ Лынгъ; я долженъ остаться здѣсь на берегу этого моря. Если я уйду, море закипитъ, вода поднимется, зальетъ Лынгъ и потопитъ людей. Я останусь здѣсь и буду держать море». Послѣ этихъ словъ онъ обратился въ скалу, стоящую на берегу моря. Ходившіе въ Лассу богомольцы разсказываютъ, что на дорогѣ туда можно видѣть эту скалу; она виситъ надъ морскимъ берегомъ; тутъ же можно видѣть и другую скалу, выступающую изъ воды середи моря (озера?); эта послѣдняя есть Чигныгъ-асынъ.

Гэсэръ спустился съ горы. На дорогѣ сидитъ гадатель (мова камлы), гадаетъ и держитъ подъ мышкой фазана. Какъ только увидитъ онъ, что Гэсэръ ѣдетъ, онъ выпуститъ фазана, и фазанъ принесетъ эту вѣсть Дырю. Гэсэръ заѣхалъ съ противуположной стороны и приближается къ гадателю. Узнать истину гадателю мѣшаетъ Ане-гома; она переворачиваетъ шюкуръ[1]). Наконецъ гадателю выпадаетъ: «Гэсэръ пріѣхалъ; фазану не летѣть къ Дырю, шюкера не кидать на землю». Гадатель не можетъ понять, что значатъ эти слова. Въ это время Гэсэръ убилъ сначала фазана, а потомъ и гадателя.

Отъѣхалъ Гэсэръ далѣе и легъ спать. Сидитъ на дорогѣ Нынгса *Н*газунъ [2]). Онъ посадилъ спящаго Гэсэра въ бубенъ, самъ сѣлъ въ него и понесся къ Дырю. Во снѣ Гэсэръ слышитъ, какъ гремитъ несущійся бубенъ, но не понимаетъ, что съ нимъ дѣлается. Ане-гома разбудила Гэсэра и напомнила ему, что у него въ мѣшкѣ есть гвоздь; посовѣтовала дунуть на него. Гэсэръ дунулъ; гвоздь сталъ ножомъ; тѣмъ ножемъ Гэсэръ разрѣзалъ бубенъ и оба, Гэсэръ и *Н*газунъ упали на землю. Здѣсь Гэсэръ убилъ *Н*газуна.

Гэсэръ взъѣхалъ на гору. Стоитъ на горѣ и хочетъ выстрѣлить въ Дыря. Сталъ класть стрѣлу на тетиву, поднялъ стрѣлу отвѣсно; она не вмѣщается подъ небомъ, упирается въ него. Такъ была высока гора, на которой онъ стоялъ. Онъ собралъ всѣхъ боговъ небесныхъ и земныхъ; небесные боги приподняли небо, земные опустили гору. Тогда Гэсэръ натянулъ стрѣлу. Стрѣла спрашиваетъ у Гэсэра: «Убить ли тигра въ степи или пролетѣть мимо? Убить ли яка въ степи или пролетѣть мимо? Убить ли рыбу въ водѣ или пролетѣть мимо? Убить ли выдру (шама) въ водѣ или пролетѣть мимо? Я хочу ѣсть мяса!» Гэсэръ говоритъ стрѣлѣ: «Не убивай тигра, а лети мимо! не убивай яка, а лети мимо! не убивай рыбу, а лети мимо! не убивай выдру, а лети мимо! Боги дадутъ тебѣ мясо!» Съ этими словами Гэсэръ пустилъ стрѣлу.

У Дыря было три человѣка; одинъ имѣлъ такія длинныя руки, что могъ доставать ими до неба и хватать подъ нимъ; другой могъ въ даль далеко смотрѣть;

---

[1]) См. подстрочное примѣчаніе на стр. 5.

[2]) *Н*га по тангутски «бубенъ»; *н*газунъ «держащій бубенъ».

третій могъ слышать, что дѣлается далеко. Летитъ стрѣла Гэсэра и гремитъ, какъ громъ. Дырь говоритъ своимъ людямъ: «Смотрите! что это летитъ?» Тотъ человѣкъ, который могъ въ дали различать предметы, говоритъ ему: «Это воронъ (хорыгъ) несетъ дерево!» То, что показалось этому человѣку, было не воронъ, а обратившаяся въ ворона мать Ане-гома, которая несла стрѣлу Гэсэра. Тогда Дырь закричалъ длиннорукому: «Лови!» Длиннорукій протянулъ руки, но стрѣла обрѣзала ихъ ему; потомъ она видящему въ дали вырѣзала глаза, слышащему далеко отрѣзала уши, самому Дырю срѣзала девять роговъ съ головы и вошла ему въ тѣло.

Тянули стрѣлу изъ Дыря, тянули, не могли вытянуть; призвали плотниковъ; тѣ пилили, пилили, не могли перепилить; призвали кузнецовъ; тѣ плавили стрѣлу, не могли расплавить. Спрашиваютъ у Ама-ниму, жены Дыря, которую онъ похитилъ у Гэсэра [1]): «Есть ли средство вынуть стрѣлу изъ Дыря?» «Не знаю», говоритъ Ама-ниму. «Подумаю!» Она вымыла руки дочиста молокомъ и водой; отерла ихъ можжевельникомъ (шихпа),. обернула дабой и начала тянуть стрѣлу. Тянула 10 дней, не могла вытянуть. Тянула мѣсяцъ, не могла вытянуть. Тянула два мѣсяца и 10 дней, вытянула. Взяла въ одну руку чашку съ молокомъ, въ другую стрѣлу; выплеснула молоко въ небо и въ небо же бросила стрѣлу; стрѣла вернулась къ Гэсэру.

Прилетѣла стрѣла и разсказываетъ Гэсэру, что когда она летѣла къ Дырю, помѣшалъ ей лѣсъ; она разрѣзала лѣсъ; помѣшала ей вода, она разрѣзала воду; помѣшала ей гора, она разрѣзала гору; что прилетѣвъ къ Дырю, она срѣзала ему девять роговъ и вошла ему въ утробу; сильные люди тянули стрѣлу, не вытянули; сильные люди ломали ее, не могли изломать, плотники пилили, не перепилили, кузнецы расплавляли, но не расплавили. Ама-ниму вымыла руки молокомъ, вытерла ихъ можжевельникомъ, обернула ихъ дабою и своими чистыми руками вытянула стрѣлу изъ тѣла Дыря. Стрѣла жаловалась, что ей не удалось убить Дыря. Гэсэръ сказалъ ей: «Если бы ты убила Дыря, что же мнѣ осталось бы тогда дѣлать?» И Гэсэръ сдѣлалъ пиръ въ честь стрѣлы.

Дырь ожилъ. У него была корова изъ породы яковъ, Нчжу-рамыръ. Гэсэръ легъ спать, а шубой одѣлся; воротомъ надѣлъ ее на бедра, подоломъ на голову. Пришла корова и навалилась ему на бедра, думая, что легла на голову; еслибь она легла на голову Гэсэра, она раздавила бы ее. Придавленный Гэсэръ не можетъ встать и говоритъ коровѣ: «Если ты царь животныхъ, то я царь Лынга; приди ко мнѣ». Корова не подходитъ къ нему. Гэсэръ опять говоритъ ей: «Если ты хомбу [2]) среди животныхъ, то я хомбу въ Лынѣ; приди ко мнѣ». Корова не подходитъ къ нему. Гэсэръ опять говоритъ: «Если ты сирота (тула) среди животныхъ, то я лынгскій сирота. Приди ко мнѣ». Корова подошла къ нему и спрашиваетъ: «Ты чего во мнѣ боишься?» Гэсэръ говоритъ: «Я боюсь двухъ твоихъ роговъ». Корова изло-

---

[1]) Эпизода о томъ, какъ Дырь похитилъ Ама-ниму у Гэсэра, въ тангутскомъ разсказѣ нѣтъ. Выше помѣщенный разсказъ о томъ, какъ Гэсэръ живетъ съ Ама-ниму, по времени долженъ быть поставленъ самимъ читателемъ въ его умѣ послѣ борьбы Гэсэра съ Дыремъ.

[2]) Хомбу по тангутски «князь», «господинъ».

мала рога о камень. «А ты чего во мнѣ боишься?» спрашиваетъ Гэсэръ. Корова говоритъ: «Я боюсь шерсти твоей лошади!» Гэсэръ снялъ съ своего коня коверѣ и бросилъ его въ сторону, «Еще ты чего во мнѣ боишься?» спрашиваетъ корова. Гэсэръ говоритъ: «Я боюсь твоихъ четырехъ копытъ». Корова сбила о камни свои копыта. «Теперь, думаетъ Гэсэръ, я смогу убить ее!» Корова лизнула его языкомъ и положила себѣ въ ротъ. Гэсэръ закричалъ: «Нѣтъ, это я шутя такъ подумалъ, не взаправду!» Корова положила его обратно на землю. Гэсэръ спрашиваетъ корову: «Ты чего во мнѣ боишься?» Корова отвѣчаетъ: «Я боюсь шкуры на стрѣлахъ» (колчана)! Гэсэръ вынулъ стрѣлы изъ колчана и колчанъ бросилъ въ сторону. «А ты чего боишься во мнѣ?» спрашиваетъ корова. Гэсэръ отвѣчаетъ: «Я боюсь твоего языка!» Корова истерла свой языкъ о камень. Говорить больше и не можетъ; тутъ Гэсэръ и убилъ ее. Мяса навалилъ цѣлую гору, живетъ и ѣстъ мясо. Ане-гома кричитъ ему съ неба: «Поѣзжай къ Дырю!». Гэсэръ не слышитъ, живетъ себѣ и ѣстъ мясо. Тогда Ане-гома сдѣлала вихорь. Вихорь набѣжалъ на Гэсэра и разметалъ его мясо по всей степи; не у чего стало жить Гэсэру и онъ поѣхалъ къ Дырю.

На дорогѣ Гэсэръ встрѣтилъ пастуховъ; это были *лѣсные* пастухи, уведенные Дыремъ, но они не узнали Гэсэра. Пастухи говорятъ Гэсэру: «Не ѣзди дальше! Намъ велѣно стрѣлять въ того, кто поѣдетъ!» Гэсэръ спрашиваетъ ихъ: «А ваша стрѣла какъ бьетъ?» «Наша стрѣла семь горъ пробиваетъ!» говорятъ пастухи. Гэсэръ не послушался пастуховъ, поѣхалъ далѣе. Пастухи пустили стрѣлу; стрѣла попала въ гору и разбила ее. Гэсэръ присѣлъ подъ гору и просидѣлъ подъ ней благополучно, только осколкомъ горы разбило ногу его коню. Гэсэръ пустилъ свою стрѣлу и говоритъ ей: «Ты не убивай пастуховъ!» Стрѣла попала въ камень, расколола его надвое и легла возлѣ. Пастухи подошли посмотрѣть и узнали Гэсэрову стрѣлу. Они заплакали и говорятъ ему: «Прости насъ! мы тебя не узнали!»

Гэсэръ вылечилъ ногу своему коню и спрашиваетъ, дома ли Дырь. Пастухи говорятъ, что завтра Дырь поѣдетъ на обо [1]) и велѣлъ приготовить овцу на убой. Гэсэръ велѣлъ зарѣзать назначенную овцу. Зарѣзали ее; Гэсэръ велѣлъ сварить мясо. Пастухи сварили мясо. Тогда Гэсэръ велѣлъ ѣсть его. Когда мясо было съѣдено, Гэсэръ велѣлъ кости сложить вмѣстѣ и прикрыть шкурой. Когда пастухи все сдѣлали, какъ приказалъ Гэсэръ, овца вновь стала жива.

Гэсэръ принялъ видъ ламы-странника и пошелъ въ домъ Дыря. Дырь ѣдетъ на лошади Томбу (ртомбу) рэнчинъ, которая питалась человѣческимъ мясомъ. Дырь сказалъ: ххакъ [2]). Но не могъ сглотить Гэсэра. Дырь схватилъ Гэсэра рукой, но ухватилъ только кусокъ шубы съ его плеча. Послѣ этого Дырь поѣхалъ на обо.

Гэсэръ пришелъ въ домъ Дыря, когда его не было дома. Жена Дыря не узнала Гэсэра. Гэсэръ видитъ, она ткетъ оро (шерстяную матерію); налѣво лежатъ черныя нитки, направо бѣлыя нитки; по правую ея сторону стоитъ чашка съ мо-

[1]) Обо—поклонная куча камней.

[2]) Это междометіе изображаетъ сглатываніе въ родѣ русскаго: хамъ!

локомъ, по лѣвую съ водой; волосы на правомъ ея вискѣ заплетены, на лѣвомъ расплетены. Гэсэръ спрашиваетъ жену Дыря, что значитъ, что на лѣвой сторонѣ у нея лежатъ черныя нитки и стоитъ чашка съ водой и на лѣвомъ вискѣ у нея волосы расплетены, а на правой сторонѣ лежатъ бѣлыя нитки и чашка съ молокомъ, и волосы на правомъ вискѣ заплетены? Жена Дыря говоритъ, что молоко, бѣлыя нитки и заплетенные волосы это Гэсэрова доля, а вода, черныя нитки и расплетенные волосы это Дырева доля.

Тогда Гэсэръ принялъ свой настоящій видъ. Жена Дыря говоритъ ему: «Сможешь ли ты убить Дыря?» «Думаю, что смогу», отвѣчаетъ Гэсэръ. «А подними-ка крышку съ этого котла?» проситъ его жена Дыря. Гэсэръ попробовалъ и немного сдвинуть съ мѣста не могъ. «Натяни-ка этотъ лукъ!» проситъ жена Дыря. Гэсэръ и пошевелить лукъ не можетъ. «Выпей-ка эту Дыреву чашку!» предлагаетъ Гэсэру Дырева жена. Гэсэръ былъ въ состояніи втянуть въ себя только одинъ глотокъ; болѣе не можетъ. «Ну, говоритъ жена Дыря, тебѣ не убить Дыря, а онъ тебя скорѣе съѣстъ! Скорѣе уходи отсюда! Дырь скоро долженъ вернуться. Какъ только вернется, такъ и съѣстъ тебя!» «Нѣтъ не пойду!» говоритъ Гэсэръ. «Я здѣсь немного отдохну! можетъ быть потомъ я и подниму крышку котла и натяну лукъ.» Когда Гэсэръ отдохнулъ, онъ попробовалъ поднять крышку. Поднялъ, хочетъ бросить ее на котелъ и говоритъ женѣ Дыря: «Разобью котелъ?» «Нѣтъ», говоритъ та: «Не разбивай! Дырю нуженъ цѣлый котелъ». Гэсэръ взялъ въ руки лукъ Дыря, натянулъ его и говоритъ: «Не порвать ли тетиву?» «Не рви», говоритъ жена Дыря. «Дырю нуженъ цѣлый лукъ». Потомъ Гэсэръ взялъ чашку Дыря и всю разомъ выпилъ. Жена Дыря выкопала возлѣ очага яму и спрятала туда Гэсэра; сверху на яму навалила камень, а сверхъ камня насыпала земли и сравняла такъ, что ямы было не замѣтно.

Пріѣхалъ Дырь и прежде, чѣмъ войдти въ свой домъ, заѣхалъ въ домъ своей матери. Та сидитъ съ голой грудью, спустила передъ шубы на колѣни и ищетъ вшей. Дырь говоритъ ей: «Встрѣтилъ я сегодня нищаго ламу. Погадай, настоящій ли это лама?» Старуха погадала и говоритъ: «Нѣтъ, это не настоящій лама! Не Гэсэръ ли это?» Дырь подалъ матери клочокъ отъ шубы, который онъ оторвалъ съ плеча Гэсэра, и спрашиваетъ: «А вотъ понюхай, чѣмъ эта шерсть пахнетъ? не китайцемъ ли?» Старуха понюхала и вскрикнула: «Э, это Гэсэровъ запахъ!» Дырь поѣхалъ домой. Конь бросился къ очагу и роетъ копытомъ. Жена Дыря Аманиму говоритъ коню: «Ты ѣшь человѣческое мясо! Не хочешь-ли меня съѣсть, что возлѣ меня роешь землю?» И надѣла ему намордникъ.

Дырь говоритъ своей женѣ: «Моя мать гадала мнѣ и у нея выпало, будто Гэсэръ пріѣхалъ». Жена говоритъ Дырю: «Твоя мать стара стала. Это не правда. Спи себѣ спокойно!» «Я самъ погадаю!» говоритъ Дырь. Началъ гадать. Ему выпало: «Осмотри хорошенько у огня!» Дырь сталъ рыть около очага и дорылся до камня. Жена говоритъ ему: «Дорылся до камня, что еще хочешь рыть! Съ умомъ ли ты! Подъ камнемъ что кромѣ камня можетъ быть!» «И то правда!» сказалъ Дырь и легъ спать.

Видитъ Дырь во снѣ, будто вышли у него изъ одного уха бѣлая змѣя, изъ другого черная и начали передъ нимъ бороться. Ни та, ни другая не сможетъ осилить; обѣ имѣютъ равныя силы. Черная змѣя это была душа Дыря, бѣлая змѣя это душа Гэсэра. Въ это время Гэсэръ пустилъ стрѣлу. Дырь проснулся и спрашиваетъ у жены: «Это что за громъ?» Жена ему отвѣчаетъ: «Это я золотымъ ковшомъ задѣла за серебряное ведро!» Дырь снова заснулъ. Гэсэръ пустилъ другую стрѣлу, на этотъ разъ съ перомъ совы (уша); такая стрѣла вѣрнѣе бьетъ ночью, чѣмъ другія. Она попала черной змѣѣ въ голову и убила ее. Теперь Дырь убѣдился, что Гэсэръ пріѣхалъ. Онъ выскочилъ изъ дома и сталъ бороться съ Гэсэромъ. Подъ ними земля качается; не могутъ побороть другъ друга. Жена Дыря подала своему мужу шелковый платокъ, а Гэсэру дабовый; Дырь вытеръ платкомъ потъ, шелкъ прилипъ къ его лицу, онъ ничего не видитъ. Жена подсыпала подъ ноги Дыря гороху, а подъ ноги Гэсэра золы. Дырь поскользнулся и упалъ.

Гэсэръ не можетъ связать Дыря ни ремнями, ни арканами. Дырь говоритъ женѣ: «Не связать ему меня, потому что связать меня можно только человѣческими жилами». Въ мѣшкѣ (кунку) на груди Дыря была спрятана человѣческая жила; Дырь припасъ её, чтобы связать ею Гэсэра. Гэсэръ нашелъ эту жилу и связалъ ею Дыря. Жена Дыря пошла за водой и говоритъ Гэсэру: «Будутъ безъ меня приходить многіе люди и твари смотрѣть на Дыря, никого не пускай!»

Приходили многіе люди и Гэсэръ ни кого не впустилъ въ домъ. Прилетѣла птица шиди-шяра («кривая птица») и спустила пометъ въ ротъ Дыря. Это была ачжа[1]) Дыря. Пометъ птицы превратился въ желѣзо, которое съ громомъ начало распространяться по утробѣ Дыря. Пришла жена Дыря, замѣтила пометъ на лицѣ Дыря, спрашиваетъ: «Кто былъ?» «Никого не было», отвѣчаетъ Гэсэръ. «Прилетала только одна птица, которая пустила пометъ Дырю въ ротъ». «Я не велѣла тебѣ никого впускать», сказала Ама-ниму, «а ты впустилъ. Это была его ачжа. Теперь онъ сдѣлается весь желѣзный. Убивай его скорѣе, пока онъ не весь еще превратился въ желѣзо!» Гэсэръ хочетъ зарѣзать Дыря, но не можетъ. Онъ пробовалъ разрѣзать его сверху внизъ, и не могъ; горло уже стало желѣзное; попробовалъ разрѣзать снизу, гдѣ еще тѣло не успѣло стать желѣзнымъ и разрѣзалъ животъ и грудь. Жена Дыря говоритъ Гэсэру: «Выпей этотъ желѣзный сокъ, наполняющій утробу Дыря! Не будешь терпѣть отъ мороза». Но у Гэсэра не хватило силы это сдѣлать. Жена Дыря помазала Гэсэру желѣзнымъ сокомъ только темя и подошвы ногъ.

У Дыря былъ лама по имени Ламангурю. Гэсэръ снялъ съ Дыря шкуру и надѣлъ на себя; убилъ Дырева коня, снялъ съ него шкуру и одѣлъ въ нее своего коня. Поѣхалъ къ Ламангурю будто бы на поклоненіе. Ламангурю принялъ его за Дыря; Гэсэръ убилъ ламу. Потомъ Гэсэръ забралъ все имущество Дыря, весь его скотъ и весь народъ, и пошелъ въ Лынъ. Въ это-то время онъ остановился подъ горой, съ которой Нчжугму увидѣла его сушащимъ яково мясо.

---

[1]) Ачжа широнгольское слово; значитъ тетка по матери.

Золото, серебро и все имущество, скотъ и народъ Гэсэръ оставилъ сзади, а самъ поѣхалъ впередъ. Встрѣчаетъ онъ туловище яка безъ головы; это было тѣло Чагэна, который обратился въ корову, чтобы Хоры не нашли и не убили его. «Ты что за корова?» вскричалъ Гэсэръ. Корова убѣжала въ горы и кричитъ оттуда: «Я Чагэнъ. Мою голову увезли Хоры и прибили на городскихъ воротахъ». Гэсэръ говоритъ ему: «Не бойся меня! Я Гэсэръ!» Корова говоритъ: «Закричи и пусть твой конь заржетъ. Я голосъ Гэсэра и его коня узнаю». Гэсэръ закричалъ; потомъ его конь заржалъ. Тогда якъ спустился къ Гэсэру и говоритъ: «Нужно убить трехъ царей и Шянбу-мэри и вырѣзать изъ ихъ спинъ 808 ремней, которыми связываютъ сѣдла и вырѣзать изъ ихъ губъ 808 ремней на тетивы къ лукамъ. Ты это сдѣлай, а я пойду на небо и тамъ буду ждать».

Ѣдетъ Гэсэръ далѣе. Тарва, убитый Хорами, стрѣляетъ птицъ; онъ уже настрѣлялъ ихъ великое множество, убилъ яка нчжунъ-рэмыръ, мясо его навьючилъ на свою лошадь (собственно на душу лошади) и везетъ. Гэсэръ надѣлъ на себя Дыреву шкуру, на коня надѣлъ шкуру Дырева коня и въѣхалъ на перевалъ. Тарва увидѣлъ его и думаетъ. «Нѣтъ, это не Гэсэръ. Это Дырь. Не буду стрѣлять по нему, а доѣду и ножомъ зарѣжу». Конь говоритъ Тарвѣ: «Нѣтъ, лучше пусти стрѣлу и испытай, не Гэсэръ ли это?» Пустилъ Тарва стрѣлу; Ане-гома спустилась и отклонила стрѣлу. Тарва догадался, что это Гэсэръ и началъ выговаривать ему, зачѣмъ онъ нарядился въ чужую шкуру. «Закричи!» проситъ онъ Гэсэра. «По голосу я повѣрю, что ты Гэсэръ». Гэсэръ закричалъ. Тарва началъ прислушиваться. Во второй разъ закричалъ Гэсэръ. Тарва узналъ его голосъ и подъѣхалъ къ Гэсэру. Ѣдутъ они рядомъ, Тарва и говоритъ Гэсэру: «Я не живой; я одна только душа. Меня убили Хоры». Онъ потрясъ чжакуй[1]) и изъ него посыпалось множество стрѣлъ; онъ снялъ съ коня коверъ, потрясъ его и изъ ковра посыпалось множество стрѣлъ. Гэсэръ далъ ему свою шубу и сказалъ: «Поѣзжай въ Лынъ, отвези туда мою шубу и тамъ сожги ее, а мясо нчжунъ-рэмыра оставь здѣсь». Тарва взялъ Гэсэрову шубу и поѣхалъ въ Лынъ. Пріѣхавъ туда, онъ сжегъ шубу. Запахъ отъ Гэсэровой шубы бросился въ носы лынскихъ людей; они обрадовались, сдѣлались вдругъ сыты и веселы, заслышавъ запахъ Гэсэра. А до того были скучны, голодны, едва двигались. Мать Гэсэра отъ тоски все плакала и лежала, спала девять лѣтъ сряду; подъ конецъ у ней ухо прилипло (приросло) къ землѣ. Запахъ Гэсэровой шубы дошелъ и до ея носа; и она вскочила на ноги, начала ходить. Мясо быка нчжунъ-рэмыра Гэсэръ, при помощи небесныхъ и земныхъ боговъ, отправилъ въ Лынъ за тѣмъ, чтобы Тарва раздѣлилъ его народу. Тарва раскрошилъ мясо и раздѣлилъ всему народу; недостало только старикамъ Чунцэй-гаму; Тарва отрѣзалъ подошвы своихъ ногъ и далъ имъ. Гэсэръ съ неба увидѣлъ это и сказалъ: «Такихъ мученій, какъ тѣло Тарвы, мое тѣло никогда не испытывало».

Ѣдетъ Гэсэръ далѣе и видитъ, Чжарсэй стрѣляетъ птицъ; множество ихъ онъ

[1]) Чжакуй широнгольское слово: «кольчуга».

Одна монахиня (чжома) погналась за богатствомъ, которое обѣщаетъ Чотонъ, отвалила камень и подала ему веревку отъ своего странническаго мѣшка. Чотонъ вылѣзъ, схватилъ женщину, столкнулъ въ яму на свое мѣсто и прикрылъ камнемъ.

Теперь Гэсэръ поѣхалъ къ Хорамъ. Хорскій царь Кэркэръ наставилъ по дорогѣ заставы, чтобъ не пропускать ѣдущаго Гэсэра. На дорогѣ росъ лѣсъ ланма гомдуй (ива); Кэркэръ-чжаву велѣлъ этому лѣсу, когда будетъ проѣзжать Гэсэръ, сойтись вмѣстѣ и раздавить его. Гэсэръ ѣдетъ; лѣсъ начинаетъ сходиться, промежутокъ между деревьями все болѣе и болѣе съуживается, осталось только коню проѣхать. Гэсэръ ударилъ коня плетью и проскочилъ; лѣсъ прижалъ только хвостъ коню. Гэсэръ вынулъ ножъ и махнулъ имъ позади себя; онъ обрѣзалъ листья съ деревъ и отрѣзалъ конецъ хвоста коню.

Ѣдетъ Гэсэръ далѣе. Сидятъ семь дѣвицъ хорьги ому рпындунъ; онѣ поѣдаютъ людей, которые проигрываются у нихъ въ игру шӧ шӧрденъ. Подъѣхалъ къ нимъ Гэсэръ; дѣвицы предлагаютъ ему сѣсть и поиграть въ кости. Началъ Гэсэръ играть и проигралъ съ себя всё: шубу, все платье, коня, все что было съ нимъ. «Играй еще!» уговариваютъ его дѣвицы. «У меня больше ничего нѣтъ!» говоритъ имъ Гэсэръ. «Играй на твою душу! Можетъ быть отыграешься!» Гэсэръ спросилъ у Ане-гома, что ему дѣлать. Ане-гома говоритъ: «Дома ты позабылъ плеть. Её поставь на ставку и скажи дѣвицамъ: до сихъ поръ вы бросали нчжи шӧ ноху, т. е. «черныя чертовкины кости», а теперь, скажи, я буду бросать лха шӧ гарьву, т. е. «бѣлыя божьи кости». Гэсэръ поставилъ плеть на ставку и сказалъ дѣвицамъ, что прежде онѣ бросали черныя чертовкины кости, а что теперь онъ будетъ бросать бѣлыя божьи кости. Дѣвицы согласились. Гэсэръ вынулъ изъ своего мѣшка бѣлыя кости, началъ играть, отыгралъ все свое проигранное, выигралъ все, что было у дѣвицъ и играетъ на ихъ души. Выигралъ душу у старшей дѣвицы и отрубилъ ей голову; выигралъ душу у второй дѣвицы и тоже отрубилъ ей голову. Играя далѣе, онъ поочередно отрубилъ головы шести дѣвицамъ; осталась седьмая дѣвица, по имени барчигъ самби тончжу. Она была красавица; Гэсэръ оставилъ её и хочетъ увезти съ собой. Ане-гома говоритъ: «Это нчжи, «чертовка». Подними у ней волосы и посмотри!» Гэсэръ поднялъ волосы; подъ волосами весь черепъ былъ покрытъ глазами и ртами. Она ѣла людей. Гэсэръ пробуетъ убить её ножомъ, но не можетъ. Онъ выслалъ ея душу изъ ея тѣла и она умерла.

Гэсэръ ѣдетъ далѣе. Тутъ были два камня палунъ нготугъ (нготугъ—«толкучіе»). Они сходились и расходились; сходясь, они раздавливали проходящихъ между ними людей. Подъѣхалъ Гэсэръ и видитъ, изъ подъ камней ручей крови течетъ. Гэсэръ говоритъ камнямъ: «Съ малаго разстоянія вамъ не раздавить меня. Разойдитесь какъ можно далѣе и оттуда пуститесь другъ къ другу. Тогда съ большаго разбѣга ударъ будетъ сильнѣе и вы расшибете меня». «И правда вѣдь!» сказали камни. Они разошлись далеко, далеко. Гэсэръ разогналъ коня и проскочилъ между камнями; камни ударились другъ о друга и разбились въ мелкіе осколки.

Далѣе Гэсэръ подъѣзжаетъ къ топи нямбыгъ шянцзынъ. Не знаетъ, какъ проѣхать, и призвалъ на помощь Ане-гома. Та говоритъ ему: «Помолись хозяину земли Улу-ксыгла-рэнчин'у и попроси его на одинъ день просушить тропу по серединѣ топи». Гэсэръ помолился Улу-ксыгла-рэнчину; высохла середи топи полоса земли и Гэсэръ проѣхалъ.

Городъ царя Кэркэръ-чжаву былъ обнесенъ тремя стѣнами; подъ первой стѣной была вода непроходимая; подъ второй стѣной лѣсъ густой, въ которомъ бродятъ тигры; третья стѣна была выше всѣхъ, въ 1500 саженъ высотой. На ея вершинѣ сидѣла Нчжугму и пряла шелковую нитку. Гэсэръ перевалилъ черезъ три перевала и увидѣлъ Кэркэровъ городъ и Нчжугму, сидящую на вершинѣ городской стѣны; нить, которую она прядетъ, спускается до самой земли. Анегома обратилась въ невидимую сороку, принесла въ клювѣ огонь и прикоснулась къ шелковой нити; нить перегорѣла. Нчжугму не видѣла сороки и кричитъ Гэсэру, который въ это время, принявъ видъ нищаго ламы, проходилъ мимо города: «Лама! лама! моя нитка порвалась и упала. Подай её мнѣ!» Гэсэръ поднялъ нитку, но прежде, чѣмъ подать её Нчжугму, онъ смѣрялъ нитку. Нитка вышла длиной 1500 саженъ; такимъ способомъ онъ узналъ высоту городской стѣны. Смѣрявъ нитку, онъ подалъ её на вершину стѣны. Нчжугму спрашиваетъ его: «Лама! откуда ты идешь?» Лама отвѣчаетъ: «Я иду отъ Дыря въ Лассу». «Не слыхалъ ли чего о Гэсэрѣ? Онъ ли убилъ Дыря, Дырь ли убилъ Гэсэра?» Лама говоритъ, что слышалъ, будто Дырь съѣлъ Гэсэра. Нчжугму говоритъ ламѣ: «Прими-ка лама! вотъ у меня есть серебро и деньги. Отнеси ихъ въ Лассу; пускай ламы почитаютъ номъ. У меня умеръ отецъ». Не сказала, чтобъ по Гэсэрѣ читали номъ. Гэсэръ взялъ серебро и деньги и сталъ камнемъ мельчить серебро. «Зачѣмъ ты это дѣлаешь?» спрашиваетъ Нчжугму. Лама отвѣчаетъ ей: «Въ Лассѣ ламъ много. Чтобы раздѣлить между ними поровну, нужно серебро разбить на самые мелкіе куски!» «Твоя правда», сказала Нчжугму.

Гэсэръ легъ на дорогѣ спать. Идетъ по дорогѣ дочь Кэркэра за водой. Подошла къ Гэсэру и говоритъ: «Лама, лама! встань! У насъ воды нѣтъ въ домѣ; мнѣ нужно за водой пройдти». Гэсэръ отвѣчаетъ ей на это: «Я человѣкъ, который семь лѣтъ уставалъ, я человѣкъ, который одинъ мѣсяцъ голодалъ. У меня силъ нѣтъ встать. Если ты не считаешься важностью, обойди кругомъ, а не то перешагивай черезъ меня, если хочешь». Дочь Кэркэра перешагнула черезъ Гэсэра. Идетъ за водой дочь царя Куныга и говоритъ Гэсэру: «Лама, лама! встань! у насъ въ домѣ нѣтъ воды, мнѣ нужно пройдти за водой». Гэсэръ отвѣчаетъ ей: «Я семь лѣтъ уставалъ, проводя все время въ дорогѣ; я цѣлый мѣсяцъ голодалъ. Я не въ силахъ встать. Если не считаешься родомъ, то обойди кругомъ; а считаешься родомъ, то перешагни черезъ меня». Дѣвица говоритъ: «Если моя мать прядетъ, да нитка оборвется и упадетъ на землю, я и черезъ ту не смѣю перешагнуть; а ты большой лама. Какъ я рѣшусь перешагнуть черезъ тебя!» И она обошла его кругомъ. Пришла къ водѣ, смотритъ въ воду; тамъ лежитъ половина золотой серьги (ксерке налунъ). Хочетъ взять серьгу и не можетъ. Это было отраженіе въ водѣ. Въ ея

ухѣ тоже была не цѣлая серьга, а половина; она вынула изъ уха этотъ обломокъ и приложила къ той серьгѣ, которая лежала въ водѣ. Вышло, что это были двѣ половинки одной серьги. Она взглянула вверхъ на дерево, которое стояло надъ водой. Тамъ въ вѣтвяхъ сидѣлъ Гэсэръ. Дѣвица замѣтила въ его ухѣ половину серьги; ея-то отраженіе и было въ водѣ. Пошла она домой. Гэсэръ опять сидитъ на дорогѣ, принявши видъ бѣднаго ламы. Дѣвица говоритъ ему: «Лама! не придешь ли въ домъ моего отца почитать номъ?» Гэсэръ говоритъ: «Приду!» «Если ты согласенъ придти», говоритъ дѣвица, «то подожди здѣсь, а я напередъ спрошу отца и мать, и если они велятъ, то я приду за тобой и приведу подъ тебя лошадь». Гэсэръ думаетъ: «Нѣтъ, подъ видомъ ламы тутъ нельзя оставаться». И какъ только она ушла, онъ обратился въ мальчика, варившаго для народа ѣду и стоящаго передъ пустыми котлами, подъ которыми еще тлѣлись не погасшіе угли. Нгарэ-олу-чючжуръ, дочь царя Куныга, опять пришла и спрашиваетъ: «Мальчикъ! не видѣлъ ли ты ламу? Куда онъ дѣвался?» Мальчикъ отвѣчаетъ ей: «О, этотъ лама, о которомъ ты спрашиваешь, великій хобильганъ; онъ былъ здѣсь подъ видомъ множества народа, котораго я угощалъ; теперь этотъ народъ весь ушелъ». «Что же мнѣ теперь дѣлать?» думаетъ дѣвица. «Я обманула отца и мать, сказавши, что я нашла ламу. Не пойдешь ли ты, мальчикъ, къ намъ въ пастухи!» Пойду, говоритъ мальчикъ. Она думаетъ: «Этого нужно взять теперь же съ собой, чтобы вновь не обмануться. Садись на лошадь сзади меня!» говоритъ она мальчику. Гэсэръ сѣлъ сзади дѣвицы; спина у лошади изломалась. Какъ теперь быть? думаетъ дѣвица. И отца съ матерью обманула, что ламу нашла, и лошадь съ изломанной спиной приведу! Она плачетъ и упрекаетъ мальчика. Мальчикъ увѣряетъ ее, что это она сама изломала спину у лошади, а что онъ легкій. Онъ сѣлъ на травинку и травинка подъ нимъ не погнулась. Онъ сѣлъ на овечій шарикъ, и шарикъ подъ нимъ не расплюснулся, остался цѣлый. Дѣвицѣ стало стыдно. Тогда мальчикъ говоритъ ей: «Не печалься! спина у коня будетъ цѣла». Только онъ сказалъ это, спина у коня выздоровѣла и они поѣхали въ домъ царя Куныга, Гэсэръ сѣлъ впереди, а царевна сзади. Царь Куныгъ принялъ Гэсэра въ пастухи и далъ ему имя Нгари-сынгы-тангниръ, т. е. «внѣ найденный человѣкъ».

Днемъ Гэсэръ пасетъ овецъ на степи, а на ночь пригоняетъ ихъ въ городъ и ложится спать между ними. Дочери Куныга приснился сонъ, будто бы въ Хорскую землю изъ Лынга пришелъ волкъ съ открытой пастью и поѣлъ хорскихъ коровъ. Она говоритъ: «Что это за мальчикъ, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ пришелъ, мнѣ снится волкъ, пришедшій изъ Лынга. Не кладите его на слѣдующую ночь спать между овцами, а положите между лошадьми». Приказъ ея исполнили. На слѣдующую ночь ей приснился звѣрь томъ [1]) съ открытой пастью, пришедшій, изъ Лынга и поѣвшій Хоровъ. Она говоритъ: «Что это за мальчикъ, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ пришелъ, мнѣ снится звѣрь томъ, пришедшій изъ Лынга. Положите

[1]) Переводчикъ перевелъ это слово широнгольскимъ кнушинъ и пояснилъ, что это звѣрь въ родѣ чернаго волка. Кнушинъ по китайски медвѣдь.

его на слѣдующую ночь не между лошадьми, а въ нашъ домъ». Приказъ ея опять исполнили. Тогда ей приснился тигръ (ртыгъ), пришедшій изъ Лынга и поѣвшій Хоровъ. Дѣвица, дочь царя Куныга, опять говоритъ: «Что это за мальчикъ, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ пришелъ, мнѣ началъ сниться тигръ, пришедшій изъ Лынга? Положите его на слѣдующую ночь подлѣ меня».

Нчжугму отъ царя Кэркэра родила мальчика, верхняя половина золотая, нижняя серебряная. Кэркэръ по этому случаю устроилъ восемнадцатидневный пиръ (ртому). На пиру устроена была скачка. Чжарсэй думаетъ: «Не хватитъ у Гэсэра силъ на бѣгъ».

Гэсэръ въ это время ловилъ яковъ; вырылъ яму, наложилъ на нее петлю и ловилъ яковъ (нчжунъ). Чжарсэй увидѣлъ это съ горы и хочетъ подъѣхать, но прямо по дорогѣ подъѣхать нельзя, Гэсэръ перекопалъ ее своей ямой. Чжарсэй хотѣлъ справа по горѣ объѣхать и спуститься къ Гэсэру, но Гэсэръ закричалъ ему: «Не ѣзди тамъ! Тамъ вся земля перекопана мною и усѣяна ямами на яковъ». Тогда Чжарсэй объѣхалъ по горамъ съ лѣвой стороны и подъѣхалъ къ Гэсэру. Одинъ якъ попалъ ногой въ петлю; Гэсэръ тащитъ его въ одну сторону, быкъ тянетъ въ другую; Гэсэръ не можетъ осилить быка. Чжарсэю быкъ кажется мышью хата. Онъ удивляется, что Гэсэръ не можетъ справиться съ мышью. Онъ помогъ Гэсэру оттащить быка отъ ямы и убить его. «Какъ повеземъ его?» спрашиваетъ Гэсэръ. Чжарсэй говоритъ: «Не хитро свезти; положимъ на спину моей лошади да и все тутъ». Положили; спина у лошади переломилась. Чжарсэй заплакалъ. «Какъ я теперь безъ коня буду?» говоритъ. «Дни мои кончились!» Не бѣда, говоритъ Гэсэръ. Конь твой будетъ цѣлъ. Гэсэръ вылечилъ коня Чжарсэя. Раздѣлили мясо пополамъ; половину навьючили на Чжарсэева коня, половину на Гэсэрова, и пріѣхали въ мѣстность Лунва-ксындо. Гэсэръ поклалъ мясо въ котелъ и началъ варить. Чжарсэй думаетъ: «Неужели онъ будетъ ѣсть мясо мыши?» Сваривъ мясо, Гэсэръ сталъ угощать Чжарсэя, тотъ сначала не ѣстъ. Потомъ взялъ одно ребро попробовать, началъ ѣсть, наѣлся до сыта, а ребра не могъ докончить и говоритъ: «Однако ребра не могъ докончить, а сытъ. Должно быть это не мышь, а якъ. Если это такъ, то Гэсэръ въ состояніи пустить своего коня въ бѣгъ!»

Чжарсэй говоритъ Гэсэру: «Я видѣлъ здѣсь гору, на которой лежитъ множество перьевъ. Хорошо бы этими перьями окрылить наши стрѣлы!» Гэсэръ говоритъ: «Это правда, что есть такая гора; но при подошвѣ горы перьевъ не такъ еще много, а вотъ на вершинѣ ея такъ дѣйствительно много». Поѣхалъ Чжарсэй къ горѣ; ѣдетъ, ни какъ ни доѣдетъ. Уже день къ концу приходитъ, а онъ все еще до горы не доѣхалъ. Онъ началъ безпокоиться; въ это время поднялся сильный вѣтеръ, подхватилъ его и занесъ въ пещеру. Чжарсэй осмотрѣлся; пещера въ отвѣсной скалѣ; и надъ входомъ въ пещеру отвѣсная скала, вскарабкаться нельзя; и подъ входомъ отвѣсная скала; спуститься нельзя. Чжарсэй заплакалъ. Видно, мнѣ здѣсь умереть придется, думаетъ онъ. Внизъ отъ пещеры спуску нѣтъ и ни одинъ человѣкъ никогда не поднимался въ эту пещеру. Гэсэръ стоитъ внизу у подошвы горы и тоже плачетъ. Наконецъ Гэсэръ говоритъ: «У меня есть средство спустить

тебя изъ пещеры, но дашь ли мнѣ слово (кэлынъ, условіе), что дашь мнѣ два комка глины, одинъ бѣлый, другой черный?» Чжарсэй подумалъ: «Отчего не согласиться на такое условіе. Бѣлую и черную глину вездѣ достать можно!» Онъ далъ Гэсэру слово, что дастъ ему два комка глины, одинъ бѣлой, другой черной. Поднялся снова вѣтеръ, выдернулъ Чжарсэя изъ пещеры и поставилъ на равнинѣ. Чжарсэй спрашиваетъ у Гэсэра: «Что ты разумѣлъ подъ бѣлой и черной глиной?» Гэсэръ отвѣчаетъ: «Ганьчжуръ и Танчжуръ». «О, это сверхъ моихъ силъ дать тебѣ!» сказалъ Чжарсэй. Гэсэръ сказалъ ему: «Ты не печалься. Я могу тебѣ это дѣло сдѣлать. Ты только доставь восемь вьюковъ бумаги». Гэсэръ собралъ всѣхъ боговъ небесныхъ и земныхъ. Навезли бумаги и золота, которымъ пишутъ. Боги начали писать. Поднялся отъ писанья такой шумъ, что въ Лынѣ услышали. Спрашиваютъ: «Что это за шумъ въ мѣстности Лунва-ксындо?» Жители Лына послали ночью на быкахъ двухъ женщинъ, дочь Чагена и дочь Чотона и велѣли имъ взъѣхать на гору и посмотрѣть. Женщины взъѣхали на гору и видятъ на Лунва-ксындо [1]) зажжено множество свѣчъ, земля, какъ цвѣтокъ, горитъ, но людей не видятъ. Боги, какъ только женщины взглянули на Лунва-ксындо, сейчасъ же оставили работу и улетѣли. Еслибъ женщины не выѣзжали на гору, Ганьчжуръ-Танчжуръ былъ бы докончен богами; теперь же у него немного не достаетъ до конца.

Когда начали пускать въ бѣгъ лошадей на праздникѣ, который сдѣлалъ царь Кэркэръ, видятъ, скачетъ какой-то молодецъ на черной лошади въ черной шубѣ; обогналъ всѣхъ и ускакалъ; всѣ дивуются, что это за молодецъ. Дочь царя Куныга спрашиваетъ отца, кто проскакалъ? Кунигъ говоритъ: «Не знаю! Такой дорогой шубы я еще никогда не видалъ, такого лихого коня тоже никогда не видалъ, да и такого удалаго мальчика въ Хорахъ никогда не бывало». На другой день опять обогналъ всѣхъ кто-то въ бѣлой шубѣ на бѣломъ конѣ. «Кто это, отецъ?» спрашиваетъ Нгари-оло-чючжуръ, дочь царя Куныга. Кунигъ говоритъ: «Не знаю. Такой дорогой шубы еще никогда не видалъ, такого лихого коня тоже не видывалъ, да и такого красиваго мальчика въ Хорахъ прежде никогда не было».

Когда Кунигъ сталъ собираться на праздникъ къ царю Кэркэру, пастушокъ Нгари-сынгы-тангниръ проситъ и его взять съ собою. «Куда тебѣ на такой богатый праздникъ!» говоритъ царь. «Ты вонъ какой худой! Сопли у тебя по губамъ висятъ!» Мальчикъ твердитъ свое: возьми да возьми! Кунигъ говоритъ ему: «У царя Кэркэра есть сильный человѣкъ Чжакэ-нигу-сыгтунъ; онъ стоитъ въ дверяхъ, руками держится за косяки, а ноги разставилъ. Князья, ламы, богатые люди проходятъ у него между ногами. Онъ не пропуститъ тебя и убьетъ!» «А ты спрячь меня въ полу твоей шубы?» проситъ пастушокъ. Дочь тоже стала просить отца, чтобы онъ взялъ пастушка. Кунигъ взялъ его, завернулъ въ уголъ шубы и повезъ. Когда Кунигъ сталъ проходить въ дверяхъ, пастушокъ высунулъ го-

[1]) Ксунъ «три»; ндо «устье»; лунва «рѣка»; лунва ксундо «устье трехъ рѣкъ».

лову изъ подъ шубы, завернулъ её къ верху и смотритъ на Чжакэ. Тотъ увидѣлъ его и схватилъ, чтобы начать бороться съ нимъ. Гэсэръ сразу забросилъ его на небо, и такъ это сдѣлалъ быстро, что народъ не разглядѣлъ, куда Чжакэ дѣвался. Одни говорятъ: на небо пролетѣлъ! Другіе говорятъ: въ землю провалился! Прилетѣлъ Чжакэ-нигу-сыгтунъ на небо; небесные боги спрашиваютъ: «Кто тебя сюда закинулъ?» Тотъ отвѣчаетъ: «Гэсэръ». «А, Гэсэръ!» говорятъ боги. «Это хорошо». Каждый богъ ударилъ его по головѣ и отщипнулъ кусочекъ его тѣла. Потомъ боги столкнули его на землю. Здѣсь встрѣтили его земные боги, спрашиваютъ: «Откуда ты?» Чжакэ говоритъ: «Гэсэръ забросилъ меня на небо, а небесные боги столкнули меня сюда». «А, Гэсэръ тебя забросилъ! Это хорошо!» Каждый богъ ударилъ его по головѣ и отщипнулъ кусочекъ тѣла. Ощипали съ него все мясо, оставили голыя кости. Кэркэръ и всѣ Хоры радуются, говорятъ: У насъ теперь есть сильный человѣкъ! Теперь пусть-ка придетъ Гэсэръ! Есть кого выслать ему на встрѣчу! Нечего его теперь бояться!

Гэсэръ жалуется царю Куныгу, что къ нему во время пастьбы овецъ каждый день приходятъ пастухи Кэркэра и Кусэра, сковываютъ его цѣпями и бьютъ молотомъ, что и ему самому нужно запастись цѣпью и молотомъ, а не то Кэркэровы и Кусэровы пастухи убьютъ его. Нужно имѣть цѣпь въ 1500 саженъ длиной и 1500 стремянъ (юченъ), каждое въ одну сажень высотой. Куныгъ говоритъ Гэсэру: «Ты не ходи сегодня пасти овецъ; я самъ пойду вмѣсто тебя». Царь надѣлъ на себя худое платье и пошелъ со стадомъ въ степь. Гэсэръ, оставшись дома, превратился въ толпу Кэркэровыхъ и Кусэровыхъ пастуховъ. Эти пастухи догнали Куныга, сковали его и начали бить его молотами. Пришелъ домой Куныгъ и говоритъ: «Ты правду разсказывалъ! Неужели они такимъ же образомъ били тебя каждый день?» «Каждый день такъ били», говоритъ Гэсэръ. «Но у меня нѣтъ столько желѣза, сколько ты просишь». Гэсэръ говоритъ Куныгу: «У твоихъ дверей лежитъ большой камень; внутри его все желѣзо; нужно только разбить его. Ты дай мнѣ только одну сажень цѣпи и одно стремя, да позволь мнѣ взять этотъ камень, остальное я самъ сдѣлаю». Куныгъ далъ ему сажень цѣпи, одно стремя и позволеніе взять камень. Гэсэръ собралъ всѣхъ боговъ небесныхъ и земныхъ, сталъ ковать съ ними желѣзо и говоритъ: «Какъ быть? Скованный молотъ полетитъ въ небо. Какъ бы Тугла-сургеръ не испугался, чтобъ молотъ его не убилъ?» Тугла-сургеръ говоритъ: «Ничего, я спрячусь въ домъ». Тугла-Сургеръ спрятался, но не вытерпѣлъ долго сидѣть, высунулъ голову посмотрѣть. Въ это время молотъ летѣлъ съ неба назадъ на землю, угодилъ ему въ щеку и убилъ его.

Гэсэръ взвалилъ тѣло Тугла-сургера себѣ на спину, отнесъ въ степь и распялъ его на перекресткѣ дорогъ, руки и ноги приколотилъ вдоль дорогъ гвоздями, въ ротъ положилъ ему навозъ, въ руки далъ метлы, на грудь положилъ камень. Люди, проходившіе по дорогамъ, видѣли распятаго Тугла-сургера и разсказали объ этомъ въ народѣ. Дошелъ слухъ и до царя Куныга. Куныгъ спрашиваетъ Гэсэра: «Ты убилъ моего сына? Зачѣмъ его такъ положилъ? зачѣмъ

распялъ на перекресткѣ дорогъ, въ руки вставилъ метлы, въ ротъ положилъ навозъ, на грудь навалилъ камень?» Гэсэръ говоритъ: «Руки и ноги его я растянулъ по дорогамъ за тѣмъ, чтобы дурныя повѣтрія не приходили съ четырехъ сторонъ; навозъ въ родъ положилъ, чтобы твой народъ и ты всегда хорошую ѣду имѣли; метлы вставилъ въ его руки, чтобы травы и корма въ твоемъ царствѣ всегда были хороши; камень на груди значитъ, чтобъ у Хоровъ были желѣзныя сердца». Царь остался доволенъ отвѣтомъ. Гэсэръ сковалъ себѣ молотъ, 1500 саженъ цѣпи и 1500 стремянъ, каждое стремя въ одну сажень высотой.

Гэсэръ приснился Кэркэру въ видѣ бога и учитъ его сходить погадать къ дочери Куныга, приснился богомъ и дочери Куныга и научилъ ее сказать царю Кэркэру, чтобы онъ въ пятнадцатую ночь не затворялъ дверей и зажегъ бы по всему дому свѣчи, потому что въ эту ночь къ нему придетъ богъ.

Въ пятнадцатую ночь Гэсэръ пришелъ къ дому Кэркэра съ цѣпью и молотомъ. Богъ Чагена бросилъ цѣпь на городскую стѣну; цѣпь не зацѣпилась крюкомъ за стѣну и упала назадъ. Богъ Чжарсэя бросилъ цѣпь; крюкъ опять не зацѣпилъ за стѣну и цѣпь опять упала. Богъ Чотона бросилъ цѣпь и она зацѣпилась; богъ Чотона былъ очень сильный. Гэсэръ полѣзъ по цѣпи на стѣну. Подулъ вѣтеръ; Гэсэръ остановился въ раздумьи, не смѣетъ лѣзть дальше. Въ это время явились Ане-гома и боги небесные и земные и подсадили Гэсэра. Взлѣзъ Гэсэръ на стѣну. Здѣсь онъ поймалъ женщину-чертовку нчжиму-рчики-нацырженъ (чертовка съ желѣзной серьгой) и спрашиваетъ ее: «Твоя душа что-такое?» «Моя душа иголка», отвѣчаетъ женщина. «А твоя?» «А моя душа стебелекъ травы», отвѣчаетъ Гэсэръ. «Помѣняемся душами!» предлагаетъ Гэсэръ. Женщина согласилась. Гэсэръ далъ ей стебелекъ травы; женщина изломала его. Гэсэръ взялъ иголку отъ женщины; въ которую сторону погнетъ ее, въ ту сторону женщина и отходитъ. Видитъ Гэсэръ внизу зеленая черепица настлана. Это что такое? спрашиваетъ онъ у женщины. «Черепичная крыша», говоритъ женщина. «Такъ ли это?» спрашиваетъ Гэсэръ. «Будто это вода, а черепицей только кажется. Если это не вода, то брось свое запястье». Старуха бросила запястье; оно застучало, ударившись о черепицу. Гэсэръ увѣрился, что это не кажущаяся вода и спустился на черепицу. Это была крыша дома Кэркэра. Гэсэръ вошелъ въ домъ, такъ какъ онъ былъ отворенъ по совѣту дочери Куныга, и началъ давить Кэркэра. Кэркэръ спросилъ его: «Ты намти или ргети? Если ты намти, я поставлю тебѣ чжулы [1]), только оставь давить меня!» «Я ргети!» сказалъ Гэсэръ. «Если ты ргети, то возьми мой домъ и все мое богатство, но не убивай меня! Я уйду отсюда въ другое мѣсто». «Нѣтъ», говоритъ Гэсэръ. «Я долженъ убить тебя!» Гэсэръ кольнулъ его шиломъ; шило оказалось короткимъ. Онъ вынулъ ножъ, но и ножемъ ничего не могъ сдѣлать. Гэсэръ вырѣзалъ тысячу восемь ремней изъ спины Кэркэра для связыванія сѣделъ, Кэркэръ промолчалъ. Гэсэръ вырѣзалъ тысячу восемь ремней изъ губъ Кэркэра на тетивы къ лукамъ, Кэркэръ промолчалъ. Гэсэръ ткнулъ ножомъ въ бокъ Кэркэра. Кэркэръ

[1]) Чжула—курительная свѣча, сожигаемая передъ статуями боговъ.

крикнулъ: «Больно» (аса)! Только послѣ этого крика Гэсэръ сталъ въ состояніи убить Кэркэра.

То же сдѣлалъ Гэсэръ и съ Кусэремъ, а Куныга не убилъ, а только выслалъ его душу изъ его тѣла. Головы Кэркэра, Кэсэря и Куныга положилъ въ ящикъ и поставилъ въ домъ Нчжугму, когда она уходила въ небо. Головы Куныга и Кусэря говорятъ головѣ Кэркэра: «Мы говорили тебѣ, не увози Нчжугму! Не совладать тебѣ съ Гэсэромъ. Вотъ теперь и ты погибъ и насъ погубилъ вмѣстѣ съ собою». Нчжугму услышала разговоръ головъ. Ея сердце теперь повернулось къ Кэркэру. Она осердилась на Гэсэра и хотѣла убить его. Она бросилась на него съ ножомъ. Гэсэръ спрятался за столбъ, къ которому вяжутъ лошадей. Нчжугму срѣзала только верхушку дерева. Гэсэръ связалъ Нчжугму, забралъ все имущество Кэркэра, Кусэря и Куныга и поѣхалъ въ Лынгъ. Дорогой онъ вспомнилъ, что у Нчжугму былъ сынъ и что онъ оставилъ его не убитымъ. Нчжугму оставила сыну два колоба изъ рсамбы (ячменной муки), одинъ замѣшанный на маслѣ, другой на крови Кэркэра, и оставляя ихъ, сказала сыну: «Если быть тебѣ живымъ, ты схватишь и съѣшь колобъ на маслѣ; если быть тебѣ убитымъ, ты съѣшь колобъ, замѣшанный на крови твоего отца!»

Мальчикъ съѣлъ колобъ, замѣшанный на крови Кэркэра. Увидѣвъ подъѣзжающаго Гэсэра, мальчикъ выдернулъ изъ потолка матицу и согнулъ ее вмѣсто лука, тонкую перекладину изъ крыши положилъ вмѣсто стрѣлы и хочетъ убить Гэсэра. Гэсэръ схватилъ его и придавилъ къ землѣ. Когда въ первый разъ давнулъ, сынъ Нчжугму вскричалъ: Шого-лоло! не бей, знакомецъ! Когда во второй разъ давнулъ, ребенокъ вскричалъ: Аку-лоло! не бей, дядя! Когда Гэсэръ придавилъ его въ третій разъ, ребенокъ вскричалъ: Ава-лоло! не бей отецъ. Послѣ этого Гэсэръ убилъ его. Если бъ мальчикъ началъ съ рѣчи: «не бей отецъ!» Гэсэру не убить бы его.

Когда Гэсэръ вернулся къ Нчжугму, она сказала: «У меня что-то заныла грудь. Должно быть ты убилъ моего сына?» Гэсэръ отвѣтилъ ей: «Не убивалъ твоего сына, не маралъ руки!» (чю-шилику-масыръ-ку-лыгъ-мазуръ).

Поѣхалъ Гэсэръ въ Лынгъ. Вьюки съ хорскимъ богатствомъ остались сзади, Гэсэръ ѣдетъ вдвоемъ съ Нчжугму. За то, что онъ много народу убилъ, у него выболѣли оба глаза; онъ ослѣпъ. Ѣда у нихъ вышла; Нчжугму проголодалась и плачетъ. Гэсэръ натянулъ лукъ и говоритъ: «Если въ степи бѣгаетъ животное, направь на него мою стрѣлу». Въ степи былъ якъ (нчжу). Нчжугму направила стрѣлу на яка, Гэсэръ отпустилъ ее и убилъ яка. Мясомъ его они стали сыты.

Нчжугму сдѣлала большой рсанъ; сложила огромный костеръ изъ можжевельника (шихпа) и багульника (суркурь), зажгла его и велѣла Гэсэру надъ дымомъ рсана протирать глаза, а сама просила Ане-гому возвратить Гэсэру зрѣніе. Анегома спустилась въ преисподнюю (нялвый), принесла оттуда глаза и вставила Гэсэру. Послѣ того подошли вьюки съ богатствомъ хорской земли. Теперь богатство Дыря и богатство хорскихъ царей соединились въ Лынгѣ и Лынгъ разбогатѣлъ.

Гэсэръ дожилъ до глубокой старости. Страна, гдѣ родился Кала-мэмбыръ и гдѣ жила его мать, называлась Ндамъ. Одинъ ндамскій овечій пастухъ пустилъ стрѣлу въ Гэсэра и убилъ его.

Ами-салунъ [1]).

ВАРІАНТЪ Б.

Первый отрывокъ. Мать Гэсэра звали Манчжаму. Прежде чѣмъ Гэсэру родиться, отецъ его умеръ, оставивъ беременную вдову. Дядя Гэсэра, младшій братъ его отца, по имени Ака-Чотонъ, захватилъ все имущество и скотъ своего брата, а беременную вдову сослалъ на островъ, окруженный съ трехъ сторонъ рѣкой, давъ ей кобылу, корову и собаку, тоже беременныхъ. Онъ разсчитывалъ, что пойдетъ большой дождь, вода въ рѣкѣ прибудетъ и вдову вмѣстѣ съ ея скотомъ унесетъ и она потонетъ. Но этого не случилось; въ другомъ мѣстѣ вездѣ идетъ дождь, а надъ островомъ свѣтитъ солнце; въ другомъ мѣстѣ выпадаетъ снѣгъ, а надъ островомъ свѣтитъ солнце. Вдова однажды пошла собирать дрова и нашла копьеце отъ стрѣлы (джебе). Здѣсь въ одиночествѣ она стала родить; родила семьдесятъ двухъ ребенковъ; родится ребенокъ и улетитъ на небо; подъ конецъ родила гудзе [2]) и положила его въ скрытное мѣсто. Въ это же время и кобыла ожеребилась, корова отелилась и собака ощенилась. Жеребенокъ не беретъ сосцевъ матери, теленокъ не сосетъ и щенокъ не сосетъ. У вдовы была эгичъ (старшая сестра); она видитъ, что солнце взошло. Что бы такое это значило? Она отправилась къ сестрѣ и спрашиваетъ: не родила ли ты? Нѣтъ, не родила, отпирается та. Да правда ли? Не скрывай, признайся. Родила, отвѣчаетъ вдова; семьдесятъ двухъ родила, но всѣ улетѣли на небо. Послѣ того родила баранье гудзѣ. Эгичъ говоритъ ей: дай, я разорву! Нѣтъ! говоритъ мать. Нужно осторожно разрѣзать его найденной мною стрѣлой. Разрѣзали, а внутри гудзѣ лежитъ прелестный ребенокъ. Какъ только ребенокъ взялъ въ ротъ грудь матери, тотчасъ и жеребенокъ припалъ къ вымени кобылы, теленокъ къ вымени коровы и щенокъ къ вымени суки.

Дядя Ака-Чотонъ увидѣлъ во снѣ, что солнце взошло, догадался, что Гэсэръ-чжаву родился. Онъ перенесъ его на колючій кустарникъ и прикрылъ колючками. Ребенокъ самъ (на третій день) разворочалъ колючки и пришелъ къ матери. На третій день по рожденіи онъ могъ уже говорить. Когда онъ подросъ, Ака-Чотонъ говоритъ ему, что онъ раздѣлитъ съ нимъ наслѣдство. Гэсэръ взялъ гору, лодку и дымъ отъ всѣхъ домовъ. Мать говоритъ Гэсэру: Что ты будешь дѣлать съ этимъ? Гэсэръ отвѣчаетъ: Безъ дыму какъ они будутъ варить, а лодка, подожди, тоже

---

[1]) Ами-салунъ, тангутъ, родомъ изъ мѣстности Ду-н (къ с. отъ монастыря Лабрана, на южномъ склонѣ горы Хара-улы), старикъ лѣтъ 60-ти. Онъ разсказывалъ сказку по тангутски; лама Сэрэнъ, шаронголецъ, переводилъ ее на монгольскій языкъ. Ами-Салунъ многія мѣста ея пѣлъ. Тангуты говорили намъ, что стихи изъ Гэсэра поются во время свадебныхъ пировъ.

[2]) Гудзе по монгол. «желудокъ».

пригодится. Пришли къ рѣкѣ три дѣвицы и просятъ перевезти ихъ на лодкѣ. Гэсэръ проситъ за перевозъ права жениться на перевезенной. Младшая, самая красивая, согласилась стать его женой. Имя ея было Мзабонъ-ичи.

Самбуренъ-ханъ вздумалъ жениться. Онъ послалъ пословъ узнать, гдѣ есть красивыя женщины, и они принесли ему извѣстіе, что нѣтъ краше жены Гэсэръ-хана ни въ странѣ тэнгри, ни въ странѣ Лосунай-хана. Самбуренъ-ханъ посылаетъ ворону; она, полетавъ, возвращается къ хану и поетъ: «Крылья мои отъ летанья отрепались, кулунъ, кулунъ! клювъ отъ добыванія пищи обкрошился, кулунъ, кулунъ! ногти отъ выкапыванія пищи притупились, кулунъ, кулунъ!» Самбуренъ-ханъ говоритъ: «Я заколю тебѣ барана. Ѣшь!» Самбуренъ-ханъ посылаетъ сороку. Сорока возвращается съ припѣвомъ: «Крылья мои отъ летанья отрепались, чакъ, чакъ! клювъ мой отъ добыванія пищи обкрошился, чакъ, чакъ!» и т. д. И ей Самбуренъ-ханъ велитъ заколоть барана. Горлица (кугушкѣ) возвращается съ припѣвомъ: «Крылья мои отъ летанья отрепались, гўгту-угў, гўгту-угў!» и пр. Ханъ и ей велѣлъ заколоть барана. Наконецъ былъ посланъ журавль (тогурюнъ) и онъ возвратился съ тою же жалобой. Самбуренъ-ханъ даетъ ему бѣлое пятно на лобъ и косичку на затылокъ.

Другой отрывокъ. Кэсэръ-чжаву отправляется возвращать свою жену Мзабынъ-ичи, увезенную чудовищемъ, которое питалось человѣческимъ мясомъ. Когда онъ пришелъ къ дому чудовища, послѣднее отсутствовало. Дома была только его жена. Она вырыла яму, посадила въ нее Гэсэра, сверху прикрыла доской, на ней изъ тѣста сдѣлала семь горъ, семь долинъ и семь рѣкъ. Пришло чудовище и говоритъ: «Я слышу запахъ человѣка!» Жена говоритъ: «Какъ не быть человѣческому мясу, когда ты имъ питаешься!» Тогда чудовище опять говоритъ: «Нѣтъ, это запахъ Гэсэра». Онъ призвалъ ворожею; тотъ погадалъ и сказалъ: «Гэсэръ близко. Онъ за семью горами, за семью долинами и за семью рѣками». Чудовище поѣхало искать Гэсэра; проѣхало семь горъ, семь долинъ и семь рѣкъ и не нашло его. Вернулось чудовище и легло спать. Въ это время Гэсэръ натянулъ лукъ и выстрѣлилъ, но стрѣла его не могла долетѣть до чудовища. Чудовище услышало и спрашиваетъ жену: «Что это такое зазвенѣло?» Жена говоритъ: «Это я мою котелъ». Успокоилось чудовище и снова заснуло. Тогда Гэсэръ выстрѣлилъ во второй разъ; стрѣла пролетѣла далѣе, но все таки не достигла до чудовища. «Что такое?» опять спрашиваетъ чудовище. «Это я пряду, говоритъ жена, и мое веретено жужжитъ». Опять успокоилось чудовище и вновь заснуло. Тогда Гэсэръ въ третій разъ выстрѣлилъ и стрѣла попала въ сердце чудовищу, но не убила его. Чудовище заболѣло. Жена допрашиваетъ его, гдѣ его смерть. Чудовище говоритъ: Есть три дерева (дальнѣйшая часть отвѣта чудовища осталась не записанною). Женщина сообщаетъ эту тайну Гэсэру, но въ это время сердце ея измѣняетъ Гэсэру и она говоритъ чудовищу, что Гэсэръ здѣсь.

Дзундуй [1]).

[1]) Дзундуй, лама, родомъ изъ Сань-чуани, разсказывалъ по-широнгольски, но варіантъ, вѣроятно, тангутскій. Дзундуй не знаетъ монгольскаго письма, но знаетъ тибетскую грамоту.

ВАРІАНТЪ В.

Были Аяни Самба-гарву и Маяни Бурчжанъ-чжаму. У нихъ было три сына; старшій назывался Тончженъ, второй Тончжонъ, а младшій Тончжу-гарву. Отецъ Самба-гарву на разсвѣтѣ пустилъ стрѣлу, чтобъ узнать, которому изъ трехъ братьевъ спуститься на землю и стать Гэсэромъ. Стрѣла упала противъ младшаго сына. Въ полдень отецъ бросилъ камень; и камень упалъ противъ младшаго сына; въ третій разъ отецъ Самба-гарву на закатѣ солнца бросилъ кости (по-тангутски шō); и въ третій разъ на костяхъ выпало младшему сыну. Самба-гарву говоритъ сыну Тончжу: «Ты долженъ идти на землю и стать Гэсэромъ». Тончжу говоритъ: «Нѣтъ земли положить ламскую шапку; нѣтъ земли положить верхнее одѣяніе ламы; нѣтъ земли положить ламскіе сапоги». Отецъ говоритъ: «Ламское платье сними съ себя и иди на землю». Тогда Тончжу въ видѣ птицы, у которой передъ золотой, задъ серебряный и цвѣта раковины, съ желѣзными когтями, съ глазами, какъ джула [1]), спустился въ Ламгъ на верхушку юрты (курь), въ которой жила Ане-чжаму. Ане-чжаму увидѣла птицу и сказала: «Это добрый знакъ, что бѣлая птица спустилась. Худо, когда черная птица спускается». И поднесла ей мясо цѣлаго барана. Потомъ Тончжу въ томъ же видѣ спустился на верхушку юрты, въ которой жилъ Аку-Чотонъ. Тотъ, увидѣвъ ее, сказалъ: «Это дурно, что бѣлая птица спустилась. Хорошо, если черная птица спускается. А эта птица дурная вещь. Нужно на нее бросить пескомъ, нужно чѣмъ-нибудь дурнымъ бросить въ нее; нужно застрѣлить ее!» Онъ взялъ лукъ и стрѣлу. Тончжу-гарву возвратился къ отцу и говоритъ, что онъ не пойдетъ на землю. Тогда отецъ Самба-гарву погнался за нимъ; Тончжу убѣжалъ на небо, но и отецъ поднялся на небо; Тончжу спустился на землю, но и на землѣ нашелъ его отецъ; Тончжу бросился въ воду, и Самба-гарву бросился въ воду. Теперь Тончжу нѣтъ болѣе мѣста скрыться; онъ обратился въ маленькій камешекъ, лежащій на берегу. Отецъ Самба-гарву въ сердцахъ проглотилъ этотъ камень. Теперь нѣтъ Гэсэра. Самба-гарву сѣлъ на высокую гору; долго онъ сидѣлъ. На мѣсто, гдѣ онъ мочился, пришелъ олень (по-тангутски имў) и началъ пить мочу; цѣлый годъ пилъ онъ ее. Камешекъ вошелъ въ его утробу. Самба-гарву говоритъ своему слугѣ: «Иди слѣдомъ за оленемъ; онъ родитъ желудокъ; ты разрѣжь его ножомъ снизу вверхъ, а не сверху внизъ» (т. е. лезвіемъ вверхъ, а не внизъ). Слуга разрѣзалъ лезвіемъ внизъ и вынулъ изъ желудка дѣвочку. Если бъ онъ выпоролъ желудокъ иначе, вышелъ бы Гэсэръ. Самба-гарву сталъ кормить дѣвицу и далъ ей имя Томба-цаму-герь. Когда она достигла возраста невѣсты, къ Самбѣ-гарву пріѣхалъ гость Рачи-Самба, привезъ мяса и сталъ угощать Самба-гарву. Самба-гарву съѣлъ все мясо. Тогда Рачи-Самба говоритъ: «У тебя есть дѣвица, а у меня нѣтъ жены. Отдай дѣвицу за меня. За этимъ я и привезъ мясо, за этимъ я и угощалъ тебя». Самба-гарву отказывается выдать за него дѣвицу.

---

[1]) Курительная свѣча.

Тогда Рачи-Самба говоритъ: «Въ такомъ случаѣ подай мое мясо!» Самба-гарву отвѣчаетъ ему: «Теперь у меня мяса нѣтъ; подожди, пригонятъ скотъ, зарѣжу барана и отдамъ». «Нѣтъ, говоритъ Рачи-Самба, теперь же подай!»

Рачи-Самба легъ на дорогѣ и спитъ. Томба-цаму-герь поѣхала по дорогѣ къ стадамъ овецъ, увидѣла лежащаго Рачи-Самба и говоритъ ему: «Встань, дай проѣхать!» Рачи говоритъ: «Если ты не торопишься, то объѣзжай кругомъ; если торопишься, то переѣзжай черезъ меня». Томба объѣхала его. Ѣдетъ она обратно. Рачи-Самба опять лежитъ и спитъ. Дѣвица опять говоритъ ему: «Встань, дай проѣхать». Рачи-Самба снова предлагаетъ ей или объѣхать или переѣхать черезъ него. Томба-цаму-герь осердилась и переѣхала черезъ него. Тогда Рачи-Самба схватилъ ея коня и говоритъ ея отцу Самбѣ-гарву: «Теперь ты долженъ отдать мнѣ твою Томба-цаму-герь!»

Самба-гарву отдалъ дѣвицу Томба-цаму-герь. Отпуская жениха и невѣсту, Самба-гарву послалъ повара проводить ихъ. Поваръ, вернувшись, сказалъ Самбѣ-гарву: «Твоя дочь, взъѣхавъ на перевалъ, не оглянулась и не оплакала свою разлуку съ тобой». Самба-гарву спросилъ дѣвицу, правда ли это. Томба-цаму-герь говоритъ, что она трижды взглянула назадъ и оплакала разлуку съ роднымъ домомъ, но Самба-гарву не повѣрилъ и проклялъ ее, велѣлъ ей съ ея мужемъ поселиться при соединеніи трехъ рѣкъ и далъ имъ только ветхій баныкъ [1]), старую кобылу, старую корову и старую собаку.

Томба-цаму-герь родила Гэсэра; кобыла родила жеребенка по имени Чжиланъ; корова родила теленка по имени Чюнкырь и собака родила щенка по имени Тонджюгъ. Аку-Чотонъ узналъ, что у Томба-цаму-герь родился ребенокъ и пошелъ посмотрѣть, не Гэсэръ ли это. Увидѣлъ, что родился крошечный ребенокъ и говоритъ: «Какой это Гэсэръ! Это вовсе не Гэсэръ». Аку-Чотонъ сказалъ объ этомъ Рдурю, но посовѣтовалъ ему все таки убить ребенка. Рдурь послалъ на Гэсэра крутящееся огненное колесо Рдурги-чжугу-рыгчжа (въ родѣ того, на которомъ китайцы сучатъ нитки). Гэсэръ предвидѣлъ это и говоритъ матери: «Завтра ко мнѣ придетъ гость. Ты разложи на его дорогѣ огонь». Колесо Чжугу-рыгчжа прикатилось въ огонь и сгорѣло. Посмотрѣлъ Аку-Чотонъ, Гэсэръ живъ. Послѣ того Рдурь наслалъ большой снѣгъ въ ростъ человѣка, но при соединеніи трехъ рѣкъ, гдѣ стоялъ баныкъ Томбы, смотритъ Аку-Чотонъ: свѣтлое солнце; снѣгъ растаялъ. Рдурь послалъ тогда птицу Чунъ-ченъ-гарву. Гэсэръ говоритъ матери: «Завтра придетъ ко мнѣ гость. Ты вымой руки водой и бѣлой водой (т. е. смѣсью воды съ молокомъ), положи меня на чистое блюдо, поднеси ему и посовѣтуй прямо проглотить, не разжевавъ». Чунъ-ченъ-гарву прилетѣла; мать все такъ сдѣлала, какъ сказалъ Гэсэръ и проситъ птицу не жевать, а прямо проглотить ребенка. «Да что тутъ и жевать-то? говоритъ Чунъ-ченъ-гарву. Такая маленькая вещь легко пройдетъ черезъ мое горло и не разжеванная». Птица проглотила Гэсэра. Гэсэръ, очутившись внутри птицы, схватилъ ея сердце и убилъ ее. Тогда Рдурь посылаетъ

[1]) Баныкъ, черная палатка, обыкновенное жилище кочевыхъ тангутовъ.

на Гэсэра собаку Рдурги-чимы-камбыръ. Гэсэръ говоритъ матери: «Ну, теперь съѣстъ меня собака! Не знаю средства избѣжать гибели. Положи меня на землю». Онъ сдѣлалъ изъ травы дэрису лукъ и стрѣлу, изъ конскаго волоса тетиву, выстрѣлилъ и убилъ собаку.

Теперь, Гэсэръ думаетъ, надо жениться. Онъ посылаетъ трехъ птицъ порухъ (ворона), пыхти (голубя) и чига (сороку) искать невѣсту. Чига и пыхти не нашли невѣсты, а воронъ нашелъ дѣвицу Нчжигму, у которой каждый волосъ состоялъ изъ трехъ суставовъ: первый суставъ золотой, второй серебряный, а третій изъ камня ою [1]). Воронъ прилетѣлъ къ Гэсэру, но не спускается на землю. Гэсэръ спрашиваетъ: «Что не спускаешься, воронъ?» Воронъ отвѣчаетъ: «Я много летalъ, усталъ, хочу ѣсть мяса, гулынъ, гулынъ!» Гэсэръ убилъ барана, положилъ мясо на степи; воронъ все такъ и не спускается. Гэсэръ убилъ корову и всю тушу выложилъ на степи, но и тогда воронъ не спустился. «Чего же тебѣ надо?» спрашиваетъ Гэсэръ. Воронъ отвѣчаетъ: «Спущусь, если ты убьешь лошадь Чжиланъ, гулынъ, гулынъ!» Нѣтъ, говоритъ Гэсэръ. Этого сдѣлать нельзя. Другой такой лошади нѣтъ на свѣтѣ. «Ну, такъ я не спущусь», говоритъ воронъ. Тогда Гэсэръ взялъ лукъ и хочетъ застрѣлить ворона. Воронъ испугался и спустился.

Гэсэръ поѣхалъ къ невѣстѣ. На немъ была худая, изорванная шуба. Нчжигму спрашиваетъ: «Который мой женихъ?» Ей указываютъ на одѣтаго въ худую шубу: «Вотъ твой женихъ Мангнай Шилö» (такое было прежнее имя Гэсэра). Нчжигму посмотрѣла на его худую шубу и говоритъ: «Нѣтъ, это не мой женихъ! Я за такого худого не пойду!»

У Гэсэра было двѣ жены. Одну увезъ Рдурь. Гэсэръ ѣдетъ возвращать жену. На пути онъ встрѣчаетъ два камня Палынъ-котыгъ, которые сходятся и расходятся. Онъ говоритъ имъ: «Вы мало расходитесь; на моей родинѣ есть Палынъ-котыгъ; тѣ хорошіе Палынъ-котыгъ; они далеко расходятся». Камни послушались Гэсэра и далеко разошлись и когда ударились, то только хвостъ отсѣкли у лошади проѣзжавшаго между ними Гэсэра. Гэсэръ ѣдетъ далѣе и встрѣчаетъ гору изъ семи ступеней; она называется Рдурги-Ларгу. Гэсэръ думаетъ, что невозможно переѣхать черезъ эту гору. Но конь говоритъ ему: «Я могу перескочить черезъ эту гору, ты только по разу ударь меня на каждой ступени да не бери съ собой никакого камня». Стегнулъ Гэсэръ коня, конь на одну ступень взлетѣлъ; еще стегнулъ разъ, конь еще на одну ступень взлетѣлъ. Въ седьмой разъ Гэсэръ ударилъ коня и конь взлетѣлъ на самую верхушку горы, но тутъ вдругъ началъ умирать. «Не взялъ ли ты какой-нибудь камень?» спрашиваетъ конь Гэсэра. Гэсэръ говоритъ, что дѣйствительно взялъ только брусокъ ножъ поточить. Конь умеръ. Гэсэръ снялъ кожу, оснималъ кости и сложилъ ихъ, на нихъ сложилъ мясо, прикрылъ все это шкурой и легъ спать, прикрывшись шубой, воротъ на ноги, подолъ на голову. Во снѣ онъ услышалъ, будто конь заржалъ; потомъ будто конь скребетъ копытомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствуетъ, какъ будто что-то тяжелое по-

[1]) Ою—бирюза.

валилось на ноги. Гэсэръ пробудился, смотритъ, конь стоитъ и говоритъ ему: «Это я билъ копытомъ. Что ты не пробуждался. Прибѣгала Рдурева корова Рдурги-Лхайгъ и навалила тебѣ на ноги; если бъ воротъ шубы былъ на головѣ, она навалила бы тебѣ на голову и ты задохся бы». Гэсэръ хотѣлъ сбросить наваленное съ шубы, но у него силы не хватило и онъ отрѣзалъ воротъ шубы ножомъ. По этому-то китайцы носятъ платье безъ ворота.

Гэсэръ подъѣзжаетъ къ Рдуреву царству. Пастухъ пасетъ скотъ; Гэсэръ убилъ его, одѣлся въ его платье и пошелъ въ домъ Рдуря. На дорогѣ стоитъ маленькая женщина; онъ спросилъ у ней, какъ загоняютъ скотъ у Рдуря. Та говоритъ: «Пастухъ только крикнетъ: демба и пр. и каждая скотина сама заходитъ въ тотъ дворъ, въ который нужно». Такъ Гэсэръ и сдѣлалъ, и пришелъ въ домъ Рдуря. Въ домѣ Рдуря на потолкѣ висѣли кости четырехъ человѣкъ и одной лошади.

Жена Гэсэра, увезенная Рдуремъ, выкопала девятиэтажную яму, спустила въ нее Гэсэра, сверху положила рѣшето; поверхъ рѣшета положила перья, собранныя ею со всѣхъ птицъ. Пріѣхалъ Рдурь и говоритъ, что онъ носомъ слышитъ запахъ человѣка. Жена отвѣчаетъ, что она сама человѣкъ и что это онъ слышитъ ея запахъ. Рдурь не вѣритъ и бросаетъ кости. На костяхъ выпадаетъ, что пріѣхалъ человѣкъ и находится за десятью горами, и что онъ остановился на многоглазой горѣ, на которой живутъ всякія птицы. Далеко, сказалъ Рдурь и легъ спать. Жена говоритъ Гэсэру: «Когда Рдурь ляжетъ спать, изъ верхушки его сердца будетъ выходить огонь; около огня будетъ летать пчела; это будетъ значить, что Рдурь еще не заснулъ. Когда пчела перестанетъ летать, это будетъ значить, что Рдурь спитъ. Въ это время пускай стрѣлу!» Гэсэръ пустилъ первую стрѣлу, оперенную перьями птицы шихчжа; стрѣла не попала въ Рдуря, а только ударилась въ стѣну. Отъ звона ея Рдурь проснулся и спрашиваетъ жену: «Что это за звонъ?» Жена отвѣчаетъ: «Это я уронила ковшъ въ золотое ведро». «А ну, говоритъ Рдурь, брось еще разъ ковшъ въ золотое ведро». Жена бросила. Раздался звонъ; Рдурь сказалъ: «Похожій звукъ!» успокоился и снова заснулъ. Гэсэръ пустилъ вторую стрѣлу, оперенную перьями птицы лыхчжа. Стрѣла опять ударилась только въ стѣну. Рдурь проснулся и спрашиваетъ: «Что это за звонъ?» Жена говоритъ: «Это я уронила ковшъ въ серебряное ведро». «А ну, брось еще разъ ковшъ въ серебряное ведро!» Жена бросила, раздался звонъ. «Дѣйствительно, похоже!» сказалъ Рдурь, успокоился и вновь заснулъ. Въ третій разъ Гэсэръ пустилъ стрѣлу, оперенную перьями птицы угпа (совы). Эта стрѣла попала въ Рдуря. Рдурь говоритъ: «Пріѣхалъ человѣкъ». Жена отвѣчаетъ: «Дѣйствительно пріѣхалъ, но садитесь прежде чай пить, а потомъ будете бороться». Напились они чаю и стали готовиться къ борьбѣ. Жена подъ Рдуря подсыпала гороху, а подъ Гэсэра золы; Рдурю на ноги надѣла желѣзныя путы, а Гэсэру путы изъ травы дэрису. Рдурь спрашиваетъ, почему она такъ сдѣлала и она объяснила: «Если подуетъ вѣтеръ, то горохъ будетъ только перекатываться съ мѣста на мѣсто и весело бываетъ смотрѣть, какъ пестрый горохъ катается. А если вѣтеръ дунетъ на золу, онъ унесетъ её всю прочь;

*

зола вещь не прочная; пусть и Гэсэръ будетъ такъ же не проченъ. Желѣзо на твоихъ ногахъ это значитъ, пусть ты будешь крѣпокъ, какъ желѣзо; а трава на ногахъ Гэсэра значитъ, пусть Гэсэръ будетъ слабъ, какъ трава». Потомъ Рдурь и Гэсэръ стали бороться—Гэсэръ поднялъ Рдуря подъ небо; здѣсь они увидѣли журавля; Гэсэръ говоритъ Рдурю: «Посмотри на горло журавля» (караку)! Потомъ Гэсэръ опустился съ Рдуремъ подъ землю; здѣсь они увидѣли крота (шило нигмѣ); Гэсэръ говоритъ Рдурю: «Посмотри на глаза крота!» Потомъ они вернулись на землю въ Рдуревъ домъ и здѣсь продолжали бороться. Горохъ раскатился подъ ногами Рдуря и онъ упалъ. Гэсэръ убилъ его. Тогда прилетѣла ворона (гата) и говоритъ: «Взрѣжь животъ! Въ немъ еще есть другая голова; если её не убьешь, Рдурь снова оживетъ».

Послѣ этого Гэсэръ отправляется въ Лангъ. Жена варитъ вино, выпивъ котораго, Гэсэръ забываетъ, что долженъ ѣхать въ Лангъ. Въ это время три царя Хоръ-Банда-чжи-чжаву, Хоръ-Куркэръ-чжи-чжаву и Хоръ-Курныгъ-чжи-чжаву пошли съ войскомъ на Лангъ. Три брата Гэсэра Хамами-Чжачи-Чикыръ, Ану-Гали-Гванчѣнъ и Санй-угӧ-Тарй увидѣли три горы: желтую, бѣлую и черную. Хамами-Чжачи-Чикыръ спрашиваетъ: «Что это за горы?» Санй-угӧ-тари отвѣчаетъ: Это войско трехъ хорскихъ царей. Хамами-Чжачи-Чикыръ и Ану-Гали-Гванченъ испугались и говорятъ: «Надо возвратиться домой!» Но Тарй говоритъ: «Нѣтъ, нужно встрѣтить войско и вступить съ нимъ въ бой». Тогда другіе два брата согласились, втроемъ поѣхали на встрѣчу хорскому войску и отогнали ихъ табуны.

Самбарча [1]).

Бурятскій варіантъ.

(Абай Гэхэръ Богдо ханъ).

Западные тэнгэри—пятьдесятъ пять тэнгэри [2]); старшій изъ нихъ Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри, который имѣетъ три сына. Старшій сынъ Хабата-Хасаръ-Моргонъ [3]),

---

[1]) Неграмотный тангутъ изъ деревни Гамака въ долинѣ Ительголъ.—По словамъ Самбарчи, пять тангутскихъ деревень Гамака, Чжатунчи, Дамбысыръ, Тумучи и Римынъ, расположенныя въ долинѣ р. Ительголъ (къ з. отъ Саньчуани), поклоняются Гэсэру-Магчжичжаву; въ каждой изъ этихъ деревень есть лсаганъ (кумирня) и въ ней изображеніе Гэсэра. Гдѣ культъ Гэсэра, тамъ не нуждаются въ содѣйствіи хоней (сапаспа) для укрощенія грозовыхъ тучъ. Въ лсаганѣ деревни Гамака въ серединѣ изображенъ Гэсэръ; направо отъ него, если смотрѣть отъ входа, Ан-Шугму, женщина съ синимъ лицомъ, сидящая на лошади; это бурханъ горы Ан-Шонгри; налѣво отъ Гэсэра Ан-Цомэнъ, по китайски Ньянъ-ньянъ, женщина, сидящая на драконѣ (нчжугъ); это бурханъ всего хребта, который тянется отъ Уй-цзана до Сань-чуани и прерывается у переправы близъ деревни Чомчомъ. Едва ли эта идея о горахъ, которыя непрерывно идутъ отъ Лассы до Желтой рѣки и тутъ прерываются, не находится во внутреннемъ отношеніи съ представленіемъ о погонѣ, гнавшейся изъ Лассы за убійцей царя Ландармы и остановленной Желтой рѣкой. Что одухотвореніе горъ въ Тибетѣ существуетъ, на это указываютъ и другіе факты; напр. высокимъ пикамъ придается названіе амуни, «старецъ». Вѣроятно, есть легенды о битвахъ горъ, о женитьбѣ ихъ и пр., какъ въ нашемъ Алтаѣ. Повѣрье объ озерѣ Дангра и горѣ около него напоминаетъ сѣверное о Косоголѣ (Эджь, «мать») и Мунко-сардыкѣ (Шоно-ноинъ, предокъ—волкъ).

[2]) То-есть такъ называемые Табинъ-табынъ-тэнгэри (55 тэнгэри) считаются западными тэнгэринами.

[3]) Другіе говорятъ старшій сынъ Ханъ-Тюрмаса Ами-Сахидакъ; третьи говорятъ Заса-Шухэръ-Аха.—

средній Бöхö-Бэлгэтэ [1]) и младшій Шингисъ-Шерэтэ-Богдо [2]). Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри имѣетъ 1003 бѣлыхъ бурхановъ [3]); старшую надъ 1003 бѣлыми бурханами, какъ мать сидящую надъ 55 тэнгэринами на верхнемъ небѣ (т. е. живущую), на млечномъ пути (на «швѣ неба») бабушку Манзанъ-Гöрмö [4]); на вершинѣ горы Алтанъ-Ула [5]), золотую мельницу, которая, стоя, вертится; на вершинѣ горы Саганъ-Мöнгöнъ-Ула [6]) бѣлую серебряную козулю, съ бѣлою серебряною цѣпью, которая вокругъ верхушки горы Саганъ-Мöнгöнъ-Ула, ходя, пасется или пощипливаетъ (траву); на верхушкѣ горы Гули-Мöнгöнъ-Ула [7]) желто-мѣдно-серебряную лисицу, съ желто-мѣдно-серебряною цѣпью, которая вокругъ верхушки горы Гули-Мöнгöнъ-Ула, ходя, понюхиваетъ; на вершинѣ — Зэтъ-Мöнгöнъ-Ула [8]) красно-мѣдно-серебряную собаку, съ красно-мѣдно-серебряною цѣпью, которая, ходя вокругъ верхушки горы Зэтъ-Мöнгöнъ-Ула, полаиваетъ; бурхана Шибэгэни-Сагана [9]), Эсэгэ-маланъ-тэнгэри, Таяпши-Тарха-Ламу [10]), 33 Болуръ-Саганъ тэнгэриновъ [11]), трехъ Алтанъ-тэнгэри [12]), трехъ сестеръ Хонуръ-Бурханъ, трехъ Халхинъ-тэнгэри [13]), трехъ Эмэршинъ-тэнгэри [14]), трехъ Дöлöнъ-тэнгэри [15]), Писонъ-Саганъ-тэнгэри. Кромѣ этого Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри еще имѣетъ бѣлый камень Эрдэни, смѣшивающій 1000 вѣковъ, темно-гнѣдаго коня, величиною съ гору, острое копье съ чернемъ изъ чернаго дерева, чисто-серебряный колчанъ съ стрѣлами и желтый лукъ Бухаръ съ серебряннымъ футляромъ, съ тринадцатью узлами петлю Торь-Саганъ, и три доспѣха; наружный доспѣхъ Дэгдэдши-Хара; подъ этимъ второй доспѣхъ, какъ уголь черный; если его скинуть и поставить, то сколько бы тысячь войскъ ни было на ногахъ, истребляетъ всѣхъ до конца; въ ненастье, продолжающееся семьдесятъ лѣтъ, не промокаетъ насквозь; оконечники семидесяти стрѣлъ

Говорятъ также, что Заса-Шухэръ-Аха есть старшій сынъ Саганъ-эхэ-*ханата* Саргалъ-Ноенъ-Хана. Въ бурятскомъ языкѣ два звука х; одинъ изъ нихъ, который въ нарѣчіяхъ переходитъ въ с, мы будемъ обозначать курсивомъ. Такимъ образомъ *ханата* въ другомъ нарѣчіи будетъ саната.

[1]) Въ другомъ варіантѣ Улэ-Бутэдэкъ; онъ былъ законодатель и судья.

[2]) Другой разсказчикъ говоритъ Тогосъ-Сокто, а инные говорятъ еще Эрхэ-Билектэ, который написалъ законъ, какъ управлять народами. Биликтэ—знающій, свѣдущій, имѣющій способность. Эрхэлхэ «баловать». Эрхэ-биликтэ говорятъ про человѣка нѣжнаго воспитанія.

[3]) Инные говорятъ 1000 бѣлыхъ бурхановъ, Минганъ-саганъ-бурханъ.

[4]) Обыкновенно называютъ ее Манзанъ-Гöрмö-бтöдö.

[5]) Алтанъ-Ула—Золотая Ула или просто золотая гора. Ула высокая гора.

[6]) Саганъ-Мöнгöнъ-Ула—бѣло-серебряная гора; иногда называютъ просто Мöнгöтö-Ула.

[7]) Гули-Мöнгöнъ-Ула—желто-мѣдная серебряная гора. Гули—желтая мѣдь.

[8]) Зэтъ-Мöнгöнъ-Ула—красно-мѣдно-серебряная гора. Красная мѣдь—зэтъ.

[9]) Инные говорятъ, что Шибэгэни-Саганъ-бурхановъ было три, а нѣкоторые говорятъ Шибэгэни-Саганъ-Бурхана вовсе не было, а Ханъ-Тюрмасъ имѣлъ Голто-Саганъ-Бурхана.

[10]) Этого ламы вовсе не встрѣчается въ другихъ сказаніяхъ, а инные говорятъ были три Соржи-Ламы.

[11]) Слово болуръ происходитъ отъ слова болохо—шаманить; саганъ—бѣлый.

[12]) Алтанъ—золото; слѣдовательно Ханъ-Тюрмасъ имѣетъ трехъ золотыхъ тэнгэри, а другой разсказчикъ говоритъ, что Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри еще имѣетъ одного Гунанъ-Саганъ-тэнгэри (гунанъ—трехъ годичный) и Дононъ-Саганъ-тэнгэри (дононъ—четырехъ годичный).

[13]) Халхинъ—вѣтеръ; три Хальхинъ-тэнгэри—три вѣтреныхъ тэнгэрина.

[14]) Эмэршинъ—южный вѣтеръ; три эмэршинъ-тэнгэри—три южныхъ вѣтреныхъ тэнгэрина.

[15]) Дöлöнъ—пламя, слѣдовательно три пламенные тэнгэрина.

не могутъ прошибить его насквозь; самый нижній доспѣхъ съ 87 пуговицами, съ солнечными красивыми лучами, доспѣхъ по имени Наринъ-Уланъ. На голову надѣвать Ханъ-Тюрмасъ имѣетъ какъ звѣзда, спускающая лучи, бѣлую шапку; кромѣ того онъ имѣетъ верховой кнутъ съ 88 узлами и 99 пуговицами.

Восточные тэнгэри—сорокъ четыре тэнгэри; самый старшій изъ нихъ Ата-Уланъ-тэнгэри, который имѣетъ трехъ красивыхъ сыновей: самый старшій и большой сынъ, имѣющій бѣлую книгу дорликъ, Саганъ-Зурха-Моргонъ [1]); средній большой сынъ, имѣющій желтую книгу дорликъ, Шара-Зурха-Моргонъ [2]); самый младшій сынъ, имѣющій черную книгу дорликъ, Хара-Зурха-Моргонъ [3]). Ата-Уланъ-тэнгэри имѣетъ: семь черныхъ тэнгэриновъ, трехъ Бурьтакъ-тэнгэриновъ [4]), трехъ Бурэнъ-тэнгэриновъ [5]), трехъ Мананъ-тэнгэриновъ [6]) и трехъ Хиру-тэнгэри [7]).

Срединное небо Сэгэнъ-сэбдэкъ-тэнгэри [8]) не подчиняется ни западнымъ 55 тэнгэринамъ, ни восточнымъ 44 тэнгэринамъ. Оно находится между ними и служитъ границею между ними. По словамъ нѣкоторыхъ бурятъ, Сэгэнъ-Сэбдэкъ-тэнгэри имѣетъ одну дочь, которую зовутъ Сэсэкъ-Ногонъ-Абаха [9]).

Одинъ изъ западныхъ пятидесяти пяти тэнгэриновъ, Писонъ-Саганъ-тэнгэри, имѣетъ одну дочь Наранъ-Гохонъ-Абаха [10]), у которой заболѣла голова, отчего она легла на постель, положивъ высокія подушки и постлавъ широкія перины.

Писонъ-Саганъ-тэнгэри поѣхалъ къ Таянши-ламѣ, который находится подъ вѣдѣніемъ Эсэгэ-маланъ-тэнгэри. По пріѣздѣ къ Таянши-ламѣ, Писонъ-саганъ-тэнгэри остановился у серебрянаго столба, привязалъ къ нему своего коня и входитъ въ серебряный дворецъ; отворивъ перламутрово-серебряную дверь, перешагнувъ серебряный порогъ безъ сора [11]), вошедши во внутренность дворца, какъ пуговкой, кивая головой кланяется, ногу въ колѣнѣ сгибая, кланяется (т. е. кланяется, ставъ на колѣни). Таянши-Лама сидитъ на серебряномъ престолѣ, который не трясется, и читаетъ бѣлыя священныя книги. Онъ спрашиваетъ у Писонъ-саганъ-тэнгэрина: «Что тебѣ нужно? зачѣмъ ко мнѣ пріѣхалъ, Писонъ-саганъ-тэнгэри? ты не сидишь-ли голодный [12]) и спина твоя не замерзла-ли»? Такъ спрашиваетъ Таянши-лама Писонъ-са-

---

[1]) Саганъ—бѣлый, моргонъ—мѣткій. Другой разсказчикъ сказалъ, что старшій сынъ Ата-Ула-тэнгэри имѣющій черное облако дорогу и черную книгу дорликъ, Хара-Гэрэлтэ.

[2]) Шара—желтый. Другой разсказчикъ сказалъ: средній сынъ, имѣющій синее облако дорогу, синюю книгу дорликъ, Хөхө-Гэрэлтэ.

[3]) По другому разсказчику младшій сынъ, имѣющій желтое облако дорогу, желтую книгу дорликъ, Шара-Гэрэлтэ.

[4]) Бурьтакъ—нечистый.

[5]) Бурэнъ—осенній и зимній туманъ; слѣдовательно онъ имѣетъ трехъ тэнгэриновъ осеннихъ и зимнихъ тумановъ.

[6]) Мананъ—лѣтній туманъ, слѣдовательно трехъ тэнгэриновъ лѣтнихъ тумановъ.

[7]) Хиру—иней.

[8]) Сэгэнъ—свѣтло-голубой, сэбдэкъ—твердый, аккуратный. Напримѣръ, буряты говорятъ сэбдэкъ-хунь—твердый и аккуратный человѣкъ.

[9]) Сэсэкъ—цвѣтокъ, ногонъ—трава.

[10]) Наранъ—солнце, гохонъ—красота необыкновенная, абаха—дѣвица высокаго происхожденія.

[11]) Бок-угэй алхахо, перешагнувъ, не насоривши.

[12]) Обыкновенно говорятъ: «ротъ твой не голоденъ-ли?»

ганъ-тэнгэрина. Писонъ-саганъ-тэнгэри отвѣчаетъ: «Ротъ мой не голоденъ и спина моя не замерзла. У единственной моей, на колѣняхъ воспитанной, дочери Наранъ-Гохонъ-Абахай заболѣла голова; она легла на высокія подушки, на широкія перины и лежитъ больная. Я пріѣхалъ просить васъ посмотрѣть въ старшей, бѣлой священной книгѣ, что нужно сдѣлать, чтобы она выздоровѣла».

Тогда Таянши-лама [1]) открываетъ старѣйшую, бѣлую священную книгу, смотритъ въ нее, читаетъ и говоритъ: «Съ долины обширной земли, въ то время, когда раздѣляется ночь и утро, какъ горностай бѣлый, жаворонокъ подымется вверхъ, напѣвая пѣсню; онъ подымется подъ самое синѣющее небо, далеко выше бѣло-синихъ облаковъ; въ это время онъ будетъ пѣть пѣсню; серебряный клювъ сжимая, будетъ пѣть; загнутыми серебряными крыльями махая, будетъ пѣть; материнское бѣлое священное писаніе притягивая къ груди, будетъ пѣть; старшее бѣлое священное писаніе притягивая на спину, будетъ пѣть; когда чуть виденъ будетъ, какъ вошь величиною, еле, еле виденъ будетъ, какъ маленькая вошь, въ это время надо прострѣлить три первыя маховыя пера праваго крыла; тогда жаворонокъ снова спустится на землю, напѣвая пѣсню; его нужно поймать (не допустивъ) до земли и обвернуть въ бѣлую матерію, унести и приложить къ головѣ Наранъ-гохонъ-абахай; если ей суждено выздоровѣть, то жаворонокъ къ головѣ ея приложится грудью, растопыривъ крылья и будетъ лежать; а если не суждено выздоровѣть, то жаворонокъ, прискакивая, будетъ пѣть». Такъ говорилъ Таянши-лама.

Писонъ-Саганъ-тэнгэри спрашиваетъ у Таянши-ламы: «Чей сынъ и чей потомокъ можетъ попасть и прострѣлить три первыя маховыя пера у такой прекрасной птички?» Тогда Таянши-лама говоритъ: «Можетъ попасть въ этого жаворонка только одинъ средній сынъ Ханъ-тюрмасъ-тэнгэрина Бохо-бэлгэтэ; другой никто не можетъ».

Писонъ-Саганъ-тэнгэри съ поклонами выходитъ на улицу; по выходѣ отъ Таянши-ламы, сѣвъ на коня, онъ поѣхалъ къ среднему сыну Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри, къ Бохо-Бэлгэтэ; пріѣхавъ къ бѣло-серебряному дворцу Бохо-Бэлгэтэя, онъ остановился у серебряннаго столба, привязалъ къ нему шелковые повода своего коня и входитъ во дворецъ; перламутрово-серебряную дверь отворидъ складно—хорошо, серебряный порогъ перешагнулъ безъ сора, войдя во внутренность дворца, стоитъ, какъ пуговкой, головою кивая, кланяется. Тогда средній сынъ Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэрина Бохо-Бэлгэтэ, сидя на бѣло-серебряномъ престолѣ, спрашиваетъ у Писонъ-Саганъ-тэнгэри: «За какимъ дѣломъ пріѣхалъ ко мнѣ, Писонъ-Саганъ-тэнгэри?» Писонъ-Саганъ-тэнгэри говоритъ: «У единственной моей дочери Наранъ-Гохонъ-Абаха заболѣла голова; она легла на высокія подушки, на широкія перины и лежитъ больна. Тогда я обратился къ Таяншиламѣ и просилъ его открыть старшую бѣлую священную книгу и посмотрѣть въ ней; Таянши-лама, открывши старшую бѣлую священную книгу, прочи-

[1]) Иные говорятъ, что Писонъ-саганъ-тэнгэри поѣхалъ къ тремъ Голто-саганъ-бурханамъ.

талъ: когда съ долины обширной земли, въ то время, когда раздѣлится ночь и утро (т. е. между ночью и утромъ), какъ горностай бѣлый, жаворонокъ поды-мется вверхъ, напѣвая пѣсню; когда подымется подъ самое синѣющее небо, далеко выше бѣло-синихъ облаковъ и въ это время будетъ пѣть, серебрянный клювъ сжи-мая, будетъ пѣть, загнутыми серебрянными крыльями махая, будетъ пѣть; мате-ринское бѣлое и священное писаніе притягивая къ груди, будетъ пѣть, старшее, бѣлое и священное писаніе притягивая на спину, будетъ пѣть; когда чуть виденъ будетъ, какъ вошь, величиною; еле, еле виденъ будетъ, какъ маленькая вошь,—въ это время нужно прострѣлить три первыя маховыя пера праваго крыла; тогда жаворонокъ снова спустится на землю, напѣвая пѣсню; его нужно поймать (не до-пустивъ) до земли и завернуть въ бѣлую матерію, унести и приложить къ головѣ Наранъ-Гохонъ-Абахай. Если ей суждено выздоровѣть, то жаворонокъ къ головѣ ея приложится грудью и будетъ лежать, растопыривъ крылья, а если не суждено выздоровѣть, то жаворонокъ, прискакивая, будетъ пѣть. Я спросилъ, чей сынъ и чей потомокъ можетъ попасть и прострѣлить три первыя маховыя пера у такой красивой птички, тогда Таянгши-лама сказалъ, что только вы можете попасть и прострѣлить, а другой никто не можетъ».

Тогда средній сынъ Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри Бохо-Бэлгэтэ говоритъ Писонъ-Саганъ-тэнгэрину. «Нѣтъ, я не могу попасть въ этого жаворонка стрѣлою. Выше меня есть старшій братъ Хабата-Хасаръ-Моргонъ; тотъ съумѣетъ попасть и про-стрѣлить три первыя маховыя пера праваго крыла». Эти слова говоря, молвилъ онъ.

Писонъ-Саганъ-тэнгэри поѣхалъ къ старшему сыну Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри Хабата-Хасаръ-Моргону, согласно словамъ Бохо-Бэлгэтэ; пріѣхавъ къ бѣло-сере-брянному дворцу, привязавъ коня къ серебрянному столбу, входитъ во дворецъ, въ которомъ на бѣло-серебрянномъ престолѣ сидитъ старшій сынъ Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэрина Хабата-Хасаръ-Моргонъ. Кланяется ему Писонъ-Саганъ-тэнгэри. Тогда Хабата-Хасаръ-Моргонъ, сидя на престолѣ, спрашиваетъ его: «По какому дѣлу пріѣхалъ ко мнѣ, Писонъ-Саганъ-тэнгэри?» Писонъ-Саганъ-тэнгэри разсказалъ слова Таянши-ламы. Тогда Хабата-Хасаръ-Моргонъ говоритъ ему: «Нѣтъ, я не съумѣю; въ этого жаворонка можетъ попасть только средній братъ Бохо-Бэлгэтэ». Писонъ-Саганъ-тэнгэри говоритъ ему, что онъ былъ у Бохо-Бэлгэтэ и Бохо Бэлгэтэ сказалъ, что онъ не можетъ попасть въ этого жаворонка. «Если кто съумѣетъ попасть, то это только вы можете». Тогда Хабата-Хасаръ-Моргонъ говоритъ: Са-мый младшій братъ мой Шингисъ-Ширетэ-Богдо можетъ быть съумѣетъ попасть въ этого жаворонка.

Писонъ-Саганъ-тэнгэри съ поклонами вышелъ изъ дворца Хабата-Хасаръ-Моргона и поѣхалъ къ самому младшему сыну Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэрина, къ Шин-гисъ-Ширетэ-Богдо; пріѣхавши къ бѣло-серебрянному дворцу, привязалъ своего коня къ серебрянному столбу, а самъ входитъ во дворецъ и кланяется Шингисъ-Ширетэ-Богдо. Младшій сынъ Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэрина сидитъ на бѣло-серебрян-номъ престолѣ и спрашиваетъ Писонъ-Саганъ-тэнгэрина: «По какому дѣлу пріѣхалъ ко мнѣ, Писонъ-Саганъ-тэнгэри?» Тогда Писонъ-Саганъ-тэнгэри говоритъ слова

Таянгши-ламы и что оба старшіе брата отказались, а старшій братъ Хабата-Хасаръ-Моргонъ сказалъ, что въ этого жаворонка можетъ попасть только младшій братъ. Тогда Шингисъ-Ширетэ-Богдо говоритъ: «Нѣтъ, я не могу попасть въ этого жаворонка; если кто можетъ попасть, то это средній братъ мой Бохо-Бэлгэтэ».

Писонъ-Саганъ-тэнгэри послѣ этого обратно пріѣхалъ къ Бохо-Бэлгэтэ и говоритъ ему: «Всѣ говорятъ, одинъ только вы можете попасть въ этого жаворонка, а другой никто».

Тогда Бохо-Бэлгэтэ опять говоритъ: «Нѣтъ, я не могу попасть въ этого жаворонка; если старшій братъ и младшій братъ не могутъ попасть, то я какъ могу попасть?»

Писонъ-Саганъ-тэнгэри пріѣхалъ обратно домой; отворивъ золотой подвалъ, выкатилъ изъ него три бочки вина; это вино привезъ къ Бохо-Бэлгэтэ. Пріѣхавъ къ Бохо-Бэлгэтэ и входя во дворецъ, кланяется ему; послѣ этого выпоилъ ему одну бочку вина; когда Бохо-Бэлгэтэ выпилъ одну бочку вина, то это едва замѣтно стало на его глазахъ; послѣ этого Писонъ-Саганъ-тэнгэри выпоилъ ему вторую бочку вина; когда Бохо-Бэлгэтэ выпилъ вторую бочку, едва замѣтно стало на устахъ; послѣ этого Писонъ-Саганъ-тэнгэри выпоилъ ему третью бочку вина; когда онъ выпилъ третью бочку, то сдѣлался порядочно пьянымъ; спереди посмотрѣть, былъ похожъ на красную гору; на губы и ротъ посмотрѣть, точно былъ похожъ на человѣка; сзади посмотрѣть, былъ похожъ на высокую гору; въ такомъ видѣ онъ сидѣлъ, смѣялся раскатисто наравнѣ съ десятью человѣками и также говорилъ наравнѣ съ двадцатью человѣками. Послѣ этого Бохо-Бэлгэтэ говоритъ: «Ну, теперь поѣзжай домой; завтра утромъ буду стрѣлять въ этого жаворонка и привезу тебѣ».

Писонъ-Саганъ тэнгэри послѣ этого уѣхалъ домой. На другое утро, т. е. между ночью и утромъ, Бохо-Бэлгэтэ пробудился и, вставъ съ постели безъ кушака на распашку въ одной шубѣ, взявъ стрѣлу и лукъ, выходитъ на улицу; большую и золотую землю постепенно кругомъ разсматривалъ, обширную большую землю вокругъ осматривалъ, чтобы увидѣть жаворонка. Въ это время съ долины обширной земли, какъ горностай, бѣлый жаворонокъ поднялся вверхъ, махая загнутыми серебрянными крыльями и запѣлъ. Этотъ красивый жаворонокъ постепенно поднимался все выше и выше подъ самое синѣющее небо и поднялся далеко выше бѣло-синихъ облаковъ; серебрянный клювъ сжимая, пѣлъ; двумя большими и красивыми крыльями махая, пѣлъ, материнское бѣлое священное писаніе [1]) къ груди притягивая, пѣлъ, старшее бѣлое священное писаніе [2]) на спину притягивая, пѣлъ; когда чуть видно его стало, какъ съ вошь величиною, и еле-еле видно стало, какъ маленькую вошь, тогда средній сынъ Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэрина Бохо-Бэлгэтэ, говоря: «Настало самое подходящее время стрѣлять мущинѣ-человѣку!» Сквозь дверь пролетающую громадную черную стрѣлу приложилъ къ тетивѣ лука, сильно натянулъ лукъ до спины и остановился; когда дотянулъ тетиву до оконеч-

[1]) Эхэ-саганъ-номъ.
[2]) Аха-саганъ-номъ.

ника стрѣлы. Потомъ говоритъ: «Если присуждено выздоровѣть дочери Писонъ-Саганъ-тэнгэри, Наранъ-Гохонъ-Абахай, то въ этого красиваго жаворонка попади, отъ праваго красиваго крыла три маховыя пера отрѣзавъ, уходи; если не присуждено ей выздоровѣть, то безъ извѣстія иди!» Сказавъ эти слова, Бохо-Бэлгэтэ выстрѣлилъ изъ лука [1]); стрѣла полетѣла вверхъ со свистомъ и пѣніемъ, отъ которыхъ тряслась земля и дрожало небо. Этотъ жаворонокъ, не зная, продолжалъ свое пѣніе; въ это время прилетѣла стрѣла и попала въ правое красивое крыло, отрѣзала три первыя маховыя пера и пролетѣла далѣе. Этотъ жаворонокъ безъ трехъ первыхъ маховыхъ перьевъ праваго крыла не могъ продолжать пѣніе, почему постепенно спустился внизъ, продолжая пѣть. Бохо-Бэлгэтэ не допустилъ жаворонка до земли, поймалъ его на ладони и завернулъ въ бѣлую матерію. Послѣ этого онъ пришелъ домой; потомъ поѣхалъ къ Писонъ-Саганъ-тэнгэри и отвезъ къ нему обѣщаннаго жаворонка.

Бохо-Бэлгэтэ, пріѣхавъ къ Писонъ-Саганъ-тэнгэри, привезеннаго жаворонка положилъ на голову дѣвицы Наранъ-Гохонъ-Абахай; прекрасный жаворонокъ распростеръ свои крылья и приложился грудью къ головѣ дѣвицы; она выздоровѣла, встаетъ съ постели и говоритъ, что долго лежала больною. Она попрежнему стала здоровою и красивою.

Когда Наранъ-Гохонъ-Абаха выздоровѣла, она начала ходить плавно-степенно, отчего выростали тоненькія травы; она гибко-плавно ходила, отчего овцы и ягнята кричали. Она поставила золотой столъ, на него поставила превкусную пищу; поставила серебряный столъ, на него поставила настоящую вкусную пищу и потомъ подносила крѣпкое вино; такимъ образомъ она угощала Бохо-Бэлгэтэ, который поѣдалъ превкусную пищу и выпивалъ крѣпкое вино.

Писонъ-Саганъ-тэнгэри сильно обрадовался; онъ, не помня, садится и не помня, встаетъ; потомъ говоритъ: «Бохо-Бэлгэтэ, дѣйствительно ты мѣтокъ и быстръ; съ этого времени будешь называться не Бохо-Бэлгэтэ, а Моргонъ-Тӧгӧлторъ» [2]).

Моргонъ-Тӧгӧлторъ, выпивши вино, сдѣлался немного пьянымъ; тогда онъ разговорился; о прежнемъ времени онъ разсказывалъ краснорѣчиво и, изъ прошлаго времени собирая, разсказывалъ.

Писонъ-Саганъ-тэнгэри говоритъ Моргонъ-Тӧгӧлтору: «Что хочешь, того проси и возьми съ собою: половину золота и серебра моего и половину разнаго скота».

Тогда Моргонъ-Тӧгӧлторъ говоритъ: «Мнѣ ничего не нужно теперь, а впослѣдствіи пусть вы выполните мою просьбу, которую попрошу сдѣлать».

Послѣ этого Моргонъ-Тӧгӧлторъ уѣхалъ домой.

---

[1]) Нѣкоторые буряты говорятъ, что Бохо-Бэлгэтэ этого жаворонка стрѣлялъ на землѣ во время талгана «Лусудуй», на который пріѣхалъ со своимъ отцомъ Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэриномъ, и также во время этого талгана поборолъ силача земного «Газари-Ганикъ-бохо».

[2]) Тӧгӧлторъ отъ тӧгӧт, «близнецъ».

Послѣ этого Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри всѣмъ подчиненнымъ пятидесяти пяти западнымъ тэнгэринамъ далъ приказаніе пріѣхать; всѣ западные тэнгэрины собрались у Ханъ-Тюрмаса-тэнгэри. Онъ говоритъ собравшимся тэнгэринамъ: «Такъ какъ дней очень много и годъ длинный (т. е. продолжительный), то будемте у меня пировать и веселиться для препровожденія времени!» Всѣ пятьдесятъ пять западныхъ тэнгэриновъ согласились. Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри сдѣлалъ большой пиръ; всѣ собравшіеся тэнгэри начали пировать и веселиться. Во время этого пира и веселья Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри говоритъ прочимъ тэнгэринамъ: «На такой прекрасный пиръ и веселье пригласимте Сэгэнъ-Сэбдэкъ-тэнгэри и пошлемте за нимъ трехъ быстрыхъ пословъ».

Западные пятьдесятъ пять тэнгэри сказали: «Сказанное вѣрно и задуманное подходяще! нужно послать трехъ быстрыхъ посланниковъ пригласить Сэгэнъ-Сэбдэкъ-тэнгэри».

Тогда въ черную желѣзную повозку запрягли трехъ карихъ иноходцевъ и на нихъ послали трехъ быстрыхъ пословъ пригласить Сэгэнъ-Сэбдэкъ-тэнгэри на пиръ Ханъ-Тюрмаса-тэнгэри.

Три быстрые посла на трехъ карихъ иноходцахъ въ желѣзной повозкѣ поѣхали къ Сэгэнъ-Сэбдэкъ-тэнгэри; когда они ѣхали по дорогѣ, самый старшій изъ восточныхъ сорока четырехъ тэнгэриновъ, Ата-Уланъ-тэнгэри, узнавъ, что западные пятьдесятъ пять тэнгэрина съ Ханъ-Тюрмасъ-тэнгериномъ прислали трехъ быстрыхъ пословъ за Сэгэнъ-Сэбдэкъ-тэнгэри приглашать его къ себѣ на пиръ и взять въ свое подчиненіе,—говоритъ: «Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри имѣетъ 55 тэнгэриновъ, и еще хочетъ взять Сэгэнъ-Сэбдэкъ-тэнгэри, а я имѣю только 44 тэнгэри; поэтому Сэгэнъ-Сэбдэкъ-тэнгэрина долженъ взять я, а не Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри, у котораго 11-ю тэнгэринами и такъ больше, чѣмъ у меня». Съ этими словами Ата-Уланъ-тэнгэри поскорѣе приготовилъ тоже трехъ быстрыхъ пословъ, для которыхъ запрягли въ черную желѣзную повозку трехъ карихъ иноходцевъ; и тоже послалъ ихъ пригласить къ себѣ Сэгэнъ-Сэбдэкъ-тэнгэри. Три быстрые посла Ата-Уланъ-тэнгэри тоже поѣхали.

По три посланника западныхъ и восточныхъ тэнгэриновъ въ одинъ разъ поѣхали къ бѣло-серебряному дворцу Сэгэнъ-Сэбдэкъ-тэнгэри, они одновременно вылѣзли изъ повозокъ и вошли во дворецъ; посланники западныхъ тэнгэриновъ остановились на правой сторонѣ двери, а посланники восточныхъ тэнгэриновъ остановились на лѣвой сторонѣ двери.

Сэгэнъ-Сэбдэкъ-тэнгэри сидитъ на серебряномъ престолѣ и спрашиваетъ: «Откуда и зачѣмъ пріѣхали?»

Тогда три быстрые посла отъ западныхъ тэнгэриновъ говорятъ: «Насъ послали западные пятьдесятъ пять тэнгэрина, которые пируютъ у Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри, пригласить васъ на этотъ пиръ!»

Потомъ три быстрые посла отъ восточныхъ тэнгэриновъ говорятъ: «Насъ тоже послали пригласить васъ къ Ата-Уланъ-тэнгэрину!»

Тогда Сэгэнъ-Сэбдэкъ-тэнгэри сильно разсердился и говоритъ посламъ западныхъ и восточныхъ тэнгэриновъ: «Я ни къ кому не поѣду; я бабочкѣ никогда

не дѣлалъ зла и червяка не обижалъ, живу, никому не дѣлая зла и никого не обижая; если хотятъ взять меня, то пусть возметъ тотъ, который побѣдитъ другого; я пойду къ побѣдителю!» Съ этими словами отправилъ быстрыхъ пословъ западныхъ и восточныхъ тэнгэриновъ.

Три быстрые посла западныхъ тэнгэриновъ уѣхали обратно, къ западнымъ тэнгэринамъ и сказали слова Сэгэнъ-Сэбдэнъ-тэнгэри.

Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри сказалъ западнымъ пятидесяти пяти тэнгэринамъ, что нужно изъ-за Сэгэнъ-Сэбдэкъ-тэнгэри [1]) воевать съ восточными тэнгэринами. Послѣ этого западные тэнгэрины разъѣхались съ пира. Другіе три быстрые посла сказали тѣ же слова Сэгэнъ-Сэбдэкъ-тэнгэрина и восточнымъ тэнгэринамъ; Ата-Ула-тэнгэри тоже рѣшился воевать съ западными тэнгэринами изъ-за Сэгэнъ-Себдэкъ-тэнгэри, которымъ долженъ владѣть побѣдитель.

Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри, когда кончился пиръ, началъ приготовляться къ войнѣ съ восточнымъ старшимъ тэнгэриномъ Ата-Уланомъ; онъ приказалъ приготовиться къ войнѣ своимъ тремъ сыновьямъ, которые и начали собираться; Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри приказалъ также приготовиться къ войнѣ тремъ Халхинъ-тэнгэринамъ, тремъ Эмершинъ-тэнгэринамъ и тремъ Дёлёнъ-тэнгэринамъ. Всѣ они вполнѣ приготовились къ войнѣ.

Самый старшій тэнгэри надъ восточными тэнгэринами, Ата-Уланъ-тэнгэри, тоже началъ приготовляться къ войнѣ съ Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэриномъ. Ата-Уланъ-тэнгэри приказалъ приготовиться къ войнѣ своимъ тремъ сынамъ и также тремъ Бёрёнъ-тэнгэри, тремъ Мананъ-тэнгэринамъ и тремъ Хиру-тэнгэри,—всѣ они тоже вполнѣ приготовились къ войнѣ.

Тогда Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри сѣлъ на своего темно-гнѣдого коня, величиною съ гору и поѣхалъ къ востоку; онъ ѣхалъ впереди, а за нимъ поѣхали три сына его, три Халхинъ-тэнгэри, три Эмершинъ-тэнгэри и три Дёлёнъ-тэнгэри.

Ата-Уланъ-тэнгэри тоже сѣлъ на своего коня и поѣхалъ къ западу впереди, а за нимъ три сына его, три Бёрёнъ-тэнгэри, три Мананъ-тэнгэри и три Хиру-тэнгэри.

Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри и Ата-Уланъ-тэнгэри съѣхались около дворца Сэгэнъ-Сэбдэкъ-тэнгэри на половинномъ разстояніи; къ мѣсту пріѣхали въ одно и то же время,—никто никого не опередилъ.

Восточный тэнгэри, Ата-Уланъ, говоритъ западному Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри: «Ты имѣешь 55 тэнгэриновъ и такъ уже у тебя много ихъ, а у меня только 44 тэнгэрина, болѣе нѣтъ; у тебя одинадцатью тэнгэринами болѣе, чѣмъ у меня; Сэгэнъ-Сэбдэкъ-тэнгэрина долженъ взять я, такъ какъ у меня меньше». Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри говоритъ: «Будемъ воевать; кто выйдетъ побѣдителемъ, тотъ возьметъ къ себѣ Сэгэнъ-Сэбдэкъ-тэнгэри».

---

[1]) Иные говорятъ, что война между западными и восточными тэнгэринами произошла изъ-за дочери Сэгэнъ-Сэбдэкъ-тэнгэрина, Сэсэкъ-ногонъ-абаха, которою хотѣли владѣть и западные 55 тэнгэрина и восточные 44 тэнгэрина.

И такъ они согласились воевать между собою изъ-за Сэгэнъ-Сэбдэкъ-тэнгэри; его возьметъ побѣдитель.

Восточный Ата-Уланъ-тэнгэри и западный Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри вырѣшили, чтобы сначала воевали три Халхинъ-тэнгэри съ тремя Бӧрӧнъ-тэнгэри.

Три Бӧрӧнъ-тэнгэри сдѣлали такой густой туманъ, что всѣ живыя существа стали на небѣ блуждать; жеребята отъ матерей терялись и птицы отъ гнѣзда терялись.—Тогда три Халхинъ-тэнгэри начали дуть.

Три Халхинъ-тэнгэрина и три Бӧрӧнъ-тэнгэрина воевали въ продолженіи трехъ сутокъ, но никто никого не могъ побѣдить; послѣ третьихъ сутокъ три Халхинъ-тэнгэрина начали побѣждать своихъ противниковъ трехъ Боронъ-тэнгэриновъ и наконецъ окончательно побѣдили; три Халхинъ-тэнгэрина съ неба выдули въ нижнюю землю трехъ Бӧрӧнъ-тэнгэриновъ, говоря: «На нижней землѣ будете на вершинѣ высокихъ горъ и на поверхности широкаго моря». Три Бӧрӧнъ-тэнгэри, побѣжденные и выдутые съ неба, спустились на нижнюю землю, остановились на вершинахъ высокихъ горъ и на поверхности широкаго моря [1]).

Тогда Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри сильно обрадовался и говоритъ: «Первая побѣда за нами».

Потомъ три Эмершинъ-тэнгэри съ тремя Мананъ-тэнгэринами начали воевать.—Три Мананъ-тэнгэри сдѣлали такой густой туманъ, что всѣ живыя существа стали на небѣ блуждать: жеребята теряли матерей и птицы отъ гнѣзда терялись. Тогда три Эмершинъ-тэнгэри начали дуть.

Три Эмершинъ-тэнгэрина съ тремя Мананъ-тэнгэринами воевали въ продолженіи трехъ сутокъ, но никто никого не могъ побѣдить; послѣ третьихъ сутокъ три Эмершинъ-тэнгэрина начали побѣждать своихъ противниковъ, трехъ Мананъ-тэнгэриновъ и наконецъ окончательно побѣдили. Три Эмершинъ-тэнгэрина съ неба выдули своихъ противниковъ въ нижнюю землю, говоря: «На нижней землѣ будете туманить вдоль долгой и большой пади и на подошвахъ высокихъ горъ». Три Мананъ-тэнгэри, побѣжденные и выдутые съ неба, спустились на нижнюю землю, остановились вдоль долгой и широкой пади на подошвахъ высокихъ горъ [2]).

Тогда западный Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри сильно обрадовался и говоритъ: «Вторая побѣда наша! мои тэнгэрины побѣдили!»

Потомъ три Дӧлӧнъ-тэнгэрина съ тремя Хиру-тэнгэринами начали воевать. Три Хиру-тэнгэри сдѣлали такой сильный иней, что всѣ растенія на небѣ замерли и также животныя стали мерзнуть. Тогда три Дӧлӧнъ-тэнгэрина впустили пламя и начали таять иней. Три Дӧлӧнъ-тэнгэрина съ тремя Хиру-тэнгэринами воевали впродолженіи трехъ сутокъ, но никто никого не могъ побѣдить; послѣ третьихъ сутокъ три Дӧлӧнъ-тэнгэрина начали побѣждать своихъ противниковъ, трехъ Хиру-

[1]) По словамъ бурятъ, на землѣ съ этого времени появился зимній туманъ на поверхности воды и на вершинѣ высокихъ горъ; прежде не было; это потому, что три Бӧрӧнъ-тэнгэрина были съ неба выдуты на землю.

[2]) Съ этого времени на землѣ появился лѣтній туманъ, а прежде до этого времени не было. Земные люди не знали ни лѣтнихъ, ни зимнихъ тумановъ.

тэнгэриновъ, и наконецъ, окончательно побѣдили и всѣ инеи растаяли. Три Дөлөнъ-тэнгэрина съ неба выбросили Хиру-тэнгэриновъ на нижнюю землю, говоря: «На нижней землѣ будете инеями передъ восходомъ солнца, отъ котораго растаете».—Три Хиру-тэнгэри, побѣжденные и выброшенные съ неба на землю, спустились на нижнюю землю, гдѣ и остановились; передъ восходомъ солнца на землю падали инеями, послѣ восхода солнца таяли. Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри сильно обрадовался и говоритъ: «Третья побѣда за нами».

Послѣ тэнгэриновъ настала очередь трехъ сыновъ Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри и трехъ сыновъ Ата-Уланъ-тэнгэри. Три сына Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри начали воевать съ тремя сыновьями Ата-Уланъ-тэнгэри; старшій сынъ Ханъ-Тюрмаса-тэнгэри началъ воевать съ старшимъ сыномъ Ата-Уланъ-тэнгэри, средній сынъ съ среднимъ сыномъ, и младшій сынъ съ младшимъ сыномъ; они воевали впродолженіи трехъ сутокъ; впередъ упираясь ногами, дѣлали красныя горы, и назадъ упираясь ногами, дѣлали большія горы, но никто не могъ побѣдить; если къ верблюду бросить, равнымъ-равно воюютъ, если къ лошади бросить, дѣйствительно равно воюютъ; впродолженіи шести сутокъ воюютъ, по прошествіи шести сутокъ три сына Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри начали побѣждать трехъ сыновъ Ата-Уланъ-тэнгэри и наконецъ окончательно побѣдили трехъ сыновъ Ата-Уланъ-тэнгэри.

Три сына Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри своими острыми копьями съ чернемъ изъ чернаго дерева закололи трехъ сыновей Ата-Уланъ-тэнгэри и сбросили ихъ съ неба на нижнюю землю. Тогда три сына Ата-Уланъ-тэнгэри, сброшенные съ неба на землю, спустились на южной сторонѣ, откуда восходитъ солнце; когда падали на землю, то они говорили: «Будемъ преслѣдовать до тѣхъ поръ, пока отверстіе желѣзнаго стремени не прорвется и до тѣхъ поръ, пока родившіяся дѣти начнутъ носить колчаны».—Когда они упали на землю, то сдѣлались тремя царями Шарабуловыхъ: старшій царь Саганъ-Гэрэлтэ-ханъ [1]), средній Шара-Гэрэлтэ-ханъ [2]) и младшій Хара-Гэрэлтэ-ханъ [3]); эти цари имѣли много тысячъ подданныхъ, какъ земля, многочисленныхъ.

Тогда Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри сильно обрадовался и говоритъ: «Четвертая побѣда за нами».

Потомъ Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри говоритъ къ Ата-Уланъ-тэнгэрину: «Теперь воевать будемъ мы сами!» и спрашиваетъ: «Какъ будемъ воевать, силою плеча [4]) или силою большого пальца?» [5]).

Ата-Уланъ-тэнгэри говоритъ: «Будемъ воевать силою плеча».

Послѣ этого западный Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри съ восточнымъ Ата-Уланъ-тэн-

---

[1]) Саган-Гэрэлтэ-ханъ—бѣлый свѣтлый царь.

[2]) Шара-Гэрэлтэ-ханъ—желтый свѣтлый царь.

[3]) Хара-Гэрэлтэ-ханъ—черный свѣтлый царь.—Стекло—гэрэлъ, слѣдовательно: бѣлый стеклянный царь, желто стеклянный царь и черно-стеклянный царь. Или слово гэрэл происходитъ отъ слова гэрэлхэн—прозрачный, тогда можно перевести: прозрачно-бѣлый царь, прозрачно желтый царь и прозрачно-черный царь.

[4]) Силою плеча—значитъ бороться.

[5]) Силою большого пальца, т. е. стрѣлять другъ въ друга стрѣлою.

гэриномъ начали воевать силою плеча; они воевали впродолженіи трехъ сутокъ, никто никого не можетъ побѣдить; впередъ упирались ногами, дѣлали красную гору, назадъ упирались ногами, большія горы дѣлали; продолжали воевать шесть сутокъ, никто никого не можетъ побѣдить; если къ верблюду сбросить, равнымъ равно воевали, а если къ лошади сбросить, дѣйствительно равно воевали; еще продолжали воевать девять сутокъ; послѣ девяти сутокъ западный Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри началъ побѣждать своего противника Ата-Уланъ-тэнгэри; притягивая его впередъ, нагибалъ, какъ сырое дерево гнулъ, и отталкивая назадъ, какъ сухое дерево, ломалъ,—и наконецъ окончательно побѣдилъ. Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри свалилъ на землю своего противника Ата-Уланъ-тэнгэри и выдернулъ съ праваго бока изъ ноженъ серебромъ оправленный мечъ, который въ крови человѣка не дѣлается мягкимъ, въ костяхъ не тупится и скованъ изъ чистаго и крѣпкаго булата. Этимъ мечемъ онъ ударилъ восточнаго Ата-Уланъ-тэнгэри и разрубилъ пополамъ; потомъ острымъ копьемъ съ чернемъ изъ чернаго дерева прокололъ нижнюю часть тѣла и сбросилъ съ неба на нижнюю землю.

Нижняя часть тѣла восточнаго Ата-Уланъ-тэнгэри, сброшенная съ неба внизъ, направилась прямо въ сѣверо-западную сторону и на пути сдѣлалась человѣкомъ, если колоть острыми орудіями, то безъ крови, и если стрѣлять стрѣлами, то безъ жизни; обратившись въ такое чудовище мангатхай, которое звали Лобсоголдой [1]), она упала на землю.—Лобсоголдой, падая, на пути говорилъ: «Буду преслѣдовать всѣхъ потомковъ, происшедшихъ отъ западнаго Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэрина, до тѣхъ поръ, пока ушко не прорвется у желѣзнаго стремени!» Такъ грозя, упалъ на землю.

Потомъ Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри острымъ копьемъ съ чернемъ изъ чернаго дерева прокололъ верхнюю часть тѣла Ата-Уланъ-тэнгэри и тоже сбросилъ съ неба внизъ на землю.

Верхняя часть тѣла восточнаго Ата-Уланъ-тэнгэри, сброшенная съ неба внизъ, на пути между небомъ и землею начала заставлять десять большихъ волшебствъ на ладони бѣгать, двадцать большихъ волшебствъ заставила бѣгать на пальцахъ; въ это время на спинѣ сдѣлала десять тысячъ глазъ изъ десяти тысячъ звѣздъ ночного неба, на передней сторонѣ сдѣлала четыре тысячи глазъ [2]) изъ четырехъ тысячъ звѣздъ ночного неба; направилась прямо на восточную сторону, гдѣ хотѣла спуститься на землю, называемую Хонинъ-Хотонъ [3]); придавивъ ее, спустилась и сдѣлалась царемъ Галъ-Дөлмө-ханомъ съ 1003 большими волшебствами [4]).

Западный Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри говоритъ: «Непобѣдимыхъ враговъ побѣдили и годового жеребенка закололи!» Такъ какъ западный Хахъ-Тюрмасъ-тэнгэри побѣдилъ восточнаго Ата-Уланъ-тэнгэри, то взялъ себѣ Сэгэнъ-Сэбдэкъ-тэнгэри. Потомъ Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри возвратился обратно домой съ тремя сыновьями, тремя алхинъ-тэнгэринами, тремя Эмэршинъ-тэнгэринами, и тремя Дөлөнъ-тэнгэ-

[1]) Обыкновенно буряты называютъ Лобсоголдой-хара-мангатха, или просто Лобсоголдой.

[2]) Другіе говорятъ: на передней сторонѣ сдѣлала множество тысячь-тысячь глазъ.

[3]) Хонинъ—овца, хотонъ—желудочный;—«овечье—желудочная».

[4]) Галъ—огонь, Дөлмө—происходитъ отъ дөлөн—пламя, слѣдовательно—огонь пламенный ханъ.

ринами. По пріѣздѣ домой Хадъ-Тюрмасъ-тэнгэри собралъ всѣхъ западныхъ 55 тэнгэриновъ и Сэгэнъ-Сэбдэкъ-тэнгэри и вмѣстѣ съ ними устроилъ большой пиръ и веселье, продолжавшееся девять дней и девять ночей; на десятый день едва разошлись.

Такимъ образомъ самый старшій восточный Ата-Уланъ-тэнгэри съ тремя сыновьями, тремя Бöрбöнъ-тэнгэринами, тремя Мананъ-тэнгэринами и тремя Хирутэнгэринами съ неба сброшены на землю. Съ тысяча тремя большими волшебствами Галъ-Дöлмö-ханъ сталъ жить въ странѣ Хонинъ-Хотонъ и сдѣлался могущественнымъ царемъ. Галъ-Дöлмö-Ханъ подружился съ альбинскими альбинами, сдѣлалъ ихъ своими друзьями. Потомъ Галъ-Дöлмö-Ханъ говоритъ: «На землѣ есть люди, которыхъ сотворили западные 55 тэнгэрина; они имъ покровительствуютъ. Этимъ людямъ нужно вредить и посылать на нихъ разныя болѣзни, чтобы они сильно умирали».

На землѣ были люди, сотворенные западными пятидесятью пятью тэнгэринами. На землѣ были три царства Тугушинскія [1]) (Тугушин-гурбан-хадут); старшій царь былъ, имѣющій соловаго коня, съ просѣдью голову, бѣлую шелковую шубу и добродѣтельный нравъ, Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ [2]); средній царь былъ скрытое отгадывающій, трудное достигающій и бѣлое отъ чернаго раздѣляющій (т. е. правое отъ неправаго раздѣляющій), Затъ-Шухэръ-ханъ; младшій царь былъ, имѣющій сиваго жеребца, царь съ черными думами (т. е. завистливый) Сута-Ноёнъ-ханъ [3]); они имѣли многочисленныхъ подданныхъ, и управляли ими благополучно. Земные люли жили хорошо, дружно и не знали никакихъ болѣзней.

Галъ-Дöлмö-ханъ послалъ подданнымъ Тугушинскихъ трехъ царей разныхъ альбиновъ, чтобы они вредили имъ и причиняли разныя болѣзни, отъ которыхъ помирали бы подданные Тугушинскихъ трехъ царей. Галъ-Дöлмö-ханъ подданнымъ Тугушинскихъ трехъ царей послалъ 100 бѣлыхъ альбиновъ, 100 желтыхъ альбиновъ, 100 синихъ альбиновъ и 100 черныхъ альбиновъ [4]). 100 бѣлыхъ альбиновъ въ бѣлыхъ одеждахъ остановились на бѣломъ морѣ (саганъ-дала); они имѣли сто бѣлыхъ лошадей, на которыхъ ѣздили по бѣлому морю, имѣли сто бѣлыхъ котловъ, въ которыхъ варили бѣлыхъ вшей [5]) и ѣли; 100 желтыхъ альбиновъ въ желтыхъ одеждахъ остановились на желтомъ морѣ (шара-дала); они имѣли сто соловыхъ лошадей, на которыхъ ѣздили по желтому морю, имѣли сто желтыхъ котловъ, въ которыхъ варили желтыхъ вшей [6]) и ѣли; 100 синихъ альбиновъ въ синихъ одеждахъ остановились на синемъ морѣ (хöхö-дала); эти альбины имѣли сто синихъ

---

[1]) Другіе говорятъ Тöгöшинскіе три царя (Тöгöшин гурбан-хан). Иные говорятъ Дöгöхи-гурбан-хадуд (Тöгöтскіе три царя).

[2]) Обыкновенно буряты говорятъ саган-ехэ-*ханата* Сарагал-Ноен-абага.

[3]) Обыкновенно буряты говорятъ «хара ехэ *ханата* Хара-Сутан-абага».

[4]) Другой сказалъ: 700 альбиновъ, а большинство говорятъ, девять альбиновъ.

[5]) Бѣлый деготь—пища.

[6]) Желтый деготь—пища.

лошадей, на которыхъ ѣздили по синему морю, имѣли сто синихъ котловъ, въ которыхъ варили синихъ вшей [1]) и ѣли. 100 черныхъ альбиновъ остановились на черномъ морѣ (хара-дала); они имѣли сто черныхъ лошадей, на которыхъ ѣздили по черному морю; имѣли сто черныхъ котловъ, въ которыхъ варили черныхъ вшей [2]) и ѣли. Всѣ эти бѣлые, желтые, синіе и черные альбины стали дѣлать зло: текущія рѣки изъ источниковъ стали высыхать и текли отравою и разными червями [3]); растущія травы съ корня засохли и растущія деревья съ вершины стали засыхать; въ маленькихъ чашкахъ вода стала по 5, а въ большихъ по 10 (?).

Съ этого времени разныя болѣзни сильно распространялись на людей, умирало каждый день по 100 человѣкъ и по 100 лошадей. Тогда Тугушинскіе три царя сильно удивились и сильно опечалились. Говорятъ между собою: «Что такое случилось? прежде не было такого несчастія, а нынѣ откуда взялось? отъ высокаго неба такъ присуждено, или отъ обширной земли?» Такъ говорили между собою Тугушинскіе три царя и долго совѣтовались, какъ прекратить это несчастіе и разныя болѣзни, отъ которыхъ люди сильно умираютъ; если такъ будутъ умирать, то и всѣ вымрутъ. Наконецъ, старшій царь Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ и средній царь Затъ-Шухэръ-ханъ, скрытое отгадывающій и трудное достигающій, говорятъ: «Восточные тэнтэрины спустились на землю и посылаютъ эти разныя болѣзни. Чтобы прекратить ихъ, нужно дать знать западнымъ пятидесяти пяти тэнгэринамъ и Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэрину; они наши создавшіе создатели и творившіе творцы».

Послѣ этого Тугушинскіе три царя приказали собрать отъ подданныхъ слюни и слезы. Начали отъ лежащихъ людей слюни и слезы собирать половинными поваренками; отъ стоящихъ людей собирали разбитыми поваренками [4]); когда собрали достаточное количество слюнъ и слезъ, то пригласили шаманку Шарханъ, которая безошибочно узнаетъ жареное мясо. Шаманка Шарханъ съ помощью этихъ собранныхъ слюнъ и слезъ совершила обрядъ сасали барьха [5]); при этомъ шаманка Шарханъ говорила: «Западные пятьдесятъ пять тэнгэриновъ и самый старшій Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри, вы, которые на землѣ создали людей! Насъ создавшіе создатели и творившіе творцы! смотрите на насъ и исцѣлите насъ отъ болѣзней; пусть эти слюни и слезы подымутся на небо и прильнутъ къ дворцу Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри!» Съ этими словами собранныя слюни и слезы бросили вверхъ. Этимъ кончилось сасали барьха. Брошенныя слюни и слезы поднялись на небо и попали въ юго-западный уголъ бѣло-серебрянаго дворца Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри, отчего уголъ бѣло-серебряного дворца раскололся и дворецъ пошатнулся къ юго-западу.

---

[1]) Синій деготь—пища.

[2]) Черный деготь—пища.

[3]) До этого въ рѣкахъ не было разныхъ водяныхъ насѣкомыхъ.

[4]) Нѣкоторые говорятъ, что когда безмужнюю вдову бабу Билэхэнъ и безъ родителей мальчика начали бить жестоко, то они плакали и капляли; тогда ихъ слюни и слезы собрали въ разбитой поваренкѣ. Нынѣ буряты говорятъ, что слезы безмужней вдовы и сиротъ ядовиты, т. е. что ихъ безвинно заставлять плакать и обижать очень грѣшно.

[5]) Религіозный обрядъ сасали барьха, по словамъ нѣкоторыхъ бурятъ, заимствованъ отсюда и съ сего времени наблюдается бурятами.

Тогда Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри, выйдя изъ бѣло-серебряного дворца, смотритъ, отчего раскололся уголъ его бѣло-серебряного дворца и пошатнулся къ юго-западу. Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри видитъ, что на углу его дворца прилипли очень отвратительныя слюни и слезы и что отъ нихъ раскололся уголъ и пошатнулся дворецъ. Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри сильно удивился и говоритъ: «Что за чудо и откуда взялись такія отвратительныя слюни и слезы?»

Послѣ этого Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри осѣдлалъ своего темно-гнѣдого коня, величиною съ гору, чисто серебрянымъ сѣдломъ и, положивъ шелковый потникъ, серебряною уздою обуздалъ коня и шелковыми поводьями привязалъ къ серебряному столбу; потомъ вошелъ во дворецъ, одѣлся какъ слѣдуетъ и вновь вышелъ изъ дворца.

Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри, сѣвъ на темно-гнѣдого коня, поѣхалъ къ бабушкѣ Манзанъ-Гöрмö [1]); пріѣхавши, остановился около серебряного столба, слѣзъ съ коня, шелковымъ поводомъ привязалъ его къ серебряному столбу, снялъ, какъ звѣзда бѣлую, шапку и съ низкими поклонами приблизился къ бѣло-серебряному дворцу; перламутрово-серебряную дверь ея отворилъ осторожно и складно, серебряный порогъ перешагнулъ безъ сора, входя во дворецъ онъ какъ пуговкой, головой кивая, кланяется, въ колѣнѣ ногу согнувъ, кланяется. Тогда бабушка Манзанъ-Гöрмö, сидящая на бѣло-серебряномъ престолѣ, говоритъ: «Откуда и зачѣмъ пріѣхалъ ко мнѣ? ротъ твой не голоденъ ли и спина твоя не мерзнетъ ли?»

Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри говоритъ: «Ротъ мой не голоденъ и спина моя не мерзнетъ; я пріѣхалъ спросить у васъ совѣта. Сегодня утромъ юго-западный уголъ моего бѣло-серебряного дворца вдругъ раскололся и дворецъ пошатнулся къ юго-западу; когда я вышелъ изъ дворца и посмотрѣлъ, то увидѣлъ очень отвратительныя слюни и слезы, которыя прилипли къ юго-западному углу моего дворца». Тогда бабушка Манзанъ-Гöрмö говоритъ: «Ты воевалъ съ восточнымъ тэнгэриномъ Ата-Уланъ-тэнгэриномъ и съ тремя его сыновьями, побѣдилъ ихъ и сбросилъ съ неба на нижнюю землю. Верхняя часть тѣла Ата-Уланъ-тэнгэри на землѣ сдѣлалась Галъ-Дöлмö-ханомъ, съ 1003 волшебствами; онъ вредитъ и посылаетъ разныя болѣзни на земныхъ людей, которыхъ создали западные тэнгэрины и которымъ они покровительствуютъ; земные люди, прося помощи, бросили наверхъ собранныя слюни и слезы отъ больныхъ людей, которые сильно помираютъ». Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри спросилъ, какъ помочь земнымъ людямъ, чтобы они не болѣли и не умирали сильно. Тогда бабушка Манзанъ-Гöрмö говоритъ Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэрину: «Ты имѣешь трехъ сыновей, изъ нихъ одного сына долженъ послать на землю, тогда только моръ прекратится». Послѣ этого Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри съ поклонами вышелъ изъ дворца и, сѣвъ на коня, пріѣхалъ домой обратно.

По пріѣздѣ Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри собралъ всѣхъ западныхъ пятьдесятъ-пять

---

[1]) Здѣсь разсказчики разно говорятъ; одни, что Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри поѣхалъ узнавать о случившемся къ тремъ Голто-Саганъ-бурханамъ, и они разсказали ему, отчего это случилось, а другіе говоратъ Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри поѣхалъ къ Шибогэни-саганъ-бурхану, и отъ этого бурхана узналъ настоящую причину о случившемся обстоятельствѣ; еще говорятъ, что Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри поѣхалъ къ тремъ Соржи-ламамъ ворожить о случившемся; а иные говорятъ, что Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри ворожить поѣхалъ къ Таляши-ламѣ.

тэнгэриновъ и говоритъ имъ: «Внизу на землѣ созданные нами люди сильно умираютъ отъ разныхъ болѣзней, насылаемыхъ восточнымъ тэнгэриномъ Ата-Уланъ-тэнгэри, сброшеннымъ мною на землю, и бабушка Манзанъ-Гӧрмӧ сказала мнѣ, что нужно на землю послать одного моего сына, изъ трехъ моихъ сыновей. Котораго изъ нихъ послать на землю на выручку земныхъ людей?»

Тогда прочіе западные тэнгэрины говорятъ: «Сказанное подходяще и дума правдоподобная; одного вашего сына нужно послать на землю; тогда прекратятся разныя болѣзни, и люди перестанутъ сильно помирать». Потомъ Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри говоритъ старшему сыну Хабата-Хасаръ-моргону: «Ты спустись на землю». Старшій сынъ Хабата-Хасаръ-моргонъ говоритъ: «Нѣтъ, я не могу, отецъ мой Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри! я твое имя опозорю на землѣ, моложе меня есть два младшіе брата; пусть изъ нихъ кто нибудь спустится на землю». Тогда Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри говоритъ среднему сыну Моргонъ-Тӧгӧлтору: «Ты спустись на землю». Средній сынъ Моргонъ-Тӧгӧлторъ говоритъ: «Нѣтъ, я не могу, отецъ мой Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри! выше меня есть старшій братъ и моложе меня есть младшій братъ; пусть они спустятся на землю». Тогда Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри говоритъ младшему сыну Шингисъ-Ширэтэ-Богдо: «Ты спустись на землю». Младшій сынъ Шингисъ-Ширэтэ-Богдо говоритъ: «Нѣтъ, я не могу, отецъ мой Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри! выше меня есть два старшіе брата, пусть они спустятся на землю».

Тогда Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри опять поѣхалъ въ бабушкѣ Манзанъ-Гӧрмӧ [1]), кланяется и спрашиваетъ ее: «Котораго сына послать на землю? всѣ трое отказались спуститься на землю». Бабушка Манзанъ-Гӧрмӧ сказала: «На землю можетъ спуститься только средній твой сынъ Моргонъ-Тӧгӧлторъ, который долженъ будто родиться на землѣ, потому что небесный человѣкъ на землѣ долго не можетъ жить и сила его сильно убавится; тогда онъ не будетъ въ состояніи воевать съ восточными тэнгэринами на землѣ». Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри пріѣхалъ домой.

По пріѣздѣ домой Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри сказалъ западнымъ тэнгэринамъ, что бабушка Манзанъ-Гӧрмӧ сказала, на землю можетъ спуститься только средній сынъ Моргонъ-Тӧгӧлторъ, который на землѣ долженъ родиться, какъ земной человѣкъ. Тогда Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри съ прочими западными тэнгэринами начали принуждать спуститься на землю Моргонъ-Тӧгӧлтора, по приказанію бабушки Манзанъ-Гӧрмӧ.

Средній сынъ Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри, Моргонъ-Тӧгӧлторъ, говоритъ: «На нижней землѣ тринадцать сѣверныхъ царей, они очень сильные цари; и южные двадцать три тоже очень сильные; войны на землѣ бываютъ очень сильныя и большія и при томъ мстительныя; внизу летающія птицы большія ловятъ маленькихъ и ѣдятъ, а маленькія ѣдятъ большихъ; рыбы въ водахъ большія ѣдятъ маленькихъ и въ лѣсахъ звѣри большіе ѣдятъ маленькихъ. Въ такую трудную страну я не

[1]) Нѣкоторые говорятъ, что Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри, когда поѣхалъ къ бабушкѣ Манзанъ-Гӧрмӧ, то на пути заѣхалъ къ Писонъ-Саганъ-тэнгэри, у котораго напился до пьяна вина и ночевалъ. На другое утро поѣхалъ къ бабушкѣ Манзанъ-Гӧрмӧ, побоялся заходить, думалъ она будетъ сердиться—спросилъ черезъ стрянку: «Котораго сына послать на землю?» Тогда бабушка Манзанъ-Гӧрмӧ сказала: «Послать средняго сына Моргонъ-Тӧгӧлтора».

могу спуститься, отецъ мой Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри! твое имя я опозорю тамъ. Западные пятьдесятъ пять тэнгэриновъ! и ваше имя я опозорю тамъ!»

Тогда Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри съ прочими западными тэнгэринами говоритъ: «Кромѣ тебя некому спуститься на землю, другого человѣка нѣтъ, а потому непремѣнно ты долженъ спуститься на землю». Моргонъ-Тӧгӧлторъ говоритъ отцу своему Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри и прочимъ западнымъ тэнгэринамъ: «Если вы все дадите то, что я попрошу, тогда я спущусь на землю». Тогда Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри и прочіе западные тэнгэрины говорятъ: «Все дадимъ то, что попросишь». Моргонъ-Тӧгӧлторъ говоритъ: «Отецъ мой Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри, дай мнѣ все оружіе и три доспѣха, которые носишь!» Тогда Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри говоритъ: «дамъ»! Моргонъ-Тӧгӧлторъ говоритъ: «Отецъ мой Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри, дай мнѣ тысячу вѣковъ смѣшивающій бѣлый камень Эрдэни и волшебное черное дерево, которыя носите при себѣ». Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри говоритъ: «дамъ». Моргонъ-Тӧгӧлторъ говоритъ: «Отецъ мой Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри, дай мнѣ съ тринадцатью узлами петлю Торь-Саганъ и верховой кнутъ съ 88 узлами и 99 пуговицами, которые у тебя есть». Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри говоритъ: «дамъ». Моргонъ-Тӧгӧлторъ говоритъ: «Отецъ мой Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри, дай мнѣ своего темно-гнѣдого коня со всѣми сбруями, которыя имѣешь». Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри говоритъ: «дамъ». Моргонъ-Тӧгӧлторъ говоритъ: «Все прошу отъ моего отца Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри; теперь пусть тридцать три Балуръ-Саганъ-тэнгэрина дадутъ мнѣ по одному старшему сыну, изъ которыхъ я сдѣлаю себѣ тридцать три батара и триста передовыхъ войскъ». Тогда тридцать три Балуръ-Саганъ-тэнгэрина говорятъ: «дадимъ». Моргонъ-Тӧгӧлторъ говоритъ: «Отецъ мой Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри и западные пятьдесятъ пять тэнгэриновъ, дайте мнѣ моихъ трехъ старшихъ сестеръ тетокъ Хӧнӱръ-Бурханъ; можетъ быть во время войны буду побѣжденъ непріятелями и годовалымъ жеребенкомъ буду убитъ; тогда за мной будутъ смотрѣть и выручать отъ опасности». Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри и прочіе западные тэнгэрины говорятъ: «дадимъ». Моргонъ-Тӧгӧлторъ говоритъ: «Отецъ мой Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри и западные пятьдесятъ пять тэнгэрина, дадите ли мнѣ моего старшаго брата Хабата-Хасаръ-Моргона? можетъ быть во время войны буду побѣжденъ непріятелями и годовалымъ жеребенкомъ буду убитъ; тогда онъ за мной будетъ смотрѣть и выручать меня отъ опасности». Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри и прочіе западные тэнгэрины говорятъ «дадимъ». Такимъ образомъ Моргонъ-Тӧгӧлторъ получилъ все то, что просилъ.

Когда средній сынъ Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэрина, Моргонъ-Тӧгӧлторъ, получилъ все то, началъ собираться спуститься съ неба на землю. Западные тридцать три Болуръ-Саганъ-тэнгэри дали ему по одному старшему сыну, которые сдѣлались тридцатью тремя батарами; имена ихъ:

Самый старшій батаръ, сынъ Бомборинъ-Саганъ-тэнгэрина, имѣющій сѣраго коня, Буди-Уланъ батаръ [1]). За этимъ сынъ Бамбада-Саганъ-тэнгэрина, имѣющій

[1]) Другой сказалъ: старшій батаръ сынъ Боролгонъ-Саганъ-тэнгэрина Буданъ-шумаръ-батаръ; третій сказалъ: Буданъ-шумаръ-батаръ, сынъ Луса-тэнгэрина.

совсѣмъ чернаго коня, Бахи-Хара-батаръ [1]). За этимъ сынъ Зурулгу-Саганъ-тэнгэрина, имѣющій на всѣхъ шести сторонахъ большіе пальцы, одною стрѣлою убивающій 6000 человѣкъ въ одинъ разъ, Жорголжихо-батаръ. За этимъ имѣющій бѣлымъ-бѣлаго коня, съ бѣлымъ доспѣхомъ дукту и острое остріе, Эржинъ-шумаръ-батаръ. За этимъ громко кричащій, какъ крикъ тысячи изюбрей въ одинъ разъ, вдругъ громко кричащій, какъ крикъ 50 лосудуевъ въ одинъ разъ; если одинъ разъ крикнетъ, то люди въ обморокъ падаютъ, если во второй разъ крикнетъ, то совсѣмъ умираютъ и если крикнетъ третій разъ, то все въ пухъ и прахъ разлетается; сынъ Лосана, Лосанъ-Шумаръ-батаръ [2]). За этимъ, на мѣстности Наянта ростущихъ восемьдесятъ разныхъ цвѣтовъ безошибочно знающій, указательнымъ пальцемъ исцѣляющій и на мѣстности Ерентэ ростущихъ девяносто разныхъ цвѣтовъ безошибочно знающій, большимъ пальцемъ вылѣчивающій, оживляющій мертвыхъ и бѣдныхъ дѣлающій богатыми, Хугэнъ-Эмшинъ-батаръ [3]). За этимъ тринадцати-лѣтній Анзанъ-Шумаръ-батаръ [4]). За этимъ имѣющій красный камень—питье и красно-чалаго коня, Улгу-Уланъ-батаръ. За этимъ имѣющій черный камень—умѣнье и темно-гнѣдого коня, Харасага-Хара-батаръ. За этимъ идутъ девять кузнечныхъ батаровъ [5]) которые занимаются кузнечнымъ искусствомъ; старшій изъ нихъ большой мѣховой батаръ. За этимъ малый мѣховой батаръ. За этимъ Сулмарши-батаръ [6]). За этимъ Хинсаши-батаръ [7]). За этимъ большой молотобойный батаръ. За этимъ малый молотобойный батаръ. За этимъ большой клещевый батаръ. За этимъ малый клещевый батаръ. За этимъ подпилочный батаръ. За этимъ Эрхэ-Анзанъ батаръ, пятнадцати лѣтъ, сынъ неба. За этимъ Ехонъ Уленши батаръ [8]), которые занимаются кроеніемъ и шитьемъ [9]).

Потомъ Моргонъ-Тӧгӧлторъ получилъ 300 передовыхъ войскъ.

Послѣ этого средній сынъ Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэрина началъ собираться спуститься на землю; тридцать три батара и триста передовыхъ войскъ тоже стали собираться; когда все было готово, Моргонъ-Тӧгӧлторъ съ тридцатью тремя батарами и съ тремя стами передовыхъ войскъ сѣли на коней и стали спускаться съ неба на землю.

---

[1]) Другой сказалъ просто сынъ Бамбахинъ-Бахи-Хара-батаръ.

[2]) Другой сказалъ, что у него былъ одинъ батаръ Галъ-Бадаргата, который кричалъ огнемъ и палилъ.

[3]) Другой сказалъ Хугэнъ-Эмши-батаръ.

[4]) Другой сказалъ Эрхэ-Анзанъ-батаръ,—а другіе говорятъ Анзанъ-Бэрхэ-батаръ.

[5]) Разсказчикъ не могъ сказать имена всѣхъ кузнечныхъ батаровъ (ехон дархаши-батаръ) и только поименовалъ ихъ такъ: большой мѣховой батаръ, малый мѣховой батаръ и т. д.

[6]) Сулмаръ—это инструментъ для дѣланія отверзстій.

[7]) Хинса кузнечный инструментъ, которымъ изъ огня достаютъ раскаленное желѣзо.

[8]) Ехонъ Уленши батаръ—занимаются кроеніемъ, шитьемъ, сученіемъ нитокъ и пр.; по словамъ бурятъ есть батаръ, который спеціально занимается сученіемъ волосяныхъ нитокъ и волосяныхъ веревокъ и проч.; также есть батары, которые занимаются разными столярными искуствами; есть батары, которые занимаются дѣланіемъ стрѣлъ и луковъ, но разсказчики не могли разсказать подробно о нихъ, хотя удтверждали о существованіи такихъ батаровъ.

[9]) Имена остальныхъ батаровъ разсказчикъ не могъ вспомнить и отказался назвать ихъ.

Когда Мöргöнъ-Тöгöлтöръ, спускаясь съ неба, остановился между небомъ и землей, тутъ онъ вынулъ изъ-за пазухи желтый шелковый платокъ и три раза махнулъ имъ по солнцу; тогда между небомъ и землею таинственнымъ образомъ явилась золотая земля Шатакъ. На этой золотой землѣ онъ оставилъ своихъ тридцать трехъ батаровъ, триста передовыхъ войскъ, темно-гнѣдого коня и прочіе предметы изъ оружія и доспѣховъ.

Самъ Мöргöнъ-Тöгöлтöръ спустился на землю. Спустившись, пришелъ къ бѣлому морю и на берегу его остановился; здѣсь онъ изъ коры дерева сдѣлалъ бѣлаго годоваго жеребенка. Этого жеребенка онъ оживилъ, а самъ сдѣлался бѣлымъ альбиномъ съ бѣлою одеждою и съ бѣлымъ котломъ и, сѣвъ на бѣлаго жеребенка, поѣхалъ по бѣлому морю. Мöргöнъ-Тöгöлтöръ въ видѣ бѣлаго альбина встрѣтился со ста бѣлыми альбинами и, остановившись, говоритъ имъ: «здравствуйте, братья»[1]). Тогда сто бѣлыхъ альбиновъ спрашиваютъ: «Кто ты такой и откуда пріѣхалъ?»

Мöргöнъ-Тöгöлтöръ отвѣчаетъ: «Меня послалъ съ 1003 волшебствами Галъ-Дöлмö-Ханъ и приказалъ мнѣ присоединиться къ вамъ и сдѣлаться вашими друзьями; кромѣ того ускорить распространеніе болѣзней на людей. Скоро спустится съ неба на землю средній сынъ западнаго Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэрина, Мöргöнъ-Тöгöлтöръ». Тогда сто бѣлыхъ альбиновъ говорятъ: «Если ты долженъ присоединиться и подружиться съ нами, то по этому морю въ одинъ мигъ объѣдешь иноходью и возвратишься на это мѣсто». Мöргöнъ-Тöгöлтöръ съ помощію своихъ волшебныхъ силъ повернулъ глаза ста бѣлымъ альбинамъ и въ это время въ одинъ мигъ повернулъ жеребенка и говоритъ имъ: «Я объѣхалъ по бѣлому морю и теперь ваша очередь, братья!» Тогда сто бѣлыхъ альбиновъ поѣхали иноходью по бѣлому морю, какъ вѣтеръ быстро и легко понеслись. Мöргöнъ-Тöгöлтöръ немного отсталъ отъ нихъ, потомъ взялъ смѣшивающій тысячи вѣковъ бѣлый камень Эрдэни, ударилъ имъ бѣлое море, и разсѣкъ его до дна; сто бѣлыхъ альбиновъ упали на дно моря; тогда онъ волшебнымъ чернымъ деревомъ погладилъ по бѣлому морю надъ ста бѣлыми альбинами и сказалъ: «Никогда не выходите изъ бѣлаго моря и живите въ морѣ, сдѣлавшись водяными духами»[2]).

Послѣ этого Мöргöнъ-Тöгöлтöръ пріѣхалъ къ желтому морю, на берегу котораго изъ коры дерева сдѣлалъ соловаго годового жеребенка. Этого жеребенка оживилъ, а самъ обратился въ желтаго альбина, съ желтою одеждою и съ желтымъ котломъ и, сѣвъ на жеребенка, поѣхалъ по желтому морю на встрѣчу ста желтымъ альбинамъ, и поступилъ съ ними такъ же, какъ съ бѣлыми альбинами.

Послѣ этого Мöргöнъ-Тöгöлтöръ пріѣхалъ къ синему морю, на берегу его

---

[1]) Вар. Мöргöнъ-Тöгöлтöръ на берегу бѣлаго моря, обратившись въ бѣлаго альбина на бѣломъ годоваломъ жеребенкѣ, со ста бѣлыми вшами, поджидалъ семьсотъ бѣлыхъ альбиновъ; когда альбины пріѣхали къ нему, онъ сказалъ имъ: «Галъ-Дöлмö-Ханъ послалъ меня присоединиться къ вамъ; онъ послалъ семь сотъ бѣлыхъ вшей». Послѣ этого сварили вшей и, наѣвшись, поѣхали по бѣлому морю. Другіе говорятъ, что Мöргöнъ-Тöгöлтöръ поджидалъ девять бѣлыхъ альбиновъ.

[2]) По словамъ бурятъ, съ этого времени появились въ водѣ водяные; прежде не было ихъ въ водахъ. Сто бѣлыхъ альбиновъ съ этого времени живутъ въ водѣ и топятъ людей; души утопленниковъ тоже дѣлаются водяными.

изъ коры дерева сдѣлалъ сиваго годового жеребенка, этого жеребенка оживилъ, а самъ сдѣлался синимъ альбиномъ съ синею одеждою и съ синимъ котломъ и, сѣвъ на жеребенка, поѣхалъ по синему морю на встрѣчу ста синимъ альбинамъ; встрѣтивъ ихъ, сдѣлалъ то же самое, что съ бѣлыми и желтыми альбинами.

Потомъ Мöргöнъ-Тöгöлтöръ пріѣхалъ къ черному морю, на берегу его изъ коры дерева сдѣлалъ чернаго годового жеребенка; этого жеребенка оживилъ, и самъ сдѣлался чернымъ альбиномъ съ черною одеждою и съ чернымъ котломъ и, сѣвъ на жеребенка, поѣхалъ по черному морю на встрѣчу ста чернымъ альбинамъ; встрѣтивъ ихъ, сдѣлалъ то же самое, что съ бѣлыми альбинами, желтыми альбинами и синими альбинами.

Послѣ этого Мöргöнъ-Тöгöлтöръ обратно поднялся на золотую землю Шатакъ и остановился на ней.

На землѣ Тугушинскіе три царя узнали, что несчастія и разныя болѣзни могутъ прекратиться, но для этого нужно поймать очень красивую дѣвицу, сломать ей одну ногу, одну руку и выколоть одинъ глазъ; потомъ нужно посадить ее на разстани трехъ дорогъ къ злу и несчастію, въ шалашѣ, сдѣланномъ изъ травы, дать ей черную корову, съ чернымъ чаемъ [1]) и съ чернымъ сломаннымъ котломъ, приставить къ ней худого и стараго старика Сöнгöлöна, который бы варилъ ей пищу. Тогда только настанетъ доброе и старое время.

Тугущинскіе три царя начали искать очень красивую дѣвицу и нашли ее; дочь Собонъ-Саганъ-Ноёна оказалась очень красивою; её называли Угинъ-Саганъ-Абахай. Дѣвицу Угинъ-Саганъ-Абахай поймали и насильно привели, чтобы посадить на разстани трехъ дорогъ къ злу и несчастію.

Средній сынъ западнаго Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэрина, Мöргöнъ-Тöгöлтöръ, одну дочь Писонъ-Саганъ-тэнгэрина, Наранъ-Гохонъ-Абахай, спустилъ на землю на вершинѣ горы Оргилъ-Ула въ бѣлосеребряномъ дворцѣ; она спустилась на землю и жила въ этомъ дворцѣ.

Когда пойманную дѣвицу Угинъ-Саганъ-Абахай, дочь Собонъ-Саганъ-Ноёна привели, то она говоритъ: «На вершинѣ горы Оргилъ-Ула живетъ дочь тэнгэрина дѣвица Тэбэкъ-Ногонъ-Абаха [2]), очень красивая; она далеко красивѣе меня; моя красота противъ дочери тэнгэрина ничтожна; приведите эту красивую дѣвицу Тэбэкъ-Ногонъ-Абахай!» Тогда Сута Ноёнъ-ханъ говоритъ: «Нужно посмотрѣть, дѣйствительно-ли на вершинѣ горы Оргилъ-Ула живетъ такая красивая дѣвица». Онъ выдернулъ свою стрѣлу три раза подъ черною сукою, которая должна была щениться и, поймавъ сиваго своего жеребца, поѣхалъ на немъ на гору Оргилъ-Ула; когда Сута-Ноёнъ-Ханъ, поднявшись на гору, подъѣзжалъ къ бѣло-серебря-

---

[1]) Т. е. чай безъ молока.

[2]) Дѣвицу Наранъ-Гохонъ-Абахай на землѣ начали называть Тэбэкъ-Ногонъ-Абаха; другой сказалъ Тобоно-Гохонъ-Абаха.

ному дворцу, Тэбэкъ-Ногонъ-Абаха узнала это и, обратившись въ сѣро-пестраго жаворонка, поднялась на верхъ.

Тогда Сута-Ноёнъ-ханъ, увидѣвши это, нечистою стрѣлою выстрѣлилъ выше сѣро-пестраго жаворонка; нечистая стрѣла полетѣла надъ сѣро-пестрымъ жаворонкомъ; жаворонокъ, сдѣлавшись нечистымъ, упалъ на землю; упавъ, онъ обратился въ красивую дѣвицу [1]); Сута-Ноёнъ-ханъ поймалъ ее и привезъ домой.

Когда привезли дѣвицу Тэбэкъ-Ногонъ-Абахай, то начали сравнивать, поставивъ ее рядомъ съ Угинъ-Гохонъ-Абахай, которая изъ нихъ красивѣе; обѣ онѣ оказались равной красоты, нельзя было выбрать и сказать, что одна изъ нихъ красивѣе другой.

Тогда Угинъ-Гохонъ-Абахай говоритъ: «Ай, собаки! это небесный человѣкъ; онъ сдѣлался нечистымъ. Возьмите воды изъ источниковъ девяти ключей и возьмите въ большой тайгѣ вереск [2]) и ими вымойте ее до чиста; тогда она по прежнему будетъ очень красивая дѣвица; теперь она сдѣлалась нечистою, а потому красота ея уменьшилась». Послѣ этого привезли воды изъ источниковъ девяти ключей и вереску изъ большой тайги, и вымыли ими дѣвицу Тэбэкъ-Ногонъ-Абахай; она сдѣлалась тогда по прежнему чистою и очень красивою дѣвицею; несравненно красивѣе стала, чѣмъ дѣвица Угинъ-Гохонъ-Абахай, которую послѣ этого отпустили домой.

Эту небесную дѣвицу Тэбэкъ-Ногонъ-Абахай привели къ разстани трехъ дорогъ, гдѣ ей сломали одну ногу, одну руку и выкололи одинъ глазъ; послѣ этого сдѣлали изъ травъ шалашикъ, въ который ее и посадили къ злу и несчатью; ей дали одну черную корову, чернаго чая и черный разбитый котелъ; оставили при ней худого и стараго старика Сöнгöлöна для приготовленія пищи. Тэбэкъ-Ногонъ-Абахай лежитъ въ шалашикѣ, а худой и старый старикъ Сöнгöлöнъ приготовляетъ ей пищу.

Однажды Тэбэкъ-Ногонъ-Абахай ночью спитъ; въ это время ей будто показалось, что одѣяло раза два и три кто-то поднялъ и дверь шалашика скрипнула. Она разбудилась отъ этого, открыла глаза и смотритъ; выколотый глазъ совсѣмъ выздоровѣлъ по прежнему; она сломанную руку пошевелила, рука тоже совсѣмъ выздоровѣла по прежнему; тогда она пошевелила сломанную ногу, нога тоже совсѣмъ выздоровѣла. Тогда дѣвица Тэбэкъ-Ногонъ-Абахай встала съ постели, одѣвшись, выбѣжала на улицу, гдѣ въ это время выпалъ такой небольшой снѣгъ, что на немъ будутъ замѣтны слѣды сороки. На снѣгу она видитъ человѣческій слѣдъ длиною въ аршинъ; разстояніе каждаго шага въ сажень; она побѣжала по этому слѣду и прибѣжала на вершину горы Оргилъ-Ула къ бѣло-серебряному дворцу; смотритъ въ щель надъ дверью и видитъ во дворцѣ этомъ стоящаго и

---

[1]) Другой сказалъ, что на вершинѣ горы Оргилъ-Ула въ живой водѣ (мöнхöнъ-хара-уханъ) купались три дочери Эсэгэ-Маланъ-тэнгэри; время ихъ купанія подкараулили и выстрѣлили нечистою стрѣлою надъ одною дочерью Эсэгэ-Маланъ-тэнгэрина; двѣ поднялись на небо обратно, а одна средняя дочь, сдѣлавшись нечистою, осталась на землѣ; ее поймали, привели и посадили на разстани трехъ дорогъ къ злу и несчастію.

[2]) Верескомъ въ Сибири зовутъ можжевельникъ (Juniperus).

стряхивающаго съ ноги прилипшій снѣгъ Шибэгэни-Сагантъ-Бурхана. Онъ говоритъ: «Въ не особенно важномъ мѣстѣ ноги свои промочилъ». [1]).

Дѣвица Тэбэкъ-Ногонъ-Абахай, увидѣвъ это, обратно спустилась съ вершины горы Оргилъ-Ула, пришла въ свой шалашикъ, и сидитъ; въ это время внутри ея живота что-то шумитъ и бурчитъ; потомъ извнутри ея сталъ слышенъ говоръ многихъ людей. Кто-то изнутри ея сказалъ: «Мать, мать! подыми свою шапку!» Тогда Тэбэкъ-Ногонъ-Абахай подняла свою шапку; въ это время одна дѣвица съ золотою грудью и серебряною задницею съ головы ея поднялась на верхъ; дѣвица Тэбэкъ-Ногонъ-Абахай никакъ не могла поймать ее; она поднялась на верхъ. Опять кто-то изнутри ея сказалъ: «Мать, мать! подыми правую руку!» Тогда дѣвица Тэбэкъ-Ногонъ-Абахай подняла правую руку; въ это время изъ подъ мышки поднялась на верхъ одна дѣвица съ золотою грудью и серебряною задницею [2]), и эту она никакъ не могла поймать; эта дѣвица также поднялась на верхъ. Опять кто-то изнутри ея сказалъ: «Мама, мама! подними лѣвую руку!» Тогда дѣвица Тэбэкъ-Ногонъ-Абахай подняла лѣвую руку; въ это время изъ подъ мышки поднялась на верхъ дѣвица съ золотою грудью и серебряною задницею, которую она опять никакъ не могла поймать; и эта дѣвица поднялась на верхъ, какъ первыя двѣ.

Потомъ опять извнутри слышится голосъ: «Мама, мама! роди меня!» Послѣ этого дѣвица Тэбэкъ-Ногонъ-Абахай родила мальчика, который однимъ глазомъ смотрѣлъ, одинъ глазъ защурилъ; въ одной рукѣ держалъ петлю Торъ-Сагантъ-урха съ тринадцатью узлами, а въ другой рукѣ бѣлый камень Эрдэни, смѣшивающій сто вѣковъ. Мальчикъ родился ужасно сопливый и притомъ началъ сильно дристать и марать свою мать; въ шалашикѣ сдѣлалась ужасная вонь; мальчикъ этотъ началъ сильно плакать и ревѣть.

Дѣвица Тэбэкъ-Ногонъ-Абахай никакъ не можетъ убрать изверженія ребенка; не можетъ сидѣть въ страшной вони и никакъ не сможетъ унять, чтобы ребенокъ не плакалъ. Родившійся мальчикъ пуще прежняго мараетъ свою мать соплями и сильно дрищетъ; нѣтъ никакой возможности терпѣть вонь; плачетъ такъ громко, что небо трясется и земля дрожитъ; мать никакъ не можетъ управиться съ мальчикомъ и унять его. Наконецъ, выведенная изъ терпѣнія, она вынесла мальчика на улицу и положила около шалашика, а сама ушла въ шалашикъ и говоритъ: «Остался самый худой и сопливый». Съ этими словами она вычистила всѣ изверженія ребенка.

Новорожденный ребенокъ, лежа на улицѣ, плачетъ и говоритъ: «Я не видывалъ, чтобы худого сына бросали, а бросаютъ худую кожу». Тогда дѣвица Тэбэкъ-Ногонъ-Абахай опять выходитъ на улицу, беретъ ребенка и приноситъ его въ шалашикъ. Ребенокъ опять мараетъ свою мать соплями, дрищетъ пуще прежняго и въ шалашикѣ опять сдѣлалъ такую вонь, что сидѣть невозможно; по прежнему пла-

[1]) Инне говорятъ: «За пустое дѣло промочилъ свою обувь».

[2]) Алтан сэжитэ, мöнгöн бöхöтö.

четъ и кричитъ, ни какъ она не могла унять его. Тогда она опять вынесла ребенка на улицу и положила около шалашика, а сама ушла въ шалашикъ и сидитъ тамъ; ребенокъ по прежнему громко плачетъ, лежа на улицѣ.

Въ это время съ 1003 волшебствами Галъ-Дöлмö-ханъ знаніемъ своимъ большимъ узналъ и разумомъ своимъ большимъ уразумѣлъ, что на землѣ родился средній сынъ западнаго Ханъ-Тюркасъ-тэнгэрина Мöргöнъ-Töгöлтöръ, который еще ребенкомъ лежитъ и плачетъ. Галъ-Дöлмö-ханъ посылаетъ пчелу, величиною съ трехъ-годового бычка и говоритъ: «Въ тѣлѣ мясо еще мягко и кости въ тѣлѣ съ хрящами; иди, высоси изъ головы мозгъ!»

Новорожденный этотъ ребенокъ знаніемъ своимъ большимъ узналъ и разумомъ своимъ большимъ уразумѣлъ, что къ нему послана пчела, величиною съ трехгодового бычка; онъ съ тринадцатью узлами петлю Торъ-Саганъ натянулъ выше себя и лежитъ. Около полуночи посланная пчела прилетаетъ къ лежащему ребенку, чтобы высосать мозгъ изъ его головы; она хотѣла сѣсть на ребенка, но запуталась въ петлѣ Торъ-Саганъ. Тогда этотъ ребенокъ, вскочивъ на ноги, говоритъ: «Если ты такою большою будешь летать, то на этой землѣ ничего не оставишь!» Сказавъ эти слова, бѣлымъ камнемъ Эрдэни разрубилъ эту пчелу на маленькіе куски; эти куски полетѣли пчелами [1]). Потомъ этотъ ребенокъ опять легъ; лежитъ, плачетъ и говоритъ: «Одну ночь ночевалъ, одного врага побѣдилъ!»

Въ другую ночь Галъ-Дöлмö-ханъ посылаетъ змѣю Абарга, величиною съ бочку, чтобы она высосала мозгъ у новорожденнаго ребенка, пока онъ не выросъ большой. Около полуночи приходитъ змѣя Абарга; подойдя къ ребенку, и она также запутались въ петлю Торъ-Саганъ, никакъ не можетъ распутаться. Тогда этотъ ребенокъ, вскочивъ на ноги, говоритъ: «Если ты такою большою будешь ходить, то на этой землѣ ничего не оставишь!» Сказавъ эти слова, бѣлымъ камнемъ Эрдэни эту змѣю разрубилъ на маленькіе куски; эти куски поползли на разныя стороны маленькими змѣями [2]). Послѣ этого ребенокъ опять легъ на прежнее мѣсто, плачетъ и говоритъ: «Двѣ ночи ночевалъ, двухъ враговъ побѣдилъ».

Въ третью ночь Галъ-Дöлмö-ханъ послалъ осу [3]), величиною съ трех-годового бычка, чтобы она высосала мозгъ у новорожденнаго ребенка, пока онъ не выросъ большой. Около полуночи прилетаетъ оса, величиною съ трехгодового бычка, чтобы высосать новорожденному ребенку мозгъ, но запуталась въ петлю Торъ-Саганъ и не можетъ распутаться. Тогда этотъ ребенокъ вскочилъ на ноги и говоритъ: «Если ты такимъ большимъ будешь летать, то на этой землѣ ничего не оставишь!» Сказавъ эти слова, бѣлымъ камнемъ Эрдэни онъ разрубилъ эту осу на маленькіе куски; эти разрубленные куски улетѣли въ разныя стороны маленькими осами.

---

[1]) По словамъ бурятъ, прежде пчелы были большія, величиною съ трехъ-годового бычка, но Абай-Гэхэръ-Богдо-Ханъ ихъ разрубилъ на маленькіе куски, отчего нынѣшнія пчелы такія маленькія и сдѣлались.

[2]) По словамъ бурятъ, прежде змѣи были большія, но Абай-Гэсэръ-Богдо-ханъ уменьшилъ ихъ; съ этого времени змѣи стали маленькія.

[3]) Другіе говорятъ, посланъ былъ комаръ величиною съ трехъ-годового бычка.

Послѣ этого ребенокъ опять легъ на прежнее мѣсто, плачетъ и говоритъ: «Три ночи ночевалъ, трехъ враговъ побѣдилъ!»

Такъ плача, лежалъ новорожденный мальчикъ. На другой день Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ верхомъ на конѣ осматривалъ табуны лошадей; въ это время онъ увидѣлъ плачущаго ребенка около шалашика; онъ слѣзъ съ коня и взялъ ребенка, положилъ въ пазуху и обратно поѣхалъ домой [1]). Этотъ ребенокъ на пути началъ марать Сарагалъ-Ноёнъ-хана своими соплями и сильно началъ плакать; потомъ началъ дристать въ пазухѣ его и всего его замаралъ своимъ жидкимъ изверженіемъ; сдѣлалась страшная вонь; тогда Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ вынулъ найденнаго ребенка изъ пазухи и сталъ держать его сзади себя; въ это время задулъ южный вѣтеръ сзади его и сдѣлалась страшная вонь; царь не могъ далѣе ѣхать; тогда онъ этого ребенка сталъ держать впереди, но ребенокъ по прежнему сталъ дристать и марать его; въ это время задулъ сѣверный вѣтеръ, тоже сдѣлалась нестерпимая вонь. Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ едва, едва доѣхалъ до дома, держа этого сопливаго и дристливаго ребенка то спереди, то сзади. Царь довезъ ребенка до своего дома. Ребенокъ сталъ скоро выростать; ему дали имя Нюхата-Зургай; онъ сталъ ходить и бѣгать на улицу и обратно въ юрту.

Однажды Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ пригласилъ къ себѣ другихъ двухъ царей и подчиненныхъ чиновниковъ на пиръ, и мальчика Нюхата-Зургай, хорошенько накормивъ, спряталъ въ юртѣ за баранами [2]), чтобы онъ оттуда не выходилъ. Когда всѣ приглашенные гости собрались на пиръ и начали пировать, въ это время за баранами поднялся сильный гулъ; Нюхата-Зургай началъ дристать; жидкость потекла къ двери какъ рѣка, поднялась страшная вонь; собравшіеся гости отъ этой вони, кто схвативши носъ, кто схвативши ротъ, бѣгутъ къ двери; около двери поскользнувшись отъ грязи, сдѣланной Нюхата-Зургаемъ, всѣ попадали, замарались въ ней и выбѣжали на улицу. Здѣсь они всю одежду сняли съ себя, бросили на землю, а сами ушли домой безъ одежды. Нюхата-Зургай выходитъ изъ-за барановъ; Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ говоритъ ему: «Я тебѣ велѣлъ сидѣть смирно и не дристать. Зачѣмъ задристалъ? всѣхъ гостей выгналъ и замаралъ!» Нюхата-Зургай говоритъ «Что буду дѣлать, когда не могу удержаться». Потомъ Нюхата-Зургай выходитъ на улицу, начинаетъ чистить брошенныя одежды и говоритъ: «Теперь я имѣю много одеждъ!» Послѣ этого Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ посылаетъ своихъ двухъ сыновей съ Нюхата-Зургаемъ пасти семьдесятъ красныхъ телятъ на степи; эти три мальчика угнали на степь семьдесятъ красныхъ телятъ и пасутъ ихъ. Нюхата-Зурга говоритъ двумъ мальчикамъ: «Давайте, заколемте одного теленка, и будемте ѣсть его мясо». Эти два мальчика говорятъ: «Нѣтъ, отецъ будетъ сердиться. Мы боимся колоть теленка!» Нюхата-Зургай говоритъ: «Я устрою такъ, что не будетъ знать

---

[1]) Дѣвица Тэбэкъ-Ногонъ-Абаха далѣе вовсе не упоминается, какъ мать ребенка; нѣкоторые буряты говорили, что она поднялась обратно на небо; а другіе говорили, что они вовсе не знаютъ, куда она дѣвалась.—Большинство говоритъ, что она дочь тэнгэрина, и потому обратно поднялась на небо, потому что Мӧргӧнъ-Тӧгӧлтӧру она болѣе не нужна была.

[2]) Бараны—деревянныя подставки подъ сундуками.

нашъ отецъ». Тогда эти два мальчика спрашиваютъ Нюхата-Зургая: «Какъ ты устроишь, чтобы отецъ не узналъ?» Нюхата-Зургай говоритъ: «Я такъ сдѣлаю, что отецъ нашъ ничего не узнаетъ». Послѣ этого Нюхата-Зурга поймалъ одного теленка за хвостъ, ударилъ объ землю, потомъ изъ кожи выдернулъ мясо; а въ кожу теленка запихалъ травы и свиснулъ: теленокъ всталъ и убѣжалъ къ другимъ телятамъ; потомъ всѣ трое развели огонь, изжарили на немъ мясо теленка и все съѣли, а бабки раздѣлили между собою и играютъ ими. Вечеромъ телятъ пригнали домой. Съ этого времени каждый день они выгоняли семьдесятъ красныхъ телятъ на степь пасти и каждый день кололи по одному теленку; мясо его ѣли, а бабками всѣ трое играли; вечеромъ телятъ пригоняли домой. Семьдесятъ дней они пасли телятъ и каждый разъ кололи по одному теленку; такимъ образомъ закололи всѣхъ семьдесятъ красныхъ телятъ. Когда закололи послѣдняго теленка и мясо его съѣли, то Нюхата-Зурга говоритъ тѣмъ двумъ мальчикамъ: «Мнѣ болѣе не нужны бабки, и вы возмите ихъ себѣ и раздѣлите между собою поровну». Тѣ два мальчика взяли бабки и раздѣлили между собою поровну и положили въ пазуху. Послѣ этого семьдесятъ красныхъ телятъ пригнали домой. Когда мальчики пришли домой, ихъ стали кормить; Нюхата-Зурга началъ ѣсть, а тѣ два мальчика не ѣдятъ, сидятъ такъ. Тогда Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ спрашиваетъ у своихъ двухъ сыновей: «Отчего не ѣдите, что тамъ на степи ѣли?» Нюхата-Зурга говоритъ: «Отецъ, отецъ! они каждый день по одному теленку колятъ и ѣдятъ мясо, а мнѣ не даютъ; сегодня послѣдняго теленка закололи и съѣли, а бабками играютъ». Тогда Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ выходитъ на улицу и смотритъ телятъ, которые всѣ стоятъ живые; онъ подошелъ къ одному теленку и ударилъ его тростью; тогда всѣ теленки упали и оказалось, что шкуры ихъ набиты травою. Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ сильно удивился и говоритъ тремъ мальчикамъ: «Кто изъ васъ дѣлаетъ это?» Три мальчика указываютъ другъ на друга. Ничего онъ не можетъ добиться.

На другое утро Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ хочетъ испытать этихъ трехъ мальчиковъ; для этого онъ посадилъ старшаго своего сына съ собою вмѣстѣ; они поѣхали на красномъ порозѣ безъ повода; вотъ они ѣдутъ по краямъ пашни, на которой посѣянъ хлѣбъ. Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ говоритъ своему старшему сыну: «Это пашни китайцевъ, которые пашутъ на нашей землѣ». Въ это время изъ хлѣба вылетѣла тетеря; тогда Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ краснаго пороза прокололъ шиломъ, которое было привязано къ ногѣ. Красный порозъ испугался и, бросивъ обоихъ сѣдоковъ, убѣжалъ; Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ притворился мертвымъ, а старшій его сынъ, подумавъ, что его отецъ дѣйствительно умеръ, началъ надъ нимъ плакать; поплакавъ нѣкоторое время, ушелъ домой. Тогда Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ встаетъ и говоритъ: «Этотъ сынъ ничего не можетъ сдѣлать». Послѣ этого онъ приходитъ вслѣдъ за сыномъ домой.

На другое утро Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ опять поѣхалъ на красномъ порозѣ безъ повода и за собою посадилъ младшаго сына; они поѣхали по краямъ пашни, на которой былъ посѣянъ хлѣбъ. Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ говоритъ своему младшему сыну: «Эти пашни китайскія; эти китайцы пашутъ на нашей землѣ». Въ это время изъ хлѣба вылетѣла тетеря; тогда Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ прокололъ краснаго пороза

шиломъ, которое, какъ и въ первый разъ, было привязано къ ногѣ. Красный порозъ испугался и, сбросивъ обоихъ сѣдоковъ, убѣжалъ; Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ притворился мертвымъ; а младшій сынъ, какъ и старшій его братъ, подумалъ, что его отецъ дѣйствительно умеръ, началъ надъ нимъ плакать и, поплакавъ нѣкоторое время, ушелъ домой. Тогда Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ встаетъ и говоритъ: «Этотъ сынъ тоже ничего не можетъ сдѣлать, какъ и старшій его братъ». Послѣ этого онъ приходитъ домой вслѣдъ за сыномъ.

На другое утро Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ опять поѣхалъ на красномъ порозѣ безъ повода, посадивъ съ собою Нюхата-Зура [1]); они поѣхали по краямъ пашни, на которой былъ посѣянъ хлѣбъ. Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ говоритъ Нюхата-Зура: «Это пашни китайцевъ, которые пашутъ на нашей землѣ». Въ это время изъ хлѣба вылетѣла тетеря; тогда Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ прокололъ шиломъ краснаго порося; красный порозъ испугался и, сбросивъ обоихъ сѣдоковъ, убѣжалъ; Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ притворился мертвымъ.

Тогда Нюхата-Зура, немного поплакавъ, говоритъ: «Отецъ мой умеръ. Что говорилъ отецъ мой? если-бы китайцы на нашей землѣ не пахали, то откуда-бы выросли хлѣба; если-бы хлѣба не было, то откуда-бы вылетѣла тетеря; если-бы тетеря не вылетѣла, то красный порозъ не испугался-бы; если-бы красный порозъ не испугался, то отецъ мой не упалъ-бы; если-бы отецъ мой не упалъ, то не умеръ-бы. Всему этому виноваты китайцы, которые на нашей землѣ посѣяли хлѣбъ; я пойду къ китайцамъ, и буду требовать отъ нихъ, чтобы они оживили моего отца». Послѣ этого Нюхата-Зура побѣжалъ въ китайскій городъ и потягался съ китайцами. Китайцы остались виновными; судъ приказалъ имъ оживить отца Нюхата-Зура. Тогда виновные китайцы предложили Нюхата-Зура золота и серебра на семидесяти верблюдахъ, Нюхата-Зура согласился и, взявъ золото и серебро на семидесяти верблюдахъ, приходитъ на то мѣсто, гдѣ лежитъ Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ; Нюхата-Зура хочетъ сжечь тѣло отца; для этого онъ, собравъ сухія березовыя деревья, положилъ ихъ вокругъ Сарагалъ-Ноёнъ-хана и поджогъ. Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ вскочилъ на ноги и хочетъ выйдти изъ огня. Нюхата-Зура говоритъ: «Отецъ, отецъ! что ты дѣлаешь? Когда умершіе воскресаютъ? это считается худымъ предзнаменованіемъ, большимъ грѣхомъ и отъ этого потомству бываетъ жутко». Говоря эти слова, Нюхата-Зура обратно толкаетъ въ огонь Сарагалъ-Ноёнъ-хана. Потомъ онъ выпустилъ его изъ огня. Тогда Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ сказалъ Нюхата-Зура, что онъ вовсе не умеръ, а шутилъ съ нимъ.

Послѣ этого Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ съ Нюхата-Зура пригналъ домой семьдесятъ верблюдовъ, навьюченныхъ золотомъ и серебромъ; дорогой Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ думаетъ, что всѣхъ телятъ закололъ этотъ Нюхата-Зура, а не другіе его два сына. Когда пріѣхали домой, то по прежнему стали жить.

Послѣ этого подданные Сарагалъ-Ноёнъ-хана собрались на зэгэтэ-аба [2]) въ

---

[1]) Въ рукописи г. Хангалова мѣстами стоитъ Зурга, или Зургай, мѣстами Зура. *Ред.*

[2]) Зэгэтэ-аба—облава на звѣрей.

числѣ трехъ сотъ человѣкъ; и Нюхата-Зура просится съ ними на зэгэтэ-аба и началъ также собираться. Собрался совсѣмъ и поѣхалъ съ тремя стами человѣкъ на зэгэтэ-аба по обширной степи; Нюхата-Зура ѣхалъ позади другихъ. Когда они ѣхали, то на пути Нюхата-Зура, сидя на конѣ, началъ дристать, а потомъ сдѣлалъ сѣверный вѣтеръ, который дуетъ сзади; впереди ѣхавшіе триста зэгэтэ-облавщиковъ никакъ не могли ѣхать далѣе отъ страшной вони, и пустили Нюхата-Зура ѣхать впереди. Нюхата-Зура поѣхалъ впереди зэгэтэ-облавщиковъ и опять началъ дристать, и заставилъ дуть южный вѣтеръ; опять триста зэгэтэ-облавщиковъ не могли ѣхать отъ страшной вони и вовсе прогнали отъ себя Нюхата-Зура.

Тогда Нюхата-Зура поѣхалъ отдѣльно отъ трехсотъ зэгэтэ-облавщиковъ; когда уѣхалъ на нѣкоторое разстояніе, то взялъ смѣшивающій тысячу вѣковъ бѣлый камень Эрдэни, и началъ грызть его на лѣвыхъ коренныхъ зубахъ; тогда вдругъ состояніе погоды измѣнилось, небо покрылось облаками, пошелъ кровавый дождь, каменный градъ, послѣ этого пошелъ большой снѣгъ, который упалъ до нижнихъ сучковъ деревьевъ. Эти триста зэгэтэ-облавщиковъ сильно замерзли отъ снѣга и не могутъ придумать, что дѣлать; въ это время вспомнили о Нюхата-Зура, послали за нимъ одного человѣка посмотрѣть его, чтобы онъ не замерзъ. Посланный пріѣхалъ посмотрѣть Нюхата-Зура и видитъ, что онъ, разобравъ сѣдло, разжигаетъ огонь; потомъ онъ сломалъ стрѣлы и лукъ, и ими тоже подтапливаетъ; развелъ большой костеръ, грѣется около него и поговариваетъ: «Когда поѣду въ сѣдловую падь, то найду сѣдло, когда поѣду въ луковую падь, то найду лукъ, а когда поѣду въ стрѣлочную падь, то найду стрѣлы». Посланный, увидѣвъ разведенный огонь и услышавъ слова Нюхата-Зура, поѣхалъ обратно къ тремъ-стамъ зэгэтэ-облавщикамъ и разсказываетъ имъ, что Нюхата-Зура, сломавъ сѣдло, лукъ и стрѣлы, развелъ большой огонь и самъ грѣется, приговаривая: «Когда поѣду въ сѣдловую падь, то найду сѣдло, когда поѣду въ луковую падь, то найду лукъ и когда поѣду въ стрѣлочную падь, то найду стрѣлы».

Тогда триста зэгэтэ-облавщиковъ опять послали одного человѣка, который бы выпросилъ огня у Нюхата-Зура и привезъ имъ; посланный пріѣхалъ и проситъ огня у Нюхата-Зура; онъ не даетъ огня и говоритъ: «Вы меня прогнали, я вамъ не дамъ огня!» Когда посланный сильно началъ просить, тогда Нюхата-Зура далъ огня посланному, и тотъ привезъ огонь и отдалъ тремъ-стамъ зэгэтэ-облавщикамъ. Триста зэгэтэ-облавщиковъ сломали всѣ сѣдла, луки и стрѣлы, и начали ими топить и развели огонь; всѣ они грѣются около огня. Нюхата-Зура, узнавъ, что триста зэгэтэ-облавщиковъ сожгли всѣ свои сѣдла, луки и стрѣлы, взялъ бѣлый камень Эрдэни и началъ грызть его на правыхъ коренныхъ зубахъ; тогда небо вдругъ очистилось отъ облаковъ и стало очень жарко; снѣгъ скоро весь растаялъ, по прежнему стало тепло.

Тогда Нюхата-Зура пріѣхалъ къ тремъ-стамъ зэгэтэ-облавщикамъ, и поѣхалъ съ ними далѣе; когда Нюхата-Зура пріѣхалъ къ одной пади, то на конѣ перескочилъ черезъ эту падь и сдѣлался съ сѣдломъ, которымъ осѣдлалъ коня и поѣхалъ далѣе. Триста-зэгэтэ-облавщиковъ скакали, скакали черезъ эту падь, не могли

найти сѣдла, а потому поѣхали далѣе (безъ сѣделъ). Нюхата-Зура пріѣхалъ къ второй пади, перескочилъ черезъ нее и сдѣлался съ лукомъ; взявъ его, поѣхалъ далѣе. Триста зэгэтэ-облавщиковъ скакали, скакали черезъ эту падь, но не могли найти лукъ, а потому поѣхали далѣе (безъ луковъ). Нюхата-Зура пріѣхалъ къ третьей пади, перескочилъ черезъ нее, сдѣлался со стрѣлами и поѣхалъ далѣе охотиться на звѣрей. Триста зэгэтэ-облавщиковъ скакали, скакали черезъ эту падь, но не могли найти стрѣлъ, а потому, перемучившись, поѣхали обратно домой безъ сѣделъ, луковъ и стрѣлъ; домой пріѣхали голодные и усталые. Въ колодезѣ родившійся съ волшебствами Нюхата-Зура забавляется надъ этими зэгэтэ-облавщиками. Нюхата-Зура, поохотившись на звѣрей и настрѣлявъ ихъ множество, обратно пріѣхалъ домой.

Сута-Ноёнъ-ханъ началъ собираться и приготовляться ѣхать искать себѣ жену; онъ поймалъ своего сиваго жеребца, осѣдлалъ его серебрянымъ сѣдломъ и обуздалъ серебряною уздою, шелковыми поводьями привязалъ къ серебряному столбу, а самъ ушелъ одѣваться. Тогда Нюхата-Зура говоритъ: «Я тоже поѣду съ тобою искать себѣ жену!» Сута-Ноёнъ-ханъ говоритъ: «Я одинъ поѣду; ты гдѣ со мною будешь ѣхать? только будешь мѣшать по дорогѣ». Сута-Ноёнъ-ханъ поѣхалъ одинъ. Нюхата-Зургай по дорогѣ догналъ Сута-Ноёнъ-хана; оба они поѣхали прямо къ сѣверу;—ѣхали, ѣхали и выѣхали на такое разстояніе, на какое нужно ѣхать сто годовъ; оба они пріѣхали къ дворцу Тумэ-Уланъ-хана, остановились и слѣзли съ коней, а поводья привязали къ серебряному столбу; сами вошли въ бѣло-серебряный дворецъ; входя, Сута-Ноёнъ-ханъ здоровается съ Тумэ-Уланъ-ханомъ по-царски и садится на правой сторонѣ, а Нюхата-Зура остановился около двери и, поздорововавшись, садится около двери.

Тогда Тумэ-Уланъ-ханъ спрашиваетъ у Сута-Ноёнъ-хана: «Откуда и куда ѣдете?». Сута-Ноёнъ-ханъ говоритъ: «Я съ южной стороны; живу на разстояніи ѣзды ста годовъ, я одинъ изъ трехъ царей Тугушинскихъ Сута-Ноёнъ-ханъ; я пріѣхалъ свататься на вашей дочери Тѳмѳнъ-Жаргаланъ-Абахай. Нюхата-Зура говоритъ, сидя около двери: «Я тоже пріѣхалъ свататься на вашей дочери». Тумэ-Уланъ-ханъ говоритъ: «Завтра утромъ узнаемъ, за кого выдать мою дочь».

На другое утро рано царь Тумэ-Уланъ-ханъ приказалъ бить въ золотой барабанъ, собирать сѣверныхъ подданныхъ и бить въ серебряный барабанъ, собирать южныхъ подданныхъ. По приказанію царя, били въ золотой барабанъ, собрали сѣверныхъ подданныхъ и били въ серебряный барабанъ, собрали южныхъ подданныхъ; когда всѣ подданные собрались, Тумэ-Уланъ-ханъ приказалъ поставить мѣты: первая мѣта будетъ семьдесятъ возовъ дровъ, вторая черный камень величиною съ быка и третья золотая кругленькая пластинка съ отверстіемъ въ серединѣ. Когда всѣ эти мѣты были поставлены, Тумэ-Уланъ-ханъ говоритъ: «Кто попадетъ сразу одною стрѣлою во всѣ эти три мѣты, за того отдамъ свою дочь замужъ».

Многіе пробовали стрѣлять, но ихъ стрѣлы не долетали. Тогда Сута-Ноёнъ-ханъ выстрѣлилъ въ мѣту; стрѣла разбросала семьдесятъ возовъ дровъ и осталась

тамъ.Сута-Ноёнъ-хану очень стало стыдно, что стрѣла его упала у первой мѣты. Нюхата-Зура протолкался между людьми, марая ихъ своими соплями; всѣ люди надъ нимъ смѣются. Нюхата-Зура говоритъ царю Тумэ-Уланъ-хану. «Кто бы то ни былъ, всякій ли можетъ стрѣлять въ эту мѣту? и если онъ попадетъ, то отдадите ли свою дочь замужъ за того, кто бы онъ ни былъ?» Тумэ-Уланъ-ханъ говоритъ: «Можно; отдамъ!» Нюхата-Зура взялъ свой лукъ и стрѣлу и выстрѣлилъ въ мѣту; стрѣла попала въ первую мѣту въ семьдесятъ возовъ дровъ, и такъ разбила ихъ, что трудно было найти щепку, чтобы поколупать между зубами; стрѣла попала и во вторую мѣту, и раздробила ее на маленькіе куски, такъ что трудно было найти камень для кремня; наконецъ стрѣла попала и въ третью мѣту; прорвавъ отверстіе въ ней, она вылетѣла. Нюхата-Зура отъ радости бѣгаетъ взадъ и впередъ, марая людей своими соплями и говоритъ: «Побѣда за мной!»

Тогда Тумэ-Уланъ-ханъ говоритъ Сута-Ноёнъ-хану: «Ты, какъ старикъ, будешь сватомъ, а этотъ молодой человѣкъ будетъ зятемъ». Послѣ этого Тумэ-Уланъ-ханъ устроилъ большой пиръ на девять сутокъ и веселый пиръ на восемь сутокъ, на девятыя сутки едва, едва гости разъѣхались.

Нюхата-Зура женили на дѣвицѣ Тѳмѳнъ-Жаргаланъ-Абахай. Нюхата-Зура со своею женою Тѳмѳнъ-Жаргаланъ-Абахай пріѣхали домой; на пути онъ все дристалъ и маралъ свою жену; она едва могла выносить страшную вонь. Онъ постоянно маралъ свою жену своими соплями и когда ложился спать съ нею и дристалъ на постели, Тѳмѳнъ-Жаргаланъ-Абахай должна была безпрестанно чистить ее. Нѣкоторое время спустя по пріѣздѣ, Сута-Ноёнъ-ханъ опять собирается ѣхать искать себѣ жену; Нюхата-Зура тоже собирается ѣхать съ нимъ. Сута-Ноёнъ-ханъ никакъ не могъ оставить Нюхата-Зуры; поѣхали оба къ тремъ ламамъ Соржи, у которыхъ была необыкновенно красивая дѣвица, Урма-Гохонъ-Абаха. Пріѣхавъ къ горѣ Мѳнгѳтѳ-Ула, они поднялись на вершину ея и тамъ пріѣхали къ бѣло-серебряному дворцу; на улицѣ къ серебряному столбу привязали своихъ лошадей, а сами вошли во дворецъ къ тремъ ламамъ Соржи. Сута-Ноёнъ-ханъ поздоровался съ ними по царски, поклонился имъ, какъ царица, и садится на правую сторону дворца. Нюхата-Зура остановился около двери и, поздоровавшись съ ними, садится около двери.

Три ламы Соржи спрашиваютъ у Сута-Ноёнъ-Хана: «По какому дѣлу пріѣхалъ?» Сута-Ноёнъ-ханъ говоритъ: «Я пріѣхалъ свататься на вашей дочери Урма-Гохонъ-Абаха». Нюхата-Зура сидя около двери, тоже говоритъ: «Я тоже пріѣхалъ свататься на вашей дочери Урма-Гохонъ-Абаха». Тогда три ламы Соржи говорятъ Сута-Ноёнъ-хану: «Ты человѣкъ старый, ты будешь сватомъ, а этотъ молодой человѣкъ пусть будетъ нашимъ зятемъ; за него отдадимъ нашу дочь Урма-Гохонъ-Абахай». Нюхата-Зура высваталъ за себя дѣвицу Урма-Гохонъ-Абахай, на которой тутъ же и женился.

Послѣ женитьбы Нюхата-Зура пріѣхалъ домой со своею женою Урма-Гохонъ-Абахай; по дорогѣ онъ маралъ ее своими соплями и началъ дристать, дѣлая страш-

ную вонь; такимъ образомъ Нюхата-Зура пріѣхалъ домой и началъ жить съ двумя женами. Сута-Ноёнъ-ханъ пріѣхалъ домой одинъ, какъ уѣхалъ одинъ.

Нюхата-Зура имѣлъ теперь двухъ прекрасныхъ женъ, съ которыми спалъ вмѣстѣ и ночью постоянно ихъ маралъ своими соплями и дристалъ подъ ними; онѣ принуждены были постоянно чистить нечистоты своего мужа.

Потомъ Нюхата-Зура каждую ночь сталъ теряться; когда двѣ жены спали, онъ вставалъ и уходилъ куда-то неизвѣстно. Эти двѣ жены Нюхата-Зуры сильно дивились, куда уходитъ онъ каждую ночь; а потомъ стали прясть шерсть и напряли клубокъ величиною съ человѣческую голову. На слѣдующую ночь, когда ложились спать, онѣ незамѣтнымъ образомъ одинъ конецъ шерсти пришили къ шубѣ Нюхата-Зура, а потомъ легли спать. Когда двѣ жены заснули, Нюхата-Зура всталъ потихоньку и, надѣвъ шубу, ушелъ изъ дома. Эти двѣ жены ночью разбудились; Нюхата-Зура уже не было въ постели; тогда онѣ встали, вышли изъ дома и пошли по слѣдамъ Нюхата-Зура по шерсти, которую пришили къ подолу его. Онѣ пришли къ горѣ Оргилъ-Ула, поднялись на вершину ея и видятъ бѣло-серебрянный дворецъ; пришли къ дворцу и видятъ щель надъ дверью; посмотрѣли въ щель и видятъ во дворцѣ около двери на колѣняхъ кланяется и молится большой человѣкъ, величиною съ гору, а къ подолу его пришита шерсть; тогда онѣ узнали въ этомъ человѣкѣ своего мужа Нюхата-Зура; далѣе онѣ видятъ на бѣло-серебряномъ престолѣ сидятъ три Шибэгэни-бурхана [1]), которые читаютъ бѣлое священное писаніе. Послѣ этого эти двѣ жены Нюхата-Зурга пришли обратно домой.

Послѣ этого, величиною съ гору, Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ получилъ благословеніе отъ трехъ Шибэгэни-бурхановъ и имя Абай-Гэхэръ-Богдо-хана и пріѣхалъ домой; по пріѣздѣ онъ говоритъ своимъ двумъ прекраснымъ женамъ, что благодаря имъ, его силы немного уменьшились; потому что, когда онѣ глядѣли въ щель надъ дверью, то онъ немного на нихъ взглянулъ. И говоритъ имъ: «Зачѣмъ вы пришли туда? Не нужно было приходить и мѣшать моимъ молитвамъ».

Послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ вошелъ въ настоящее тѣло и принялъ настоящую свою наружность. Потомъ онъ на устьѣ большой пади Хатанъ съ помощью тринадцати волшебствъ сдѣлалъ бѣло-серебряный дворецъ вышиною до ночного неба; въ серединѣ большой пади Хатанъ сдѣлалъ тоже бѣло-серебряный дворецъ вышиною до ночного неба.

Въ дворцѣ на устьѣ большой пади Хатанъ стала жить старшая жена Абай-Гэхэръ-Богдо-хана Тѳмбнъ-Жаргаланъ-хатанъ, дочь царя Тумэ-Уланъ-хана; въ дворцѣ въ серединѣ пади Хатанъ стала жить младшая жена Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, Урма-Гохонъ-хатанъ, дочь трехъ Соржи-ламъ.

Тугушинскіе три царя Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ, Затъ-Шухэръ-ханъ и завистливый Сута-Ноёнъ-ханъ сдѣлались тремя дядями Абай-Гэхэръ-Богдо-хана и стали называться: дядя Сарагалъ-Ноёнъ, дядя Затъ-Шухэръ и завистливый дядя Сута-Ноёнъ [2]). Они стали такъ жить.

[1]) Нѣкоторые говорятъ, что сидѣли три ламы Сорки.

[2]) Обыкновенно называютъ Хара-Сутанъ.

Оставленныхъ между небомъ и землею на золотой землѣ Шатакъ тридцать трехъ батаровъ, триста передовыхъ войскъ и прочихъ съ этой земли Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ спустилъ на землю; тридцать трехъ батаровъ оставилъ у старшей жены Тёмёнъ-Жаргаланъ, которая должна была кормить этихъ батаровъ, а триста передовыхъ войскъ оставилъ у младшей жены Урма-Гохонъ-хатуны; этихъ она должна была кормить.

Послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ сдѣлался на сѣверной сторонѣ старшимъ царемъ надъ тринадцатью царями и на южной сторонѣ старшимъ царемъ надъ двадцатью тремя царями. Какъ ножикъ, опасныхъ враговъ побѣждая, онъ родился; десять опаснѣйшихъ враговъ Атагатуйскихъ побѣждая, онъ родился; приходящихъ враговъ встрѣчая, родился и выходящихъ враговъ провожая, родился. Большую падь Хатанъ сдѣлавши мѣстомъ жительства, родился; большую падь Нажинъ скотскимъ выпускомъ сдѣлавши, родился; въ большой мѣстности Мёрёнъ, на берегу моря Мёнко, на подошвѣ горы Ханъ-Ула и въ большой пади Хатанъ счастливо сталъ жить.

Послѣ этого однажды Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ своимъ двумъ прекраснымъ женамъ: «Надоѣло ѣсть скотское мясо, которое въ зубахъ воняетъ, а мясо звѣрей припомнилось!» Сказавъ, онъ началъ собираться на охоту,—поймалъ темно-гнѣдого коня, величиною съ гору; темно-гнѣдого коня поймалъ серебряной уздою, какъ ребро сдѣланною; осѣдлалъ чисто серебянымъ сѣдломъ, подложилъ шелковый потникъ и шелковые повода привязалъ къ серебряному столбу; потомъ онъ входитъ во дворецъ, одѣвается въ шелковыя шубы; сверху онъ надѣлъ доспѣхи, потомъ навѣсилъ себѣ на правую сторону изъ чистаго булата сдѣланную саблю, потомъ надѣлъ на себя колчанъ со стрѣлами и лукъ съ футляромъ; когда совсѣмъ приготовился, то вышелъ на улицу и, сѣвъ на коня, уѣхалъ на охоту. Пріѣхавши на мѣсто охоты, онъ охотился на звѣрей; въ это время ему попался другой охотникъ, который ѣхалъ на рыжемъ конѣ, какъ кровь красномъ; этотъ неизвѣстный охотникъ былъ молодой и очень красивый человѣкъ, былъ такой красный, что нельзя было на него смотрѣть прямо въ лицо; зубы были величиною съ лопаты, щеки были алыя, глаза были большіе пѣгіе, коса была черная и въ обхватъ толщиною.

Этотъ охотникъ, пріѣхавши, началъ стрѣлять звѣрей прежде, нежели успѣвалъ стрѣлять Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ; убивъ звѣрей, онъ привязывалъ ихъ къ сѣдлу и уѣзжалъ далѣе отъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана; Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ сильно удивился и думаетъ: «Это что за чудеса и что это за хитрость? на этой землѣ не было такого человѣка, который бы лучше меня стрѣлялъ».

Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ погнался за этимъ охотникомъ: за нимъ гонится кругомъ трехъгодичнаго міра три раза, кругомъ четырехъгодичнаго міра четыре раза, не можетъ догнать. Тогда Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ сдѣлалъ такой сильный морозъ, что отъ мороза растрескивались рога быковъ; этотъ охотникъ говоритъ: «Въ самый разъ сдѣлалась прохлада!» Надѣвъ на себя лѣтнюю шелковую шубу

я немного вспотѣвъ, ѣдетъ. Видя это, Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ сдѣлалъ такой сильный жаръ, что конскій навозъ кипѣлъ. Этотъ охотникъ опять говоритъ: «Въ самый разъ сдѣлался холодъ!» Надѣвъ на себя зимнюю шелковую шубу и немного покуражившись, ѣдетъ на конѣ; Аба-Гэхэръ-Богдо-ханъ никакъ не можетъ помѣшать ему. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ этого охотника гонитъ кругомъ восьми сторонъ ночного неба и кругомъ четырехъ сторонъ всего міра и не можетъ догнать; наконецъ, Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ началъ догонять этого охотника, но охотникъ прибѣжалъ къ желтому морю, вскочилъ въ него съ конемъ и потерялся.

Тогда Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ слѣзъ съ коня, привязалъ его къ боярке [1]), а самъ вскочилъ въ желтое море вслѣдъ за этимъ охотникомъ.

Вскочивъ въ воду, онъ видитъ дверь; поймавшись за ручку двери, онъ отворилъ ее и входитъ; за этою дверью оказалась тоже земля, которая ни чѣмъ не отличалась отъ верхней. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ спустился внизъ на вершину одной высокой горы; съ этой высокой горы видитъ, что внизу на подошвѣ этой высокой горы стоитъ бѣло-серебряный дворецъ вышиною до неба. На дворѣ этого дворца, онъ видитъ, стоитъ привязанный рыжій конь, какъ кровь красный; тогда онъ спустился съ горы, подходитъ къ дворцу и смотритъ въ щель надъ дверью; внутри дворца на правой сторонѣ на бѣло-серебряномъ престолѣ сидитъ съ совершенно бѣлыми волосами старикъ, который въ рукѣ держитъ тростниково-серебряную трость; рядомъ съ другой стороны, тоже на престолѣ, сидитъ съ совершенно бѣлыми волосами старуха, тоже въ рукѣ держитъ тростниково-серебряную трость; на лѣвой сторонѣ дворца стоитъ необыкновенно красивая дѣвица, которая сортируетъ убитыхъ звѣрей: что подлежитъ къ выдѣлкѣ, то бросаетъ въ одну сторону для выдѣлки, а что подлежитъ къ пищѣ, то бросаетъ въ другую сторону для пищи; такъ стоя, она говоритъ: «Отецъ, отецъ! я была на верхней землѣ, гдѣ охотилась на звѣрей, которыхъ тамъ очень много и лучше нашихъ». А потомъ она разсказываетъ все случившееся во время охоты, какъ гонялся за нею на темно-гнѣдомъ конѣ другой охотникъ, какъ гора большой человѣкъ и какъ она вскочила въ желтое море и спустилась на свою землю. Потомъ она спрашиваетъ у отца: «Какъ ты говорилъ мнѣ, что на нашей землѣ и на верхней землѣ нѣтъ коня, который догналъ бы моего рыжаго коня, а этотъ темно-гнѣдой конь въ концѣ началъ догонять меня?»

Тогда Уха-Лобсонъ-ханъ говоритъ своей дочери: «Зачѣмъ ты поднялась на верхнюю землю, она чужая, а чужія земли опасны. Достаточно тебѣ охотиться на своей землѣ. Твоего рыжаго коня можетъ догнать только темно-гнѣдой конь западнаго Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри, а другіе не могутъ; лучше тебя можетъ стрѣлять только средній сынъ западнаго Тюрмасъ-тэнгэри Мӧргӧнъ-Тӧгӧлтӧръ. Развѣ онъ спустился на верхнюю землю и съ нимъ ты встрѣтилась на охотѣ? Прежде, когда я былъ молодымъ, то встрѣтился съ западнымъ Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэриномъ

[1]) Другіе говорятъ, что Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ воткнулъ въ землю свою стрѣлу и къ ней привязалъ свою лошадь. Боярка сиб. областное—боярышникъ.

на зэгэтэ-аба; тогда я съ нимъ просватаlъ тебя за средняго его сына и мы смѣнились бѣло-серебряными ганзами [1]) другъ съ другомъ и кромѣ того по рожну мяса, смѣнивъ, съѣли. Должно полагать, это твой женихъ».

Единственная дочь Уха-Лобсонъ-хана, Алма-Моргонъ-Абахай разсердилась на своего отца и выбѣжала изъ дворца. Тогда стоявшій снаружи около двери Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ схватилъ ее за правую руку и удержалъ ее; она отбивалась отъ него, но не могла. Послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ входитъ во дворецъ съ Алма-Моргонъ-Абахай; она перестала сердиться; входя въ дверь, Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ здоровается съ царемъ Уханъ-Лобсонъ-ханомъ по-царски и кланяется, какъ царица.

Царь Уха-Лобсонъ говоритъ: «Сюда, сюда садитесь!» и указалъ имъ на правой сторонѣ дворца. Тогда Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ садится на правой сторонѣ дворца. Царь Уха-Лобсонъ говоритъ своей дочери: «Дорожному человѣку нужно подать пить». Тогда Алма-Мöргöнъ-хатанъ въ чашкѣ подала питье Абай-Гэхэръ-Богдо-хану; онъ взялъ и выпилъ. Послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-хана начали угощать, поставили золотой столъ, на которомъ поставили превкусную пищу и потомъ поставили серебряный столъ, на которомъ поставили настоящую пищу; Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ ѣстъ эту пищу; потомъ подавали крѣпкое вино.

Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ началъ разговаривать съ царемъ Уха-Лобсонъ-ханомъ о настоящемъ и прошломъ. Онъ говоритъ Уха-Лобсонъ-хану: «Я пріѣхалъ свататься на вашей дочери». Уха-Лобсонъ-ханъ соглашается выдать свою дочь за Абай-Гэхэръ-Богдо-хана и говоритъ: «Сказано правда и задумано вѣрно».

Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ женился на дочери Уха-Лобсонъ-хана и жилъ у него; въ это время Алма-Мöргöнъ-хатунъ накормила своего мужа одуряющею пищею; съѣвъ ее, Абай-Гэхэръ-ханъ одурѣлъ и забылъ уѣхать домой, а жилъ у Уха-Лобсонъ-хана со своею женою Алма-Мöргöнъ-хатаной. У нея отъ него родился сынъ [2]).

Хöнуръ-Бурханъ, три старшія сестры Абай-Гэхэръ-Богдо-хана на небѣ, говорятъ другъ другу: «Что-то не слышно топота темно-гнѣдого коня и не слышно кряканья Абай-Гэхэръ-Богдо-хана?» Эти три сестры Хöнуръ-Бурханъ спустились на землю въ большой пади Хатанъ и нашли въ ней теплый слѣдъ его; по этому слѣду начали слѣдить, напали на холодный слѣдъ, по которому тоже начали искать Абай-Гэхэръ-Богдо-хана. Искали кругомъ трехъ-годичной земли три раза и кругомъ четырехъ-годичной земли четыре раза; вокругъ ночного неба восемь разъ и по четыремъ сторонамъ обширной земли и, наконецъ, пришли къ желтому морю [3]); на берегу этого моря нашли темно-гнѣдого коня, привязаннаго за боярку. Темно-гнѣдой конь сдѣлался величиною съ годового жеребенка и стоитъ, уперши морду въ землю. Три сестры Хöнуръ-Бурханъ темно-гнѣдого коня отпустили, чтобы онъ поправился; потомъ сами вошли въ желтое море, отворивъ дверь, спусти-

[1]) Ганза—трубка для куренія табаку.

[2]) Другіе говорятъ, что у Алма-Моргонъ-хатунъ родилась дочь.

[3]) По другому разсказу, къ черному морю.

лись на нижнюю землю, тамъ обратились въ три прекрасныя птички и прилетѣли къ дворцу царя Уха-Лобсонъ-хана; въ это время сынъ Абай-Гэхэръ-Богдохана игралъ на улицѣ; онъ, увидѣвъ этихъ прекрасныхъ птичекъ, хотѣлъ поймать ихъ, но не могъ; тогда онъ крикнулъ: «Отецъ, отецъ! выходи и поймай мнѣ этихъ трехъ прекрасныхъ птичекъ».

Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ выходитъ на улицу, хочетъ поймать этихъ трехъ прекрасныхъ птичекъ, но никакъ не можетъ поймать; эти птички улетали недалеко и садились снова, а Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ, желая поймать ихъ и гонялись за ними, ушелъ далеко въ степь; эти птички заманили его на разстояніе трехъдневнаго хода; а потомъ обратились въ трехъ сестеръ Хонуръ-Бурханъ, и ударили его въ правую щеку; тогда онъ началъ блевать чернымъ-черно; послѣ этого онѣ ударили его въ лѣвую щеку; тогда онъ тоже началъ блевать разнообразными веществами. Потомъ пришелъ въ прежнее состояніе и поправился совсѣмъ отъ помраченія.

Тогда три сестры Хонуръ-Бурханъ говорятъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хану: «Зачѣмъ ты позабылъ о своихъ домашнихъ, которые тебя совсѣмъ потеряли и не могутъ дождаться? поскорѣе возвращайся домой!» Послѣ этихъ словъ онѣ поднялись на небо обратно.

Послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ какъ будто-бы проснулся отъ долгаго сна и все забытое вспомнилъ; онъ учитъ своего маленькаго сына, по приходѣ домой плакать и говорить: «Чужому человѣку въ чужбинѣ нѣтъ житья и лытка изюбря [1]) не можетъ помѣститься въ котлѣ!» Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ со своимъ маленькимъ сыномъ приходитъ домой; тогда мальчикъ началъ плакать и говорить: «Чужому человѣку въ чужбинѣ нѣтъ житья и лытка изюбря не можетъ помѣститься въ котлѣ».

Тогда царь Уха-Лобсонъ-ханъ говоритъ: «Нашъ зять Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ хочетъ ѣхать домой. Человѣкъ, имѣющій родину, хочетъ возвратиться на родину и человѣкъ, имѣющій воду, хочетъ возвратиться къ своимъ водамъ!» Потомъ царь Уха-Лобсонъ-ханъ зятю своему далъ половину своего скота и половину золота и серебра и проводилъ его на родину.

Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ, взявъ свою жену Алма-Моргонъ-хатанъ, сына и половину разнаго скота, золота и серебра, отданныхъ ему царемъ Уха-Лобсонъ-ханомъ, поднялся на верхнюю землю и пріѣхалъ на свою родину, въ большую падь Хатанъ и на вершинѣ ея выстроилъ бѣло-серебряный дворецъ. Въ этомъ дворцѣ начала жить младшая жена Абай-Гэхэръ-Богдо-хана Алма-Моргонъ-хатанъ.

Послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ сталъ жить съ тремя женами, бывая у нихъ по очереди; старшая жена Томонъ-Жаргаланъ-хатанъ стала жить въ устьѣ большой пади Хатанъ, средняя жена Урма-Гохонъ-хатанъ жила въ срединѣ пади Хатанъ, а младшая жена Алма-Моргонъ-хатанъ жила на вершинѣ пади Хатанъ. Такъ жили счастливо.

---

[1]) Изюбрь—областное русское слово: «олень».

На сѣверной сторонѣ въ лѣсахъ появился лѣсной пестрый левъ Октоpъ [1]) такой громадной величины, что большою верхнею челюстью онъ хватался до высокаго неба и бороздилъ его верхнею челюстью, а нижнею большою челюстью бороздилъ обширную землю; этотъ громадной величины пестрый левъ, ходя, проглатывалъ все, что встрѣчалось на пути; большія таежныя деревья проглатывалъ съ вершиною и большія лѣсныя деревья проглатывалъ съ корнями. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ сильно удивился и говоритъ: «Это чье чудовище и откуда появилось на этихъ мѣстахъ?» [2])

Послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ началъ приготовляться съ тридцатью тремя батарами противъ пестраго льва Октора; кончивъ свои приготовленія, они, сѣвъ на коней, поѣхали на сѣверную сторону, гдѣ появился пестрый левъ Октоpъ и проглатывалъ все, что встрѣчалось ему на пути. По дорогѣ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ съ тридцатью тремя батарами поднялись на вершину одной высокой горы и посматривали съ нея кругомъ въ даль; въ это время они увидѣли, что пестрый левъ Октоpъ идетъ по направленію къ югу и прямо къ нимъ; верхняя челюсть его хватаетъ до высокаго неба и бороздитъ его, а нижняя челюсть бороздитъ обширную землю; такъ идя, левъ проглатывалъ въ себя множество людей, разнаго скота, звѣрей и деревьевъ. Абай-Гэхэръ-Богдо-Ханъ, смотря съ вершины высокой горы, сильно удивился и говоритъ: «Это чье чудовище? отъ высокаго неба чудовище или отъ обширной земли чудовище? на этой мѣстности не было такого чудовища!» Такъ онъ говорилъ своимъ тридцати тремъ батарамъ.

Пестрый левъ Октоpъ въ это время все приближался къ Абай-Гэхэръ-Богдо-хану и его тридцати тремъ батарамъ, которые стояли на вершинѣ высокой горы; когда пестрый левъ приблизился къ нимъ, то началъ ихъ втягивать въ себя; они съ трудомъ удерживались на своихъ мѣстахъ; чтобъ удержаться, они къ переднимъ подоламъ привязали камни величиною съ жеребенка, а къ заднимъ подоламъ привязали камни величиною съ овцу; такъ едва, едва держались на мѣстахъ; но не смотря на это, они отдѣлились отъ земли и полетѣли по воздуху въ ротъ пестраго льва Октора.

Сынъ Бомборинъ-саганъ-тэнгэрія, Буда-Уланъ-батаръ, прицѣпился къ одной сторонѣ рта, а имѣющій бѣлымъ-бѣлаго коня и бѣлый доспѣхъ дукту Эржинъ-Шумаръ-батаръ прицѣпился къ другой сторонѣ рта; Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ влетѣлъ прямо въ ротъ и внутрь пестраго льва Октора. Влетая внутрь чудовища, Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ на пути воткнулъ острое черное копьё съ чернемъ изъ чернаго дерева однимъ концомъ въ гортань, а другимъ концомъ уперся въ нижнюю челюсть; отъ этого пестрый левъ Октоpъ не могъ разжевать его и остался съ разинутымъ ртомъ. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ, влетѣвъ внутрь льва, началъ тамъ искать сердце;

---

[1]) По бурятски «Ойю-Октоpъ-эрэнъ-баръ». А другіе говорятъ таежный пестрый левъ Тахигаръ («Тагинъ-тахигаръ-эрэнъ-баръ»).

[2]) Разказчикъ Пѣшковъ-Тучимиловъ объяснилъ мнѣ, что этого льва послали западные тэнгэрины, чтобы испробовать силы и умѣнье Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, побѣдитъ онъ этого льва или нѣтъ.

наше лъ и разрубилъ его саблей изъ чистаго булата. Тогда пестрый левъ Октоpъ пропалъ съ разинутымъ ртомъ.

Когда пропалъ пестрый левъ Октоpъ, то Абай-Гэхэpъ-Богдо-ханъ съ 33 батарами вышли изъ внутри этого льва, а за ними вышли всѣ проглоченные люди, разный скотъ и звѣри, которые ушли, восхваляя Абай-Гэхэpъ-Богдо-хана, говоря: «Во вѣки вѣковъ до окончаніи міра побѣждай своихъ враговъ и коли годовалыхъ жеребенковъ!»

Потомъ 33 батара начали снимать шкуру съ пестраго льва Октора; изъ снятой шкуры вышло 33 батарамъ на шубы, изъ кожи головы пестраго льва вышло на шапки 33 батарамъ и изъ кожи съ четырехъ ногъ пестраго льва вышло на унты 33 батарамъ. Послѣ этого Абай-Гэхэpъ-Богдо-ханъ сказалъ: «Непобѣдимаго врага побѣдили и годовалаго жеребенка закололи!» Потомъ пріѣхали обратно домой и живутъ по прежнему.

У Абай-Гэхэpъ-Богдо-хана на мѣстности, въ такъ называемой большой пади Найжинъ, паслись восемь тысячъ конныхъ табуновъ, въ которыхъ одна большая пѣгая кобыла, въ продолженіи восьми лѣтъ, не жеребилась, и сдѣлалась такою жирною, что на брюхѣ образовался жиръ (арбинъ), толщиною въ восемь пальцевъ. Эта большая пѣгая кобыла отъ жира пропала; тогда Абай-Гэхэpъ-Богдо-ханъ пріѣхалъ въ большую падь Найжинъ и разрѣзалъ брюхо большой пѣгой кобылы, въ восемь пальцевъ толщиною жиръ на брюхѣ разостлалъ на обѣ стороны, а потомъ на этотъ жиръ поставилъ съ тринадцатью узлами петлю Торъ-Сагантъ. На вершинѣ большой пади Найжинъ имѣли гнѣздо съ птенцами птицы отецъ харабсаръ и мать харабсаръ. Около полуночи, съ помощію своихъ тринадцати волшебствъ, Абай-Гэхэpъ-Богдо-ханъ посылаетъ сновидѣніе находящейся на вершинѣ большой пади Найжинъ птицѣ отцу харабсару; видитъ харабсаръ сонъ—въ большой пади Найжинъ у Абай-Гэхэpъ-Богдо-хана большая пѣгая кобыла восемь годовъ не жеребилась, сдѣлалась такою жирною, что на брюхѣ образовался жиръ толщиною въ восемь пальцевъ; эта большая пѣгая кобыла отъ жира пропала; толщиною въ восемь пальцевъ жиръ этой кобылы разостланъ на обѣ стороны и бѣлѣетъ. И будто онъ, птица отецъ харабсаръ прилетѣлъ, сѣлъ на концѣ малыхъ реберъ и клюнулъ одинъ разъ. И отъ этого птица отецъ харабсаръ разбудилась.

Абай-Гэхэpъ-Богдо-ханъ, пославъ птицѣ отцу харабсару такое сновидѣніе, самъ обратился въ конскій пометъ и лежитъ подъ трехгодичными старыми и сухими травами (гурбан-жили-хурхагдан). Птица отецъ харабсаръ разбудилась послѣ полуночи и говоритъ матери харабсару. «Я видѣлъ сонъ; въ большой пади Найжинъ у Абай-Гэхэpъ-Богдо-хана большая пѣгая кобыла восемь годовъ не жеребилась, сдѣлалась такою жирною, что на брюхѣ образовался жиръ толщиною въ восемь пальцевъ; эта большая пѣгая кобыла отъ жира пропала; толщиною въ восемь пальцевъ жиръ этой кобылы разостланъ на обѣ стороны и бѣлѣетъ; я прилетѣлъ и, сѣвъ на концѣ малыхъ реберъ, одинъ разъ клюнулъ и разбудился».

Тогда птица мать харабсаръ говоритъ отцу харабсару: «Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ имѣетъ тринадцать разныхъ волшебствъ; не знаешь, которое изъ его волшебствъ. Лучше перестань и не лети туда». Тогда птица отецъ харабсаръ говоритъ: «Нѣтъ, не перестану. Увидѣвъ такой прекрасный сонъ, оставить нельзя; нужно полетѣть и посмотрѣть». Между ночью и утромъ отецъ харабсаръ полетѣлъ внизъ по большой пади Найжинъ, въ которой дѣйствительно видитъ изъ далека, что большая пѣгая кобыла лежитъ съ распоротымъ брюхомъ, и жиръ бѣлѣетъ издалека; увидѣвъ это, онъ говоритъ: «Ахъ, кончай мозгъ! какое ядовитое сновидѣніе!» Сказавъ эти слова, онъ полетѣлъ поскорѣе; прилетѣвши, сѣлъ на концѣ короткихъ реберъ, одинъ разъ клюнулъ бѣлый жиръ и въ это время запутался въ петлю Торъ-Сагант съ тринадцатью узлами; никакъ не можетъ вырваться.

Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ, лежавшій подъ трех-годичными старыми травами, обратившись въ конскій пометъ, выскочилъ оттуда и говоритъ: «Безрогаго воришку, тебя, наконецъ я поймалъ въ руки и привязалъ за сѣдломъ; съ прежняго времени пропадали кобылы жирнѣе и суше этой, но никакого не оставалось остатка, и все пропадало; все ты поѣдалъ, ничего не оставляя!» Съ этими словами Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ взялъ верховой кнутъ съ 88 узлами и 99 пуговицами, и началъ имъ бить птицу отца харабсара, которая отъ боли начала плакать, какъ козелъ и кричать, какъ маленькая козуля. Этотъ крикъ и плачъ услышала птица мать харабсаръ и прилетѣла посмотрѣть. Прилетѣвъ, она видитъ, что Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ бьетъ отца харабсара и тотъ плачетъ и кричитъ; мать харабсаръ говоритъ: «Я тебѣ говорила, не летай сюда; пусть тебя хорошенько побьетъ». Тогда Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ началъ бить сильнѣе прежняго; отецъ харабсаръ пуще прежняго началъ плакать и кричать. Птица мать харабсаръ, пожалѣвъ отца харабсара, говоритъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хану: «Отпусти отца харабсара!» Тогда Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ матери харабсару: «Мнѣ нужно одну ложку молока отъ твоего праваго сосца и по одной ложкѣ слезы изъ правыхъ глазъ двухъ птенцовъ харабсаровъ. Когда дашь это, тогда только отпущу отца харабсара.»

Птица мать Харабсаръ улетѣла къ гнѣзду, гдѣ начала бить двухъ птенцовъ харабсаровъ; они начали плакать; она едва, едва собрала по одной ложкѣ слезъ изъ правыхъ глазъ двухъ птенцовъ харабсаровъ, а потомъ подоила свой правый сосецъ и выдоила одну ложку молока, полетѣла и отдала все это Абай-Гэхэръ-Богдо-хану. Получивъ отъ птицы матери харабсаръ одну ложку молока и двѣ ложки слезы, Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ распоролъ правый носъ птицѣ отцу харабсару и взялъ одну ложку крови; послѣ чего отпустилъ отца харабсара на свободу, сказавши ему: «Теперь эту кобылу можешь поѣсть!» а самъ пріѣхалъ домой обратно.

У китайскаго царя Гумэнъ-хана умерла жена Гомо-Сэсэкъ-хатанъ; китайскій царь Гумэнъ-ханъ сильно оплакивалъ ее и всѣмъ подданнымъ своимъ сдѣлалъ строгое приказаніе, чтобы они наравнѣ съ нимъ оплакивали свою покойную царицу Гомо-Сэсэкъ-хатанъ; дома сидящіе люди должны были оплакивать сидя

дома, а на степи бывшіе люди должны были оплакивать, стоя на степи. Тогда всѣ подданные у китайскаго царя Гумэнъ-хана начали оплакивать свою умершую царицу; кто сидѣлъ дома, тѣ сидя оплакивали, и кто ходилъ по степи, тѣ стоя оплакивали; такимъ образомъ всѣ подданные у китайскаго царя Гумэнъ-хана все хозяйство и работы оставили, оплакивая свою покойную царицу. Самъ же китайскій царь Гумэнъ-ханъ день и ночь оплакивалъ свою покойную жену, лежа и обнявши ее и не вставалъ. Всѣ подданные китайскаго царя сильно убыточились и разорялись постепенно; тогда всѣ они потихоньку украдкою отъ своего царя начали совѣтоваться между собою, что сдѣлать съ своимъ царемъ, чтобы онъ отмѣнилъ свое распоряженіе; нѣкоторые подданные говорятъ, нужно послать къ Абай-Гэхэръ-Богдо-хану и у него просить совѣта, просить чтобы онъ выручилъ ихъ отъ этой бѣды, другіе согласились съ ними; тогда подданные китайскаго царя начали изъ своей среды выбирать, кто-бы могъ доѣхать къ Абай-Гэхэръ-Богдо-хану и попросить его защиты и выручки изъ этой бѣды. Они выбрали изъ семи сыновей чернаго кузнеца Хожира, которые всѣ семеро были черными кузнецами[1]), младшаго сына кузнеца Хатализа-Хара. Онъ началъ собираться въ путь, и собравшись, поѣхалъ къ Абай-Гэхэръ-Богдо-хану. Черный кузнецъ Хатализа-Хара долго ѣхалъ и наконецъ едва, едва доѣхалъ до бѣло-серебранаго дворца на вершинѣ большой пади Хатанъ, гдѣ находился Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ; когда онъ вошелъ во дворецъ, Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ сидѣлъ на бѣло-серебряномъ престолѣ; входя, черный кузнецъ Хатализа-Хара началъ кланяться; какъ пуговицею, головою кивая, кланяется; въ колѣнѣ ногу нагибая, кланяется.

Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ спрашиваетъ: «Откуда ѣхавши человѣкъ ты и по какому дѣлу пріѣхалъ ко мнѣ?» Черный кузнецъ Хатализа-Хара говоритъ: «Меня послали къ вамъ подданные китайскаго царя Гумэнъ-хана, просить вашей помощи и совѣта, что нужно дѣлать, чтобы избавиться отъ бѣды, которая у насъ случилась; у нашего царя Гумэнъ-хана умерла его жена Гомо-Сэсэкъ-хатанъ; нашъ царь оплакиваетъ ее сильно и сдѣлалъ строгое приказаніе всѣмъ подданнымъ, чтобы они тоже оплакивали свою царицу; сидящіе люди дома, тѣ должны оплакивать свою царицу, сидя дома, и на степи бывшіе люди должны оплакивать свою царицу, стоя на степи; всѣ подданные бросили свои хозяйства и работы и оплакиваютъ свою царицу, Гомо-Сэсэкъ-хатану; всѣ подданные нашего царя сильно изубытились и разорились; вотъ почему меня послали къ вамъ просить помощи».

Тогда Абай-Гехэръ-Богдо-ханъ говоритъ: «Мнѣ нужны отъ сыновей Хожира, отъ семи братьевъ черныхъ кузнецовъ отрубленныя головы; тогда только поѣду на помощь къ китайскимъ подданнымъ въ ихъ бѣдѣ».

Черный кузнецъ Хатализа-Хара, услышавъ слова Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, сильно испугался. Пріѣхавъ обратно домой, онъ сказалъ подданнымъ китайскаго царя, что Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ не хочетъ пріѣхать къ нимъ. Потомъ однажды ночью онъ говоритъ своей женѣ: «Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ сказалъ мнѣ, что нужны

[1]) О черныхъ кузнецахъ см. Записки Вост.-Сиб. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ. по этногр., т. II, в. 1, стр. 41.

отрубленныя головы нашихъ семи братьевъ черныхъ кузнецовъ; если наши головы отрубятъ и пошлютъ къ нему, то онъ пріѣдетъ помогать». Выдавъ тайну своей женѣ, онъ наказалъ ей, чтобы она никому не разсказывала это. Жена чернаго кузнеца Хаталза-Хара сказала одной женѣ старшаго брата своего мужа и просила ее не говорить никому; а эта послѣдняя сказала другой; такимъ образомъ всѣ жены семи черныхъ кузнецовъ Хожира узнали тайну; послѣдняя, по секрету, передала одной своей хорошей пріятельницѣ, та тоже въ свою очередь передала своей хорошей знакомой пріятельницѣ; такимъ образомъ этотъ секретъ узнали подданные и чиновники китайскаго царя Гумэнъ-хапа. Они собрались и поймали всѣхъ семь братьевъ черныхъ кузнецовъ, сыновей чернаго кузнеца Хожира; всѣмъ имъ отрубили головы и послали ихъ къ Абай-Гэхэръ-Богдо-хану съ Зудакъ-Шара-батаромъ, ѣдущимъ на ста коняхъ.

Ѣдущій на ста коняхъ Зудакъ-Шара-батаръ, взявши семь отрубленныхъ головъ отъ семи братьевъ черныхъ кузнецовъ, поѣхалъ къ Абай-Гэхэръ-Богдо-хану; онъ ѣхалъ очень долго; по дорогѣ всѣ сто коней устали и пропали отъ долгой ѣзды; когда всѣ сто коней пропали, Зудакъ-Шара-батаръ далѣе пошелъ пѣшкомъ; отъ долгой ходьбы износились на его ногахъ унты; онъ продолжаетъ далѣе свой путь босикомъ; отъ долгой ходьбы у него на ногахъ стирается мясо; онъ идетъ далѣе кровавыми шагами; наконецъ, на ногахъ стерлось все мясо; онъ идетъ, ступая голыми и бѣлыми костями; едва, едва доходитъ онъ на вершину большой пади Найжинъ; тутъ онъ остановился у пропавшей кобылы, и ѣстъ ея мясо, лежа. Въ это время къ Зудакъ-Шара-батару подъѣзжаетъ одинъ изъ 33 батаровъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана и спрашиваетъ у лежащаго человѣка: «Кто ты такой и откуда идешь?» Зудакъ-Шара-батаръ разсказалъ о себѣ все, что съ нимъ случилось и что подданные китайскаго царя Гумэнъ-хана послали отрубленныя головы отъ семи братьевъ черныхъ кузнецовъ, сыновей чернаго кузнеца Хожира. Батаръ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана тутъ же вылѣчилъ Зудакъ-Шара-батара и привелъ его къ Абай-Гэхэръ-Богдо-хану; Зудакъ-Шара-батаръ отдалъ ему семь отрубленныхъ головъ отъ семи черныхъ кузнецовъ Хожира. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ посланныя семь отрубленныхъ головъ отъ семи черныхъ кузнецовъ Хожира получилъ и говоритъ Зудакъ-Шара-батару: «Ты поѣзжай домой, а я за тобой пріѣду».

Полученныя семь головъ отъ семи черныхъ кузнецовъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ началъ варить въ семи мѣдныхъ котлахъ, чтобы вычистить ихъ хорошенько; вычистивъ ихъ, онъ сдѣлалъ изъ нихъ чашки, оправилъ эти чашки золотомъ и серебромъ; изъ этихъ семи головъ образовалось семь очень красивыхъ чашекъ; онъ налилъ въ нихъ крѣпкое вино.

Потомъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ [1]) эти семь вызолоченныхъ и высеребреныхъ

[1]) Другіе говорятъ, что Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ эти чашки съ виномъ съ земли бросилъ на небо со словами: «Упадите на крыльцо у бабушки Манзанъ-Гёрмѳ!» Эти брошенныя чашки упали на крыльцо у бабушки Манзанъ-Гёрмѳ; выйдя на улицу, она увидѣла эти чашки, взяла ихъ въ руки, начала разсматривать, потомъ начала пробовать вино и выпила все вино изъ семи чашекъ; сдѣлалась пьяною; въ это время Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ поднялся на небо и вошелъ къ бабушкѣ Манзанъ-Гёрмѳ.

чашекъ съ крѣпкимъ виномъ положилъ въ пазуху и поднялся на небо къ бабушкѣ Манзанъ-Гӧрмӧ. Поднявшись на небо, входитъ въ бѣлосеребряный дворецъ, въ которомъ живетъ бабушка Манзанъ-Гӧрмӧ; она сидитъ на бѣло-серебряномъ престолѣ; Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ кланяется ей, какъ пуговкой головой кивая, и въ колѣнѣ ногу нагибая. Бабушка Манзанъ-Гӧрмӧ спрашиваетъ у него: «Земной внукъ мой, зачѣмъ пріѣхалъ ко мнѣ и что тебѣ нужно?». Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ своей бабушкѣ Манзанъ-Гӧрмӧ: «Я поднялся на небо къ вамъ, чтобы угостить васъ крѣпкимъ виномъ, приготовленнымъ вашими внучатными невѣстками». Послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ изъ пазухи вынимаетъ семь вызолоченныхъ и высеребреныхъ чашекъ съ крѣпкимъ виномъ и угощаетъ свою бабушку, Манзанъ-Гӧрмӧ. Она, выпивши крѣпкое вино изъ семи чашекъ, сдѣлалась пьяною.

Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ своей бабушкѣ Манзанъ-Гӧрмӧ: «Китайскій царь Гумэнъ-ханъ сказалъ мнѣ, что у него есть на вершинѣ Алтанъ-Ула золотая мельница (алтанъ-терьме), которая, стоя, вертится; на вершинѣ Саганъ-Мӧнгӧнъ-Ула бѣлая серебряная козуля съ бѣло-серебряною цѣпью, вокругъ верхушки Саганъ-Мӧнгӧнъ-Ула ходя, пасется или пощипливаетъ травку; на вершинѣ Гули-Мӧнгӧнъ-Ула желто-мѣдно-серебряная лисица съ желто-мѣдно-серебряною цѣпью, вокругъ верхушки Гули-Мӧнгӧнъ-Ула ходя, понюхиваетъ и на вершинѣ Зэтъ-Мӧнгӧнъ-Ула красно-мѣдная-серебряная собака, съ красно-мѣдно-серебряною цѣпью, ходя вокругъ верхушки Зэтъ-Мӧнгӧнъ-Ула полаиваетъ».

Бабушка Манзанъ-Гӧрмӧ говоритъ: «Этихъ эрдэни у китайскаго царя Гумэнъ-хана вовсе нѣтъ, и откуда у него они будутъ? а они находятся у меня!» Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ спрашиваетъ: «Гдѣ у васъ находятся эти эрдэни, которыхъ я не видывалъ?» Бабушка Манзанъ-Гӧрмӧ говоритъ, что эти эрдэни у ней находятся въ сундукѣ. Потомъ она, немного опьянѣвъ, легла спать; тогда Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ потихоньку, во время сна бабушки Манзанъ-Гӧрмӧ, укралъ у нея ключи отъ сундука, украденнымъ ключомъ отворилъ сундукъ и взялъ изъ него эрдэни [1]); взявъ эрдэни, началъ спускаться на землю.

Бабушка Манзанъ-Гӧрмӧ пробудилась отъ сна, встала и говоритъ: «Тотъ молодчина мой, что сдѣлавши, спустился на землю?» Говоря эти слова, она отворила свой сундукъ и видитъ, что эрдэни уже украдены Абай-Гэхэръ-Богдо-ханомъ; тогда бабушка Манзанъ-Гӧрмӧ выходитъ на улицу и видитъ, что Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ спускается на землю и находится между небомъ и землею. Она сильно разсердилась, что онъ у ней укралъ эрдэни и прокляла его, говоря: «Если ты меня обокралъ, то безъ доли богатства и безъ дѣтей погибни! прямо къ востоку лети въ страну альбиновъ, во дворъ провалища Альбинъ-тама, гдѣ, споткнувшись, пади!» Послѣ этого бабушка Манзанъ-Гӧрмӧ семь чашекъ изъ семи головъ черныхъ кузнецовъ бросила, говоря: «На небѣ показывайте время года и ночи». Эти брошенныя чашки на небѣ образовали созвѣздіе Большую Медвѣдицу (Долонъ-Обӧгӧдъ).

---

[1]) Иные говорятъ, что въ числѣ эрдэни были жилы вшей «бохӧни шӧрмӧхӧнъ».

Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ непреодолимо и безъ удержу улетѣлъ прямо къ востоку по направленію въ страну альбиновъ. Тогда бабушка Манзанъ-Гӧрмӧ, смотрѣвшая вслѣдъ за Абай-Гэхэръ-Богдо-ханомъ, пожалѣла его и говоритъ: «Глупенькаго и худенькаго внука своего я черезчуръ сильно прокляла». Она подоила молоко отъ правой груди и бросила вслѣдъ за нимъ; тогда Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ, опомнившись отъ помраченія, возвратился къ своему дому; а брошенное бабушкою Манзанъ-Гӧрмӧ молоко на небѣ сдѣлалось Млечнымъ путемъ. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ пріѣхалъ домой и попрежнему сталъ жить и думать. Послѣ этого онъ собрался ѣхать къ китайскому царю Гумэнъ-хану и взялъ съ собою всѣ свои эрдэни.

Китайскій царь по прежнему оплакивалъ свою умершую жену Гомо-Сэсэкъ-хатунъ, а также оплакивали ее и всѣ подданные китайскаго царя. Тогда Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ съ помощью своихъ волшебствъ, когда Гумэнъ-ханъ спалъ, обнявши свою умершую жену, укралъ ее и велѣлъ похоронить, а на мѣсто Гомо-Сэсэкъ-хатуны положилъ черную суку, которая должна была щениться. Китайскій царь Гумэнъ-ханъ, пробудился и видитъ: лежитъ, обнявши черную суку, которая ощенилась; онъ сильно испугался и съ отвращеніемъ оттолкнулъ отъ себя суку со щенятами и началъ выбрасывать ихъ на улицу. Онъ говорилъ: «Умершій человѣкъ, если долго лежитъ, то дѣлается такимъ отвратительнымъ». Такъ, стоя, разсуждалъ онъ.

Въ это время Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ входитъ во дворецъ къ китайскому царю Гумэнъ-хану; ханъ разсказываетъ ему о случившемся, что у него умерла жена Гомо-Сэсэкъ-хатунъ, которую онъ долго оплакивалъ, а теперь, когда онъ пробудился, то увидѣлъ себя лежащимъ, обнявши ощенившуюся черную суку. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ китайскому царю Гумэнъ-хану: «Умершаго человѣка долго оплакивать бываетъ грѣхъ и впослѣдствіи не счастливо».

Китайскій царь Гумэнъ-ханъ сильно разсердился на Абай-Гэхэръ-Богдо-хана и говоритъ ему: «Ты пріѣхалъ ко мнѣ меня учить и надо мной распоряжаться». Послѣ этого онъ приказалъ своимъ подданнымъ бросить Абай-Гэхэръ-Богдо-хана въ одну тама [1]); такихъ тама у китайскаго царя были девять: 1) вшивый тама [2]), 2) тама маленькихъ вшей [3]), 3) змѣиный тама [4]), 4) лягушечій тама [5]), 5) червячій тама [6]), 6) огненный тама [7]), 7) морозный тама [8]), 8) дегтярный тама [9]) и 9) жучій тама [10]).

Подданные китайскаго царя увели Абай-Гэхэръ-Богдо-хана и бросили его во вшивый тама; онъ упалъ въ него. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ съ помощію одного эрдэни [11]) наполнилъ вшивый тама и волшебнымъ чернымъ деревомъ погладилъ сверху;

---

[1]) Тама—адъ.
[2]) Бӧхбин-тама.
[3]) Хюрхани-тама.
[4]) Могонъ-тама.
[5]) Баханъ-тама.
[6]) Хорховъ-тама.
[7]) Галъ-тама (или говорятъ Галъ-нурма-тама).
[8]) Хӱ-тӱнн-тама.
[9]) Дабирханъ-тама.
[10]) Сохонъ-тама.
[11]) Съ помощію вшивыхъ жилъ.

тогда вшиваго тама китайскаго царя вовсе не стало. Потомъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ опять приходитъ къ китайскому царю Гумэнъ-хану; ханъ опять приказалъ бросить его въ другой тама; тогда Абай-Гэхэръ-Богдо-хана повели и бросили въ другой тама; съ помощію эрдэни онъ тоже наполнилъ и этотъ тама и сверху погладилъ волшебнымъ чернымъ деревомъ; потомъ опять приходитъ къ Гумэнъ-хану. Ханъ сильно разсердился на Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, и опять приказалъ бросить его въ слѣдующій тама; такимъ образомъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана бросали во всѣ девять тама, и онъ съ помощію эрдэни наполнялъ всѣ ихъ и сверху гладилъ волшебнымъ чернымъ деревомъ; теперь у китайскаго царя Гумэнъ-хана не стало ни одного тама. Потомъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ опять приходитъ къ китайскому царю Гумэнъ-хану.

Тогда китайскій царь Гумэнъ-ханъ говоритъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хану: «Возьми мою дочь Ногонъ-Гохонъ-Абахай замужъ за себя». Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ согласился жениться на Ногонъ-Гохонъ-Абахай и сдѣлался зятемъ китайскаго царя Гумэнъ-хана. Сдѣлали свадьбу и большой пиръ; послѣ пира Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ собирался ѣхать домой; поѣхавъ домой, взялъ свою жену Ногонъ-Гохонъ-Абахай съ собою; доѣхавши до половины пути, Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ остановился ночевать. Ложась спать, Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ своей женѣ Ногонъ-Гохонъ-Абахай: «Если мы суженные и предназначены жить вмѣстѣ, то наши лошади будутъ пастись вмѣстѣ въ направленіи къ моему дому, а мы, пробудясь утромъ, будемъ лежать обнявшись другъ съ другомъ; если не суженые, то наши лошади будутъ пастись отдѣльно, каждая по направленію къ своему дому и мы будетъ лежать лицомъ каждый къ своему дому, когда пробудимся утромъ». Такъ они легли спать; ночью Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ разбудился и видитъ, они лежатъ, обнявши другъ друга, а лошади ихъ пасутся вмѣстѣ по направленію къ дому Абай-Гэхэръ-Богдо-хана; тогда онъ, съ помощію своихъ тридцати волшебствъ, сдѣлалъ такъ, чтобы лошади паслись каждая по направленію къ своему дому, сами они обратились лицами къ своимъ домамъ и спиною другъ къ другу; потомъ онъ легъ спать. Когда утромъ разбудились, то они лежатъ лицами къ своимъ домамъ, а спиною другъ къ другу и лошади пасутся отдѣльно по направленію къ своимъ домамъ. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ Ногонъ-Гохонъ-Абахай: «Мы не суженые жениться и жить вмѣстѣ. Послѣ этого дочь китайскаго царя Ногонъ-Гохонъ-Абахай уѣхала обратно домой къ отцу своему Гумэнъ-хану, а Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ тоже пріѣхалъ домой.

Живущій на сѣверо-западной сторонѣ Лобсогой поднялся на небо, гдѣ обратился въ звѣзду и въ продолженіи трехъ годовъ слѣдилъ за Абай-Гэхэръ-Богдо-ханомъ и изучалъ его волшебства. Изучивъ нравъ, характеръ и волшебства Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, Лобсогой спустился обратно на землю и изъ нечистыхъ штановъ старшей своей сестры Енхобо сдѣлалъ материнское большое бѣлое священное писаніе, а самъ обратился въ трехъ ламъ Соржи. Три ламы поднялись на вершину Оргилъ-Ула, сидятъ въ бѣло-серебрянномъ дворцѣ, на бѣло-серебрянныхъ престолахъ и чи-

тают материнское большое бѣлое священное писаніе. Эти три ламы Соржи послали за Абай-Гэхэръ-Богдо-ханомъ быстраго посла, чтобы онъ пріѣхалъ поклониться имъ и получить благословеніе отъ нихъ. Быстрый посолъ отъ трехъ ламъ Соржи пріѣхалъ къ Абай-Гэхэръ-Богдо-хану и сказалъ ему, что на вершину Оргилъ-Ула спустились съ неба три ламы Соржи; они его просятъ пріѣхать къ нимъ поклониться и получить благословеніе. Тогда Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ впередъ себя послалъ человѣка, который бы поднялся на вершину Оргилъ-Ула, вошелъ бы въ бѣлосеребрянный дворецъ и, ставъ во дворцѣ, смотрѣлъ бы на трехъ ламъ Соржи, пока не пріѣдетъ самъ Абай-Гэхэръ-Богдо; когда самъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ пріѣдетъ ко дворцу и крикнетъ громко, то, если дѣйствительно они три ламы Соржи, они по прежнему будутъ читать священное писаніе, а если это не они, то, когда онъ крикнетъ громко, они упадутъ съ престола. Потомъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ поѣхалъ самъ; поднявшись на вершину Оргилъ-Ула и подъѣхавъ къ бѣло-серебрянному дворцу, крикнулъ громко; тогда три мнимые ламы Соржи упали съ престола, опять сѣли на престолъ и читаютъ по прежнему священное писаніе. Посланный Абай-Гэхэръ-Богдо-ханомъ человѣкъ, увидѣвъ это, выходитъ изъ дворца сказать ему; но когда онъ говорилъ, то ошибся, и вмѣсто того, чтобъ сказать «упали», сказалъ «не упали»; потому что Лобсогой черезъ свои волшебства повернулъ языкъ этому человѣку. Тогда Аба-Гэхэръ-Богдо-ханъ входитъ въ бѣло-серебрянный дворецъ и начинаетъ кланяться тремъ ламамъ Соржи, читающимъ священное писаніе; послѣ поклоненія Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ подходитъ къ тремъ ламамъ Соржи получить ихъ благословеніе; мнимые три ламы Соржи своими священными писаніями дотронулись до головы Абай-Гэхэръ-Богдо-хана; вслѣдствіе этого онъ сдѣлался нечистымъ; тогда они обратили его въ неустающаго осла. Послѣ того Лобсогой снова сдѣлался Лобсогоемъ, громко смѣялся и рѣчисто говорилъ: «Наконецъ-то я тебя поймалъ въ руки мои и за сѣдломъ привязалъ». Послѣ этого Лобсогой обратившемуся въ неустающаго осла Абай-Гэхэръ-Богдо-хану желѣзнымъ треногомъ стреножилъ ноги и желѣзной уздой обуздалъ этого осла, и повелъ домой. По пріѣздѣ домой, Лобсогой на этомъ ослѣ каждый день пахалъ сорокъ десятинъ земли и билъ его желѣзнымъ молотомъ; а ночью запиралъ его въ желѣзный амбаръ.

Домашніе Абай-Гэхэръ-Богдо-хана узнали о случившемся несчастіи, что онъ черезъ обманъ обращенъ Лобсогоемъ въ неустающаго осла и уведенъ. Тогда три прекрасныя жены Абай-Гэхэръ-Богдо-хана послали быстраго посла къ тремъ ламамъ Соржи [1]) просить у нихъ совѣта и извѣстить ихъ, что Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ обращенъ въ осла и уведенъ Лобсогоемъ. Три ламы Соржи, почитавъ священное писаніе, сказали посланному, что Абай-Гэхэръ-Богдо-хана можетъ освободить только одна Алма-Моргонъ-хатанъ, а другіе ни кто не можетъ. Посланный посолъ пріѣхалъ и сказалъ, что три ламы Соржи сказали, что Абай-Гэхэръ-Богдо-хана можетъ освободить отъ Лобсогоя только одна Алма-Моргонъ-хатанъ, а другіе ни кто.

[1]) Иные говорятъ къ тремъ Голто-Саганъ-Бурханамъ.

Тогда Алма-Моргонъ-хатанъ начала собираться въ путь-дорогу до Абай-Гэхэръ-Богдо-хана. Она сѣла на тоненькаго рыжаго коня и поѣхала къ сѣверо-западу въ сторону Лобсогоя. Алма-Моргонъ-хатанъ сперва поѣхала къ Енхобой, къ тремъ старшимъ сестрамъ Лобсогоя; обратившись въ черную муху, она прилетѣла къ дому старшей сестры Лобсогоя Енхобой и старалась выслѣдить ея привычки, характеръ и волшебства; когда все узнала, она улетѣла на трехдневное разстояніе и тамъ съ помощію своихъ волшебствъ сдѣлала черную и желѣзную телегу, точь въ точь, какъ у старшей сестры Лобсогоя, потомъ сдѣлала трехъ черныхъ иноходцевъ, точь въ точь какъ у старшей сестры Лобсогоя и сама обратилась въ старшую сестру Лобсогоя, Енхобой; поѣхала на этой телегѣ и на этихъ черныхъ иноходцахъ къ Лобсогою.

Когда Алма-Моргонъ-хатанъ, обратившись въ старшую сестру Енхобой, пріѣхала къ Лобсогою, онъ встрѣтилъ свою сестру на улицѣ и ввелъ въ домъ. Сестра Лобсогоя говоритъ ему: «Дитя мое, ты непобѣдимаго врага побѣдилъ и годовалаго жеребенка закололъ; наконецъ-то Абай-Гэхэръ-Богдо-хана поймали въ руки наши и привязали за сѣдломъ». Она хвалила своего младшаго брата Лобсогоя, а потомъ стала просить его, чтобы онъ отдалъ ей этого неутомимаго осла; она хочетъ на немъ пахать землю.

Тогда Лобсогой говоритъ своей статршей сестрѣ Енхобой: «Нѣтъ, не дамъ тебѣ осла; ты не съумѣешь его держать и отпустишь». Старшая сестра Енхобой сильно разсердилась и говоритъ: «Если-бы я не дала тебѣ свои нечистые штаны, то ты не поймалъ-бы Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, а теперь ты его не даешь мнѣ. Съ этого времени будь ты безъ моей помощи!» Съ этими словами она выбѣжала на улицу и захлопнула дверь.

Тогда Лобсогой думаетъ, что старшую сестру Енхобой нельзя гнѣвить, надо отдать ей осла; онъ выходитъ на улицу и говоритъ сестрѣ: «Возми неутомимаго осла, паши на немъ землю, но только не отпускай!» Лобсогой отдалъ старшей сестрѣ неутомимаго осла; старшая сестра Енхобой крѣпко привязала неутомимаго осла за желѣзною телегою и поѣхала домой.

Тогда Лобсогой чернаго ворона Хонъ послалъ за сестрой слѣдить: если она дѣйствительно его старшая сестра Енхобой, то она прямо поѣдетъ домой, а если это кто-нибудь другой, то поѣдетъ по другому направленію; Алма-Моргонъ-хатанъ, узнавъ о посланномъ черномъ воронѣ Хонъ, съ помощью волшебства повернула оба глаза черному ворону Хонъ, а также и языкъ; черный воронъ Хонъ прилетѣлъ къ Лобсогою обратно и говоритъ, что Енхобой уѣхала прямо домой. Лобсогой послалъ другого чернаго ворона Хонъ слѣдить за ней, но Алма-Моргонъ-хатанъ съ этимъ чернымъ ворономъ Хонъ сдѣлала то же, какъ и съ первымъ. Лобсогой въ третій разъ послалъ еще одного чернаго ворона Хонъ, съ которымъ Алма-Моргонъ-хатанъ сдѣлала то же, что съ первымъ и вторымъ; тогда Лобсогой успокоился, думая, что она дѣйствительно его старшая сестра Енхобой.

Алма-Моргонъ-хатанъ, отъѣхавъ на трехдневное разстояніе, снова обратилась въ Алма-Моргонъ-хатану и ударила въ правую щеку Абай-Гэхэръ-Богдо-хана; тогда

онъ началъ блевать чернымъ-черно; потомъ она ударила его въ лѣвую щеку; онъ началъ блевать разнообразными веществами; послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ изъ осла обратился снова въ человѣка; тогда Алма-Моргонъ-хатанъ взяла воды изъ источниковъ девяти ключей и взяла изъ большой тайги верескъ и ими начала мыть Абай-Гэхэръ-Богдо-хана; тогда только онъ пришелъ вполнѣ въ прежнее состояніе, принялъ настоящій свой видъ и вошелъ въ настоящее тѣло.

Послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ съ Алма-Моргонъ-хатаной пріѣхали домой. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ съ 33 батарами и 300 передовыми войсками сдѣлалъ большой пиръ и веселье; въ первые дни гуляли и веселились у младшей жены Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, у Алма-Моргонъ-хатаны; потомъ ихъ пригласила къ себѣ средняя жена Абай-Гэхэра, Урма-Гохонъ-хатанъ, у которой тоже гуляли и веселились, а потомъ ихъ пригласила старшая жена Абай-Гэхэра, Тӧмӧнъ-Жаргаланъ-хатанъ, у которой тоже гуляли и веселились; на девятый день едва, едва разошлись.

Послѣ этого гулянья и веселья къ Тӧмӧнъ-Жаргаланъ-хатанѣ приходитъ завистливый дядя Сута-Ноёнъ и говоритъ ей: «Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ тебя отдалъ мнѣ». Тогда Тӧмӧнъ-Жаргаланъ-хатанъ крикнула одного батара и сказала ему: «Дядя Сута-Ноёнъ опьянѣлъ, уложите его спать». Одинъ изъ батаровъ увелъ Сута-Ноёна и уложилъ спать. Черезъ нѣкоторое время Сута-Ноёнъ опять приходитъ и говоритъ то же самое; Тӧмӧнъ-Жаргаланъ-хатанъ опять велѣла уложить его спать. Немного погодя Сута-Ноёнъ въ третій разъ приходитъ и говоритъ то же самое. Тогда Тӧмӧнъ-Жаргаланъ-хатанъ сильно разсердилась на Сута-Ноёна; призвала батаровъ и велѣла имъ побить его хорошенько и выбросить его на улицу. Пришедшіе батары хорошенько побили Сута-Ноёна и выбросили его на улицу, чтобы онъ впередъ не дѣлалъ этого. Сута-Ноёнъ сильно разсердился на Тӧмӧнъ-Жаргаланъ-хатану и хотѣлъ отомстить ей.

(Война съ Лобсогоемъ) [1]).

Когда Алма-Моргонъ-хатанъ привезла домой Абай-Гэхэръ-Богдо-хана и начала его мыть водою, взятою изъ источниковъ девяти ключей, и пихтовою корою, взятою изъ девяти таёгъ, тогда онъ пришелъ въ прежнее состояніе и обратился въ человѣка; Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ сильно исхудалъ и истощился и понравился только по истеченіи трехъ мѣсяцевъ. Тогда онъ началъ собираться. Вышелъ на вершину горы Мӧрӧнъ-Ула, сдѣлалъ тутъ жертвоприношеніе западнымъ пятидесяти пяти тэнгэринамъ и старшему тэнгэрину Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри; въ продолженіи девяти дней и ночей молился. Послѣ девяти дней и ночей Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ спустился съ вершины горы Мӧрӧнъ-Ула и пришелъ домой. Здѣсь онъ пригласилъ своихъ 33 батаровъ, 300 передовыхъ войскъ и дядю Сарагалъ-Ноёна, и началъ съ

---

[1]) Нѣкоторые буряты разсказываютъ о войнѣ съ Лобсогоемъ вслѣдъ за разсказомъ объ обращеніи Гэхэра въ осла; другіе же говорятъ, что эта война была послѣ.

ними пировать; пировалъ въ продолженіи девяти сутокъ. Послѣ девяти сутокъ разошлись по домамъ. Передъ этимъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ своимъ 33 батарамъ, чтобъ они собирались въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ ѣхать войною воевать съ Лобсогоемъ. 33 батара Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, услыхавъ это, сильно обрадовались. Когда прошли три мѣсяца, Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ началъ собираться на войну съ Лобсогоемъ; всѣ 33 батара собрались и были готовы. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ, что ему, кромѣ 33 батаровъ, никто не нуженъ; остальные только въ дорогѣ будутъ мѣшать ему. Когда всѣ собрались въ дорогу, Алма-Моргонъ-хатанъ говоритъ: «Я тоже поѣду; вы съ Лобсогоемъ будете воевать, а не знаете всѣхъ волшебствъ и хитростей у трехъ старшихъ Лобсогоевыхъ сестеръ, Енхобой». Алма-Моргонъ-хатанъ осѣдлала своего рыжаго коня, привязала его къ серебряному столбу краснымъ шелковымъ поводомъ и вошла во дворецъ; сплела въ обхватъ черную и длинную косу и приняла прежній дѣвичій видъ; одѣвшись, надѣла на себя колчанъ со стрѣлами и лукъ съ футляромъ; потомъ поѣхала съ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханомъ и 33 батарами; всѣ они поѣхали прямо въ сѣверо-западную сторону, гдѣ живетъ Лобсогой. Они ѣхали, ѣхали и пріѣхали въ страну Бирдиктынъ, по которой поѣхали далѣе и разсѣкли одну изъ трехъ падей Дибэнъ; когда они поѣхали поперегъ самой правой пади Дибэнъ, передъ ними поперегъ дороги пробѣжали три дикіе быка. Тогда Алма-Моргонъ-хатанъ говоритъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хану: «Эти три дикіе быка, три сестры Лобсогоя; онѣ васъ обманулибы безъ меня; этихъ трехъ быковъ непремѣнно нужно убить и догонять ихъ». Сказавъ это, Алма-Моргонъ-хатанъ выстрѣлила и убила одного дикаго быка, а Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ выстрѣлилъ и убилъ другого дикаго быка, а за третьимъ дикимъ быкомъ погнались вверхъ по пади Дибэнъ; не могши догнать, погнались до вершины пади Дибэнъ. Прибѣжавъ на вершину пади Дибэнъ, дикій быкъ вбѣжалъ въ одинъ дворецъ и сдѣлался сестрою Лобсогоя, Енхобой; Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ слѣзъ съ коня и входитъ во дворецъ; только онъ вошелъ во дворецъ, какъ старшая сестра Лобсогоя, Енхобой, проглотила его.

Проглоченный Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ, входя внутрь Енхобой, старшей сестры Лобсогоя, взялъ маленькій желтенькій ножикъ, дающій подъ большимъ пальцемъ (эрхэ доро дарама шара хумаша) и этимъ ножомъ распоролъ желудокъ у Енхобой и вышелъ изъ ея желудка; потомъ началъ пилить тѣмъ же ножомъ сердце Енхобой. Она начала кричать, стонать и говорить: «Не убей меня, отпусти живой», и давать клятву. Тогда Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ ей: «Укажи жизнь и душу Лобсогоя какъ его убить, тогда отпущу тебя живою».

Старшая сестра Лобсогоя, Енхобой, говоритъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хану: «Братъ мой Лобсогой неумертвимъ и безъ жизни; если раздѣлишь его по кусочку по ртамъ пестрой сороки, тогда онъ не умретъ, и если раздѣлишь по кусочкамъ по клювамъ черной вороны Хонъ, тогда онъ не умретъ, и будетъ живымъ; развѣ только побѣдишь, тогда удержишь его». Послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ выпилилъ сердце у Енхобой и, распоровъ ея брюхо, вышелъ изъ ея утробы. Тогда вмѣстѣ съ Алма-Моргонъ-хатаной они убили старшую сестру Лобсогоя, Енхобой, и тѣло

ея сожгли на кострѣ, оставшіяся кости разбросали на всѣ четыре стороны. Послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ съ Алма-Моргонъ-хатаной пріѣхалъ обратно къ 33 батарамъ; пріѣхавъ, видятъ, что 33 батара двухъ убитыхъ дикихъ быковъ сжигаютъ на огнѣ. Кости этихъ быковъ и оставшійся пепелъ разбросали на всѣ четыре стороны.

Поѣхали они далѣе и разсѣкли три пади Дибенъ; ѣдутъ по странѣ Бирдиктынъ; въ это время Лобсогой узналъ, что къ нему съ войною пріѣхалъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ съ Алма-Моргонъ-хатаной и 33 батарами. Онъ не медля и торопливо собрался и поѣхалъ на встрѣчу Абай-Гэхэръ-Богдо-хану. На дорогѣ Лобсогой встрѣтился съ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханомъ; онъ спрашиваетъ его: «Старше тринадцати хановъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ куда ѣдешь?» Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ: «Къ тринадцати ханамъ вредящему, мучителю Абай-Гэхэръ-Богдо-хана ѣду, живущему въ странѣ Бирдиктынъ, старшему мангатхаю Лобсогою, котораго хочу убить». Тогда Лобсогой говоритъ: «Называемый Лобсогоемъ это я; ты меня не убьешь; если раздѣлишь меня по кусочку по ртамъ пестрой сороки, тогда я не умру; если раздѣлишь по кусочку по клювамъ черной вороны Хонъ, тогда я не умру. Я неумертвимъ и безъ жизни, никогда меня не убьешь». Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ Лобсогою: «Какъ будемъ воевать, силою большого пальца или силою плеча?» Лобсогой говоритъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хану: «Силою большого пальца не убьемъ другъ друга, а будемъ воевать силою плеча».

Послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ и Лобсогой слѣзли съ коней и начали бороться между собою; когда они боролись и воевали силою плеча, они воевали ровно, никто никого не могъ побѣдить; они впередъ упирались ногами, дѣлали красную гору и назадъ упирались (пиналисъ) ногами и дѣлали большія горы; если бросить къ верблюду, то равнымъ равно воевали, а если бросить къ коню, то дѣйствительно равно воевали. Тогда 33 батара Абай-Гэхэръ-Богдо-хана взяли въ тысячу обхватовъ бѣлую хлопчато-бумажную веревку, сдѣлали изъ нея петлю и бросили къ ногамъ Лобсогоя; когда въ этой петлѣ запутались ноги Лобсогоя, 33 батара потянули веревку; веревка на нѣсколько частей разорвалась. Тогда Алма-Моргонъ-хатанъ говоритъ 33 батарамъ: «Этою веревкою ничего не поможете, оставьте!» Потомъ Алма-Моргонъ-хатанъ начинаетъ читать свою книгу, «заяни шара худар» и говоритъ: «Я буду стрѣлять изъ лука стрѣлою въ самыя жизненныя мѣста, тогда у Лобсогоя убудетъ его волшебства и силы». Алма-Моргонъ-хатанъ начала изъ лука стрѣлять стрѣлою въ самыя жизненныя мѣста у Лобсогоя; силы у него постепенно начали убывать и ослабѣвать.

Послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ неумертвимаго Лобсогоя свалилъ на землю и давитъ его, но никакъ не можетъ убить. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ началъ тащить Лобсогоя по землѣ къ готовой каменной тамѣ въ странѣ Бирдиктынъ; одну ногу Лобсогоя привязалъ къ хвосту своего темно-гнѣдого коня, величиною съ гору, а за другую ногу тащилъ самъ; Алма-Моргонъ-хатанъ въ это время все стрѣляла изъ лука стрѣлою въ Лобсогоя. Такъ Лобсогоя приволокли по землѣ къ каменному тамъ, бросили его въ него. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ волшебнымъ чернымъ деревомъ

погладилъ сверху и сказалъ: «До окончанія тысячи вѣковъ отсюда не выходи» (минган галаби мултара сара эндэхэн бу гара). Послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ съ помощію своихъ тринадцати волшебствъ сдѣлалъ каменнаго батара (шулун батар) и приказалъ ему: «До окончанія тысячи вѣковъ этого Лобсогоя не выпускай изъ этой каменнаго тамы, а если будетъ выходить, то сверху бей его по головѣ желѣзнымъ молотомъ!» Онъ далъ этому каменному батару большой желѣзный молотъ, чтобы бить по головѣ Лобсогоя.

Послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ съ Алма-Моргонъ-хатаной и 33 батарами поѣхали къ дворцу Лобсогоя; изъ дворца взяли золото и серебро, и дворецъ сожгли; потомъ весь скотъ Лобсогоя угнали; обратно на пути были во дворцахъ у трехъ старшихъ сестеръ Лобсогоя, Енхобой; изъ дворцовъ сестеръ тоже взяли золото и серебро, а дворцы сожгли. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ съ Алма-Моргонъ-хатаной и 33 батарами пріѣхали домой и устроили большой пиръ, продолжавшійся девять дней и ночей.

(Варіантъ о войнѣ съ Лобсогоемъ).

Когда Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ приносилъ жертвоприношеніе пятидесяти пяти тэнгэринамъ и старшему тэнгэрину Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэрину, въ то время западные тэнгэрины научили Абай-Гэхэръ-Богдо-хана какъ воевать съ Лобсогоемъ и побѣдить его многочисленное войско. Они научили его слѣдующимъ образомъ: «Когда пріѣдешь въ страну Лобсогоя, то на встрѣчу тебѣ выйдетъ многочисленное войско Лобсогоя; это войско никакъ нельзя побѣдить; всѣ убитые снова встаютъ и воюютъ. Войска Лобсогоя сдѣланы изъ семидесяти разныхъ цвѣтовъ; потому они непобѣдимы. Встрѣтившись съ нимъ, нужно передъ нимъ сдѣлать свое каменное изображеніе, стрѣляющее изъ лука стрѣлою. Войско Лобсогоя, пріѣхавъ, начнетъ стрѣлять въ это твое каменное изображеніе; въ это время нужно зайти сзади и тамъ оторвать цвѣтокъ (разскащикъ не зналъ названія цвѣтка и также подробностей этого разсказа), тогда это войско Лобсогоя вдругъ исчезнетъ и будетъ такимъ образомъ побѣждено. Послѣ этого пріѣдетъ самъ Лобсогой и будетъ бороться съ твоимъ каменнымъ изображеніемъ и устанетъ». Такъ научили западные тэнгэрины Абай-Гэхэръ-Богдо-хана.

Послѣ жертвоприношенія Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ съ Алма-Моргонъ-хатаной и 33 батарами поѣхалъ къ Лобсогою; когда они пріѣхали въ страну Лобсогоя, многочисленное войско Лобсогоя выѣхало на встрѣчу Абай-Гэхэръ-Богдо-хану и хотѣло воевать съ нимъ. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ и Алма-Моргонъ-хатана, съ помощью своихъ волшебствъ, сдѣлали свои каменныя изображенія, сидящія на лошадяхъ и стрѣляющія стрѣлами изъ лука. Когда пріѣхало многочисленное войско Лобсогоя, то оно начало стрѣлять изъ лука стрѣлами и рубить каменныя изображенія Абай-Гэхэръ-Богдо-хана и Алма-Моргонъ-хатаны; въ это самое время Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ подъѣхалъ сзади этого многочисленнаго войска и оторвалъ ука-

занный цвѣтокъ; въ это время все многочисленное войско Лобсогоя исчезло. Послѣ этого пріѣхалъ самъ Лобсогой, который тоже, не зная, началъ стрѣлять и рубить каменное изображеніе Абай-Гэхэръ-Богдо-хана и Алма-Моргонъ-хатаны и наконецъ началъ бороться; въ этой борьбѣ Лобсогой сильно утомился; въ это время Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ вышелъ и побѣдилъ Лобсогоя [1]).

Завистливый дядя Сута-Ноёнъ во чтобы то ни стало хотѣлъ отомстить Тѳмѳнъ-Жаргаланъ-хатанѣ; для этого онъ обратился къ восточнымъ альбинамъ. Завистливый дядя Сута-Ноёнъ закололъ чернаго барана, кровь и немного мяса отъ него взялъ съ собою и поѣхалъ въ страну альбиновъ просить совѣта у нихъ, какъ отомстить Тѳмѳнъ-Жаргаланъ-хатанѣ, которая не согласилась на его предложеніе и велѣла поколотить его и выбросить на улицу. Когда завистливый дядя Сута-Ноёнъ пріѣхалъ въ страну альбиновъ, на альбинскую степь, гдѣ находится альбинъ-тама, около отверстія этого тама онъ остановился и началъ призывать альбиновъ, бросая привезенное мясо въ альбинъ-тама. Онъ призывалъ ихъ въ продолженіи трехъ сутокъ, но альбины въ нему не приходили; тогда онъ призывалъ еще въ продолженіе трехъ сутокъ, но альбины и тогда не явились; онъ еще призывалъ въ продолженіе трехъ сутокъ, но альбины, какъ и прежде, не явились ему; тогда завистливый Сута-Ноёнъ разсердился на альбиновъ; оставшееся мясо выбросилъ въ альбина-тама и говоритъ: «Развѣ присуждено альбинскимъ альбинамъ погибнуть и альбинъ-тамѣ наполниться!»

Тогда изъ альбинъ-тама выскочили четыре альбина, которые хотѣли завистливаго Сута-Ноёна разорвать на четыре части. Завистливый Сута-Ноёнъ говоритъ четыремъ альбинамъ: «Постойте, у колотаго животнаго кровь пускаютъ и у умирающаго человѣка спрашиваютъ слова его!» Альбинскіе альбины спрашиваютъ: «Что тебѣ нужно и зачѣмъ сюда пріѣхалъ?» Завистливый дядя Сута-Ноёнъ разсказываетъ причину своего пріѣзда, и проситъ совѣта отъ четырехъ альбиновъ, какъ отомстить старшей женѣ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, Тѳмѳнъ-Жаргаланъ-хатанѣ. Тогда четыре альбина дали завистливому Сута-Ноёну три щепотки черной земли и говорятъ: «Когда пріѣдешь домой, то заколи три черныхъ барана, въ кровь ихъ положи эту черную землю, а кровь налей въ желудки барановъ; послѣ этого три желудка, налитые кровью, положи въ унты, а одинъ желудокъ привяжи къ шубѣ; когда Тѳмѳнъ-Жаргаланъ-хатанъ второпяхъ надѣнетъ унты и шубу, то кровь выльется на землю и потечетъ въ очагъ; тогда ты отомстишь Тѳмѳнъ-Жаргаланъ-хатанѣ».

Завистливый Сута-Ноёнъ, взявши три щепотки черной земли отъ четырехъ альбиновъ, пріѣхалъ обратно домой; по пріѣздѣ закололъ трехъ черныхъ барановъ и взялъ отъ нихъ кровь, во взятую кровь высыпалъ три щепотки черной земли; потомъ кровь влилъ въ три желудка; послѣ этого ночью, когда Тѳмѳнъ-Жаргаланъ-

---

[1]) По словамъ бурятъ, это каменное изображеніе есть въ Тибетѣ.

хатана легла спать, завистливый Сута-Ноёнъ потихоньку вошелъ въ бѣло-серебряный дворецъ и два желудка крови положилъ въ унты, а одинъ желудокъ съ кровью привязалъ къ воротнику шубы и самъ вышелъ на улицу. Потомъ Сута-Ноёнъ нарочно отпустилъ сто красныхъ телятъ къ матерямъ и кричитъ, проходя мимо дворца: «Сто красныхъ коровъ сосутъ телята. Вставайте!» Тогда Тёмёнъ-Жаргаланъ-хатана разбудилась и говоритъ: «Не стоитъ трудовъ, чтобы выйдти и разнимать». И опять легла спать и заснула. Завистливый Сута-Ноёнъ опять отпустилъ еще сто красныхъ телятъ къ матерямъ и кричитъ, проходя около дворца: «Двѣсти красныхъ коровъ сосутъ телята. Вставайте!» Тогда Тёмёнъ-Жаргаланъ-хатана пробудилась и говоритъ то же, что не стоитъ трудовъ, чтобы выйдти и разнимать. И опять легла спать и заснула. Завистливый Сута-Ноёнъ опять отпустилъ еще сто красныхъ телятъ къ матерямъ и кричитъ, проходя около дворца: «Триста красныхъ коровъ сосутъ телята. Вставайте!» Тогда Тёмёнъ-Жаргаланъ-хатанъ пробудилась и встаетъ; она беретъ свои унты, надѣваетъ на ноги и беретъ шубу, надѣваетъ на себя; въ это время пролилась кровь изъ трехъ желудковъ и течетъ въ очагъ; кровь, попавши въ очагъ, сгорѣла въ огнѣ, а паръ и запахъ отъ крови выходитъ черезъ отверстіе дворца на улицу; образовался желтый туманъ и пошелъ по направленію къ вершинѣ большой пади Хатанъ.

Этотъ желтый туманъ достигъ до вершины большой пади Хатанъ, черезъ отверстія бѣло-серебрянаго дворца, вошелъ во дворецъ и Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ во время сна вдохнулъ этотъ желтый туманъ въ себя черезъ носъ; желтый туманъ, обратившись въ желтую болѣзнь, втянулся въ мозгъ его. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ утромъ всталъ съ сильной головною болью; захворалъ и легъ на постель. Сильно заболѣвъ, Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ послалъ къ тремъ ламамъ Соржи спросить, отчего онъ заболѣлъ. Посланный пріѣхалъ къ тремъ ламамъ Соржи [1]) и спросилъ, отчего заболѣлъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ. Три ламы Соржи открыли большое и бѣлое священное писаніе, и видятъ въ немъ, что Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ заболѣлъ отъ своей старшей прекрасной жены Тёмёнъ-Жаргаланъ-хатанъ; если не выгнать ее къ злу и несчастію, то не выздоровѣетъ, а умретъ. Посланный пріѣхалъ и передалъ слова трехъ ламъ Соржи Абай-Гэхэръ-Богдо-хану, а тотъ сказалъ: «Съ малолѣтства сдружившагося друга не прогоню къ злу и несчастію и лучше умру!»

Эти слова Абай-Гэхэръ-Богдо-хана донеслись до Тёмёнъ-Жаргаланъ-хатаны; услышавъ ихъ, она сказала: «Чѣмъ погубить съ гору большого Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, лучше уйду я. И въ чужбинѣ много дѣвицъ!» Съ этими словами украдкой начала собираться Тёмёнъ-Жаргаланъ-хатанъ; она нарочно напоила до пьяна 33 батаровъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, чтобы они не замѣтили ея поѣздки. Напоивъ ихъ, она уѣхала прямо къ востоку; 33 батара, узнавши что она поѣхала, жалѣя и любя ее, поѣхали за ней. Тогда Тёмёнъ-Жаргаланъ-хатанъ начала упрашивать 33 батаровъ возвратиться домой. Тридцать три батара отвѣтили ей: «Куда поѣдешь

[1]) Иные говорятъ, что Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ послалъ спрашивать на небо.

ты, мы поѣдемъ туда и гдѣ будешь жить и мы будемъ жить тамъ». Тогда Тӧмӧнъ-Жаргаланъ-хатанъ оторвала и разбросала маржаны съ одного ожерелья и сказала: «Наполните одинъ лугъ!» Маржаны съ этого ожерелья наполнили одинъ лугъ; потомъ она оторвала и разбросала маржаны съ другого ожерелья, эти маржаны тоже наполнили одинъ лугъ; тогда Тӧмӧнъ-Жаргаланъ-хатанъ попросила 33 батаровъ собрать эти разбросанные маржаны. Тридцать три батара, всѣ пьяные, начали собирать эти разбросанные маржаны на двухъ лугахъ. Въ это время, пока 33 батара собирали разбросанные маржаны, Тӧмӧнъ-Жаргаланъ-хатанъ незамѣтно уѣхала далѣе; она ѣхала, ѣхала и пріѣхала на Шажагатыйскую степь; проѣхавъ ее, она пріѣхала на Хэрэтуйскую степь; проѣхавъ и эту, наконецъ пріѣхала въ страну мангатхаевъ, гдѣ ее встрѣтилъ пятнадцатиголовый Абарга-Сэсэнъ-мангатхай; встрѣтивши ее, говоритъ ей: «Хорошій человѣкъ по желанію и сама пріѣхала?»

Тогда Тӧмӧнъ-Жаргаланъ-хатанъ говоритъ пятнадцатиголовому Абарга-Сэсэнъ-мангатхаю: «Абай-Гэхэръ-Богдо-хана считая еще малымъ и глупымъ, а пятнадцатиголоваго Абарга-Сэсэнъ-мангатхая считая красивымъ и умнымъ, сама пріѣхала къ тебѣ».

Пятнадцатиголовый Абарга-Сэсэнъ-мангатхай, услышавъ слова Тӧмӧнъ-Жаргаланъ-хатаны, сильно обрадовался; нѣкоторыя головы его начали смѣяться, другія говорили, прочія начали пѣть пѣсни и разсказывать сказки.

Тӧмӧнъ-Жаргаланъ-хатанъ, смотря на пятнадцатиголоваго Абарга-Сэсэнъ-мангатхая, улыбалась, а отвернувшись плакала. Пятнадцатиголовый Абарга-Сэсэнъ-мангатхай съ Тӧмӧнъ-Жаргаланъ-хатаной пріѣхалъ домой и сталъ съ ней жить.

Послѣ того какъ Тӧмӧнъ-Жаргаланъ-хатанъ уѣхала въ страну мангатхаевъ, черезъ нѣкоторое время Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ выздоровѣлъ совсѣмъ отъ болѣзни; послѣ выздоровленія онъ началъ собираться ѣхать за Тӧмӧнъ-Жаргаланъ-хатаной, чтобы привезти ее обратно домой. Онъ говорилъ: «Съ малолѣтства сдружившагося друга Тӧмӧнъ-Жаргаланъ-хатану привезу обратно домой». Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ сѣлъ на коня, поѣхалъ прямо къ востоку въ страну мангатхаевъ; онъ долго ѣхалъ, ѣхалъ и наконецъ пріѣхалъ въ страну мангатхаевъ. Здѣсь онъ сдѣлалъ такой сильный жаръ, что конскій пометъ сталъ кипѣть, а самъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ обратился въ двухъ маленькихъ мальчиковъ, которые стрѣляли въ мѣту.

Тогда пятнадцатиголовый Абарга-Сэсэнъ-мангатхай говоритъ своей женѣ Тӧмӧнъ-Жаргаланъ-хатанѣ: «Это жаръ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана; онъ скоро пріѣдетъ; я теперь пойду купаться въ желтое море». Онъ ушелъ къ желтому морю, и купается въ немъ; въ это время къ желтому морю приходятъ два мальчика и между собою спорятъ; одинъ говоритъ: «я буду впередъ стрѣлять въ мѣту», а другой говоритъ: «нѣтъ я». А купавшійся пятнадцатиголовый Абарга-Сэсэнъ-мангатхай, услышавъ ихъ споры и говоритъ имъ: «Попадайте въ мой указательный палецъ! кто попадетъ, тотъ будетъ хорошій мальчикъ!» Эти два мальчика говорятъ ему: «Наши стрѣлы не вѣрно летаютъ; мы боимся, что попадемъ въ ваши головы». Тогда пятнадцатиголовый Абарга-Сэсэнъ-Мангатхай поднялъ вверхъ указательный палецъ и говоритъ мальчикамъ: «Стрѣляйте».

Одинъ изъ мальчиковъ прямо намѣтился въ самый серединный бѣлый глазъ и выстрѣлилъ; стрѣла Абай-Гэхэръ-Богдо-хана прямо попала въ самый серединный и бѣлый глазъ пятнадцатиголоваго Абарга-Сэсэнъ-мангатхая; онъ схватился за средній глазъ, выбѣжалъ изъ воды и хотѣлъ поймать этихъ двухъ мальчиковъ, но они разбѣжались; никакъ не могъ поймать этихъ двухъ мальчиковъ. Послѣ этого пятнадцатиголовый Абарга-Сэсэнъ-мангатхай прибѣжалъ домой и говоритъ Тӧмӧнъ-Жаргаланъ-хатанѣ: «Жена, жена! смотри-ка въ самый средній и бѣлый глазъ, въ который выстрѣлили стрѣлою два мальчика; достань-ка ихъ стрѣлу! она тамъ сидитъ». Тогда Тӧмӧнъ-Жаргаланъ-хатанъ посмотрѣла въ самый средній и бѣлый глазъ и видитъ стрѣлу Абай-Гэхэръ-Богдо-хана; она эту стрѣлу еще задвинула далѣе. Пятнадцатиголовый Абарга-Сэсэнъ-мангатхай пуще прежняго началъ охать и кричать; боль не даетъ дотрогиваться до глаза. Тогда Тӧмӧнъ-Жаргаланъ-хатанъ говоритъ пятнадцатиголовому Абарга-Сэсэнъ-мангатхаю: «Трудно достать стрѣлу, которая далеко ушла; нужно твои руки и ноги привязать бѣлою хлопчато-бумажною веревкою въ тысячу обхватовъ; тогда только можно достать». Пятнадцатиголовый Абарга-Сэсэнъ-мангатхай согласился, чтобы его привязали бѣлою хлопчато-бумажною веревкою въ тысячу обхватовъ. Тогда Тӧмӧнъ-Жаргаланъ-хатанъ взяла бѣлую хлопчато-бумажную веревку въ тысячу обхватовъ, крѣпко привязала ею ноги и руки пятнадцатиголоваго Абарга-Сэсэнъ-мангатхая, а потомъ призываетъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана; онъ входитъ въ домъ мангатхая и вырубаетъ ему всѣ пятнадцать головъ; пятнадцатиголовый Абарга-Сэсэнъ-мангатхай умеръ; его вытащили на улицу и сожгли на кострѣ; оставшійся пепелъ и кости разбросали на всѣ стороны.

Послѣ этого Тӧмӧнъ-Жаргаланъ-хатанъ своего мужа Абай-Гэхэръ-Богдо-хана накормила одуряющею пищею; съѣвъ ее, онъ одурѣлъ; съ нимъ сдѣлалось умопомраченіе и онъ позабылъ ѣхать обратно домой; и жилъ въ домѣ пятнадцатиголоваго Абарга-Сэсэнъ-мангатхая съ своею Тӧмӧнъ-Жаргаланъ-хатаною долгое время.

Въ то время, когда Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ находился въ странѣ мангатхаевъ съ Тӧмӧнъ-Жаргаланъ-хатаной, которая кормила его одуряющею пищею, на южной сторонѣ живущіе три царя Шарабуловы, старшій царь Саганъ-Гэрэлтэ-ханъ, средній царь Шара-Гэрэлтэ-ханъ и младшій Хара-Гэрэлтэ-ханъ, имѣющіе многотысячныхъ какъ земля, многочисленныхъ, подданныхъ, задумали женить своего младшаго царя Хара-Гэрэлтэ-хана, который не былъ женатъ. Для этого послали посломъ чернаго ворона Хонъ, облетать всю землю и разыскать самую красивую женщину на свѣтѣ, на которой бы могъ жениться Хара-Гэрэлтэ-ханъ.

Посланный тремя царями Шарабуловыми черный воронъ Хонъ, облетая всю землю и разыскивая самую красивую женщину, прилетѣлъ въ царство царя Шажага-Номонъ-хана, у котораго была очень красивая дочь Шара-Сэсэкъ-Абаха; она играла съ маленькимъ желтенькимъ щенкомъ; увидѣлъ это, посланный черный воронъ Хонъ и полетѣлъ въ царство Абай-Гэхэръ-Богдо-хана; прилетѣвъ сюда, онъ началъ

поправляться отъ сильной усталости; въ это время увидѣлъ среднюю прекрасную жену Абай-Гэхэръ-Богдо-хана Урма-Гохонъ-Абахай, которая выходила изъ бѣлосеребряннаго дворца и опять обратно входила во дворецъ. Этого посланнаго чернаго ворона Хонъ увидѣлъ дядя Сарагалъ-Ноёнъ; онъ приходитъ къ тридцати тремъ батарамъ и говоритъ имъ: «У насъ летаетъ черный воронъ Хонъ, у котораго ногти отъ ходьбы притупились и крылья отъ летанія износились; этотъ воронъ посланная птица, ее нужно убить». Черный воронъ Хонъ, узнавъ объ этомъ, поскорѣе улетѣлъ въ царство трехъ царей Шарабуловыхъ; а 33 батара не могли разыскать этого ворона, чтобы убить его.

Посланный черный воронъ Хонъ прилетѣлъ къ тремъ царямъ Шарабуловымъ и говоритъ имъ: «Я облетѣлъ всю землю и видѣлъ всѣхъ красивыхъ женщинъ; дочь царя Шажага-Номонъ-хана, Шара-сэсэкъ-Абаха очень красива собою, но только играетъ съ маленькимъ желтенькимъ щенкомъ, что не хорошо для царской дочери; кромѣ того видѣлъ среднюю прекрасную жену Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, Урма-Гохонъ-Абахай, красивѣе которой не видалъ женщинъ; когда она ходитъ, то тѣло просвѣчивается сквозь платья и сквозь мясо просвѣчиваются кости; такой красивой женщины не видалъ на этой землѣ. А самъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ находится въ странѣ мангатхаевъ съ Тёмёнъ-Жаргаланъ-хатаной, которая окормила его одуряющею пищею и онъ позабылъ возвратиться домой». Тогда три царя Шарабуловы не повѣрили словамъ чернаго ворона Хонъ, а послали другого посла, черную птицу Дибэнъ-хара, которой поручили облетать всю землю и высмотрѣть очень красивыхъ женщинъ, нѣтъ ли такой, на которой бы могъ жениться младшій царь Хара-Гэрэлтэ-ханъ.

Посланная птица Дибэнъ-хара полетѣла вокругъ земли и долго летала съ одного мѣста на другое, прилетѣла въ царство царя Шажага-Номонъ-хана, у котораго увидѣла его дочь Шара-Сэсэкъ-Абаха, которая опять играла съ маленькимъ желтенькимъ щенкомъ. Послѣ этого птица Дибэнъ-хара полетѣла въ царство Абай-Гэхэръ-Богдо-хана; когда прилетѣла въ большую падь Хатанъ, то сѣла на бѣлосеребряный дворецъ жены Урма-Гохонъ-Абахай. Когда эта птица Дибэнъ-хара сѣла на дворецъ, то концы обоихъ крыльевъ хватали до земли. Урма-Гохонъ-Абахай сильно удивилась, откуда могла прилетѣть такая большая и черная птица; когда узнали 33 батара, они прибѣжали стрѣлять эту неизвѣстную птицу. Птица Дибэнъ-хара полетѣла по направленію къ царству трехъ царей Шарабуловыхъ. Одинъ изъ тридцати трехъ батаровъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана вслѣдъ за птицей Дибэнъ-хара выстрѣлилъ стрѣлою, которая будто попала въ эту птицу, но ничего не было видно; тогда поѣхали посмотрѣть; видятъ, что стрѣла попала въ одно перо въ крылѣ и отсѣкла его. Это перо едва, едва привезли домой на телегѣ на трехъ лошадяхъ.

Птица Дибэнъ-хара прилетѣла въ царство трехъ царей Шарабуловыхъ, начала кружиться надъ царскими дворцами и не садится. Тогда три царя Шарабуловы закололи домашнихъ животныхъ, и мясо ихъ выбросили на улицу, чтобы птица Дибэнъ-хара спустилась и поѣла мяса; но птица Дибэнъ-хара не спустилась, а все кружилась вверху. Тогда три царя Шарабуловы опять закололи раз-

ныхъ звѣрей и мясо ихъ выбросили на улицу для птицы Дибэнъ-хара; но птица все-таки не спускается внизъ, и все кружится вверху. Наконецъ три царя Шарабуловы, видя, что птица Дибэнъ-хара не спускается внизъ, убили человѣка и мясо его выбросили на улицу; птица Дибэнъ-хара спустилась внизъ, сѣла на человѣческое мясо и начала его ѣсть. Когда птица Дибэнъ-хара наѣлась до сыта, она говоритъ тремъ царямъ Шарабуловымъ: «Я облетѣла всю землю и сильно устала; кромѣ того меня чуть-чуть не убили 33 батара Абай-Гэхэръ-Богдо-хана. Дочь царя Шажага-Номонъ-хана, Шара-Сэсэкъ-Абаха, очень красива, но только играетъ съ маленькимъ желтенькимъ щенкомъ, что для царской дочери не хорошо; кромѣ того я видѣла среднюю прекрасную жену Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, Урма-Гохонъ-Абахай; красивѣе ея я не видала женщинъ на этой землѣ, а самого Абай-Гэхэръ-Богдо-хана дома нѣтъ, онъ находится въ странѣ мангатхаевъ съ Тёмёнъ-Жаргаланъ-хатаной.

Послѣ этого два царя Шара-Гэрэлтэ-ханъ и Хара-Гэрэлтэ-ханъ начали собираться идти съ войскомъ за Урма-Гохонъ-Абахай, чтобы привести ее и женить на ней Хара-Гэрэлтэ-хана. Саганъ-Гэрэлтэ-ханъ не согласился идти съ войскомъ на Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, боясь, что онъ всѣхъ троихъ ихъ побѣдитъ и убьетъ; онъ говорилъ своимъ братьямъ: «Идти войной на Абай-Гэхэръ-Богдо-хана очень опасно и онъ непобѣдимъ на этой землѣ». Не смотря на это, два брата Шара-Гэрэлтэ-ханъ и Хара-Гэрэлтэ-ханъ, каждый изъ нихъ, собрали по десяти тысячъ войска и поѣхали за Урма-Гохонъ-Абахай. Этими войсками предводительствовалъ Хурэ-Хара-батаръ, имѣющій человѣческую кровь питьемъ. Саганъ-Гэрэлтэ-ханъ не послалъ войска. Передъ отъѣздомъ Хара-Гэрэлтэ-ханъ три раза противъ солнца махнулъ верховымъ [1]) на подданныхъ Саганъ-Гэрэлтэ-хана, говоря: «Пусть каждый день умираетъ по сту человѣкъ и по сту коней». Съ этого времени подданные Саганъ-Гэрэлтэ-хана начали умирать по сту человѣкъ и по сту коней каждый день. Тогда Саганъ-Гэрэлтэ-ханъ собралъ десять тысячъ войска и послалъ подъ предводительствомъ Ута-Мангила-батара вслѣдъ за своими братьями, которые поѣхали отбивать Урма-Гохонъ-Абахай. Съ этого времени у Саганъ-Гэрэлтэ-хана перестали умирать каждый день по сту человѣкъ и по сту коней.

Два царя Шарабуловы, Шара-Гэрэлтэ-ханъ и Хара-Гэрэлтэ-ханъ, съ тремя стами тысячъ войска, подъ предводительствомъ Хурэ-Хара-батара и Ута-Мангила-батара, ѣхали, ѣхали и доѣхали до царства Абай-Гэхэръ-Богдо-хана. Въ это время пятнадцатилѣтній Эрхэ-Анзанъ-батаръ игралъ, перескакивая съ горы на гору и увидалъ трехсотътысячное войско двухъ царей Шарабуловыхъ. Увидавши такое множество войскъ, Эрхэ-Анзанъ-батаръ сильно удивился и думаетъ, откуда могло придти такое множество войска. Потомъ онъ смотритъ черезъ верховой кнутъ, войско въ кнутъ не помѣщается; тогда вынулъ лукъ и смотритъ въ лукъ, но войско и въ лукѣ не помѣщается. Эрхэ-Анзанъ-батаръ говоритъ: «Приходящее войско надо встрѣчать и уходящее надо провожать». Съ этими словами Эрхэ-Анзанъ-батаръ спустился съ

[1]) Кнутомъ? Въ рукописи г. Хангалова повидимому тутъ пропускъ. *Г. П.*

горы, подъѣхалъ къ войскамъ трехъ царей Шарабуловыхъ и началъ въ нихъ стрѣлять стрѣлою: одинъ разъ выстрѣлилъ—повалилъ сто человѣкъ, два раза выстрѣлилъ—повалилъ двѣсти человѣкъ. Въ это время къ нему подъѣзжаетъ Ута-Мангила-батаръ и говоритъ: «Мы поѣхали войною не къ вамъ, а къ Шажага-Номонъ-хану. Ты зачѣмъ насъ убиваешь? Лучше стрѣляй, вонъ за тобой летаютъ пять лебедей».

Тогда Эрхэ-Анзанъ-батаръ повернулся посмотрѣть на этихъ пять лебедей; въ это время Ута-Мангила-батаръ насквозь прострѣлилъ стрѣлою Эрхэ-Анзанъ-батара. Падая съ коня, онъ схватилъ прилетѣвшую стрѣлу и говоритъ: «Нижніе остріе не знаютъ своихъ хозяевъ!» Съ этими словами онъ выстрѣлилъ въ Ута-Мангила-батара; батаръ на конѣ побѣжалъ отъ стрѣлы; онъ прятался отъ стрѣлы въ разныхъ мѣстахъ и за горами, стрѣла гналась за нимъ и начала догонять; тогда онъ въѣхалъ въ средину своего многочисленнаго войска, обратился въ древесный пень, засохшій семьдесятъ лѣтъ назадъ; стрѣла начала кружиться надъ многочисленнымъ войскомъ и наконецъ нашла Ута-Мангила-батара, обратившагося древеснымъ пнемъ; она упала на него и раздробила на мелкіе куски, такъ что нельзя было сдѣлать лучины. Такимъ образомъ Ута-Мангилай-батаръ умеръ.

Эрхэ-Анзанъ-батаръ, упавши съ коня, лежалъ въ продолженіи трехъ сутокъ едва живой на степи; въ это время около него пролетѣла пестрая сорока, которую онъ просилъ слетать къ прочимъ батарамъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана и сказать имъ, что къ нимъ пришло многочисленное войско, а онъ лежитъ на степи прострѣленный насквозь. Пестрая сорока говоритъ, что ей некогда слетать, она летитъ въ гнѣздо нести яйца. Эрхэ-Анзанъ-батаръ проклялъ пеструю сороку, говоря: «Всегда гнѣздись на кустахъ и гнѣздо твое пусть постоянно разворяютъ маленькія дѣти и птицы» [1]). Потомъ около Эрхэ-Анзанъ-батара леталъ черный воронъ; батаръ просилъ ворона сказать прочимъ батарамъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, что къ нимъ пришло многочисленное войско, а онъ лежитъ на степи прострѣленный насквозь. Черный воронъ, по словамъ его, прилетѣлъ къ прочимъ батарамъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана и сказалъ: „Къ вамъ пришло множество войска, а Эрхе-Анзанъ-батаръ лежитъ на степи прострѣленный, чуть живой.“ Когда отъ чернаго ворона услышали это всѣ остальные батары Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, они поскорѣе собрались и пріѣхали на мѣсто войны, гдѣ и нашли лежащаго Эрхэ-Анзанъ-батара; онъ былъ еще живой. По пріѣздѣ Хугэлъ-Эмши-батаръ большимъ пальцемъ вылѣчилъ, а мизинцемъ излѣчилъ Эрхэ-Анзанъ-батара; онъ совсѣмъ выздоровѣлъ.

Послѣ этого всѣ тридцать три батара Абай-Гэхэръ-Богдо-хана взошли на одну высокую гору и остановились на вершинѣ ея противъ многочисленнаго войска трехъ царей Шарабуловыхъ; оттуда они поочередно спускались къ непріятельскимъ войскамъ, одинъ разъ выстрѣливъ, валили по сту человѣкъ, два раза выстрѣливъ, валили по двѣсти человѣкъ; послѣ этого изъ непріятельскаго стана они угнали сто лучшихъ ло-

[1]) Вслѣдствіе этого проклятія нынѣ сороки гнѣздятся на кустахъ, и гнѣзда ихъ разворяютъ и дѣти и птицы.

шадей; пригнавъ ихъ на вершину горы, кололи ихъ, мясо дѣлили между собою и ѣли, а завистивый Сута-Ноёнъ свой пай спряталъ подъ ногой и говоритъ, что ему не достало; впослѣдствіи это обнаружилось. Такимъ образомъ каждый разъ батары спускались съ горы на непріятелей, убивали ихъ и угоняли по сту лучшихъ лошадей, кололи ихъ и мясо между собой дѣлили. Наконецъ пришла очередь завистливаго Сута-Ноёна; онъ спустился, укралъ у непріятеля сто лошадей тощихъ и хромыхъ и гонитъ ихъ; непріятели, узнавши, погнались за завистливымъ Сута-Ноёномъ и начали догонять его; тогда Сута-Ноёнъ спрятался въ нору барсука; оттуда его выгнали и погнались за нимъ, опять начали догонять; тогда Сута-Ноёнъ спрятался въ нору тарбагана [1]); его поймали непріятели и начали жестоко бить. Сута-Ноёнъ говоритъ имъ: «Не бейте меня, я укажу вамъ, какъ побѣдить тридцать трехъ батаровъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана; иначе вы ихъ не побѣдите, они всѣхъ васъ убьютъ; они никогда не устаютъ; кромѣ того, если будете колоть, то они безъ крови и если будете стрѣлять стрѣлою, то они безъ жизни; такихъ людей не побѣдите, хотя Абай-Гэхэръ-Богдо-хана дома нѣтъ; если вы мнѣ дадите сто лошадей сухихъ и хромыхъ, то я ихъ погоню и скажу имъ, что вы испугались ихъ и ушли домой; тогда они возвратятся домой, будутъ гулять и веселиться и напьются пьянми; тогда вы придете, пьяныхъ убьете и возьмете съ собой Урма-Гохонъ-хатану, а теперь спрячтесь куда нибудь».

Тогда непріятели отпустили завистливаго Сута-Ноёна, дали ему сто сухихъ и хромыхъ лошадей. Сута-Ноёнъ этихъ сто сухихъ и хромыхъ лошадей пригналъ на вершину горы къ тридцати тремъ батарамъ и говоритъ имъ, что онъ пригналъ свой пай; всѣ непріятели, испугавшись ихъ, ушли, а онъ собралъ оставленныхъ непріятелями сухихъ и хромыхъ сто лошадей.

Тогда тридцать три батара Абай-Гэхэръ-Богдо-хана повѣрили словамъ завистливаго Сута-Ноёна и пріѣхали домой, начали гулять и веселиться съ радости, что они прогнали непріятельскія войска, и напились пьяными. Когда тридцать три батара Абай-Гэхэръ-Богдо-хана напились пьяными, въ это время многочисленное войско трехъ царей Шарабуловыхъ пришло и окружило три раза бѣло-серебряный дворецъ Урмай-Гохонъ-Абахай; тридцать три пьяные батара сѣли на коней и начали воевать съ непріятелями. Когда стрѣляли изъ лука стрѣлою, то дѣлали дорогу и когда, сильно натянувши, стрѣляли, то дѣлали просторно, а нѣкоторые саблями рубили на обѣ стороны; въ одну сторону махали, сто человѣкъ валили, въ другую сторону махали, другихъ двѣсти человѣкъ валили; такимъ образомъ убивали множество людей, кровь текла ручьемъ и изъ мяса образовались бугры; во время этой войны тридцати тремъ батарамъ захотѣлось пить воды, но такъ какъ они были пьяны, то по ошибкѣ выпили кровь убитыхъ людей и, сдѣлавшись нечистыми, упали, обратясь въ большіе черные камни. Тогда младшая прекрасная жена Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, Алма-Моргонъ-хатанъ, начала стрѣлять въ непріятелей; когда она стрѣляла изъ лука стрѣлою, то дѣлала большую дорогу, и когда,

[1]) Сурка.

сильно натянувши лукъ, стрѣляла, то дѣлала большой просторъ; Алма-Моргонъ-хатанъ долго стрѣляла и убила множество непріятельскихъ войскъ, кровь людей текла ручьями и изъ мяса людей образовались бугры. Алма-Моргонъ-хатанъ не могла прикончить многочисленное войско непріятелей и наконецъ сѣла на тонкаго рыжаго коня и убѣжала отъ непріятелей, вскочила въ желтое море и ушла къ своему отцу Уха-Лобсонъ-хану.

Послѣ этого непріятельское войско окружило дворецъ Урма-Гохонъ-Абахай, которая вооружилась саблею и стала около двери; всѣхъ входившихъ разрубала пополамъ; никакъ не могли поймать ее; въ это время приходитъ завистливый Сута-Ноёнъ и говоритъ непріятелямъ: «Вы сразу бросайтесь помногу людей во дворецъ, не успѣетъ всѣхъ васъ разрубить пополамъ, а если такъ будете, то она всѣхъ васъ вырубитъ». Тогда непріятели сразу бросились во дворецъ толпой, Урма-Гохонъ-Абахай не успѣла всѣхъ разрубить пополамъ; тогда её поймали. Когда поймали Урма-Гохонъ-Абахай, посадили ее въ желѣзную телегу, запряженную тремя черными иноходцами и увезли. Изъ тридцати трехъ батаровъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, Эрхэ-Анзанъ-батаръ, напившись человѣческой крови и сдѣлавшись нечистымъ, поползъ къ желтому морю пить воду; въ это время ему отрубили голову, и взяли ее съ собою. Когда непріятели ѣхали обратно домой, то голову Эрхэ-Анзанъ-батара воткнули на копье и играли ею. На пути Урма-Гохонъ-Абахай проситъ голову Эрхэ-Анзанъ-батара посмотрѣть; она сказала имъ: «Одной сидѣть на долгомъ пути скучно; отъ скуки я буду играть головою Эрхэ-Анзанъ-батара». Тогда ей отдали голову Эрхэ-Анзанъ-батара. Урма-Гохонъ-Абахай, взявши голову Эрхэ-Анзанъ-батара, говоритъ: «Подымись на верхъ къ западнымъ пятидесяти пяти тэнгэринамъ, къ старшему Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэрину и упади на крыльцо у бабушки Манзанъ-Гёрмё». Съ этими словами она бросила вверхъ голову пятнадцатилѣтняго Эрхэ-Анзанъ-батара; голова поднялась вверхъ къ западнымъ пятидесяти пяти тэнгэринамъ къ старшему тэнгэрину Ханъ-Тюрмасу, и упала на крыльцо у бабушки Манзанъ-Гёрмё.

Когда два царя Шарабуловы, Шара-Гэрэлтэ- и Хара-Гэрэлтэ-ханы съ своими многочисленными войсками увезли Урма-Гохонъ-Абахай, дядя Сарагалъ-Ноёнъ пѣлъ пѣсню:

	По русски.
Гэхэр Богдо Хани	Гэхэръ-Богдо-хана
Гэртэ угэгин яхаби,	Дома не было—что подѣлаешь?—
Мангатхани уранда орожи	Уѣхавши въ страну мангатхаевъ,
Эрью тэнэк болхон	Сдѣлался дуракомъ и глупцомъ,
Иде идехэши яхаби.	Съѣвши пищу—что подѣлаешь?—
Гушан гурбан батари	Тридцать три батара
Хоктуражи унаха яхаби,	Упали пьяными—что подѣлаешь?
Алма-Моргон Хатани	Алма-Моргонъ-хатана
Алба угэгин яхаби,	Не податная—что подѣлаешь?
Шарабали гурбан хадуги	У трехъ царей Шарабуловыхъ
Унэр багин яхаби.	Множество богатства—что подѣлаешь?
Урма-Гохон хатани	Урма-Гоховъ-хатана
Хайн хахон яхаби,	Хороша и красива—что подѣлаешь?

Сута Ноён абаган	Сута-Ноёна дяди
Хара ханагин	Съ черною завистью,
Шабар доторин яхаби,	Съ грязною внутренностью—что подѣлаешь?
Эрхэ Анзан батарн	Эрхэ-Анзанъ-батара
Гэнэн баган яхаби,	Съ неопытною молодостью—что подѣлаешь?
Ута Мангила батарн	Ута-Мангила-батара
Эрхэн шанга яхаби.	Съ силою большого пальца—что подѣлаешь?

Бабушка Манзанъ-Гёрмё, выходя на улицу, увидѣла на крыльцѣ лежащую голову пятнадцатилѣтнято Эрхэ-Анзанъ-батара; она узнала ее, протяжно крикнула и ударила руками колѣни; взяла голову Эрхэ-Анзанъ-батара и стоя говоритъ: «На нижней землѣ свѣтопреставленіе дѣлается; на нижней землѣ живущій глупенькій и худенькій внукъ мой непріятелемъ побѣжденъ и годовалымъ жеребенкомъ убитъ»! Бабушка Манзанъ-Гёрмё быстро послала трехъ сестеръ Хёнўръ-бурханъ на нижнюю землю съ головою Эрхэ-Анзанъ-батара, чтобы онѣ помогли и спасли Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, если онъ побѣжденъ непріятелями.

Тогда три старшія сестры Хёнўръ-бурханъ поскорѣе спустились на нижнюю землю въ большую падь Хатанъ, въ которой нашли всѣхъ 33 батара и 300 передовыхъ войскъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, обратившихся въ камни, сдѣлавшихся нечистыми. Три сестры Хёнўръ-бурханъ, взявши вереску изъ большой тайги и воды изъ девяти ключей, обмыли ихъ и воскресили всѣхъ 33 батаровъ и привели ихъ въ прежнее состояніе, а также и 300 передовыхъ войскъ. Послѣ этого три сестры Хёнўръ-бурханъ въ большой пади Хатанъ нашли холодный слѣдъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана; по этому слѣду начали слѣдить и пошли прямо къ востоку по направленію къ странѣ мангатхаевъ; пришли въ страну мангатхаевъ, нашли здѣсь теплый слѣдъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана; по этому слѣду тоже начали слѣдить и пришли къ дому пятнадцати-головаго Абарга-Сэсэнъ-мангатхая; здѣсь три старшія сестры Хёнўръ-бурханъ нашли Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, который ходилъ съ помраченнымъ умомъ и позабывши о возвращеніи домой. Онѣ ударили его въ щеку; онъ началъ блевать чернымъ-черно; потомъ онѣ ударили его въ лѣвую щеку, онъ началъ блевать разнообразными веществами; послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ пришелъ въ прежнее состояніе и совсѣмъ поправился отъ помраченія ума и принялъ прежній видъ. Тогда три старшія сестры Хёнўръ-бурханъ говорятъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хану: «Твоихъ домашнихъ раззорили три царя Шарабуловы, которые пришли съ многочисленнымъ войскомъ и увезли твою жену Урма-Гохонъ-Абахай, а Алма-Моргонъ-хатанъ ушла къ своему отцу; тридцать три батара твои, сдѣлавшись нечистыми, обратились въ камни, а Эрхэ-Анзанъ-батару отрубили голову».— Потомъ онѣ сказали ему, чтобы онъ поскорѣе возвратился домой. Послѣ этого три старшія сестры Хёнўръ-бурханъ поднялись обратно на небо.

Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ поскорѣе собрался домой и поѣхалъ вмѣстѣ съ Тёмёнъ-Жаргаланъ-хатаной, и весь скотъ мангатхая угналъ домой. Пріѣхавъ домой, Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ Тёмёнъ-Жаргаланъ помѣстилъ въ прежнемъ ея бѣлосеребренномъ дворцѣ. Приведя все въ порядокъ, онъ поѣхалъ за Алма-Моргонъ-хатаной къ Уха-Лобсонъ-хану; онъ съ конемъ вскочилъ въ желтое море и спустился на

нижнюю землю; подъѣзжаетъ къ бѣло-серебрянному дворцу Ухай-Лобсонъ-хана; на улицу изъ дворца выходитъ его маленькій сынъ. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ спрашиваетъ его: «Что дѣлаетъ твоя мать?» Мальчикъ отвѣтилъ своему отцу, что мать его борется съ какимъ-то чернымъ и кривымъ. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ своему сыну: «Если твоя мать выйдетъ и спроситъ, куда я поѣхалъ, покажи къ югу, и если еще спроситъ, то покажи къ востоку». Послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ во весь махъ помчался къ сѣверу. Немного погодя изъ дворца выбѣгаетъ Алма-Моргонъ-хатанъ съ лукомъ и стрѣлою и спрашиваетъ у своего сына: «Куда уѣхалъ твой отецъ?» Мальчикъ указываетъ къ югу. Алма-Моргонъ-хатанъ смотритъ къ югу, не видно Абай-Гэхэръ-Богдо-хана. Тогда она второй разъ спрашиваетъ у своего сына: «Куда уѣхалъ твой отецъ?» Мальчикъ указываетъ къ востоку; Алма-Моргонъ-хатанъ смотритъ къ востоку; тоже не видно Абай-Гэхэръ-Богдо-хана. Тогда она смотритъ къ западу; тамъ тоже не видно его и наконецъ она смотритъ къ сѣверу, и видитъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ перескочилъ черезъ одну высокую гору; въ это время Алма-Моргонъ-хатанъ выстрѣлила въ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана; стрѣла ея попала въ красную кисть на его шапкѣ и отсѣкла ее. Тогда она разсердилась пуще прежняго и говоритъ: «Если не попала въ величиною съ гору Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, то пусть всѣ женщины съ этого времени не стрѣляютъ изъ лука стрѣлою; которая будетъ стрѣлять, у той пусть отсѣчется большой палецъ и плечи [1])». Потомъ она разломала лукъ и стрѣлы и бросила, а своего сына за то, что онъ показалъ не вѣрно, разорвавъ пополамъ на двѣ части, бросила привязаннымъ льву и медвѣдю, которые его и съѣли.

Когда у Алмы-Моргонъ-хатаны прошелъ гнѣвъ, Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ возвратился къ ней и они помирились; но сына уже не могли воскресить, такъ какъ левъ и медвѣдь съѣли его. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ съ Алма-Моргонъ-хатаной поднялись на верхнюю землю и пріѣхали домой. Алма-Моргонъ-хатана стала жить въ своемъ бѣло-серебрянномъ дворцѣ на вершинѣ большой пади Хатанъ.

Послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ: «Чей сынъ чужое похищаетъ и уводитъ? какой человѣкъ долженъ терпѣть похищеніе и уводъ и сидитъ дома?» Такъ говоря, собирался въ путь Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ; онъ надѣлъ на себя три доспѣха, все нужное оружіе навѣсилъ на себя; съ гору величиною темно-гнѣдого коня осѣдлалъ чисто серебрянымъ сѣдломъ, подложивъ шелковый потникъ. Потомъ, сѣвъ на коня, поѣхалъ къ дядѣ Сута-Ноёну. Пріѣхавъ къ дядѣ, онъ, стоя на улицѣ, крикнулъ: «Выходи сюда!»

Тогда дядя Сута-Ноёнъ, испугавшись Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, спрятался подъ кроватью. Стряпка его кричитъ: «Дядя ушелъ въ падь кровати, совсѣмъ его не видно». Дядя Сута-Ноёнъ выскочилъ изъ подъ кровати и стряпку свою ударилъ одинъ разъ, а потомъ спрятался за баранами [2]). Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ опять зоветъ

---

[1]) Вслѣдствіе этого нынѣ, по словамъ бурятъ, женщины изъ лука не стрѣляютъ; а прежде стрѣляли изъ лука наравнѣ съ мущинами.

[2]) Баранами у нынѣшнихъ балаганскихъ бурятъ называются деревянныя подстановки, на которыхъ кладутъ ящики и сундуки.

дядю Сута-Ноёна: «Выходи сюда!» Стряпка Сута-Ноёна кричитъ: «Дядя ушелъ въ падь баранную и совсѣмъ его не видать». Дядя Сута-Ноёнъ выскочилъ изъ барановъ; опять стряпку свою ударилъ одинъ разъ и спрятался въ башалакъ [1]).

Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ слѣзъ съ коня, привязалъ его и входитъ въ юрту, подходитъ къ башалаку, садится на немъ. Дядя Сута-Ноёнъ не могъ выдержать; ему стало больно; онъ началъ шевелиться и кряхтѣть. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ какъ будто испугался, вскочилъ на ноги и говоритъ «Не зналъ! не найдя на чемъ садиться, сѣлъ на своего дядю!» Дядя Сута-Ноёнъ вышелъ изъ башалака.

Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ своему дядѣ Сута-Ноёну: «Ѣду воевать съ тремя царями Шарабуловыми, пріѣхалъ за тобою, дядя!»

Дядя Сута-Ноёнъ говоритъ: «сказанное правда, вздумано подходящее». Съ этими словами дядя Сута-Ноёнъ началъ собираться; повѣсилъ на себя свой ножикъ, съ глухариными перьями стрѣлы воткнулъ въ хадакъ [2]) и надѣлъ на себя; изъ шкуръ козульихъ доху надѣлъ на себя; сѣвъ на сиваго жеребца, поѣхалъ за Абай-Гэхэръ-Богдо-ханомъ. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ поѣхалъ на южную сторону къ тремъ царямъ Шарабуловымъ, а дядя Сута-Ноёнъ ѣдетъ за нимъ. Они ѣхали и ѣхали; потихоньку ѣхали, величиною съ чашки землю выбрасывали назадъ копытами лошадей; скоро, скоро ѣхали, величиною съ корзины землю выбрасывали назадъ копытами. Поѣхали далѣе по одной большой пади; во время этой ѣзды Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ тринадцать своихъ волшебствъ заставилъ на ладони бѣгать и двадцать три волшебства заставилъ бѣгать на пальцахъ; съ помощію этихъ волшебствъ величиною съ быка черный камень обратилъ въ козулье мясо и бросилъ на дорогѣ впереди; мимо этого мяса Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ проѣхалъ, какъ будто не видя. Сзади ѣхавши, дядя Сута-Ноёнъ увидѣлъ мясо и кричитъ: «На дорогѣ лежитъ козулье мясо!» Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ ему: «Возьми! на долгій путь пригодится тебѣ поѣсть, хорошій харчъ нашелся». Дядя Сута-Ноёнъ, соскочивъ съ коня, поднялъ козулье мясо, и привязалъ къ сѣдлу; сильно обрадовался и поѣхалъ далѣе. Когда проѣхали трехъдневное разстояніе, Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ съ помощію своихъ волшебствъ величиною съ овцу черный камень обратилъ въ заячье мясо и бросилъ впереди на дорогѣ: опять проѣхалъ, какъ будто не видя. Сзади ѣхавшій дядя Сута-Ноёнъ, увидѣвши это мясо, кричитъ: «На дорогѣ лежитъ заячье мясо!» Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ: «Возьми, на дальній путь пригодится тебѣ поѣсть! хорошій харчъ нашелся!». Дядя Сута-Ноёнъ, сильно обрадовавшись, соскочилъ съ коня, взялъ мясо и привязалъ къ сѣдлу; послѣ этого, сѣвъ на коня, поѣхалъ далѣе. Когда проѣхали трехъдневное разстояніе, Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ съ помощію своихъ волшебствъ величиною съ жеребенка черный камень обратилъ въ кисть, которую носила на шеѣ лошадь Урма-Гохонъ-хатаны и бросилъ впереди на дорогѣ; опять онъ проѣхалъ, какъ будто не видя. Сзади ѣхавшій дядя Сута-Ноёнъ, увидѣвши эту кисть, кричитъ: «На дорогѣ лежитъ кисть съ коня Урма-Гохонъ-

---

[1]) Башалакъ—кожанный мѣшокъ.

[2]) Хадакъ побурятски калчанъ.

хатаны». Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ: «Прежде ѣхавши, потеряла ее; возьми эту кисть, отнесешь ей!» Дядя Сута-Ноёнъ, обрадовавшись, соскочилъ съ коня, взялъ эту кисть и привязалъ къ сѣдлу.

Послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ дядѣ Сута-Ноёну: «Эту кисть отвези обратно невѣсткѣ своей, Тѳмѳнъ-Жаргаланъ-хатанѣ». Онъ слѣзъ съ коня, подходитъ къ коню дяди Сута-Ноёну и говоритъ дядѣ: «Всѣ эти вещи ты по дорогѣ потеряешь, я привяжу ихъ къ тебѣ крѣпче; тогда не потеряешь». Съ этими словами Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ къ дядѣ Сута-Ноёну спереди крѣпко на крѣпко привязалъ козулье мясо, а сзади (т. е. на спинѣ) привязалъ ему заячье мясо, и найденную кисть привязалъ къ сѣдлу. Потомъ говоритъ ему: «Теперь благополучно поѣзжай обратно домой». Дядя Сута-Ноёнъ поѣхалъ обратно домой, а Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ поѣхалъ далѣе. Когда дяди Сута-Ноёна не видно стало, Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ, съ помощью своихъ волшебствъ, козулье и заячье мясо и кисть снова обратилъ въ камни; спереди привязанное козулье мясо обратилось въ черный камень величиною съ быка, который началъ давить дядю Сута-Ноёна спереди; сзади привязанное заячье мясо обратилось въ черный камень величиною съ овцу, который началъ давить сзади, а кисть, привязанная къ сѣдлу, обратилась въ черный камень величиною съ жеребенка, который началъ давить коня. Эти камни такъ сильно давили завистливаго дядю Сута-Ноёна, такъ до крови давили его тѣло, что онъ измучился дорогой и выбился изъ силъ; Сута-Ноёнъ никакъ не могъ скоро ѣхать, всю дорогу ѣхалъ медленно; послѣ долгаго мученія и страданія едва, едва живой онъ доѣхалъ до дому; когда дядя Сута-Ноёнъ вошелъ въ свою юрту и легъ, эти камни исчезли.

Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ поѣхалъ далѣе; ѣхалъ и ѣхалъ прямо на южную сторону, откуда восходитъ солнце, по направленію къ царству трехъ царей Шарабуловыхъ, которые имѣютъ какъ земля многочисленное множество подданныхъ. По дорогѣ думаетъ: «Спинные мои мстители и ртовые мои непріятели!» Такъ онъ говорилъ. Во время ѣзды тринадцать своихъ волшебствъ онъ на ладони заставилъ бѣгать и двадцать три свои волшебства на пальцахъ заставилъ бѣгать; съ помощію своихъ волшебствъ величиною съ гору темно-гнѣдого коня обратилъ въ кремень и положилъ въ огниво, а самъ сдѣлался маленькимъ ребенкомъ въ желѣзной люлькѣ (тѳмѳръ ѳргѳ), перенесся по воздуху и лежитъ подъ окномъ Хара-Гэрэлтэ-хана.

На другое утро, когда всталъ Хара-Гэрэлтэ-ханъ, подъ окномъ его бѣло-серебряннаго дворца плачетъ маленькій ребенокъ въ желѣзной люлькѣ. Хара-Гэрэлтэ-ханъ выходитъ на улицу и беретъ лежащаго подъ окномъ маленькаго ребенка въ желѣзной люлькѣ и говоритъ: «Наши создатели, восточные сорокъ четыре тэнгэрина, послали намъ ребенка, воевать съ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханомъ!» Такъ говоря, сильно радовался и благодарилъ своихъ создателей.

Хара-Гэрэлтэ-ханъ этого ребенка въ желѣзной люлькѣ хорошо воспитывалъ, ребенокъ съ каждымъ днемъ выросталъ все болѣе и болѣе; послѣ каждой проходившей ночи онъ дѣлался толще, послѣ трехъ ночей ребенокъ этотъ не можетъ помѣститься въ кожѣ трехгодовалаго барана, а послѣ четырехъ ночей не можетъ помѣститься въ кожѣ четырехгодовалаго барана. Три царя Шарабуловы радуются, что послан-

ный ихъ бурханами создателями ребенокъ по волѣ бурхановъ ростетъ такъ скоро, чтобы воевать съ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханомъ.

Ребенку дали имя «найденный находка Олзомохонъ». Подданные трехъ царей Шарабуловыхъ собрались и начали стрѣлять изъ лука стрѣлами въ мѣту (хўр харбаха); въ это время сдѣлали большой пиръ и веселье. Тогда мальчикъ Олзомохонъ смотритъ на эту стрѣльбу и на большой пиръ; на этой стрѣльбѣ силою, ловкостью и мѣткостью отличается отъ всѣхъ Ута-Манжилай-батаръ [1]). Олзомохонъ говоритъ, стоя, Ута-Манжилай-батару: »Сильнѣе тебя тутъ нѣтъ человѣка, будемъ пробовать свои силы, возьмемъ сразу три лука Манзанъ и будемъ тянуть, кто изъ насъ болѣе потянетъ». Ута-Манжилай-батаръ говоритъ: «Вздумалъ надо мной пошутить мальчикъ Олзомохонъ; ты что, я даже одному батару Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, пятьнадцатилѣтнему Эрхэ-Анзанъ-батару, отсѣкъ голову, когда выстрѣлилъ въ него стрѣлою». Послѣ этого Ута-Манжилай-батаръ взялъ три лука Манзанъ, началъ тянуть ихъ, но никакъ не можетъ натянуть. Тогда мальчикъ Олзомохонъ взялъ эти три лука Манзанъ и сразу всѣ натянулъ и сломалъ пополамъ. Ута-Манжилайбатару передъ всѣмъ собравшимся народомъ сильно стало стыдно, что онъ не могъ натянуть три лука Манзанъ и сломать ихъ; тогда онъ сильно разсердился на мальчика Олзомохона и говоритъ: «Возьму мальчика Олзомохона за волосы и брошу на землю, такъ что онъ пойдетъ въ землю и не видать его будетъ!» Съ этими словами Ута-Манжилай-батаръ схватилъ за волосы мальчика Олзомохона и хотѣлъ бросить на землю. Мальчикъ Олзомохонъ тоже схватилъ за волосы Ута-Манжилайбатара и бросилъ его на землю такъ сильно, что онъ ушелъ въ землю, уши вытянулись вверхъ и мизинецъ едва, едва видно было изъ земли. Множество народа, бывшаго здѣсь, начали выкапывать изъ земли Ута-Манжилай-батара, кто топоромъ, кто большимъ ножомъ. Потомъ всѣ подданные трехъ царей Шарабуловыхъ разошлись по домамъ.

Хара Гэрэлтэ-Ханъ приведенную жену Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, Урма-Гохонъхатану, заперъ въ желѣзный амбаръ и кормилъ ее тамъ черезъ жолобъ, проведенный въ амбаръ. Урмай-Гохонъ-хатанъ не согласилась выходить замужъ за Хара-Гэрэлтэ-Хана; вотъ почему онъ ее заперъ въ желѣзный амбаръ и держалъ ее тамъ. Однажды Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ (т. е. Олзомохонъ) свой золотой перстень, расписанный кругомъ, опустилъ въ жолобъ; этотъ перстень покатился въ желѣзный амбаръ. Урма-Гохонъ-хатанъ взяла этотъ перстень и, узнавши его, сильно обрадовалась, что пріѣхалъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ, чтобы освободить ее.

Мальчикъ Олзомохонъ выросъ большой и говоритъ тремъ царямъ Шарабуловымъ, что онъ выросъ большой и можетъ воевать съ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханомъ, онъ проситъ, чтобы ему собрали войско. Хара-Гэрэлтэ-ханъ, Шара-Гэрэлтэ-ханъ и Саганъ-Гэрэлтэ-ханъ собрали многочисленное войско и отдали Олзомохону, онъ поѣхалъ съ этимъ войскомъ воевать съ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханомъ. Когда Олзомохонъ пріѣхалъ съ многочисленнымъ войскомъ на просторную и бѣлую степь, на

[1]) Тотъ самый, конечно, который выше былъ подъ именемъ Ута-Мангила-батара. *Г. П.*

поляну между бѣлыми березами, то все многочисленное войско трехъ царей Шарабуловыхъ уничтожилъ (т. е. убилъ). Послѣ этого опять пріѣхалъ къ тремъ царямъ Шарабуловымъ и говоритъ: «Дѣйствительно,—мозгъ возьми его!—Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ силенъ и могучъ, всѣ мои войска уничтожилъ, я едва, едва остался одинъ и пріѣхалъ домой; соберите еще войско, я поѣду съ нимъ воевать».—Такъ говорилъ Олзомохонъ.

Три царя Шарабуловы опять собрали многочисленное войско и отдали Олзомохону. Олзомохонъ опять поѣхалъ съ многочисленнымъ войскомъ; пріѣхалъ на прежнее мѣсто, все войско опять уничтожилъ, а самъ пріѣхалъ обратно и говоритъ тремъ царямъ Шарабуловымъ: «Едва, едва остался цѣлъ и пріѣхалъ домой; опять соберите мнѣ войско, я поѣду воевать съ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханомъ». Такъ говорилъ онъ. Три царя Шарабуловы опять собрали многочисленное войско, но на этотъ разъ собрали моложе 70 лѣтъ и постарше 7 лѣтъ, и это войско отдали Олзомохону. Олзомохонъ съ этимъ многочисленнымъ войскомъ поѣхалъ на прежнее мѣсто, гдѣ его все опять уничтожилъ.

Послѣ этого Олзомохонъ обратился въ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана; обратившись въ прежнее состояніе, изъ огнива взялъ кремень и бросилъ на землю; тогда изъ кремня образовался величиною съ гору темно-гнѣдой конь. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ сѣлъ на своего темно-гнѣдого коня, пріѣхалъ къ Хара-Гэрэлтэ-хану и говоритъ: «Желавшій чужого, кромѣ своего, глодавшій шейные позвонки свои, непріятель мой!» Взявши его за сѣдые волосы, началъ бить кнутомъ и добилъ его до смерти.

Убивъ Хара-Гэрэлтэ-хана, Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ поѣхалъ къ Шара-Гэрэлтэ-хану; его тоже началъ бить кнутомъ, билъ, билъ, и до смерти добилъ.

Убивъ Шара-Гэрэлтэ-Хана, Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ поѣхалъ къ старшему Саганъ-Гэрэлтэ-хану. Саганъ-Гэрэлтэ-ханъ началъ кланяться и просить Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, чтобы онъ его оставилъ живымъ. Саганъ-Гэрэлтэ-ханъ, какъ пуговкой, головою кивая, кланялся и въ колѣнѣ ногу нагибая кланялся, и въ это время говорилъ: «Ай, собаки! хозяинъ Богдо, Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ! Я передъ вами не виновенъ, я говорилъ своимъ братьямъ: не найдя (другого мѣста) ѣхать, ѣдете противъ съ гору величиною Абай-Гэхэръ-Богдо-хана! вздумали воевать противъ съ гору величиною Абай-Гэхэръ-Богдо-хана! я даже отказался отправить свое войско противъ тебя; тогда два младшіе брата сильно разсердились на меня и поѣхали; передъ отъѣздомъ прокляли моихъ подданныхъ, которые сильно стали умирать; тогда только послалъ и я свое войско». Такъ говоря, кланялся Саганъ-Гэрэлтэ-ханъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хану. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ оставилъ живымъ Саганъ-Гэрэлтэ-хана.

Послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ разломалъ желѣзный анбаръ, выпустилъ изъ него свою жену Урма-Гохонъ-хатану, и привелъ ее въ прежнее тѣло и въ прежнюю красоту. Потомъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ всѣхъ оставшихся подданныхъ и весь скотъ Шара-Гэрэлтэ-хана и Хара-Гэрэлтэ-хана взялъ съ собою домой. Когда Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ пріѣхалъ домой, всѣхъ приведенныхъ подданныхъ и скотъ Шара-Гэрэлтэ-хана и Хара-Гэрэлтэ-хана помѣстилъ по мѣстамъ, а Урма-Гохонъ-

хатану поселилъ попрежнему въ своемъ бѣло-серебрянномъ дворцѣ. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ по прежнему сталъ жить счастливо у своихъ трехъ прекрасныхъ женъ поочередно; такъ жили и наслаждались счастьемъ.

Живущихъ на серединѣ земли восьми хановъ Ганга-Заданъ и семи начальниковъ бугра [1]) крайніе на восточной сторонѣ города проглатывающій и передніе города берущій въ ротъ, еще далѣе къ востоку живущій въ странѣ Альбатынъ и на мѣстности Хонинъ-хотонъ, если колоть то безъ крови, а если стрѣлять стрѣлами, то безъ жизни, создавшійся съ тысячью тремя большими волшебствами, на спинной сторонѣ имѣющій десять тысячъ глазъ и на передней сторонѣ четыре тысячи глазъ, Галъ-Дöлмöнъ-ханъ,—такъ проглатывалъ подданныхъ восьми хановъ Ганга-Заданъ и семи начальниковъ бугра, что противъ такого его нашествія ничего не могли предпринять и остановить его.

Въ серединѣ земли живущіе восемь хановъ Ганга-Заданъ и семь начальниковъ бугра начали совѣтоваться между собою; били въ золотой барабанъ, собирали подданныхъ, живущихъ на сѣверной сторонѣ и били въ серебряный барабанъ, собирали подданныхъ на южной сторонѣ живущихъ. Когда всѣ подданные собрались и стояли, эти ханы и начальники говорятъ имъ: «Этакъ сидя будемъ всѣ проглочены Галъ-Дöлмöнъ-ханомъ. Надо искать помощи и спасенія отъ него, иначе всѣхъ насъ проглотитъ; прямо на западной сторонѣ и на стогодовое разстояніе ѣзды въ странѣ называемой Моронъ, на берегу моря Мöнхö, на подошвѣ горы Ханъ-Ула въ большой пади Хатанъ живетъ на сѣверной сторонѣ старше тринадцати хановъ, побѣждающій непобѣдимыхъ враговъ и на южной старше двадцати трехъ хановъ, какъ ножикъ ядовитыхъ враговъ побѣждающій, создавшійся Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ; нужно послать человѣка и попробовать просить его о помощи». Такъ говорили своимъ подданнымъ восемь хановъ Ганга-Заданъ и семь начальниковъ бугра. Изъ ста человѣкъ выбирали и выбрали Зодо-Шара-батара; изъ ста лошадей выбирали и выбрали трехъ черныхъ иноходцевъ. Выбранныхъ трехъ черныхъ иноходцевъ запрягли въ желѣзную телегу, посадили Зодо-Шара-батара и отправили прямо на западъ къ Абай-Гэхэръ-Богдо-хану.

Зодо-Шара-батаръ поѣхалъ прямо на западную сторону; онъ все ѣхалъ и ѣхалъ и доѣхалъ до половины разстоянія стогодовой ѣзды; тогда три черные иноходца устали; Зодо-Шара-батаръ бросилъ ихъ и далѣе пошелъ пѣшкомъ, передніе подолы заткнулъ назади, а задніе подолы заткнулъ на бедрахъ и пошелъ пѣшкомъ; онъ шелъ и шелъ; едва, едва шелъ, сильно усталъ и проголодался и дошелъ до высокой горы Оргилъ-Ула, на которую едва поднялся, стоитъ на вершинѣ горы Оргилъ-Ула, смотритъ оттуда на всѣ стороны и видитъ въ большой пади Хатанъ стоятъ три бѣло-серебрянные дворца, вышиною до высокаго ночного неба, четыреугольные высокіе до денного неба; эти три дворца стоятъ и блестятъ; въ нихъ живутъ три

---

[1]) Бугоръ „добунъ“: Добуни долонъ ханъ.

прекрасныя жены Абай-Гэхэръ-Богдо-хана. Когда увидѣлъ эти дворцы Зодо-Шара-батаръ, онъ, стоя, сильно испугался; въ это время подъѣзжаетъ къ нему не мужчина, а чудовище; одинъ изъ прекрасныхъ батаровъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, съ горы на гору перескакивая, пріѣхалъ; подъѣхавъ къ Зодо-Шара-батару, онъ оказался ужасно большимъ и сильнымъ, однимъ глазомъ смотритъ на небо, а другимъ глазомъ смотритъ на землю; онъ крикнулъ на Зодо-Шара-батара, стоя на лошади: «Изъ какихъ падей человѣкъ? питая вода гдѣ? и въ какой странѣ живешь?» Такъ онъ спрашивалъ.

Зодо-Шара-батаръ говоритъ: «Прямо изъ восточной стороны, въ срединѣ земли живущихъ восьми хановъ Ганга-Заданъ и семи чиновниковъ бугра, выбранный изъ ста человѣкъ; зовутъ меня Зодо-Шара-батаръ. Крайніе наши города проглатываетъ и передніе наши города беретъ въ ротъ Галъ-Дөлмөнъ-ханъ; меня послали восемь хановъ Ганга-Заданъ и семь чиновниковъ бугра къ Абай-Гэхэръ-Богдо-хану просить его помощи и покровительства».

Тогда этотъ батаръ говоритъ: «ну, поѣдемъ!» Они пріѣхали на вершину большой пади Хатанъ къ бѣло-серебрянному дворцу Алма-Моргонъ-хатаны, гдѣ былъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ. Когда пріѣхали къ бѣло-серебрянному дворцу, батаръ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана говоритъ: «Нашъ хозяинъ тутъ!»

Зодо-Шара-батаръ входитъ во дворъ, гдѣ стоятъ два прекрасные батара; они спрашиваютъ его: «Изъ какихъ ты странъ и откуда и куда ѣдешь?» Зодо-Шара-батаръ говоритъ свое дѣло; два прекрасные батара впустили его во дворецъ. Зодо-Шара-батаръ входитъ во дворецъ, Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ сидитъ на бѣло-серебрянномъ престолѣ; Зодо-Шара-батаръ кланяется Абай-Гэхэръ-Богдо-хану, стоя около двери. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ спрашиваетъ: «Откуда, изъ какихъ странъ и зачѣмъ сюда пріѣхалъ?»

Зодо-Шара-батаръ говоритъ: «Прямо изъ восточной стороны; въ срединѣ земли живущихъ восьми хановъ Ганга-Заданъ и семи чиновниковъ бугра выбранный изъ ста человѣкъ; зовутъ меня Зодо-Шара-батаръ; крайніе наши города проглатываетъ и передніе наши города беретъ въ ротъ Галъ-Дөлмөнъ-ханъ; меня послали восемь хановъ Ганга-Заданъ и семь чиновниковъ бугра просить вашей помощи и покровительства». Такъ говоря, онъ кланялся.

Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ: «Я къ нему ѣхать войной не могу! Галъ-Дөлмөнъ-ханъ, если колоть, то безъ крови, если стрѣлять стрѣлою, то безъ жизни. Кромѣ того онъ имѣетъ тысячу три волшебства; а я имѣю только тринадцать волшебствъ». Такъ сказавъ, отпустилъ его. Потомъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ беретъ книгу «заяни шара хударъ» и читаетъ, сидя на бѣло-серебрянномъ престолѣ; въ этой книгѣ говорится, что онъ будетъ побѣжденъ Галъ-Дөлмөнъ-ханомъ, а въ другомъ мѣстѣ говорится, что онъ побѣдитъ Галъ-Дөлмөнъ-хана. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ сильно удивился тому, что въ этой книгѣ написано: то что будетъ побѣжденъ, то что самъ побѣдитъ.

Зодо-Шара-батаръ вышелъ изъ дворца на дворъ, гдѣ его встрѣтили два батара Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, сынъ Бомборинъ-Саганъ-тэнгерина, Буда-Уланъ-батаръ и

Эржинъ-Шумаръ-батаръ, и спрашиваютъ его: «Что сказалъ хозяинъ нашъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ»? Зодо-Шара-батаръ говоритъ: «Гэхэръ-Богдо-ханъ сказалъ, что не можетъ ѣхать къ Галъ-Дöлмöнъ-хану войною». Эти два прекрасные батара сильно разсердились, входятъ во дворецъ и говорятъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хану: «Мы спустились на землю съ тѣмъ, чтобы сѣверные тринадцать хановъ подчинились намъ; непобѣдимыхъ враговъ мы должны побѣдить и южные двадцать три хана должны подчиниться намъ; какъ ножикъ ядовитыхъ враговъ мы должны побѣдить; эти дни многи и годъ длиненъ; силу большого пальца гдѣ выкажемъ и силу плеча гдѣ попробуемъ? такое прекрасное веселье и препровожденіе времени зачѣмъ отказалъ?» Такъ говоря, держали рѣчь.

Тогда Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ этимъ двумъ прекраснымъ батарамъ говоритъ: «Приготовьтесь къ войнѣ!» Эти батары сильно обрадовались и выходятъ изъ дворца; они сказали и прочимъ батарамъ; всѣ они начали приготовляться: оторванное приставляли и разорванное зашивали. На другое утро тридцать три батара Абай-Гэхэръ-Богдо-хана взяли все оружіе, сѣли на коней и выѣхали на чистое поле, и начали стрѣлять тамъ изъ лука стрѣлами, говоря: «У Галъ-Дöлмöнъ-хана такого-то батара такъ будемъ стрѣлять и убьемъ, и этого батара этакъ будемъ стрѣлять и убьемъ!» Такъ они, стрѣляя, скакали на лошадяхъ; отъ этого гора Ханъ-Ула звенѣла, въ большой пади Хатанъ раздавалось эхо, съ песчаной горы (Элхэтэ-Ула) поднялась пыль, гора Öлöстö-Ула тряслась и на морѣ Мöнхö поднялись волны. Дома сидящій Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ, испугавшись, говоритъ: «Ко мнѣ такъ сидящему Галъ-Дöлмöнъ-ханъ пріѣхалъ съ войскомъ!» Скорѣе взявши оружіе, выходитъ на улицу, садится на темно-гнѣдого, величиною съ гору, коня и выѣзжаетъ. На подошвѣ горы Öлöстö-Ула промелькнулъ верхомъ на конѣ Эржинъ-Шумаръ-батаръ; Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ, подумавъ, что Эржинъ-Шумаръ-батаръ увидѣлъ что нибудь, за нимъ поскакалъ на гору Öлöстö-Ула; когда онъ поднялся на гору, то видитъ, что Эржинъ-Шумаръ-батаръ стряхиваетъ землю съ зэн'а стрѣлы [1]).

Эржинъ-Шумаръ-батаръ отрывисто смѣется и рѣчисто говоритъ: «Хозяинъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ, что дѣлаешь? ужели это твои умъ и мысли?» Такъ говоря, онъ спрашиваетъ. Абай-Гэхэръ-Богдо-хану за свою ошибку стыдно стало. Онъ возвратился домой. Послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ приказалъ въ продолженіи трехъ дней приготовиться къ дальнему пути; когда прошли три дня, Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ одѣлся, сверхъ одежды надѣлъ на себя всѣ три доспѣха и навѣсилъ на себя все нужное къ войнѣ оружіе; всѣ тридцать три батара точно такъ же приготовились къ поѣздкѣ; тогда Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ выходитъ на улицу, садится на темно-гнѣдого, величиною съ гору, коня и ѣдетъ; тридцать три батара тоже поѣхали за Абай-Гэхэръ-Богдо-ханомъ. Они поѣхали прямо къ востоку; ѣхали, ѣхали и доѣхали до восьми хановъ Ганга-Заданъ и семи начальниковъ бугра, живущихъ въ срединѣ земли; пріѣхали и видятъ, что въ царствѣ восьми хановъ Ганга-Заданъ и семи начальниковъ бугра ничего не осталось; Галъ-Дöлмöнъ-

[1]) Зэнъ—косточка на концѣ стрѣлы.

ханъ окончилъ все; въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они жили, выросъ пырей до доски сѣдла, черный воронъ покрикиваетъ и желтая лисица понюхиваетъ.

Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ своимъ тридцати тремъ батарамъ: «Къ сѣренькому слѣду пріѣхали». Послѣ этого они поѣхали далѣе. Ѣхали, ѣхали и доѣхали до одной высокой горы, поднялись на вершину ея и смотрятъ на всѣ стороны, не видно-ли издали чего-нибудь. Вдали виднѣется царство Галъ-Дöлмö-хана на ровной мѣстности; дворцы его виднѣются и блестятъ издали; поближе сюда виднѣются его чубарые табуны, до тысячи головъ на одномъ лугу пасутся. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ посылаетъ двухъ своихъ быстрыхъ батаровъ пригнать табуны. Два быстрые батара спустились съ этой высокой горы, поѣхали къ табунамъ, и пригнали два или три табуна къ горѣ, но за ними погнались два батара Галъ-Дöлмö-хана; они догнали ихъ; тогда два быстрые батара Абай-Гэхэръ-Богдо-хана двухъ батаровъ Галъ-Дöлмö-хана сдернули съ коней, привязали къ сѣдламъ внизъ головой на правой сторонѣ коней и на коней крикнули: «Побѣгите къ воротамъ Галъ-Дöлмö-хана и станьте тамъ!» а сами табуны пригнали на вершину высокой горы. Они закололи пригнанныхъ лошадей и ѣли мясо ихъ. Эти два коня съ батарами, привязанными внизъ головою, прибѣжали къ воротамъ Галъ-Дöлмö-хана и остановились. Галъ-Дöлмö-ханъ выходитъ изъ дворца и видитъ своихъ двухъ батаровъ, привязанныхъ внизъ головою; онъ сильно разсердился на нихъ, взялъ ихъ съ сѣдла, оторвалъ имъ головы, бросилъ и сказалъ: «Безъ васъ буду жить!» Потомъ Галъ-Дöлмö-ханъ говоритъ: «Живущій на западной сторонѣ съ тринадцатью волшебствами Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ пріѣхалъ ко мнѣ воевать!» Послѣ этого Галъ-Дöлмö-ханъ, кончивъ приготовленія, поѣхалъ, взявъ съ собою сорокъ два батара; они поднялись на вершину высокой горы и подъѣхали къ Абай-Гэхэръ-Богдо-хану, поздорововались съ нимъ.

Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ и Галъ-Дöлмö-ханъ вырѣшили впередъ заставить воевать по два ихъ батара.

Два быстрые батара Абай-Гэхэръ-Богдо-хана говорятъ двумъ батарамъ Галъ-Дöлмö-хана: «Вы на своей землѣ, впередъ начинайте!» Такъ говоря, стояли. Тогда два батара Галъ-Дöлмö-хана говорятъ: «Сказанное правда и дума вѣрна!» Они отъѣхали; взявши лукъ и стрѣлы, выстрѣлили въ двухъ батаровъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана; стрѣлы попали въ нихъ, но отскочили назадъ и упали на землю. Тогда два быстрые батара Абай-Гэхэръ-Богдо-хана говорятъ: «Теперь наша очередь стрѣлять въ васъ». Съ этими словами они взяли свои стрѣлы и луки и выстрѣлили въ двухъ батаровъ Галъ-Дöлмö-хана; стрѣлы ихъ попали въ двухъ батаровъ Галъ-Дöлмö-хана и разсѣкли ихъ пополамъ; эти два батара свалились на землю съ коней и умерли. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ Галъ-Дöлмö-хану: «Первая побѣда за нами!» Послѣ этого тридцать три батара Абай-Гэхэръ-Богдо хана начали воевать съ остальными сорока батарами Галъ-Дöлмö-хана. Тридцать три батара Абай-Гэхэръ-Богдо-хана въ теченіи менѣе дня времени истребили всѣхъ сорокъ батаровъ Галъ-Дöлмö-хана. Тогда Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ Галъ-Дöлмö-хану: «Вторая побѣда за нами!»

Послѣ этого тридцать три батара Абай-Гэхэръ-Богдо-хана начали воевать съ несмѣтно-многочисленными войсками Галъ-Дöлмö-хана, которымъ конца и краю не было видно; тридцать три батара Абай-Гэхэръ-Богдо-хана въ одну сторону рубили саблями, одну сотню людей убивали; въ обѣ стороны рубили, двѣ сотни людей убивали; такимъ образомъ они сдѣлали костяные бугры изъ человѣческихъ костей и сдѣлали кровяное море изъ человѣческой крови; такъ продолжали воевать тридцать три батара Абай-Гэхэръ-Богдо-хана.

Послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ и Галъ-Дöлмö-ханъ вдвоемъ другъ у друга спрашиваютъ: «Какъ намъ воевать, силою-ли большого пальца или силою плеча?» и вырѣшили воевать силою плеча и попробовать силы. Такъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ съ Галъ-Дöлмö-ханомъ начали воевать силою плеча; они боролись другъ съ другомъ въ продолженіи трехъ сутокъ, но никто никого не могъ побѣдить; впередъ упираясь ногами, дѣлали красную гору и назадъ упираясь ногами, дѣлали большія горы; продолжали воевать шесть сутокъ, никто никого не могъ побѣдить; если ихъ сбросить къ верблюду, равнымъ равно воевали, а если сбросить къ лошади, то дѣйствительно равно воевали; еще продолжали воевать девять сутокъ; послѣ девяти сутокъ Галъ-Дöлмö-ханъ началъ побѣждать своего противника Абай-Гэхэръ-Богдо-хана; онъ притягивалъ его впередъ, нагибалъ, какъ сырое дерево гнулъ, и отталкивалъ назадъ, какъ сухое дерево ломалъ; у Абай-Гэхэръ-Богдо-хана всѣ тринадцать волшебствъ кончились, а у Галъ-Дöлмö-хана только что начинаютъ тысяча три волшебства кипѣть и онъ дѣлается сильнѣе прежняго. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ началъ кричать, какъ козелъ и плакать, какъ маленькая козуля.

Тридцать три батара Абай-Гэхэръ-Богдо-хана на голову истребили все многочисленное войско Галъ-Дöлмö-хана; послѣ этого тридцать два батара поѣхали къ дворцу Галъ-Дöлмö-хана, а Эржинъ-Шумаръ-батаръ поднялся на высокую гору, на которой воевали Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ съ Галъ-Дöлмö-ханомъ. Онъ былъ весь въ крови, сѣдло его сдѣлалось краснымъ отъ крови и бѣлая лошадь его сдѣлалась отъ крови рыжею; когда Эржинъ-Шумаръ-батаръ подъѣхалъ къ борющимся, то видитъ, что хозяинъ его Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ совсѣмъ обезсилѣлъ, кричитъ, какъ козелъ и плачетъ, какъ маленькая козуля. Эржинъ-Шумаръ-батаръ соскочилъ съ коня, подбѣжалъ съ одной стороны и ничего не можетъ помочь; подбѣжалъ съ другой стороны, тоже ничего не можетъ помочь; когда ничего не могъ сдѣлать, то началъ звать на помощь, громко крича: «Творившіе насъ творцы наши! создавшіе насъ, создатели наши, западные тэнгэрины, пятьдесятъ пять тэнгэриновъ, старшій и большой тэнгэри, Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри, отецъ нашъ, выручи! бабушка Манзанъ-Гöрмö наша, выручи» [1])! Такъ звалъ и кричалъ Эржинъ-Шумаръ-батаръ. Этотъ крикъ и зовъ Эржинъ-Шумаръ-батара услышали западный Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри и бабушка Манзанъ-Гöрмö. Послѣ этого Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри и бабушка Манзанъ-Гöрмö поскорѣе на землю послали старшаго брата Хабата-Хасаръ-Моргона на выручку Абай-Гэхэръ-Богдо-хана. Хабата-Хасаръ-Моргонъ поскорѣе спустился

[1]) Другіе говорятъ, что это призываніе дѣлалъ самъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ.

съ неба на землю; остановившись между землею и небомъ, онъ беретъ книгу «заяншара-хударъ» и читаетъ ее; въ этой книгѣ пишется, что до смерти Абай-Гэхэръ-Богдо-хана осталось только три часа; когда эти три часа пройдутъ, то онъ умретъ. Хабата-Хасаръ-Моргонъ читаетъ далѣе, гдѣ находится душа Галъ-Дöлмö-хана. Въ этой книгѣ пишется, что душа Галъ-Дöлмö-хана находится на спинѣ въ самомъ большомъ бѣломъ глазу, который находится въ самой серединѣ между десятью тысячами глазъ.

Тогда Хабата-Хасаръ-Моргонъ беретъ свою стрѣлу и лукъ; стрѣлу прикладываетъ къ луку и натягиваетъ лукъ, въ это время говоритъ: «У Галъ-Дöлмö-хана въ самый средній бѣлый глазъ попади и совсѣмъ выколи съ душою!» Такъ сказавъ, онъ выстрѣлилъ; стрѣла полетѣла внизъ на землю со свистомъ и пѣніемъ, отъ чего высокое небо тряслось и земля дрожала. Галъ-Дöлмö-ханъ большимъ знаніемъ узналъ и разумомъ уразумѣлъ; тогда, бросивъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, убѣжалъ по направленію къ горѣ Хиралжинъ; если Галъ-Дöлмö-ханъ убѣжитъ за гору Хиралжинъ, то бываетъ ни кѣмъ непобѣдимъ и безсмертенъ. Галъ-Дöлмö-ханъ еще не добѣжалъ до горы Хиралжинъ, а стрѣла Хабата-Хасаръ-Моргона догнала его и попала въ самый средній бѣлый глазъ, проколола его и вылетѣла насквозь.

Тогда Галъ-Дöлмö-ханъ падаетъ на землю распростертый и умираетъ; мизинецъ одной руки попалъ за гору Хиралжинъ; остался живымъ и шевелится. Хабата-Хасаръ-Моргонъ говоритъ: «Непобѣдимаго врага побѣдилъ и годовалаго жеребенка закололъ». Послѣ этого Хабата-Хасаръ-Моргонъ спустился на землю и Абай-Гэхэръ-Богдо-хана большимъ пальцемъ вылѣчилъ и указательнымъ пальцемъ уврачевалъ; привелъ въ прежнее состояніе и тѣло. Потомъ Хабата-Хасаръ-Моргонъ говоритъ: «Я, небесный человѣкъ, поднимусь на небо, а вы земные люди оставайтесь на землѣ счастливо». Съ этими словами онъ поднялся на небо.

Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ съ Эржинъ-Шумаръ-батаромъ пріѣхали на то мѣсто, гдѣ умеръ Галъ-Дöлмö-ханъ. Тѣло Галъ-Дöлмö-хана сожгли на кострѣ; оставшійся пепелъ березовою лопатою бросили къ сѣверу по южному вѣтру и осиновою лопатою бросили къ югу по сѣверному вѣтру. Потомъ пріѣхали къ дворцу Галъ-Дöлмö-хана, входятъ во дворецъ; тамъ 32 батара Абай-Гэхэръ-Богдо-хана ссорятся между собою изъ-за жены Галъ-Дöлмö-хана; каждому изъ нихъ хочется на ней жениться. Жена Галъ-Дöлмö-хана, Наринъ-Гохонъ-хатанъ, была необыкновенно красивая. Она ходила тихо-плавно, отъ чего выростали тоненькія травы; а гибко плавно ходила, овцы и ягняты кричали. Она угощала ихъ [1]), въ это время говорила: «Непобѣдимаго врага моего побѣдили и неумертвимаго умертвили!» Такъ говоря, она сильно радовалась.

Въ это время у Абай-Гэхэръ-Богдо-хана лѣвое бедро давящая, въ крови недѣлающаяся мягкою и, рубить не тупящаяся изъ чистой стали сабля сама выскочила изъ ноженъ и воткнулась въ землю острымъ концомъ на далекомъ разстояніи. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ ѣдетъ, беретъ свою саблю и думаетъ, что такое узнала моя сабля,

[1]) Т. е. Гэсэра и его батаровъ. *Г. П.*

что выскочила изъ ноженъ. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ жену Галъ-Дöлмö-хана, Наринъ-Гохонъ-хатану, съ головы до ногъ разсѣкъ пополамъ; тогда Наринъ-Гохонъ-хатана упала на обѣ стороны разсѣченная; изнутри ея выходитъ семимѣсячный мальчикъ и мѣдно серебрянную стрѣлу третъ подпилкомъ, а стрѣла звенитъ. Въ это время онъ говоритъ: «Послѣ семи мѣсяцевъ пріѣхавшій Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ погибни (кончайся)! трехъ мѣсяцевъ не докончившій отецъ и мать погибни (кончайся)!» Такъ говоря, сидѣлъ семимѣсячный мальчикъ и продолжалъ дѣлать стрѣлу свою. Тогда его начали рубить саблями, но сабли его не брали; начали стрѣлять въ него стрѣлами, но и стрѣлы его тоже не брали его; мальчикъ сидѣлъ и звенѣлъ. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ сдѣлалъ желѣзный анбаръ, посадилъ въ него этого семимѣсячнаго ребенка и призвалъ четырехъ кузнецовъ; эти кузнецы съ четырехъ сторонъ начали дуть мѣхами на желѣзный анбаръ. Желѣзный анбаръ началъ калиться съ четырехъ сторонъ и совсѣмъ накалился до красна. Тогда этотъ семимѣсячный мальчикъ говоритъ: «Ай, мозгъ побери! здѣсь тепло и прохладно сидѣть, какъ въ золотой утробѣ матери! пусть Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ, такъ стоя, окончитъ три мои мѣсяца». Такъ говоря, сидѣлъ и продолжалъ дѣлать свою стрѣлу. Тогда пуще прежняго начали калить и дуть на желѣзный анбаръ; желѣзо перекалилось, начало расплавляться и потекло на всѣ стороны; тогда только этотъ мальчикъ раскалился до красна и началъ таять; растаявши, обратился въ свинецъ и ушелъ въ землю.

Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ: «Непобѣдимаго врага побѣдили и годовалаго жеребенка закололи»!

Послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ всѣхъ подданныхъ и разный скотъ Галъ-Дöлмö-хана взялъ съ собой и пріѣхалъ домой съ своими тридцатью тремя батарами; по пріѣздѣ домой устроили большой пиръ, продолжавшійся девять дней и девять ночей и на десятый день едва, едва разошлись по домамъ.

Они живутъ счастливо, наслаждаясь счастіемъ [1]).

Я помѣстилъ здѣсь свои записи тангутской версіи Гэсэра, слышанныя мною въ Амдо и запись бурятской версіи, сдѣланную г. Хангаловымъ въ Балаганскомъ округѣ Иркутской губерніи. Жители Амдо, тангуты, какъ мнѣ передавали, поютъ Гэсэра на свадьбахъ, подъ акомпаниментъ струннаго инструмента. Старикъ Ами-Салунъ, отъ котораго записана моя первая тангутская версія, тоже нѣкоторыя мѣста пѣлъ. Кажется, часть его излагается всегда прозой и поются только нѣкоторые отрывки. Ами-Салунъ передавалъ сказку по тангутски, лама Сэрэнъ пересказывалъ ее мнѣ помонгольски.

Кромѣ тангутской версіи, я слышалъ также одну передачу монгольскую и одну олётскую (съ оз. Хухунора). Монгольскаго Гэсэра разсказывалъ мнѣ Пунцукъ, родомъ изъ Ордоса (хошуна Ушинъ); онъ былъ грамотный, читывалъ Гэсэра по печатанному экземпляру. Разсказъ его почти не отличался отъ того Гэсэра, котораго перевелъ Шмидтъ. Отмѣчу только слѣдующее. Кузнецъ, который получилъ роковое порученіе идти посломъ къ Гэсэру, у Пунцука титуловался: саба угэй саргылъ сабдыкъ хўцзюгуръ тарханъ. Конь, который спустился къ Гэсэру съ неба и на ко-

[1]) Обыкновенно буряты, доканчивая сказку, говорятъ: «ан хужи аштa бурханда тушибэ»!

торомъ онъ совершаетъ свои дѣла, у Пунцука назывался: Билигинъ гэрь морн; у Шмидта magisches braunes Pferd; гэрь значитъ гнѣдой, а не бурый; бурый по монгольски курюнъ. У Радлова (Proben, I, 427) въ отрывкѣ, записанномъ у сойотовъ на р. Караколѣ, въ китайскихъ предѣлахъ, спускающійся съ неба конь героя Пагай-Джуру (т. е. Гэсэра) названъ Piliging chär das Pferd. Въ алтайскихъ сказаніяхъ упоминается Тюрунъ-Музыкай-буркань; онъ убилъ морское чудовище Андалма, которое можетъ быть то же, что бурятское Галъ-Дёлмё-ханъ, которое было убито Гэсэромъ. Эпитетъ Тюрунъ-музыкая: Вильгыйнинъ-кере-атту, т. е. «съ лошадью Вильгыйнинъ-кере»; см. Вербицкаго: «О происхожденіи Эрлика» въ Томск. губ. вѣдом., 1859 г., № 14, стр. 116. Вмѣсто клятвы въ Шмидтовскомъ варіантѣ Гэсэръ заставляетъ побѣжденныхъ имъ лизать кровь, выступающую изъ укола, который онъ дѣлаетъ на своемъ мизинцѣ; у Пунцука клянущіеся лижутъ саблю Гэсэра (ср. съ клятвой посредствомъ лизанія стрѣлы; см. Фишеръ, Сибирск. Истор., 421; Галстунскій, Ойратскіе законы, 143). Вмѣсто Рогмо-гоа (Rogmo Goa) Пунцукъ произноситъ Ругъ-могой.

Хухунорскіе олеты и ёгуры около Ганьчжоу и Су-чжоу разсказываютъ Гэсэра въ тангутской редакціи. Въ Гумбумѣ я слышалъ Гэсэра отъ одной олётки. Разсказъ ея отъ тибетскаго отличался только въ мелочахъ. Вмѣсто Рдуря она ставила двѣнадцатиголоваго (арбанъ хоирь тологойтой) Атгыръ-Хара-Мууса. По ея разсказу, Гэсэръ, вернувъ жену отъ Атгыра, не ослѣпъ а вѣки его разрослись и спустились на глаза. Когда они въ степи заголодали, Гэсэрова жена должна была деревянными столбами подпирать вѣки, пока онъ натягивалъ лукъ, чтобъ убить дзёрь (козулю).

Кромѣ записей, лично мною сдѣланныхъ въ видѣ конспектовъ, я пріобрѣлъ въ Амдо тибетскую рукопись, содержащую сказаніе о Гэсэрѣ. Зимуя въ Сань-чуани, я принялся хлопотать чтобъ для меня былъ переписанъ тибетскій Гэсэръ, но эти хлопоты не удались; только въ концѣ зимы мнѣ предложили старую готовую рукопись; я купилъ ее, но такъ какъ въ ней недоставало нѣсколькихъ листовъ, то былъ нанятъ лама дополнить ее. Хотя недостающіе листы были написаны, но не всѣ. Рукопись эта пріобрѣтена въ тангутскомъ монастырѣ Гонгрча, лежащемъ въ долинѣ Ителъ-голъ къ з. отъ Сань-чуани. Она передана мною въ Импер. Публичную библіотеку въ Петербургѣ. Этотъ экземпляръ Гэсэра, если не ошибаюсь, второй въ Европѣ. Первый былъ вывезенъ въ Европу г. Шлагинтвейтомъ, но тоже не полный. Покойный академикъ Шифнеръ хлопоталъ о пріобрѣтеніи Гэсэра для нашей Академіи Наукъ; съ этою цѣлью онъ переписывался съ Яшке, выселившимся вмѣстѣ съ другими меннонитами изъ нашей Новороссіи въ Кашмиръ изучившимъ тибетскій языкъ и составившимъ тибетскій словарь; долго хлопоты Яшке не имѣли ни какого результата, но наконецъ ему удалось найдти и купить рукопись у тангутскаго монаха вѣры бонбо. Рукопись была отправлена въ Петербургъ, но Шифнеръ ее не получилъ; она затерялась въ дорогѣ. Переписка между Шифнеромъ и Яшке напечатана въ Bulletin'ѣ Академіи Наукъ; нашлась ли рукопись, мнѣ неизвѣстно.

Г. Хангаловъ къ своей рукописи присоединилъ вступленіе, которое помѣщается ниже:

У балаганскихъ бурятъ съ незапамятныхъ временъ устно передается изъ поколѣнія въ поколѣніе сказка объ Абай-Гэхэръ-богдо-ханѣ. Обыкновенно буряты называютъ эту сказку «Гэхэръ-ханъ» или «Богдо-Гэхэръ-ханъ», но большею частію говорятъ «Абай-Гэхэри тужи» (исторія Абай-Гэхэра), иногда говорятъ «Абай-Гэхэръ-хани тужи»; а полное названіе будетъ «Абай Гэхэръ-богдо-ханъ». Сказка «Абай-Гэхэръ-богдо-ханъ» между другими бурятскими сказками занимаетъ первое мѣсто; знающіе ее бурятскіе разсказчики пользуются между бурятами почетомъ. При всякомъ удобномъ случаѣ буряты въ зимнія долгія ночи стараются послушать или сказку про Абай-Гахэръ-богдо-хана, или же другую какую нибудь. Бурятскій разсказчикъ разсказываетъ, а все семейство бурятъ и собравшіеся сосѣди слушаютъ сказку съ большимъ вниманіемъ. Сказки у бурятъ говорятся нараспѣвъ съ рифмами; кто не можетъ пѣть, тотъ говоритъ словами безъ пѣнія. До чего достигаетъ уваженіе бурятъ къ разсказчикамъ сказокъ, можно видѣть изъ народной поговорки: онтхошн хунъ олбокъ пудушка дэрэ; душц хунъ, дубунъ дэрэ, «говорящій сказки человѣкъ (разсказчикъ) на перинѣ и подушкѣ, а поющій (пѣвецъ человѣкъ) на бугрѣ». Буряты говорятъ, что въ «твердые годы» (тяжелые годы) хату жилдэ, въ тѣ годы, когда свирѣпствуютъ болѣзни, разсказывать сказку про Абай-Гэхэръ-богдо-хана считаютъ очень полезнымъ, потому что нечистые духи, насылающіе на людей разныя болѣзни, будто бы боятся сказки объ Абай-Гэхэръ-богдо-ханѣ. Иногда буряту, ѣдущему въ темную ночь по безлюдной степи, становится жутко; тогда онъ начинаетъ, для отгонанія нечистыхъ духовъ, на распѣвъ курлыкать

сказку про Абай-Гэхэръ-богдо-хана. Если, собираясь въ дальній путь, придется слушать сказку про Абай-Гэхэръ-богдо-хана, это считается хорошимъ признакомъ; дорога будетъ благополучная и дѣла будутъ успѣшны. Въ прежнія времена зимнія долгія ночи часто проводили за слушаніемъ сказокъ, что составляло развлеченіе бурятъ; нынѣ сказки оставлены; вмѣсто нихъ появились другіе роды препровожденія времени, карты, пьянство и пустое балагурство.

По словамъ бурятъ, если хорошій разсказчикъ говоритъ сказку про Абай-Гэхэръ-богдо-хана, то онъ кончаетъ ее въ 9 дней и ночей, т. е. въ 9 сутокъ. Если разсказчикъ не пропуститъ ничего, то въ награду ему спускается съ неба верховая лошадь въ полной сбруѣ для верховой ѣзды; передаютъ, что какъ-то разъ одинъ бурятъ разсказывалъ сказку про Абай-Гэхэръ-богдо-хана въ продолженіи 9 сутокъ; въ концѣ сказки съ неба спустился уже верховой конь въ полной сбруѣ для верховой ѣзды, но къ несчастію разсказчикъ пропустилъ сказать, что Абай-Гэхэръ-богдо-ханъ на пень дерева положилъ верховой кнутъ; какой-то невидимый человѣкъ сказалъ тогда: «хорошо сказана сказка, но только пропущенъ верховой кнутъ, положенный Абай-Гэхэръ-богдо-ханомъ на пень дерева». Тотчасъ же конь, спустившійся съ неба, поднялся обратно вверхъ.

Буряты говорятъ, что сказка про Абай-Гэхэръ-богдо-хана имѣетъ девять вѣтвей (ехонъ хала). I вѣтвь: борьба западныхъ и восточныхъ тэнгериновъ, побѣда западнаго тэнгэри, сошествіе на землю Абай-Гэхэръ-богдо-хана, рожденіе его на землѣ, малолѣтство его на землѣ и женитьба его на Тѳмбинъ-Жарголанъ-хатанъ и на Урма-Гохонъ-хатанъ. 2 вѣтвь: охота на звѣрей и женитьба на Алма-Моргонъ-хатанъ. 3 вѣтвь: лѣсной пестрый левъ Октоpъ. 4 вѣтвь: китайскій ханъ Гумэнъ. 5 вѣтвь: Лобсогой, который черезъ обманъ и хитрость обратилъ Абай-Гэхэръ-богдо-хана въ осла; освобожденіе его Алма-Моргонъ-хатаною отъ Лобсогоя. 6 вѣтвь: козни завистливаго дяди Хара-Сута-ноѣна, болѣзнь Абай-Гэхэръ-богдо-хана, выздоровленіе, поѣздка Абай-Гэхэръ-богдо-хана къ пятнадцатиголовому Абарга-Сэсэнъ-Мангатхаю, и убіеніе послѣдняго. 7 вѣтвь: возвращеніе Абай-Гэхэръ-богдо-хана изъ страны Мангатхая домой; поѣздка за Алма-Моргонъ-хатаною, воскресеніе тридцати трехъ батаровъ, поѣздка къ тремъ царямъ Шарабуловымъ, война, побѣда и возвращеніе. 8 вѣтвь: война съ Галъ-Дѳлмѳ-ханомъ и 9 вѣтвь: будто бы послѣдняя война съ Лобсогоемъ и побѣда надъ нимъ; эту послѣднюю вѣтвь, разсказъ о войнѣ Абай-Гэхэръ-богдо-хана съ Лобсогоемъ, мой разсказчикъ Пѣтковъ-Тушимиловъ не знаетъ. Другіе же буряты говорятъ, что все вышеперечисленное только три вѣтви, слѣдовательно тутъ еще шести не достаетъ; вообще говорятъ очень разно; остальныя вѣтви будто бы состоятъ изъ разсказовъ о богатыряхъ и ханахъ, которые въ то время жили на землѣ. Обыкновенно разсказчикъ, сказавъ какую нибудь болѣе или менѣе длинную сказку объ одномъ такомъ богатырѣ, прибавитъ, что эта сказка есть одна изъ вѣтвей «Абай-Гэхэръ-богдо-хана»; такимъ образомъ вѣтвей у «Абай-Гэхэръ-богдо-хана» будетъ не девять, а десятки и сотни, если собрать все. Нѣкоторые буряты говорятъ, что девять вѣтвей «Абай-Гэхэръ-богдо-хана» произошли слѣдующимъ образомъ: сперва началъ воевать одинъ какой-то батаръ или ханъ съ Мангатхаемъ. Этотъ сказочный богатырь или ханъ началъ побѣждать своего противника Мангатхая; послѣдній будто бы началъ звать своего покровителя Лобсогоя и Лобсогой, на зовъ Мангатхая, пріѣхалъ; обратившись въ большого сѣраго волка, онъ началъ гнать богатыря или батара, побѣдившаго Мангатхая, вокругъ одной высокой горы; тогда батаръ или ханъ въ свою очередь зоветъ своего покровителя, другого болѣе сильнаго батара, который, пріѣхавъ, обращаетъ своего любимца въ шагай (кость бабку), и, положивъ, въ карманъ, самъ начинаетъ воевать съ большимъ сѣрымъ волкомъ; но онъ не можетъ побѣдить и наконецъ обращается въ бѣгство, начинаетъ скакать вокругъ горы, какъ и первый батаръ, а волкъ гонится за нимъ; въ это время второй батаръ начинаетъ звать на помощь третьяго батара или хана, тотъ тоже пріѣзжаетъ; также обративъ предъидущаго батара въ шагай и положилъ его въ карманъ, онъ воюетъ съ большимъ сѣрымъ волкомъ, но волкъ начинаетъ побѣждать и этого вновь пріѣхавшаго батара. Этотъ послѣдній тоже начинаетъ скакать вокругъ горы, а волкъ гоняться за нимъ. Тогда этотъ батаръ начинаетъ звать новаго батара или хана посильнѣе себя на помощь; новый батаръ или ханъ тоже пріѣзжаетъ, но съ нимъ происходитъ то же самое, что и съ первыми; такимъ образомъ эти батары и ханы звали другъ друга на помощь и наконецъ послѣдній девятый батаръ или ханъ вступаетъ въ битву, но и онъ оказывается слабосильнымъ въ борьбѣ съ большимъ сѣрымъ волкомъ; онъ также начинаетъ звать себѣ на помощь другого батара, но на этотъ разъ привывается уже самъ Абай-Гэхэръ-богдо-ханъ. Абай-Гэхэръ-богдо-ханъ пріѣхалъ на зовъ, звавшаго на помощь батара обратилъ въ шагай, положилъ его въ карманъ, и поскакалъ во

кругъ горы. Потомъ Абай-Гэхэръ-богдо-ханъ, поймавъ большого сѣраго волка за уши, бросилъ его на землю; волкъ опять сдѣлался Лобсогоемъ. Абай Гэхэръ-богдо-ханъ съ Лобсогоемъ начали воевать. Абай-Гэхэръ-богдо-ханъ, побѣдивъ Лобсогоя, вынулъ изъ кармана шагай и бросилъ на землю; шагай вновь обратился въ богатыря; этотъ богатырь въ свою очередь изъ своего кармана вынулъ шагай и бросилъ, и другой богатырь принялъ свой настоящій видъ. Такимъ образомъ всѣ девять шагаевъ были обращены вновь въ богатырей.

По словамъ бурятъ, Абай-Гэхэръ-богдо-ханъ побѣдилъ Лобсогоя, но никакъ не могъ убить его. Одни говорятъ, что Абай-Гэхэръ-богдо-ханъ бросилъ Лобсогоя въ каменный тама, изъ камня сдѣлалъ большого батара, далъ ему большой желѣзный молотъ, и наказалъ, когда Лобсогой покажется изъ тама, бить его по головѣ; другіе буряты говорятъ, будто бы Абай-Гэхэръ-богдо-ханъ бросилъ Лобсогоя въ глубокую яму, на отверстіе ямы поставилъ двухъ своихъ батаровъ съ большими желѣзными молотами; когда Лобсогой показывается изъ ямы, то два батара Абай-Гэхэръ-богдо-хана бьютъ по головѣ Лобсогоя желѣзными молотами; тогда Лобсогой опять падаетъ въ яму; отъ этого происходитъ землетрясеніе и глухой гулъ подъ землей. Нѣкоторые буряты говорятъ, что будто Абай-Гэхэръ-богдо-ханъ, съ помощію своихъ тринадцати волшебствъ, сдѣлалъ нѣсколько маленькихъ мальчиковъ (число мальчиковъ неизвѣстно), которые изъ лука стрѣлами постоянно стрѣляютъ въ Лобсогоя, когда онъ показывается изъ ямы; такимъ образомъ они обезсиливаютъ Лобсогоя и онъ обратно уходитъ въ яму, т. е. падаетъ. Еще варіантъ: говорятъ, что Абай-Гэхэръ-богдо-ханъ побѣдилъ Лобсогоя, но не могъ убить и вслѣдствіе этого придавилъ его тремя горами, а потомъ, чтобы Лобсогой не свалилъ съ себя эти три горы и не вышелъ изъ подъ нихъ, эти три горы съ Лобсогоемъ воткнулъ въ землю, т. е. пригвоздилъ своимъ копьемъ, отчего Лобсогой не можетъ выйти изъ подъ этихъ горъ. Къ этому разсказу нѣкоторые прибавляютъ, что Абай-Гэхэръ-богдо-ханъ создалъ одного сильнаго батара, который будто бы приколачиваетъ копье въ землю желѣзнымъ молотомъ. Варіанты разсказовъ о Абай-Гэхэръ-богдо-ханѣ неисчерпаемы. По словамъ бурятъ, когда кончится міръ и будетъ галабъ, Лобсогой опять встанетъ и будетъ воевать съ Абай-Гэхэръ-богдо-ханомъ; на этотъ разъ Лобсогой побѣдитъ Абай-Гэхэръ-богдо-хана.

Буряты говорятъ и спорятъ убѣжденно, что въ прежнее время Абай-Гэхэръ-богдо-ханъ дѣйствительно жилъ на землѣ; въ подтвержденіе этого указываютъ на слѣды его земной жизни. Когда Абай-Гэхэръ-богдо-ханъ воевалъ съ Лобсогоемъ и стрѣлялъ въ него стрѣлами, будто бы одна стрѣла Абай-Гэхэръ-богдо-хана попала въ гору Ехонъ-Тӧрӧнъ и разсѣкла ее; это мѣсто буряты обыкновенно называютъ Тӧрӧни аманъ или Тӧрӧни хӧтӧлъ (ротъ Тӧрӧна или проходъ Тӧрӧна). Когда Абай-Гэхэръ-богдо-ханъ поднялъ стрѣлу съ земли и стряхнулъ съ нея землю, то земля, упавшая изъ косточки стрѣлы (зэнъ) образовала гору Оксогоръ. Въ Вильширскомъ инородческомъ вѣдомствѣ тоже есть двѣ горы, будто бы прострѣленныя Абай-Гэхэръ-богдо-ханомъ, который, по словамъ бурятъ, выстрѣлилъ съ южной стороны; первая прострѣленная гора называется Мухуръ-Уланъ (или Хара-хушунъ), а вторая Удактай; когда Абай-Гэхэръ-богдо-ханъ прострѣлилъ стрѣлою эти двѣ горы, то образовались проходы (хӧтӧлъ) и изъ вынутой стрѣлою изъ этихъ горъ земли образовалась новая гора въ Улейскомъ инородческомъ вѣдомствѣ, тоже подъ названіемъ Оксогоръ.

Кромѣ того буряты говорятъ, что Абай-Гэхэръ-богдо-ханъ, сваливши Лобсогоя на землю и взявши его за ноги, волокъ по землѣ; вслѣдствіе этого образовалось одиннадцать падей; самая средняя падь большая, по краямъ по пяти небольшихъ падей. Средняя большая падь образовалась отъ тѣла Лобсогоя, а по краямъ по пяти небольшихъ падей образовались отъ пальцевъ Лобсогоя; будто бы своими пальцами Лобсогой выбороздилъ землю.

Въ Тункѣ есть остатки отъ сожженнаго дворца Галъ-Дӧлмӧ-хана; тутъ Абай-Гэхэръ-богдо-ханъ съ помощію девяти небесныхъ кузнецовъ (тэнгэрни ехонъ дархадъ) раскалилъ сына Галъ-Дӧлмӧ-хана, отчего дворецъ Галъ-Дӧлмӧ-хана расплавился и образовалась груда камней и желѣзныхъ шлаковъ [1]). Буряты говорятъ, что Абай-Гэхэръ-богдо-ханъ жилъ въ теплой странѣ (дуланъ газаръ) Тибетъ, а Галъ-Дӧлмӧ-ханъ и Лобсогой жили на этихъ мѣстахъ, т. е. въ Иркутской губерніи.

Бурятская сказка Абай-Гэхэръ-богдо-ханъ мною записана со словъ разсказчиковъ Пѣткова Тушимилова и моего отца Николая Хангалова; разсказывая, они оговаривались, что давно не

[1]) Вѣроятно туникскіе базальты. *Г. П.*

говорили эту сказку; отъ другихъ бурятъ, напримѣръ отъ Онгой Чушкинова, Хабхуная и прочихъ, я воспользовался только отрывочными дополненіями и именами дѣйствующихъ лицъ.

М. Хангаловъ.

Нѣкоторыя черты Гэсэра сходны съ халхаскимъ сказаніемъ объ Абутаѣ или Абутай-сайнъ-ханѣ (Очерки сѣв. зап. Моног. IV, 332—341).

1) На Абутая Далай-лама высылаетъ собакъ.—На Гэсэра Чотонъ высылаетъ собакъ.

2) Абутай саблей раскрываетъ парныя чашки, въ которыя спрятался Далай-лама.—Гэсэръ вскрываетъ тулунъ, въ которомъ скрывается Аку-Чотонъ.

3) Абутай прячетъ помогающую ему женщину въ яму. Гаданье даетъ извращенныя показанія объ обстановкѣ сидящаго въ ямѣ.—Жена прячетъ Гэсэра въ яму. Гаданье даетъ извращенныя показанія.

4) Абутай добываетъ Дзу-Эрдени.—Гэсэръ похищаетъ у матери эрдени.

5) Остановленное движеніе на перевалѣ; отсѣченіе зада у статуи бога.—Задержанное движеніе на перевалѣ (стр. 13, 42); отсѣченіе ворота у шубы (стр. 43).

Гэсэру соотвѣтствуетъ въ халхаскомъ сказаніи Абутай, Чотону—Далай-лама. Судя по эпизоду на перевалѣ, часть былины о Гэсэрѣ была первоначально разсказомъ о добываніи «драгоцѣнности» (эрдени), приносящей благосостояніе. Пріостановленное движеніе встрѣчается въ сказаніяхъ о Колду-бурханѣ (конь по колѣна вязнетъ въ землю; Оч., IV, 424), о живомъ богѣ (ibid., 333, 335, 339, 340), о Джу-рембучи (см. ниже № 27), о Шантиварманѣ и Авалокитешварѣ (Васильевъ, Буддизмъ, III, Дараната, стр. 147 и 160), о Вормѣ-ярыжкѣ (Садовниковъ, Сказки и преданія Самарск. края, 26), о шаманѣ Уріерѣ (Этн. Сборн., IV, 298), о хотанской статуѣ (Abel Remusat, Hist. de la ville de Khotan, Paris, 1820, p. 45), о Чингисовой погребальной колесницѣ (Сананъ-Сэцэнъ, Gesch. d. Ost. Mong., 107; Алтанъ Тобчи, стр. 146; см. также ниже, № 55), о тріумфальной колесницѣ Урджянъ-рембучи (№ 36); о трупѣ Батираза (Сборн. свѣд. о кавказск. горцахъ, в. V, стр. 27—35). Ср. также Оч., IV, 804, 883.

Къ нѣкоторымъ изъ этихъ сказаній привязано начало культа, прибытіе въ край божественнаго изображенія и построеніе перваго монастыря.

Разсказъ Дараната о поѣздкѣ Шантивармана за богомъ Авалокитешварой переданъ такимъ образомъ: Царь Шубасара увидѣлъ во снѣ, что если онъ пошлетъ упасаку Шантивармана, отшельничествующаго въ горахъ Пундавардань, въ Поталу съ приглашеніемъ Авалокитешвары и если богъ придетъ, то моръ отъ дракона прекратится и наступитъ благоденствіе. Шантиварманъ получаетъ отъ царя письмо къ богу и ожерелье или четки въ подарокъ и отправляется въ Поталу. Прежде въ Поталу былъ подземный ходъ, по которому Шантиварманъ и прошелъ. Въ настоящее время это мѣсто занято моремъ и путь прекратился (не отступало ли море только на то время, пока проходилъ Шантиварманъ?). На пути Шантиварманъ встрѣчаетъ препятствія, но преодолѣваетъ ихъ вслѣдствіе молитвъ богинямъ Тарѣ и Брикурти. Наконецъ онъ достигаетъ горы Поталы и видитъ храмъ. Тутъ онъ живетъ цѣлый мѣсяцъ, проводя время въ молитвѣ. Наконецъ является какая-то женщина и проводитъ его черезъ многочисленныя залы храма. Въ концѣ храма онъ видитъ пять боговъ, передаетъ четки [1]) и письмо царя и приглашаетъ ихъ придти на Джампудвину. Богъ Авалокитешвара даетъ ему пана, т. е. денегъ и говоритъ, что съ ними онъ можетъ возвратиться домой и гдѣ деньги выйдутъ, тамъ богъ и явится. Пошелъ упасака домой, но увидѣвъ горы Пундувардань, такъ обрадовался, что не поберегъ денегъ и издержалъ ихъ тутъ всѣ. Авалокитешвара или пять боговъ явились ему на деревѣ, подъ которымъ онъ спалъ, но не пошелъ далѣе въ глубь страны. На мѣстѣ появленія бога Шантиварманъ построилъ храмъ Касарпана. Это слово, говоритъ Дараната, переводятъ двояко: 1) ходящій по воздуху и 2) деньги, издержанныя на пищу. Халхаское сказаніе объ Абутаѣ, намъ кажется, есть варіантъ сказанія о Шантиварманѣ и та же тема введена и въ повѣсть о Гэсэрѣ.

Сходныя черты въ Гэсэрѣ съ сказаніями о Чингисѣ или Темучинѣ:

1) Угонъ лошадей (Алтанъ Тобчи, 128; Сананъ-Сэцэнъ, 69).

2) Проживаніе послѣ похода въ полѣ съ женщиной и забвеніе оставленной дома жены (Алтанъ Тобчи, 135; Сананъ-Сэцэнъ, 77).

---

[1]) Четки фигурируютъ также въ сказаніяхъ объ Абатаѣ (Оч., IV, 334).

3) По народнымъ разсказамъ Чингисъ сынъ Хормусты; Гэсэръ также сынъ Хормусты (въ бурятск. Ханъ-Тюрмаса).

Эти эпизоды, можетъ быть, указываютъ на то, что въ древности Чингисъ и Гэсэръ были синонимы, что существовали сказанія, въ которыхъ употреблялось парное Чингисъ-Гэсэръ, которое и теперь еще можно слышать отъ урянхайцевъ на Улу-хемѣ (Чингисъ-Кэсэръ-кайраканъ: Оч., IV, 819; ср. также Чингисъ-Хаджиръ-бо, Учен. Зап. Казанск. унив., 1846, III, 69; Березинъ, Библ. восточ. историковъ, т. I, стр. 19 татарск. цифрами).

Разсказъ о продолжительномъ отсутствіи Чингиса изъ дома и о забвеніи старой жены помѣщенъ въ Алтанъ-Тобчи (стр. 135; Чингисъ названъ въ разсказѣ Богдо-Эдзэномъ); угонъ лошадей тамъ же (стр. 128; восемь соловыхъ мериновъ), у Сананъ-Сэцэна (восемь соловыхъ), стр. 69 и въ Юань-чао-ми-ши (стр. 45; восемь сивыхъ мериновъ). Ср. также въ Оч., IV, 406: Сенгенъ-хунъ-тайджи угоняетъ семь буланыхъ лошадей у своего отца. На связи Гэсэра съ Чингисомъ указываетъ и появленіе въ сказаніяхъ о томъ и другомъ лицѣ эпизодовъ о Тарханѣ и его головѣ (см. примѣчанія къ № 54 и Оч., IV, 290 и слѣд.). Лѣтописи называютъ одного изъ братьевъ Чингиса Хасаромъ; по Рашидъ-Эддину Хасаръ имѣлъ прозвище Хабуту, «искусный стрѣлокъ». По свидѣтельству г. Позднѣева, одна изъ монгольскихъ лѣтописей (Ихэ монголъ үндусунъ алтанъ тобчи) то, что изъ другихъ лѣтописей извѣстно о Темучинѣ-Чингисѣ, приписываетъ Хасару (Монгольская лѣтопись Эрдэнійнъ Эрихэ, 1883, Спб., стр. XXVIII). Рашидъ Эддинъ говоритъ, что Хасаръ значитъ «левъ»; почему-то г. Березинъ дѣлаетъ изъ этого выводъ, что Рашидъ-Эддинъ отожествлялъ имена Хасаръ и Гэсэръ. (Труды Вост. Отд. Имп. Археол. Общ., ч. XIII, стр. 197). Въ восточныхъ лѣтописяхъ, переведенныхъ на русскій языкъ, мы находимъ слѣдующіе эпизоды, которые какъ будто напоминаютъ Гэсэра: 1) Хасаръ стрѣляетъ въ сороку, что вызываетъ неудовольствіе со стороны Чингиса; Гэсэръ стрѣляетъ въ рябчика (Schmidt, Die Thaten, 33), послѣ чего Зотынъ-нойонъ падаетъ съ испугавшагося быка; въ Оч., IV, 260, выстрѣлъ, связанный съ именемъ Гэсэра и съ темой паденія съ лошади, сдѣланъ по сорокѣ. 2) Въ разсказѣ о Чингисѣ Хасаръ убиваетъ старуху, которая сидѣла на городской стѣнѣ и наводила моръ на солдатъ Чингиса (Алтанъ-Тобчи, 142; Сананъ-Сэцэнъ, 101). Ср. съ разсказомъ о старухѣ ак-дурсы (стр. 18), а также съ старухой на стѣнѣ (стр. 36) въ тангутскомъ варіантѣ А.

О Хасарѣ у Рашидъ-Эддина (l. c., стр. 54) сказано: «Сила его была такова, что взявши человѣка обѣими руками, переламывалъ пополамъ подобно деревянной стрѣлѣ». Но то же самое сказано и о Хутула-каанѣ (стр. 40), который обрисованъ еще болѣе былинными чертами: «Монгольскіе стихотворцы сложили въ похвалу его много пѣснопѣній. Крикъ его былъ слышенъ за семь холмовъ. Пятерня его похожа на лапу медвѣдя; онъ безъ труда переламывалъ человѣка на двое, какъ деревянную стрѣлу. Ночью онъ спалъ у костра нагой; горячіе угли падали на него и жгли, онъ не обращалъ на то вниманія, и проснувшись, думалъ, что кусаетъ вошь. Зарѣзъ съѣдалъ барана и выпивалъ котелъ кумыса». Вѣроятно разсказъ, помѣщенный Рашидъ-Эддиномъ далѣе, есть забытая теперь былина (одно изъ «пѣснопѣній»). Равнодушіе Хутула-хана къ обжогамъ напоминаетъ записанное нами преданіе о Сартактаѣ (въ алтайскихъ сказаніяхъ это имя спаривается: Сартактай-Кэсэръ Radloff, Proben, I, 188; Оч., IV, 286), который волковъ, грызшихъ его ноги во время сна, принималъ за комаровъ (Оч., IV, 287). Не былъ ли этотъ Хутула-ханъ синонимъ Гэсэра (Хасара?).

Обзоръ темъ, связанныхъ съ именами Гэсэръ и Хасаръ, заставляетъ подозрѣвать тожество этихъ персонажей, но возможно ли допустить фонетическую связь между двумя именами, не знаемъ.

Въ монгольскихъ и тюркскихъ сказкахъ встрѣчается пара собакъ, которая упоминается также и въ толкованіяхъ къ созвѣздію Ріонъ. Вотъ версіи именъ этихъ собакъ: Асыръ и Басыръ (Оч., IV, 399, 670), Хасыръ и Басыръ (ib., 284, 505, 514), Казаръ и Пазаръ (Radloff, Prob., II, 394—396 и 410). Въ буратскихъ сказкахъ эти собаки называются Агыръ и Багыръ. Важность того обстоятельства, что эти имена введены въ легенды о созвѣздіи Ріонъ, почувствуется въ томъ случаѣ, если окажется, что въ основѣ сказанія о Гэсэрѣ лежитъ звѣздный миѳъ. Въ записанномъ мною въ Ордосѣ монгольскомъ варіантѣ Гэсэръ во время службы у широнгольскихъ царей скрывается подъ именемъ Кӱсӱръ олоксонъ Ольджебай. По объясненію разсказчика Пунцука это значило: «на степи или въ полѣ найденный Ольджебай». Какъ въ монгольскомъ напечатанномъ текстѣ читается это имя, не знаю. У Шмидта: (Die Thaten Bogda Gesser Chan's, 1839, S. Ptb., S. 253): «auf Erde aufgerafte Oldschibai». Ерде, «земля» по монгольски «газаръ». Можетъ

быть сложное: Гадзаръ-олоксонъ-ольджебай было составлено изъ именъ Гэсэра: третье олоксонъ («найденный») можетъ быть Олекчинъ, Улакчинъ, форма, которая также встрѣчается въ тюркскихъ сказкахъ. См. «Бурятскія сказки», въ Запискахъ Вост. Сиб. Отдѣла Им. Рус. Геогр. Общ., Ирк., 1889 г., т. I, в. 1, стр. 140.

Тюркскія параллели:

а) Гэсэръ и киргизскій Козу-курпешъ (Radloff, Prob., III, 263; исторія происходитъ во времена какого-то Ormön-bet'я):

1) Гэсэръ является къ царю служить подъ видомъ пастуха, спитъ сначала между овцами, а потомъ въ одномъ покоѣ съ дочерью царя.—Козу-курпешъ является къ Сарыбаю служить подъ видомъ овечьяго пастуха; дочь Сарыбая на ночь беретъ его въ свою юрту.

2) Гэсэръ заставляетъ открыть тайну, гдѣ найдти коня, прижавъ руку матери къ горячему ячменю.—Козу-курпешъ заставляетъ мать сказать, гдѣ найдти суженую невѣсту Баянъ-сулу прижавъ руку матери къ горячему ячменю.

3) Въ отсутствіе Гэсэра его имѣніе захватываетъ Чотонъ; Гэсэръ бросаетъ врага въ яму и освобождаетъ родителей.—Въ отсутствіе Козу-курпеша его имѣніемъ овладѣваетъ Джеды-бай [1]),

4) Сорока носитъ письма.—Жаворонокъ носитъ письма.

Уравненіе именъ будетъ такое: Гэсэръ = Козу-курпешъ, Нгаре-олу = Баянъ-сулу, Чотонъ-ака = Джедыбай. Нгаре-олу ср. съ Наранъ-Сулу, у Радлова, Proben, III, 321.

У Кульджинскихъ таранчей есть сказка Bosy körpäsch (Radloff, Prob., VI, 211). Начало: выстрѣлъ по воронѣ; кровь на снѣгу; сходно съ разсказомъ о Чингисѣ на охотѣ (см. № 55). Бозы-кöрпешъ ѣдетъ искать дѣвицу; встрѣча съ паршивоголовымъ, котораго онъ убиваетъ, воткнувъ въ яму головой и одѣвается въ его платье; это единственная черта, сходная съ Козу-курпешемъ, Далѣе не сходно; дѣвица оказывается умной, какъ въ тюркскихъ сказкахъ о Джиренъ-шешенѣ, Настоящій Козу-курпешъ у таранчей это сказка о Täji-pascha и Sora-chenim (Proben, VI, 236). Отцы дѣтей Акъ-ханъ и Кара-ханъ (вмѣсто киргизскихъ Сары-бая и Карабая); кончается сказка тѣмъ, что кяфиръ (вмѣсто Кодара киргизскихъ варіантовъ) убиваетъ Тэджи, послѣ чего Сора, разсыпая перлы по степи, увлекаетъ соаульныхъ дѣвушекъ къ могилѣ Тэджи, оплакиваетъ его и умираетъ. На могилѣ Тэджи выростаетъ тополь, на могилѣ Соры розовый кустъ; кяфиръ велѣлъ себя похоронить между ними; тутъ выросла колючка, которая мѣшаетъ и колется, когда тополь и кустъ хотятъ привѣтствовать другъ друга. Въ Извѣстіяхъ Имп. Р. Археолог. Общ., т. VIII, 1877, стр. 138, въ ст. И. Н. Березина: «Н. Ѳ. Костылецкій» передается содержаніе былины Козу-кюрпечъ, вѣроятно варіантъ изъ подъ Кокчетава; конецъ былины: на могилѣ Козу и Баянъ-сулу выросло два тополя, а между ними поросло терніемъ; «Кодаръ (это онъ въ видѣ тернія) и по смерти явился разлучникомъ нашихъ любовниковъ» (стр. 145). Параллель эпизоду съ пастухомъ находится въ сказкѣ о Бовѣ королевичѣ. Онъ убиваетъ пилигрима, одѣвается въ его платье приходитъ на свадьбу царя Маркобруна съ Дружневной и проситъ милостыню во здравіе Бовы подобно Гэсэру, просящему милостыню у Рогмо-гоа [2]). Киргизская сказка о Тайирѣ и Сöрö (Radloff, Prob., IV, 341) также есть варіантъ Козу-курпеша: обѣтъ отцевъ породниться, преждевременная смерть отца жениха-мальчика, игра въ бабки, горячій ячмень, смерть отъ соперника (Карабатыра), оплакиваніе невѣстой, разбрасываніе перловъ, смерть на трупѣ жениха, паденіе на ножъ; обнимающіеся тополи на могилѣ. Но вставленъ эпизодъ: отецъ невѣсты заключаетъ Тайира въ ящикъ и бросаетъ въ море; ящикъ ловятъ три царскія дочери. Другой Тайиръ (въ томъ же томѣ) имѣетъ совершенно другой сюжетъ, но онъ также брошенъ въ воду.

б) Киргизская сказка Ерь-гокчу (Padloff, Proben. III, 112): У Уака сынъ Камбаръ, у Камбара Ерь-гокчу. Онъ убитъ въ войнѣ съ Джангбыршы. (Это случилось послѣ смерти какого-то Ormön-bet'я). У него остался сынъ Козай. Козай поднимается на высокую лѣстницу, осматриваетъ съ нея положеніе дѣлъ, идетъ къ матери, говоритъ, что отецъ его убитъ и что онъ долженъ ѣхать. Мать отговариваетъ, ссылаясь на его малолѣтство. Козай силой заставляетъ пастуха

---

[1]) Такъ въ рукописномъ варіантѣ, доставленномъ изъ Омска на съѣздъ оріенталистовъ, бывшій въ Петербургѣ. Рукопись хранится въ архивѣ Имп. Русск. Геогр. Общества.

[2]) Въ урянхайской сказкѣ богатырь Ерь-Сару убиваетъ пастуха Бузыкай-таракая и самъ принимаетъ видъ убитаго. Выше было уже приведено имя Тюрунъ-музыкай, конь и противникъ котораго носятъ тѣже имена, какъ конь и противникъ Гэсэра. Въ тангутской Гэсэръ убиваетъ пастуха, когда идетъ въ домъ Рдуря (см. стр. 43).

Джепекъ-бая сказать, гдѣ ему найдти годнаго коня и посредствомъ хитрости ловить его. Въ городѣ Джангбыршы'я желѣзный домъ изъ семи желѣзныхъ стѣнъ; внутри его скованный конь и мальчикъ, котораго выкармливаютъ молокомъ сорока коровъ. Конь Козая съ разбѣгу разбиваетъ желѣзныя стѣны, и Козай убиваетъ коня; Козаевъ конь настаиваетъ, чтобъ онъ убилъ и мальчика, Козай убиваетъ и мальчика; за тѣмъ Козай возвращается домой и женится на дѣвицѣ Бота-кызъ. Наѣзжаетъ сынъ Джангбыршы'я Темиръ-бай и ранитъ копьемъ Козая. Козай умеръ, но Бота-кызъ воскрешаетъ его. Конь учитъ его, какъ убить Темиръ-бая; онъ весь стальной, кромѣ горла; его можно убить только ночью, перерѣзавъ горло, что и дѣлаетъ Козай.

Тутъ отголоски сказаній объ Ирингъ-сайнѣ и Гэсэрѣ. Высматриваніе враговъ съ вершины лѣстницы есть въ Ирингъ-сайнѣ (Оч., IV, 446; ср. также въ греческой поэмѣ объ Армурѣ; А. Н. Веселовскій, Южн. Былины, III, стр. 4); ловля коня въ Ирингъ-сайнѣ (Оч., IV, 438) и Гэсэрѣ; вынужденіе пастуха сказать, гдѣ найдти коня—въ Гэсэрѣ. Конь Джанбыршы'я въ желѣзномъ домѣ это Кала-мэмбыръ тангутскаго варіанта Гэсэра; Темиръ-бай это желѣзный Асынъ, у котораго также только одно горло уязвимо. Убиваніе мальчика въ Гэсэрѣ перенесено въ конецъ хорской (ширайгольской) войны; это сынъ Рогмо-гоа. Можно дополнить киргизскую сказку; вѣроятно въ полной редакціи описывалось, какъ Козай съ копьемъ Темиръ-бая въ тѣлѣ разъѣзжалъ по степи—тема, въ Ирингъ-сайнѣ отнесенная къ нему самому, въ Гэсэрѣ къ богатырю Мунко.

Имя Ерь-Гокчи (Aghola Oergöktschi Büke) встрѣчается въ монгольскомъ Гэсэрѣ (Schmidt, Die Thaten, 258); это противникъ Гэсэра, вступающій съ нимъ въ борьбу. Ерь-гокчу встрѣчается въ генеалогическихъ преданіяхъ киргизъ; поколѣніе Уакъ считаетъ Ерь-гокчу своимъ предкомъ (Оч., II, 158). У туркменъ есть и поколѣнія, которыя называются Еръ-кюкча, Акъ-кюкча и Кара-кюкча (Галкинъ, Этнограф. и истор. матеріалы по Средней Азіи, Спб. 1868, стр. 8) [1]). У урянхайцевъ на Улухемѣ Гокчу-ашякъ, т. е. «старикъ Гокчу» есть тотъ миѳическій стрѣлокъ, который преслѣдуетъ трехъ маралухъ, учь-мыйгакъ, т. е. созвѣздіе Оріонъ (слѣдовательно то же, что въ другихъ тюрко-монгольскихъ варіантахъ Коготай, Когульдэй, Коголь-найманъ, Хододой и Сагатай). Въ монгольскихъ же преданіяхъ мы не встрѣчали имени Ерь-гокчу, кромѣ книжныхъ сказаній (въ Гэсэрѣ и въ Юань-чао-ми-ши; въ послѣдней Кокочу; Труды Пек. дух. миссіи, IV, 134; Зап. И. Арх. Общ., XIV, 158; ср. Оч., IV, 789) и народныхъ бурятскихъ (Кохоце, Хохосо; Оч., IV, 206; Записки Вост. Сиб. Отд. по эти., т. I, в. 1, стр. 126). Ни въ халхаскихъ, ни въ южномонгольскихъ сказаніяхъ мнѣ этой формы не встрѣчалось.

Здѣсь мы натыкаемся на факты, которые трудно примирить съ принятымъ мнѣніемъ о происхожденіи Гэсэра изъ Тибета. Нахожденіе Гэсэровскихъ темъ у киргизъ, конечно, можетъ быть примирено съ этимъ мнѣніемъ двумя предположеніями или 1) предположеніемъ, что киргизы заимствовали эти темы отъ монголовъ, изъ вторыхъ рукъ или 2) предположеніемъ, что киргизы получили ихъ прямо изъ Тибета, т. е. помимо монголовъ. Нахожденіе темы о Джангбыршы'евомъ конѣ и о желѣзномъ Темиръ-баѣ, при отсутствіи этой темы у монголовъ, заставляетъ остановиться на второмъ предположеніи. Появленіе въ связи съ Гэсэромъ имени Ерь-Гокчу въ киргизской сказкѣ также не колеблетъ эту гипотезу; тюрки могли вставить въ тибетскую сказку свое излюбленное имя. Но появленіе Ерь-Гокчу и въ монгольской версіи вызываетъ недоумѣніе; мало распространенное и никогда не встрѣчающееся у монголовъ вполнѣ въ этомъ видѣ, это имя не могло быть внесено въ сказаніе самими монголами. Очевидно, оно пришло къ монголамъ извнѣ вмѣстѣ съ древнѣйшей чуждой редакціей.

Легче эти факты объяснятся, если мы примемъ, что Гэсэръ первоначально принадлежалъ тюркамъ, напримѣръ уйгурамъ. Уйгуры могли передать сказку и монголамъ и тангутамъ; къ тангутамъ дошла редакція съ Кала-мэмбыромъ, но безъ Ерь-Гокчу; къ монголамъ съ Ерь-Гокчу, но безъ Кала-мэмбыра. Тюркскія племена, родственныя уйгурамъ, также имѣли свои версіи, и въ нихъ сохранились оба имени и Ерь-Гокчу и Кала-мэмбыръ. Ниже будутъ еще указаны факты, способные поддержать мнѣніе о тюркскомъ (уйгурскомъ?) происхожденіи Гэсэра.

в) Параллели между Гэсэромъ и тюркской сказкой Акъ-Кобокъ (Radloff, Proben, IV, 61).

1) Гэсэръ хочетъ выйдти изъ утробы матери черезъ ея темя, но мать указываетъ ему

[1]) Подобно этому, у селенгинскихъ бурятъ есть поколѣніе Бурте-чино; имя предка всего монгольскаго народа, извѣстное намъ изъ книжнаго сказанія, здѣсь является именемъ небольшаго поколѣнія (см. Памятн. кн. Ирк. губ. на 1881 г.).

естественный путь.—Акъ-кобокъ не хочетъ рождаться обыкновеннымъ порядкомъ, а хочетъ выйдти изъ бока матери; мать уговариваетъ его родиться естественнымъ образомъ.

2) Гэсэръ можетъ связать Дыря только человѣческой жилой.—Акъ-кобокъ можетъ связать Мангуша только ремнемъ изъ человѣческой кожи.

3) Гэсэръ у Дыря находитъ свою жену, увезенную имъ; жена помогаетъ Гэсэру убить Дыря.—Акъ-кобокъ находитъ у Мангуша свою сестру (Кынъ-сылу), которая помогаетъ Кобоку убить Мангуша.

4) Въ тѣлѣ Дыря разливается желѣзный сокъ.—Тѣло Мангуша отъ ударовъ о камень даетъ искры (желѣзное?).

Другой противникъ Акъ-кобока называется Киданъ-ханъ; это отецъ Мангуша. Другой противникъ Гэсэра—Чотонъ-ака. Въ широнгольскомъ языкѣ *к* и *х* переходитъ въ ч: хутуга, «ножъ», читого, Китай—Читай.

Въ той же тюркской сказкѣ является и форма Кызыръ; это Кызыръ-пейгамбаръ, покровитель Акъ-кобока [1]).

Эта сибирская сказка попала въ мусульманскій памятникъ Египта; у г. Тизенгаузена, Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Золотой Орды, т. I, Спб., 1884, стр. 541, въ выпискѣ изъ энциклопедіи Эннувейри о событіяхъ въ Кипчакѣ лѣтописцемъ выдается за историческій фактъ слѣдующее: Однажды человѣкъ племени Дурутъ, по имени Мангушъ, сынъ Котяна, вышелъ охотиться; встрѣтилъ его человѣкъ изъ племени Токсоба по имени Акъ-кубуль—между ними было старинное соперничество—и убилъ его. Отецъ Мангуша послалъ Джамгара (или Джалангара) развѣдать и тотъ принесъ извѣстіе объ умерщвленіи Акъ-кубуля. Тогда Мангушъ напалъ со своими людьми на Акъ-кубуля; Акъ-кубуль былъ раненъ и рать его разбрелась. Тогда онъ послалъ своего брата Ансара (или Унсура) къ Души-хану, сыну Чингисъ-ханову, просить помощи. Это приглашеніе и подало поводъ къ завоеванію кипчакской земли монголами. Тотъ же разсказъ находится и у Ибнъ-хальдуна. Мангушъ, сынъ Котяна, у него названъ Манкушемъ, сыномъ Китмира; противникъ его Акъ-кибякомъ, Джамгаръ—Джаланкаромъ, Ансаръ—Аксаромъ. «Ходъ разсказа, говоритъ онъ, указываетъ, что племя Дурутъ изъ Кипчаковъ, а Токсоба изъ татаръ». Дурутъ и Токсоба два поколѣнія Кипчаковъ. Если эти сказки жили у Половцевъ въ южной Россіи, гдѣ ихъ подслушалъ египтянинъ, то онѣ легко могли отъ Половцевъ зайдти и къ другимъ сосѣдямъ иноплеменникамъ.

Параллели для сказки Акъ-кобокъ можно указать въ сѣверокавказскихъ и русскихъ сказаніяхъ.

Противникъ Акъ-кобока Самаръ-казанъ глотаетъ раскаленное желѣзо, катаетъ въ гору камень и замерзаетъ въ озерѣ (Radloff, Prob., IV, 61). Противникъ кавказскаго нарта Сосрыко (Сборн. свѣд. о кавказ. горцахъ, в. V, стр. 53), великанъ глотаетъ раскаленное желѣзо, катаетъ камень въ гору и замерзаетъ въ озерѣ.

Этимъ ограничиваются параллели между Сосрыко и Акъ-кобокомъ, но у Сосрыко есть параллели съ другими сказаніями изъ степного фольклора, которыя мы привлекаемъ къ сравненію съ Гэсэромъ, какъ напримѣръ съ сказаніемъ объ Абатаѣ (Оч., IV, 338), и съ самимъ Гэсэромъ. Нарты выѣхали на охоту; случился морозъ и они мерзнутъ. Сосрыко добываетъ для нихъ огонь (Сборн. св. о кавк. горц., V, 53; Сборникъ матеріаловъ для опис. мѣсти. и плем. Кавказа вып. XII, стр. 16 — 19). Ср. этотъ эпизодъ съ бурятскимъ разсказомъ о взятіи-облавщикахъ; они начали безъ огня мерзнуть на охотѣ и были спасены Гэсэромъ, который добылъ имъ огонь (стр. 70) [2]). Нарту Сосрыко (Сборн. о кавказск. горцахъ, V, 5—9) предстоитъ задача выбирать Цэрэковъ панцырь изъ кучи другихъ панцырей, какъ Абатаю приходилось выбирать живого бога. Абатай и тѣмъ еще сходенъ съ Сосрыко, что онъ состязается съ другимъ могущественнымъ персонажемъ (съ Далай-ламой) въ чудодѣйствіяхъ. Сосрыко (Сборникъ о кавк. горцахъ, V, 53; Сборн. матеріал

[1]) Мы замѣтили, не знаю вѣрно ли, что имя пейгамбара Кызыра или Кадыра является всегда въ тѣхъ тюркскихъ сказкахъ, въ которыхъ есть какія-нибудь темы изъ Гэсэра.

[2]) У о. Іакинѳа, Собр. свѣд. о нар. средн. Азіи, ч. I, стр. 258: исторія о началѣ государства Тугю. Старѣйшина Апанбу съ 70 глупыми сыновьями жилъ на горахъ, гдѣ были холодныя росы; старшій сынъ Надулуше произвелъ теплоту и всѣхъ спасъ, и за это былъ сдѣланъ государемъ. Одинъ изъ его сыновей былъ Ашина, котораго Говорсъ (Howorth, Hist. of Mong.) сближаетъ съ Буртечино, «волкомъ», предкомъ монголовъ.

для опис. мѣстн. и пл. Кавк., XII, 17). получаетъ отъ великана огонь; Абатай получаетъ отъ Далай-ламы изображеніе бога, которое было зарыто (спрятано) въ пепелъ (огонь?).

Сосрыко и Тотырешъ (Сборн., V, 53) должны выѣхать на состязаніе. Сатана, мать Сосрыко, навязываетъ на хвостъ коню сына колокольцы; конь подъ Тотырешемъ взбѣсился, разнесъ и убилъ Тотыреша. Ср. съ эпизодомъ о испуганномъ быкѣ въ Гэсэрѣ, сбросившемъ съ себя Сарагалъ-ноёнъ-хана (ср. Die Thaten, 33; Очерки, VI, 250). Въ одномъ изъ сказаній о Сосрыко является имя Сартакъ (Ахсартагъ; Сборникъ св. о кавк. горц., V, 2), форма, которая во внутренней Азіи спаривается съ формой Кэзэръ (Сартактай-Кэзэръ). См. Оч., IV, 286, 840.

Святогоръ примѣриваетъ гробъ по своему тѣлу, ложится въ него, и гробъ запечатывается на вѣки. Святогоръ совѣтуетъ Ильѣ муромцу прислонить голову къ гробу, но еслибъ Илья послушался, онъ умеръ бы. Акъ-кобокъ наѣзжаетъ на вырытую могилу, кидаетъ въ нее свой панцырь и, убѣдившись, что могила приготовлена для него, ложится въ нее. Его погребаютъ [1]). Коварный совѣтъ противника также есть, но онъ приведенъ отдѣльно, ранѣе. Умирающій Мангушъ совѣтуетъ Акъ-кобоку наклониться, но тотъ не послушался, а то бы умеръ. Этой озирисовской темы нѣтъ въ Гэсэрѣ, но что она могла быть въ прежнихъ редакціяхъ, факты, располагающіе вѣрить въ это, есть. Черты миѳа объ Озирисѣ въ раздробленномъ видѣ и въ цѣломъ встрѣчаются въ нынѣшнихъ сказкахъ Монголіи и Сибири; ср. Очерки, IV, стр. 583, сказка качинскихъ татаръ о Хангаваѣ; въ Запискахъ Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 1, сказка «Алтанъ-сэсэкъ и его сестра» (гробъ съ покойникомъ, врубленный въ рогъ оленя, стр. 59). Въ Гэсэрѣ есть эпизодъ о Кала-мэмбырѣ, который упалъ въ море (не брошенъ ли Желѣзнымъ Асыномъ?); мясо съ его костей свалилось, но его мать, Ане-гома, собираетъ свалившееся мясо, подобно тому, какъ Чечинъ-кызъ собираетъ кости Хангавая. Передъ своей борьбой съ Асыномъ Каламэмбыръ встрѣтилъ человѣка [2]) съ ношей, съ желѣзнымъ ящикомъ, въ которомъ былъ скрытъ Желѣзный Асынъ; этотъ эпизодъ однако не развился ни въ разсказъ о земной тягѣ, ни въ примѣриваніе гроба. Мутилизація въ сказкѣ о Хангаваѣ передана въ видѣ того, что Чечинъ-кызъ не находитъ одного сустава, потерявшагося въ морѣ. Ср. въ сказаніи о Ельбекъ-ханѣ; у него отстрѣленъ мизинецъ (Алт. Тобчи, 157; Сананъ-Сэцэнъ, 143); но надъ Чингисомъ было совершено оскопленіе [3]); эта черта въ Чингисѣ дополняется опущеніемъ въ море; онъ или его мать, беременная имъ, въ бочкѣ брошены въ море (Radloff, Proben, III, 83). Другой разсказъ о Чингисѣ: онъ самъ прячется въ водѣ; но и этотъ эпизодъ, повидимому, принималъ видъ насильственнаго погруженія въ воду; ср. киргизское преданіе о Есекенѣ (Оч., II, 149). Впрочемъ сидѣніе Чингиса въ водѣ не влечетъ за собой смерти.

Кодонъ протыкаетъ копьемъ тѣло Акъ-Кобока насквозь. Израненный и продырявленный копьевыми ранами, Кобокъ напоминаетъ Мунго въ Гэсэрѣ и Иринъ-сайна (Оч., IV, 449), которые со стрѣлой или копьемъ въ груди разъѣзжаютъ по степи. (Жалобы и обращенія Мунго къ животнымъ ср. съ картиной умирающаго Сосрыко, Сборн. о кавказск. горцахъ, V, 9). У Рашидъ-эддина, II, 39: Хаданъ-бахадуръ и Моторъ-бахадуръ устроили поединокъ на мѣстѣ Беранъ-сенгданъ; Хаданъ прокололъ Мотора. Моторъ долго страдалъ; потомъ еще сразились въ мѣстѣ Юла-илакъ и Керъ-илакъ. У Радлова, Prob., IV, 66 въ сказкѣ объ Акъ-кобокѣ упоминаются мѣста «большая вода Kürlak» и «большая вода Scharlak».

Эти формы: Хаданъ, Кодонъ, Кидэнъ (у Радлова Ködön kan, IV, 69; Ködön pi, I, 226; Kidän chan, IV, 182), Котянъ можно еще умножить; въ Монголіи я записалъ былину о Хадынъ-дзюгэ и Ховугу (Оч., II, 386), которая можетъ быть принята за варіантъ тюркской объ Акъ-кобокѣ; въ Алтаѣ г. Радловъ записалъ еще одинъ варіантъ ея же, въ которомъ герой называется Адынъ-торо-алактай (Radl., Proben, I, 286). Сюжетъ ихъ тотъ же, что въ русской былинѣ о

---

[1]) Я думаю, что были редакціи, которыя заставляли ложиться въ гробъ не Кобока, а Кидана. Это на томъ основаніи, что тобольскіе татары древнія чудскія могилы и другіе остатки древности приписываютъ народу киданъ, а объ этихъ могилахъ самое распространенное повѣрье, что онѣ сложены людьми, которые сами себя зарыли въ землю. О приведенномъ татарскомъ преданіи см. у Миллера, Опис. Сибирск. царства, стр. 11 и 12. Легенда о заранѣе приготовленной могилѣ у киргизъ отнесена къ Хорхуту; см. Труды Вост. Отд. И. Археол. Общ., ч. IV (Спб., 1859); стр. 283; ср. Очерки, IV, 847. По одному показанію это святой, по другому первый шаманъ.

[2]) Человѣкъ этотъ названъ китайцемъ. Не потому ли, что въ тюркской редакціи стояло Киданъ?

[3]) О сближеніи Чингиса съ Ельбекъ-ханомъ см. ниже въ примѣчаніяхъ къ № 56.

Иванѣ Годиновичѣ—измѣнница сестра; только роли Ивана Годиновича соотвѣтствуетъ не Кидэнъ или Кодонъ, а Кобокъ, за исключеніемъ алтайской, въ которой роль Адына совпадаетъ съ Иваномъ Годиновичемъ.

Киргизы по одному показанію (Оч. IV, 14) своимъ предкомъ считаютъ Котана. Не есть ли эта форма эпонимъ народа Киданей?

Угонъ лошадей—часто встрѣчающаяся тема въ азіатскихъ сказаніяхъ. Она находится въ сказаніи о Чингисъ-ханѣ или Темучинѣ. Изъ дома Темучина Тайджіуты угнали восемь лошадей. Темучинъ отправился возвращать ихъ; дорогой къ нему называется въ товарищи Богорчи (Боорчи), сынъ Лаху-Баяна; когда они возвратились съ отнятымъ табуномъ, Лаху-баянъ, глядя на Темучина, смѣялся, а обратившись въ сторону плакалъ. Эта послѣдняя черта встрѣчается въ сказкахъ (Оч., IV, 397; Radloff, Prob., I, 93; Записки Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по эти., т. I, в. 1, стр. 35; А. Н. Веселовскій, Южнорусск. былины. III, 4; Die Thaten, 89; см. также выше, въ тангутской версіи объ отцѣ Гэсэра, Сандарачи, стр. 28), и иногда означаетъ, что въ семействѣ того лица, которое смѣется и плачетъ, есть обреченный на смерть. Такъ въ помѣщенной въ Оч., IV, № 115 (стр. 397) проходящій мальчикъ берется заступить мѣсто обреченнаго на съѣденіе Оролынъ-мангысу, надѣваетъ платье обреченнаго и убиваетъ чудовище. Угона лошадей въ этой сказкѣ нѣтъ, но есть эпизодъ о томъ, какъ мальчикъ убиваетъ Ирея, который повадился ходить въ табунъ и пожирать скотъ. Въ сказкѣ у Радлова (Prob., I, 93; тутъ же соединеніе смѣха и слезъ) герой Алтанъ-сайнъ-суюэ съ товарищемъ Анй-солымъ ѣдетъ воровать 7 жеребятъ; Анй-солымъ, подобно Богорчи, самъ называется въ товарищи. Имена этой сказки также приводятъ насъ къ Чингису; Самучинъ лошадь у Чингисъ-хана по Алтанъ-тобчи, 133; у Сананъ-сэцэна, 75, она названа Сайнъ-самучинъ; см. Рашидъ-эддинъ, примѣч. Березина, 282. Эти связи сказанія о Темучинѣ съ указанными сказками даютъ поводъ думать, что о Чингисѣ былъ разсказъ, въ которомъ или онъ самъ замѣщалъ обреченнаго на гибель или кто-то его замѣстилъ. Миллеръ приводитъ слѣдующій разсказъ одного монгольскаго ламы: Ханъ Бадарингой-Цаганъ-тынгыри [1]) (или Галданъ-дугэръ-хаганъ) разболѣлся; Шигемуни явился въ видѣ ламы и объяснилъ, что болѣзнь наслана за незнаніе закона и прекратится, если ханъ посвятитъ въ духовное знаніе своего сына съ девятью знатными служителями. Но тѣ бѣжали изъ государства, покорили встрѣченный ими народъ и царевича избрали ханомъ. Нужно было по обычаю дать имя новому хану; прилетѣла птица и стала кричать: чингисъ! чингисъ! Поэтому и дали ему имя. А прежде его имя было Суту-богдо. (Описаніе сиб. царства, Спб., 1750, стр. 5).

Въ Юань-чао-ми-ши можетъ быть искаженіе той же легенды: разсказывается о Толуѣ, замѣстившемъ собою заболѣвшаго Огодая (стр. 154) [2]). Если подобный разсказъ былъ редактированъ такъ, что самому Чингису угрожала опасность, тогда нужно искать, кто его замѣстилъ? Можетъ быть Богорчи? Потомки Богорчи за заслуги своего предка получили право оберегать гробницу Чингисъ-хана (Позднѣевъ, Монг. лѣт. Эрд. эрихэ, стр. XXIX). Въ Ордосѣ гробницу Чингисъ-хана оберегаютъ тархаты, а слово тарханъ (множ. ч. тархатъ) часто соединяется съ сказаніемъ о человѣкѣ, исцѣлившемъ хана или пожертвовавшемъ собою вмѣсто него (см. ниже прим. къ ст. Пай-джянь-джюнь, № 55). По Абульгази тарханомъ называется человѣкъ, свободный отъ податей; онъ имѣетъ доступъ къ хану и не подвергается наказанію, пока не совершитъ десять винъ (Hist. des Mogols et des Tatars, par Aboul-ghazi, trad. par Desmaisons, 1874, p. 58); сходнымъ правомъ по народному повѣрью пользуются тайджи; тайджи'ямъ одна вина прощается и карается только вторая (Оч., II, 25). Всѣ тайджи считаютъ себя Борджигитами; не значитъ ли это, что Богэрчи (Боорчи) предокъ Борджигитовъ?

Угонъ лошадей составляетъ содержаніе калмыцкаго сказанія о Джангарѣ (Вѣстн. И. Р. Г. Общ., 1854, кн. 12, переводъ Бобровникова; B. Bergmann, Nomad. Streifereien). Семь богатырей Замбалъ-хана угнали табунъ Джангаръ-хана; пастухъ Аксагалъ-бадай, прокарауливший табунъ, прокололъ себя стягомъ изъ таволги и умеръ (пастухъ и въ Иринъ-сайнѣ назыв. Ахъ-сагалъ, что

---

[1]) Ср. Будургу-саганъ-тэнгэри (Агапитовъ и Ханталовъ, «Матеріалы», стр. 3); будургу «мелкій снѣгъ». Въ Алт. Тобчи, стр. 120: Бадай-Цаганъ отецъ Тему-чина (не Чингиса, а его предка).

[2]) Но есть также разсказъ о болѣзни самого Толуя; нѣкто по имени Сэлигисы излѣчилъ его и получилъ за это отъ Чингисъ-хана званіе тархана. См. Восточн. Сборникъ, Спб., 1877 г., т. I, стр. 9.

*

по тюркски значитъ «бѣлая борода»; Оч., IV, 435; см. также ibid., стр. 416). Два богатыря Сабаръ и Уланъ-хонгоръ на конѣ Аранвула заворачиваютъ табунъ въ то время, какъ онъ переплываетъ море; они убиваютъ семь богатырей Замбалъ-хана, отрубаютъ имъ головы и привязываютъ къ ихъ конямъ, и этихъ коней направляютъ за море.

Угонъ лошадей включенъ также въ легенду о Чжумынѣ (о. Іакинѳъ, Собр. свѣд. о народ. Средн. Азіи, II, 55). Но ближе всего къ редакціи Гэсэра угонъ описанъ въ дюрбютской былинѣ объ Иринъ-сайнѣ (Оч., IV, 444); тутъ разсказывается (какъ и въ тангутскомъ сказаніи, стр. 17) и то, что одна лошадь притворяется слабой, отстаетъ отъ табуна и старается возвратиться домой.

Ср. также кавказское сказаніе объ угонѣ лошадей у Тлебицы (Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, в. XII (Тифлисъ, 1891), стр. 51). Нарты подъ предводительствомъ князя Несренжаке (въ другихъ варіантахъ Насранжаке) пришли къ Идылю, чтобы отогнать табуны Тлебицы, пасущіеся за рѣкой, но не знаютъ брода. Мальчикъ Ашемезъ узнаетъ во время игры въ бабки, что отецъ его убитъ; онъ открываетъ имя убійцы, заставляя мать сказать тайну, зажавъ ея руки съ горячимъ ячменемъ; это Тлебица. Ашемезъ указываетъ нартамъ бродъ и принимаетъ участіе въ угонѣ лошадей. Одинъ конь успѣваетъ вырваться и тщетны усилія нартовъ завернуть его. Конь убѣгаетъ къ Тлебицѣ, который садится на него и выѣзжаетъ на встрѣчу Ашемезу. Происходитъ поединокъ. У Тлебицы жена Бэдуху, отъ дыханія которой заживаютъ раны какъ у Тлебицы, такъ и у коня. Ср. съ тангутской ан-дурсы.

Муравьи (стр. 2); см. № 92; о царѣ муравьевъ см. Записки Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 1, стр. 36, 42, 119. Царь муравьевъ въ сборникѣ Рыбникова (IV, 245) отмѣченъ Л. Н. Майковымъ (Журн. Мин. Нар. Пр., 1868, май, стр. 630).

Шулмусъ въ качествѣ повивальной бабки (Die Thaten, S. 18; Очерки, IV, 252). Мой ордосскій разсказчикъ называлъ этого шулмуса: Ямаганъ-шолмо. Ямаганъ не эмэгэнъ ли, «старуха»? Мѣсяцъ и солнце во время затменія поглощаетъ злой духъ, по повѣрью аларскихъ бурятъ Раха-шолмо (Вост. Об., 1887, № 50, стр. 13). Не приписывалось ли той же Раха-шолмо и исчезаніе мѣсяца во время новолунія, которое въ сказаніяхъ представляется въ видѣ родовъ?

Гэсэръ въ горлѣ Чика-арасу (стр. 6). Въ киргизской сказкѣ въ горлѣ у чудовища ежъ, керпекъ-шешенъ (Оч., II, 146); въ бурятской также ежъ, заря—азарга (Агапитовъ и Хангаловъ. Матеріалы о шаманствѣ въ Извѣст. Вост. Сиб. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ., т. XIV, №№ 1—2 стр. 21, 22). Ср. также №№ 11 и 51 (Уйленъ ханъ и Суу-хунъ-ву). Въ другой киргизской сказкѣ байгусъ (сова) спасаетъ птицъ предложеніемъ свить веревку изъ масла и поймать лучъ, тема, находящаяся и въ бурятскомъ сказаніи о Заря-азарга (ежѣ). Уйленъ-ханъ ср. съ монгольскимъ уйль, «сова». Въ бурятской сказкѣ разсказывается: идетъ Заря-азарга (ср. Джоро-Гэсэръ-ханъ) между быками и быки разбѣжались, увидѣвъ ежа; за это онъ осудилъ ихъ вѣчно носить тяжести и быть подъ ярмомъ; подходитъ Заря-азарга къ табуну лошадей и лошади, испугавшись, разбѣжались; Заря-азара осуждаетъ ихъ носить на головѣ узду, на шеѣ хомутъ, на спинѣ сѣдло и на ногахъ путы и возить человѣка и тяжести (Агапитовъ и Хангаловъ, ibid., 58). Это, очевидно, легенда о первомъ укрощеніи домашнихъ животныхъ; въ Оч., II, 167: укрощеніе верблюда (теменъ) приписано безъимянному хану, ставшему потомъ гэгэномъ, который первый продѣлъ ему въ носъ буйль. Ср. № 29: верблюда укрощаетъ Абатай.

У о. Іакинѳа (Собр. свѣд. о народ. Средн. Азіи, II, 55, 98) исторія о Чжумынѣ: Фуюйскій государь женился на дочери божества Хэ-бо (бога рѣки) и заперъ ее въ комнатѣ, но отъ солнечнаго луча она зачала и родила яицо, которое бросили собакамъ и свиньямъ, но онѣ его не тронули; яицо бросили на дорогу, но лошади его обходили; бросили яицо въ поле, птицы его прикрывали пухомъ. Царь отдалъ яицо матери; изъ него вылупился мальчикъ Чжумынъ. См. о немъ выше на этой же страницѣ и ниже примѣчанія къ № 72; ср. также съ № 23 (Егъ-Таму-яцо), въ Оч. IV, № 181 (Хэрэкъ-Кирвэсъ, стр. 602) и въ настоящемъ изданіи, въ тангутскомъ варіантѣ Гэсэра, 38 и 48. Можетъ быть танецъ двухъ масокъ азарà во время цама [1]), изображающій, какъ намъ говорили въ Амдо, вьючку животнаго, находится въ связи съ легендой о первомъ укрощеніи животныхъ, которое древній человѣкъ вѣроятно приписывалъ божеству.

Добываніе богатырскаго коня Гэсэромъ (стр. 8) имѣетъ свои параллели въ сказкахъ о

[1]) Цамъ—буддійская религіозная пляска.

Ирингъ-сайнѣ (Оч., IV, 438), въ русской объ Урусланѣ Зальазаровичѣ и въ бурятской о Ханъ-Гужирѣ (Записки Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по эти., т. I, в. 1, стр. 63). Конь Уруслана Зальазаровича назывался «вѣщій Арашъ», «отъ водяныхъ коней прирожденіе»... Во внутренней Азіи жили повѣрья объ особой породѣ лошадей; объ этомъ см. у о. Іакинѳа, Собр. свѣд. о народ Средн. Азіи, II, стр. 4 и 22. Въ государствѣ Давань въ городѣ Эрши были прекрасныя лошади, назыв. аргамаки. Эти лошади имѣли кровавый потъ и происходили отъ породы небесныхъ лошадей. Въ Хань-шу-инь-и сказано: Въ Давани высокія горы. На этихъ горахъ водятся лошади, которыхъ невозможно достать; почему выбираютъ пятишерстныхъ кобылицъ и пускаютъ при подошвѣ горъ для случки съ горными. Отъ этихъ кобылицъ родятся жеребята съ кровавымъ потомъ и потому называются жеребятами породы небесныхъ лошадей. Даваньскій государь не далъ китайскому императору этихъ лошадей и потому былъ посланъ генералъ Ли-гуанъ-ли съ большимъ войскомъ потребовать небесныхъ лошадей; генералу было дано имя Эрши-гянь-гунь (Эршыскій); т. е. онъ долженъ былъ дойдти до города Эрши и взять лошадей. Ли-гуанъ-ли достигъ до столицы Даваньскаго царя, осадилъ ее и отвелъ воду отъ города. Даваньцы выдали ему лошадей небесной породы. Во время отсутствія Ли-гуанъ-ли его жена была обвинена въ колдовствѣ и его семейство было посажено въ темницу. Ли-гуанъ-ли или, какъ пишетъ о. Іакинѳъ, Эршыскій остался въ Монголіи, гдѣ хуннускій шаньюй Хулугу женилъ его на своей дочери и оставилъ при себѣ; прежній любимецъ хана Вэй-люй долженъ былъ уступить ему свое мѣсто, но потомъ ему удалось подорвать благосклонность хана къ Эршы. Случилось, что заболѣла мать царицы; волхвъ, подученный Вэй-люемъ, сказалъ, будто бы по вдохновенію прежнихъ шаньюевъ, что взявъ Эршы въ плѣнъ, слѣдовало принести ему жертву. Вслѣдствіе этого «закололи Эршыскаго, чтобъ принести жертву ему». Сряду нѣсколько мѣсяцевъ шелъ снѣгъ, произошли вслѣдствіе этого падежъ скота и болѣзни между людьми и хлѣбъ не созрѣвалъ. «Шаньюй пришелъ въ страхъ и построилъ храмъ для жертвоприношенія Эршыскому» (стр. 55).

О тѣхъ же конях, повидимому, говорится по поводу царства Тухоло (ibid., стр. 255): На сѣверѣ есть гора Поли. Въ пещерѣ на южной ея сторонѣ есть божественный конь. Жители пригоняютъ къ горѣ пасти кобылицъ и отъ этихъ кобылицъ происходятъ потокровныя лошади.

Въ позднѣйшее время подобное повѣрье связывается съ оз. Хуху-норъ: Въ древности озеро славилось превосходными пестрыми лошадьми драконовой породы, разводомъ которой спеціально занимались Тогонцы, по свѣдѣніямъ исторіи Вэй; однако порода эта прекратилась еще при Суйской династіи. Тогда сдѣлали попытку пустить кобылицъ на острова озера, но приплода не получилось. Успенскій, «Страна Кукэноръ» въ Зап. И. Р. Геогр. Общ. по эти., т. VI (Спб., 1880), стр. 64. Потье, въ примѣчаніяхъ къ Марко-поло, приводитъ китайское извѣстіе о чудесахъ западныхъ странъ, доставленное въ Монголію вѣстникомъ царевича Гулагу послѣ завоеванія Персіи: «Есть родъ лошади-дракона (loûng-tchoûng-mà); ее производитъ западное море; она имѣетъ чешую и рога. Когда кобыла имѣетъ жеребенка, ее не пускаютъ вмѣстѣ съ морскими лошадьми, потому что послѣднія уводятъ ихъ въ море». Pauthier, Le Livre Marco Polo, I, introduction, CXLVIII.

Эти разсказы относятся, можетъ быть, къ настоящимъ аргамакамъ, но къ нимъ примѣшаны повѣрья о свойствахъ сказочныхъ богатырскихъ лошадей въ родѣ той огненной Янь-чжи-ма, на которой могъ ѣздить только китайскій герой Гуань-инъ (Гуань-лао-ѣ).

Гэсэръ подбросилъ колючку подъ ноги коня Чотона (стр. 8); конь охромѣлъ и Чотонъ отсталъ. Ср. въ Очеркахъ, IV, 421: Эртене-мергенъ портитъ ногу коня своего брата Атучи-Аксага-ашяка. Атучи принужденъ отстать. Въ башкирской сказкѣ шестьдесятъ товарищей вколачиваютъ 60 гвоздей въ ноги коню богатыря Туляка (Вѣстн. И. Р. Геогр. Общ., 1858 г., ч. XXIV, смѣсь, стр. 66).

Употребленіе стрѣлъ вмѣсто дровъ (стр. 12, 70; Die Thaten, 74) разсказывается также въ сказаніи о Шуно (Записки Вост. Сиб. Отд. Геогр. Общ. по эти., т. I, в. 2, стр. 36; Оч., IV, 309).

Гэсэръ въ ямѣ у очага въ домѣ Дыря (стр. 25, 39 и 43); ср. со сказкой о хитромъ Тарданакѣ у Радлова, Proben, I, 28 и другими сходными.

Противникъ, обманомъ принужденный оглянуться и убитый въ это время (эпизодъ о Каламбырѣ и Желѣзномъ Асынѣ, стр. 21), встрѣчается въ разсказѣ о Гуань-лао-ѣ, см. № 54 и въ бурятск. сказкахъ (Зап. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по эти., т. I, в. 1, стр. 34).

Эпизодъ съ коровой и вопросы: ты чего боишься? (стр. 23) ср. съ сказкой о Балынъ-сенге, Оч., IV, 241 и 243.

Гэсэръ накормилъ Чжарсея однимъ ребромъ мыши (стр. 33): Въ Шмидтовскомъ Гэсэрѣ (Die Thaten, стран. 58) и въ сказкѣ Вухотъ-хуре, Оч., IV, № 114, та же тема получила иной видъ.

Гэсэръ въ концѣ сказки слѣпнетъ (стр. 37); слѣпота въ соединеніи съ осконленіемъ часто является въ сказаніяхъ о кровосмѣшеніи. Встрѣча съ дочерью Кунигъ-джану и разломанная серьга не указываютъ ли на то, что Гэсэръ и эта царевна были братъ и сестра? Вѣроятнѣе проще предположить, что дочь Куныга была жена Гэсэра, которую онъ отыскивалъ.

Смерть Гэсэра отъ наступа Кала-мэмбыра (стр. 38) не мотивирована. Можетъ быть этотъ эпизодъ былъ прежде ближе къ разсказу о смерти Козая отъ Темиръ-бая (Radloff, Proben, III, 128).

Подобно тому, какъ рядомъ съ Чингисъ-ханомъ-Темучиномъ встрѣчается форма Урусъ, Барсъ, въ монгольскихъ варіантахъ Гэсэра (такъ наприм. въ варіантѣ, который я слышалъ въ Ордосѣ) упоминается богатырь Барсъ. Въ Шиддикурѣ глава XXIII содержитъ разсказъ о матери Гэсэра; сказка кончается заявленіемъ, что она родила четырехъ сыновей; одинъ изъ нихъ Гэсэръ, другой Барсъ-Ирбисъ (Эти. Сб., VI, стр. 102).

Одна изъ женъ Гэсэра въ монгольскомъ варіантѣ называется Тумэнъ-джиргалангъ; Тумэнъ встрѣчается и въ новѣйшихъ сказкахъ; въ тюркской сказкѣ небесная дѣва Тэнэнъ-ногонъ жена богатыря Кэрэса (Оч., IV, 613); въ бурятскихъ космогоническихъ преданіяхъ небожитель (тэнгиръ) Гужиръ имѣетъ женою небесную дѣву Тумэ-Ногонъ-духэ» (Агапитовъ и Хангаловъ, Матеріалы о шаманствѣ, Изв. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ., т. XIV, № 1—2, стр. 3). Сказку о Гужирѣ я сближалъ съ Гэсэромъ въ своей статьѣ о Гэсэрѣ, помѣщенной въ «Вѣсти. Европ.», сент. 1890 г.

Въ тангутскомъ варіантѣ упоминается Желѣзный Асынъ; по нашему мнѣнію, это Темиръ-бай киргизской сказки (Radloff, Prob., III, 128). Темиръ-бай убиваетъ Козая; если выправить тангутскій текстъ по киргизскому, т. е. если въ Гэсэрѣ видѣть Козая, а враждебныя Козаю силы, Джангбыршы'я и Темиръ-бая, представить замѣненными Кала-мэмбыромъ, то слѣдовало бы сказать, что Кала-мэмбыръ убилъ Гэсэра. Можетъ быть Кала-мэмбыръ и Желѣзный Асынъ есть раздвоеніе одного и того же персонажа.

Кала-мэмбыръ есть одинъ изъ трехъ братьевъ Гэсэра. Въ тюркскихъ сказкахъ упоминаются три брата: Амурсана, Темирсана (Тамурсана) и Шуно (Radloff, Prob., I, 206; Оч., IV, 667); въ сказкѣ объ этихъ братьяхъ содержится тема о богатырѣ, посаженномъ въ погребъ или яму; это заточеніе богатыря мотивировано яснѣе, чѣмъ въ эпизодѣ о Кала-мэмбырѣ.

Тема о уязвимости одного только небольшого пятна на тѣлѣ связана съ именами: Темиръ-могусъ (Оч., IV, 378; уязвимое мѣсто пупъ; тутъ же рядомъ другая форма: Амырга-могусъ); Галданъ-бошко, ibid., 410; Анъ-Аджырга (въ якутской сказкѣ; уязвимо мѣсто противъ сердца; (см. Живая Старина, II, стр. 176). Ср. также въ Очеркахъ, IV, 607: Хэрэкъ-кирвесъ убиваетъ желѣзнаго оленя (темиръ-сынъ), у котораго уязвимы только два пятна, одно на лбу, другое между стегнами. Повидимому этотъ-то Темиръ-сынъ и явился въ тангутской версіи подъ именемъ Желѣзнаго Асына. Это свидѣтельствуетъ о тюркскомъ происхожденіи тангутскаго Гэсэра. Полярная звѣзда у хухунорскихъ олётовъ называется Алтынъ-хасынъ, у волжскихъ калмыковъ алтынъ-гасунъ, «золотой колъ»; но у другихъ степныхъ народовъ та же звѣзда называется «желѣзный колъ», что по олетски будетъ темуръ-хасынъ. Вѣроятно Желѣзный Асынъ, обратившійся въ камень посреди моря, есть не что иное, какъ Полярная звѣзда, Темуръ-хасынъ.

Въ имени Мэмбыръ *б* можетъ быть вставное. Широнголъ-монголы слово амыраху, «отдохнуть», произносятъ амбыраху; буряты и халхасцы гору Сумеру назыв. Сумбуръ; киргизы монгольское суме, «храмъ» произносятъ сумбе. Если сообразно съ этимъ исправить имя Кала-мэмбыръ, мы получимъ Кала-мэмыръ. Въ киргизскихъ преданіяхъ есть форма Мамыръ-ханъ; мы сближали ее съ алтайской бобырганъ (Оч., IV, 802), «летяга»; въ киргизскомъ преданіи, Мамыръ-ханъ бросаетъ въ воду своего врага Есекеня. Не было-ли въ тюркскихъ сказкахъ темы: Есекень бросаетъ въ воду Мамыръ-хана? Въ тангутскомъ Гэсэрѣ Кала-мэмбыръ превращается въ скалу, которая стоитъ на берегу моря (океана?) и карауллитъ, чтобъ оно не вышло изъ береговъ. Въ другихъ сказаніяхъ эта черта находится въ связи съ представленіями о летучей мыши, которая поддерживаетъ міръ (См. Liebrecht, Zur Volkskunde, S. 108; Очерки, IV, 768). Мой разсказчикъ Гэсэра, тангутъ Ами-Салунъ, говорилъ, что эту скалу указываютъ на дорогѣ изъ Амдо въ Лассу. Это несомнѣнно та гора, которая указывается со словъ одного китайскаго географическаго сочи-

нія о. Іакинѳомъ (Исторія Тибета и Хухунора, Спб., 1833, ч. II, стр. 181) около озеръ, дающихъ начало Желтой рѣкѣ и которая называется Алтань-гасу-цилу; китайскій авторъ переводитъ: гасу значитъ Полярная звѣзда, цилу «камень». Желѣзный Асынъ, по словамъ Ами-Салуна, теперь виденъ подъ образомъ скалы въ серединѣ озера. Очевидно, тутъ имѣемъ тему въ родѣ бурятской о Шаманскомъ камнѣ въ истокѣ Ангары (Зап. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 1, стр. 109) и тангутской объ островѣ на озерѣ Хухуноръ; въ обоихъ послѣднихъ случаяхъ скала служитъ затычкой, удерживающей изліяніе воды изъ нѣдръ земли. Полярная звѣзда въ осетинскомъ называется Аксакъ-Темуръ, въ киргизскомъ Темиръ-казыкъ «желѣзный колъ». Объ Аксакъ-Темурѣ есть осетинскія, о Темуръ-хенгѣ восточныя сказанія: это сынъ (царя), котораго отецъ въ дѣтствѣ увѣчитъ, чтобъ убавить его необыкновенную быстроту въ бѣгѣ, или по другой причинѣ (см. Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. VIII, ст. «Ингуши», стр. 20; Radloff, Proben, IV, 307; Гакстгаузенъ, Закавказскій край, I, 158). Подобная тема и о Шуно (Padloff, Prob., I, 206; Оч. IV, 309), братѣ Темиръ-саны. Повидимому Шуно и Темиръ-сана раздвоеніе одного и того же имени. Если второй членъ сана есть не что иное, какъ шуно, то все парное (темиръ-шуно) въ переводѣ будетъ значить «желѣзный волкъ».

Эпизодъ о черепичной крышѣ (стр. 81) ср. съ разсказомъ въ Бодиморѣ, переведеннымъ Шмидтомъ (Gesch. d. Ost-Mongolen, S.-Pb., 1829, стр. 342). Дара-экэ приглашаетъ тибетскаго царя Сронцзанъ-Гомбо войдти въ дверь ея дворца, но царь видитъ передъ собой разлившуюся воду и не смѣетъ двинуться впередъ. Дара бросаетъ на мнимую поверхность кольцо; оно покатилось, какъ по льду. Оказалось, что земля передъ дверями дворца была обращена въ хрусталь.

Вставленный въ тангутскій варіантъ B (стр. 40) разсказъ о Гэсэрѣ, прогнѣванномъ и проходящемъ изъ утробы Самба-гарву въ утробу оленя, явился вѣроятно подъ вліяніемъ сказки о мальчикѣ съ пальчикъ (монгольскій варіантъ ея помѣщенъ въ Очеркахъ, IV, 923). О параллеляхъ этой сказки съ миѳомъ о Гермесѣ и о пріуроченіи ея героя къ одной изъ звѣздъ Большой Медвѣдицы см. въ статьѣ Гастона Париса (Gaston Paris, Le Petit Poucet) въ Mémoires de la société de linguistique de Paris, T. I, fascicule 4 (Paris, 1871), стр. 372. Темы Гермеса въ Гэсэрѣ: 1) Гэсэръ ребенокъ дѣлаетъ лукъ и стрѣлу изъ несоотвѣтственнаго матеріала (см. выше стр. 42); это можно приравнять къ дѣланію струннаго музыкальнаго инструмента; 2) циническое поведеніе на рукахъ царя (въ бурятскомъ варіантѣ).

Purûravas и Urvaci (см. Pischel u. Geldner, Vedische Studien, Stuttgart, 1889): Viçvâvasu и гандарвы хотятъ разлучить Пурураваса и Урваши; съ этою цѣлью они воруютъ ночью ягненка, привязаннаго у ложа Урваши; жена слышитъ шумъ, будитъ мужа, но онъ боится встать, потому что Урваши не разлучается съ нимъ только подъ условіемъ, чтобъ онъ не показывался ей нагимъ. Гандарвы воруютъ другого ягненка; Пурураваса встаетъ съ ложа, гандарвы производятъ молнію и освѣщаютъ нагое тѣло Пурураваса. Урваши исчезаетъ. Въ монгольской версіи: Гэсэръ посѣщаетъ своихъ женъ (изъ которыхъ одна назыв. Тюменъ-Джиргаланъ) только ночью. Чотонъ хочетъ разлучить ихъ; совѣтъ, что для этого сдѣлать, онъ получаетъ отъ духа пещеры. Чотонъ подговариваетъ одного пастуха и тотъ подвѣшиваетъ сначала къ дверямъ три посудины съ кровью, виномъ и кислымъ молокомъ, затѣмъ ночью, когда были потушены лампы, кричитъ: «госпожа! телята сосутъ!» Сколько? спрашиваетъ Тюменъ-Джиргаланъ. На отвѣты пастуха сначала «сто», потомъ «тысяча», она не встаетъ. Но когда онъ говоритъ: «всѣ», она бросается въ двери. Жидкости проливаются и она должна оставить Гэсэра (Die Thaten, 115—119). Въ народныхъ монгольскихъ разсказахъ тема о ночныхъ посѣщеніяхъ стоитъ въ связи съ летучей мышью (Оч., IV, 174, 175).

Имена летучей мыши ни въ тюркскихъ, ни въ монгольскихъ нарѣчіяхъ не даютъ формы, очень близкой къ имени жены Гэсэра Тюменъ-джиргаланъ или къ его собственному имени. На Енисеѣ встрѣчается тюркское джергашъ; западнѣе въ Алтаѣ джерганатъ; это послѣднее распространяется на з. до Волги (ярганатъ у каз. татаръ). По бурятски летучая мышь урмушѳ или хурмушѳ; у якутовъ urumichi. Въ тангутскомъ сказаніи (см. ниже, № 87) ночной посѣтитель Оріонъ, посѣщаемая женщина Плеяды (ср. съ примѣчаніемъ къ этому №). Джерканатъ по алтайскому сказанію (повидимому первый) шаманъ (Оч., IV, 169); по якутскому первый шаманъ Аргыхъ (Изв. Вост. Сиб. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ., т. XV, № 3—4, стр. 64); распаденіе Аргыха на гады сближаетъ эту фигуру съ Плеядами (по якутски Юргялъ), о которыхъ подобное разсказывается въ монгольскихъ сказаніяхъ (Очерки, IV, 203). По бурятски аргаланъ «левъ» и «слонъ» (Записки Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ., по этн., т. I, в. 1, стр. 119; в. 2, стр. 72).

Еще въ своихъ Очеркахъ, IV, я указалъ на вставку въ сказаніи о Гэсэрѣ изъ животнаго эпоса о летучей мыши; именно жены Гэсэра, желая узнать, куда онъ удаляется ежедневно, находятъ его въ обществѣ боговъ по ниткѣ, привязанной къ его одеждѣ; такимъ же образомъ жена летучей мыши, посѣщающей свою подругу только по ночамъ, по привязанной ниткѣ узнаетъ ее въ собраніи птицъ. Можетъ быть въ связи съ этой вставкой стоятъ нѣкоторыя имена, встрѣчающіяся въ Гэсэрѣ: Мандзанъ-Гёрмё, Ханъ-Тюрмасъ. Именемъ Мандзанъ-Гёрмё называется бабушка Гэсэра; оно похоже на Андзынъ-Хурумчи (Очерки, IV, 244), имя хитраго обманщика въ бурятскихъ сказкахъ, второй членъ котораго близокъ къ бурятскому имени летучей мыши: хурмуше [1]). Ханъ-Тюрмасъ повидимому то же, что монгольское Хормусту, являющееся у южносибирскихъ тюрковъ въ видѣ Гурбустенъ-ханъ, Курбустанъ или Учь-Курбустанъ. Тюркское учь, «три» явилось тутъ можетъ быть подъ вліяніемъ гурбу, «три» по монгольски [2]). Не назывался ли самъ Гэсэръ именемъ, подобнымъ Хурмуше? Въ тюркскихъ сказкахъ встрѣчаются сложныя: Кову-Курпешъ, Хэрэкъ-Кирвесъ; и то и другое имя въ связи съ темами, имѣющими отношеніе къ Гэсэру. Относительно Кэрэкъ-Кирвеса см. мою статью: «Монгольскія параллели» въ Эти. Обозр., кн. VIII (1891), стр. 163.

Богдо-Гэсэръ и сказаніе о Вавилонскомъ царствѣ (см. статью А. Н. Веселовскаго: «Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ», Славянскій Сборникъ, III, Спб, 1876, стр. 122). Параллели: 1) Змѣя, свернувшагося кольцомъ вокругъ каравана (стр. 11) ср. съ городской стѣной Вавилона въ видѣ змѣя. 2) Мечу-самосѣку соотвѣтствуетъ колчанъ съ семью стрѣлами, оставленный Богдо-Гэсэромъ для защиты жены (стр. 18); еще ближе къ этому мечу будетъ сабля кулеме-селиме, которую для защиты жены оставляетъ Эртене-мергенъ въ урянхайской сказкѣ (Очерки, IV, 424); ср. также съ саблей Богдо-Гэсэра, которая сама вылетаетъ изъ ноженъ во время его войны съ Дёлмё-ханомъ (стр. 112). 3) Пустой, вымершій Вавилонъ; замершее царство Гуменъ-хана. 4) Послы достаютъ изъ мертваго Вавилона сердоликову крабицу и знаменіе; для этого приходится лѣзть по лѣстницѣ; при возвращеніи происходитъ приключеніе; послы падаютъ отъ испуга въ безпамятствѣ. Богдо-Гэсэръ поднимается по лѣстницѣ на небо, чтобы добыть драгоцѣнности. Онъ закинутъ въ страну альбиновъ [3]) осердившейся владѣтельницей похищенныхъ эрдени. 5) Рогъ съ опьяняющимъ напиткомъ. Семь чашъ съ виномъ, поднесенныя Гэсэромъ обладательницѣ драгоцѣнностей.—Въ сказаніи о Вавилонскомъ царствѣ можно различить три эпизода: 1) дѣтство Находъ-Осора, 2) хожденіе за драгоцѣнностями и 3) войну Находъ-Осора съ Траклинскими или Долматинскими царями. 2-й эпизодъ будетъ соотвѣтствовать главѣ Гэсэра о Гумэнъ-ханѣ. 3-й—война съ Траклинскими царями—войнѣ съ тремя ширайгольскими или хорскими царями, или войнѣ съ царемъ Дёлмё. Дѣтство Гэсэра не представляетъ сходства съ дѣтствомъ Находъ-Осора, но одна сходная черта отыскивается въ бурятскомъ варіантѣ. Онъ найденышъ. Мать выбрасываетъ ребенка Гэсэра на степь и сама удаляется; его находитъ Сарагалъ-ханъ. Нѣтъ дерева (сосны), совы и козы около найденнаго ребенка. Повѣсть, давая этимологію Находъ-Осора, говоритъ, что осоръ значитъ сова. Ср. хаджиръ, большая и сильная птица изъ рода коршуновъ; Ванзаровъ, Черная вѣра въ Учен.Зап. Каз. унив., 1846, III, стр. 69. У Будагова, стр. 7: качыръ, родъ орла, баснослови. птица, живущая болѣе тысячи лѣтъ. Въ Очеркахъ, IV, 162; II, 143: орелъ по урянхайски: эсыръ. Ванзаровъ думалъ, что эта птица считалась символомъ Чингисъ-хана на основаніи одной рукописи, въ которой Чингисъ названъ: Хаджиръ-Чингисъ-тэнгри (см. Березинъ, Библ. вост. истор., Шейбаніада, стр. 19 тат. цифр.). О Чингисѣ, найденномъ младенцемъ подъ деревомъ, см. Очерки, IV, 229.

Эпизода о борьбѣ Гэсэра съ Галъ-Дёлмё-ханомъ въ Thaten нѣтъ, но онъ есть у Бергмана (Benjam. Bergmann, Nomadische Streifereien unter d. Kalmüken, Riga, 1804, Th., III, S. 252—279). Вмѣсто Галъ-Дёлмё у Бергмана Angdulmanchan; у него сто рукъ и сто глазъ. Убиваетъ его Sässä Schikär, выстрѣливъ ему въ глазъ, въ которомъ заключалась его душа. Алтайцы знаютъ Анъ-

---

[1]) Въ книжномъ сказаніи о Чингисъ-ханѣ и Таянъ-ханѣ является женскій персонажъ Гурбесу. Сказаніе заставляетъ своихъ героевъ называть ее «мать Гурбесу». Мать по монгольски эджи.

[2]) Съ монгольскимъ Хормусту нѣкоторые оріенталисты сближаютъ алтайское курмось. Въ алтайскихъ сказаніяхъ есть Камъ-Курмёсъ (Оч., IV, 328).

[3]) Альбины какіе-то злыя существа; ср. выше стр. 56 и 62; у Шмидта въ Die Thaten, 37, это Alwins; о «семи альбинахъ» говоритъ Гомбоевъ въ примѣчаніи къ Шиддикуру (Эти. Сб., VI, 87). Душа готовящагося сдѣлаться черными шаманомъ, обучается у Эрлэнъ-хана въ альбани-сулганѣ (Агапитовъ и Хангаловъ, Матеріалы, стр. 45).

далма, морское чудовище, которое было убито Тюрунъ-Музыкаемъ (Вербицкій, Словарь алтайск. и аладаг. нарѣчій, Казань, 1884, стр. 21 и 103); Тюрунъ-Музыкай или Юрунъ-Музыкай, для борьбы съ Анъ-далма-моосомъ, сошелъ на землю и родился отъ дѣвицы Ерке-Шӱдӱнъ. Галъ-Дӧлмо уязвимъ только въ одинъ глазъ; Галданъ, въ сказаніи о монастырѣ Эрдэни-дзу (Оч., IV, 410), уязвимъ только въ одно мѣсто на животѣ; какъ будто въ прежнихъ редакціяхъ на мѣстѣ Галдана стоялъ Галъ-Дӧлмӧ. Сказаніе о монастырѣ Эрдэни-дзу, кажется, есть сказаніе о похищеніи или добываніи эрдэни. Въ русскихъ сказкахъ человѣкъ, похитившій изъ мертваго города скипетръ, державу и панахиду, попадаетъ потомъ къ одноглазому великану (Садовниковъ, Сказки и пред. Самарск. края, стр. 26; Романовъ, Бѣлорусскій сборникъ, в. 3 (Витебскъ 1887), стр. 205; Добровольскій, Смоленскій сборникъ, ч. I, (Спб. 1891), стр. 150), который называется лихо одноглазое, Дѣдъ Шкуропѣтъ, Козьма Кривой.

Дӧлмӧ ср. съ тюркомонгольскими именами Зарницы (Венеры): Цолмонъ, Солмонъ, Солбонъ. Бурятское сказаніе приписываетъ Солбону увозъ чужой невѣсты (Агап. и Ханг., Матеріалы, стр. 3). Не было ли той же темы и въ разсказѣ о Дӧлмӧ?

Смерть отъ выстрѣла, сдѣланнаго по глазамъ, разсказывается также въ бурятской сказкѣ. Тасъ-хара стрѣляетъ въ глаза старухи, находившіеся у ней на колѣнахъ. Содержаніе разсказа слѣдующее: Чингисъ-ханъ, по случаю пролившейся на землю крови у подстрѣленной лисицы, узнаетъ о существованіи красавицы жены Шудурмана и идетъ отобрать ее. Но у Шудурмана есть ворчунья черная старуха (харалши хара хамага), отъ ворчанья которой отваливаются отъ скалъ каменныя глыбы. Она замѣняетъ царю войско. Убить ее можетъ Тасъ-хара, но его нѣтъ при Чингисъ-ханѣ; онъ брошенъ ханомъ въ восьмидесятисаженную яму за то, что убилъ сороку вмѣсто павлина. Тасъ-хара освобожденъ, стрѣляетъ въ старуху, попадаетъ въ глаза на колѣнахъ и убиваетъ ее (Зап. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 1, стр. 113).

Въ книжныхъ сказаніяхъ о Чингисъ-ханѣ, вмѣсто Шудурмана, тибетскій царь Шудургу, вмѣсто Тасъ-Хара Хасаръ. Хасаръ также не въ милости за то, что вмѣсто совы убилъ сороку; по приказанію хана онъ привязанъ къ оградѣ. На встрѣчу Чингисова войска отъ Шудургу-хана выходитъ старуха ракша и умерщвляетъ людей и лошадей посредствомъ заклинаній. Хасаръ освобожденъ, стрѣляетъ въ колѣно старухи и убиваетъ ее (Алт. Тобчи, стр. 140—143). У Сананъ Сэцэна эта старая волшебница названа Chara Chang и сказано, что она стояла на городской стѣнѣ (стр. 101).

Убіеніе старухи находится въ бурятскихъ сказаніяхъ о походѣ Чингиса къ Солнечному царю и о Шуно. Въ первомъ, помѣщенномъ въ Зап. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 2, стр. 130—132, у Солнечнаго царя (соотвѣтствующаго Наранъ-хану № 56 нашего собранія), дочь котораго хочетъ полонить Чингисъ, есть старуха, которая на разстояніи девяноста девяти ночей поражаетъ смертью, однимъ своимъ словомъ. У Чингиса есть стрѣлокъ, который имѣетъ силу кидать стрѣлу на разстояніе ста ночей. Но онъ прогнѣвилъ хана, убилъ орла, парившаго надъ войскомъ и покровительствовавшаго ему; такъ доложено было царю врагами стрѣлка, и ханъ приказалъ закопать стрѣлка въ землю по горло. Вспомнили объ немъ, выгребли его изъ земли. Стрѣлокъ убилъ старуху. О глазахъ не говорится, имени стрѣлка не приведено, но по всѣмъ чертамъ, это тотъ же эпизодъ, что и предъидущій.

Въ разсказѣ о Шоно нѣтъ ни Чингиса, ни добыванія женщины. Шоно сынъ Хунъ-тайжи; братья по зависти клевещутъ на Шоно; отецъ велитъ посадить Шоно въ тюрьму. Во время одного затруднительнаго обстоятельства вспомнили о Шоно и освободили изъ тюрьмы. Шоно удаляется на службу къ Арынъ-Саганъ-хану, который ведетъ войну съ Аржэ-Буржэ-ханомъ; у послѣдняго есть старуха колдовка, отъ колдовства которой глыбы отъ скалъ откалываются. Шоно убиваетъ ее выстрѣломъ по колѣнамъ (Зап. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. 1, в. 2, стр. 36—49 и 135). Въ одномъ изъ варіантовъ, вмѣсто старухи, царица вражескаго войска (ibid., стр. 136).

Очевидно, всѣ четыре стрѣлка: Тасъ-Хара, Хасаръ, Шоно и безъимянный стрѣлокъ одинъ и тотъ же персонажъ. Всѣ они навлекаютъ гнѣвъ царя и попадаютъ за это подъ наказаніе; почти во всѣхъ они терпятъ несправедливо, потому что оклеветаны; Шоно оклеветанъ братьями; Тасъ-хара недоброжелателями; въ разсказѣ о Хасарѣ тоже проглядываетъ эта черта; о поведеніи Хасара докладываетъ хану въ искаженномъ видѣ какой-то рабъ [1]). Всѣ четверо наказаны;

[1]) Алт. Тобчи, 141: Боголъ-Мечинъ (Мечинъ, созв. Плеяды), донесъ Чингису на Хасара, что онъ

Хасаръ привязанъ къ оградѣ, какъ разсказываетъ Алтанъ-Тобчи, или просто скованъ, какъ у Сананъ-Сэцэна; оба источника говорятъ, что къ нему приставлено четыре караульщика; Тасъхара брошенъ въ глубокую яму, Шуно посаженъ въ тюрьму, а безъименный стрѣлокъ закопанъ въ землю по горло (какъ Алтынъ-хатысынъ, см. ч. I, стр. 123, или какъ въ русской былинѣ старшина сорока каликъ).

Къ этимъ четыремъ тожественнымъ стрѣлкамъ присоединяется и пятый, Гэсэръ, поразившій Дöлмö-хана въ глазъ. Въ разсказахъ объ этихъ стрѣлкахъ старуха волшебница насылаетъ смерть на своихъ противниковъ издали, посредствомъ однихъ заклинаній. Въ тибетскомъ Гэсэрѣ такой насылающей смерть издали старухи нѣтъ; вмѣсто нея старуха ан-дурсы, которая кропленіемъ водой оживляетъ своихъ убитыхъ воиновъ (см. выше стр. 18); ея войско не убываетъ и бой становится не ровный [1]). Въ преданіи о городѣ Кара-бадырѣ смерть издали насылаетъ сама царица осажденнаго города (см. № 75); она вращаетъ какое-то смертоносное знамя [2]). Отсюда слѣдуетъ, что волшебница есть та самая женщина, которую добываетъ осаждающій царь. Въ разсказѣ о Шудургу она раздвоилась на жену Шудургу и на старуху; въ Гэсэрѣ тоже: Нчжугму и ан-дурсы. Или можетъ быть даже и на три: Нчжугму, ан-дурсы и ту женщину, которую Гэсэръ встрѣчаетъ на городской стѣнѣ. На то, что эта женщина понималась какъ одно лицо съ главнымъ женскимъ персонажемъ сказанія, указываетъ разсказъ о запястьѣ, который мы выше уже сблизили съ разсказомъ о Цаганъ-дара-экэ изъ Водимора (см. выше, стр. 127). Жена Чингиса, утонувшая въ Хатунъ-голѣ. т. е. бывшая жена царя Шудургу, была воплощеніе Цаганъ-дары, какъ думаетъ ордосскій народъ. Это народное мнѣніе подкрѣпляется сравненіемъ разсказа о женѣ Шудургу съ сказаніемъ объ Окинь-тэнгри, грознымъ видоизмѣненіи Цаганъ-дары (см. примѣчанія къ № 56).

Гэсэръ не сидитъ въ ямѣ, подобно другимъ стрѣлкамъ. Въ сказаніи о Гэсэрѣ заточникомъ является другое лицо: Кала-мэмбыръ. Здѣсь двѣ темы: заточенье и бой съ волшебницей разъединились и раздѣлены между двумя лицами. Къ Кала-мэмбыру отнесена одна только тема заточенія, но при немъ изъ второй темы осталось окаменѣніе. Шоно проклятъ умирающей старухой и превращается въ черный камень (Зап. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 2, стр. 49 и 136); Кала-мэмбыръ также обращается въ камень.

Г. Стасовъ сближалъ Шуно съ Ильей Муромцемъ; но онъ ограничивался одной темой—сидѣнья въ ямѣ. Можно прибавить другую—смерть Соловья, который издали убивалъ людей однимъ своимъ свистомъ. Пораженіе въ глазъ также присвоивается разсказу о Соловьѣ, хотя смерть его послѣдовала по другому случаю.

Эпизодъ объ Ильѣ вставленъ въ былину о набѣгѣ на Кіевъ царя Калина, подобно тому, какъ разсказъ о Кала-мэмбырѣ вставленъ въ разсказъ о нашествіи хорскихъ царей на вотчину Гэсэра. Эти двѣ войны могутъ быть сближены: битва русскихъ богатырей съ татарами и битва богатырей Гэсэра съ ширай-голами (хорами тангутскаго варіанта); обѣ кончаются тѣмъ, что богатыри окаменѣваютъ (стр. 99).

Братья Шуно въ нѣкоторыхъ варіантахъ разсказа о немъ называются Темирсана и Амурсана (Очерки, IV, 298; ср. также 224 и 898). Темирсана можетъ быть то же, что темиръ-сынъ, «желѣзный олень», о которомъ сказано выше (стр. 126) и вмѣстѣ съ тѣмъ Темиръ-гасунъ, «желѣзный колъ»; то есть Полярная звѣзда, потому что можно подозрѣвать, что она называлась такимъ образомъ. Въ такомъ случаѣ разсказъ о Шуно въ ямѣ или, еще лучше, о стрѣлкѣ, закопанномъ въ землю по горло, есть миѳъ о Полярной звѣздѣ (см. примѣч. къ № 88).

Къ стр. 94: Дочь Самба-гарву не оглянулась, когда женихъ повезъ ее изъ родительскаго дома. Здѣсь указаніе на обычай, требующій оглянуться. Въ другихъ случаяхъ запрещается оглядываться. Г. Батаровъ, замѣтки котораго помѣщены въ Зап. Вост. Сиб. Отдѣла Геогр. Общ. по этн., т. II, в. 2, сообщилъ мнѣ въ письмѣ, что у бурятъ существуетъ обычай: невѣста не должна

будучи навеселѣ, держалъ за руки жену Чингиса, Хулану. Этотъ разсказъ не стоитъ въ связи съ эпизодомъ о постигшей Хасара карѣ, но не вслѣдствіе ли этой клеветы Хасаръ былъ привязанъ къ стѣнѣ?

[1]) Ср. съ кавказскимъ разсказомъ о Бэдуху, женѣ Тлебицы, которая своимъ дыханіемъ исцѣляетъ раны своихъ приверженцевъ (Сборн. матер. для оп. мѣстн. и плем. Кавказа, в. XII, стр. 55 и 56).

[2]) Въ преданіи о разворенiи Эрдэни-дзу (Очерки, IV, 410) также соединены двѣ темы: единственная уязвимая точка (на животѣ Галдана) и орудіе, отъ вращенія котораго въ лагерѣ противниковъ происходитъ смертность.

оглядываться назадъ, когда ее отвозятъ изъ родительскаго дома. Ср. Radloff, Proben, IV, 449; Записки Вост. Сиб. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. 1, в. 2, стр. 142. Вѣстн. И. Р. Геогр. Общ., 1858, ч. XXIV, смѣсь, стр. 71.

2. а. ИРИНЪ-САЙНЪ-АЛТЫНЪ-ГОРГОЛТАЙ.

(Монгольскій разсказъ).

Въ старое время былъ одинъ славный витязь (сайнъ ери) Иринъ-сайнъ-алтынъ-горголтай. Однажды онъ отправился на Алтай, чтобы возжечь тринадцать сановъ [1]). (Ѣдучи), въ переднихъ звѣрей онъ, крича, впереди стрѣлялъ, въ заднихъ, крича, сзади стрѣлялъ. (Въ это время) въ табунѣ одна сѣрая лошадь (борокчинъ гу) родила славнаго жеребенка пестрой масти съ ушами, по девяти вершковъ длиной (иринто бiитей юсунъ-тӧ чикитей). Великій, великій крикъ издавая, онъ вернулся домой. Мать спрашиваетъ: Что за причина, что ты такъ кричишь? «Ай!» говоритъ Иринъ-сайнъ матери: «сѣрая кобыла родила славнаго жеребенка пестрой масти съ ушами по девяти вершковъ. Обрадовавшись, я сильно кричалъ». (Мать говоритъ:) «Это для моего сына долженъ былъ родиться такой жеребенокъ. Бережно ѣзди на немъ!»

Однажды Иринъ-сайнъ на охотѣ настрѣлялъ разныхъ звѣрей, сдѣлалъ изъ нихъ правильный четвероугольный вьюкъ, навьючилъ (на своего коня) ровнёхонько на обѣ стороны (тебъ текши тӧбъ тӧрбельджинъ ачигадъ), вернулся домой. «Эй, снимите звѣрей съ коня на землю!» закричалъ онъ. Изъ дома никто на его крикъ не вышелъ. Тогда онъ и съ правой и съ лѣвой стороны коня вьюки сбросилъ на землю, раскидалъ и такъ ихъ оставилъ, самъ вошелъ въ юрту. Черноглазая (хара нюдунту) говоритъ: «Я хотѣла выйдти, снять вьюки, но прекрасная «хатуна», мать твоя заболѣла». Утирая ротъ соболинымъ рукавомъ, широкимъ какъ дебиръ [2]), онъ сказалъ: «Сегодня ли рано или завтра поздно, мать моя должна умереть! Нѣтъ ли какого средства помочь (аргатай тосатай ягунъ би)?» Мать говоритъ: «Въ сторонѣ, гдѣ восходитъ солнце, живутъ три брата Атхаръ-хара-мангыс'ы. Нужно девяносто девять лѣтъ, чтобы до нихъ доѣхать. Внутреннее сердце (голто дзюрку) младшаго изъ нихъ (отхонъ хара мангысъ) имѣетъ цѣлебное свойство. Если мать твоя поѣстъ его, она выздоровѣетъ». Поѣхалъ Иринъ-сайнъ. Годичное пространство ѣзды сокращая въ мѣсячное, мѣсячное сокращая въ дневное, онъ ѣхалъ. Густой лѣсъ загородилъ ему дорогу. Онъ спрашиваетъ у коня, какъ имъ проѣхать. «Стрѣляй изъ лука!» сказалъ конь. Иринъ-сайнъ пустилъ стрѣлу; въ лѣсу образовалась дорога шириной, чтобы завьюченный верблюдъ могъ пройдти; по этой до-

[1]) Санъ—курево изъ можжевельника въ честь боговъ.

[2]) Дебиръ—войлокъ, которымъ покрывается верхъ юрты.

рогѣ Иринъ-сайнъ проѣхалъ далѣе. Великое море загородило имъ путь. «Тутъ какимъ средствомъ проѣдемъ?» спрашиваетъ Иринъ-сайнъ у своего коня. Конь говоритъ: «Выдерни изъ моего хвоста одинъ волосъ, положи его на воду и скажи: будь мостомъ!» Иринъ-сайнъ выдернулъ изъ хвоста лошади волосъ, положилъ его на воду и сказалъ: будь мостомъ! Волосъ сдѣлался мостомъ и Иринъ-сайнъ переѣхалъ на другую сторону моря. За моремъ, тамъ, гдѣ небо достигаетъ предѣла, стояли три большія бѣлыя юрты. Иринъ-сайнъ вошелъ въ одну изъ этихъ юртъ. Тамъ была прекрасная женщина. Иринъ-сайнъ спросилъ ее: «Твой мужъ куда отправился?» Она не отвѣтила. На западномъ ханѣ [1]) было веретено. Онъ ткнулъ ее веретеномъ въ задъ. Женщина сказала: «Я жена старшаго хара-мангыса!» Рано утромъ, по выходѣ солнца, Иринъ-сайнъ достигъ средней юрты; въ ней также была прекрасная женщина. Онъ спросилъ ее: «Твой мужъ куда отправился?» Она ему не сказала. Онъ взялъ веретено и ткнулъ её въ задъ. Она сказала ему: «Я жена средняго хара-мангыса! Онъ въ полдень домой придетъ!» Иринъ-сайнъ доѣхалъ до передней юрты; и въ ней также красивая женщина. Иринъ-сайнъ спросилъ: «Твой мужъ куда отправился?» Она ему не отвѣтила. Но когда онъ и её ткнулъ веретеномъ, она отвѣчала: «Я жена младшаго хара-мангыса! Вечеромъ онъ пріѣдетъ, съ дождемъ и свистомъ вѣтра, съ громомъ, какъ отъ тысячи драконовъ, верхней губой обнимая небесную ширь, нижней губой обнимая земную ширь и проглатывая завьюченныхъ верблюдовъ съ юртами и людьми вмѣстѣ» (боро боро боргонъ урусаръ сэрь сэрь салкисыгаръ мингынъ лунъ дагу гарысыгаръ дэдъ урулъ тэнгріинъ кырысу хомурсыгаръ додъ урулъ гаджирэнъ кырысу хомурсыгаръ айляръ кумунъ ачагаръ темеге цзальгисгаръ). Въѣхавъ на гору Болдзотэнъ-ула [2]), Иринъ-сайнъ убилъ старшаго хара-мангыса (ики хара мангысъ). Когда пріѣхалъ средній хара-мангысъ (дунду хара мангысъ), Иринъ-сайнъ убилъ и его. Когда пріѣхалъ младшій хара-мангысъ (бага хара мангысъ), Иринъ-сайнъ выстрѣлилъ по нему, но не могъ убить. Десять сутокъ они, схватившись, боролись, безъ перевѣса на чьей-либо сторонѣ; двадцать сутокъ они, схватившись, боролись, но перевѣса ни на чьей сторонѣ нѣтъ. Тогда лошадь Иринъ-сайна прибѣжала къ нему и говоритъ: «Твоя сила ослабла! сила мангыса прибыла!» Иринъ-сайнъ говоритъ коню: «Скорѣе, какъ можно, укажи, что дѣлать?» Конь говоритъ: «Если ты просунешь руку за спину мангыса, тамъ найдешь поперегъ (лежащую) тетиву (конделенъ хобчи). Если перервешь её, тогда убьешь мангыса!» Иринъ-сайнъ такъ и сдѣлалъ; перервалъ шерсть мангыса (мангысэнъ ногусыгъ), разрубилъ ребра и раскрылъ утробу мангыса, въ которой мучились люди, проглоченные съ верблюдами, съ вьюками и съ юртами. Ихъ мученія прекратились.

Взявъ сердце мангыса, Иринъ-сайнъ поѣхалъ домой. Пріѣхавъ къ тремъ женщинамъ, онъ велѣлъ имъ ѣхать вслѣдъ за собой. Гдѣ будетъ кривая дорога, тамъ велѣлъ имъ останавливаться на ночлегъ, гдѣ прямая дорога, тамъ ѣхать впередъ.

---

[1]) Ханъ—юрточная рѣшетка, по киргизски кереге.

[2]) Болдзо—сборное мѣсто, сборище.

Проѣхавъ густой лѣсъ, пріѣхали къ морю. Лошадь говоритъ: «Я проѣду, но ты крѣпче стисни» (твои колѣна). Когда конь бѣжалъ по водѣ, четыре копыта его отгнили въ морской водѣ. Иринъ-сайнъ привязалъ ихъ къ ногамъ лошади шелкомъ, но проѣхалъ еще годъ и лошадь умерла. Взваливъ сердце мангыса на спину, Иринъ-сайнъ пошелъ домой пѣшкомъ. Пришедши въ землю своей матери, онъ отдалъ ей сердце. Мать отдала серце мангыса Гучжигэнъ-гомбу, зятю Дзамбу-дзерликъ-хана (Дзамбу дзерликъ ханай кургунъ гучжигенъ гомбу). Гучжигенъ-гомбу, съѣвъ сердце, сдѣлался очень сильнымъ. Онъ схватился бороться съ Иринъ-сайномъ. Десять сутокъ боролись, двадцать сутокъ боролись, остались равными въ борьбѣ. «Ай, черноглазая (ай хара нидунту)! подо мной насыпь муки, подъ врагомъ насыпь желѣзнаго гороху». Она насыпала муки подъ Гучжигенъ-гомбу и желѣзнаго гороху подъ Иринъ-сайна. Иринъ-сайнъ-алтынъ-горголтай, поскользнувшись, упалъ. Тотчасъ Гучжигенъ-гомбу придавилъ его и убилъ; выкопалъ яму въ семьдесятъ саженъ глубиной и въ ней придавилъ Иринъ-сайна.

Пріѣхали три небесныхъ дагине (тэнгріинъ гурбунъ дагине абагай). Одна изъ нихъ перешагнула черезъ Иринъ-сайна и сказала: «кости и мясо будьте цѣлы!» другая перешагнула и сказала: «кости и кожа будьте цѣлы!» третья перешагнула и сказала: «душа и тѣло будьте цѣлы!» Иринъ-сайнъ проснулся и говоритъ: «Какъ я долго спалъ» (би ямыръ ики нойрисэксэнъ билэ)! Дагине сказали: «Твоя мать и твой младшій братъ Гучжигенъ-гомбу выкопали яму, глубиною въ семьдесятъ саженъ, бросили тебя въ нее и придавили!» Пошелъ Иринъ-сайнъ къ табунамъ, спрашиваетъ: «Чьи эти табуны?» Ему отвѣчаютъ: «Прежде это были табуны Иринъ-сайнъ-алтынъ-горголтая, а теперь стали Гучжигенъ-гомбу, зятя Дзамбу-дзерликъ-хана». Иринъ-сайнъ убилъ Гучжигенъ-гомбу, взялъ свою мать, черноглазую хатуну, забралъ имущество и вернулся въ свой домъ.

Монголъ-халха изъ хошуна Тачжи-урянхай въ восточномъ Алтаѣ.

---

6. ИРИНЪ-САЙНЪ-ГУНЫНЪ-ХАРА.

(Монгольскій разсказъ).

Иринъ-сайнъ-гунынъ-хара, сынъ завѣдующаго серединой запада Боду-тюбъ-хана, имѣлъ сивую лошадь Уйлинъ [1]), три золотыхъ родника, три сандальныхъ дерева, младшаго брата Явей-чагана, мачиху, тринадцать горъ и пеструю саврасую кобылу (барунъ тубигъ ечжилекчи Боду тюбъ ханай ху Иринъ сайнъ гунынъ хара уйлинъ хуху моритай гурбынъ алтынъ булыктай гурбынъ зандынъ модотай Явей чаганъ дуутей ниге хойту еджитей арбанъ гурбынъ олытай тарлунъ хулакчи гуутей).

---

[1]) Уйлинъ—облачную.

Рано, рано (по утрамъ) онъ выѣзжалъ къ тринадцати горамъ дѣлать санъ. Однажды онъ выѣхалъ дѣлать санъ, его увидѣла перебродившая черезъ воду царевна, дочь Уртай-шара-хана (Уртай-шара ханай гуньчжа) и сказала отцу: «Сынъ Боду-тюбъ-хана Иринъ-сайнъ-гунынъ-хара на тринадцати горахъ разложилъ санъ и поетъ духовныя пѣсни». Уртай-шара-ханъ пріѣхалъ къ Иринъ-сайну и говоритъ: «Поѣдемъ завтра вдвоемъ на сборный сѣрый холмъ (больчжотэнъ боро тологой) и поиграемъ!» Иринъ-сайнъ-гунынъ-хара вернулся домой. На завтра рано онъ отправился къ тринадцати горамъ, сдѣлалъ санъ, пропѣлъ духовныя пѣсни и сидитъ; гуньчжа Уртай-шара-хана увидѣла его. Когда Иринъ-сайнъ-гунынъ-хара поѣхалъ къ сборному сѣрому холму и Уртай-шара-ханъ также пріѣхалъ туда. Во время игры (борьбы?) Иринъ-сайнъ-гунынъ-хара убилъ Уртай-шара-хана. Убивши, онъ вырылъ яму въ девять саженъ (юсунъ алда худукъ), бросилъ въ нее Уртай-шара-хана и скалой придавилъ отверзтіе ямы, а пестро-саврасой кобылѣ (тарлунъ хулакчи гу) заказалъ, если Уртай-шара-ханъ вылѣзетъ изъ ямы, дать объ этомъ знать топотомъ копытъ. Тогда, думаетъ, я убью мать. Послѣ этого Иринъ-сайнъ-гунынъ-хара вернулся домой, а на завтра опять поѣхалъ къ тринадцати горамъ дѣлать санъ. Его мачиха пошла сзади его, дошла до сборнаго сѣраго холма, смотритъ и видитъ въ одной горной впадинѣ (нигенъ тухумду) стоитъ пестрая саврасая кобыла. Зачѣмъ она здѣсь? думаетъ она. Въ это время изъ ямы послышался человѣческій голосъ: «Накорми душу» (ами ассыра)! Мачиха сняла съ ямы камень, вынула Уртай-шара-хана, привела домой и спрятала въ ящикъ. Иринъ-сайнъ-гунынъ-хара пришелъ домой. Мачиха обыкновенно зажаривала кусокъ мяса и давала ему (когда онъ возвращался. На этотъ разъ) она не зажарила для него мяса. Иринъ-сайнъ-гунынъ-хара говоритъ ей: «Мать, мать! ты жарила для меня кусокъ мяса. А теперь что же?» Мачиха говоритъ: «Не нужно жарить кусокъ мяса. Я умираю!»

Иринъ-сайнъ-гунынъ-хара говоритъ: «Мать, мать! Откуда можно достать лекарство, какой лекарь можетъ помочь? если пригласимъ лекаря, да у него нѣтъ хорошаго лекарства, или если найдетъ лекарство, да отъ него не будетъ пользы, то гдѣ найдти пользу?» Мать говоритъ: «Въ девяносто девяти мѣсяцахъ ѣзды отсюда есть земля; тамъ есть Индерь-хара-мангусъ; его легкія и печень помогутъ мнѣ». Иринъ-сайнъ-гунынъ-хара взялъ лукъ Тартагай, сдѣланный изъ семидесяти коровьихъ шкуръ, сѣлъ на гнѣдую лошадь Кебысъ [1]) и, землю въ девять мѣсяцевъ ѣзды въ девять дней проѣзжая, землю въ девять дней въ девять часовъ проѣзжая, доѣхалъ до Индерь-хара-мангыса, убилъ его, добылъ его легкія и печень и сидитъ. Прилетѣла одна птица и прокричала: возьми большой палецъ! возьми большой палецъ! (ерх' бчи! ерх' бчи!). Иринъ-сайнъ-гунынъ-хара думаетъ, что значатъ эти слова. Онъ отрѣзалъ у мангыса одинъ большой палецъ, изъ него вышла дѣвица; отрѣзалъ другой большой палецъ, изъ него вышла другая дѣвица. Взявъ съ собою тѣхъ двухъ женщинъ, а также легкія и печень мангыса, онъ вернулся домой и передалъ

[1]) Въ бурятскомъ кибынъ, «быстрый». Есть бурятская пѣсня, въ которой поется: кибынъ, кибынъ джоро, «быстрый, быстрый иноходецъ».

мангысовы легкія и печень матери. Мать Иринъ-сайна солгала, что она заболѣла, и украдкой отъ него передала печень и легкія Уртай-шара-хану, который отъ нихъ выздоровѣлъ. Въ намѣреніи погубить Иринъ-сайна, мать послала его къ океану (хата далай) привести оттуда оленя самца (ерь богу). Иринъ-сайнъ-гунынъ-хара пріѣхалъ къ берегу океана; когда онъ готовился убить оленя, оленуха (емь богу) прибѣжала и убила самого Иринъ-сайна. Двѣ дѣвицы увидѣли во снѣ, что Иринъ-сайнъ-гунынъ-хара умеръ и отправились на берегъ океана. Иринъ-сайнъ-гунынъ-хара лежитъ мертвый на берегу моря. Двѣ дѣвицы положили на него печень мангыса, Иринъ-сайнъ-гунынъ-хара всталъ живой. Убивши одного оленя, онъ вмѣстѣ съ двумя женщинами съѣлъ его; потомъ убилъ Уртай-шара-хана, взялъ весь его народъ и вмѣстѣ съ своимъ младшимъ братомъ Явей-чаганомъ и двумя женщинами зажилъ счастливо.

Лама Ратна-бала, родомъ изъ Ордоса, хошуна вана.

Теперь мы имѣемъ пять варіантовъ сказки объ Иринъ-сайнѣ: алтайскій (Оч. с. з. Монг., IV, 427), дюрбютскій (Оч., II, 429), два халхаскихъ, одинъ изъ Заинъ-шабинской земли (Оч., II, 178), другой изъ хошуна Тайчжи-урянхай, и одинъ ордосскій. Два вновь записанные варіанта содержатъ тему, которой въ прежде записанныхъ не встрѣчалось; такъ какъ мѣстности, въ которыхъ они записаны, очень удалены одна отъ другой (не менѣе тысячи верстъ), то соединеніе съ этой темой имени Иринъ-сайна не можетъ быть вмѣнено произволу разсказчика; варіанты съ такимъ содержаніемъ, надо полагать, древни.

Въ Оч., IV, 916 я сопоставилъ имя Иринъ съ Эртэне или Эртэ. Въ алтайскомъ варіантѣ Иринъ-шайнъ ѣдетъ къ Ерлику за джиракы, въ залогъ оставляетъ Ерлику своего коня, но конь убѣгаетъ и догоняетъ хозяина, везущаго джиракы; въ урянхайской сказкѣ (Очерки, IV, 421) Эртэне-мергенъ ѣдетъ къ Сорчжи-бакши за Колду-бурханомъ, оставляетъ въ залогъ своего коня, но конь убѣгаетъ и догоняетъ своего хозяина, везущаго бурхана. Въ генеалогическихъ преданіяхъ племени Хото-гайту замѣщаются формы: Иринъ-сайнъ-уланъ-хунъ-тайджи и Эртэ-сайнъ-хунъ-тайджи; мы сопоставили эти формы съ Рашидъ-эддиновскимъ: Джерке Линъ-гунъ, и такимъ образомъ свели форму Иринъ съ формами Эртэ и Джерке. Въ монгольскихъ книжныхъ сказаніяхъ встрѣчается также форма Эркэ (Эркэ-хара, братъ Вана киреитскаго; Эркэ, по мнѣнію о. Палладія, центральное лицо въ культѣ религіозной секты въ Монголіи въ средніе вѣка, извѣстной подъ именемъ Эркэунъ или Архаунъ). Въ живомъ монгольскомъ фольклорѣ форма Эркэ не встрѣчена въ соединеніи съ членомъ сайнъ взамѣнъ Эртэ или Иринъ, но она въ одной легендѣ поставлена въ связь съ темой о зарытіи въ землю, а именно въ легендѣ о суркѣ (см. № 92); Эркэ-мергенъ зарывается въ землю. Въ киргизской сказкѣ (Radloff, Proben, III, 321) съ именемъ Алдаръ-Эркэмъ соединена тема о измѣнницѣ сестрѣ и опущенномъ въ яму братѣ.

Тема бросанія богатыря въ яму есть въ сказкахъ, помѣщенныхъ въ Очеркахъ, IV, №№ 146 и 147; обѣ сходны между собой и въ нѣкоторыхъ чертахъ представляютъ сходство съ Иринъ-сайномъ (№ 137): 1) Смерть Хороидай-мергена въ родѣ смерти Мангыса; Дзалута [1]) дѣлаетъ дзаду (грозу, непогоду), какъ и Иринъ-сайнъ. 2) Иринъ-сайнъ возвращаетъ увезенную Мангысомъ мать, потомъ ѣдетъ за своей невѣстой; Дзалута возвращаетъ увезенную Мангысомъ жену и достаетъ невѣсту своему сыну. 3) Въ обѣихъ сказкахъ упоминаются письма, оставленныя на мѣстѣ разоренной родины. 4) Въ Иринъ-сайнѣ одинъ изъ соискателей невѣсты называется Тэнгріинъ-хутемиръ-ббсь [2]); въ Дзалута-мергенѣ это два лица, два отдѣльныхъ соискателя: Тэнгріинъ-ху-

---

[1]) Дзала—кисть на шапкѣ; дзалатай—имѣющій кисть на шапкѣ.

[2]) Тэнгріинъ-ху, «сынъ неба».

тебикъ-уланъ-дзалута и Темиръ-бӧсь. 5) Иринъ-сайнъ (Оч., IV, 467) достаетъ невѣсту Толи-зандань-тайгне; Дзалута-мергенъ привозитъ Абахай-зандынъ [1]).

Въ Урусланѣ Ундольскаго и у Садовникова, Сказки и пред. Самарск. края, въ № 4, сходномъ съ Урусланомъ, есть эпизодъ о царевнѣ, обреченной змѣю; въ Иринъ-сайнѣ, на связь котораго съ нашимъ Урусланомъ указано мною въ Очеркахъ, IV, стр. 912 и въ Запискахъ Вост. Сиб. Отдѣла Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 1, стр. 149, этого эпизода нѣтъ. Въ Дзалута-мергенѣ, можетъ быть какъ слѣдъ этого эпизода, остались сонъ богатыря и обращенная къ женщинѣ просьба разбудить при пріѣздѣ Мангыса уколомъ булавки.

Въ № 146 къ трупу убитаго Дзалута-мергена конь привозитъ съ неба Тэнгріинъ-ху; это повидимому мужской персонажъ. Въ № 147 конь привозитъ дочь Ириттэ-обӧгона, «старика Ириттэ'я» (не одно ли съ Ириптей-убугуномъ, «старикомъ Ириптеемъ» въ Оч., II, 173?). Въ другихъ сходныхъ сказкахъ, какъ наприм. о Хангаваѣ (Оч., IV, 587) богатыря изъ ямы вынимаетъ сестра; поэтому Ириттэ-обӧгонъ не былъ ли отецъ и Дзалута-мергена. О Дзалутамергенѣ разсказывается два эпизода: 1) спасеніе дѣвицы, обреченной змѣю; слеза, пробуждающая отъ богатырскаго сна; 2) яма.

Въ дюрбютскомъ сказаніи Иринъ-сайнъ на пути къ царю Тотурхаю Илгысэну встрѣчаетъ брата Арслана, который сторожитъ владѣнія царя неба, своего отца; Иринъ-сайнъ, не зная ничего о родствѣ съ нимъ, вступаетъ съ нимъ въ борьбу.

У Шмидта (Gesch. d. Ost-Mong., 317) есть сложное Itegel Arsslan chaghan. Онъ былъ сынъ Gassalan ügei Nomuhn chan'a и братъ Soon Tserictu'я; братья сильно дрались изъ за трона и наконецъ одинъ изъ трехъ сыновей Зонъ-цзериктуя бѣжалъ и сталъ царемъ Тибета, пятымъ послѣ Todorchoi Ilaguskan'a. И такъ здѣсь 1) борьба двухъ братьевъ и 2) два сходныхъ имени: Арсланъ и Тотурхай-Илгысэнъ (Оч., IV, 467 и 470). Объ Итегелѣ или Itel'ѣ см. Kastren, Finn. Myth., введ., стр. 2. Въ нѣмецкомъ текстѣ Itegel; монгольскими буквами написано итель. Илгысэнъ есть народная форма книжнаго илагускэнъ.

---

3. АРДЖИ-БОРДЖИ.

(Монгольскій разсказъ).

Былъ царь Арджи-борджи. Около города, въ которомъ онъ жилъ, дѣти играли,— кто взбѣжитъ на холмъ, тотъ становился царемъ въ этотъ день.

Одинъ человѣкъ, по имени Дзу, ушелъ на поиски въ дальнія страны и нашелъ драгоцѣнность молоръ-эрдени; возвращаясь, встрѣтился съ землякомъ Ли и попросилъ отнести эрдени домой и передать женѣ. Ли, пришедши домой, уговорился съ двумя вельможами раздѣлить съ ними молоръ-эрдени, если они согласятся на судѣ съ Дзу поддержать его. Вельможи дали слово и молоръ-эрдени было раздѣлено. Между тѣмъ Дзу нашелъ еще другую драгоцѣнность чиндамани-эрдени и вернулся домой. На его требованіе отдать молоръ-эрдени Ли отвѣчалъ ему, что онъ передалъ драгоцѣнность его женѣ. Дзу пожаловался на Ли царю Арджи-борджи. Ли продолжалъ увѣрять, что онъ передалъ драгоцѣнность женѣ Дзу при двухъ свидѣтеляхъ, двухъ вельможахъ; царь призвалъ вельможъ и тѣ подтвердили слова

---

[1]) Толи, «зеркало»; зандань, «сандальное дерево»; абахай—дѣвица въ сказкахъ; тайгне то же, что дагине, дакини, небесная дѣва.

Ли. Арджи-борджи призналъ Ли правымъ. Дзу пошелъ отъ царя и дорогой плакалъ. Дѣтскій царь увидѣлъ его, подозвалъ и спросилъ о причинѣ его слезъ. Дзу разсказалъ о своей бѣдѣ. «Хочешь, я, дѣтскій царь, разсужу тебя?» спрашиваетъ мальчикъ. Дзу изъявилъ согласіе. Мальчикъ призвалъ Ли и вельможъ свидѣтелей, посадилъ ихъ всѣхъ отдѣльно другъ отъ друга и велѣлъ имъ всѣмъ сдѣлать изъ глины форму молоръ-эрдени. Одинъ изъ вельможъ сдѣлалъ её въ родѣ овечьей головы, другой въ родѣ свиной, только формы Дзу и Ли вышли похожи на молоръ-эрдени. Тогда дѣтскій царь посылаетъ сказать царю Арджи-борджи: «Дзу и Ли сдѣлали свои модели вѣрно потому, что видѣли молоръ-эрдени; вельможи слѣлали ихъ невѣрно потому, что не видали. Они приглашены похитителемъ драгоцѣнности для ложнаго свидѣтельства. Поэтому настоящій владѣлецъ драгоцѣнности есть Дзу. Какъ же ты не умѣлъ разсудить и отдалъ драгоцѣнность вору? Ты долженъ уступить свой престолъ мнѣ!»

Одинъ человѣкъ отлучился изъ дому, оставивъ жену съ мальчикомъ. Безъ него у жены явился другой мальчикъ, точь въ точь такой-же. Когда отецъ вернулся, онъ не зналъ, котораго изъ двухъ своихъ мальчиковъ признавать за своего настоящаго сына. Онъ пошелъ судиться къ Арджи-борджи. Царь сказалъ: «Настоящій сынъ долженъ помнить девять предковъ». Сынъ бѣднаго человѣка не могъ пересчитать столько предковъ, а читкуръ (чортъ), принявшій одинаковый съ нимъ видъ, пересчиталъ всѣхъ девять. Арджи-борджи передалъ читкура отцу, а настоящаго сына прогналъ. Тотъ пошелъ прочь и заплакалъ. Увидалъ его слезы дѣтскій царь и говоритъ: «Хочешь, я, дѣтскій царь, разсужу тебя?» Онъ призвалъ читкура и говоритъ обоимъ: «Тотъ, который изъ васъ настоящій, влѣзетъ вотъ въ эту лонху (бутылку), а принявшій чужой видъ не влѣзетъ». Читкуръ влѣзъ въ бутулку; дѣтскій царь тотчасъ закупорилъ бутылку и отослалъ её къ Арджи-борджи съ словами: «Какъ это ты разсудилъ невѣрно! Читкура оставилъ въ семьѣ, а человѣка прогналъ. Ты долженъ уступить престолъ мнѣ!»

Тогда Арджи-борджи взялъ солдатъ и раскопалъ холмъ, на которомъ играли дѣти. Обнажился престолъ на деревянныхъ солдатикахъ. Арджи-борджи хотѣлъ сѣсть на престолъ, но одинъ солдатикъ остановилъ его словами: «Если ты считаешь себя столь же мудрымъ, каковъ былъ царь, сидѣвшій на этомъ престолѣ, то садись!» И онъ вслѣдъ за тѣмъ разсказалъ слѣдующее:

Былъ царь Байрмагастэ; у него было двѣ жены, старшая Чечекъ-бучюкчи имѣла ребенка; младшая была бездѣтна. Царь днемъ правилъ народомъ, а ночью оставлялъ человѣческую оболочку и отправлялся на небо и тамъ чинилъ судъ или службу. Однажды младшая жена со злымъ умысломъ противъ своего мужа сожгла его человѣческую оболочку. Царь Байрмагастэ, вернувшись съ неба и не найдя своей земной оболочки, сказалъ старшей женѣ, что онъ не можетъ болѣе оставаться на землѣ, что сюда придутъ 500 шолмо и возьмутъ его царство и что она съ своимъ ребенкомъ должна бѣжать въ царство Ли-хагана. Дорогой одна изъ семи провожавшихъ её дѣвицъ забеременѣла и, боясь наказанія, положила ребенка въ волчью нору. Ли-хаганъ принялъ вдову и далъ ей домъ.

Шли купцы и нашли въ степи мальчика, играющаго у волчьей норы съ 4 волчатами. Спросили его, кто онъ. Онъ сказалъ, что эти четыре волченка его братья, а его отецъ и мать, волкъ и волчица, ушли на добычу. Глава купцовъ взялъ мальчика и далъ ему имя Шялъ. Купцы расположились на ночлегъ у одной рѣчки. По этой рѣчкѣ въ это время охотился Амагасадэкчи, сынъ царицы Чечекъ-бучюкчи. Онъ подъѣхалъ къ каравану. Въ это время два волка бѣгаютъ кругомъ каравана и воютъ. Глава каравана говоритъ: «Шялъ! ты знаешь по волчьи. Что говорятъ волки?» Шялъ говоритъ: «Это мои родители. Они говорятъ, что ночью по рѣкѣ поплыветъ мертвое тѣло и что въ его бедрѣ заключается молоръ-эрдени». Амагасадэкчи, подслушавъ эти слова, поймалъ мертвое тѣло и вырѣзалъ изъ него эрдени. На другой день караванъ сдѣлалъ переходъ и вновь ночевалъ на рѣкѣ. Опять волки сообщаютъ Шялу, что въ рѣкѣ прибудетъ вода и затопитъ то мѣсто, гдѣ стоитъ караванъ. Люди встали, навьючили половину товаровъ и перенесли ихъ на высокое мѣсто, потомъ отправились за остальными товарами. Въ это время Амагасадэкчи подошелъ къ мѣсту, гдѣ лежали перенесенные товары и на всѣхъ нихъ наложилъ печати своего отца, потомъ пошелъ къ Ли-хагану и сказалъ, что эти купцы разграбили домъ его отца. Царь велѣлъ посадить ихъ въ тюрьму и потомъ казнить. Но Амагасадэкчи уговорилъ его отпустить ихъ и только взялъ Шяла.

Амагасадэкчи и Шялъ вдвоемъ отправляются въ бывшее царство Байрмагастэ. Входятъ въ одинъ домъ, живущіе въ немъ плачутъ. Они разспрашиваютъ, о чемъ плачутъ люди; тѣ говорятъ, что шолмо въ числѣ 500 съѣдаютъ ежедневно по 500 человѣкъ; сегодня назначено идти на съѣденіе единственному сыну той семьи, въ домъ которой вошли Амагасадэкчи и Шялъ. Амагасадэкчи берется заступить мѣсто этого человѣка, велитъ приготовить 500 лонху вина и ставитъ ихъ во дворцѣ отца. Приходятъ 500 шолмо, набрасываются на вино, напиваются пьяными и Амагасадэкчи убиваетъ ихъ.

Пунсукъ-нема, ордосскій лама.

По сравненію съ другими народными сказками можно предположить, что первоначальная редакція заставляла младшую жену сдѣлать уговоръ съ богатыремъ Шолмо (т. е. Шолмономъ), что она лишитъ мужа земной оболочки и вступитъ въ бракъ съ Шолмо. Спаиванія мужа виномъ, какъ въ другихъ сказкахъ, здѣсь нѣтъ; оно перенесено въ конецъ сказки. Въ сказкѣ, помѣщенной въ Оч., IV, 237 тоже что-то сжигается, послѣ чего мужъ умираетъ, а жена отдается другому. Лишеніе земной оболочки ср. съ разсказомъ о Гэсэрѣ, который по хитростямъ жены обращается въ осла, т. е. земная его жизнь прекращается. Конецъ сказки (Амагасадэкчи предлагаетъ себя вмѣсто обреченнаго въ жертву) ср. съ № 115 въ Оч., IV, 395, гдѣ мальчикъ обреченъ Оролынъ-читкуру, и съ повѣрьями о замѣщеніи жертвы. См. ниже примѣч. къ № 8. Жена Гэсэра, Тюменъ-джиргаланъ идетъ добровольно къ Мангысу, чтобъ избавить мужа отъ чаръ (Schmidt, Die Thaten, 119). Въ алтайской сказкѣ (Оч., IV, 169) шаманъ Джерканатъ долженъ совершить путешествіе въ царство тѣней и тамъ остаться вмѣсто заболѣвшаго ханскаго сына. Этого Джерканата мы сближали съ шаманомъ Джиркыномъ (Оч., IV, 761).

Въ Очеркахъ, II, 154 вм. Бэгэръ-Меджитъ стоитъ Гыгэръ-Меджитъ. Ср. съ бурятскимъ Гохоръ-ханъ вм. Гэсэръ-ханъ и съ именами собакъ (стр. 118), въ которыхъ инициалы *г*, *к*, *х* замѣщаются инициаломъ *б*.

Слѣды сказки Арджи-борджи въ Александріи (см. изслѣдованіе А. Н. Веселовскаго: «Изъ исторіи романа и повѣсти», Спб., 1886).

1) Олимпіада бездѣтна, чѣмъ Филиппъ недоволенъ. Она обращается къ жрецу Нектанебу; жрецъ принимаетъ видъ Аммона, бога съ рогами; отъ него она получаетъ зачатіе. Филиппъ подозрѣваетъ жену въ связи съ жрецомъ. Въ Арджи-борджи бездѣтная царица обращается къ ламѣ; лама даетъ снадобье; ханьша родитъ сына. Ханскихъ подозрѣній нѣтъ, но ханьша должна отправиться въ изгнаніе вслѣдствіе смерти мужа и нашествія непріятеля. Ханскія подозрѣнія съ ихъ послѣдствіями встрѣчаемъ въ другихъ сказкахъ (Оч. II, 173; IV, 275 и 277); по одному варіанту (Оч. IV, 277) сынъ жены есть Гэсэръ. Въ Шиддикурѣ въ сказкѣ о рожденіи Гэсэра есть тема замѣщенія обреченнаго въ жертву, но она перенесена на начало сказки и примѣняется къ отцу Гэсэра (Этн. Сб., изд. Геогр. Общ., VI, 102).

Эта послѣдняя сказка ставитъ Гэсэра въ связь съ сказкой о двухъ братьяхъ, изъ которыхъ одинъ живетъ въ долинѣ [1]) съ женщиной и потомъ лишается ея; сосѣдній ханъ присылаетъ войска и уводитъ ее. Сэнглунъ, сожитель матери Гэсэра = Bitiou египетской сказки; царь, отнимающій жену (Чилунъ-ташюръ, Оч., IV, 275; Шарисынъ-ханъ, ib., 240) = фараонъ. Въ сказкѣ № 56 сынъ царицы называется Гэсэръ; въ № 57 сына нѣтъ, но царица удаляется въ Русь и становится русскимъ царемъ; ср. у Пржевальскаго, Изв. И. Р. Геогр. Общ., 1885, т. XXI, стр. 237; не слѣдуетъ ли понять это такъ, что сынъ царицы назывался также Орусъ или Урусъ?

2) Александръ идетъ къ Дарію переодѣтый; на царскомъ пиру онъ прячетъ чаши изъ подъ вина подъ свое платье, убѣгаетъ съ пира невидимо, благодаря чудесному камню и переходитъ благополучно рѣку по льду; передъ погоней ледъ растаиваетъ. Въ Арджи-борджи Бикаръ-Мадзиди идетъ воровать въ купеческій караванъ, стоящій за рѣкой; тайно подкидываетъ въ товары свои царскія печати; прибывающая рѣка есть, но стоитъ не въ связи.

3) Александръ дитя избранъ дѣтьми дѣтскимъ царемъ (Веселовскій «Изъ исторіи», 150).

4) Александръ учится многимъ наукамъ и успѣваетъ въ нихъ. То же и Бикаръ-Мадзиди.

5) Камень самоцвѣтъ (Александръ) вырѣзываетъ изъ рыбы (Веселовскій, l. c., с. 231); Бикаръ-Мадзиди вырѣзываетъ эрдэни изъ трупа, плывущаго по рѣкѣ.

6) Разбитый Дарій убѣгаетъ въ пустыню; его убиваютъ два вельможи Кандрахсъ и Арзиваржъ. Въ варіантѣ сказки Арджи-борджи, помѣщенномъ въ Оч., II, стр. 154, Бама-ханъ убитъ двумя убійцами Бэгэръ-Меджитомъ и Шяломъ. О сближеніяхъ этихъ персонажей съ убійцами китайскаго Ванъ-хана (Хорису-Баджу и Тунгъ-шяломъ) см. въ Оч., IV, 834 [2]).

Съ сказаніемъ о Чингисѣ Александрія имѣетъ слѣдующія сходныя черты: Александръ осуждаетъ поступокъ убійцъ—«проклеть бо есть, иже господьского оубицоу хранить и градьскаго изавчю хранить» (Весел., 250); Таянъ-ханъ осуждаетъ убійцъ Ванъ-хана; тѣ же взгляды сказаніе навязываетъ и Чингису (Юань-чао-ми-ши, стр. 124) и они вновь встрѣчаются въ преданіи о ногайскомъ ханѣ Тохтѣ (см. прим. къ № 65).

Александръ беретъ Вавилонъ, отведши воду изъ водопровода (Весел., 241); въ томъ же родѣ разсказывается и о Чингисѣ по поводу развалинъ города (Кара-бадзыръ) на Желтой рѣкѣ (см. ниже легенду о Кара-бадзырѣ, № 75).

Въ Александріи есть посланіе Дарія, упрекающее Александра въ высокомѣріи. Въ сказаніи о Чингисѣ есть письмо Вана въ томъ же духѣ. Александръ женится на дочери побѣжденнаго царя (Роксанѣ); Чингисъ женится на дочери побѣжденнаго Вана Ибаху.

Дарій подсылаетъ къ Александру убійцу, обѣщая сдѣлать его царемъ и выдать за него дочь. Ванъ кирейскій по Малья дѣлаетъ подобное же коварное предложеніе Чингису.

А. Н. Веселовскій, l. c., 451. Въ землѣ мрака ходитъ дѣвица Горгонія; кто на нее взглянетъ, даже птица, умираетъ. Она зоветъ къ себѣ Александра, но онъ посылаетъ вмѣсто себя волхва, одѣвъ его въ свои царскія ризы и корону и давъ ему свой мечъ. Волхвъ убиваетъ Горгонію и приноситъ ея голову Александру. Ср. съ монгольскими повѣрьями о замѣщеніи жертвы (Оч., IV, 397 и 398; Позднѣевъ, Ургинск. Кутухты, Спб., 36) и съ исторіей матери Гэсэра въ Шиддикурѣ (Этногр. Сб., VI, 102; см. выше, стр. 138 о женѣ Гэсэра и ниже, прим. къ № 27).

---

[1]) См. ниже легенду о счастливой долинѣ или о деревѣ, приносящемъ счастье, №№ 48 и 49.

[2]) Въ переводѣ Саблукова: Хурій и Сумаджутъ-Таника; у Демезона (Desmaisons, Hist. des Mongols par Aboul-ghasi, SPb., 1874, 40): Qouri-Soumâdjou et Tanikân. У Березина въ его переводѣ Рашидъ-Эддина въ I части: Хори-Сумаджу и Тунгъ-Шялъ; во II: Хорису-Маджу и Тунгъ-шялъ.

Въ тибетской провинціи Амдо, не смотря на постоянные распросы, я не могъ отыскать тибетскаго варіанта сказки Арджи-борджи: ламы тангуты, бывавшіе въ Халхѣ, увѣряли меня, что эта сказка имѣетъ распространеніе только въ сѣверной Монголіи и что они только тамъ о ней впервые услышали; тѣ тангуты, которые не бывали въ Монголіи, отзывались невѣдѣніемъ объ этой сказкѣ. Слѣдовательно, если эта сказка не сѣвернаго происхожденія, а индѣйскаго, то она пришла въ Монголію не черезъ Тибетъ и тибетскую письменность, а путемъ западнымъ. Или тибетская письменность утратила ее?

---

4. АДЖИНТАЙ-МЕРГЕНЪ-ХАНЪ.

(Монгольскій разсказъ).

Въ старое время (ичжуръ-чакту) былъ одинъ ханъ по имени Аджинтай-мергенъ-ханъ. У него былъ черный верблюдъ жеребецъ (хара-буурà), саврасый конь (хула-моринъ), черное ружье (хара-бо), жена, сынъ и дочь. Онъ жилъ въ трехъ юртахъ.

У Боролтай-хана было два тушемюля [1]), которые ежедневно были обязаны убивать для него двухъ будене (по мнѣнію разсказчика, зайцевъ), которыхъ онъ и съѣдалъ зажаренными. Однажды тушемюли убили двухъ будене [2]) и вышли къ тремъ юртамъ; они зашли въ одну изъ нихъ, чтобы зажарить будене. Аджинтая въ это время не случилось дома; въ юртѣ оставалась только его жена. Она была такая красавица, что охотники, сидя у огня, не сводили съ нея глазъ и сожгли жареное. Замѣтивъ это, они заплакали. Женщина спрашиваетъ ихъ, что значатъ ихъ слезы. Они отвѣчаютъ, что они, заглядѣвшись на нее, сожгли жаркое и теперь боятся, что Боролтай-ханъ велитъ казнить ихъ. Она говоритъ имъ, что она поправитъ дѣло. Она взяла талкану съ правой стороны юрты и желтаго масла (шира тосу) съ лѣвой и слѣпила два будене; стали ихъ жарить и вышли настоящіе будене. Тушемюли подали жаркое Боролтай-хану; ханъ ѣлъ, ѣлъ, сытъ сталъ, а не съѣлъ будене; отдалъ тушемюлямъ, тѣ ѣли и тоже не доѣли, отдали другимъ; 500 чириковъ ѣли будене и всѣ насытились. Боролтай-ханъ спрашиваетъ: «Что это за будене такія? Прежде двухъ будене мнѣ одному едва хватало, теперь сколько народу насытилось?» Тушемюли разсказали, какъ было дѣло.

Боролтай-ханъ поѣхалъ самъ посмотрѣть красавицу. Увидѣвъ её, онъ захотѣлъ присвоить красавицу себѣ и предложилъ Аджинтай-мергенъ-хану побороться съ условіемъ, что кто выйдетъ побѣдителемъ, тотъ и станетъ обладателемъ красивой жены Аджинтай-мергенъ-хана. Стали бороться. Жена Аджинтая подсыпала подъ ноги мужа гороху, подъ ноги Боролтай-хана золы. Аджинтай-мергенъ-ханъ упалъ, Боролтай-ханъ схватилъ его и заперъ въ ящикъ. Поймалъ чернаго верблюда, на

---

[1]) Тушемюль—сановникъ.
[2]) Будене—веревелка.

одинъ бокъ его завьючилъ ящикъ съ Аджинтаемъ и его чернымъ ружьемъ, на другой ящикъ съ глиной, и выгналъ верблюда вмѣстѣ съ саврасой лошадью въ барханы по имени Аджинай-хара-балыръ, гдѣ было мѣсто охоты Аджинтая.

У Аджинтай-мергенъ-хана были дѣти, сынъ и дочь. Мальчика Боролтай-ханъ заставилъ пасти бывшій отцовскій скотъ: триста сѣрыхъ лошадей и триста сѣрыхъ овецъ (гурбанъ джонъ хара аду гурбанъ джонъ боро хони). Однажды, когда мальчику минуло 9 лѣтъ, ему явился бѣлоголовый старикъ и сказалъ, что Боролтай-ханъ не есть его настоящій родитель, что настоящій отецъ его Аджинтай-мергенъ-ханъ, котораго Боролтай-ханъ заширилъ [1]) и завьючилъ на верблюда, и верблюда угналъ въ пустыню. Мальчикъ сталъ спрашивать у аильныхъ [2]) обитателей, правда ли, что воспитатель его Боролтай-ханъ не есть его настоящій родитель. «Правда», говорятъ ему. «Твой отецъ Аджинтай-мергенъ-ханъ; онъ запертъ въ ящикъ и на верблюдѣ вывезенъ въ степь». Мальчикъ рѣшился пойдти искать своего отца. Шелъ, шелъ, и зашелъ въ барханы (балыръ); тутъ застигла его ночь и онъ расположился тутъ ночевать. На утро пробудился и видитъ, вся степь покрыта множествомъ старыхъ слѣдовъ скотскихъ и всякихъ звѣрей. Идетъ дальше, опять ночуетъ въ пескахъ; утромъ опять то же самое видитъ, только слѣды болѣе свѣжіе. Еще глубже входитъ въ пески; послѣ третьей ночи проснувшись, онъ услышалъ за барханомъ ревъ верблюда; вышелъ на вершину холма и увидѣлъ верблюда, завьюченнаго ящикомъ. Онъ говоритъ верблюду: «Если ты не мой верблюдъ, то съѣшь меня; если ты мой, то не тронь меня!» Верблюдъ заплакалъ; саврасая лошадь, ходившая тутъ же, стояла, повѣсивъ уши и опустивъ голову. Мальчикъ подошелъ къ верблюду, счёкалъ [3]), положилъ его, снялъ ящики и сбилъ съ нихъ крышки. Въ одномъ ящикѣ онъ нашелъ глину, въ другомъ лежитъ сѣдой и полуживой старикъ; девять лѣтъ Аджинтай пролежалъ въ ящикѣ. Старикъ едва слышнымъ голосомъ проговорилъ: «Ты кто такой?» Мальчикъ сказалъ, что онъ сынъ его. Потомъ онъ взялъ черное ружье (хара-бо), застрѣлилъ будене; сталъ пинать ногой кусты, наворочалъ дровъ, разложилъ огонь, зажарилъ будене и далъ Аджинтаю. Тотъ съѣлъ небольшой кусочекъ мяса будене и всталъ изъ ящика, какъ ни въ чемъ не бывало, совершенно крѣпкимъ и здоровымъ.

Аджинтай поѣхалъ искать свою жену. Дорогой онъ встрѣчаетъ человѣка, который догоняетъ дикую козу (джерь). Аджинтай спрашиваетъ его: «Ты что умѣешь дѣлать?» «Я умѣю дикихъ козъ догонять!» отвѣчаетъ тотъ. «Будь моимъ товарищемъ!» говоритъ Аджинтай. «У меня нѣтъ лошади». Аджинтай вырвалъ часть хвоста у своей лошади, бросилъ, стала лошадь; отломилъ частицу отъ своего сѣдла, бросилъ, стало цѣлое сѣдло. Взялъ того человѣка въ товарищи; ѣдутъ далѣе вдвоемъ и встрѣчаютъ человѣка, который за одинъ духъ выпивалъ море, такъ что дно становится совсѣмъ сухое. Аджинтай спрашиваетъ его: «Ты что умѣешь дѣлать?» «Я умѣю море выпивать до дна». «Будь моимъ товарищемъ!» «У меня нѣтъ лошади».

[1]) Т. е. зашилъ въ кожу на-глухо.

[2]) Аилъ—юрта и группа юртъ.

[3]) Т. е. словами: «чекъ! чекъ!» пригласилъ лечь.

Аджинтай вырвалъ часть хвоста у своей лошади, бросилъ, стала цѣлая лошадь; отщипнулъ отъ своего сѣдла, бросилъ, стало цѣлое сѣдло. Взялъ того человѣка въ товарищи, ѣдутъ втроемъ и встрѣчаютъ человѣка, который горы переставляетъ: которыя на западѣ, тѣ ставитъ на востокѣ, которыя на востокѣ, тѣ ставитъ на западѣ. «Ты что умѣешь дѣлать?» спрашиваетъ Аджинтай. «Я умѣю горы переставлять», отвѣчаетъ тотъ. Аджинтай создаетъ ему лошадь и сѣдло, какъ и предъидущимъ, беретъ его въ товарищи и ѣдетъ далѣе вчетверомъ. Встрѣчаютъ человѣка, который пинкомъ скалы сшибаетъ. Аджинтай дѣлаетъ ему лошадь и сѣдло и тоже беретъ въ товарищи. Ѣдутъ теперь впятеромъ и встрѣчаютъ человѣка, который слушаетъ, что дѣлается подъ землей и на небѣ. Аджинтай спрашиваетъ его: «Ты что умѣешь дѣлать?» Тотъ отвѣчаетъ, что онъ можетъ слышать, что дѣлается подъ землей и на небѣ. Аджинтай и этому далъ лошадь и сѣдло. Ѣдутъ вшестеромъ и встрѣчаютъ человѣка, который держитъ гору подъ мышкой. «Ты что умѣешь дѣлать?» спрашиваетъ его Аджинтай. «Я умѣю класть горы подъ мышку». Аджинтай даетъ ему лошадь и сѣдло, беретъ въ товарищи и ѣдетъ далѣе всемеромъ.

Пріѣхалъ Аджинтай-мергенъ-ханъ къ Боролтай-хану всемеромъ и предлагаетъ ему объ закладъ побиться. Боролтай-ханъ соглашается и говоритъ, что на завтра можно на первый разъ устроить бѣгъ. «Я, говоритъ Боролтай-ханъ, пущу тысячу лошадей; а ты сколько?» «А я одного человѣка», говоритъ Аджинтай-ханъ, и выставилъ человѣка, догоняющаго дикую козу. Лошади Боролтай-хана побѣжали, а тотъ человѣкъ еще остался на мѣстѣ. Лошади возвращаются къ ханской ставкѣ, смотрятъ, а человѣкъ Аджинтай-хана давно уже прибѣжалъ и сидитъ на мѣстѣ. Одинъ закладъ (морь) выигралъ Аджинтай.

На другой день назначили бороться. Боролтай-ханъ выставилъ борца, влѣво изъ его рта течетъ бѣлая слюна, вправо красная кровь. Аджинтай выставилъ человѣка, который пинкомъ ноги сковыриваетъ скалы. Начали бороться и человѣкъ Аджинтая зашибъ борца, выставленнаго Боролтай-ханомъ.

Послѣ того Боролтай-ханъ говоритъ Аджинтай-хану: «Ну теперь присядь; станемъ пировать!» Вошли въ пятиэтажный домъ; тамъ налѣво поставлены ядовитыя кушанья, направо неядовитыя. Человѣкъ, который умѣлъ слушать, что дѣлается подъ землею и на небѣ, говоритъ Аджинтай-мергенъ-хану, что тѣ яства, передъ которыми его посадили, ядовитыя, а передъ которыми сѣлъ Боролтай-ханъ здоровыя. Тогда человѣкъ, умѣющій переставлять горы, переставилъ яства; ядовитыя поставилъ противъ Боролтай-хана, неядовитыя противъ Аджинтая. Боролтай, видя, что онъ не могъ отравить Аджинтая, велѣлъ чирикамъ окружить домъ, въ которомъ сидѣлъ Аджинтай и поджечь его снизу. Домъ загорѣлся. Человѣкъ, выпивавшій море, сидѣлъ все время съ полнымъ ртомъ и когда ему предлагали пить чай или ѣсть, онъ притворялся, будто у него болятъ зубы. Когда начался пожаръ, онъ открылъ ротъ и вылилъ на него цѣлое море воды; огонь потухъ. Тогда человѣкъ, державшій гору подъ мышкой, бросилъ её и задавилъ ею всѣхъ чириковъ Боролтай-хана и его самого.

Семь звѣздъ Большой Медвѣдицы (долонъ бурхынъ)—это шесть искусныхъ товарищей Аджинтай-мергенъ-хана (дзурганъ шильбитей хунь) и жена его, возвратить которую они ему помогали; три звѣзды Оріона—это самъ Аджинтай-мергенъ-ханъ съ сыномъ, дочерью и двумя собаками Адзыромъ и Бадзыромъ (Аджинтай-мергенъ-ханъ хутей хуухетей адзыръ бадзыръ нохойтой).

Ратна-Вала, лама въ Гумбумѣ, монголъ родомъ изъ Ордоса.

Эпизодъ о неудачно зажаренной дичи см. въ сказкѣ «Дочь Лусай-хана» въ Оч., IV, № 154, стр. 521 и въ сказкѣ «Алтанъ-Сэсэкъ», въ Записк. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по Эти., т. I, в. 1, стр. 60.

Вылитое море воды, которое заключалось во рту одного изъ семи товарищей и затѣмъ брошенный камень не отголосокъ ли представленій о наводненіи, прекращенномъ брошеннымъ камнемъ? См. ниже, прим. къ № 27.

Вторую половину сказки о шести товарищахъ ср. съ бурятской сказкой «Долонъ Эбугутъ» въ Очеркахъ, IV, стр. 200 и съ татарской сказкой «Иръ-Тўшлюкъ (Radloff, Prob., IV, 443). Въ послѣдней добываемая дѣвица называется Кюнеръ-Сулу; она дочь какого-то Барса-Кильмэса, сидитъ подъ шестью слоями земли. Это послѣднее имя Барса-Кильмэсъ значитъ «пойдешь, не придешь», т. е. не вернешься. Такъ называется одинъ островъ на Аральскомъ морѣ, о которомъ есть киргизское повѣрье, что всякій человѣкъ, поднявшійся на него, убѣгаетъ внутрь острова и не возвращается. Въ выше упомянутой бурятской сказкѣ «Долонъ-Эбугутъ» герой ея, юноша, во время сна подвергается операціи; какой-то старикъ дѣлаетъ 70 наколовъ на его языкѣ, вслѣдствіе чего онъ начинаетъ понимать языкъ птицъ и подслушиваетъ разговоръ двухъ воронов. Въ Записк. Зап. Сиб. Отд. Геогр. Общ., II, 43 помѣщенъ разсказъ объ одномъ курганѣ на Иртышѣ: одинъ бѣглый, поѣвъ съ голоду мяса бѣлой змѣи, получаетъ даръ понимать языкъ животныхъ и подслушиваетъ, какъ воронъ ворону разсказываетъ преданіе о курганѣ. Ханъ похоронилъ въ немъ свою дочь, окруживъ сокровищами. Она такъ прекрасна, что увидѣвшій ее не можетъ ее не поцѣловать, и потомъ уже не можетъ выйдти изъ подземелья.

---

5. ТРИ БРАТА ХАТУ-ГУРБУЛАНЪ.

(Монгольскій разсказъ).

Были три брата; они ухаживали за тремя деревьями зандынъ[1]); у нихъ былъ одинъ сивый быкъ (хуху-буха). Однажды этотъ быкъ потерялся; братья порѣшили идти на поиски въ разныя стороны и, отправляясь, сдѣлали такой уговоръ: «Если мы не найдемъ, то вернемся къ этимъ тремъ деревьямъ зандынъ ровно черезъ три года въ часъ тигра (баръ); если мы будемъ единомысленны, то эти три дерева сблизятся; если мы будемъ думать врознь, то три дерева такъ и останутся, какъ теперь, далеко другъ отъ друга». Происками братья три года, не нашли быка и ровно черезъ три года въ часъ тигра вернулись къ тремъ деревьямъ зандынъ (зандынъ-модо). Видятъ, деревья сблизились. Братья влѣзли на эти деревья. Смотрятъ, подходитъ человѣкъ. Старшій братъ говоритъ: «Мнѣ мнится, что этотъ-то человѣкъ

---

[1]) Сандальное дерево.

и укралъ нашего быка! Нужно его схватить и допытать!» Братья слѣзли, схватили человѣка и начали его бить, допрашивая, не онъ ли укралъ быка. Сначала тотъ увѣрялъ, что онъ знать не знаетъ сиваго быка, но потомъ, боясь, что его прибьютъ до смерти, сказалъ, что онъ угналъ быка, что онъ имъ за одного быка отдастъ двадцать одного быка, только бы его отпустили. Братья отпустили его. Тогда тотъ человѣкъ повелъ ихъ судиться къ нойону или къ хану. Ханъ спросилъ истца: уводилъ ли онъ быка. Тотъ отвѣчалъ, что нѣтъ и что принялъ на себя этотъ грѣхъ только изъ боязни, что его убьютъ. Ханъ спросилъ отвѣтчиковъ, видѣли ли они своими глазами, какъ тотъ уводилъ быка. Братья отвѣчали: «Нѣтъ, не видали, но думаемъ, что это онъ сдѣлалъ». Тогда ханъ повелъ ихъ въ поле, что-то взялъ въ горсть и, укрывая вещь между ладонями, спросилъ братьевъ: «Что у меня за вещь въ рукахъ?» Старшій братъ отвѣчалъ ему: «Что-то красное». Средній отвѣчалъ, «Красное и цѣпкое» (уланъ болодъ синджетей байна). Младшій сказалъ: «Красный цѣпкій жужубъ» (уланъ болодъ синджетей болбыло чибыгы байна). Ханъ раскрылъ горсть; въ ней дѣйствительно былъ жужубъ. Ханъ снова пошелъ въ степь, вернулся съ закрытой горстью и вновь спросилъ братьевъ: «Что у меня въ рукѣ?» Старшій сказалъ: «Что-то живое!» Средній сказалъ: «Что-то многоногое» (амитай болодъ олонъ кёльтей байна)! Младшій сказалъ: «Живой многоногій черный вонючій червякъ» (амитай болодъ олонъ кёльтей болбыло хараунгетей умухэй хорхо)! Ханъ снова сходилъ въ степь, вернулся съ закрытой горстью и вновь спросилъ: «Что у меня въ рукѣ?» Старшій сказалъ: «Что-то коричневое!» Средній сказалъ: «Что-то вогнутое» (улабыръ унгетей болодъ хонгюртей байна)! А младшій сказалъ: «Ковшъ изъ сандальнаго дерева» (улабыръ болодъ хонгюртей болони зандынъмодо хуръ шинага). Тогда ханъ присудилъ, чтобы истецъ заплатилъ отвѣтчикамъ восемьдесятъ одного быка (юсунъ юса наинъ нигъ). Братья ушли. Тогда ханъ послалъ тушюмилей (вельможъ) подслушать, что братья будутъ говорить. Тушюмили подошли къ жилищу братьевъ и слушаютъ. Тѣ говорятъ: «Ханъ, сидящій на престолѣ, не настоящій ханъ, не царской крови! Злой ханъ!» Послѣ того того хана убили, на его мѣсто посадили старшаго брата изъ трехъ, а двухъ младшихъ сдѣлали большими тушюмилями.

Очиръ, монголъ изъ Ордоса, хошуна дзасыка.

Судъ изъ-за быка; ср. Lassen, Indische Alterthumskunde, Leipzig, 1867, Buch II, S. 623; см. также Записки Вост. Сиб. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 1, стр. 103 (бурятская сказка Гургулданнъ-гурбунъ-сысынъ) и т. II, в. 2, стр. 20. Число: юсунъ юса наинъ нигъ см. въ сказкѣ о Мани-Ветыръ-ханѣ (Оч., IV, 525). Начало сказки (уговоръ братьевъ относительно деревьевъ) ср. съ началомъ перваго разсказа въ Шиддикурѣ (Этн. Сб., VI, стр. 11), а также съ № 7 настоящаго собранія, но въ обоихъ послѣднихъ случаяхъ не три, а шесть деревьевъ.

6. ДОЛОНЪ-ЭЛЬБИЧИНЪ [1]).

(Монгольскій разсказъ).

Было семь молодыхъ людей (кубюнъ); одинъ былъ сынъ кузнеца, другой сынъ плотника, третій сынъ художника, четвертый шиншичи'я, пятый сынъ разбивателя камней; шестой лекаря (емчи), а седьмой не зналъ никакого искусства. Они посадили семь деревъ и сказали: «Разойдемся въ разныя стороны; если чье-нибудь дерево посохнетъ, это будетъ значить, что посадившій его убитъ. Дадимъ другъ другу обѣщаніе, что костей товарища не бросимъ». Сказавъ эти слова, они разошлись. Незнавшій никакого искусства пришелъ къ рѣкѣ и увидѣлъ въ ней красивую дѣвицу; дѣвица шла въ водѣ по дну рѣки, молодой человѣкъ шелъ съ ней рядомъ по берегу; такимъ образомъ они пришли къ жилищу этой дѣвицы; молодой человѣкъ вошелъ въ ея домъ и сдѣлался ея другомъ (нюкуръ). Дѣвица заставила его пасти скотъ, а такъ какъ онъ хотѣлъ все смотрѣть на нее и не шелъ къ стаду, то дѣвица дала ему свой портретъ и сказала, чтобъ онъ берегъ этотъ портретъ отъ вѣтра. Молодой человѣкъ ходилъ въ степь, садился на землю и смотрѣлъ на портретъ, положивъ его въ шапку. Однажды вѣтеръ схватилъ портретъ, унесъ и опустилъ его у дверей хана; ханская служанка подала портретъ хану. Ханъ, собравъ войско, пошелъ искать красивую женщину; схвативъ обоихъ молодыхъ людей, ханъ хотѣлъ убить юношу; женщина стала просить хана оставить ея товарища въ живыхъ; но ханъ велѣлъ опустить его живымъ въ глубокую яму и завалить камнемъ. Молодой человѣкъ умеръ въ ямѣ.

Шестеро товарищей пришли къ семи посаженнымъ деревьямъ; видятъ, одно дерево посохло. Они пошли искать кости своего товарища. Сначала шиншичи посредствомъ своего искусства узналъ, гдѣ онѣ лежатъ. Пришли къ этому мѣсту. Раздробитель камней раздробилъ камень, который былъ наваленъ на отверзтіе ямы. Лекарь (емчи) оживилъ кости и погнившее тѣло молодого человѣка. Шестеро товарищей стали разспрашивать седьмого, отчего онъ умеръ и кто его убилъ. Молодой человѣкъ разсказалъ, какъ онъ встрѣтилъ красивую женщину и началъ жить съ ней, какъ объ ней узналъ сосѣдній ханъ, пришелъ съ войскомъ, женщину отнялъ у него, а его самого бросилъ въ яму и завалилъ камнемъ. Тогда товарищи рѣшились разыскать красавицу и воротить ее. Товарищъ плотникъ сдѣлалъ домъ, съ наружной стороны имѣвшій видъ птицы Ханъ-гариди; художникъ разрисовалъ эту птицу. Лекарь (емчи) оживилъ ее. Внутрь птицы посадили воскрешеннаго товарища; птица полетѣла въ ханскій городъ и сѣла на ханскій дворецъ. Ханъ увидѣлъ птицу и захотѣлъ поймать ее. Разсыпали кормъ птицѣ; птица спустилась клевать. Но какъ только станутъ къ ней приближаться люди, она сейчасъ же по-

[1]) «Семь чудодѣйственныхъ художниковъ».

днимается и опускается безъ боязни только около того мѣста, гдѣ сидитъ ханьша. Тогда ханъ велѣлъ всѣмъ отойдти въ сторону и идти за птицей одной ханьшѣ. Ханьша подошла къ птицѣ; тогда молодой человѣкъ, сидѣвшій въ птицѣ, бывшій мужъ ханьши, отворилъ окно и пригласилъ ханьшу войдти въ его домъ. Какъ только ханьша вошла въ окно, птица поднялась и полетѣла, и опустилась только тамъ, гдѣ оставались шесть товарищей. Красивая женщина вышла изъ птицы. Увидѣвъ красавицу, всякому изъ шести товарищей хотѣлось сдѣлать ее своей женой. Всякій сталъ доказывать свое право присвоить ее. Плотникъ говорилъ: «Кабы я не сдѣлалъ птицы, не добыть бы красавицы отъ хана!» Художникъ говорилъ: «Кабы я не раскрасилъ птицы, ханъ не захотѣлъ бы ее поймать и не послалъ бы за ней ханьшу!» Молодой человѣкъ, бывшій ея мужъ, говорилъ: «Кабы я ее не нашелъ, вы бы ничего объ ней не знали и не слыхали!» Раздробитель камней говорилъ: «Если бы не я, то камень и до сихъ поръ лежалъ бы надъ ямой!» Лекарь говорилъ: «Не я бы, то не воскресъ бы нашъ умершій товарищъ, и птица не умѣла бы летать». Такъ споря между собою, они стали тянуть женщину каждый въ свою сторону и разорвали ее на части. Тогда женщина сказала имъ: «Не ссорьтесь! Я удалюсь на луну, а вы станьте звѣздами!» Пятна на лунѣ это и есть дѣвица; шесть звѣздъ Мечинъ (Плеяды) — шесть эльбичиновъ. Каждый годъ Плеяды шесть разъ съ луной встрѣчаются (такона). Долонъ-бурханъ (Б. Медвѣдица) укралъ одну звѣзду у Мечина; эта украденная звѣзда находится теперь въ хвостѣ Долонъ-бурхына; это и есть тотъ молодой человѣкъ, который былъ убитъ ханомъ и потомъ воскрешенъ.

Записано отъ хухунорской олётки, хошуна чинъ-хай-вана.

Поѣздка на деревянной Гаруди составляетъ содержаніе пятаго разсказа Панчатантры «Ткачъ подъ видомъ Вишну» (Benfey, Pantschatantra, Leipzig, 1859, Th. II, 48 и Th. I, 159). Ткачъ влюбляется въ проѣхавшую мимо царевну; его другъ плотникъ доставляетъ ему возможность посѣщать ее; онъ дѣлаетъ деревянную Гаруду, и садитъ на нее ткача, придавъ ему знаки шестирукаго бога Вишну. Имя Вишну встрѣчается и въ вступительномъ разсказѣ Панчатантры; сборникъ начинается разсказомъ о царѣ, имѣвшемъ трехъ глупыхъ сыновей, которыхъ берется научить мудрости мудрецъ Вишнусарманъ; во вступительномъ разсказѣ Шиддикура царскій сынъ отданъ въ обученіе семи чародѣямъ; устный разсказъ, который мы слышали въ Монголіи, кончается указаніемъ на Б. Медвѣдицу (Оч. IV, 198): Амынъ-цаганъ-бюрю разбитъ на семь кусковъ, которые стали звѣздами этого созвѣздія; въ напечатанномъ Гомбоевымъ переводѣ Шиддикура (Этн. Сб., VI, 144) это семь буддъ (по монгольски долонъ будда, по тюркски джеты будда).—Покровителемъ гонимаго отрока въ кавказскихъ сказаніяхъ (Оч., IV, 714, 735) является созвѣздіе Б. Медвѣдица, а не Плеяды (монг. Мечинъ, Мышинъ).—Бенфей (Pantsch., I, 31) сближаетъ Вишнусармана съ Вишнугуптой, министромъ царя Чандрагупты, образцомъ государственнаго человѣка; если, говоритъ онъ, Вишнусарманъ и не есть синонимъ съ Вишнугуптой, то все таки это имя выбрано разсказчикомъ, чтобы напомнить о великомъ мастерѣ въ политикѣ. Въ тюркскихъ преданіяхъ у Рашидъ-эддина такимъ представленіямъ соотвѣтствуетъ Джиркылъ (см. примѣчанія къ № 86 о Плеядахъ). Ср. также тюркскіе разсказы о Джиренъ-шешенѣ и его глупомъ сынѣ (Radloff, Prob., I, 197; IV, 201; Оч., II, 158; IV, 362 и 364). Джиренъ-шешенъ, министръ Асъ-Джанибекъ-хана (Оч., II, 158); въ сказаніи Иссыкъ-кульскихъ Киргизъ Джанибекъ-ханъ царь съ ослиными ушами. Джиркылъ былъ министръ Огузъ-хана, т. е. Быка-хана; не было ли объ Огузъ-ханѣ сказанія въ родѣ тибетскаго о Ландармѣ? Сборникъ Радлова знаетъ Осъ-Джанибекъ-хана (Radloff, Prob., III, 89); сл. съ примѣч. къ № 27.

---

7. ШЕСТЬ ДЕРЕВЬЕВЪ.

(Монгольскій разсказъ).

Было шесть братьевъ. Однажды они вздумали разойтись въ разныя стороны искать счастья, посадили шесть деревьевъ и сказали: «Кто будетъ въ дорогѣ имѣть успѣхъ и кто не погибнетъ, у того и дерево, имъ посаженное, не погибнетъ; кто же изъ насъ въ дорогѣ умретъ, того дерево посохнетъ». Съ этими словами они разошлись; пятеро пошли въ одну сторону вверхъ по рѣкѣ, одинъ пошелъ въ другую сторону по другой рѣкѣ. Этотъ послѣдній шелъ, шелъ и дошелъ до селенія, гдѣ жила одна красавица. Онъ поселился около нея и она сдѣлала его своимъ мужемъ. Живетъ онъ у нея, но ничего не дѣлаетъ; все сидитъ подлѣ нея и любуется на неё. Она его уговаривала что нибудь дѣлать, пасти скотъ, пахать пашню, но молодой человѣкъ ничего не хочетъ дѣлать, хочетъ только смотрѣть на неё. Вотъ однажды она нарисовала свой портретъ, поставила его въ концѣ полосы и велѣла ему пахать. Ведетъ онъ борозду къ портрету, гонитъ быка, чтобъ скорѣе дойдти до портрета; поведетъ борозду прочь отъ портрета, едва, едва подвигается, все оглядывается назадъ. Тогда красавица сама сѣла на другомъ концѣ поля. Молодой человѣкъ началъ гнать быка, когда къ ней шелъ, на портретъ ужь не хочетъ и смотрѣть, а пойдетъ прочь отъ красавицы, все на нее оглядывается, едва, едва двигается. Вдругъ поднялся вихорь, выхватилъ портретъ, носилъ, носилъ его и уронилъ въ городѣ, гдѣ ханъ жилъ. Портретъ доставили хану; ханъ спросилъ: «Гдѣ живетъ такая красавица?» Одинъ вельможа сказалъ: . . . . . [1]). Другой вельможа сказалъ: «Вверхъ по этой рѣкѣ есть селеніе; въ немъ живетъ эта красавица». Ханъ послалъ войско взять красавицу. Войско схватило молодого человѣка (сайханъ-ху), выкопало колодезь, бросило его на дно, а сверху прикрыло огромнымъ камнемъ, чтобъ люди не могли приподнять, а красавицу взяли и отвели къ хану.

Пятеро братьевъ вернулись къ посаженнымъ деревьямъ, пять деревьевъ разрослись, а дерево младшаго брата посохло. Тогда они всѣ пятеро пошли вверхъ по рѣкѣ, по которой ушелъ ихъ братъ; пришли въ то селеніе, спрашиваютъ, не былъ ли здѣсь ихъ братъ. Имъ говорятъ, что былъ, но что пришло царское войско и бросило его въ глубокій колодезь, а сверху привалило камнемъ. Братья во время своего странствованія выучились разнымъ мастерствамъ; одинъ сталъ плотникомъ, другой кузнецомъ, третій живописцемъ, четвертый изучилъ номъ (писаніе или знаніе), пятый научился камни разбивать. Братъ, выучившійся кузнечному искусству, сковалъ желѣзный шестъ (гадусъ) и заострилъ его; другой этимъ шестомъ разбилъ наваленный камень; изучившій номъ, читая его, вынулъ младшаго брата изъ ямы.

[1]) Что сказалъ, осталось не записаннымъ.

Спрашиваютъ его братья, за что ханъ велѣлъ бросить его въ яму. Младшій братъ разсказалъ, что онъ нашелъ здѣсь красавицу, которая приняла его къ себѣ въ мужья, что объ ней узналъ ханъ и захотѣлъ её отнять у него; посланное ханомъ войско бросило его въ яму, а красавицу увело. Тогда братья порѣшили возвратить жену своему младшему брату.

Братъ, научившійся плотничному мастерству, сдѣлалъ птицу изъ дерева; живописецъ окрасилъ ее; изучившій номъ, читая его, оживилъ ее. Внутрь птицы посадили младшаго брата и птица полетѣла въ царскій городъ. Царь увидѣлъ, что какая-то птица вьется надъ дворцомъ, крикнулъ царицу; смотрятъ, но поймать не могутъ. Выслали войско ловить птицу; за войскомъ пошли царь и царица. Птица не даетъ себя поймать, а все старается подлетѣть поближе къ царицѣ. Замѣтивъ это, одинъ придворный говоритъ: «Не умѣючи ловимъ! Этакъ намъ никогда ее не поймать! А нужно войско совсѣмъ не посылать, послать же одну царицу въ поле. Видите, птица все старается ближе къ ней сѣсть». Такъ и сдѣлали, войско отослали въ городъ, а въ поле отправили одну царицу. Станетъ царица подходить къ сидящей птицѣ, птица снимется, отлетитъ подальше и опять сядетъ. Увела царицу далеко отъ города и сѣла. Изъ птицы высунулся прежній мужъ царицы и спрашиваетъ ее, хочетъ ли она вернуться къ нему. Царица говоритъ ему, что она все время, пока жила у царя, тосковала объ немъ и рада вернуться къ нему. Тогда молодой человѣкъ подпустилъ царицу къ себѣ и предложилъ ей сѣсть въ птицу. Царица сѣла и птица полетѣла. Когда птица опустилась на землю, гдѣ находились пятеро братьевъ, царица вышла изъ нея. Только она вышла, какъ всѣ пятеро братьевъ стали спорить изъ-за нея. Одинъ говоритъ: я возьму! другой говоритъ: я возьму! Плотникъ говоритъ: «Если бъ я не сдѣлалъ птицы, не добыть бы царицы, и потому ее слѣдуетъ отдать мнѣ!» Живописецъ говоритъ: «Если бъ я не раскрасилъ ее, царь и войско не признали бы ее за птицу!» Изучившій номъ говоритъ: «Если бъ я не оживилъ ее, птица не могла бы летать!» Младшій братъ говоритъ: «Если бъ я не нашелъ ее, вы бы вовсе о ней не знали!» Раздробитель говоритъ: «Если бъ я не раздробилъ камень, то ты бы и до сихъ поръ лежалъ въ ямѣ». Кузнецъ говоритъ: «А если бъ я не сковалъ желѣзный шестъ, тебѣ не раздробить бы камень!» Стали спорить, схватили ее, стали тащить и разорвали на части.

Пунсукъ, ордосскій монголъ хошуна Ушинъ.

Вторая половина этой сказки, также какъ и № 6 (Долонъ эльбичинъ), представляетъ сходство съ египетской сказкой о двухъ братьяхъ (Maspéro, Contes égyptiens, Paris, 1882): уединенная жизнь съ дѣвицей, унесенный вѣтромъ портретъ (вмѣсто волосъ, унесенныхъ рѣкой, какъ въ египетской сказкѣ, а также въ Шиддикурѣ и Оч., IV, 240), плѣненіе дѣвицы царемъ, гибель ея друга и спасеніе его братьями (вмѣсто одного брата). Герой сказки «Шесть деревьевъ» соотвѣтствуетъ Bitiou египетской сказки (въ прежнихъ чтеніяхъ Batou или Satu; Husson, La chaine traditionnelle, Paris, 1874; Wolf's Zeitschrift für Deutsche Mythologie, IV, 232). Уносимые рѣкой волосы и навлекаемое этимъ обстоятельствомъ нашествіе царя въ вершины рѣки сводитъ этотъ циклъ сказокъ съ разсказомъ № 49 (Туванабжю). Долина, въ которой жилъ Bitiou съ своей подругой, названа «долиной акацій»; душа его была скрыта въ цвѣткѣ дерева акаціи. Египто-

логи сближаютъ Bitiou съ Озирисомъ (см. у Масперо и Гюссона въ вышеприведенныхъ сочиненіяхъ). На многихъ памятникахъ, говоритъ Гюссонъ, встрѣчаются изображенія Озирисова дерева. Одно изъ нихъ имѣетъ на своихъ вѣтвяхъ птицу Vennou (фениксъ), а надъ деревомъ надписано Ba-en-Asar, «душа Озириса» (Hussou, La chaine, p. 90).

Въ №№ 6 и 7 настоящаго собранія «дѣва рѣчной долины» не содѣйствуетъ гибели своего друга и послѣ увоза продолжаетъ относиться къ нему дружески. Въ послѣдней главѣ Шидикура, перев. Гомбоева, (Эти. Сб., VI) она даже учитъ своего друга, какъ поступать, чтобъ имъ вновь соединиться. Въ Оч., IV, 240, враждебнаго отношенія также нѣтъ, но тайна, какимъ средствомъ можетъ быть погубленъ юноша, вывѣдывается отъ его подруги черезъ него самого; нужно бросить въ огонь черный четвероугольникъ, висѣвшій у дымника. Этотъ четвероугольникъ соотвѣтствуетъ цвѣтку акаціи, въ который была заключена душа Битью въ египетскомъ романѣ; въ послѣднемъ женщина по увозѣ становится враждебною своему прежнему другу.

8. а. ДОЧЬ ВОДЯНАГО ЦАРЯ.

(Тангутскій).

Жили старикъ со старухой; у нихъ былъ одинъ сынъ, который рубилъ дрова, продавалъ и на вырученныя деньги кормилъ родителей. Но этихъ денегъ не хватало. Онъ говоритъ себѣ: «Нѣтъ, такъ жить нельзя! Пойду искать, не добуду ли больше». Оставивъ родителямъ денегъ, онъ отправился по дорогѣ. На встрѣчу ему бѣжитъ вихорь; молодой человѣкъ ударилъ по вихрю своимъ посохомъ, на землѣ остался башмакъ, а вихорь убѣжалъ въ горы и ушелъ въ нору. Молодой человѣкъ надѣлъ башмакъ на посохъ, вошелъ въ городъ и кричитъ: «Башмакъ продаю»! Уличный народъ разглядѣлъ башмакъ, доложили царю. Царь призвалъ молодого человѣка во дворецъ, спрашиваетъ: гдѣ взялъ башмакъ? Молодой человѣкъ разсказалъ, какъ онъ ударилъ посохомъ по вихрю, какъ вихорь убѣжалъ въ горы, а на землѣ остался башмакъ. Куда ушелъ вихорь? спрашиваетъ царь. Молодой человѣкъ отвѣчаетъ: «Я видѣлъ, какъ онъ ушелъ въ нору». Царь говоритъ: «Это моя дочь, похищенная у меня. Не хватитъ ли у тебя силъ и умѣнья возвратить ее мнѣ?» Молодой человѣкъ думаетъ: «Не знаю, съумѣю ли это сдѣлать». Однако онъ былъ человѣкъ бѣдный, рѣшился попробовать.

Онъ взялъ съ собой ратниковъ съ веревкой и отправился къ норѣ. На веревкѣ его спустили въ нору; онъ видитъ, лежитъ гза (чудовище, покрытое ртами и глазами по всему тѣлу) и спитъ. Подлѣ него находится дѣвица красавица. Онъ привязалъ дѣвицу къ веревкѣ; ратники вытянули ее изъ норы; потомъ ратники думаютъ, если вынуть изъ норы и молодого человѣка, то пожалуй гза погонится за нимъ и тоже вылѣзетъ изъ норы; они оставили молодого человѣка въ норѣ и затянули ее камнемъ. Оставшись на днѣ норы, молодой человѣкъ пошелъ вдоль ея и нашелъ лежащаго дракона (иджунъ). Драконъ говоритъ ему: «Побудь при мнѣ, пока выздоровѣетъ моя изломанная рука [1]); питайся тѣмъ, что будетъ выходить

[1]) Разсказчикъ объяснилъ, что изломалъ руку дракону бонбоцзы, шаманъ, бросивъ въ воздушное пространство дорчжи или пращей, когда драконъ дѣлалъ грозу. Тангутскіе шаманы для укрощенія грозы бросаютъ въ тучу или очиры или особо приготовленныя пилюли.

изъ моего рта; а когда выздоровѣю, я вынесу тебя изъ норы». Молодой человѣкъ послушался; когда дракопъ выздоровѣлъ, онъ положилъ молодого человѣка себѣ на спину, вынесъ изъ норы и отнесъ къ Водяному царю Улы-гсыгла-рэнчину. Царь говоритъ молодому человѣку: «Ты спасъ мою дочь! Проси чего хочешь». По совѣту дракона,—а это и была сама дочь Водяного царя,—молодой человѣкъ сказалъ царю: «Мнѣ ничего не надо, ни серебра, ни золота, а дай мнѣ вонъ тотъ кусокъ дерева и чернаго осла». Пожалѣлъ царь кусокъ дерева,—потому что отдать его, значило отдать дочь,—но все таки отдалъ. Поѣхалъ молодой человѣкъ и думаетъ дорогой: «Не глупо ли я сдѣлалъ! Кабы попросилъ золота и серебра, могъ бы купить хлѣба и мяса; теперь я проголодался, а за этотъ кусокъ дерева кто что дастъ». Съ горя онъ легъ спать. Проснулся, видитъ, лежитъ онъ въ прекрасномъ домѣ; въ домѣ отличное убранство, на столахъ стоитъ всякая вкусная ѣда. «Ѣсть или нѣтъ?» спрашиваетъ себя молодой человѣкъ. «Ну, если умереть, пусть умру!» сказалъ онъ и поѣлъ. Снова легъ спать.

Поѣхалъ молодой человѣкъ дальше и во всю дорогу каждый день съ нимъ совершается такое превращеніе. Пріѣхалъ къ матери, разсказалъ ей, что съ нимъ случилось; какъ онъ попалъ въ нору, какъ драконъ вынесъ его изъ норы, какъ Водяной царь предложилъ ему просить, чего онъ хочетъ и какъ онъ выпросилъ кусокъ дерева и чернаго осла. «Не глупый ли ты?» говоритъ ему мать. «Что съ этимъ деревомъ дѣлать?» Легли спать. Встаютъ, всякая ѣда готова. Сынъ спрашиваетъ у матери: «Будешь ли ты это ѣсть?» Мать говоритъ: «Умереть, такъ пусть умру! поѣмъ». Поѣла. И такъ каждый день стало случаться; проснутся утромъ, всякая ѣда уже готова. Сынъ говоритъ матери: «Надо посмотрѣть, откуда это все берется». Онъ притворился спящимъ. Изъ дерева вышла прекрасная женщина и начала стряпать и убирать въ домѣ, потомъ снова ушла въ ящикъ. Молодой человѣкъ въ другой разъ притворился, и когда женщина вышла изъ дерева, онъ схватилъ это дерево и бросилъ въ огонь. Сталъ онъ жить послѣ этого съ красавицей; всего у нихъ вдоволь.

Мужъ говоритъ женѣ: «Приглашу царя къ себѣ въ гости? Теперь у насъ найдется, съ чѣмъ принять царя!» Не приглашай! говоритъ жена. Но мужъ не послушалъ, поѣхалъ къ царю, зоветъ его къ себѣ въ гости. Царь говоритъ: «Поѣду, если ты устроишь мостъ отъ моего дома до твоего». Мужъ возвращается къ женѣ, передаетъ ей царскія слова. Жена говоритъ, это еще не бѣда. Дала ему пачку иголокъ и учитъ: «Поѣзжай и разсыпь вдоль дороги, а подъѣхавъ къ царской ставкѣ, взгляни назадъ». Мужъ такъ и сдѣлалъ, разсыпалъ иголки, оглянулся,—во всю дорогу готовый мостъ. Приходитъ къ царю и говоритъ: «Я мостъ сдѣлалъ. Теперь поѣзжай ко мнѣ!» «Нѣтъ», говоритъ царь. «Сначала разсади по всей дорогѣ фруктовыя деревья и пусть они цвѣтутъ и несутъ зрѣлые плоды. Тогда я къ тебѣ пріѣду». Мужъ возвращается домой, передаетъ женѣ новое приказаніе царя. Жена говоритъ: это не бѣда! Дала мужу косточки изъ фруктовъ и велитъ разсадить вдоль дороги, а дошедши до царской ставки, оглянуться. Онъ разсадилъ косточки, оглянулся,—по всей дорогѣ стоятъ деревья въ зелени, цвѣтутъ и увѣ-

шаны плодами. Входитъ къ царю и говоритъ, что онъ разсадилъ деревья по всей дорогѣ, деревья стоятъ въ цвѣту и въ плодахъ, опять зоветъ царя въ гости. Но царь не ѣдетъ, а еще задаетъ задачу: «разстели по всей дорогѣ войлока поочередно красные и бѣлые». Мужъ передаетъ царскій приказъ женѣ. Жена даетъ ему два пучка шерсти, одинъ бѣлый, другой красный и велитъ разбросать вдоль дороги и оглянуться. Мужъ исполнилъ совѣтъ жены, оглянулся—дорога готова, устлана поочередно красными и бѣлыми войлоками. Когда онъ сказалъ объ этомъ царю, царь думаетъ: «У него въ домѣ есть какая-то хитрая вещь. Теперь надо къ нему ѣхать».

Жена совѣтуетъ мужу: «Долго не задерживай царя! угости и отпусти скорѣе». Потомъ она сняла съ себя свое красивое лицо, положила подъ подошву своей ноги, придавила башмакомъ. Царь вошелъ въ юрту къ молодому человѣку, указываетъ на женщину и спрашиваетъ: «Это кто у тебя?» «Это моя жена», отвѣчаетъ тотъ. Сталъ онъ угощать царя, пустился въ разговоры, не отпускаетъ царя. Чай весь уже выпили, не чѣмъ угощать царя. Мужъ говоритъ женѣ: «Вари новый чай!» Та будто не слышитъ. Онъ въ другой разъ уже не такъ спокойно сказалъ, а закричалъ, чтобъ она варила. Но она притворилась, будто опять не слыхала. Тогда онъ въ третій разъ съ сердцемъ крикнулъ: «Дочь Водяного, вари чай!» Она тоже осердилась и вскочила съ мѣста; лицо изъ подъ башмака и выскочило. «Это что за красавица?» спрашиваетъ царь. «Это моя жена», говоритъ молодой человѣкъ. «Нѣтъ!» говоритъ царь; «это не твоя жена, а моя. Выпустимъ собакъ твою и мою другъ на друга, и если твоя мою съѣстъ, жена твоей останется, если же моя твою съѣстъ, я уведу твою жену къ себѣ». Жена говоритъ мужу: «У моей матери есть небольшая собачка. Иди къ матери и скажи: твоя дочь проситъ у тебя маленькую собачку». Мужъ пошелъ къ матери своей жены и та дала ему собачку. Несетъ онъ ее и думаетъ, у царя собака большая, гдѣ этой загрызть ту. Жена опять велитъ ему: «Иди на перевалъ и сядь тамъ; когда ханская собака прибѣжитъ къ тебѣ, выпусти собачку и скажи: съѣшь большую ханскую собаку!» Мужъ сдѣлалъ по совѣту жены; когда ханская собака прибѣжала, онъ выпустилъ маленькую собачку и сказалъ: «Съѣшь большую ханскую собаку!» Собачка бросилась на горло большой собакѣ и сразу загрызла ее. Ханъ говоритъ мужу красавицы: «Пусть твои ратники срываютъ гору; и мои ратники будутъ срывать такую же, равную ей. Чьи ратники скорѣе сроютъ гору, того и будетъ жена». Жена учитъ мужа: «Иди къ моей матери и скажи, что я зову мою тетку и мою младшую сестру». Мужъ пошелъ къ матери своей жены и привелъ тетку жены и младшую сестру жены. Ханъ выставилъ цѣлое войско, у мужа красавицы всего два помощника. Ханъ говоритъ ему: «Ну гдѣ же тебѣ тягаться со мною? Теперь я уведу твою жену, а тебя велю казнить». Гора у ханскихъ ратниковъ уже замѣтно убавилась; мужъ красавицы копаетъ одинъ и только небольшое мѣсто скопалъ; товарищи не торопятся ему помогать. Онъ кричитъ имъ: «Помогайте скорѣе! Смотрите, у хана гора уже убыла, а я одинъ что сдѣлаю». Тетка жены его и младшая ея сестра подошли, подсунули двѣ лопаты съ двухъ сторонъ, сковырнули гору и бросили въ сторону. Ханскіе ратники разинули ротъ. А! кричатъ.

Ханъ опять говоритъ: «Пусть твои ратники и мои сойдутся и подерутся; если мои твоихъ перебьютъ, жена моя; если твои моихъ перебьютъ, останется твоею». Жена учитъ мужа: «Пойди къ моей матери и попроси ящикъ съ войскомъ». Мужъ пришелъ къ матери своей жены и говоритъ, что дочь проситъ у ней ящикъ съ войскомъ. Мать говоритъ: «Въ худое мѣсто моя дочь попала, коли требуетъ ящикъ. Возьми и дорогой не открывай». Взялъ онъ ящикъ и пошелъ домой. Дорогой сѣлъ подъ большой камень отдохнуть и думаетъ: дай открою, посмотрю! Пріоткрылъ, изъ ящика лѣзутъ ножи и кричатъ: кого убить? кого убить? Человѣкъ говоритъ: «Этотъ камень!» Ножи бросились на камень, искрошили его въ песокъ и улетѣли назадъ къ матери его жены. Принесъ онъ ящикъ къ женѣ; та взяла ящикъ въ руки и говоритъ: «Да онъ пустой! Ты вѣрно открылъ его дорогой?» Открылъ, признается мужъ. Всѣ ратники изъ ящика возвратились домой. «Ступай опять къ матери, велитъ жена, и скажи, что ящикъ пустой». Пришелъ онъ къ матери своей жены, проситъ вновь наполнить ящикъ. «А ты на кого напустилъ ножи?» спрашиваетъ она. На камень, отвѣчаетъ онъ. «То-то они тупы!» Она вновь наточила ножи, уложила ихъ въ ящикъ и подала ему. Идетъ онъ домой и радуется; теперь царскому войску не справиться. Жена ему совѣтуетъ: «Иди на перевалъ, сядь и жди. Когда ханское войско подойдетъ, ты отвори ящикъ. Ножи закричатъ: кого бить? Ты скажи: Царское войско и хана убейте!» Сѣлъ онъ на перевалѣ и ждетъ. Царь идетъ съ войскомъ и говоритъ: «Теперь-то я убью тебя и заберу твою жену! Смотри, сколько у меня войска! а у тебя и оружія никакого нѣтъ!» Войско идетъ на перевалъ, трубачи трубятъ. Только подошли къ мужу красавицу, онъ открылъ ящикъ. Ножи выскочили, кричатъ: кого бить? кого бить? Онъ говоритъ: Царское войско и царя убейте! Ножи бросились на войско, всѣхъ ратныхъ людей перебили и самого царя убили. Мужъ красавицы сѣлъ на царскій престолъ и сталъ царствовать.

Ами-Салунъ, тангутъ изъ Дуй.

---

6. ШАЦГАЙ-ХАНЪ (ЦАРЬ-СОРОКА).

(Монгольскій).

Одинъ царь имѣлъ единственнаго сына. Однажды отецъ сказалъ своему сыну: «Ты бы пошелъ изъ дому и научился бы какому-нибудь полезному дѣлу». Сынъ пошелъ и выучился играть на хурѣ [1]). Когда онъ вернулся, отецъ спросилъ его, чему онъ выучился. Сынъ сказалъ, что онъ научился играть на хурѣ. Отецъ осердился на сына. «Дѣти другихъ отцовъ выучиваются читать книги, ковать желѣзо,

[1]) Струнный инструментъ со смычкомъ, въ родѣ скрипки.

а ты выучился играть на хурѣ. Къ чему полезно это занятіе!» Съ этими словами отецъ прогналъ сына изъ дому. Мальчикъ (хубунъ) дошелъ до морского берега, сѣлъ тутъ и началъ играть на хурѣ. Игралъ, игралъ и задремалъ. Вдругъ слышитъ голосъ: «Вставай! вставай!» Мальчикъ открылъ глаза. Передъ нимъ стоитъ старикъ, съ бѣлой бородой, въ бѣломъ одѣяніи и говоритъ: «Меня послалъ за тобой Чаганъ-лосунъ-ханъ; онъ выдаетъ дочь замужъ, услышалъ твою игру на хурѣ и хочетъ, чтобъ ты къ нему спустился въ море и поигралъ на свадьбѣ». «Какъ же я войду въ море? Я умру!» говоритъ мальчикъ. «Ничего, не бойся!» говоритъ старикъ. «Зажмурь глаза и я тебя проведу!» Мальчикъ зажмурилъ глаза, а старикъ повелъ его. Когда старикъ сказалъ ему: «Открой глаза!» онъ открылъ и увидѣлъ передъ собой прекрасный стеклянный городъ. Старикъ говоритъ ему: «Чаганъ-лосунъ-ханъ заставитъ тебя играть на хурѣ девять (sic) сутокъ и потомъ станетъ давать тебѣ золото, эрдени, ты этого не бери; скажи, что тебѣ ничего не надо, кромѣ желтаго щенка (шара нохой хабасы) и дверной запорки» (ӧдӯнъ шонъ). Семь (sic) дней игралъ мальчикъ на свадьбѣ дочери Чаганъ-лосунъ-хана; по прошествіи ихъ ханъ даетъ ему гору золота и эрдени; мальчикъ отказывается и проситъ только желтаго щенка и дверную запорку. Получивъ, что просилъ, мальчикъ вышелъ изъ моря. Сѣлъ и думаетъ: «Надобно было бы взять золото и эрдени и были бы у меня и ѣда и платье, а то взялъ я какія-то ненужныя вещи—щенка да запорку, а ѣсть нечего, голоденъ и юртъ вблизи не видно. Не надо бы вѣрить старику». Сѣлъ и началъ играть на хурѣ. Игралъ, игралъ и заснулъ. Проснулся; нѣтъ возлѣ ни щенка, ни дверной запорки. «Ну, думаетъ, старикъ обманулъ! взялъ я ненужныя вещи, щенка да худую деревяшку и тѣ исчезли!» Рѣшился идти далѣе. Смотритъ, впереди на степи множество юртъ стоитъ и кругомъ ходитъ скотъ. «Пойду, думаетъ, въ этотъ народъ, попрошу ѣсть!» Подходитъ. Среди другихъ юртъ стоитъ одна большая и богатая. Онъ вошелъ въ неё. Желтый щенокъ и дверная задвижка лежатъ возлѣ стѣны. «Э! думаетъ онъ. Эти плохія вещи какъ здѣсь очутились?» Подождалъ, не придетъ ли хозяинъ, осмотрѣлся—никого нѣтъ, и рѣшился воровски поѣсть изъ котловъ, которые стояли по срединѣ юрты, одинъ съ чаемъ, другой съ варевомъ (бута). Попилъ, поѣлъ и сталъ играть на хурѣ. Игралъ, игралъ и заснулъ. Проснулся, опять никого нѣтъ; вышелъ изъ юрты, стоятъ кони въ сѣдлахъ, но людей нѣтъ. Онъ вновь вошелъ въ юрту, поѣлъ, попилъ, снова заигралъ на хурѣ и заснулъ. Еще разъ проснулся, опять никого нѣтъ. Теперь онъ сталъ уже смѣлѣе; видитъ, что хозяина у этого богатства нѣтъ. Онъ опять поѣлъ, попилъ, заигралъ на хурѣ и притворился спящимъ, прищурилъ глаза и смотритъ. Въ это время щенокъ всталъ, распахнулъ свою собачью шкурку на груди и скинулъ её; вышла прекрасная дѣвица, подошла къ котламъ, подложила дровъ, налила котлы водой, сварила чай и буту, и одѣвшись опять въ собачью шкуру, легла у стѣны. «Э, думаетъ мальчикъ. Вотъ что!» Онъ всталъ, походилъ, поѣлъ, попилъ, заигралъ на хурѣ и опять притворился спящимъ. Только дѣвица сняла свою собачью шкуру и отошла отъ нея, онъ схватилъ эту шкуру и сунулъ въ огонь; шкура сгорѣла. «Э!» вскричала дѣвица. «Зачѣмъ ты это сдѣлалъ? Ты раньше вре-

мени сжегъ мою шкуру! Не вышло еще мнѣ время оставить её! Теперь станетъ отнимать меня у тебя Шацгай-ханъ.»

Къ югу отъ юрты, въ которой жилъ мальчикъ, былъ колодезь. Къ этому колодезю наѣхалъ Шацгай-ханъ, охотясь за звѣрями. Застрѣлили всего только двухъ будене-оготонъ [1]) и ханъ послалъ въ сосѣднюю юрту зажарить ихъ. Два человѣка изъ его свиты вошли въ юрту, гдѣ жилъ мальчикъ съ дѣвицей и положили въ огонь дичь, да заглядѣлись на красивую дѣвицу и сожгли мясо. «Что теперь дѣлать? говорятъ. Ханъ отрубитъ намъ голову, когда увидитъ, что мы, вмѣсто мяса, принесли уголь!» Дѣвица говоритъ имъ: «Не тужите! У меня есть двѣ будене-оготона; я зажарю ихъ, вмѣсто сгорѣвшихъ. Вы выйдите изъ юрты и ходите вокругъ нея; когда вы три раза обойдете её кругомъ, войдите—мясо будетъ готово.» Люди вышли и, обойдя юрту три раза, вновь вошли. Мясо было готово. Взяли они его и отправились къ хану. Ханъ и тысяча человѣкъ его свиты цѣлый день ѣли двухъ будене-оготона и не съѣли всего. Ханъ призвалъ двухъ человѣкъ, ходившихъ жарить мясо, и говоритъ имъ: «Это не тѣ будене-оготона, которыя я далъ вамъ. Это мясо необыкновенно вкусно и сколько его ни ѣдятъ, все не могутъ кончить. Вы мнѣ не сказали правду. Если не скажете правду теперь, откуда взяли это мясо, я отрублю вамъ головы!» Тогда тѣ два человѣка разсказали, что они вошли съ оготона въ сосѣднюю юрту, въ которой живетъ мальчикъ съ дѣвицей; они такъ засмотрѣлись на красивую дѣвицу, когда жарили мясо, что не замѣтили, какъ мясо сгорѣло; они испугались ханскаго гнѣва и не знали что дѣлать; тогда дѣвица сжалилась надъ ними и изжарила, вмѣсто сгорѣвшихъ, двѣ свои будене-оготона и вотъ это-то мясо ханъ теперь и ѣлъ. Тогда ханъ послалъ ихъ позвать мальчика, который живетъ въ юртѣ. Дѣвица говоритъ мальчику: «Шацгай-ханъ пришлетъ людей звать тебя; ты иди къ нему. Когда ханъ спроситъ тебя, что за женщина съ тобой живетъ, ты отвѣчай ему: это моя жена! Потомъ ханъ будетъ требовать, чтобъ ты отдалъ меня ему. Ты согласись, но подъ условіемъ сдѣлать три заклада (мӧрь табиху). А когда ханъ спроситъ, какіе заклады, ты скажи, что сначала ты спрячешься, пусть ханъ тебя ищетъ, потомъ пусть ханъ спрячется, ты будешь искать хана. Если ты проиграешь заклады, ты отдашь меня хану; если ханъ проиграетъ, онъ долженъ отдать тебѣ свой престолъ (шире) и тамгу!» Мальчикъ отправился къ хану съ присланными за нимъ людьми. Ханъ спросилъ его: «Что это за женщина, которая съ тобой живетъ?» «Это моя жена!» говоритъ мальчикъ. «Отдай ее мнѣ!» говоритъ ханъ. Мальчикъ говоритъ, что онъ согласенъ отдать подъ три заклада. «Если я буду прятаться, говоритъ мальчикъ, и ты меня отыщешь, а ты будешь прятаться, а я не отыщу, тогда моя жена будетъ твоей, ханъ. А если ты меня не отыщешь, а я тебя отыщу, тогда ты долженъ отдать мнѣ твой престолъ и твою тамгу. Согласенъ ли ты на это, ханъ?» Ханъ согласился и послалъ мальчика домой прятаться. Жена мальчика обратила его въ наперстокъ (урупчи), надѣла себѣ на руку и шьетъ. Пріѣхалъ ханъ, искалъ, искалъ, не на-

[1]) Будене—перепелка; оготона—сѣноставка, Lagomys.

шелъ и говоритъ: «Я не могъ найдти тебя! Теперь ты ищи меня!» Жена учитъ мальчика: «Къ югу отъ колодезя будутъ стоять три дерева; среднее изъ нихъ, самое прямое (шитуру, чибъ-чикы) и будетъ ханъ. Ты пойди къ нему и скажи: вотъ хорошее дерево, чтобы вырубить черенъ для нагайки!» Мальчикъ пошелъ къ колодезю; стоятъ три дерева и среднее изъ нихъ такое хорошее, прямое. Мальчикъ схватилъ одной рукой вѣтвь, другой вынулъ свой ножъ и говоритъ: «Вотъ будетъ славный черенъ для нагайки.» Въ это время дерево закричало: «Ой, не руби! я ханъ!» «Отдашь ли мнѣ твой престолъ?» спрашиваетъ мальчикъ. «Нѣтъ, иди, еще спрячься!» говоритъ ханъ. Мальчикъ пошелъ къ женѣ; та его обратила въ муху (батагана). Ханъ пришелъ въ юрту, ищетъ, нигдѣ не можетъ найдти; ханъ въ одну сторону кинется, а муха полетитъ въ другую. Опять ханъ говоритъ: «Я не могъ найдти тебя! Теперь ты иди, ищи меня!» Жена учитъ мальчика: «Впереди колодезя есть озеро. Иди къ нему, сядь и жди; придетъ тысяча овецъ, сзади ихъ будетъ идти желтый лысый баранъ (шара халджанъ ерь-хони). Ты схвати его! Это и будетъ ханъ.» Мальчикъ вышелъ къ озеру, ждетъ. Около полудня къ озеру пришло стадо изъ тысячи барановъ, а сзади всѣхъ идетъ желтолысый баранъ. Мальчикъ схватилъ его, хочетъ заколоть и говоритъ: «Вотъ это ханъ! Онъ хочетъ отнять у меня жену! Теперь я заколю его!» Баранъ закричалъ: «Ой, не коли! я ханъ!» «Отдашь ли теперь мнѣ свой престолъ?» спрашиваетъ мальчикъ. «Нѣтъ, погоди!» говоритъ ханъ. «Сначала пустимъ въ бѣгъ жеребцовъ, которые пробѣгаютъ трехмѣсячное пространство въ одинъ мѣсяцъ, трехдневное въ одинъ день и трехчасовое въ одинъ часъ. Если мой жеребецъ напередъ выбѣжитъ, ты долженъ отдать мнѣ свою жену, если твой выбѣжитъ впередъ, я отдамъ тебѣ мои престолъ и тамгу.» «Сначала я схожу въ свою юрту», сказалъ мальчикъ и дорогой думаетъ, какъ быть. У хана тысяча человѣкъ и тысяча жеребцовъ, а у него и жеребенка нѣтъ. Сказалъ своей женѣ, какое условіе ханъ сдѣлалъ съ нимъ. Жена сказала ему: «Иди на берегъ моря, разскажи морю, что ханъ два заклада пробилъ и не отдаетъ престолъ и требуетъ пустить въ бѣгъ жеребца, который бы въ мѣсяцъ пробѣгалъ трехмѣсячное пространство, въ день трехдневное и въ часъ трехчасовое и попроси восьминогаго коня (найманъ-кӧлтей-мори) и четырехногаго льва (дурбанъ-кӧлтей-арсланъ). Мальчикъ пришелъ къ морскому берегу, крикнулъ: «Ей, Чаганъ-лосунъ-ханъ!» разсказалъ ему все, какъ велѣла жена и попросилъ дать ему восьминогаго коня и четырехногаго льва. Вышелъ изъ моря старикъ, вывелъ восьминогаго коня и четырехногаго льва. Конь нейдетъ, восемь ногъ его заплетаются. Съ трудомъ привелъ его мальчикъ домой и жалуется женѣ, что конь его въ бѣгъ не годится, что лишнія ноги мѣшаютъ ему ходить. «Ничего», говоритъ жена, «поѣзжай на немъ и жди хана». Выѣхалъ мальчикъ. Ѣдетъ ханъ, а за нимъ тысяча людей. Ханъ говоритъ мальчику: «Поѣзжай впередъ!» Мальчикъ говоритъ: «Нѣтъ, ты, ханъ, поѣзжай впередъ, а я поѣду за тобой!» Тронулся ханъ и исчезъ изъ виду. Ударилъ мальчикъ коня, чтобъ поспѣть за ханомъ; ничего не взвидѣлъ, какъ очутился на мѣстѣ. Конь пролетѣлъ, какъ птица. Ждалъ до полудня, пока ханъ съ своею тысячей подъѣхалъ. «Отдашь ли теперь твой престолъ и твою тамгу?»

опять спрашиваетъ мальчикъ хана. «Нѣтъ, еще погоди! Вотъ здѣсь есть токумъ [1]), наполненный водой. Вскипяти въ немъ воду и тогда я отдамъ тебѣ мои престолъ и тамгу». «Схожу сначала въ свою юрту!» сказалъ мальчикъ. Жена учитъ его: «Возьми два хомылына [2]), разломи каждый пополамъ, зажги ихъ концы и положи эти четыре куска на четырехъ сторонахъ токума. Когда вода закипитъ, ханъ велитъ тебѣ пройдти взадъ и впередъ черезъ кипящую воду. Когда ты будешь идти въ водѣ, говори: хошуай! Когда выйдешь изъ воды, скажи хану: я два раза прошелъ по водѣ; теперь ты пройди хоть разъ!» Мальчикъ нашелъ два хомылына, разломилъ ихъ пополамъ, зажегъ ихъ концы и одинъ кусокъ положилъ на западномъ концѣ озера, другой на востокѣ, третій на сѣверѣ и четвертый на югѣ. Вдругъ середина озера закипѣла. Ханъ говоритъ мальчику: «Если правда на твоей сторонѣ, то ты пройдешь черезъ озеро и вернешься опять сюда!» Мальчикъ вошелъ въ воду, произнесъ: хошуай! и перешелъ озеро. Потомъ опять вошелъ въ воду, произнесъ: хошуай! и вышелъ назадъ. И говоритъ хану: «Я перешелъ черезъ озеро два раза; теперь ты перейди черезъ него хоть одинъ разъ!» Ханъ подумалъ: «Онъ простой человѣкъ и перешелъ два раза. Я ханъ. Неужели у меня не хватитъ силы перейдти одинъ разъ!» Онъ вошелъ въ воду, дошелъ до середины озера и тутъ развалился (урӯсчи). Послѣ этого нойонъ, начальствовавшій надъ тысячью чириковъ [3]), стоявшихъ вокругъ озера, говоритъ мальчику: «Что это за вещь хошуай, которую ты поминалъ, проходя по озеру! Благодаря ей, ты не сварился въ водѣ. Дай, я посмотрю её!» Мальчикъ говоритъ: «Эта вещь у меня дома; сейчасъ принесу!» Самъ пошелъ домой къ женѣ и говоритъ: «Нойонъ проситъ показать ему хошуай, а я не знаю, гдѣ ее взять». Жена дала ему красный бобъ и говоритъ: «Положи его на раскрытую ладонь и каждому чирику покажи его, и скажи: вотъ хошуай! вотъ хошуай! (хошуай ене! хошуай ене!) Потомъ ладонь подними вверхъ и скажи: вонъ—гдѣ хошуай!» (хошуай тере!) Мальчикъ вышелъ изъ юрты, держа на ладони красный бобъ, подошелъ къ нойону, поднесъ къ нему свою ладонь и говоритъ: «Вотъ хошуай!» Потомъ подошелъ поочередно къ каждому чирику, неся на открытой ладони бобъ и передъ каждымъ сказалъ: «Вотъ хошуай!» Потомъ поднялъ ладонь въ воздухъ и крикнулъ: «Вонъ онъ хошуай!» Красный бобъ поднялся въ воздухъ и оттуда посыпался желѣзный градъ (темуръ мендуръ), который перебилъ всѣхъ чириковъ, убилъ и нойона. Мальчикъ сѣлъ на престолъ Шацгай-хана и сталъ жить со своей женой весело и наслаждаясь.

Пунсукъ, ордосскій монголъ изъ хошуна Ушинъ.

Ср. съ содержаніемъ сказокъ въ Очеркахъ, IV, №№ 131 и 154 (стр. 412 и 519). Въ первой, сойотской, герой называется Ульберге или Ольберге; мудрая жена—дочь Пори-хана (царя волка); противникъ героя, отнимающій жену, сынъ Карабты-хана. Въ монгольской (№ 154) мудрая жена дочь Лусай-хана, какъ и въ новомъ варіантѣ. Ср. также съ №№ 95, *a* и 160. Въ этихъ обоихъ

[1]) Токумъ—впадина въ земной поверхности.

[2]) Хомылынъ—шарообразный конскій пометъ.

[3]) Чирикъ—солдатъ.

благодѣтельные подарки герой получаетъ отъ Шацгай-хана. Въ Шиддикурѣ въ гл. V (Этн. Сб., VI, стр. 35—40) герой былъ брошенъ въ море въ жертву царю драконовъ; послѣдній относится къ нему благосклонно и высаживаетъ его на берегъ; женится герой однако на дочери земного царя, а не царя драконовъ. Въ гл. XXIII герой получаетъ невѣсту отъ живущаго въ водѣ царя драконовъ Цаганъ-Лабай-тэткукчи; она сначала скрывается подъ видомъ суки; онъ сжигаетъ ея шкуру и дѣлаетъ это напрасно; теперь она должна удалиться; когда она купалась, волосы ея упали въ воду и были отнесены внизъ по рѣкѣ; царь, жившій въ низовьѣ рѣки, узналъ объ ея существованіи и увезъ ее. По совѣту жены, другъ ея одѣлся въ сорочій яргакъ, пришелъ въ царскую резиденцію и началъ плясать въ народѣ. Царица, при видѣ плясуна, улыбнулась; царь высказываетъ ей упрекъ, что ранѣе, сколько она ни жила съ царемъ, она не улыбалась; она говоритъ, что если-бъ царь одѣлся въ то же сорочье платье и принялся плясать, она тоже улыбалась бы. Царь позвалъ плясуна, надѣлъ его сорочье платье, спустился внизъ къ народу и сталъ плясать. Тогда царица отдала приказаніе убить царя, а прежняго мужа посадила на престолъ. У нихъ родилось четыре сына; одинъ изъ нихъ Гэсэръ-ханъ. Сказка съ самаго начала заговариваетъ о плескѣ и пѣніи; вельможа спасаетъ одного присужденнаго къ смерти совѣтомъ царю не казнить: «если мы казнимъ этого человѣка, то къ намъ не придутъ ни плясуны, ни пѣвцы». Причиной бѣгства героя изъ царскаго дворца и дальнѣйшихъ его приключеній было появленіе предъ царемъ сначала плясуна, потомъ пѣвца.

Въ ордосской сказкѣ Шацгай это царь, отбирающій жену у человѣка; въ халхаскихъ (Оч., IV, № 95 и 160)—царь, дающій волшебные подарки. Въ XXIII гл. Шиддикура плясунъ одѣтъ въ сорочье платье—не самъ ли Шацгай-ханъ?

Шацгай по монгол. «сорока». Не замѣнилось ли этимъ именемъ какое-нибудь другое тюркское? Въ тюркскомъ фольклорѣ Сибири есть имена Садагай (Литер. Сборн., изд. «Вост. Об.», Спб., 1885, стр. 343), Джетыганъ (созв. Больш. Медвѣдица) и друг. Банзаровъ упоминаетъ Дзетку-хана которому монголы поклонялись (Банзаровъ, Черн. вѣра и др. ст., Спб., 1891, стр. 21). Джатаганъ—родъ гуслей у тюрковъ южной Сибири; у калмыковъ ятга (Нефедьевъ, Подр. свѣд. о волжск калм., Спб., 1834, стр. 219).

---

9. ДОНЧЖИ-МОЛУМЪ-ЭРДЕНИ.

(Монгольскій разсказъ).

Былъ Дончжи-молумъ-эрдени; онъ былъ семьсотъ двадцати одного года отъ роду. Съ нимъ жили жена его Тунъ-могай-хара-нюдунъ [1]) и ея младшая сестра Цасунъ-цаганъ [2]); онъ пасъ семьсотъ лошадей. Въ низахъ же жилъ длинный, длиною семь саженъ, Шяра-бокӧ [3]); онъ пасъ семьсотъ желтыхъ верблюдовъ. Дончжи-молумъ-эрдени сидѣлъ (однажды) на холмѣ Болдзотенъ-боро-тологоѣ. Верблюжій жеребецъ изъ стада Уту-шяра-бокӧ боролся съ гнѣдымъ жеребцомъ Дончжи-молума. На лучахъ вечерняго солнца жеребецъ изломалъ у верблюда бедро передней лопатки (атхымылъ чумугъ) и, изувѣчивъ атлантовъ позвонокъ (амынъ кудзю), потащилъ его. На завтра Уту-шяра-бокӧ и Дончжи-молумъ вдвоемъ начали бороться.

---

[1]) Могай — «змѣя»; хара-нюдунъ — «черный глазъ».

[2]) Цасунъ цаганъ — «снѣжнобѣлая».

[3]) Въ текстѣ: доро доро гадзыренъ долонъ алда уту шяра бокӧ. Подъ именемъ доро гадзыръ «низкой земли» хухонорскіе олёты разумѣютъ монгольскую плоскость къ сѣв. отъ Нань-шаня. Шяра—желтый, бокӧ — силачъ.

На вечернихъ лучахъ солнца Дончжи-молумъ изломалъ плечевую кость (атхамылъ чумугъ) у Шяра-бокб, изувѣчилъ у него шейный позвонокъ и потащилъ его. Выкопалъ яму въ девять сажень глубиной и бросилъ его туда. Содравъ съ верблюда шкуру, заткнулъ ею отверзтіе ямы; возвратился домой. Говоритъ женщинамъ: «На Болдзотенъ-боро-тологой не ходите! вокругъ юрты три раза не обходите!» И самъ отправился. Младшая сестра его Цасунъ-цаганъ обошла три раза вокругъ юрты и пошла на Болдзотенъ-боро-тологой; какой-то человѣкъ кричитъ. Бѣгомъ прибѣжала, въ ямѣ (видитъ) Уту-шяра-бокб сидитъ. Она сѣверныя дрова (арюнъ тулѣ) на спинѣ наносила, южныя деревья (блькони модо) на спинѣ наносила, зажгла огонь, топтала его. Не могла добыть. Вырвавъ волосы, положила. Добыла (богатыря?), возвратилась въ свой домъ и довольная сидитъ (сайханъ сучжи). Въ это время пріѣхалъ Дончжи-молумъ. Сѣверныхъ звѣрей на сѣверѣ набилъ, южныхъ звѣрей на югѣ набилъ, изъ мяса обонъ [1]) сложилъ, крови море стоитъ. Домой пріѣхалъ, говоритъ: «Цасунъ-цаганъ, сестра моя! мясо сложи на землю!» «До твоего ли мяса! моя старшая сестра заболѣла и умираетъ!» Дончжи-молумъ заплакалъ. Ахая и охая, онъ отправился къ одному большому ламѣ и просилъ у него наставленія. (Тотъ сказалъ:) «Иди и убей небеснаго сиваго быка (тэнгріинъ коку буху)! Нужно достать кровь его сердца». Сѣвши на Молочно-бѣлую лошадь, Ягненко-бѣлую лошадь ведя въ поводу, ѣдетъ онъ, сопутствуемый двумя птицами Харидыкъ и Нестыкъ, сопутствуемый двумя собаками Харчинъ и Барчинъ; ѣдетъ онъ до того, что желѣзныя стремена износились, родимое тѣло состарѣлось (хбнъ цаганъ моринъ унучжи хургунъ цаганъ моринъ хошилычжи харидыкъ нестыкъ хоиръ шибоганъ дахуульчжи харчинъ барчинъ хоиръ нохогонъ дахуульчжи ябучжи тюмуръ дбрб сэтыртыль ябучжи тбрбсунъ біи кокшюртунъ ябучжи). Черезъ сорокъ дней доѣхалъ до сиваго быка (коку буху). «Тебѣ эти большіе рога не годятся; мнѣ эта большая шапка не годится. Снимемъ!» [2]) говоритъ (Дончжи-молумъ быку). Молодецъ (кубюнъ), снявъ свою шапку, положилъ. Корова (укуръ) рогами своими въ горячей водѣ поболтала, потомъ объ камень сбила ихъ. «Тебѣ этотъ большой хвостъ не годится; мнѣ эта подвязка къ косѣ не годится. Снимемъ!» Корова хвостомъ своимъ поболтала въ горячей водѣ и взмахомъ о камень отбила его. «Тебѣ этотъ большой языкъ не годится, мнѣ это орудіе (джибсыкъ; разсказчикъ пояснилъ: «ножъ») не годится. Снимемъ!» Корова поболтала своимъ языкомъ въ горячей водѣ и стала лизать камень. «Тебѣ эти большіе четыре копыта не годятся; мнѣ эти сапоги изъ чудной юфти не годятся (нада эне ике дзектэ булгаринъ кутусу мухай). Снимемъ!» Корова потоптала горячій огонь, стрѣлу изъ колчана воткнула и сняла копыта. Молодецъ снялъ сапоги и положилъ. На завтра онъ взялъ свою шапку и надѣлъ; корова хочетъ надѣть свои рога; они не стоятъ. Молодецъ заплелъ свои подвязки въ косу; корова хочетъ привѣсить свой хвостъ, онъ не держится. Молодецъ взялъ ножъ и вложилъ въ ножны; корова положила въ ротъ языкъ; не держится. Моло-

---

[1]) Обонъ — куча камней.

[2]) Танда эне ике убюръ мухай нада эне ике малахай мухай; абчикія!

децъ надѣлъ сапоги; корова подвѣсила свои копыта; они не держатся. На завтра молодецъ убилъ быка и взялъ сердце съ кровью. Три мѣсяца кочевали явившіяся (изъ утробы быка) животныя. Такое преступное животное было этотъ быкъ. Сѣвъ на Солнце-бѣломолочную лошадь (нара хӧнъ цаганъ моринъ), Ягненко-бѣлую лошадь ведя въ поводу, поѣхалъ онъ, сопутствуемый двумя птицами Харидыкъ и Нестыкъ, сопутствуемый двумя собаками Харчинъ и Барчинъ; ѣхалъ до того, что скалы сошлись въ тѣснину, ѣхалъ до того, что трава буту [1]) потемнѣла (или потускнѣла); ѣхалъ до того, что львиныя стремена стерлись (хада хада хабцылтыль ябучжи буту буту бурыгӯльтыль ябучжи арслынъ дӧрӧ сэтыртыль ябучжи). Пріѣхалъ къ ящерице-бѣлымъ юртамъ [2]). Двѣ дѣвицы сварили чай и подали ему. Одна дѣвица связала мѣшокъ, вынула изъ него сердце съ кровью, положила въ него овечье сердце съ кровью. Дончжи-молумъ пріѣхалъ домой и говоритъ своимъ женщинамъ: «Сварите бѣлый чай и постелите бѣлый войлокъ». Женщины сварили бѣлый ядовитый чай и постлали бѣлый ядовитый войлокъ. Дончжи-молумъ выпилъ три чашки и упалъ. Потомъ пришелъ Уту-шяра-бокӧ и убилъ его [3]). Взялъ обѣихъ женщинъ и отправился. Онъ хотѣлъ взять также Бѣломолочную лошадь и Ягненко-бѣлую лошадь, но не могъ поймать ихъ. Онѣ сказали: «Кости добраго хозяина бросать не слѣдуетъ!» Уту-шяра-бокӧ хотѣлъ поймать двухъ птицъ Харидыкъ и Нестыкъ, но не могъ ихъ поймать; хотѣлъ взять собакъ Харчинъ и Барчинъ, но не могъ поймать. Хотѣлъ увезти колчанъ Алтынъ-аргуй, но силы не хватило. «Кости добраго хозяина бросать не слѣдуетъ!» Двѣ лошади Молочно-бѣлая и Ягненко-бѣлая въ солнечные дни въ тѣни стояли, въ вѣтряные дни за защитой стояли. Птицы Харидыкъ и Нестыкъ, летая подъ небомъ, ни одного пера не сронили; двѣ собаки Харчинъ и Барчинъ, бѣгая по землѣ, когтистымъ [4]) ни одна не послужила пищей. Двѣ лошади Молочно-бѣлая и Ягненко-бѣлая побѣжали къ двумъ видѣннымъ дѣвицамъ; прибѣжавши, стали ржать и кататься по землѣ, давая знать дѣвицамъ! что для нихъ наступилъ часъ ѣхать. Дѣвицы сѣли на лошадей, поѣхали и пріѣхали къ хозяину лошадей. Двѣ дѣвицы сердце, внутренности (цзурюкъ гэдисенъ) разбили, кровь изъ сердца взяли, выбросили; сердце и кровь небеснаго сиваго быка положили. Одна была хубулганъ богини Ногонъ-дареке, другая была хубулганъ богини Цаганъ-дареке [5]). Хубулганъ богини Ногонъ-дареке, произнося: встань! взмахнула правымъ рукавомъ три раза, взмахнула лѣвымъ рукавомъ три раза. Хубулганъ богини Цаганъ-дареке лѣвымъ рукавомъ взмахнула два раза, правымъ рукавомъ взмахнула два раза. Махая, онѣ говорили: «Семьсотъ двадцати одного году отъ роду Дончжи-молумъ-эрдени встань!» Послѣ этого онѣ уѣхали. Дончжи-молумъ

---

[1]) Буту — «кипецъ» (Festuca ovina).

[2]) Въ текстѣ: гурбылъ цаганъ герьте ирычжи. Гурбылъ — «ящерица». Но въ другихъ сказкахъ гурбанъ цаганъ герь, т. е. «три бѣлыхъ юрты». Гурбула—«трое».

[3]) Послѣ этого въ текстѣ находится еще мѣсто, которое я не могъ перевести: Тунъ могой хатунни цзурюкинъ хагыльчжи цасунъ цаганъ дююни цӧсунъ хагыльчжи амини Гэсэръ-богдо-ханъ бостыкъ гилэ.

[4]) Хумустай — «когтистый», т. е. хищный звѣрь.

[5]) Тутъ опущена не переведенная фраза: Ногонъ дарекенъ хубулганъ амини Гэсэръ-богдо-ханъ мӧнъ больчжи.

всталъ и говоритъ: «Какъ я заснулъ!» «Какое спалъ! Тебя Уту-шяра-бокö и двѣ женщины убили и уѣхали. Мы вшестеромъ сидѣли и тебя берегли. Двѣ дѣвицы, пріѣхавъ, вложили въ тебя жизнь и уѣхали». Послѣ того вставъ, онъ сѣлъ на Молочно-бѣлую лошадь, и ведя въ поводу Ягненко-бѣлую лошадь, поѣхалъ. Пріѣхалъ въ землю Уту-шяра-бокö. Садакъ Алтынъ-аргуй спряталъ въ мѣшокъ, Молочно-бѣлую лошадь и Ягненко-бѣлую лошадь спряталъ въ мѣшокъ, двухъ птицъ Харидыкъ и Нестыкъ въ огнивную сумочку (кэтэ) положилъ, двухъ собакъ Харчинъ и Барчинъ въ огнивную сумочку положилъ, вошелъ въ юрту Уту-шяра-бокö и говоритъ новость женщинамъ: «Я пришелъ черезъ родину семьсотъ двадцатиоднолѣтняго Дончжи-молумъ-эрдени; въ костяхъ Дончжи-молума глазныя ямы земля заполнила; черезъ отверзтія въ костяхъ сючжи [1]) трава проросла!» Женщины обрадовались; угощаютъ его ханскимъ кушаньемъ, подаютъ ему кумысу. Вечеромъ ханъ пріѣхалъ. Женщины говорятъ ему: «Этотъ молодецъ хорошія вѣсти тебѣ привезъ!» Ханъ очень обрадовался. Ханъ говоритъ ему: «Молодецъ въ безрукавомъ плащѣ безъ пріятныхъ словъ въ рѣчи (ха уга тагатай ганцы уга кемиликтай кубюнъ [2])! Завтра пойдемъ стрѣлять сквозь бокъ золотого верблюда» (тэменинъ сюбэ сэтэ). Молодецъ пошелъ и зашелъ къ одной старухѣ: «Ты прежде ли, во время Дончжи-молума, наслаждалась, или теперь наслаждаешься?» «Теперь наслажденія нѣту и прежде его не знала!» Пошелъ дальше, зашелъ къ старику: «Ты прежде ли, во времена Дончжи-молума, наслаждался, или теперь наслаждаешься?» «Прежняго наслажденія нѣтъ, какъ будешь теперь наслаждаться!» Пошелъ далѣе, зашелъ къ одной дѣвицѣ: «Ты прежде ли, во времена Дончжи-молума, наслаждалась или теперь наслаждаешься?» «Теперь не наслаждаюсь, откуда въ прежнее время возьмется наслажденіе!» Пошелъ далѣе, встрѣтилъ юношу: «Ты прежде ли, во времена Дончжи-молума наслаждался, или теперь наслаждаешься?» «Прежняго наслажденія нѣтъ, теперь откуда возьмется наслажденіе?» Дончжи-молумъ пошелъ и прострѣлилъ насквозь бокъ золотого верблюда (алтынъ тэменъ). Послѣ того нойонъ говоритъ ему: «Мы сядемъ вмѣстѣ на красномъ мысѣ (уланъ хамырту). Ты стрѣляй сквозь бисеръ моей сережки!» Этотъ юноша выстрѣлилъ и перешибъ ему всю шею. Потомъ онъ ту старуху убилъ и взвалилъ себѣ на плечи, того старика взялъ съ собой, ту дѣвицу убилъ, того юношу взялъ и пошелъ. Пришелъ въ домъ Уту-шяра-бокö; двѣ женщины плачутъ. Разрубивъ двухъ женщинъ на семьдесятъ частей, привязалъ ихъ къ хвостамъ семидесяти жеребятъ. И послѣ того наслаждался, пребывая вмѣстѣ съ двумя хубулганами богинь Ногонъ-дареке и Цаганъ-дареке

Записано въ Гумбумѣ отъ хухунорской олётки.

Ср. въ Очеркахъ, II, съ халхаской сказкой «Ховугу и Хадынъ-дзюгу» (стр. 175). Братъ, погибающій отъ коварства сестры, Ховугу. Его оживляютъ три дѣвицы, которыя и халхаскимъ сказочникомъ крайняго сѣвера Монголіи (съ караульной линіи) названы: Цаганъ-дариху, Ногонъ-

[1]) Тазовая кость.

[2]) Въ бурятскомъ языкѣ есть выраженіе хага яга «изрѣдка»; тагатай «пріятное». Кемиликъ — такъ называются въ Ордосѣ и на Хухунорѣ войлочные бѣлые плащи, надѣваемые въ дождливую погоду.

дариху и Наръ-ханджитъ. Въ бурятской сказкѣ, впрочемъ съ другимъ сюжетомъ, воскресительницами убитаго богатыря называются три дочери Эсэгэ-малана (Зап. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 2, стр. 32 и 49); въ алтайской (Radloff, Prob., I, 12), по содержанію сходной съ бурятской,—двѣ дѣвицы, одна дочь солнца, другая дочь мѣсяца; въ якутской подобнаго же содержанія (тѣ же «Записки», т. I, в. 3, стр. 77 и 78) три дѣвицы: дочери солнца, мѣсяца и Плеядъ. Въ халхасской сказкѣ добывается сердце змѣи Абрыкъ могай; въ олётской сердце коровы. Шмидтъ къ своему переводу Сананъ-сэцэна (Gesch. d. Ost-Mong., S. 447) приложилъ переводъ сказки о Эрдэни-хараликѣ (воплощеніи бога Арья-Бало); этотъ Эрдени ѣдетъ за сердцемъ быка Куринъ-Ракша; но коварной сестры (или матери) нѣтъ; вѣроятно эта подробность выпала при буддійской обработкѣ сюжета.

Эпизодъ съ кор[illegible]ъ. съ сходнымъ эпизодомъ въ тангутскомъ Гэсэрѣ, стр. 24.

---

10. ХОРУЛЬДЕЙ-МЕРГЕНЪ-БОГДО.

(Монгольскій).

За тринадцатью восточными горами былъ Хорульдей-мергенъ-богдо. У него был[illegible] сивая лошадь Облако и изъ семидесяти коровьихъ шкуръ сдѣланный лукъ Тартагай (блинъ хуху моритей талынъ ухуринъ тартагай номутай). Онъ высваталъ на западѣ трехлѣтнюю дочь Падма-хана и, сѣвши на свою сивую лошадь Облако, и взявши лукъ Тартагай, сдѣланный изъ семидесяти коровьихъ шкуръ, поѣхалъ за ней. Ему встрѣтился черный человѣкъ, ѣхавшій на черномъ верблюдѣ жеребцѣ, одѣтый въ черную пречерную шубу и имѣвшій черное пречерное лицо. Этотъ человѣкъ спросилъ у Хорульдея-богдо: «Юноша съ пламенемъ въ лицѣ, съ огнемъ въ глазахъ (нюртенъ чжокто нюдунденъ галтай ху), куда ты поѣхалъ?» Богдо отвѣчалъ: «Я Хорульдей-богдо, живущій за тринадцатью восточными горами. Я высваталъ на западѣ трехлѣтнюю дочь Падма-хана и теперь за ней ѣду». Чернолицый человѣкъ говоритъ ему: «Въ западной сторонѣ отъ враждебныхъ силъ и хищныхъ звѣрей [1]) очень опасно. Тебѣ туда ѣхать невозможно». Хорульдей-мергенъ-богдо на это сказалъ ему: «Враговъ врагамъ не отдаютъ, хищныхъ звѣрей хищнымъ звѣрямъ не отдаютъ» [2]). Сказавъ это, Хорульдей-богдо поѣхалъ далѣе. Встрѣчается ему желтолицый человѣкъ, ѣдущій на желтомъ верблюдѣ самцѣ, и одѣтый въ желтую шубу и спрашиваетъ: «Ты изъ какой стороны человѣкъ, куда ѣдешь?» Хорульдей-богдо отвѣчаетъ: «Я Хорульдей-богдо, живущій за тринадцатью восточными горами; я высваталъ на западѣ трехлѣтнюю дочь Падма-хана и теперь ѣду взять её». Желтолицый человѣкъ говоритъ: «Въ западной сторонѣ враги опасны, хищные звѣри люты. Тебѣ ѣхать туда невозможно! «Хорульдей-богдо говоритъ: «Враговъ врагамъ не отдаютъ! звѣрей звѣрямъ не отдаютъ!» Сказавши такъ, повернулся и поѣхалъ. Ѣдетъ, а возлѣ одной юрты два человѣка борятся. Подъѣхавъ, Хорульдей-

---

[1]) Барунта дзюкту дайсунъ тахулъ аратунъ соётунъ кечу байна; аратунъ соётунъ «хищные звѣри», собственно значитъ «съ коренными зубами и клыками», «зубастые—клыкастые».

[2]) Дайсунъ тахулигъ дайсунъ абдыкъуга, аратынъ соётунигъ аратынъ соётунъда абдыкъ уга.

богдо спрашиваетъ ихъ: «Вы, двое, зачѣмъ боретесь?» Тѣ два человѣка говорятъ: «Про насъ говорятъ: сильные, пресильные! теперь мы хотимъ узнать свою силу». Хорульдей-богдо говоритъ имъ: «Если вы очень сильные, поборемтесь!» Хорульдей-богдо сталъ бороться съ тѣми двумя людьми и одного изъ нихъ, ударивъ, вогналъ въ землю по уши, другого всадилъ въ землю, только голова высунулась. Тѣ два человѣка говорятъ: «Мы двое будемъ тебѣ товарищами, вытяни насъ обоихъ изъ земли!» Хорульдей-богдо сказалъ: «Если вы двое хотите быть моими товарищами, пусть будетъ такъ!» Сказавъ это, онъ вытянулъ тѣхъ двоихъ людей, взялъ ихъ къ себѣ и поѣхалъ. Ѣхали, ѣхали и пріѣхали къ колодезю Падма-хана. Пріѣхавши, Хорульдей-богдо убилъ одного оленя. Убивъ, говоритъ тѣмъ двоимъ: «Сварите мясо этого оленя! Я лягу спать! Когда мясо сварится, позовите меня! Я пробужусь и поѣмъ!» Сказавши такъ, заснулъ. Тѣ два человѣка сварили то мясо, взяли наваръ (шулю) и вылили на пупъ Хорульдею-богдо. Хорульдей-богдо умеръ. Тѣ два человѣка хотѣли поймать сивую лошадь Облако, и не могли поймать; хотѣли взять лукъ Тартагай, сдѣланный изъ семидесяти коровьихъ шкуръ и у нихъ силъ не хватило. Хотѣли взять мясо оленя, и тоже силъ не хватило. От[illegible] тѣ два человѣка къ Падма-хану. Пришедши, говорятъ ему: «Мы твои зятья! мы твою трехлѣтнюю дочь высватали, и теперь пришли взять её». Падма-ханъ сказалъ: «Нѣтъ, вы не зятья мои! Если вы зятья, то ложитесь спать на семь слоевъ желтыхъ подушекъ (долонъ табхуръ шара талбыкдаръ) и закройтесь семью слоями желтыхъ шелковыхъ одѣялъ. Если вы завтра рано будете живы, вы мои зятья! Если вы будете мертвы, вы не зятья мои!» Назавтра рано вставши, посмотрѣли, (тѣ два человѣка) умерли. Ихъ выбросили.

Сивая лошадь Облако, взявъ съ неба арикшанъ, принесла и вылила на Хорульдея-богдо. Хорульдей-богдо ожилъ. Оживъ, сѣвъ на сивую лошадь Облако, взявъ лукъ Тартагай, сдѣланный изъ семидесяти коровьихъ шкуръ, пріѣхалъ къ Падма-хану. Падма-ханъ сказалъ: «Пока ты ѣхалъ, мою дочь Индэръ-хара-мангысъ унесъ. Теперь нѣтъ возможности» (возвратить её). Хорульдей-богдо говоритъ: «Я поѣду и привезу!» Падма-ханъ говоритъ: «Невозможно! Если ты поѣдешь, тебя убьютъ! Тебѣ теперь ѣхать нельзя!» Хорульдей-богдо говоритъ: «Нужды нѣтъ, я поѣду. Отецъ мой! взойди на ту большую гору и сядь на ней. Я сражусь съ Индэръ-хара-мангысомъ. Если я буду мертвъ, у тебя, сидящаго на этой горѣ, по ребрамъ выступитъ и потечетъ красная кровь; если я убью Индэръ-хара-мангыса, по ребрамъ потечетъ черная кровь. Ты тутъ сиди, а я привезу женщину!» Хорульдей-богдо поѣхалъ. Пріѣхалъ и говоритъ Индеръ-хара-мангысу: «Теперь я женщину возьму! Чѣмъ ты хочешь состязаться: силой ли мужа или остріемъ стрѣлы?» [1]). Индэръ-хара-мангысъ сказалъ: «Остріемъ стрѣлы!» Индэръ-хара-мангысъ взялъ мечъ, началъ рубить Хорульдея-богдо, мечъ изломался. Сколько ни повторялъ удары меча, всѣ мечи изломались. Тогда Индэръ-хара-мангысъ сказалъ: «Моя

[1]) Чжерь чжебинъ сайнаръ дайлалчху байну, еринъ сайнаръ дайлалчху байну? Джеби, цзебэ—наконечникъ стрѣлы; джерь, дзерь—частица усиленія, въ родѣ хабъ-хара, чернѣхонько. Сайнаръ—«добротою», «достоинствомъ».

битва теперь окончилась. Теперь ты сражайся!» Хорульдей-богдо взялъ лукъ Тартагай, сдѣланный изъ семидесяти коровьихъ шкуръ, пустилъ стрѣлу и разрѣзалъ тѣло мангыса, взялъ женщину и пріѣхалъ къ Падма-хану. Сѣлъ на престолъ Падма-хана и наслаждался спокойствіемъ.

Ратна-бала, лама изъ Ордоса.

---

11. УЙЛЕНЪ-ХАНЪ [1]).

(Монгольскій).

Нѣкогда былъ Уйленъ-ханъ, у котораго ворота были изъ дерева шинъ-ши (или шинъ-ши), верхнія ворота изъ золота шиджиръ, привратникъ у воротъ былъ съ тигрой (шарикомъ на шапкѣ)..... позади его дома у него былъ тоганъ (храмъ), въ которомъ были сильные боги (хорме шуусэнъ, «поднявшіе подолъ», т. е. докшиты). У хана была супруга Наранъ-гериль. Ночью ханьша увидѣла сонъ, будто подушка на престолѣ подвинулась; какой-то вредъ хану предвѣщаетъ. (Ханьша) говоритъ Уйленъ-хану: «Я видѣла во снѣ, что подушка двинулась на ханскомъ престолѣ; какой-то вредъ предвѣщаетъ. Я такой сонъ о тебѣ видѣла!» Уйленъ-ханъ говоритъ: «Жена! принеси книгу о моей душѣ. Я посмотрю». Въ этой душевной книгѣ онъ увидѣлъ: «Есть лошадь Едзинъ-хола».

Поймавши лошадь, привязали ее къ дереву занданъ, положили на нее потники. Ханъ надѣлъ шапку. Лошадь говоритъ (хану): «Есть тридцатидвухголовый Гуна-хара мангысъ. Взявъ пятьсотъ чириковъ съ джянь-джюномъ, иди на него». Уйленъ-ханъ-взялъ пятьсотъ чириковъ и отправился. Сколько дней проѣхалъ, доѣхалъ до вершины Боро-тологой. Туда прибѣжалъ тигръ, у котораго грудь была изъ золотого серебра, нижняя часть тѣла изъ серебра бори. Отъ роду джянь-джюнъ не видывалъ такого тигра; хороша ли, худа ли эта вещь, не знаетъ и вернулся. Этотъ тигръ три раза оглянулъ горы, натянулъ пятицвѣтную радугу и убѣжалъ. Уйленъ-ханъ заплакалъ: «Есть ли средство убить этого тигра? Вы куда хотите, ступайте, а я одиночкой пойду». Когда онъ сидѣлъ на высокой горѣ, пришелъ какой-то хара-хунь (простой человѣкъ); туловище (его) богатырское, сидитъ, точно птица беркутъ, огниво (у него) булатное, по имени Лютъ-хара-хунь-абагай. «Здоровъ ли?» Уйленъ-ханъ: «Сижу здоровъ!» Тотъ хара-хунь спрашиваетъ Уйленъ-хана: «Ты куда поѣхалъ?» Уйленъ-ханъ говоритъ: «Я поѣхалъ воевать съ тридцатидвухголовымъ Гуна-хара-мангысомъ». Тотъ хара-хунь спрашиваетъ Уйленъ-хана «Ты сколько шиди имѣешь? сколько хубильгановъ имѣешь?» Уйленъ-ханъ говоритъ: «Я не имѣю ни шиди, ни хубильгановъ». Уйленъ-ханъ спрашиваетъ хара-

---

[1]) Уйленъ-ханъ—Облачный ханъ.

хуня: «Ты сколько имѣешь шиди и хубильгановъ?» Тотъ хара-хунь говоритъ: «Тридцатидвухголовый Гуна-хара-мангысъ мой старшій братъ. Мое имя Хара-иленъ. Мой старшій братъ горой, такъ горой можетъ сдѣлаться, облакомъ, такъ облакомъ, утесомъ, такъ утесомъ. Мы (съ братомъ) имѣемъ пыль темъ чириковъ и туманъ темъ китайцевъ» [1]). Уйленъ-ханъ говоритъ: «Ты поѣзжай, скажи своему брату: завтра рано до восхода солнца пусть придетъ побороться!» Хара-иленъ (говоритъ): «Хорошо! Я скажу брату». Хара-иленъ пошелъ, говоритъ брату: «Есть могучій Уйленъ-ханъ. Я боюсь его!» Старшій братъ говоритъ: «Хорошо! поборемся!» На завтра утромъ до восхода солнца тридцатидвухголовый Гуна-хара-мангысъ и Хара-иленъ и съ ними пыль темъ чириковъ и туманъ темъ китайцевъ всѣ разомъ пришли. На юговосточной сторонѣ не то облако, не то гора! что такое заслонило долину?

Хара-иленъ говоритъ: «У Уйленъ-хана есть старшая сестра!» Хара-иленъ ея испугался. Уйленъ-ханъ спрашиваетъ: «Я ли издалека пришедшій начну сраженье, ты ли изъ недалека пришедшій начнешь?» Тридцатидвухголовый Гуна-хара-мангысъ говоритъ: «Я, изъ недалека пришедшій, напередъ стану сражаться!» Съ утра натягивалъ лукъ, въ полдень спустилъ стрѣлу. Стрѣла прямо въ сердце Уйленъ-хана угадала. Кровь бросилась ключомъ. Круглый камень взялъ и заткнулъ (рану), плоскимъ камнемъ прикрылъ. Уйленъ-ханъ, вставши, натянулъ лукъ; съ полдня къ вечеру выстрѣлилъ; мангысъ пригнулся и сдѣлался каменной горой. Уйленъ-ханъ прибилъ всѣхъ чириковъ и китайцевъ. Мангысъ говоритъ: «Уйленъ-ханъ! Я въ тебя дуну»! Уйленъ-ханъ говоритъ: дунь. Гуна-хара-мангысъ открылъ ротъ. Уйленъ-ханъ вскочилъ (ему) въ ротъ и сѣлъ, сложивши руки, сзади зубовъ, спереди горла. Ни проглотить его не можетъ, ни выплюнуть не можетъ. Гуна-хара-мангысъ покорился Уйленъ-хану. Уйленъ-ханъ изъ нутра (мангыса) говоритъ: «Предсказаніе матери сбылось (собственно: увидѣлъ) — не истребленъ! Отцовское гаданье сбылось (увидѣлъ)—не убитъ!» Вышедши, убилъ (мангыса), одну душу Ерликъ-хану отдалъ, другую Бурхану-бакши. Вернулся домой и зажилъ счастливо.

Омолонъ, ордосскій монголъ хошуна Ушинъ; сынъ китаянки.

---

12. МЕДЖИТЪ.

(Монгольскій).

Въ хошунѣ Ушинъ (въ Ордосѣ) былъ Ушинъ-да. Въ то же время въ хошунѣ былъ воръ Меджитъ. Люди ушинскаго да поймали Меджита и привели передъ да. Да сказалъ ему: «У китайскаго хана въ Пекинѣ есть два мула; одинъ пробѣгаетъ въ день 800 ли, другой 1000 ли. Если ты украдешь ихъ, то я прощу тебѣ всѣ

---

[1]) Въ текстѣ: шоронъ туменъ чирикъ бутанъ туменъ китатъ.

твои вины». Меджитъ сказалъ: «Хорошо, сдѣлаю!» Да велѣлъ отпустить его на волю и Меджитъ уѣхалъ въ Пекинъ. Онъ прожилъ тамъ три года, стараясь перезнакомиться какъ можно съ бо́льшимъ числомъ людей. Вызнавъ, что нужно, онъ сѣлъ на мула, пробѣгавшаго 800 ли и убѣжалъ изъ Пекина. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ была пашня, онъ остановился на ночлегъ, а мула привязалъ къ колу. За нимъ была послана погоня. Меджитъ увидѣлъ большую пыль; онъ подумалъ: «Какая большая пыль! это навѣрно бѣжитъ мулъ, пробѣгающій 1000 ли въ день». Онъ взялъ въ руки мотыгу, которою воздѣлываютъ пашню, и брусокъ, на голову надѣлъ крестьянскую соломенную шляпу съ огромными полями, сѣлъ на землю и точитъ мотыгу. Человѣкъ на мулѣ, пробѣгающемъ 1000 ли въ день, подбѣжалъ къ нему и узналъ мула, пробѣгающаго 800 ли въ день, привязаннаго къ колу. Онъ, не узнавъ Меджита, говоритъ: «Это ханскій мулъ, пробѣгающій 800 ли въ день; онъ былъ украденъ изъ ханской конюшни и я посланъ отыскать вора. Не знаешь ли ты, кто на немъ пріѣхалъ и куда ушелъ»? Меджитъ отвѣчалъ: «Не знаю, что за человѣкъ пріѣхалъ на мулѣ, но видѣлъ, что онъ ушелъ въ домъ позади меня». Человѣкъ, пріѣхавшій въ погоню, привязалъ мула, пробѣгающаго въ день 1000 ли, на которомъ пріѣхалъ, къ тому же колу, къ которому былъ привязанъ мулъ, украденный Меджитомъ, и пѣшкомъ пошелъ въ указанный домъ. Въ это время Меджитъ бросилъ на землю мотыгу, брусокъ и шляпу, сѣлъ на одного изъ муловъ, другого взялъ въ поводъ и убѣжалъ. Прибывъ въ хошунъ Ушинъ, онъ передалъ украденныхъ муловъ ушинскому да. Да говоритъ: «Какъ же я буду ѣздить на нихъ? Какъ только я на такомъ мулѣ куда-нибудь выѣду, сейчасъ же узнаютъ, что это выкраденный у Еджень-хана мулъ». Меджитъ говоритъ: «Есть у меня средство». Онъ взялъ овечьей шерсти, обвилъ ею подпругу, свернулъ послѣднюю въ бунтъ, положилъ въ котелъ, наполненный водой и сталъ кипятить воду. Потомъ этотъ горячій комъ приложилъ ко лбу мула; на вызженномъ мѣстѣ шерсть выпала и на мѣстѣ старой черной шерсти выросла бѣлая. Потомъ онъ обмоталъ туго, претуго ноги мула выше копыта; и тутъ шерсть вывалилась и выросла новая, бѣлая. Послѣ этого Ушинъ-да поѣхалъ въ Пекинъ. Ханскіе люди смотрятъ и говорятъ: «Какъ будто ханскіе мулы, но у тѣхъ не было бѣлыхъ лысинъ на лбу и бѣлыхъ ногъ». И не рѣшились отнять муловъ. Послѣ этого Ушинъ-да сказалъ Меджиту: «Даю тебѣ полную свободу воровать, только воруй въ дальней сторонѣ и не воруй въ Ордосѣ».

Очиръ, монголъ изъ Ордоса.

Ср. Гыгэръ-Меджитъ (Бэгэръ-меджидъ, Бикаръ-Мадзиди) въ Очерк., II, 54; Мечи-хуаръ, воръ (Очерки, IV, 361). О созвѣздіи Мечинъ или Мэчитъ (Плеяды) разсказывается, что одна изъ его звѣздъ украдена (Оч., II, 125; IV, 193, 194, 200).

13. БАЛЫНЪ-СЕНГЕ.

(Монгольскіе).

а. Одинъ лама сдѣлалъ бурхана и понесъ его въ Менгу-чжу въ мѣшкѣ за плечами, чтобы попросить Далай-ламу освятить его. Дорогой онъ видитъ въ сторонѣ сидитъ человѣкъ. Это былъ Палынъ-сенге [1]). «Куда идешь?» спрашиваетъ Палынъ-сенге ламу. «Въ Менгу-чжу». «Что несешь?» «Бурхана». «Зачѣмъ?» «Хочу просить Далай-ламу освятить его». «Дай, я освящу». Взялъ бурхана у ламы, помочился, омоченную землю началъ брать въ горсть и бросать въ полость, которая внутри бурхана, и приговаривалъ: Далай-лама талага тайяръ хамту нійляга. Лама снова положилъ бурхана въ мѣшокъ и пошелъ далѣе. Приходитъ въ Менгу-чжу, поклонился Далай-ламѣ. Далай-лама спрашиваетъ: «Что у тебя въ мѣшкѣ за плечами?» «Бурханъ, котораго я сдѣлалъ и хотѣлъ просить тебя освятить». «Дай его сюда!» Лама подалъ бурхана. Далай-лама посмотрѣлъ ему въ полость, поковырялъ и говоритъ: «Да онъ уже освященъ! Кто тебѣ его освятилъ?» «Какой-то неизвѣстный человѣкъ, котораго я встрѣтилъ на дорогѣ». «А какъ онъ его освящалъ?» «Помочился, сталъ кидать омоченную землю въ бурхана и приговаривалъ: далай-лама талага тайяръ хамту нійляга». «О, это хорошо, хорошо!» сказалъ Далай-лама. «Этотъ лама великій лама, повыше меня!»

Пунсукъ изъ Ордоса.

б. Однажды Балынъ-са шелъ по дорогѣ и несъ на головѣ котелъ. Ему встрѣтился человѣкъ и спрашиваетъ: «Ты кто такой?» «Мое имя Балынъ-са», отвѣтилъ Балынъ-са. «А, это ты, знаменитый враль! Соври-ка мнѣ что нибудь!» А самъ думаетъ, не обмануть меня Балынъ-сѣ. Балынъ-са говоритъ: «Некогда мнѣ шутить. Собирается гроза! Хочетъ быть градъ». Тотъ забылъ, что не нужно вѣрить Балынъ-сѣ и взглянулъ на небо. Небо чисто.

Пунсукъ, монголъ изъ Ордоса.

в. Одна женщина съ корзиной за спиной ходила по степи и собирала сабуромъ аргалъ [2]). Встрѣтился ей Балынъ-са и говоритъ: «Ходишь и не посмотришь назадъ! Сзади у тебя подолъ шубы горитъ!» Женщина схватилась за подолъ; шуба цѣла.

Пунсукъ изъ Ордоса.

---

[1]) По словамъ разсказчика, это тибетское имя; помонгольски онъ называется Ухуни хара-балданъ.

[2]) Аргалъ — коровій пометъ. Сабуръ пятипалая деревянная вилка, употребляемая собирательницами аргала для подхватыванія его съ земли, чтобы положить его въ корзину.

г. Балынъ-сенге проходилъ мимо человѣка, сѣявшаго хлѣбъ, и спросилъ его: «Что ты дѣлаешь?» Тотъ въ насмѣшку отвѣтилъ: «Сѣю чутусы!» «Ну пусть же у тебя уродятся чутусы!» сказалъ Балынъ-сенге. И въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто хлѣба, на всемъ полѣ уродились чутусы. Бѣдный пахарь, оставшись безъ пропитанія, заплакалъ, пошелъ за Балынъ-сенге и, догнавъ его, говоритъ: «Я согрѣшилъ, сказалъ тебѣ худо! Прости! Скажи, не знаешь ли какого средства поправить мое положеніе!» Балынъ-сенге говоритъ: «Иди въ монастырь (хитъ) чаугунцзей [1]) и продай имъ чутусы!» Тотъ такъ и сдѣлалъ, продалъ. Одна изъ чаугунцзей, державшая чутусъ въ ящикѣ, была позвана въ какую-то юрту читать номъ; окончивъ чтеніе, вечеромъ чаугунцза стала собираться въ монастырь; её стали упрашивать остаться ночевать. «Нельзя!» говоритъ она. «Я оставила въ своей кельѣ номъ въ ящикѣ». Хозяева юрты говорятъ ей, что пошлютъ за ящикомъ свою дочь. Чаугунцза говоритъ дѣвицѣ: «Когда будешь нести, не открывай ящика!» Дѣвушка не утерпѣла, дорогой открыла ящикъ, увидѣла чутусъ и вскрикнула: «ахъ!» Чутусъ выскочилъ изъ ящика и упалъ къ ней въ подолъ. Дѣвушка испугалась и пустилась бѣжать. Бѣжала, бѣжала, наконецъ отъ усталости упала и вздохнула: «охъ!» Чутусъ выпалъ изъ ея подола, она схватила палку, принялась бить его; разбила его на части. Вернулась домой, разсказала, что у чаугунцзей въ ящикахъ, вмѣсто нома, хранятся чутусы. Ханъ велѣлъ всѣмъ чаугунцзамъ этого хита отрубить головы.

Ратна-бала.

д. Балынъ-сенге пришелъ на одну свадьбу. Ему дали бѣлую лошадь и говорятъ: «Сходи и пригласи бакши, пусть пріѣдетъ на свадьбу на этой лошади». Балынъ-сенге пригласилъ бакши, посадилъ его на лошадь, а самъ идетъ сзади. Дорогой бакши сошелъ съ лошади помочиться и сѣлъ на валявшейся на степи кости сучжи. Балынъ-сенге проговорилъ: боксенъ налдасо! Кость прилипла къ задницѣ бакши; не можетъ онъ её оторвать отъ себя и спрашиваетъ у Балынъ-сенге: «Не знаешь ли средства отдѣлить кость отъ моего тѣла?» Балынъ-сенге говоритъ: «Понюхай у хвоста лошади?» Бакши сталъ нюхать. Балынъ-сенге проговорилъ: боксенъ налдасо! И бакши носомъ прилипъ къ хвосту лошади. Идутъ такъ: впереди лошадь, за ней бакши, за нимъ кость сучжи. Когда пришли въ юрту, гдѣ была свадьба, народъ озлился на Балынъ-сенге и сталъ его бить. Кто примется его бить, Балынъ-сенге скажетъ: гадзаръ налдасо! У того подошвы ногъ и прилипнутъ къ землѣ. Всѣ такимъ родомъ прилипли, не могутъ сдвинуться съ мѣста. Тогда они взмолились Балыну-сенге и поднесли ему большой серебряный мандалъ. Онъ отлѣпилъ ихъ всѣхъ.

Онъ же.

---

[1]) Чаугунцза, собственно убасанца — монахиня.

О Балынъ-сенге см. Очерки, IV, 241—243. Ср. также въ Зап. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Г. О. по этн., т. I, в. 2, стр. 58 (сказка о Анагуй-ухарѣ). Въ одномъ варіантѣ (Оч., IV, 242) Балынъ-сенге похищаетъ душу, уже вынутую Ерликомъ изъ тѣла человѣка; въ бурятской легендѣ (Изв. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Г. Общ., т. XI, № 1—2, стр. 87) Моргонъ хара похищаетъ душу, которая была уже вынута изъ тѣла Эсэгэ-маланомъ. Тамъ же (Оч., IV, 242) Балынъ-сенге вымѣниваетъ у Ерлика быка; ср. съ разсказомъ о томъ, какъ Молонтей или Молонтой вымѣниваетъ быка у Ерлика (Оч., IV, 266; Записки Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. II, в. 1, стр. 20; ср. также Извѣстія того же Отдѣла, XII, № 4—5, стр. 65: вм. Молонтоя Уланъ-Хурхынъ, а вмѣсто Ерлика—Буха-ноинъ). Но въ разсказѣ о старикѣ Хоредоѣ (тѣ же Записки, т. I, в. 1, стр. 4) обманутымъ опять является Эсэгэ-Маланъ. Можетъ быть въ монгольскихъ варіантахъ имя съ обманываемаго персонажа было перенесено на обманщика, при чемъ Маланъ превратилось въ Балынъ, а Эсэгэ въ Сенге (ср. версіи имени отца Чингисъ-хана: Эсугей и Исунке).

Балынъ-сенге смѣщаетъ Ерлика (изображаемаго съ бычьей головой; Оч., IV, 242). Ср. этотъ разсказъ съ окончаніемъ XXIII гл. Шиддикура въ переводѣ Гомбоева и съ окончаніемъ тангутской легенды о царѣ съ бычьей головой Лангъ-дармѣ (см. ниже №№ 27 и 37), котораго убиваетъ плясунъ Валъ-Дорчжи или Ладунъ-Валъ-Дорчжи. Въ сказкѣ, переведенной Шмидтомъ съ монгольскаго на нѣмецкій (Gesch. d. Ost. Mong., S. 451) быка убиваетъ Эрдени-Харалыкъ; ср. въ нашемъ № 9: Эрдени убиваетъ корову. Эрдени-Харалыкъ есть воплощеніе бога Арья-Вало. Не слѣдуетъ ли видѣть того же Арья-Вало и въ Валъ-Дорчжи и въ Балынъ-сенге. Сказаніе о Лангъ-дармѣ пріурочено къ Поталѣ (въ Лассѣ), гдѣ находится резиденція Далай-ламы, почитаемаго воплощеніемъ бодисатвы Арья-Вало; гора названа такъ въ параллель другой настоящей (земной или небесной) Поталы, которая есть дѣйствительная резиденція Арья-Вало. Если же Потала есть видимая резиденція бодисатвы Арья-Вало, то не естественно ли будетъ предположить, что содержаніемъ легенды объ этой мѣстности должны быть славные подвиги пребывающаго на горѣ бога Арья-Вало? Другими словами: не слѣдуетъ ли легенду о Лангъ-дармѣ отнести къ числу легендъ объ Арья-Вало, въ подвигѣ плясуна монаха видѣть дѣйствіе самого бога, сокрушающаго мѣстнаго пиѳона, и въ имени монаха испорченное имя Арья-Вало? Бодисатва Арья-Вало изображается обыкновенно съ лукомъ и стрѣлами.

---

14. АКУ-РТОМБА.

(Тангутскій).

Аку-ртомба родился въ странѣ Гуйцынъ [1]). Однажды онъ одѣлся въ платье монахини и пришелъ въ женскій монастырь. Одна монахиня родила. Гебкуй думаетъ: «Нужно осмотрѣть монахинь; между ними есть кто-то отецъ ребенка. Но какъ это сдѣлать? Раздѣть всѣхъ, выйдетъ соблазнъ». Гебкуй велѣла сестрамъ вырыть яму, легла въ неё и велѣла сестрамъ перешагивать черезъ яму. Аку-ртомба посредствомъ петли съумѣлъ замаскировать свой полъ. Всѣ монахини прошли мимо гебкуя, но отецъ ребенка не былъ открытъ. Аку-ртомба притворно горячится и говоритъ, что еще разъ нужно заставить всѣхъ перешагивать черезъ яму. На этотъ разъ петля измѣнила и обманщикъ былъ открытъ. Монахини сначала принялись бить Аку-ртомбу, потомъ спрашиваютъ: какой смертью его убить, хорошей или худой. Гебкуй говоритъ: «Конечно худой! онъ внесъ развратъ въ монастырь и

[1]) Т. е. Уй-цзанъ.

одну монахиню сдѣлалъ матерью!» Гебкуй присудила оскопить его; къ тѣлу Аку-ртомбы прикрѣпили ремни и монахини, раздѣлившись на двѣ партіи, стали тянуть за ремни, однѣ въ одну сторону, другія въ другую. Но Аку-ртомба обмазался масломъ, выскользнулъ изъ ремня и побѣжалъ; его схватили было за платье, но онъ оставилъ платье въ рукахъ монахинь и убѣжалъ нагой.

Дорогой онъ увидѣлъ мальчика, который держалъ лошадь. «Что ты нагой?» спрашиваетъ мальчикъ Аку-ртомбу. «Въ женскомъ монастырѣ бьютъ и раздѣваютъ до нага всѣхъ, кто придетъ», солгалъ Аку-ртомба. «Не правда!» говоритъ мальчикъ. «Испытай на себѣ, коли не вѣришь». «Пойду, испытаю, а ты пока подержи мою лошадь». Хорошо, подержу, говоритъ Аку-ртомба. Мальчикъ ушелъ въ монастырь, а Аку-ртомба сѣлъ на его лошадь и поѣхалъ. Вернулся мальчикъ, ни лошади, ни караульщика нѣтъ. Пустился онъ догонять обманщика. Аку-ртомба стоитъ около тарчука [1]) близъ мужскаго монастыря, держитъ топоръ въ рукѣ, а самъ смотритъ на вершину тарчука. «Ты что?» спрашиваетъ мальчикъ. «Ламы велѣли караулить, не пошевелится ли верхушка; если тронется, велѣли срубить тарчукъ». А моя лошадь? «Она цѣла». Возврати, коли цѣла. «Да нельзя отойти! Развѣ ты постоишь вмѣсто меня, пока я бѣгаю за лошадью?» Хорошо, бѣги! говоритъ мальчикъ, взялъ топоръ и сталъ подъ тарчукомъ, а Аку-ртомба ушелъ. Дунулъ вѣтеръ, верхушка тарчука качнулась; мальчикъ началъ рубить его и срубилъ, тарчукъ упалъ на землю. Прибѣжали ламы, давай его бить.

Аку-ртомба пришелъ въ городъ, промѣнялъ лошадь на коралловыя чётки. Приходитъ къ одной женщинѣ, у которой была дочь, и говоритъ ей: «Позволь ночевать съ твоей дочерью, за это я отдамъ тебѣ коралловое мани». «Хорошо», говоритъ мать дѣвицы; «ночуй!» «Только съ условіемъ», говоритъ Аку-ртомба: «если твоя дочь сдѣлаетъ неприличіе, я кораллы не отдамъ». Старуха жарила ячмень и все караулила спавшую дочь. Когда та пошевелилась, старуха подумала: «Вотъ грѣхъ случится! пропадутъ кораллы!» И прижала къ тѣлу дочери пучкомъ шерсти, которымъ обтираютъ внутри котла. Шерсть была горячая и обожгла тѣло дѣвицы. Дѣвица съ испугу согрѣшила. Аку-ртомба ушелъ, не отдавши кораллы. Приходитъ къ другой женщинѣ, которая жила со снохой, и обѣщаетъ отдать ей кораллы, если она позволитъ ему переночевать со снохой. Женщина соглашается, но съ условіемъ, чтобы онъ кораллы отдалъ впередъ. Аку-ртомба отдалъ кораллы, и его положили со снохой во дворѣ. Ночью пріѣхалъ сынъ женщины. Она говоритъ Аку-ртомбѣ: «Уходи, пріѣхалъ мужъ моей снохи!» «Ну да какъ же!» говоритъ Аку-ртомба. «Я кораллы отдалъ не даромъ. Я здѣсь намѣренъ прожить дня три или четыре». Старуха упрашиваетъ его взять кораллы назадъ, только уйдти. Аку-ртомба взялъ кораллы и ушелъ.

Встрѣчаетъ онъ въ полѣ пахаря и говоритъ ему: «Я твой младшій братъ!» «Не слыхалъ, говоритъ пахарь, что у меня есть братъ. А коли братъ, такъ иди въ мой домъ; узнаешь его по черной лошади, привязанной на дворѣ. Если заста-

[1]) Тарчукъ—мачта съ привѣшенными къ ней флагами, исписанными молитвами.

нешь мою жену, вели напоить тебя чаемъ; а не будетъ ея дома, такъ самъ свари; въ правомъ углу стоитъ ящикъ съ рсамбой [1]), въ лѣвомъ съ масломъ». Аку-ртомба пришелъ въ домъ пахаря и говоритъ его женѣ: «Я младшій братъ твоего мужа, видѣлъ его въ полѣ; онъ велѣлъ тебѣ напоить меня чаемъ, а на случай, если тебя не застану, научилъ въ какомъ ящикѣ найдти масло, въ какомъ рсамбу». Жена пахаря сварила чай и напоила Аку-ртомбу. Напившись, онъ говоритъ ей: «Твой мужъ велѣлъ дать мнѣ вашу лошадь съѣздить въ одно мѣсто». Она дала лошадь дала и сѣдло. Аку-ртомба сѣлъ на лошадь, выпросилъ на дорогу еще колобокъ масла и уѣхалъ. Пріѣхалъ мужъ, спрашиваетъ: «Былъ братъ?» «Былъ и уѣхалъ; я напоила его чаемъ и дала ему лошадь съ сѣдломъ, какъ ты велѣлъ». Тутъ онъ догадался, что обманутъ, собралъ родственниковъ и всю свою деревню и пустился въ погоню. Спрашиваетъ по дорогѣ: «Проѣзжалъ здѣсь человѣкъ на черной лошади?» «Проѣзжалъ, да на не совсѣмъ черной, а на черной съ бѣлой головой». Аку-ртомба вымазалъ лобъ лошади масломъ, которое ему дала на дорогу женщина. Хозяинъ лошади думаетъ: «Это не онъ! лошадь не моя!» не поѣхалъ дальше и вернулся домой.

Ами-салунъ, тангутъ изъ Лабрана.

Стояніе Аку-ртомбы у тарчука ср. съ мѣстомъ въ Очеркахъ, IV, стр. 236: Ганци-Ментышъ, привязанный къ дереву, обманываетъ горбатаго старика, гнавшаго тысячу барановъ и мѣняется съ нимъ мѣстомъ. Порученіе караулить, не будетъ ли двигаться мачта, ср. съ обязанностями летучей мыши, которая держитъ скалу, чтобъ она не сдвинулась съ мѣста и не перегубила бы народъ (Оч., IV, 175, вар. в). Ср. съ примѣчаніями ниже къ № 88, т. е. къ Полярной звѣздѣ. Тема объ окраскѣ лошади облегчаетъ сближеніе Аку-ртомбу (= Балынъ-сенге) съ Балъ-дорчжи, убійцей царя Лангъ-дармы. См. примѣчанія къ № 27.

---

15. БОРОЛТАЙ ӲБӲГӲНЪ.

(Монгольскій).

Былъ Боролтай ӱбӱгӱнъ (старикъ Боролтай); у него было семь буросѣрыхъ овецъ (долонъ борлокъ хони). Однажды приходитъ къ нему волчица (чхоно) и говоритъ: «Я съѣмъ твоихъ овецъ!» Но въ это время она увидѣла, что изъ верхняго отверзтія юрты, въ которой жилъ Боролтай-ӱбӱгӱнъ, вышелъ большой дымъ. Волчица спросила его: «Что это у тебя за дымъ?» Боролтай ӱбӱгӱнъ отвѣчалъ: «У меня ночуетъ большой нойонъ, который пріѣхалъ сюда стрѣлять лукавыхъ рыжихъ лисицъ (джѣльбынъ шари унюге) и волковъ (чхоно). Волчица говоритъ: «Я приведу тебѣ семьсотъ буросѣрыхъ овецъ, только не говори нойону обо мнѣ. И

---

[1]) Рсамба — ячменная мука.

когда я пригоню овецъ, не сказывай своей женѣ, откуда досталъ скотъ». Волчица пригнала семьсотъ буросѣрыхъ овецъ. Жена спрашиваетъ Боролтай-ўбўгўна: «Откуда ты добылъ такое множество овецъ? Вѣрно ты гдѣ-нибудь ихъ укралъ?» Боролтай-ўбўгўнъ день крѣпился, не сказывалъ; другой крѣпился, не сказывалъ, на третій сказалъ, что овецъ пригналъ ему волкъ. Волчица пришла со своими волчатами и говоритъ: «Я тебѣ заказывала, чтобъ ты не говорилъ своей женѣ, что я пригнала овецъ, а ты не утерпѣлъ и разсказалъ. Теперь я всѣхъ твоихъ овецъ съѣмъ!» Боролтай-ўбўгўнъ говоритъ, что онъ не сказывалъ женѣ. «Я знаю, что сказалъ!» говоритъ волчица. Въ это время волчица увидѣла тайгу-собаку и спрашиваетъ у Боролтай-ўбўгўна, что это за звѣрь. Боролтай-ўбўгўнъ говоритъ, что это собака пріѣхавшаго нойона, которая ловитъ волковъ и лисицъ. Волчица проситъ, чтобъ Боролтай-ўбўгўнъ не разсказывалъ нойону объ ней, имѣющей многочисленныхъ волчатъ, и что за это она не тронетъ его овецъ. И сама побѣжала прочь.

Дорогой ей встрѣчается лисица и спрашиваетъ. «Куда ты такъ скоро бѣжишь»? Волчица отвѣчаетъ: «Къ Боролтай-ўбўгўну пріѣхалъ нойонъ, который стрѣляетъ лисицъ. и волковъ и есть у него собака тайгу, которая ловитъ лисицъ и волковъ. Вотъ я теперь бѣгу, чтобы спрятаться». «И я боюсь!» говоритъ лисица. «И я побѣгу!» Добѣжали они до лисьей норы; лисица говоритъ: «Спрячемся въ мою нору; если будемъ еще бѣжать, то, пожалуй, насъ догонятъ». Волчица проситъ лисицу лѣзть въ нору первой, но лисица уговариваетъ волчицу идти впередъ. Долго онѣ уговаривали другъ друга, чтобы соблюсти церемоніи, которыя обычай велитъ исполнять хозяину дома при входѣ въ его домъ гостя. Наконецъ лисица спустилась въ нору первая; за ней полѣзла волчица; лисья нора для нея оказалась узкою и она завязла; ни впередъ не можетъ податься, ни назадъ вылѣзти. Между тѣмъ лисица заднимъ ходомъ вылѣзла изъ норы, обѣжала кругомъ и изнасиловала волчицу. Потомъ отбѣжала въ степь и говоритъ: ергу чоныгъ ергинъ догуръ бухурлачхила [1]).

Очиръ, ордосскій монголъ хошуна дзасыка.

---

16. ХОВАТАЙ УБУГУНЪ.

Въ давнее время былъ старикъ Ховатай. Ему было сорокъ шесть лѣтъ уже отъ роду, а онъ, не смотря на такой возрастъ, никуда не выходилъ изъ дому. Въ домѣ и сорилъ и мочился. Однажды старуха говоритъ ему: «Вышелъ бы ты въ полдень и посмотрѣлъ бы, что за люди и что за скотъ ходитъ внѣ дома! Какъ было бы это прекрасно!» Старикъ сказалъ: «Какъ-нибудь выйду! Въ хорошій день

[1]) Ордосскій монголъ Пунсукъ (хошуна Ушинъ) не могъ разсказать сказку о Боролтаѣ, но сказалъ, что слыхалъ сказку о старикѣ Боролтаѣ въ войлочномъ плащѣ, имѣвшемъ сто сѣрыхъ овецъ: джонъ боро хонитай эсигэ кемликтой боролтай ўбўгўнъ.

спокойнаго мѣсяца выйду»! Старуха ушла отъ него. Одинъ хорошій день выждавъ, вновь пришла. Ховатай-убугунъ въ этотъ хорошій день спокойнаго мѣсяца вышелъ и на высокомъ мѣстѣ сдѣлалъ уръ-санъ (воскуреніе). Мангусъ-эмегенъ пришла; Ховатай-убугуна спрашиваетъ: «Какъ тебя зовутъ?» Мое имя Ховатай. «Чѣмъ ты занимаешься?» Я старикъ, поѣдающій мангысовъ. Мангысъ говоритъ: «Завтра рано, раньше восхода солнца, мы двое на этомъ хребтѣ устроимъ мѣсто и испытаемъ, кто сильнѣе. Сильный пусть съѣстъ слабаго!» Хорошо! сказалъ Ховатай-убугунъ и вернулся домой. Дома убилъ козла, мясо съѣлъ, а гудже (желудокъ) закопалъ подъ горой. Назавтра рано, ранѣе восхода солнца, Ховатай-убугунъ и мангысъ-эмегенъ пришли (на хребетъ). Мангысъ-эмегенъ готовитъ мѣсто. Ховатай-убугунъ выдавилъ изъ козьяго желудка басъ (содержимое) и говоритъ: «[illegible]авилъ изъ горы басъ. Теперь я тебя съѣмъ!» Мангысъ-эмегенъ испугалась [illegible]. Ховатай-убугунъ погнался за ней сзади. Гонясь, дошелъ до дома [illegible]. Мангысъ-эмегенъ, боясь (Ховатай-убугуна), говоритъ: «Я тебѣ пищу сварю! Ты какую пищу ѣшь?» Я съѣдаю мясо семидесяти коровъ.—Мангысъ-эмегенъ гдѣ. гдѣ ни собрала семьдесятъ коровъ, сварила мясо. Мангысъ-эмегенъ спрашиваетъ: «Дядя Ховатай! ты гдѣ будешь кушать?» Я на берегу Хатунъ-гола покушаю! — Мангысъ-эмегенъ все мясо семидесяти коровъ подняла и отнесла на берегъ Хатунъ-гола. Ховатай-убугунъ одинъ кусокъ попробовалъ: безъ соли. Говоритъ: «Мясо не солоно. Я тебя (буквально: твое мясо) съѣмъ!» Мангысъ-эмегенъ пошла за солью. Когда она ушла, Ховатай-убугунъ все мясо семидесяти коровъ побросалъ въ Хатунъ-голъ. Одно плечо (оставилъ и) грызетъ. Мангысъ-эмегенъ принесла мѣшокъ соли. Ховатай-убугунъ (говоритъ): «Я мясо семидесяти коровъ на степь бросилъ. Ты теперь принесла соль. (Ты опоздала и я)теперь тебя самоё съѣмъ!» Мангысъ-эмегенъ опять покорилась и говоритъ: «Сколько у меня въ домѣ есть серебра, денегъ, все тебѣ отдамъ!» «Если ты дѣйствительно хочешь отдать (свое серебро), то, поднявъ на спину, принеси въ мой домъ!» говоритъ Ховатай-убугунъ. Мангысъ-эмегенъ подняла на плечи серебра, сколько можно вмѣстить въ три дома, и пошла впереди. Ховатай-убугунъ сзади идетъ. Дорогой, идя въ гору, мангысъ-эмегенъ (не вытерпѣла, и) выпустила звукъ. Духъ ударилъ въ (носъ) Ховатай-убугуна и онъ упалъ въ оврагъ между двумя ярами. Ховатай-убугунъ былъ хитеръ, ухватился за кустъ полыни (шябыкъ). Мангысъ-эмегенъ оглянулась, видитъ: Ховатай-убугунъ держится за кустъ шябыка. «Дядя! ты что держишься за шябыкъ?» Я хочу заткнуть твой задъ!—Мангысъ-эмегенъ опять покорилась и говоритъ: «Съ этого времени не буду выпускать духъ!» Ховатай-убугунъ говоритъ: «Если не будешь, то вытяни меня изъ оврага!» Мангысъ-эмегенъ вытянула его вновь на гору. Ховатай-убугунъ, пришедши домой, говоритъ старухѣ: «Мангысову голову ты сваришь потомъ, а теперь свари мангысово сердце! Я эту мангысъ-эмегенъ покормлю!» Испугавшись этихъ словъ, мангысъ-эмегенъ убѣжала. Сколько земли пробѣжала, встрѣтила лисицу. Лисица спрашиваетъ: «Ты чего испугалась?» «Ховатай-убугунъ чуть-чуть было не съѣлъ меня; сколько дней (эта опасность угрожала мнѣ)». Лисица говоритъ: «Ховатай-убугунъ никогда не выходилъ изъ дому. Я не допущу

тебя съѣсть. Ты теперь ссучи длинную веревку, я тебя на поводу поведу!» Одинъ конецъ привязала къ тѣлу мангысъ-эмегены, другой къ своей шеѣ; лисица впереди пошла, повела (мангысъ-эмегену). Мангысъ эмегенъ сзади идетъ. Ховатай-убугунъ вышелъ изъ дому. Онъ посмотрѣлъ и говоритъ (лисицѣ): «Я давно ждалъ, что ты приведешь хорошаго мангыса, а ты теперь какого худого бросоваго мангыса привела? Я теперь васъ обѣихъ съѣмъ!» Мангысъ-эмегенъ испугалась этого (подумала): «Эта лисица хотѣла меня скормить Ховатай-убугуну!» Мангысъ-эмегенъ побѣжала. Сколько земель, горъ и хребтовъ пробѣжала. На одну гору выбѣжала, ту хорошую лисицу, ударивъ ногой, зашибла. Лисица, оскаливъ зубы, умерла. Мангысъ-эмегенъ говоритъ лисицѣ: «Ты что смѣешься?» И, ударивъ ногой, убила её. Ховатай-убугунъ съ того времени зажилъ богато.

Омолонъ, монголъ изъ Ордоса, хошуна Ушинъ.

---

17. МАЛЬЧИКЪ, ПОПАДАЮЩІЙ ВЪ ХВОСТЪ.

(Бöксенъ харбадыкъ ху).

(Китайская сказка, разсказанная помонгольски).

Одинъ отецъ имѣлъ единственнаго сына. Этотъ сынъ ничего не дѣлалъ; отецъ послалъ его изъ дому поучиться какому-нибудь полезному дѣлу. Сынъ походилъ въ народѣ и, вернувшись, сказалъ отцу, что онъ выучился стрѣлять изъ лука. Отецъ сказалъ ему: «У другихъ нойоновъ дѣти выучиваются читать и писать и разбирать номъ, а ты выучился только стрѣлять; къ чему это?» И выгналъ сына, давъ ему худой лукъ и худую стрѣлу. Мальчикъ шелъ, шелъ и дошелъ до двора богатаго человѣка, у котораго была дочь. Онъ узналъ, что этотъ богатый человѣкъ объявилъ, будто онъ отдастъ свою дочь только за того, кто хорошо стрѣляетъ. Мальчикъ думаетъ: «Я не мастеръ стрѣлять! какое бы средство найдти, чтобы получить эту дѣвицу?» Онъ нашелъ мертвую птицу дрофу (тоодыкъ), воткнулъ ей въ хвостъ стрѣлу и бросилъ на дворъ богатаго человѣка. Богатый человѣкъ увидѣлъ упавшую птицу и говоритъ: «Что это такое? на дворъ упала птица со стрѣлой въ хвостѣ! Подайте ее мнѣ!» Въ это время входитъ мальчикъ и говоритъ: «Я подстрѣлилъ птицу дрофу; она упала на вашемъ дворѣ. Отдайте мнѣ ее!» «Ты что за человѣкъ, въ чемъ ты искусенъ?» спрашиваетъ богатый человѣкъ. «Я мальчикъ, стрѣляющій въ хвостъ» (би бöксенъ харбадыкъ ху). Богатый человѣкъ говоритъ: «Недалеко отъ меня есть деревья; въ нихъ живутъ дрофы. Если ты застрѣлишь ихъ, я отдамъ за тебя свою дочь!» Ху (мальчикъ) сказалъ, что онъ застрѣлилъ бы, но что у него плохой лукъ. Богатый человѣкъ далъ ему хорошій лукъ и хорошую стрѣлу. Ху пошелъ къ деревьямъ, спрятался за камышъ, натянулъ лукъ, не рѣшается выстрѣлить. Только прицѣлится, птица и перемѣстится.

съѣлъ и сталъ сытёхонекъ. Идутъ опять дальше и приходятъ къ двумъ горамъ, которыя сходятся и расходятся. Опять овца велитъ мальчику сѣсть на нее и проскочила между горами въ то время, какъ онѣ разошлись. Идутъ далѣе. Опять овца спрашиваетъ, не проголодался ли мальчикъ и опять велитъ ему отрѣзать маленькій кусокъ отъ ея хвоста. Затѣмъ они приходятъ къ городу, въ которомъ было пятьсотъ щенковъ (табынъ джонъ каба). Овца говоритъ: «Здѣсь есть пятьсотъ злыхъ собакъ, поэтому прямо въ городъ войдти нельзя. Остановимся на горкѣ и ты покричи!» Взошли на небольшую горку и мальчикъ [illegible] кричать. На его крикъ пришли пятьсотъ человѣкъ, у каждаго по желѣзн[illegible] на плечѣ. Спрашиваютъ мальчика: «Ты что кричишь?» Мальчикъ отвѣчаетъ: «Хочу пройдти мимо собакъ. Покараульте ихъ!» Каждый изъ этихъ пятисотъ человѣкъ поймалъ по собакѣ и привязалъ къ желѣзному шесту. Мальчикъ прошелъ со [illegible] овцой благополучно. Когда собакъ отпустили, онѣ были уже такъ далеко, что собаки ихъ не догнали.

Далѣе они пришли въ городъ, въ которомъ жилъ ханъ. Овца говоритъ: «Мы не будемъ входить въ городъ, а сначала поживемъ дня два или три у одной старухи шибгунцзы (монахини), которая пасетъ ханскихъ овецъ». Овца учитъ мальчика: «Вырви три волоса изъ меня и иди въ городъ, держа ихъ передъ собой. Если будутъ покупать, не продавай менѣе, какъ за три лана серебра». Мальчикъ вырвалъ три волоса и пошелъ въ городъ; подходитъ китаецъ, спрашиваетъ, что стоятъ волосы. Мальчикъ говоритъ: «Менѣе, чѣмъ за три лана не продамъ!» Китаецъ немедленно вынимаетъ три лана, отдаетъ мальчику и беретъ волосы. Мальчикъ вернулся къ овцѣ; овца говоритъ: «Теперь ты иди въ городъ, зайди въ дянъ и тамъ потребуй себѣ ѣды, чаю и вина, наѣшься и напейся!» «А ты сама чѣмъ будешь сыта?» спрашиваетъ мальчикъ. «А мнѣ купи немного травы и брось!» Мальчикъ купилъ травы, бросилъ овцѣ, а самъ пошелъ въ городъ и тамъ наѣлся и напился. На другой день овца велитъ снова вырвать изъ нея нѣсколько волосъ и продать въ городѣ за пять ланъ. Опять мальчику встрѣтился китаецъ, который далъ ему за волосы пять ланъ. Опять овца посылаетъ его въ дянъ и учитъ: «Мимо тебя будутъ проходить сто дѣвицъ; каждая будетъ махать зеленымъ платкомъ; самая задняя царевна (гуньчжу), переднія простыя дѣвицы. Когда самая задняя будетъ проходить мимо тебя, ты вырви у нея платокъ». Мальчикъ пошелъ въ дянъ и спросилъ себѣ ѣсть. Въ это время мимо него стали проходить сто дѣвицъ; каждая изъ нихъ имѣла въ рукѣ зеленый платокъ и помахивала имъ. Когда самая задняя стала проходить мимо мальчика, она взмахнула платкомъ и задѣла имъ по головѣ мальчика. Онъ схватилъ платокъ и вырвалъ. Царевна оглянулась и прошла далѣе. Послѣ этого она заболѣла. Царь призывалъ разныхъ лекарей, но никто не можетъ вылечить царевну. Тогда овца говоритъ мальчику: «Купи книгу, надѣнь ламское платье и вмѣстѣ пойдемъ вслѣдъ за ханскими баранами подъ городскую стѣну». Царь, грустя по больной дочери, вышелъ на городскую стѣну и увидѣлъ оттуда мальчика съ книгой. Онъ говоритъ вельможамъ: «Вотъ еще какой-то человѣкъ! Не можетъ ли онъ вылечить моей дочери? Позовите его!» Вельможи говорятъ: «Это шатающійся худой

лама, собирающій милостыню. Не стоитъ его звать!» Но царь велѣлъ позвать его. Тогда овца говоритъ мальчику: «За тобой царь посылаетъ пословъ. Если царь тебя спроситъ: ты не емчи (лекарь) ли? отвѣчай: емчи! Если спроситъ: ты не домчи ли (свѣдующій въ домѣ [1])? отвѣчай: домчи! Если спроситъ: не умѣешь ли брать тульху? отвѣчай: умѣю!» Когда царь спросилъ мальчика: «Ты не емчи ли?» Мальчикъ отвѣтилъ: «Емчи!» Когда царь спросилъ его: «Ты не домчи ли?» Мальчикъ отвѣтилъ: «Домчи». «Ты не умѣешь ли брать тульху» (чи тульху баридыкъ хунь ю)? «Умѣю!» отвѣчаетъ мальчикъ. Тогда царь сказалъ ему, чтобъ онъ посмотрѣлъ въ своей книгѣ, чѣмъ больна царевна и велѣлъ отвести его въ кухню (тогони герь). Мальчикъ, по совѣту овцы, сѣлъ, раскрылъ книгу и смотритъ въ нее. А онъ ничего не понималъ въ ней, обманывалъ. Будто бы почиталъ въ книгѣ и говоритъ вельможамъ: «Теперь я посмотрю у царевны жилу» (сутулъ, т. е. пульсъ). «Какъ же ты будешь смотрѣть?» спрашиваютъ его. «Дайте мнѣ, говоритъ, шелковую нитку въ десять саженъ длиной. Одинъ конецъ я буду держать, а другой конецъ передайте въ руки царевны». Дали ему нитку; онъ къ тому концу, который нужно было передать въ руки царевны, привязалъ нѣсколько шелчинокъ, выдернутыхъ изъ царевнина платка. Когда царевна увидѣла шелчинки изъ своего платка, обрадовалась; она угадала, что человѣкъ, вырвавшій у нея платокъ, пришелъ, и начала выздоравливать. Потомъ, по совѣту овцы, мальчикъ истолокъ овечій пометъ, положилъ его въ чашку, налилъ водой, велѣлъ снести царевнѣ и сказалъ: «Пусть выпьетъ! Это лекарство!» Царевна посмотрѣла въ чашку, догадалась, что мальчикъ съ умысломъ употребилъ пометъ, чтобъ показать, что пить не нужно; она сдѣлала видъ, будто выпила. Когда царевна совсѣмъ выздоровѣла, царь сталъ звать мальчика къ себѣ. Овца говоритъ мальчику: «Не ходи!» Мальчикъ отвѣчаетъ царскимъ посламъ: «Не пойду!» По три утра царь посылалъ за нимъ и онъ все отказывался. Тогда царь сказалъ, что онъ самъ завтра придетъ къ мальчику. Овца говоритъ мальчику: «Теперь ты потряси мой хвостъ!» Началъ мальчикъ трясти его, начали изъ него сыпаться новая шапка, новая шуба, новые сапоги и другія части одежды. «Надѣнь на себя все это; говоритъ овца, и сегодня ночью молись небу!» Началъ мальчикъ молиться. Спустились съ неба восемь лу (драконовъ) и построили престолъ (шире); потомъ съ неба упала на голову мальчика тинса [2]). Овца говоритъ: «Садись на этотъ престолъ и когда придетъ царь, ты не шевелись. Онъ тебѣ будетъ покланяться, а ты сиди, не двигаясь!» Чтобы мальчикъ не испугался, когда царь будетъ покланяться, овца стала сзади престола и стала держать мальчика. Пришелъ царь, увидѣлъ его на престолѣ съ небесной тинсой на головѣ и поклонился. «Чжа, ханъ, сказалъ онъ мальчику, морильчжи су! Возьми мою дочь и садись на мой престолъ?» Мальчикъ женился на царевнѣ и сѣлъ на царскій престолъ, а царь удалился въ другія страны. Овца сильно устарѣла и говоритъ мальчику: «Я стара стала, время умирать! Когда я умру, ты сними съ меня шкуру и мясо по-

[1]) Домъ—волшебное лекарство. Подробнѣе см. въ Трудахъ Вост. Отд. И. Археол. Общ., ч. VI (1858), стр. 181.

[2]) Тинса—шарикъ на шапкѣ, означающій чинъ.

ложи въ ящикъ, въ которомъ лежатъ бурханы». Овца умерла; царь снялъ съ нея шкуру и мясо положилъ въ ящикъ вмѣстѣ съ бурханами. Ночью пришло множество мышей; слышно было, какъ онѣ бѣгаютъ и грызутъ. Царь поймалъ главную изъ нихъ и спрашиваетъ: «Вы зачѣмъ пришли грызть ящикъ, въ который я положилъ мясо овцы?» Мыши говорятъ: «Мы тѣ самыя мыши, которыхъ ты переловилъ въ юртѣ, когда однажды ночевалъ въ ней. Вмѣсто того, чтобъ убить насъ, ты насъ отпустилъ на волю. Теперь мы тебѣ построимъ стеклянный дворецъ!» Онѣ построили стеклянный дворецъ и царь переселился въ него со своей молодой царицей.

Ратна-бала, 17 лѣтній лама монголъ
изъ Ордоса, хошуна вана.

---

19. ТЕНЕКЪ-ХУ.

(Монгольскій).

У одного богатаго человѣка былъ глупый сынъ, у котораго была очень умная жена. Сынъ богатаго человѣка былъ до такой степени глупъ, что не зналъ мѣры ни ѣдѣ, ни сну. Ѣсть начнетъ, ѣстъ до тѣхъ поръ, пока жена не укажетъ, что онъ наѣлся и пора блюдо съ ѣдой отставить. Ляжетъ спать, спитъ и не встаетъ съ постели, пока жена не скажетъ, что нужно вставать. Однажды отецъ говоритъ ему: «Пойди въ степь и спроси у хамхака [1]), куда онъ катится?» Тенекъ-ху пошелъ вслѣдъ за хамхакомъ. Спрашиваетъ у хамхака, куда онъ катится; тотъ не отвѣчаетъ, а катится впередъ. Ходилъ, ходилъ за нимъ Тенекъ-ху [2]), наконецъ схватилъ его руками; сухой хамхакъ раскрошился въ его рукахъ. Пошелъ Тенекъ-ху домой; на пути выходитъ къ нему его жена и спрашиваетъ, куда онъ ходилъ. Тенекъ-ху говоритъ, что отецъ посылалъ его спросить у хамхака, куда хамхакъ катится, но хамхакъ катился впередъ безъ отвѣта, а когда онъ схватилъ его руками, хамхакъ раскрошился. Жена сказала ему: «Скажи отцу: ару гадзаръ ургула унтэсумодо кислй тала гадзаръ танкэглыя токумъ гадзаръ нотуглыя гечжи ябуджи байна», т. е. (я) выросъ на сѣверной сторонѣ (горы?), (мои) корни вырвались (изъ земли); иду въ равнинѣ улечься, въ котловинѣ поселиться!» Тенекъ-ху приходитъ къ отцу и приноситъ отвѣтъ. Отецъ спрашиваетъ его: «Кто тебя научилъ такъ отвѣтить?» «Жена», говоритъ Тенекъ-ху. Въ другой разъ отецъ опять посылаетъ Тенекъ-ху спросить у вороны (хирэ), куда она летаетъ. Пошелъ Тенекъ-ху ходить за вороной, ходилъ за ней цѣлый день, много мѣста выходилъ, спрашивая ее много разъ, куда она летаетъ, ворона отвѣта не дала. Уставши, пошелъ онъ домой. Встрѣчаетъ его жена и спрашиваетъ: «Куда ходилъ?»

---

[1]) Schanginia или другое растеніе изъ сем. солянковыхъ.
[2]) Тенекъ — глупый; ху — сынъ.

Тенекъ-ху отвѣчаетъ, что ходилъ по приказанію отца узнать отъ вороны, куда она летаетъ; ходилъ, ходилъ за ней, усталъ, а отвѣта не получилъ. Жена опять говоритъ ему: «Скажи отцу: тонъ тонгунъ тонъ хосунъ тологой убудёна, улай байбылъ тонкыя ухархай байбыла эргулія гечжи ябучжи байна, долбила, долбила клювомъ, голова заболѣла; иду теперь съ мыслію, не встрѣтится ли мясо, такъ подолблю! не встрѣтится ли глазное яблоко, такъ выковыряю!» Приходитъ Тенекъ-ху къ отцу, разсказываетъ. «Кто тебя научилъ?» спрашиваетъ отецъ. «Жена». Отецъ увидѣлъ, что жена у Тенекъ-ху умная и говоритъ ей, чтобъ она не говорила съ нимъ обыкновеннымъ языкомъ, а всегда бы иносказательно (онданъ яндзоръ). Однажды жена пошла смотрѣть овецъ, которыя паслись въ лѣсу на берегу рѣки, и видитъ, что волкъ схватилъ одну овцу. Тенекъ-ху шелъ за ней; она говоритъ ему: «Иди къ отцу и скажи ему: ургумуленъ ичжодоръ орусхуленъ чжахадоръ улымай майла-майгыгъ идичкима; авыйгъ, чи дельтигенъ унадъ, делимемъ барадъ, шонъ шумай догуладъ ото хуртунъ ири!» т. е. внутри растущаго, на берегу текущей улымай майламая ѣстъ; ты, отецъ, осѣдлай гривастую, возьми делимемъ, покличь шонъшумай и скорѣе, скорѣе пріѣзжай! Тенекъ-ху передалъ слова жены своему отцу и тотъ понялъ, что жена Тенекъ-ху хотѣла сказать: «Внутри лѣса на берегу рѣки волкъ съѣлъ овцу; осѣдлавъ коня, взявъ лукъ и покликавъ собаку, пріѣзжай скорѣе!» [1]).

Въ сосѣдней мѣстности была свадьба и Тенекъ-ху съ женой были приглашены на нее. Жена, отправляясь на свадьбу, говоритъ своему мужу: «Въ гостяхъ за столомъ ты сядь такъ, чтобъ за твоей спиной пришлось окно и въ оконное отверзтіе просунь свою косу. Когда подадутъ тебѣ ѣду, ты ѣшь, пока я не дерну тебя за косу; когда дерну, ты тогда перестань ѣсть и отставь блюдо отъ себя подальше». Тенекъ-ху такъ и сдѣлалъ. Вернувшись со свадьбы, Тенекъ-ху не нашелъ своего отца дома, а вмѣсто того пришли шесть человѣкъ и принесли ему отъ отца письмо. Въ письмѣ было написано: двурганъ суму огусэнъ байна; мини герьту хоиренъ хугулъ, джамту хоиренъ хугулъ, мини нюдунэ ӧмёне хонренъ хугулъ; тундугуръ чаганъ кучà донданъ абъ, терисъ дюрбуленъ намайгъ абхуаръ ири, т. е. изъ шести данныхъ стрѣлъ двѣ въ моемъ домѣ переломи, двѣ въ дорогѣ переломи и двѣ передъ моими глазами переломи; бѣлаго барана взявъ въ середину, вчетверомъ ко мнѣ придите! Тенекъ-ху читалъ, но ничего не понялъ; передалъ письмо женѣ. Та растолковала это письмо такимъ образомъ: «Твоего отца схватили и увели; онъ теперь велитъ, чтобы ты изъ посланныхъ къ тебѣ съ письмомъ двоихъ убилъ въ своемъ домѣ, двоихъ въ дорогѣ, а двоихъ передъ его глазами; чтобы ты, взявъ меня и двухъ пословъ, вчетверомъ пришелъ къ нему». Тенекъ-ху сдѣлалъ, какъ жена растолковала, освободилъ отца и вернулся домой. Потомъ онъ сталъ управлять пятью стами чириковъ и сдѣлался царемъ.

Очиръ, ордосскій монголъ хошуна дзасыка.

---

[1]) Почему делимемъ лукъ и шонъ-шумай собака, разсказчикъ не умѣлъ объяснить.

20. ТЕНЕ-ХУ.

(Китайскій).

Былъ когда-то Тене-ханъ (глупый царь). А сзади его дома жилъ Тене-ху (глупый парень), который заснетъ, такъ спитъ цѣлый мѣсяцъ, вздумаетъ поѣсть, такъ ведро каши съѣдаетъ. Вотъ такой парень былъ. Мать этого Тене-ху говоритъ ему: «Сынъ мой! я тебѣ сварю одно ведро каши. Ты сходи, принеси мнѣ одну вязанку дровъ». Сынъ говоритъ: «Поѣвши, я принесу вязанку».

На берегу (рѣки) Хатуна одинъ человѣкъ изловилъ большую въ 30 джиновъ рыбу. Тотъ Тене-ху тому человѣку говоритъ: «Ты эту рыбу опусти въ этотъ Хатунъ. Я тебѣ двадцать вязанокъ дровъ наношу!» Тотъ человѣкъ: «Если ты мнѣ двадцать вязанокъ дровъ принесешь, я эту рыбу отпущу». Тотъ Тене-ху отпустилъ рыбу и легъ спать.

Та рыба была третья дочь Лосунъ-хана. (Она) говоритъ Лосунъ-хану: «Въ то время, какъ я подъ видомъ большой рыбы ходила въ Хатунѣ, одинъ человѣкъ изловилъ меня. Тене-ху, живущій сзади дома Тене-хана, купилъ меня за двадцать вязанокъ дровъ и отпустилъ меня въ Хатунъ. Милостью того Тене-ху я жива осталась. Чѣмъ я поблагодарю того Тене-ху?» Лосунъ-ханъ отецъ послалъ нѣсколько человѣкъ привести того Тене-ху. Лосунъ-ханъ говоритъ: «Ты моей дочери жизнь спасъ. Я тебѣ серебра и золота хочу дать!» Тене-ху говоритъ: «Я ни серебра, ни золота не возьму. Я желалъ бы только получить увеличеніе силы! Получить такую силу, чтобы могъ поднять вязанку дровъ, которая наполнила бы домъ изъ пяти покоевъ!» Лосунъ-ханъ сказалъ: «Ты теперь можешь идти! На берегу Хатуна лежитъ вязанка дровъ, которая можетъ наполнить домъ изъ пяти покоевъ. Ты подними и отнеси!»

Тене-ху, вышедши (отъ Лосунъ-хана), поднялъ ту вязанку и пошелъ. Тене-ханъ вышелъ изъ дверей (своего дома). Жена Тене-хана была на улицѣ; тотъ Тене-ху несетъ огромную вязанку дровъ. (Жена Тене-хана) пришла и говоритъ хану: «Сзади дома живущій Тене-ху поднялъ вязанку дровъ, способную наполнить домъ изъ пяти покоевъ». Тене-ханъ, услышавъ (эти слова), говоритъ ханьшѣ: «Вы съ Тене-ху вдвоемъ сошлись! Я васъ завяжу въ синюю шкуру»[1]). Завязалъ ханьшу и Тене-ху въ синюю шкуру, бросилъ въ пески. Когда шкура засохла, брошенный въ песчаные бугры Тене-ху говоритъ: «Синяя шкура! Будь домомъ въ пять покоевъ!» Домъ изъ пяти покоевъ сдѣлался. Живетъ (онъ) въ домѣ трои сутки.

Тене-ханъ говоритъ двумъ нойонамъ: «Тене-ху и ханьша умерли уже или нѣтъ? Идите, посмотрите!» Два нойона пошли посмотрѣть, синяя шкура превратив-

---

[1]) Разсказчикъ употребилъ слово «синяя» вмѣсто китайскаго выраженія «зеленая шкура», т. е. сырая. По китайски словомъ «зеленый» передаютъ понятіе о сыромъ.

лась въ домъ изъ пяти покоевъ. Такого дома у самого хана никогда не бывало. Посмотрѣвъ, вернулись два нойона, говорятъ Тене-хану: «Синяя шкура превратилась въ домъ изъ пяти покоевъ! Такого дома у самого хана нѣтъ! Въ немъ Тене-ху вдвоемъ съ ханьшей живутъ». Тене-ханъ сейчасъ же даетъ двумъ нойонамъ пятьсотъ чириковъ и посылаетъ ихъ убить Тене-ху и ханьшу. Пошли нойоны. Тене-ху увидѣлъ, что два нойона съ пятью стами чириковъ пришли. Тене-ху говоритъ: «Пять сотъ чириковъ станьте козлами! ханъ стань козлухой!» Стали пятьсотъ чириковъ козлами, ханъ сдѣлался козлухой, побѣжали. Два нойона поклонились головой Тене-ху и говорятъ: «Возстанови хана! Ханъ, вновь ставши живымъ, отдастъ тебѣ престолъ.» Тене-ху сказалъ: «Пятьсотъ козловъ станьте чириками, козлуха стань ханомъ!» Сказалъ и чирики стали чириками, ханъ сталъ ханомъ. Тене-ханъ говоритъ: «Я передаю тебѣ престолъ! Отдаю тебѣ тамгу! Ты садись ханомъ! Я твоимъ подданнымъ буду!» Тене-ху сталъ ханомъ, а жена Тене-хана стала его женой. Тене-ху и ханьша стали вдвоемъ жить и наслаждаться.

Омолонъ, ордосскій монголъ хошуна
Ушинъ, сынъ монгола и китаянки.

---

21. ТРИ БОЛЬШИХЪ УГОДЬЯ.

(Гурба ихитей тосà [1]).

(Монгольскій).

Былъ въ старину старикъ со старухой; у нихъ былъ сынъ. Старикъ началъ высылать сына изъ дому. Сынъ спрашиваетъ: «Ава, ава! куда же я пойду?» «Иди, говоритъ отецъ, въ сторону, гдѣ солнце всходитъ». Мальчикъ сдѣлалъ семь шаговъ по направленію, гдѣ солнце всходитъ, и вернулся, спрашиваетъ у матери: «Еджи, еджи! куда мнѣ идти?» «Иди, говоритъ мать, въ сторону, гдѣ солнце заходитъ». Пошелъ мальчикъ въ сторону, гдѣ солнце заходитъ. Шелъ до полденъ, дошелъ до богатаго аила, зашелъ въ юрту. Тутъ его напоили чаемъ. Пошелъ далѣе, стало смеркаться; онъ вышелъ въ тухумъ [2]), гдѣ много ходило коровъ. Сайханъ-ху (прекрасный мальчикъ) думаетъ: «Дай пойду туда, куда коровы пойдутъ. Навѣрно онѣ выведутъ меня въ какой-нибудь аилъ. Тамъ и заночую». Идетъ за коровами; коровы вывели его опять къ тому же аилу, въ которомъ онъ уже пилъ чай въ полдень. Онъ думаетъ: «Во второй разъ не пойду въ этотъ аилъ, а ночую между коровами; а ночью украду одну изъ коровъ, сяду на нее верхомъ и уѣду!» Когда стемнѣлось, онъ усмотрѣлъ пеструю корову и вскочилъ на неё; испуганная корова понеслась, Сайханъ-ху едва держится. Скакалъ онъ цѣлую ночь; когда стало свѣ-

---

[1]) Тоса—польза, угодье.

[2]) Тухумъ—впадина въ земной поверхности.

тать, онъ осмотрѣлся и видитъ, что подъ нимъ не корова, а тигръ (баръ). Испугался Сайханъ-ху. Видитъ, впереди два дерева вѣтвями сходятся; думаетъ, когда тигръ будетъ пробѣгать подъ деревьями, ухвачусь за вѣтви и отстану отъ него. Началъ Сайханъ-ху погонять этимъ сукомъ тигра. Скакалъ, скакалъ и прискакалъ къ городу, въ которомъ царя не держались; выберутъ сегодня царя, а назавтра онъ умретъ, на его мѣсто выберутъ другого, а черезъ день и этотъ умретъ. Тогда народъ обратился къ одному больному ламѣ съ вопросомъ, гдѣ имъ найдти царя, который бы удержался въ живыхъ. Лама говоритъ: «Тотъ вамъ будетъ царемъ, который пріѣдетъ съ востока на тигрѣ, погоняя его головой хиѣи Абырга-могай!» Сайханъ-ху не замѣтилъ, что онъ оторвалъ не вѣтвь, а голову хиѣи Абырга-могай, сидѣвшей на деревѣ. «Да есть ли средство его поймать?» спрашиваютъ люди. Лама говоритъ: «Сдѣлайте петлю и накиньте на него, когда онъ будетъ пробѣгать мимо!» Люди сдѣлали петлю и накинули на скакавшаго на тигрѣ Сайханъ-ху; петля угодила ему на шею. Сдернули они Сайханъ-ху съ тигра на землю; падая, онъ схватился за хвостъ тигра, хотѣлъ удержаться, но хвостъ оторвался и тигръ убѣжалъ. Посадили Сайханъ-ху на царство и говорятъ ему: «У насъ кто-то хлѣбъ на пашнѣ поѣдаетъ; не приходится намъ самимъ имъ пользоваться». Царь говоритъ: «Ведите меня, я посмотрю!» Вывели его въ степь; тамъ стоитъ высокое дерево. Смотритъ царь и видитъ: нѣсколько тигровъ стали одинъ на другого; верхній пришелся противъ вѣтвей и ѣстъ яблоки. Самый же нижній тигръ былъ безъ хвоста; царь узналъ въ немъ тигра, на которомъ пріѣхалъ и закричалъ: «Ты куцый! ты что тутъ дѣлаешь!» Тигръ узналъ его голосъ, испугался и выскочилъ; всѣ тигры попадали и ушиблись до смерти, а безхвостый тигръ убѣжалъ. Послѣ этого никто не сталъ поѣдать хлѣбъ на пашнѣ.

Отецъ этого Сайханъ-ху за это время обѣднѣлъ; нечѣмъ ему стало кормить свою старуху. Однажды онъ подстрѣлилъ гуся, изломалъ ему ногу и поймалъ его. Гусь говоритъ: «Ты меня не убивай! Я за то дамъ тебѣ три угодья» (гурба ихитей госу хія). Старикъ, держа гуся на своей груди, идетъ къ старухѣ и кричитъ: «Что тебѣ лучше, три разныхъ угодья или гусь»? Старуха отвѣчаетъ: «Три угодья лучше». Старикъ отпустилъ гуся; гусь, хромая, пошелъ прочь, старикъ за нимъ. Дошелъ гусь до берега моря, нырнулъ въ воду и скрылся. Заплакалъ старикъ, пришелъ къ старухѣ, ругаетъ ее и говоритъ: «Вотъ ты сказала, три угодья лучше! А теперь ни трехъ угодій нѣтъ, ни гуся! Лучше бы не слушалъ тебя, такъ были бы мы съ ѣдой». Старуха говоритъ: «Не горюй! иди снова къ морю и проси угодья»! Пришелъ старикъ къ морскому берегу, плачетъ. Изъ воды вышелъ бородатый старикъ, спрашиваетъ: «О чемъ плачешь»? Старикъ разсказалъ, что онъ, бѣдный человѣкъ, не имѣющій ѣды, зашибъ гуся; гусь просилъ отпустить его, обѣщая дать три угодья, и обманулъ, ушелъ въ воду. Бородатый старикъ говоритъ: «Это не гусь, а Лосунъ-ханъ. Садись ко мнѣ на загривокъ, я свезу тебя къ нему. Когда ты придешь къ нему, онъ тебя спроситъ: что тебѣ дать, серебра или золота? ты скажи, не надо мнѣ ни серебра, ни золота, а дай мнѣ только чернаго паршиваго осла, хамуту хара ельджигъ». Сѣлъ старикъ на бородатаго старика и поѣхалъ въ

море. Когда онъ прибылъ во дворецъ, Лосунъ-ханъ спрашиваетъ его: «Что тебѣ дать, серебра или золота»? Старикъ говоритъ; Не нужно мнѣ ни серебра, ни золота, а дай мнѣ только чернаго паршиваго осла». Лосунъ-ханъ далъ ему осла. Ведетъ старикъ осла и жалѣетъ, что не взялъ вмѣсто него серебра либо золота. Сталъ старикъ съ досады палкой толкать осла въ задъ, оселъ началъ сорить и сорить не какъ другіе ослы, а золотомъ. Обрадовался старикъ, собралъ золото и вошелъ въ дянъ [1]), потребовалъ себѣ ѣсть и водки, опьянѣлъ и разболталъ, что его оселъ соритъ золотомъ. Китаецъ, хозяинъ дяна, напоилъ старика еще сильнѣе и выбросилъ на улицу, а осла подмѣнилъ. Проснулся старикъ, взялъ подмѣненнаго осла и пошелъ домой; кричитъ старухѣ издали: «Старуха! веду тебѣ хорошаго осла! Только станешь его толкать въ задъ, онъ начнетъ сорить золотомъ». Старуха вышла изъ юрты, начала толкать въ задъ осла, оселъ не соритъ золотомъ; соритъ попросту. «Ты грязными руками его толкаешь»? говоритъ старикъ. «Пойди, вымой ихъ хорошенько»! Старуха вымыла руки, начала толкать въ задъ осла; все таки оселъ соритъ простымъ пометомъ, а не золотомъ. Догадался старикъ, что ему въ дянѣ подмѣнили другого осла. Старуха говоритъ ему: «Иди теперь къ морю за вторымъ угодьемъ»! Пришелъ старикъ къ морю. Опять вышелъ бородатый старикъ и спрашиваетъ: «Что тебѣ нужно»? Старикъ говоритъ: «Гусь, котораго я подшибъ, обѣщалъ мнѣ три угодья. Я одно взялъ; теперь пришелъ за вторымъ»! Бородатый старикъ говоритъ ему: «Садись мнѣ на загривокъ! Если Лосунъ-ханъ спроситъ тебя: что тебѣ, золота или серебра? скажи: ни серебра, ни золота мнѣ не нужно, а дай мнѣ изломанный чайникъ, балбырхай цаху». Далъ ханъ старику изломанный чайникъ, вышелъ съ нимъ старикъ изъ моря и жалѣетъ, зачѣмъ, дескать, я попросилъ такую негодную вещь. Идетъ старикъ, проголодался, поставилъ изломанный чайникъ на землю; онъ закипѣлъ и въ немъ очутилась бута (варево). Обрадовался старикъ, поѣлъ и принесъ чайникъ домой. Стали они теперь со старухой съ ѣдой, заправились и побогатѣли. Старикъ говоритъ старухѣ: «Позову къ себѣ въ гости хана»! Позвалъ, угощаетъ хана. При разставаньи старикъ спрашиваетъ хана, какой ему сдѣлать подарокъ. Ханъ говоритъ: «Ничего не нужно, кромѣ изломаннаго чайника». Долженъ былъ старикъ отдать чайникъ, а самъ пошелъ въ третій разъ къ морю. Вышелъ бородатый старикъ и совѣтуетъ просить пай (кости). Получивъ пай, старикъ вышелъ изъ моря; пришелъ въ дянъ, въ которомъ ему подмѣнили осла и думаетъ, поиграю здѣсь въ кости. Бросилъ кости и сказалъ: «ша!» Выскочили изъ костей люди и спрашиваютъ: «Кого бить» (ю шану)? Старикъ говоритъ: «Кромѣ чернаго паршиваго осла, всѣхъ бейте»! Принялись люди бить, перебили всѣхъ до смерти. Взялъ старикъ осла, привелъ домой. Потомъ думаетъ, «Пойду, накажу хана»! Пришелъ къ хану, сказалъ: «ша»! и бросилъ кости. Кого бить? спрашиваютъ выскочившіе изъ костей люди. «Кромѣ изломаннаго чайника, бейте все»! Перебили люди хана и всѣхъ его людей. Взялъ старикъ изломанный чайникъ и вернулся домой.

---

[1]) Дянъ—гостинница.

Сынъ его, ставшій царемъ, пришелъ навѣдаться о родителяхъ. Старикъ былъ коварный (му саналтай); онъ говоритъ сыну: «Давай, поиграемъ въ кости»! Сынъ согласился. Когда старикъ вышелъ изъ юрты, старуха говоритъ сыну: «Напрасно ты согласился играть! У него хитрыя кости»! Старуха подмѣнила кости, сыновнины кости подложила старику, а стариковы сыну. Бросилъ старикъ кости и сказалъ: «ша»! Кости не трогаются. Онъ собралъ ихъ и вновь бросилъ. «Ша»! кости не трогаются. Онъ въ третій разъ: «Ша»! То же самое. Старикъ осердился, вышелъ изъ юрты и съ горя повѣсился на деревѣ. Сынъ взялъ свою мать, чернаго паршиваго осла и изломанный чайникъ и возвратился въ свой ханскій городъ.

Пунсукъ, ордосскій монголъ хошуна Ушинъ.

---

22. БОРОЛТАЙ-ХУ.

(Монгольскій).

Въ старину былъ Боролтай-ху; у него было десять тысячъ сѣрыхъ овецъ, одна сѣрая юрта, быстрая сѣрая лошадь и быстрая бѣлая лошадь [1]). Однажды онъ пасъ своихъ десять тысячъ сѣрыхъ овецъ; въ это время родился бѣлый ягненокъ. Боролтай-ху вернулся домой, чтобы завернуть ягненка въ бѣлый войлокъ и положить. Тогда Ханъ-хурмустенъ-тэнгиръ послалъ двухъ птицъ тасъ, чтобы онѣ взяли у ягненка два его глаза. Тасы взяли два глаза у ягненка и пошли. Боролтай-ху догадался, сѣлъ на быструю сѣрую лошадь, какъ вѣтеръ, погнался за тасами, схватилъ ихъ, сбилъ у нихъ ихъ мѣдные клювы, надѣлъ на нихъ роговые клювы и отпустилъ. Тогда Ханъ-хурмустенъ-ханъ послалъ двухъ собакъ: Азыръ и Базыръ и сказалъ имъ: «У Боролтая-ху есть двѣ лошади, онѣ спятъ, быстрая сѣрая, привязанная за голову, быстрая бѣлая, привязанная за ноги. Вы идите и съѣшьте быструю сѣрую лошадь!» Боролтай-ху угадалъ желаніе Ханъ-хурмустенъ-хана, сѣрую быструю лошадь привязалъ за ноги, бѣлую быструю лошадь привязалъ за голову и лежитъ, спитъ. Двѣ собаки Азыръ и Базыръ пришли, съѣли бѣлую быструю лошадь, привязанную за голову и побѣжали. Боролтай-ху проснулся, сѣлъ на быструю сѣрую лошадь, какъ вѣтеръ погнался за собаками Азыромъ и Базыромъ, снялъ съ нихъ шкуры отъ носа до сухожилья въ пяткахъ [2]) и отпустилъ. Ханъ-хурмустенъ ханъ сказалъ семи птицамъ попугаямъ (долонъ тоту шубуганъ): «Идите къ Боролтаю-ху и черезъ верхнее отверстіе юрты (тоноръ) спустите ему ядъ!» Боролтай-ху

---

[1]) Въ текстѣ: «кэйскуръ боро мори» и «кэйскуръ чаганъ мори». Кэй—«вѣтеръ». Кэйску доптолиху—«скакать во весь опоръ».

[2]) Въ текстѣ: «сарисинъ хамырасинъ сарисинъ борьбо хурьтыль шуладъ»; сарисинъ-хамыръ—кожа на носу собаки, не покрытая шерстью; борьбо—сухожилье въ пяткѣ; сарисинъ борьбо—мѣсто надъ пяткой, у собаки скудно покрытое шерстью.

угадалъ это; угадавъ, онъ закупорилъ верхнее отверзстіе юрты, закупорилъ дверь, въ котелъ налилъ растительнаго масла (хара тосу, «чернаго масла»), и сидитъ, кипятитъ его. Семь птицъ попугаевъ пришли, не могли найдти входа въ юрту. Они продырявили войлока юрты и смотрятъ въ прорѣхи. Боролтай-ху взялъ олифы (маджинъ тосунъ), плеснулъ имъ въ лица и сожегъ ихъ; семь птицъ попугаевъ бѣгомъ вернулись домой. Хурмустенъ-ханъ-тенгиръ соизволилъ послать еще одного золотого попугая (ниге алтынъ тоту) и велѣлъ ему черезъ верхнее отверзстіе юрты пустить въ Боролтая-ху молнію (аингъ). Боролтай-ху, угадавъ приказаніе Хурмустенъ-хана, приготовилъ очу—шюсы [1]), отнесъ на холмъ Больчжотенъ-боро-тологой и сидитъ. Птица золотой попугай прилетѣла, пустила молнію въ очу-шюсы и полетѣла. Боролтай-ху сѣлъ на быструю сѣрую лошадь, какъ вѣтеръ, погнался за птицей и подстрѣлилъ ей одну ногу. Прекрасная птица (сайханъ шибо), хромая, возвратилась домой. Ханъ-хурмустенъ-тенгиръ говоритъ: «Ха! Боролтай-ху моей птицѣ ногу переломилъ! у моихъ тасовъ мѣдные клювы отобралъ! съ моихъ собакъ Азыра и Базыра шкуры содралъ отъ носа и до сухожилья въ пяткахъ! Нѣтъ, этого больше не будетъ! Теперь я пойду и убью Боролтая-ху!» Хурмустенъ-ханъ пришелъ къ Боролтаю-ху. Спрашиваетъ Боролтая-ху: «Ты зачѣмъ снялъ съ моихъ тасовъ мѣдные клювы и далъ имъ роговые?» Боролтай-ху отвѣчаетъ: «Они у моего бѣлаго ягненка выклевали глаза. Сказавши: «за изъянъ изъянъ» [2]), я взялъ у нихъ мѣдные клювы и отпустилъ». Ханъ-хурмустенъ-ханъ соизволилъ (сказать): «Ты зачѣмъ съ моихъ двухъ собакъ Азыра и Базыра снялъ шкуры отъ носа до сухожильевъ на пяткахъ?» Боролтай-ху спросилъ хана: «Ты приказалъ имъ мою сѣрую лошадь или мою бѣлую лошадь съѣсть?» Ханъ говоритъ: «Я велѣлъ сѣрую лошадь съѣсть!» «А! а онѣ съѣли бѣлую лошадь и я за то, сказавши имъ: за изъянъ изъянъ! содралъ съ нихъ шкуры отъ носовъ до сухожилій въ пяткахъ и отпустилъ». Ханъ-хурмустенъ-ханъ снова соизволилъ спросить: «Джа! ты зачѣмъ испортилъ лица моимъ семи птицамъ попугаямъ?» Боролтай-ху спрашиваетъ: «Вы какимъ образомъ велѣли имъ спустить мнѣ ядъ, черезъ верхнее отверзстіе юрты или сквозь стѣну моего дома» (геринъ джабсыраръ)? Ханъ сказалъ: «Я велѣлъ спустить ядъ черезъ верхнее отверзстіе юрты!» «А они сквозь стѣну прошли и я, сказавши: за изъянъ изъянъ! обварилъ имъ лица!» Ханъ-хурмустенъ-ханъ соизволилъ сказать: «Джа! Ты зачѣмъ переломилъ ногу моей птицѣ золотому попугаю?» Боролтай-ху спрашиваетъ хана: «Вы велѣли ей пустить молнію черезъ верхнее отверзстіе моей юрты. Развѣ вы велѣли ей пустить молнію въ Больчжотенъ-боро-тологой?» Ханъ сказалъ: «Я велѣлъ черезъ верхнее отверзстіе юрты пустить молнію.» «А она въ Больчжотенъ-боро-тологой пустила молнію, и я, сказавши: за изъянъ изъянъ! переломилъ ей одну ногу и отпустилъ». Ханъ-хурмустенъ-ханъ сошелъ съ престола, а Боролтай-ху, сѣвши на его престолъ, сталъ жить спокойно и наслаждаясь.

Ратна-бала, лама изъ Ордоса, изъ хошуна вана.

---

[1]) Очу—«эссенція», шюсы—«сокъ», «жидкость».

[2]) Словами «за изъянъ изъянъ» мы перевели выраженіе: бурутенъ буру. Буру — вина, ошибка, проступокъ.

Въ Запискахъ Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по Эти., т I, в. 1, стр. 4: вмѣсто Боролтая, старикъ Хоредой; вм. Ханъ-хурмустенъ-хана Эсэгэ-малаиъ; послы Эсэгэ малаиа: двѣ вороны, девять волковъ, девять шушка. Въ Очеркахъ, IV, № 153, стр. 517: Бородзой-обогонъ и Ханъ-Хормусты; вмѣсто девяти попугаевъ, семь чертей (долонъ читкуръ). Въ книжныхъ сказаніяхъ Харитай (Хорцой?) отецъ женщины Аланъ-гоа; въ бурятскихъ преданіяхъ Хорцой сынъ Аланъ-гоа; такое сопоставленіе именъ намекаетъ на отношенія бурятскаго Хорцоя къ книжному. Въ книжномъ сказаніи сынъ Аланъ-гоа, вмѣсто Хорцоя, названъ Бодончаромъ, который также обдѣленъ братьями, удаляется и ведетъ одинокую жизнь охотника, какъ и бурятскій Хорцой. Повидимому въ сказкахъ имена Бородай, Хорцой и Бодончаръ замѣнялись. О Бородаѣ, кромѣ сюжета о хитромъ его поведеніи съ Хормустой, есть еще разсказъ о томъ, какъ лисица женитъ его на ханской дочери. Въ этой сказкѣ также герой является одинокимъ сиротой, промышляющимъ охотой; въ ней также является Хормусту-ханъ. Въ русскихъ варіантахъ этой сказки сирота называется Бухтанъ Бухтановичъ, вмѣсто Хормусты или Эсэгэ-малаиа царь Громъ и царица Моланья. Въ болгарскомъ варіантѣ сирота называется Воденчарь (См. Оч., II, прим., стр. 53; Зап. Вост. Сиб. Отд., l. c., стр. 143 и слѣд.). Монгольской версіи этой сказки съ именемъ Бодончара не записано: можно только усматривать намеки на ея существованіе. Нѣкоторыя книжныя сказанія смѣшиваютъ Бодончара съ Темучиномъ, котораго преданіе называетъ сыномъ Хормусты; наприм., грузинскій царевичъ Вакухтъ о Thingiz'ѣ (Чингисъ-ханѣ?), предкѣ Тамерлана, разсказываетъ исторію Бодонджара (Brosset, Hist. de la Georgie, P. I, l, II. p. 650). Подъ видомъ лисицы въ сказкѣ является, вѣроятно, высшее покровительствующее существо. Гэсэру мать его также является въ видѣ лисицы (см. выше, стр. 19).

Бурятскія легенды связываютъ имя Хорцоя съ темой о стрѣлянін въ трехъ дѣвъ-лебедей (Зап. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по эти., т. I, в. 2, стр. 114 и слѣд.). Въ бурятскомъ сказаніи мать Гэсэра небесная дѣва (см. выше, стр. 63); въ одномъ варіантѣ она повидимому лебедь-дѣва (стр. 64, подстроч. примѣч.): не будетъ ли поэтому Бодон-чаръ (Бодон-джаръ, Бодон-царь) версіей имени Богдо-Гэсэръ? Родивъ Гэсэра, мать бросаетъ его: ребенка находитъ Сарагалъ-ханъ. Не достаетъ дерева и сидящей на немъ совы, чтобы отождествить этотъ эпизодъ съ сказаніемъ о найденышѣ (Чингисѣ, Цоросѣ, Одунѣ-Бодунѣ; см. Очерки, II, 161; 173; IV, 229, 325, 326).

---

23. ЁГЪ-ТАМУ-НЦО.

(Тангутскій).

У царя было двѣ дочери Нгулытунъ (серебряная царевна) и Ксэрлытунъ (золотая царевна) и служанка Ёгъ-тамуу-нцо. У серебряной царевны были серебрянное ведро и серебряный ковшъ, у золотой царевны золотое ведро и золотой ковшъ, у Егъ-тамунцо деревянное ведро и деревянный ковшъ. Служанка говоритъ царевнамъ: «Давайте играть! бросимъ наши ведра и ковши на воду и посмотримъ чья посуда будетъ сверху». Царевны согласились и всѣ трое бросили свою посуду на воду. Золотые и серебряные ведра и ковши утонули, одни деревянные сверху плаваютъ. Царевны говорятъ служанкѣ: «Иди къ отцу и спроси, что тебѣ нужнѣе: Ксэрлытунъ и Нгулытунъ или золотыя и серебряныя ведра и ковши?» Служанка пошла къ царю и царь сказалъ ей: «Ведра и ковши я могу опять приказать сковать, но другихъ дѣтей не наживу. Возьми рсамбы [1]) и масла, навьючь на лошадь, отправляйся къ моимъ дочерямъ и скажи имъ, чтобъ скорѣе возвращались въ родительскій домъ». Служанка дорогой рсамбу и масло съѣла, пріѣхала къ

[1]) Рсамба — ячменная мука.

царевнамъ и говоритъ имъ: «Царь осердился на васъ и сказалъ: «мнѣ ведра и ковши золотые нужнѣе». Онъ далъ мнѣ лошадь, немного рсамбы безъ масла и велѣлъ передать вамъ приказъ уѣзжать изъ его царства». Служанка сказала царевнамъ, что теперь она старше ихъ и приказала имъ отдать ей свое богатое платье. Переодѣлись, служанка надѣла платье царевенъ, царевны надѣли платье служанки, сѣли всѣ трое на одну лошадь, впереди Ёгъ-тамунцо, въ серединѣ Нгулыггунъ, сзади Ксэрлыггунъ и поѣхали. Дорогой встрѣчаетъ ихъ царскій сынъ. Ёгъ-тамунцо спрашиваетъ его: яга яга кангъ якка шӧра шӧра кангъ шӧрка рчжаву чжама кангъ янги, т. е. . . . . [1]), которой варить пищу для царя? Царскій сынъ отвѣчаетъ: . . . . . передняя, красивая средняя, а варить пищу для царя задней. Тогда Ёгъ-тамунцо приказала дѣвицамъ пересѣсть; Ксэрлыггунъ посадила на переднее мѣсто, а сама сѣла на заднее, и опять спрашиваетъ царскаго сына: которая красивая? которая . . . . . .? которой варить пищу для царя? Царскій сынъ говоритъ: « . . . . . задняя, красивѣе середняя, а варить царю пищу передней«. Потомъ царскій сынъ говоритъ: «Я пущу стрѣлу и на которую изъ васъ трехъ стрѣла упадетъ, той и варить пищу». Выстрѣлилъ, стрѣла легла передъ царевной Ксэрлыггунъ. Ёгъ-тамунцо перехватила стрѣлу и положила подлѣ себя. Подходитъ царскій сынъ, видитъ, стрѣла лежитъ передъ Ёгъ-тамунцо и говоритъ: «Нечего дѣлать! если стрѣла указала на тебя, то ты вари пищу!» Продолжая путь далѣе, они подъѣхали къ царской ставкѣ. Тутъ было озеро. Ёгъ-тамунцо схватила Ксэрлыгъ и бросила въ озеро, сама сдѣлалась царицей, а Нгулыгъ заставила пасти овецъ. Нгулыгъ каждый день, прогоняя стадо, подходила къ озеру и пѣла:

Нгулыггунъ рарцза ре
Ксэрлыггунъ нцоня ре
Егъ-тамунцо хомджи ре [2]).

Утопленная Ксэрлыггунъ въ озерѣ нашла дворецъ Улыгсыгла-рэнчина и стала жить въ довольствѣ. Когда пѣнье сестры доходило до ея ушей, она выходила изъ воды, выносила сестрѣ хлѣба и мяса и приговаривала: «Все здѣсь въ полѣ съѣдай! Во дворецъ ничего не уноси!» Однажды Нгулыггунъ положила кусокъ за пазуху и забыла. Когда стала во дворцѣ раздѣваться, кусокъ упалъ на полъ; Нгулыггунъ не замѣтила этого. Ёгъ-тамунцо нашла кусокъ и спрашиваетъ Нгулыггунъ: «Откуда взяла кусокъ?» Нгулыггунъ сказала, что ей дали товарищи пастухи. Царица опросила всѣхъ пастуховъ; тѣ говорятъ, что никто не давалъ. Снова царица спрашиваетъ Нгулыггунъ, откуда у нея взялся кусокъ и та призналась, что она ходитъ каждый день на берегъ озера, поетъ:

Нгулыггунъ рарцза ре
Ксэрлыггунъ нцоня ре
Егъ-тамунцо хомджи ре.

Сестра выходитъ изъ воды и даетъ ей куски хлѣба и мяса.

[1]) Точки означаютъ мѣста, которыя мой переводчикъ, лама Сэрэнъ, оставилъ безъ перевода.

[2]) Смыслъ стиховъ кажется такой: Нгулыггунъ пастушкой стала, Ксэрлыггунъ въ озерѣ находится, Егъ-тамунцо царицей стала.

Ёгъ-тамунцо на слѣдующій день оставила Нгулыгтунъ сидѣть дома, а сама пошла пасти овецъ съ товаркой, взяла сошникъ (тонгучигъ), развела огонь на аргалѣ и накалила сошникъ, потомъ подошла къ берегу и говоритъ:

Нгулыгтунъ рарина ре
Кээрлыгтунъ кнони ре
Ёгъ-тамунцо хоидини ва.

Кээрлыгтунъ вышла изъ воды съ кисомъ и хлѣбомъ. Ёгъ-тамунцо разсѣкла ей голову накаленнымъ сошникомъ; Кээрлыгтунъ упала въ воду; вся вода въ озерѣ покраснѣла отъ крови. На другой день Нгулыгтунъ приходитъ къ озеру, зоветъ сестру; сестра не показывается, семь дней напрасно звала ее Нгулыгтунъ, наконецъ она вышла изъ воды съ зажившей головой и говоритъ: «Садись на меня, я унесу тебя къ себѣ!» Нгулыгтунъ не рѣшается идти въ воду. Тогда Кээрлыгтунъ сказала ей: «Я боюсь къ тебѣ выходить! ты хочешь убить меня. Если ты не хочешь идти въ воду, то тебѣ больше меня не видать».

Нгулыгтунъ родила полузолотого, полусеребрянаго ребенка. Ёгъ-тамунцо велѣла подбросить его подъ овецъ; всѣ овцы разбѣжались, испугавшись ребенка; тогда Ёгъ-тамунцо велѣла подбросить ребенка подъ лошадей, и лошади разбѣжались; подбросили ребенка подъ коровъ и коровы разбѣжались. Ёгъ-тамунцо приказала въ овечьемъ дворѣ вырыть яму и завалить ребенка живого аргалами, а Нгулыгтунъ, вмѣсто ребенка, подбросить щенка и сказала царю: «Нгулыгтунъ родила щенка!» На могилѣ законнаго ребенка выросъ цвѣтокъ (метикъ бана). Овца съѣла цвѣтокъ и родила пѣгаго ягненка. Ягненокъ говоритъ Нгулыгтунъ: «Мать! Ты не ходи въ степь; я буду пасти овецъ вмѣсто тебя». Нгулыгтунъ перестала ходить въ степь; овцы ходятъ за пѣгимъ ягненкомъ, сами пасутся и сами возвращаются домой. Ягненокъ опять говоритъ Нгулыгтунъ: «Мать! скажи про меня Ёгъ-тамунцо, что этого ягненка нужно зарѣзать. Онъ все уводитъ стадо то въ гору, то въ воду. Когда мясо мое съѣдятъ, всѣ кости цѣлыя и поломанныя собери и положи въ пещерѣ». Нгулыгтунъ сказала Ёгъ-тамунцо: «Этого пѣгаго ягненка нужно зарѣзать! Онъ уводитъ овецъ то въ гору, то въ воду?» «Ты лжешь! вѣрно ты мяса поѣсть захотѣла!» сказала Ёгъ-тамунцо и пошла сама пасти овецъ. Ягненокъ увелъ стадо сначала въ горы, а потомъ завелъ ихъ въ воду. Замучилась Ёгъ-тамунцо, возвращая стадо и говоритъ Нгулыгтунъ: «Правду ты говорила! надо этого ягненка зарѣзать». Зарѣзали ягненка; Нгулыгтунъ собрала всѣ его кости цѣлыя и поломанныя и положила въ пещерѣ. Черезъ семь дней въ пещерѣ появился маленькій лама. Нгулыгтунъ стала ловить мальчика, поймала, но онъ развалился; опять стали однѣ кости. Черезъ семь дней опять въ пещерѣ появился лама уже постарше. Нгулыгтунъ вновь стала ловить его и онъ опять развалился на кости. Черезъ третьи семь дней въ пещерѣ появился молодой взрослый лама. Стала ловить Нгулыгтунъ и поймала. Лама говоритъ Нгулыгтунъ: «Мать! иди къ царю и скажи, что въ пещерѣ народился лама!» Царь пошелъ въ пещеру и взялъ съ собой царицу Ёгъ-тамунцо. Царица сѣла подлѣ ламы, а Нгулыгтунъ при входѣ въ пещеру у порога. Лама сказалъ ей: «Мать! сядь подлѣ меня!» Нгулыгтунъ встала

и пошла впередъ, но царица закричала: «Не пускай ее садиться близко! Вшей напуститъ!» Лама сказалъ Нгулыггунъ: «Мать! плюнь на мою руку!» Нгулыггунъ плюнула. Лама съѣлъ слюну, остатки ея вытеръ о темя, щеки и бороду, и сказалъ: «Слюна эта вкусна, какъ молоко моей матери!» «Попробуй-ка моей слюны», говоритъ ламѣ Ёгъ-тамунцо, «моя будетъ вкуснѣе, чѣмъ слюна служанки». «Нѣтъ», говоритъ Егъ-тамунцо, «твоей не хочу».

Потомъ лама бросилъ тарелку вверхъ и спросилъ ее: «Когда вы ѣхали въ царскую ставку, кто бросилъ Ксэрлыггунъ въ озеро?» Ёгъ-тамунцо, отвѣчала тарелка. «Когда Ксэрлыггунъ вышла къ сестрѣ съ хлѣбомъ и мясомъ, кто тебѣ разрубилъ голову?» Егъ-тамунцо. «Когда у Нгулыггунъ родился полузолотой, полусеребряный сынъ, не велѣла-ли его Егъ-тамунцо закопать въ землю и завалить аргаломъ?» Велѣла. «Когда на этой могилѣ выросъ цвѣтокъ, не съѣла ли его овца?» Съѣла. «Не родила ли овца пѣгаго ягненка?» Родила. «Не приказала ли Егъ-тамунцо зарѣзать этого ягненка?» Приказала. «Не собрала ли Нгулыггунъ кости этого ягненка?» Собрала. «Не положила ли ихъ въ пещеру?» Положила. «Не народился ли изъ этихъ костей лама, который сидитъ рядомъ съ царицей?» Народился.

Царь понялъ, что лама его сынъ, погубленный царицей. Онъ велѣлъ привязать её къ семи лошадямъ и размыкать.

Ами-салунъ.

Это тангутскій варіантъ сказки объ Ердени-Хараликѣ, переведенной Шмидтомъ съ монгольскаго и помѣщенной имъ при переводѣ лѣтописи Сананъ-сэцэна (Gesch. d. Ost-Mong., S. 425—488; Оч., IV, 886). Въ монгольскомъ варіантѣ царевна и двѣ служанки; сходство кончается послѣ выхода царевны замужъ за встрѣченнаго принца. Монгольская редакція дѣлаетъ разъясненіе, что Ердени-Хараликъ былъ воплощеніе бога Арья-бало; поэтому и тангутскій варіантъ представляется возможнымъ принять за разсказъ о явленіи на землѣ бога Арья-бало. Лама, чудесно явившійся въ пещерѣ, и есть богъ Арья-бало. Китайцы отожествляютъ съ монгольскимъ Арья-бало свое божество Гуань-инъ-пусу, которому они присвоиваютъ женскій полъ. Женскія фигуры Гуань-инъ-пусы монголы отожествляютъ не съ Арья-бало, а съ богиней Цаганъ-дарихе, о которой въ Оч., IV, 319 помѣщена легенда, представляющая ее оговоренной женой.

А. Н. Веселовскій (Южно-русск. былины, 385) занимался темой объ оговоренной сестрѣ или женѣ, встрѣчающейся въ былинахъ, пѣсняхъ и сказкахъ (оговорщикомъ между прочимъ является Алёша поповичъ, поповичъ Раковичъ); сказку объ оговоренной женѣ, которая продается купцамъ и на чужбинѣ дѣлается царемъ, онъ сближаетъ съ сказкой о Данилѣ безчастномъ и Лебеди-птицѣ, красной дѣвицѣ. Сказка кончается тѣмъ, что Лебедь строитъ пышный дворецъ для пріема царя гостя, угощаетъ его, но утромъ царь пробуждается и видитъ себя среди болота въ пустынѣ. Въ Шиддикурѣ (Этн. Сб., VI, гл. XI, стр. 55) эта же тема развита нѣсколько иначе и стоитъ въ связи съ статуей бога Арья-бало. Монголы имѣютъ сказку о женѣ, выручающей мужа своими искусными работами въ родѣ жены Данилы безчастнаго; монгольская редакція дѣлаетъ разъясненіе, что жена эта не кто иной, какъ Цаганъ-ханъ, персонажъ, въ умахъ монголовъ сливающійся съ Цаганъ-дарихе (Оч., II, 174).

Бросаніе ведеръ въ воду, чтобы узнать, кому быть старшимъ, ср. съ темой пинанія кочекъ съ рѣчного берега въ сказаніи о Темучинѣ (см. Зап. Вост.-сиб. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 1, стр. 145). Въ этомъ послѣднемъ сказаніи пинаніе кочекъ имѣетъ видъ клятвы, въ тангутской бросаніе ведеръ имѣетъ видъ гаданія; главенство выпадаетъ Тамунцо. Лама въ тангутской сказкѣ даетъ себя поймать въ пещерѣ только послѣ 3-го раза; Темучинъ, спрятавшійся въ тѣснину

или въ лѣсъ отъ преслѣдователей, выходитъ только послѣ 3-й попытки выйдти изъ нея (Алт. Тобчи, стр. 10; Юань-чао-ми-ши, 41). Тамунцо бросаетъ дѣвушку въ воду; её, выходящую изъ воды, посѣщаетъ сестра; въ сказкѣ о Ерьсару на берегъ озера, въ которое брошенъ ребенокъ, ходитъ мать его. Есть сказанія о Шингисѣ (т. е. Темучинѣ), брошенномъ въ воду (Radloff, Proben, III, 82); въ книжномъ сказаніи Темучинъ самъ прячется въ воду; его находитъ тамъ Сурганъ (Алт. Тобчи, стр. 127; Сананъ-Сэцэнъ, стр. 67).

Тамунцо велитъ ребенка преслѣдуемой царевны подбросить подъ овецъ, подъ лошадей, подъ коровъ, но животныя разбѣгаются, оставляя ребенка невредимымъ; ср. подобный разсказъ съ корейскимъ разсказомъ о Чжумынѣ (О. Іакинѳъ, Собраніе свѣд. о народахъ Средн. Азіи, ч. II, стр. 55) и съ бурятской легендой о ежѣ Заря-азарга (Агапитовъ и Хангаловъ: «Матеріалы о шаманствѣ», стр. 21, 22).

Егъ-тамунцо и сказка о Хангаваѣ или Хангамаѣ (Оч., IV, 583): 1) въ обѣихъ сказкахъ есть брошенные въ воду; 2) въ Хангаваѣ сестра собираетъ кости убитаго брата и онъ воскресаетъ; въ тангутской сказкѣ мать собираетъ кости ягненка, въ которомъ воплощалась душа ея сына, и онъ воскресаетъ; 3) въ тангутской сказкѣ мать два раза ловитъ ребенка неудачно и только въ третій изловляетъ; этого въ Хангаваѣ нѣтъ, но есть въ урянхайской о Ерьсару (Оч., IV, 341), которая имѣетъ нѣкоторыя сходныя черты съ Хангаваемъ; врагъ Хангавая называется Ирьсару.

Появленіе ламы въ пещерѣ (первое проявленіе божества на землѣ?) ср. съ Хотанской легендой о раганѣ, явившемся близъ города Хотана. Вотъ этотъ разсказъ по Абель Ремюза (Abel Remusat, Histoire de la ville de Khotan, Paris, 1820, p. 23): Прежде король Ютяна (т. е. Хотана) не былъ приверженцемъ Будды. Купецъ привелъ нищаго по имени Би-лу-женя (Pi-lou-tchen; по догадкѣ оріенталистовъ, Вайрочана или Вирюцзана) или, какъ исторія его называетъ, Lou-tchen. Онъ остановился къ ю. отъ города подъ миндальнымъ деревомъ, а купецъ пошелъ искать короля. Король не безъ гнѣва узналъ объ этомъ, но все таки пожелалъ самъ увидѣть Вилуженя. Послѣдній, увидѣвъ его, сказалъ: «Юлай (т. е. Татагата) повелѣлъ мнѣ идти къ тебѣ и возвѣстить его волю; ты долженъ построить зданіе въ честь Fou-pen Feou-thou. Если ты это сдѣлаешь, насладишься вѣчнымъ блаженствомъ». Король пожелалъ увидѣть Будду, Би-лу-жень позвонилъ, чтобы извѣстить бога. Будда послалъ своего сына Lo-heou-lo и тотъ явился въ воздухѣ. Король простерся и въ память того построилъ храмъ, гдѣ былъ изображенъ Ло-хеу-ло. Въ зданіи есть сандалія Pi tchi fo, не измѣнившаяся доселѣ. Она не изъ кожи и не изъ шелку; неизвѣстно, изъ чего.

Другой варіантъ (ibid., p. 41): Къ ю. отъ города (Хотана) находится цзяланъ, который построенъ королемъ въ честь архана (arahan) Pi lou tchena. Прежде буддизма здѣсь не было. Арханъ пришелъ изъ Кашмира, поселился въ лѣсу и пребывалъ тамъ сидя. Нѣкто, пораженный его видомъ и платьемъ, доложилъ царю и тотъ пошелъ увидѣть его. По совѣту архана король построилъ цзяланъ и сказалъ: «Вотъ монастырь готовъ, а гдѣ же Будда?» «Будда близко», отвѣчалъ арханъ. И король увидѣлъ Будду въ воздухѣ; онъ спустился и вручилъ королю молоть, какъ знакъ власти (le marteau, destiné à servir de signal).

Третій (ib., p. 50): Къ з. отъ города (Хотана) лежитъ монастырь So ma jo. Тутъ виденъ источникъ, который струится на высотѣ болѣе 100 чи. Есть много драгоцѣнныхъ каменныхъ дицицъ и реликвій, бросающихъ божественный свѣтъ. Нѣкогда раганъ пришелъ изъ отдаленныхъ странъ и поселился въ лѣсу, который прежде тутъ былъ. Его божественныя качества свидѣтельствовались свѣтомъ, который онъ распространялъ. Король увидѣлъ изъ своего павильона этотъ свѣтъ и отправился посмотрѣть его. Раганъ посовѣтовалъ построить монастырь; сюда перенесли шели (кости Будды). Ихъ нужно было помѣстить подъ источникомъ. Когда ихъ доставили въ драгоцѣнныхъ вазахъ, раганъ принялъ источникъ въ горсть своей правой руки и задержалъ струю; вырыли яму, уложили шели и раганъ отпустилъ струю; ни одна капля не пролилась.

Можетъ быть о томъ же раганѣ разсказываетъ и другая хотанская легенда (ib., p. 61): Жители города Ho lao lo kia были богаты, преданы удовольствіямъ и дурнымъ наклонностямъ и не думали почитать бога, находившагося среди нихъ. Пришелъ одинъ раганъ и поклонился статуѣ. Жители, удивленные странностью и костюмомъ пришельца, побѣжали сказать о томъ королю, который велѣлъ закопать рагана въ песокъ. Покрыли тѣло рагана пескомъ до высоты рта и не давали ему ни пить, ни ѣсть. Нашелся человѣкъ, который всегда оказывалъ глубокое уваженіе статуѣ; увидя рагана въ его положеніи, онъ тайно принесъ ему пищу. Раганъ, прежде чѣмъ уйдти, сказалъ ему: «Семь дней будетъ падать дождь изъ камней и песку, который покроетъ го-

родъ и никто не убѣжитъ въ наказаніе за то, что меня закопали». Раганъ, сказавъ это, внезапно скрылся. Человѣкъ побѣжалъ извѣстить свою родню, но никто его не послушалъ. На другой день поднялся вѣтеръ и выпалъ каменный дождь, наполнившій улицы. Спасся только одинъ этотъ человѣкъ, укрывшись въ пещерѣ внѣ города. На 7-й день выпалъ песокъ, сравнявшій пустыню надъ городомъ. Человѣкъ вышелъ изъ пещеры, пошелъ на востокъ и прибылъ въ городъ Бима.

Три разсказа: о ламѣ, явившемся въ пещерѣ изъ костей ягненка, о хотанскомъ раганѣ и о Цзонкавѣ (см. ниже) имѣютъ одну общую черту: появленіе святого внѣ города въ уединенномъ мѣстѣ, куда идетъ посѣтить его царь города, въ легендѣ о Цзонкавѣ ласскій первосвященникъ. Послѣдній идетъ съ цѣлью устроить съ «большеносымъ» Цзонкавой пренія, надѣясь торжествовать надъ нимъ (см. № 39); но Цзонкава посрамилъ гордость первосвященника. Въ тангутской сказкѣ посрамленною выведена царица. Въ хотанской легендѣ тоже сказано, что царь идетъ къ отшельнику не безъ гнѣва.

Отголосокъ той же легенды какъ будто бы замѣчается и въ сказаніяхъ о Чингисъ-ханѣ. Именно послѣднія упоминаютъ о шаманѣ Бутъ-тэнгри, Тубутъ-тангри или Тѣбъ-тэнгэри, который возвѣщаетъ Темучину, что по волѣ Вѣчнаго неба онъ долженъ управлять вселенной; вмѣстѣ съ тѣмъ шаманъ даетъ Темучину другое имя Чингисъ-ханъ (Раш.-эдд., Введ., стр. 159; Юань-чао-ми-ши, стр. 135). Разсказъ Гайтона: Семь родовъ татаръ жили въ подчиненіи своихъ сосѣдей; случилось, что одинъ бѣдный старикъ, по профессіи слесарь, увидѣлъ во снѣ воина въ бѣломъ одѣяніи и на бѣломъ конѣ; онъ назвалъ его по имени и сказалъ: Changius, воля безсмертнаго, чтобы ты сталъ предводителемъ татаръ; пусть твои вожди освободятъ твой народъ отъ сосѣдей и пусть они платятъ вамъ дань, какъ вы имъ платили (Histoire orientale de Haiton у Bergeron'a, p. 27; Oppert, Presbiter Iohann, S. 59). У Абульфараджа этотъ эпизодъ переданъ такъ: По покореніи Ункъ-кана предъ Темучиномъ предсталъ вдохновенный мужъ, который пришелъ къ хану чрезъ пустыни и горы зимой, плохо отдѣтый и босой. Онъ сказалъ Темучину: «Богъ мнѣ сказалъ: я отдаю Темучину всю землю и называю его Чингисъ-ханомъ!» Этого мужа называли Тубутъ-тангри; Оппертъ говоритъ впрочемъ, что текстъ изложенъ такъ не ясно, что имя это можно отнести и къ самому Чингисъ-хану. У Мирхонда: При этомъ празднествѣ явился монахъ But Tyngtу; онъ далъ имя Чингисъ-хану. У Абульгази: Ce qu'il y eut de particulier en cette solemnité, c'est qu'un certain Cokza surnommé l'Image de Dieu, fils du premier lit de Menglik—Iska issu de la tribu des Cunschmars beau père de Zingis-Chan, vint trouver ce prime appelé jusque la Tamuzin et lui declara etc (Oppert, Presb. Joh., 66).

Въ грузинской исторіи царевича Вакухта: Когда Темурчи соединилъ татаръ подъ своей рукой, явился необыкновенный человѣкъ изъ фамиліи Theghthoun, который пришелъ къ хану и сказалъ ему: «Я ходилъ на гору Baliq, гдѣ услышалъ голосъ божій, который говорилъ: «Я отдамъ Темурчи и его войскамъ всю землю; онъ долженъ называться Чингисъ-ханъ!» Говорятъ также, что принцъ самъ ходилъ на высокую гору, гдѣ Господь І. Х. предсталъ предъ нимъ, научилъ его правдѣ, истинной религіи, чистотѣ нравственной, правотѣ, страху предъ ложью, воровствомъ и всякими преступленіями и прибавилъ: «Если ты соблюдешь эти правила, я отдамъ тебѣ и твоей расѣ всю землю; иди и подчини всѣ страны». Впослѣдствіи, ставъ ханомъ, Чингисъ пошелъ въ Китай, гдѣ изъ любопытства вошелъ въ христіанскую церковь. Увидѣвъ образъ Спасителя, онъ тотчасъ же поклонился ему и сказалъ: Вотъ человѣкъ, котораго я видѣлъ на горѣ Tchin! такія же черты! это онъ, который научилъ меня всему тому, что прилично дѣлать» (Histoire de la Georgie, par M. Brosset, p. I и II, p. 448).

Въ армянской исторіи инока Магакіи XIII в. переданъ этотъ эпизодъ такъ: Монголы пребывали въ бѣдности, не имѣли богослуженія, имѣли только войлочныхъ идоловъ для гаданія, но ихъ осѣнила здравая мысль, они пожелали жить по заповѣдямъ Творца. Тогда имъ явился ангелъ въ видѣ орла златокрылаго, и призвалъ ихъ начальника, который назывался Чангызъ. Этотъ сталъ передъ орломъ на разстояніи брошенной стрѣлы. Тогда ангелъ въ видѣ орла передалъ Чангызу заповѣди Бога на словахъ: любить другъ друга; не прелюбодѣйствовать; не красть; не лжесвидѣтельствовать; не предавать; уважать старшихъ и нищихъ. Давъ эти наставленія, ангелъ назвалъ начальника кааномъ и съ тѣхъ поръ онъ началъ называться Чангызъ-кааномъ. И повелѣлъ ему ангелъ господствовать надъ многими областями и странами (Паткановъ, Исторія инока Магакіи, Спб., стр. 4).

Ср. также разсказъ Санангъ-сэцэна о пріѣздѣ хутукты Sodnam rGjamtso въ Ордосъ къ Алтанъ-хану туметскому. Алтанъ-ханъ обомлѣлъ, когда увидѣлъ хутукту; на вопросъ хутукты о

причинѣ его удивленія Алтанъ-ханъ разсказалъ, что въ прежнее время онъ былъ болѣнъ болѣзнью ногъ, которая называется толай; какъ средство унимать боль, ему рекомендовали класть ноги въ разрѣзанный животъ свѣжеубитой лошади. Когда ханъ сдѣлалъ этотъ опытъ, боль усилилась, онъ невольно взглянулъ вверхъ и увидѣлъ на небѣ бѣлаго человѣка, который ему сказалъ: «ханъ какъ ты сильно грѣшишь!» и исчезъ. Теперь ханъ убѣдился, что этотъ бѣлый человѣкъ былъ не кто иной, какъ хутухта Содномъ Джямцо (Gesch. d. Ost. Mong., 229).

Шаманъ Бутъ-тэнгри или Тѣбъ-тэнгэри и у Рашидъ-эддина и въ Юань-чао-ми-ши принадлежитъ къ поколѣнію Ханъ-хотанъ; Рашидъ-эддинъ (I, 158) объясняетъ это имя преданіемъ, что предокъ этого поколѣнія былъ большеносый. Но это объясненіе не совпадаетъ съ лексическими данными; г. Березинъ поэтому догадывался, что такое объясненіе намекало на монгольское слово хоттунъ, «великанъ» (Труды Вост. Отд. И. Арх. Общ., ч. V. стр. 284). У Абульгази (Histoire des Mogols et des tatares par Aboul-ghazi, trad. Desmaisons, Spb., 1874, p. 54) вмѣсто Рашидъ-эддиновскихъ хонъ-хотановъ стоитъ Qong qomâr; Абульгази даетъ слѣдующую этимологію: qong значитъ «большой»; теперь большая ворона назыв. qong-qarga. Qomâr значитъ «носъ». Предокъ Конгкоморовъ имѣлъ большой носъ и ему дали прозвище Конгъ-комаръ.—«Большой» на языкѣ хамійскихъ тюрковъ—чонъ; «носъ» по монгольски хамаръ, на языкѣ широнголовъ кабаръ (въ Саньчуани) или хаваръ (въ округѣ города У-янъ-бу).

Хотанскій раганъ, засыпанный пескомъ, можетъ быть есть вѣстникъ объ угрожающемъ истребленіи, пришедшій спасти одного благочестиваго. Это можетъ быть самъ тотъ богъ, статуя котораго стояла въ городѣ и пользовалась уваженіемъ только одного спасеннаго раганомъ. Въ южной Сибири гибель аринскаго племени предупреждается змѣей (Миллеръ, Сибир. Ист., стр. 40). Змѣя учитъ аринца, которому она благоволитъ, обложить свой домъ золой; это и спасаетъ его отъ избіенія. Въ сказаніи о Рахѣ у Садовникова (Сам. ск. и пред., № 99, вар. б) сатана сообщаетъ Раху, что черти боятся богородской траны. Рахъ обкладываетъ свой домъ богородской травой и избѣгаетъ погибели. Ср. Гулагу, чтобы спасти аргуновъ отъ гибели при взятіи Багдада, научаетъ ихъ выставить у своихъ домовъ знаки (Marco Polo, by colonel Youl, vol. I, p. 280). О китайскомъ праздникѣ у-ѣ-танъ-ву см. ч. I, стр. 9; Annales du Musée Guimet, Paris, T. XII, p. 383. О празднованіи юрюсъ-сара (въ концѣ мая или началѣ іюня) у волжскихъ калмыковъ см. у Нефедьева, Подробн. свѣд. о волжск. калм., Спб., 1834 стр. 164; хурулы и кибитки украшаются зеленью изъ травы и древесныхъ вѣтвей. У Кеппена: ürüs ssara (Koeppen, Die Religion des Buddha. Berlin, 1857, Band I, S. 577); у Банзарова: урусъ-сара (Черная вѣра. Спб. 1891, 38).

Въ сказкѣ объ Эрдени-Хараликѣ, переведенной Шмидтомъ и упомянутой выше, отецъ несчастной царевны называется Tegus Tsoktu; у Санангъ-Сэцэна (Gesch. d. Ost. Mong., S. 15) упоминается царь Tsoktsassun-Dschiruken, у котораго сынъ Erdeni-ssara. Въ Ордосѣ одинъ монголъ именемъ Тогусъ-чокту назвалъ мнѣ того вора, который укралъ у Чингисъ-хана золотой приколъ (см. ч. I, стр. 123, и ниже, № 56); имя Тогусъ-цзокту встрѣчается и въ гимнѣ въ честь Чингиса, который я слышалъ въ Ордосѣ и который вѣроятно шаманскаго происхожденія. Въ монгольскомъ варіантѣ Гэсэра (Die Thaten, 3—6) Tegüs Tsoctu младшій сынъ Хормусты, братъ средняго, спустившагося на землю подъ именемъ Гэсэра. Дорджи Банзаровъ (Черная вѣра, Спб, 1891, стр. 21), указываетъ на существованіе книги, въ которой описывается жертвоприношеніе въ честь горы: Тегусъ-цзокту Монахана (т. е. Муни-улы, къ сѣверу отъ Ордоса).

---

24. БОЛЬНАЯ ДОЧЬ.

(Монгольскій).

Два бѣдныхъ человѣка шли съ котомками на плечахъ собирать милостыню. Они остановились въ одномъ пустомъ суме (храмѣ) ночевать. Къ этому суме собрались тигръ, лисица, волкъ и ворона (хире). Тигръ спрашиваетъ лисицу: «Ты куда завтра побѣжишь?» Лисица говоритъ: «У одного бѣднаго человѣка заболѣла дочь.

Множество ламъ приглашено и дѣлаютъ четыре балина [1]), на каждую сторону свѣта по балину. Тамъ много будетъ заколото жирнаго скота на угощеніе ламъ и я туда побѣгу». Волкъ спрашиваетъ у вороны: «Отчего заболѣла дѣвица и есть ли какое средство вылечить ее?» Ворона говоритъ: «Два читкура сидятъ въ землѣ около дома богатаго человѣка. Одинъ сидитъ къ западу отъ дома. Тутъ есть дерево, подлѣ него камень. Если поднять этотъ камень, то потечетъ чистая вода, которую можно пить; а люди богатаго человѣка ходятъ теперь далеко за водой. Къ сѣверу отъ дома есть другое дерево, а подлѣ него ростокъ молодого дерева; если этотъ ростокъ (соё) выкопать, то въ землѣ откроется зеленая пунце (ногонъ пунце). Это и есть другой читкуръ. Тогда болѣзнь дѣвицы прекратится». Выслушавъ этотъ разговоръ, двое нищихъ пошли утромъ къ богатому человѣку. Богатый человѣкъ увидѣлъ ихъ издали, велѣлъ ихъ пригласить и угостить. Нищіе спрашиваютъ: по какому случаю у него такое большое собраніе. «У меня больна дочь, говоритъ онъ, и никакія средства не помогаютъ. Не знаете ли вы средства?» «Знаемъ», говорятъ они. «Отошли только ламъ!» Богатый человѣкъ велѣлъ ламамъ уйдти. Собраніе ламъ пошло прочь, сердясь и ругая нищихъ. Нищіе велѣли копать сначала камень подъ деревомъ на сѣверозападѣ; большой ключъ побѣжалъ изъ-подъ камня. «Какіе сильные (кичу) люди!» вскричали подданные богатаго человѣка. Потомъ нищіе велѣли выкопать ростокъ на сѣверѣ. Какъ только выкопали зеленую пунце, такъ болѣзнь дѣвицы и прекратилась. Богатый человѣкъ далъ нищимъ тысячу ланъ и подарилъ имъ всякихъ вещей.

Очиръ, ордосскій монголъ хошуна дзасыка.

---

25. ХРОМОЙ ГУСЬ.

(Монгольскій).

Жили свекровь со снохой. Свекровь увидѣла гуся съ подшибленной ногой; стоитъ гусь на одной ногѣ. Она взяла его и стала кормить. Выкормила гуся и больная нога у него выздоровѣла. Женщина выпустила гуся на волю. Гусь закричалъ: куаръ! куаръ! «Что онъ кричитъ?» думаетъ свекровь. «Вѣрно онъ боится въ дорогѣ голоду». Она навязала ему на шею узелокъ съ зерномъ. Гусь улетѣлъ. Черезъ три года онъ возвратился и закричалъ: куаръ! куаръ! Свекровь говоритъ: «А, это наша птица кричитъ!» Впустила птицу. Гусь вошелъ и положилъ на столъ узелокъ. Развернула свекровь узелокъ, а въ немъ золото. Сноха думаетъ: «Гусь за то, что свекровь кормила его, принесъ ей золота. Дай, я покормлю его! онъ и мнѣ принесетъ.» Но ея мысли были дурныя. Она зашибла ногу гусю и поймала его; стала кормить и выкормила; нога зажила. Гусь закричалъ: куаръ! куаръ! Она привязала ему на

[1]) Балинъ — лѣпная фигура изъ тѣста, подносимая буддистами въ жертву богамъ.

шею узелокъ съ зерномъ и отпустила. Черезъ три года гусь вернулся и закричалъ: куаръ! куаръ! Сноха открыла узелокъ, висѣвшій у него на шеѣ. Въ немъ одна зола.

Лама-гебкуй изъ монастыря Лачжа-суме
въ Сань-чуани; родомъ Барга-солонъ [1]).

26. КОЗЕЛЪ (УХАНА).

(Монгольскій).

Нѣкогда былъ богатый человѣкъ. Повадился къ нему тигръ; верблюдовъ, лошадей, коровъ, овецъ, всѣхъ ѣстъ. Хозяинъ отправилъ на дорогу, по которой приходилъ тигръ, одного верблюда самца, одного жеребца, одного порося, одного барана и заказалъ имъ, какъ говорить съ тигромъ. Верблюду сказалъ: «Если къ тебѣ придетъ тигръ и спроситъ: ты кто? ты отвѣчай: я ханъ верблюжій!» Жеребцу сказалъ: «Если къ тебѣ придетъ тигръ и спроситъ: ты кто? ты отвѣчай: я лошадиный ханъ!» Коровѣ сказалъ: «Если тебя спроситъ тигръ: ты кто? ты отвѣчай: я коровій ханъ!» И барану сказалъ: «Если тебя спроситъ тигръ: ты кто? ты отвѣчай: я овечій ханъ!» Потомъ богатый человѣкъ спрашиваетъ козла: «Ты гдѣ станешь?» Козелъ говоритъ: «Я самъ найду мѣсто стать! Ты не безпокойся!»

Тигръ подошелъ къ верблюду и спрашиваетъ: «Ты кто?» Тотъ (испугавшись) отвѣчаетъ: «Я верблюжій верблюженокъ!» Тигръ съѣлъ его. Подошелъ къ лошади и спрашиваетъ ее: «Ты кто?» Лошадь (испугавшись) отвѣчаетъ: «Я лошадиный жеребенокъ!» Тигръ съѣлъ ее. Подошелъ къ порозу и спрашиваетъ: «Ты кто такой?» Порозъ, испугавшись, отвѣчаетъ: «Я коровій теленокъ». Съѣвши его, тигръ подошелъ къ барану и спрашиваетъ: «Ты кто такой?» Баранъ, испугавшись, отвѣчаетъ: «Я овечій ягненокъ!» Тигръ съѣлъ его.

Затѣмъ тигръ пришелъ къ козлу. Спрашиваетъ: «Ты кто такой?» Козелъ не испугался и отвѣчаетъ: «Я небесное ружье, земная пушка!» Тигръ опять спрашиваетъ: «У тебя что на головѣ торчитъ?» Козелъ говоритъ: «Это у меня два ножа, которыми я убиваю тигровъ!» Тигръ опять спрашиваетъ: «А это что у тебя за мѣшокъ, болтающійся подъ брюхомъ?» Козелъ говоритъ: «А это мѣшокъ съ солью, которою я солю тигрово мясо, когда ѣмъ его!» Услышавъ эти слова, тигръ испугался. Поднявшись, тигръ пустился бѣжать. Козелъ за нимъ сзади погнался. Тигръ забѣжалъ на ледъ; козелъ на льду поскользнулся и упалъ. Его тазовая кость изломалась; подняться не можетъ. Посыпались изъ него хорголы [2]). Козелъ говоритъ: «Эхъ, мои четки разсыпались! Если бъ не это (несчастье), поймалъ бы я тигра и съѣлъ его!» Тигръ убѣжалъ, а козелъ сталъ жить счастливо.

Пунсукъ, ордосскій монголъ хошуна Ушинъ.

---

[1]) Изъ окрестностей г. Хайлара въ сѣверной Монголіи.
[2]) Хорголъ—овечій и козій пометъ.

II.

ЛЕГЕНДЫ.

27. а. ДЖУ-РЕМБУЧИ.

(Тангутскій).

Въ Лассѣ былъ царь (джаву) Сунсэръ-гамбу [1]); у него былъ совѣтникъ Оки-гари-тамба. Въ то время у китайскаго царя была дочь. Оки-гари-тамба говоритъ Сунсэру: «Нужно взять дочь китайскаго царя за тебя замужъ». Сунсэръ согласился и Оки-гари-тамба поѣхалъ въ китайскую землю. Китайскій царь не хочетъ разстаться со своей дочерью и говоритъ совѣтнику тибетскаго царя, что у него нѣтъ дочери. Оки-гари-тамба не знаетъ, какъ найдти спрятанную царевну. Подъ городской стѣной жила старуха; она поставила на стѣну чашку съ водой, надѣла на лицо рѣшето, взяла въ губы длинную мѣдную трубу и сказала Оки-гари-тамбѣ: «У царя во дворцѣ тысяча прекрасно одѣтыхъ дѣвицъ, но все это дочери вельможъ; одна изъ нихъ въ старой черной шелковой одеждѣ съ цвѣтами по шелку; отъ нея выходитъ аромать. Это и есть истинная дочь царя». Оки-гари-тамба говоритъ китайскому царю: «Ты собери всѣхъ дѣвицъ и если я среди ихъ узнаю царевну, то ты долженъ отдать ее мнѣ; если не узнаю, не отдавай!» Царь согласился и собралъ дѣвицъ; Оки-гари-тамба указалъ на дѣвицу въ черномъ шелковомъ платьѣ, какъ на настоящую царевну. Царь говоритъ: «Нѣтъ, не отдамъ тебѣ дочь! ты не самъ узналъ ее, а кто-то тебя научилъ!» Царь собралъ ученыхъ людей; тѣ подумали, посудили и сказали: «Выдалъ тайну человѣкъ съ мѣднымъ ртомъ, съ тысячью глазъ, сидѣвшій подъ горой, на которой есть озеро». «Гдѣ же бываютъ люди съ мѣдными ртами и тысячью глазами!» воскликнулъ осердившійся царь и велѣлъ казнить ученыхъ людей. Царь собралъ другихъ ученыхъ людей и велѣлъ имъ опять разыскивать выдавшаго тайну. Тѣ поискали въ своихъ книгахъ и повторили слова казненныхъ: «Сказалъ человѣкъ съ мѣднымъ ртомъ съ 1000 глазъ, сидѣвшій подъ горой, на которой есть озеро». Царь подумалъ: «Должно быть это правда; если бъ

---

[1]) Къ этому началу разсказчикъ сдѣлалъ небольшое разъясненіе: Сунсэръ-гамбу былъ царемъ въ Уй-цзанѣ (долина Яру-цзампо), а страною и народомъ Эмдо, которые простирались на сѣверъ до Утай-шаня, правилъ гэгэнъ Цадуръ-рембучи или Цадуръ-намугэнъ, который жилъ въ нынѣшнемъ Джони (на р. Тао-хэ). Имя Намугэнъ считается неприличнымъ, и потому чаще зовутъ этого гэгэна именемъ Цадуръ-рембучи. Въ настоящее время въ Джони воплощенія этого гэгэна нѣтъ.

это была выдумка, то вторые, зная, что их предшественники казнены, не стали бы повторять их слова». Он позвал Оки-гари-тамбу и объявил ему, что отдает за тибетского царя свою дочь. Собирая её замуж, царь спросил, что она желает получить в приданое. Дочери не хотелось ехать в тибетскую землю. Она отвечала отцу: «Ни золота, ни серебра, ни драгоценностей я не желаю; дай мне только солнце, луну и звезды с неба и весь шелк, который хранится в твоей казне». Царь призвал Оки-гари-тамбу и говорит: «Моя дочь просит в приданое невозможнаго; она просит солнце, луну и звезды с неба и весь шелк, какой есть в моей казне. Шелк я могу отдать; это в моей власти; но как я могу достать солнце, луну и звезды с неба? А дочь моя без этого подарка не едет из моего царства». Оки-гари-тамба говорит царю: «Я придумал средство, как это устроить. Сделай золотое солнце, похожее на настоящее солнце; сделай серебряный месяц, похожий на настоящий месяц и уложи их в красные ящики; сожги шелк и золу тоже ссыпь в красный ящик и все это отдай дочери и скажи, что тут по приезде в землю тибетского царя она все найдет: и солнце и луну и шелк». Так царь и сделал. Оки-гари-тамба получил царскую дочь и повез её в Тибет. К северу от Шира-хото (местность не далеко от Синина и Донкыра) есть местность Рдо-нирда; тут есть перевал. Когда поднялись на перевал, царевна объявила, что она не хочет ехать далее и намерена вернуться домой к родителям. Тогда Оки-гари-тамба сказал ей: «Что скучаешь о родителях? Знаешь ли ты, как они мало о тебе думают и заботятся? Посмотри в своих ящиках, с какими фальшивыми подарками они тебя отпустили»! Она раскрыла ящики и увидела поддельныя светила и золу вместо шелку. «Дурно же они обо мне думали!» сказала царевна и согласилась ехать далее. Дорогой Оки-гари-тамбе пришла мысль не отдавать царевну тибетскому царю, а взять её замуж за своего сына. Он придумал хитрость; он уверил царевну, что при дворе тибетскаго царя сильно воняет и советовал ей в присутствии тибетскаго царя прикрывать нос. А прибыв в Лассу, сказал царю, что привез царевну, но что она с порокомъ, что у нея нет носа, отчего она постоянно прикрывается рукавом. Когда царевну ввели к царю, она прикрыла нос, и царь поверил словам Оки-гари-тамбы. Но потом царь узнал, что он обманут и велел вырвать глаза у Оки-гари-тамбы.

Когда путники прибыли в местность Ксэрмыг-тан, недалеко от Лассы, Джу-рембучи [1]) вышла встретить богиня Амыр-тамыр (которую изображают с чашей львинаго молока); Джаву-рембучи (так тангуты называют Далай-ламу) вышел на встречу босой и устлал путь Джу-рембучи травой куша; бог Шихпадорчжи вышел также босой и вынес чжачу (жидкость для умывания тела).

После того джаву [2]) Сунсэр-гамбу задумал строить Лассу; тут прежде было озеро; на нем хотели утвердить постройку; на поверхность воды клали камни, на

---

[1]) Рембучи — драгоценность, сокровище.

[2]) Джаву — царь.

нихъ песокъ и дерево, и все это тонуло въ озерѣ. Тогда вспомнили объ умномъ человѣкѣ Оки-гари-тамбѣ и два лумбу (вельможи) отправились добывать отъ него совѣтъ. Когда лумбу пришли къ Оки-гари-тамбѣ и объяснили причину, по которой они его разыскали, онъ прежде всего потребовалъ, чтобъ отдали ему его глаза. Лумбу отдали глаза. Тогда онъ спросилъ: «Вы какъ строили до сихъ поръ?» Тѣ сказали: «Сначала клали на воду камни, чтобы на нихъ положить дерево, но вся постройка тонула». Оки-гари-тамба былъ смышленый человѣкъ; онъ говоритъ имъ: «Такъ вамъ никогда не построить! Наперед нужно насыпать на воду древесный уголь; на него настлать деревьевъ, сверху насыпать песку и камней. Угли будутъ плавать на озерѣ и поддерживать на себѣ камни!» Лумбу ушли въ Лассу и передали слова Оки-гари-тамбы тибетскому царю. Царь велѣлъ дѣлать такъ, какъ научилъ Оки-гари-тамба. Всѣ роды животныхъ, какіе только есть на свѣтѣ, собрались и возили матеріалъ для постройки: песокъ, глину, дерево. Когда постройка была кончена, на стѣнахъ ея, въ благодарность за труды, были нарисованы изображенія всѣхъ содѣйствовавшихъ постройкѣ животныхъ, но забыли изобразить быка. Быкъ обидѣлся и, чтобы отмстить эту обиду, возродился въ видѣ царя (джаву) Ландэра. У этого царя были бычьи рога, но онъ скрывалъ ихъ и никто не зналъ объ этомъ. А тѣхъ, кто приходилъ брить волосы на головѣ царя, царь приказывалъ казнить. Очередь брить досталась одному мальчику, единственному сыну у матери. Отправляясь къ царю, мальчикъ попросилъ мать сдѣлать ему булку, замѣшанную на ея молокѣ. Брея царя, мальчикъ вынулъ изъ за пазухи свою булку и закусилъ. Джаву-Ландэръ спросилъ его: «Что ты ѣшь?» «Ѣмъ сладкую булку, замѣшанную на сахарѣ!» отвѣчалъ мальчикъ. «Дай, я отвѣдаю!» сказалъ царь. Мальчикъ далъ булку царю. Царь отвѣдалъ и говоритъ: «Да это вовсе не вкусно! Что это такое?» «Это булка, сказалъ мальчикъ, замѣшанная на молокѣ моей матери». «Ойя!» вскричалъ царь. «Я ѣлъ молоко твоей матери! Теперь ты мнѣ братъ. Я не могу тебя казнить. Я не убью тебя, но ты никому не сказывай, что видѣлъ на моей головѣ бычьи рога». Мальчикъ пошелъ отъ царя прочь. И такая разбираетъ его охота разсказать, что у царя Ландэра на головѣ есть бычьи рога, что терпѣть не можетъ. Онъ вырылъ яму въ землѣ, нагнулся и сказалъ въ яму: «У царя Ландэра бычьи рога на головѣ». Пахнулъ вѣтеръ и подхватилъ слова: «У царя Ландэра бычьи рога на головѣ». Отъ вѣтра заколебалось дерево и листья его залепетали: «У царя Ландэра бычьи рога на головѣ». Скоро всѣ звѣри и всѣ люди узнали объ этомъ. Народъ собрался, чтобъ обсудить, какъ быть, какъ извести царя. Къ народу вышелъ гешю (лама) Салунъ-хоръ-дорчжи и сказалъ: «Сколько бы вы ни посылали противъ царя Ландэра войска, вамъ не извести его. Пустите меня, можетъ быть я одинъ его убью. А если онъ меня убьетъ, не жалѣйте меня!» Гешю надѣлъ на себя шелковое платье съ большими рукавами, какія надѣваютъ въ чамъ [1]), въ рукава спряталъ лукъ и стрѣлу и, наплясывая, пошелъ во дворецъ. Царь увидѣлъ плясуна; онъ ему понравился и царь велѣлъ позвать плясуна внутрь дворца. Гешю сталъ

[1]) Чамъ — религіозная пляска, совершаемая буддійскими монахами.

плясать передъ царемъ и вдругъ вынулъ изъ рукава лукъ, пустилъ въ царя стрѣлу и убилъ его, а самъ бѣжалъ изъ дворца. За нимъ въ погоню бросились два царскіе лумбу. Салунъ-хоръ-дорчжи бѣжалъ въ нынѣшнюю саларскую землю; здѣсь, между деревнями Цзонтонъ (Дондонъ) и Та-са-пу, на берегу Желтой рѣки, есть слѣдъ, гдѣ сидѣлъ Салунъ-хоръ-дорчжи [1]). Здѣсь его догнали тибетскіе лумбу, но онъ бѣжалъ на озеро Шинъ-ся-норъ [2]). Около этого озера есть пещера. Гешю спрятался въ ней. Когда лумбу подошли къ пещерѣ, они увидѣли, что входъ въ неё затканъ паутиной паука. Они сказали: «Очевидно его нѣтъ въ этой пещерѣ; если бъ онъ вошелъ въ неё, то паутина не была бы цѣлою». И они отправились искать его въ другомъ мѣстѣ. А Салунъ-хоръ-дорчжи обратился въ бурхана, который и теперь находится въ пещерѣ.

Ами-Салунъ, тангутъ изъ мѣстности Дуй.

---

6. НОГОНЪ-ДАРИХЭ.

(Монгольскій).

Тибетскій царь Юнло-донжу узналъ, что у китайскаго хана есть красивая дочь Ногонъ-дарихэ и послалъ своего вельможу (лумбу) Гвардамбу привезти ее. Лумбу Гвардамба отправился въ китайскую землю; пріѣзжаетъ въ столицу китайскаго хана и проситъ его отдать дочь за тибетскаго царя. Ханъ согласился, вывелъ передъ Гвардамбой Ногонъ-дарихэ вмѣстѣ съ 20 ея подругами (смджи), всего 21 дѣвицу и предложилъ ему узнать, которая изъ этихъ дѣвицъ царевна. «Если узнаешь», говоритъ ханъ, «отдамъ тебѣ свою дочь, а не узнаешь, не отдамъ». Гвардамба не можетъ узнать. У Ногонъ-дарихэ была служанка (болъ кухунъ); она была жадная до серебра. Лумбу Гвардамба сталъ просить ее разсказать, какъ узнать Ногонъ-дарихэ, обѣщая за это наградить ее серебромъ. Служанка говоритъ ему, что она сказала бы, но боится, потому что у китайскаго хана есть такія ворожеи (джурхайчи), что сейчасъ откроютъ, кто указалъ Ногонъ-дарихэ. Лумбу Гвардамба сказалъ ей, что бояться нечего, что онъ придумалъ хитрость, посредствомъ которой можно обмануть джурхайчіевъ. Онъ посовѣтовалъ ей спуститься въ яму, въ которой обыкновенно хранятъ зимой овощи, на голову надѣть желѣзный шлемъ (толга), на ноги желѣзные сошники, въ ротъ взять мѣдную бурѝ (трубу), на плеча накинуть шкуру птицы съ крыльями и въ этомъ видѣ черезъ трубу выдать тайну о царевнѣ. Служанка все такъ и сдѣлала, и черезъ трубу разсказала лумбу Гвардамбѣ, въ какомъ платьѣ Ногонъ-дарихэ, какое у ней лицо, волосы,

---

[1]) Другое преданіе этотъ же слѣдъ приписываетъ богатырю Кусэрю; см. ниже № 72, а также I часть этого изданія, стр. 176.

[2]) Озеро лежитъ къ югу отъ Дондонской тѣснины на Желтой рѣкѣ; см. I часть, стр. 177.

глаза и пр. Тогда лумбу Гвардамба указалъ хану, которую изъ 21 дѣвицъ онъ желаетъ взять. Ханъ осердился и велѣлъ созвать всѣхъ джурхайчи, чтобъ они посмотрѣли въ свои книги. Тѣ посмотрѣли и говорятъ: «Сказалъ о Ногонъ-дарихэ человѣкъ, имѣющій желѣзную голову, птичье туловище, желѣзные башмаки и мѣдный клювъ и живущій въ ямѣ» (тумуръ тулогойтей джесь хоншуутей шибо бiитей тумуръ шяхатай). «Гдѣ же бываютъ люди такого вида»? сказалъ ханъ. «Все лгутъ ваши книги! Сожгите ихъ въ огнѣ»! Книги бросили въ огонь и сожгли. Ханъ отдалъ Ногонъ-дарихэ лумбу Гвардамбѣ и тотъ повезъ ее къ тибетскому царю (тубутенъ-ханъ). Дорогой лумбу Гвардамба говоритъ китайской принцессѣ: «Тибетскій царь, его вельможи и народъ ѣдятъ много мяса и сала и потому всѣ вонючи; когда войдешь къ царю, закрывай носъ»! А пріѣхавъ въ столицу тибетскаго царя, сказалъ ему, что царевну привезъ, но она съ изъяномъ; китайскій ханъ и его народъ ѣдятъ много овощей и овощной червь (ногонъ хоргай) отъѣлъ у царевны носъ. Гвардамба думалъ, что царь откажется взять безносую царевну; онъ захотѣлъ взять царевну замужъ за своего сына. Привели Ногонъ-дарихэ къ царю; та закрываетъ носъ рукавомъ. Царь, оставшись наединѣ съ царевной, спрашиваетъ ее, отчего у ней нѣтъ носа. Царевна говоритъ, что у нея есть носъ. Царь попросилъ показать и она отняла рукавъ отъ лица. Тогда царь увидѣлъ передъ собой удивительную красавицу. Онъ осердился на лумбу Гвардамбу за то, что тотъ хотѣлъ обмануть его, велѣлъ натереть ему глаза солью и сослать въ ссылку съ отцомъ, матерью и всей семьей въ тѣ мѣста, гдѣ нынѣ Хуху-норъ.

Женившись на Ногонъ-дарихэ, тибетскій царь задумалъ построить Менгу-джу въ странѣ Уй-сынъ [1]); три года возводили зданіе, но оно упало; не могли придумать средства, какъ укрѣпить стѣны. Тогда умные ламы (ихи эрдемтай лама) подумали: «Въ странѣ Амдо вѣроятно найдется художникъ (мергенъ), который съумѣетъ построить Менгу-джу». Они пошли въ Амдо молиться амдосскимъ богамъ; но сколько ни молились, не могли ничего узнать. Тогда они вспомнили, что въ Амдо былъ сосланъ хитрый лумбу Гвардамба. Они пошли къ нему; онъ жилъ въ одиночествѣ и бѣдности. Вошли ламы въ палатку лумбу Гвардамбы и обмѣнялись трубками. Лумбу Гвардамба спрашиваетъ ихъ: «Куда ходили»? «Ходили въ Амдо молиться богамъ», отвѣчаютъ ламы. «Что, не слыхали ли, построили или нѣтъ Менгу-джу»? опять спрашиваетъ лумбу Гвардамба. «Нѣтъ», отвѣчаютъ ламы. «Три года строили стѣны и онѣ упали». «Да и не построить», говоритъ Гвардамба, «потому что на этомъ мѣстѣ находится пупъ моря» (далаинъ куйсынъ). «А есть ли какое-нибудь средство построить Менгу-джу»? спрашиваютъ ламы. «Есть. Нужно возить камень, глину и лѣсъ на сивомъ быкѣ и покропить молокомъ бѣлой козы». Ламы пошли прочь. Дорогой они увидѣли брошеную худую бычью подпругу (олынъ); они были бѣдные люди, подобрали подпругу и сдѣлали изъ нея перевязь черезъ плечо, чтобы легче нести свой запасъ. Когда они ушли, лумбу Гвардамба спохва-

[1]) Монголы именемъ Менгу-джу, «вѣчнымъ джу» зовутъ Лассу или Поталу; Уй-сынъ, правильнѣе Уй-цзанъ, та тибетская провинція, къ которой находится Ласса.

тился, что онъ выдалъ тайну, которую не слѣдовало бы выдавать. Онъ говоритъ своему сыну, который пасъ отцовскій скотъ: «Бѣги скорѣе и догони ламъ, которые были у меня въ гостяхъ. Они вынули изъ меня мой умъ и унесли его. Убей ихъ и возврати мой умъ (олу)!» Юноша догналъ ламъ и говоритъ: «Вы украли нашу подпругу» (олынъ). Ламы говорятъ ему: «Мы не украли; а увидѣвъ её на степи, подумали, что она брошена, какъ негодная, и подобрали. Возьми, если она тебѣ нужна». Сынъ лумбу Гвардамбы вернулся съ подпругой къ отцу. Тотъ спрашиваетъ: «Что, видѣлъ ламъ?» Видѣлъ. «Убилъ ихъ?» Нѣтъ. «Ахъ, зачѣмъ же ты не убилъ ихъ?» Молодой человѣкъ отвѣчалъ: «Зачѣмъ ихъ убивать? Они бѣдные и несчастные люди, при томъ же подпругу отдали назадъ. Да и что стоитъ подпруга? простая веревка! серебра вѣдь на ней нѣтъ!» И самъ при этомъ подумалъ: «Что сталось съ моимъ отцомъ? онъ старъ, глазъ нѣтъ, а дума у него злая!» Лумбу Гвардамба говоритъ сыну: «Ты ничего не знаешь! Они вынули изъ меня мой умъ; теперь они построятъ Менгу-джу. Собирай скорѣе скотъ, коровъ, овецъ, лошадей и погонимъ отсюда прочь. Теперь здѣсь нельзя жить; здѣсь выступитъ вода». Они собрали скотъ и погнали; между тѣмъ начала выступать вода. На мѣстѣ, гдѣ жилъ лумбу Гвардамба, образовалось озеро; оно теперь называется Хуху-поръ. Тибетскому царю удалось наконецъ построить Менгу-джу, благодаря открытію средства. Покропили молокомъ бѣлой козы и начали возить камни, глину и лѣсъ на сивомъ быкѣ. Построивъ Менгу-джу, сказали ӧрӧль бѣлой козѣ, молокомъ которой кропили, а сивому быку ӧрӧль сказать забыли. Сивый быкъ (хуху-буха) осердился и упрекнулъ ламъ: «Я возилъ камни, возилъ глину, возилъ лѣсъ, шерсть съ меня свалилась, спина моя стерлась, а вы забыли меня. Смотрите же, я отомщу за себя; возрожусь сыномъ тибетскаго царя и перебью всѣхъ ламъ.» И дѣйствительно впослѣдствіи душа быка возродилась въ царѣ Ландармѣ, который гналъ и убивалъ ламъ.

Санданъ-джимба, родомъ широнголъ изъ Сань-чуани [1]).

в. МЕНГУ-ДЖУ.

(Монгольскій).

Построили Менгу-джу, но она упала. До трехъ разъ её строили и она все падала. Наконецъ кто-то сказалъ, что только одинъ Ха-тамба-лама знаетъ, какъ построить Менгу-джу. Пошли два человѣка искать Ха-тамбу, пришли къ нему. Хатамба спрашиваетъ: «Куда идете?» «Идемъ домой; ходили на поклоненіе въ Менгу-джу». «Да развѣ построили Менгу-джу?» «Построили». «Э, врете. Менгу-

[1]) Старикъ 70 лѣтъ, неграмотный; варіантъ Санданъ-джимбы, судя потому, что каламбуръ составленъ изъ слова «подпруга», заимствованъ имъ у тангутовъ.

джу нельзя построить. Только я одинъ знаю секретъ, какъ ее построить». «А въ чемъ этотъ секретъ заключается», спрашиваютъ тѣ два человѣка. «Нужно, говоритъ Ха-тамба, сдѣлать сэтэромъ [1]) бѣлаго козла и на сивомъ быкѣ навозить земли на поверхность моря» (далай). Два человѣка, выслушавъ секретъ, ушли. Послѣ того легко было выстроить Менгу-джу. Выстроили, сдѣлали пиръ (хоринъ), а сиваго быка (хуху буха) на пиру и забыли. Быкъ тогда сказалъ: «Я, возивши песокъ на озеро, испортилъ себѣ спину, а вы меня забыли. За это я три вѣка (уй) буду вредить вамъ и разрушать желтую вѣру» (шара шаджинъ). И онъ возродился въ видѣ Ландармы, который началъ гнать ламъ и разрушилъ Менгу-джу. Далай-лама и Банченъ-эрдени вновь построили Менгу-джу на горѣ Будала. На вершинѣ Менгу-джу было водружено знамя въ видѣ зонта, окрашенное снизу въ красный цвѣтъ, а сверху въ желтый. Когда Менгу-джу угрожалъ непріятель, знамя такъ выворачивалось или опрокидывалось, что красный цвѣтъ являлся снаружи; тогда народъ заблаговременно узнавалъ, что наступило время войны. Однажды знамя опрокинулось и стало краснымъ; явился гонитель Нинъ-гу-ѣ. Потомъ опять желтая вѣра восторжествовала, но явился Далай-батырь; это было третье воплощеніе сиваго быка. Три раза Менгу-джу было разрушено и три раза возстановлено. Далай-батырь былъ убитъ и кости его похоронены. То мѣсто, гдѣ лежатъ его кости, ежегодно начинаетъ возростать, вспучивается и образуетъ холмъ или скалу; скала движется на Менгу-джу, угрожая погребсти её подъ собою; но каждый годъ въ 29 число 12 луны ламы устраиваютъ балинъ и выросшая скала понижается и мѣстность выравнивается.

Онъ же.

г. НОГОНЪ-ДАРИХЕ.

(Широнгольскій).

У китайскаго Танъ-вана [2]) была дочь Ногонъ-дарихе; свататься за нее пріѣхали пять царей: Гэсэръ-мыгджи-джаву, Тыгзы-норджи-джаву, Пенда-хорджи-джаву и двое другихъ, имена которыхъ разсказчикъ забылъ. Отъ тибетскаго царя сватомъ явился ламба Гвардамба. Царевна не хочетъ идти ни за одного изъ нихъ. Танъ-ванъ, по совѣту лу-гуна (евнуха), чтобы покончить дѣло съ женихами, объявилъ имъ, что онъ за того выдастъ дочь, кто пронижетъ нитку чрезъ отверзтіе въ камнѣ ою (огою, «бирюза»). Отверзтіе или каналъ въ камнѣ былъ просверленъ не прямо, а криво. Всѣ пять царей трудились продѣть нитку въ ою, но никто не могъ. Ламба Гвардамба посадилъ въ отверзтіе паука и началъ на него дуть. Паукъ улѣзъ въ каналъ и вышелъ изъ другого его отверзтія, протащивъ за собою паутину. Танъ-

---

[1]) Сэтэръ—животное, которое посвящается богамъ.

[2]) Т. е. императора династіи Танъ.

ванъ удивился уму ламбы Гвардамбы, но все таки не отдалъ ему своей дочери, а вывелъ передъ нимъ двадцать одну дѣвицу, похожихъ одна на другую и велѣлъ угадать, которая изъ нихъ Ногонъ-дарихе. Ламба Гвардамба не зналъ, какъ быть; не можетъ угадать. Служанка царевны говоритъ ему, что она указала бы признаки, по которымъ можно открыть царевну въ толпѣ ея подругъ, но боится; у царя такіе хитрые цзурхайчи, что откроютъ, кто выдалъ тайну. Ламба Гвардамба говоритъ, что онъ знаетъ хитрость, какъ обмануть цзурхайчіевъ. Онъ велѣлъ ей сѣсть въ корчагу (канъ) съ водой, врытую въ землю; у краевъ корчаги расположилъ три камня; въ ротъ ей далъ бишкурь (мѣдную трубу), на ноги надѣлъ сошники, и женщина, черезъ мѣдную трубу, сказала ему: «Въ рукахъ Ногонъ-дарихе́ всегда есть цвѣтокъ, но онъ невидимъ для людей. Но надъ цвѣткомъ будетъ летать пчела». Тогда ламба Гвардамба пошелъ во дворецъ и показалъ на ту дѣвицу, надъ которой летала пчела. Царь догадался, что кто-то выдалъ тайну, созвалъ цзурхайчи и велѣлъ имъ открыть измѣнника. Цзурхайчи почитали въ своихъ книгахъ и объявили Танъ-вану, что тайну выдала тысячеглазая женщина [1]), имѣющая желѣзныя ноги и мѣдный носъ и сидящая въ морѣ (далай), лежащемъ между трехъ скалъ. Танъванъ сказалъ: «Такихъ людей нѣтъ!» И велѣлъ всѣ цзурхайчіевы книги сжечь. Послѣ этого онъ долженъ былъ отдать царевну ламбѣ Гвардамбѣ, который повезъ её въ Тибетъ. Дорогой онъ задумалъ не отдавать царевну тибетскому царю, а сдѣлать её женой своего сына. Онъ увѣрилъ царевну, что тибетскій царь вонючій, что ей не вытерпѣть его вони, если въ присутствіи его она не будетъ закрывать свой носъ, а царя увѣрилъ, что царевна безносая. Царь увидѣлъ, что царевна закрывается, повѣрилъ Гвардамбѣ и отказался отъ нея. Однажды царь, осматривая строющійся храмъ, увидѣлъ въ зеркало лицо царевны и убѣдился, что его обманули, будто у царевны нѣтъ носа. Онъ осердился на ламбу Гвардамбу и велѣлъ ослѣпить его, заставивъ смотрѣть на отраженіе солнца въ зеркалѣ и сослалъ его въ мѣстность, гдѣ нынѣ озеро Хуху-норъ. Прежде тамъ этого озера еще не было; былъ только колодезь. При ламбѣ Гвардамбѣ былъ одинъ шаби [2]), который ежедневно ходилъ къ колодцу за водой и по совѣту ламбы Гвардамбы, взявъ утромъ воды, каждый разъ прикрывалъ отверстіе камнемъ; въ противномъ случаѣ вода пошла бы черезъ край.

Тибетскій царь началъ строить Менгу-джу и не можетъ докончить постройку. Что ни построятъ, вновь падаетъ. Тутъ вспомнили о великомъ умѣ ламбы Гвардамбы и послали къ нему двухъ вельможъ, переодѣтыхъ нищими ламами, будто бы отправившимися на поклоненіе святымъ мѣстамъ. Эти вельможи были родомъ изъ Амдо. Мнимые странники обошли всю страну, прошли черезъ Амдо, обошли и всѣ страны, лежащія за предѣлами Амдо, но не нашли ламбы Гвардамбы и грустные возвращались въ Тибетъ. На обратномъ пути они опять проходили черезъ Амдо. Однажды они утомились и, увидѣвъ въ долинѣ палатку, вошли въ неё; въ палаткѣ

[1]) Очевидно въ совѣтѣ Гвардамбы прокинуто рѣшето, которымъ женщина должна была прикрыть свое лицо.

[2]) Шаби—ученикъ.

они нашли слѣпого старика (сокуръ ббōгōнъ); это былъ ламба Гвардамба. Онъ предложилъ имъ чаю и спросилъ, куда они ходили. Они сказали, что они ходили въ разныя мѣста на поклоненіе, были въ Менгу-джу и теперь возвращаются на свою родину въ Амдо. «Развѣ Менгу-джу построили?» Построили, отвѣчали ламы. «Вы говорите неправду. Ее нельзя построить». Ламы однако утверждали, что собственными глазами видѣли Менгу-джу, съ ея золотыми кровлями, и простирались передъ ея золотыми богами. «Нѣтъ, все это не правда, потому что нужно знать хитрость, чтобъ построить Менгу-джу, хитрость, которую я только знаю. Построить ее можно только тогда, если покропить молокомъ бѣлой козы и возить матеріалъ для постройки на сивомъ быкѣ. А развѣ строители все это выполнили?» Напившись чаю, странствующіе ламы ушли. Когда они ушли, только тогда ламба Гвардамба догадался, что это были переодѣтые выспрашиватели, понялъ, что онъ погорячился въ спорѣ и приказалъ своему шаби догнать ламъ и убить ихъ. «Догони и убей ихъ, потому что они унесли мой олу» (умъ)! Шаби догналъ ламъ и говоритъ имъ: «Вы ли были въ палаткѣ моего отца, слѣпого старика и пили чай?» Мы. «Отецъ мой осердился на васъ и послалъ меня съ приказаніемъ убить васъ, потому что вы унесли у него олу». Ламы говорятъ ему: «Мы дѣйствительно, оставивъ палатку, подняли на степи олу (коровью подпругу), и думая, что она брошена за негодностью, взяли её; у насъ износилась веревка, которая служитъ перевязью у ноши и требуетъ замѣны. Но если нужно её, то вотъ возьми её». И отдали подпругу. Шаби отпустилъ ламъ и думаетъ: «какой злой мой бакши! изъ-за старой веревки хотѣлъ убить двухъ людей!» «Убилъ ли ламъ?» спросилъ ламба Гвардамба шаби, когда тотъ вернулся. «Нѣтъ, потому что они возвратили твою подпругу». Въ это время колодезь, изъ котораго шаби бралъ воду, ототкнулся, вода начала заливать долину и ламба Гвардамба бѣжалъ. На этомъ мѣстѣ образовалось озеро, которое теперь называется Хухуноръ. Островъ по срединѣ Хухунора потангутски называется Нсонникъ, т. е. «сердце озера».

Лама Понсокъ, широнголъ, родомъ изъ Саньчуани[1]).

См. ниже разсказъ о Цзонкавѣ и о построеніи монастыря Галдана (№ 39), а также у Сананъ-Сэцэна (Gesch. d. Ost-Mongol., 33 и 39) о построеніи башни въ Scharong-Gassur. Послѣдній разсказъ я записалъ отъ одного хоринскаго бурята Самтана Ирдынеева, вѣроятно вычитанный имъ изъ той же книги, откуда заимствовалъ и Сананъ-Сэцэнъ. Вотъ разсказъ С. Ирдынеева. Въ Непалѣ три субургана: Джарунъ-хашаръ (это же можетъ быть и Гома-сала), Пагвашинъ гунъ и Дагмалуйжинъ. Послѣдній построенъ въ память передачи Буддою своего тѣла тигру. О Джарунъ-хашарѣ такая легенда: Жила одна женщина, у которой было три сына; одинъ сынъ пасъ собаку, другой птицу, третій свинью. Они жили въ достаткѣ. Однажды женщина говоритъ, что она желала бы построить на свой счетъ высокій субурганъ. Ламы доложили о томъ царю Непала (Балбэ); вельможи сказали, что неудобно будетъ позволить простой женщинѣ построить башню, когда царь не построилъ еще; будутъ говорить въ народѣ, что царь менѣе богомоленъ, чѣмъ простая женщина. Началось преніе по этому предмету между сторонниками царскаго престижа и жен-

---

[1]) Старикъ 68 лѣтъ, живетъ въ монастырѣ Уньчжа-суме; 13 лѣтъ прожилъ въ южномъ Тибетѣ въ монастырѣ Сера, грамотный.

щиной и она одержала верхъ. Получивъ разрѣшеніе, она принялась строить субурганъ. Она купила слона и осла; на ослѣ ѣздили, куда было нужно, на слонѣ возили камень и глину. Когда субурганъ былъ возведенъ, спустился богъ Осрунъ-бурханъ, чтобы сдѣлать освященіе. Собрались ламы, начали святить субурганъ; самъ Осрунъ-бурханъ сказалъ благословеніе. При этомъ «тысяча бурхановъ», минганъ-бурханъ вошли въ субурганъ и вселились въ него. Три сына во время молитвы испросили каждый исполненіе своихъ желаній; одинъ пожелалъ быть царемъ, другой святымъ, третій обладателемъ людей. Первый потомъ родился царемъ Сронцзанъ-Гамбо, второй далай-ламой, о третьемъ разсказчикъ забылъ. Слона и осла не упомянули въ благословеніи; слонъ пригрозилъ потомъ вредить вѣрѣ, а оселъ хотѣлъ помогать ему. И это исполнилось.

Легенда о Джу распадается на двѣ части; одна—разсказъ о привозѣ Джу въ Тибетъ; другая—разсказъ о построеніи Лассы (точнѣе о построеніи монастыря Лабрана [1]) въ Лассѣ) Каждая часть имѣетъ свои варіанты, которые развиваются въ отдѣльныя сказки.

Сначала остановимся на первой части легенды.

Подъ именемъ джу, дзу или цзу у сѣверныхъ буддистовъ извѣстна статуя Будды, сдѣланная изъ сандальнаго дерева во время жизни Будды на землѣ. Сѣверные буддисты насчитываютъ три такихъ дзу; по крайней мѣрѣ столько джу мы можемъ насчитать по книгѣ г. Позднѣева (Очерки быта будд. монаст., Спб., 1887, стр. 45); одна находится въ Пекинѣ, двѣ въ Тибетѣ, въ окрестностяхъ Лассы. О пекинской дзу лѣтъ семь тому назадъ А. О. Ивановскій сообщилъ новыя свѣдѣнія, извлеченныя имъ изъ одной монгольской рукописи (Legende de la statue de Buddha, fait en bois de tchandana, extrait du Muséon, Louvain, 1883).

Китайская легенда о происхожденіи джу разсказываетъ слѣдующее: Когда у Будды умерла мать и возродилась въ странѣ 33 тэгріевъ, Будда послѣдовалъ за нею. Утіяна, король Варанаси, скучая долгимъ отсутствіемъ Будды, просилъ Мутгальвани съ 32 художниками отправиться въ страну тэгріевъ и изготовить статую Будды. Художники сдѣлали статую изъ гоширша, т. е. изъ высшаго сорта сандальнаго дерева. Впослѣдствіи Будда, спустившись на землю своеручно благословилъ статую. Спустя много лѣтъ, статуя была перенесена изъ Индіи въ королевство Ли или Khio-ki (Tcheu-tchi) въ Тибетѣ. Во время китайской династіи Цинъ, китайскій генералъ, завоевавшій нѣкоторыя мелкія королевства въ Индіи, овладѣлъ статуей Будды и отвезъ ее въ Сычуань, заставивъ за статуей слѣдовать пандита Ghoumara-chri. Въ Сы-чуани генералъ узналъ, что императоръ умеръ и въ государствѣ начались смуты. Тогда онъ, по совѣту пандита, перевезъ статую въ городъ Лянъ-чжоу (на р. Ша-хэ). Впослѣдствіи она была перенесена въ Чань-ань (Сиань-фу) и другіе города и наконецъ въ Пекинъ, гдѣ находится и понынѣ.

Разсказъ о тибетскихъ дзу находимъ у Кеппена (Keppen, Die Religion Buddha, II B., Berlin, 1859, S. 62—64). Тибетскій царь Сронцзанъ высваталъ двухъ женъ, китайскую и непальскую царевенъ, «Зеленую и Бѣлую Дара-экэ». Послѣдняя согласилась поѣхать въ страну, не просвѣщенную религіей, только подъ условіемъ, если ей позволятъ взять съ собой какой-нибудь чудотворный образъ Будды. Ей это было позволено и она взяла фигуры боговъ и книги. Когда она ѣхала черезъ горы, въ опасныхъ мѣстахъ боги сходили съ вьючныхъ животныхъ и шли пѣшкомъ. Китайская царевна также привезла фигуры боговъ и книги. Для сохраненія святынь двухъ царицъ были выстроены два первыхъ монастыря въ Лассѣ: Лабранъ и Рамоче. Тщетно демоны мѣшали постройкѣ, поднимали воду озера и смывали плоды дневныхъ трудовъ. Статуя Авалокитешвары, возникшая сама собою, испустила лучъ изъ сердца и указала тѣмъ мѣсто для монастыря, а лучъ изъ глаза одного изъ изображеній Будды сожегъ ядовитое дерево, въ которомъ хотѣлись демоны и прогналъ ихъ. Воды также должны были принять другое направленіе и образовали озеро Хухуноръ. Статуи, привезенныя царевнами, называются по тибетски tsch'o, по монгольски dschû. Монастырь Лабранъ китайцы называютъ Та schao szu (Та-чжао-сы), «храмъ великаго джу»; монголы называютъ его Джу-Эрдэни (S. 334).

И китайская и тибетская легенды связываютъ съ привозомъ статуи исторію введенія буддизма въ странѣ. Монгольская легенда о введеніи буддизма въ Монголіи сложена также сходно съ легендой о привозѣ Джу въ Тибетъ. Абатай-ханъ привозитъ изъ Лассы въ Халху статую бога Гомбугура (Очерки, IV, 332); сходныя черты: узнаваніе подлиннаго лица или предмета въ ряду другихъ съ тожественнымъ внѣшнимъ видомъ, выдача тайны женщиной, мѣры, принятыя къ

[1]) Лабранъ или лабринъ—дворецъ, въ которомъ живетъ гэгэнъ. См. у г. Позднѣева, Очерки быта буддійск. монастырей, Спб., 1887, стр. 484.

тому, чтобы вѣщуны не могли открыть виновницу раскрытія тайны, остановка на перевалѣ. По возвращеніи въ Халху, Абатай построилъ для привезенной статуи монастырь, который называется Эрдэни-дзу (Эрдэни-цзао), а въ одномъ изъ записанныхъ нами варіантовъ привезенная статуя называется Эрдэни-дзу. Этихъ чертъ достаточно для доказательства, что одинъ и тотъ же сюжетъ послужилъ основаніемъ для легенды о введеніи буддизма какъ въ Тибетѣ, такъ и въ Монголіи.

Въ лѣтописи Сананъ-Сэцэна (Gesch. d. Ost. Mongol., 253) Галдзаго-Абатай вывезъ отъ Далай-ламы образъ не Гомбугура; а Ваджрапани [1]). О Галдзу-Абуте у Пржевальскаго «Третье Путеш.», стр. 281.

Эрдэни. Эрдэни по монгольски значитъ «драгоцѣнность», то же, что по тангутски рембучи [2]). Кромѣ сказанія объ Абатаѣ, добывающемъ Эрдэни (собственно Эрдэни-дзо или живого бога Гомбугура), тема о добываніи драгоцѣнности (эрдэни) находится еще въ слѣдующихъ монгольскихъ сказаніяхъ. Гыгэръ-Меджитъ вырѣзываетъ эрдэни изъ трупа, который плыветъ по рѣкѣ; обладатель этого эрдэни долженъ стать царемъ (Очерки, II, 156). Въ бурятской сказкѣ объ Анъ-Богдорѣ два мальчика вырѣзываютъ эрдэни изъ плывущаго по рѣкѣ младенца (Очерки, IV, 282). Галданъ, ханъ олетскій, выколупываетъ эрдэни изъ статуи Гомбугура въ монастырѣ Эрдэни-дзу, основанномъ Абатаемъ (Очерки, IV, 410). Въ Очеркахъ же, IV, 401, въ сказкѣ № 118 герой ея добываетъ отъ Оролынъ-читкура цаганъ-эрдэни, вещество, залечивающее раны, и палочку, отъ повертыванія которой падаютъ мертвыми звѣри и люди [3]). Нѣкоторыя подробности этой сказки повидимому вліяли на легенду о монастырѣ Эрдэни-дзу. Такъ въ одной изъ легендъ объ этомъ монастырѣ говорится, что у Галдана, осаждавшаго монастырь, было такое орудіе, отъ повертыванія котораго противники валились мертвыми (Очерки, IV, 410). Другую подробность находимъ въ разсказѣ Жербильона о Галданѣ (Du Halde, Description de l'empire de la Chine et de la Tartarie chinoise, tome IV, p. 47—49); Жербильонъ разсказываетъ о ханѣ, который во время похода заболѣлъ оспой и былъ оставленъ въ степи, войско же снялось и ушло. Въ сказкѣ № 118 мальчикъ, герой ея, также оставленъ одинъ на съѣденіе тигру, а остальное войско также уходитъ. Брошенный въ степи, ханъ Жербильона есть Ончонъ, братъ Галдана. Смерть этого-то Ончона, по одному изъ варіантовъ легенды, и послужила причиной нашествія Галдана на монастырь Эрдэни-дзу. Повидимому Жербильонъ записалъ разсказъ, въ которомъ на историческое событіе наносились черты изъ сказки [4]).

Есть сказки, въ которыхъ имя Эрдэни придается не добываемому предмету, а самому герою. Въ сказкѣ № 132 (Очерки, IV, стр. 416) Эртнемергенъ добываетъ, подобно Абатаю, «живого бога», который тутъ названъ Колду-бурханомъ. Въ моихъ «Очеркахъ» въ сказкѣ № 113 (стр. 387) Эртенъ-эргэ образовался изъ нечаянно отрѣзаннаго человѣческаго пальца, завернутаго въ заячью шкурку и положеннаго на мѣстѣ, гдѣ находится цаганъ-онгонъ (Эргэ ср. съ Эркэ-мергеномъ (см. ниже легенду о суркѣ, № 92), который отрѣзываетъ себѣ палецъ). Эртенъ-эргэ добываетъ золотыя крылья птицы Канъ-Кереде. Есть монгольскій разсказъ о самой птицѣ Ханъ-Гариде (Очерки, IV, 183), что она приноситъ дерево дзандзанъ (сюжетъ въ родѣ нашего объ орлахъ, приносящихъ камень іакинеъ [5]).

---

[1]) Передавая его, лама сказалъ: «Этотъ образъ божественнаго скипетроносца находился въ одномъ домѣ со многими другими изображеніями Будды; вспыхнулъ огонь и все сжегъ, за исключеніемъ этой иконы, почему она считается очень благословенною».

[2]) Буддійскій терминъ «три драгоцѣнности». по санскритски tri ratna, въ монгольскомъ будетъ гурбанъ эрдэни, въ китайскомъ сань-бао.

[3]) Оролынъ вѣроятно то же, что бурятское Эрлэнъ-ханъ (т. е. Эрликъ-ханъ). Ср. также хорло, «колесо вѣры». Не повліяло ли представленіе вращающагося хорло на созданіе сказочнаго орудія смерти?

[4]) Въ сказкѣ № 95, помѣщенной въ Очеркахъ (IV, 357) отъ Шацгай-хана добывается атбашь-эрдэни, которое все даетъ: вино, молоко, лошадь и пр. Слово атбашь, по тюркски «лошадиная голова», указываетъ на тюркское происхожденіе сказки. Въ сказкѣ № 160 (Очерки, IV, 535) съѣденное крылышко дѣлаетъ двухъ братьевъ счастливыми; одинъ изъ братьевъ получаетъ отъ Шацгай-хана дабу, которая, развертываясь, доставляетъ обѣдъ. Въ сказкѣ № 142 (Очерки, IV, 499) герой добываетъ гурбы-эрдэни, «три драгоцѣнности». Членъ гурбы, гурбанъ не есть ли архаизмъ, который только поздиѣе обратился въ числительное «три»? гурбанъ эрдэни не понималось ли, какъ «драгоцѣнность Гурбанъ?».

[5]) Литературу этой темы см. у Youl'я, Marco Polo by Youl, 1874, V. II, p. 349. Разсказы большею частью о діамантѣ или іакинеѣ, у Геродота о cinnamomum. Ср. съ алтайскимъ сказаніемъ о томъ, какъ

Шмидтъ перевелъ монгольскую легенду объ Эрдэни-Харалике [1]) (Schmidt, Gesch. d. Ost. Mong., 425—487), который привозитъ послѣ многихъ приключеній дѣвицу D'âkinis Dschnâna-Goschja, приносящую счастіе странѣ, въ которой она находится. По комментарію самой редакціи, эта сказка есть исторія воплощенія бодисатвы Арья-Вало, т. е. Авалокитешвары, разсказъ о которомъ и о Шантиварманѣ мы привели выше на стр. 117.

Въ другихъ сказкахъ Эрдэни женское имя. Въ сказкѣ Го-Чикиту (Bergmann, Streifereien, IV, стр. 20) именемъ Эрдэне-цецэкъ [2]) называется царевна, которая вмѣстѣ съ братомъ своимъ терпитъ гоненіе отъ мачихи [3]). Братъ ея называется Го-Чикиту или Ойо-Чикиту. Въ записанныхъ мною варіантахъ (№ 60 въ Очеркахъ, IV, 283) гоненію подвергаются два брата царевичи Эрдэне-абахай-цецэкъ и Аю-чикты или (№ 60, вар. б, стр. 285) Абахай-цецэкъ и Шоно-доитъ [4]). Имя абахай чаще всего придается въ сказкахъ дѣвицамъ; такъ въ бурятскихъ и ордосскихъ сказкахъ; цецэкъ также прилично женщинѣ.

Форма Абахай, кромѣ сказки № 60, встрѣчается еще въ Очеркахъ, IV, въ №№ 114 и 146; въ № 114 Булотъ-хуре стрѣляетъ въ козулю и ранитъ ее, но она обращается въ лебедя и улетаетъ. Это была Абахай-дагине, т. е. небесная дѣва Абахай. Булотъ-хуре ѣдетъ искать ее и находитъ. Начало сказки напоминаетъ урянхайскую о Тунгъ-Каратты-ханѣ, отыскивающемъ улетѣвшую Самбай-дагине (Очерки, IV, 373), дархатскую о Мани-ветыръ-ханѣ, отыскивающемъ улетѣвшую небесную дѣву (ibid., 523) и тибетскую о Суданѣ; послѣднюю можно сближать съ классическимъ мнеомъ объ Ифигеніи (см. Очерки, IV, 921). Въ тибетской сказкѣ упоминается лань; но она не отожествляется съ женщиной, которая и здѣсь, какъ и въ классическомъ мнѣ, обречена на закланіе. Сказка о Булотъ-хуре ближе къ классическому мнеу тѣмъ, что исчезающая дѣва Абахай является въ видѣ козули и вслѣдъ за выстрѣломъ стрѣлка исчезаетъ. Имя Абахай встрѣчается еще въ сказкѣ № 146 (Оч., IV, 503); это Булгунъ-Абахай-цицинъ, коварная сестра Дзалута-мергена; конецъ сказки похожъ на конецъ сказки № 114. Дочь Вана киреискаго, за которую сватался Чингисъ-ханъ, или которую Ванъ самъ за него хотѣлъ отдать, называлась Ибаху (Юань-чао-ми-ши, 98); у Рашидъ-Эддина (I, 100 и 193) Абга-биге или Абага-биге племянница Вана. Не разсказывалось ли о Чингисъ-ханѣ сказки, въ которой онъ игралъ роль Дзалута-мергена, а Ибаху роль женщины Абахай?

Въ монгольской грамматикѣ Бобровникова (Грамм. монг.-калм. языка, 1849, Казань, стр. 352) жена Чингисъ-хана названа Бурте-эртени. Форма Буртэ, Буртӧ встрѣчается также въ разныхъ бурятскихъ преданіяхъ. По однимъ изъ нихъ, Хортонъ, сынъ Хоридоя, принесъ изъ Монголіи въ бурятскую землю онгонъ Буртӧ (Извѣстія Вост. Сиб. Отд. И. Р. Г. Общ., т. XIV, № 1—2, стр. 28; Записки того же Отдѣла по этн., т. I, в. 2, стр. 125; Очерки с. з. Монгол., IV, стр. 120; въ послѣднемъ случаѣ Бурытынъ вм. Буртӧ). Въ другомъ бурятскомъ преданіи у Буртэ-убугуна (т. е. у старика Буртэ) было два сына: Хоредой и Хортонъ; оба они бѣжали изъ Монголіи на сѣверъ; затрудняясь взять съ собой дряхлаго отца и жалѣя оставить его въ Монголіи, они отрубили ему голову, повѣсили себѣ за спину и молились ему въ пути, какъ онгону. Этого онгона и теперь дѣлаютъ буряты, рода Хангинъ, ведущіе свой родъ отъ лебедя (Зап. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 2, стр. 125). Мы сближаемъ это преданіе съ лѣтописными разсказами о меркитскомъ царѣ Тохта-бики и о татарскомъ ханѣ Тохту; см. ниже примѣчанія къ сказанію о Цок-

---

мѣсяцъ уноситъ Джельбегеня вмѣстѣ съ деревомъ. Алтайское джельбегень ср. съ киргизскимъ джалмаусъ (см. Очерки, IV, 766; не отсюда ли алмысъ, «злой духъ?»).

[1]) Харалик ср. съ бурятскимъ хара, «луна».

[2]) Цецэкъ цвѣтокъ по монгольски.

[3]) Въ варіантѣ сказки о гонимыхъ братьяхъ въ Шидзикурѣ (Этногр. Сб., VI, стр. 35) одинъ братъ названъ лучомъ солнца (Наранъ-Гэрэлъ), а другой лучомъ луны (Сарангъ-Гэрэлъ); то же самое повидимому и въ киргизской сказкѣ о царѣ Гарнкулѣ (Очерки, IV, 813), потому что царевичъ названъ Ширинъ, а въ эпизодѣ монгольской сказки Арджи-Борджи, который можно сближать съ киргизской сказкой, Ширину соотвѣтствуетъ Саранъ, что по монгольски значитъ луна.

[4]) Въ бурятской сказкѣ (Очерки, IV, 279, сказка № 59) гонимый царевичъ называется Ойо-ондохонъ Олотъ, т. е. «въ лѣсу найденный Олотъ». Ойо-ондохонъ можетъ быть припоминаніе формы Ой-хангагай, которая встрѣчается въ Алтанъ-Тобчи, стр. 70. Хоптыгъ-эмегенъ, «вечерняя зарница» по урянхайски. Бергманъ говоритъ, что сказка объ Ойо-Чикиту есть разсказъ о воплощеніи бодисатвы Хонджика т. е., Авалокитешвары, или Арья-Вало.

тай-ханѣ, № 65. Можетъ быть эту форму Тохту мы находимъ теперь въ бурятскомъ Догёдой; это миѳическій пастухъ, пасущій стада у Солбона (Солбонъ звѣзда Венера). Не даромъ при немъ собака Бурто (ibid., стр. 123). И совпаденіе темы съ лѣтописнымъ сказаніемъ о Тухта-бики, современникѣ Чингисъ-хана, и имя Хоридоя, который, по лѣтописи Сананъ-Сэцэна, былъ отецъ Алань-гоа, жены одного изъ предковъ Чингисъ-хана, и наконецъ имя Буртӧ—все это заставляетъ видѣть связь между Буртӧ бурятскихъ легендъ и лѣтописной Бурте, женой Чингисъ-хана. Мы думаемъ, что лѣтописные разсказы о Бурте основаны на народныхъ легендахъ объ онгонѣ Буртӧ.

Въ сѣверной Монголіи я записалъ преданіе о шаманѣ Таинъ-Тирхинѣ (или Таинъ Тэнгирѣ), который увезъ жену Чингисъ-хана. Чингисъ находитъ долину, гдѣ скрылся шаманъ и наноситъ ему ударъ саблей (Очерки, II, 157). Это преданіе, намъ кажется, относится къ Бурте, женѣ Чингиса. Мы думаемъ, что Таинъ-Тэнгиръ является въ Алтанъ-Тобчи (стр. 15) подъ именемъ Джингиръ-бухэ; бухэ можетъ быть искаженное бугэ, т. е. шаманъ, чѣмъ и былъ Таинъ-Тэнгиръ; Джингиръ вмѣсто Тэнгиръ. Джингиръ-бухэ врагъ Чингиса, какъ и Таинъ-Тэнгиръ; онъ приглашаетъ къ себѣ Чингиса въ гости, но въ юртѣ устраиваетъ засаду, копаетъ яму и прикрываетъ ее; однако коварство угадано, начинается сѣча и Чингисъ счастливо убѣгаетъ. О женѣ Чингиса ничего не говорится. У Сананъ-Сэцэна (Schmidt, Gesch. d. Ost. Mong., 81) вмѣсто Джингиръ-бухэ стоитъ Buke-Tschilger. Въ Юань-чао-ми-ши (49—57) упоминается силачъ Чилгэръ (силачъ по монгольски бӧкӧ); очевидно, это тотъ же Buke-Tschilger. Есукэй, отецъ Чингиса, отнялъ у Экэ-Чилету, брата меркитскаго царя, его жену Олунъ эхэ; теперь мерките, чтобы отмстить за эту несправедливость, напали на станъ Чингисъ-хана, увели его жену Бурте въ плѣнъ и отдали ее силачу Чилгэру, брату Чилету. Очевидно, это тотъ же Сананъ-сэцэновскій Бӧке-Чилгэръ, Джингиръ-бухэ Алтанъ-Тобчи и Таинъ-Тэнгиръ записаннаго мною преданія. Мы уже имѣли случай сближать Таинъ-Тирхина съ алтайскимъ шаманомъ Даинъ-Тере-Тарханъ-бо, который увезъ царскую дочь (Очерки, IV, 290); царскіе слуги догнали его, отрубили ему голову и привезли ее царю. У бурятъ есть преданіе о бѣгствѣ Бохака изъ Монголіи (Зап. Вост. Сиб. Отдѣла И. Р. Географ. Общества по этн., т. I, в. 2, стр. 111); посланная за нимъ погоня его не находитъ, но отрубаетъ голову какому-то шаману Гурте; тѣло шамана было брошено въ рѣку и поплыло вверхъ по ней. Полагаемъ, что конецъ преданія исказился; оно разсказывалось иначе; шаманъ Гурте и былъ бѣглецъ и голова его была цѣлью царской погони. Можетъ быть вѣрнѣе было бы возстановить легенду такъ: Бохакъ увезъ Гурте (Буртӧ?), жену Чингисъ-хана; за нимъ была послана погоня. На связь этого преданія съ сказаніями о Чингисъ-ханѣ указываетъ и то, что тема о плывущемъ вверхъ по рѣкѣ мертвомъ тѣлѣ встрѣчается также и въ послѣднихъ; такъ плыло тѣло утонувшей жены Чингисъ-хана, которую онъ отобралъ у Шидургу (Алтанъ-Тобчи, 22). О Гурте говорится, что онъ сдѣлался ижиномъ мѣстности, гдѣ былъ убитъ, т. е. духомъ-покровителемъ ея. Жена Чингисъ-хана называется Бурте-фучжинь; фучжинь считается китайскимъ словомъ, но не есть ли это только осмысленіе книжныхъ людей. У Рашидъ-эддина въ одномъ мѣстѣ (Труды Вост. Отд. И. Археол. Общ., ч. XIII, стр. 75) старшая жена Чингисъ-хана названа Бурте-чино.

Преданіе о Хортонѣ, сынѣ Хоридоя, привозящемъ онгонъ Буртӧ (или Бурьтынъ) можетъ быть только отголоскомъ большой сказки о Эртене-мергенѣ, привозящемъ «живого бога» (Очерки, IV, 416). И парное Бурте-эрдени можетъ быть редупликація.

Книжныя сказанія знаютъ Бурте только женой Чингиса; но не было ли сказанія, которое выдавало ее за жену Хоридоя? И не разсказывалось ли о Хоридоѣ, что онъ ее потерялъ и потомъ снова нашелъ? Бурятскія легенды знаютъ только, что жена Хоридоя, дѣва лебедь, оставила его (Записки Вост. Сиб. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 1, стр. 144; в. 2, стр. 112 и др.); о возвращеніи же ея ничего не говорится. Эпизодъ о дѣвахъ-лебедяхъ, прилетающихъ на озеро купаться, кромѣ легенды о Хоридоѣ, содержится также въ сказкѣ о Тунгъ-Каратты ханѣ (Очерки, IV, 373—379); жена Каратты-хана, подобно женѣ Хоридоя, надѣвъ лебединую одежду, улетаетъ. Это сближаетъ Каратты-хана съ Хоридоемъ. Но разсказъ о Каратты-ханѣ на этомъ не останавливается; онъ ѣдетъ искать исчезнувшую жену и находитъ ее возвратившеюся къ отцу. Каратты-ханъ получаетъ ее назадъ и увозитъ у тестя солнце и луну; эти свѣтила входятъ въ составъ также и приданаго невѣсты тибетскаго царя.

Эртене-мергенъ, привезшій «живого бога», вмѣстѣ съ тѣмъ привезъ и невѣсту для себя. Абатай также привозитъ «живого бога», но о привозѣ невѣсты въ монгольской легендѣ не говорится. Надо, однако, думать, что невѣста была и въ монгольской легендѣ. На это указываетъ то

обстоятельство, что къ орхонской долинѣ, къ которой пріурочена легенда объ Абатаѣ, пріурочена также и другая, о невѣстѣ монголкѣ, просватанной за китайскаго императора. За то, что эта легенда есть отрывокъ изъ легенды о привозѣ «живого бога», говоритъ то, что съ отъѣздомъ невѣсты уносится изъ страны и все счастье, подобно тому, какъ съ отвозомъ живого бога Эртене-мергеномъ за нимъ уходитъ весь скотъ изъ прежняго мѣстопребыванія бога. Повидимому имя невѣсты было Эрдени, потому что легенда о ней пріурочена къ горѣ Эрдени-ула. Отсутствіе этой темы въ сказаніи объ Абатаѣ понятно; когда легенда получила буддійскую окраску, эта черта должна была выпасть. Вмѣсто дѣвицы, Абатай доставляетъ въ Монголію ламу; см. Живая Старина, 1891, кн. III, стр. 239).

Вуса и паукъ (стр. 203). Въ тюркск. сказкѣ у г. Радлова (Prob., IV, 261) удодъ приноситъ пророку Саломо извѣстіе о красивой Balchija и затѣмъ отправляется сватать ее. Она даетъ ему запечатанный ящикъ, наполненный просверленными кораллами. Пророку Саломо предстоитъ задача навздѣвать бусы на шнуръ, не распечатывая ящика. Эту задачу исполняетъ червь, который протачиваетъ отверстіе и входитъ внутрь ящика. Ср. въ былинѣ о Волхѣ Сеславьичѣ: «Въ подворотнѣ мудрены вырѣзы вырѣзано, а и только въ вырѣзу мурашу пройдти».

Въ тангутскомъ сказаніи угадывается среди сходныхъ дѣвицъ царевна-невѣста; въ монгольскомъ, при сходныхъ условіяхъ, «живой богъ». Отсюда вытекаетъ тожество дѣвицы и божества; въ монгольскомъ сказаніи мы подозрѣваемъ, что подъ статуей Эрдени-дзу слѣдуетъ разумѣть дѣвицу невѣсту. Нашъ тангутскій разсказчикъ также какъ будто китайской царевнѣ придавалъ имя Джу-рембучи. Теперь подъ именемъ дзу извѣстны статуи Будды, т. е. мужская фигура, но можетъ быть Будда занялъ мѣсто Арья-Вало, который у китайцевъ является чаще въ видѣ женской фигуры.

Китайская царевна была Дара-экэ. Старуха привратница не была ли также она сама, временно принимавшая этотъ видъ, чтобы содѣйствовать своему отъѣзду въ Тибетъ, подобно тому, какъ дакини, за которою ѣдетъ Эртене-мергенъ (Очерки, IV, 418), является ему сначала также въ видѣ безобразной старухи? то же самое кажется и въ сказкѣ о Эрдени-харалинѣ у Шмидта (Gesch. d. Ost. Mongol., 425—488). Шантиварману у Даранаты проникнуть въ храмъ на горѣ Поталѣ помогаетъ богиня Тара—эпизодъ, повидимому соотвѣтствующій затруднительному положенію тибетскаго вельможи въ китайскомъ дворцѣ. Жена Рдуря сама помогаетъ Гэсэру освободить ее отъ Рдуря; разсказъ о томъ, какъ она укрываетъ Гэсэра отъ Рдуря. своими подробностями напоминаетъ разсказъ о старухѣ, выдавшей тайну китайскаго дворца. Тѣ же черты (объясненіе гудѣнія стрѣлы паденіемъ веретена) встрѣчаются въ преданіи о женѣ Лутусы, которое въ свою очередь напоминаетъ легенду о богинѣ Оккинь-тэнгри, суровомъ воплощеніи Цаганъ-дара-экэ.

Китайская царевна остановилась на перевалѣ и оглянулась на родину. Случаи пріостановленнаго движенія перечислены выше на стр. 117 Въ монгольскомъ сказаніи провозимая статуя на перевалѣ остановилась и далѣе не идетъ; Абатай отсѣкаетъ часть и ѣдетъ далѣе; монастырь строится не на мѣстѣ остановки бога. Но въ легендѣ о Шантиварманѣ (у Даранаты) храмъ строится тамъ, гдѣ остановился богъ (Авалокитешвара т. е. Арья Вало). Также и въ хотанской легендѣ, и у Шмидта въ легендѣ о Дара-экэ (Gesch. d. Ost. Mong., 341); колесница съ богами остановилась въ мѣстности Рамоче; тутъ и былъ построенъ въ честь ихъ храмъ. О запрещеніи оглядываться назадъ см. въ Запискѣ Вост. Сиб. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 2, стр. 142. Я обращался къ г. Баторову, природному буряту, съ вопросомъ, не становится ли въ обязанность невѣстѣ, когда ее везутъ въ домъ жениха, не оглядываться назадъ и получилъ отвѣтъ, что такой обычай дѣйствительно существуетъ у бурятъ,—невѣста не должна оглядываться. Въ тюркской сказкѣ у Радлова (Proben, IV, 449) князь выдалъ дочь замужъ; она проситъ въ приданое коня Цзалъ-куйрука, который стоялъ подъ семью слоями земли въ желѣзномъ стойлѣ. За Цзалъ-куйрукомъ уходитъ весь скотъ отца. Князь догоняетъ дочь и проситъ ее оглянуться; дочь оглядывается и часть скота возвращается; еще разъ оглядывается по просьбѣ отца и еще часть скота возвращается. И только треть скота ушла за ней, потому что на третій привывъ отца она не оглянулась. Ср. также сходную тему въ башкирской сказкѣ о Тулякѣ (Вѣстн. Имп. Русск. Геогр. Общ., 1858 г., ч. XXIV, въ смѣси ст. Льва Суходольскаго «Легенда о Тулякѣ», стр. 65—71).

Въ тибетскомъ варіантѣ Гэсэра (см. выше стр. 41) отецъ упрекаетъ дочь за то, что она, отъѣзжая, не обернулась назадъ.

Ордосскій католическій миссіонеръ г. Стейнакерсъ разсказывалъ намъ, что во время засухи

китайцы обращаются съ молитвой о дождѣ къ Лунъ-вану, втыкаютъ въ этотъ день зеленыя вѣтви въ дверяхъ домовъ, надѣваютъ вѣнки на голову себѣ и носятъ статую Лунъ-вана, украшенную зеленью. Увѣряютъ, что иногда богъ вдругъ во время процессіи отяжелѣетъ и не двигается дальше; бонзы удваиваютъ усилія, чтобъ удержать его на вѣсу, но богъ становится все тяжеле и тяжеле, такъ что бонзы сгибаются подъ носилками, колѣни ихъ дрожатъ и они ставятъ бога на землю. Это чаще всего случается противъ домовъ богатыхъ людей. Тогда публика догадывается, что хозяинъ дома, противъ котораго богъ остановился, согрѣшилъ или не угодилъ богу и изъ-за него-то богъ и караетъ засухой. Виновникъ выноситъ деньги. Бонзы пробуютъ поднять бога и если онъ и теперь еще не отдѣляется отъ земли, жертва увеличивается.

Зола въ ящикѣ, которую везетъ съ собой китайская невѣста, напоминаетъ вотяцкій обрядъ заведенія куалы, совершаемый основателями новаго поселка. См. объ этомъ въ ст. г. Богаевскаго «Религіозныя представленія вотяковъ» (Этн. Обозр., кн. (1890 г., № 2), стр. 79—81). Выселенцы похищаютъ изъ куалы старой деревни золу изъ очага и пускаются въ бѣгство. Во время пира, который устраивается передъ этимъ и во время самого бѣгства поются пѣсни «свадебнымъ напѣвомъ». Не запрещается ли во время бѣгства оглядываться?

У Шмидта (Gesch. d. Ost-Mong., 341) китайская невѣста везетъ въ Тибетъ не золу сожженаго шелка, а яица шелковичныхъ червей. На сходство съ этой легендой хотанской легенды о царевнѣ, украдкой привезшей въ Хотанъ шелковичныхъ червей, указалъ уже Риттеръ (Asien, B. III, 232) Ср. у Rokhill'я, The life of the Buddha, Lond., 1884, p. 215.

Тема о безносой невѣстѣ есть у о. Іакинеа, Истор. Тибета и Хухунора, стр. 14—15.

Перехожу ко второй части легенды, расказывающей о построеніи Лассы.

Эпизодъ объ озерѣ Хухунорѣ и о недоразумѣніи, вслѣдствіе котораго похищеніе тайны осталось не отмщеннымъ, записано Гюкомъ (Souvenir, VII, p. 193—198), Пржевальскимъ (Монголія, т. I, 279—281; Третье Путеш., 317), Крейтнеромъ (Im fernen Osten, 1881, стр. 717 — 719) и Rokhill'емъ (въ журналѣ The Century, издав. въ Нью-Іоркѣ, 1891, январь; vol. XLI, № 3, стр. 350). Пржевальскій, мы думаемъ, слышалъ его отъ монголовъ, потому что недоразумѣніе основано на монгольскихъ синонимахъ: кыле, «языкъ» и кыле, «пряжка».

Сходная легенда объ оз. Тере-норъ въ вершинахъ Енисея; отъ разливающейся воды убѣгаетъ Ельджигенъ-джигитъ-ханъ («оселъ-ханъ»; Оч., IV, 296).

Кара-киргизское преданіе объ оз. Иссыкъ-кулѣ: У невѣрнаго народа былъ бездѣтный ханъ; онъ долго молился о дарованіи ему дѣтей и молитва была услышана. Ханьша во время прогулки встрѣтила осла, который обнаружилъ къ ней расположеніе; она родила сына Джанибекъ-хана съ ослиными ушами. Джанибекъ скрывалъ свои уши и казнилъ всѣхъ цирюльниковъ. Одинъ юноша, бривший по жребію, понравился хану; ханъ оставилъ его при себѣ постояннымъ цирюльникомъ, сдѣлалъ его визиремъ, но заказалъ говорить объ ушахъ. Однажды на охотѣ визирь не вытерпѣлъ; когда его соколъ опередилъ ханскаго, визирь закричалъ въ восторгѣ: «Мой соколъ лучше сокола Джанибекъ-хана, ослиной головы!» Опомнясь, онъ бѣжалъ въ горы; онъ долго скитался и только по ночамъ входилъ въ ханскій городъ, гдѣ у колодезя, въ негодованіи на возобновленіе казней, молилъ Бога о ниспосланіи всѣхъ бѣдъ хану и его развратному народу. Молитвы дошли до неба; изъ колодезя стала бить вода въ такомъ изобиліи, что залила городъ и образовала оз. Иссыкъ-куль (Зап. Геогр. Общ., 1861, кн. III, ст. Голубева «Отрывокъ изъ путешествія въ Средн. Азію, Заилійскій край». Стр. 113—114). У всѣхъ трехъ упомянутыхъ озеръ съ сходной легендой есть Киргизы; у Иссыкъ-куля живутъ Кара-киргизы, у Тере-нора урянхайское поколѣніе Кирхисъ и у Хухунора небольшой отрывокъ турецкаго племени, уже омонголившійся и называющій себя Киргизами. Джанибекъ=Ельджигенъ=Ландарма. Джанибекъ и Ландарма видоизмѣненіе темы о жестокомъ ханѣ, отраженія которой мы, очевидно, имѣемъ также въ сказаніяхъ объ Амбагаѣ, Чжань-мохе (см. примѣчанія къ № 56) и тангутскомъ человѣкоядцѣ Шянбѣ (см. примѣчанія къ № 38).

Въ русскомъ мірѣ тема скрыванія тѣлеснаго порока и убиваніе узнающихъ его отразилась въ легендѣ о Бонякѣ Шелудивомъ или Шолудькѣ Буняченкѣ (Костомаровъ, «Богданъ Хмельницкій», I. 180; Драгомановъ, Малор. нар. преданія и разсказы, 224—225; Даниловскій, Собр. сочиненій, Спб., 1877, III, стр. 354). Украинское преданіе сближено съ монгольскимъ г. Кузьмичевскимъ въ статьѣ «Шолудивый Буняка», помѣщенной въ «Кіевской Старинѣ», 1887 г., октябр., кн. 253.

Кромѣ Хуху-нора, Тере-нора и Иссыкъ-куля тема о разливѣ пріурочивалась повидимому и ко многимъ другимъ озерамъ; о Байкалѣ, кромѣ неяснаго намека въ одной легендѣ (см. въ Запискахъ Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по эти., т. I, в. 2, стр. 94—106: воды озера бросаются отнимать похищаемое у него дитя), въ другой есть и прямое указаніе на разливъ; см. Записки же, тотъ же томъ, в. 1, стр. 109: сынъ-неба ударилъ по скалѣ плетью; изъ образовавшейся щели потекла вода, которая начинаетъ заливать долину; сынъ неба удаляется на вершину горы Сымыръ, бросаетъ оттуда камень и попадаетъ въ отверстіе, изъ котораго изливалась вода; наводненіе прекратилось; брошенный сыномъ неба камень это теперешній Шаманскій камень въ Ангарскихъ воротахъ.

Намеки на разливъ озера мы находимъ также и въ легендахъ, пріуроченныхъ къ окрестностямъ озера Зайсана. Къ з. отъ озера находится гора Калмы-тологой; объ ней киргизская легенда въ двухъ редакціяхъ; отецъ съ сыномъ, давши обѣтъ не прикасаться къ женамъ, подняли эту гору и понесли ее, чтобъ «запрудить Иртышъ и затопить всю долину»; но сынъ нарушилъ обѣтъ; по одной редакціи на другой день они не могли уже болѣе поднять гору, по другой подняли, но она опустилась и покрыла ихъ на вѣки (см. Сибирскій Вѣстникъ, газета, изд. въ Томскѣ, 1890, № 40; кромѣ того мои Очерки, IV, 893 и Очерки, II, прим. 86 къ гл. V). Тема о брошенномъ камнѣ пріурочена къ другой горѣ. А. А. Ивановскій сообщилъ мнѣ нѣсколько записей этой легенды, сдѣланныхъ для него среди зайсанскихъ киргизъ. Вотъ одна изъ нихъ. Не далеко отъ города Кокбектовъ Зайсанск. уѣзда находится гора Уртенъ-тагъ; къ югозападу отъ этой горы до рѣчекъ Базаръ и Богасъ простирается ровная степь, въ центрѣ которой стоитъ конусообразная, одинокая сопка, называемая киргизами Кендыкъ-тюбе [1]), или Урчукъ-тюбе. Киргизы говорятъ, что эта сопка веретено (урчукъ) старухи. Великанша-старуха имѣла пять козъ, которыхъ она пасла всегда сама. Однажды, пася своихъ козъ, старуха усѣлась на гору Тарбагатай, а ноги положила на Алтай. Въ это время на одну изъ ея козъ, бродившихъ по степи, напалъ волкъ. Чтобы спасти свою козу, старуха бросила въ волка веретено, которое она держала въ рукахъ, прядя пряжу. Веретено это упало на то самое мѣсто, гдѣ теперь стоитъ сопка. Эта-то сопка и есть веретено великанши. Со старухой великаншей преданіе связываетъ Айдагула. По мнѣнію однихъ, великанша была женою Айдагула, а по мнѣнію другихъ просто нечистой женщиной. До сихъ поръ между двумя киргизскими родами Наймано-муруновцами и Тусла-токмакцами идетъ горячій споръ о томъ, какой версіи легенды отдать предпочтеніе. Объ Айдагулѣ киргизы разсказываютъ слѣдующее. Одна изъ вершинъ Тарбагатая носитъ названіе Тазъ-тагъ, что означаетъ въ переводѣ «лысая гора» или «голая вершина». Тазъ-тагъ выдается изъ ряда прочихъ своею высотой и красивой конусообразной формой. На самой верхушкѣ Тазъ-тага виднѣется издали шапкообразная скала, въ которой, по легендѣ, находится домъ одного богатыря, живущаго, по убѣжденію киргизовъ, еще и теперь. Когда-то на этой вершинѣ жилъ богатырь Айдагулъ въ своемъ теремѣ, построенномъ изъ камня въ отвѣсной скалѣ. Айдагулъ не ходилъ, а леталъ. Ему все было доступно; богатства его были неисчерпаемы. Каждый годъ весною въ честь этого богатыря киргизы приносятъ и понынѣ жертву, ставшую даже обязательною. Обязательность жертвы киргизы объясняютъ такъ: однажды случилась на скотѣ повальная болѣзнь, отъ которой пало много скота. Въ это время одному изъ аксакаловъ (почтенныхъ стариковъ) явился во снѣ Айдагулъ и сказалъ, чтобы старикъ завтра рано утромъ, собравъ старыхъ и малыхъ, пошелъ съ ними къ подошвѣ Тазъ-тага, гдѣ и принесъ бы по барану отъ каждаго въ жертву. Вставъ утромъ, старикъ собралъ всѣхъ и, взявъ съ собою по барану отъ каждаго, отправился къ тому мѣсту, которое ему указалъ богатырь Айдагулъ. Съ утра у подошвы Тазъ-тага стояло въ этотъ день шумное пиршество, кончившееся вечеромъ байгой (бѣгомъ). Послѣ принесенія жертвы скотская болѣзнь прекратилась и съ того дня принесеніе жертвы въ честь богатыря Айдагула обязательно совершается киргизами каждый годъ у подошвы Тазъ-тага. Киргизы вѣрятъ, что казна Айдагула и самъ онъ до сихъ поръ тамъ, въ скалѣ. Они говорятъ, что проѣзжающіе мимо Тазъ-тага и живущіе вблизи этой вершины слышатъ ночью глухой человѣческій стонъ, исходящій изъ-подъ горы; это Айдагулъ молится за благополучіе киргизовъ. Эти легенды записаны были для г. Ивановскаго отъ киргизъ Терсъ-айрыковской волости (въ Тарбагатаѣ). Слѣдующую легенду о горѣ Сауръ (восточное продолженіе Тарбагатая) сообщилъ мнѣ г. Корниловъ, слышавшій ее также отъ зайсанскихъ киргизъ. Былъ какой-то алыпъ (великанъ), который хотѣлъ запрудить Иртышъ

[1]) Кэндыкъ—по киргизски «пупъ», а также затычка въ посудѣ. Кэндыкъ-шеше повивальная бабка.

и сдѣлать такъ, чтобъ воды озера Зайсана, черезъ которое протекаетъ эта рѣка, залили землю и погубили бы на ней все живущее. Но Мухамедъ-пейгамбаръ завалилъ этого алына горою Сауръ, а на гору, для большей тяжести, навалилъ снѣгу. Тамъ будетъ алынъ лежать до скончанія міра. Придетъ время, когда снѣгъ растаетъ; тогда алынъ стряхнетъ съ себя гору, выйдетъ изъ заточенія, запрудитъ Иртышъ и воды Зайсана зальютъ всю землю. Тогда наступитъ кончина міра.

Очевидно богатырь, заложенный подъ горой Сауръ, тотъ же, что и погребенный подъ горой Калмы-тологой. По Уньковскому (Посольство къ зюнгарскому хунъ-тайчжи Цэванъ-Рабтану. Спб., 1887, стр. 19, 197), это Саптартай или Сактартай, т. е. Сартактай-кэвэръ алтайскихъ легендъ (см. Очерки, II, 80, 170; IV, 285); «кэвэръ» алтайскихъ легендъ не то ли же, что Гэсэръ монгольскихъ? И заложенный подъ горой Сауръ богатырь не есть ли Гэсэръ? Гора Сауръ, къ которой привязана эсхатологическая легенда, вѣроятно есть то же, что монгольская гора Сумбуръ, Субуръ, бурятская Сымыръ.

На то, что озеро Джаринъ-норъ въ вершинахъ Желтой рѣки, имѣло такую же легенду, указываетъ во первыхъ свидѣтельство китайской географіи, что около него находится гора Алтынъ-гасу, т. е. золотой колъ (о. Іакинѳъ, Ист. Тибета и Хухунора, II, 181); «золотымъ коломъ» называется Полярная звѣзда, съ которою, по нашему предположенію, соединялись эсхатологическія темы; во вторыхъ тибетская версія Гэсэра указываетъ на скалу, стоящую среди озера, какъ на окаменѣвшаго желѣзнаго Асына, а на другую, какъ на окаменѣвшаго Кала-мэмбыра, наблюдающаго, чтобы море не вышло изъ береговъ. (См. выше, стр. 22). Дорожники по Тибету (Успенскій, «Страна Кукэноръ», стр. 82) упоминаютъ невдалекѣ отъ озера Джаринъ гору, которая называется Лама-тологой, т. е. «голова ламы». Можетъ быть гора названа этимъ именемъ за то, что голая. Или это повтореніе зайсанской формы: Калмы-тологой? Калмы, лама не будутъ ли искаженія отъ тибетскаго Лхамо (Хламо), какъ называется докшитское воплощеніе богини Цаганъ-дара-экэ. Ордосскіе монголы говорятъ, что жена Чингисъ-хана, отнятая имъ у Шидургу, была воплощеніе Цаганъ-дара-экэ; объ этой женѣ разсказывается, что она бросилась въ воду и утонула.

Къ оз. Гашіунъ-норъ пріурочена тема о брошенномъ камнѣ въ чудовище, выходившее изъ озера. См. ниже № 72. О разливѣ ничего нѣтъ. На восточномъ берегу Едзинъ-гола, впадающаго въ Гашіунъ, стоитъ отдѣльная гора Дзерджи-Ваньчикъ; это имя напоминаетъ Сананъ-Сэцэновскаго Ванчука, хагана Джурджитовъ (Schmidt Gesch. d. Ost. — Mong., 75; въ Алтанъ-Тобчи: Дзанчунъ, ханъ двурчутскій, стр. 133); тутъ есть разказъ о переправѣ черезъ рѣку, не имѣвшую брода.

О Гусиномъ озерѣ сохранились преданія и записи, что воды озера иногда поднимались и заливали окрестную степь, но это, въ значительной степени, дѣйствительно совершавшіяся мѣстныя катастрофы, можетъ, быть вслѣдствіе опусканія почвы. Легендарное изъ этихъ преданій не выдѣляется. Есть однако одна легенда, въ которой можно замѣтить признаки темы о эсхатологическомъ разливѣ. Близъ озера жилъ самовластный, но глупый царь, имѣвшій семь женъ; не довольствуясь этимъ числомъ, онъ хотѣлъ отобрать еще жену у своего брата; онъ казнилъ его безвинно, а жену взялъ насильно. Угнетаемая тоской, она ежедневно ходила къ одной горѣ молиться, била своимъ золотымъ перстнемъ о камень и пробила въ немъ дыру (камень этотъ и теперь указываютъ буряты). Небо услышало молитву и послало огонь; пожаръ на землѣ горѣлъ девять лѣтъ и истребилъ весь народъ и его царя (Изв. Спб. Отд. И. Р. Геогр. Общ., 1870, т. I, № 1, стр. 18). Огонь повидимому устранилъ изъ легенды воду, которая должна была излиться изъ отверстія въ камнѣ.

Объ оз. Угей-норъ не разсказывается легенды о разливѣ, но такая легенда связана съ рѣкой Орхономъ, протекающимъ мимо озера; см. ниже, № 29; Живая Старина, III. 238. Какъ на отпавшую часть этой легенды, можно смотрѣть на разсказъ о Буху-биликтуѣ, заложившемъ отверстіе, изъ котораго выходило чудовище; см. ниже № 72.

Объ озерахъ Косоголѣ и Ачитъ-норѣ подобныхъ легендъ не записано, но островъ среди Косогола называется Далай-куйса, «морской пупъ» (Вѣсти. И. Р. Геогр. Общ., ч. XXIV, 1858 г., стр. 711 ст. Перминкина «Озеро Косоголъ»; островъ среди оз. Хухунора также называется у монголовъ Куйсунъ-тологой «пупъ—холмъ»; Успенскій, «Страна Кукэноръ», стр. 64), а близъ Ачитъ-нора есть отдѣльная скала Алтынъ-хатысынъ, «золотой колъ».

Въ числѣ сѣверныхъ предгорій русскаго Алтая есть гора Бобырганъ; все, что разсказывается объ ней, не имѣетъ никакого отношенія къ вышеприведеннымъ легендамъ, но имя горы

въ переводѣ будетъ значить «летяга»: о летягѣ же записаны легенды на тему о наложеніи на нее оковъ (Оч., IV, 233). Не разсказывалось ли и здѣсь о заложенномъ подъ горой богатырѣ, какъ о горѣ Сауръ? Подлѣ горы протекаетъ рѣка Катунь; Обь (соединенный потокъ Катуни и Біи) и вообще большую рѣку алтайцы зовутъ Уймаръ-джумаръ, Уймаръ-ыймаръ (Вербицкій, Словарь алт. яз. Казань, 1884, стр. 402). Мы подозрѣваемъ, что съ Бобырганомъ была связана эсхатологическая легенда въ родѣ той, какая разсказана выше о горѣ Сауръ и что это послѣднее имя (Сауръ, Субуръ, Сыпыръ) здѣсь, можетъ быть, явилось именемъ рѣки: Умаръ, Джумаръ. Къ верхней части долины Катуни дѣйствительно пріурочена легенда о богатырѣ Сартактаѣ, собиравшемся мостить черезъ нее мостъ (Очерки, IV, 286).

Мы прослѣдили распространеніе легенды по поверхности Средней Азіи: она частью разсказывается и теперь, частью повидимому разсказывалась въ прежнее время объ озерѣ Хухунорѣ (и городѣ Лассѣ), о рѣкѣ Орхонѣ, объ озерахъ Байкалѣ, Тере-норѣ, Зайсанѣ, Иссыкъ-кулѣ, объ окрестностяхъ города Хотана. На сѣверномъ пути разселенія легенды самымъ западнымъ пунктомъ ея пріуроченія оказывается Зайсанъ; западнѣе, изъ киргизской степи и изъ южной Россіи мы не имѣемъ подобной легенды и только встрѣчаемся съ нею на Босфорѣ, гдѣ тема разлива пріурочена къ Константинополю въ эсхатологическомъ разсказѣ Андрея юродиваго.

Хотя между Зайсаномъ и Босфоромъ промежутокъ большой, но дальнѣйшее собираніе мѣстныхъ преданій и сличеніе собраннаго можетъ быть и здѣсь укажутъ вѣхи разселенія этой легенды. Въ киргизской степи на данномъ пути находится множество озеръ, но легенды объ нихъ не были еще записываемы. Западнѣе около Каспія находимъ зайсанскую легенду пріуроченною къ горѣ Богдо, лежащей около Баскунчатскаго озера. Вотъ что разсказываютъ волжскіе калмыки: два праведника несли эту гору изъ Чжунгаріи съ намѣреніемъ положить у самой Волги, но не донесли; одинъ изъ несшихъ прогнѣвилъ боговъ какимъ-то предосудительнымъ помышленіемъ и гора опустилась, подавивъ нечестиваго и обагрившись его кровью.[1]) Вотъ отчего одинъ бокъ горы красный (красная глина); другой же бокъ, который несъ другой праведникъ, остался бѣлымъ (гипсъ и алебастръ; см. Нефедьевъ, Подробн. Свѣдѣнія о волжск. калмыкахъ, Спб., 1834, стр. 34). Это очевидно зайсанская легенда о Сартактаѣ или о богатырѣ, заключенномъ въ гору Сауръ. Она принесена сюда калмыками съ береговъ Зайсана въ позднѣйшее время, то есть въ XVII ст. Но вѣроятно и предшествующія разселенія среднеазіатскихъ ордъ, совершавшіяся отъ V до XIII вѣка, такимъ же образомъ могли приносить сюда среднеазіатскія легенды и отлагать ихъ на мѣстной почвѣ. Въ самомъ дѣлѣ къ югу отъ Астрахани, въ горахъ Кавказа мы встрѣчаемъ легенду о богатырѣ Амиранѣ, заключенномъ въ гору и стоящемъ въ связи съ эсхатологическими сюжетами, подобно тому богатырю, который заключенъ въ горѣ Сауръ. Не отраженіе ли этой же легенды малорусское преданіе о могилѣ Савуръ (Драгомановъ и Антоновичъ, Малорусск. нар. пред. и разсказы, стр. 232); сюжетъ ея: проходившіе чумаки выдернули ратовище, которое было воткнуто около могилы; появляется рѣка въ томъ мѣстѣ, гдѣ ея не было, и при томъ такая глубокая, что люди не находятъ брода черезъ нее; впрочемъ появленіе рѣки не поставлено въ прямую связь съ отверстіемъ, въ которомъ сидѣлъ конецъ ратовища, и кромѣ того это была рѣка не настоящая, а призрачная. Въ южной Россіи, именно въ Донскомъ войскѣ есть и другая могила съ сходнымъ именемъ, именно Саура (Труды VI археол. съѣзда въ Одессѣ, Од., 1887; т. IV, стр. 73), но объ ней легенды не сообщается.

Легенда о гибели Константинополя наложена въ житіи Андрея юродиваго (Макаріевскія Четьи-минеи, Спб. 1870, стр. 209—216) въ такомъ видѣ. Константинополю до кончины міра бояться нечего, никто не сдѣлаетъ ему зла, потому что онъ «данъ бо есть даромъ Богородицы, да никто же не можетъ отняти его отъ честныхъ рукъ ея». Передъ концомъ міра Господь посадитъ царя отъ нищеты. Время будетъ блаженное, бѣдныхъ не будетъ, господствовать будутъ правда и миръ, мечи и стрѣлы перекуются на серпы и косы. Этотъ царь процарствуетъ 32 года. Послѣ него будетъ царь нечестивый, затѣмъ третій царь будетъ «оселъ лютъ и отмѣтникъ Іисусъ Христовъ», который обратится въ языческую вѣру, подниметъ гоненіе на святыхъ, пожжетъ церкви и т. п. Послѣ него будетъ съ годъ царствовать одинъ добрый царь, потомъ «три бестудни уноши» будутъ владѣть вкупѣ, устроятъ сѣчу между собою и убьютъ другъ друга. Послѣ этой распри будетъ такое запустѣніе, что семь женъ будутъ искать одного мужа и не найдутъ, уцѣлѣвшія

[1]) Ср. съ разсказами объ Абатаѣ и о недонесенной имъ до мѣста статуѣ бога, о Шантиварманѣ, не донесшемъ до мѣста Авалокитешвару, и пр. См. выше стр. 117 и ниже, № 29.

дѣти выростутъ безъ надзора, какъ звѣри; тогда блаженны будутъ, «иже на горахъ и въ дупляхъ Господу служащіе». Тогда вступитъ на престолъ жена Модана (Μόνδιον), развратница, которая осквернитъ алтари, разрушитъ церкви, будетъ надсмѣхаться надъ безсиліемъ Бога и начнетъ въ гордости своей грозить небу и бросать въ него камни. Тогда Богъ разгнѣвается и «серпомъ силы своея посѣчетъ персть сущу исподи подъ градомъ и повелитъ водамъ, на нихъ же стоитъ городъ отъ вѣка, потопити его». На вопросъ, ложно или нѣтъ мнѣніе, будто св. Софія не будетъ потоплена, а повиснетъ на воздухѣ, Андрей сказалъ, что останется не затопленнымъ одинъ только столпъ, стоящій на торгу, «яко имѣетъ честныя гвозды»; за него проходящіе морскіе корабли будутъ вязать свои канаты. Вѣроятно это тотъ самый столбъ, о которомъ далѣе (стр. 202) разсказано: столпъ на торгу, «его же святый царь Константинъ, гордяся, постави, въ ней же честныи гвозды, иміже пригвождено было есть животворящее тѣло Христово, на стоящемъ верху болванѣ вложени суть въ славу Божію и въ покровъ и въ соблюденіе Цареву граду».

Въ лѣтописномъ разсказѣ о Ландармѣ разлива водъ нѣтъ. Вотъ разсказъ тибетскихъ лѣтописей. За нѣсколько поколѣній до Ландармы тибетскимъ царемъ былъ Сронцзанъ Гамбо, при которомъ главнымъ образомъ распространился и разцвѣлъ буддизмъ въ Тибетѣ; ему же Тибетъ обязанъ заведеніемъ прочнаго гражданскаго порядка; былъ учрежденъ совѣтъ, который удерживалъ знать отъ высокомѣрія и покровительствовалъ бѣднотѣ; драки, убійства находили достойную кару, распутники были изгоняемы въ ссылку. Этотъ государь царствовалъ 37 лѣтъ. Двѣсти лѣтъ спустя на тибетскій престолъ всходитъ Ландарма, «человѣкъ распутный, сластолюбивый, жестокій и деспотическій». Онъ былъ убитъ ламой Dpal-gyi rdo-rje изъ Lha-lung'a (W. Woodville Rockhill, The life of the Buddha, Lond., 1884, p. 211—226).

Дальнѣйшая судьба Тибета въ книгѣ Бодиморъ разсказана такъ. Послѣ смерти Ландармы, одна изъ его женъ осталась беременной; ожидавшагося ребенка разсчитывали сдѣлать царемъ; старшая жена царя, не желая потерять свое значеніе, придала себѣ ложный видъ беременности, и когда у дѣйствительно беременной родился сынъ, она взяла у одной нищей женщины ея новорожденнаго и выдала за своего сына. Впослѣдствіи эти два принца начали распрю, которая продолжалась сорокъ семь лѣтъ. Во время этой распри многое изъ того, что было возстановлено во время дѣтства царевичей, вновь было уничтожено (Schmidt, Gesch. d. Ost-Mong., 365). Ниже въ той же Бодиморъ разсказывается, что сынъ нищей женщины, попавшій незаконно на тронъ, воевалъ и съ двумя внуками законнаго наслѣдника, и заставилъ ихъ убѣжать въ страну Нгари. Шестьдесятъ лѣтъ спустя послѣ Ландармы буддизмъ былъ такъ разоренъ въ краѣ, что въ немъ не осталось ни одного архата; немногіе только спаслись бѣгствомъ въ страну Камъ и здѣсь скрывались въ горахъ. Чтобъ показать, до какой степени религія была истреблена, лѣтопись разсказываетъ о юношѣ, который случайно нашелъ въ разрушенномъ храмѣ статую святого, и не знаетъ что это такое; онъ спрашиваетъ о томъ какую-то старую женщину; та объясняетъ ему; а на вопросъ: «есть ли еще теперь святые?» она отвѣчаетъ, что когда она была дѣвочкой, были, но Ландарма истребилъ ихъ всѣхъ, и только немногіе скрылись въ Камъ (ib. 367).

Распря двухъ принцевъ пріурочена и къ другому быку царю, именно къ Бука-хану уйгурскому. Рашидъ-эддинъ въ переводѣ г. Березина (стр. 112) упоминаетъ Туко-хана; это вѣроятно Бука-ханъ, во первыхъ потому, что, какъ видно изъ подстрочнаго примѣчанія въ одной рукописи, первый слогъ не ту, а бу, а въ другихъ, за отсутствіемъ точекъ, неизвѣстно, какъ слѣдуетъ читать; во вторыхъ объ этомъ Туко-ханѣ говорится, что онъ родился отъ дерева, то есть говорится то же, что объ уйгурскомъ Бука-ханѣ (D'Osson, Hist. des Mongoles, t. I, p. 431; Radloff, Das Kudatku Bilik, St. P., 1891, Th. I, S. XLII). Далѣе Рашидъ-Эддинъ разсказываетъ, что у этого Туко-хана было два сына, которые послѣ смерти отца жили въ постоянной распрѣ. Это Таянъ-ханъ и Буйрукъ-ханъ. Рашидъ-эддинъ, слѣдуя монгольскимъ и китайскимъ лѣтописямъ, сдѣлалъ ихъ современниками Чингисъ-хана и заставилъ обоихъ погибнуть отъ руки послѣдняго. Г. Березинъ указалъ, что разсказъ объ этихъ двухъ принцахъ есть эпизодъ изъ исторіи царства Тукю (Труд. Вост. Отд. Арх. Общ., ч. V, стр. 265). Если изъ всѣхъ подробностей этой исторіи до Рашидъ-эддина дошелъ только одинъ этотъ эпизодъ, это значитъ, что этотъ эпизодъ былъ народной легендой; можетъ быть эта тема о братьяхъ соперникахъ попала не только къ Рашидъ-эддину, но даже и въ китайскую лѣтопись царства Тукю изъ народнаго эпоса.

Въ тангутской легендѣ потопъ не выдается за наказаніе за нечестіе царя и его народа; но съ такимъ значеніемъ онъ трактуется въ урянхайской легендѣ объ озерѣ Тере-норѣ и царѣ Ельд-

жигенъ-чикту (ельджигенъ монг. «оселъ»; чикту можетъ быть цокту «бѣшенный», «лютый»; см. Очерки, IV, 296) и особенно въ киргизской легендѣ объ озерѣ Иссыкъ-кулѣ и царѣ Джанибекѣ.

Легендъ о построеніи храма или дворца изъ Средней Азіи мы имѣемъ четыре: 1) о построеніи Менгу-цзу, 2) о построеніи Гэсэромъ Энгирэхэнъ-джу (Die Thaten, 46); 3) бурятскую о построеніи Бэджинъ-султана (Изв. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ., т. XIX, в. 3 (1888, стр. 22) и 4) о построеніи башни въ Scharung Gassur (Schmidt, Gesch. d. Ost-Mong., S. 33 и 39). Во всѣхъ четырехъ нѣтъ намека на камень шамиръ или его суррогаты. Не послужитъ ли это указаніемъ, что западныя версіи легендъ съ этой темой, но съ отсутствіемъ этой подробности, нужно отнести на счетъ сѣверной дороги (т. е. по сѣверную сторону Каспія), а отъ талмудической легенды производить только версіи съ шамиромъ?

Черты сходства Ласской легенды съ дуалистической легендой о сотвореніи міра:

1) Построеніе храма производится на водѣ («пупъ моря»).—Построеніе земли производится на водѣ.

2) Требуется искусство укрѣпить поверхность жидкой стихіи.—Нужно сгустить воду или настлать на ней твердую кору (Манджушри съ этой цѣлью превращается въ черепаху).

3) Царь не можетъ построить; требуется помощь или совѣтъ хитраго человѣка.—Богъ не можетъ построить; требуется помощь ловкаго дьявола.

4) Матеріалъ, который настилается на поверхность воды, доставляется пестрымъ быкомъ.—Матеріалъ (земля), который настилается на воду, доставляется въ алтайской сказкѣ (Оч., IV, 218) Ерликомъ; Ерликъ представляется ѣздящимъ на быкѣ, id. 71, 245; на статуяхъ онъ изображается съ бычьей головой [1]).

5) По окончаніи постройки участникъ ея, доставившій строительный матеріалъ (т. е. быкъ), обиженъ и заявляетъ объ этомъ.—По окончаніи строенія земли участникъ въ этомъ дѣлѣ, доставившій строительный матеріалъ (т. е. Ерликъ), вступаетъ въ споръ (Оч., IV, 219; Восточн. Обозр., 1882, № 7). У Шашкова («Шаманство въ Сибири» въ Запискахъ И. Русск. Геогр. Общ., 1864, кн. 2, стр. 32) разсказана повидимому тунгусская легенда о Бугѣ (буга потунгусски «богъ»), создавшемъ міръ, заимствованная изъ Сибирск. Вѣстника 1822 г., (ч. XIX, стр. 33). Все было покрыто водою. Буга послалъ на эту воду огонь, который сожегъ часть ея. Послѣ этого образовалась твердая земля. Сошедши на землю, Буга встрѣтился съ Буниикою (сатаною) и тотъ сталъ присвоивать твореніе міра себѣ. Буниика испортилъ у Буги 12 струнныя гусли. Буга предложилъ Буниикѣ вырастить сосну; у Буги изъ озера выросла прямая сосна, Буниикина же сосна не могла стоять прямо. Буниика призналъ превосходство Буги. Ср. съ монгольскими сказаніями о богахъ братьяхъ, спорящихъ изъ-за обладанія міромъ (Оч., IV, 269, 330; Восточн. Обозр., 1882, № 21 въ статьѣ г. Адріанова).

6) Быкъ обѣщаетъ отмстить; онъ возрождается царемъ и воздвигаетъ гоненіе на людей и преслѣдуетъ ихъ казнями.—Ерликъ становится подземнымъ царемъ; онъ насылаетъ смерть на людей. У Шашкова (въ Зап. И. Р. Геогр. Общ., 1864, кн. 2), Ерликъ дѣлаетъ это за то, что Чингисъ пустилъ въ него смертельную стрѣлу. По Шашкову Ерликъ былъ сынъ Чингиса, по Радлову (Вост. Об., 1882, № 7) онъ сынъ Ульгеня, творца земли.

7) Колодезь въ долинѣ, въ которой жилъ грѣшный лумбу Гвардамба, оттолкнулся и изъ него повалила вода.—Ерликъ ткнулъ въ землю посохомъ и когда вынулъ его, полѣзли гады и змѣи и распространились по всей землѣ.

8) Наводненіе остановлено; богъ, принявъ видъ вороны, принесъ камень, и положилъ на отверстіе. Это теперь островъ на оз. Хухуноръ (Пржевальскій, Трет. Путеш., 317; Rokhill въ Century, 1891, январь, 350) [2]).—Въ черемисской легендѣ кереметь прогрызъ отверстіе въ Новомъ ковчегѣ, но ужъ заткнулъ его своею головою.

---

[1]) Т. е. буддійскія изображенія Чой-чжала съ бычьей головой принимаются монголами за Ерлика.

[2]) По Пржевальскому два острова; одинъ принесенъ богомъ, другой брошенъ злымъ духомъ. Рокгиль приводитъ только китайское названіе острова: Lung-ch'ü tao, «островъ драконовыхъ жеребятъ». Это названіе основано на преданіи, что въ прежнія времена обитатели береговъ озера загоняли на островъ по первому льду своихъ кобылъ, а передъ таяніемъ льда кобылы возвращались съ жеребятами, которые, пришедши въ возрастъ, пробѣгали триста миль въ день. The Century, january 1891, p. 350.

Сказаніе объ Абатаѣ, представляя варіантъ первой части тангутской легенды, заключаетъ въ себѣ одну черту и изъ второй; именно Абатай, подобно Сронцзану, строитъ монастырь. Это могло случиться оттого, что редакторъ легенды объ Абатаѣ уже имѣлъ передъ собою сказаніе въ которомъ поѣздка за дзу и построеніе дворца уже были соединены. Въ сказаніи объ оз. Иссыкъ-кулѣ, которое соотвѣтствуетъ второй части тангутской сказки, эпизодъ о разливающемся озерѣ заимствованъ изъ первой части.

Повидимому въ такой же связности легенда эта разсказывалась уже въ Хотанѣ, гдѣ китайскій монахъ Сюань-цань въ VII в. нашелъ какъ будто отрывки тангутской легенды. Сынъ царя Дань-ша-си-ло былъ ослѣпленъ однимъ изъ князей; царь сослалъ этого князя на сѣверъ за снѣжныя горы; потомки сосланнаго были завоеваны сосѣднимъ восточнымъ владѣльцемъ, который повелъ покоренный народъ внутрь страны, гдѣ задумалъ строить городъ, но не зналъ, какъ приступить къ постройкѣ. Явился какой-то странникъ съ тыквой за спиной; онъ, проливая воду изъ тыквы, сдѣлалъ кругъ и исчезъ. На этомъ мѣстѣ начали строить и воздвигли дворецъ царю. Выливаніе воды напоминаетъ кропленіе молокомъ козы въ тангутской легендѣ, а обведеніе круга карѳагенскую легенду, которую въ примѣненіи къ Лассѣ слышалъ Пржевальскій (Трет. Путеш., 333). Другая хотанская легенда разсказываетъ о китайской царевнѣ, которая, будучи просватана за хотанскаго князя, украдкой привезла съ собой шелковичнаго червя. Тема объ остановившемся среди пути богѣ также была примѣнена къ окрестностямъ Хотана (см. Abel Rémusat Histoire de la ville de Khotan, Paris, 1820, pp. 34, 37, 53). И такъ здѣсь соединены черты: сватаніе за китайскую царевну, похищеніе источника благоденствія у тестя, остановка на пути, по нежеланію статуи бога двигаться дальше, постройка дворца, которая не удается, пока не является искусный совѣтникъ; наконецъ въ смутной связи ослѣпленіе и изгнаніе. Вѣроятно въ Хотанѣ находилась своя дзу, съ которой были связаны тѣ же легенды, что разсказываются теперь о ласскихъ дзу. Хотанскій разсказъ о соскѣ земли, выросшемъ, чтобы кормить ребенка, ставшаго потомъ первымъ царемъ Хотана, въ тангутской легендѣ можно приравнять къ той горѣ, которая ежегодно выростаетъ въ Лассѣ [1]), а хотанскій разсказъ о барабанѣ, который звенитъ, предсказывая войну, къ тому знамени, которое оказывало ту же услугу, измѣняя свой цвѣтъ. Въ монгольскомъ Эрдени-дзу на Орхонѣ сходное свойство приписывается изваяннымъ собакамъ [2]).

Наконецъ тему о разлившемся озерѣ находимъ въ тѣхъ хотанскихъ легендахъ, которыя недавно обнародованы въ журналѣ Бенгальскаго азіатскаго общества (Journal of the Asiatic Society of Bengal, vol. LV, part I, № 111, 1886, статья Buddhist and other legends about Khoten by Babu Sarat Chandra Das) по индійскимъ и тибетскимъ источникамъ. Эти источники даютъ Хотану имя Ли-юль; ли значитъ колокольный металлъ по тибетски, юль—страна. Индійцамъ Хотанъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Chandana, которое было потомъ распространено на весь Китай. Въ древности здѣсь сильно была распространена святая вѣра (буддизмъ) и святые пребывали на горѣ Ли-юля, но потомъ, когда невѣрные стали преслѣдовать ихъ, они возлетѣли на воздухъ и удалились, а Ли-юль сталъ озеромъ. Впослѣдствіи Сакіамуни посѣтилъ Ли-юль; онъ приказалъ Shariputra'ѣ проткнуть гору своимъ трезубцемъ, а Vaisramana'ѣ кинуть въ нее своимъ копьемъ, и воды ушли изъ долины. Ср. съ легендой у Даранаты о построеніи храма Сомапури, стр. 205: брошенный предметъ на середину озера, высыханіе озера и построеніе храма на днѣ его.

---

[1]) Сл. Nouveau journ. asiat., 1829, t. IV. 27 числа первой луны бываетъ праздникъ «изгнаніе царя демоновъ». Одинъ лама одѣвается дьяволомъ, споритъ съ Далай-ламой и убѣгаетъ въ степь, гдѣ остается, пока не истребитъ приготовленнаго для него на нѣсколько мѣсяцевъ запаса. За нимъ гонятся ламы, стрѣляя изъ лука и пушекъ. Царь демоновъ называется (по китайски?) Nieou to vang.

[2]) Въ книжномъ сказаніи о Чингисъ-ханѣ у Шудургу рыжая черномордая собака—вѣщунья лаемъ предсказываетъ нашествіе непріятеля (Алт. Тобчи, 140). Въ разсказѣ Сананъ-Сэцэна однорогая лань ssaru предчувствуетъ нашествіе Чингисъ-хана на Индію, выбѣгаетъ къ нему на встрѣчу на перевалъ Dschadanaringun dabagha, троекратно преклоняетъ колѣни и предотвращаетъ нашествіе (Gesch. d. Ost-Mong., 90—91). О животныхъ, изображаемыхъ надъ воротами ламайскихъ храмовъ, по сторонамъ колеса вѣры (хорло легенда, что они выбѣжали изъ лѣсу, когда Будда началъ проповѣдь (пустилъ въ обращеніе колесо вѣры) и, преклонивъ колѣни, слушали его (Поздѣевъ, Очерки быта будд. монаст., 38). Я слышалъ въ Ордосѣ только, что это добрыя животныя, которыя, заслышавъ ссору, выбѣгаютъ и умиротворяютъ ссорящихся. Въ нашихъ былинахъ нашествіе предчувствуетъ дѣвица, которая ходитъ по городской стѣнѣ и плачетъ и которую видятъ молодые туры.

Послѣдній эпизодъ—объ убіеніи царя съ бычьей головой—ср. съ сказкой о Балынъ-сенге (Оч., IV, 242), съ послѣдней главой Шиддикура (Этн. Сб., VI, изд. Геогр. Общ.), и съ египетской сказкой о двухъ братьяхъ. Ослѣпленіе лумбу Гвардамбы можно принять за слѣдъ темы кровосмѣшенія, исчезнувшей изъ сказанія (ср. Едипъ, Кунала, сынъ Асоки). Не былъ ли Гвардамба младшій братъ Сронцзана, несправедливо заподозрѣнный въ связи съ женой царя или въ желаніи присвоить его невѣсту, или оклеветанный самой царицей и ослѣпленный по ея навѣту, въ родѣ нашего калики Касьяна? Темы ослѣпленія въ египетской сказкѣ нѣтъ; въ ней есть, вмѣсто того, оскопленіе, которое совершаетъ надъ собою младшій братъ послѣ того, какъ бѣжалъ отъ старшаго. По словамъ Масперо, гораздо естественнѣе разсказывается въ исторіи о Combabos (Les contes populaires dé l'Egipte ancienne, par G. Maspero, Paris, 1882, p. XVIII), гдѣ младшій братъ оскопляется ранѣе оклеветанія, такъ что удостовѣреніе оскопленія служитъ ему поводомъ къ оправданію въ клеветѣ. У Сюань-цаня есть разсказъ объ оскопленіи въ связи съ подозрѣніемъ въ кровосмѣшеніи, хотя и отнесенный не къ Хотану, а къ другому городу (St. Julien, Memoire sur les contrées occident., t. I, p. 8). Сопоставляя тангутскую и египетскую сказки, лумбу Гвардамбу придется приравнять къ Bitiou, Сронцзана къ Анпу, а Ландарму къ царю, отнявшему жену у Bitiou; при сопоставленіи же съ варіантомъ, записаннымъ нами (Оч., IV, 242), Гвардамба будетъ соотвѣтствовать двулдзуку или Балынъ-сенге, Сронцзанъ—Бамба-шиту, а Ландарма — царю, отнявшему жену у двулдзука [1]). Въ тангутской сказкѣ для убіенія царя введенъ новый персонажъ; не развивалась ли сказка въ такомъ видѣ: Сронцзанъ и Ландарма было одно и то же лицо, а Гвардамба былъ младшій братъ Сронцзана, оклеветанный и ослѣпленный; онъ мститъ своему злому старшему брату и убиваетъ его? Такое предположеніе могло бы объяснить, почему связь между двумя частями тангутской легенды, въ настоящей редакціи совершенно внѣшняя, удерживается въ самостоятельно разсказываемыхъ варіантахъ о поѣздкѣ за дзу съ одной стороны и о постройкѣ царскаго дворца съ другой.

Бурятскій разсказъ о постройкѣ дворца Бэжинъ сулганъ (Изв. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Г. О., т. XIX, № 3 (1888), стр. 22) ставитъ эту тему въ связь съ разсказомъ объ обычаѣ умерщвлять стариковъ. Въ Александріи тема о старикѣ, обреченномъ смерти, находится въ связи съ поѣздкой для отысканія животворной воды; и здѣсь та же связь между разсказомъ о постройкѣ дворца и поѣздкой за источникомъ благоденствія.

Тибетское сказаніе и классическій миѳъ о Минотаврѣ. Аѳины должны ежегодно поставлять въ жертву Минотавру семь юношей и семь дѣвицъ; Ландармѣ по очереди поставлялись юноши и дѣвицы для бритья его головы, послѣ чего онъ приказывалъ казнить ихъ. Тезей, убійца быка Минотавра, соотвѣтствуетъ убійцѣ Ландармы, Балъ-дорчжи. Дѣвица Аріадна стоитъ на мѣстѣ невѣсты тибетскаго царя. Аріадна не доѣхала до Аѳинъ; на островѣ Наксосѣ она заснула и Тезей оставляетъ ее тутъ, подобно тому, какъ Абатай, въ монгольскомъ сказаніи оставляетъ, половину статуи (Эрдэни-дзу?) на перевалѣ; въ тибетскомъ варіантѣ эта тема ослаблена и является въ видѣ кратковременной пріостановки на перевалѣ. Нить Аріадны можно видѣть въ той шелковой ниткѣ, которую тибетскій вельможа Гвардамбо долженъ продѣть черезъ лабиринтъ внутри бусины.

Постройка лабиринта имѣетъ себѣ параллель въ постройкѣ Ласскаго лабрана; для первой потребовалась мудрость Дедала, для второй мудрость Гвардамбы: и въ классическомъ и въ тибетскомъ разсказѣ участвуетъ скалистый островъ, одиноко поднимающійся изъ водъ, но исторія появленія острова различна. И здѣсь, то есть въ классическомъ миѳѣ, мы имѣемъ смѣшеніе темъ изъ первой и второй половины тибетскаго сказанія; постройка лабиринта, истребитель людей Минотавръ, герой, убивающій его—это темы изъ второй половины. Увозъ Аріадны, нить Аріадны—темы изъ первой половины. Отецъ Тезея Эгей, отпуская сына, велѣлъ ему поднять на кораблѣ черные паруса, и, возвращаясь, въ случаѣ благопріятнаго исхода предпріятія, перемѣнить черные паруса на бѣлые. Въ нашемъ варіантѣ тибетскаго сказанія полнаго соотвѣтствія съ этой подробностью нѣтъ; но перемѣна цвѣта въ связи съ возвращеніемъ побѣдителя зла стоитъ въ легендѣ—лошадь мѣняетъ масть, черную на бѣлую.

Въ нашемъ варіантѣ убійца Ландармы избавляется отъ дальнѣйшаго преслѣдованія благодаря пауку (см. выше стр. 200); но у Шмидта (Gesch d. Ost-Mong., 364) и у насъ въ разсказѣ № 44 убійцѣ Ландармы приписывается та же хитрость: окрашеніе бѣлаго коня въ черный цвѣтъ,

[1]) Ландарма не гандарва ли, измѣненное домышленіемъ подъ вліяніемъ образа быка —царя? гЛангъ «быкъ» по-тибетски.

который во время переправы черезъ рѣку омылся. Тибетское сказаніе изъ классическаго удержало одну только общую идею: смѣну черной окраски бѣлою.

Смѣна цвѣта лошади находится въ кельтскомъ сказаніи о смерти Кухулина. Сообщеніемъ этого эпизода мы обязаны Е. В. Балобановой; вотъ онъ: Въ Ульстерѣ въ долинѣ Муртемни (maig — долина) каждый годъ собирались на праздникъ, длившійся три дня до и три дня послѣ samfuin'a, т. е. лѣтняго солнцестоянія. На этотъ праздникъ обыкновенно привозили богиню войны Mor-serne: mòr «великая», serne, sern «война». Но на этотъ разъ богиня не хотѣла ѣхать, и сломала колесницу, которую приготовилъ Кухулинъ для нея, потому что знала, что Кухулинъ погибнетъ послѣ samfuin'a въ maig la Ultu, т. е. въ долинѣ Ульстера. «Сѣрый изъ Маха», конь Кухулина не далъ себя запрячь, потому что зналъ, что Кухулинъ погибнетъ и т. д. Такимъ образомъ все предостерегало Кухулина, но онъ, разсердясь, оставилъ богиню на мѣстѣ, въ Эмайкѣ, вскочилъ на «Сѣраго изъ Маха», и поѣхалъ къ югу воевать съ людьми Конда или Конна. Опять слѣдуетъ цѣлый рядъ предостереженій и угрожающихъ встрѣчъ и, наконецъ, переплывая рѣку въ виду непріятеля, «Сѣрый изъ Маха» обратился въ бѣлаго, какъ снѣгъ, коня, такъ что люди Конда узнали его и всадника только тогда, когда Кухулинъ бросилъ рукояткой впередъ свой мечъ, пронзившій девять череповъ стражей и убилъ девять человѣкъ, стоявшихъ позади нихъ. За тѣмъ слѣдуетъ подробное описаніе смерти сначала управляющаго колесницей Кухулина, откуда-то явившагося тутъ, потомъ коня, а затѣмъ и Кухулина. Этотъ варіантъ еще никѣмъ не переведенъ и переданъ здѣсь только въ пересказѣ г-жи Балобановой. Существуетъ нѣсколько варіантовъ о смерти Кухулина; одинъ изъ нихъ переведенъ Скене на англійскій языкъ (Revue Celtique, t. V); г-жа Балобанова пересказала эпизодъ по книгѣ Ленстера въ «Пантеонѣ Литературы» за май 1890, но въ немъ нѣтъ этой подробности. Варіантъ Скене, и помѣщенный въ «Пантеонѣ» оба гораздо короче и несомнѣнно христіанскаго времени, потому что убитый Кухулинъ является предвозвѣстникомъ Христа и поетъ о «днѣ судномъ».

См. ниже № 37.

28. ДЗАНДАНЪ-ЧЖУ ВЪ ПЕКИНѢ.

(Китайскій).

Китайскій ханъ увидѣлъ однажды во снѣ ночью, будто онъ выстрѣлилъ изъ лука на западъ. Утромъ онъ собралъ свѣдущихъ людей и спросилъ, что этотъ сонъ значитъ. Тѣ ему отвѣчали, что на западѣ родился богъ. Тогда ханъ послалъ на западъ двухъ своихъ вельможъ Ми-омоктай и То-омоктай[1]). Тѣ поѣхали на западъ въ Индію къ Алтанъ-хану; прибывъ туда, они объявили, что ихъ китайскій ханъ видѣлъ сонъ, который означаетъ, что на западѣ родился богъ, и что вотъ они присланы просить этого бога. Алтанъ-ханъ говоритъ имъ: «Богъ Шикчжи-муни уже умеръ; мясо спало съ костей, остались однѣ голыя кости». Послы попросили позволенія взять кости. Получивъ ихъ, они отвезли ихъ въ Пекинъ. Китайскій ханъ велѣлъ смолоть ихъ, смѣшать съ глиной и слѣпить статую въ томъ видѣ, какой богъ имѣлъ во время жизни. Когда статуя была готова, ханъ велѣлъ поклоняться ей. Вельможи отказались, сказали, что имъ недосугъ, вѣдаемъ уголовныя дѣла, судимъ гражданскія тяжбы, бумаги пишемъ. Ханъ велѣлъ крестьянамъ поклоняться статуѣ; тѣмъ тоже недосугъ; пашню надо пахать. Кто же будетъ поклоняться богу? воскликнулъ ханъ. Тогда одинъ вельможа сказалъ: «Въ тюрьмѣ

[1]) Омокъ—поколѣніе, родъ; одинъ вельможа изъ фамиліи Ми, другой изъ фамиліи То.

сидитъ одинъ преступникъ, убившій человѣка. Онъ долженъ быть казненъ. Ханъ! ты не казни его, а отпусти на волю и прикажи ему, пусть онъ покланяется богу, а чтобъ люди знали его, вели ему обрить голову, перекинуть черезъ плечо оркимджи [1]) и пусть онъ по звону колокола приходитъ въ суме [2]) молиться и живетъ милостыней». Ханъ одобрилъ совѣтъ, велѣлъ отпустить изъ тюрьмы убійцу, велѣлъ обрить ему голову и далъ ему имя: хэшанъ [3]).

Сантанъ-джимба.

Дзанданъ по монгольски сандальное дерево. Исторія пекинской джу изъ сандальнаго дерева передана по статьѣ А. О. Ивановскаго въ примѣчаніи къ предъидущей статьѣ (см. выше стр. 206).

---

29. АБАТАЙ-САИНЪ-ХАНЪ.

(Монгольскій).

Абатай-саинъ-ноинъ-ханъ велъ войну съ тибетскимъ царемъ (Тубутъ онгуренъ ханъ); тибетскій царь сталъ просить мира и спрашиваетъ Абатай-саинъ-ноинъ-хана, что онъ потребуетъ, чтобъ заключить миръ. Абатай-саинъ-ноинъ-ханъ сказалъ: «Отъ Банчень-эрдени я желаю взять амит'-дзо [4]), а отъ Далай-ламы его голову». И Баньчень-эрдени и Далай-лама согласились дать то, что просилъ Абатай-саинъ-ноинъ-ханъ. Когда Абатай пришелъ къ Баньчень-эрдени просить амит'-дзо, Баньчень-эрдени указалъ ему на рядъ боговъ и сказалъ, чтобъ онъ самъ отыскалъ, который изъ нихъ амит'-дзо. Абатай-саинъ-ноинъ-ханъ не знаетъ, какъ отличить амит'-дзо. Къ кому ни обратится съ распросами, всѣ отказываются, изъ боязни, что тибетскій царь отрубитъ голову. Абатай-саинъ-ноинъ-ханъ спрашиваетъ одну шибукчи (служанку), не знаетъ ли она. «Знаю», говоритъ шибукчи, «но боюсь сказать. У хана есть такіе люди, которые сейчасъ узнаютъ, кто сказалъ». Абатай говоритъ: «Я придумаю средство обмануть ихъ. Ты сядь въ котелъ, наполненный водой; я прикрою тебя бурхеремъ [5]), сверхъ его поставлю чашку съ водой; ты просунь въ устье бурхеря мѣдную трубу и черезъ неё передай секретъ!» Такъ и сдѣлали. Шибукчи сказала: «Прикладывай руку къ груди каждой статуи; у амит'-дзо будетъ слышно, какъ стучитъ сердце». Когда Абатай-саинъ-ноинъ-ханъ узналъ амит'-дзо, тибетскій ханъ сказалъ: «Это кто-нибудь выдалъ тайну!» Онъ призвалъ шарь-цзурхайчи и велѣлъ ему гадать. Шарь-цзурхайчи отвѣчалъ: «Выдала тайну женщина шибукчи съ бронзовой задницей, съ молочными внутренностями, съ деревяннымъ туловищемъ,

---

[1]) Оркимджи—кусокъ сукна, въ которое драпируютъ свой торсъ буддійскіе монахи.
[2]) Суме—храмъ.
[3]) Хэшанъ—китайское имя буддійскихъ монаховъ.
[4]) Амиту—живой, одухотворенный.
[5]) Колпакъ на винокуренный котелъ.

съ мозгомъ изъ растопленной бронзы и съ мѣднымъ носомъ» (ширмынъ [1]) боксётай сюнъ гедистай модонъ бiитей ширмынъ усунъ тарихтай дзесь хошутай шибукченъ емь хельчигобо). Ханъ осердился на вздорный отвѣтъ и велѣлъ шарь-цзурхайчи'я разорвать на части и бросить въ воду. За тѣмъ онъ призвалъ ламъ и имъ велѣлъ посмотрѣть въ книгахъ. Ламы повторили слова ворожеи: «Выдала тайну женщина шибукчи съ бронзовымъ задомъ, съ молочными внутренностями, съ деревяннымъ туловищемъ, съ мозгомъ изъ растопленной бронзы и съ мѣднымъ носомъ» [2]). Тогда царь подумалъ, что шарь-цзурхайчи былъ правъ. Онъ отдалъ амит'-дзо, но не хотѣлъ отдать голову Далай-ламы. Онъ окружилъ Далай-ламу солдатами. Въ это время Далай-лама умеръ. Тѣло его положили на костеръ и зажгли. Черепъ Далай-ламы отлетѣлъ и упалъ въ колѣни Абатай-саинъ-ноинъ-хана. Ханъ быстро схватилъ его и тайкомъ передалъ назадъ себя своимъ слугамъ. Тѣ разрѣзали у верблюда кочку, заложили въ нее черепъ Далай-ламы, прикрыли кожей и зашили. Тибетскій царь велѣлъ обыскать караванъ Абатай-хана; осмотрѣли всѣ мѣшки, но черепа Далай-ламы не нашли. Абатай-саинъ-ноинъ-ханъ отправился домой. Дорогой въ горахъ онъ увидѣлъ сарлыка; онъ поймалъ его и привелъ съ собой въ Халху. Съ этого времени стали въ Халхѣ разводить сарлыковъ. Тибетскіе ламы, недовольные тѣмъ, что Абатай-саинъ-ноинъ-ханъ увезъ амит'-дзо и черепъ Далай-ламы, слѣпили изъ муки животное, въ которомъ одномъ вмѣстили свойства двѣнадцати животныхъ двѣнадцатилѣтняго цикла; они дали ему туловище дракона, хвостъ змѣи, гриву лошади, губу зайца, задъ обезьяны, хохолъ курицы, животъ свиньи, копыто коровы, глазъ тигра, ухо мыши и когти собаки (лунъ бiитей могоисте сультей мористе дельтей тулаисте урултай мечисте бохотой хонисте носутай тахесте урбюлюктей гахаисте гедистей ухуристе торутай баристе нюдутей хулугунаисте чикитей нохоисте хомустей). Звѣрь вышелъ страшный; ламы пустили его въ погоню за Абатай-саинъ-ноинъ-ханомъ, но Абатай велѣлъ своимъ ламамъ читать номъ; этимъ чтеніемъ они укротили верблюда и сдѣлали изъ него смирное вьючное животное.

Талай-чокуръ-ванъ есть потомокъ Абатай-саинъ-хана, а о трехъ гэгэнахъ Заинъ-гэгэнъ, Ламынъ-гэгэнъ и Ширету-гэгэнъ говорятъ, что это Шареголынъ гурбанъ ханъ, «три хана шарегольскихъ».

Джамсэрэнъ, лама, изъ халхаскаго хошуна Талай-чукуръ-вана на Едерѣ.

См. Очерки, IV, 332—341; Живая Старина, 1891, кн. III, стр. 238, У г. Позднѣева въ книгѣ «Монгольская лѣтопись», Спб., 1883, стр. 90. Если Абутай или Абатай дѣйствительно существовалъ, то значитъ народная легенда перенесена на историческое лицо. Почему легенда о введеніи буддизма прикленлась къ этому имени, объ этомъ должны сказать занимающіеся монгольской исторіей? Обыкновенно преданію дается такое толкованіе, что послѣ Чингисъ-хана буддизмъ въ

[1]) Ширама—потибетски бронза. Сообщ. А. А. Ивановскій.

[2]) Это новидимому загадка о винокуренномъ снарядѣ. Ср. съ монгольской загадкой: дурбунъ эмегенъ ельгинъ еджи, нигенъ эмэгенъ боксенъ еджи, «четыре старухи грудь грѣютъ, одна старуха задницу грѣетъ». Таганъ и котелъ.

Монголіи палъ и что при Абатаѣ онъ вновь сталъ процвѣтать. Банзарову не нравилось такое объясненіе; онъ считалъ невѣроятнымъ, чтобъ народъ могъ забыть религію, если онъ ее уже исповѣдывалъ; чтобы не отвергнуть легенды о новомъ введеніи буддизма, Банзаровъ полагалъ, что при Чингисъ-ханѣ буддизмъ имѣлъ успѣхи болѣе при дворѣ и между знатью, нежели въ самомъ народѣ.

Вопросъ объ имени Абатай рѣшается такъ: если Абатай историческое лицо, то значитъ въ легендѣ прежде стояло другое имя, Абатай вошло въ легенду случайно и этимологія его ни какого значенія для исторіи легенды не имѣетъ; если же имя Абатай составляетъ неотдѣлимую принадлежность легенды, тогда историческое значеніе преданія объ Абатаѣ становится сомнительнымъ.

Монгольское преданіе объ Абатаѣ есть повтореніе легенды о Шантиварманѣ, разсказанной Даранатой; она уже указана нами выше на стр. 17-й. Сходныя черты: 1) отдаленное странствованіе для приглашенія бога придти въ страну; 2) женщина выручаетъ Шантивармана изъ затрудненія, когда онъ достигъ мѣстопребыванія бога; (она указываетъ ему входъ въ жилище бога, который Шантиварманъ тщетно ищетъ; въ преданіи объ Абатаѣ выручающая его женщина названа привратницею; не представляетъ ли легенда о Шантиварманѣ переходъ отъ тангутскаго разсказа о сватаньѣ китайской царевны и о бусинѣ съ кривымъ каналомъ внутри къ классическому мину о лабиринтѣ?); 3) остановка бога на полупути, не дошедши до страны. Въ монгольской легендѣ богъ остановился на перевалѣ: идея высокаго мѣстоположенія есть и въ сказаніи о Шантиварманѣ; богъ помѣстился на деревѣ. Четки (или ожерелье) въ монгольской легендѣ также упоминаются; см. Очерки, IV, 334 [1]).

Шантиварманъ доставилъ въ свою страну бога Авалокитешвару, т. е. Арья-Бало; поэтому можно думать, что и въ монгольскомъ разсказѣ первоначально стоялъ Арья-Бало вмѣсто Гомбогура или Эрдэни-цзу. Арья-Бало, главный покровитель буддизма, болѣе, чѣмъ другая фигура, соотвѣтствуетъ мѣсту въ легендѣ о введеніи буддизма въ страну. Это ведетъ къ другому предположенію: Галданъ, напавшій на монастырь Эрдэни-цзу (см. Очерки, IV, 410) выковыриваетъ драгоцѣнность (эрдэни) изъ чела Арья-Бало, а не какого-либо другого бога [2]).

Въ рукахъ у Галдана какое-то вращающееся орудіе (Оч., l. c.); не стоитъ ли оно въ связи съ хорло, «колесомъ вѣры», которое соединено съ идеей о исповѣданіи буддизма? Первая проповѣдь Будды символизируется первыми оборотами вращающагося тысячерадіуснаго колеса. Хорло изображается на крышѣ каждаго буддійскаго храма, на переднемъ, т. е. на южномъ фасадѣ зданія, надъ входомъ въ храмъ. По сторонамъ хорло всегда находятся изображенія двухъ животныхъ въ родѣ ланей. Въ легендахъ о монастырѣ Эрдэни-цзу упоминаются какія-то двѣ собаки, которыя лаютъ во время опасности, угрожающей монастырю (см. Очерки, IV, 410; въ Лассѣ то же свойство приписывается какому-то зонту; см. выше стр. 203). О ланяхъ, своимъ появленіемъ и колѣнопреклоненіемъ отвратившей нашествіе Чингисъ-хана на Индію, см. у Сананъ-Сэцэна (Gesch. d. Ost-Mong., 89).

Ниже будетъ указано на темы, соединенныя съ именемъ Ончонъ; такъ назывался братъ Галдана. Въ передачѣ Гэсэра, которую я слышалъ отъ ордосскаго монгола Пунцука, упоминался Анчинъ; это Андзанъ варіанта, записаннаго Хангаловымъ (см. выше, стр. 98) и Nandson въ Thaten у Шмидта; ср. картину, какъ этотъ богатырь одиноко въ степи лежитъ раненый и ждетъ кончины, съ эпизодомъ о больномъ оспою, брошенномъ въ степи и оставшемся одинокимъ Ончономъ. Въ Алтанъ-Тобчи Анчи-анду-шира и Галдзагу-чингъ-тайши, во время похода Чингисъ-хана на Ваньчика двурчитскаго, спрудили воду въ рѣкѣ, чтобъ облегчить войску переправу (стр. 17); у Сананъ-Сэцэна (стр. 75) это сдѣлалъ Andun-Tsching-Taidschi. О. Палладій сообщаетъ, что Хасаръ, братъ Чингиса и Анчинъ, братъ Бортѣ-(фучжинь) получили въ удѣлъ урочище Кулѣръ-Ундургинь (Труд. пек. дух. мисс., IV, стр. 236, прим. 507).

О другихъ отношеніяхъ Галдана къ сказанію о Гэсэрѣ см. выше, стр. 129. Эпизодъ объ Андзанѣ находится въ главѣ о ширайгольской или хорской войнѣ, которой въ русскомъ былинномъ эпосѣ, по нашему мнѣнію, соотвѣтствуетъ татарскій наѣздъ на Кіевъ. Андзану или Анчину соотвѣтствуетъ Ермакъ или Михайло Даниловичъ; Данило Игнатьевичъ будетъ соотвѣтствовать Галдану. Галданъ былъ монахъ, но узнавъ о насильственной смерти своего брата Ончона, оставляетъ монастырь и беретъ въ руки мечъ. Въ тангутскомъ варіантѣ это кажется Кала-мэмбыръ.

---

[1]) На китайскихъ картинахъ, изображающихъ Гуань-инъ-пусу (Арья-Бало), голубь несетъ богинѣ четки.

[2]) У Даранаты (Schiefner, Târanâtha's Gesch. des Buddhismus, 1869, S. 157) богиня Дара сама вынимаетъ украшенія изъ своего изображенія и отдаетъ бѣдной невѣстѣ.

Преданіе объ Абатаѣ должно быть дополнено изъ параллельныхъ легендъ: 1) о Джу-Рембучи 2) о Эртэне-мергенѣ (Оч., IV. 416) и о Шантиварманѣ, а также о Эрдэни-Хараликѣ (Schmidt, Gesch. d. Ost.-Mong., 425—488). Вѣроятно первоначальный видъ сказанія былъ такой. Герой сказанія привозилъ изъ какого-то отдаленнаго края дѣвицу, имѣвшую свойство приносить счастье народу, среди котораго она жила (Эрдэни-Хараликъ). Позднѣе явилось двѣ версіи: о привозѣ невѣсты и о привозѣ бога, приносящаго счастье. Затѣмъ обѣ темы сводятся и образуютъ версіи 1) герой привозитъ невѣсту и вмѣстѣ съ тѣмъ приносящаго богатство бога (Эртэне-мергенъ); 2) герой привозитъ невѣсту, которая старается захватить съ собой бога, приносящаго счастье (Ласская легенда, нашъ № 27).

Женщина привратница можетъ быть была та самая женщина, которая составляла цѣль поѣздки (ср. въ сказкахъ о Эрдэни-Хараликѣ у Шмидта и о Эртэне-мергенѣ). Она сама помогала пріѣхавшему за ней совѣтами, являясь ему въ обращенномъ видѣ. Не сама ли невѣста также открыла амдосцу Гвардамбо секретъ, какъ вдѣть въ бусину нитку? Такая женщина, сноровляющая похитителю, бываетъ обыкновенно или старой его женой, увезенной противникомъ, или женой, улетѣвшей подъ видомъ лебедя. Не разсказывалось ли и объ Абатаѣ, что онъ ѣздилъ возвращать удалившуюся въ видѣ лебедя жену подобно Тунгъ-Каратты-хану (Оч. IV, 373), или Мани-Ветыръ-хану (Оч., IV, 523)?

Укрощеніе верблюда (теменъ) вѣроятно приписывалось самому Абатаю. Ср. съ разсказомъ объ укрощеніи верблюда въ Очеркахъ, II, 167. Этотъ послѣдній разсказъ о верблюдѣ и пронятомъ его носѣ не относится ли къ Большой Медвѣдицѣ, которая движется какъ будто на привязи у Полярной Звѣзды?

Абатай не могъ привезти въ Монголію цѣлую статую; онъ долженъ былъ отрубить задъ и вывезъ только одинъ торсъ (Очерки, IV, 333 и слѣд., Жив. Ст., l. c.). Ср. дѣти Бурте-убугуна не могли вывезти цѣлое тѣло своего отца, отрубили ему голову и только голову вывезли. См. прим. къ № 65.

---

30. ДЖОЛМА-НУРМУ.

(Тангутскій).

Было два монастыря, въ которыхъ жили сангаспа [1]). Тогда ламъ еще не было и всѣ монастыри были наполнены сангаспами. Западный монастырь былъ богатый; воды было много, горы были покрыты лѣсомъ и зеленью, скотъ плодился. Въ восточномъ жили бѣдно; воды не было, горы были голыя, скотъ не плодился. Монахи восточнаго монастыря узнали, что въ озерѣ около западнаго монастыря есть эрдени, отъ котораго и происходитъ обиліе всякихъ благъ. Они послали одного сангаспа украсть эрдени. Жила около западнаго монастыря одна бѣдная женщина съ сыномъ, сынъ рубилъ дрова и тѣмъ питалъ мать. Его встрѣтилъ одинъ старикъ и говоритъ: «Придетъ сангаспа съ цѣлью украсть эрдени; разоставитъ по берегу сто иголокъ и тогда озеро закипитъ. Въ это время ты схвати его». Тотъ такъ и сдѣлалъ. Сангаспѣ не удалось украсть эрдени. За это старикъ сыну бѣдной женщины далъ орудіе для ловли. Сынъ пришелъ къ матери и говоритъ, что онъ будетъ жениться. Онъ пошелъ къ діянчи [2]), сидѣвшему въ пещерѣ и

---

[1]) Особая секта буддистовъ.

[2]) Діянчи—отшельникъ.

спросилъ его, гдѣ бы ему найдти невѣсту. Діянчи говоритъ, что сюда на озеро приходитъ дѣвица, что её можно изловить только тѣмъ орудіемъ, которое онъ получилъ отъ старика на озерѣ, и поставилъ его за дерево. Этотъ человѣкъ увидѣлъ дѣвицу сквозь листья и, накинувъ на неё свою ловушку, поймалъ её за золотой браслетъ (алтынъ багы). Онъ привелъ ее къ матери; та говоритъ: «Это небесная дѣва! Гдѣ тебѣ на ней жениться!» Юноша говоритъ матери: «Я слышалъ, что царевичъ Ямантака (по тибетски Джибджи) ищетъ жену, я отдамъ её ему». И онъ отвелъ дѣвицу къ Ямантакѣ. У хана, отца Ямантаки, былъ вельможа. Онъ говоритъ хану: «Ямантака женился на красавицѣ. Приличнѣе было бы эту дѣвицу тебѣ взять въ свои жены». Ханъ велѣлъ убить сына, чтобы присвоить его жену. Но дѣвица надѣла на свою голову золотой вѣнецъ съ цвѣтами, въ которомъ она была найдена на озерѣ и, взявъ царевича подъ мышку, поднялась съ нимъ; спустившись на озеро, она поставила царевича на землю, а сама улетѣла на небо, оставивъ царевичу золотой браслетъ. Царевичъ отправился искать её. Подошелъ къ двумъ бодающимся скаламъ; за ними источникъ, къ которому пришла съ золотымъ кувшиномъ младшая сестра (оркюнъ-дю) жены царевича. Онъ говоритъ ей: «Оглянись назадъ!» и когда дѣвушка отвернулась, онъ опустилъ ей въ кувшинъ золотой браслетъ. Дѣвушка ушла. Поливая сестрѣ на руки, она приговаривала: «Мойся еще!» «Довольно, довольно!» говоритъ та, а эта все свое: «Еще, еще мойся!» И, обернувъ кувшинъ вверхъ дномъ, вылила остатки; браслетъ упалъ въ руки старшей царевны. Она говоритъ: «Мой мужъ пришелъ!» Послѣ этого она пошла къ отцу и сказала ему, что она спускалась на землю, гдѣ у нея былъ другъ, что этотъ другъ теперь пришелъ къ ней. Отецъ пожелалъ его видѣть и отдалъ за него свою дочь. Изъ двадцати дарихе это настоящая Ногонъ-дарихе (по тибетски Джолма нурму).

Дзундуй, широнголъ, лама изъ Сань-чуани.

Посредствомъ накидыванія петли ловится также Самбай-дагпне въ урянхайской сказкѣ о Тунгъ-Каратты-ханѣ (Очерки, IV, 373). Самбай [1]) улетаетъ, Каратты-ханъ ѣдетъ отыскивать ее и возвращаетъ. Имя Каратты-ханъ ср. съ вторымъ членомъ парнаго Алтанъ-Гартай, какъ въ одномъ варіантѣ названъ добыватель Гомбо-гуру, въ другихъ варіантахъ называемый Абатаемъ. Въ № 30 (Очерки, IV, 128) птица Гариде (Гаруда) приноситъ дерево зандынъ, т. е. сандалъ. Ср. съ греческ. именами дерева: сандалъ и замбалъ; въ Туркестанѣ сумбулъ, Euringiam.

---

[1]) Самбай ср. съ китайскимъ сань-бао, «три драгоцѣнности», то же, что помонгольски гурбанъ-эрдэни.

31. ГУАНЬ-ИНЪ-ПУСА [1].

(Китайскій, разсказанный по-монгольски).

Въ провинціи Ху-нань былъ царь Чжуанъ-ванъ; четырьмя воротами его столицы управлялъ Шинъ-чжя-шянъ-нойонъ; у этого нойона была дочь красавица, большая мастерица на всѣ руки, и между прочимъ рисовать, особенно цвѣты, которые и разводить она умѣла. Отецъ ея умеръ, оставивъ ей много серебра. Чжуанъ-ванъ прислалъ ей письмо, въ которомъ приглашалъ её выйдти за него замужъ. Она отвѣтила ему: «Ты царь, у тебя много серебра и всякаго имущества и безъ того; къ чему тебѣ мое серебро? Ты шестидесятилѣтній старикъ, я же дѣвица, которой не болѣе восемнадцати лѣтъ; развѣ есть законъ, допускающій такіе неравные браки?» Въ томъ же городѣ въ монастырѣ былъ хэшанъ [2]) Инъ-хай; онъ велъ жизнь свѣтскую, не монашескую. Инъ-хай говоритъ Чжуанъ-вану: «Не гонись за красотой дѣвицы Шинъ-чжяръ. Она дѣвушка дурного поведенія!» Монахъ имѣлъ въ мысляхъ самъ жениться на дѣвушкѣ. У Инъ-хая былъ шаби [3]). Шаби говоритъ своему отцу-наставнику: «Твое поведеніе худое; ты хочешь жениться на дѣвушкѣ, за которую сватается царь. Узнаетъ царь, отрубитъ тебѣ голову, а монастырь велитъ сжечь. Я тебя научу какъ нужно сдѣлать! Вдвоемъ съ Шинъ-чжяръ вы убѣгите отсюда; отецъ ея былъ мандаринъ, у нея должно быть много серебра; у тебя тоже есть серебро; на дорогу и чтобы прожить на чужбинѣ, вамъ этого серебра достаточно. А я, если спроситъ меня царь, скажу, что ты убѣжалъ, а куда, не знаю!» Такъ Инъ-хай и сдѣлалъ. Прибѣжали бѣглецы къ берегу моря; среди моря островъ. Они просятъ перевозчиковъ перевезти ихъ на островъ. Перевозчики перевезли. Инъ-хай далъ имъ много серебра и говоритъ: «За мной прибѣжитъ въ погоню Чжуанъ-ванъ; если онъ спроситъ васъ, не видѣли ли бѣглыхъ Инъ-хая и дѣвицу, скажите, что меня не видали, а прибѣжала одна дѣвица и та на цвѣткѣ улетѣла на небо». Чжуанъ-ванъ прибѣжалъ къ берегу, спрашиваетъ перевозчиковъ, не видѣли ли они бѣглаго Инъ-хая съ дѣвицей. Перевозчики были добрые люди; они говорятъ Чжуанъ-вану: «Инъ-хая не видали, а видѣли только одну дѣвицу; она прибѣжала къ морскому берегу и стала плакать; изъ воды вышелъ цвѣтокъ лянъ-хуа; она сѣла на цвѣтокъ и цвѣтокъ вмѣстѣ съ нею поднялся къ небу». Чжуанъ-ванъ повѣрилъ и сказалъ: «Эта дѣвица съ неба на землю спустилась. Это была моя дже» (т. е. дочь старшей сестры). И приказалъ по всему государству дѣлать ея статуи и покланяться имъ. Вотъ почему Гуань-инъ-пуса рисуется съ цвѣткомъ въ рукѣ, выходящимъ изъ подъ пальцевъ ея ноги.

Сантанъ-джимба.

---

[1]) Разсказчикъ пояснилъ, что Гуань-инъ-пуса у монголовъ называется Арья-Пало и что этотъ богъ разъ явился на землю въ видѣ дѣвицы.

[2]) Хэшанъ—буддійскій монахъ.

[3]) Шаби—ученикъ.

Въ Annales du Musée Guimet, t. II, p. 188, помѣщена слѣдующая китайская легенда о Гуань-инъ-пусѣ. Въ 2587 г. до Р. Х. жилъ на западѣ царь Miao-Tchoang; онъ отличался разумомъ и добродѣтелями; жена его называлась Pao Teh. Сорокъ лѣтъ онъ занималъ престолъ, а дѣтей не имѣлъ. Печалилась вмѣстѣ съ царемъ и царица и позвала его однажды пойдти къ Горѣ Цвѣтовъ, гдѣ былъ образъ божества, одаренный такимъ могуществомъ, что прибѣганіе къ нему никогда не оставалось безъ послѣдствій. Царь поднесъ въ монастырь, гдѣ стоялъ образъ божества, большіе подарки и послѣ того царица три раза зачинала и родила трехъ дѣвицъ; младшая, которой дали имя Miao Chen, «Прекрасная Добродѣтель», потомъ и сдѣлалась Гуань-инъ-пусой. Между тѣмъ царь сталъ становиться старымъ и, не имѣя сына наслѣдника, рѣшилъ выдать дочерей замужъ и одного изъ зятьевъ объявить наслѣдникомъ. Первыя двѣ дочери безпрекословно вышли замужъ, младшая отказалась; она хотѣла вести жизнь въ уединеніи, чтобы усовершенствоваться въ размышленіяхъ и достичь состоянія боди. Царь не хотѣлъ слышать объ этомъ и даже вошелъ въ ярость. Онъ велѣлъ сорвать съ царевны одежды и бичами прогнать ее въ лѣсъ и запереть тамъ, чтобъ она умерла отъ голода. Тщетно придворныя дамы уговаривали ее вернуться во дворецъ. Она рѣшилась удалиться въ монастырь бѣлыхъ монаховъ. Царь не препятствовалъ, думая, что скучная монастырская жизнь образумитъ ее. Въ монастырѣ её обременяли трудными работами, но ей помогали духи всякаго рода, даже тигры и птицы. Тогда царь приказалъ поджечь монастырь; монахини бросились спасаться, но Мяо-шенъ обратилась къ духу горъ съ молитвой и тотчасъ тучи и дождь потушили пожаръ. На царя это чудо не подѣйствовало. Онъ приказалъ привести ее во дворецъ и устроилъ праздникъ, чтобъ увлечь царевну прелестями жизни. Но когда и это не измѣнило намѣреній царевны, отецъ рѣшилъ обезглавить ее. Тогда духъ страны получилъ приказаніе отъ Неба наблюсти, чтобъ тѣлу царевны не было сдѣлано никакого вреда и доставить ее въ адъ. Царевна была передана палачу, но когда онъ обнажилъ саблю, сабля внезапно изломалась; палачъ хотѣлъ проколоть тѣло царевны копьемъ, но невидимая рука разсѣкла его пополамъ. Палачу оставалось одно: удушить царевну. Во время исполненія этой послѣдней казни буря помрачила небо, и духъ, покровитель мѣста, принявъ видъ тигра, показался изъ лѣса; палачъ и люди разбѣжались. Тигръ положилъ трупъ на спину и унесъ его. Царь истолковалъ это чудо желаніемъ Неба показать, что оно само хотѣло наказать царевну за недостатокъ любви къ родителямъ.

Тѣло царевны осталось цѣло. Она очнулась въ области, гдѣ ни солнца, ни луны, ни звѣздъ, ни горъ, ни людей. Передъ ней явился юноша, окруженный сіяніемъ; онъ былъ посланъ Ямой, богомъ ада, и пригласилъ ее послѣдовать за нимъ въ адъ, чтобы видѣть муки грѣшниковъ. Повсюду, гдѣ она являлась, обнаруживалась сила ея милосердія и души, находившіяся въ мученіяхъ, толпами выходили на землю силою ея молитвъ. Царь ада тоже хотѣлъ слышать ея молитвы. Она согласилась произнести ихъ, но съ условіемъ, что всѣ души будутъ освобождены изъ ада. Яма, видя, что она разрушила его царство, поспѣшилъ отказаться отъ права на ея душу и велѣлъ, не теряя минуты, отвести ее на землю.

Проснувшись, она не знала, куда идти. Явился Сакіямуни, указалъ ей идти на гору Путо, и далъ ей персикъ, который долженъ предохранить ее отъ голода и жажды. Планета Венера велѣла мѣстному духу обратиться въ тигра и идти ей на встрѣчу; богъ повиновался и доставилъ царевну въ Путо. Здѣсь боги и богини возвели ее на тронъ. Сироту Hoan Chen Tsai'я избрали ей въ ученики; Мяо-шенъ приняла его только послѣ испытанія. Она приказала духамъ острова принять видъ разбойниковъ, которые будто бы окружили ее съ злымъ намѣреніемъ, сама притворилась испугавшеюся и бросилась со скалы въ пропасть. Шенъ-цай не задумался броситься вслѣдъ за ней, но она спасла ему жизнь своей чудотворной силой. Мяо-шенъ пріобрѣла и ученицу, дочь царя дракона морей. Третій сынъ дракона плавалъ подъ видомъ рыбы, попалъ въ сѣти и былъ проданъ на базарѣ. Мяо-шенъ приказала Шенъ-цаю принять видъ человѣка и освободить плѣнника. За это царь драконовъ подарилъ Мяо-шенъ перлъ, который свѣтилъ ночью, чтобъ она могла читать священныя книги, когда темно. Съ этой вѣстью онъ отправилъ къ ней свою дочь; Мяо-шенъ соединила ее съ Шенъ-цаемъ такъ, что они стали какъ бы братъ и сестра.

Небо въ наказаніе послало на Мяо-чжоана, отца царевны, ужасную болѣзнь. Его тѣло подверглось гніенію и покрылось прыщами и язвами. Мяо-шенъ узнала объ этомъ, не оставляя острова. Больной царь издалъ указъ призвать лучшихъ лѣкарей. Мяо-шенъ приняла видъ стараго жреца, пришла во дворецъ отца и объявила, что единственное лѣкарство, отъ котораго встанетъ царь, рука и глазъ одного изъ его близкихъ. Оба предмета находятся на островѣ. Путо Тотчасъ

послали двухъ министровъ искать странные медикаменты, но два зятя царя рѣшили убить жреца и отравить тестя, чтобы самимъ сѣсть на тронъ. Мяо-шенъ разоблачила козни; убійца проникъ въ покой жреца, но тотчасъ же потерялъ употребленіе членовъ. Два царскихъ зятя кончили самоубійствомъ.

Когда послы царя прибыли въ Путо, Мяо-шенъ отдала имъ свой лѣвый глазъ и лѣвую руку. Царица, мать царевны, была поражена, потому что тотчасъ признала руку своей дочери. Жрецъ успокоилъ ее, смѣшалъ это мясо съ снадобьями и этой мазью исцѣлилъ лѣвый бокъ царя. Такъ какъ другой бокъ царя остался въ прежнемъ состояніи, послы, по совѣту жреца, вновь пошли на островъ Путо просить правую руку и правый глазъ. Жрецъ кончилъ исцѣленіе, поднялся на облакѣ и исчезъ.

Никто при дворѣ не сомнѣвался, что это было собственное тѣло Мяо-шенъ, потому что царица замѣтила пятнышко на лѣвой рукѣ. Поэтому царская чета рѣшилась отправиться къ божественной дочери. Придя въ Путо, они увидѣли ее безъ рукъ и безъ глазъ сидящею на тронѣ. Они признали ее съ перваго взгляда; глубоко тронутый, царь выразилъ горячее желаніе видѣть свою дочь съ руками и глазами. Едва онъ сказалъ это, какъ Мяо-шенъ явилась передъ нимъ здоровою и со всѣми своими членами.

Подъ именемъ Гуань-инъ-пусы у китайцевъ извѣстенъ бодисатва Арья-Бало (Авалокитешвара). Нѣкоторые европейскіе писатели видятъ въ ней подражаніе христіанской Дѣвѣ Маріи. Другіе думаютъ, что культъ ея не вышелъ изъ буддизма и уже существовалъ въ этой странѣ прежде, чѣмъ буддизмъ въ ней появился.

Моряки молятся ей о прекращеніи бури, женщины о дарованіи дѣтей. Тѣ виды ея, у которыхъ просятъ дѣтей, призываются подъ именемъ: «Великая Госпожа въ бѣломъ платьѣ». Именно потому, что она благодѣтельствуетъ бездѣтнымъ, ее представляютъ часто съ ребенкомъ на рукахъ, что дѣлаетъ ее похожею на Дѣву Марію съ младенцемъ Іисусомъ. Она называется также «Скорбящею» (Compatissante) и «Милосерднѣйшею». Китайскіе крестьяне просятъ ее о дарованіи дождя; ее представляютъ укротительницей бога Лунъ-вана, завѣдывающаго дождемъ; повидимому была китайская легенда, которая разсказывала, какъ богиня усмирила злого бога; съ той поры онъ ей сталъ послушенъ и она почитается, какъ вододательница. Въ концѣ II части этого изданія, въ описаніи быта широнголовъ мы помѣщаемъ описаніе обряда, совершаемое предъ изображеніемъ Гуань-инъ-пусы во время засухи.

На картинахъ она представляется иногда сидящею на морскомъ берегу подъ сѣнью бамбука или стоящею на цвѣткѣ среди морскихъ волнъ; изображается въ видѣ китайской дамы, или ей дается совершенно тотъ видъ, который въ Тибетѣ и Монголіи придается бодисатвѣ Арья-Бало, т. е. съ восемью руками, съ одиннадцатью головами, съ лукомъ и стрѣлами въ рукахъ; и другіе аттрибуты тѣ же. Можно прослѣдить между тѣмъ и другимъ изображеніями полнѣйшій переходъ.

Младенецъ изображается иногда на рукахъ богини, иногда онъ стоитъ на цвѣтахъ или листьяхъ водяного растенія среди морскихъ волнъ. Можетъ быть подобныя изображенія ведутъ начало отъ легенды, которая могла разсказываться о Гуань-инъ-пусѣ, какъ о матери, ищущей своего ребенка, брошеннаго въ воду и найденнаго ею. Подобная тема, рядомъ съ отрубленными руками, встрѣчается въ нѣкоторыхъ восточныхъ сказкахъ, какъ наприм. въ сказкѣ Ерь-Сару (Очерки, IV, 341); о сходныхъ чертахъ этой сказки съ тангутской Егъ-таму-нцо и съ монгольской о Ердени-Хараликѣ, который былъ воплощеніемъ Арья-Бало, см. выше стр. 189.

---

32. МАНДЖУШРИ.

(Монгольскій).

Нингунэ [1]), сычуанскій цзунъ-ду [2]), хотѣлъ убѣдиться, дѣйствительно ли Манджушри есть живой богъ. Онъ пустилъ въ него стрѣлу; стрѣла воткнулась въ правое плечо бога; богъ подернулъ плечо кверху и закричалъ: ё, ё, ё! «Въ самомъ дѣлѣ

[1]) Правильнѣе Нянь-гэнъ-яо; см. Успенскій, «Страна Кукэ-норъ» въ Зап. И. Р. Геогр. Общ. по эти. т. VI, стр. 178 и слѣд.

[2]) Цзунъ-ду — намѣстникъ, вице-король.

живой богъ!» сказалъ Нингунэ. Послѣ того тотъ бурханъ такъ и остался со стрѣлой въ плечѣ.

Сантанъ-джиба.

Можетъ быть и съ приподнятымъ плечомъ? Случаи движенія бога, застывшаго въ моментъ, когда оно было застигнуто человѣческимъ вниманіемъ: 1) Манджушри, слушая рѣчь Чандра-гомина, повернулъ лицо въ сторону и, когда замѣтившіе это люди удивились, остался въ такомъ видѣ подъ именемъ «кривошеяго арья» (Васильевъ, Дараната, 157). 2) Авалокитешвара поучалъ Чандра-гомина; Чандра-кирти отворилъ дверь, чтобъ взглянуть на бога; палецъ статуи остался вытянутымъ (ibid.).

Манджушри попросилъ у Еженъ-хана земли величиной съ одну ама [1]) дабы [2]); Еженъ-ханъ далъ согласіе. Манджушри разостлалъ аму и она покрыла всѣ пять вершинъ у-тайскихъ горъ.

Онъ же.

Пржевальскій слышалъ въ Тибетѣ въ городѣ Синингѣ разсказъ: Во времена давнія въ Тибетъ пришелъ какой-то иностранецъ и просилъ, чтобъ ему продали кусокъ земли, равный бычачьей шкурѣ. Тибетцы согласились на это, заключили условіе и взяли деньги. Иностранецъ разрѣзалъ шкуру на тонкіе ремни, обложилъ ими порядочное пространство и объявилъ эту землю своею собственностью. Съ той поры тибетцы боятся пускать къ себѣ иностранцевъ (Третье путеш., 333). Поэтому, будто бы, они не пропустили Пржевальскаго въ Лассу. Разсказъ этотъ записанъ тамъ же, гдѣ Гюкъ, Пржевальскій, Крейтнеръ и я слышали легенду о построеніи Лассы; вѣроятно онъ находится въ связи съ этой легендой. Разсказъ о бычьей кожѣ давно уже былъ записанъ у якутовъ (см. Миддендорфъ, Путеш. по Сибири, рус. изд., ч. II, отд. VI, в. 7, стр. 763; Очерки с. з. Монг. IV, 625; Худяковъ, Верхоянскій Сборн., Ирк., 1890, стр. 54; Извѣст. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ,, т. XVIII, стр. 11); хитрымъ покупателемъ земли якутское преданіе выставило русскаго; вѣроятно это позднѣйшее измѣненіе. Въ якутскомъ преданіи въ связи съ этой темой стоитъ имя Тыгынъ или Тызынъ: онъ обманутъ при покупкѣ земли. Въ Амдо нѣкогда существовало государство Тогонъ; оно было основано тунгусскимъ племенемъ Сянь-би, пришедшимъ сюда изъ Маньчжуріи; именемъ Тогонъ это тунгусское племя будто бы было названо впослѣдствіи однимъ изъ его владѣльцевъ въ честь Тогона, основателя династіи; вѣроятнѣе Тогонъ былъ легендарный предокъ этого племени. Не эти ли Тогоны принесли съ собой въ Амдо легенду о бычьей кожѣ?

Разсказъ о бычьей кожѣ пріуроченъ и къ Тобольску. Вмѣсто Тызына Kötsüm-kan, т. е. Кучумъ (Padloff, Prob., IV, 11). Къ Тобольску же пріурочена и тема о коварномъ спаиваніи виномъ мѣстнаго князя; вмѣсто якутскаго Тызына здѣсь татарскій князь Сейдякъ.

Разсказъ о бычьей кожѣ принадлежитъ къ группѣ легендъ о захватѣ и дѣлежѣ земли. Ср. легенды о трехъ братьяхъ-первонасельникахъ (рѣшеніе спора киданіемъ комка земли черезъ рѣку и обманъ при этомъ; извѣстную мнѣ русскую литературу я указалъ въ Зап.-Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по эти., т. I, в. 1, стр. 145) и о спорѣ боговъ изъ-за обладанія міромъ. Въ послѣдней въ числѣ трехъ боговъ существенны собственно два: Майдари (Шянба) и Бурханъ-бакши; послѣдній выигрываетъ обманомъ (см. Очерки, IV, 269). Разсказъ этотъ входитъ въ составъ космогонической легенды, разобранной А. Н. Веселовскимъ (Разысканіе въ обл. русск. дух. стиховъ, гл. XI—XVII, 1889). Въ алтайской версіи этой легенды Ерликъ проситъ у творца земли уступить ему только то пространство, которое покрыто нижнимъ концомъ его посоха. Творецъ даетъ; Ерликъ отнимаетъ посохъ и изъ отверстія, которое было покрыто его концомъ, полѣзли гады, распространившіеся по всей землѣ.

---

[1]) Квадратъ, оторванный отъ куска матеріи.

[2]) Даба—бязь, бумажная ткань.

Въ легендѣ, приведенной у о. Нила (Буддизмъ, Спб. 1858, стр. 30—35 и 301), смѣшеніе Манджушри съ Арья-Бало. Мандзу-шара-бычинъ помѣщается въ горѣ Утей-сангунъ-агула (т. е. У-тай?); это родоначальникъ, вступившій въ бракъ съ ракшасой; отъ этого брака родилось шесть звѣроподобныхъ сыновей. Ср. съ тибетской легендой объ Арья-Бало, который, чтобъ стать родоначальникомъ, принялъ видъ обезьяны (мечинъ помонгол.) и вступилъ въ связь съ ракшасой (Koeppen, Die Religion des Buddha, B. II, S. 44). Ракшаса легенды о. Нила воплощеніе Ногонъ-дары. Легенды о Ногонъ-дарѣ (Ногонъ-дарихэ) см. выше, стр. 200 и 203.

33. АРЬЯ-БАЛО.

(Широнгольскій).

Арья-Бало принялъ видъ обезьяны (мечинъ) и соединился съ мангысомъ женскаго пола. Отъ мангысихи родилось шестеро дѣтей. Мѣстность, гдѣ эти мечинята проводили дѣтство и играли, теперь называется Рсытанъ; въ этой мѣстности выдѣлываются шерстяныя ткани чамбу и терме. Отъ этихъ мечинятъ произошли тибетцы.

Лама Понсохъ, въ Уньчжа-суме.

34. БУРХАНЪ-БАКШИ.

(Монгольскій).

Бурханъ бакши, сидя въ своемъ суме, однажды сказалъ: «Кто, окруживъ мой суме, придетъ ко мнѣ напередъ, тому я дамъ пять искусствъ (эртенъ): плотничье, живописное, каменотесное, кузнечное и искуство ворожбы (мучжянъ хуачжянъ шичжянъ тѣчжянъ цзурахай татаху). Монголъ пошелъ слѣва на право (джубуръ), китаецъ справа на лѣво (баругаръ). Монголъ опоздалъ и поэтому у монголовъ теперь ровно ничего нѣту; китаецъ же напередъ поспѣлъ и теперь онъ на всѣ лады мастеръ (уранъ). По той же причинѣ монголы пишутъ слѣва на право, а китайцы наоборотъ.

Пунсукъ, монголъ изъ Ордоса.

Бурханъ бакши училъ народъ. Вокругъ него собралось множество слушателей; всѣ народы, всѣ животныя были тутъ. Волкъ пришелъ послѣ всѣхъ; ему пришлось стать сзади. Бурханъ-бакши училъ: номъ суръ, эртемъ суръ, читалъ суръ (слушай ученіе, изучай добродѣтель и искусство!) Слушалъ, слушалъ волкъ, видитъ, что рѣчь будетъ длинна и говоритъ: «Я послѣ пришелъ, запоздалъ, а словъ у ламы много! Пойду!» (э, мини хойно холоточжи ламаинъ уге олоточжи! ябуя!). И ушелъ, не дослушавъ поученія. Потому онъ и не узналъ, что грѣхъ умерщвлять овецъ. Увидѣвъ,

что волкъ послѣ поученія началъ гоняться за овцами, Бурханъ-бакши сказалъ объ немъ: «Онъ тугоухій» (хата чикту)! Волка и теперь въ Ордосѣ зовутъ двумя именами: чоно и хата-чикту.

Пунцукъ, монголъ изъ Ордоса.

---

35. а. МИЛЯРЪ АВА И ГОМБУ ДОРЧЖИ.

(Монгольскій).

Гомбу-дорчжи имѣлъ двухъ сыновей Нуи и Нунджу и собаку. Втроемъ они поѣхали на охоту и выгнали оленя. Олень выбѣжалъ къ пещерѣ, въ которой сидѣлъ Миляръ-ава, и легъ передъ нимъ. Миляръ-ава сталъ сидѣть неподвижно. Собака добѣжала до Миляръ-авы и также легла. Гомбу-дорчжи говоритъ: «Что это значитъ! Моя собака всегда бросалась и хватала оленя, а теперь онъ лежитъ и она лежитъ. Ты что за могучій человѣкъ?» спросилъ Гомбу-дорчжи у Миляръ-авы и при этомъ похвастался, что его стрѣла достигаетъ и неба и океана. Дѣти стали поддерживать отца подъ локти; Гомбу-дорчжи натянулъ лукъ и направилъ стрѣлу въ небо. «Ниже!» сказали дѣти. Онъ направилъ стрѣлу въ землю. «Выше!» сказали дѣти. Гомбу-дорчжи направилъ стрѣлу въ середину и стрѣла пошла прямо къ Миляръ-авѣ, но возвратилась въ грудь Гомбу-дорчжи.

Пунсукъ, монголъ изъ Ордоса.

Escairac, Mem. sur la Chine, p. 77: Xwei-tsan былъ стрѣлокъ и гнался за оленемъ; животное укрылось въ храмѣ и духовное лицо остановило охотника словами, что онъ долженъ, вмѣсто животнаго, себя убить. Стрѣлокъ сломалъ свой лукъ, обрилъ голову и сталъ монахомъ.

Ср. съ повѣстью о св. Власіи, который отшельничалъ въ горѣ Араче и исцѣлялъ звѣрей (Барсовъ, Слово о полку Игоревѣ, т. I, 356).

---

6. МИЛЯРЪ-АВА.

(Монгольскій).

Были два старика Гомбу-лочжу, по монгольски Хара-бугюнъ (черный старикъ), и Сэрынъ-намджу, по монгольски Чаганъ-бугюнъ (бѣлый старикъ); оба они не знали нома, подобно джерлику [1]); они не знали земледѣлія и питались листьями крапивы (халгый). Однажды, охотясь съ собаками за оленями, они наткнулись на мѣсто, гдѣ отшельничалъ Миляръ-ава. Миляръ-ава пытается убѣдить ихъ поклониться

---

[1]) Джерликъ — чортъ.

богамъ, признать (ученіе) номъ и прекратить истребленіе звѣрей. Сэрынъ-намджу имѣлъ болѣе мягкое сердце и склонился на увѣщаніе Миляръ-авы, но Гомбу былъ упрямый и жестокій; онъ не хочетъ и слышать объ измѣненіи образа жизни. Сэрынъ уговариваетъ его, но Гомбу упорствуетъ. Тогда Сэрынъ придумываетъ средство. Онъ говоритъ: «Я принялъ ученіе отшельника и останусь здѣсь, чтобы сдѣлаться ламой. Ты возвратишься въ міръ. У меня дома останется молодая красивая жена. Если ты поклонишься бурхану, то я дамъ тебѣ письмо домой, чтобъ тебѣ отдали мою жену». Гомбу обрадовался и, немедля нисколько, поклонился богу. Но во время поклоненія въ душѣ его произошла перемѣна. «Какое великое и пріятное чувство!» воскликнулъ онъ. «И я останусь здѣсь». И онъ также сдѣлался ламой.

Сантанъ-джимба.

Сантанъ-джимба разсказывалъ мнѣ, что въ Амдо и Алашани при кумирняхъ совершается чамъ (пляска) въ честь Миляръ-авы, Миляръ-авани-чамъ. Два монаха изображаютъ двухъ стариковъ Гомбу и Сэрына; оба старика вооружены луками. Кромѣ того два монаха маскируются оленями, два собаками; еще одинъ изображаетъ бога Миляръ-аву, другой бога Чжучинба. Этотъ чамъ бываетъ съ рѣчами; въ Амдо актеры говорятъ по тангутски, въ Алашани по монгольски.

Въ халхасскомъ разсказѣ (Оч., IV, 205) вм. Миляръ-авы Меле-бурхынъ; охотникъ одинъ и названъ Когульдей-мергеномъ, а также Комбу-дорчжи. Оленей три; это три звѣзды Ориона. Мелебурхынъ не будетъ ли Плеяды? Олень является и въ другихъ легендахъ съ темой о умилостивленіи; такъ олень ssaru встрѣчаетъ Чингисъ-хана на перевалѣ на пути въ Индію и своимъ колѣнопреклоненіемъ убѣждаетъ хана возвратиться (Schmidt, Gesch. d. Ost-Mong., 89); ср. также у Бенфея, Pantschatantra, Leipz., 1859, Th. 1, S. 61. На нѣкоторыхъ каменныхъ бабахъ въ сѣверной Монголіи встрѣчается изображеніе оленей; иногда ихъ три, одинъ подъ другимъ; у праваго края фигуры приподняты, у лѣваго опущены; вверху кружокъ. Иногда встрѣчается такое сочетаніе: кружокъ и подъ нимъ только три параллельныхъ черты, приподнятыя съ правой стороны. Число три и паденіе фигуръ намекаютъ на три звѣзды Ориона. Не находятся ли въ связи съ этими изображеніями фигуры, которыя ставятся надъ храмами ламайскихъ монастырей, состоящія изъ хорло, «колеса вѣры», поставленнаго отвѣсно между двумя животными боди?

Миляръ-ава Сантанъ-Джимбы есть тибетскій Миларайба, о которомъ есть цѣлая книга на тибетскомъ языкѣ. Отрывокъ изъ нея о спасенныхъ оленяхъ переведенъ для нашего изданія А. О. Ивановскимъ и помѣщенъ въ видѣ приложенія въ концѣ этой части.

---

36. УРДЖЯНЪ-РЕМБУЧИ ИЛИ НАМУНЪ-ГУРЕ.

(Тангутскій).

Гора, на которой пребывалъ Урджянъ-рембучи, называлась Сандыгъ-хуатъ-чжириву; почетнѣе она еще называлась Баманъ-дабчжа. Въ этой горѣ находились раншюны [1]) левъ, слонъ и божество Лха-лхаму. Трава, дерево, вода, все на этой горѣ были ароматично и цѣлебно. Человѣку на этой горѣ было хорошо; глядѣть ли станетъ, ѣсть ли станетъ, все ему во благо. Цвѣты на этой горѣ были такіе

[1]) Раншюнъ—нерукотворное изображеніе, само собою возникшее.

большіе, что подъ лепесткомъ любого изъ нихъ могли отъ дождя укрыться 500 человѣкъ. Здѣсь же было озеро Нцу-памали. Матери и отца у Урджянъ-рембучи не было; онъ спустился съ неба на вершину горы Сандыгъ. На вершинѣ горы лежалъ камень Папаву-раншюнъ; это былъ его отецъ; озеро Нцу-памали было матерью Урджяна. Камень Папаву спустился съ горы въ воду; вода закипѣла въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ вошелъ въ нее и изъ водоворота вышелъ бутонъ, въ которомъ сидѣлъ Урджянъ-рембучи. У этого цвѣтка было 19 лепестковъ. Урджянъ-рембучи вышелъ изъ цвѣтка, какъ изъ утробы матери. Имя этому цвѣтку во время рожденія Урджяна было Цорки-дорчжи.

Въ то время былъ царь Сахуръ-джалву; онъ схватилъ Урджяна и хотѣлъ его убить. По приказанію царя привезли на 3000 яковъ дерева зандань, сложили изъ него костеръ въ видѣ пустого въ серединѣ четвероугольника, на дрова положили масла; внутрь костра положили Урджянъ-рембучи, связаннаго по рукамъ и ногамъ. Зажгли огонь, онъ горѣлъ одинъ годъ семь мѣсяцевъ; съ неба пошелъ въ середину костра дождь, дрова горятъ, а Урджяну-рембучи никакого вреда отъ огня нѣтъ. Внѣ костра тоже шелъ большой дождь и кругомъ костра образовалось море. Сахуръ-джалву пришелъ посмотрѣть; видитъ, на небѣ появилась радуга. Внутри горящаго костра образовалось озеро, изъ центра котораго вышелъ цвѣтокъ и поднялъ на себѣ Урджяна; сидитъ онъ въ видѣ прекраснаго шестнадцатилѣтняго юноши. «Это что за мальчикъ? изъ какого такого народа?» спрашиваетъ царь, издали вглядываясь удивленными глазами. Царь думаетъ: «Цѣлый годъ горѣлъ огонь, а этотъ человѣкъ не сгорѣлъ въ немъ! опять же отъ него пріятный ароматъ идетъ! Это бурханъ! я не зналъ этого ранѣе!» Онъ преклонился передъ богомъ, собралъ весь свой народъ и приказалъ ему тоже преклониться. Посадили Урджянъ-рембучи въ телегу, чтобы везти его съ почетомъ въ домъ царя; 500 человѣкъ не могутъ сдвинуть телегу. Сахуръ-джалву и всѣ его вельможи поклонились Урджяну; бурханъ не движется. Тогда бурханъ Ртомба-Шихча-тоба сказалъ: «Вамъ нужно обмыться и прочесть номъ; тогда бурханъ двинется!» Народъ омылся, прочитали номъ и бурханъ сошелъ съ мѣста; его привезли во дворецъ.

Узналъ объ этомъ царь Мертеки-джалву; онъ пришелъ съ большимъ войскомъ, чтобы отнять Урджяна у Сахура; отнялъ, навязалъ Урджяну на шею камень въ 500 фунтовъ и бросилъ его въ озеро. Водяные хозяева (по саньчуаньски улусы, по тангутски улу-чжалву) унесли его внизъ, узнали въ немъ Урджяна и дали ему двадцать пять рембучи [1]); взялъ ихъ Урджянъ-рембучи, вышелъ изъ воды и достигъ страны Самьи (Самьжи). Тутъ не было лѣсу ни ивы, ни другого дерева; былъ только одинъ столбъ. Изъ него онъ сдѣлалъ 108 суме по имени Учжа-дабчжалъ. Подъ столбомъ положилъ камень чернаго золота. Въ это время существовали хланджи; они дѣлали вредъ людямъ, наводили на нихъ моръ, причиняли неурожаи. 1500 хланджей задумали ниспровергнуть всѣ монастыри и омбу. Царь Чжакыръ-чжалву задумалъ взять Урджяна; онъ привязалъ Урджяна къ дереву, поднимавше-

[1]) Рембучи—сокровище, драгоцѣнность.

муся вершиной до неба; привязалъ такимъ образомъ, что дерево приходилось между ногами. Двадцать одинъ день провисѣлъ Урджянъ-рембучи на деревѣ, но нисколько не повредился. Царь, увидѣвъ безвредность казненнаго, велѣлъ порѣзать связи, снялъ Урджяна съ дерева и привелъ въ свой домъ. Всѣ санаспа [1]) изъ множества омбу сошлись преклониться передъ Урджяномъ; царь тоже преклонился и извинился, что онъ не узналъ въ немъ истиннаго бога. Послѣ того Урджянъ-рембучи прибылъ въ монастырь Таши-хлумбу. Какъ только онъ прибылъ, люди перестали умирать, скотъ пересталъ валиться, настало полное благополучіе. Ламы заблаго-денствовали. Въ Лассѣ въ то время былъ Дже-рембучи [2]); Урджянъ-рембучи сказалъ ему: «Ты будь здѣсь, а я пойду въ страну, гдѣ есть еще много злыхъ тварей и всякаго другого зла!» Онъ пошелъ въ страну Сому-срмбуй. Тамъ онъ сѣлъ на престолъ; Ланъ-Гэсэръ-ханъ сдѣлался его подручнымъ вельможей (лумбу). До прибытія Урджяна въ этой странѣ были междуусобія и вражда; съ воцареніемъ Урджяна настали миръ и тишина и въ этой странѣ. Тамъ онъ находится и въ настоящее время. Большіе гэгэны видятъ его и Гэсэра, простой же людъ только слышитъ о немъ, но увидѣть не можетъ.

Джува тунмасэнъ, гэгэнъ,
тангутъ въ городѣ Сунъ-панѣ.

Урджянъ-рембучи (Падма-самбава) особенно почитается сектой санаспа или хонь (красношапочниковъ). Легенды объ немъ собраны въ тибетской книгѣ Бама-катунъ. См. т. I, стр. 217. Въ Гумбумѣ я встрѣтилъ одного ламу, родомъ изъ Саньчуани, который ходилъ на поклоненіе къ вершинамъ Инда и Яру-Цзампо; по его словамъ, тутъ находится озеро Мапунъ-нцо, по срединѣ котораго есть скала; на этой скалѣ, по преданію, явился учитель Урджянъ-рембучи (по другимъ Миляръ-ава), См. мою статью: «Разспросныя свѣдѣнія о восточномъ Тибетѣ», въ Изв. И. Р. Геогр. Общ., 1887 г., стр. 32. Markham, Narratives of the mission of George Bogle to Tibet, Lond. 1870, стр. 305: въ письмѣ отца Ипп. Дезидери сообщается, что тибетцы почитаютъ существо, назыв. Urghien, который, говорятъ они, родился 700 лѣтъ назадъ. На вопросъ, былъ ли онъ человѣкъ или богъ, они отвѣчаютъ, что это былъ и богъ и человѣкъ въ одно время, что онъ не имѣлъ ни отца, ни матери и родился изъ цвѣтка. Тѣмъ не менѣе они имѣютъ статуи женщины съ цвѣткомъ въ рукѣ [3]) и называютъ ее матерью Урджяна.

---

37. ДЖАВУ-ЛАНДЕРЪ [4]).

(Тангутскій).

Былъ тибетскій царь въ Менгу-чжу по имени Ландэръ, имѣвшій бычьи рога. Брить его поочередно призывали дѣвицъ: по окончаніи бритья царь тотчасъ же казнилъ дѣвицу, чтобы она не разсказала, что видѣла на его головѣ рога, кото-

---

[1]) Монахи особой секты.
[2]) Т. е. Цзонкава.
[3]) Т. е. Дара-экэ?
[4]) Чжаву по тангутски «царь».

рые онъ обыкновенно скрывалъ. Досталось идти дѣвушкѣ, единственной дочери одной женщины. Дѣвушка плачетъ и учитъ мать скатать ей колобокъ, замѣсивъ на своемъ молокѣ. Мать замѣсила на своемъ молокѣ рсамбу [1]), скатала изъ нея колобокъ и дала дочери. Когда дѣвушка стала брить царя, она вынула колобокъ и закусила его. Царь Ландеръ попросилъ у нея колобка. Она дала. Когда Ландеръ тоже поѣлъ колобка, дѣвушка начала плакать. «О чемъ ты плачешь?» спрашиваетъ её царь. Она говоритъ: «Ты меня убьешь, а мнѣ тебя жалко; ты мнѣ теперь все равно, какъ братъ, потому что ты съѣлъ колобокъ, замѣшанный на молокѣ моей матери». Царь сказалъ, что онъ не убьетъ её, но приказалъ ей молчать и сохранить въ тайнѣ, что у него на головѣ есть рога. Дѣвушка старалась хранить тайну и заболѣла. Призвали ламу, свѣдущаго въ леченьи болѣзней. Лама говоритъ, что болѣзнь произошла оттого, что дѣвушка скрываетъ какую-то тайну. Пусть выскажетъ и все пройдетъ, посовѣтовалъ лама. Дѣвушка говоритъ, что она не можетъ высказать свою тайну, потому что и въ этомъ случаѣ ей угрожаетъ смерть (т. е. казнь отъ царя Ландера). Тогда ей посовѣтовали сказать свою тайну въ разщелину городской стѣны. Такъ дѣвушка и сдѣлала; она нашла разщелину въ городской стѣнѣ, примкнула къ ней губами и сказала: «У царя Ландера на головѣ есть рога». Въ разщелинѣ выросъ тростникъ. Одинъ молодой человѣкъ срѣзалъ тростинку и сдѣлалъ изъ нея дудку; выйдя на вершину горы, онъ заигралъ въ дудку. Дудка спѣла: «У царя Ландера на головѣ рога!» Услышалъ эти слова Цагдуръ [2]), который былъ въ это время на горѣ. Онъ подумалъ: «Этого рогатаго царя нужно убить!» Онъ надѣлъ на себя платье, которое ламы надѣваютъ во время чама [3]), и маску съ бычьими рогами; въ широкіе рукава платья спряталъ лукъ и стрѣлы и началъ плясать передъ дворцомъ. Царь вышелъ изъ дворца посмотрѣть на плясуна. Цагдуръ пустилъ стрѣлу и убилъ Ландера въ лобъ, а самъ обратился въ бѣгство. За нимъ послали погоню. Цагдуръ прибѣжалъ сначала въ Тендыкъ, но здѣсь его стали догонять; онъ побѣжалъ въ Яндыкъ, но и здѣсь его стали догонять. Оттого эти мѣста и зовутся Тендыкъ-Яндыкъ [4]). Тогда онъ бѣжалъ за Желтую рѣку; гдѣ онъ сидѣлъ на берегу, противъ деревни Джонтонъ [5]), тамъ и теперь указываютъ слѣды его сидѣнья [6]). Переправившись за рѣку, онъ достигъ озера Лхалунъ-нцо [7]) и здѣсь скрылся въ пещерѣ. Паукъ заткалъ паутиной входъ въ пещеру; люди, гнавшіеся за Цагдуромъ, подошли къ пещерѣ, увидѣли паутину во входѣ, подумали, что никто въ пещеру не входилъ, и прекратили свои поиски. Сердце его въ это время стучало.

(Тангутъ?).

---

[1]) Рсамба—ячменная мука.

[2]) Цагдуръ тибетское имя бога, который помонгол. назыв. Очирвани.

[3]) Чамъ—религіозная пляска.

[4]) Горы на сѣв. берегу Желтой рѣки, къ з. отъ Саньчуани.

[5]) Саларская деревня Дондонъ.

[6]) Эти же углубленія въ скалѣ салары приписываются сидѣнью Кусэря.

[7]) Это же озеро саньчуаньскіе широнголы называютъ Шинъ-ся-норъ, салары зовутъ просто «озеромъ». Оно лежитъ на ю. отъ деревни Дондонъ. См. ч. I, стр. 177.

По манджурскому преданію, вороны разъ спасли основателя царствующаго дома (тай-цзу) отъ неминуемой опасности быть убитымъ въ бѣгствѣ отъ преслѣдовавшихъ его непріятелей, прикрывъ его въ травѣ; въ память этого событія въ манджурскихъ домахъ ставятъ вѣху съ сосудомъ на верху, въ который кладутъ мясо для воронъ. Записки И. Р. Геогр. Общ. по общ. геогр., т. IV. (1871), статья о. Палладія «Дорожн. замѣтки отъ Пекина до Благовѣщенска черезъ Манджурію въ 1870 году», стр. 360. См. также ниже № 55 и примѣчанія къ нему.

---

38. ШЯНБА.

(Тангутскій).

Въ одной пещерѣ спасался самбава (отшельникъ); около жилъ шянба (мясникъ), ежедневно занятый убиваніемъ барановъ. Однажды шянба хотѣлъ зарѣзать барана; онъ связалъ его и только потомъ замѣтилъ, что забылъ принести изъ дому посудину саба, въ которую цѣдятъ кровь. Онъ положилъ ножъ подлѣ барана и побѣжалъ за сабой. Принесши посудину, не находитъ ножа. Поискавши его напрасно, онъ развязалъ барана; когда баранъ всталъ, оказалось, что ножъ лежалъ подъ нимъ. Баранъ подползъ и прикрылъ его своимъ тѣломъ. Тронутый тѣмъ, что животное также боится смерти, какъ и человѣкъ, шянба пришелъ въ отчаяніе, когда припомнилъ, скольких животныхъ онъ заставилъ пережить тяжелыя минуты; онъ подошелъ къ скалѣ, стоявшей надъ рѣкой, бросился съ нея въ рѣку и утонулъ. Боги спустились въ воду, подняли его тѣло и вынесли на противуположный берегъ. Все это самбава видѣлъ изъ своей пещеры и говоритъ про себя: «Простой шянба сколько перерѣзалъ барановъ и, когда утопился, боги подняли его и перенесли на другой берегъ. Я, который такъ долго молился въ уединеніи, не буду ли выше его, если утоплюсь подобнымъ же образомъ?» Онъ тоже бросился со скалы, но убился и ушелъ на рѣчное дно. Онъ много молился, много перебиралъ четки, но не въ этомъ заслуга передъ богами; нужно имѣть хорошее сердце.

Лама Сэрэнъ, родомъ широнголъ изъ Сань-чуани.

Ср. Очерки, IV, 274: на небо поднимаются три прощенные людоѣда (махачи); не слѣдуетъ ли поэтому въ Май-дари видѣть созвѣздіе Оріонъ? ibid., 260: кающійся махачи обращается въ Май-дари; Записки Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 2 стр. 61 (семеро кающихся превращаются въ семь звѣздъ Б. Медвѣдицы); тѣ же «Записки» т. I, в. 1, стр. 123.

Въ двухъ легендахъ Майдари (Шянба) представляется раскаявшимся людоѣдомъ, разбойникомъ или мясникомъ. Въ тангутскомъ варіантѣ Гэсэра шянба также людоѣдъ; см. выше, стр. 7: «семь человѣкоядцевъ Шянба».

У Даранаты (Васильевъ, Буддизмъ, III, 116) есть разсказъ объ отшельникѣ, который девять лѣтъ напрасно трудился, чтобъ удостоиться увидѣть бога Май-трея, и когда уже отчаялся и бросилъ трудъ, послѣ одного дѣла милосердія Май-трея явился ему.

---

39. ЦЗОНКАВА.

(Тангутскій).

а. Сначала сходилъ на землю Майдере или Шянба и люди ему покланялись, потомъ пришелъ Бурханъ-бакши или Томба-Шигпа-тува и наконецъ Цзонкава.

Прежде на мѣстѣ монастыря Гумбума никакихъ строеній не было; всѣ горы были покрыты лѣсомъ; мѣсто называлось Гарчикъ. Гдѣ нынѣ Алтынъ-суме (храмъ съ позолоченой кровлей), жили отецъ и мать Цзонкавы. Когда Цзонкава родился, послѣдъ зарыли въ землю около дома; на этомъ мѣстѣ выросло дерево зандынъ. Собравъ кровь отъ родовъ и землю, ею орошенную, выбросили подальше; тутъ выросло другое зандынъ, которое стоитъ въ нижнемъ концѣ монастыря. Когда ребенку минуло семь лѣтъ, ему постригли волосы и бросили; на этомъ мѣстѣ выросло третье зандынъ, которое стоитъ въ верхнемъ концѣ монастыря. Всего въ Гумбумѣ три зандына; вслѣдствіе этой легенды о Гумбумѣ говорятъ, что у него «мясные корни». Пришедши въ возрастъ, Цзонкава ушелъ жить въ монастырь Шячунъ, а изъ Шячуна ушелъ въ Галданъ (близь Лассы). Онъ отличался большимъ носомъ, его звали поэтому амдо навучи, «большеносый амдосецъ». Двое ласскихъ ламъ пожелали испытать, дѣйствительно ли Цзонкава знаетъ номъ и пошли къ нему; дверь, въ которую пришлось входить, была низенькая; лама, шедшій впереди, задѣлъ шапкой за верхній косякъ двери; шапка упала; лама наклонился, чтобы поднять шапку. Сзади шедшій лама говоритъ про себя: «Мой товарищъ поклонился Цзонкавѣ; нужно и мнѣ поклониться». И онъ поклонился. Цзонкава захотѣлъ помочиться и вышелъ вонъ, не снявъ орхимджи. Ламы думаютъ: «Э, Цзонкава вовсе не знаетъ закона! Кто же, не снявъ орхимджи и не положивъ его въ приличное мѣсто, ходитъ мочиться!» Они выглянули въ двери; Цзонкава мочится безъ орхимджи, а орхимджи виситъ на рогахъ бурхана, который находился внѣ дома.

(Запис. въ Гумбумѣ отъ тангутск. ламы Вайди Намцяла, род. изъ деревни Машинъ, близь Гумбума).

б. Цзонкава родился на мѣстѣ, гдѣ нынѣ суме съ золотой крышей. Тутъ прежде былъ ключъ.

Подросши, Цзонкава отправился учиться въ обитель Шячунъ; тамъ его наставникомъ (бакши) былъ Чжочжутѳ-рембучи. Когда Цзонкава отсюда отправился въ Лассу изучать номъ, бакши приказалъ ему, взошедши на высокую гору, взглянуть назадъ. Цзонкава не исполнилъ приказанія и прошелъ въ Лассу весь путь, держа лицо впередъ. Бакши Чжочжутѳ-рембучи осердился и въ досадѣ началъ бить по стѣнамъ дома, въ которомъ жилъ Цзонкава. Всѣ деревянныя доски полетѣли въ небо черезъ отверзтіе, которое было въ потолкѣ. Въ испугѣ Чжочжутѳ-рембучи

успѣлъ ухватиться только за одну балку, которая и осталась въ его рукѣ. Говорятъ, эта балка и теперь хранится въ Шячунѣ.

Однажды, живя въ Лассѣ, Цзонкава сдѣлалъ рогатую маску и сталъ примѣривать ее на себѣ; его ученикъ Чочжа говоритъ ему: «Позволь и мнѣ примѣрить»? «Нѣтъ, говоритъ Цзонкава, не дамъ; тебѣ нельзя!» Потомъ Цзонкава сдѣлалъ тронъ и сѣлъ на него въ рогатой маскѣ. Чочжа говоритъ: «Позволь мнѣ сѣсть на тронъ». Цзонкава передалъ ему маску и пустилъ на тронъ. Чочжа въ рогатой маскѣ усѣлся на тронъ. Цзонкава дунулъ и Чочжа въ этомъ видѣ остался на вѣки сидящимъ на тронѣ. Его нетлѣнное тѣло, говорятъ, такъ и теперь стоитъ въ Лассѣ съ раскоряченными ногами и съ рогами на головѣ.

Въ Лассѣ къ Цзонкавѣ пришли два ламы Чжасырчжи и Кедючжи; передъ входомъ въ его келью они дали другъ другу слово не кланяться Цзонкавѣ. Когда вошелъ одинъ изъ нихъ, Чочжа, ученикъ Цзонкавы, помѣстившійся на верхнемъ косякѣ двери, спихнулъ шапку съ вошедшаго; тотъ подумалъ, что шапка сама упала и нагнулся, чтобы поднять ее. Лама, шедшій сзади, думаетъ: «Вотъ уговаривалъ меня не кланяться, а самъ поклонился! Поклониться, видно, и мнѣ?» И поклонился. Шедшій спереди, поднимая шапку, увидѣлъ, что задній товарищъ его кланяется, подумалъ: «Вотъ говорилъ, что не будетъ кланяться, а поклонился. Поклониться, видно, и мнѣ». Поклонился и этотъ. Когда ламы Чжасырчжи и Кедючжи сидѣли у Цзонкавы, Цзонкава вышелъ въ орхимджи вонъ, чтобы помочиться. Ламы говорятъ между собой: «Цзонкава нома не знаетъ; не снявъ орхимджи, пошелъ мочиться». Вышли слѣдомъ посмотрѣть, а Цзонкавино орхимджи виситъ на рогахъ Чочжи. Изображенія Чжасырчжи и Кедючжи и теперь ставятся передъ Цзонкавой; они тоже бурханы.

Тангутск. лама въ Гумбумѣ.

(Широнгольскій).

в. Джицзункава пришелъ къ горѣ, гдѣ теперь монастырь Галданъ (тогда Менгучжу еще не было) и поселился въ пещерѣ. Шли два ламы изъ Чжагыръ-дорджитана, увидѣли женщину, доящую корову и спрашиваютъ ее: «Гдѣ намъ найдти большеносаго ламу?» Она сказала: «Погодите! я дою корову!» Кончивъ доенье, она умыла руки, поставила три куджи, поклонилась на западъ и сказала: « Я поклоняюсь Джицзункавѣ, который живетъ въ той сторонѣ, а большеносаго ламы я не знаю». Ламы пошли далѣе на западъ и опять встрѣтили женщину, собирающую аргалъ. Они спросили ее: «Гдѣ тутъ живетъ большеносый лама?» Она, указавъ имъ на коровью лепешку, спросила: «Вотъ корова положила эту вещь; гдѣ у этой вещи голова, сверху или снизу?» Ламы не знали, что отвѣтить. Она зажгла три куджи, поклонилась и сказала: «Впереди меня въ пещерѣ живетъ Джилама, большеносаго же ламы я не знаю!» Ламы подходятъ къ пещерѣ и думаютъ: «Не будемъ поклоняться Джиламѣ!» Стали входить въ пещеру и задѣли шапками за двери; шапки упали и они наклонились поднять ихъ.

Оба ламы стали шаби Джиламы. Джилама задумалъ построить монастырь на горѣ, на которой жилъ и говоритъ шаби: «Нужно прежде узнать средство, какъ построить суме, а узнать его можно только въ Дорчжитанѣ. Тамъ есть одинъ 80-ти лѣтній старикъ лама, живущій въ пещерѣ. Идите къ нему и спросите». Два шаби пришли къ тому ламѣ. Онъ спрашиваетъ ихъ: «Что, построили ли Галданъ?» «Построили», отвѣчаютъ шаби. «Не правду говорите!» говоритъ старикъ. «Что же, развѣ доили молоко у львицы!» «Доили», лгутъ шаби. «Неправду говорите! И землю возили на рыжемъ быкѣ» (шира буха)? «Возили», увѣряютъ шаби. «Все неправда!» Шаби ушли. По ихъ уходѣ старый лама говоритъ своему шаби: «Что я сдѣлалъ? Эти люди взяли у меня мой умъ! Иди и отними у нихъ его назадъ! Убей ихъ!» Шаби догналъ ламъ и говоритъ: «Вы взяли у моего ламы умъ (ло)! Возвратите!» Тѣ сняли съ себя сдѣланную изъ бычьей шкуры подпругу (гло), которую они нашли дорогой и употребили вмѣсто пояса, и отдали ее посланцу. Шаби вернулся домой; лама спрашиваетъ: «Ну что, убилъ ихъ?» «Нѣтъ, говоритъ шаби, они возвратили украденную подпругу». Тутъ лама понялъ, что его шаби, вмѣсто слова «умъ», ло, понялъ «подпруга», гло и говоритъ: «Ахъ! теперь для красной вѣры пришелъ конецъ. Въ Галданѣ появился проповѣдникъ и теперь желтая вѣра распространится». Когда шаби принесли секретъ ламы, начали строить Галданъ. Отъ кропленія львинымъ молокомъ вода въ озерѣ, окружавшемъ Галданъ, заледенѣла и по льду стали возить землю и другіе матеріалы на рыжемъ быкѣ. Когда постройку кончили, Джилама собралъ всѣхъ плотниковъ, каменьщиковъ и разныхъ мастеровъ, участвовавшихъ въ постройкѣ, и устроилъ имъ пиръ, благодарилъ ихъ и сказалъ: «Большія хлопоты вамъ были!» А рыжаго быка пригласить на пиръ и забыли. Быкъ сказалъ, что онъ три вѣка будетъ разрушать желтую вѣру. Сначала быкъ возродился въ видѣ царя Ландармы, потомъ въ видѣ синиискаго амбаня Нингуѣ [1]), потомъ въ видѣ китайскаго генерала Хо-чжунъ-тана.

Во времена послѣдняго, китайскій императоръ пригласилъ къ себѣ въ Пекинъ гэгэна Джанджа-руви-дорчжи. Во время угощенія гэгэну подали чашку буты, гэгэнъ выбросилъ буту на землю. Ханъ осердился и спросилъ, что это значитъ; гэгэнъ объяснилъ ему, что недалеко отъ Пекина въ городкѣ Ша-хай пожаръ и что онъ бросилъ буту на огонь, чтобъ потушить его. Ханъ велѣлъ узнать, такъ ли это, и если окажется вѣрно, то обѣщалъ оставить Джанджа-гэгэна въ Пекинѣ. Оказалось, что гэгэнъ сказалъ правду. Когда гэгэнъ умеръ, генералъ Хо-чжунъ-танъ говоритъ хану: «Это былъ великій гэгэнъ! нужно для него построить субурганъ въ Утаѣ». Ханъ разрѣшилъ ему и генералъ поѣхалъ приводить приказаніе хана въ исполненіе. Онъ построилъ субурганъ [2]) и похоронилъ въ немъ гэгэна головой внизъ, ногами вверхъ. При этомъ онъ сказалъ: «При жизни я тебѣ ничего не могъ сдѣлать; по крайней мѣрѣ послѣ смерти сдѣлаю зло». На этомъ мѣстѣ образовалась курдэ (молитвенная мельница).

Лама Дзундуй, широнголъ изъ Саньчуани.

---

[1]) Нянъ-гэнъ-яо. См. выше, стр. 227.

[2]) Субурганъ—башня, ступа.

У Гюка исторія Цзонкавы (Tsong-kaba) разсказана такъ. Отецъ его Lombo-Moke былъ пастухъ, жившій въ черной палаткѣ; онъ владѣлъ немногимъ; двадцать козловъ и нѣсколько яковъ было все его богатство. Онъ и жена его жили одни; дѣтей не было. Онъ пасъ скотъ въ окрестностяхъ, а жена его Chintsa—tsio оставалась дома заниматься молочнымъ хозяйствомъ и тканьемъ шерстяныхъ матерій. Однажды она спустилась на дно оврага за водой, съ ней случилось головокруженіе и она упала въ безпамятствѣ на камень, на которомъ были вырѣзаны слова въ честь Будды Шакджа-муни. Она зачала. Въ 1357 году родился мальчикъ; Ломбо-Моке далъ ему имя Цзонкава по имени горы, у которой пасся его скотъ. На третьемъ году Цзонкава пожелалъ идти въ духовные. Мать сама обрила ему волосы и бросила ихъ при входѣ въ палатку; тутъ выросло дерево. Въ это время пришелъ какой-то лама, былъ принятъ ласково въ палаткѣ и остался учителемъ Цзонкавы. Научивъ Цзонкаву, онъ поднялся на вершину горы, заснулъ и болѣе не пробуждался. Оставшись безъ учителя, Цзонкава идетъ въ Лассу и поселяется въ одномъ изъ глухихъ мѣстъ города. Около него собирается партія сторонниковъ его нововведеній. Шакджа, живой будда, идетъ посрамить его; при входѣ въ убогую келью онъ задѣлъ за косякъ и его красная шапка упала на землю; это было истолковано, какъ предзнаменованіе торжества желтой шапки. Цзонкава молчалъ и продолжалъ сидѣть, скрестивъ ноги и не вставая. Шакджа обратился къ нему съ обличительной рѣчью. Вдругъ Цзонкава прерываетъ его: «Жестокій! отпусти вошь, которую ты катаешь между пальцами... Я слышу стоны несчастной и сердце мое разрывается отъ жалости»! Шакджа призналъ себя побѣжденнымъ и простерся передъ Цзонкавой (Huc, Souvenirs d'un voyage dans la Tartarie, le Thibet et la Chine pendant les années 1844, 1845 et 1846, Paris, 1850, t. II, p. 104—108).

Исторія зачатія въ разсказѣ Гюка сходна съ сказаніемъ о Гэсэрѣ; см. выше стр. 5 и 64, а также у Шмидта въ Thaten, S. 11.

Наказъ учителя не оглядываться назадъ ср. съ мѣстомъ въ тангутскомъ сказаніи о Гэсэрѣ (см. выше, стр. 41), въ которомъ отецъ упрекаетъ дочь, выданную замужъ, за то, что она, уѣзжая изъ родительскаго дома, не оглянулась. Эпизодъ съ досками напоминаетъ намъ разсказъ о дѣвѣ лебеди, оставляющей мужа, который напрасно ловитъ ее за ноги; см. Очерки, IV, 24; Записки Вост.-Сиб. Отд. Императ. Русск. Географ. Общ. по этн., т. I, в. 1, стр. 144; в. 2. стр. 146. Въ одномъ варіантѣ мужъ этой жены-лебеди (лебедь по монгол. хонгъ, поякутски хуба) называется Одюгэ-хогоръ-бо, въ другихъ Хоридой. Объ отношеніяхъ этого имени къ книжному Аланъгоа или Алань-гова см. въ Запискахъ Вост.-Сиб. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ.. т. I, ibid. О сверхъестественномъ зачатіи Алань-говы см. Алтанъ-Тобчи, стр. 5; у Сананъ-Сэцэна, стр. 59; Юань-чао-ми-ши, стр. 26.

Рогатаго Чочжа не слѣдуетъ ли отожествить съ тѣмъ лицомъ, которое состязалось съ Цзонкавой въ вѣроученіи? Рога, являющіеся на головѣ Чоджи, не даны ли ему Цзонкавой въ наказаніе за самоувѣренность въ родѣ того, какъ Аполлонъ даетъ ослиныя уши Мидасу? У Даранаты есть разсказъ о глупомъ и упрямомъ ученикѣ одного святого, Шинкибѣ, у котораго на головѣ вырастаютъ рога (Васильевъ, Буддизмъ III, 96).

Вынужденный поклонъ при входѣ въ двери въ нашихъ народныхъ разсказахъ приписанъ Соломону (Драгомановъ, Малор. пред., 103.). При входѣ въ языческій храмъ онъ не хочетъ поклониться, но особо приспособленныя двери ударили его по головѣ и заставили нагнуться.

Разсказъ о построеніи Галдана ср. съ № 27. Кормленіе молокомъ львицы ср. съ хотанской легендой о построеніи города, которому предшествуетъ обливаніе будущихъ границъ города водой изъ тыквы.

Замурованіе гэгэна вверхъ ногами ср. съ темой о прикованномъ вверхъ ногами; см. Очерки, IV, 763.

Параллели къ разсказу о явившемся проповѣдникѣ новаго ученія собраны нами въ примѣч. къ № 23.

40. ОБРАЗЪ ЦЗОНКАВЫ.

(Широнгольскій).

Цзонкава, построивъ монастырь Галданъ, остался тамъ жить. Думая, что мать его скучаетъ безъ него, онъ взялъ листъ бумаги и кровью изъ своихъ дёсенъ нарисовалъ свой портретъ и послалъ его съ однимъ человѣкомъ къ матери, которая продолжала жить на его родинѣ (т. е. въ вершинѣ р. Силинъ-голъ, на которой стоитъ городъ Силинъ или Сининъ). Посолъ дорогой посмотрѣлъ на портретъ; ему онъ понравился. Онъ сдѣлалъ съ него копію, и копію вручилъ матери, а подлинникъ оставилъ у себя въ монастырѣ Кадигава[1]). Когда мать развернула картину передъ собой, изображеніе, бывшее на ней, признесло: ама! «мать!» Подлинникъ остался въ монастырѣ Кадигава, гдѣ онъ и теперь находится.

Лама широнголъ изъ монастыря Уньчжа-суме.

Въ монастырѣ Катигава жилъ одинъ лама; онъ занималъ должность нонсу[2]). Однажды онъ отправился въ Менгу-чжу и зашелъ къ Зонкавѣ. Зонкава сказалъ ему: «Лѣта мои теперь большія; предпринять путешествіе на свиданіе съ матерью я не въ состояніи. Отвези ей мое изображеніе». И онъ нарисовалъ свой портретъ своей кровью и передалъ ламѣ. Лама Катигава-нонсу, прибывъ на родину, не отдалъ изображенія Зонкавы его матери, а оставилъ его въ своемъ монастырѣ. Матери же передалъ копію, которую самъ сдѣлалъ. Эта копія, сдѣланная рукою Катигава-нонсы, очутившись въ рукахъ матери Зонкавы, произнесла: «Мать! каково живешь?» Рисунокъ могъ только эти три слова сказать. Настоящій же, если бы очутился въ рукахъ матери, говорилъ бы съ нею три дня.

Лама Дзундуй, широнголъ.

---

41. ЧЖАЯНЪ-ЧЖАППА-СЭНЪ.

Три гэгэна Чжаянъ-чжаппа-сэнъ, Шаргарданъ-чжамцу-сэнъ и Кубчюгъ-сэйчергенъ-сэнъ были сыны одной матери, которую называли Маюла-чжолма. Къ нимъ присоединился четвертый товарищъ Алыкъ-дева-сэнъ. Вчетверомъ они оставили свою родину Чжагыръ-дорчжитанъ и отправились на сѣверъ. Шаргарданъ-чжамцу-сэнъ поселился тамъ, гдѣ нынѣ монастырь Рунву-гонченъ[3]); остальные три това-

---

[1]) Кадигава находится въ Сань-чуани на Желтой рѣкѣ. См. указатель къ I тому.

[2]) Казначея.

[3]) Руньву—вѣроятно то же, что и Урунъву; см. т. I, ч. II, стр. 227.

рища пришли въ мѣстность, гдѣ нынѣ стоитъ монастырь Лабранъ. Здѣсь они встрѣтили двухъ женщинъ. Одна женщина спросила у другой: «Не видѣла ли быка, котораго я потеряла?» Другая сказала: «Твой быкъ въ мѣстности Чжашинъ-чи». Такъ тогда называлось мѣсто, гдѣ нынѣ Лабранъ. Гэгэнъ, отдыхавшій возлѣ со своей нищенской сумой, услышалъ эти слова и подумалъ: «Какое хорошее это имя!» Одинъ тутошній житель поднесъ гэгэну молока и простокваши (шю); когда гэгэнъ принималъ дары, капля простокваши упала на землю. Гэгэнъ сказалъ: «Это хорошій знакъ, что капля дара упала на землю». Онъ рѣшился тутъ поселиться; это была земля Хари-вана монгольскаго. Вся долина, гдѣ стоитъ теперь Лабранъ, была залита водой; выше Лабрана въ мѣстности Лютэнъ-цангу жилъ духъ, который напускалъ воду; ниже монастыря въ мѣстности Лучжерма жилъ другой, который не пускалъ воду далѣе; гэгэнъ Чжаянъ-чжаппа-сэнъ укротилъ ихъ и всю воду отослалъ вверхъ. На освобожденномъ отъ воды днѣ долины онъ построилъ монастырь; Хари-ванъ сталъ давать ему матеріалы для постройки и пищу для братій.

Потомъ Чжаянъ-чжаппа-сэнъ отправился въ Мэнгу-чжу и тамъ устроилъ себѣ обитель. Одинъ богатый купецъ началъ снабжать его молокомъ и пищей. Этому богатому человѣку нужно было отправиться съ караваномъ; онъ попросилъ гэгэна дать ему слугу изъ своей братьи. Гэгэнъ далъ ему Тамчинъ-чойчжала[1]). Дорогой на одномъ ночлегѣ мальчикъ, бывшій при купцѣ, сѣлъ починять свой башмакъ. Тамчинъ-чойчжалъ засмѣялся. «Надъ чѣмъ ты смѣешься?» спросилъ купецъ. «Этотъ мальчикъ, сказалъ Тамчинъ-чойчжалъ, завтра умретъ, а сегодня усѣлся чинить башмакъ!» Дѣйствительно въ ночь тотъ мальчикъ умеръ. Когда поѣхали дальше, увидѣли человѣка, который, собирая дрова, пытался вырвать кустъ съ корнями. Тамчинъ-чойчжалъ опять засмѣялся. Далѣе увидѣли человѣка, который, желая добыть камень для очага, напрасно пытался выворотить одинъ камень, сидѣвшій въ землѣ. Тамчинъ-чойчжалъ въ третій разъ засмѣялся. По возвращеніи изъ путешествія купецъ спросилъ Чжаянъ-чжаппа-сэна, что означаетъ этотъ смѣхъ. И тотъ объяснилъ: «Кустъ это были волосы хозяина земли, а камень—верхушка «чончона» земли»[2]). Потомъ купецъ, полагая, что бывшій его слуга не простой человѣкъ, просилъ показать его въ настоящемъ видѣ. И передъ нимъ явился Тамчинъ-чойчжалъ съ бычьей головой.

Послѣ того Чжаянъ-чжаппа-сэнъ удалился въ другую страну, гдѣ не было еще духовнаго просвѣщенія. Мѣстность, гдѣ стоитъ Лабранъ, стала достояніемъ олётскаго Срю-вана. Срю-ванъ отыскалъ Чжаянъ-чжаппа-сэна, пригласилъ его возвратиться, обѣщалъ построить монастырь, снабдить его всѣмъ нужнымъ и пропитывать братію. Гэгэнъ вернулся. Вся земля, принадлежащая теперь Чжаянъ-чжаппа-сэну, прежде была Срю-ванова.

Ами-салунъ, тангутъ изъ подъ Лабрана.

---

[1]) Чойчжалъ у монголовъ извѣстенъ подъ именемъ Ерликъ-ханъ.

[2]) Чончонъ—деревянная жердь или ось внутри глиняныхъ статуй боговъ.

Тамджинъ—богъ, изображенія котораго встрѣчаются въ буддійскихъ монастыряхъ Монголіи и Тибета. По одному показанію, записанному мною въ Ордосѣ, Тамчановъ (т. е. ихъ изображеній) пять, Тамчанъ-шконъ-нга: 1) Тамчанъ-дорчжи-легпа; онъ представляется ѣдущимъ на львѣ (танг. сэнгэ); это самый важный; 2) Тамчанъ-гварныръ: представленъ ѣдущимъ на козлѣ; 3) Тамчанъ-норчжу; онъ ѣдетъ на верблюдѣ; 4) Тамчанъ-норлыръ на птицѣ Галчжи (по тангут. чунъ): 5) Тамчанъ-рчживу-чембу на медвѣдѣ (медвѣдь по тангут. чи или чирдонъ).

Въ Сань-чуани, въ кумирнѣ монастыря Уньчжа-сюме я видѣлъ изображеніе Тамджина, ѣдущаго на козлѣ; мнѣ передавали, что ему покланяются гурьтуны, родъ шамановъ, которые имѣются по одному при монастырѣ. Тамджинъ какъ бы патронъ гурьтуновъ. Силою молитвъ, обращенныхъ къ этому богу, можно привести человѣка въ особое гипнотическое состояніе. Молитвы можетъ читать всякій, лама или свѣтскій человѣкъ, лишь бы зналъ ихъ. Читающій бьетъ въ бубенъ. Противъ него сидитъ человѣкъ на колѣнахъ, и держитъ въ рукѣ пурьву или простую палку. Пурьву называется особое орудіе; это деревянный стержень или жезлъ, у котораго одинъ конецъ имѣетъ видъ очира, а другой видъ трехграннаго наконечника стрѣлы. Отъ чтенія молитвъ пурьву начинаетъ двигаться въ рукахъ держащаго его; движеніе постепенно усиливается и кончается тѣмъ, что пурьву трясется неистово и трясетъ самого человѣка. Впрочемъ есть люди, у которыхъ не удается вызвать тряски.

У Шлагинтвейта (Emil Schlagintweit, Buddhism in Tibet, London, 1863, p. 257) о пурьву сказано, что это слово значитъ буквально «гвоздь», «игла» и что это орудіе предотвращаетъ навожденіе злыхъ духовъ. Богъ Тамдинъ, защитникъ отъ злыхъ духовъ, изображается иногда въ видѣ одной головы, коронованной очиромъ; по сторонамъ головы два пурьву остріями внизъ; всѣ три фигуры, голова бога и два пурьву стоятъ на основаніи треугольника, вершина котораго обращена внизъ [1]). На стр. 289 пурьву (phurbu) выдается за имя Юпитера и переводится «три гвоздя». Такое названіе приличнѣе Оріону, чѣмъ Юпитеру; три фигуры—голова и два пурьву—соотвѣтствуютъ тремъ звѣздамъ пояса, треугольникъ подъ ними тремъ нижнимъ звѣздамъ Оріона, расположеннымъ въ видѣ треугольника (вершиной впрочемъ кверху).

Отъ одного тангута, вѣры бонбо, ходившаго на поклоненіе въ Лассу, я записалъ показаніе, что въ южномъ Тибетѣ, на перевалѣ къ озеру Джарунъ лежитъ камень, который народомъ принимается за наковальню бога Тамджина (Разспросн. свѣд. о вост. Тибетѣ въ Извѣст. И. Р. Геогр. Общ. за 1887 г. (т. XXIII), кн. 4, стр. 13). Въ Монголіи отдѣльные камни иногда признаются за наковальню Чингисъ-хана (т. е. Темучина). См. Очерки, IV, 803.

О Тамджинъ-ханѣ см. ниже, № 63.

Относительно имени Тамчанъ А. О. Ивановскій сообщилъ мнѣ слѣдующую замѣтку: Это Хаинкирва или Хаягрива (санскр. слово), по тибетски рТа-мГринь, что можно читать Там-динь, Там-чжинь, Дам-динь, Дам-цзинь и т. д. Jäschke читаетъ Ta-din. Первый видъ его Тамчанъ-дорчжи -легпа; дорчже—алмазъ; легспа хорошій. Второй: Т. гварныръ; наг? черный; ср. Гвардамба (см. выше, стр. 200 — дамба храбрый, благородный, святой); гарнаг, имя лекарства. Третій: Т. норчжу; норъ — рГью (чжу)? нор «драгоцѣнность», «богатство»; рГью — «источникъ»; источникъ богатства? есть имя богини Норчжуньма, «безпрерывное богатство». Четвертый: Т. норлыръ; нор—лаг? т. е. «драгоцѣнность въ рукѣ», «драгоцѣнная рука». Для послѣдняго Тамчанъ-рчживу-чембу предлагаю: рЧжеу (рЧжево, рЧжеву) чэньбо «великій господинъ», «великій князь».

42. УНДУРЪ ГЭГЭНЪ.

(Бурятскій).

Ундуръ-гэгэнъ зналъ, что наступаетъ часъ смерти Банченъ-эрдени. Онъ отправился въ Тибетъ и въ семь дней достигъ резиденціи святого. Когда послѣ захотѣли узнать, какимъ образомъ онъ успѣлъ такъ быстро совершить этотъ путь и

[1]) Ср. съ сказочной темой бурятъ: чтобъ напугать медвѣдя, на плечи человѣка прикрѣпляются два мотка шерстяныхъ нитокъ; см. въ Записк. Вост. сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 1, стр. 87; в. 2, стр. 54.

стали разспрашивать жителей по дорогѣ, то оказалось, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ придорожные жители видѣли семь ѣдущихъ ламъ (Ундуръ-гэгэнъ отправился со свитой изъ шести человѣкъ), въ другихъ же мѣстахъ людей не видали, а видѣли семь летящихъ ангировъ [1]). Прибывъ въ Тибетъ, Ундуръ-гэгэнъ не засталъ уже святого въ живыхъ; три дня уже прошло, какъ онъ умеръ. Ундуръ-гэгэнъ сталъ его звать и просить возвратиться къ земной жизни. Банченъ-эрдени возвратился въ свое тѣло и спросилъ гэгэна, зачѣмъ онъ его зоветъ. Ундуръ-гэгэнъ сказалъ ему, что онъ пріѣхалъ получить совѣтъ, что ему дѣлать съ Халхаскимъ народомъ, который погрязаетъ въ грѣхахъ. Банченъ-эрдени сочинилъ ему особую молитву и вновь перешелъ въ нирвану. Эту молитву теперь читаютъ; она способствуетъ тому, чтобъ душа при смерти изъ тѣла выходила черезъ темя, а не чрезъ какую-нибудь другую часть тѣла. Въ послѣднемъ случаѣ душа можетъ затеряться въ здѣшнемъ мірѣ, выйдя же изъ темени, она направляется въ верхнія сферы, въ рай. Обыкновенно чтеніе устраивается такъ: одинъ лама читаетъ, а другіе слушаютъ, преклонивъ голову къ землѣ. Отъ чтенія молитвы душа слушающаго направляется къ темени. Когда же человѣкъ будетъ умирать впослѣдствіи, душа такого человѣка также направится къ темени, такъ какъ она привыкла уже къ этому пути.

Жигжидъ Галсановъ, бурятъ хоринскаго вѣдомства (дацанъ Шолоту).

Подъ именемъ Ундуръ-гэгэна у монголовъ теперь извѣстенъ первый ургинскій хутукта, иначе первый богдо-гэгэнъ. Г. Позднѣевъ говоритъ, что ургинскихъ гэгэновъ до 1635 г. не было, что въ этомъ году въ семействѣ Тушету-хана родился мальчикъ, которому потомъ было суждено стать первымъ богдо-гэгэномъ; за тѣмъ г. Позднѣевъ говоритъ, что утвержденіе, будто линія богдо-гэгэновъ не возникла самостоятельно въ сѣверной Монголіи, будто рядъ этихъ хубильгановъ прежде являлся въ южной Монголіи и потомъ только одинъ изъ нихъ перенесъ свою резиденцію на сѣверъ и тѣмъ положилъ начало ряду сѣверно-монгольскихъ гэгэновъ, есть будто-бы вымыселъ европейскихъ ученыхъ. Какихъ именно, г. Позднѣевъ не упомянулъ (см. Позднѣевъ, Ургинскіе хутухты, Спб., 1879 г., стр. 5). Мы дѣйствительно нашли у Гюка разсказъ о томъ, что гуй-хуа-ченскій хубильганъ, послѣ одного политическаго инцидента, возродился на сѣверѣ Монголіи подъ именемъ Guison Tamba [2]) (Huc, Souvenir d'un voyage dans la Tartarie, t. I, Paris, 1850, p. 186). Гюкъ конечно не выдумалъ этого извѣстія, а слышалъ его отъ монголовъ. Мнѣ кажется, слѣдуетъ отличать Ундуръ-гэгэна отъ перваго ургинскаго богдо-гэгэна. Рядъ ургинскихъ богдо-гэгэновъ дѣйствительно начинается съ хубильгана, родившагося въ семействѣ Тушету-хана въ 1635 году, но имя Ундуръ-гэгэнъ могло существовать въ Монголіи и ранѣе. Можетъ быть оно придавалось иногда и гуй-хуа-ченскому гэгэну, а впослѣдствіи было перенесено на ургинскаго богдо-гэгэна вмѣстѣ съ связанными съ нимъ легендами.

Въ существующихъ записанныхъ сказаніяхъ находятся три темы, связанныя съ именемъ Ундуръ-гэгэна.

1) Болѣзнь Ундуръ-гэгэна и избавленіе его отъ болѣзни замѣною живымъ человѣкомъ. Легенда записана г. Позднѣевымъ (Ургинскіе хутухты, стр. 36). Ундуръ-гэгэнъ заболѣлъ; никакія лѣкарства не помогали ему; тогда ламы поняли, что болѣзнь наслана Ерликъ-ханомъ, который намѣтилъ взять душу Ундуръ-гэгэна; бѣдствіе могло быть предотвращено только принесеніемъ въ жертву Ерлику живого человѣка; это шаманское вѣрованіе; можетъ быть въ древности приносились дѣйствительныя человѣческія жертвы, въ позднѣйшее время онѣ замѣнились

---

[1]) Ангиръ—красная утка.

[2]) Guison Tamba есть конечно Джибцзунъ Дамба, какъ называется по тангутски богдо-гэгэнъ.

менѣе жестокимъ обрядомъ: назначеннаго въ жертву Ерлику человѣка взамѣнъ больного одѣвали въ платье больного и изгоняли изъ человѣческаго общества или покрайней мѣрѣ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ живетъ больной [1]). Во время болѣзни Ундуръ-гэгэна многіе князья стали жертвовать Ерлику взамѣнъ больного, своихъ людей; ихъ одѣвали въ платье, какое носилъ гэгэнъ, и за тѣмъ имъ было велѣно уйдти въ лѣсистыя мѣста, и пока не умретъ гэгэнъ, не показываться. Когда гэгэнъ выздоровѣлъ, имъ было позволено возвратиться въ стойбища. Изъ нихъ образовалось племя дархатъ, которое составляетъ родъ крѣпостныхъ ургинскаго богдо-гэгэна. Объ этомъ обычаѣ см. выше, ч. I, стр. 134. Кромѣ дархатъ такое же происхожденіе отъ изгнаннаго въ степь въ жертву Ерлику приписывается кажется и урянхайцамъ и народу Урусъ (т. е. русскому); къ сожалѣнію, показанія объ этомъ были мною плохо записаны (Очерки, IV, 356).

Историкъ Миллеръ въ своей книгѣ «Описаніе Сибирск. царства», Спб., 1750, стр. 4—5 помѣстилъ такой разсказъ о Чингисъ-ханѣ: Былъ тангутскій ханъ Галданъ дугеръ-ханъ, по монгольски Бадарингой-Цаганъ-тынгири. Онъ заболѣлъ; богъ явился ему въ видѣ ламы и сказалъ, что болѣзнь послана ему за невѣріе. Ханъ велѣлъ своему сыну и девяти своимъ знатнымъ слугамъ принять духовное званіе, но тѣ не захотѣли, бѣжали въ степь и овладѣли народомъ, а царевича, который прежде назывался Соту-богдо, сдѣлали ханомъ. При этомъ небольшая птица кричала: чингисъ! чингисъ! Поэтому и дали ему имя Чингисъ-ханъ. Это какъ бы версія легенды о царѣ, обреченномъ смерти и о замѣнѣ его человѣческой жертвой. Можетъ быть преданіе о Чингисѣ разсказывалось и ближе къ легендѣ объ Ундуръ-гэгэнѣ. По распространенному въ Халхѣ преданію, Чингисъ былъ найденъ младенцемъ, лежащимъ подъ деревомъ, на которомъ сидѣла сова. Въ славянской повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ, будущій вавилонскій царь Навуходоносоръ, найденъ младенцемъ подъ деревомъ, на которомъ сидѣла сова; этотъ разсказъ находится въ связи съ исторіей мора въ Вавилонѣ и изгнанія въ лѣсъ всѣхъ зараженныхъ. Алтайское сказаніе (Очерки, IV, 169): ханъ, у котораго заболѣлъ сынъ, недоволенъ шаманомъ Джерканатомъ, не захотѣвшимъ замѣнить собою больного и пойдти вмѣсто него въ царство мертвыхъ. Мы сближали Джерканата съ другимъ шаманомъ Тарханомъ, а этого съ шаманомъ Тѣбъ-тэнгэри, соперникомъ Чингисъ-хана. Тема объ усѣченной и проявляющей жизнь головѣ, связанная съ именемъ шамана Тархана, также отсылаетъ насъ къ Чингисъ-хановскимъ легендамъ (см. Очерки IV, 841). Джерканатъ въ другомъ алтайскомъ варіантѣ участвуетъ въ освобожденіи какого-то Темиръ-боко, прикованнаго въ царствѣ мертвыхъ (ibid., 173); чуть ли это не есть сынъ хана, ради котораго Джерканатъ спускается въ царство Ерлика. Имя Темиръ напоминаетъ первоначальное имя Чингисъ-хана Темучинъ, которое у мусульманскихъ историковъ является въ формѣ Темурчинъ. Кажется въ такомъ видѣ оно употреблялось и въ самой Монголіи. См. ниже. примѣч. къ № 56. Въ Юань-чао-ми-ши царевичъ Толуй идетъ въ замѣнъ больного Оготая, сына Чингисъ-хана; можетъ быть на Толуя разсказъ перенесенъ съ Чингисъ-хана.

Сказаніе о другѣ Чингиса Борчжи, Боорчи или Богорчи, повидимому, также способно поддержать предположеніе, что о Чингисѣ говорилось то же, что объ Ундуръ-гэгэнѣ. Въ Алтанъ-Тобчи (стр. 129) разсказывается: Тайджигуты угнали изъ дома Темучина восемь соловыхъ мериновъ; Темучинъ погнался слѣдомъ и встрѣтилъ Кулукъ-Богурчія, сына Лаху-Баянова; Кулукъ-Богурчи вызвался быть товарищемъ. Когда они прибыли къ Тайджигутамъ и замѣтили около восьми соловыхъ лошадей, Темучинъ хотѣлъ одинъ войдти въ кругъ, но Богурчи не согласился оставить его одного и они вдвоемъ отогнали темучиновыхъ лошадей. Когда они возвращались домой, Лаху-Баянъ встрѣтилъ ихъ на дорогѣ; «глядя на нихъ, онъ смѣялся, а обратившись въ сторону, плакалъ». Въ Очеркахъ (IV, 395—398) помѣщенъ разсказъ о мальчикѣ, который служилъ въ одномъ домѣ пастухомъ и укротилъ повадившагося конокрада, какого-то «ирея». За тѣмъ онъ входитъ въ одну юрту; при входѣ въ нее онъ замѣтилъ, что сидѣвшая въ юртѣ молодая женщина «взглянетъ на него, улыбнется; отвернется—плачетъ». Оказалось, что мужъ этой женщины, молодой вельможа, долженъ въ этотъ день идти на съѣденіе какому-то чудовищу Оролынъ-читкуру [2]). Мальчикъ вызвался идти вмѣсто обреченной жертвы; онъ былъ одѣтъ въ платье молодого вельможи и отведенъ къ чудовищу, которое, однако, само погибло отъ руки мальчика. За это мальчикъ

---

[1]) У калмыковъ такіе изгнанники называются андынъ (Нефедьевъ, Подробн. свѣд. о волжск. калмыкахъ, Спб., 1834, стр. 131).

[2]) Т. е. Ерлику? Оролынъ ср. съ Эрлэнъ-ханъ, бурятскимъ именемъ Ерлика.

получилъ званіе таргыла. Не потому ли и Лаху-Баянъ плакалъ, что Темучина ожидало какое-то несчастіе въ родѣ обреченія смерти и Богорчи не былъ ли его замѣстителемъ?

Г. Позднѣевъ («Монгольская лѣтопись Эрденіинъ эрихэ», стр. XXIX) говоритъ, что въ книгѣ Хуху-дэбтеръ есть постановленіе монголовъ о храненіи гробницы Чингисъ-хана потомками Богорчу. Мы знаемъ, что ордосская усыпальница охраняется дархатами; извѣстіе Хуху-дэбтера такимъ родомъ отожествляетъ дархатовъ съ потомками Богорчи [1]).

Имя дарханъ или тарханъ (множ. ч. дархатъ, тархатъ) въ сказаніяхъ часто связано или съ излѣченіемъ царевича или съ спасеніемъ его.

1) Шаманъ Тарханъ-бо излѣчаетъ отъ болѣзни царскаго сына и получаетъ имя Абысъ-камъ (Очерки, IV, 291).

2) Христіанинъ Сэ-ли-га-сы исцѣляетъ Толуя, сына Чингисъ-хана и получаетъ званіе талахань, т. е. тарханъ (Восточн. Сборн., Спб., 1872, стр. 39).

3) Адай-дархаты (живущіе въ долинѣ Шишкита) получили званіе дарханъ, по одному сказанію, за выдачу измѣнника Шидырвана (Шишмаревъ въ Извѣстіяхъ Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ., т. II, № 3), по другому, за выкупъ у Ерлика души больного Ундуръ-гэгэна [2]).

4) Человѣкъ, посланный искать врача для исцѣленія заболѣвшаго Годана, носитъ имя Дорда-дарханъ (Сананъ-Сэцэнъ, 111).

5) Водай и Кишликъ получаютъ отъ Чингиса тарханство за выдачу заговора Вана (у Рашидъ-эддина: Килунгутъ-тарханъ, стр. 165).

6) Семь старѣйшинъ получаютъ имя Дай-тарханъ за спасеніе сына Даянъ-хана отъ смерти во время битвы съ Барагунъ-туметами (Сананъ-Сэцэнъ, 189).

7) Тохтогаху хорчинскій получаетъ тарханство за то, что на его лошади ускакалъ и спасся отъ смерти Чингисъ во время сѣчи (Алтанъ-Тобчи, 132).

8) Человѣкъ, спасшій Чингиса отъ преслѣдованій Тайджіутовъ въ то время, какъ онъ сидѣлъ, спрятавшись въ водѣ, въ Алтанъ-Тобчи названъ Торгонъ-шара (127) [3]).

2) Отлетъ въ видѣ птицы. Въ Очеркахъ, IV, 308, мотивъ отлета другой; богдо-гэгэнъ былъ недоволенъ китайскимъ императоромъ за казнь Шидырвана. Батыръ-бэли отправляется въ страну, куда удалился святой, отыскивать его. Онъ нашелъ его возродившимся въ видѣ играющаго мальчика; ср. съ классическимъ повѣрьемъ, что Ахиллъ живъ и играетъ съ героями гдѣ-то въ отдаленныхъ мѣстахъ (Meyer, Indogerm. Mythen. II. Achilleis. Berl. 1887); вообще возродившихся гэгэновъ отыскиваютъ, показывая имъ вещи, которыя были у нихъ въ употребленіи въ ихъ прежнемъ перерожденіи; гэгэнъ узнаетъ свою вещь и ухватится за нее, а поддѣльную отвергнетъ. Та же тема связана и съ Чингисъ-ханомъ; пришествіе его ожидается, и онъ будетъ открытъ тѣмъ же способомъ, какимъ открываются гэгэны. По мнѣнію нѣкоторыхъ, онъ уже народился, но мать скрываетъ его отъ тархатовъ, которые разъѣзжаютъ по Монголіи, отыскивая родившагося Чингиса и имѣя при себѣ коллекцію его старыхъ вещей и поддѣлки подъ нихъ. См. ч. I, стр. 129.

Семь ангировъ [4]) встрѣчаются также въ халхасской легендѣ о бѣднякѣ, поднесшемъ козьяго молока къ чаю путешествовавшимъ семи ламамъ (Очерки, II, 166); имя этого бѣдняка Хунъ-тайджи [5]). Семь ламъ улетѣли подъ видомъ семи ангировъ. Въ Записк. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 1, стр. 116 помѣщена легенда о Илгысынъ—гэгэнѣ; мать будущаго гэгэна, по его совѣту, угощаетъ проходящихъ ламъ-странниковъ чаемъ съ козьимъ молокомъ; улетаетъ въ видѣ ангира угощавшій гэгэнъ, а не ламы странники. О мальчикѣ гэгэнѣ сказано, что онъ отъ рожденія до семи лѣтъ не говорилъ; молчаніе въ теченіи семи лѣтъ по рожденіи Дараната приписываетъ буддійскому святому Чандрагомину (Васильевъ, Буддизмъ, III, 153). Ордосское преданіе также смѣшиваетъ Илгысынъ-гэгэна съ Ундуръ-гэгэномъ; см. примѣч. къ № 55.

---

[1]) Не находится ли въ связи съ Богорчи имя Борджигитъ, какъ назывался самъ Чингисъ? У Сананъ-сэцена Külük Bogordschi поставленъ начальникомъ девяти урлюковъ.

[2]) Ордосскіе дархаты также называются иногда Дай-дархатами; см. ч. I, стр. 122.

[3]) Отецъ Цзонкавы въ его біографіи на монгольскомъ языкѣ названъ дарханомъ, при чемъ пояснено, что это значитъ «свободный отъ податей».

[4]) Объ ангирѣ (турнанѣ) см. Труды Пекинск. духовн. миссіи, IV, 40.

[5]) Въ одномъ бурятскомъ преданіи Хонъ-тайджа имя дѣвы-лебеди, жены Хоридоя, которая, съ двумя подругами, слетѣла отъ Хонъ-Хормуста-тынгырея на озеро Сайдамто (Иркутск. эпарх. вѣдом., 1889, № 47).

Въ тѣхъ же Запискахъ В. С. Отдѣла, стр. 123, другой разсказъ объ ангирѣ; это буддійская легенда о кающемся разбойникѣ (человѣкоядцѣ, мясникѣ; см. выше № 38, а также Очерки, IV, 273); кающійся становится богомъ — это Майдари или Шяиба[1]); лама отшельникъ, въ наказаніе за гордость своею святостью, улетаетъ подъ видомъ ангира. Въ южносибирскихъ легендахъ о сотвореніи міра ангиръ также противупоставляется богу Майдари; см. Зап. Вост. Сиб. Отд. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 2, стр. 139.

3) Сидѣнье въ скутанной юртѣ. Эта тема мнѣ встрѣтилась въ связи съ именемъ Нойонъ-хутухты, а не Ундуръ-гэгэна, но ее можно отнести и къ Ундуръ-гэгэну, или по крайней мѣрѣ къ богдо-гэгэну. Эпизодъ о Нойонъ-хутухту вставленъ въ разсказъ о Шидырванѣ (Очерки, II, 169); узнавъ, что Шидырванъ казненъ, Нойонъ-хутухту, принимавшій участіе въ заговорѣ Шидырвана, велѣлъ закрыть у своей юрты дымовое отверзстіе и дверь, одѣлся съ ногъ до головы въ черное и сталъ читать молитвы. Когда онъ кончилъ, платье его пожелтѣло, только на шеѣ осталось черное; ср. съ № 63 ниже. Въ другихъ варіантахъ сказанія о Шидырванѣ союзникомъ его называется не Нойонъ-хутухту, а богдо-гэгэнъ (см. Очерки, IV, 304). Сказочныя темы, отнесенныя къ богдо-гэгэнамъ, къ личностямъ историческимъ, весьма вѣроятно первоначально были связаны съ именемъ миѳическаго Ундуръ-гэгэна и перешли на богдо-гэгэновъ потому, что народъ смѣшалъ перваго богдо-гэгэна съ Ундуръ-гэгэномъ.

Легенда о Тамджинѣ выдаетъ сидѣнье въ темной юртѣ за искупленіе грѣха братоубійства. См. ниже, № 63. Уединеніе послѣ подобнаго преступленія индійскія сказанія приписываютъ Индрѣ (цитаты заимствуемъ изъ Revue de l'histoire des religions, 1886, t. XIV, № 3). Разсказъ Mahâbhârata'ы, стр. 294—297: Tvachtri, врагъ Индры, создалъ трехголоваго Viçvarûpa'у, который числился въ ряду брамановъ. Индра своей молніей убилъ чудовище. Тогда Tvachtri насылаетъ на Индру Вритру; Индра не можетъ побѣдить Вритру. По совѣту Вишну, онъ прибѣгаетъ къ хитрости; онъ договаривается съ Вритрой объ условіяхъ битвы и самъ нарушаетъ ихъ и убиваетъ противника. Подавляемый сознаніемъ въ двухъ преступленіяхъ, браноубійствѣ и клятвопреступничествѣ, Индра погружается на дно моря и остается тамъ въ теченіи тысячи лѣтъ.

Разсказъ Bhâgavata-Pourâna'ы, стр. 298: Висварупа, сынъ Tvachtri, трехголовый, заботливый о своихъ предкахъ со стороны матери, далъ имъ участіе въ жертвахъ; это было причиною его ссоры съ Индрой. Индра отрубилъ ему три головы. Tvachtri, чтобъ отмстить за сына, посылаетъ Вритру. Вритра проглотилъ Индру съ его слономъ, но Индра молніей разорвалъ ему брюхо и раздробилъ голову. Но это торжество не потушило въ немъ угрызеній совѣсти, что онъ убилъ брамана, и онъ погрузился въ озеро Mânasa и пробылъ въ немъ тысячу лѣтъ.

Изъ Mârkandeya—Pourâna, 302: Сынъ Tvachtri былъ нѣкогда убитъ молніей Индры. Индра, виновный въ убійствѣ брамана, былъ въ крайней печали. Онъ предпринялъ очищеніе грѣховъ, сложивъ съ себя блескъ чакры (çakra). Такимъ образомъ Чакра сталъ безъ блеска; его блескъ исчезъ въ покаяніи.

У Даранаты есть слѣдующій разсказъ: При царѣ Шилѣ тиртикъ Локаята не вѣритъ въ возможность перерожденій; нѣкто Чандрагоминъ, чтобъ убѣдить его, сказалъ, что онъ на дѣлѣ докажетъ это собственнымъ возрожденіемъ. Онъ сдѣлалъ себѣ знакъ на лбу, взялъ въ ротъ жемчужину и умеръ. Въ чьемъ семействѣ онъ долженъ переродиться, онъ предварительно указалъ. Царскіе послы пошли въ семейство Вишешака и нашли тамъ новорожденнаго съ тѣмъ же знакомъ на лбу и съ жемчужиной во рту. На трупѣ же знакъ на лбу и жемчужина исчезли. Мальчикъ сразу заговорилъ; испуганная мать прикрикнула на него и онъ замолчалъ на цѣлыхъ семь лѣтъ. Только когда отцу пришлось рѣшать какую-то мудрую задачу, онъ вновь заговорилъ. Онъ женился на Дара, но такъ какъ это было имя богини, которая ему покровительствовала, то онъ оставилъ жену. Тогда тесть велѣлъ положить его въ ящикъ и бросить въ Гангъ. Богиня Дара спасла его; она воздвигла среди рѣки островъ (Чандра-двипа), куда и причалилъ ящикъ. Имя Чандра-гомина сначала было просто Чандра, «луна», а потомъ, когда онъ сдѣлался упасакой или гоминомъ, его стали звать Чандра-гоминъ (Васильевъ, Буддизмъ, III, 153). Первый эпизодъ о перерожденіи соотвѣтствуетъ разсказу объ удаленіи Ундуръ-гэгэна изъ страны; знакъ на лбу и жем-

[1]) Въ русскихъ сказаніяхъ это Рахъ—разбойникъ, который обвиняется и въ кровосмѣшеніи (Садовниковъ, «Сказки Самарск. края, № 99). Въ легендѣ объ Асафѣ (Безсоновъ, «Калики Перехожія», стр. 238) повидимому грѣхъ кровосмѣшенія замѣненъ оскорбленіемъ покойницы въ гробу. Не отголосокъ ли этой же темы разсказъ о татѣ гробномъ въ легендѣ объ Андреѣ юродивомъ?

чужина замѣняютъ тѣ признаки, по которымъ Батыръ-бэли узналъ переродившагося Ундуръ-гэгэна. Опущеніе въ ящикѣ въ воду напоминаетъ исторію Чингиса (см. Radloff, Proben, III, 82. Очерки, IV, 231). Странный поступокъ Чандра-гомина съ женой заставляетъ насъ подозрѣвать въ разсказѣ тему о кровосмѣшеніи: Чандра-гоминъ сынъ Дары; по незнанію онъ женится на ней, узнаетъ въ ней свою мать и оставляетъ ее; въ легендахъ о кровосмѣсителѣ часто является тема объ опущеніи въ воду: мать опускаетъ ребенка въ воду; мать сама кидается въ воду, чтобы утонуть.

Совпаденія темъ о Чингисѣ и Ундуръ-гэгэнѣ:

1) У Ундуръ-гэгэна есть дархаты. При Чингисъ-хановой усыпальницѣ также состоитъ сословіе тархатовъ (см. ч. I, стр. 121).

2) Къ Ундуръ-гэгэну относится разсказъ о болѣзни и о замѣнѣ больного живыми людьми. Съ именемъ Чингисъ-хана, повидимому, были связаны подобные же разсказы.

3) Ундуръ-гэгэнъ (собственно богдо-гэгэнъ), удалившійся изъ родной страны, узнается по старымъ симпатіямъ (онъ играетъ, вылѣпивъ изъ глины верблюдовъ и изображая, какъ по Монголіи ходятъ караваны). Чингисъ-ханъ узнается по его старымъ вещамъ, къ которымъ онъ привыкъ во время прежней своей жизни.

4) Ундуръ-гэгэнъ (собственно Нойонъ-хутухту) запирается въ темную юрту. Тамджинъ-ханъ запирается въ темную юрту. Подъ Тамджиномъ можетъ быть скрывается Темучинъ, съ именемъ котораго связана тема о братоубійствѣ. Онъ убилъ брата Бектера. Кромѣ того онъ убилъ шамана Тѣбъ-тэнгэри, сына Мунлика. Когда Есугай, отецъ Чингиса, умеръ, вдова его вошла въ домъ Мунлика и Мунликъ замѣнилъ Чингису отца, почему вѣроятно лѣтопись и называетъ его Мунликъ-эчигэ, «отецъ Мунликъ» (Рашидъ-эддинъ, II, 137). Такимъ образомъ Тѣбъ-тэнгэри приходится Чингису въ родѣ своднаго брата. Тѣло убитаго шамана было положено въ юрту, двери и дымовое отверстіе которой были закрыты; снаружи приставлена стража. Но на третій день тѣло шамана исчезло черезъ верхнее отверстіе юрты; это послѣднее чудо не есть ли замѣна чуда съ гэгэномъ, состоявшаго въ замѣнѣ чернаго (покаяннаго?) цвѣта платья желтымъ, т. е. свѣтлымъ? О самомъ Темучинѣ разсказывается, что онъ укрывался въ ущельи, заваленномъ камнемъ и пр.; см. примѣчанія къ № 63.

Жена Чингисъ-хана, по ордосскому повѣрью, была воплощеніемъ богини Дары. Такъ какъ есть поводъ догадываться, что о Чингисѣ разсказывалась кровосмѣсительная легенда въ родѣ легенды объ Андреѣ Критскомъ, то жена Дара можетъ быть была и его матерью. Въ разсказѣ Сананъ-Сэцэна о томъ далай-ламѣ, который возродился въ Монголіи, сказано, что мать его называлась Дара (Gesch. d. Ost-Mong., 257); легенда объ этомъ далай-ламѣ, жившемъ въ Монголіи, не есть ли отголосокъ легенды объ Ундуръ-гэгэнѣ?

Сдается, что легенда объ Ундуръ-гэгэнѣ жила въ Монголіи задолго до перваго ургинскаго богдо-гэгэна; она жила уже около эпохи Чингисъ-хана и его соперника Вана киреитскаго (поколѣніе хиреитъ—произносится также и хритъ—и теперь еще многочисленно въ Ордосѣ); да вѣроятно и еще ранѣе.

Не слѣдуетъ ли къ этому древнему Ундуръ-гэгэну отнести то сообщеніе монгольской лѣтописи объ отношеніи перваго богдо-гэгэна къ Цэцэнъ-хану [1]), на которое указываетъ г. Позднѣевъ (Ургинскіе хутухты, стр. 6): «Біографія Ундуръ-гэгэна почему-то ставитъ Сэцэнъ-хана въ самыя покровительственныя и вмѣстѣ съ тѣмъ дружественныя отношенія къ ребенку съ самыхъ первыхъ дней его рожденія: такимъ образомъ Сэцэнъ-ханъ въ первый же годъ рожденія ребенка даетъ ему свой титулъ гэгэна, даритъ подарки и выражаетъ ему чисто отеческую заботливость и любовь». Въ сказаніи о Чингисъ-ханѣ встрѣчается Дай-сэцэнъ; Эсугай передъ своей смертью отвозитъ къ нему малолѣтняго Темучина, изъ опасенія козней дада. Правда, мотивировано это тѣмъ, что Есугай женитъ сына на дочери Дай-сэцэна. Но есть такія параллели: въ калмыцкой сказкѣ царевичъ Го-Чикиту (воплощеніе Арья-Бало), гонимый мачихой, убѣгаетъ и находитъ убѣжище у кутухты, гдѣ онъ и женится (Bergmann, Nomad. Streifereien, Riga, 1805). Въ Алтанъ-Тобчи мальчикъ Болхо спасенъ отъ смерти и отвезенъ къ Шигустей-кутухту, на дочери котораго и женится (Алт. Тобчи, 178). Не были ли эти легенды эпической передачей народнаго обычая приставлять

---

[1]) Цэцэнъ или сэцэнъ «мудрецъ»; въ этомъ же значеніи это слово и у киргизъ и произносится шешенъ. Буряты произносятъ сысынъ.

къ ребенку для отвращенія отъ него несчастія особаго покровителя? Такой обычай существуетъ у бурятъ; такими покровителями бываютъ шаманы, которые въ подобныхъ случаяхъ называются **найджи**, «друзьями дома». Объ нихъ см. Зап. Вост. Сиб. Отд. Имп. Р. Геогр. Общ. по эти., т. II в. 2, стр. 24. Есть ли обыкновеніе отвозить ребенка, которому, думаютъ, что нибудь угрожаетъ дурное, къ другу-шаману, мнѣ разузнать не случилось [1]).

О далай-ламѣ, возродившемся вмѣсто Тибета въ Монголіи, у Сананъ-Сэцэна разсказывается такъ. Въ Монголіи тумюдами правилъ Алтанъ-хаганъ. Онъ узналъ о воплощеніи на землѣ бодисатвы Хоншима (Арья-Бало) въ лицѣ далай-ламы и отправилъ къ нему пословъ; далай-лама своимъ сверхъестественнымъ вѣденіемъ узналъ объ этомъ и отправился самъ въ Монголію. Когда Алтанъ-хаганъ увидѣлъ его, онъ узналъ въ немъ божественнаго посланника, котораго онъ уже ранѣе видѣлъ и который явился ему, чтобы прекратить звѣрскій способъ лѣченія больныхъ ногъ хана; съ этою цѣлью былъ разрѣзанъ животъ у лошади и больныя ноги вложены въ горячую утробу (Gesch. d. Ost-Mong., 229). Ср. съ разсказомъ о Цоктай-ханѣ, ниже, № 65. Повидимому разсказъ о поѣздкѣ далай-ламы первоначально имѣлъ видъ разсказа о поѣздкѣ для укрощенія царя человѣкоядца. Можетъ быть эти-то разсказы о далай-ламѣ въ Монголіи и есть легенда объ Ундуръ-гэгэнѣ.

Сананъ-Сэцэновскій разсказъ объ Алтанъ-хаганѣ и далай-ламѣ пріуроченъ къ Гуй-хуа-чену. Къ этому же городу Юль пріурочивалъ резиденцію Вана-киреитскаго [2]). Отсѣченная голова Вана также показываетъ признаки жизни, какъ и голова Цоктая; см. ниже, № 65. Далай-лама Сананъ-сэцэна соотвѣтствуетъ Батыръ-моосу этого номера, который убилъ Цоктая и привезъ его голову. Въ разсказѣ о Ванѣ киреитскомъ, вмѣсто одного убійцы, два; они убиваютъ его въ то время, когда онъ сошелъ съ лошади утолить жажду. Ср. съ смертью Тохтамыша въ сказкѣ барабинскихъ татаръ (Radloff, Proben, III, 53).

Если имя Индэрь, встрѣчающееся въ сложномъ Индэрь-хара-мангысъ (въ сказкѣ № 10, стр. 162) одного корня съ Ундуръ, то это значитъ, что съ послѣднимъ иногда соединялось понятіе о зломъ, вредномъ [3]). Въ Монголіи встрѣчаются названія горъ Баинъ-ундуръ, Индыръ-хаирханъ, Ундюръ-байсыхылынъ (Очерки, I, 187, 364; IV, 232); ундуръ по монгольски «высокій». Но на стоверстной картѣ Сѣверной Азіи, составленной г. Большевымъ, въ Алашаньскомъ хребтѣ, вѣроятно по даннымъ Пржевальскаго, назначена гора Баинъ-Цундуръ; на картѣ же, приложенной къ книгѣ Пржевальскаго: «Монголія и страна тангутовъ», изд. 1875 г., та же гора значится подъ названіемъ Баянъ-цумбуръ. Цумбуръ вѣроятно то же, что Сумбуръ, Сумеръ-ола, т. е. гора Сумеру. Алашань (шань по китайски «гора») въ древнихъ памятникахъ называется Калашань; сопоставленіе формъ Кала и Цумбуръ ср. съ парнымъ въ тангутскомъ Гэсэрѣ: Кала-мэмбыръ (см. выше, стр. 21).

---

43. МЕНГУ-ЧЖУ.

(Широнгольскій).

Далай-лама-гэгэнъ строилъ на горѣ Потала монастырь Лабранъ. Одинъ изъ плотниковъ, строившихъ зданіе, не вѣрилъ, что Далай-лама-гэгэнъ заплатитъ за работу; всѣ работавшіе были подданные гэгэна и ихъ работа, думалъ плотникъ, будетъ принята за натуральную повинность. Онъ поставилъ главную подпорку, на

---

[1]) Въ тюркской сказкѣ, записанной г. Адріановымъ (Оч., IV, 587) дѣвица Чечинъ собираетъ въ морѣ кости Хангавая и потомъ оживляетъ его. Въ финскомъ эпосѣ мать Лемминкайнена ищетъ потерянаго сына, брошеннаго въ воду; обращается съ мольбой къ солнцу; собираетъ изъ воды кости сына и оживляетъ его. Св. Сисиній ищетъ потеряннаго младенца; вопрошаетъ солнце и луну (А. Н. Веселовскій, Разысканія).

[2]) Отыскивая эту резиденцію нужно также имѣть въ виду, что къ югу отъ Гуй-хуа-чена находятся развалины города Тохто-хото (см. ч. I, стр. 56).

[3]) О значеніи орочонскаго Андури или Эндури см. у В. П. Маргаритова въ брошюрѣ: «Объ орочахъ Императорской гавани», Спб., 1888, стр. 25.

которой держалась вся кровля, комлемъ вверхъ, вершиной внизъ, и снизу подъ нее подложилъ подставку, которую можно было бы, когда захочется, выдернуть. Онъ думалъ: «если Далай-лама-гэгэнъ ничего не дастъ, я выдерну подложку и весь Лабранъ упадетъ». Далай-лама-гэгэнъ, когда кончилась постройка, говоритъ: «Ваши хлопоты и труды были велики!» и далъ всѣмъ работникамъ, каменьщикамъ и плотникамъ, множество серебра. Роздавъ серебро, гэгэнъ спросилъ: «Прочно ли зданіе? нѣтъ ли грѣха» (гемъ байну угею)? Плотникъ не ожидалъ такого конца, ему стало совѣстно и онъ повинился. «Грѣхъ есть!» говоритъ. «Я думалъ, что гэгэнъ нашу работу зачтетъ за повинность, не дастъ намъ платы и заставитъ проработать даромъ, поставилъ столбъ вверхъ ногами и подложилъ подложку, такъ, чтобъ её можно было выдернуть. Если её вынуть изъ подъ колонны, все зданіе разрушится». Тогда Далай-лама-гэгэнъ сказалъ: «Ты поставилъ дерево вверхъ ногами. За это ты, а когда ты умрешь, то твои потомки пусть въ первое число первой луны каждаго года летаютъ съ Поталы внизъ головой». И вотъ съ того времени существуетъ обрядъ: потомокъ того плотника одѣвается въ платье птицы Ханъ-гариди, на голову надѣваетъ маску въ видѣ птичьей головы и къ плечамъ прикрѣпляетъ расправленныя къ полету крылья. Съ вершины Лабрана, стоящаго на вершинѣ Поталы, ко дну долины протягиваютъ канатъ; человѣка, одѣтаго птицей, кладутъ на шкуру коровы и спускаютъ по веревкѣ на дно долины головою внизъ. Если убьется, объ этомъ не плачутъ. Если уцѣлѣетъ человѣкъ, даютъ ему 50 ланъ серебра.

Сантанъ-джимба [1]).

О церемоніи хожденія по канату въ Лассѣ см. Nouveau Journ. asiat., 1829, t. IV; онъ исполняется въ 3-й день второй луны. Тему о колоннѣ ср. съ № 47 (см. ниже).

44. МОНАСТЫРЬ МАРЦЗАНЪ [2]).

(Широнгольскій).

Былъ въ Менгу-чжу царь Ландеръ; онъ гналъ ламъ. Одинъ человѣкъ, родомъ изъ Тендыка, ставъ ламой, очень былъ въ славѣ. Онъ отправился въ Менгу-чжу и тамъ молился. Но когда утѣсненіе отъ царя Ландера возрасло до крайней степени, онъ сказалъ, что при такомъ нечестивомъ царѣ онъ не можетъ оставаться въ Менгу-чжу и намѣренъ возвратиться на родину. Онъ окрасилъ черной краской бѣлую лошадь, сѣлъ на неё и бѣжалъ на родину. За нимъ послали погоню. Когда онъ добѣгалъ до Желтой рѣки, погоня стала догонять его. Лама переплылъ рѣку; во время переправы краска съ лошади смылась. Погоня, увидѣвъ человѣка,

[1]) Сантанъ-джимба во время этого праздника сидѣлъ въ Ласской тюрьмѣ со связанными руками и обряда не видѣлъ, но видѣлъ множество народа, шедшаго смотрѣть обрядъ.

[2]) Марцзанъ (т. е. «Красная скала» по тангутски) монастырь на лѣв. берегу Силинъ-гола ниже города Синина; китайцы зовутъ этотъ монастырь Пай-ма-сы, т. е. «Храмъ бѣлой лошади».

ѣдущаго по противуположному берегу на бѣлой лошади, сказала: «Это не тотъ, за которымъ мы гнались! тотъ былъ на черной лошади, а этотъ на бѣлой». И вернулись. Лама укрылся въ пещерѣ; здѣсь тѣло его замерло, но сердце его продолжало биться. Горлица (кугушкѣ) насорила ему на лицо. Погоня вошла въ пещеру и увидѣвъ, что тѣло его неподвижно и что лицо даже покрыто птичьимъ пометомъ, сказала: «Онъ давно уже умеръ!» и удалилась.

Сантанъ-джимба.

Въ пещерѣ при монастырѣ Марцзанъ Лта-чинбу сидитъ одинокій бурханъ. Это былъ лама, бѣжавшій отъ тибетскаго царя Ландармы. Онъ бѣжалъ на бѣлой лошади, которую предварительно окрасилъ въ черный цвѣтъ. Переплывъ рѣку, лошадь вновь стала бѣлою. Люди, гнавшіеся за ламой, говорятъ: «Мы гнались за ламой на карей лошади, а этотъ лама ѣдетъ на бѣлой!» и не погнались за нимъ. Продолжая поиски, они нашли пещеру, въ которую скрылся лама и обмеръ въ сидячемъ положеніи; хуху шибо (голубь), летая въ пещерѣ, насорилъ на его лицо много пыли. Погоня говоритъ: «Много пыли на этомъ покойникѣ. Должно быть давно умеръ». И не тронули его. Этотъ бурханъ имѣетъ мясное тѣло (маха біитай), но его мясо покрыто сверху глиной. Живущіе около монастыря тангуты присходятъ изъ страны Джуглунва, лежащей около Лассы, самъ же лама бурханъ былъ родомъ изъ горы Тандыкъ, къ западу отъ Сань-чуани.

Лама широнголъ.

---

45. ЛУМБУНЪ-ЧИМБО.

(Монгольскій).

Въ землѣ Уратовъ, въ западной части Иньшаня, противъ сѣверозападнаго загиба Желтой рѣки, находится мѣстность Лумбунъ-чимбо. Подъ этимъ именемъ разумѣютъ мѣстность въ сухой долинѣ Харганай, гдѣ находятся три пещеры. Внутри пещеры есть почитаемыя народомъ изображенія боговъ, на поклоненіе къ которымъ приходитъ много богомольцевъ. Самая большая пещера называется Икенъ-агуй; въ ней бываетъ хуралъ (богослуженіе); до 500 ламъ вмѣщается въ пещеру. Входъ въ пещеру обдѣланъ, какъ ворота храма. Внутри много статуй. Другая пещера называется Ердени-дзо; она лежитъ въ высокой горѣ; войдя въ отверзстіе, идутъ сначала по горизонтальному полу, потомъ спускаются въ отвѣсный колодезь по деревянной лѣстницѣ, затѣмъ опять идутъ горизонтально. Въ этой нижней галлереѣ находится само собою явившееся (нерукотворное) изображеніе бога Лумбунъ-чимбо, сидящаго на престолѣ; правый кулакъ бога, держащій отвѣсно стоящій мечъ, покоится на правомъ колѣнѣ. Въ этой же галлереѣ указываютъ отверзстіе, въ которое спускаютъ веревку до 5 саженъ длиной и не мо-

гутъ достать дна. Въ эту дыру спустился шулмусъ, котораго преслѣдовалъ и убилъ Лумбунъ-чимбо. Въ пещерѣ Ердени-дзо темно, ходятъ съ огнемъ; изъ пяти спустившихся человѣкъ двумъ привязываютъ фонари къ шеѣ. Третья пещера называется Дареке; она имѣетъ просторный входъ; въ ней находится арашанъ (цѣлебный источникъ); воду его пьютъ и вѣрятъ, что это полезно отъ внутреннихъ болѣзней; въ этой же пещерѣ есть слѣды Чингисъ-богдо (т. е. Чингисъ-хана). У выхода долины Харганай на равнину Желтой рѣки лежитъ монастырь Нарынгенъ-агуй.

Записано отъ эдзинъ-гольскаго торгоута.

---

46. ПЕЙ-ЮНЪ-САЙ.

(Монгольскій).

На правомъ берегу Желтой рѣки противъ города Чжя-чжоу лежитъ буддійскій монастырь Пей-юнъ-сай, по монгольски Чаганъ-абита. По дорогѣ туда изъ Ордоса приходится переходить черезъ рѣку Шарусенъ-голъ по естественному каменному мосту; рѣка входитъ въ пещеру въ скалѣ и течетъ подъ нею около 20 саж., потомъ выходитъ изъ скалы тремя отверзтіями и мчится далѣе съ большой стремительностью и шумомъ. Китайцы говорятъ, что это мостъ, который построилъ Манджушри.

Монастырь Пей-юнъ-сай находится на горѣ, которая возвышается надъ мѣстомъ соединенія Шарусенъ-гола съ Хуанъ-хэ. Выше этого соединенія на правомъ берегу Хуанъ-хэ лежитъ китайскій городъ Чжя-чжоу; онъ виденъ изъ монастыря. Монголы Ордоса усердно ходятъ на поклоненіе святому, особенно бездѣтныя женщины. За день не доходя до Пей-юнъ-сая не говорятъ худыхъ словъ, не пьютъ водки, не курятъ не только опіума, но даже и табаку; вѣрятъ, что не исполнившій этого правила, пришедши въ монастырь, умретъ. Вѣрятъ, что всѣ китайцы, живущіе вокругъ монастыря на день ѣзды кругомъ, постоянно соблюдаютъ это правило. Святыня скрывается въ башнѣ (субурга), стоящей среди монастырскаго двора. Это останки святого Чаганъ-абиты; уши свои, по словамъ хэшановъ (монаховъ), святой заткнулъ желѣзными «ширмэ», чтобы не слышать дурныхъ словъ. Поклонники не видятъ святыхъ останковъ. Въ Пей-юнъ-саѣ насчитывается 35 обителей и отдѣльныхъ храмовъ, т. е. гораздо больше, чѣмъ въ Гумбумѣ.

Пунсукъ, ордосскій монголъ.

---

47. НЬЮ-ТОУ-ШАНЬ.

(Монгольскій).

Южнѣе Нинъ-ся на Желтой рѣкѣ, на ея правомъ берегу лежитъ гора Нью-тоу-шань, «гора Коровья Голова»; монголы зовутъ ее Ухыръ-ола, «Коровья гора». Тамъ, гдѣ эта гора примыкаетъ къ самой Желтой рѣкѣ, есть группа болѣе чѣмъ изъ десяти монастырей. Всѣ они разрушены давно, до послѣдняго возстанія мусульманъ. Живущіе около китайскіе крестьяне въ развалинахъ монастырей держатъ телятъ и овецъ и хранятъ траву. Группа монастырей, находящихся на вершинѣ горы, называется Та-ши-тянь; отсюда идетъ дорога внизъ къ рѣкѣ. На вершинѣ горы находится холмъ, который называется Алтанъ-тугулъ, «Золотой теленокъ»; другой холмъ находится внизу на берегу рѣки и называется Алтанъ-унага, «Золотой жеребенокъ». Дорога приводитъ къ суме (монастырю), въ которомъ стоитъ субурга (башня); здѣсь есть хэшаны (монахи). Монголы изъ Ордоса и Алашаня приходятъ покланяться этой субургѣ въ 29 число бѣлаго мѣсяца (чаганъ сара). Монголы называютъ эту субургу Гума-сала—субурга. Войдя въ ворота суме, поклонники обходятъ субургу вокругъ; внутрь субурги не входятъ. Хэшаны разсказываютъ, что внутри ея есть другая субурга, которая виситъ на воздухѣ; основаніе ея не прикасается къ земной поверхности; эта внутренняя субурга спустилась съ неба. Когда она опустится и сядетъ на землю, Менгу-чжу (резиденція Далай-ламы) будетъ перенесена на здѣшнее мѣсто. Разрушеніе монастырей приписывается не военному разгрому, а тому, что гора, на которой стояли монастыри, перевернулась или, по крайней мѣрѣ растрескалась и перековеркалась (балбараджи). Поклонившись Гума-сала-субургѣ, монголы-паломники идутъ въ Алашань-китъ, гдѣ около этого времени устраивается чамъ (религіозная пляска) въ честь божества Меленъ-гуру.

Пунсукъ, ордосскій монголъ.

Къ юго-западу отъ Хотана въ древности указывали гору Цзюй-ши-линъ-цзя, которая называлась «Бычьи рога», по двумъ отвѣснымъ скаламъ, между которыми былъ построенъ монастырь (Риттеръ, Землевѣдѣніе, Восточн. Туркестанъ, перев. Григорьева, в. 1, стр. 68). Другая древняя хотанская легенда разсказывала о городѣ Хо-лао-ло-цзя, развратные жители котораго были наказаны за неуваженіе священной статуи Будды (ibid., 21); началась буря, потоки дождя наводнили страну и изрыли всю почву, городъ былъ засыпанъ песчанымъ дождемъ. Хотанскіе жители вѣрили, что удалившаяся тогда изъ города статуя перенесется въ храмъ драконовъ, когда «исполнится законъ Шакіевъ», т. е. по разрушеніи настоящаго порядка вселенной (ibid., LI, примѣчаніе Григорьева, стр. 305). Третья хотанская легенда разсказываетъ объ арханѣ, который поднялъ ступу на ладони и опустилъ, не повредивъ сооруженія (Григорьевъ, Вост. Туркестанъ, 179). Висящую на воздухѣ башню ср. съ разсказомъ Марко-Поло о колоннѣ въ храмѣ, чудесно оставшейся висящею въ воздухѣ, хотя основаніе изъ подъ нея было вынуто (Joul, Marco Polo, vol. I, p. 192), а также см. выше, № 43. Въ числѣ вѣрованій алтайцевъ (Правосл. Соб., 1886, мартъ, ст. о Ландышева «Космогонія алтайцевъ», стр. 7) есть одно о горѣ Алтынъ-ту (Золотая гора), которая съ неба виситъ надъ землею и только на четверть не достигаетъ до земли.

48. ДЕРЕВО ГАЛВАРСЫНЪ-МОДО.

Дерево это выросло въ Джагыръ-дорчжитанѣ [1]). Только оно пустило первый ростокъ (джалхынъ соё), какъ сейчасъ же притетѣла ворона (хире), потомъ прибѣжалъ заяцъ (тулай), потомъ пришла обезьяна (шарь-мечинъ), послѣ нея слонъ (чжанъ). По мѣрѣ того, какъ они приходили, дерево все больше и больше вырастало. Эти четыре животныхъ стали аха-дю [2]) по имени Тунбашй.

Пунсукъ изъ Ордоса.

49. ТУВА НА БЖЮ [3]).

На одной равнинѣ стояло одинокое дерево, около котораго протекала рѣка. Тутъ жили четыре животныя — слонъ, обезьяна, заяцъ и птица «инъ». Они жили въ такой дружбѣ, какъ братья. Заяцъ говоритъ друзьямъ: «Что-жъ мы живемъ, какъ братья, а не знаемъ кто изъ насъ старшій братъ, кто младшій. Нужно разобраться и узнать, кто изъ насъ старшій». Слонъ говоритъ: «Да, конечно, я старшій, потому что я всѣхъ больше и старѣе». «А вонъ у этого дерева, какъ ты думаешь, что выросло напередъ — вершина или комель?» спрашиваетъ заяцъ. «Вершина». «Значитъ вершина старше комля. Смотри же — вершина выше комля; она на немъ сидитъ. Такъ и намъ слѣдуетъ сѣсть. Ты старше меня, слѣдовательно, тебѣ надо стать на меня. Становись-ка, попробуй!» Слонъ сталъ надъ зайцемъ, заяцъ пришелся у него между ногами; встать на его спину четырьмя ногами никакъ не можетъ. «Теперь я попробую», говоритъ заяцъ. Онъ залѣзъ на спину слону и говоритъ: «Вотъ выходитъ, я тебя старше!» Примѣрялись животныя и размѣстились такъ: внизу слонъ, на немъ обезьяна, на ней заяцъ, на зайцѣ птица инъ. Стоятъ они такимъ образомъ и живутъ въ большой дружбѣ; отъ ихъ пребыванія во всей той странѣ великое благоденствіе. Былъ тамъ народъ и у него ханъ. Ханъ и его совѣтники думаютъ: «Откуда такое благоденствіе распространяется на нашу страну?» Несетъ по рѣкѣ душистыя яблоки и драгоцѣнности; кто яблоко съѣстъ, становится мудрымъ. Ханъ говоритъ: «Надо узнать, что въ вершинѣ рѣки есть. Тамъ, вѣроятно, есть что-то, отчего происходитъ наше благоденствіе». Пошли и увидали — прекрасная долина, среди ея дерево, на деревѣ сюмѣ [4]), а подлѣ четыре животныхъ другъ на другѣ, живущихъ въ большой дружбѣ.

Сэрэнъ, лама широнголъ изъ Саньчуани.

---

[1]) Т. е. въ Индіи.

[2]) Т. е. братьями.

[3]) Тува на бжю (Тумба на бжю)—такъ называются лубочныя картинки, которыя встрѣчаются у ламъ въ тибетской провинціи Амдо. На нихъ бываетъ изображено дерево, подъ которымъ стоитъ слонъ, на слонѣ сидитъ обезьяна, на обезьянѣ заяцъ, а на деревѣ птица. Кто имѣетъ подобное изображеніе въ своемъ дому, вѣритъ, что въ томъ домѣ будетъ благоденствіе. Экземпляръ подобной лубочной картинки, напечатанный въ Гумбумѣ, мною доставленъ въ Импер. Публ. Библіотеку, другой въ музей Восточно-сиб. Отдѣла И. Р. Геогр. Общества въ Иркутскѣ.

[4]) Сюмѣ—монастырь.

Китайское повѣрье: Въ началѣ калпы (періода) лисица, обезьяна и заяцъ жили въ дружбѣ, не смотря на свою породу. Царь неба Чакра (Индра) подъ видомъ старца отправился къ тремъ животнымъ просить пищи. Лисица поймала для него карпа, обезьяна собрала фрукты; заяцъ, въ отчаяніи, что онъ слабъ силами, бросился въ огонь. Старецъ взялъ сгорѣвшаго зайца и помѣстилъ на лунѣ, чтобы его великодушіе сохранить въ памяти людей. Annales du Musée Guimet, t. XI, Paris, 1886, p. 497.

Очерки, IV, 223: на вершинѣ горы Сумеръ три суме, тридцать три тэнгира и дерево замбы-дзандынъ [1]), плодами котораго питались тэнгиры.

Объ одинокомъ, колоссальномъ деревѣ Оронъ-ганцханъ-модо (Урунъ-модонъ) см. въ Очеркахъ, II, 161; IV, 187, 326; Pautier, Le livre Marco Polo, I, 95.

Въ Очеркахъ, дерево Оронъ стоитъ въ связи съ легендой о мальчикѣ, найденномъ подъ деревомъ; тутъ мальчикъ названъ Бодунтай; но при такихъ же условіяхъ найденъ и Чингисъ-ханъ, во времени котораго народная вѣра видитъ золотой вѣкъ. Старѣйшины, ищущіе младенца, въ которомъ, повидимому, воплощено счастье (кэшикъ), идутъ вверхъ по рѣкѣ. Душистые яблоки, сносимыя рѣчнымъ теченіемъ, ср. съ волосами, сносимыми рѣкой, въ XXIII гл. Шиддикура (въ египетской сказкѣ о двухъ братьяхъ волоса душистые).

50. НЬЮ-ТОУ-ВАНЪ.

(Саньчуаньск. сказка).

Въ одномъ царствѣ былъ бурханъ Нью-тоу-ванъ [2]), который наложилъ на царство дань, чтобы каждый годъ ему доставляли на съѣденіе мальчика и дѣвочку. Такъ и дѣлалось въ этомъ царствѣ; каждый годъ выбирали мальчика и дѣвочку, одѣвали ихъ въ хорошее платье, садили на престолъ, установленный разными вкусными печеньями и относили въ одну загородную кумирню. Тогда поднимались вѣтры, являлся Нью-тоу-ванъ, богъ съ бычьей головой, въ сопровожденіи многочисленныхъ ратниковъ, входилъ въ кумирню и пребывалъ тамъ. На другой день ходили осматривать кумирню и не находили отнесенныхъ дѣтей. Однажды въ ту страну приходятъ четыре бога: Сунъ-ву-кунъ, Тансынъ-лама, Са-ху-шанъ и Чуба-чже (послѣдній съ свиной головой) и останавливаются въ одномъ домѣ на ночь. Сунъ-ву-кунъ замѣчаетъ, что хозяйка дома плачетъ. «О чемъ ты плачешь»? спрашиваетъ Сунъ-ву-кунъ. Женщина объясняетъ, что у нея одинъ только сынъ и тотъ завтра долженъ идти на съѣденіе бурхану Нью-тоу-вану; что, потерявъ единственнаго сына, она принуждена будетъ оставить свой домъ и выселиться, ища себѣ пропитанія въ другомъ мѣстѣ. «Не плачь!» сказалъ ей Сунъ-ву-кунъ. «Я пойду на мѣсто твоего сына на съѣденіе Нью-тоу-вану».

Назавтра мальчика, сына этой женщины, и дѣвочку изъ другого дома одѣли въ новое хорошее платье, посадили на столъ и отнесли въ кумирню. Поднялся вѣтеръ и явился Нью-тоу-ванъ. Спрашиваетъ: «Что мнѣ тутъ приготовлено ѣсть?»

---

[1]) Дзандынъ—сандальное дерево; замбы—Eugenia Jambu.

[2]) Китайскія слова: нью—«корова», тоу—«голова», ванъ—«царь».

Сунъ-ву-кунъ между тѣмъ занялъ мѣсто дѣтей, обратился въ нихъ, а ихъ самихъ отпустилъ. Сунъ-ву-кунъ говоритъ: «Сегодня меня принесли тебѣ на съѣденіе. Только ты, когда будешь ѣсть меня, не кусай зубами, а проглоти цѣликомъ». «Зачѣмъ тебя раскусывать!» говоритъ Нью-тоу-ванъ. «Ты такой маленькій, что тебя легко и цѣлымъ проглотить». И онъ проглотилъ Сунъ-ву-куна. Проглоченный Сунъ-ву-кунъ схватилъ сердце Нью-тоу-вана, сжалъ его и спрашиваетъ: «Ну что, теперь будешь ѣсть меня?» Нью-тоу-ванъ просилъ не убивать его, отпустить сердце, и обѣщалъ не ѣсть Сунъ-ву-куна, когда тотъ снова вылѣзетъ на волю. Сунъ-ву-кунъ взялъ съ Нью-тоу-вана клятву, что онъ уйдетъ изъ этихъ мѣстъ и не будетъ требовать людей на съѣденіе. Тогда Сунъ-ву-кунъ вылѣзъ черезъ ноздри Нью-тоу-вана; Нью-тоу-ванъ убѣжалъ прочь, а Сунъ-ву-кунъ возвратился въ домъ женщины и засталъ её угощающей двухъ его товарищей. Сунъ-ву-кунъ собралъ весь народъ и сказалъ: «Отнынѣ не покланяйтесь тому бурхану и не приносите ему въ жертву дѣтей. То былъ ложный бурханъ!».

Лама Сэрэнъ, широнголъ изъ Сань-чуани.

Нью-тоу-вана, «царя съ бычьей головой» ср. съ тибетскимъ Ландармой, который имѣлъ бычьи рога на головѣ, а также съ Ерликомъ, царемъ смерти, который изображается съ бычьей головой. Въ монгольскихъ сказаніяхъ царь съ бычьей головой замѣненъ царемъ съ ослиной головой.

У Рашидъ-эддина разсказывается объ Огузъ-ханѣ (огузъ-ханъ—быкъ царь; въ монгольскомъ было бы буха-ханъ). Огузъ-ханъ по рожденіи три дня не принимаетъ молока матери (Рашидъ-эддинъ, I, 13; ср. Radloff, Das Kudatku Bilik, S.-Ptb., 1891, S. X); младенецъ, родоначальникъ царей Хотана, родившійся изъ головы бога, не беретъ молока; его кладутъ къ ногамъ бога; изъ земли выростаетъ сосокъ, который и выкармливаетъ ребенка (Abel Remusat, Histoire de la ville de Khotan, Paris, 1820, p. 37). Въ бурятскомъ сказаніи Булганъ-хара положенъ передъ Буха-нойономъ (названіе скалы въ долинѣ рѣки Тунки) и Буха-нойонъ (быкъ—князь) поитъ его своимъ сокомъ. Другіе мальчики вскормлены сокомъ дерева: Чингисъ (Очерки, IV, 229), Торосъ-Бодунъ (Очерки, IV, 326; Pallas, Samml., I, 32), Одунъ-Бодунъ (Очерки, II, 161; IV, 326).

У Рашидъ-Эддина (стр. 112) упоминается еще Екэ-Туко-ханъ (въ Юань-чао-ми-ши Инаньча бильгэ, у Абульгази Jnandj Belgeh Buka chan). Бука, кажется, вѣрнѣе, чѣмъ Туко (см. выше, стр. 215). У Туко-хана по Рашидъ-эддину было два сына; одинъ называется Бай-бука; у Абульгази тоже два: Тай-бука и Буй-рукъ. Тай-бука также, кажется, вѣрнѣе, чѣмъ Бай-бука. Въ книжныхъ разсказахъ, которые мы сближали въ Очеркахъ, IV, 853, встрѣчаются три имени: Тайбуцинъ [1]), Буха и Болго.

Буга-ноинъ встрѣчается также въ сложномъ бурятскомъ Ергилъ-буга-ноинъ (Агапитовъ и Хангаловъ, Матеріалы, стр. 50). При посвященіи въ шаманы сначала призываютъ Ергилъ-буга-ноина, а потомъ умершихъ родственниковъ. Ергилъ-буга-ноинъ какъ будто самый старшій родственникъ; это какъ будто предокъ всѣхъ шамановъ.

О бурятской легендѣ о Буха-ноинѣ см. Памятн. книжка Иркутск. губ. на 1881 г., Ирк., стр. 165. 173, 181 и слѣд.; Записки Вост.-сибирск. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 1, стр. 115, 148; в. 2, стр. 94—106 и 145—148; Извѣстія Вост.-сиб. Отдѣла, т. XII, № 4—5, стр. 65; т. XIV, № 1—2, стр. 2 и 3; Записки Имп. Р. Геогр. Общ., 1864, кн. 2, стр. 34 и 43; Позднѣевъ Образцы народн. литературы монгол. племенъ, в. 1, Спб., 1880, стр. 265; мои Очерки сѣверозап. Монголіи, IV, стр. 264—268 и 821—826.

---

[1]) Женщина Харакчи-Тайбучинъ спасаетъ мальчика, котораго преслѣдуютъ. Въ другомъ мѣстѣ Алтанъ-Тобчи (стр. 195) Харакчи-Тайбуцинъ мужчина, а не женщина.

51. СУНЪ-ВУ-КУНЪ.

(Широнгольскій).

Сунъ-ву-кунъ [1]) былъ прежде докшинъ; его усмирилъ Со-чжи-ѣ или иначе Чи-чжа-лао-ѣ, а также Со-чжи-лунъ-ванъ. Послѣдній сидѣлъ въ цвѣткѣ. Сунъ-ву-кунъ подошелъ и сказалъ: «Какой прекрасный цвѣтокъ?» «Если прекрасный, сказалъ Со-чжи-ѣ, то садись въ него». Цвѣтокъ раскрылся, Со-чжи-ѣ вышелъ и Сунъ-ву-кунъ сѣлъ на его мѣсто. Тотчасъ же цвѣтокъ сомкнулъ свои лепестки и Сунъ-ву-кунъ не могъ изъ него выйдти. Со-чжи-ѣ согласился растворить цвѣтокъ подъ условіемъ, если Сунъ-ву-кунъ перестанетъ быть докшиномъ [2]). Они пошли вдвоемъ и встрѣтили старуху, у которой была единственная дочь. Эта дѣвушка была обречена на съѣденіе чудовищу Чу-ба-дже [3]). Сунъ-ву-кунъ говоритъ, что онъ пойдетъ на съѣденіе Чу-ба-дже вмѣсто дѣвушки; одѣлся въ ея платье и отправился. Чу-ба-дже проглотилъ Сунъ-ву-куна; Сунъ-ву-кунъ, очутившись внутри чудовища, схватилъ его сердце и горло въ горсть и сжалъ. Чу-ба-дже взмолился, но Сунъ-ву-кунъ согласился отпустить сердце только подъ условіемъ, если Чу-ба-дже приметъ буддійскую вѣру.

Прежде въ Сань-чуани горы были голы; травы не было. Народъ молился о дождѣ, который могъ бы вызвать растительность. Сунъ-ву-кунъ сказалъ: «Я самъ буду богомъ». Сѣлъ, какъ изображаются обыкновенно боги, и старается сохранить неподвижное положеніе. Ему захотѣлось помочиться. Народъ подставилъ чаши, говоря: «нашъ богъ льетъ аршанъ!» Попробовали жидкость на вкусъ и сказали: «Э, не вкусно» (э мухай)! Сунъ-ву-кунъ расхохотался. Тогда Ю-хуанъ-ѣ [4]) опрокинулъ свой сосудъ и пролилъ дождь на землю.

Лама широнголъ изъ Саньчуани.

---

52. ЛЕГЕНДА О ВВЕДЕНІИ МУСУЛЬМАНСТВА ВЪ КИТАѢ.

(Саларскій).

Три товарища Анкàсы-баба, Шисы-баба и Вейсы-баба отправились въ Китай съ цѣлью проповѣдывать мусульманскую вѣру. Дорогой двое умерли; въ Китай дошелъ одинъ Анкàсы. Танъ-вану [5]) понравился новый законъ; онъ обмѣнялъ три тысячи китайцевъ-язычниковъ на тысячу хойху. Отъ этихъ послѣднихъ и про-

---

[1]) Монголы переводятъ это имя Мечинъ-бакши (обезьяна — учитель).
[2]) Докшинъ — свирѣпый.
[3]) Монголы переводятъ Гахай-бакши (свинья — учитель).
[4]) По-монгольски боронъ ечженъ, «хозяинъ дождя».
[5]) Т. е. императору династіи Танъ.

исходятъ нынѣшніе хойху; они всѣ носятъ фамилію Ма. Они пришли безъ женъ и потому должны были жениться на китаянкахъ; другія мусульманскія фамиліи произошли отъ этихъ китаянокъ.

Хойху, старикъ, въ дер. Ни-чжа.

Законъ мусульманскій въ Китай принесенъ изъ Менке-Медина-карба тремя лицами: Хаси, Вейси и Шиси; дорогой двое умерли, дошелъ до мѣста только Хаси. Хойху (или кы-чжао) не китайцы, а пришлый народъ изъ страны Си-юй.

Ахунъ (китаецъ) изъ города Линъ-чжоу.

Коранъ въ Китай принесли три человѣка изъ государства Виляли; ихъ имена Кейсы, Вейсы и Кàсы. Двое умерли дорогой, дошелъ только Касы. Прежде, чѣмъ онъ прибылъ въ Китай, императоръ Танъ-ванъ (или Танъ-чао-ванъ) увидѣлъ во снѣ человѣка въ бѣлой чалмѣ и въ синемъ халатѣ; это былъ пророкъ Мухамедъ; пророкъ сказалъ ему, что въ его царство идутъ три человѣка проповѣдывать ученіе, которое учитъ добру. Танъ-ванъ, проснувшись утромъ, повелѣлъ дозволить тремъ странникамъ проповѣдывать новый законъ въ царствѣ. Касы-баба былъ первымъ проповѣдникомъ мусульманства въ Китаѣ; могила его находится въ городѣ Кантонѣ.

Молодой хойху, уроженецъ города Си-нина, учившійся въ Нинъ-ся.

Пржевальскій слышалъ преданіе, что Хой-ху пришли на Хуху-норъ съ имамомъ Раббанэ. (Третье путеш., 326). Ср. Алобэнь, первый проповѣдникъ христіанства въ Китаѣ (см. статью о. Палладія: «Старинные слѣды христіанства въ Китаѣ» въ Вост. Сборн., Спб., 1872, т. I, стр. 13). Сл. съ разсказомъ одной армянской лѣтописи о сирійцѣ Рабанъ-ата, который былъ при монгольскомъ ханѣ защитникомъ и распространителемъ христіанской вѣры (Паткановъ, Истор. монголовъ по армянск. источникамъ, Спб., 1873, в. I, стр. 49). У Сананъ-Сэцэна (229) въ легендѣ о введеніи буддизма Алтынъ-хаганъ имѣлъ видѣніе — явился «бѣлый человѣкъ»; потомъ оказалось, что это былъ далай-лама. См. также выше, на стр. 191, о шаманѣ Тубутъ-тэнгри. Ср. разсказъ о Девадаттѣ, соперникѣ Будды (Koeppen, Die Religion des Buddha. I, 106).

---

53 а. АНГУРЪ-ШИХЪ.

Въ Саларской землѣ почитается мусульманскій святой Ангуръ-шихъ. Онъ пришелъ сюда раньше саларовъ, поселился на скалѣ, молился и умеръ; потомъ пришли салары и построили часовню, подвѣшанную къ скалѣ на желѣзныхъ цѣпяхъ; входить по лѣстницѣ можно съ трудомъ; грѣшный человѣкъ падаетъ прямо въ Желтую рѣку, только праведные поднимаются до часовни; въ часовнѣ мѣста

только для трехъ человѣкъ сѣсть. Во время мусульманскаго возстанія тангуты сожгли часовню; теперь она вновь сдѣлана. Она находится выше деревень саларской Чагандасы и тангутской Гурчинъ. Салары клянутся именемъ Ангуръ-шиха; какъ тангуты произносятъ: кубжюгъ! такъ салары: Ангуръ-шихъ!

Саларъ Хэйсы.

---

6. АНГУРЪ-ЛОНЧЖА.

Выше саларской деревни Чаганъ-тасы въ горѣ надъ Желтой рѣкой есть изображеніе (?) бога Ангуръ-лончжа, по-тангутски Амитаба. Ему покланяются и салары и тангуты. Этотъ Ангуръ-лончжа имѣетъ способность перелетать по воздуху отсюда въ Самаркандъ и обратно.

Салары имѣютъ преданіе, что ихъ предки переселились сюда изъ Самарканда; когда ихъ высылали изъ этого города, имъ было приказано идти впередъ до тѣхъ поръ, пока будетъ идти верблюдъ, завьюченный ихъ пожитками и только тамъ остановиться, гдѣ онъ остановится. Верблюдъ остановился въ нынѣшней саларской территоріи; тутъ салары и поселились. Ангуръ-шихъ не былъ ли однимъ изъ этихъ первонасельниковъ саларовъ? Ср. съ туркестанской легендой о святомъ Хакимъ-ата, который похороненъ въ мѣстности Бакырганъ-ата (Вельяминовъ-Зерновъ, Изслѣдов. о касим. царяхъ, Спб., 1864, ч. II, стр. 127); мѣсто названо было Бакырганомъ потому, что тутъ, если вѣрить преданію, самъ отъ себя остановился и заревѣлъ (бакырды) верблюдъ, который везъ Хакимъ-ату селиться. О выселеніи уйгуровъ на новую родину, преслѣдуемыхъ криками домашнихъ животныхъ: кочуй! кочуй! см. D'Osson, Hist. d. Mongols. t. I, 435; Radloff, Das Kudatku Bilik, S. Pb., 1891, S. XLIII; о титулахъ уйгурскихъ хановъ: Bukra—chan, Bugra-chan, ibid., XVIII.

III.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ПРЕДАНІЯ

О ЛИЦАХЪ И МѢСТНОСТЯХЪ.

54. ГУАНЬ-ЛАО-Ѣ.

(Китайскій).

Кванъ-ло-ѣ[1]) былъ на службѣ у царя Соо-со, у котораго была чудесная лошадь Янь-дже-ма[2]); у нея изъ рта огонь шелъ, изъ задняго отверзстія дымъ; она стояла въ желѣзномъ домѣ, поѣдала людей. Кванъ-ло-ѣ сталъ просить царя Соо-со, чтобы онъ уволилъ его отъ службы и позволилъ возвратиться на родину. Соо-со спросилъ его, что онъ желаетъ получить въ награду за службу, серебра или шелку. Кванъ-ло-ѣ сказалъ, что ему ничего не нужно, кромѣ лошади Янь-дже-ма. Народъ, видя Кванъ-ло-ѣ разъѣзжающимъ спокойно на Янь-дже-ма, говорилъ: «Кто можетъ такого могущественнаго героя побѣдить?» На это Санъ-янъ, также бывшій въ услуженіи у царя Соо-со, сказалъ, что онъ побѣдитъ Кванъ-ло-ѣ. И Санъ-янъ погнался за Кванъ-ло-ѣ. Увидѣвъ его, Кванъ-ло-ѣ вскричалъ: «Ахъ, за мной гонятся два Санъ-яна!» На это Санъ-янъ сказалъ ему: «Санъ-янъ только одинъ я!» «Посмотри, за тобой еще человѣкъ ѣдетъ». «Никого нѣтъ», отвѣчалъ Санъ-янъ. Но въ это время нѣкто, по имени Чанъ-хой, названый братъ Кванъ-ло-ѣ, будучи въ городѣ, ударилъ три раза въ бубенъ. Санъ-янъ обернулся и въ это время Кванъ-ло-ѣ отрубилъ ему голову.

Сантанъ-джимба.

Кванъ-ло-ѣ, или по-монгольски Кэсыръ, былъ сынъ дурныхъ родителей. Мать его была китайская монахиня (шибагунцза) вольнаго поведенія. Связавшись съ какимъ-то неизвѣстнымъ, она родила ребенка и отъ стыда спрятала его въ древесное дупло. Китаецъ Чанъ-омоктай[3]), не имѣвшій дѣтей, нашелъ его и подумалъ: «Это сынъ неба (тенгріинъ ху); его родило дерево». И взялъ его къ себѣ на воспитаніе, вмѣсто сына. Кэсыръ, пришедши въ возрастъ, подрался съ кѣмъ-то и убилъ своего противника; послѣ этого онъ бѣжалъ изъ города. Когда онъ проходилъ ворота, стража спросила его, какой онъ фамиліи? Кэсыръ отъ страху не

---

[1]) Въ текстѣ удержано мѣстное произношеніе.

[2]) Янь по-китайски «дымъ», ма «лошадь».

[3]) Омокъ—родъ, поколѣніе. Чанъ-омоктай «изъ поколѣнія Чанъ».

рѣшился сказать своего имени и вмѣсто того, чтобъ сказать Чанъ-омоктай, какъ бы слѣдовало, сказалъ: Кванъ-омоктай. Дѣло происходило лѣтомъ и лицо Кэсыра отъ быстраго движенія раскраснѣлось. За нимъ были посланы два человѣка въ погоню; когда они спросили у приворотной стражи, не проходилъ ли здѣсь Чанъ-омоктай, тѣ отвѣчали, что нѣтъ, а проходилъ только краснолицый Кванъ-омоктай. Погоня вернулась. Родина Кэсыра въ Сы-чуанѣ, въ городѣ Пу-чжоу. Ему китайцы поклоняются подъ именемъ Кванъ-ло-ѣ и рисуютъ его съ краснымъ лицомъ и черной бородой. У Кванъ-ло-ѣ было два названныхъ брата Лю-пей (который былъ царемъ въ Ченъ-ду-фу) и Чанъ-хой. Нѣкогда было особое широнгольское царство; имъ управляли три широнгольскихъ хана. Кэсыръ убилъ этихъ хановъ и разрушилъ ихъ царство.

Сантанъ-джимба.

Когда Кванъ-ло-ѣ былъ убитъ, ханъ заболѣлъ и въ народѣ начался моръ. Этотъ моръ прекратился только послѣ того, какъ начали поклоняться Кванъ-ло-ѣ.

Старикъ Чай-й, широнголъ
изъ дер. Чи-чжа.

Кашгарцы начали бунтоваться противъ Еджень-хана и избрали себѣ своего хана, по имени Джангеръ. Китайцы старались усмирить мятежниковъ, но никакъ не могли; у нихъ не хватало силы. Тогда императоръ поклонился статуѣ Кванъ-ло-ѣ, которая стоитъ въ кумирнѣ у однихъ изъ пекинскихъ воротъ. Джангеръ, кашгарскій ханъ, во время битвы увидѣлъ Кванъ-ло-ѣ на небѣ съ грознымъ краснымъ лицомъ, ужаснулся и обратился въ бѣгство; за нимъ устремилось его войско и китайцы побѣдили. Въ тотъ самый день замѣтили, что у пекинской статуи Кванъ-ло-ѣ выступилъ потъ на лицѣ.

Сантанъ-джимба.

Смертельный ударъ во время поворота головы назадъ: Записки Вост. сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по эти., т. I, в. I, стр. 33, 34: «мангатхай» заставляетъ своего противника, Гарьюлая обернуться назадъ и въ это время проглатываетъ его; сестра Гарьюлая такимъ же образомъ обманываетъ мангатхая. Просто отвороченная въ сторону голова во время борьбы: Очерки, IV, 265; гэгэнъ Хуухунъ-хутухту (дѣвица-хутухту), отвернувъ голову, боролся съ шульмусомъ (злымъ духомъ); этотъ гэгэнъ и на иконахъ изображается «съ загнутой къ верху головой». Мечинъ (Плеяды) гонятся за Идыганомъ (Большой Медвѣдицей), похитившимъ у нихъ звѣзду; Идыганъ убѣгаетъ, заворотивъ голову (Очерки, IV, 194). Верблюдъ на водопоѣ поворачиваетъ голову то направо, то налѣво; смотритъ, нейдетъ ли олень, который похитилъ у него рога (Оч., II, 168). Когда китайское посольство прибыло въ Индію за святою статуею и ему отказывали подъ разными предлогами, статуя, имѣвшая прежде лицо къ югу, обратилась къ востоку, по направленію къ Китаю какъ бы требуя, чтобъ ее отвезли туда (Nouveau Journal Asiatique, t. VII (1831), p. 171). Тема о застывшемъ движеніи: о Манджушри, обернувшемъ голову, чтобы разслушать слова Чандрагомина (Schiefner, Târanâtha's Gechichte des Buddhismus, S. Pb., 1869, S. 153); объ Авалокитешварѣ,

который застылъ въ позѣ съ протянутымъ указательнымъ пальцемъ, когда Чандракирти увидѣлъ его проповѣдывающимъ (Schiefner, Târanâtha, 154). О Буддѣ у Кеппена (Die Religion des Buddha, B. II, S. 449).

Подъ именемъ Гуань-лао-цзы китайцы простолюдины разумѣютъ героя китайскаго историческаго сказанія Гуань-ина. Лао-цзы по китайски «господинъ»; съ этимъ словомъ китаецъ обращается къ каждому выше себя по общественному положенію. Въ честь Гуань-лао-цзы строятся китайцами кумирни; въ деревнѣ Ничжѣ, гдѣ я провелъ зиму 1884—1885 годовъ, изъ двухъ кумирень главная построена въ честь Гуань-лао-цзы. Саньчуаньцы и вообще монголы отожествляютъ Гуань-лао-цзы съ монгольскимъ Гэсэръ-ханомъ. Разсказы свои о Гуань-лао-цзы саньчуанцы заимствуютъ изъ книги Сань-го-ши, «Исторія трехъ царствъ».

Оріенталисты принимаютъ Гуань-ина за историческую личность, которую народное преданіе одѣло сказочнымъ плащемъ. Могила его указывается въ Сычуаньской провинціи [1]). Я не имѣлъ возможности ни по европейскимъ литературнымъ источникамъ, ни чрезъ знакомства съ оріенталистами ближе познакомиться съ содержаніемъ Сань-го-ши; во время же моего пребыванія въ Сань-чуани одинъ деревенскій грамотѣй (сянъ-шенъ) переводилъ для меня первыя страницы этой книги, именно тѣ ея мѣста, которыя относятся къ Гуань-лао-цзы. По его словамъ, книга начинается извѣщеніемъ о династіи Хань. Разсказывается о томъ, что царь умеръ, оставивъ двѣнадцатилѣтняго мальчика; когда ребенокъ сидѣлъ на престолѣ, окруженный вельможами, вдругъ съ неба спустилась синяя змѣя и окружила престолъ кольцомъ; юный царь и его вельможи отъ испуга попадали. Змѣя вновь поднялась на небо. Потомъ идетъ разсказъ объ игрѣ дѣтей, выбиравшихъ изъ своей среды царя; родители запретили имъ это дѣлать. Далѣе разсказывается, какъ Лю-бей встрѣчаетъ сначала Чжанъ-хоя ,потомъ Гуань-лао-цзы, который занимался продажей мяса. Всѣ трое порѣшили сдѣлаться друзьями въ родѣ братьевъ. Чжанъ-хой предложилъ принести клятву предъ деревомъ таоръ (персиковое), находившимся въ цвѣту. Они закололи бѣлую лошадь въ жертву небу и черную корову въ жертву землѣ и поклялись, что и смерть у нихъ будетъ общая и радости общія. Потомъ друзья разошлись. Затѣмъ описывается, какъ Гуань-лао-цзы препровождалъ двухъ женъ Любея въ резиденцію послѣдняго, въ городъ Гу-чень. Ему пришлось проѣзжать пять заставъ. Въ каждой его спрашиваютъ, имѣетъ ли онъ пропускную граммоту отъ царя Со-со. Гуань-лао-цзы отвѣчаетъ, что не имѣетъ. Его не пускаютъ, но онъ убиваетъ начальника заставы и ѣдетъ далѣе. Третья застава называется Чи-шуй-гуань; здѣсь начальникъ заставы Пинъ-си хочетъ хитростью погубить Гуань-лао-цзы; онъ прячетъ въ монастырѣ, который былъ подлѣ заставы, двѣсти солдатъ. Одинъ изъ монаховъ (хо-шанъ) выходитъ на встрѣчу къ Гуань-лао-цзы и приглашаетъ его къ себѣ въ келью. Оказалось, что хо-шанъ землякъ Гуань-лао-цзы; онъ жилъ на одномъ берегу рѣки, Гуань-лао-цзы на другомъ. Хо-шанъ предупредилъ Гуань-лао-цзы о засадѣ, зазвалъ его къ себѣ въ келью и угостилъ чаемъ. Когда засада должна была броситься на Гуань-лао-цзы, хошанъ, знавшій заговоръ, далъ о томъ знать Гуань-лао-цзы не рѣчью, а показавъ ему ладонь, на которой была сдѣлана надпись. Гуань-лао-цзы выскочилъ и убѣжалъ. На четвертой заставѣ Гуань-лао-цзы хотятъ сжечь; солдаты вооружены горящими фитилями и должны по данному сигналу приткнуть ихъ къ дому, въ которомъ находится Гуань-лао-цзы. Но Гуань-лао-цзы въ надлежащій моментъ убѣгаетъ. На пятой заставѣ ему предстоитъ переправа черезъ рѣку; ни ниже, ни выше нѣтъ переправы, а паромщики требуютъ пропускной граммоты. «Безъ нея же», говорятъ, «развѣ умѣешь по птичьи летать, то будешь на другой сторонѣ!» Но Гуань-лао-цзы разгоняетъ перевозчиковъ, выдергиваетъ изъ земли якорь, къ которому прикрѣпленъ паромъ и переѣзжаетъ рѣку. Онъ достигаетъ города Гучена; онъ видитъ его, хотя до него еще 20 ли остается, и радуется, что увидитъ своихъ названыхъ братьевъ. Чжанъ-хой, увидѣвъ, что кто-то ѣдетъ черезъ поле, выѣхалъ съ тысячью чириковъ на встрѣчу и напускается на Гуань-лао-цзы, намѣреваясь убить его. Гуань-лао-цзы закричалъ ему: «Или ты, Чжанъ-цзы, забылъ клятву подъ персиковымъ деревомъ въ цвѣту, или не узналъ меня!» Тогда Чжанъ-цзы обрадовался и сказалъ, что онъ не узналъ его, думалъ, ѣдетъ какой-то врагъ и выѣхалъ сразиться съ нимъ. Гуань-лао-цзы сказалъ ему, что сзади ѣдетъ Санъ-янъ въ погоню за нимъ отъ царя Со-со и попросилъ Чжана ударить три раза въ бубенъ. Дѣйствительно Санъ-янъ настигаетъ; Гуань-лао-цзы вскричалъ: «Сколько Санъ-яновъ гонится за мной!» Санъ-янъ отвѣтилъ: «Санъ-янъ только я одинъ!» «А оглянись!»

[1]) Беберъ (Baber, Travels and researches in western China, Lond., 1882, p. 27) говоритъ только о могилѣ Chu-ко, друга Ли-бея, находящейся въ Чень-ду-фу.

сказалъ ему Гуань-лао-ѣ. Тотъ оглянулся и Гуань-лао-ѣ отрубилъ ему голову. Три названые брата соединились въ городѣ и много пировали.

Послѣ того они втроемъ выѣзжаютъ изъ Гу-чена. Дорогой имъ встрѣчается богатырь; они приглашаютъ его съ собой. Затѣмъ встрѣчаютъ другого, затѣмъ третьяго. Такимъ родомъ составляется компанія изъ шести богатырей.

Есть еще замѣчательный эпизодъ въ Сань-го-ши: Гуань-лао-ѣ ѣдетъ вдвоемъ съ Чигсаномъ, Гуанъ-лао-ѣ впереди, Чигсанъ сзади. Чигсанъ замахивается на Гуань-лао-ѣ; Гуань-лао-ѣ видитъ это и упрекаетъ товарища. Удивленный, Чигсанъ спрашиваетъ: «Какъ ты видишь, когда я ѣду сзади?» Гуань-лао-ѣ говоритъ: «Кромѣ глазъ спереди, у меня есть еще два глаза сзади».

---

55. ПАЙ-ЧЖЯНЬ-ЧЖЮНЬ.

(Монгольскій).

Когда китайскій императоръ пріѣхалъ въ Гуй-хуа-ченъ, здѣсь не было никакого города, была гладкая степь. Стояла на мѣстѣ города одна только кумирня Пхынъ-сунъ; въ ней жилъ хо-фо (гэгэнъ), котораго монголы почитали, какъ бога. Императоръ вошелъ въ обитель; при входѣ его гэгэнъ не всталъ съ престола, а остался въ сидячемъ положеніи. Бывшій съ императоромъ генералъ Пай-чжянь-чжюнь былъ смущенъ этимъ обстоятельствомъ. И хотя императоръ говорилъ ему, что такое поведеніе гэгэну извинительно, потому что онъ не знаетъ, что передъ нимъ стоитъ императоръ, Пай-чжянь-чжюнь все-таки не могъ сдержать своего негодованія, выхватилъ длинный кинжалъ и убилъ гэгэна. Оказалось, что подъ сѣдалищемъ гэгэна сидѣла большая черная лягушка, въ которой скрывался нечистый духъ. Послѣ этого началась война между китайцами и монголами и императоръ, испугавшись, переодѣтый въ платье ламы, бѣжалъ изъ Гуй-хуа-чена. Пай-чжянь-чжюнь, замѣтивъ отсутствіе императора и полагая, что онъ погибъ въ схваткѣ, отрубилъ себѣ голову большимъ баодяномъ [1]). Императоръ тѣло генерала увезъ въ Китай, а на мѣстѣ его смерти поставилъ его статую, которая и теперь стоитъ въ кумирнѣ сы-танъ въ Гуй-хуа-ченѣ. Этой статуѣ покланяются только мандарины; они въ честь ея на свои деньги иногда устраиваютъ театральныя представленія.

Сантанъ-джимба.

Пай-чжянь-чжюнь былъ современникъ императора Кань-си. Пріѣхавъ въ Гуй-хуа-ченъ, императоръ пошелъ по всѣмъ кумирнямъ города поклоняться богамъ, зашелъ и въ монастырь Пхынъ-сунъ-чжао, гдѣ на престолѣ сидѣлъ гэгэнъ Пхынъ-сунъ; императоръ преклонился передъ нимъ, но Пхынъ-сунъ остался въ прежнемъ положеніи; тогда Пай-чжянь-чжюнь, обиженный тѣмъ, что подданный не отдалъ императору должной чести, отрубилъ гэгэну голову. Послѣ этого гэгэнъ сталъ

---

[1]) Бао-дянъ большой кинжалъ съ тремя остріями.

возрождаться въ другомъ мѣстѣ и всегда со знакомъ на шеѣ; прежде у новорожденнаго всегда находили рану во всю шею; потомъ эта рана стала уменьшаться; теперь гэгэнъ Пхынъ-сунъ возрождается только съ небольшимъ отверзстіемъ на шеѣ, почему онъ носитъ на шеѣ желтую ленточку. Гэгэнъ этотъ живетъ нынѣ около города Нинъ-ся; монголы звали и ждали его въ Гуй-хуа-ченъ, но гэгэнъ боится пріѣхать. Когда Пай-чжянь-чжюнь убилъ гэгэна, императоръ сказалъ ему: «Зачѣмъ ты убилъ гэгэна? Пхынъ-сунъ не простой человѣкъ, это былъ гэгэнъ, который зналъ за 500 лѣтъ впередъ и за 500 лѣтъ назадъ». Пай-чжянь-чжюнь отвѣтилъ императору: «Если бы онъ былъ гэгэнъ и зналъ за 500 лѣтъ впередъ, онъ зналъ бы и то, что я ему отрублю голову. Но онъ этого не предвидѣлъ, какой же онъ всевѣдущій гэгэнъ! онъ злой духъ!» Послѣ этого событія началась война между китайцами и монголами; императоръ Кань-си испугался, убилъ одного ламу, переодѣлся въ его платье и убѣжалъ. Пай-чжянь-чжюнь долго дрался съ монголами, но, наконецъ, видя, что императора нѣтъ, подумалъ, что императоръ погибъ въ дракѣ и въ отчаяніи отрубилъ себѣ голову. Тѣло его, послѣ того, какъ голова его отдѣлилась, осталось въ стоячемъ положеніи. Исторія о Пай-чжянь-чжюнѣ разыгрывается въ театрахъ.

Чжо-чжинъ-хоу, китаецъ
въ Гуй-хуа-ченѣ.

Когда началась схватка между монголами и китайцами, императоръ бѣжалъ въ лѣсъ; ламы обступили лѣсъ и думаютъ: «Бѣлыя утки, которыя гнѣздятся въ лѣсу, кричали бы, если-бъ императоръ спрятался тутъ. Но онѣ молчатъ; вѣрно его тутъ нѣтъ». И они ушли.

Запис. отъ тумутовъ дер. Хончжимъ
къ юз. отъ Гуй-хуа-чена.

Несомнѣнно, что исторія о Пай-чжянь-чжюнѣ гораздо древнѣе императора Кань-си; Жербильонъ сопутствовалъ Кань-си въ его поѣздкѣ въ Хухо-хото и въ его реляціи нѣтъ ни малѣйшаго намека на что-либо похожее на эту легенду. Вѣроятно это монгольская легенда, имѣющая начало въ отдаленномъ времени. Сама легенда указываетъ на эту отдаленность; она относитъ событіе ко времени, когда еще не существовало города, а между тѣмъ Хуху-хото существовалъ уже во времена Чингиса.

Легенда эта записана Гюкомъ, но короче, чѣмъ у насъ, и отнесена къ монастырю У-та-сы, а не Пхынъ-сунъ-чжао. У-та-сы по словамъ Гюка былъ нѣкогда резиденціей ламы Guison-tamba. Подъ этимъ именемъ Гюкъ разумѣетъ всегда ургинскаго хутухту. Императоръ Кань-си во время похода противъ Олетовъ, проходя черезъ Хуху-хото, захотѣлъ посѣтить Guison-Tamba'у, который былъ тогда великимъ ламой въ У-та-сы. Послѣдній принялъ императора, не поднявшись съ своего трона и не оказавши знаковъ почтенія[1]). Въ тотъ моментъ, когда Кань-си приблизился, чтобы поговорить съ ламой, одинъ цзянь-цзюнь (kian kun), раздраженный неуваженіемъ къ своему властителю, извлекъ саблю, бросился на Гизонъ-дамбу и тотъ повалился мертвый на ступени своего трона. Весь монастырь взволновался: движеніе сообщилось всему ламскому населенію Хуху-хото.

[1]) Ср. съ поведеніемъ Цзонкавы (см. выше, стр. 236).

Повсюду народъ бросился къ оружію и жизнь императора, который имѣлъ при себѣ немногочисленную свиту, очутилась въ опасности. Чтобы успокоить возбужденныхъ ламъ, императоръ обратился съ упрекомъ къ цзянь-цзюню и т. д.

Далѣе Гюкъ продолжаетъ: Монголы искали извлечь пользу изъ этого событія. Вскорѣ разнесся слухъ, что Гизонъ-дамба вновь явился, что онъ воплотился въ Халхѣ; халхасцы приняли его подъ свое покровительство и рѣшились отмстить. Ламы Да-куреня стали организоваться; они сняли съ себя красныя и желтыя одежды, надѣли черное платье въ память печальнаго событія въ Хуху-хото; въ знакъ траура перестали брить голову и запустили бороды и усы; все предвѣщало великое волненіе монгольскаго племени. Не малыхъ трудовъ стоило Кань-си остановить движеніе. Онъ завелъ переговоры съ далай-ламой, который употребилъ свое вліяніе на успокоеніе ламъ, а Кань-си подѣйствовалъ на халхасскихъ князей внушительнымъ могуществомъ своихъ войскъ. Мало-помалу миръ возстановился. Ламы вновь одѣлись въ красное и желтое, но чтобы сохранить память о коалиціи въ честь Гизона, они сохранили черную каёмку шириной въ палецъ на воротникѣ. Ламы Халхи одни носятъ теперь этотъ особенный знакъ. Съ этой эпохи Гизоны пребываютъ въ Большомъ-куренѣ (Да-курень), а въ Хуху-хото ихъ мѣсто занимаетъ хубильганъ (Souvenir, t. I, 187—188).

И такъ Гюкъ связываетъ хуху-хотинскую легенду съ исторіей основанія ургинскаго святого трона. О черномъ платьѣ, измѣнившемъ цвѣтъ на желтый [1]), см. Очерки, II, 169, въ легендѣ объ ургинскомъ гэгэнѣ, принимавшемъ участіе въ заговорѣ Шидырвана. Подобные разсказы можетъ быть не что иное, какъ варіанты легенды о какомъ-то миѳическомъ существѣ, которое могло называться Ундуръ-гэгэномъ. Въ хуху-хотинской легендѣ это лицо является злымъ; Пай-чжянь-чжюнь укрощаетъ его.

Укрощеніе злого существа содержится также въ легендѣ о гэгэнѣ Наръ-банджинѣ; какой-то нойонъ (князь) хочетъ присвоить саврасую лошадь (шаргы-мори), принадлежащую гэгэну; разсерженный гэгэнъ ударилъ трубкой по столу, вслѣдствіе чего его противникъ, бывшій шаманомъ, потерялъ всѣ свои чары (Очерки, IV, 258). Въ хотанской легендѣ китайскій генералъ Ваньчао «умирилъ» хотанскаго царя, который былъ «грубъ и слушался демоновъ»; демоны хотѣли, чтобы царь принесъ въ жертву коней китайскаго генерала, которые были свѣтло-гнѣдой масти (bai clair); Abel Remusat, Hist. de la ville de Khotan, p. 5; Риттеръ, Землевѣд. Азіи въ переводѣ Григорьева, IV. 56). Ордосская легенда представляетъ Чингиса докшиномъ, «свирѣпымъ», «злымъ» высшимъ существомъ; его укрощаетъ Ваньчень-эрдэни (см. ч. I, стр. 128).

Прекращеніе поисковъ вслѣдствіе покровительства птицъ у Бержерона отнесено къ Чингисъ-хану. Il (Чингисъ) conquit en suite des Naymans, les royaumes de Camul, Agrigaia, Barcu ou Bargu et Cambalu, siege du Prestre-Jan du Cathay. Or ayant esté un jour battu en un rencontre, il fut poursuivy et contrainct de se sauver et cacher en des buissons et halliers, ou estant cherché par ses ennemis, il ne peut estre descouvert, par le moyen d'un hibou, qui en sortit alors et qui leur fit croire qu'iln'yavoit personne et eschappa de la sorte; dont depuis cet oyseau fut en estime et honneur entr'eux et se parent de ses plumes pour panaches (Pierre Bergeron, Relation des voyages en Tartarie, Paris, 1534, Traicté des Tartares, p. 34. О. Палладій разсказываетъ сходную манчжурскую легенду о воронахъ, которыя спасли жизнь маньчжурскаго тай-цзу; см. выше стр. 235.

Ср. также съ голубями, покрывающими соромъ тѣло бѣглеца (см. выше, стр. 250), съ паутиной (стр. 200 и 234).

Тѣло Пай-чжянь-чжюня, продолжающее стоять послѣ отсѣченія головы, напоминаетъ разсказъ о Тарханъ-бо, туловище котораго холило, какъ живое (Очерки, IV, 291). Знаки на шеѣ гэгэна ср. съ знаками на шеѣ у возродившагося Шидырвана (Очерки, II, 170). Упреки, которые императоръ дѣлаетъ убійцѣ гэгэна, ср. съ упреками далай-ламы убійцѣ Цоктая (см. ниже, № 65).

Повидимому преданіе о Пай-чжянь-чжюнѣ есть одна изъ легендъ объ укрощеніи злой силы; существо, убитое имъ, было, надо полагать, злое въ родѣ царя съ бычьей или ослиной головой другихъ легендъ; это монгольскій Ельджигенъ-ханъ, китайскій Нью-тоу-ванъ, тангутскій Ландеръ (Ландарма). Къ этому же кругу легендъ, вѣроятно, относились и легенды о Чингисѣ. То онъ являлся свѣтлымъ существомъ, укрощавшимъ злыхъ; тогда злыми являются его противники: Шидургу, шаманъ Таинъ-тирхинъ и можетъ быть Ванъ хиреитскій; то Чингисъ самъ является злымъ,

[1]) Эту тему ср. съ темой о перемѣнѣ цвѣта лошади подъ убійцей быка-царя Ландера; см. выше стр. 218 и 249.

и тогда укротительницей его является Гурбельджинъ-гоа (жена Шидургу), Чао-джюнъ или гэгэнъ Банченъ-эрдэни (см. ч. I, стр. 128).

Злой характеръ, конечно, нейдетъ къ званію гэгэна; при томъ къ самому Пай-чжянь-чжюню отнесены такія свойства (признаки жизни послѣ отсѣченія головы), которыя приписываются въ Азіи злымъ существамъ (Тарханъ-бо, Цоктай); поэтому не слѣдуетъ ли видѣть тутъ перестановку; т. е. не Пай-чжянь-чжюнь убилъ гэгэна, а гэгэнъ (Ундуръ-гэгэнъ?) сокрушилъ злого Пай-чжянь-чжюна (или злое существо, которое называлось какъ-нибудь иначе)?

Преданіе о Пай-чжянь-чжюнѣ пріурочено къ гуй-хуа-ченской почвѣ, къ которой, какъ выше было уже указано, Юль пріурочиваетъ столицу Вана хиреитскаго. Не имѣемъ ли мы въ легендѣ о Пай-чжянь-чжюнѣ отголосокъ сказанія о Ванѣ, который былъ убитъ, когда сошелъ съ лошади, чтобъ утолить свою жажду (подобно Тохтомышу)?

---

56 а. ЧИНГИСЪ-ХАНЪ.

(Монгольскій).

Чингисъ-ханъ оставилъ послѣ себя шесть сыновей, отъ которыхъ и произошло шесть ордосскихъ джасыковъ. Родина Чингисъ-хана, откуда онъ вывелъ ордосскій народъ, есть страна: Алыкъ-ола Алтынъ-тебши аръ Хангай (т. е. Пестрая гора и Золотое корыто на задней или сѣверной сторонѣ Хангая). Старшая жена Чингисъ-хана называлась Хуланъ-хатунъ, младшая, утонувшая въ Хатунъ-голѣ и похороненная въ холмѣ Темуръ-олху, называлась Алтынъ-чечекъ. Кабутукасыръ былъ отличный стрѣлокъ при Чингисъ-ханѣ; онъ убилъ злую женщину Арбальчжи, жившую въ горѣ Муни-олѣ. Онъ не оставилъ по себѣ никакого потомства.

Лама-мамба изъ ордосскаго хошуна Талатъ.

(Монгольскій).

Чингисъ-ханъ былъ докшинъ-бурхынъ; ни птица не могла пролетать мимо него, ни человѣкъ проѣхать на лошади: падали мертвыми. Чжанчжа-хутухта, надѣвъ красный кушакъ, началъ читать книгу Гени-мачакъ и укротилъ бурхана.

Весь Ордосъ былъ наполненъ шолмо; ихъ уничтожилъ Гэсыръ. Потомъ Тансынъ-лама ввелъ желтую вѣру (шира шаджинъ), построилъ 73 города, а Чингисъ разрушилъ ихъ.

Записано въ Ордосѣ отъ монгола.

(Монгольскій).

Чингисъ-богдо былъ докшинъ-бурханъ; птица, пролетавшая надъ Еджень-хоро[1]), падала мертвою, у человѣка близко проѣзжавшаго мимо и у его лошади

[1]) Надъ усыпальницей Чингисъ-хана.

шла кровь изъ носу и рта и онъ умиралъ. Однажды Банченъ-эрдэни проѣзжалъ мимо на обратномъ пути изъ Пекина и тархаты обратились къ нему съ просьбой, не можетъ ли онъ смягчить бурхана. Банченъ-эрдэни отослалъ тархатовъ и остался наединѣ съ бурханомъ; онъ отворилъ ящикъ, взялъ оркимджи и перевязалъ тѣло хана (мясо у него присохло къ костямъ), перепоясалъ его краснымъ кушакомъ, далъ бурхану мачакъ и сказалъ: «отнынѣ ты долженъ быть милосердымъ и не убивать живой твари! въ жертву тебѣ должны колоть лошадей, а не людей!» Затѣмъ онъ заперъ ящикъ тремя замками, висящими и теперь на трехъ бокахъ ящика, и ключи увезъ съ собой. Никто изъ тархатовъ не знаетъ, что внутри ящика содержится. Если воръ приступитъ къ ящику, у него выпадутъ глаза. Во время мусульманскаго возстанія шайка воровъ хотѣла расхитить Еджень-хоро, но у перваго приблизившагося къ святынѣ глаза вылетѣли изъ орбитъ [1]).

Пунсукъ изъ хошуна Ушинъ.

---

6. ЧИНГИСЪ.

(Монгольскій).

Чингисъ-ханъ отправился на охоту за дикими звѣрями (гурёсу) и приблизился на дневное разстояніе къ городу Шютӯргу-Тюльгенъ-хану. При немъ былъ большой вельможа Мергенъ-Касаръ. Только что выпалъ снѣгъ. Ханъ убилъ зайца; заяцъ упалъ и кровью его окрасился свѣжій снѣгъ. Подъѣхавъ къ зайцу, ханъ спросилъ: «Есть ли женщина съ лицомъ такого цвѣта?» Мергэнъ-Касаръ сказалъ: «Есть; жена Шитӯргу-Тюльгенъ-хана или Сронцзанъ-Гамбо». «Я и ты вдвоемъ пойдемъ и возьмемъ её», сказалъ Чингисъ. Они приблизились къ городу. Шитӯргу-Тюльгенъ сказалъ Чингису: «Ты пришелъ взять мою жену; возьми, но не убивай меня. Только когда возьмешь жену, хорошенько её осмотри. Моя жена имѣетъ злое сердце (дзюрку харатай байна). Осмотри всю, сними съ нея все платье, ничего не оставивъ». Чингисъ не согласился оставить его въ живыхъ. Тогда Шитӯргу-Тюльгенъ сказалъ: «Своимъ мечемъ тебѣ не убить меня! твой мечъ безсиленъ надо мной! Только моимъ ножемъ ты въ состояніи будешь убить меня. Если у меня были противъ тебя злыя мысли, то изъ моей раны потечетъ кровь, если были мои мысли добрыя, то потечетъ вода». Чингисъ взялъ ножъ и разрубилъ Шитӯргу-Тюльгуну голову. Потекла вода. Тогда Чингисъ сказалъ: «Э, напрасно я убилъ человѣка!» Чингисъ взялъ жену Шитӯргу-Тюльгена и отправился домой.

---

[1]) О. Палладій въ примѣчаніяхъ къ IV т. Трудовъ Пекинской миссіи сообщаетъ о существованіи въ восточной Монголіи кумирень, въ которыхъ хранятся книги церемоній, установленныхъ Чингисъ-ханомъ (Чингисъ-ханова яса, «законъ»?). Но тархаты положительно говорятъ, что въ ордосскомъ Еджень-хоро хранится не законъ Чингиса, а его кости (ясунъ).

Дорогой въ одномъ мѣстѣ Чингисъ ночевалъ; рядомъ съ нимъ легла Шитӯргу-Тюльгенова жена. Ночью она отрѣзала у Чингиса половыя части ножницами, которыми обрѣзаютъ ногти, а сама бѣжала и утопилась въ рѣкѣ, которую съ того времени и зовутъ Хатунъ-голъ [1]). Тѣло ея не нашли; нашли только ея платье на берегу. Это платье хранится теперь въ Бага-едженъ-хоро въ хошунѣ Джунгоръ; ему покланяются въ 21 число 6-й луны. Оскопленный Чингисъ-ханъ заболѣлъ и все-таки продолжалъ путь. Доѣхавъ до долины р. Чжамхакъ, онъ сказалъ:

Оббгбнъ кумунъ ӱтӱклельтей
Елю богу бельчирлельтей гаджаръ!

«Вотъ мѣсто отдохнуть старому человѣку, попастись оленю!» И съ этими словами онъ умеръ. На этомъ мѣстѣ и поставили Ихи-едженъ-хоро.

У Чингиса было двѣ жены; старшая была монголка родомъ изъ нынѣшняго хошуна Далать (въ Ордосѣ); имя ея было Ишигѐ-хатунъ [2]); ея кости хранятся въ Бага-едженъ-хоро, которое находится въ хошунѣ вана, близь Ихи-едженъ-хоро. Имени жены Шитӯргу-Тюльгена разскащикъ не помнитъ; старые люди говорятъ, что она была хубильганъ богини Чаганъ-дарихе.

Пунсукъ, ордоскій монголъ.

(Монгольскіе).

Шидургу-тюлгучи-ханъ имѣлъ жену Ругъ-могай. Чингисъ-богдо пришелъ къ нему съ цѣлью отобрать у него жену. Шидургу самъ вышелъ къ нему на встрѣчу и сказалъ: «Отруби мнѣ голову! если потечетъ кровь, то значитъ у меня было злое намѣреніе, если мои намѣренія были добрыя, то потечетъ молоко». Чингисъ отрубилъ ему голову; потекло молоко. Чингисъ пожалѣлъ Шидургу, взялъ свой шлемъ и наковалъ изъ него гвоздей, прибилъ ими голову Шидургу къ его тѣлу и похоронилъ его. Кости жены Шидургу-хана лежатъ въ Бага-едженъ-хоро въ Джунгорскомъ хошунѣ.

Омолонъ, старикъ 53 л., омока
Солонгосъ, въ Ордосѣ.

Чингисъ-богдо разрушилъ въ Ордосѣ тридцать три города.

Записано въ Боробалгасунѣ
отъ монголовъ.

Родиной Чингиса-богдо была мѣстность Алтанъ-хангай-алтанъ-тебши.

Записано тамъ же.

---

[1]) Царицына рѣка.

[2]) Въ Юань-чао-ми-ши (Труд. П. д. м., IV, 79) упоминается жена Чингиса Ѣсугань, дочь Ѣкэ-чжэряня.

Чингисъ-ханъ взялъ въ плѣнъ тубутскаго хана, жившаго въ городѣ Чжунъ вэй (Дэрисунъ-хото); плѣнный ханъ говоритъ ему: «у моей жены дурная дума». Чингисъ убилъ его и взялъ его жену за себя. Ночью она бритвой (тонгура) оскопила Чингиса и онъ умеръ, а сама бросилась въ рѣку Хатунъ-голъ; ее отнесло по рѣкѣ ниже Дэрисунъ-хото и высадило на берегъ. Тутъ надъ ея тѣломъ насыпали холмъ.

Сантанъ-джимба.

Чингисъ былъ единственный сынъ Хормусты: Хурмустанъ Галто ганц' ху.

Понцокъ, халха хошуна Туше-гуна поколѣнія Кіятъ-Борджигитъ.

Варіантъ легенды о Чингисѣ напечатанъ въ Оч., IV, 229; онъ разсказанъ также въ Алтанъ-Тобчи (стр. 144) и у Сананъ-Сэцэна (Gesch. d. Ost-Mong., 97), но въ этихъ книжныхъ разсказахъ не упоминается объ оскопленіи Чингиса (у Сананъ-Сэцэна сказано темно: сдѣлала зло его тѣлу) и нѣтъ эпизода о крови на снѣгу. Послѣдняя тема перенесена обоими вышеупомянутыми памятниками въ разсказъ о Ельбекъ-ханѣ (Алт. тобчи, стр. 156); вмѣсто оскопленія, у Ельбека отрѣзанъ мизинецъ.

Ельбекъ выѣзжаетъ на охоту и видитъ пятно крови убитаго зайца на снѣгу. Разговоръ объ этой крови приводитъ хана къ намѣренію отнять жену у своего сына; дѣлается это по совѣту вельможи Тафу. Сынъ убитъ. Невѣстка призвала виновника смерти своего мужа, Тафу и угостила его виномъ изъ кожаной посуды, которая была раздѣлена на двѣ половины; въ одной была вода, въ другой ардзанъ; сама пила воду, а Тафу подавала вино; потомъ разостлала ковры и подушки въ своей спальнѣ, положила на нихъ опьянѣвшаго Тафу, и растрепавъ волосы и исцарапавъ лицо, послала за ханомъ. Тафу бѣжалъ; ханъ пустился за нимъ въ погоню. Въ схваткѣ у хана былъ отстрѣленъ мизинецъ, а Тафу убитъ и у него вырѣзанъ ремень изъ спины. Невѣстка, облизывая кровь хана, смѣшанную съ жиромъ Тафу говорила: «Вотъ успѣхъ мщенія женщины»! Имя этой женщины Ульдзэту-гуа или Хунгъ-Вогодзи (Алт. Тобчи, 157).

Если мы эти два сказанія о Ельбекѣ и Чингисъ-ханѣ и женѣ тибетскаго царя Шидургутюльгунъ-хана дополнимъ одно другимъ, мы получимъ остовъ нѣмецкаго сказанія объ Аттилѣ [1]). Атли Эдды беретъ за себя овдовѣвшую жену Сигурда, Гудруну. Гудруна мститъ Атли за смерть своихъ братьевъ Gunnar и Högni (Гунтера и Гагена); она убиваетъ своего ребенка, прижитаго съ Атли, дѣлаетъ изъ его черепа чашу, наполняетъ её смѣсью изъ крови сына и вина, жаритъ сердце сына и этимъ угощаетъ Атли, а вечеромъ убиваетъ его самого, за тѣмъ бросается въ море, но не можетъ утонуть: волны выносятъ её на островъ. Въ монгольскихъ сказаніяхъ месть производится за смерть мужа; Гудруна мститъ не за мужа (Сигурда), а за братьевъ; но мужъ ея тоже убитъ, и при томъ причина смерти Сигурда та же, что и смерти Гунтера и Гагена—желаніе отнять сокровище Фафнира.

Имя мстящей жены въ разсказѣ объ Ельбекъ-ханѣ въ Алтанъ-Тобчи Богодзи, у Сананъ-Сэцэна Oldjeitu-chung-goa-beidji. Въ лѣтописномъ сказаніи о Чингисѣ жена тибетскаго царя называется Гурбельджинъ-гоа (Сананъ-Сэцэнъ, 103). Въ народныхъ же разсказахъ о Чингисѣ ей не дается никакого имени; говорится только, что она хубильганъ Цаганъ-дара-еке.

Есть двѣ Цаганъ-дара-еке: милостивая и злая; послѣдняя по-тибетски называется Lhamo (Emil Schlagintweit, Buddhism in Tibet, Lond., 1863, s. 112) или Lhamu (Pallas, Mong. Völkersch., vol. II, s. 98), по-монгольски Okkin-tängri (ibid). Шлагинтвейтъ помѣстилъ въ своемъ «Буддизмѣ» слѣдующую легенду о Lhamo (санскр. Kāladevī): Богиня Лаио вышла за Shinja, царя Dudpo,

---

[1]) Чингисъ также выдавалъ себя за бичъ Божій. По взятіи Бухары Чингисъ держитъ рѣчь къ плѣнникамъ: «О, народъ! Вѣдайте, что вы учинили великіе грѣхи.... Я есмь казнь Господня»! (Рашидъ-эддинъ, III, стр. 54).

который былъ воспитанъ царемъ Цейлона. Богиня дала обѣтъ или укротить свирѣпость царя и расположить его въ пользу буддизма, или, если это не удастся, искоренить царское сѣмя, убивъ своихъ дѣтей, прижитыхъ отъ царя. Первое ей не удалось и вотъ она убиваетъ своего сына, котораго очень любилъ царь; во время его отсутствія она сняла съ живого сына кожу, выпила кровь изъ его черепа и съѣла его мясо. Потомъ покрыла кожей убитаго сына лошадь, сѣла на нее верхомъ и оставила дворецъ. Отецъ, вернувшись домой, схватилъ лукъ и пустилъ ядовитую стрѣлу вслѣдъ за своей ужасной женой; стрѣла вонзилась въ задъ лошади, но богиня произнесла надъ нею заклятіе и продолжала ѣхать. Она проѣхала Индію, Тибетъ, Монголію, часть Китая и поселилась въ горахъ Oikhan въ области Olgon въ восточной Сибири.

Въ разсказѣ о женѣ Лу-тусы (см. ниже № 67) коварство женщины имѣетъ цѣлью освобожденіе людей отъ злого разбойника. Вѣроятно о Чингисѣ были разсказы, составленные по образцу сказанія о Ванъ-морѣ и женѣ Лу-тусы, т. е. Чингисъ представлялся докшиномъ (злымъ божествомъ), а жена тибетскаго царя представлялась укротительницей этого докшина. Укротитель Чингиса ордосской легенды, Бань-чень-эрдени, поставленъ на мѣсто жены тибетскаго царя только въ позднѣйшее время подъ вліяніемъ буддійскихъ воззрѣній. Жена Лу-тусы спаиваетъ Ванъ-мора виномъ и бросаетъ въ яму; сходный эпизодъ въ былинѣ южносибирскихъ тюрковъ: Едженъ-ко спаиваетъ Сёдей-мергена (Radloff, Proben, II, 624). Этой темы, ясно проведенной, въ сказаніяхъ о Чингисѣ нѣтъ, но намекъ на существованіе въ прежнее время былинъ о Чингисѣ съ этою темой можно видѣть въ эпизодѣ объ увозѣ меркитами жены Чингиса, Бортэ-фуджинь. Переводчикъ Рашидъ-эддина, г. Березинъ говоритъ (Ист. Монг., II, 259): вмѣсто описанія битвы Чингиса съ Чжамухой, сдѣланнаго Рашидъ-эддиномъ, у Санангъ- сэцэна и въ Алтанъ-Тобчи разсказанъ эпизодъ о Джингиръ-бухэ или Бикэ-чилгэрѣ, который пригласилъ Чингиса въ гости, предварительно вырывъ въ срединѣ своей юрты яму и закрывъ ее войлокомъ (Алт. Тоб., 131—132; S.—s. 81). Тутъ только приготовленіе для спаиванія виномъ и опущенія въ яму, кончившееся неудачно; кромѣ того нѣтъ тутъ женщины. Но можетъ быть она и была. У Рашидъ-эддина же въ другомъ мѣстѣ разсказано, что меркиты захватили Бортэ, жену Чингиса въ отмщеніе за Олунъ-эхэ, отобранную Есугеемъ у Чилету, брата Тухтай-бики'я и отдали ее силачу Чилгэру, брату Чилету'еву. Этотъ Чилгэръ, вѣроятно, есть одно лицо съ Санангъ-сэцэновскимъ Бикэ-чилгэромъ. Чингисъ отправляется возвращать свою увезенную жену; во время нападенія ночью на меркитовъ Бортэ сама прибѣжала къ нему изъ вражескаго стана (см. выше, стр. 209). Имя жены Чингиса Бортэ принимается за историческое, но было ли дѣйствительно такое имя у жены Чингиса? Именемъ Бортэ называется одинъ онгонъ у бурятъ (Агапитовъ и Хангаловъ, «Матеріалы», стр. 8), о которомъ говорится, что его принесъ сынъ Хоридая; а Хоридая или Хоритая монгольская лѣтопись вводитъ въ разсказъ о предкахъ Чингисъ-хана, и по всей вѣроятности имя это попало туда изъ народныхъ былинъ, а не изъ дѣйствительной жизни.

Имени утонувшей жены Чингиса, какъ сказано выше, народная память не сохранила. Могила, насыпанная надъ нею на берегу Желтой рѣки, называется по-монгольски Темиръ-олху; китайцы называютъ ее Чао-чжинъ-фынъ, т. е. могила какой-то Чжао-чжинъ. Въ Чжао-чжинъ можно видѣть джуджинъ, испорченное китайское фу-чжинь, «царица», какъ называлась жена Чингиса (ср. у Рашидъ-эддина въ переводѣ Березина, I, 149); въ словарѣ Будагова юджинъ—дочь ханскаго или княжескаго происхожденія; Будаговъ указываетъ также формы: фу-джинъ, «госпожа», у мусульманскихъ писателей куджинъ, у Санангъ-сэцэна: джюшинъ [1]).

Могильныхъ насыпей, къ которымъ пріурочивается легенда объ утонувшей женѣ Чингисъ-хана, три; одна около города Бауту, ее видѣлъ Пржевальскій (Монголія, I, 139); другая около города Гуй-хуа-чена, видѣнная и описанная нами выше (см. ч. I, стр. 50); третья около города Чжунъ-вэй (Дэристу-хото). Всѣ три города лежатъ вблизи отъ Желтой рѣки.

О той насыпи, которая около Гуй-хуа-чена, упоминаетъ китаецъ Фань-шао-куйя, дневникъ котораго переведенъ г. Поповымъ (Записки И. Р. Геогр. Общ. по общ. геогр., т. V, стр. 143). Въ примѣчаніи къ этому мѣсту г. Поповъ говоритъ: «Подъ именемъ Цинъ-чжунъ (такъ Фань-шао-куйя назвалъ насыпь, которую онъ увидѣлъ, подходя къ Гуй-хуа-чену) разумѣется могила одной изъ благородныхъ дѣвицъ западной Ханьской династіи, замѣчательной своей красотой и извѣстной въ народѣ подъ именемъ Чжао-цзюнь-нянъ-нянъ. Во время выбора невѣсты для императора пор-

[1]) См. также у Вельяминова-Зернова, Изслѣдов. о Касимовскихъ царяхъ, ч. I, Спб., 1863, стр. 503 — 507.

третъ ея вмѣстѣ съ другими 9-ю избранницами, представленный императору, былъ изображенъ въ искаженномъ видѣ; это было сдѣлано съ намѣреніемъ, потому что она, гордясь своей красотой, не дала взятки министру. Потомъ, когда надобно было найдти одному изъ сѣверныхъ сосѣднихъ князей жену, выборъ палъ на нее. Передъ отправленіемъ императоръ пожелалъ ее видѣть и, пораженный ея красотой, въ досадѣ приказалъ казнить коварнаго министра (стр. 155).

У о. Іакинѳа, Собр. свѣд. о нар. Сред. Азіи, ч. I, стр. 114, вѣроятно описывается эта же исторія нѣсколько иначе. Княгиня Чжао-гюнь, при выборѣ благородныхъ дѣвицъ, была принята въ императорскій дворецъ; не будучи въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ представлена государю, она въ досадѣ просила перевести ее въ загородный дворецъ. Когда ко двору пріѣхалъ хуннускій шаньюй Хуханье, императоръ приказалъ подарить ему пять дѣвицъ. Во время прощальнаго отпуска степного гостя императоръ призвалъ пять дѣвицъ для показа. Чжао-гюнь явилась въ числѣ ихъ въ пышномъ нарядѣ и поразила своею красотою. Императоръ изумился и хотѣлъ было оставить ее, но посовѣстился нарушить данное слово. По смерти Хуханье на престолъ вступилъ сынъ его отъ старшей жены шаньюя и хотѣлъ жениться на Чжао-гюнь; китайская царевна просила у государя дозволенія вернуться въ Китай, но государь предписалъ ей сообразоваться съ обычаями народа, почему она сдѣлалась женой слѣдующаго шаньюя.

Въ исторіи Усуней (ib., ч. III, с. 66—67) та же повидимому исторія повторяется въ примѣненіи къ Усуньскому гуньмо. Онъ женился на китайской царевнѣ. Гуньмо былъ старъ и не зналъ китайскаго языка. Царевна въ скукѣ и тоскѣ сочинила пѣсню, въ которой она оплакиваетъ свою судьбу, жалуется, что выдали ее за хана, живущаго въ войлочной палаткѣ и питающагося мясомъ и молокомъ, и высказываетъ желаніе обратиться въ дикаго гуся и улетѣть на родину. Гуньмо, будучи старъ, хотѣлъ выдать царевну за своего внука Сэньцзу; царевна не послушала его и жаловалась Двору, но сынъ неба совѣтывалъ ей сообразоваться съ обыкновеніями народа. Въ разсказѣ о Чжао-гюнь не говорится, чтобъ она пѣла тоскливую пѣсню о себѣ. Но въ томъ же сборникѣ о. Іакинѳа, ч. I, стр. 284, приводится пѣсня другой царевны о превратностяхъ судьбы, кончающаяся словами: «Не я одна примѣръ такой превратности; о томъ свидѣтельствуетъ пѣсня Чжао-гюнъ». Ср. съ женой Лу-тусы, которая, въ интересахъ родного населенія, выходитъ замужъ за Ванъ-мора и поётъ пѣсню (см. ниже, № 67), а также съ сходнымъ эпизодомъ въ сказаніи о Гэсэрѣ (см. выше стр. 26, 39 и 43). Вѣроятно, образъ Чжао-гюнъ и преданіе о ней заимствованы лѣтописью изъ степныхъ сказаній, тѣхъ самыхъ, варіанты которыхъ представляютъ нынѣшнія сказанія о женѣ Лу-тусы и женѣ Гэсэра.

Объ усуньскомъ гуньмо была слѣдующая легенда (ibid., ч. III, стр. 12): отецъ его былъ убитъ хуннами; сынъ его, только что родившійся, былъ брошенъ въ полѣ. Птицы склёвывали насѣкомыхъ съ его тѣла; волчица приходила кормить его своимъ молокомъ. Шаньюй былъ изумленъ; онъ взялъ ребенка къ себѣ и воспиталъ, а потомъ сдѣлалъ его предводителемъ своихъ войскъ; когда же гуньмо отличился въ походахъ, шаньюй возвратилъ ему владѣнія его отца. Эта легенда сближаетъ усуньскаго гуньмо съ тукюэскимъ Ашиной или Асеной и съ Лисунъ-сяо (см. ниже № 66). О Чингисѣ также есть разсказы, какъ о найденышѣ въ полѣ, находящемся подъ покровительствомъ самой природы (Оч., IV, 229). Пріуроченіе къ гуй-хуаченской насыпи одновременно сказанія о ханьской царевнѣ Чжао-цзюнь или Чжао-гюнъ и сказанія о Чингисъ-хановой женѣ (Чжао-чжинъ, Джу-джинъ, фу-жень?) можетъ быть объяснено тѣмъ, что оба эти преданія есть одно и то же сказаніе, о женщинѣ, рѣшившейся, во благо народу, пожертвовать собою и выйдти замужъ за тирана, съ цѣлью погубить его. Спавающая мужа Едженъ-ко (Radl., Prob., II, 624) можетъ быть отголоскомъ того же сказанія, но благодѣтельный мотивъ спаиванія не удержанъ.

Вопросъ: формы ли Едженъ, Джу-джинъ суть искаженія китайскаго Чао-джюнъ (Чжао-цзюнь) или, на оборотъ, китайскія формы есть испорченное монгольское едженъ, должны рѣшить оріенталисты.

Въ нѣкоторыхъ памятникахъ Чингисъ-ханъ называется Содо-богдо или Суду-богдо (Алт. тобчи, стр. 130, 170). Содо есть также сынъ Сургана, который спасъ Темучина, когда тотъ сидѣлъ въ водѣ. Можетъ быть это сидѣнье въ водѣ есть не что иное какъ иначе разсказанная исторія о младенцѣ, брошенномъ въ воду; въ нѣкоторыхъ же варіантахъ этой исторіи женщина, находящая дитя, есть мать самаго дитяти, какъ наприм. въ сказкахъ о Ерь-сару и Кирвэсѣ (Оч., IV, 343—604); редакція этого эпизода въ упомянутыхъ сказкахъ очень сходна съ бурятскимъ

сказаніемъ о Буха-нойнѣ и шаманкѣ Хусыкэнъ или Асухэнъ (Оч., IV, 267; Поздѣевъ, Образцы, стр. 17; Записки Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн. т. I, в. 2, стр. 95—99).

Разсказъ о Чингисѣ и Сурганѣ можетъ быть отрывокъ изъ сказки въ родѣ Ерь-сару и лицо, которое названо Сурганомъ, не спасало ли собственнаго сына Содо?

Есть парное Хото-гайду или Хото-гойту. Такъ называются: 1) одно племя въ сѣверозападной Монголіи (около оз. Сангинъ-далай; см. Оч., II, 23); 2) гора Худа-хайту или Хуту-гайту въ Забайкальѣ (Риттеръ, Землевѣдѣніе, Забайкалье, русск. переводъ П. П. Семенова, в. I, стр. 96); 3) во главѣ родословной джунгарскихъ хановъ у Палласа стоитъ какой-то Хото-гайту, который будто бы былъ прозванъ Кара-кулой за то, что убилъ звѣря каракулу.

Второй членъ Хайду встрѣчается и въ другомъ соединеніи: Хайлу-ханъ.. Хайду-ханъ упоминается въ числѣ монгольскихъ предковъ. Голодные Джелаиры въ числѣ 70 семей вошли во владѣнія Мунулуны, вдовы Дутумъ-менена и стали рыть корень судусунъ (Sanguisorba officinalis L., суть, сёди, суду, худунъ; Оч., II, 135; IV, 152; худугунъ у бурятъ Ирк. губ.). Сыновья Мунулуны вступили съ ними въ драку, но были убиты вмѣстѣ съ матерью; изъ семи сыновей Мунулуны избѣжали смерти только одинъ младшій сынъ Начинъ и Хайду, внукъ Мунулуны отъ старшаго сына, унесенный его дядькой въ связкѣ хвороста къ дядѣ Начину. Начинъ отмстилъ Джелаирамъ и племянника Хайду объявилъ ханомъ.

Имя Джелаиръ является и личнымъ. Предокъ нынѣшнихъ халхасскихъ князей былъ Харасандза или Гэрэсэндзэ Джелаиръ-хунъ-тайджи; онъ былъ младшій 11-й сынъ Даянъ-хана, а самъ имѣлъ семь сыновей, между которыми будто бы и была раздѣлена Монголія на семь хошуновъ. У Даянъ-хана (Алт. тобчи, 190) одинъ изъ сыновей былъ спасенъ во время побоища съ Барагунъ-туметами (Сананъ-сэцэнъ, 189). Не былъ ли это Гэрэсандза? Гэрэсандза названъ хунъ-тайджи; сынъ Хайду-хана назывался Джерке-линъ-гунъ и былъ предокъ Тайджіутовъ (Рашидъ-эддинъ, I, 183) мы сближали его съ Ерте-уланъ-хунъ-тайджи или Иринъ-сайномъ, предкомъ племени Хото-гойту по современнымъ преданіямъ и героемъ дюрбютской большой былины (Очер., II, прим. стр. 24; IV, 916).

Въ Оч., IV, № 4, ж. перечисляются семь сыновей бара; въ алтайскихъ варіантахъ этого сказанія мать семи сыновей — маны, звѣрь, который называется манулъ. У упомянутой выше Мунулуны также семь сыновей. Въ халхасскомъ варіантѣ о семи сыновьяхъ бара (№ 4 ж.) младшій названъ хара-халу. Можетъ быть, джунгарскій Хото-гайду-карагула есть одно лицо съ Хайду-ханомъ, однимъ изъ сыновей Мунулуны. Джунгарскій Хото-хайду, убившій звѣря хара-гулу, есть не кто иной, повидимому, какъ былинный богатырь Монголіи Иринъ-сайнъ, который въ одномъ алтайскомъ варіантѣ дѣйствительно плѣнилъ чудовище Карагулу (Оч., IV, 427). Въ калмыцкомъ разсказѣ о походѣ Убаши (Труды Вост. Отд. И. Археол. Общ., ч. VI (1858), стр. 218) стоитъ имя племени Хата-гайту-хара-халу; и здѣсь тѣ же члены спариваются.

Эти сопоставленія приводятъ насъ къ предположенію, что во-первыхъ Гэрэсандза новыхъ преданій есть Хайду-ханъ древнихъ лѣтописей. Въ преданіе объ обоихъ входитъ имя Джелаиръ; въ преданіи о Хайду-ханѣ Джелаировъ 70 куреней, въ преданіи о Гэрэсандзѣ семь хошуновъ, на которые раздѣлена Монголія между его сыновьями. Тему избіенія братьевъ Хайду-хана можно видѣть въ глухомъ извѣстіи о спасеніи одного изъ сыновей Даянъ-хана; и въ томъ и другомъ преданіи является племя баргутъ (барагунъ-туметы). Въ одномъ случаѣ враждебнымъ племенемъ герою преданія является джелаиры, въ другомъ баргуты; это можно объяснить тѣмъ, что это преданіе разсказывали и баргуты и джелаиры, что новѣйшая редакція записана отъ джелаировъ, которые сдѣлали героя своимъ предкомъ, а потому баргутовъ выставили врагами мальчика, древнѣйшая же была записана у баргутовъ или другого племени.

Во-вторыхъ мы готовы видѣть въ Хайду-ханѣ также и предка племени Хото-гайту, а также къ нему отнести преданіе о джунгарскомъ Хото-хайду Карагулѣ.

Не имѣемъ ли мы въ разсказѣ о Хайду ханѣ ботаническій миѳъ о корнѣ суду? Не потому ли въ древнѣйшей редакціи членъ Хайду явился безъ приставки хото, что эта послѣдняя форма уже есть въ сказаніи и скрывается въ имени корня суду? Судусунъ, худусунъ ср. съ Алтынъ-хатасынъ, воромъ, который былъ зарытъ въ землю Чингисъ-ханомъ.

Порча полей въ киргизскомъ преданіи (Оч., II, 149): Уралтай-мамырхановы кони попортили

пашню, которую пахалъ Есекень для богатаго человѣка Кара-буты [1]); хара-бута монгольское названіе проса (Panicum millium) въ Ордосѣ. Мы сближали Есекеня, брошеннаго съ колодкой на ногахъ въ воду, съ Чингисъ-ханомъ, а имя его съ Есугай, именемъ отца Чингиса (Оч., II, прим. стр. 34). Чингисъ-ханъ былъ брошенъ въ воду Таргутай-Харалтукомъ, царемъ Тайджіутовъ (Рашидъ-Эддинъ, I, 168; въ Алтанъ-Тобчи, стр. 127: тайджнутами).

Въ современныхъ тюркскихъ сказкахъ формы Цёдей или Сёдей также встрѣчаются въ связи съ темами, приближающимися къ легендѣ о Чингисѣ. Въ Радловскихъ Proben (IV 307) Цёдей-ханъ, чтобы помѣшать рожденію Аксакъ-Тимура, велитъ избить всѣхъ младенцевъ; но исполнитель воли хана только нажалъ животъ беременной матери и Аксакъ-тимуръ родился вслѣдствіе этого хромымъ. По всей вѣроятности, этотъ разсказъ относится къ Темучину (Темурчину), съ которымъ сказанія иногда смѣшиваютъ Тамерлана. Въ южносибирской тюркской сказкѣ (Proben, II, 624) Сёдей-мергенъ имѣетъ коварную жену, которая опаиваетъ мужа съ цѣлью погубить его. Имя жены Еджень-ко.

Въ одномъ записанномъ для меня ордосскомъ брелѣ въ честь Чингиса, вмѣсто Содо-богдо, поставлено Согдо-богдо; это, кажется, не случайное искаженіе.

Рядомъ съ именемъ Чингисъ иногда встрѣчается «русскій». «Русскій» охотникъ убиваетъ трехсаженнаго волка и получаетъ за это отъ Чингиса дѣвицу и бѣлое знамя (Пржевальскій, Монголія, I, 140); дочь Чингиса Цаганъ-ханъ уноситъ въ «русскую» землю Чингисово знамя и становится «русскимъ» царемъ (Оч., IV, 324). Въ барабинской сказкѣ о Идыгэ (Radloff., Prob., IV, 35), которую мы сближали съ сказаніемъ о Чингисъ-ханѣ (Оч., IV, 856) является «русскій» богатырь Анисимъ. Появленіе формы: «русскій» рядомъ съ Чингисомъ можетъ значить, что въ древнихъ былинахъ о Чингисѣ одному изъ персонажей давалось имя Урусъ или Оросъ. Калмыцкое сказаніе разсказываетъ о предкѣ Цоросъ, какъ о младенцѣ, найденномъ въ степи и вскормленномъ деревомъ (Очерки, IV, 326; Позднѣевъ, Образцы народн. литер. монг. плем., Спб., 1880, стр. 135; Pallas, Samml., I, 32) т. е. то же самое, что халхасское сказаніе разсказываетъ о Чингисѣ. Можетъ быть, о Цоросѣ расказывалось не одно только начало легенды о Чингисѣ, но и другія ея части, т. е. что Цоросъ и Чингисъ были имена одного и того же легендарнаго лица; Оросъ же можетъ быть только версія формы Цоросъ.

Русскіе у бурятъ, по словамъ Кастрена (Versuch einer burjatisch. Sprachlehre, Petersb., 1857) называются именами Oros, Orot, Manhat. Не было ли эпическаго парнаго Оросъ-мангатъ или Оротъ-мангатъ? Въ монгольскихъ лѣтописяхъ поколѣнія Урутъ и Мангутъ нерѣдко стоятъ вмѣстѣ. Въ Юань-чао-ми-ши, 31: «У Начинь баатура два сына Уруудай и Манхутай, которые составили два рода: Уруутъ и Манхутъ»; ср. также стр. 87. У Рашидъ-эддина, 186: «Племена Урутъ и Манкутъ, начальники ихъ Одотъ и Водотъ». Эти Одотъ и Бодотъ ср. съ Одунъ-Бодунъ, предкомъ дюрбютовъ (Оч., IV, 229, 325), который есть несомнѣнно то же, что Бодунъ-цоросъ калмыцкаго сказанія (Палласъ, Samml., I, 32) и Чингисъ халхаскаго [2]). Въ другихъ мѣстахъ этихъ же двухъ памятниковъ (Рашидъ-эддинъ и Юань-чао-ми-ши) связь формъ Чингисъ и Оротъ еще ближе.

У Рашидъ-эддина, стр. 189: Племена Манкутъ и Урутъ, которыя происходили отъ Начина, были на сторонѣ Тайджіутовъ; между Манхутами было три брата; младшій принялъ сторону Чингиса, старшіе убили его и домъ расхитили. Жена убитаго, родомъ баргутка, имѣла грудного ребенка; родственники ея спрятали ребенка въ шерсть; дяди искали его, кололи дротвками шерсть, но Богъ спасъ ребенка; во время вторыхъ поисковъ ребенокъ былъ спрятанъ подъ котелъ. Впослѣдствіи ребенокъ былъ отнесенъ къ Чингису; ему дали имя Джида-нойонъ; Чингисъ отдалъ племена Урутъ и Манкутъ въ рабство Джида-нойону. О Чингисѣ въ Юань-чао-ми-ши, 87, говорится: «Два рода Урутъ и Манхутъ у него добрые ратники; они не разстраиваются въ нестройномъ бою и отъ малолѣтства навыкли къ копьямъ и мечамъ». Эти отрывки наводятъ на мысль,

---

[1]) Мамырханъ теряетъ княжеское достоинство. Ср. съ кабардинскимъ преданіемъ Кайтухо Тохтамышевѣ (Ногмовъ, Исторія Адыгейск. народа, въ Кавк. календарѣ на 1862 г., стр. 96).

[2]) Въ Алтанъ-Тобчи и Юань-чао-ми-ши анахронизмъ: Бэктэръ и Белгетей являются современниками Чингиса, между тѣмъ они братья Бодончара, т. е. жили покрайней мѣрѣ за 160 лѣтъ ранѣе. Не значитъ ли это, что о Чингисѣ разсказывалось то же, что о Бодончарѣ (т. е. то же, что объ Одунъ-Бодунѣ)?

что Джида-нойонъ и Чингисъ-ханъ одно и то же лицо. У Джида-нойна дружина изъ Урутовъ и Манхутовъ; и у Чингиса то же. Джида-нойона ребенкомъ прятали въ шерсть, и Чингиса тоже (Рашидъ-эддинъ, Введ., стр. 169, 170; 190) [1]).

У Рашидъ-эдина Уруты и Мангуты упоминаются еще рядомъ съ именемъ Кейтей-нойонъ.

По Юань-чао-ми-ши поколѣнія Урутъ и Манхутъ происходитъ отъ Начинь-баатура, старшаго сына Тумбинай-хана. По Рашидъ-эддину они происходятъ отъ Чаксу, старшаго изъ 9 сыновей Тумена-хана. Чаксу есть конечно Начинъ, потому что Тумена-ханъ персидскаго историка (II, 29) соотвѣтствуетъ Тумбинай-хану китайской лѣтописи; въ одномъ мѣстѣ у Рашидъ-эддина Начинъ является вторымъ сыномъ Дутумъ-Менена (Раш. Эдд., I, 183). Чаксу не описка ли вмѣсто наксу, т. е. нагасу, дядя по матери?

Въ Алтанъ-тобчи Нагацу и Кагорцокъ должны были бѣжать отъ избіенія и удалиться на гору; Нагацу играетъ при этомъ роль покровителя (стр. 166). У Рашидъ-эддина Нукувъ и Кыянъ (подъ Кыяномъ иногда разумѣлся Чингисъ [2]) бѣжали отъ избіенія и также поднялись на гору по узкой тропинкѣ, проложенной оленями (ibid., I, стр. 135). Эти сказанія не намеки ли на покровительство, которое дяди со стороны матери (нагачинаръ) должны оказывать племянникамъ? Когда дѣти въ семействѣ не ведутся, мрутъ, вновь родившагося родственники стараются тайно отъ матери унести, послѣ чего ребенка нѣкоторое время скрываютъ подъ котломъ. Гонимаго мальчика Джида-нойона у Рашидъ-эддина спасаютъ родственники матери, т. е. нагачи. Хайду-хана спасаетъ Начинъ; это его дядя по отцу, но это можетъ быть невѣрность. Начинъ живетъ во время избіенія дѣтей Мунулуны въ баргутахъ; сказаніе объясняетъ это тѣмъ, что онъ былъ женатъ на баргуткѣ и жилъ у тестя; но не было ли иначе, не былъ ли онъ баргутъ, братъ матери Хайду-хана, и не былъ ли Хайду-ханъ сыномъ баргутки, подобно Джида-нойону?

Сходныя черты мѳа о Чингисѣ съ классическимъ о Персеѣ:

1) Персей брошенъ въ воду. Беременная Шингысомъ мать брошена въ воду (Radloff, Proben, III, 86; Оч., IV, 232) [3]).

2) Персея подбираютъ братья Дiктъ и Полидектъ. Шингысову мать добываютъ изъ воды братья Тохтагулъ и Дондугулъ.

3) Персей добываетъ голову Горгоны.—Такой темы въ легендахъ о Чингисѣ нѣтъ; но тема о головѣ находится въ сказаніяхъ о Гэсэрѣ и Цоктай-ханѣ; Гэсэръ добываетъ головы семи тархановъ для того, чтобы отдѣлить Гума-хана отъ его жены, которую онъ держитъ въ объятіяхъ и не можетъ съ нею разстаться. Съ этимъ связана идея о замершемъ состояніи подданныхъ хана. Алтайская легенда о Даинъ-тере-тарханѣ, первомъ шаманѣ, также связана съ темой объ отрубленной головѣ. Эта легенда также еще не упоминаетъ о Чингисѣ; но сѣверномонгольская легенда о Таинъ-тирхинѣ (Оч., II, 74) первомъ шаманѣ, который вѣроятно одинъ и тотъ же персонажъ съ алтайскимъ Даинъ-тере-тарханомъ (см. Оч., IV, 290), уже стоитъ въ связи съ Чингисомъ; Та-

---

[1]) Не служитъ ли это поддержкой сближенія Чингиса съ барабинскимъ Идыге (Иды-ганъ, Джедыганъ?). Темы о Идыге: онъ найденышъ въ степи; онъ служитъ арфистомъ у хана Тохтомыша; ханъ хочетъ коварно убить его; его предупреждаетъ объ опасности его другъ Цаппай (въ киргизскомъ можетъ быть Джанбай). См. «Живая Старина», 1891, IV, стр. 161.

[2]) Библіотека восточн. историк., изд. Березина, I, стр. 35.

[3]) Въ Очеркахъ, IV, приведено начало бурятскаго разсказа о Чингисѣ. Не мать его, а онъ самъ заключенъ въ бочку и брошенъ въ воду. Къ сожалѣнію, я не могъ добыть полнаго варіанта. У Патканова (Исторія монголовъ по армянск. источникамъ, Спб., 1873, стр. 47): грузинская царица Русуданъ велѣла посадить Давида въ ящикъ и бросить въ море. Давидъ былъ спасенъ, бѣжалъ къ Мангу-хану и женился на княжнѣ Есуганъ. Извѣстно, что западные писатели, современники эпохи нашествія монголовъ, называли Чингисъ-хана rex David (Oppert, Presbyter Iohannes, Berlin, 1864 стр. 66); одна изъ женъ Чингисъ-хана, называлась Ѣсугань (см. выше, стр. 269). Не монгольская ли легенда этотъ разсказъ армянской лѣтописи? Указаніе на Мангу-хана намекаетъ на монгольское вліяніе. Въ другомъ мѣстѣ у Патканова (стр. 37) въ разсказѣ о Давидѣ упоминается Тангре-кулъ съ переводомъ «рабъ божій», т. е. это имя принято за тюркскія слова. Повидимому эти легенды о Давидѣ ордынскаго происхожденія. Откуда взялось сопоставленіе именъ Давидъ и Чингисъ-ханъ? Не вліяло ли имя Тубутъ-тэнгри?

*

инъ-Тирхинъ увезъ у Чингиса жену и заложилъ ее въ пещерѣ; Чингисъ ѣдетъ освобождать ее [1]). Сверхъестественныя явленія, совершающіяся съ головой Тархана, еще болѣе сближаютъ эти легенды съ сказаніемъ о Чингисъ-ханѣ; подобное же разсказывается о головѣ Ванъ-хана кирейскаго и можетъ быть Таинъ или Даинъ нынѣшнихъ легендъ не что иное, какъ Таянъ сказанія о Чингисъ-ханѣ; такъ назывался будто бы найманскій ханъ.

Въ бурятскихъ сказаніяхъ первый шаманъ называется Моргонъ-хара (Агапитовъ и Хангаловъ, Матеріалы, стр. 87) и Хара-гыргэнъ (Шашковъ, въ журналѣ «Живописное Обозрѣніе», 1879, № 19), но темы объ отрубленной его головѣ нѣтъ. У якутовъ первый шаманъ Аргыгъ [2]); легенда о немъ сходна съ легендами о Плеядахъ (по якутски Ургялъ); см. ниже № 86. Не ставили-ли первобытный дикарь сѣверной Азіи перваго шамана въ какія нибудь отношенія къ Плеядамъ?

Эпитетъ тарханъ, т. е. кузнецъ, какъ извѣстно, придавался и самому Чингису. Очень интересно указаніе Агапитова и Хангалова («Матеріалы», стр. 32) на существованіе у сѣверныхъ бурятъ онгона, который называется Сэжэнъ-барсенъ-тымыршей; это онгонъ кузнецовъ, тархановъ; онъ дѣлается въ видѣ модели шаманскаго бубна, слѣдовательно онъ то же, что тункинскій Баръ-убугунъ. На стр. 15 «Матеріаловъ» говорится о жертвахъ «Желѣзному богу» Тӧмӧрши, вѣроятно тому же самому. Гомбоевъ также упоминаетъ о бурятскомъ онгонѣ: барасъ-эбугенъ, т. е. «старикъ Барасъ» (Гомбоевъ, Обычаи монголовъ въ Записк. И. Археол. Общ., т. XIII, стр. 247) [3]). Имя этого онгона показываетъ, что западные писатели не самовольно имя Темучина иногда писали Тимурчинъ, что Чингисъ-ханъ и на родинѣ назывался Тӧмӧршей, и что онъ былъ божествомъ кузнецовъ [4]). Далѣе, что онъ имѣлъ еще другое имя: Барасъ, Барсенъ, Баръ, которое спарилось съ Тӧмӧршей. Въ честь этого онгона совершается обрядъ кованія желѣза; Чингисъ-ханъ ежегодно совершалъ обрядъ, билъ молотомъ по наковальнѣ.

Параллели съ классическимъ миѳомъ о Діонисіи:

1) Чингисъ изобрѣтатель вина (Очерки, IV, 211); ср. также Протоколы Петровскаго Общества въ Астрахани, 1888 г., ст. Ир. Житецкаго: «Арька», стр. 91—99.

2) Чингисъ во хмѣлю принимаетъ деревянную подпорку юрты за женщину и обнимаетъ ее (въ классическомъ наоборотъ; опьянѣвшій Ликургъ своего сына принимаетъ за виноградную лозу).

3) Трехдневному смертному пребыванію соотвѣтствуютъ темы о пребываніи Темучина въ пещерѣ или въ горахъ, въ которыхъ онъ укрывался отъ тайджіутовъ. Въ Алтанъ-Тобчи (стр. 126) онъ скрылся въ «недоступномъ мѣстѣ»; по прошествіи трехъ сутокъ онъ выходитъ, но получая предостереженіе свыше, возвращается въ свое убѣжище; пробывъ еще трое сутокъ въ своемъ убѣжищѣ, онъ вновь хотѣлъ выйдти, но нашелъ входъ крѣпко заложеннымъ бѣлымъ камнемъ. «Тэнгри, отецъ мой, запрещаетъ мнѣ выходить», подумалъ Темучинъ и еще пробылъ трое сутокъ. По истеченіи девяти сутокъ онъ вышелъ, но былъ схваченъ и закованъ тайджіутами. У Сананъ-Сэцэна сходно, но убѣжище названо «geräumige Hohle» (стр. 67). Въ Юань-чао-ми-ши противникъ Темучина (Тѣбъ-тэнгэри) убитъ, заключенъ въ юрту, но на третій день воскресаетъ и возносится черезъ дымовое отверстіе. Ср. съ разсказомъ о Тамджинъ-ханѣ (см. ниже, № 63).

4) Съ именемъ шамана Тархана, который повидимому стоитъ въ связи съ Чингисъ-ханомъ, соединена тема объ отрубленной головѣ и обезглавленномъ тѣлѣ, идущемъ вслѣдъ за увозимой головой. Въ классическомъ миѳѣ о Діонисіи подобной темы нѣтъ, но не слѣдуетъ ли ее предполагать. Парижское предмѣстье St. Denis, какъ извѣстно, основано на мѣстѣ, гдѣ происходили языческія празднества въ честь Діонисія. Католическая легенда разсказываетъ, что St. Denis шелъ съ усѣченною головой въ рукахъ.

Въ Оч., IV, 803 мы высказали догадку, что разсказъ монгольской лѣтописи объ отвозѣ

---

[1]) Въ иркутскихъ архивахъ Сельскій нашелъ извѣстіе о эгской каменной бабѣ, къ которой пріурочена монгольская легенда о Таинъ-тирхинѣ; упоминается и о (сабельномъ?) рубцѣ на лицѣ (см. Вѣстникъ И. Р. Геогр. Общ., XXIV, ст. Сельскаго: «Озеро Косоголъ», стр. 45).

[2]) Ср. съ Ергилъ-буга-ноенъ у Агапитова и Хангалова, «Матеріалы», стр. 22).

[3]) Марсъ по алтайски «левъ», «тигръ»; «рукоятка шаманскаго бубна». Вербицкій, Словарь алтайск.

[4]) Темирчи кузнецъ потюркски. Помонгольски кузнецъ дарханъ или тарханъ. Вѣроятно это имя было однимъ изъ синонимовъ миѳическаго Чингиса и къ послѣднему относились многія изъ тѣхъ легендъ, которыя связаны съ именемъ Тарханъ.

Есугаемъ своего сына Темучина къ тестю есть слѣдъ древняго когда-то существовавшаго въ Средней Азіи свадебнаго обычая. Догадка наша находитъ подтвержденіе въ источникахъ монгольской исторіи. У В. П. Васильева (Ист. и древн., стр. 203 и 204) разсказывается, что у Киданей зять послѣ свадьбы остается въ домѣ невѣсты слугой и работникомъ и только по прошествіи трехъ лѣтъ уводитъ жену въ свой домъ. Тотъ же обычай былъ и у Ухуаней (о. Іакинѳъ, Собр. свѣдѣн. о народ. Средн. Азіи, ч. I, стр. 152): женихъ въ женинomъ домѣ долженъ былъ проработать годъ или два и потомъ, одаренный тестемъ, возвращается съ женой домой.

У бурятъ также сохранилось преданіе о существованіи этого обычая (Агапитовъ и Хангаловъ, Матеріалы, стр. 58). Эсэгэ-маланъ-тэнгери хотѣлъ женить своего сына; онъ отвезъ его къ его невѣстѣ; таковъ былъ обычай. Но женихъ убѣжалъ отъ невѣсты. И сколько разъ ни отвозилъ его отецъ, сынъ все убѣгалъ. Дѣло улаживается только послѣ совѣта мудраго ежа, который въ этой бурятской легендѣ носитъ названіе Заря-азарга (заря по бурятски, цзара по-халхасски ежъ). Въ тюркскихъ сказкахъ (Radloff, Proben, I, 197; IV, 201): Джиренше-шешенъ или Джирень-шешенъ ѣдетъ искать жену для своего недалекаго умомъ сына; интересъ сказки заключается въ мудрости, которую обнаруживаетъ невѣстка, а Джирень-шешенъ только умѣетъ оцѣнить эту мудрость, и потому имя Джирень-шешенъ приличнѣе бы отнести къ невѣсткѣ. Шешенъ по-тюркски значитъ «мудрецъ»; джирень можетъ быть то же, что монгольское цзара или заря. Буряты знаютъ Юрюнь-хатунъ-иби или Шеше-хатунъ-иби (Агапитовъ и Хангаловъ, Мат,, 11); это жена Буха-ноина и невѣстка Эсеге-малана. Не относятся ли эти тюркскія сказки къ этой Юрюнь-хатунъ или Шеше-хатунъ (шеше по-тюркски «мать»)? А также разсказъ объ Есугаѣ, ѣдущемъ сватать невѣсту за Темучена и оставляющемъ его въ домѣ тестя Дай-сэчэна, не есть ли разсказъ о Эсэгэ-маланѣ? Далѣе: случайна ли связь, которую можно провести между бурятскимъ сказаніемъ о Буха-ноинѣ и монгольскимъ о Чингисѣ чрезъ посредство калмыцкаго о Бо-ноинѣ (Оч., IV, 872)?

Для сопоставленія отрывка изъ сказанія о Джингиръ-бухэ и о ямѣ, вырытой имъ для Чингиса, приводимъ записанныя восточныя сказки съ подобнымъ содержаніемъ:

1) Батыра Чонунъ-бэля убиваетъ Темиръ-цохуръ; вынимаетъ изъ ямы Санхони-цэцэнъ (Оч., IV, 386).

2) Ерь-Сару вынимаетъ изъ ямы Менгу-кызъ (Оч., IV, 347).

3) Сѳдей-мергена вынимаетъ изъ ямы Пулай-арыгъ (Radloff, Proben, III, 261).

Сюда же, вѣроятно, слѣдуетъ отнести и слѣдующія три сказки:

4) Демичи-ерена убиваетъ Чахыръ-саянъ; спасаетъ привезенная съ неба сестра Чахыръ-саяна (Оч., IV, 370).

5) Хангавая убиваетъ Иръ-сары; вынимаетъ изъ моря Чечинъ-кызъ (Оч., IV, 587).

6) Комдей-мергена освобождаетъ изъ ада и оживляетъ его сестра Кубай-хо (Kastren, Ethnologische Vorlesungen, 1857, S. 239—257).

Сказка о Хангаваѣ есть миѳъ объ Озирисѣ. Двѣ черты изъ нея есть и въ сказаніи о Чингисѣ: оскопленіе и опущеніе въ воду, но эти темы получили другое выраженіе.

Въ одной изъ приведенныхъ сейчасъ сказокъ сестра спасительница называется Чечинъ-кызъ. Въ сказкѣ о Сѳдей-мергенѣ Едженъ-ко стоитъ не на мѣстѣ сестры спасительницы, а это жена, спаивающая мужа. Въ сказкѣ о Кубай-ко есть форма Uzyt-khan; это подземный царь, живущій рядомъ съ Талай-ханомъ, ниже девяти Ирльхановъ. Есть сойотскія поколѣнія, которыя ничего не знаютъ объ Ирль-ханахъ, но почитаютъ подъ именемъ Uzyt бога подземнаго міра, который насылаетъ на людей болѣзни и смерть (Kastren, Finn. Myth., 154).

У алтайцевъ ӱзӱтъ—душа умершаго (Вербицкій, Словарь, стр. 416). У Кастрена (Versuch ein. Koib. und Karag. Sprachlehre, Pet., 1857, 90): üsüt — служебные духи шамановъ; души умершихъ; злые духи. У волжскихъ калмыковъ эзёдъ, злыя существа съ козлиными, змѣиными и т. п. головами, завѣдующія отдѣленіями Эрликова ада (Нефедьевъ, Подробн. свѣдѣнія о волжск. калмыкахъ, Спб., 1834, стр. 161).

Едзетъ въ Ордосѣ называются покровители мѣстностей; это повидимому множественное отъ едзенъ, которое въ Ордосѣ въ данномъ примѣненіи употребляется только въ множественномъ; но у бурятъ духи мѣстностей называются и въ единственномъ: ижинъ. Совпаденіе двухъ понятій: о душѣ умершаго и о духѣ мѣстности объясняется шаманскими повѣрьями о томъ, что души

умершихъ шамановъ становятся жизнями тѣхъ мѣстностей, гдѣ они жили. (См. у Банзарова, Черная Вѣра, Спб., 1891, стр. 16: богиня Этугэнъ (т. е. мать земля) называется у монголовъ также дэлэхэйнъ эдзэнъ. Имя Этугэнъ (у Плано-Карпини Итога) ср. съ Идыгэ, героемъ тюркскихъ сказокъ (Radloff, Proben, IV, 35); параллели этихъ сказокъ съ темами въ сказаніяхъ о Чингисъ-ханѣ указаны въ Очеркахъ, II, 50; IV, 857.

Тема объ утонувшей женщинѣ находится въ сказаніи о Гэльгенъ-пи (Оч., II, 162): такъ какъ это такой-же необыкновенный найденышъ, какъ и Чингисъ, то не разсказывалось ли того же и о матери Чингиса? т. е. утонувшая въ Хатунъ-голѣ жена Чингиса не была ли также и его матерью?

Изъ другихъ легендъ объ утонувшей женщинѣ приведемъ только тѣ, которыя записаны на ближайшемъ къ Монголіи западѣ. На Алтинскомъ мысѣ, гдѣ нынѣ городъ Курганъ, жилъ ханъ; у него умерла молодая дочь и онъ насыпалъ надъ нею курганъ. Когда кладо-искатели разрыли курганъ, царевна въ серебряной каретѣ промчалась на западъ и со всѣмъ кладомъ утонула въ Чухломскомъ озерѣ (Тоб. Вѣд., 1858, № 48, стр. 694—695).

Въ сѣверной части Тобольск. губ. легенда о женщинѣ, бросившейся въ Обь, пріурочивается къ селу Бѣлогорскому, ниже Самарова.

Въ Казанской губ. записана чувашская легенда: чувашская дѣвушка не хочетъ идти замужъ за черемисина и бросается въ Волгу; на днѣ рѣки и теперь видно ея серебряное грудное украшеніе (Магнитскій, «Матер. къ объясн. стар. чувашск. вѣры», стр. 64).

На сходство тюркскаго имени Волги, Адиль или Атиль (калмыцкаго Еджюль) съ именемъ гуннскаго царя Аттиллы указывалось уже давно. Ам. Тьерри думалъ, не потому ли Аттилла получилъ это имя, что родина его была на берегахъ Волги. Но можетъ быть это объясняется иначе, тѣмъ, что сказаніе о женщинѣ, бросившейся въ воду, было уже на Востокѣ соединено съ именемъ Атиль и было пріурочено къ Волгѣ. Только въ этомъ случаѣ нужно предположить, что женщина называлась Атиль [1]).

Въ финнскомъ миѳѣ Вейнемейненъ хочетъ взять сестру Юкагайнена, но она предпочитаетъ браку со старымъ броситься въ рѣку и стать сестрой рыбъ (Kastren, Finn. Myth., 247). У Вейнемейнена есть еще другая сходная черта съ Чингисомъ: онъ плаваетъ по морю въ утробѣ матери. Вейнемейненъ арфистъ; Идыге (=Чингисъ?) играетъ на джатаганѣ для Тохтомыша.

Тема о крови отъ убитой дичи находится въ таранчинской сказкѣ Вову Körgäsch: выстрѣлъ по воронѣ; кровь на снѣгу (Radloff, Proben, VI, 210).

Такъ какъ обычныя темы изъ легенды о кровосмѣшеніи: опущеніе ребенка въ воду, оскопленіе, мать, тонущая въ водѣ, неоднократно обнаруживаются въ сказаніяхъ о Чингисѣ-ханѣ, то нельзя ли возстановить преданіе о Чингисъ-ханѣ (или Тимучинѣ) въ видѣ легенды о кровосмѣсителѣ. Шидургу-тюльгунъ-ханъ [2]) это отецъ Чингисъ-хана, а Гурбельджинъ-гоа его мать. Онъ брошенъ въ воду или въ степь (ср. съ калмыцкимъ преданіемъ о Цоросѣ), найденъ, воспитанъ вдали отъ родины и сталъ царемъ; онъ идетъ войной противъ Шидургу и отнимаетъ у него жену (свою мать); отца убиваетъ, на матери женится. Но мать узнаетъ его, оскопляетъ и сама топится въ рѣкѣ. Напечатанное разрядкой содержится въ сказаніяхъ о Чингисъ-ханѣ.

У якутовъ есть сказаніе объ Эръ-Эльянѣ или Эръ-Эллянѣ, варіанты котораго записаны гг. Миддендорфомъ и Приклонскимъ. Въ варіантѣ послѣдняго Эри-Эллянй сватается за дочь Онохой-бая

---

[1]) Въ низовьяхъ Волги жила легенда о 500 христіанскихъ дѣвахъ, которыхъ везли къ хагану (хазарскому) и которыя по своей волѣ утопились въ Ателѣ (Труды Вост. Отд. И Археол. Общ., ч. XIV, Спб., 1869, ст. Патканьяна: «Хронографъ. исторія Мехитара Айриванскаго», стр. 397.

[2]) Бурятскія сказанія смѣшиваютъ его съ Шидыръ-ваномъ (см. Записки Вост. сиб. Отд. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 1, стр. 113).

(у Миддендорфа у Огонома), но Онохой отказываетъ; онъ говоритъ: «Не могу отдать дочь за пришельца!» Ср. разсказъ о тукюэскомъ Или-ханѣ, который неудачно сватается за дочь жуань-жуанскаго хана Ана-хуаня. Ана-хуань обижается предложеніемъ Или-хана и отвѣчаетъ ему: «Ты мой желѣзоплавильщикъ (тёмёрши?)! Какъ же осмѣлился сдѣлать такое предложеніе?» (О. Іакинеъ, Собран. свѣд. о нар. Среди Азіи, ч. I, отд. 2, стр. 266). Такое же неудачное сватовство разсказывается и о Чингисѣ; Ванъ-ханъ отказывается отдать за него дочь. У Марко-поло (Le livre de Marco Polo par M. G. Pauthier, Paris, 1865, partie I, p. 176) отказъ мотивированъ тѣмъ, что Чингисъ рабъ Ванъ-хана. Послѣдствіемъ отказа война, въ которой Ванъ-ханъ погибаетъ подобно тому, какъ Ана-хуань погибаетъ въ войнѣ съ Или-ханомъ. Въ якутской сказкѣ есть тема приколачиванія гвоздями шубы или подстилки Онохоя къ землѣ (Приклонскій въ Извѣст. Вочт. сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ., т. XVIII, (1887), стр. 6 и 11; Middendorff's Reise, B. IV, S. 1542; русск. изд., ч. II, отд. IV, в. 7, стр. 763; Приклонскій въ «Живой Старинѣ»); ср. сходную тему въ барабинской сказкѣ о Идыге и Тохтамышѣ (Radloff, Proben, IV, 40) Сл. съ обрядомъ очищенія жилища отъ осквернения уриной (Очерки, II, 97).

в. ЧИНГИСЪ-ХАНЪ И НАРЭНЪ-ХАНЪ

(Бурятскій).

Чингисъ-ханъ просваталъ свою дочь за сына Нарэнъ-хана (Солнечнаго царя); нужно было везти дочь въ домъ жениха. И теперь у бурятъ соблюдается обычай до окончанія брачнаго обряда не показывать невѣсту ни жениху, ни его отцу. Этотъ обычай существовалъ и тогда. Чтобы не дать Царю-Солнцу увидѣть отвозимую дѣвицу, Чингисъ-ханъ приказалъ вырыть ровъ отъ своей ставки до жилища Царя-Солнца (Нарэнъ-хана) и невѣсту провезли по дну этого рва. Ровъ этотъ и теперь виденъ на югѣ Забайкалья.

Жигжидъ Галсановъ, бурятъ (Шолоту въ Верхнеудинск. округѣ).

У г. Логиновскаго (Записки Вост. Сиб. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 2, стр. 130) Чингисъ-ханъ высваталъ за себя дочь Солнечнаго царя. Эпизодъ о стрѣлкѣ въ варіантѣ г. Логиновскаго напоминаетъ книжный разсказъ Хасарѣ, вставленный у Сананъ-Сэцэна и въ Алтанъ-Тобчи въ исторію войны Чингисъ-хана съ Шидургу-ханомъ; но въ этомъ случаѣ Чингисъ-ханъ хочетъ отнять чужую жену; сватовство же разсказывается въ другомъ мѣстѣ, именно при описаніи похода Чингиса противъ народа Солонгосъ. Не окажутся ли при дальнѣйшемъ собираніи бурятскихъ сказаній тежественными Солонгосъ и Солнечный царь (Нарэнъ-ханъ)? Чингисъ, женившись на дочери Солонгосскаго царя, зажился на чужбинѣ и забылъ свою прежнюю жену, въ родѣ того, какъ Еруланъ зажился въ Солнечномъ царствѣ.

57. ДОЧЬ ЧИНГИСЪ-ХАНА.

(Халхасскій).

Чингисъ-ханъ за какую-то вину прогналъ свою дочь, давши ей людей, множество всякаго скота, золотой кокуръ (посудина) съ чигеномъ (кумысомъ) и ведро изъ дерева зандынъ (сандалъ) съ айрикомъ (кислымъ молокомъ). Дочь ушла въ

западную сторону; отъ нея и ея слугъ произошелъ народъ Хасыкъ, у котораго поэтому множество скота и обиліе молока и чигена.

Джамсэрэнъ, лама, старикъ, халхасецъ изъ хошуна Талай-чокуръ-вана на р. Едерѣ.

О дочери Чингисъ-хана см. Очерки, IV, 324 и 325. Киргизская сказка о Шингысѣ у В. В. Радлова (Proben, III, 82) также дочь Чингисъ-хана Акъ-бибе обращаетъ въ русскую царицу. Другія преданія говорятъ о сынѣ Чингисъ-хана, удалившемся или изгнанномъ на западъ за то, что раздѣлилъ ложе съ матерью (ср. Очерки, IV, 232: Цаганъ-ханъ сынъ Чингиса). Пріуроченіе этой легенды къ русскому народу можетъ быть произошло оттого, что сынъ легендарнаго Чингисъ-хана назывался Орусъ, именемъ, которое, кажется, жило въ ордѣ до русскихъ завоеваній въ Азіи[1]). Убѣгающая въ Русъ дочь Чингисъ-хана напоминаетъ стрѣлка Шуно, который, недовольный отцомъ, также уходитъ въ Русь; имя этого стрѣлка тожественно со вторымъ членомъ парнаго Бурте-чоно; шуно, чоно, «волкъ». Первый членъ Бурте есть имя жены Чингисъ-хана.

Въ Очеркахъ, IV, 856 мы сближали Чингиса съ Идыге, а также, вслѣдъ за г. Березинымъ, съ Чингіемъ сибирскихъ лѣтописей, а русскаго богатыря Анисима (Орусъ-Онисимъ?) съ Онъ-сомомъ сибирскихъ лѣтописей, въ которомъ г. Березинъ видитъ Вана киреитскаго. Идыге найденъ брошеннымъ въ степи младенцемъ. Не былъ ли онъ сынъ жены Онисима, который былъ выброшенъ въ степь, найденъ, воспитался при Тохтомышѣ и убиваетъ своего отца (Онисима-Оруса)? Тема ослѣпленія сказалась, можетъ быть, въ разсказѣ о томъ, что сынъ жены Онисима выбиваетъ Идыге глазъ.

---

58. БАЛЬДЖИНЪ-ХАТУНЪ.

(Бурятскій).

Барга-баторъ отдалъ свою дочь Бальджинъ замужъ за Дай-тайджи, сына монгольскаго князя Бубэй-бэйлэ и въ приданое за ней отдалъ Хоринцевъ (т. е. хоринскіе роды бурятъ). Бубэй-бэйлэ былъ женатъ на второй женѣ, которая имѣла связь съ своимъ пасынкомъ Дай-тайджи. Когда Дай-тайджи женился на Бальджинъ-хатунѣ, онъ оставилъ мачиху. Мачиха за это стала преслѣдовать невѣстку и стараться какъ-нибудь её выжить; Бальджинъ-хатунъ рѣшилась бѣжать изъ Монголіи и уговорила слѣдовать за собой своего мужа. Посланной за ними погонѣ удалось захватить и отвезти назадъ одного только Дай-тайджи, а Бальджинъ-хатунъ ушла въ Забайкалье, гдѣ нынѣ озеро Бальджина-нуръ. Мачиха настояла, чтобъ Бубэй-бэйлэ послалъ за ней новыхъ пословъ; этимъ посламъ было приказано, чтобъ они непремѣнно ее привезли или чтобъ убили её, а если они вернутся не исполнивъ этого приказанія, имъ угрожали казнью. Бальджинъ-хатунъ спряталась въ озеро и не выходила оттуда; пришедшіе люди Бубэй-бэйлэ не смѣли войдти въ озеро и, боясь вернуться домой, не исполнивъ приказанія, стали просить хатуну, чтобы она вышла изъ воды и позволила имъ убить себя, а если она ихъ не по-

---

[1]) У киргизъ есть поколѣніе Орусъ. См. также у Рашидъ-эддина: имя Орусъ-ниалъ (I, стр. 130).

жалѣетъ, то имъ грозитъ смерть отъ Бубэй-бэйлэ. Бальджинъ-хатунъ пожалѣла ихъ и вышла изъ воды, но какъ и чѣмъ они ни старались убить ее, не могли. Тогда она приподняла одну свою грудь, показала на тѣлѣ черное пятно и велѣла проколоть въ него. Такимъ только родомъ она была убита. Послы вернулись къ Бубэй-бэйлэ, а трупъ убитой оставили лежащимъ на берегу озера. Изъ грудей ея потекло молоко и стало вливаться въ озеро; прежде въ озерѣ вода была черная; послѣ этого она сдѣлалась молочно-бѣлою. Умирая, Бальджинъ завѣщала хоринцамъ всегда кочевать въ этихъ мѣстахъ, между Селенгой и Байкаломъ и не переходить за Селенгу. Бубэй-бэйлэ приказалъ разрубить тѣло хатуны на части и голову положить на мѣстѣ, похожемъ на голову, ноги на мѣстѣ, похожемъ на ноги, а сѣдло ея на мѣстѣ, похожемъ на сѣдло. И теперь, говорятъ, есть мѣстности, которыя называются: «Голова», «Ноги», «Сѣдло».

Жигжидъ Галсановъ.

---

59. АМУРСАНА[1]).

(Торгоутскій).

Амурсана бросилъ свою соболиную шубу и ургà (укрюкъ для ловли лошадей) въ рѣку Ерцисъ; вотъ отчего у народа Хасыкъ[2]) большое богатство вообще и обиліе (отъ укрюка) въ скотѣ.

Показаніе торгоута, родомъ изъ урочища Кобокъ-сайри, встрѣтившагося съ нами на р. Едзинъ-голѣ.

---

60. БАТЫРЬ-ЧОНУНЪ-БЭЙЛИ.

Въ Богдо-хурэ[3]) хранится сѣдло Батыра-Чонунъ-бэйли.

Халхасецъ хошуна Талай-Чокуръ-вана на Едерѣ.

---

61. НОЙОНЪ-ХОНГОРЪ.

Олетскіе князья происходятъ отъ Гуши-хана, а Гуши-ханъ не отъ Чингиса а отъ Нойонъ-Хонгора.

Олетъ хошуна Чинъ-хай-вана.

---

[1]) Амурсана послѣдній чжунгарскій ханъ, умершій въ Россіи.

[2]) Киргизы (или киргизъ-казаки).

[3]) Т. е. въ Ургѣ.

62. ОГУТУРЪ-УЛАНЪ-ВАНЪ.

Огутуръ-уланъ-ванъ жилъ въ хошунѣ Отокъ. Когда онъ заболѣлъ ногами, онъ велѣлъ одной беременной женщинѣ разрѣзать животъ и положилъ въ него свои ноги. Онъ былъ злой и глоталъ иголки.

Пунсукъ, ордосецъ хошуна Ушинъ.

---

63. а. ТАМДЖИНЪ-ХАНЪ.

Прежде у монголовъ не было ни хановъ, ни нойоновъ. Въ то время жилъ тангутскій ханъ; у него было два сына. Одинъ изъ тушемилей (вельможъ) убилъ хана и старшаго мальчика увезъ на Хухуноръ и здѣсь заставилъ пасти овецъ. Монголы нашли мальчика, пасущаго овецъ и читающаго книгу; они удивляются и спрашиваютъ его: почему это онъ такой хорошій мальчикъ и пасетъ овецъ? кто онъ? Мальчикъ отвѣчаетъ, что онъ сынъ тангутскаго царя. «Какъ же ты, будучи царскимъ сыномъ, пасешь теперь овецъ?» «Моего отца, говоритъ мальчикъ, убилъ одинъ вельможа и меня заставилъ пасти овецъ». Монголы говорятъ ему: «У насъ нѣтъ хана; иди къ намъ въ ханы»! Мальчикъ, котораго имя было Тамджинъ, согласился. У него не было печати; птица мори-больджумуръ сѣла на четвероугольный бѣлый камень, на которомъ прежде любилъ сидѣть пастухъ Тамджинъ; на этомъ камнѣ явились буквы; этотъ камень и сталъ печатью Тамджина. Впослѣдствіи, когда Тамджинъ былъ ханомъ, онъ за что-то убилъ своего младшаго брата. Царя казнить нельзя; Тамджинъ велѣлъ посадить себя въ юрту, запереть ее, на руки и на ноги надѣть желѣза и три года просидѣлъ въ этой юртѣ. По прошествіи этого времени онъ вышелъ изъ юрты, собралъ со всего народа воровъ и съ ними отправился воевать западныя страны. У него былъ сынъ Чингисъ-богдо.

Сантанъ-джимба.

---

63. б. ТАМЧЖИНЪ-ХАНЪ.

Тамчжинъ-ханъ былъ сынъ тангутскаго принца, который бѣжалъ съ родины и жилъ въ пастухахъ. Монголы нашли этого пастуха, сдѣлали его своимъ ханомъ, и потомъ сказали: «Нужно женить его на сильной женщинѣ. А какъ узнать, которая женщина сильная? Нужно примѣчать, какая женщина, когда мочится, пробиваетъ въ землѣ яму». У пастуха, сдѣланнаго ханомъ, родилось два сына: Тамчжинъ-ханъ и его братъ. У Тамчжинъ-хана родился сынъ Чингисъ-ханъ, который пошелъ войной на тангутскаго хана, чтобъ отмстить за смерть своего прадѣда и взялъ въ плѣнъ его жену.

Сантанъ-джимба.

Сантанъ-джимба увѣрялъ, что это сказаніе находится въ какой-то монгольской исторіи, что онъ слышалъ ее отъ европейскаго миссіонера, въ рукахъ котораго эта книга была. Можетъ быть Сантанъ-джимба перепуталъ и какую-нибудь апокрифическую христіанскую легенду, которую онъ услышалъ отъ католическаго священника, онъ перенесъ на родную почву. Впрочемъ есть основаніе допустить существованіе подобнаго преданія и въ Монголіи. Сидѣнье въ замкнутой темной юртѣ записано нами о Нойонъ-хутухтѣ (Оч., II, 169).

У Сананъ-Сэцэна (Gesch. d. Ost. Mong., 249): Далай-лама пробылъ три мѣсяца затворникомъ на р. Мангрукъ въ Ордосѣ и затѣмъ явился людямъ въ образѣ Chajanggiriwa (Хаягрива, т. е. Тамдинъ; см. выше стр. 242). Въ Гумбумѣ отъ монгольскихъ ламъ мною записано: Чоджи-джабу или Тамчанъ-джабу былъ ученикъ (шаби) Цзонкавы; изображается двурогимъ. Тамчанъ-джабу или Тамджанъ-чуджа съ быкомъ подъ ногами. Ява-ясыръ-рхсынъ и Тамчжинъ-чуджа два шаби Цзонкавы.

Отъ Ирд. В. Вамбоцэренова я записалъ слѣдующее: Дамжинъ или Дамдинъ изображается, вмѣсто человѣческой головы, съ двумя лошадиными головами зеленаго цвѣта, обращенными направо и налѣво. Въ Тибетѣ при монастыряхъ встрѣчаются особые ламы, называемые чойжинами; это нѣчто въ родѣ перерожденцевъ; не всякій можетъ быть способенъ къ этому состоянію; когда чойжинъ умретъ, на мѣсто его отыскиваютъ другого въ родѣ того, какъ открываютъ новое воплощеніе гэгэна. Чойжинъ имѣетъ способность отъ чтенія молитвъ, которое производится собраніемъ ламъ, приходить въ особое состояніе; тѣло и руки ихъ трясутся; говорятъ, что въ чойжина въ это время входитъ одинъ изъ пяти боговъ, которые по-монгольски называются Табынъ-ханъ, «пять царей». Отъ чойжина исходитъ также пламя, какъ и отъ этихъ боговъ, какъ это видно на ихъ изображеніяхъ; желѣзная кумирня накаляется и другія подобныя чудеса совершаются. Табынъ-ханы причисляются къ докшитамъ, но имѣютъ ли отношеніе къ Дамжину, г. Вамбоцэ-рэновъ не знаетъ. Среди бурятъ чойжиновъ нѣтъ.

---

64. ТАИНЪ-ТЕРЬХЕ И АРАХИ-БУРХАНЪ.

Таинъ-терьхе и Арахи-бурханъ явились передъ Хурмусту и сдѣлали клятву (тонгуракъ): отрубить другъ у друга нижнюю часть тѣла (боксё). Таинъ-терьхе отрубилъ нижнюю часть у Арахи, почему онъ теперь и безъ нижней части (могой-боксётай, «съ змѣиной задней частью тѣла»), а когда Арахи взялъ саблю и хотѣлъ отрубить нижнюю часть тѣла у Таинъ-терьхе, Таинъ-терьхе обратился въ камень.

Разсказъ старика халхасца Лубсына,
шабинца вѣдомства Заинъ-гегена.

Легенда о шаманѣ Таинъ-терьхе (Таинъ-Тирхинъ) помѣщена въ моихъ Очеркахъ, II, 157; см. также Очерки, IV, 293, 841. Сабельный ударъ шаману нанесъ Чингисъ-ханъ. Въ Иркутскѣ были найдены архивныя свѣдѣнія о каменной бабѣ, въ которую обратился шаманъ; см. выше на стр. 276 указаніе на статью Сельскаго «Оз. Косоголъ» въ Вѣсти. Геогр. Общ., XXIV, стр. 45; упоминается рубецъ (отъ сабли). Темы о состязаніи и окаменѣніи и также, какъ въ преданіи о Таинъ-Тирхинѣ, въ связи съ темой объ увозѣ женщины, пріурочены къ скалѣ, которая бурятами принимается за окаменѣвшаго Буха-ноина (литература о Буха-ноинѣ указана выше на стр. 255).

65. ЦОКТАЙ-ХАНЪ.

Цоктай-ханъ (икэ балдагтай) поклонился Далай-ламѣ; Далай-лама подарилъ ему шапку; Цоктай-ханъ сѣлъ на нее. Послѣ этого у него сдѣлался запоръ (боксёнъ битечжи); что ни ѣстъ, ни пьетъ, все остается въ желудкѣ, вонъ не выходитъ. Цоктай-ханъ сталъ хворать. Ему прислуживала одна женщина, у которой былъ трехлѣтній ребенокъ. Однажды она варила для хана чай. Когда она мѣшала чай, держа за пазухой шубы трехлѣтняго своего ребенка, ханъ крикнулъ: «Скорѣе давай чаю»! Женщина заторопилась и, сунувшись къ котлу почерпнуть чай, уронила ребенка въ кипятокъ. Ребенокъ сварился и умеръ. Женщина подала чай хану. Выпивъ его, ханъ почувствовалъ улучшеніе въ своемъ здоровьѣ и спросилъ женщину, что она прибавила къ чаю. Женщина сказала, что ничего не прибавила, но потомъ созналась, что уронила въ чай нечаянно своего ребенка и онъ въ чаю сварился. Тогда ханъ приказалъ брать трехлѣтнихъ дѣтей у матерей и варить ихъ въ чаю, разсчитывая отъ этого питья выздоровѣть. Гегенъ-ханъ, услышавъ о такомъ звѣрствѣ, послалъ противъ Цоктай-хана Батыръ-мууса; когда Батыръ-муусъ пришелъ къ Цоктай-хану, ханъ сталъ просить не убивать его, а доставить живымъ къ Гегенъ-хану, обѣщаясь научить: землю застегивать, солнце и луну ловить (ургалаху), въ безводной пустынѣ находить воду, въ день достигать до Менгу-цзу, но Батыръ-муусъ отъ всего отказался. Тогда Цоктай-ханъ обѣщалъ научить добывать огонь. Батыръ-муусъ пожелалъ узнать это искусство и Цоктай-ханъ высѣкъ огонь изъ камня. Но не смотря на то, Батыръ-муусъ все-таки убилъ Цоктай-хана, отрубилъ ему голову и привезъ ее къ Гегенъ-хану. Гегенъ-ханъ сказалъ Батыръ-муусу: «Напрасно ты убилъ Цоктай-хана; нужно было бы его доставить живымъ. Онъ зналъ много средствъ, которыя мы могли бы узнать отъ него». Послѣ того Гегенъ-ханъ велѣлъ положить голову Цоктай-хана на престолъ и зажечь передъ нею дзула [1]). Голова три раза покачнулась. Вотъ только со временъ Цоктай-хана люди научились высѣкать огонь изъ камня.

Записано отъ хухунорской олётки
хошуна чинъ-хай-вана.

Сходная болѣзнь въ Очерк., IV, 279, у Сенге-хана.

Разсказъ о ханѣ, для излѣченія котораго требовалась смерть живыхъ существъ, ср. съ разсказомъ объ Алтанъ-хаганѣ, лѣчившемся вкладываніемъ больныхъ ногъ въ разрѣзанный животъ свѣжеубитой лошади у Сананъ-Сэцэна (Schmidt, Gesch d. Ost—Mong., стр. 229). Повидимому этотъ же самый разсказъ вошелъ въ одинъ армянскій памятникъ XIII вѣка (Паткановъ, «Исторія монголовъ инока Магакія», Спб., 1871, стр. 24); на монгольское происхожденіе указываетъ пріуроченіе разсказа къ монгольскому нашествію. Монгольскій принцъ Хули, называвшій себя «подобіемъ и братомъ божіимъ» заболѣлъ болѣзнью печени; врачъ жидъ посовѣтывалъ ему разрѣзать животъ русаго мальчика и класть ноги въ его животъ. Рядомъ разсказанъ эпизодъ о нападеніи отряда принца Хули на монастырь Геретинъ; начальникъ отряда былъ принятъ настоятелемъ

[1]) Дзула—курительная свѣча.

монастыря старцемъ Стефаномъ съ честью и угощеніемъ, но на другой день заболѣлъ. Болѣзнь приписали отравленію и старецъ былъ сожженъ, но и монголъ умеръ въ страданіяхъ. Не занесена ли въ Арменію легенда о нападеніи олетскаго хана Галдана на монастырь Эртене (см. въ «Живой Старинѣ», 1891 г., кн. III стр. 238)? Не было ли такихъ варіантовъ этой легенды, въ которыхъ была введена тема о болѣзни хана? Разсказъ о болѣзни Чингисъ-хана, послѣдовавшей послѣ ограбленія Пекина и о исцѣленіи его однимъ плѣннымъ см. въ Зап. Вост. сиб. Отд. И. Р. Геор. Общ. по эти., т. I, в. 2, стр. 131.

Разсказъ объ отсѣченной головѣ: въ «Сказаніяхъ бурятъ» (Зап. Вост. сиб. Отд. И. Р. Геор. Общ. по эти., т. I, в. 2, стр. 27 и 134) богатырь Баторъ-Сокто-моргонъ убиваетъ бабу Мойсъ-харá, отрубленную ея голову привозитъ Гэсэру. Мойсъ, муусъ, вѣроятно, то же, что на языкѣ южносибирскихъ тюрковъ моосъ=монгольск. мангысъ, сказочный «змѣй»; обыкновенная змѣя по-монгольски могай. Въ преданіяхъ орды южной Россіи жилъ разсказъ о борьбѣ хана Тохту съ Ногаемъ. Ногай былъ старъ и вѣки его опустились на глаза (что дѣлаетъ его похожимъ на Гэсэра; см. выше, стр. 37 и 114; ср. также съ старикомъ Ами-Кургэль въ хорской войнѣ, стр. 16) Какой-то «русскій» убилъ Ногая и голову привезъ хану Тухтѣ; ханъ велитъ казнить «русскаго» за то, что онъ поднялъ руку на ханскую голову (Тизенгаузенъ, Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Золотой Орды, Спб., 1884, т. I, стр. 113) [1]). Въ книжномъ сказаніи о Чингисъ-ханѣ однимъ изъ враговъ его былъ ханъ меркитскій Тухта-бики или Тохтоа (Рашидъ-эддинъ, II. 9; Юань-чао-ми-ши, 110); онъ находитъ смерть въ битвахъ съ Чингисомъ; сыновья Тухты не могли увезти тѣло отца съ поля битвы, отрубили ему голову и увезли. Ср. съ буряткимъ сказаніемъ о томъ, какъ поколѣніе Хангинъ (Ханъянъ) во время бѣгства своего изъ Монголіи, не будучи въ состояніи увезти съ собой своего престарѣлаго отца Бурте, отрубили ему голову и привезли ее на новую родину; эта голова стала ихъ племеннымъ онгономъ (Зап. Вост. сиб. Отд. Геогр. Общ. по эти., т. I, в. 2, стр. 125). Другому врагу Чингисъ-хана, Вану, хану киреитскому, также была отрублена голова; убійцы принесли ее къ Таяну, хану найманскому; Таянъ выговорилъ убійцамъ: «такого великаго старика-государя зачѣмъ убили вы? Слѣдовало привести живымъ» (Рашидъ-эддинъ, II, 146), положилъ голову на престолъ и отдалъ ей почести; голова улыбнулась. Рашидъ-эддинъ говоритъ, что Таянъ-ханъ велѣлъ оправить голову Ванъ-хана въ серебро.

Имя Тохта не одинъ только этотъ разъ (въ разсказѣ о мэркитскомъ ханѣ) встрѣчается рядомъ съ Чингисъ-ханомъ. Киргизское преданіе о Шингисѣ (Радловъ, Prob., III, 86) упоминаетъ о Тохтугулѣ; это одинъ изъ братьевъ, изловившихъ въ морѣ ящикъ съ беременной матерью Шингыса. Эти случаи говорятъ за то, что появленіе въ барабинской сказкѣ (Radloff, Proben, IV, 35) имени Тохтомышъ служитъ поддержкой сдѣланнаго нами предположенія (Оч., IV, 856) о единствѣ источника сказаній о Чингисѣ и Идыге. На мусульманской лѣтописи объ историческихъ Тохтомышѣ и Идыге (Тизенгаузенъ, Сборн. матеріаловъ, относящихся къ ист. Золотой Орды, Спб., 1884, т. I, стр. 457) видно вліяніе народнаго сказанія, записаннаго В. В. Радловымъ. Въ киргизской сказкѣ, записанной нами около Семипалатинска (Зап. И. Р. Геогр. Общ. по общ. геогр., I, 526), также рядомъ стоятъ Итыгиль и Тохтомышъ; Итыгиль долженъ для шайтана добывать дочь Тохтомыша.

Имя Цоктай ср. съ Тогусъ-Чокту, именемъ похитителя золотого прикола у Чингисъ-хана; см. ч. I, стр. 123. А также съ формами чикту, чикиту въ сложномъ Ельджигенъ-чикту-ханъ, которому также приписывается истребленіе людей.

Въ якутскомъ преданіи убитъ Тыгынъ; голова его отнесена къ русскому царю; царь пожалѣлъ, что богатыря убили (Зап. Вост. сиб. Отд. Геогр. Общ. по эти., т. I, в. 3, стр. 53).

Обѣщанія Цоктая передать свое вѣщее знаніе ср. съ разсказомъ Алтанъ-тобчи о Шидургу, который обѣщается доставить Чингису звѣзды Цолмонъ и Мечитъ и научить добывать огонь (Алт. Тобчи, 143; Очерки, IV, 229).

---

[1]) По Пахимеру, Ногая схватили и бросили въ тюрьму, гдѣ онъ былъ удавленъ палачами жидами (Журн. Мин. Нар. Пр., 1878, дек., стр. 233).

66. ЛИ-ЧЖИНЪ-ВАНЪ.

(Широгнольскій).

Въ Чанъ-ани [1]) былъ царь Танъ-ванъ [2]); у него былъ былъ дядя съ отцовской стороны (по монгол. абагай-эчигэ) Ли-чжинъ-ванъ [3]). Однажды у Танъ-вана было собраніе вельможъ, на которомъ Ли-чжинъ-ванъ напился пьянъ, перебилъ посуду, переколотилъ гостей. Танъ-ванъ осердился. «Ты, говоритъ, заставилъ краснѣть мое лицо; въ моемъ присутствіи выказалъ свое неумѣніе соблюдать приличіе, велъ себя вовсе не такъ, какъ слѣдуетъ вану и дядѣ императора»! И сослалъ его въ монгольскую землю. Здѣсь Ли-чжинъ-ванъ женился на дочери монгольскаго хана и имѣлъ двѣнадцать сыновей и трехъ дочерей. Противъ Танъ-вана пошелъ войной какой-то враждебный царь; силы у Танъ-вана побороть мятежника не хватило и онъ началъ упрекать себя, что онъ сослалъ Ли-чжинъ-вана. Танъ-ванъ послалъ къ дядѣ посла звать его. Когда посолъ явился къ Ли-чжинъ-вану и сказалъ ему, что Танъ-ванъ коритъ себя за ссылку дяди и проситъ простить вину и придти на помощь, Ли-чжинъ-ванъ отказался идти въ Чанъ-ань. Онъ сказалъ послу, что сердце его все еще не успокоилось и онъ продолжаетъ сердиться на племянника. Царскую рѣчь услышала царица и спрашиваетъ мужа: «О чемъ идетъ рѣчь»? Царь сказалъ: «Женщина, молчи! это не женское дѣло». Царица возразила царю, что она не простая женщина, что она царица и царская дочь. Тогда Ли-чжинъ-ванъ сказалъ ей, что племянникъ проситъ защиты отъ мятежника, что онъ отказался подать ему помощь, помня его немилосердіе. Жена стала уговаривать его пойдти на помощь и сказала: «Если ты не пойдешь, я, женщина, пойду»! Тогда Ли-чжинъ-ванъ пошелъ въ Чанъ-ань, но не успѣлъ дойти до нея, какъ Танъ-ванъ съ своимъ войскомъ оставилъ столицу и ушелъ въ городъ Нянь-бо. Такимъ образомъ они разошлись. Танъ-ванъ потерялъ царство; на его мѣсто сѣлъ другой. Вотъ откуда городъ Нянь-бо получилъ свое имя; нянь значитъ «пустой», бо «задній»; т. е. царь пришелъ безъ царства.

Три дочери Ли-чжинъ-вана не любили сидѣть дома, были вольницы. Онѣ пошли въ поле съ корзинами (кайларъ) на рукахъ собирать дикія съѣдобныя травы. Въ полѣ была могила, на которой стоялъ изваянный изъ камня человѣкъ (ташихунь); дѣвицы стали играть съ изваяніемъ, бросая зелень на его голову и приговаривая: «Ты будь моимъ мужемъ, а я буду твоей женой». Корзина одной дѣвицы вырвалась изъ ея рукъ и надѣлась на голову каменнаго человѣка. Ночью во снѣ этой дѣвицѣ приснилось, будто этотъ каменный человѣкъ пришелъ на постель къ ней и переночевалъ съ ней. На завтра она зачала и стала беременною. Когда е

---

[1]) Чань-ань древнее имя нынѣшняго города Си-ань-фу.

[2]) Т. е. царь династіи Танъ.

[3]) Ванъ «царь»; чжинъ можетъ быть чжинь, «золото».

беременность стала замѣтною, Ли-чжинъ-ванъ осердился на нее. Думаетъ: «Друга у нея не было, замужъ не выдана, а забеременѣла»! и велѣлъ ее убить. Мать, жалѣючи, дала ей узелокъ съ пищей, посохъ и велѣла идти въ гору Ирагу [1]), которая тогда была покрыта густымъ лѣсомъ, и тамъ родить въ пещерѣ вдали отъ человѣческихъ глазъ. Дѣвушка поселилась въ горѣ Ирагу и родила мальчика, которому дала имя Ли-сунъ-сяо. Тигръ и волкъ, охотясь въ сосѣднихъ стадахъ, добывали баранье мясо, приносили въ пещеру и кормили мать и ребенка. Когда мальчикъ достигъ двѣнадцатилѣтняго возраста, онъ нанялся къ богатому человѣку пасти скотъ, и небольшія деньги, которыя получалъ отъ него въ плату, отдавалъ матери, которая тѣмъ и кормилась. Однажды Ли-чжинъ-ванъ выѣхалъ на охоту и увидѣлъ мальчика Ли-сунъ-сяо на другомъ берегу рѣки Дайтонгъ-гола, пасущаго овецъ. Въ стадо прибѣжалъ тигръ и задавилъ одного ягненка. Ли-сунъ-сяо схватилъ тигра за шею, прижалъ къ землѣ и убилъ. Ли-чжинъ-ванъ закричалъ ему: «Зачѣмъ ты убилъ тигра? Это былъ мой тигръ, мною вскормленный! Подай его мнѣ»! Ли-сунъ-сяо взялъ тѣло тигра и перебросилъ его на другой берегъ. Ли-чжинъ-ванъ подумалъ: «Какой сильный мальчикъ»! и спросилъ у окружавшихъ его вельможъ, чей онъ сынъ. Тѣ сказали ему, что это его внукъ, по имени Ли-сунъ-сяо, родившійся въ пещерѣ горы Ирагу отъ изгнанной имъ дочери. Тогда Ли-чжинъ-ванъ взялъ мальчика и увезъ съ собой. Его мать осталась безъ кормильца. Думаетъ: «Какъ буду теперь жить! пищу добывать не кому! А если Ли-чжинъ-ванъ узнаетъ, что я жива, пришлетъ людей убить меня»! Она пошла къ каменной статуѣ и, дѣлая поклонъ ей, такъ ударилась о камень, что убилась. Ли-сунъ-сяо вырылъ яму, положилъ въ нее статую и тѣло своей матери и похоронилъ.

Нѣсколько дней Ли-сунъ-сяо не приходилъ къ Ли-чжинъ-вану. Ли-чжинъ-ванъ послалъ за нимъ человѣка; тотъ увидѣлъ, что Ли-сунъ-сяо ходитъ взадъ и впередъ по рѣкѣ, заложивъ руки, а изъ воды раздается такой гулъ, будто большая толпа разомъ кричитъ; посланный человѣкъ испугался и бѣжалъ; пришелъ къ Ли-чжинъ-вану и разсказалъ, что видѣлъ. Ли-чжинъ-ванъ самъ пришелъ къ рѣкѣ посмотрѣть; видитъ, Ли-сунъ-сяо ходитъ вдоль рѣки взадъ и впередъ, заложивъ руки за спину, а изъ воды слышенъ гулъ. Ли-чжинъ-ванъ крикнулъ; Ли-сунъ-сяо отозвался: «Что тебѣ нужно»! Ли-чжинъ-ванъ говоритъ: «Отчего ты ко мнѣ не приходишь»? Ли-сунъ-сяо отвѣчаетъ: «Теперь не время; дней черезъ семь приду». «Почему же теперь нельзя? Что ты дѣлаешь»? «Я дѣлаю каменныхъ людей и каменныхъ лошадей». «Могу ли я ихъ увидѣть»? «Можешь»! отвѣчалъ ему Ли-сунъ-сяо. Онъ привелъ Ли-чжинъ-вана въ пещеру, гдѣ тотъ дѣйствительно увидѣлъ пять каменныхъ людей и пять такихъ же лошадей; они уже немного двигали членами, но ѣздить на лошадяхъ еще было нельзя. «Черезъ семь дней лошади будутъ совсѣмъ, какъ живыя», сказалъ Ли-сунъ-сяо, «и тогда я къ тебѣ приду»! Ли-чжинъ-ванъ подумалъ: «Этотъ мальчикъ хитрый и опасный»! И задумалъ убить его. Онъ послалъ своихъ двѣнадцать сыновей схватить Ли-сунъ-сяо и разорвать на части, привязавъ къ

[1]) Гора Ирагу на стрѣлкѣ между рѣками Дай-тонгъ-голъ и Си-нинъ-голъ.

хвостамъ лошадей. Сыновья Ли-чжинъ-вана поймали Ли-сунъ-сяо, привязали къ его рукамъ, ногамъ и къ шеѣ по веревкѣ, концы этихъ веревокъ привязали къ хвостамъ пяти лошадей и стали гнать лошадей. Тогда Ли-сунъ-сяо прижалъ руки и ноги къ своему туловищу и лошади не могли двинуться. Ли-чжинъ-ванъ велѣлъ нагрузить пять телегъ камнями, велѣлъ привязать Ли-сунъ-сяо къ телегамъ и опять попробовать разорвать его. И тогда не могли разорвать его; Ли-сунъ-сяо притянулъ телеги къ себѣ. Послѣ этого раздался на небѣ громъ и Ли-сунъ-сяо поднялся на небо.

Спустя нѣкоторое время на Ли-чжинъ-вана напалъ мятежникъ Ванъ-янь-чжанъ. Силы у Ли-чжинъ-вана отразить мятежника не хватило. Онъ сказалъ: «Какъ жаль, что Ли-сунъ-сяо теперь нѣтъ здѣсь и что онъ вознесся на небо»! Въ это время Ли-сунъ-сяо показался на небѣ и сказалъ: «Я здѣсь»! И въ это время головы у воиновъ Ванъ-янь-чжана сами стали отваливаться и падать на землю.

Старикъ Чай-й, широнголъ
изъ дер. Чи-чжа.

У Ли-чжинъ-вана былъ сынъ, который ничего не дѣлалъ. Ли-чжинъ-ванъ прогналъ его изъ дома съ цѣлью, чтобъ онъ пошелъ учиться какому-нибудь полезному дѣлу. Ли-сунъ-сяо пошелъ на рѣку, которая течетъ у деревни Шянъ-танъ и тамъ началъ дѣлать изъ глины людей и лошадей. На Ли-чжинъ-вана пришелъ войной какой-то Ванъ-янь-чжанъ; Ли-чжинъ-ванъ не имѣлъ достаточно силъ встрѣтить его. Онъ сказалъ: «Какъ жаль, что я прогналъ Ли-сунъ-сяо». Въ это время душа Ли-сунъ-сяо явилась въ полѣ; за нею глиняные всадники, которые вступили тотчасъ въ сраженіе и войско Ванъ-янь-чжана было перебито.

Старикъ Янь-яръ, широнголъ
изъ д. Янь-чжа.

Въ широнгольской землѣ есть городокъ Чуань-ку; тутъ же по близости гора Ирагу-ула; между ними протекаетъ р. Дайтонгъ-голъ. Прежде Чуань-ку было очень торговое мѣсто; тутъ было много купцовъ, былъ большой рынокъ; въ городѣ жилъ широнгольскій ванъ, по имени Ли-чжинъ-ванъ. Въ то время Си-ань-фу была столицей династіи Танъ и называлась Чанъ-ань. Государь, жившій въ Чанъ-ани, иногда собиралъ къ своему двору всѣхъ вановъ; однажды Ли-чжинъ-ванъ не пріѣхалъ по приглашенію; на ту пору онъ напился пьянъ, перебилъ многихъ мелкихъ сановниковъ, переколотилъ посуду. Государевъ посланецъ такъ и донесъ царю. Царь осердился, сказалъ, что Ли-чжинъ-ванъ не настоящій ванъ и сослалъ его. Ли-чжинъ-вана отвезли въ мѣстность, гдѣ нынѣ Чуань-ку. На сѣверѣ же, въ провинціи Чжи-ли говорятъ, что онъ былъ сосланъ въ мѣстность, лежащую къ ю. отъ Калгана, гдѣ теперь городъ Сюань-хуа-фу (въ 40 ли отъ Калгана и въ 360 ли отъ Пекина) или по монгольски Баянъ-суме. Тутъ была страна худая, пески и барханы;

хлѣбъ воздѣлывать было нельзя. По переселеніи туда Ли-чжинъ-вана съ сыномъ пошелъ сильный дождь, который наводнилъ страну; сбѣгающая дождевая вода нанесла илу и покрыла имъ поверхность земли. Съ той поры стало возможно сѣять тутъ хлѣбъ. Приселились сюда китайцы и у Ли-чжинъ-вана образовалось сословіе подданныхъ. Ли-чжинъ-ванъ имѣлъ 13 сыновей; одинъ былъ родной, остальные вскормленные. Однажды Ли-чжинъ-ванъ поѣхалъ на охоту и достигъ города Линъ-чу къ з. отъ Пекина. Подъѣхавъ къ рѣкѣ, онъ увидѣлъ на другомъ берегу двѣнадцатилѣтняго мальчика, который пасъ овецъ. Въ его стадо прибѣжалъ тигръ и задавилъ одного ягненка. Мальчикъ схватилъ тигра за загривокъ, прижалъ къ землѣ и удавилъ. Ли-чжинъ-ванъ крикнулъ: «Ей, мальчикъ! зачѣмъ ты убилъ тигра? это былъ мой тигръ! Я его выкормилъ»! Мальчикъ Ли-сунъ-сяо отвѣтилъ: «А зачѣмъ выкормленный тобою тигръ съѣлъ выкормленнаго мною ягненка? развѣ это законъ»? Ли-чжинъ-ванъ приказываетъ Ли-сунъ-сяо: «Принеси моего тигра на мою сторону». Мальчикъ спрашиваетъ вана: «Какъ тебѣ передать тигра, скоро или не торопясь»! «Конечно скорѣе»! говоритъ Ли-чжинъ-ванъ. Тогда мальчикъ взялъ тигра въ руки и перекинулъ черезъ рѣку. Ванъ спросилъ мальчика: «Есть ли у тебя родители»? Мальчикъ сказалъ, что у него есть только мать, но отца нѣтъ. Тогда Ли-чжинъ-ванъ сказалъ ему: «Будь же ты моимъ сыномъ»! И Ли-сунъ-сяо сталъ его двѣнадцатымъ пріемышемъ. Его сила равнялась силѣ двухъ тигровъ и девяти быковъ.

Сантанъ-джимба.

Отъ Ли-чжинъ-вана до настоящаго времени прошло 13 вѣковъ. Сила Ли-сунъ-сяо, его пріемыша, равнялась силѣ двухъ тигровъ и девяти быковъ.

Широнголъ изъ дер. Шяна.

Ср. съ легендой о предкѣ народа Тугю у о. Іакинѳа (Собр. свѣд. о нар. Сред. Азіи, ч. I, стр. 257): десятилѣтній мальчикъ, уцѣлѣвшій отъ всеобщаго избіенія поколѣнія Ашина, былъ брошенъ съ обрубленными руками и ногами въ озеро; волчица переноситъ его въ пещеру и кормитъ мясомъ. Здѣсь волчица родила 10 сыновей; одинъ изъ нихъ назывался Ашина, имѣлъ необыкновенныя способности и былъ признанъ государемъ. Въ южносибирскихъ сказаніяхъ Шуно, царскій сынъ, опущенъ въ яму; его тайно кормитъ сестра (Radloff, Proben, I, 206; II, 380). Въ Очеркахъ, IV, 866 я сближалъ Шуно съ Буртечоно и съ Ашена. Ли-сунъ-сяо имѣетъ съ Шуно сходную черту: убіеніе тигра, съ Ашена—жизнь въ пещерѣ; на сказанія о Шуно, Бурте-чоно и Ли-сунъ-сяо можно смотрѣть, какъ на матеріалъ для возстановленія сказанія объ Ашинѣ.

Та же тема—укрощеніе разбойника чрезъ женскую любовь, кажется, скрывается и въ эпизодѣ о женѣ Гэсэра, очутившейся въ домѣ Рдуря (см. выше, стр. 26), а также въ разсказѣ о женѣ Шидургу, умертвившей Чингисъ-хана (см. выше, стр. 268); Чингисъ представлялся докшитомъ, алымъ существомъ; жена Шидургу прекратила это свирѣпое существованіе. Она называлась Чао-чжинъ, судя по названію ея могилы близъ Гуй-хуа-чена (см. ч. I, стр. 50); это отожествляетъ ее съ женой хуннускаго шаньюя Гэху-ушень-хуханье, а также и съ женой усуньскаго гунь-мо (см. выше, стр. 273). О послѣдней сказано, что она пѣла пѣсню; гунь-мо былъ старъ и не понималъ китайскаго языка (о. Іакинѳъ, Собр. свѣд. о народ. Средн. Азіи, ч. I, стр. 68); не отголосокъ ли сказанія о Ванъ-морѣ или Ванъ-манѣ (см. ниже)? Лѣтописныя сказанія о китайской царевнѣ, выданной замужъ въ орду и поющей тоскливую пѣсню, вѣроятно не что иное, какъ отго-

лоски народныхъ сказаній о женщинѣ, рѣшившейся цѣной своего цѣломудрія избавить свой народъ отъ свирѣпаго насильника.

Имя Гэху-ушень ср. съ Гэхусенъ, какъ названъ въ одномъ китайскомъ памятникѣ монгольскій князь Харасандза-Джеламръ-хунъ тайджи (см. мои Очерки, III, 319), отъ семи сыновей котораго произошли семь первоначальныхъ халхаскихъ хошуновъ. По другимъ версіямъ, семь хошуновъ произошли отъ семи сыновей Чингиса; такъ я въ хошунѣ Тачжи-урянхай (въ западной части монгольскаго Алтая) слышалъ слѣдующее показаніе: у Чингисъ-хана было семь сыновей; одинъ изъ нихъ остался бездѣтнымъ; отъ шести сыновей Чингиса и отъ него самого образовалось семь хошуновъ. Младшій сынъ Чингиса назывался Отханъ-Толоръ-хунъ тайджи. Бурятское сказаніе какого-то Удзонъ-Залайра ставитъ въ родство съ Чингисомъ. Позднѣйшее Гэхусенъ можетъ быть припоминаніе древняго Гэху-ушеня, подъ вліяніемъ родства сказаній о Чжао-гюнъ и гуйхуаченской Чжао-чжюнъ.

Новѣйшими изслѣдователями русскаго эпоса отвергнуто сближеніе Соловья Будимировича съ Соловьемъ разбойникомъ; наѣздъ Соловья ко дворцу Владиміра кіевскаго представляется миролюбивымъ сватаньемъ, а не попыткой насильственно увезти царевну. Но можетъ быть въ былинѣ уцѣлѣлъ только обломокъ болѣе сложнаго разсказа, который передавался на тему о насильникѣ, укрощенномъ женщиной. Соловей подъѣзжаетъ къ Кіеву въ родѣ того, какъ Чингисъ, охотящійся по снѣгу за зайцами, подъѣзжаетъ къ городу царя Шидургу (въ Алтанъ-Тобчи охотится за зайцами Елбекъ-ханъ, котораго, можетъ быть, слѣдуетъ сблизить съ тюркскими сказочными Джельбегень, Джелбага, Джалбагай [1]). Запава идетъ въ станъ Соловья въ родѣ того, какъ жена Лу-ту-сы идетъ въ пещеру Ванъ-мора. Если это не такъ, то поведеніе Запавы странное; такимъ оно и кажется Соловью; моральное оправданіе поступка Запавы вѣроятно заключалось въ утерявшемся концѣ былины.

Джельбегень является въ тюркскихъ варіантахъ сказки о хитромъ мальчикѣ, перехитряющемъ людоѣда (Radloff, Proben., I, 28); въ бѣлорусской сказкѣ людоѣдъ названъ Чаволай (Романовъ, Бѣлорусскій Сборникъ, вып. 3, стр. 73); можетъ быть слѣдовало Чаловай? Сходная форма Чалубей, встрѣчена въ смоленскомъ фольклорѣ; упоминается мечъ какого-то царя Чалубея (Добровольскій, Смоленскій Сборникъ, ч. I, стр. 505).

---

67. ВАНЪ-МОРЪ.

(Широнгольскій).

Были два бѣдныхъ брата, которые собирали дрова и продавали въ городѣ Чуань-ку. Однажды лама, купившій у нихъ дрова, далъ имъ яблоко. Они съѣли и сдѣлались необыкновенно сильными; одинъ пошелъ въ Лань-чжоу, другой въ Джонлонъ [2]). Имя первому было Ванъ-моръ; онъ много народу ограбилъ и перебилъ. Изъ Пекина высылали войско съ генералами, но войско не могло его взять. Онъ сидѣлъ въ пещерѣ, которая была въ полугорѣ надъ рѣкой Да-тунъ-голомъ. Снизу подойдутъ, Ванъ-моръ изъ пещеры бросаетъ камнями; сверху попробуютъ спускаться — падаютъ со скалы и расшибаются. Въ то время у одного широнгольскаго ту-сы [3]), по имени Лу-ту-сы была, хитрая жена. Она объявила, что она захватитъ Ванъ-мора. Она начала пѣть. Ванъ-моръ услышалъ пѣнье и говоритъ: «Какъ хорошо

---

[1]) У Радлова Джалбагай (Prob., II, 508) птица.

[2]) Джонлонъ городъ къ сѣверу отъ Лань-чжоу, по-китайски назыв. Пинъ-фань-сянь.

[3]) Ту-сы—старѣйшина, князь.

поетъ какая-то женщина! Пойду, посмотрю!» Онъ спустился съ своей горы, пришелъ къ ней и спрашиваетъ, имѣетъ ли она мужа. Женщина обманула его и сказала, что нѣсколько уже лѣтъ, какъ она вдовѣетъ. Ванъ-моръ предложилъ ей выйдти за него замужъ. Жена Лу-ту-сы назначила день, когда ему придти къ ней. Къ назначенному дню она вырыла въ своемъ домѣ яму и наполнила ее горячими углями; огонь отвела въ сторону, а верхнее отверзстіе ямы прикрыла войлоками и соломъ, на который поставила вино и угощенье. Полъ устлала бѣлыми войлоками, сверхъ которыхъ положила красные. Эту середину дома огородила со всѣхъ четырехъ сторонъ занавѣсками, за которыми поставила чириковъ. Ванъ-моръ пришелъ и жена Лу-ту-сы стала потчивать его водкой; когда онъ сталъ пьянъ, она приказываетъ чирикамъ приблизиться. Ванъ-моръ не зналъ монгольскаго языка и не понялъ, что она сказала. Она приказала убрать войлокъ и Ванъ-моръ упалъ въ яму на угли; чирики хотѣли отрубить ему голову, но не могли; отрубили только руки. Отрубленныя руки Ванъ-мора и теперь хранятся въ ямынѣ. О гибели Ванъ-мора донесли въ Пекинъ; императоръ пожелалъ видѣть хитрую женщину и лично её распросить, какимъ средствомъ она погубила врага. Ему казалось это невѣроятнымъ и онъ спросилъ, гдѣ свидѣтельство, что Ванъ-моръ погибъ. Жена Лу-ту-сы предъявила тогда отрубленныя руки Ванъ-мора. Потомъ пожелала её видѣть и императрица. Увидѣвъ её, императрица сказала: «Какое некрасивое у нея лицо?» Жена Лу-ту-сы возразила: «Если-бъ я надѣла такія же платья и шапку, какія носитъ императрица, я тоже стала бы красивой»! Императрица дала ей свое платье, приказала одѣться и должна была признаться, что въ другомъ платьѣ жена Лу-ту-сы стала красавицей. Затѣмъ императрица велитъ гостьѣ снова переодѣться въ ея старое платье Тогда жена Лу-ту-сы сказала императрицѣ: «Ты императрица, я раба; въ обычаѣ ли это, чтобъ императрица, надѣвъ на рабу платье, вновь снимала его!» Императрица устыдилась и подарила платье хитрой женщинѣ.

И теперь существуетъ такой обычай въ семьѣ Лу-ту-сы: въ первый день новаго года жена Лу-ту-сы надѣваетъ на себя платье императрицы, садится на высокое кресло своего мужа, а мужъ творитъ передъ нею земной поклонъ. Это онъ покланяется платью императрицы.

Сантанъ-джимба.

Ванъ-манъ жилъ въ пещерѣ въ долинѣ Да-тунгъ-гола; никто не могъ убить его. Тогда вдова старѣйшины Лу-ту-сы пришла къ нему въ пещеру и прожила съ нимъ цѣлый мѣсяцъ, ставши его женой. Сдѣлавъ предварительный уговоръ съ чириками, она напоила Ванъ-мана виномъ и запѣла: «халей!» Чирики, стоявшіе на горѣ, стали спускаться по тропинкѣ внизъ. Ванъ-манъ очнулся отъ похмѣлья, спросилъ: «Что ты поешь?» и началъ прислушиваться и всматриваться. Женщина пропѣла тогда: «чжехой!» И чирики пріостановились. Женщина говоритъ Ванъ-ману: «Сгрустнулось и я запѣла пѣсню». Ванъ-манъ успокоился и снова началъ пить. Когда онъ еще болѣе опьянѣлъ и наконецъ заснулъ, вдова Лу-ту-сы вновь

запѣла: «халэй!» Чирики вновь стали приближаться, вошли въ пещеру и схватили Ванъ-мана. Пьяный, онъ не понималъ, что съ нимъ дѣлаютъ. Стали рубить ему голову, но никакъ не могли мечомъ отрубить; удавили мѣдной проволокой и отрубили ему руки, которыя и теперь хранятся въ городѣ Линъ-ченъ въ монастырѣ Та-сы. Вдова Лу-ту-сы забеременѣла отъ Ванъ-мана и родила мальчика, такъ что у нея теперь стало два сына, одинъ отъ стараго мужа, Лу-ту-сы и одинъ отъ Ванъ-мана. Она вскрыла жилу на рукѣ новорожденнаго и замѣтила, что жила его была необыкновенной крѣпости и что мальчикъ обѣщаетъ пойдти въ отца. Она убила его.

Чихба-дончжа, широнголъ
изъ дер. Чи-чжа.

Ванъ-манъ рубилъ дрова, продавалъ ихъ и тѣмъ кормился. Однажды онъ несъ вязанку дровъ на продажу, захотѣлъ напиться и спустился къ ключу. Въ ямѣ, на днѣ которой изливался ключъ, сидѣлъ лусу; надъ нимъ на поверхности воды образовалась льдина. Ванъ-манъ проглотилъ льдину и отъ этого вдругъ въ его тѣло вошла необыкновенная сила. Онъ присѣлъ на камень отдохнуть и скала подъ нимъ заколебалась. Почувствовавъ себя сильнымъ, Ванъ-манъ оставилъ промыселъ дровосѣка, поселился въ мѣстности Чуань-ку, гдѣ тогда была гоби, т. е. пустыня и сталъ грабить проходившихъ людей. У ноёна этихъ мѣстъ была жена; Ванъ-манъ напалъ на него и жену его увелъ къ себѣ. У нихъ родился сынъ. Жена говоритъ: «Нужно устроить пиръ (хоринъ) и позвать моихъ родственниковъ». Когда гости собрались, жена Ванъ-мана стала подносить ему вино, а гостямъ воду. Ванъ-манъ опьянѣлъ и заснулъ, а родственники остались трезвы и будто пошли домой. Она ихъ научила, чтобъ они подходили къ ея дому, когда она будетъ пѣть: халей! и чтобъ отходили, когда она запоетъ: чжахой! Когда Ванъ-манъ просыпался, она пѣла: чжахой! Когда крѣпко засыпалъ, она пѣла: халэй! Постепенно они подходили все ближе и ближе и наконецъ, войдя въ домъ, зарѣзали Ванъ-мана при помощи соломорѣзки.

Записано отъ широнголовъ въ Саньчуани.

---

68. ЛЕУ ДА-ЖЕНЬ.

(Китайскій).

При императорѣ Цунъ-линѣ былъ министръ Леу-да-жень [1]). Это былъ честный министръ, который, истребляя взяточничество, многихъ казнилъ. Въ горахъ Дайчинъ-сань, т. е. въ хребтѣ, лежащемъ къ с. отъ Гуй-хуа-чена, находятся запретныя монгольскія рощи, въ которыхъ безъ разрѣшенія цзянь-цзюня (генералъ-гу-

[1]) Леу собств. имя; да-жень-сановникъ.

бернатора) никто не смѣетъ рубить. У цзянь-цзюня было двѣ жены; младшая имѣла брата; она задумала украсть печать цзянь-цзюня для брата и научила своего маленькаго сына плакать; цзянь-цзюнь очень любилъ его и хотѣлъ унять ребенка. Мать говоритъ отцу: «Нельзя ли ему дать поиграть твоей печатью?» Отецъ далъ; тогда ребенокъ пересталъ плакать. Игралъ, игралъ и выбросилъ печать въ окно, а тамъ ее подхватилъ братъ жены цзянь-цзюня. Онъ написалъ письмо о разрѣшеніи рубить лѣсъ въ запретной рощѣ, приложилъ печать и продалъ лѣсъ купцамъ. Тогда монголы пожаловались императору. Императоръ прислалъ Леу-да-женя. Леу-да-жень сталъ разъѣзжать по Шань-си подъ видомъ купца. Цзянь-цзюнь выслалъ изъ Гуй-хуа-чена чиновниковъ за 100 ли во всѣ стороны встрѣчать его, но Леу-да-жень тайкомъ пробрался въ городъ Бау-ту и уже оттуда, проживъ тамъ мѣсяцъ, явился въ Гуй-хуа-ченъ. Онъ остановился въ одномъ дянѣ, гдѣ былъ купленный лѣсъ. На его вопросъ, откуда этотъ лѣсъ, купецъ сказалъ, что онъ купилъ его отъ брата цзянь-цзюневой жены и купилъ очень выгодно. Потомъ купецъ увидѣлъ у Леу-да-женя мандаринскую шапку, догадался и началъ просить прощенія. Леу-да-жень велѣлъ ему спрятать лѣсъ. За тѣмъ онъ открылъ предъ гуй-хуа-ченскимъ ямыномъ свое званіе, показалъ грамоту императора и отсѣкъ цзянь-цзюню голову. Но тѣло цзянь-цзюня не тотчасъ упало на землю; продолжая стоять, цзянь-цзюнь спросилъ, за что его лишили жизни. Когда Леу-да-жень сказалъ, что онъ виноватъ въ продажѣ запретнаго лѣса, тѣло цзянь-цзюня упало. Онъ потому не сразу упалъ, что не былъ виноватъ.

Чочжинъ-хоу, китаецъ-купецъ
въ Гуй-хуа-ченѣ.

Ср. о. Іакинѳъ, Собр. свѣд. о народ. Средн. Азіи, ч. I, стр. 88—96.

69. а. ЕЛЬДЖИГЕНЪ-ТОЛОГОЙТОЙ-ХАНЪ.

(Монгольскій).

Въ Боро-балгасунѣ [1]) жилъ Ельджигенъ-тологойтой-ханъ [2]); китайцы зовутъ его Лю-тоу [3]). Подданные его были китайцы (ергинъ). Ханъ былъ глупецъ (тенекъ-ху). У хана была старшая сестра, жившая въ городѣ, развалины котораго теперь зовутся Чаганъ-балгасунъ (тутъ и теперь есть китайскій городъ). Она дала брату золотую трубу (алтынъ бишкуръ) и сказала ему, чтобы онъ эту трубу спряталъ и въ спокойное время въ нее не трубилъ, а затрубилъ бы тогда, когда придутъ какіе нибудь враги (тай-сунгъ); по звуку золотой трубы сестра обѣщалась придти на помощь. Глупый ханъ не вытерпѣлъ и затрубилъ зря. Сестра собрала свое

[1]) Боро-балгасуномъ называются теперь развалины города на южной окраинѣ Ордоса. См. ч. I, стр. 80
[2]) Т. е. ханъ съ ослиной головой.
[3]) Лю по-кит. «оселъ», тоу «голова».

войско и пришла къ нему. Видитъ, никакого непріятеля нѣтъ. «Зачѣмъ ты затрубилъ?» спрашиваетъ сестра. «Я хотѣлъ испытать, дѣйствительно ли ты придешь», говоритъ Ельджигенъ-тологойтой-ханъ. Сестра еще разъ сдѣлала ему наставленіе, чтобъ онъ спряталъ золотую трубу и трубилъ бы въ нее только въ случаѣ дѣйствительной опасности. Но спустя нѣкоторое время ханъ опять не вытерпѣлъ и опять затрубилъ. Сестра опять пришла съ войскомъ, опять ничего не нашла и снова возвратилась въ Чаганъ-балгасунъ. Когда она ушла, пришло чужеземное войско (вар. пришелъ Чингисъ-ханъ) и начало осаждать городъ. Ельджигенъ-тологойтой-ханъ затрубилъ въ золотую трубу. Сестра его говоритъ: вѣроятно, глупый мальчикъ (тенекъ-ху) опять зря трубитъ. И не пошла съ войскомъ на выручку брата. Непріятель (вар. Чингисъ-ханъ) взялъ городъ, порубилъ жителей и самому Ельджигенъ-тологойтой-хану отсѣкъ голову.

Ратна Вала, монголъ изъ Ордоса.

---

69. б. ЕЛЬДЖИГЕНЪ-ТОЛОГОЙТОЙ-ХАНЪ.

Двѣнадцатымъ ханомъ была дѣвица. Эта дѣвица-ханъ сошлась съ осломъ и прижила съ нимъ ребенка, у котораго голова была ослиная. Впослѣдствіи сынъ ея сталъ ханомъ. Онъ взялъ за себя трехъ женъ; одна изъ нихъ опять родила ослиноголоваго мальчика, другая родила мальчика съ головой собаки, а третья настоящаго мальчика. Эта третья жена была Дара-еке. Когда Дара-еке родила, когда ея сынъ показался на свѣтъ, весь домъ освѣтился свѣтомъ. Двѣ другія царицы позавидовали Дара-еке и наклеветали хану, будто она питаетъ противъ него какой-то злой умыселъ. Ханъ говоритъ, что онъ не замѣтилъ этого. Тогда царицы совѣтуютъ царю открыть канъ [1]) у обвиняемой ханьши; онъ тамъ найдетъ сдѣланное изъ глины свое изображеніе, вся поверхность котораго покрыта воткнутыми иголками; это все сдѣлала третья царица съ цѣлью погубить хана. Ханъ пошелъ къ своей третьей женѣ и спрашиваетъ ее, дѣйствительно ли она сдѣлала изъ глины его изображеніе и утыкала его иглами, съ цѣлью погубить своего мужа. Ханьша отвергла обвиненіе. Ханъ открылъ канъ и нашелъ тамъ свое изображеніе, покрытое иглами. Оно было подвинуто двумя соперницами ханьши. Ханъ изгналъ невинную ханьшу съ ея сыномъ въ степь; здѣсь ханьша выкормила своего ребенка. Когда сынъ ея достигъ 16 лѣтняго возраста, онъ отправился къ Маньчжу-вану, разсказалъ ему свою исторію и просилъ войска противъ Ельджигенъ-тологойтой-хана, который былъ ханомъ надъ хойху, т. е. мусульманами. Маньчжу-ванъ отказалъ ему, но одинъ лама посмотрѣлъ тюльку [2]) и сказалъ Маньчжу-вану: «Дай войско! Отъ этого тебѣ будетъ польза». Маньчжу-ванъ далъ войско и шестнадцатилѣт-

[1]) Канъ—лежанка, иногда имѣющая сверху настилку изъ деревянныхъ досокъ, которыя могутъ быть выбраны.

[2]) Смотрѣть тюльку значитъ гадать по внутренностямъ убитаго животнаго.

ній юноша, имѣя 49 туменей людей свыше пятнадцатилѣтняго возраста и 49 туменей людей ниже пятидесятилѣтняго возраста (дючинъ юсунъ тюменъ арбанъ табынъ насунасъ тешанъ дючинъ юсунъ тюменъ табинъ насунасъ тошонъ), всего 98 туменей [1]), явился къ городу Ельджигенъ-тологойтой-хана, захватилъ его престолъ и прогналъ его въ степь. Когда городъ былъ взятъ, Маньчжу-ванъ хотѣлъ сѣсть на ханскій престолъ, но упалъ съ него. У Маньчжу-вана было девять сыновей настоящихъ и одинъ вскормленникъ. Когда послѣдняго посадили на престолъ, онъ усидѣлъ и сдѣлался ханомъ. Шестнадцатилѣтнему сыну Дара-еке дали въ управленіе восемь областей (муджи); просидѣвъ на этой должности нѣсколько лѣтъ и пришедши въ болѣе глубокій возрастъ, онъ задумалъ самъ сдѣлаться ханомъ; онъ собралъ войско и пошелъ противъ хана. Но во время похода пошелъ дождь, дороги испортились, порохъ подмокъ, мечи заржавѣли и не вынимались изъ ноженъ. Войско Маньчжу-вана напало на него; войско сына Дара-еке было разбито и самъ предводитель былъ убитъ.

Ратна Вала, лама, ордосскій монголъ.

---

70. САЛАРСКІЯ ПРЕДАНІЯ И ЛЕГЕНДЫ.

1) Преданіе о переселеніи саларовъ на Желтую рѣку.

Предки саларовъ пришли на Хатунъ-голъ, въ царствованіе Таймингъ-хунъ-ву, 500 лѣтъ назадъ. Ихъ было три; они были сосланы изъ Самарканда за то, что украли воровъ. Прежде въ саларской землѣ жили сары-мугалъ [2]); они не имѣли осѣдлости, жили въ юртахъ и переходили со скотомъ изъ одного мѣста въ другое и потомъ выкочевали изъ края.

Записано въ саларской деревнѣ Минта.

---

2) Маджу-гумбе.

На вершинѣ горы Маджу есть гумбе, т. е. могильный памятникъ. Тутъ похороненъ одинъ изъ сорока шейховъ (кырыхъ шехъ). Было сорокъ шейховъ, изъ которыхъ двадцать держали вѣру саларовъ, другіе 20 были другихъ вѣръ. Перемерли они въ разныхъ мѣстахъ; души ихъ являлись потомъ къ разнымъ благочестивымъ людямъ и говорили, что ихъ кости лежатъ тамъ-то, прося похоронить ихъ. Шейхъ шелъ по горѣ Маджу; въ это время на него напалъ разбойникъ и убилъ его. Шейхъ несъ съ собой собаку. Эта собака прибѣжала въ деревню Минта и стала лаять передъ мечетью. Ахунъ догадался; пошли за собакой, нашли покойника, похоронили его и на этомъ мѣстѣ построили гумбэ.

Саларъ Хэйсы.

---

[1]) Тумень равенъ 10.000; 49 туменей = 490.000.

[2]) Сары-мугалъ—желтые мугалы.

3) Народы ахманъ и караманъ.

Есть два народа ахманъ и караманъ. Ахманы люди нашей породы; караманы имѣютъ хвостъ. Они ведутъ постоянную войну между собой.

Записана въ саларск. дер. Минта.

---

71. ПЕЙ-ТАДЖИ.

(Монгольскій).

Пей-таджи, «сѣверный царевичъ», удалился изъ Ордоса на сѣверъ.

Записано въ Ордосѣ.

Меня часто допрашивали въ Ордосѣ (особенно въ хошунѣ вана), не знаю ли я, гдѣ теперь находится Пей-таджи. Подробностей о немъ мнѣ никакихъ не удалось узнать. Когда же я самъ разспрашивалъ въ Боро-балгасунѣ, какъ Пей-таджія звали по-монгольски, одни мнѣ отвѣчали Орусъ, другіе: Ары-богдо, «сѣверный святой»; этимъ послѣднимъ именемъ зовутъ на югѣ Монголіи ургинскаго хутухту; третьи Ары-тайджи, «сѣверный царевичъ»; наконецъ четвертое показаніе—это Эджинъ-Чингисъ.

---

72. ЛЕГЕНДЫ О МѢСТНОСТЯХЪ.

ГОРА ТАЙХЫРЪ-ЧИЛО.

(Монгольскій).

Въ 100 слишкомъ ли къ з. отъ мѣстности Уланъ-Чики на р. Тамирѣ находится высокая гора Тайхыръ-чило; на вершинѣ ея лежитъ громадный камень, положенный Буху-Беликтуемъ во времена Чингисъ-богдо надъ отверзтіемъ, чрезъ которое изъ земли выходила змѣя Абырганъ (абырганъ-могай).

Халха родомъ съ р. Урту-Тамиръ.

Беликтуй ср. съ Белгетей, братъ Бодонджара (Санангъ-Сэцэнъ, стр. 59; Алтанъ-Тобчи, стр 121), Вѣлгутай, братъ Чингисъ-хана (Труды Пек. дух. миссіи, IV, 45). Кромѣ Белгетея Бодонджаръ имѣлъ еще двухъ братьевъ Бугу-хатаги и Бугу-Сальчжи (Алт. Тобчи, 121; Санангъ-сэцэнъ, 59)

ГОРЫ НОИНЪ-БОГДО, АЛТЫНЪ-ОЛА, ГЕЛЬБИНТУ И СЯВРИ.

(Торгоутскій).

Гора Ноинъ-богдо есть бэрэ (невѣста), Алтынъ-ола, Гельбинту и Сяври [1]) хатуны, т. е. женщины; эти послѣднія три сестры. Гора Ханай-хэрь есть уланъ-кокшюнъ, т. е. занавѣсъ, посредствомъ котораго во время свадьбы два всадника скры-

---

[1]) Всѣ эти горы находятся въ Гоби, къ с. отъ р. Едзинъ.

ваютъ невѣсту отъ свекра и деверей. Гора Ноинъ-богдо постоянно загорожена то той, то другой горой. То гора Дэнгъ, то гора Нэмэгету её загораживаетъ.

Торгоутъ съ р. Едзина.

ГОРА ХАРШЮТЪ.

(Торгоутскій).

У горы Харшюта, лежащей гдѣ-то къ сѣверу отъ оз. Гашіунъ-норъ [1]), двѣ вершины; одна изъ нихъ ниже; это Чингисъ-Богдо сломилъ её. Прежде въ Гашіунъ-норѣ жилъ шулмусъ; онъ пустилъ въ озеро яду, чтобы скотъ и люди умирали. Это увидѣлъ Чингисъ-Богдо, жившій на Харшютѣ, отломилъ одну изъ вершинъ Харшюта, бросилъ её въ шулмуса и убилъ его. Озеро отравилось только отчасти; животъ болитъ отъ питья его воды, но животное не умираетъ. Камень брошенный Чингисомъ-Богдо и теперь лежитъ на степи къ с. отъ озера и называется Ухырь-чило, «Корова-камень».

Торгоутъ съ р. Едзина.

Брошенный камень: Шаманскій камень въ истокѣ Ангары изъ Байкала, островъ на Хухунорѣ, гора Урчукъ-тюбе около Зайсана, Темиръ-Асынъ въ вершинахъ Желтой рѣки (см. выше стр. 212 и 213) и камень Лу-бянъ-шена въ тѣснинѣ Ла-уа-ся (ч. I, стр. 201).

СЛѢДЪ ЛУ-БЯНЪ-ШЕНА.

(Широнгольскій).

Лу-бянъ-шенъ оставилъ слѣдъ ногъ, ягодицъ, шулятъ и локтей въ мѣстности Сомбра-хахыръ, т. е. въ Сомбринскихъ щекахъ на Желтой рѣкѣ, выше устья р. Сомбра, ниже Ширалтай-гола.

Чихбадончжи, широнголъ изъ д. Чичжа.

КОРЧАГА ЛУ-БЯНЪ-ШЕНА.

(Широнгольскій).

Въ долинѣ Силинъ-гола, къ в. отъ города Ла-уа-чена въ скалѣ есть родъ колодезя [2]); прежде, говорятъ, въ водѣ на днѣ его видѣли «золотую ворону», алтанъ-кирѣ [3]); теперь ея нѣтъ. Колодезь этотъ выточилъ въ скалѣ Лу-бянъ-шенъ; это былъ его ганъ [4]), въ которомъ онъ держалъ воду.

Лама широнголъ изъ Сань-чуани.

---

[1]) Такъ называется озеро, въ которое впадаетъ р. Едзинъ.

[2]) Это такъ называемый исполинскій горшокъ.

[3]) Ла-уа, ла-ва по-китайски «ворона».

[4]) Ганъ по-китайски корчага.

КЛЮЧЪ СУБУКЪ.

(Монгольскій).

Въ южномъ Ордосѣ есть ключъ Субукъ или Субугенъ-булыкъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ въ этой мѣстности стали родиться только коровы; быковъ совсѣмъ не стало. Стали коровы родить изъ трехъ, четырехъ одна; скотъ сталъ уменьшаться въ числѣ. Тогда одинъ мудрый человѣкъ сказалъ, что онъ знаетъ хитрость (арга), какъ пособить горю. Онъ сдѣлалъ на берегу Субука, куда коровы приходили на водопой, сиваго быка (хуху буха) изъ глины. Послѣ того стали отъ коровъ рождаться и бычки.

Очиръ, монголъ изъ Ордоса.

ОНГОНЪ-МАНХЫНЪ.

(Монгольскій).

Въ хошунѣ ордосскаго джасака есть мѣстность Онгонъ-манхынъ, высокіе превысокіе пески. Двадцать ли на западъ, 20 ли на востокъ, 20 ли на сѣверъ и 20 ли на югъ все пески. Говорятъ, что среди нихъ вѣтры выдуваютъ части какой-то юрты, остовъ которой былъ сдѣланъ изъ серебра; кто возьметъ обломокъ такого серебрянаго кереге или тона, тотъ умретъ.

Очиръ монголъ изъ Ордоса.

ШЯ-ЧУНЪ.

(Тангутскій).

Около монастыря Шя-чунъ есть пещера или трещина. Птица Чунъ (то же, что у монголовъ Ханъ-гаруди) нѣкогда спустилась на землю и сѣла на скалу, гдѣ нынѣ монастырь Шя-чунъ; скала треснула. Чунъ сказала: «Какая земля не крѣпкая! не держитъ меня!» И вновь поднялась. Съ той поры Чунъ болѣе не садится на землю.

Лама тангутъ.

БОРО-БАЛГАСУНЪ И ЧАГАНЪ-БАЛГАСУНЪ [1]).

(Монгольскій).

Въ Боро-балгасунѣ былъ большой бубенъ, въ Чаганъ-балгасунѣ большой колоколъ. Когда ударятъ въ бубенъ, въ Чаганъ-балгасунѣ слышно, когда ударятъ въ колоколъ, въ Боро-балгасунѣ слышно. Если врагъ придетъ къ Боро-балгасуну,

---

[1]) Это развалины двухъ городовъ въ южномъ Ордосѣ. (См. ч. I, стр. 80 и 107.

на звуки бубна шли къ нему на помощь изъ Чаганъ-балгасуна; когда врагъ приходилъ къ Чаганъ-балгасуну, боро-балгасунцы спѣшили туда, заслышавъ колоколъ. Когда колоколъ упалъ и лежалъ на землѣ, внутри его помѣщалось три лошади. Ханомъ въ городѣ Чаганъ-балгасунѣ (Чаганъ-балгасунай еджен) былъ Жуань-жуань-лю-ванъ [1]). Когда Чингисъ-богдо подступилъ къ городу, Лю-ванъ бѣжалъ изъ него черезъ брешь, которая и теперь видна въ городской стѣнѣ. Прежде, говорятъ, подлѣ этой бреши съ внѣшней стороны на степи были видны слѣды китайцевъ, манджуръ и другихъ народовъ, осаждавшихъ городъ подъ начальствомъ Чингисъ-богдо.

Пунсукъ-нема, монголъ хошуна
Ушинъ, омока Борджигитъ.

Около Чаганъ-балгасуна указываютъ нору въ землѣ. Прежде, говорятъ, отверзтіе этой норы было больше. Въ норѣ жила Абарга-могай; она выходила изъ норы и много поѣдала скота. Отверзтіе заклали камнями и похищеніе скота прекратилось. Нора, говорятъ, идетъ къ Пекину и другимъ концомъ открывается у столицы.

Запис. отъ монголовъ въ Ордосѣ.

КОТЕЛЪ ЧИНГИСА.

Около Барунъ-кита въ Алашанѣ есть гора съ тремя вершинами на гребнѣ; при ея подошвѣ, говорятъ, есть «котелъ Чингиса» (чингисенъ того). Въ китѣ живетъ Джасыръ-гегенъ.

Лама, солонъ изъ Хайлара.

ЛЕГЕНДА О КОЛОДЕЗѢ САНГИНЪ-ДАЛАЙ [2]).

(Монгольскій).

Ѣздилъ въ окрестностяхъ этого колодезя одинъ охотникъ и началъ тутъ копать землю; изъ земли вышли два ящика; въ одномъ изъ нихъ былъ золотой колъ (алтынъ хатасы), въ другомъ серебряный колъ (менгунъ хатасы), а также много золота и серебра. Какой-то былъ въ то время нойонъ; узнавъ, что у этого охотника появились вещи, онъ сказалъ ему: «Ты воръ! Ты укралъ эти вещи!» и велѣлъ два ящика съ золотымъ и серебрянымъ колами вмѣстѣ зарыть опять въ

---

[1]) Лю по-китайски «оселъ», ванъ «царь».

[2]) Колодезь Сангинъ-далай находится между р. Туинъ-голъ и Таценъ-голъ подъ 46° с. ш. на дорогѣ изъ Улясутая въ Хухухото (см. Пѣвцовъ, Очеркъ путешествія по Монголіи, Омскъ, 1883).

землю, а вмѣстѣ съ нимъ былъ зарытъ по повелѣнію того нойона и охотникъ, похитившій этотъ кладъ.

Записано на р. Туѣ отъ старика ламы халхасца, шаби Ламэнъ-гегеновскаго вѣдомства.

Ср. съ легендой о похитителѣ золотого прикола у Чингисъ-хана, зарытомъ въ землю; см. ч. I. стр. 123.

СЛѢДЫ ГЭСЭРА.

1) Около Сунъпана.

(Тангутскій).

Къ с.-з. отъ города Сунъ-пана, въ 2 дняхъ пути отъ него, есть мѣстность Рмартутъ; здѣсь есть гора, гдѣ сидѣлъ Гланъ-Гэсэръ; она называется Рсэрь гӧ чжунъ ри. Тутъ видны слѣды: Гэсэровой лошади, стрѣлы и лука, лежавшей собаки и ея цѣпи, а также слѣдъ лежавшей кольчуги (чжакуй илп куйджа). Кромѣ того тутъ указываютъ палатку, въ которой сидѣла жена Гэсэра, и черныя и бѣлыя кишки убитаго Гэсэромъ чудовища Рдучава.

---

2) На Желтой рѣкѣ выше Сань-чуани.

(Саларскій).

Три брата Пулиръ-пукӧ, Кусэрь и Лошанбу пришли въ саларскую землю; отъ нихъ и пошли салары. Кусэрь былъ средній братъ, Лошанбу младшій. Они были такъ сильны, что играя, бросали въ воздухъ огромной величины камни. Прійдя на Муренъ (т. е. на Желтую рѣку), имъ захотѣлось перейдти на другую сторону; два брата Пукӧ и Кусэрь сѣли на берегу рѣки на камень и, натянувъ лукъ, пустили стрѣлу черезъ рѣку; стрѣла попала въ противуположный берегъ; скала на берегу разсѣлась, вода излилась въ сдѣланную трещину и дно рѣки стало сухо. Братья выѣхали на другой берегъ въ телегѣ. Эта мѣстность называется по-саларски Кумджухъ-палунъ. Слѣдъ сидѣнья богатырей называется по-саларски кӧсэръ онга, т. е. «Кусэрова нора» или «Кусэрово гнѣздо».

Хэйсы, саларъ.

Дѣйствительно, тутъ на правомъ берегу рѣки указываютъ темнаго цвѣта камень, на южной сторонѣ котораго при основаніи два выглаженныя углубленія рядомъ какъ-бы отъ сидѣнья двухъ человѣкъ. Есть и третье, но его поверхность шероховата. Правыя же два имѣютъ нѣкоторую полировку. Они-то и считаются за отпечатки двухъ сидѣвшихъ человѣкъ. Положеніе, въ которомъ находился стрѣлокъ, неособенно было удобно; онъ сидѣлъ задомъ къ рѣкѣ; да и съ какой стати они хлопотали о переправѣ, когда они уже были на саларской сторонѣ рѣки, когда стрѣляли? На лѣвомъ берегу саженяхъ въ 15 указываютъ въ черной породѣ красную полосу, или

жилу, разсѣкающую породу подъ угломъ въ 20° съ паденіемъ на востокъ; въ это мѣсто попала стрѣла и по этому мѣсту выѣхали братья въ телегѣ на другомъ берегу. Еще ниже на лѣвомъ берегу верхняя поверхность каменнаго обнаженія имѣетъ вертикальную трещину шириной въ 1/4 арш. и длиной сажени двѣ; эта трещина образовалась отъ удара Кусэровой стрѣлы. Въ Си-нинъ-фу-чжи есть указаніе, что въ 1603 году въ 3-й лунѣ въ округѣ Гуй-дэ и до округа Хэ-чжоу Хуанъ-хэ пересохла на 27 дней (Успенскій, «Страна Хухуноръ» въ Зап. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. VI, стр. 77.

3) Около Лабрана.

(Тангутскій).

Около Лабрана выше монастыря по рѣкѣ есть мѣстность Гэсэръ-дортыхъ; тутъ слѣдъ копытъ коня Гэсэра. Въ той же мѣстности есть на верху горы пещера, недоступная для людей; въ ней, говорятъ, лежитъ лукъ Гэсэра. Гэгэнъ Чжаянъ-чжапша-сэнъ есть хубильганъ Чотона, а его компаньонъ гэгэнъ Алыгласэнъ есть хубильганъ Гэсэра; у Алыгласэна хранится ножъ Гэсэра.

Записано отъ тангутовъ въ Лабранѣ.

4) Около Ганьчжоу и въ землѣ ёгуровъ.

(Егурскій).

Слѣды Гэсэра находятся въ мѣстности Ма-ти («конское копыто») около Ганьчжоу у горы Хоръ-Бандэра (Хоръ-Банди-ри?); рѣка, протекающая у этой горы, называется Бянъ-ду-коу. Въ землѣ Хара-ёгуровъ также есть слѣды у ключа Хара-Багинъ около монастыря Пейранъ; тутъ слѣды сапоговъ, копытъ лошади и сарлыка (чукчу).

Показаніе ёгура Лоцзана.

Какъ въ Амдо пріурочено къ мѣстностямъ имя Гэсэра, такъ въ сѣверо-западной Монголіи имя Сартактая, которое въ русскомъ Алтаѣ у алтайцевъ является парнымъ: Сартактай-кэзэръ. Къ рѣкѣ Катуни пріуроченъ разсказъ о томъ, какъ Сартактай хотѣлъ перекинуть мостъ черезъ Катунь, а на Чуѣ есть разсѣченная имъ скала (Radloff, Proben I, 188). Слѣдовательно, имя Кусэръ-Кэзэръ и въ Амдо, и въ сѣверо-западной Монголіи связано съ рѣкой имени Хатунъ-Катунь. На Катуни нѣтъ преданія о бросившейся въ нее женщинѣ, но такое преданіе разсказывается на сосѣдней рѣкѣ Кондомѣ о скалѣ Катунъ (Литерат. Сборн., изд. Н. Ядринцевымъ, Спб., 1885, стр. 346).

Въ эпосѣ о Гэсэрѣ эпизода о переправѣ съ подобными деталями нѣтъ, но сама переправа есть см. выше, стр. 31. Въ Thaten у Шмидта (стр. 38) есть разсказъ о тростяхъ, данныхъ Гэсэромъ семи альвинамъ для проѣзда черезъ море, которыя, при вступленіи въ море, обращаются въ рыбъ и альвины тонутъ. Не разсказывалось ли, что альвины гнались за Гесэромъ, чудесно возникшій мостъ существовалъ только пока по нему ѣхалъ Гэсэръ, и исчезъ, когда на него въѣхала погоня. Ср. съ Джельбага, гонящимся за дѣтьми въ урянхайской сказкѣ (Очерки, IV, 342).

Чудесная переправа есть въ преданіи о Чжумынѣ: убѣгая отъ преслѣдованія и достигши берега рѣки, Чжумынъ, по одному варіанту, обращается къ ней съ рѣчью, что онъ сынъ солнца и дочери рѣчного бога, по другому пускаетъ стрѣлу; рыбы и черепахи образуютъ мостъ, но къ

прибытію погони нѣсть разсѣянія (о. Іакинѳъ, Собр. свѣд. о нар. Средн. Азіи, стр. 55, 71, 98 и 108). Есть и другія совпаденія сказаній о Чжунынѣ и Гэсэрѣ (см. выше, стр. 124).

Въ хотанской легендѣ богъ Вайсрамана пускаетъ стрѣлу и вода, залившая страну, уходитъ въ образовавшееся отверстіе (Journal of the Asiatic society of Bengal, vol. LV, part. I, № III. 1886, статья: Buddhist and other legends about Khoten by Babu Sarat Chandra Das).

Въ восточной Монголіи: 1) въ окрестностяхъ оз. Далай-норъ (Талъ-норъ) четырехугольная гора Тошю-ола, «Гора наковальня» принимается за наковальню Гэсэра (Изв. И. Р. Геогр. Общ., XXIII, 48); 2) къ с. отъ Малыхъ Песковъ холмы Дзыргэлэ съ усѣченными вершинами по народному вѣрованію обезглавлены Гэсэромъ (Изв. Спб. Отдѣла, т. II, № 1 и 2 (1871), стр. 11).

---

73. МОГИЛЬНАЯ НАСЫПЬ ЧАО-ЧЖЮНЪ-ФЫНЪ.

Царевна Чао-чжюнъ имѣла брата; когда она утонула въ рѣкѣ, халатъ ея поплылъ по водѣ. Увидѣли халатъ, поймали и принесли царю. Царь сказалъ, что это платье не человѣка, а фо (бога). Отыскали трупъ царевны и погребли.

Записано отъ китайца.

Чао-чжюнъ была императрица династіи Хань. Одинъ императоръ этой династіи имѣлъ очень красивую жену и воевалъ съ монголами; китайцы проиграли сраженіе и монголы, при заключеніи мира, потребовали красивую царицу. Китайцы отдали. Царица умерла на чужбинѣ около Гуй-хуа-чена.

Китаецъ Ли.

Чо-джинъ-фынъ есть могила дѣвицы Чоджинъ, дочери Шитыръ-тюльгуна, которая имѣла уже жениха. Чингисъ-богдо однажды увидѣлъ кровь, которая пала на снѣгъ изъ ноги зайца и спросилъ: «Есть ли такой красивый человѣкъ?» Ему сказали, что есть: дочь Шитыръ-тюльгуна. Чингисъ-богдо захотѣлъ ее взять; онъ осадилъ городъ отца ея и захватилъ ее, но захилѣлъ и умеръ, а она бѣжала и утонула въ рѣкѣ.

Лама въ монастырѣ Си-усту-чжао,
родомъ тумутъ.

Могила Чао-чжюнъ показывается различно въ теченіи одного дня, то кажется круглой, то квадратной, то продолговатой.

Китаецъ, крестьянинъ изъ деревни,
сосѣдней съ насыпью.

Могила Чао-чжюнъ утромъ кажется какъ чаша, въ полдень какъ юрта (монгу-бао), вечеромъ нижняя часть ея исчезаетъ, а верхняя, какъ будто виситъ

въ воздухѣ. Въ могилѣ погребены одни только башмаки царевны Чао-чжюнъ; самже она взошла на высокую гору и исчезла, по словамъ другихъ бросилась со скалы или вознеслась на небо, только сколько ни искали ея тѣла, не могли найдти. Чао-чжюнъ была женщина, которую во время войны одинъ изъ воюющихъ царей потребовалъ у другого и она была отдана.

Другой крестьянинъ оттуда-же.

Всѣ наши записи о могилѣ Чао-чжюнъ-фынъ относятся къ насыпи, находящейся около Гуй-хуа-чена (см. выше, ч. I, стр. 50). Ордосскіе монголы этой насыпи даютъ имя Темуръ-олху. какъ и той, которую видѣлъ Пржевальскій около города Бао-тоу. Въ Алтанъ-Тобчи она названа Олхо (стр. 144), у Сананъ-Сэцэна Temur Olcho (Gesch. Ost-Mong., 103). Имя жены Шудургу, которая бросилась въ воду, въ Алт. Тобчи (156—158) Хунгъ-Вэгэдзи, а также Ульдзэту-гоа (страшная красавица?); у Сананъ-Сэцэна Öldscheitu Chung Beidschi (139). У Шлагинтвейта богиня Lhamo убѣгаетъ на сѣверъ, въ восточную Сибирь въ область Olgon (см. выше, стр. 271). По словамъ Клапрота (см. Риттеръ, Землевѣд. Азіи, пер. Семенова, Забайкалье, в. 1 стр. 6; Клапротъ Not. въ Discription du lac Baikal, I, p. 291) бурятскіе ламы считаютъ островъ Ольхонъ (на Байкалѣ) мѣстопребываніемъ адскаго божества Вегдози, которое господствуетъ надъ душами онготъ, т. е. злыхъ. Озеро, чрезъ которое протекаетъ р. Чилоту (вершина Селенги), носитъ на старыхъ картахъ имя Ольджайту-норъ, на современныхъ Цаганъ-тирхинъ-норъ (озеро Цаганъ-дара-экэ?).

Миллеръ (Опис. Сиб. царства, Спб., 1750, стр. 6) къ разсказу о кончинѣ жены Чингисъ-хана прибавляетъ: «Для сей причины оная рѣка въ память ея по-мунгальски названа Хатунъ-голъ, т. е. рѣка женская. Тамошняя степь при Хатунъ-голѣ, въ которой сей великій татарскій владѣлецъ (т. е. Чингисъ-ханъ) погребенъ, на мунгальскомъ языкѣ называется Нулунъ-тала». Это записано Миллеромъ отъ одного ученаго ламы. Нулунъ-тала въ Thaten Bogda Gesser chan's, стр. 264; Nilom-Tala у Сананъ-Сэцэна (Gesch. d. Ost-Mong., 237).

Ордосскій народъ отожествляетъ эту жену Чингисъ-хана съ Цаганъ-дара-экэ (а эту послѣднюю отожествляетъ съ китайской Гуань-инъ-пусой, которая есть Арья-Бало); одно показаніе говоритъ, что въ гуй-хуаченскомъ холмѣ зарыты одни башмаки; въ Ордосѣ говорятъ, что въ Багаеджень-хоро однѣ одежды. Ср. въ Алтанъ-Тобчи (стр. 148): распространенъ ложный слухъ въ народѣ, будто на томъ мѣстѣ, гдѣ колесница съ останками Чингисъ-хана завязла и остановилась, похороненъ Чингисъ-ханъ; между тѣмъ здѣсь похоронены только его рубашка, юрта и онучи, тѣло же его похоронено на Бурханъ-Галдунѣ. а по другому на Екэ-Утукѣ (можетъ быть на небѣ?).

---

74. ТОХТО-ХОТО.

(Монгольскій).

Въ городѣ Тохто-хото жилъ Тохто-тайджи-ханъ. Тумутскія преданія соединяютъ его съ преданіемъ о китайскомъ императорѣ Чуу-хунъ-ву (первомъ императорѣ династіи Минъ). Китайцы Тохто-тайджи-хана называютъ Тото-чинъ-сянъ; это былъ вельможа при Чуу-хунъ-ву. Монголы имя этого императора переводятъ: Гахай-омокъ. О немъ разсказываютъ, что это былъ бѣднякъ, у котораго башмаки были изъ травы и шапка была изъ травы. Онъ нанялся къ одному богатому человѣку пасти скотъ, но вмѣсто того съѣлъ пятнадцать коровъ, а хвосты ихъ вотknулъ въ стѣну. Хозяинъ потащилъ за хвосты и вытащилъ только хвосты. Онъ

готовъ прогнать пастуха, но дочь хозяина угадываетъ умъ у пастуха и выходитъ за него замужъ. Кромѣ Гахай-омока былъ также Хони-омокъ или Лоу-линъ-гунъ; у него было семь сыновей; одинъ изъ нихъ назывался Янъ-ву-ланъ.

У какого-то царя былъ совѣтникъ Леу-бао-вэнь. Звѣздовѣдцы сказали, что въ утробѣ одной женщины зачатъ и растетъ Чуу-хунъ-ву. Царь велѣлъ убить его, но женщина вышла изъ города. Люди не видали ее уходящую, они какъ будто спали.

Токто-хото былъ резиденціей ноена, который по-китайски назывался Санъ-ху, по-монгольски Токто-тайджи. Улусъ его былъ ходжугуръ, т. е. плѣшивый отъ паршивости (по-китайски туу-за).

---

75. КАРА-БАДЗЫРЪ [1].

(Широнгольскій).

а. Въ нынѣшнемъ городѣ Гу-ша-й жила ханьша Шуань-гунь-чжу [2]), въ Кара-бадзырѣ—Тай-янъ-гунь-чжу. Это были двѣ жены китайскаго хана (Читай-хана) Пришелъ монгольскій ханъ и осадилъ Кара-бадзыръ, оба города взялъ, хана убилъ, а женъ его увелъ въ плѣнъ. Одна изъ нихъ ночью разрѣзала половыя части у монгольскаго хана и онъ умеръ, а ханьша утопилась въ Муренѣ (т. е. въ Желтой рѣкѣ).

Широнголъ родомъ изъ дер. Чи-чжа.

б. Въ городѣ Кара-бадзырѣ жила Шо-янъ-гунь-чжу. Пришло какое-то войско подъ предводительствомъ хана и хотѣло взять гунь-чжу, но она имѣла черное знамя и, повертывая его, убивала множество непріятельскихъ солдатъ. Войско ничего не могло подѣлать и удалилось. Послѣ того осаждавшій ханъ подослалъ къ гунь-чжу своего вельможу (нойонъ-бичечи); тотъ явился къ гунь-чжу, будто самъ пришелъ проситься къ ней на службу. Гунь-чжу повѣрила и приняла его. Онъ вошелъ къ ней въ большую довѣренность и унесъ ея знамя, послѣ чего городъ былъ взятъ ханомъ безъ труда.

Широнголъ изъ дер. Ни-чжа.

---

[1]) Развалины Кара-бадзыръ, «Черный городъ» находятся на лѣвомъ берегу Желтой рѣки, выше города Лань-чжоу, въ мѣстности Сань-чуань (см. ч. I, ст. 181).

[2]) Гунь-чжу по-китайски «царевна».

в. Въ Кара-бадзырѣ жилъ ханъ, у котораго было двѣ жены, одна китаянка, другая монголка. Жены ссорились между собой и монголка призвала монгольское войско, но оно ничего не могло сдѣлать съ городомъ. Чирики (солдаты) насыпали кругомъ города большіе холмы изъ глины, чтобъ устрашить жителей, будто это кучи муки, дескать, войско пришло съ большимъ хлѣбнымъ запасомъ и будетъ стоять долго. Но это не устрашило городскихъ жителей. Воду жители доставали изъ ключа, который былъ около нынѣшней деревни Шинъ-чжа, внѣ города; отъ города къ ключу былъ сдѣланъ подземный ходъ (нора); по этому ходу жители ходили къ водѣ незамѣтно для осаждавшаго войска. Однажды людей, ходившихъ по воду, сопровождала собака и когда водоносы возвратились подземнымъ ходомъ въ городъ, она осталась у ключа. Чирики догадались, что эта собака отстала отъ городскихъ жителей, бравшихъ воду изъ ключа, стали искать водопроводъ около мѣста, гдѣ увидѣли собаку, нашли и заткнули отверзтіе ключа. Тогда городъ долженъ былъ сдаться.

г. Въ городѣ Кара-бадзырѣ жила Шу-ань-гунь-чжу. Пришли па-ганъ-чинъ и взяли городъ. Часть этихъ па-ганъ-чинъ ушла, другая часть осталась въ краѣ; отъ нихъ-то и произошли нынѣшніе широнголы.

Житель деревни Чи-чжа.

д. Въ городѣ Кара-бадзырѣ жила царица Шо-янъ-гунь-чжу, въ Гу-ша-и—Тайлянъ-гунь-чжу. Монгольскій ханъ Чингисъ пришелъ съ монгольскимъ войскомъ брать городъ, но не могъ взять его. При немъ былъ китаецъ Ти-чинъ (Ти-чинъ-да-бо); онъ тайно пришелъ въ городъ, вошелъ въ любовь къ царицѣ и женился на ней. Отъ этого брака родилось два мальчика; одному дали имя тигръ, другому драконъ (лу). Ти-чинъ бросилъ царицу, бѣжалъ изъ города и снесъ знамя (далба), изъ котораго при вращеніи исходитъ огонь. Съ лишеніемъ этого знамени царица не могла противустоять непріятелю. Она гналась за похитителемъ, но о послѣдствіяхъ погони разскачикъ не знаетъ. Къ востоку отъ Кара-бадзыра есть ключъ Шинъ-чжа. Изъ него осажденные брали воду подземнымъ ходомъ, но собака выдала ходъ и непріятели заткнули отверзтіе. Когда городъ былъ взятъ, произошло кровопролитіе; кровь убитыхъ текла въ Муренъ (Желтую рѣку) и наполнила собою слѣды коровъ.

Старикъ изъ дерев. Шинъ-чжа.

Въ западномъ Туркестанѣ подобная легенда тоже связывается съ именемъ Чингиса. Городъ Гуль-гулѐ, развалины котораго находятся въ Бамьянской долинѣ, снабженный подземными водохранилищами, упорно выдерживалъ осаду Чингисъ-хана, но дочь царя города Гуль-гулѐ полюбила одного изъ сыновей Чингисъ-хана, открыла ему тайну о водопроводахъ и городъ былъ взятъ и разрушенъ (См. Яворскій, Путеш. русск. посольства по Афганистану и бухарскому ханству въ 1878—1879 гг., Спб., 1882, т. I, стр. 261). Литература западныхъ варіантовъ (на Кавказѣ и на Балканскомъ полуостровѣ) указана въ Очеркахъ, IV, 883; у Теплякова (Письма изъ Болгаріи, 169—170) сходная легенда пріурочена къ городу Правадія и селу (или монастырю) Дизъ-Царкіой.

Знамя, отъ повертыванія котораго падаютъ люди, ср. съ предметомъ такого же свойства въ легендѣ объ Эрдени-дзу и въ сказкѣ, помѣщенной въ Очеркахъ (Оч., IV, 401 и 410). Другія легенды разсказываютъ о похищеніи знамени (вар. мутонки) у самого Чингиса (Очерки, II, 164, IV, 324).

Вар. а сходенъ съ ордосскимъ преданіемъ о женѣ Чингиса, утонувшей въ Желтой рѣкѣ. И такъ это преданіе разсказывается въ Гуй-хуа-ченѣ, Бау-тоу, въ Чжунъ-веѣ (Дерисунъ-хото) и въ Саньчуани.

---

76. РѢКИ ЛІУ-ЧУАНЬ И ЯНЬ-ДЖИ-ЧУАНЬ. СЫ-ЧЖА-ЦЗУЙ.

(Китайскій).

Противъ города Ди-дао, который въ древности назывался Тай-янъ-ху, немного ниже города въ р. Тао-хэ впадаетъ р. Сань-ча-хо. Она составляется изъ двухъ рѣкъ: Ліу-чуань и Янь-чжи-чуань. По Ліу-чуани спустилась изъ города Хочжоу красавица Тяо-шань-нюръ, по Янь-чжи-чуани пришла лошадь Янь-чжи-ма, на которой совершалъ свои геройскія поѣздки Куанъ-ло-ѣ. Между двумя рѣками гора, на которой есть кумирня; гора эта, не доходя до стрѣлки, образуемой рѣками, кончается мысомъ; плоское пространство между горой и рѣками, образующими стрѣлку, имѣетъ четырехъ-угольную форму и назыв. Ху-ланъ-чуань [1]); тутъ было мѣстопребываніе Ли-бу, названнаго брата Куанъ-ло-ѣ. Съ тѣхъ поръ въ Хэ-чжоу не стало красивыхъ женщинъ, на Янь-чжи-чуани хорошихъ лошадей, въ Ди-дао хорошихъ молодыхъ людей.

Китаецъ, житель города Ди-дао.

Въ 15 ли отъ города Хо-чжоу есть мѣстность Сы-чжа-цзуй. Нѣкогда здѣсь былъ одинъ человѣкъ, который, умирая, велѣлъ своему сыну похоронить его въ мѣстности Сы-чжа-цзуй, а надъ могилой поставить рогатками стрѣлу и лукъ; потомъ, выждавъ сорокъ девять дней, сынъ долженъ былъ выстрѣлить изъ этого лука. Если онъ выждетъ означенный срокъ, онъ убьетъ китайскаго императора и сядетъ на его мѣсто. Прошло уже сорокъ восемь дней. Нетерпѣливая жена сына стала говорить мужу: «Что значитъ одинъ день!» Мужъ выстрѣлилъ и попалъ въ императорскую башню, но не въ императора; императоръ по стрѣлѣ узналъ, откуда она и велѣлъ осмотрѣть мѣстность Сы-чжа-цзуй. Раскопали землю и нашли въ ней два гана (корчаги) и въ нихъ луна (дракона), котораго и убили.

Онъ же.

Въ другихъ преданіяхъ, пріуроченныхъ къ соединенію рѣкъ, вмѣсто лошади приходитъ женихъ, какъ наприм., въ преданіи о рѣкахъ Тесинъ-голѣ и Асхытту (Очерки, II, 181), о рѣкахъ Шира-муренѣ и Чаганъ-муренѣ въ хошунѣ Кэшиктенъ (Изв. И. Р. Г. Общ., т. XXIII, стр. 48) и въ киданьской легендѣ о предкахъ киданьскаго народа. Послѣдняя разсказываетъ: Въ ихъ странѣ

[1]) Черезъ мѣстность Ху-ланъ-гуань проходитъ дорога изъ Ди-дао въ г. Хэ-чжоу.

находятся двѣ рѣки: Ди-мѣ-ли мо-ли (мурэнъ), называемая также Тао-вэй-сы мо-ли; она вытекаетъ изъ горы Маюй и течетъ на сѣверо-востокъ. Другая называется Нго-ло-гу мо-ли (мурэнъ), иначе Нюй-гу, вытекаетъ изъ сосноваго лѣса и течетъ прямо на востокъ; по-китайски она называется Хуанъ-хэ (По мнѣнію г. Васильева, это рѣки Лоха и Шира-мурэнъ, текущія въ юго-восточной Монголіи). Обѣ рѣки сообединяются у горы Му-ѣ. Одинъ молодой человѣкъ, сѣвши на бѣлаго коня и плывя внизъ по теченію р. Тухэ, встрѣтился у горы Му-ѣ съ дѣвицей, которая приплыла по рѣкѣ Хуанъ-хэ на пѣгой коровѣ, женился на ней и сдѣлался праотцемъ Киданей. На горѣ Му-ѣ былъ поставленъ кумиръ, гдѣ потомки приносили въ жертву въ честь предковъ бѣлую лошадь и пѣгую корову (Васильевъ, Ист. и древ. вост. части Средн. Азіи, стр. 171). Не разсказывалось ли подобной легенды и о рѣкахъ Тамирѣ и Орхонѣ? Димели-моли (мурень) это можетъ быть Тамиръ, а Нгологу-моли Орхонъ (ср. горхонъ, бурятск. «рѣчка»; одна изъ вершинъ Орхона называется Горохенъ-голъ; Изв. И. Р. Г. Общ., XXIII, 27). Разсказъ о сватовствѣ невѣсты пріурочивался повидимому, къ мѣстности, находящейся около мѣста слiянія Орхона съ Тамиромъ (см. ниже, стр. 310) Киданьская легенда могла разсказываться не въ одномъ, а въ двухъ и болѣе мѣстахъ.

Такая же легенда повидимому разсказывалась и о р. Байдарикъ. Рашидъ-эддинъ (Истор. монг., II, 113) говоритъ по поводу мѣстности Байбарахъ-бельчиръ, гдѣ будто произошло сраженіе Чингисъ-хана и Ванъ-хана съ найманами: «Причина, по которой ту мѣстность называютъ Байбараха-белчира, есть та, что въ старое время понѣли дочь отъ государя Онгутскаго для государя найманскаго; имя ея Бай-барахъ; дошли до того мѣста съ ней и устроили свадебный пиръ. Белчира же значитъ пастбище.... Монголы же не понимали хорошо смыслъ того названія и Байбарахъ говорятъ Бадъ-барахъ». Теперь Байдарикомъ называется рѣка, берущая начало въ Хангаѣ къ в. отъ Улясутая и текущая на югъ. Бельчиръ значитъ не только пастбище, но также соединеніе двухъ или нѣсколькихъ рѣкъ. Не пріурочивалась ли сюда легенда о дара-экэ, которая въ легендахъ иногда представляется отвозимой на чужбину невѣстой. Ср. также представленіе о Тесѣ, какъ о жеребенкѣ, а о рѣкѣ Терхинъ-голѣ, впадающемъ въ оз. Терхiинъ-норъ, какъ о дѣвицѣ (Оч., II, 181). Кромѣ киданьской легенды о встрѣчѣ прѣдка съ ѣхавшей невѣстой была подобная же легенда о предкахъ ельджигеновъ Мисеръ-улюкѣ и китаянкѣ Бабудакъ-таукай, ѣхавшей на ослѣ (Рашидъ-эддинъ I, 156). О встрѣчѣ и связи ханьши съ осломъ въ иссыкъ-кульской легендѣ см. въ Зап. Геогр. Общ., 1861, III, 128.

На Байцарикѣ есть урочище Хуренъ-бельчиръ; объ немъ см. у Позднѣева, Монгол. лѣтоп., стр. 100, 184 и въ ст. Щишмарева: «Свѣдѣнія о халхаскихъ владѣніяхъ, помѣщ. въ Записк. Спб. Отд. И. Р. Г. Общ., кн. VII, Ирк., 1864, стр. 66. По преданію, сообщаемому Шишмаревымъ, это урочище будто было мѣстомъ сборища всѣхъ семи халхаскихъ хошуновъ; сообщаемое далѣе тѣмъ же преданіемъ о соглядатаѣ, подосланномъ высмотрѣть состояніе монгольскаго войска, не отголосокъ ли разсказа Рашидъ-эддина и Юань-чао-ми-ши о войнѣ съ найманами?

Разсказъ Ирд. В. Вамбоцеренова (хоринскаго бурята, родомъ изъ мѣстности Тугнуй): Лхама (по-монгольски Укинь-тэнгри, укинь —«дѣвица», тэнгри —«небо») встрѣтилась съ Чойчжаломъ (монг. Ерликъ); она ѣхала на быкѣ, онъ ѣхалъ на конѣ. Лхама спрашиваетъ Чойчжала: «Какова быстрота твоего коня?» Чойчжалъ отвѣчаетъ: «Мой конь въ одинъ мигъ обѣгаетъ вокругъ земли». Затѣмъ Чойчжалъ спрашиваетъ: «А у твоего быка какая быстрота?» Лхама отвѣчаетъ: «Мой быкъ быстрѣе; онъ въ одинъ мигъ три раза обѣгаетъ землю». Помѣняемся! предлагаетъ Чойчжалъ. Лхама уступила и они помѣнялись. Лхама сѣла на лошадь и уѣхала; Чойчжалъ на быкѣ не поспѣлъ за нею; быкъ нейдетъ. Чойчжалъ пустилъ въ догонку за Лхамой стрѣлу и опалъ въ задъ лошади; Лхама вынула стрѣлу изъ раны и на этомъ мѣстѣ образовался глазъ.

---

77. РѢКА ХАРА-МУРЭНЪ И ГОРА АЛТЫНЪ-БУРГЭ.

(Бурятскій).

Во время проведенія государственной границы русскій чиновникъ взялъ въ проводники Шодо-зайсана; Шодо сказалъ ему, что онъ проводитъ только до извѣстнаго пункта, что далѣе мѣстъ онъ не знаетъ, а знаетъ ихъ Шильдэ-дзанги,

который и вообще болѣе свѣдущій человѣкъ. Приближаясь къ этому пункту, Шодо послалъ людей къ Шильдэ-дзанги съ просьбой указать мѣста. Шильдэ сказалъ посламъ: если русскій чиновникъ хочетъ меня притѣснить и получить отъ меня взятку, то пусть возьметъ каряго коня (хара моринъ) и сѣдло съ золотой лукой (алтынъ бургэ). Русскій чиновникъ не понялъ и отъ взятки отказался. Послѣ догадались, что Шильдэ-дзанги намекалъ провести границу по рѣкѣ Хара-мурэнъ, на которой есть гора Алтынъ-Бургэ. Говорятъ, на Хара-муренѣ есть много золота.

Жигжидъ Галсановъ, хоринскій
бурятъ изъ дацана Шолоту.

---

78. ОЗЕРО ШИНЪ-СЯ-НОРЪ [1].

(Широнгольскій).

Озеро окружено горами, покрытыми хвойнымъ лѣсомъ. Вода въ озерѣ всегда чиста. Древесные листья, падая осенью, никогда не засоряютъ поверхности озера; поверхность его всегда чистехонька (чибъ-чибыръ). Цвѣтъ воды голубой.

(Тангутскій).

На озеро Шинъ-ся-норъ былъ сосланъ сынъ джагырскаго, т. е. индѣйскаго царя Сронцзанъ-гамбы (джаву джими гунданъ, по монгол. ханъ кубугунъ). Онъ былъ сосланъ за то, что роздалъ народу богатство отца. Серебро, золото, драгоцѣнности, все что хранилось въ отцовской казнѣ, принцъ раздѣлилъ народу; наконецъ у отца хана осталась всего одна эрдени, онъ и ее отдалъ. Отецъ порѣшилъ сослать его въ мѣстность, гдѣ теперь находится озеро Шинъ-ся-норъ. Идя въ ссылку, онъ роздалъ бѣднымъ всѣ телеги, на которыхъ ѣхалъ; наконецъ, когда кто-то попросилъ у него жену, онъ уступилъ жену, когда кто-то попросилъ у него глазъ, онъ вырвалъ свой глазъ и отдалъ, и сдѣлался кривымъ (сокуръ). Здѣсь на мѣстѣ ссылки онъ прожилъ 25 лѣтъ, сильно страдалъ и плакалъ; изъ его слезъ образовалось озеро Шинъ-ся-норъ. Проживъ 25 лѣтъ, безъ глазъ и безъ средствъ, онъ рѣшился возвратиться къ отцу; всѣ животныя и птицы собрались къ нему и стали просить его не оставлять край. «До твоего прибытія», говорили они, «шолмо ѣли насъ; когда же ты съ нами жилъ, было спокойно и безопасно жить». Царскій сынъ все таки потомъ вернулся къ отцу.

Въ 8-е число 12-го мѣсяца, когда китайцы празднуютъ ла-и-ла-ба, т. е. варятъ кашу съ жужубами, широнголы и китайцы отправляются на поклоненіе озеру. Посѣтители смотрятъ сквозь ледъ и видятъ во льду разные узоры; находятъ

---

[1]) Озеро Шинъ-ся-норъ находится на правомъ берегу Желтой рѣки, выше города Лань-чжоу, къ югу отъ Дондонской тѣснины (см. ч. I, стр. 177).

въ нихъ сходство съ храмами, башнями, деревьями и пр. Увѣряютъ, что въ каждыя девять сутокъ образуется во льду отверзтіе; такимъ образомъ впослѣдствіи весь ледъ покрывается полыньями. Въ эти полыньи или продушины слышенъ шумъ.

Лама широнголъ изъ Уньчжа-суме.

(Тангутскій).

Царевичъ (джалбу джиме гунданъ) спросилъ у отца: «У насъ много бѣдныхъ, не позволитъ ли царь раздать эрдени, хранящіяся въ казнохранилищѣ?» Царь сказалъ: «Раздай, за исключеніемъ одной эрдени, которая называется нурму гуйндо бунджунъ». Царевичъ объявилъ повсемѣстно черезъ глашатаевъ и письма, что онъ будетъ раздавать всѣмъ эрдени. Въ сосѣдствѣ былъ другой царь по имени Джалбушинчиръ-цзампу; въ его царствѣ былъ неурожай, люди мерли, скотъ не плодился много лѣтъ. Онъ спросилъ у своихъ приближенныхъ, не найдется ли между ними человѣка, который добылъ бы отъ Гундана драгоцѣнность гуйндо-эрдени. Вызвался нѣкто Джамбцзы-лочжуй. Онъ пришелъ къ Гундану и попросилъ гуйндо-эрдени. Тотъ сказалъ: «Всякія эрдени тебѣ дамъ, но эту нельзя. Отецъ заказалъ отдавать эту эрдени». Лочжуй началъ громко говорить: «Все ты налгалъ въ своихъ письмахъ, что ты будешь раздавать людямъ все, въ чемъ они нуждаются и что бы ни попросили». Царевичъ вновь позвалъ его въ свою комнату, тайно вручилъ ему гуйндо-эрдени и сказалъ: «Не разглашай, что получилъ. Иначе царь отецъ снимetъ съ меня голову». Когда гуйндо-эрдени было доставлено въ сосѣднее царство, дѣла въ немъ поправились, а въ царствѣ Гунданова отца начались неурожаи и сократилась плодливость скота. Царь сталъ печалиться; одинъ вельможа говоритъ ему: «Твой сынъ худой! онъ навѣрно отдалъ гуйндо-эрдени». Царь велѣлъ осмотрѣть казнохранилище; гуйндо-эрдени не оказалось. Царь созвалъ собраніе вельможъ и велѣлъ имъ судить сына. Кто говорилъ: «нужно его утопить!» кто: «повѣсить». Одинъ вельможа уговорилъ собраніе постановить приговоръ—сослать царевича. Снабдили его скотомъ, имуществомъ, телегами и отправили. Дорогой царевичъ роздалъ бѣднымъ все, что ему дали. Тотъ же Лочжуй явился къ нему и попросилъ у него глазъ. Царевичъ вырвалъ свои глаза и отдалъ. Лочжуй вставилъ его глаза себѣ и пришелъ домой зрячимъ. Его спрашиваютъ: «Это какъ? Ты былъ слѣпой, откуда у тебя взялись глаза?» Царевичъ далъ, отвѣчаетъ Лочжуй. Кто-то попросилъ у царевича ребенка; онъ отдалъ единственнаго своего сына. Жена царевича плакала по ребенкѣ и наплакала слезъ цѣлое озеро. Это и есть теперь озеро Шинъ-шянъ-норъ.

Лама Понсохъ, 68 л., родомъ изъ Сань-чуани
(прожилъ 13-ть лѣтъ въ монастырѣ Сера).

Начало о царевичѣ сходно съ русской сказкой о Пилигримѣ (Верхоянскій Сборн., Ирк., 1890, стр. 268 и слѣд.). Царевичъ выпускаетъ на свободу золотого человѣка, котораго его отецъ царь держалъ въ темницѣ за замкомъ. Царь велитъ повѣсить царевича, но одинъ изъ гостей посовѣтовалъ сослать его изъ царства.

---

79. ЛЕГЕНДЫ О МОНАСТЫРѢ ЭРДЕНИ-ЦЗУ.

1) Олёты пришли изъ-за Орхона съ войной въ Эрдени-цзу. Тогда чернолицый богъ Гомбугуръ на каре-лысой лошади (баранъ нюртай хара халдзанъ моритай), съ саблей въ одной рукѣ и пикой въ другой, бросился на олётовъ, загородилъ имъ путь и погналъ вновь за Орхонъ; въ это время Орхонъ поднялъ свои воды и все олетское войско потонуло. За это Орхонъ прозывается Орхонъ-тушегунъ. При Гомбогурѣ двѣ собаки и два льва.

Санджи, халхасскій лама, шаби вѣдомства Ламэнъ-гегена.

---

2) Въ халхасскомъ хошунѣ Дайчинъ-вана [1]), въ хуренѣ хранятся огромныхъ размѣровъ сѣдло, шлемъ, кольчуга (куякъ), ружье, трубка и чашка Батыръ-вана. Батыръ-ванъ былъ предокъ Дайчинъ-вана; онъ поразилъ олётскаго Галданъ-бошохту-хана.

Онъ же.

---

3) Орхонъ передъ войной течетъ кровью. За то и называется туше-гуномъ.

Показаніе одного халхасца на оз. Угей-норъ.

На равнинѣ Талахаинъ-тала (къ з. отъ монастыря Эрдени-цзу между рѣками Орхономъ и Цзирматаемъ) прежде была гора Эрдени-ула, которую китайцы скопали и перенесли въ Пекинъ, гдѣ она и теперь находится; они разрѣзали ее на куски и отвезли на восьмидесяти телегахъ. Послѣ того одна старуха (эмегенъ) призывала богатство назадъ; она съ мясомъ овцы въ рукахъ восклицала: хурай! хурай! И послѣ того у монгольскаго народа стало много скота и ѣды, но золото, серебро и эрдени все таки остались за Пекиномъ. По этому моленію эмегены и равнина называется Талахаинъ-тала [2]).

Халхасецъ шабинскаго вѣдомства гэгэна Заинъ.

Это повидимому отголосокъ легенды временъ династіи Танъ, сохранившейся въ китайской лѣтописи. Ургурскій владѣтель Joulun-Tieghin высваталъ за своего сына Gali-tieghin'a танскую царевну Kin-lian. Въ странѣ уйгуровъ была гора Tengeri-yu-takh, т. е. «гора небеснаго разума», а къ югу отъ нея Khouli-takh, «гора счастья». Когда танскій посланникъ прибылъ на границу страны, ему сказали, что могущество и процвѣтаніе уйгуровъ связано съ этой горой и если ее

[1]) Хошунъ находится къ з. отъ вершинъ Туинъ-гола, въ Хангаѣ.

[2]) Талалху—совершать обрядъ съ молитвой, призывающей счастье и довольство.

уничтожить, то уйгурское государство разрушится. Китаецъ обратился съ слѣдующими хитрыми словами къ царю: «Такъ какъ ты есть отецъ невѣсты, я имѣю право обратиться къ тебѣ съ требованіемъ, на которое ты долженъ согласиться. Скала, называемая «горой счастья», никакой пользы не приноситъ твоему государству. Китайцы очень желаютъ ее имѣть и они просятъ ее, какъ цѣну невѣсты». Ханъ согласился на это требованіе, но такъ какъ скала была велика, то не было возможности увезти ее цѣликомъ. Тогда зажгли вокругъ нея огонь, который раскалилъ ее, потомъ оросили ее уксусомъ, отчего она распалась на куски; послѣдніе были нагружены на телеги для отвоза. Послѣ отбытія «горы счастья» птицы и животныя потеряли способность двигаться и подняли крикъ, возвѣщавшій великое несчастіе. Царь Juolun-tieghin умеръ черезъ семь дней; безчисленныя несчастія и внутреннія смуты обрушились на страну и послѣ нѣсколькихъ генерацій эти бѣдствія, все возрастая, принудили обитателей выселиться (D'Ohsson Histoire des Mongoles, t. I, p. 440).

80. ПРЕДАНІЯ О ДРЕВНИХЪ МОГИЛАХЪ.

1) Кирхисинъ-уръ (древнія могилы) насыпаны народомъ Кирхисъ. Мѣстность Кобокъ-сайръ [1]) была нотукомъ (родиной) трехъ улусовъ (народовъ); прежде тутъ жили Дурбенъ-ойродъ, послѣ нихъ Кирхисы, потомъ пришли съ р. Иджиля (Волги) Торгоуты, которые имя свое получили отъ слова торокъ, «сильный». Одна дѣвица жила въ пещерѣ и родила безъ мужа; поэтому о ея сынѣ говорятъ: «сынъ камня», чило ецигтай. Это былъ предокъ Кирхисовъ. Вотъ въ память объ этомъ-то происхожденіи отъ камня они и хоронили своихъ покойниковъ, засыпая ихъ камнями.

Запис. отъ торгоута, родомъ изъ Кобокъ-сайри, встрѣченнаго на р. Едзинъ-голѣ.

2) Въ хошунѣ Талай-чокуръ-вана, на сз. берегу оз. Цаганъ-нора и къ в. отъ Худу-нора стоитъ высокая каменная баба съ чашей въ рукѣ, съ ножомъ и огнивомъ (хѣте) на поясѣ; она въ народѣ называется Тадыкъ-тологой-хӧшӧ-чило или Тадыгенъ-хӧшӧ-чило. Люди кладутъ въ чашу масло и льютъ молоко, но не покланяются этому камню. Есть же два хӧшӧ-чило, которымъ народъ покланяется; это Таинъ-Дерхе къ с. отъ Селенги и Талха-вандытъ въ Ганчжуръ-гуновскомъ хошунѣ къ востоку отъ Тарбы-бандида-гэгэну-сумуна. Хӧшӧчило и кэрэксуры наставилъ и насыпалъ народъ Урусъ.

Одинъ халхасецъ, встрѣченный мною при перевалѣ черезъ хребетъ Ихи-богдо (въ центральной Монголіи къ ю. отъ оз. Орокъ-норъ), на мой вопросъ отвѣтилъ, что кэрэксуры (могилы изъ камней) сложены народомъ Цаганъ-баргутъ. Отъ бурятъ близъ Курбинскаго дацана изъ улуса Асагатъ (Верхнеуд. окр.) я записалъ, что остатки (фаянсовые черепки, втулки колесныя, сошники), находимые около дацана и въ друг. сосѣднихъ мѣстахъ, принадлежатъ народу Кергитъ. Жители селенія Торги (въ Забайк. обл.) могильники приписываютъ великанамъ, которые были

[1]) Къ в. отъ хребтовъ Тарбагатая и Саура.

до 2 саж. ростомъ и назывались окоиты (газета «Сибирь», изд. въ Иркутскѣ, 1886, № 5). Мессершмидтъ записалъ въ Сибири: чудскія могилы назыв. ильгенъ-сёкъ; ихъ сложили ielбиги, т. е. великаны (Радловъ, Сибирск. древн., 1888, т. I, в. 1, стр. 16).

81. ПОКОЛѢНІЕ КЭШИКТЕНЪ.

Богдо-еджень (т. е. Чингисъ-ханъ) однажды охотился съ 11 князьями. На охотѣ было убито много звѣрей; мясо сварили, Богдо-еджень поѣлъ его и сталъ дѣлить мясо между участниками охоты. Всѣ князья принимали мясо на руки, одинъ кэшиктенскій князь принялъ на полу своего дорогого шелковаго платья. Богдо-еджень сказалъ: «Кэшиктенъ богатъ? не жалѣетъ шелковаго платья!» Съ той поры Кэшиктенъ сталъ богатѣть и жить счастливо. Названіе хошуна происходитъ отъ слова кэшикъ, «счастье».

Лубсынъ, монголъ хошуна Кэшиктенъ,
живущій въ Гумбумѣ.

Какія-то народныя представленія связали слово кэшикъ, «счастье», съ именемъ Чингисъ-хана. По нѣкоторымъ показаніямъ, время Чингисъ-хана было временемъ всеобщаго благоденствія (см. Очерки, IV, 230). Куски мяса, которые раздаются на ордосскомъ таинганѣ, называются «счастьемъ Чингисъ-хана», Чингисенъ кэшикъ (см. ч. I, стр. 127). Въ одномъ памятникѣ Чингисъ-ханъ бесѣдуетъ съ своими братьями о томъ, въ чемъ состоитъ счастье (Д. Банзаровъ, «Черная вѣра», Спб., 1891, стр. 10). Гвардія Чингисъ-хана называлась кэшиканъ, keshican (Marco Polo, by Youl, v. I, p. 366); въ армянской лѣтописи кесикданкъ (см. у Патканова въ Труд. Вост. Отд. Археолог. Общ., XIV, Спб., 1889, стр. 416).

Чингисъ, по нѣкоторымъ сказаніямъ, найденышъ, младенцемъ найденъ въ степи подъ деревомъ (Очерки, IV, 229); въ нѣкоторыхъ варіантахъ о найденышѣ, который потомъ становится царемъ, находятъ его люди, идущіе вверхъ по рѣкѣ (Очерки, II, 325). Ср. выше, № 49, стр. 253 сказаніе о деревѣ, плоды котораго приносятъ довольство; отыскивая причину довольства, царь идетъ вверхъ по рѣкѣ. Въ разсказахъ о найденышѣ дерево питаетъ его своимъ сокомъ (Очерки, II, 325; IV, 229, 326). Въ якутскихъ сказкахъ упоминается дерево, изъ котораго точится сюлюгяя или юрюнгъ сюлюгяй (бѣлая божественная жидкость; ср. тюркск. сілегей, слюна); глотая её, голодные полнѣютъ, уставшіе жирѣютъ (Верхоянскій Сборникъ, Иркутскъ. 1890 г., стр. 113, 195, 202). У киргизъ и монголовъ, при продажѣ скота, продавецъ вытираетъ слюну изъ рта проданнаго животнаго, чтобы вмѣстѣ съ нимъ не ушло и все счастье, кэшикъ. По-монгольски этотъ обрядъ называется «взять счастье скота» (Очерки, II, 94). Въ киргизской сказкѣ у В. В. Радлова съ именемъ Шингысъ также соединена идея о счастьѣ или, точнѣе сказать, о сбываемости всѣхъ желаній. Подобно тому, какъ въ русской сказкѣ, что ни скажетъ богатырь Сбудъ-царевичъ, то все сейчасъ и сбудется (см. Эти. Об., кн. VIII въ моей статьѣ: Восточн. параллели къ нѣкот. русскимъ сказкамъ, стр. 150), такъ и въ киргизской. Братья Шингыса пошли искать его вверхъ по рѣкѣ, нашли и спрятались въ пуху. Приходитъ Шингысъ и говоритъ: Отворитесь двери! И двери дома сами отворяются. Онъ говоритъ: Разстелите войлокъ. Войлокъ самъ разстилается. Онъ приказываетъ: Постелите постель! Принесите хану пищу! И все дѣлается само собой (Radloff, Proben, III, 86).

Мы уже высказывали догадку, что Чингисъ монгольскихъ и тюркскихъ легендъ было лицо особое отъ историческаго Чингиса; этотъ легендарный Чингисъ, можетъ быть, былъ живымъ фетишемъ древняго населенія Монголіи въ родѣ волжскаго Хазаръ-хагана или въ родѣ нынѣшняго ургинскаго богдо-гэгэна. Этимъ, можетъ быть, и слѣдуетъ объяснить невыясненныя еще вполнѣ отношенія легенды о Чингисѣ къ легендѣ объ Ундуръ-гэгэнѣ.

IV.

ЗВѢЗДНЫЙ И ЖИВОТНЫЙ ЭПОСЪ.

82. СОТВОРЕНІЕ МІРА.

(Тангутскій).

Богиня Ане-гома-чжаму, задумавъ создать міръ, позвала богиню Нчжигму, дала ей подолъ земли и сказала: «Нужно создать землю, животныхъ и людей; землю нужно сдѣлать ровною и гладкой, чтобъ не было на ней горъ; людей всѣхъ надо сдѣлать равными, чтобъ не было ни богатыхъ, ни бѣдныхъ. Иди, разсѣй эту землю, приговаривая: гдѣ горамъ быть, чтобъ не было горъ! кому богатому быть, не быть богатымъ! кому бѣднымъ быть, не быть бѣднымъ!» Нчжигму обрадовалась, что ей поручили создавать землю и людей и такъ заторопилась, что приговоры перепутала. Она сказала: «Гдѣ горамъ быть, будьте горы! кому богатымъ быть, будь богатымъ! кому бѣднымъ быть, будь бѣднымъ!» Вслѣдствіе этого земля изъ рукъ Нчжигму вышла гористая, а люди не равны, одни богаты, другіе бѣдны.

Ами Салунъ, тангутъ изъ Лабрана.

(Монгольскій).

Прежде поверхность земли (алтынъ дельхе, гадзаръ дельхе) была гладкая людей на ней не было. Были только солнце и луна, эгичъ-дю; т. е. двѣ сестры солнце старшая, мѣсяцъ младшая. Солнце говоритъ мѣсяцу: «Ты ходи днемъ, я буду ночью». Мѣсяцъ ей на это: «Нѣтъ! днемъ будетъ много людей; мнѣ будетъ стыдно ходить». «Ну», сказало солнце, «коли такъ, я буду ходить днемъ, а ты ходи ночью». Они печалились, что земля гладкая, что она залита водой и нѣтъ кочки (добынъ), гдѣ бы можно было поселиться человѣку. Богъ Шакдчжитоба сотворилъ двухъ человѣкъ, мужчину и женщину. Женщина родила гудзё [1]); Шакджитоба разрѣзалъ гудзё и выпустилъ оттуда множество маленькихъ, маленькихъ дѣтей и повелѣлъ однимъ идти въ одну сторону, другимъ въ другую. «Вы идите жить въ такой-то хошунъ, а вы въ такой-то», говорилъ онъ; и всѣхъ распредѣлилъ такимъ образомъ по разнымъ частямъ земли. Потомъ Шакджитоба и Май-

[1]) Гудзе—желудокъ.

дари сѣли гадать, у кого въ чашкѣ выростетъ цвѣтокъ. Цвѣтокъ выросъ у Шакджитобы; Майдари раскрылъ глаза и видитъ цвѣтокъ у товарища. Онъ вырвалъ его и перемѣстилъ въ свою чашку и потомъ крикнулъ: «Эй, Шакджитоба! Смотри, у меня цвѣтокъ выросъ». Шакджитоба былъ богъ съ доброй думой; онъ сказалъ: «Хорошо, пусть будетъ твой вѣкъ? Но люди твоего вѣка будутъ лгать и воровать!» Вотъ почему въ нашемъ мірѣ много лжи и воровства.

Очиръ, монголъ изъ Ордоса.

Ане-гома тангутскаго варіанта ср. съ Агъ-ене, божествомъ алтайцевъ, научившимъ Ульгеня, какъ сотворить міръ. См. Вербицкій, Словарь алт. и аладаг. нарѣчій, Казань, 1887 г.

---

83. ЦЗАДУ РАХИ И УРДЖЯНЪ-РЕМБУЧИ.

(Тангутскій).

Когда Урджянъ-рембучи приготовилъ себѣ напитокъ, Цзаду-рахи помочился въ его чашку и убѣжалъ. Урджянъ-рембучи выпилъ напитокъ и сдѣлался боленъ. Онъ погнался за убѣжавшимъ Цзаду-рахи и дорогой спрашивалъ солнце и луну, гдѣ искать бѣглеца. Солнце не сказало словами, а только губами показало въ ту сторону, куда бѣжалъ Цзаду-рахи, мѣсяцъ же сказалъ словами. Догнавъ бѣглеца, Урджянъ-рембучи бросилъ въ него дорчжи; отъ удара дорчжи Цзаду-рахи распался на тысячу кусковъ; послѣ этого солнце и луна не взошли надъ горизонтомъ. Тогда Урджянъ-рембучи подумалъ: «Не хорошо, что свѣтила не выходятъ! Нужно снова Цзаду-рахи сдѣлать цѣлымъ!» И онъ снова сдѣлалъ его цѣлымъ. Рахи сказалъ свѣтиламъ: «Вы выдали меня; за это я буду васъ пожирать?» Рахи пожираетъ ихъ и потомъ извергаетъ изъ себя чрезъ заднее отверзтіе.

Ами Салунъ, тангутъ изъ Лабрана.

Bergmann, Nomad. Sfreifereien, Th. III, S. 40—41 (Aracho); Очерки, IV, 191—193. Тимковскій, Путешествіе въ Китай, III, 372 (Арахалунъ); Нилъ, Буддизмъ, Спб., 1858, стр. 63. (Арахола, Арахалунъ); Schlagintweit, Buddhism, p. 114 (Раху; его поражаетъ Chakdor) (Vajrapani).

---

84. РАХУ.

(Монгольскій).

Затменіе солнца происходитъ оттого, что къ нему приближается чудовище Рахӯ, которое имѣетъ девять головъ, отвратительное туловище, десять тысячъ глазъ и змѣиный хвостъ (юсунъ тологойтой муханъ бiитей тумунъ минганъ нюдутей куни бiитей могой сультей Рахӯ). На солнцѣ есть стеклянный городъ съ 18 воротами

(арбанъ найманъ халгатай шиль хото). Вонь отъ туловища Рахў входитъ въ ворота; жители стекляннаго города запираютъ ихъ одни за другими и тогда на землѣ наступаетъ мракъ. Когда же чудовище пройдетъ мимо, ворота постепенно отпираются и день вновь начинаетъ блистать.

Пунцукъ, монголъ изъ Ордоса.

Арахъ завѣдуетъ небесной стрѣлой; онъ ее пускаетъ (тэнгріинъ сумыгъ арахъ медычжи буулгана). Арахъ—это имя звѣзды, одной изъ семи гарикъ [1]).

Джамсэрэнъ, халхасецъ изъ хошуна Чокуръ-бэйли.

Въ старину былъ Арга-чаганъ-туулай [2]), который поѣдалъ скотъ, животныхъ и людей; такой сильный звѣрь былъ. Очирвани-бурханъ бросилъ въ него своимъ очиромъ и разбилъ его тѣло на-двое и верхнюю половину укрѣпилъ на солнцѣ, нижнюю на лунѣ (чеджи наранту бөкси саранду хатаджи). Вотъ эти-то части чудовища и видны намъ теперь въ видѣ черныхъ пятенъ на этихъ свѣтилахъ. Солнце старшая сестра, мѣсяцъ младшая сестра.

Пунцукъ, монголъ изъ Ордоса.

Затменіе по-солонски сара айджи, «луна испугалась». Думаютъ, что въ это время на мѣсяцъ нападаетъ Араху. О пятнахъ на лунѣ солоны думаютъ, что это дѣвица.

Пятна на лунѣ ордосскіе монголы принимаютъ за чеджи (бюстъ) Саръ-мачина, пятна на солнцѣ за бокси (нижнюю часть туловища) Саръ-мачина. Мы не можемъ, говорятъ они, смотрѣть на солнце, слеза течетъ—все равно, какъ намъ не хорошо смотрѣть на человѣка съ обнаженною нижнею частью тѣла.

---

85. СОЗВѢЗДІЕ БОЛЬШАЯ МЕДВѢДИЦА.

Мѣстныя названія созвѣздія:

Халхасцы хошуна А-гуна (въ Гурбанъ-сайханѣ): Долонъ бурхынъ.

Халхасцы хошуна Чокуръ-вана (на Терхинъ-цаганъ-норѣ): Долонъ-бурхынъ.

Халхасцы хошуна Туше-гуна (на Онгіинѣ): Долонъ-бурхынъ.

---

[1]) Въ перечнѣ звѣздъ гарикъ, сообщенномъ тѣмъ же разсказчикомъ, такого имени нѣтъ. Вотъ имена этихъ семи звѣздъ (долонъ гарикъ одо): Бэмбо, Адыя, Сумыя, Негмыръ, Лхагу, Пурбу, Паасынъ. Одна изъ этихъ семи называется Цзальгидыкъ-эмегенъ. Другое показаніе восемь гарыкъ: солнце, луна, Митмыръ, Лхагву, Пурву, Басынъ, Бэмбу, Раху. Этотъ-то Раху и причиняетъ затменіе.

[2]) Туулай — заяцъ, чаганъ — бѣлый.

Южные монголы хошуновъ Найманъ-вана и Кэшиктенъ: Долонъ-бурхынъ; хошуна Баря-вана: Долонъ-нохой (семь собакъ).

Кухунорскіе олёты въ хошунѣ Чинъхайвана: Долонъ-бурхынъ.

Кобокъзайрскіе торгоуты (Цокуръ-торгоуты): Долонъ-бурхынъ.

Солоны около Хайлара: Долонъ-бурхынъ.

Широнголы въ Сань-чуани: Долонъ-хотӯ, «семь звѣздъ».

Широнголы около У-янъ-бу: Долонъ фотӯ (семь звѣздъ), Долонъ хэрьгэ.

Широнголы въ Боунани: Долонъ мыганъ.

Шара-ёгуры: Долонъ бурканъ.

Салары: Ули эджигенъ (т. е. Большой Эджигенъ, въ отличіе отъ другого созвѣздія, которое называется Кичи-эджигенъ, «Малый Эджигенъ»); Эджигенъ, Эдигенъ, Эдзигенъ.

Хара-ёгуры: Этыкенъ.

Тангуты около Гумбума: Медӯнгъ.

Если во время болѣзни осыпетъ губы, хухунорскіе олёты говорятъ: «Большая Медвѣдица лизнула», долонъ-бурхынъ долонà.

Въ Ордосѣ монголы говорятъ: Долонъ-бурхынъ вѣчно кружитъ по небу (оркеджи); одна звѣзда не движется; это «золотой стягъ горы Сумеру», Сумбери улани алтынъ токъ.

Солоны покланяются Большой Медвѣдицѣ; при этомъ совершается семь урсановъ [1]), становится семь джулà [2]) и семь шюсу (овечьихъ тушекъ). Въ Ордосѣ этотъ обрядъ также есть, но ставятъ только одну тушку.

Въ широнгольскомъ языкѣ замѣчается любовь къ придыханію передъ гласной въ началѣ слова, наприм. хуланъ, харбанъ, ходунъ, вмѣсто уланъ, арбанъ, одунъ, «красный», «десять», «звѣзда». Поэтому Долонъ-херьге въ устахъ другихъ монголовъ было бы Долонъ-ерьге. Сѣверные халхасцы самца медвѣдя называютъ эрьхе. Долонъ значитъ «семь».

Въ изданномъ въ 1887 г. въ Казани «Словарѣ алтайскихъ и аладагскихъ нарѣчій», составленномъ о. Вербицкимъ, приведены названія Большой Медвѣдицы: теленгитское Іетти-ганъ, «семь царей» (стр. 92 и 411), нижнекондомское Ӱлгенъ и верхнекондомское Ӱлгеръ (стр. 410). Ӱлгенъ въ то же время есть названіе высшаго добраго божества, противуположнаго Кюкю и занимающаго самое выдающееся мѣсто въ миѳологіи алтайцевъ. У другихъ тюрковъ Улгеръ является именемъ Плеядъ; такимъ образомъ имена Большой Медвѣдицы и Плеядъ смѣшиваются.

У карагасовъ Большая Медвѣдица Четты-канъ, Чеды-ханъ, «семь царей». Катановъ, «Поѣздка къ карагасамъ», Спб., 1891, стр. 11 и 51.

---

[1]) Урсанъ — курево (изъ можжевельника).

[2]) Джула — курительная свѣчка.

У волжскихъ калмыковъ Долонъ-бурхутъ (Нефедьевъ, Подробныя свѣдѣнія о волжскихъ калмыкахъ, Спб. 1834, стр. 244).

У ингушей на Кавказѣ Уоръ-вӧше вяджерй, «семь родныхъ братьевъ». Они оставили свою мать и ушли на войну (на разбой?). Мать ждетъ ихъ (тоскуетъ). (Показаніе ингуша, сосланнаго въ Иркутскъ).

Въ Саратовской губ. Вольскаго у., въ Архангельской губ. Шенкурскаго у. и въ Симбирской губ. Алатырскаго у.: Лось (записано мною отъ матросовъ на фрегатѣ «Мининъ»). Въ Ярославской губ. Моложскаго у. въ дер. Залужье: Лось, Стожары (отъ матроса изъ Залужья). Харьк. губ. (?): Возъ (Собр. сочин. Г. Данилевскаго, 1877, Спб.. т. II, 312).

Г. Вигловъ сообщилъ намъ, что есть киргизская легенда, которую онъ слышалъ около города Петропавловска. Одинъ богатый человѣкъ имѣлъ дочь, имѣлъ также отличнаго коня; многіе старались купить этого коня, но владѣлецъ ни за какія суммы, какъ онѣ ни были велики, не продавалъ коня. Онъ держалъ его постоянно прикованнымъ на желѣзной цѣпи къ Темиръ-казыку (Полярной звѣздѣ) и день и ночь мараулилъ его, чередуясь съ своей дочерью. Такъ какъ купить коня у него оказалось невозможно, то семь человѣкъ сговорились украсть коня. Эти семь и есть Джеты-каракъ («семь воровъ»), т. е. Большая Медвѣдица.

Поводъ къ легендамъ о привязанномъ къ столбу (Полярной звѣздѣ) могли подать наблюденія надъ движеніемъ В. Медвѣдицы по небу. Сюда же вѣроятно относятся и разсказы о мангысѣ, которому въ носъ продѣтъ поводокъ (Очерки, IV, 795), о верблюдѣ, нѣкогда дикомъ животномъ, но укрощенномъ послѣ того какъ ему былъ продѣтъ поводокъ въ носъ (Очерки, II, 167), а также легенды, въ которыхъ является круговращательное движеніе, наприм. о Гэсэрѣ, обращенномъ въ осла (ельджигенъ), вращающаго мельницу или молотильный катокъ.

Сближеніе верблюда (теменъ) съ В. Медвѣдицей можно видѣть и въ разсказахъ объ отвороченной головѣ; Джиты-ганъ (В. Медвѣдица) похитилъ у Плеядъ одну звѣзду и убѣгаетъ отъ него, отвернувъ свою голову въ сторону (Очерки, IV, 194) [1]); верблюдъ, послѣ того, какъ олень похитилъ у него рога, приходя на водопой, всякій разъ поворачиваетъ свою голову то въ ту, то въ другую сторону, желая разглядѣть, не идетъ ли олень (Очерки, II, 168). В. Медвѣдица въ народныхъ (осетинскомъ и малорусскомъ) сказаніяхъ также связана съ темой о водопоѣ (В. Ѳ. Миллеръ, Осетинск. этюды, II, 300; Афанасьевъ, Поэтич. воззрѣнія, II, 762) [2]).

Можно отсюда заключить, что В. Медвѣдица называлась именемъ Теменъ и что это имя подавало поводъ къ перенесенію темъ съ созвѣздія на верблюда. Такимъ предположеніемъ можетъ объясниться происхожденіе легенды о томъ, что при наименованіи годовъ двѣнадцатиричнаго цикла верблюдъ не удостоился чести, чтобы по его имени былъ названъ годъ. Имена годовъ цикла произошли вѣроятно отъ именъ зодіакальныхъ созвѣздій, слѣдовательно только такихъ созвѣздій, которыя закатываются за горизонтъ. В. Медвѣдица никогда не закатывается; она въ сѣверномъ полушаріи вѣчно видна на небѣ и кружится, какъ бы привязанная къ Полярной звѣздѣ. Поэтому она дать свое имя какому-нибудь году цикла не могла. Если мы предположимъ, что она носила имя Теменъ, то поймемъ, какимъ образомъ легенда, объясняющая отсутствіе имени въ честь В. Медвѣдицы, пріурочилась къ верблюду.

Не къ этому ли же созвѣздію относятся имена нѣкоторыхъ женскихъ лицъ, напримѣръ въ бурятскомъ сказаніи имя небесной дѣвы Тумэ-ногонъ-духэ [3]), на которой женился тэнгиръ (небожитель) Гужиръ, основатель кузнечнаго дѣла (Агапитовъ и Хангаловъ, Матеріалы въ Изв. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Г. О., т. XIV, № 1—2, стр. 3). Въ сказкѣ минусинскихъ татаръ Хэрэкъ-кирвэсъ

---

[1]) Тибетскія легенды: 1) Манджушри, слушая рѣчь Чандрагомина, повернулъ свое лицо въ сторону и остался въ такомъ видѣ подъ именемъ кривошеяго Арья. В. П. Васильевъ, Дараната, 157. 2) Семь большихъ кумировъ Будды съ отворотившимся лицомъ поставлены для отвращенія поврежденія храма отъ разлитія воды; ibid., 78. Ср. въ Очеркахъ, IV, 263: Хухенъ-хутухта, отвернувъ свою голову, борется съ шулмусомъ, принявшимъ видъ женщины.

[2]) У Радлова (Proben, IV, 109): душа Ташкана въ семи перепелахъ, которые въ ящикѣ въ одномъ изъ семи мараловъ, приходящихъ пить изъ колодезя подъ семью тополями.

[3]) Духэ не то ли же, что въ монгольскихъ и урянхайскихъ сказкахъ дагини, тайгини, «небесная дѣва»? Не отсюда ли имена: Шихэръ-тайху, матери Бату-менко Даянъ-хана, какъ въ Алтанъ-тобчи, стр. 179 и 187, или Шикэръ-тайго, какъ у Санангъ-Сэцэна, стр. 177, и Бабудакъ-таухуа, или какъ въ персидскомъ текстѣ даукай, жены Мисеръ-улюка у Рашидъ-эддина, I, стр. 156?

женится на небесной дѣвѣ Тэмэнъ-ногонъ, дочери Убиртыхъ-хормозда (Очерки, IV, 611). У Гэсэра одна изъ женъ называется Туменъ-джиргаланъ. Въ бурятскомъ пересказѣ, помѣщенномъ въ Очеркахъ, IV, 255, она называется Тумуръ-жиргылынъ, но это можетъ быть по забвенію. Названіе могилы жены Чингисъ-хана Темуръ-олху, однако, можетъ быть оправдываетъ бурятскую форму; не было ли Темуръ-олху именемъ жены Чингисъ-хана? Въ Очеркахъ, IV, 689, по поводу алтайской миѳической «Желѣзной горы», Темиръ-тайга была высказана догадка, не существовало ли монгольское парное: Темуръ-уланъ. Догадка оправдалась; у бурятъ есть сказочная гора Тамири-уланъ, на которой живетъ тайша (старшина) змѣй (Агапит. и Хангал., Матеріалы, стр. 22).

Легенда, составленная въ объясненіе отсутствія имени года въ честь верблюда или, какъ мы предположили, въ честь Б. Медвѣдицы, изображаетъ враждебныя отношенія верблюда и мыши. Другая легенда объясняетъ враждебное отношеніе летучей мыши къ солнцу. Казанскіе татары говорятъ, что солнце однажды отъ усталости остановилось во время обхода земли и летучая мышь напомнила ему его обязанности. «Не стой, иди, какъ тебѣ повелѣно Богомъ», сказала мышь. «Иначе, тамъ, куда ты опоздаешь придти, не успѣетъ трава высохнуть отъ дождя, и сгніетъ, а тамъ, гдѣ ты замедлилось, трава посохнетъ». Солнце осердилось на мышь и поклялось, что оно сожжетъ крылья у мыши, если увидитъ ее летающею днемъ. Съ той поры летучая мышь (ярканатъ, джерканатъ) боится летать днемъ и летаетъ только ночью. Не относится ли эта легенда также къ созвѣздію Б. Медвѣдицы (Жидигянъ на нарѣчіи казанскихъ татаръ), которое тоже ходитъ по небу только ночью?.

Имена Б. Медвѣдицы Жиди-гянъ, Чеды-ганъ, Джиты-ганъ ср. съ Джедай-ханъ, именемъ одного богатыря въ сказкѣ минусинскихъ татаръ, записанной Кастреномъ (Castrén, Ethnologische Vorlesungen, St. Ptb.. 1857, стр. 199). Джедай-ханъ, говоритъ сказка, былъ раньше всего, ранѣе всѣхъ людей (онъ родился одновременно, какъ свѣтъ родился); смерть надъ нимъ не властна [1]). Подобно тому, какъ мѣсячный дискъ мѣняется, и Джедай-ханъ измѣняется въ своемъ возрастѣ. Онъ молодѣетъ съ мѣсяцемъ и старѣетъ съ мѣсяцемъ. Связь Джедай-хана съ числомъ семь указывается именемъ коня, на которомъ Джедай-ханъ ѣздитъ; конь называется Djït kules bözerag at (краснобѣлый семисаженный конь). У остяковъ также есть представленіе о человѣкѣ, который вмѣстѣ съ мѣсяцемъ полнѣетъ, и вмѣстѣ съ нимъ уменьшается въ объемѣ и умираетъ. Онъ называется Тункъ-похъ; по-русски, объясняютъ остяки, онъ называется Папа римскій (сообщен. С. К. Паткановымъ).

Въ Очеркахъ, IV, 778 помѣщена остяцкая легенда о Б. Медвѣдицѣ, записанная покойнымъ Григоровскимъ. Такая же легенда есть у индѣйцевъ сѣверной Америки. По разсказу старыхъ миссіонеровъ Lafitau и Charlevoix, американскіе индѣйцы думаютъ, что «четыре звѣзды въ тѣлѣ Б. Медвѣдицы есть медвѣдь (въ остяцкой легендѣ это лось); звѣзды хвоста — охотники, которые его преслѣдуютъ; маленькая звѣзда около нихъ есть горшокъ, въ которомъ они намѣрены варить медвѣдя». A. Lang, Custom and mith, p. 126.

О происхожденіи Б. Медвѣдицы см. въ Запискахъ Вост. Сиб. Отд. И. Р. Г. О. по эти., т. I. в. 2, стр. 61. Это семь головъ семи кузнецовъ или тархановъ (долонъ тарханъ). По халхасскому варіанту Шиддикура созвѣздіе Долонъ-бурханъ (Б. Медвѣдица) образовалась изъ семи частей, на которыя былъ разрубленъ герой сказанія, имѣвшій бычью голову (Очерки, IV, 194, 198).

Число семь въ бурятскомъ сказаніи соединяется съ формой тоблокъ; семь тоблок'овыхъ, три обогон'овыхъ; Очерки, IV, 33. Въ Юаньчаомиши, стр. 80: Ѣди-тублухъ; семь потюркски еди. Въ сказаніяхъ о Темучинѣ упоминается мѣстность Ede Kiurghan (Howorth, History of the Mongols, L., 1878, P. I, 56) [2]).

Въ рукописи г. Дубровы, которая находится въ Московскомъ Обществѣ любителей естествознанія и этнографіи, находятся двѣ бурятскія загадки о созвѣздіи Одо-мышинъ, т. е. по мнѣнію г. Дубровы, о Б. Медвѣдицѣ.

1) Далай дере долонъ хани бышикъ, «на морѣ семи царей письмо».

2) Жорго море алдашкі саганъ шандаганъ моритей хобунъ би, хобунъ неренъ мургунъ топшо. Мориниинъ неренъ шандаганъ саганъ. Тере море уна. Жорго море урбунъ сара бедерне, туни алари оло. «Шесть лошадей отпущено. Бѣлый заяцъ съ конемъ

---

[1]) Жодо, по бурятски пихта. Она вѣчно зелена, потому что облита была водой безсмертія.

[2]) Въ Алтанъ-тобчи одинъ изъ миѳическихъ тибетскихъ царей назывался Эркинъ-дологанъ-хумунъ-сандалиту-хаганъ (стр. 119).

остался. Тамъ дитя. Дитяти имя Мургунъ-топшо, а лошади (имя) Бѣлый заяцъ. Эта лошадь потерялась. Шесть лошадей три мѣсяца ее искали и нашли въ Аларской сторонѣ».

А. А. Ивановскій доставилъ мнѣ слѣдующую киргизскую сказку, записанную для него въ Тарбагатаѣ.

Давнымъ давно жилъ одинъ богатый человѣкъ, по имени Нарзунъ-заркумъ, который владѣлъ несмѣтнымъ числомъ лошадей. Между этими лошадьми была одна вороная кобыла, которая что ни день, то по одному жеребенку приносила. Къ несчастью, каждый разъ жеребенокъ терялся въ ту же ночь, такъ что владѣльцу не приходилось увидѣть хоть одного жеребенка отъ этой кобылы. Маленькій сынъ Нарзунъ-заркума къ тому времени уже подросъ; ему минуло шесть лѣтъ, наступилъ седьмой; отецъ послалъ своего сына въ ночной караулъ. Маленькій Гали караулилъ табунъ всю ночь, но передъ разсвѣтомъ и не замѣтилъ, какъ задремалъ; очнувшись, онъ сталъ считать лошадей и оказалось, что нѣтъ жеребенка отъ этой кобылы. Со слезами онъ пригналъ табунъ домой и разсказалъ о случившемъ несчастіи; отецъ ничего не сказалъ ему. Когда наступилъ другой день караула, Гали взялъ съ собою лукъ со стрѣлой и опять поѣхалъ въ ночной караулъ. Въ эту ночь онъ замѣтилъ: когда жеребенокъ игралъ около своей матери, предъ разсвѣтомъ, появилась какая-то чудовищная птица необыкновенной величины, схватила жеребенка и полетѣла прочь. Когда взошло солнце, Гали опять погналъ своихъ лошадей домой и разсказалъ своему отцу о всемъ видѣнномъ. На третій день караула Гали снарядилъ нѣсколько стрѣлъ и опять поѣхалъ караулить лошадей. Пріѣхавъ опять въ назначенное мѣсто, Гали слѣзъ съ коня и сѣлъ недалеко, спрятавшись. Предъ разсвѣтомъ опять явилась эта птица и направилась было къ жеребенку; въ это время Гали и пустилъ стрѣлу прямо ей подъ крыло, потомъ другую, такъ что она, обессилѣвъ, должна была упасть на землю; Гали пустилъ въ нее еще одну стрѣлу и окончательно убилъ ее. Привязавши за хвостъ эту птицу, онъ привезъ ее домой и показалъ своему отцу; отецъ похвалилъ своего сына. Отъ этой кобылы остался одинъ жеребенокъ, а кобыла пропала. Гали по прежнему игралъ съ товарищами и однажды побилъ одного изъ нихъ; тотъ пожаловался своему отцу; отецъ товарища, призвавши Галія, далъ ему большой выговоръ и сказалъ ему: «Чѣмъ драться и обижать товарищей, тебѣ пора жениться и заняться хозяйствомъ!» Гали, прибѣжавши домой, сталъ плакать, а отецъ сталъ его унимать и распрашивать, о чемъ онъ плачетъ. Гали разсказалъ своему отцу о совѣтѣ, данномъ ему сосѣдомъ; Нарзунъ-заркумъ тотчасъ же засваталъ дочь одного богатаго человѣка и послалъ сына Галія провѣдать ее; Гали сѣлъ на своего любимаго жеребенка и поѣхалъ въ дальній путь. Пріѣхавши въ назначенное мѣсто, привязалъ своего коня въ чистомъ полѣ къ желѣзному колу (тэмиръ казыкъ) и наставилъ вокругъ него семь пугалъ (джэти каракчи), а самъ пошелъ въ аулъ къ невѣстѣ. Онъ еще не дошелъ до аула, какъ по киргизскому обычаю жениха встрѣтили приближенные родственники невѣсты и повели его въ аулъ. Каждый день Гали провѣдывалъ своего коня и находилъ его въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ его оставилъ, и въ томъ же видѣ. Когда же посылалъ Гали какихъ-нибудь людей изъ аула, то тѣ ничего не могли видѣть, кромѣ желѣзнаго кола и семи пугалъ, и пришедши, говорили Галію, что они коня не видѣли, а видѣли только семь пугалъ и желѣзный колъ; чтобы удостовѣриться, Гали въ сопровожденіи другихъ лицъ ходилъ смотрѣть коня и находилъ его въ томъ же мѣстѣ. Многіе дивились такому странному явленію. Семь человѣкъ захотѣли украсть этого коня, но кромѣ кола и семи пугалъ ничего не находили; тогда они обратились къ одному ученому человѣку, чтобы онъ заколдовалъ (сыйхръ) этого коня. Ученый человѣкъ сказалъ имъ, что этотъ конь обладаетъ способностію говорить по человѣчески и никакія средства не помогутъ украсть его. Когда Гали пришелъ къ своему коню, конь разсказалъ ему про замыслы семи человѣкъ, которые хотятъ отдѣлить его отъ хозяина. Тогда Гали воротился обратно въ аулъ, чтобы собраться опять къ дальней дорогѣ; вернувшись изъ аула; не нашелъ коня, а также нѣтъ и тэмиръ казыка (кола) и джэти каракчи (семи пугалъ). Со слезами воротился онъ въ аулъ и разсказалъ своей невѣстѣ о случившемся горѣ; невѣста сказала ему, что онъ коня лишился навѣки, что злодѣи посредствомъ молитвы утвердили его на небѣ: «въ каждую ясную ночь будешь ты видѣть своего коня на небѣ съ семью яркими звѣздами (Малой Медвѣдицы) и желѣзнымъ коломъ, тэмиръ-казыкъ (Полярная звѣзда), а конь твой вѣчно будетъ стоять на привязи». Съ тѣхъ поръ у киргизъ есть повѣрье, что Малая Медвѣдица это есть джэты каракши, а Полярная звѣзда—тэмиръ-казыкъ, «желѣзный колъ», который вбитъ въ землю, и стоитъ неподвижно на небѣ. Конь ждетъ хозяина, когда онъ придетъ за нимъ и возьметъ его; тогда будетъ конецъ свѣта.

Качинскіе татары видятъ въ Большой Медвѣдицѣ семь лисицъ, загнанныхъ на небо охотникомъ (Извѣстія И. Р. Г. Общ., т. XX, в. 6 (1884 г.), ст. Попова: Повѣрья и нѣк. обыч. качинскихъ татаръ, стр. 646).

---

86. ПЛЕЯДЫ.

Мѣстныя названія созвѣздія:

Халхасцы хошуна А-гуна (въ Гурбань-сайханѣ): Мечитъ.

Халхасцы хошуна Туше-гуна (на Онгіинѣ): Мечитъ.

Халхасцы хошуна Чокуръ-вана (на Терхинъ-цаганъ-норѣ)—Дзурганъ-мечитъ.

Южные монголы хошуна Найманъ-вана: Мечитъ.

Хухунорскіе олёты хош. Чинъ-хай-вана: Дзурганъ-одунъ, Дзурганъ-мечинъ (также Долонъ-мечинъ?)

Кобокъзайрьскіе торгоуты (Цокуръ-торгоуты): Мучинъ.

Солоны около Хайлара: Мешй.

Широнголы въ Сань-чуани: Цогцогъ.

Широнголы около У-янъ-бу: Согсогъ-фотў.

Широнголы въ Тунъ-сянѣ: Мечй-хоту.

Широнголы изъ Боу-нани: Менджугъ (съ тангут.).

Шира-ёгуры: Мечитъ.

Салары: Чохчохъ.

Хара-ёгуры: Улыкэръ.

Тангуты около Гумбума: Менджугъ.

По повѣрью хухунорскихъ олётовъ, Плеяды—это шесть или семь художниковъ, нѣкогда жившихъ; олётка, сообщившая это повѣрье, могла назвать только пять: кузнеца, мастера сокращать земное пространство, мастера разбивать камень, плотника, врача. Долонъ эльбичи кубунъ байчжи: темурчи, шиншичи, хлабцзанъ чило эбдедыкъ кунъ, модочи, емчи.

Въ другой разъ она же же показала: Эти шесть эльбичи (художниковъ мастеровъ) теперь и есть Дзурганъ-мечинъ (Плеяды); луна — красавица жена, сара сàйка катунъ; одна изъ звѣздъ Большой Медвѣдицы—украденный безхитростный мальчикъ, арга угэй кубунъ.

По ея же показанію, Плеяды шесть разъ въ году сближаются съ мѣсяцемъ, долонъ мечинъ сараду токбнй дзурганъ такши.

Въ этихъ показаніяхъ Плеяды называются то Дзурганъ-мечинъ, то Долонъ-мечинъ, т. е. то «шесть обезьянъ», то «семь обезьянъ».

(Халхасское преданіе).

Въ Плеядахъ прежде было семь звѣздъ; всѣ онѣ были люди на землѣ и всѣ были очень искусные люди (ихи шидильтей хунь). Одинъ изъ нихъ былъ мѣткій стрѣлокъ; онъ, побившись объ закладъ, натянулъ лукъ и началъ стрѣлять въ солнце и луну, но промахнулся. Тогда онъ отрубилъ себѣ большой палецъ и сказалъ:

хара усу ухунань цацычь ухыя
хахду усу идихиненъ хахычь ухыя

умеръ и возродился суркомъ (тарбаганомъ). А шесть другихъ братьевъ поднялись на небо и стали шестью звѣздами Плеядъ, Дзурганъ мечинъ. Всѣ они семеро (т. е. шесть мечиновъ и седьмой сурокъ) дѣти Хобульдей-мергена (хобулдей мергени долонъ хубунъ). Когда созвѣздіе Плеяды сходятся съ мѣсяцемъ, идетъ снѣгъ: сара мечитъ хоиръ тохеху цахту цасу ородугъ шорхъ шоордыгъ.

Джамсэрэнъ, грамотный лама халха́сецъ,
хошуна Далай-чокуръ-бэйли въ Хангаѣ.

Солоны около Хайлара разсказываютъ, что нѣкогда Плеяды украли одну звѣзду у Б. Медвѣдицы.

Весной Мечинъ скрывается, Мечинъ-джилиня̀; это время называется Мечинъ джилиху цакъ. Въ это время лошади тощаютъ, теряютъ тѣло; овцы тощаютъ, теряютъ жиръ; въ это время мѣшки съ запасомъ нужно крѣпко завязывать, иначе пища станетъ ядовитою, холо хорò болына; посуду нельзя оставлять открытою, иначе въ пищу ядъ войдетъ; въ это время цвѣтъ лица у людей портится, у дѣвицъ хлопотъ прибываетъ [1]), кюнь öнгö чиря̀ мууданя̀, куукюнъ ỳлё икидиня̀. Краску съ лица людей, талханъ (муку) изъ мѣшковъ, масло изъ посуды, тѣло и жиръ изъ скота, все это уноситъ исчезающая Мечинъ.

Хухунорская олетка въ Гумбумѣ.

По карагасски Плеяды Улюгеръ (Катановъ, Поѣздка къ карагасамъ, Спб., 1891, стр. 11 въ другомъ мѣстѣ, стр. 51, упоминается, безъ пріуроченія къ Плеядамъ, созвѣздіе Угеръ «Корова», состоящее изъ 9 звѣздъ).

Въ изданномъ въ Казани «Словарѣ алтайскаго и аладагскаго нарѣчій» о. Вербицкаго (Казань, 1887) помѣщены слѣдующія тюркскія названія Плеядъ: Ӱлкеръ и Меечінъ (оба на теленгитскомъ нарѣчіи). Объ Ӱлкерѣ разсказана легенда, что у семи царей, jетти-ганъ (т. е. у Б. Медвѣдицы) не было кашевара; они украли у Ӱлкера одного человѣка, который и теперь виденъ въ хвостѣ созвѣздія. Послѣ этого Ӱлкеръ и Jетти-ганъ сторонятся другъ друга (стр. 411). На стр. 487 приведены наблюденія алтайцевъ надъ прохожденіемъ луны мимо Меечіна въ теченіи десяти мѣсяцевъ за исключеніемъ іюля и августа, когда Меечіна не видно. Алтайцы знаютъ, въ который день мѣсяца послѣ новолунія луна проходитъ мимо Меечіна; по ихъ понятіямъ это

---

[1]) Онѣ должны въ это время траву собирать для мелкаго скота, воду носить, чтобы поить скотъ цзобосонъ ики болына.

бываетъ каждый мѣсяцъ съ сентября по іюнь, т. е. десять разъ въ году, а не шесть, какъ по показанію хухунорской олётки, записанному нами.

Въ якутской загадкѣ Плеяды Божій олень съ семью глазами (Верхоянск. Сборникъ, Иркутскъ, 1890, стр. 21).

У ингушей (на Кавказѣ) Чугэйгэрь. Отъ этого созвѣздія происходитъ холодъ на землѣ; если-бъ его не было, не было бы ни зимы, ни снѣга (показаніе ингуша Михайлы, сосланнаго въ Сибирь; записано въ Иркутскѣ).

Въ небольшомъ словарикѣ нарѣчія казанскихъ татаръ, изданномъ въ Казани миссіонерскимъ обществомъ, Илекъ жондозъ переведено «Малая Медвѣдица». Вѣрно ли это? илекъ по татарски сито; на многихъ нарѣчіяхъ этимъ именемъ зовутся Плеяды.

У татаръ Елизавет. губ. (Закавказье) Уркяръ.

Въ Симб. губ. Алатыр. у. Стожаръ, Стозвѣздникъ; Арханг. губ. Шенкур. у. Осиново гнѣздо; Яросл. губ. Моложск. у. дер. Залужье Семикъ (записано мною отъ матросовъ изъ этихъ уѣздовъ). Отъ г. Павловскаго я записалъ, что на Волгѣ около Саратова Плеяды зовутъ Рѣшето; ближе къ Астрахани Куриное гнѣздо или «курица съ цыплятами».—Въ Харьков. губ. (?) Стожаръ, Волосожаръ (Данилевскій, Собр. соч., 1877, Спб., ч. II, стр. 311).

По Левшину (Опис. киргизъ-кайс. ордъ, ч. III, стр. 147) Киргизы даютъ Плеядамъ названіе «дикій баранъ», Аркаръ или Укаръ. И такъ какъ весною «сіе небесное животное» нѣкоторое время не видно, то Киргизы думаютъ, что оно «нисходитъ въ землю и выгоняетъ изъ оной траву нужную для питанія подобныхъ ему земныхъ барановъ и овецъ». Ср. съ русскимъ повѣрьемъ о Семикѣ и Семичихѣ (Очерки, IV, 769).

Въ Алтанъ-Тобчи приведено монгольское имя Плеядъ Мечитъ (переведено Утиное гнѣздо; Труды Вост. Отд. Археол. Общ., VI, 143).

По якутски Плеяды назыв. Юргяль. Въ бурятскомъ эпосѣ упоминается гора Оргилъ (см. выше, стр. 107; а также въ Записк. Вост. Сиб. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. II, в. 1, стр. 45; на вершинѣ горы Оргилъ-ула бѣлый орелъ Саксага). Въ Забайкальи къ ю. отъ р. Джиды есть мѣстность Уркилъ-шолонъ, иначе Хулдатскій караулъ; шолонъ «камень»; Риттеръ, Землевѣд. Азіи», Забайкалье, русск. перев., стр. 97.

Въ якутскомъ сказаніи первый шаманъ на землѣ назывался Анъ-аргылъ-оюнъ (Изв. Вост. Сиб. Отдѣла Геогр. Общ., т. XV, №№ 3—4, стр. 64); за его гордость Аи-тоенъ велѣлъ сжечь его, но шаманъ состоялъ изъ многихъ гадовъ и одна лягушка убѣжала и поселилась на вершинѣ горъ; ср. съ киргизскимъ и сѣверномонгольск. о Плеядахъ, Уркöръ или Мечинъ (Оч., II, 125; IV, 203), какъ о змѣѣ или чудовищѣ, которое, распавшись, ускользаетъ изъ подъ давящаго копыта коровы и превращается въ созвѣздіе. У Рашидъ-эддина Будуй-джиркылъ шаманъ (Зап. Ист. Археол. Общества, т. XIV, стр. 52); Игитъ-иркылъ-ходжа первый уставщикъ церемоній, раздаватель тамговыхъ знаковъ и частей мяса (ibid., 23). У бурятъ есть преданіе о древнемъ шаманѣ Эргилѣ; его мать, семилѣтняя дѣвочка, проглотила градину и зачала. Его имя поминается при посвященіи въ шаманы; повидимому это родоначальникъ шамановъ въ родѣ алтайскаго Тостогоша (Оч., IV, 290). При поминаніи шамана на войлокѣ призывается Хэлгэнъ-саганъ-заянъ (Изв. Вост. Сиб. Отд. Геогр. Общ., т. XIV, № 1—2, Агап. и Ханг., Матер.. стр. 50); ср. съ Гэлгэнъ-пи, который тоже сынъ дѣвицы, зачавшей отъ проглоченной какой-то красной струи (Оч., II, 162). Полное имя бурятскаго Эргила: Эргилъ-буга-ноинъ. Послѣдніе два члена напоминаютъ бурятскаго Буха-ноина, сказаніе о которомъ имѣетъ двѣ сходныя черты съ алтайскимъ сказаніемъ о первомъ шаманѣ Тарханъ-бо: 1) похищеніе женщины (дѣвицы въ одномъ случаѣ, жены въ другомъ), 2) окаменѣніе (Оч., IV, 290). Въ бурятскихъ сказаніяхъ о первомъ шаманѣ этихъ чертъ нѣтъ; шаманъ же называется Моргонъ-хара, Вохоли-хара и Хара-гыргенъ. Моргонъ-хара есть сынъ орла, беркута (Агапитовъ и Хангаловъ, «Матеріалы», стр. 41).

У финновъ колдунъ называется сыномъ Укко, Ukon poika (Castren, Finn. Myth., 35). Въ Укко, который назыв. «пупомъ неба», скорѣе можно видѣть Полярную Звѣзду, но съ Плеядами иногда соединяются темы общія съ Полярной Звѣздой.

Широнгольское названіе Плеядъ Цогцогъ, саларское Чохчохъ ср. съ названіями козодоя: у Пржевальскаго цогцогъ; по урянхайски въ запад. Алтаѣ: чокчхо; тайну-урянх.: чокчогà (Очерки, II, 143); по дархатски: чекчегѐ, чекчогъ (Оч., IV, 162); потунгусски по Ралде: чогчогтэнъ (Reise nach Ost. Sibirien). По якутски чокчонго, Schnepfe (Böhtlingk, Jakut. deutsch. Wörterb.). Въ Оч., IV, 175: птица Кохъ-цехце есть ночной посѣтитель; въ другихъ же соотвѣтствующихъ

сказаніяхъ это летучая мышь (Оч., IV, 174). Въ Алтанъ-Тобчи, стр. 22 упоминается какая-то «семидесятиголосая птица цакцагай». Въ варіантѣ Гэсэръ-хана, который я записалъ въ Ордосѣ, коварная жена Гэсэра Ругъ-могай превращается въ птицу онгонъ-чекчегей. Въ Словарѣ о. Вербицкаго главная изъ семи подземныхъ вѣдьмъ (куу-катъ) называется Чекчекей (стр. 149) [1]).

Къ Плеядамъ пріурочена тема раздробленія змѣинаго тѣла на части. Въ якутской сказкѣ Эрэндахъ-Бурэндахъ убиваетъ Буру; кусокъ сердца Буры, разсѣченнаго на мелкія части, превратился въ чернаго ворона, объявившаго, что онъ будетъ вѣчнымъ врагомъ людей (Middendorff, Reise, B. III, Th. I, S. 94). Въ другой якутской сказкѣ Мангусъ (вар. Агамъ-огусъ) разбиваетъ большую птицу Чичагъ на мелкія части, которыя превращаются въ мелкихъ пташекъ (Верхоянск. Сборникъ, Ирк., 1890, стр. 239; Живая Старина, III, 176).

Чувашскій Кереметь сынъ бога, котораго люди схватили и убили, трупъ его сожгли и золу развѣяли, но убитый превратился въ многочисленныхъ кереметей, которые теперь мстятъ людямъ (Melanges russes, tirée du Bull. hist. philol. de l'Acad. Imp. des sciences, t. III, livrais. 3 (1857), стр. 275). Ср. также въ Revue de l'histoire des religions, T. XIV, № 3, 1886, p. 295 et 299. У А. Н. Веселовскаго въ статьѣ: «Мелкія замѣтки къ былинамъ» (Ж. М. Н. Пр., 1890, май, стр. 67): Егорій раскрошилъ змѣя на мелкія части; румынское преданіе досказываетъ, что изъ головы змѣя зародились черви и мухи. Тутъ же сходныя темы о змѣѣ, убитомъ Кирилой Кожемякой и о Соловьѣ разбойникѣ. Сходныя темы въ бурятскомъ сказаніи о Гэсэрѣ см. выше, стр. 66 (раздробленіе на мелкія части колоссальной пчелы, колоссальной осы и змѣи). Въ алтайскомъ сказаніи Тюрунъ-музыкай убилъ Андалму (вѣроятно то же, что бурятскій Анъ-Дёлмёнъ, см. выше, стр. 128 и 129) и изстругалъ его тѣло; стружки обратились въ гадовъ (О. Ландышевъ, «Космогонія и теогонія алтайск. язычниковъ», Правосл. Соб., 1886, мартъ, 23). Подъ Тюрунъ-музыкаемъ слѣдуетъ, кажется, разумѣть Гэсэра. Анъ-Дёлмёнъ въ бурятской сказкѣ изображается многоглазымъ; такое представленіе, можетъ быть, находится въ связи съ видомъ Плеядъ, состоящихъ изъ скученнаго собранія звѣздъ. Многоглазымъ же (или тысячеглазымъ) изображается и Арья-Бало; другая легенда (о происхожденіи тибетскаго народа) заставляетъ Арья-Бало принять видъ обезьяны (см. выше, стр. 229), монгольское имя которой мечинъ (у бурятъ бычинъ) носитъ у монголовъ и созвѣздіе Плеяды (Мечинъ). Въ русской сказкѣ является многоглазая Пучина (Аѳан., Народ. русск. сказ. 1858, вып. 1, стр. 52: «морская пучина вокругомъ глаза»). Василій Буслаевъ находитъ около нея свою смерть въ наказаніе за гордость; Добрыня за тотъ же порокъ находитъ смерть въ Пучай рѣкѣ; къ рѣчкѣ Почайнѣ близъ Нижняго Новгорода пріурочена эсхатологическая тема; передъ концомъ свѣта она разольется и зальетъ Нижній (Храмцовскій, Кратк. оч. ист. Нижн. Новгорода, т. II, стр. 13); вѣроятно и Почай-рѣка, разливающаяся въ былинѣ о Добрынѣ, имѣетъ такой же болѣе широкій смыслъ. Можетъ быть эсхатологическія темы на Востокѣ связывались съ созвѣздіемъ Плеяды. По якутскому повѣрью, Плеяды представляются заткнутымъ отверстіямъ въ небѣ. Когда оно оттыкается, бываетъ (гибельный?) вѣтеръ. Богатырь Бѣлый Юджіянь хочетъ заткнуть это отверстіе (Записки Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 3, стр. 138, 201; см. также Извѣстія того же Отдѣла, т. XIII, № 3, стр. 36). Впрочемъ представленія о заткнутомъ отверстіи, съ которымъ связана судьба міра, болѣе пріурочены, повидимому, къ Полярной звѣздѣ (см. ниже).

У осетинъ Плеяды есть собраніе пирующихъ нартовъ (Оч., IV, 730); въ бурятскомъ сказаніи боги дѣлаютъ на Плеядахъ совѣщаніе (мэшэнъ дэрэ моргонъ суглаху) о мѣрахъ къ отвращенію смертности у людей (Изв. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ., т. XIV, № 1—2, стр. 41). Собраніе боговъ есть въ разсказѣ о заячи (Оч., IV, 360), въ разсказѣ о Гэсэрѣ (Оч., IV, 254; Thaten, 80); собраніе птицъ въ разсказѣ о летучей мыши (Оч., IV, 175). Резиденція хакасскаго хана (О. Іакинѳъ, Собр. св. о нар. ср. Азіи, I, 445) называлась Меджитъ (Мечитъ?); резиденція Огузъ-хана горы Уръ и Керъ (Уркёръ, Плеяды?) (Раш.-эдд., I, 22).

Въ Алтанъ-Тобчи (стр. 170) упоминается Найманъ-чаганъ-герь. Это было мѣсто, гдѣ повидимому возводились на престолъ монгольскіе ханы. См. Банзаровъ, Черная вѣра, Спб., 1891, стр. 33. Было ли это только имя урочища, или тутъ дѣйствительно находилось «восемь бѣлыхъ юртъ», изъ сказаній не видно. Абульгази говоритъ, что Чингисъ возведенъ въ мѣстности Naiman

[1]) Чохчо, цохцо, цугуцу—мѣдныя чашечки съ масломъ и свѣтильной, которыя ставятся передъ бурханами въ числѣ семи, а иногда восьми. Въ Словарѣ Будагова алт. чокчо, чокчомъ «куча», «ворохъ»; монгол. цукча, «куча», «зданіе», «масса». Въ русскомъ областномъ Плеяды—Кучки.

cura; Катмеръ (Hist. d. Mongols, t. I, p. 117), кажется, ошибается, видя тутъ испорченное Ононъ-Керуленъ. Это Найманъ-горь.

У Рашидъ-эддина (I, 95) восемь братьевъ Киреевъ (найманъ кирей), отъ которыхъ будто бы произошелъ народъ Кирен. У Киданей считалось восемь поколѣній (В. Васильевъ, Ист. и древн. вост. части Ср. Азіи, 8, 9, 172) [1]).

Въ Очеркахъ, IV, 308 знамя Ширвана «восьминожное», найманъ кӧльтей. Чингисово знамя называется или «девятиножнымъ», юсунъ-кӧльтей (бѣлое девятиножное у Рашидъ-эддина, I, 101, III, 112; бѣлое девятиножное въ Алтанъ-Тобчи, 130; юсунъ кӧльту, neunzipfliche у Сананъ-сэцэна, 71 и 97) или «девяти бунчужнымъ», юсунъ-сӧльтей (бѣлое о девяти хвостахъ у Мэнъ-хуна, В. Васильевъ, въ Труд. Вост. Отд. Археол. Общ., IV, 231; у Банзарова о девяти бунчукахъ, «Черн. вѣра», Спб., 1891, стр. 12; въ китайскомъ сказаніи о Чингисъ-ханѣ, помѣщенномъ въ Вост. Сборн., т. I, Спб., 1877, стр. 180: Чингисъ водрузилъ на Ононѣ знамя о девяти флагахъ, цзю-ю). Знамя Чингисъ-хана фигурируетъ въ народныхъ преданіяхъ, какъ похищаемый предметъ (Очерки, IV, 324). Можетъ быть и самъ Чингисъ изображался похитителемъ знамени. Онъ добываетъ для Алтанъ-хана какого-то Муджинъ-салту, подъ чѣмъ, впрочемъ, сказаніе разумѣетъ человѣка (Рашидъ-эддинъ, I, 55); въ другомъ эпизодѣ осажденный Чингисомъ ханъ предлагаетъ ему созвѣздіе Мечинъ (Алтанъ-Тобчи, 143).

О формѣ Найманъ или Майманъ см. Оч., IV, 725. Олетская сказка о Плеядахъ помѣщена выше, стр. 145. Ср. съ нею славянскія сказки о Плеядахъ, помѣщенныя у Ягича (Archiv für slavische Philologie, V, S. 34, 46).

87. ОРІОНЪ.

Мѣстныя названія созвѣздія:

Халхасцы хошуна А-гуна (въ Гурбанъ-сайханѣ): Гурбанъ-марылъ (три самки благороднаго оленя).

Халхасцы хошуна Чокуръ-вана (на Терхинъ-цаганъ-норѣ): Гурбу-маралъ.

Халхасцы хош. Туше-гуна на Онгіинѣ: Гурбанъ-марылъ.

Южные монголы хош. Найманъ-вана: Гурба-нохой, «три собаки»; Гурба-мышй; хошуна Баря-вана: Гурба-нохой; хошуна Кэшиктенъ: Гурба-марылъ.

Кобокъ-зайрскіе торгоуты: Гурбанъ-марылъ.

Солоны около Хайлара: Гурбанъ-нохой.

Широнголы въ Сань-чуани: Анчжясы-хоту (анчжясы — «плугъ»; хоту — «звѣзда») [2]).

Широнголы около Боу-нани: Анджюсонъ-хотунъ.

Широнголы въ Тунъ-сянѣ: Анджасы-хоту.

Широнголы около У-янъ-бу: Чжасы-фоту.

Шира-ёгуры: Ртальджинъ.

Хара-ёгуры: Альтальджинъ.

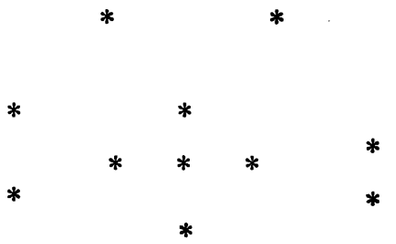
Тангуты около Гумбума: Мендасунъ; около Лабрана: Рпонву-Кенчугъ.

---

[1]) Лѣтъ тридцать назадъ Банзаровъ указалъ на происхожденіе нѣкоторыхъ именъ поколѣній отъ чиселъ (см. Банзаровъ, Черная вѣра и друг. ст., Спб., 1891, стр. 86). Можно прибавить къ этому, что нѣкоторыя имена поколѣній въ народной памяти сопровождаются какъ бы излюбленными числами. У Уйратовъ, а также у Уратовъ насчитывается четыре поколѣнія; у Мерки три племени; у Киданей восемь (найманъ); у Уйгуровъ девять (юсунъ); у Джеланровъ вѣроятно семь (у враговъ Мунулуны Джеланровъ было 70 куреней, народъ Джеланръ-хунъ-тайжія раздѣлился на семь хошуновъ).

[2]) Анчжасы также и корова.

Одна хухунорская олётка, которую я нашелъ въ Гумбумѣ, нарисовала мнѣ это созвѣздіе въ слѣдующемъ видѣ:



По ея объясненію, три звѣзды, расположенныя рядомъ въ серединѣ группы, это три оленухи, гурбунъ маралъ; одна звѣзда помѣщается надъ этимъ рядомъ, другая подъ нимъ; это стрѣла, прошедшая черезъ середину Гурбунъ-марала; двѣ звѣзды на самомъ верху, это два человѣка, стрѣляющіе въ оленухъ; лѣвый называется Бэмбэ, правый Басынъ; двѣ звѣзды въ лѣвой рукѣ отъ Гурбунъ-марала — двѣ охотничьи собаки; двѣ звѣзды на правой рукѣ — двѣ охотничьи птицы. Такъ толкуется созвѣздіе Оріонъ хухунорскими олётами. У нихъ объ Оріонѣ есть присловье: Хасыръ-басыръ нохойта, харидыкъ-несытыкъ хоиръ шиботай гурбунъ-маралъ садыкенъ-сумунъ дондукенъ хачжи, «имѣющій собакъ Асыра и Басыра и двухъ птицъ, прострѣлилъ по срединѣ Гурбанъ-марала стрѣлою изъ колчана».

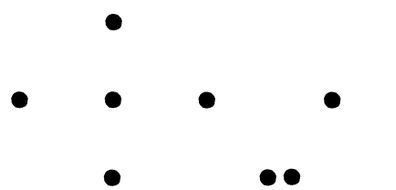
По показанію одного Кобокъ-зайрьскаго торгоута, въ трехъ оленухъ, Гурбанъ-марылъ, стрѣлялъ Тогулунъ-мергенъ (хромой стрѣлокъ); онъ виденъ лѣвѣе созвѣздія; правѣе же созвѣздія видна его стрѣла. Тогулунъ-мергену молятся во время войны.

(Тангутское преданіе).

Красная звѣзда Гачари имѣлъ жену Менчжугъ (Плеяды). Худая звѣзда Рпонву-кенчугъ (Оріонъ) пришелъ на постель къ Менчжугъ; Гачари увидѣлъ и спустилъ (съ горы) камень, который попалъ въ спину Рпонву-кенчуга и изломалъ её. Оттого это созвѣздіе теперь по серединѣ надломлено.

Ами-салунъ, старикъ, тангутъ
изъ окрестностей Лабрана.

Въ рукописи г. Дубровы, хранящейся въ Московскомъ Обществѣ любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, содержится помѣщаемое ниже изображеніе созвѣздія.



Къ чертежу приложена слѣдующая легенда. Кичиги побурятски называются Одо-мышинъ-сокъ-мышинъ. Рядомъ стоящія три звѣзды называются гурбунъ-маралъ, «три изюбря»[1]). Вдали отъ нихъ самая свѣтлая называется Хухулзенъ хухшинъ саганъ моринъ (Хухулзея старый бѣлый конь)[2]). Нижняя звѣзда называется Хухулзей мыргынъ (мѣткій стрѣлокъ)[3]). Верхняя звѣзда называется Хухулзейнъ годоли (стрѣла Хухулзея)[4]). Съ боку Хухулзейнъ хухшинъ саганъ морина есть двѣ звѣзды; онѣ называются Хухулзей хоиръ нохой (Хухулзеевы двѣ собаки)[5]). Хухулзей велъ войну съ мараломъ и прострѣлилъ средпюю звѣзду, почему она и ярче боковыхъ.

И. В. Вамбоцереновъ, хоринскій бурятъ, сообщилъ мнѣ, что хоринцы именемъ Одо-мышинъ сокъ мышинъ[6]) называютъ то созвѣздіе, которое русскіе крестьяне зовутъ Кучками (Плеяды), а Оріону они даютъ имя Гурбынъ бого хогонъ, «три оленя»[7]). Вправо отъ этихъ трехъ звѣздъ свѣтлая звѣзда называется Сайлынъ-убугунъ; это бѣлый старикъ, который гонится за оленями и хочетъ въ нихъ стрѣлять. Ниже оленей три звѣзды это три охотничьи собаки старика, гурбанъ нохой.

Въ «Словарѣ алтайскаго и аладагск. нарѣчій» о. Вербицкаго (Казань, 1887) приведено теленгитское названіе Оріона: Учъ мыйгакъ; при этомъ сообщена легенда: три самки марала отъ погони богатыря Кöгульдея заскочили на небо и остались тамъ; послѣ этого и земныя ихъ сестры не умираютъ на землѣ, а пришедши въ старость, переселяются на небо; поэтому люди не видятъ ни костей, ни труповъ самокъ марала (стр. 417). Въ другомъ мѣстѣ того же словаря (на стр. 304) дана другая легенда объ Оріонѣ: Во время всемірнаго потопа Соозунъ, старшій сынъ Намы (Ноя) распоряжался, вмѣсто слабаго зрѣніемъ отца, постройкою корабля; по отшествіи отца на небо Соозунъ исчезъ, оставивъ свою одежду въ томъ положеніи, въ какомъ она была на немъ—съ завязаннымъ поясомъ и завязками. Нама (впослѣдствіи Джаячи) поставилъ Соозуна созвѣздіемъ Оріонъ. Легенда о старцѣ, спасающемся на плоту отъ наводненія и имѣвшемъ трехъ сыновей, записана была мною отъ урянхайца; третій сынъ старика былъ хамъ, т. е. шаманъ; отъ него пошли и остальные шаманы (Очерки, IV, 207); можно было подумать, что эта легенда русскаго происхожденія, потому что урянхаецъ прожилъ годъ въ Минусинскѣ. Но алтайскій варіантъ также связываетъ легенду о потопѣ съ идеей о первомъ шаманѣ. Третій сынъ Янкъ-хана Балыкса заболѣлъ и призвалъ человѣка Тэнгару; это и былъ первый камъ (Ландышевъ, Космогонія алтайск. язычниковъ, Правосл. Соб., 1886, мартъ, 27).

У Карагасовъ Оріонъ назыв. Ушъ мыйгакъ (три изюбря); одна изъ звѣздъ человѣкъ, другая изюбрь и третья стрѣла (Катановъ, Поѣздка къ карагасамъ, Спб., 1891, стр. 51).

Въ Иркутскѣ отъ одного ингуша, сосланнаго въ Сибирь, я записалъ ингушское названіе Оріона, собственно трехъ звѣздъ его пояса: Со́лцана цӑмца, «костыль Солцана». Одна звѣзда красная; это тотъ конецъ костыля, которымъ Со́лцанъ убивалъ людей; средняя бѣлая, за это мѣсто Солцанъ держалъ костыль рукой; третья темная; это конецъ, которымъ онъ упирался въ землю. Вѣроятно къ Оріону же относится и ингушское названіе Богски; такъ называются какія-то три звѣзды, расположенныя треугольникомъ; это чурекъ (хлѣбъ) трехъугольнаго очертанія, который испекла женщина Сӑта; одна звѣзда темнѣе; это пригорѣлый край чурека.

Русскія областныя: въ арханг. губ. шенкурск. у. Кичиги; саратовск. губ. вольск. у. три звѣзды пояса, треугольникъ и еще одна звѣзда, слѣдов. семь звѣздъ: Петровъ крестъ (записано отъ матросовъ изъ этихъ уѣздовъ).

Похопарски Оріонъ Kalla parneh, сильный охотникъ, лукъ котораго Б. Медвѣдица, а звѣзды, принадлежащія къ созвѣздію Кассіопея, это лось, котораго онъ гналъ, сопровождаемый своей собакой. У финновъ Оріонъ называется Wäinämöisen's wikate, «тетива Вейнемейнена» или Wäinämöisen meikka, «мечъ Вейнемейнена» (Castren, Finn. Myth., 320).

---

[1]) На чертежѣ три звѣзды въ рядъ, образующія горизонтальную линію.

[2]) Отдѣльно на рисункѣ стоящая вправо отъ трехъ предъидущихъ.

[3]) Внизу отъ трехъ звѣздъ, противъ средней изъ нихъ.

[4]) Самая верхняя на рисункѣ.

[5]) Въ правомъ углу рисунка между нижней звѣздой созвѣздія и самой правой, отдѣльно стоящей звѣздой.

[6]) Одо «свѣтило»; сокъ «вмѣстѣ»; мышинъ—«обезьяна».

[7]) Бого—олень самецъ; хогонъ—олениха.

Въ Запискн. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. II, в. 2, на таблицѣ I къ ст. г. Клеменца «Нѣсколько образцовъ бубновъ минусинск. инородцевъ» представленъ бубенъ съ начертаніями; въ верхнемъ полукругѣ изображенъ охотникъ съ лукомъ и стрѣлой, впереди его бѣгутъ два черныхъ животныхъ, надъ нимъ летятъ двѣ черныя птицы. Этой группѣ можно было бы дать такое толкованіе; охотникъ—это Кобундей мэргэнъ, охотникъ за оленями (Оріонъ); двѣ птицы его ловчіе ястребы; два бѣгущихъ животныхъ—его охотничьи собаки Асыръ и Басыръ. Шаманъ далъ г. Клеменцу иное объясненіе.

Ночныя посѣщенія въ другихъ сказаніяхъ приписываются летучей мыши; въ одной легендѣ летучая мышь посѣщаетъ беркутиху (беркута самку) (Оч., IV, 174). Слѣдовательно Менчугъ—беркутиха. На языкѣ саньчуаньскихъ широнголовъ беркутъ называется хара-боргонъ; у бурятъ имя Моргонъ-хара носилъ первый шаманъ (Изв. Восточно-сиб. Отд. Геогр. Общ., т. XI. №№ 1—2, стр. 87). По другой бурятской легендѣ (Извѣстія того же Отдѣла, т. XIV, в. 1—2, стр. 41) первымъ шаманомъ былъ Моргонъ-хара, сынъ орла, который спустился на землю и вступилъ въ бракъ съ женщиною. Этотъ орелъ былъ сынъ женщины Самсагай. Не существуетъ ли у бурятъ варіантовъ, въ которыхъ Самсагай является не матерью, а его женой? Тогда форму «моргонъ», придерживаясь къ тангутской легендѣ, можно было бы отнести къ Оріону, а Самсагай къ Плеядамъ; ср. Цогцогъ, Плеяды поширонгольски. Форма «мергенъ» встрѣчается въ разсказѣ о Гэсэрѣ; одна изъ его женъ называется Ана-мергенъ (Оч., IV, 256), Аджу-мергенъ (Thaten des Bogda Gesser chan's, 28 и 273). О соприкосновеніяхъ разсказа о Гэсэрѣ съ разсказами о ночныхъ посѣщеніяхъ летучей мыши см. выше стр. 127 и Оч., IV, 820. Не было ли разсказа объ Ана-мергенъ, посѣщаемой по ночамъ Гэсэромъ? Тогда Гэсэръ—Оріонъ, Ана-мергенъ—Плеяды.

Въ бурятскихъ легендахъ Уха-солбонъ (звѣзда Зарница) посѣщаетъ чужую жену Малганъ; слѣдовательно, примѣняясь къ тангутской легендѣ, Малганъ—Плеяды, а ея мужъ Ханъ-бата, преслѣдующій невѣрную жену, есть красный Гачари. Въ греческомъ миѳѣ невѣрная жена это Венера; противникъ ея мужа Марсъ. О красной звѣздѣ см. Оч., IV, 789. Въ статьѣ Агапитова и Хангалова (Изв. Вост. сиб. Отд. Геогр. Общ., т. XIV, № 1—2, стр. 3) одинъ изъ тэнгировъ называется Галта-уланъ-тэнгиръ, «огненно-красный тэнгиръ» (или «красный тэнгиръ Галта?»).

У Гачари жену отнимаетъ Оріонъ; у Гэсэра жену увозятъ три царя. Жена Гачаріева—Плеяды; Ругъ-могой, увезенная жена Гэсэра, превращается впослѣдствіи въ птицу онгонъ-чокчогой (т. е. въ Цокцогъ, Плеяды?)

У Шлагинтвейта (Buddhism, 289) приведена таблица тибетскихъ именъ планетъ, соотвѣтствующихъ днямъ недѣли, и ихъ символическихъ знаковъ; приводимъ ее ниже, дополнивъ изъ Палласа (Sammlung., Th. II, S. 220).

	Паллассъ.		Шлагинтвейтъ.	
	Монгольскія.	Тибетскія.		
1) Солнце	naran	nima	nyima	солнце
2) Луна	ssara	dana	dava	луна въ ущербѣ
3) Марсъ	ulan nidun	mikmar	migmar	глазъ
4) Меркурій	ulemschin [4])	chlakba	lhagpa	рука
5) Юпитеръ	cadasun	purbu	phurbu	три гвоздя
6) Венера	bassang	selmenn	pasang	подвязка (garter)
7) Сатурнъ	bämbä	zalussa	penpa	связка (bundle)

Монгольское уланъ-нидунъ, названіе Марса, въ переводѣ будетъ «красный глазъ»; тоже значеніе имѣетъ и тибетское мигмаръ (мигъ, «глазъ», маръ «красный»). Васангъ у Бергмана (Streifereien, IV, 65) значитъ Venus. Въ Шиддикурѣ (Этн. Сп., VI, 144) именемъ Масангъ называется человѣкъ съ бычьей головой; онъ разбитъ на семь частей, которыя по варіанту, записанному мной (Очерки, IV, 198, 203), образуютъ созвѣздіе Б. Медвѣдицу. Палласовское Selmenn можетъ быть по ошибкѣ, поставлено въ ряду тибетскихъ названій; это вѣроятно монгольское Долмовъ. Монгольское «кадазунъ» (Юпитеръ), у Бергмана Gaddasun (Streifereien, IV, 65), значитъ «гвоздь»; это имя въ народномъ монгольскомъ придается обыкновенно Полярной звѣздѣ. «Три гвоздя» скорѣе напоминаютъ Оріонъ, чѣмъ Юпитера. Символическое орудіе пурьву, употребляемое буддистами, имѣетъ видъ наконечника стрѣлы, обращенной остріемъ внизъ; на тупомъ концѣ ея утверждена

[4]) Ulämtshi у Бермана, Streifereien, IV, 65.

головка очира. Иногда на рисункахъ встрѣчается такое изображеніе: треугольникъ обращенъ вершиной внизъ; на его основаніи посажена голова бога Тамдина и по сторонамъ ея двѣ головки очира; третьей головкой очира увѣнчана голова бога (см. у Шлагинтвейта, Buddhism, 257). Тамдинъ есть защитникъ людей противъ злыхъ духовъ; см. выше стр. 242 и 283. Тибетское пурьву Шлагинтвейтъ переводитъ словами «гвоздь», «игла».

Число три употреблялось уже въ символистикѣ того азіатскаго народа, который ставилъ каменныя бабы въ сѣверной Монголіи (см. Очерки, II, 69, 70, 71 и Древности, изд. Московск. Археол. Общ., т. X, стр. 52 и 53); въ «Древностяхъ» мною сопоставлено паденіе, придаваемое символическимъ тремъ чертамъ съ паденіемъ линіи-пояса Oріона. Въ современной практикѣ сибирскихъ народностей три параллельныя черты живутъ еще у киргизъ (см. Очерки, II, прим., стр. 20) и можетъ быть у остяковъ (Историческій Вѣстникъ, 1889, октябрь, ст. г. Оглоблина: «Остяцкія знамена XVII вѣка», стр. 147); у послѣднихъ они употреблялись въ XVII вѣкѣ и назывались: «шайтанова рожа» и «болванъ».

---

89. ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА.

Мѣстныя названія звѣзды:
Халхасцы хошуна Чокуръ-вана (на Тирхинъ-Цаганъ-норѣ) Алтынъ-гатысъ.
Халхасцы хошуна Туше-гуна на Онгіинѣ: Алтынъ-хатасынъ.
Халхасцы хошуна А-гуна въ Гурбанъ-Сайханѣ: Алтынъ-хатысъ.
Кобокъ-зайрьскіе торгоуты: Алтынъ-хасынъ, Алтынъ-одунъ.
Солоны около Хайлара: Алтынъ-гадасы.
Салары: Купя-юлтусъ.
Широнголы: Кани-хоту (китайцы зовутъ ее цу-вый-шинъ).

Полярная звѣзда есть сумунъ-ганьчжуръ, «Золотая маковка» монастыря Намчжиль-хансынъ, который стоитъ на вершинѣ горы Сумбуръ-олы.

Халхасецъ хошуна Чокуръ-бэйли.

Купя-юлтусъ, говорятъ салары, стоитъ надъ Самаркандомъ.

Волжскіе калмыки зовутъ полярную звѣзду Алтанъ Гасунъ (Нефедьевъ, Подроби. свѣд. о волжск. калм., Спб., 1834, стр. 244). По Бергману (Streifereien III, 42) Altan Gassunn; въ Очеркахъ IV, 734 невѣрно Алтанъ-Гадасунъ.

Киргизское названіе ея Темиръ-казыкъ, «желѣзный колъ», приведено у Левшина (Опис. киргизскихъ ордъ, ч. III, стр. 146), съ указаніемъ на мѣсто у Герберштейна, который тоже сообщаетъ названіе этой звѣзды: Selesnicoll.

Отъ осетина записанное мною названіе этой звѣзды: Кабатаръ-сталъ; сталъ «звѣзда»; кабатаръ перестановка отъ бакатаръ, т. е. богатырь (см. В. Ѳ. Миллеръ, Экскурсы въ область русск. былин. эпоса, М., 189 стр. 222); слѣдовательно «Богатырь-звѣзда». Осетинъ истолковалъ: «храбрая звѣзда».

У лопарей, эстовъ и др., Полярная звѣзда назыв. «колъ», «гвоздь сѣвера». Мордовское названіе Полярной звѣзды неизвѣстно. По-мордовски у Альквиста «гвоздь» salmoks, у Видемана «колючка» salmoks. Не называли ли они этимъ же именемъ и Полярную звѣзду?

Финны называютъ ее «звѣзда сѣвера», Pohjan tähti; Kastren, Finn. Myth., 59. Не она ли нѣкогда разумѣлась подъ именемъ Ukko, который въ финскихъ рунахъ называется «пупъ неба», «носитель всего воздуха»? Вѣроятно вѣрили, говоритъ Кастренъ, что онъ, покоясь въ пространствѣ, держитъ на своихъ сильныхъ плечахъ всю твердь небесную. Ibid., 33.

По-бурятски «колъ» gatahan, gatahun, gadaso; по-саларски «гвоздь» кадахъ. Въ Ордосѣ есть поколѣніе Хатагинъ; Qatagan упоминается путешественникомъ Шау среди поколѣній узбековъ въ Кундузѣ (Zeitschrift d. Gesell. für Erdkunde zu Berlin, 1882, B. XVII, H. VI, стр. 446). Ср. съ формами Катай-ханъ, Киденъ ханъ и Кёдёнъ-пи, которыя являются въ сказкахъ сибирскихъ татаръ (Radloff Prob., I, 226; IV, 69, 182). У Рашидъ-эддина съ формою «китайскій ханъ» связана тема о пригвожденіи. Полная форма «Алтынъ ханъ китайскій» (Рашидъ-эддинъ, I, 53, 54, 184 [1]). Не образовалась ли эта форма изъ монгольской: алтынъ катаганъ, «золотой колъ», т. е. Полярная звѣзда (черезъ форму Алтынъ-кёдёнъ-ханъ)?

Именемъ алтынъ-хатасынъ, «золотой колъ» иногда называются предметы и на землѣ. Алтынъ-хатасынъ—отдѣльная скала въ долинѣ р. Букони, уединенно стоящая на ровномъ мѣстѣ; Оч. III, 15. Алтань-гасу-цилу, «Золотой колъ», гора въ вершинахъ Желтой рѣки, близъ равнины Одонъ-тала, «Звѣздная равнина» по-монгольски, Синъ-су-хай, «Звѣздное море» по-китайски; о. Іакинѳъ, Истор. Тибета и Хухунора, II, стр. 181. У Успенскаго въ статьѣ «Страна Кукэноръ», стр. 81, эта же гора, вѣроятно, подъ именемъ Хадасы-чоло.

Тѣмъ же именемъ алтынъ хатасынъ, «Золотымъ коломъ» называется въ Ордосѣ человѣкъ, который долженъ неподвижно стоять съ зарытыми въ песокъ ступнями ногъ во время поминокъ въ память Чингисъ-хана; см. выше, ч. I, стр. 123. Онъ изображаетъ человѣка, укравшаго золотой приколъ у Чингисъ-хана, къ которому послѣдній привязывалъ свою бѣлую, спустившуюся съ неба лошадь.

Не подобный ли ордосскому таилгану праздникъ разумѣетъ китайская лѣтопись, разсказывающая, что у киданей былъ праздникъ «гвоздя» въ 1-й день 1-й луны (ВасильевъИстор. и древности восточн. части среди. Азіи, въ Трудахъ Восточн. Отд. Археол. Общ., ч. IV, стр. 187); въ этотъ день гоняли мышей, думая, что изгоняютъ чертей; выбрасывали изъ палатки 49 хлѣбныхъ колобковъ; потомъ не выходили изъ палатки въ теченіе 7 дней.

О закопанномъ въ землю человѣкѣ разсказывалось въ Хотанѣ. Жители города О-лао-ло-цзя не почтили принесенную статую бога и рагана, поклонившагося ей, закопали въ землю по горло. Раганъ предсказалъ имъ, что городъ черезъ 7 дней будетъ погребенъ подъ песчанымъ дождемъ, и исчезъ. И городъ былъ засыпанъ пескомъ (см. выше, стр. 191).

Въ одной армянской лѣтописи есть указаніе, что удачливымъ въ битвахъ людямъ давалось прозвище «золотой столбъ» (Паткановъ, Истор. монгол., инока Магакія «Истор. народа стрѣлковъ», (Спб., стр. 20). Ср. съ мѣстомъ Рашидъ-эддина объ Алтанъ-ходого, «золотой горшокъ», который былъ въ это званіе произведенъ за свой умъ (I, стр. 147 и 154).

У Мессершмидта: Schemata poporum, an Gurban-yrdaenaèh (i. e. Triplicitatis sacrae) et Aldang-Gadassu i. e. Aureae Lacertae vel Serpentis (В. В. Радловъ, Сибирск. древности, т. I, в. 1, стр. 7).

Въ Очеркахъ, IV, 736 я уже останавливался на мысли, что неподвижность Полярной звѣзды, которая не могла не быть не замѣченною кочевниками и звѣроловами, должна была неизбѣжно отразиться въ сказаніяхъ сѣверной Азіи. Къ ней, повидимому, относятся темы о неподвижномъ положеніи въ родѣ дюрбютскаго сказанія о верблюдѣ (теменъ), который былъ положенъ, когда земля и небо еще не были раздѣлены, и никакой богатырь не можетъ сдвинуть его съ мѣста (Очерки, IV, 479). Тамъ же я говорилъ и о пріуроченіи къ этой звѣздѣ эсхатологическихъ темъ. Это или столбъ (колъ) вбитый, отъ прочнаго стоянія котораго зависитъ правильность мірового кругообращенія, или камень, которымъ заложено отверстіе; если онъ будетъ вынутъ, въ отверстіе польется вода, которая зальетъ землю. Къ сказанному тамъ можно прибавить тибетское сказаніе

---

[1]) Въ сказаніи о Гэсэрѣ царь Гума, въ царствѣ котораго жизненное движеніе остановилось, также имѣетъ эпитетъ «китайскій» (китатенъ-ханъ; китатъ множ. ч., китанъ ед. ч. въ монгольскомъ: китайцы, китаецъ).

о Кала-мэмбырѣ и Желѣзномъ Асынѣ (Темиръ-асынѣ), см. выше, стр. 21, 120, 126 [1]). О камняхъ, которыми заткнуты отверстія, угрожающія разливомъ воды, см. на стр. 211, 214 [2]). Въ орхонской легендѣ это вотбо (бородавка) во лбу статуи бога или драгоцѣнный камень, вставленный на мѣсто вотбо; когда ханъ олетскій вынулъ камень [3]), Орхонъ разлился и потопилъ людей (Живая Старина, 1891, III, 240). Ср. о Чеботкѣ, который закопалъ себя въ пещерѣ по плечи и не выйдетъ, пока земля не обновится къ судному дню (А. Н. Веселовскій, въ Ж. М. Н. Пр., 1890, май, «Мелкія замѣтки къ былинамъ», стр. 65; архим. Леонидъ въ Кіевск. Старинѣ, 1890, февраль); о птицѣ Страфиль, которая міръ держитъ подъ правымъ крыломъ; когда она встрепенется, будетъ послѣднее время (А. Н. Веселовскій, Славянск. сказ. о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 216); о столбѣ въ кавказскомъ сказаніи, который старается раскачать женщина Рокапи, но на вершину столба садится пташка; Рокапи хочетъ убить ее молотомъ, и только сильнѣе вгоняетъ столбъ въ землю (Сборникъ матер. для описанія Кавказа, т. IX; у Вс. Ѳ. Миллера, въ Ж. М. Н. Пр., 1890, іюнь). Въ повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ запустѣніе послѣдняго произошло отъ извлеченія заложеннаго въ стѣну меча (А. Н. Веселовскій, «Повѣсть о Вавилонск. царствѣ» въ Славянскомъ Сборникѣ, III, 132). Въ алтайскомъ сказаніи Ерликъ вынимаетъ изъ земли конецъ посоха и изъ отверстія выходятъ гады, наполняющіе землю (Очерки, IV, 223) [4]).

О колоннѣ, поддерживающей потолокъ храма въ Менгу-цзу см. на стр. 249 и 252 (сближено съ горой Алтынъ-ту [5]) алтайскаго сказанія, которая виситъ съ неба и на колѣно не достигаетъ до земли; о. Вербицкій, Алтайцы, 101). Тамъ же и о висящей на воздухѣ башнѣ (субурганѣ).

Нѣкоторые одинокіе камни среди равнины носятъ названіе, общее съ Полярной звѣздой, Алтынъ хатасынъ, Алтань гасу (см. выше, стр. 331); иногда мѣстность называется «пупомъ»; въ Алтаѣ указывается «пупъ Алтая»; это озеро, находящееся въ Саянскомъ хребтѣ, въ вершинахъ р. Каракола; по-тюркски оно назыв. Алтайдынъ-кіндічі (газета «Сибирск. Вѣстн.», изд. въ Томскѣ, 1887 г., № 27). Замѣчательно, что тутъ же мѣстность съ группой изъ 22 озеръ, которая называется Djildiz-col, Джилдизъ-коль, «Звѣздное озеро» (Чихачевъ, Voyage dans l'Altai, Paris, 1845, p. 134). Чихачеву это имя невольно напоминаетъ «Звѣздное море», которое находится въ вершинахъ Желтой рѣки и также состоитъ изъ множества озеръ (и около котораго указывается выше упомянутая гора Алтань-гасу).

Пупы земли. Въ якутскихъ сказаніяхъ, см. Верхоянскій сборникъ, Ирк., 1890, стр. 12: желтый пупъ (арагасъ [6]) кинигярь) матери вселенной; стр. 132: пупъ земли (сирь киня); 144: пупъ земли, гдѣ постоянное счастіе и широкое богатство; 152: пупъ земли, тихое мѣсто. Въ призываніяхъ алтайскихъ шамановъ упоминаются «пупъ неба» и «пупъ земли», Radloff, Das Schamanenthum und seine Kultus, s. abdr. aus: «Aus Sibirien», Leipz., 1885, S. 8. Въ тибетскомъ сказаніи пупъ океана тамъ, гдѣ была построена Менгу-цзу; см. выше, стр. 201. О финскомъ пупѣ неба выше, стр. 324 и 321. Шмидтъ (Schmidt, Gesch d. Ost-Mong., s. 317) сообщаетъ о тибетскомъ представленіи (по книгѣ Бодиморъ) о восьми пупахъ земли, по-монгольски: ghasarihn naiman kuissun.

Въ киргизской легендѣ о Хорхутѣ (Труды Вост. Отд. И. Археол. Общ., т. IV, (1859) ст. Вельяминова-Зернова, «Памятники съ арабск.-тат. надписью», стр. 283; тутъ онъ аулiе, святой; у Валиханова—это былъ киргизскій шаманъ; Очерки, IV, 847), могила котораго находится на Сыръ-Дарьѣ, разсказывается, что жилъ онъ прежде на краю свѣта и разъ увидѣлъ ночью во снѣ, что люди роютъ могилу. «Для кого вы роете?» спросилъ святой. «Для святого Хорхута»,

---

[1]) Кала-мэмбыръ и Темиръ-асынъ можетъ быть раздвоившійся персонажъ; Темиръ-асынъ весь желѣзный, за исключеніемъ одного мѣста на горлѣ. Кала-мэмбыръ былъ помѣщенъ въ желѣзный домъ, чтобъ закалить или оруденить его тѣло.

[2]) Въ числѣ варіантовъ легенды о разливѣ воды на этой страницѣ опущенъ записанный г. Корольковымъ (Восточн. Обозр., изд. въ Иркутскѣ, 1890 г. № 6), интересный указаніемъ, что ослиныя уши, приписываемыя царю, киргизскими разсказчиками замѣняются иногда бычьими рогами.

[3]) Въ Очеркахъ, IV, 607: Кирвесъ убиваетъ желѣзнаго оленя (темиръ-сынъ) въ единственное уязвимое мѣсто на лбу.

[4]) О происхожденіи гадовъ см. Изв. Вост. Спб. Отд. И. Р. Геогр. Общ., т. XV, №№ 3—4, стр. 64 (изъ тѣла шамана Аргила). См. также выше, стр. 325 и о. Вербицкаго, Алтайцы, Томскъ, 1870, стр. 120.

[5]) Ту по алт. гора. Алтынъ-тугъ, «золотой стягъ».

[6]) Арагасъ—«желтый». По Щукину якуты называютъ Б. Медвѣдицу Аргасъ—сулусъ (Н. Щукинъ, Поѣздка въ Якутскъ, Спб., 1844, стр. 287); у другихъ авторовъ Арангасъ-сулусъ.

былъ отвѣтъ. Встревоженный Хорхутъ, желая избѣжать смерти, на другой же день переѣхалъ жить на второй край свѣта. Тутъ онъ увидѣлъ тотъ же сонъ. Опять съ разсвѣтомъ пустился онъ въ дорогу. Такимъ образомъ обошелъ всѣ четыре угла земли и съ отчаянія, не зная куда дѣться, рѣшилъ переселиться въ центръ земли. Центромъ оказался берегъ Сыръ-Дарьи, гдѣ теперь его могила. Но и здѣсь онъ увидѣлъ тотъ же сонъ. Тогда, желая перехитрить судьбу, онъ перебрался жить на воду, разостлалъ свое одѣяло по Сыру и тутъ прожилъ сто лѣтъ, постоянно играя на домбрѣ.

Въ тюрко-сибирской сказкѣ тема о богатырѣ, наѣхавшемъ на приготовляемую для него могилу, пріурочена къ Акъ-Кобоку (Radloff, Proben, IV, 71). Я думаю, что этотъ сюжетъ чаще разсказывался о соперникѣ Акъ-Кобока, Киданъ-ханѣ [1]), и вотъ почему. Богатырь, нашедши гробницу, примѣривается и (въ тюркской сказкѣ добровольно) погребается въ ней. Въ Сибири распространено повѣрье о чуди, которая сама закопалась въ землю. Въ Тобольск. губ. татары называютъ первонасельниковъ своей родины китанами; вѣроятно объ этихъ китанахъ передавалась, а можетъ быть и теперь разсказывается сказка о закопавшихся людяхъ.

Въ русскихъ былинахъ, вмѣсто Акъ-Кобока, Святогоръ; [2]) онъ наѣзжаетъ на каменную, гробницу и ложится въ нее. Святогоръ погрязъ въ землѣ, поднимая сумку съ земной тягой; «тутъ ему было и конченіе»; Рыбн., I, № 7. [3]) Эту земную тягу и «земляную тяготу» ср. съ высунувшимся концомъ оси земной въ тангутскомъ сказаніи; см. выше стр. 241. Святогоръ сближается съ Аникой; Аника наѣзжаетъ на сумку, не можетъ поднять, потомъ на Чудо и умираетъ; въ другомъ мѣстѣ, вмѣсто Чуда, Смерть. А. Н. Веселовскій говоритъ, что онъ ничего не имѣетъ противъ предположенія, что въ сумкѣ Смерть [4]), которая потомъ выскакиваетъ изъ сумки (въ Ж. М. Н. Пр., ч. CCXXXI, въ статьѣ о книгѣ Жданова: «Къ литерат. исторіи русск. былевой поэзіи», стр. 363). Въ тангутскомъ сказаніи Кала-мэмбыръ достигаетъ китайца, поднимающагося въ гору съ ящикомъ на спинѣ; ящикъ падаетъ, разбивается и изъ него выскакиваетъ желѣзный Асынъ (темиръ-асынъ); слѣдуетъ окаменѣніе; см. выше, стр. 21.

Желѣзный столбъ или сходный образъ въ русскихъ заговорахъ и апокрифахъ

Въ донскомъ заговорѣ: на морѣ-окіянѣ столбъ, высота его отъ земли до неба; на столбѣ царь, (Жив. Старина, кн. III (1891), стр. 136). Въ вологодскомъ: «желѣзное море», «желѣзный столбъ», «желѣзный мужъ», подпирающійся посохомъ отъ земли до неба; Н. А. Иваницкій, Матеріалы по этнографіи Вологодской губерніи, М., 1890, стр. 137 и 138. Въ бѣлорусскомъ: дубъ на бѣломъ камнѣ (Романовъ, Бѣлорусск. Сборн., вып. V, Витебскъ, 1891, стр. 6, 25, 41, 130); царь дубъ (82), столбъ (51). У В. Мочульскаго (Историко-литерат. анализъ стиха о Голубиной книгѣ, Варш. 1887. стр. 69 и 79): «доубь желѣзный», который поддерживаетъ міръ; «семь желѣзныхъ столповъ»; (стр. 65): «небо ходитъ на гвоздіяхъ». Кромѣ столбовъ въ составъ міровой опоры входятъ киты или рыбы. Г. Мочульскій приводитъ изъ Якушкина: «когда Совръ рыба поворотится, всѣ синія моря восколыхнутся» [5]).

Объ одинокомъ деревѣ необыкновеннаго роста Оронъ-ганцханъ модо—см. Очерки, II, 162; IV, 187, 298; о деревѣ, приносящемъ довольство, см. выше стр. 253; о якутскомъ деревѣ, изъ котораго сочится сюлюгяй, сказано на стр. 312; нужно еще указать на якутскій ардукъ-маесъ, въ Записк. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 2, стр. 149; (это дерево, вершина котораго проросла три неба; изъ него сочится жидкость джилликей, которая даетъ питающимся ею благоденствіе). Ср. также у Миддендорфа, Sibirische Reise, B. III, Th. 1, S. 79.

---

[1]) О Киданъ-ханѣ см. у В. В. Радлова: Proben, I, 226; IV, 69, 182. Желѣзный асынъ въ тибетской сказкѣ (см. выше, стр. 21) находился въ ящикѣ, который несъ китаецъ (не вмѣсто ли Киданъ-хана?)

[2]) Въ смоленской сказкѣ могила приготовляется для богатыря Аль-Кадима (В. Н. Добровольскій; Смоленск. Сборн., Спб., 1891, ч. I, стр. 402).

[3]) Эсхатологическая тема пріурочена народной памятью къ храму на Святыхъ горахъ (см. въ статьѣ г. Сумцова: «Очеркъ исторіи южно-русск. апокриф. сказаній» въ Кіевск. Старинѣ, 1887, ноябрь, стр. 404).

[4]) Не находится ли эта форма въ связи съ былинными: рѣка Смородина, Самородовичъ?

[5]) Въ стихѣ о Егоріи Севръ-рыбу держитъ птица, сидящая на городской стѣнѣ, къ которой онъ подъѣзжаетъ, миновавъ заставы; Гэсэръ, миновавъ заставы, видитъ городскую стѣну и на стѣнѣ Рогмо-гоа (см. выше, стр. 31).

Бурятское сказаніе (см. выше, стр. 107, 129) на днѣ моря помѣщаетъ морское чудовище Дӧлмӧ. У него все тѣло покрыто глазами; глазъ находящійся на серединѣ тѣла, единственное уязвимое мѣсто. Въ алтайскомъ сказаніи богатырь Торонъ-музыкай выпиваетъ море, чтобы осушить чудовище Андалму и убить; см. у. о. Вербицкаго, Алтайцы, Томскъ, 2870, стр. 120. Ср. донской заговоръ: «и рече Г'осподь еретникамъ: сходитесь на кіянъ море, выпійте море кіянъ, осушите латырь-камень» (Живая Старина, кн. III (1891), стр. 135).

Темиръ, «желѣзо» встрѣчается еще въ слѣдующихъ парныхъ: 1) Темиръ-цорго, рѣка въ сѣв. Монголіи; Темиръ-черга, рѣка въ котловинѣ оз. Зайсана; цорго—кривая труба, употребляемая при винокуреніи; съ этимъ словомъ калмыцкая легенда ставитъ въ связь имя Цороса, предка калмыковъ. Иркутскій монголистъ Стуковъ говоритъ, что цорогъ—кривой сукъ (Памятн. кн. Ирк. губ., 1881 г., стр. 187). 2) Темиръ-тайга; см. Очерки, IV, 64; тайга по-алтайски бѣлокъ, высокая гора. Ср. у бурятъ Тамири-уланъ, гора, на которой живетъ тайша змѣй (Изв. Вост. сиб. Отд. Геогр. Общ., т. XIV, №№ 1—2, стр. 22). Если въ тюркомонгольскомъ носовой звукъ переходилъ въ м, какъ въ славянскомъ, то форма темиръ могла произойти отъ тенгиръ, тенгри, «небо». Ханъ-тэнгри или Тэнгри-оля называется высшій пикъ въ Тянь-шаньскомъ хребтѣ.[1])

Тема о скованномъ или прикованномъ въ связи съ формой темиръ: 1) Сынъ неба Темиръ боко (въ другихъ сказаніяхъ сынъ неба назыв. Темиръ-бось, «желѣзный босъ») прикованъ за руки и за ноги (Очерки, IV, 172). 2) Темучинъ (Темурчинъ) въ оковахъ сидитъ въ водѣ (Рашидъ-эддинъ, I, 169; Алтанъ-тобчи, 127); киргизское преданіе объ Есекенѣ мы принимаемъ за отголосокъ монгольскаго; въ Есекенѣ мы узнаемъ Есугая, Исуге, отца Чингиса; но въ киргизскомъ преданіи Есекень не самъ спрятался въ воду; онъ брошенъ въ нее Мамырханомъ, скованный по ногамъ и съ колодкой на шеѣ (Очерки, II, 149). 3) Кала-мэмбыръ, противникъ Желѣзнаго Асына, сидитъ скованный цѣпями въ желѣзномъ домѣ; выше, стр. 126, было уже высказано предположеніе, что формы мэмбыръ и мамыръ можетъ быть родственны. Въ алтайскихъ повѣріяхъ встрѣчается бобырганъ[2]) «летяга», Pteromys volans, скованный на небѣ (Очерки, IV, 233). Это имя перешло на одну гору, на берегу Катуни; повѣрья объ этой горѣ Бобырганѣ собраны о. Вербицкимъ.

Олетская легенда отожествляетъ Полярную звѣзду съ горой Сумеру; звѣзда эта стягъ, утвержденный на горѣ Сумеру, вокругъ котораго движутся остальныя звѣзды (см. выше, стр. 318).

Имя этой горы въ устахъ народа и въ книжныхъ памятникахъ очень варьируетъ; варіаціи собраны мною въ статьѣ: О происхожденіи географическаго имени Сибирь, напечатанной въ «Сибирск. Сборникѣ», 1890 г. вып I. О. Ковалевскій даетъ такія монгольскія версіи: Сумиръ, Сумэръ, Сумбэръ, Сумбуръ (Монг. хрест., т. I, стр. 267 и 337). По книжнымъ монголо-буддійскимъ сказаніямъ гора Сумэру находится въ центрѣ вселенной (ibid., 265 — 267; мы понимаемъ это такъ: это Полярная звѣзда въ центрѣ мірового круговорота). То же и въ народныхъ представленіяхъ, при чемъ гора Сумеру ставится въ отношеніи къ Полярной звѣздѣ (см. Сказанія бурятъ, въ Зап. Вост. Сиб. Отд. Р. Географ. Общ. по этн., т. I, в. 2, стр. 140). Въ монгольскихъ сказкахъ эта гора встрѣчается не рѣдко и иногда рядомъ съ формой Сумъ-далай, «Молочное море»; у бурятъ вмѣсто Сумеръ-ола—Хӧмӧръ-ула; вм. Сумъ-далай—Хумъ-далай. Въ тюркосибирскихъ она также встрѣчается. Въ Proben В. В. Радлова повидимому она подъ видомъ горы Sibür (II, 604 и 617); рядомъ съ нею упоминается и Молочное озеро, Сютъ-коль. Также и въ урянхайскомъ

---

[1]) Канъ-тегиръ рѣка въ Саянск. хребтѣ; тюркомонгольское тэнгри, тэнгиръ переходитъ въ тэгри, тэгиръ, а также въ тэре. Въ урянхайскомъ фольклорѣ есть форма тэнгрэдынъ-улы (Очерки, IV, 140); можетъ быть отъ улъ, «сынъ», т. е. «сынъ неба» (легенды о сынѣ неба въ Очеркахъ, IV, 233 и 806), или это монгольское тэнгиръ-ула, «небесная гора», или тэнгрінъ лу, «небесный драконъ». У якутовъ имя тангара-уолъ, «сынъ неба» дается волкамъ.

[2]) Версіи: пабырганъ, абаргапъ, афырганъ, абхырганъ (Очерки, II, 140; IV, 160). Ср. Абырганъ, названіе мифическаго змѣя (см. выше, стр. 296; ср. также стр. 251), заключеннаго въ подземной пропасти. Звукъ г въ окончаніи «ганъ» есть придыханіе, иногда едва слышенъ и можетъ быть даже опущенъ; такъ Аргаганъ, имя одного бурятскаго поколѣнія, произносится Арга'анъ; тюркское сыгынъ, олень самецъ произносится сынынъ, сынъ (О. Вербицкій, Словарь алт. яз., стр. 317); параллельно съ этимъ можно ожидать форму «абыр'анъ», а съ перемѣной б на м: «амыранъ». И въ самомъ дѣлѣ есть тюркское имя для суслика: емуранъ (см. Грамматика алтайск. яз., Казань, 1869). См. Очерки, II, прим. 31; IV, 161.

обрядѣ весной рядомъ призываются имена: Сумеръ-уланъ-тайга [1]) и Суть-коль (Очерки, IV, 372). Подобно тому, какъ имя Алтынъ-хатысынъ прилагается къ земнымъ скаламъ, и имя миѳической Сумбуръ пріурочено къ земнымъ горамъ. Въ указанной выше статьѣ я привелъ два случая: 1) Сумбуръ, гора около оз. Косогола, 2) Баянъ цумбуръ, гора въ Алашанѣ, указываемая Пржевальскимъ. Къ этимъ случаямъ я присоединилъ третій: Субуръ-хаирханъ или Субурганъ-хаирханъ въ вершинахъ Орхона. Субурганъ встрѣчается у монголовъ и какъ нарицательное; субурганами (у Шмидта suwurgan, Gesch. d. Ost-Mong., стр. 316) называются башнеподобныя постройки, встрѣчающіяся около буддійскихъ монастырей.[2]) Въ монгольскомъ б между двумя гласными иногда произносится, какъ в, наприм. шиво вмѣсто шибо, птица; поэтому у Шмидта иногда сувурганъ вмѣсто субурганъ, альвинъ вмѣсто альбинъ.

Г. Катановъ сблизилъ форму Sübür, находящуюся въ Proben В. В. Радлова съ Рашидъ-эддиновскимъ Ибиръ-сибиръ, т. е. съ названіемъ Сибири [3]). Въ своей статьѣ: «О происхожденіи имени Сибирь» я привелъ изъ Катрмера другія мусульманскія версіи этого парнаго: Ibir-Sibir, Abir-Sibir, Sibir-Abar, Abar-Sabir и высказалъ свое мнѣніе, что имя Сибири происходитъ отъ этого восточнаго термина, которымъ первоначально, можетъ быть, называлась Полярная звѣзда, а потомъ подъ этимъ именемъ ордынскій, степной фольклоръ сталъ разумѣть и ту страну, которая лежитъ въ томъ же направленіи, какъ и звѣзда—т. е. страну, лежащую отъ степей на сѣверѣ. Оспаривая мнѣніе г. Флоринскаго, производившаго имя Сибирь отъ славянскаго «сѣверъ» [4]) я видѣлъ свою опору между прочимъ въ отсутствіи этой или подобной формы въ живой памяти тюркскихъ и другихъ племенъ западной Сибири. Теперь я долженъ отказаться отъ этого довода. Г. Паткановъ сообщилъ мнѣ слѣдующую замѣтку: У татаръ Тобол. губ. распространены преданія о народѣ сывыръ или сыбыръ, занимавшемъ мѣста по среднему Иртышу раньше ихъ. Этому народу татары приписываютъ большую часть всѣхъ находящихся въ ихъ областяхъ древнихъ памятниковъ, каковы городища, курганы, и т. д. Первыя у нихъ весьма часто именуются сывыръ-кала; вторые сывыръ-туба. Такимъ образомъ оказывается, что названіе Кучумова городища «Сибирь» не есть имя собственное, а скорѣе нарицательное. О сывырахъ разсказывается то же, что русскіе разсказываютъ о чуди; что, увидѣвъ свою родину наводненною пришельцами, они вырыли ямы, спрятались въ нихъ, затѣмъ подрубили подпорки, поддерживавшія крыши, и погибли

---

[1]) Уланъ повидимому монгольское слово и означаетъ: гора (иначе ула, ола); тайга по-алтайски бѣлокъ, снѣжный пикъ.

[2]) Субурганъ состоитъ изъ трехъ частей, нижней—пьедестала, средней—вазы (бомбу) и верхней колонны. Средняя имѣетъ тѣло, съуживающееся книзу; это конусъ, обращенный внизъ вершиной. Еслибъ она была не круглая въ поперечномъ разрѣзѣ, а четырехугольная, она была бы похожа на китайскую мѣру зерна, такъ назыв. доу. Мачты, которыя ставятся попарно передъ китайскими ямынями, обыкновенно несутъ на своей вершинѣ ящикъ въ видѣ доу; мачта прободаетъ дно доу; эти ящики такъ и называются доу, а самая мачта вэй-канъ. Тѣмъ же именемъ доу называются и четыре звѣзды въ Б. Медвѣдицѣ; само созвѣздіе назыв. Пей-доу, «сѣверное доу»; три остальныя звѣзды—рукоятка доу. Держаться за рукоятку этого созвѣздія значитъ по-китайски «управлять». Ямынскія мачты съ субурганами сближаетъ Беберъ (Baber, Travels and researches in west. China. Lond., 1882, p. 19). Конусъ или треугольникъ, обращенный внизъ вершиной, очень часто встрѣчается въ тибетской орнаментикѣ; тангутскія женщины привѣшиваютъ къ концу косъ щитикъ въ формѣ треугольника, обращеннаго внизъ усѣченной вершиной. Простѣнкамъ между окнами зданій дается та же форма. Богъ Тамдинъ изображается въ видѣ человѣческой головы, посаженной на основаніе треугольника, обращеннаго внизъ вершиной; я видѣлъ статуэтку богини Лхамо, туловище которой было представлено въ видѣ конуса, вершиной обращеннаго внизъ и воткнутаго въ туловище повергнутаго человѣка.

[3]) Въ якутскомъ словарѣ Бетлингка: самыръ—дождь, ібіръ-самыръ—мелкій дождь.

[4]) Въ былинахъ встрѣчаются формы Сиверная гора, баба Сиверьянишна (она же Латыгорка; ср. латырь-камень; Владимірка). А также Сибирскій городъ (иногда Себежъ); см. Эти. Обозр., кн. VIII, стр. 29. Сибирскій городъ стоитъ на мѣстѣ Кидоша другихъ былинъ. Кутузово, гдѣ хранится казна Соловья, можетъ быть тотъ же Кидошъ. Кидошъ напоминаетъ Китежъ, городъ скрытый подъ водой. Выше приведена хотанская легенда, въ которой замурованіе человѣка въ землѣ соединено съ темой о погибшемъ городѣ отъ каменнаго дождя. Не замѣнило ли китайское О-лао-ло-цзя какое нибудь другое имя въ родѣ Сумуръ, Сыбыръ, Хоборъ и пр.?

подъ упавшими крышами [1]). Послѣ сывыровъ, по словамъ татаръ, пришли китаны или катаны остяки же именемъ хатань зовутъ нынѣшнихъ татаръ. Не нужно конечно, думать, что въ этихъ преданіяхъ сохраняется память объ исторической смѣнѣ племенъ; и сывыры и китаны, вѣроятно, созданія народнаго воображенія въ родѣ классическихъ титановъ, на сибирской почвѣ вызванныя, можетъ быть, наблюденіемъ надъ погребенными мамонтовыми костями. Буряты въ Иркутск. губерніи древніе памятники также приписываютъ китайцамъ. Ср. также о китайцахъ (китанахъ), первонасельникахъ въ Алтаѣ, и о Китанъ-ханѣ на верхнемъ Енисеѣ въ Очеркахъ, IV, 10 и 296. О китайцахъ, населявшихъ нѣкогда Сибирь, испугавшихся начавшагося проростанія лѣсовъ въ этой странѣ, прежде бывшей безлѣсною, и выселившихся на югъ см. у Миллера, Сиб. ист., стр. 9.

Подобно тому, какъ легендѣ о народѣ китанахъ (похоронившихся добровольно въ землю?) соотвѣтствовала повидимому другая о богатырѣ Киданъ-ханѣ, заживо закопавшемъ себя въ могилѣ, такъ и для другой формы сывыръ также была соотвѣтственная легенда о богатырѣ; это богатырь, хвастливый охотникъ, который послѣ неудачнаго выстрѣла, зарылся въ землю и обратился въ сурка (Очерки. II, 151 IV, 179, а также см. ниже, № 92 о суркѣ); сурокъ по-киргизски сууръ; въ словарѣ Будагова: соввуръ (I, 714) [2]).

Фактъ, свидѣтельствуемый г. Паткановымъ, не колеблетъ вѣры въ восточное происхожденіе имени Сибирь и мы продолжаемъ думать, что оно въ родствѣ съ формами Сумбуръ, Субуръ, Цумбуръ (или Цунгуръ? см. выше, стр. 248), Sübür, Хӧмӧръ (Зап. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ., т. I, в. 2, стр. 134), Сымыръ (ibid., в. 1, стр. 109; см. также выше, стр. 214), которыя можетъ быть прилагались первоначально къ Полярной звѣздѣ [3]). Калмыцкая легенда видитъ въ горѣ Сумеру мутовку, которою боги пахтали океанъ (Протоколы Петровск. общества изслѣдов. астраханск. края, Астрах., 1888, стр. 91—99 [5]). Въ Ордосѣ разсказываютъ, что у Чингиса былъ похищенъ золотой приколъ для лошади, алтынъ-хатасынъ (это имя Полярной звѣзды); по халхаской легендѣ у Чингиса похищается не приколъ, а мутовка для пахтанья кумыса (бешуръ), съ которой связано счастье, какъ и съ якутскимъ деревомъ.

Въ статьѣ «О происх. имени Сибирь» я указалъ на бурятскую форму Сибэръ (чудовищная собака, выходящая изъ воды и убиваемая богатыремъ) и на названіе альпійскаго волка: цӧмбръ, чӧбръ, сёбръ, сибръ, субръ, шӧбӧри, шонгбори, шӧйбори, чопӧру (Очерки, IV, 156); къ этимъ послѣднимъ можно еще прибавить дзубери-чино [5]), по-китайски чай-лань; см. о. Палладія, Юань-чао-ми-ши, стр. 179.

Волкъ является не рѣдко въ тюрко-монгольскихъ сказкахъ, а именно: 1) Шуно (по-монгольски шуно, ӥоно, чоно, «волкъ») въ Очеркахъ, IV, 187, 309; Радловъ, Proben, I, 206; II, 308; Сказанія бурятъ, Ирк., 1890, стр. 36. 2) Бурте-чоно, предокъ монгольскаго народа по книжнымъ сказаніямъ; 3) Пӧри-ханъ (Бури-ханъ, Бури-боко) по-тюркски царь-волкъ; Очерки, IV, 177, 413, 866. Богатырь Шуно, по деталямъ сказанія можетъ быть сближаемъ со стрѣлкомъ въ войскѣ Чингисъ-хана, который не угодилъ хану и за это или привязанъ къ стѣнѣ, или закопанъ въ землю. (Сказанія бурятъ, Ирк., 1890, стр. 132); послѣдній родъ кары напоминаетъ Алтынъ-хатысына. Въ книжномъ сказаніи стрѣлокъ, привязанный къ стѣнѣ, называется Хасаръ. Шуно одинъ изъ трехъ братьевъ; два другихъ называются Амуръ-сана и Тамиръ-сана. Не редупликація ли одного и того же имени? Ср. монгольскія формы: Темурчинъ (первоначальное имя Чингиса), Тӧ-

---

[1]) Легенда приближается къ темѣ о колоннѣ, которую строитель имѣетъ намѣреніе вынуть, чтобы потолокъ обрушился; см. выше стр. 249.

[2]) Ср. съ монгольскими именами суслика: сумурьа, цзуммурэ, цзумрэ (Очерки, II, прим. 31; IV, 161), теленгитскимъ тибранъ (Оч., IV, 160), алт. јубуранъ (о. Вербицкій, Словарь, стр. 101).

[3]) Съ прибавкой монгольскаго одо, одунъ, «звѣзда» мы должны бы имѣть: Сумбуръ-одо, Цумбуръ-одо, Хӧмӧръ-одо, Сымыръ-одо или Сымыръ-одунъ и т. д. Въ числѣ варіантовъ имени горы въ Голубиной книгѣ, сообщаемыхъ Бѣлорусск. Сборникомъ г. Романова (в. V, стр. 293) Хамуръ вм. Ѳаворъ.

[4]) Барельефъ храма Bâdâmi въ Индіи изображаетъ, какъ боги, чтобы добыть amrita'y, пахтали молочное море, вращая въ немъ гору Mandara'y (The Indian Antiquary, vol. VI (decemb., 1877), «Rock-cut temples at Bâdâmi», стр. 365.

[5]) Тюркское дз имѣетъ свойство распадаться на д и з (Ильминскій въ статьѣ: Zur tatarischen Lautlehre, въ Mélanges asiat. de l'Acad. Imp. de sciences de St. Pétersbourg, T. III, livr 4 (1859), p. 478); слѣдовательно можно ожидать формы дубери и зубери.

мёрше (см. выше, стр. 276), Чинъ-Тимуръ (Рашидъ-эддинъ, I, 117) [1]. Желѣзный волкъ было бы по-монгольски: темуръ чоно, темуръ шоно.

Кромѣ темы о постоянной неподвижности, въ сказаніяхъ Азіи встрѣчается тема о временной остановкѣ движенія; см. выше, стр. 117 и 210. Повѣрье требуетъ, чтобъ отвозимая невѣста не оглядывалась назадъ; въ другихъ случаяхъ высказывается упрекъ за то, что уѣхавшій не оглянулся назадъ (выше, стр. 41 и 213); впрочемъ въ послѣднемъ случаѣ упрекъ идетъ отъ того лица, которое осталось на старомъ мѣстѣ жительства отъѣхавшаго; это и натурально. Оглядка невѣсты назадъ наказывается тѣмъ, что часть приданаго возвращается [2]. Этотъ поступокъ обыкновенно пріурочивается къ перевалу черезъ хребетъ. Абатай везетъ изъ Тибета статую; на перевалѣ она приросла къ скалѣ (см. Очерки, IV, 332—341; Живая Старина, 1891, кн. III, стр. 238). Абатай отрубаетъ верхнюю половину статуи и увозитъ; нижняя остается на перевалѣ. Сказаніе не говоритъ, что случилось это въ наказаніе за несоблюденіе какого нибудь обязательства. Перевалъ получилъ названіе Бурханъ-боксинъ-дабанъ, «перевала божьяго зада». Парное Бурханъ-бокси ср. съ Бурханъ-бакши; такъ вѣроятно называлось какое-то добудлійское монгольское божество [3], теперь же это имя перенесено на Будду. Не называлась ли такъ Полярная звѣзда?

О Бурханъ-бакши монголы говорятъ, что это правитель современной вселенной (чакравартинъ, «вращатель колеса»). Отношенія Бурханъ-бакши къ волкамъ, кажется, тѣ же, какъ у нашего Егорья (см. Очерки, IV, 275, а также выше, стр. 229).

---

89. ЗАРНИЦА.

Мѣстныя названія звѣзды:

Халхасцы хошуна А-гуна въ Гурбанъ-сайханѣ: Цолмунъ.

Халхасцы хошуна Чокуръ-вана: утренняя уріинъ Цолмонъ; вечерняя, Цзальгидыкъ емегенъ. По мнѣнію ламы Джамсэрэна, сообщившаго эти названія, оба они относятся къ одной и той же звѣздѣ.

Халхасцы хошуна Туше-гуна на Онгіинѣ: утренняя Цолмонъ, вечерняя Менгмыръ.

Южные монголы въ хошунѣ Найманъ-вана: утренняя Чолмонъ.

Кобокъ-зайрскіе торгоуты: Цолбонъ.

Солоны около Хайлара: Чолбонъ.

Широнголы въ Сань-чуани: Гегенъ-хоту, «свѣтлая звѣзда»; Чолбонъ-хоту (произносятъ Чорбонъ-хоту).

---

[1]) Ср. съ парнымъ Ганъ-тимуръ. Въ Забайкальѣ есть фамилія Гантимуровыхъ между обурятившимися тунгусами. Кантемуровы есть и на Кавказѣ. Одному изъ Кантемуровыхъ народное преданіе приписываетъ побѣду надъ змѣемъ (калмъ), который, свернувшись кольцомъ, облегалъ людей (В. Ѳ. Миллеръ, Экскурсы въ область русск. эпоса, М., 1892, стр. 52).

[2]) Въ разсказѣ воронежскихъ крестьянъ, записанномъ И. С. Поляковымъ (Записки Академіи Наукъ, т. XXXVII, кн. I, 1888, стр. 18) индеръ, чудовище, переходилъ черезъ рѣку Донъ, для чего онъ осушилъ его, выпилъ; оглянулся на дѣтей и лопнулъ. Кости его—кости мамонта. О формахъ индеръ и ундуръ см. въ Очеркахъ, IV, 901. Въ числѣ загадокъ, въ которыхъ является имя Андронъ или Дронъ, приведенныхъ тамъ, опущена одна, которая разгадывается: ужъ (Садовниковъ, Загадки русск. народа, № 1610).

[3]) У якутовъ именемъ Кыдай-бахсы называется кузнечный духъ (Изв. Вост. Сиб. Отд И. Р. Геогр. Общ., т. XV, № 3—4, стр. 62). Кыдай стоитъ на мѣстѣ монгольскаго бурханъ и напоминаетъ тюркское кудай, «богъ». Но въ этомъ значеніи кудай, кыдай якутамъ неизвѣстно. Едва ли персидское худа могло забраться къ якутамъ. У Агапитова встрѣчается Оборъ-боксо, мѣсто на землѣ, куда спустились съ неба сыновья Заянъ-сагана (Изв. того же Отдѣла, т. XIV. №№ 1—2, стр. 2).

Широнголы въ г. Боу-нань: Гегенъ-хоту.
Широнголы около г. У-янъ-бу: Гарчинъ.
Широнголы въ Тунъ-сянѣ: Гегенъ-хотунъ.
Шира-ёгуры: Чолбонъ.
Салары: Чолманъ, Чоллянъ.
Хара-ёгуры: Чолбонъ.
Тангуты около Гумбума: Гарчинъ.

Хухунорскіе олёты говорятъ: Цолмынъ оду гархани уріинъ тушикъ цова кубюнъ гархани торӧнъ тушикъ, т. е. восхожденіе звѣзды Цолмынъ краса зари, рожденіе крикуна ребенка краса для торӧ. Что такое торӧ, олётка, сообщившая выраженіе, не могла разъяснить; она сказала только, что у Едзенъ-хана есть шаджинъ и мѣдное (хули) торӧ.

По словамъ одного торгоута изъ Кобокъ-зайря Цолбону молятся (цзалбирна) женщины о дѣтяхъ. О немъ есть большой разсказъ, но разсказчикъ забылъ его.

Есть монгольская загадка: бурханъ чолмонъ нюдутей, т. е. «съ глазами Зарницы» (собственно съ глазами бога Чолмона). Разгадывается: «волкъ».

Въ Очеркахъ, II, 127 приведено монгольское выраженіе о звѣздѣ Цолманъ, записанное около г. Хобдо: цохуръ моритай цохшикъ цохтай авынь балдыкшикъ, т. е. «подобна челкѣ чубарой лошади, подобна доспѣхамъ отца Цохтая». Въ преданіи хухунорскихъ олетовъ (см. выше, стр. 284) Цоктай имѣетъ эпитетъ икэ балдагтай, но балдагъ мнѣ перевели въ этомъ случаѣ: фаллусъ, а не доспѣхъ [1]).

У Агапитова и Хангалова (Матеріалы, стр. 3) Зарница по-бурятски Уха-солбонъ. Одинъ бекъ временъ Чингисъ-хана по Рашидъ-эддину назывался Джалма-оха (I, 143); Рашидъ-эддинъ поясняетъ: «значеніе оха есть хищный, промышляющій на дорогахъ, храбрый». По Шашкову («Народы Россіи» въ «Живописн. Обозр.» 1879, № 19, стр. 411) по-бурятскому сказанію у Эцэгэ-маланъ-тэнгри есть пастухъ божественный Хуа-солбонъ (Зарница), который имѣетъ большое вліяніе на скотъ.

Въ Словарѣ о. Вербицкаго тюркскія имена Зарницы: Солбанъ (абаканск.), Чолмонъ (теленгит.), Чолпонъ (нижнебійск.), Шолбанъ (кондомск.), стр. 303, 431 и 449.

На языкѣ ингушей (на Кавказѣ) Зарница Кулбу сэ̀тгэ. Это звѣзда, на которую долженъ смотрѣть мусульманинъ во время вечерней молитвы (показаніе ингуша Михайлы, находившагося въ ссылкѣ въ Иркутскѣ). Въ Очеркахъ, IV, 73̧ не вѣрно это имя отнесено къ Полярной звѣздѣ.

Объ Уха-Солбонѣ см. въ Запискахъ Вост. Сиб. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. II, в. 1, стр. 5, 7. Уха-Солбонъ похитилъ земную дѣвицу, которая была просватана за человѣка; это онъ совершилъ, когда свадебный поѣздъ везъ невѣсту къ жениху. Ср. съ алтайскимъ разсказомъ о скалѣ Абымъ-бомъ (Очерки, IV, 214).

Солбанъ изображается на шаманскихъ бубнахъ. См. въ Записк. Вост. Сиб. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. II, в. 2, въ статьѣ Д. Клеменца: «Нѣсколько образцовъ бубновъ минусинскихъ татаръ», стр. 26. На приложеніомъ къ тексту рисункѣ, который на означенной страницѣ истолковывается со словъ шамана, изображены двѣ звѣзды, каждая въ видѣ кружка съ зубчиками по окружности; одна объяснена шаманомъ, какъ Солбанъ-иръ (переведено «заря»); другая объяснена солнцемъ (на рисункѣ пропущена цифра 2, которую очевидно слѣдовало поставить

[1]) Форма сокто спаривается иногда съ Сумбыръ; такъ въ бурятской сказкѣ гора Сокто-Сумбыръ (Зап. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Г. О. по этн., т. I, вып. 2, стр. 9, 23 и 25.

подлѣ звѣзды). Кругъ бубна раздѣленъ горизонтальной полосой на двѣ половины; нижняя половина представляетъ царство Иль-хана (т. е. Ирль-хана, Ерлика?), т. е. подземное царство; верхняя, соотвѣтственно такому объясненію, должна изображать наземный міръ, въ которомъ мы живемъ. Но можно видѣть въ этомъ дѣленіи представленіе о двухъ небахъ, ночномъ и дневномъ. Въ верхней половинѣ, т. е. на дневномъ небѣ изображены солнце и звѣзда Венера (Солбанъ), которая послѣднею изъ звѣздъ потухаетъ передъ восходомъ солнца; мѣсяца, какъ ночного свѣтила, шаманъ въ этой половинѣ не указываетъ. Въ нижней же половинѣ, т. е. на ночномъ небѣ представлены, можетъ быть, созвѣздія, видимыя ночью, «семь дѣвъ» и «семь усовъ» (чжиты усъ); это можетъ быть два созвѣздія Б. Медвѣдица и Плеяды; имя Ульгере, приданное шаманомъ изображенію какого-то звѣря, напоминаетъ тюркское имя Плеядъ: Ульгяръ. Однако распредѣленіе фигуръ не вполнѣ соотвѣтствуетъ и этому объясненію раздѣленія бубна. Мѣсяца нѣтъ и на нижней половинѣ бубна, т. е. на ночномъ небѣ; съ другой стороны изображеніе охоты, по моему мнѣнію, также естественнѣе было бы видѣть въ нижней половинѣ бубна, такъ какъ легенда объ охотѣ связана или съ созвѣздіемъ Оріонъ, или съ созвѣздіемъ Б. Медвѣдица.

Въ книжномъ сказаніи о Чингисъ-ханѣ и Шидургу послѣдній, прося пощады, обѣщаетъ отдать Чингисъ-хану звѣзды Мечитъ и Чолмонъ. Не составляла ли Чолмонъ цѣли нашествія Чингиса на Шидургу, т. е. не называлась ли этимъ именемъ жена Шидургу, завладѣть которой былъ намѣренъ Чингисъ-ханъ и которая, по ордосскому народному толкованію, была воплощеніемъ одной изъ Даръ (по-тангутски Джолма), именно Цаганъ-дары? На сходство одного изъ мотивовъ сказанія о Цаганъ-дарѣ, именно того, въ которомъ она, подъ именемъ Лхамо (или Хламо) является укротительницей злого царя, съ мотивами сказанія о Чингисѣ, было указано выше, стр. 271.

Варіанты имени жены Шидургу, утопившейся въ рѣкѣ, приведены выше на стр. 270. Могила ея теперь называется Темиръ-олху. Не было ли это ея именемъ? У Шлагинтвейта, въ легендѣ о Lhamo или Цаганъ-дарѣ, этотъ персонажъ пріуроченъ къ мѣстности Olgon, къ острову Ойхонъ; можетъ быть легенда была записана въ Забайкальѣ и въ ней кроются намеки на островъ Ольхонъ на Байкалѣ. Одна изъ женъ Чингиса, пріобрѣтенная имъ посредствомъ нашествія на иностраннаго хана (Солонгосъ), называется Салихай или Балахай (Алтанъ-тобчи, 134).[1])

Если имя Полярной звѣзды (Алтынъ-хатасунъ, Алтань-гасу) мы встрѣчаемъ пріуроченнымъ къ земнымъ урочищамъ, то мы можемъ разсчитывать найдти и подобныя же пріуроченія именъ другихъ звѣздъ. Напримѣръ не скрывается ли имени Зарницы (Чолмонъ) въ имени острова Барса-Кильмесъ, находящагося на Аральскомъ морѣ? къ этому острову пріурочена легенда о раѣ (Энциклоп. лексиконъ Плюшара, Спб., 1836, т. VI, стр. 35); у Радлова (Proben, IV, 443) Барса-кильмесъ отецъ дѣвицы, которую добываетъ Джиртушлюкъ. Въ другомъ мѣстѣ мы сближаемъ эту сказку съ эпизодомъ калмыцкаго сказанія о Гэсэрѣ и Анъ-дулманъ-ханѣ. Послѣдній то же, что Дёлмё бурятскаго сказанія и Андалма алтайскаго. Торонъ-музыкай выпиваетъ море, чтобъ обнажить скрывающагося въ немъ Дёлмё; въ киргизской сказкѣ товарищъ Джиртушлюка также выпиваетъ море. Позволяемъ себѣ выставить гипотезу, что былъ разсказъ о богатырѣ, который совершалъ поѣздку для добыванія какого-то сверхъестественною силой одареннаго предмета, въ имени котораго заключалась форма: чолбонъ, чолмонъ, кильм(есъ), дёлмё, и можетъ быть также калмы (ср. Калмы-тологой; см. выше, стр. 112). Это или благодѣтельный предметъ, приносящій довольство, или чудовище съ разбойническимъ характеромъ (Джалма-оха, Джалма-разбойникъ?).

---

[1]) «Олху» въ бурятскомъ сказаніи то чудовище, которое во время затменія сглатываетъ свѣтило (то же, что въ халхаскомъ Арахо); у южносибирскихъ тюрковъ въ такомъ отношеніи къ мѣсяцу стоялъ повидимому Джельбегень или Чельбегень (см. Очерки, IV, 190 и 774). Джельбегень съ одной стороны напоминаетъ имя Зарницы: Джильбы-хуньякъ (Оч. II, 127), съ другой халхаское ольби, имя «звѣрька летяги», Pteromys volans. Другіе варіанты этого имени: олюбъ-хулугана («хулугана» мышь, грызунъ вообще), олбо, олбынъ, ольбогò (Очерки, IV, 160). Въ киргизскомъ чжалмаусъ вм. чельбегень. У таранчей въ Кульджѣ (Radloff, Proben, VI, S. 221) Jälmungus, семиголовый и слѣпой, сосетъ кровь у людей. Маусъ, вторая половина киргизскаго слова, вѣроятно произошла изъ mungus, т. е. изъ монгольскаго мангусъ; отсюда же алтайскія: моосъ, мосъ, а также олетское Батыръ-муусъ (см. выше, стр. 284), бурятское Мойсъ-хара (Зап. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 2, стр. 26).

90. МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ.

Мѣстныя названія:

Халхасцы хошуна Чокуръ-вана: тэнгріинъ цзатылъ.

Южные монголы хошуна Найманъ-вана: тэнгріинъ джатылъ, тэнгріинъ ойтылъ.

Хухунорскіе олеты хош. Чинъ-хай-вана: тэнгріинъ цзакъ.

Халхасцы хошуна А-гуна въ Гурбань-сайханѣ: тэнгріинъ ойтылъ.

Солоны около Хайлара: тэнгріинъ колъ, «нога неба».

Салары: юлтусъ ухациганъ.

Тунъ-сянскіе широнголы: усу̀ мэрэнь, «водяная рѣка» [1]).

У волжскихъ калмыковъ: Ойдулъ (Нефедьевъ, Подробн. свѣд. о волжск. калм., Спб., 1834, стр. 244).

У ингушей на Кавказѣ: Сила сата. Это слѣдъ, оставшійся отъ медвѣдя, который тащилъ женщину Сату (показаніе ингуша Михайлы въ Иркутскѣ).

О происхожденіи Млечнаго пути см. В. П. Маргаритова, Объ орочахъ Императорской гавани, Спб. 1888, стр. 28 (слѣдъ отъ лыжи); въ Запискахъ Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн. т. I, в. 1, стр. 127; въ послѣднемъ случаѣ это молоко бабушки Мандзанъ Гёрмѳ, разлитое ею въ гнѣвѣ. Эта бурятская легенда свидѣтельствуетъ, что и на Востокѣ было повѣрье о Млечномъ пути, какъ о Halaxi. Въ тюрко-монгольскихъ сказкахъ рядомъ съ горою Сумбуръ (Сумеру) часто стоитъ и «Молочное море», Сумъ-далай по-халхасски, Хумъ-далай по-бурятски, или «Молочное озеро», Суть-куль по-алтайски и сойотски (см. Очерки, IV, 70, 314, 372, 429).

Въ ряду именъ урочищъ въ Монголіи встрѣчается Усюнъ-джюль, Усунъ-цзуйль, Узунъ-жулъ (Очерки, IV, 209, 333, 618). Первый членъ (усюнъ, усунъ) не происходитъ ли отъ сю, «молоко» и цѣлое парное не состоитъ ли изъ перевода перваго члена тюркскаго суть «молоко» и искаженнаго второго: вм. куль—цзюль? [2]) Рѣка Усюнъ-дзюль упоминается въ сказаніи объ Абатай-ханѣ (Очерки, IV, 334); тутъ же рядомъ и собака, обильная молокомъ. Урянхайцы во время грома, дѣлая возліяніе молокомъ, произносятъ: «Эдзенъ-сульде»!

---

91. НЕ ОПРЕДѢЛЕННЫЯ СОЗВѢЗДІЯ.

Хухунорскіе олеты говорятъ, что есть созвѣздіе Арбанъ-хоиръ оду, «Двѣнадцать звѣздъ».

Одинъ лама халхаскаго хошуна Чокуръ-вана сказалъ, что есть созвѣздіе Хунгъ-табынъ-одунъ, «пять лебединыхъ звѣздъ», которое находится въ серединѣ Млечнаго пути. По словамъ того же ламы, въ Халхѣ осенью покланяются огню,

---

[1]) Можетъ быть сю-мэрэнь, «молочная рѣка»?

[2]) Божество, дающее молоко коровамъ, по черемисскому повѣрью, есть шиперъ яръ кого юмо (шиперъ яръ — «молочное море»), Знаменскій, Горн. черемисы Казанск. губ., Вѣстн. Евр., 1867, декабрь, стр. 44. «Молочное озеро» въ аварской сказкѣ (Сборн. свѣд. о кавк. горцахъ, в. II, отд. 2, стр. 9—16). Въ немъ купается конь.

Большой Медвѣдицѣ, созвѣздію Хунгъ-табынъ-одунъ, и кромѣ того призывают кэшикъ, «счастье». Обрядъ призыванія «счастья» въ родѣ поклоненія огню; при немъ также кричатъ: хурей! При этомъ покланяются божеству Баянъ-Намсрынъ; думаютъ, что у этого божества безчисленное количество эрдени. Кто покланяется созвѣздію Хунгъ-табынъ-одунъ, тому будетъ удача въ четырехъ вещахъ: 1) воровать, 2) буху барилдаху, бороться, 3) мѣтко стрѣлять и 4) ? Въ этомъ созвѣздіи четыре животныхъ: верблюдъ, корова, лошадь и овца.

Въ Ордосѣ знаютъ созвѣздіе Чжанъ-тешь бакшіинъ яманъ хоро [1]). Другое называется Чононъ хоиръ нюту, «пара волчьихъ глазъ»; у Баргу-солоновъ есть созвѣздіе Чононъ-гурбанъ-нюдунъ, «три волчьихъ глаза». Судя по числу глазъ, это должно быть два различныхъ созвѣздія [2]).

Широнголы знаютъ еще звѣзды: 1) Шонгъ-гуршіинъ, двѣ звѣзды, восходящія на югѣ; 2) Джургонъ-хотӯ, «шесть звѣздъ»; они говорятъ, что это то же созвѣздіе, которое китайцы называютъ Леу-ланъ. Китайцамъ еще извѣстна звѣзда Нью-тоу-синъ, «звѣзда съ коровьей головой».

О кличѣ «хурей» см. Очерки, IV, 699. Монголы намъ толковали его русскимъ: «приди»! Банзаровъ (Черная вѣра, Спб., 1891, стр. 25) переводитъ: «покланяемся»! Порядинъ въ своемъ рукописномъ якутскомъ словарѣ (хранящемся въ Геогр. Обществѣ) якутскій кличъ: Уруй! переводитъ «подай»! Гороховъ въ своей статьѣ «Слѣды шаманства у якутовъ» (Изв. Вост. Сиб. Отд. Имп. Р. Геогр. Общ., т. XIII, в. № 3 (1882), стр. 38) сообщаетъ, что якуты кличутъ «уруй»! во время охоты на звѣрей. У хоринскихъ бурятъ подъ именемъ ура извѣстны особые кличи, которые были у каждаго рода для того, чтобы, перекликаясь въ темнотѣ во время охоты, сородичи могли узнавать другъ о другѣ (см. ст. г. Взмбоцэрэнова «Аба-хайдакъ» въ Извѣст. Вост. Сиб. Отд. Геогр. Общ., т. XXI, кн. 2, стр. 31). У киргизъ такіе кличи есть у каждаго рода на случай войны или родовыхъ ссоръ; они называются уранъ.

Въ «Очеркахъ» приведены произношенія: монгольское хурэй! или хура! (II, 91) и урянхайское (сойотское): куруй! (IV, 90) [3]). Въ виду неустойчиваго толкованія этого слова не слѣдуетъ ли искать его объясненія гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, напримѣръ въ именахъ созвѣздій? Плеяды на нѣкоторыхъ тюркскихъ нарѣчіяхъ называются: Угеръ (см. выше, стр. 323), Укаръ (324), Угарь, Ухэръ (Очерки, II, 125; IV, 137), Ухырь (Очерки, II, 125). Народное повѣрье приписываетъ созвѣздію періодическое исчезаніе, съ чѣмъ вмѣстѣ съ земной поверхности уносится и довольство, полнота жизни (см. выше, стр. 323); сказанія говорятъ о похищеніи Плеядъ или одной изъ звѣздъ созвѣздія. Обрядъ кликать «хура» или «куруй» не имѣлъ ли значенія призыва божества, которое воплощалось въ созвѣздіи, къ возвращенію на землю?

Въ алтайской сказкѣ Ерень-чечень попалъ въ плѣнъ или тюрьму и пишетъ сыну, женатому на мудрой женѣ иносказательное письмо, будто онъ пьетъ арайанъ-коройонъ [4]), считаетъ

---

[1]) «Чжанъ-тешь» съ китайскаго; по объясненію разсказчика значитъ что-то въ родѣ астронома, то же что по монгольски «тэнгріинъ бакши». Названіе созвѣздія будетъ значить «козій хлѣвъ астронома».

[2]) Въ рукописномъ сборникѣ г. Дубровы находится бурятская загадка: зунъ зуги дербунъ убугунъ, «на востокѣ четыре старика»; отгадывается: Шононъ дербунъ нюдынъ, (созвѣздіе) «Четыре волчьихъ глаза».

[3]) Сойты весной, когда разцвѣтаютъ цвѣты, призываютъ Джеты-гуре («семь гуре»), Сумеръ-олу и Молочное озеро (Очерки, IV, 70). У якутовъ упоминаются семь боговъ братьевъ Сятта кюре жясагай-ай (Изв. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. т. XVII, № 1 — 2, стр. 125). Первый изъ братьехъ богъ грома, второй — молніи.

[4]) Ср. съ монгольскимъ арцза-хорцза, самая сильная водка (Очерки, IV, 836), съ киргизскимъ арабъ-сарабъ (Живая Старина, 1891, кн. IV, стр. 161), съ якутскимъ юряйба-сарайба (см. т. I этого изданія, стр. 122).

сводъ небесный, покрывается одѣялами изъ бѣлаго шелка въ шесть рядовъ; въ заключеніе письма просить прислать Мудрый Оселокъ, Керсӱ-пілӱ. Мудрая невѣстка толкуетъ письмо: арайанъ-коройонъ—слезы, бѣлыя шелковыя одѣяла снѣгъ; счетъ на небесномъ сводѣ значитъ, что онъ ничего не видитъ, кромѣ небесныхъ звѣздъ (сидитъ въ заточеніи). Мудрый Оселокъ, это сама мудрая невѣстка (Вербицкій, Словарь алт. и аладаг. нарѣчій, Казань, 1884 г., стр. 85). Иносказаніе должно содержать какой нибудь намекъ на предметъ, который оно подразумѣваетъ; въ бѣломъ одѣялѣ есть такой намекъ на снѣгъ; въ оселкѣ мы не видимъ ключа къ отгадкѣ, поэтому думаемъ, что Керсӱ пілӱ было собственнымъ именемъ мудрой жены. Это можетъ быть Арья-бало; мудрая невѣстка Ерень-чеченя была сравниваема съ Февроніей муромской легенды (А. Н. Веселовскій въ статьѣ: Новыя отношенія мур. легенды о Петрѣ и Февр. и сага о Рагнарѣ Лодброкѣ); эпизодъ исцѣленія князя Петра можетъ быть сближаемъ съ исторіей китайской богини Гуань-инъ-пусы, которая врачуетъ своего прокаженнаго отца и которая была воплощеніемъ Арья-бало. См. выше, стр. 226.

Въ Запискахъ Вост. Сиб. Отд. Имп. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 2, стр. 152, я пытался установить связь между сказками о Ерень-чеченѣ и бурятскими сказаніями о Эсэгэ маланѣ и его невѣсткѣ Юрюнь-хатунѣ или Шеше-хатунѣ, при чемъ отмѣтилъ сходство въ именахъ: 1) Эрень-чечень и 2) Юрюнь и шеше. Повидимому это имя являлось и женскимъ, и можетъ быть разсказъ о Ерень-чеченѣ принималъ видъ призыва дочери матерью, страдавшей отъ снѣговъ и мрака заточенія.

---

92. ПОВѢРЬЯ О ЖИВОТНЫХЪ.

1. Верблюдъ и мышь.

(Монгольскій).

Верблюдъ и мышь побились когда-то объ закладъ (теме хулагана хоиръ урту чакта моричисенъ), кто изъ нихъ увидитъ напередъ восходящее солнце. Верблюдъ смотрѣлъ на востокъ, мышь сѣла на голову верблюда и смотрѣла на западъ и увидѣла напередъ солнечные лучи на западныхъ горахъ. Такимъ образомъ верблюдъ прозѣвалъ право на первый годъ въ циклѣ двѣнадцати лѣтъ (теме арбанъ хоиръ джиль гуджеджи байна). И теперь верблюдъ любитъ поднимать голову и осматриваться.

Верблюдъ имѣетъ уши мышиныя, глаза змѣиные, губы залчьи, грудь тигра, задъ обезьяны, шею дракона, кочки овечьи, копыта коровьи, хвостъ свиньи, бедра собачьи, хохолокъ курицы и гриву лошади (хулуганенъ чиктей могонъ нюдутей тулай урултай баръ чеджитай мечинъ боксётей лунъ куджютей хонинъ бӧхӧтей укуръ туратай гахай сӱльтей нохонъ гуитей таха убӱктей моринъ дельтей).

Омолонъ, монголъ изъ Ордоса.

(Олётскій).

Шея у верблюда драконова, хвостъ змѣи, хребетъ лошади, волосъ (цзокдуръ)[1]) овцы, бровь обезьяны, чолка (сангма) курицы, колѣно (ободӱкъ) собаки, копыто свиньи, ухо мышиное, брюхо коровье, глазъ тигра и губа заячья.

Олетка хухунорская.

---

[1]) О цзокдуръ см. ниже стр. 355.

Въ «Особомъ прибавленіи» къ «Акмолл. областн. вѣдом.», 1889, № 7, помѣщена ст. г. С. Г-на «Киргизская легенда» о двѣнадцатилѣтнемъ циклѣ (мучель). Имена годовъ: мышь, тышканъ; корова, сыиръ; тигръ, барсъ; заяцъ, коянъ; крокодилъ, улу; змѣя, джиланъ; лошадь, чжилкы; баранъ, кой; мизгиръ, мэчинъ; курица, таукъ; свинья итъ; обезьяна, донгузъ. Тутъ перепутано; донгузъ слѣдовало перевести «свинья», итъ—«собака» и мэчинъ—«обезьяна». Киргизы забыли, что такое мэчинъ и переводятъ: мизгиръ, т. е. паукъ. Далѣе сообщается разсказъ о спорѣ между животными; каждое животное выставляетъ свои заслуги. Мышь предлагаетъ передать первенство тому, кто первый увидитъ свѣтъ восходящаго солнца. Отсюда пословица: «Не смотря на ростъ, верблюдъ не удержалъ за собой ни одного года», тюѣ буюне сызыбъ кулъ калды.

О подобномъ же спорѣ см. Зап. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 2, стр. 77; Очерки, IV, 143.

2. Летучая мышь.

(Монгольскій).

Летучая мышь имѣетъ сходство съ тремя родами животныхъ: съ имѣющими клыки (аратай), съ имѣющими когти (хумустай) и имѣющими крылья (талабчитай). Когда царь крылатыхъ станетъ требовать дань съ летучей мыши, она говоритъ ему, что она аратай; когда царь звѣрей, владѣющими клыками, потребуетъ отъ нея дани, она говоритъ, что она талабчитай. Отъ всѣхъ трехъ вѣдомствъ такимъ образомъ отбилась. Ханъ-хурмустенъ-ханъ, живущій на небѣ, имѣлъ дочь; онъ объявилъ: какая птица выше всѣхъ поднимется, которой пѣсню онъ прежде всѣхъ услышитъ, за ту онъ и отдастъ свою дочь. Летучая мышь (шарисынъ баабагай) сѣла на плечи коршуна (тасъ); коршунъ поднялся выше всѣхъ. Ханъ-хурмустенъ спрашиваетъ: »Кто ко мнѣ ближе всѣхъ»? Летучая мышь отвѣчаетъ: «Мое худенькое тѣло» (мини му біинъ). Тасъ, не знавшій, что на немъ сидитъ мышь, услышавъ ея голосъ, потрясъ плечами и сбросилъ ее съ себя. Летучая мышь, падая на землю, кричала: «Мягкая земля! мягкая земля!»! (дзӧлинъ хадзаръ дзӧлинъ хадзаръ).

Джамсэрэнъ, халхасецъ изъ Хангая.

Въ Ордосѣ монголы думаютъ, что если обыкновенная мышь поѣстъ соли, она становится летучей мышью (бакбагай).

3. Птица ябылыкъ.

(Монгольскій).

Жена Ханъ-гариди, бывшаго хана птицъ, стала жаловаться мужу, что ей жестко спать, что ей нужна мягкая постеля, что для этого ханъ долженъ собрать всѣхъ птицъ и отъ нихъ собрать пухъ. Царь собралъ всѣхъ птицъ и проткнулъ имъ носы, чтобъ держать на привязи. Одинъ ябылыкъ не явился въ это собраніе.

Потомъ и онъ является. Кельбиръ кельбиръ ямындарчедъ ялбыръ ялбыръ кебидерчедъ. Ямындаръ ю гечжи байна [1])?

[1]) За неумѣніемъ перевести, оставлено безъ перевода.

Ханъ-гариди спрашиваетъ у ябылыка: «Чего больше, ночи или дня?» Ябылыкъ отвѣчаетъ: Ямындаръ сюни олонъ байна. «Ночи больше».

Кебидеръ ю байна [1])?

Ябылыкъ отвѣчаетъ: Бюркукъ удури сюни эртуачадъ будыгеръ ери эмэ эртуачадъ, сюни эмэ хоиръ олонъ. «Если къ ночамъ отнести пасмурные дни, къ женамъ отнести женоподобныхъ мужчинъ, то ночей и женщинъ больше».

Гарчинъ яхунъ сары боосынъ би? «Отчего твои лапки залоснились грязью?»

Ихэ тосунъ бара удзисынъ угэй. («Оттого, что) не трогалъ большаго масла».

Нютучинъ яхунъ шарàласынъ би? «Отчего у тебя глаза зажелтѣли?»

Икэ тосунъ икэтесенѝ («Оттого, что) большое масло съѣлъ» (?)

Чикычинъ яхунъ долдойсынъ би? «Отчего твое ухо отвисло?»

Номинъ-до соноссынъ угэй. «Не слыхалъ священнаго писанія».

Тологойчинъ яхунъ каптайсынъ би? «Отчего твоя голова приплюснута»?

Шоторъ табичи каптайла ябылыкъ шибо. «Потому что я, птица ябылыкъ, клала ее подъ шо» (?).

Унинен уртенъ уксыкъ угэй ябылыкъ шибо ябучи ба. И безродная (не имѣющая исконнаго древняго происхожденія) птица ябылыкъ отбыла.

Омолонъ, ордосскій монголъ.

Ябалакъ, чжапалакъ тюркск. «сова». Хара-ябалакъ, «летучая мышь» у хамійскихъ тюрковъ (Очерки, II, 139). Въ западномъ Туркестанѣ шаполакъ, бабочка шелковичнаго червя; Федченко. Путеш. въ Туркестанъ, т. I, ч. II, «Въ Коканскомъ царствѣ», тетр. I, стр. 26.

---

4. Ольби.

(Монгольскій).

Ольби, «летяга», превозносится передъ небомъ и помѣстившись подъ деревомъ, надувается и становится съ корову. Если громовая стрѣла поражаетъ дерево, это значитъ, что подъ нимъ находился ольби.

Джамсэрэнъ, монголъ-халха изъ Хангая,
хош. Чокуръ-бейли.

---

5. Бурундукъ.

(Монгольскій).

Бурундука, солонго, хорошо держать въ домѣ, по повѣрью у ордосскихъ монголовъ; во время непогоды онъ оберегаетъ домъ.

---

[1]) Не переведено.

6. Сурокъ.

(Монгольскій).

1. Былъ Эрхе-мергенъ. Онъ задумалъ стрѣлять по солнцу и лунѣ. Въ это время около случился какой-то бурхонъ (sic). Этотъ бурхонъ украдкой отъ Эрхе-мергена взялъ одну изъ звѣздъ Мечита (Плеядъ), а Мечитъ тогда состояло не изъ шести, а изъ семи звѣздъ, и говоритъ Эрхе-мергену: «Если ты съумѣешь, зажмуривъ глаза, попасть въ одну изъ звѣздъ Мечита, то и въ солнце и луну попадешь, а если не попадешь въ Мечита, то и въ солнце и луну не попадешь»! Эрхе-мергенъ натянулъ лукъ, зажмурилъ глаза и отпустилъ стрѣлу; стрѣла попала въ одну изъ звѣздъ Мечита и уничтожила ее, но бурхонъ успѣлъ въ это время прежде украдкой взятую поставить на мѣсто убитой звѣзды. Эрхе-мергенъ смотритъ: когда начиналъ стрѣлять, было шесть звѣздъ въ Мечитѣ и теперь тоже шесть; значитъ промахнулся. Послѣ этого онъ сказалъ: хоро убусунту хагачжи ухуя, хара усунту цацачжи ухуя, «если сухую траву поѣмъ, умру, если ключевую воду попью, умру!» и обратился въ сурка (тарбагана). Поэтому сурокъ не ѣстъ сухой травы, а только зеленую, и не любитъ сырого мѣста, всегда селится на сухомъ.

Пунсукъ, лама халхаскаго хошуна
Туше-гуна на Онгіинѣ.

---

2. Тарбаганъ (сурокъ) прежде ходилъ по земной поверхности, а не жилъ подъ землей и былъ вреднымъ для людей существомъ. Эрхе-мергенъ далъ клятву убить тарбагана, выстрѣлилъ изъ лука и отстрѣлилъ ему большой палецъ. Въ испугѣ тарбаганъ зарылся въ землю и сказалъ: «Буду отнынѣ ѣдой для всякихъ тварей»! И теперь его беретъ птица тасъ, бюргутъ, сорока, ловитъ волкъ и стрѣляетъ человѣкъ.

Запис. отъ старика Лубсына, халхасца,
шаби вѣдомства Заинъ-гегена.

---

3) Тарбаганъ былъ прежде человѣкомъ. Это былъ сильный и искусный Эрхи-мергенъ. Неизвѣстно почему-то онъ обратился въ сурка (тарбагана), не сталъ ѣсть сухой травы (хякъ-убюсу), не сталъ пить воды и сталъ на зиму ложиться въ землю; въ 15 число средняго весенняго мѣсяца онъ пробуждается, а въ 15 число средняго осенняго мѣсяца опять ложится—всегда въ одно время; столь умный Эрхи-мергенъ. Подъ мышками у сурка и теперь есть человѣческое мясо, которое, когда ѣдятъ сурочину, выбрасываютъ.

Молонъ-тайджи, халхасецъ хошуна Чинъ-вана.

(Солонскій).

4. Сурокъ (тарбага) былъ великій мергенъ (стрѣлокъ); какой-то нойонъ отрубилъ ему палецъ и велѣлъ закопать его въ землю.

Записано отъ солона изъ Хайлара.

О Эрхи-Мергенѣ см. въ Зап. Вост. Сиб. Отд. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 2, стр. 79. О суркѣ Очерки, IV, 179.

Въ книжномъ сказаніи о Чингисъ-ханѣ имя Эрке-хара носитъ братъ Ванъ-хана киреитскаго (хиритскаго?); онъ изгоняетъ брата изъ его царства, но потомъ онъ самъ былъ побѣжденъ. Въ «Вост. Сборникѣ» Спб., 1872, стр. 159: Ѣлике-хала, братъ Ванъ-хана предался Инаньчи-кэханю, рода Найманъ и Инань-чи отнялъ у Вана улусъ Кэлѣ (Кирей?) и отдалъ Ѣлике-халѣ. De Mailla говоритъ, что Jelikn было родовое имя Ванъ-хана. Говорсъ прибавляетъ: это кажется китайская транскрипція знаменитаго торгоутскаго родового имени Еркетъ: History of the Mongols, I, 558. У о. Іакинеа (Собр. свѣд. о народ. Средн. Азіи, ч. I, стр. 305 и 427) Инань, предводитель поколѣнія Илихи, измѣнилъ своему хану Хэли и передался китайскому императору. Въ Очеркахъ, II, прим. стр. 51 я сближалъ этотъ эпизодъ, относящійся къ VII вѣку, съ исторіей Ванъ-хана кирейскаго (XIII вѣка).

Въ честь Экэри, предка поколѣнія экэритовъ (ихиритовъ), сѣверные буряты сложили фразу гутаръ эхэтэй эркги эсэкгэтэй эркгитъ солотой т. е. «налимъ (рыба) былъ его матерью, берегъ (эркги) отцомъ, а почетное названіе его было Эркгитъ». (Памятн. кн. Иркутск. губ. за 1881 г., стр. 187, Зап. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 2, стр. 147; Очерки, IV, 825). Подъ «берегомъ», можетъ быть, слѣдуетъ разумѣть собственное имя Эркги. Другая эпическая фраза о томъ же предкѣ: эрихэ ондохонъ экиритъ, т. е. «въ яру найденный Экиритъ». Это былъ мальчикъ, выходившій на берегъ изъ озера Байкала; онъ былъ найденъ и изловленъ шаманкой Асухэхъ (Очерки, IV, 325). Разсказъ объ этой ловлѣ мы сближали съ исторіями: 1) ловли Ерь-Сару и 2) ловли народившагося въ пещерѣ ламы въ тангутской сказкѣ Егъ-таму-нцо (см. выше, стр. 186, а также Этн. Обозр., кн. VIII, стр. 143); послѣдній персонажъ мы принимаемъ за Арья-бало.

Агапитовъ и Хангаловъ упоминаютъ онгонъ ирихэ, очень распространенный у бурятъ (Матеріалы, стр. 33). Дархатская легенда разсказываетъ о дарьхе и другихъ старыхъ богахъ, которые были утрачены и опять найдены; ихъ подлинность открывается изъ того, что брошенные въ воду, они плывутъ вверхъ по рѣкѣ (Очерки, IV, 407). То же чудо разсказывается о винокуренномъ снарядѣ, изобрѣтенномъ Чингисомъ (ibid., 211). Винокуренная труба, по-алтайски джиракы[1]), составляетъ цѣль богатырской поѣздки Иринъ-сайна въ алтайской сказкѣ (ibid., 429). Я уже сближалъ эту сказку съ урянхайской о Эртене-мергенѣ, который добываетъ не винокуренную трубу, а живого бога Колду-бурхана (ibid., 916). Эртене-мергенъ на пути домой отрубаетъ у Колду бурхана палецъ; Абатай также привозитъ живого бога, но дорогой отрубаетъ не палецъ, а всю верхнюю половину тѣла, иначе сказать разрубаетъ его пополамъ (ibid 333). Разрубаніе пополамъ пріурочивается также къ имени Арахи, Араху и пр. и опять рядомъ съ темой о изобрѣтеніи напитка (Очерки, IV, 209; см. также выше, стр. 283). Подобно тому, какъ въ сказаніи объ Абатаѣ разрубаніе пополамъ есть усиленіе темы объ отрубленномъ пальцѣ сказки объ Эртене-мергенѣ, такъ и во второмъ случаѣ разрубаніе пополамъ Арахы есть усиленіе темы объ отрубленномъ пальцѣ сказки объ Эрхэ-мергенѣ.[2])

Въ тюркской фонетикѣ форма Эрхэ является въ видѣ Эркэ. У Вербицкаго (Словарь алт. яз. стр. 51) ерке—«милый», «любимецъ» (матушкинъ сынокъ). У якутовъ встрѣчается парное Эркяжярякя, его мать — матерь земли Анъ-алай-хотунъ; она покровительствуетъ произрастанію травъ и деревьевъ (но не дѣтородію). Растенія зеленѣютъ отъ дыханія ея дѣтей Эркя-жярякя. Эти божества обитаютъ въ старыхъ красивыхъ деревьяхъ, у большихъ озеръ и пр. (Слѣпцовъ въ Изв. Вост. Сиб. Отд. Геогр. Общ., XVII, № 1—2 стр. 126).

---

[1]) По-монгольски цорго; въ словарѣ о. Вербицкаго (стр. 450) шорга, шорка.

[2]) Эрхэ-бидекте см. выше, стр. 45 (въ подстрочн. примѣчаніи) въ бурятскомъ варіантѣ Гэсэра; ср. Буху Беликтуй, стр. 296.

Въ книжныхъ памятникахъ о времени Чингисъ-хана упоминается Джерке-линъ-гунъ, предокъ тайджіутовъ, котораго я сближаю съ Эрте-уланъ-хунъ-тайджи нынѣшнихъ устныхъ преданій о предкахъ (см. выше, стр. 135).

Эркэ вошло въ составъ имени, которымъ назывались христіане въ древней Монголіи. О. Палладій въ своей статьѣ: «Старинные слѣды христіанства въ Китаѣ» (Вост. Сб. Спб. 1872, т. I, стр. 27) говоритъ: Христіане въ Китаѣ при монголахъ были извѣстны подъ загадочнымъ именемъ ѣликэунь. Въ монгольскихъ текстахъ оно является въ формѣ множ. числа эркэгутъ. Несомнѣнно, что настоящее правописаніе ѣликэунь есть эркэгутъ, въ ед. числѣ эркэунъ. Что это имя означало христіанъ, въ томъ согласны и монголо-китайскіе документы и армянскія и монгольскія сказанія. У Вардана они названы аркаунами, у Степаноса аркаунъ, въ исторіи Орпеліановъ архаюнъ (ark'ha-ioun). Д'Оссонъ приводитъ извѣстіе книги Тарихъ джиганъ кушай, что христіане назывались у монголовъ архаунъ. Какъ послѣдніе звуки унъ и утъ, говоритъ далѣе о. Палладій, прилагаются къ общимъ наименованіямъ для участненія ихъ, то вся сила въ словѣ эркэ. Если это слово монгольское, то значеніе его надобно искать въ малоизвѣстныхъ архагумахъ этого языка. Но такъ какъ въ одномъ новооткрытомъ памятникѣ основзателемъ вѣры ѣликэунъ по китайской транскрипціи названъ Ѣли я [1]) и какъ это названіе соотвѣтствуетъ монгольскому Эркэ, то послѣднее должно отнести къ лицу Іисуса Христа; о. Палладій думаетъ, что «монголы передѣлали имя Христа въ Эркэ» и что подъ именами эркэунъ и эркэгутъ слѣдуетъ разумѣть «людей Христа». Фразу можно понять такъ, какъ будто о. Палладій хотѣлъ сказать, что имя Христа не было подставлено другимъ, уже имѣвшимся въ оборотѣ, а передѣлано изъ иностраннаго имени; однако онъ зналъ о существованіи этого имени въ Монголіи (Эркэ-хара), но не зналъ только тѣхъ подробностей, которыми мы выше обставили это имя. Эти подробности даютъ поводъ предполагать, что Эркэ (ирихэ, Арахы?) былъ центромъ особаго, можетъ быть добуддійскаго культа и героемъ нѣкоторыхъ легендъ [2]).

У Марко Поло архуаны являются въ формѣ аргунъ [3]). Потье думаетъ, что Марко Поло принимаетъ аргуновъ за дворянъ въ Тандукѣ, т. е. въ царствѣ Вана киреитскаго. Et pour ce ont il la seigneurie et sont bons marchans. Они родятся отъ двухъ расъ de la lengnée des celz Argon Tenduc et des celz redue et des celz que aurent, Maomet. Въ эдиктѣ, переведенномъ Wilie, это слово, сообщаетъ Потье, встрѣчается въ формѣ ierk'ekhun, въ китайскомъ ye-li-kho'wan или yerkowan (Pauthier, Le livre Marco Polo, I, p. 213—217). Въ переводѣ Юля: «И тутъ есть классъ людей, назыв. Argons, которые то же, что французское guasmul, или другими словами помѣсь отъ двухъ расъ, т. е. изъ расы идолопоклонниковъ Тендука и расы поклонниковъ Магомета. Они самые красивые люди изъ туземцевъ и, какъ наиболѣе искусные, они достигаютъ власти. И они же главные купцы» (Youl Marco Polo, I, 245). На стр. 280—281 въ примѣчаніи Юль говоритъ, что Клапротъ первый указалъ, что Аргоны это архауны, т. е. восточные христіане, но что Поло вполнѣ ясно выражается, что разумѣетъ не христіанъ, а расовую помѣсь; затѣмъ Юль приводитъ свидѣтельства о томъ, что слово это (argans, ar'goon, arghun) и до сей поры употребляется въ Туркестанѣ и въ западномъ Тибетѣ. Тутъ же Юль сообщаетъ, что Гулагу, приступивъ къ Багдаду, послалъ письмо къ судьямъ, шейхамъ, ученымъ и архаунамъ города, обѣщая пощадить тѣхъ, кто сохранитъ миръ; и дома архауновъ были пощажены. Не опущена ли тутъ примѣта на домахъ, которые подлежали пощадѣ? Не слѣдуетъ ли этотъ разсказъ признать источникомъ обряда у-юѣ-танъ-ву, который соблюдается во всемъ сѣверномъ Китаѣ и состоитъ въ выставленіи зеленыхъ вѣтвей у дверей и оконъ въ 5 день пятой луны (см. т. I, стр. 9 и 378)? Ср. хотанскій разсказъ о статуѣ бога, которая предупреждаетъ ратана о предстоящей гибели города (см. выше стр. 190), и русскій разсказъ о Рахѣ-разбойникѣ (Садовниковъ, Сказки и преданія самарскаго края, № 99, вар. б).

---

[1]) Ѣли-я можетъ быть слѣдуетъ возстановить Ѣрья, т. е. Арья-бало.

[2]) Г. Боннель въ своей книгѣ о скиѳахъ принимаетъ Геродотовыхъ Аргиппеевъ за калмыковъ; они лысые, питаются только сокомъ древесныхъ плодовъ и служатъ судьями въ ссорахъ между другими народами. Не доходили ли уже тогда до грековъ слухи о предполагаемыхъ нами поклонникахъ добуддійскаго божества Эркэ?

[3]) У бурятъ есть родъ Арга'анъ, у киргизъ Аргынъ.

7. Заяцъ.

(Монгольскій).

Нѣкоторые ламы говорятъ, что у зайца есть рога, но намъ они не видны. Это эрдени-убуръ [1]).

Сантанъ-джимба.

8. Почему у зайца хвостъ черный.

(Торгоутскій).

Одна женщина овдовѣла; однажды она заказала своей дочери, чтобъ та не ѣла безъ нея какой-то вкусной ѣды и ушла; дочь не вытерпѣла и усѣлась безъ нея за ѣду. Умершій отецъ всталъ изъ могилы, принялъ видъ зайца, вошелъ въ домъ и осудилъ дѣвицу. Дѣвица въ сердцахъ ударила зайца «шевелиромъ» (палкой, которой мѣшаютъ въ огнѣ) и разсѣкла ему губу, а концомъ палки попала по хвосту и запачкала его копотью. Оттого у зайца разсѣченная губа и черный хвостъ. Послѣ того люди не стали воскресать, а прежде, умерши, вновь вставали.

Разсказъ торгоута, родомъ изъ урочища Кобокъ-зайри, проживающаго на р. Едзинъ-голѣ.

См. Очерки, II, 167; IV, 708 [2]). Чубинскій, Труды этногр.-стат. экспед. въ Западно-русскій край, т. I, в. 1 (Спб., 1872), стр. 66 (скупая дѣвица обращена въ черепаху).

9. Хорекъ (хуринъ).

(Монгольскій).

Зимой хуринъ роетъ много норъ. Одну начнетъ рыть; роетъ, роетъ,—«какое вонючее мѣсто»! скажетъ, броситъ это мѣсто и начнетъ рыть въ другомъ. А вонь-то своя собственная.

Очиръ, монголъ изъ Ордоса.

10. Усунъ-буха.

По ночамъ въ озерахъ раздается крикъ или гулъ. Не знаютъ хорошо, то ли это птица, то ли усунъ буха, «водяной быкъ».

Пунсукъ изъ Ордоса.

[1]) Эрдени—«драгоцѣнность»; убуръ—«рогъ».

[2]) Въ «Очеркахъ» тутъ недосмотръ; напечатано: «царство Майтере наступитъ, когда хвостъ у зайца почернѣетъ»; слѣдуетъ: «когда побѣлѣетъ»; ср. съ сказаннымъ въ Очеркахъ, IV, на стр. 133.

11. Кукушка (хухэй шибо).

(Монгольскій).

Бурханъ-бакши каждое лѣто посылаетъ кукушку узнавать, каковы хлѣба, каковъ урожай. Кукушка относитъ къ Бурханъ-бакши сѣмена (эдэ) травы гушйибюсу, которая поспѣваетъ къ отлету кукушки. Назадъ кукушка возвращается по головамъ сорокъ, которыя для этого становятся рядомъ и образуютъ мостъ. Въ этомъ заключается служба (алба) сорокъ. Оттого-то въ 7-й лунѣ у сорокъ вытираются перья на темени.

Сантанъ-джимба.

Кёкё-шибо (кукушка), говорятъ, есть птичій царь, шибонай ханъ.

Пунсукъ изъ Ордоса.

---

12. Воробей (больджуха).

(Монгольскій).

Зимой, ночь наступитъ, станетъ приморáживать, больджуха думаетъ: «Завтра непремѣнно начну строить гнѣздо! Ужъ очень холодно!» На завтра солнце взойдетъ, больджуха и забудетъ о вчерашнемъ.

Очиръ, монголъ изъ Ордоса.

---

13. Лягушка.

(Монгольскій).

Въ Ордосѣ монголы думаютъ, что градъ (мендуръ) дѣлаетъ лягушка. Она пьетъ воду и вода въ ея нутрѣ превращается въ градъ; образовавшіяся градинки она выкладываетъ въ ключи; надъ этими градинами бываетъ обыкновенно земляной бугорокъ. Стоитъ разрыть такой бугорокъ, чтобъ найдти градинки, положенныя лягушкой. Въ этомъ, говорятъ, состоитъ служба (алба) лягушки.

Очиръ, монголъ изъ Ордоса.

Китайцы думаютъ, что лягушки и всякій гадъ прячутся въ день праздника ву-юѣ-ву, т. е. въ 5 день 5-й луны; въ этотъ день не бываетъ ихъ видно, и не бываетъ слышно ихъ крика.

Записано въ Гуй-хуа-ченѣ.

Китайцы думаютъ, что гладкія и широкія поверхности привлекаютъ молнію, что, поэтому, лягушки, имѣющія блестящее брюхо, поворачиваются во время грозы на спину, движимыя къ къ тому чѣмъ-то въ родѣ сродства, и тѣмъ привлекаютъ громовую стрѣлу (Baber, A journey of exploration in western Ssú ch'uan, Lond., p. 40) У кавказскихъ ингушей я записалъ повѣрье: тучи лежатъ въ морѣ; ангелъ, малаки, выгоняетъ ихъ. Громъ гремитъ, по-ингушски мелéjкъ. Салары въ Сюнъ-хуа-тинѣ называютъ радугу мелекé (Солоны около Хайлара называютъ её канъ).

---

14. Алтынъ-мелекей.

(Монгольскій).

Алтынъ-мелекей, «Золотая лягушка» лежитъ на спинѣ и держитъ Сумеру своими четырьмя лапами; если пошевелитъ одной лапой, подуетъ теплый вѣтеръ, другой—пойдетъ дождь, третьей—станетъ тепло.

Сантанъ-джимба.

15. Черепаха.

Китайцы думаютъ, что черепаха не пьетъ воду и не мочится.

Пржевальскій слышалъ повѣрье, что черепаха впивается въ тѣло и только, когда увидитъ ее бѣлый верблюдъ, или бѣлый козелъ и закричитъ, она отстаетъ (Монголія. I, 138).

16. Змѣи.

(Монгольскій).

Есть чаганъ сумунъ могай, змѣи бѣлыя стрѣлы. Такая змѣя бросается въ воздухъ; попавъ въ идущую мимо корову, она прошибаетъ ей бокъ и входитъ въ ея нутро. И корова и змѣя при этомъ умираютъ.

Пунсукъ изъ Ордоса.

17. Муравей (шоргольджи).

(Монгольскій).

Золотоносную землю (алтанъ гарадыкъ гадзаръ) указываетъ муравей. Тѣ муравьи, которые имѣютъ крылья, въ состояніи подняться до неба; другіе, которые безъ крыльевъ, роясь, проникаютъ въ самую глубь земли.

Пунсукъ изъ Ордоса.

18. Ханъ-гариди.

(Монгольскій).

Ханъ-гариди никогда не летаетъ; вѣчно сидитъ, не шевелясь, на одномъ мѣстѣ.

Пунсукъ изъ Ордоса.

Юль: Garuda индусовъ, Simurgh древнихъ персовъ, 'Anǵka арабовъ, Bar Juchre раввинскихъ легендъ, Grips грековъ было то же, что Rukh (Youl, Marco Polo, II, 408).

Одна записанная мною калмыцкая сказка заставляетъ Ханъ-гарнде, царя птицъ, жить на горѣ Сумеру (Очерки, IV, 758).

19. Нохой-баргасу.

(Монгольскій).

Въ сѣверовосточной (джюнъ-хойно) сторонѣ есть народъ нохой-баргасу; у этого народа женщины, какъ женщины и при томъ красивыя, а мужчины имѣютъ видъ настоящихъ собакъ; это большія черныя, косматыя собаки. Народъ богатъ овцами и козами; ѣдятъ только мясо и кромѣ него ничего. Одинъ лама батырчи, странствуя по землѣ много лѣтъ, случайно зашелъ къ нимъ.

Очиръ, ордоскій монголъ, хошун. джасыка.

Есть люди съ собачьей головой и одной ногой; они ходятъ, обнявшись по двое.

Запис. отъ широнгола въ Саньчуани.

---

20. Алмасъ.

(Монгольскій).

Есть существа, имѣющія одинъ глазъ, одинъ сосокъ, одну руку и одну ногу. Единственную грудь это существо носитъ, забросивъ за плечо. Онъ называется алмасъ.

Пунцукъ, монголъ изъ Ордоса.

---

21. Самые большіе въ мірѣ звѣрь, гора, море и дерево.

(Монгольскій).

Между звѣрями самый большой звѣрь подё (боди), между горами самая большая гора Сумберъ, между деревьями самое большое дерево тростникъ, между морями самое большое Сумъ. Гуресунду подё-гурёсу ики, оланду Сумберъ-ола ики, модонду хулусу-модо ики, далайду Сумъ-далай ики.

Ордосскій монголъ Пунсукъ.

Этотъ отрывокъ, а также помѣщенный выше (№ 18) о птицѣ Ханъ-гариде даютъ поводъ подозрѣвать, что у монголовъ была книга въ родѣ нашей Голубиной книги. Въ монгольской, вмѣсто нашей Ѳаворъ-горы, стояла какъ будто Сумберъ-ола, вмѣсто Ильмень-озера—Сумъ-далай, вмѣсто Страфиль-птицы—столь же неподвижно сидящая Ханъ-гариде. Ики, «большой» можетъ быть понято вмѣсто экэ, «мать». Если темы нашей Голубиной книги откроются въ монгольскомъ фольклорѣ во всей своей полнотѣ, то названіе книги можно было бы объяснить монгольскимъ галапъ, «міровданный потопъ».

---

22. Камень джада.

(Монгольскій).

Есть два рода джада: змѣиный (могоинъ джада) и ослиный (ельджигенъ джада). Первый находится въ пазухѣ между двумя развилками хвоста змѣи, имѣющей раздвоенный, какъ у ласточки, хвостъ. Другой родъ джада находится въ груди (убче) чернаго осла (хара ельджигенъ). Этотъ послѣдній очень сильный. Если его подержать надъ родникомъ, пойдетъ дождь.

Пунсукъ, монголъ изъ Ордоса.

Литература о камнѣ джида указана у Юля (Youl, Marco Polo, v. I, 300—302; у Березина Библіот. восточн. историковъ, Шейбани-наме, Казань, 1849, стр. 5; у Григорьева, Восточный Туркестанъ (Землевѣд. Азіи Риттера), вып. I-й (перев. и примѣч.), стр. 459—462; см. также у о. Палладія въ Трудахъ Пекинск. дух. миссіи, IV, 176, Vámbéry. Die primitive Cultur des turco-tatarischen Volkes auf grund-sprachischen Forschungen, Leipz., 1879, S. 249; въ моихъ Очеркахъ сѣв. зап. Монголіи, IV, 189, 773; у Д'Оссона, Hist. d. Mongols, t. II, p. 615—618 (извлеченіе изъ Бергмановскихъ Streifer., Th. III, S. 183, изъ Палласа, Samml., th. II, 350 и Рашидъ-эддина); въ Запискахъ Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн.. т. II, в. I, стр. 6.

Повѣрье это извѣстно и егурамъ, обитающимъ въ горахъ къ ю. отъ Гань-чжоу и Су-чжоу (см. т. I, стр. 442). Егурскій обрядъ ср. съ широнгольскимъ, совершаемымъ во время засухи (см. т. I, стр. 377) и китайскимъ въ Сы-чуани (ibid., 316).

---

91. ПРИСКАЗКА О ДВѢНАДЦАТИ ГОДОВЫХЪ ЗВѢРЯХЪ.

(Олетскій).

Хатынъ деренъ байхада хара цохуръ луту болсынъ
Хадынасынъ буухуду шяра цохуръ луту болсынъ
Арбанъ хоиръ джильданъ бактысынъ баръ негинъ эрденѝ маньчжу мергенъ цзе.

Бутунъ деренъ байхада букдунъ боро юдѝ болсынъ
Бутанасынъ буухуду дельдынъ боро юдѝ болсынъ
Арбанъ хоиръ джильданъ бактысынъ тулай негинъ эрдени маньчжу мергенъ цзе.

Тенгріинъ деренъ байхада текши цохуръ лую̀ болсынъ
Тенгиринъ дересынъ буухуду кокy цохуръ лую̀ болсынъ
Арбанъ хоиръ джильданъ бактысынъ лу негинъ эрдени маньчжу мергенъ цзе.

Сулу оркусунъ суръ шингѐ
Теми оркусунъ тѐсе шингѐ
Арбанъ хоиръ джильданъ бактысынъ могой негинъ эрдени маньчжу мергенъ цзе.

Унугу больчжи тюричжи улуснитянъ унду больчжи
Тага больчжи тюричжи тясынъ бюгуденъ коль больчжи
Арбанъ хоиръ джильданъ бактасынъ мори негинъ эрдени маньчжу мергенъ цзе.

Хургу больчжи тюричжи хурусуннитенъ унду больчжи
Толюго больчжи тюричжи тӧрёсынъ бюгуденъ тичжаль больчжи
Арбанъ хоиръ джильданъ бактасынъ хо негинъ эрдени маньчжу мергенъ цзе.

Чжибыртай сюданъ джиргынъ гарсынъ
Джирынъ негинъ дзулдзуга дахуулсынъ
Арбанъ хоиръ джильданъ бактасынъ мӧчинъ негинъ эрдени маньчжу мергенъ цзе.

Унтусынъ кюниги оркоролунъ серюульдыкъ
Кебтесынъ кюниги келинъ серьгяльдыкъ
Арбанъ хоиръ джильданъ бактасынъ така негинъ эрдени маньчжу мергенъ цзе.

Якъ якъ хуцучжи ясы юганъ кемилядъ
Хонгъ хонгъ хуцучжи хото юганъ манадъ
Арбанъ хоиръ джильданъ бактасынъ нохой негинъ эрдени маньчжу мергенъ цзе.

Баряхы деренъ баркырсынъ
Баркырысыннанъ хойне чишкисынъ
Арбанъ хоиръ джильданъ бактасынъ чахай негинъ эрдени маньчжу мергенъ цзе.

Хумыръ хумыръ идычжи хулӯй таллярынъ таргыльчжи
Кӯбыръ кӯбуръ идычжи кюбей таллярынъ таргыльчжи
Арбанъ хоиръ джильданъ бактасынъ хулугуна негинъ эрдени маньчжу мергенъ цзе.

Хату хацыриги хагылынъ эбдесянъ
Хамыкъ амитани тичжаль болсынъ
Арбанъ хоиръ джильданъ бактасынъ укурь негинъ эрдени маньчжу мергенъ цзе.

Элисьта гадзыранъ эрбинъ эрбинъ гэсинъ
Дэриста гадзыранъ дэрбинъ дэрбинъ гэсинъ
Арбанъ хоиръ джильданъ куцюсынъ темя негинъ эрдени маньчжу мергенъ цзе.

ПЕРЕВОДЪ:

Во время пребыванія на горѣ (скалѣ) чернопестрымъ Луту бывшій, спустившись съ горы, желтопестрымъ Луту ставшій, въ числѣ двѣнадцати годовъ входящій баръ (тигръ)—должно быть это драгоцѣнность Маньчжу-мергенъ.

Сидѣвшій на кустикѣ кипца [1]), прикурнувшійся сѣрый Юдя, спустившись съ

[1]) Буту, «кипецъ», Festuca ovina, злакъ, растущій низенькими пучками. Побурятски кажется бутула.

кипца, вислоухимъ [1]) сѣрымъ Юдей ставшій, въ число двѣнадцати годовъ входящій тулай (заяцъ)—должно быть это драгоцѣнность Маньчжу-мергенъ.

Бывшій на небѣ равномѣрно [2]) пестрымъ Лую, спустившись съ неба ставшій сине-пестрымъ Лую, въ число двѣнадцати годовъ входящій луу (драконъ)—должно быть это драгоцѣнность Маньчжу-мергенъ.

Подобная слабо опущенному (не натянутому) ремню, подобная брошенной на произволъ веревкѣ [3]), въ число двѣнадцати годовъ входящая могай (змѣя)—должно быть это драгоцѣнность Маньчжу-мергенъ.

Родивши одногодовалаго жеребенка, (дающая) напитокъ народу, родивши двухъ-годовалаго жеребенка [4]), покланяющемуся народу дающая ноги, въ число двѣнадцати годовъ входящая мори (лошадь)—должно быть это драгоцѣнность Маньчжу-мергенъ.

Родивши одно-годовалаго ягненка, дающая народу напитокъ, родивши двухъ-годовалаго ягненка [5]), въ число двѣнадцати годовъ входящая хо (овца)—должно быть это драгоцѣнностъ Маньчжу-мергенъ.

Въ вѣтряную ночь издающая щебетанье [6]), сопровождаемая шестьдесятъ однимъ дѣтенышемъ, въ число двѣнадцати годовъ входящая мочинъ (обезьяна)—должно быть это драгоцѣнность Маньчжу-мергенъ [7]).

Спящій (ночью) народъ крикомъ [8]) разбужающій, лежащему народу подающій сигналъ вставать, въ число двѣнадцати годовъ входящій така (пѣтухъ)—должно быть это драгоцѣнность Маньчжу-мергенъ.

Съ лаемъ: якъ! якъ! грызущая свою кость, съ лаемъ: хонгъ! хонгъ! стерегущая дворъ, въ число двѣнадцати годовъ входящая нохой (собака)—должно быть это драгоцѣнность Маньчжу-мергенъ.

Будучи пойманною кричащая, послѣ крика визжащая, въ число двѣнадцати годовъ входящая гахай (свинья)—должно быть драгоцѣнность Маньчжу-мергеиъ.

Грызущая и (оттого) жирѣющая около горла, грызущая [9]) и тѣмъ нагуливающая жиръ на брюхѣ [10]), въ число двѣнадцати годовъ входящая хулугуна (мышь)—должно быть это драгоцѣнность Маньчжу-мергенъ.

Раздробившая на осколки крѣпкую землю, всему народу дающая пищу, въ

---

[1]) Дельдинъ «широкій», «отвислый»; здѣсь относится повидимому къ ушамъ зайца и переведено словомъ «вислоухій».

[2]) Текши «равномѣрно»; фраза хочетъ, повидимому, сказать, что пятна или пестрины расположены равномѣрно, симметрично.

[3]) Теси—волосяная веревка.

[4]) Тага—двухъ-годовалый жеребенокъ.

[5]) Тѳлюго—двухъ-годовалый ягненокъ.

[6]) Джиргинъ «чириканье»; бокширге джиргинѝ, «воробей чирикаетъ».

[7]) Когда Мечинъ (Плеяды) появляются на небѣ осенью, бываетъ вѣтряно, поясняла сама разсказчица. олетка. По-бурятски джабыръ, холодные утренники съ вѣтромъ; во время «джабыра» вѣютъ хлѣбъ; съ поднятіемъ солнца «джабыръ» прекращается.

[8]) Оркирху кричать съ переливами.

[9]) Хумыръ-хумыръ! кѳбыръ-кѳбыръ!—звукоподражанія.

[10]) Кюбэй, хубэ, субэ—мѣсто надъ бедромъ, простирающееся и на брюхо, но не на спину.

число двѣнадцати годовъ входящая укурь (корова)—должно быть это драгоцѣнность Маньчжу-мергенъ.

Колыхающійся по песчаной странѣ, кивающій [1]) въ странѣ, поросшей дэрисуномъ [2]), двѣнадцать годовъ (въ себѣ) вмѣстившій (исполнившій, заключившій) темя̀ (верблюдъ)—должно быть это драгоцѣнность Маньчжу-мергенъ.

Хухунорская олетка изъ хошуна
Чинъ-хай-вана (зап. въ Гумбумѣ).

Верблюдъ соединяетъ въ себѣ двѣнадцать ста̀тей животныхъ, входящихъ въ двѣнадцатиричный циклъ. По формѣ шеи онъ драконъ, по хвосту—змѣя, по хребту—лошадь, по руну [3])—овца, по брови (комускѐ)—обезьяна, по челкѣ (сангма)—пѣтухъ, по колѣну—собака, по копыту—свинья, по уху—мышь, по брюху—корова, по глазамъ—тигръ, по губѣ—заяцъ.

Она же.

---

[1]) Т. е. наклоняющійся для скусыванія верхушекъ травъ, по объясненію разсказчицы. Парное: дербинъ дербинъ выражаетъ, что предметъ качается сверху внизъ. Если доска будетъ однимъ концомъ всажена въ пазъ, и если другой ея конецъ, свободно висящій въ воздухѣ, будучи пригнутъ внизъ и отпущенъ, станетъ качаться сверху внизъ, объ этомъ движеніи можно будетъ сказать: дербинъ-дербинъ. Если вмѣсто доски будетъ вставленъ тонкій прутъ, у котораго подобныя качанія будутъ едва замѣтны для глаза, это будетъ: ербинъ-ербинъ; но этихъ выраженій нельзя примѣнить къ маятнику стѣнныхъ часовъ; о предметѣ подвѣшенномъ и качающемся, какъ маятникъ, говорится ханджикъ-сэрбикъ. О подобномъ же качаніи предмета, вонруженнаго нижнимъ концомъ въ землю, напримѣръ о качаніи дерева, стоящаго на корню, говорится найгикъ-найгикъ.

[2]) Дэрисунъ, Lasiagrostis splendens.

[3]) Цзокдуръ—особенно хорошая шерсть на кочкахъ и особенно подъ шеей. Можетъ быть, вмѣсто «руно» слѣдовало бы перевести «ость».

ПРИЛОЖЕНІЯ

I.

Исторія спасителя Мила-райбы или сборникъ пространныхъ и всесовершенныхъ пѣснопѣній.

Глава о встрѣчѣ духовнаго сына-охотника съ (Мила)-райбой въ сНьи-шанъ-гур-рТа [1]).

(Переводъ съ тибетскаго [2]) А. О. Ивановскаго).

Спаситель Миларайба, посадивши своихъ учениковъ—духовныхъ дѣтей, каждаго въ отдѣльной пещерѣ, по совершеніи чествованія сонма добрыхъ духовъ (букв. духовъ «не людей», санскр. Амануша) бѣлой стороны [3]), самъ погрузился въ самад'и «теченія воды» въ пещерѣ, называемой Ка-тія, пустынномъ мѣстѣ, при своей уединенности веселомъ и обладающемъ всѣми необходимыми условіями (для созерцанія). Въ передней части этой пещеры сланцевая, снѣговая и родниковая (?) вода падала постоянно и безъ перерыва, издавая пріятные, звенящіе въ ушахъ звуки. (Она была) на находящейся въ пустынномъ мѣстѣ сНьи-шанъ-гур-рТа, между Тибетомъ и Непаломъ, высокой крутой горѣ, на которой постоянно разстилаются облака и туманы и (оттого) безпрерывно идутъ большіе дожди и снѣга. На правой (-западной) сторонѣ этой горы, на высокой, съ отвѣсными скалами вершинѣ (? букв. горѣ) шумятъ дикіе звѣри и летаютъ цари птицъ—грифы; на лѣвой (-восточной) сторонѣ на покрытой зеленой травой и мягкой (sic) вершинѣ (?) мирно играютъ по своимъ склонностямъ изюбри, козули и сохатые, а на передней сторонѣ, внутри прекраснаго сада, украшеннаго различными цвѣтами, пробуютъ свою силу и ловкость орангъ-утанги и забавляются пляской, при помощи своихъ крыльевъ, павлины, индѣйки и другія различныя красивыя птицы, распѣвая своими прекрасными голосами

Впослѣдствіи въ началѣ пещеры однажды громко залаяла собака, и сзади раздался большой шумъ.

---

[1]) Это заглавіе въ текстѣ стоитъ въ концѣ главы, какъ во всѣхъ тибетскихъ сочиненіяхъ.

[2]) При переводѣ я имѣлъ подъ руками два текста: тибетскій (обозначенъ сокращенно тибет.) и монгольскій (обозначенъ—монг.), но держался преимущественно перваго.

[3]) Бѣлая сторона—сторона боговъ—боги; черная сторона—сторона злыхъ духовъ, злые духи.

(Тогда) Миларайба [1]) подумалъ: «Прежде это мое мѣсто весьма способствовало созерцанію, теперь есть (какое-то) препятствіе». Вышелъ изъ пещеры и сталъ сидѣть на верху большого валуна въ состояніи «великаго невообразимаго милосердія». Въ это время къ нему подбѣжалъ покрытый сильнымъ потомъ [2]) черный изюбрь, (видимо) пораженный сильнымъ страхомъ. При видѣ его въ душѣ Миларайбы пробудилось глубокое состраданіе, и онъ подумалъ: «Въ силу прежнихъ дѣлъ (т. е. грѣховъ, сдѣланныхъ въ предъидущихъ перерожденіяхъ) получивши такое тѣло, (этотъ изюбрь) въ настоящей своей жизни, не совершивши никакого грѣха, долженъ терпѣть подобныя невыносимыя мученія. Ахъ бѣдный! Надо преподать ему ученіе Махāяны и (тѣмъ) приготовить къ вѣчному блаженству». (Поэтому) онъ сказалъ изюбрю слѣдующіе стихи:

Преклоняюсь передъ [3]) святымъ Марба-ламой!
Благослови (меня) прекратить мученія живого существа.
(А) ты живое существо, имѣющее тѣло изюбря и голову краснаго звѣря,
Послушай пѣніе Миларайбы, также имѣющаго тѣло изюбря и голову краснаго звѣря.

* * *

Сколько бы ты ни убѣгалъ отъ внѣшнихъ видимыхъ предметовъ,
(Но) прежде наступленія (букв. безъ) времени избавиться отъ невѣжества, ошибочно смотрящаго,
Не въ состояніи бросить (эти твои) внѣшнія тѣло и душу.
(Теперь) настало время отвергнуть невѣжество, ошибочно смотрящее.

* * *

Отъ весьма быстраго созрѣванія дѣлъ (и воздаяній за нихъ)
«Внѣшнее» тѣло куда можетъ убѣжать?
Когда оно убѣгаетъ отъ (воздаянія дѣлъ), то убѣгаетъ «внутреняя» душа,
А душа прибѣгаетъ къ святости (высшему совершенству, санскр. бод'и).

* * *

Если пожелаешь избавиться (отъ воздаянія за дѣла) посредствомъ другихъ отверженій, то произойдетъ ошибка.
По уничтоженіи ошибочной мысли, посиди здѣсь.
(О изюбрь), теперь въ своемъ представленіи
Нестерпимо боясь смерти,—

* * *

---

[1]) Въ тибетскомъ текстѣ собственно стоитъ рЧжеб-Цзунь—достопочтенный, божественный; въ монгольскомъ богда Мила «святой Миларайба». Но я вездѣ для ясности проставилъ одно собственое имя.

[2]) Тибет. букв. съ каждаго волоска котораго капали капли пота.

[3]) Букв. падаю въ ноги. Относительно Марба-ламы надо замѣтить, что среди переводчиковъ сочиненій Чандрагомина упоминается (см. Зап. В. Отд. И. Р. А. О. т. IV, стр. 255) Мар-ба-Чойцзи-Ванъ-чуг (Марба—владыка вѣры). Не одно ли это и то же лицо? Тогда приблизительно опредѣлится время перевода одного изъ сочиненій, приписываемыхъ Чандрагомину. Если Мила-райба жилъ около половины XI вѣка, то Марба жилъ въ концѣ X или въ началѣ XI в., такъ какъ ниже Мила-райба называетъ его своимъ учителемъ.

Надѣешься спастись на горѣ, находящейся на той сторонѣ,
Боишься, какъ бы не былъ схваченъ на горѣ по эту сторону,
И (такимъ образомъ) въ состояніи надежды и страха бѣгаешь кругомъ (т. е. монг. переносно: вращаешься въ кругу перерожденій этого міра).
Давши тебѣ наставленіе касательно шести предметовъ ученія Нāро [1]),

* * *

Я покажу тебѣ созерцаніе «великой печати» (санскр. Махāмудра).

Когда Миларайба произнесъ эти стихи голосомъ подобнымъ голосу Брахмы [2]), чрезвычайно пріятнымъ для слуха и плѣняющимъ сердца тѣхъ живыхъ существъ, которыя услышатъ его, то вслѣдствіе его состраданія мученія страха у изюбря утихли, и послѣдній, проливая слезы, лежалъ по лѣвой сторонѣ, безъ всякаго страха лижа его одежду.

Затѣмъ Миларайба подумалъ: «Передъ этимъ лаявшая собака дѣйствительно была та, которая имѣла цѣлью повредить оленю! Какова-то она?» Въ это время появилась, отыскивая слѣдъ изюбря и громко лая отъ сильнаго гнѣва и ярости, красная сука, съ ошейникомъ изъ чернаго хвоста яка, исцарапавшая всѣ свои лапы о скалы, высунувшая въ сторону свой языкъ и быстрая, какъ молнія въ воздухѣ. «Ахъ, преслѣдующая изюбря собака очевидно эта; эта собака, какіе бы внѣшніе, видимые предметы ни увидала, смотритъ на нихъ, какъ на враговъ и не избавлена отъ гнѣва и ярости; надо только укротить ея гнѣвъ», подумалъ Миларайба и, сильно тронутый, сказалъ сукѣ слѣдующіе стихи, выказавшіе его милосердіе:

Преклоняюсь предъ святымъ Марба-ламой,
Благослови укротить гнѣвъ живого существа!
(А) ты живое существо съ тѣломъ собаки и головою волка,
Выслушай пѣніе Миларайбы, (также) съ тѣломъ собаки и головою волка.

* * *

Такъ какъ ты всѣ видимые предметы, какіе бы не являлись, принимала за враговъ.
(То) гнѣвъ и дурныя мысли возмущали (твою) душу,
И (ты) переродилась въ тѣлѣ (такой) грѣховной собаки.
Теперь упражняйся здѣсь въ перенесеніи голода [3]).

* * *

(Тебѣ) нѣтъ времени успокоиться (отдохнуть) въ мученіяхъ мірскихъ суетностей,
Если ты еще не понялъ (букв. не схватилъ) своей собственной «души»,
(То) какая польза, если схватишь другого (букв. другое «тѣло»).
Если ужъ понимать (букв. схватывать), такъ настало время понять собственную душу.

* * *

[1]) См. ниже. Имя учителя Миларайбы.
[2]) Букв. благозвучію Брахмы; такъ называется и одинъ Будда (Брахмагоша).
[3]) Тиб. букв.: сидя въ состояніи мучительнаго голода.

Оставивши свой гнѣвъ, побудь здѣсь (у меня).
Теперь въ своемъ представленіи,
Вслѣдствіе страсти нестерпимаго гнѣва,
Съ горы по эту сторону (ты) боишься, какъ бы не убѣжалъ (изюбрь);

* * *

На горѣ по ту сторону надѣешься схватить (послѣдняго)
И (такимъ образомъ) со страхомъ и надеждою бѣгаешь вокругъ (т. е. монг. переносно: вращаешься въ кругу перерожденій этого міра).
Давши тебѣ наставленіе о шести предметахъ ученія Нāро,
Я покажу тебѣ созерцаніе «великой печати» (Махāмудра).

Когда Миларайба отъ великаго милосердія преподалъ (такое) наставленіе мелодичнымъ голосомъ, гнѣвъ собаки укротился, и она, издавая жалобные звуки, виляя предъ Миларайбой хвостомъ, облизывая его одежду и оказывая ему прочіе знаки благоговѣнія, сидѣла по правую сторону его, положивши кончикъ морды между двухъ рукъ (лапъ?) и лежа съ изюбремъ на подобіе матери и сына.

Затѣмъ Миларайба подумалъ: «Сзади этихъ двухъ живыхъ существъ безъ сомнѣнія находится грѣшный человѣкъ. Когда-то онъ придетъ сюда»? Въ это время вдругъ подошелъ человѣкъ съ совершенно чернымъ лицомъ, (въ такомъ видѣ:) глаза его налились кровью, волоса были связаны на макушкѣ, обѣ полы были заткнуты за поясъ; на себѣ онъ несъ шубу (изъ козлиной шерсти), увязанную въ силки, въ рукахъ держалъ лукъ и стрѣлу, (повидимому) былъ не въ состояніи перевести духъ и съ обильно капавшимъ страшнымъ потомъ. Такъ какъ сука и изюбрь дружно (букв. на подобіе матери и сына) сидѣли около Мила-райбы, (то явившійся человѣкъ) подумалъ, что Мила-райба [1]) сдѣлалъ съ послѣдними что-либо дурное [2]), и, сильно разсердившись, сказалъ: «Эти одѣтые въ бумажныя матеріи (райба по тиб.) и великіе созерцатели совсѣмъ не далеки (безтолковы). Въ высокихъ мѣстахъ, такъ приходятъ въ ущелья горъ во время (монг., тиб.: въ мѣста) убиванія дикихъ звѣрей; въ низкихъ мѣстахъ, такъ являются на берегъ моря во время (въ мѣста) убиванія рыбъ и бобровъ; въ прочихъ [3]) же мѣстахъ являются въ населенныхъ мѣстахъ въ пункты торговли и (являющихся отъ нея) ссоръ. Хотя бы они умерли по одному или по два, ничего не значитъ. (А) ты [4]) смогъ остановить моихъ изюбря и собаку. Посмотрю, сможетъ ли моя стрѣла пронизать твою одежду». Сказавши такъ, онъ (охотникъ) положилъ стрѣлу на тетиву и совсѣмъ натянулъ лукъ. Тогда Мила-райба подумалъ: «(Даже), когда я преподалъ ученіе животнымъ по своей природѣ не свѣдущимъ, (то) они поняли; (подавно), если преподамъ ученіе этому человѣку, онъ пойметъ его», и сказалъ (охотнику): «Ахъ, человѣкъ! ты подожди стрѣлять и затѣмъ послушай мое пѣніе (монг. послѣ этой стрѣляй)». (Затѣмъ

[1]) Собственно, въ тиб. текстѣ—великій созерцатель, въ монг.—лама.
[2]) Монг.: употребилъ противъ собаки и изюбря дурное средство.
[3]) Букв. промежуточныхъ.
[4]) Обращаясь къ Мила-райбѣ.

онъ) произнесъ голосомъ Брахмы слѣдующіе стихи охотнику мГоньбо-Дорчже изъ глубины души, одаренной знаніемъ, состраданіемъ и умѣніемъ:

Прошу божественныхъ мудрецовъ:
Благословите уничтожить пять «ядовъ»[1])!
(А ты) живое существо, съ тѣломъ человѣка и головою ракшаса,
Послушай пѣніе Мила (-райбы, также) съ тѣломъ человѣка и головою ракшаса!

* * *

Драгоцѣнное человѣческое тѣло трудно получить,
(А), какъ посмотришь на подобныхъ тебѣ, то въ немъ нѣтъ ничего рѣдкаго (замѣчательнаго).
(Ты), съ грѣхами тѣла ракшаса[2]),
Ненавидя мученья этого дурнаго перерожденія,

* * *

Хотя бы и удовлетворялъ желанія этой жизни[3]),
Но (тиб. вслѣдствіе грѣховъ) неудовлетворишь этихъ желаній (монг. вполнѣ).
Если (монг. понявши) оборотишь (въ другую сторону, тиб. внутреннія) вожделѣнія, то получишь сверхъестественную силу (сидд'и).
Если же будешь стараться совладать[4]) (только) съ внѣшними представленіями, то не совладаешь (съ ними).

* * *

Для тебя настало время укротить (подчинить себѣ) свою душу:
Ты, убивши изюбря, не насытишься (монг. на вѣки).
Если (же) истребишь «пять внутреннихъ ядовъ», исполнишь, что̀ бы ни задумалъ,
И побѣды[5]) надъ внѣшними врагами будутъ возрастать въ количествѣ.

* * *

[Если совладаешь со своимъ «внутреннимъ» характеромъ, то не будетъ (внѣшнихъ) враговъ[6])]
Если, не совершая грѣховъ въ (этой) жизни (въ тѣлѣ) человѣка,
Будешь исполнять ученіе превосходныхъ (тиб.) святыхъ, то будетъ хорошо.
Преподавши тебѣ наставленіе касательно шести предметовъ ученія Нāро,
Я покажу тебѣ созерцаніе «великой печати».

Услышавши эти слова (Мила-райбы), охотникъ подождалъ (стрѣлять) и такъ подумалъ: «Эти слова его въ своей сущности не вполнѣ достовѣрны (т. е. понятны); (однако) прежде у этихъ собаки и изюбря ярость и страхъ были очевидны[7]), а те-

---

[1]) Тиб.: дуг; мон.: хоора.
[2]) Тиб.; по-монг.: харши магуй ѣхэ нигулту хумун чи.
[3]) Т. е. желанія, являющіеся во время жизни въ этомъ мірѣ.
[4]) Букв. укрощать.
[5]) Бук. укрощеніе.
[6]) Этого полустиха нѣтъ въ монгольскомъ текстѣ.
[7]) Тиб., монг. страшно велики.

перь они сидятъ справа и слѣва, по обѣимъ сторонамъ его подобно матери и сыну; да и я зимою даже въ ущельяхъ снѣжныхъ горъ не испыталъ (того, чтобы) уронить на землю стрѣлу, а на этотъ разъ самъ невольно уронилъ. Поэтому это, или знатокъ дурныхъ заклинаній (тарни), или замѣчательный лама. Необходимо изслѣдовать его поведеніе».

Подумавши такъ, охотникъ вошелъ внутрь пещеры, въ которой сидѣлъ Мила-райба, и посмотрѣлъ. Такъ какъ тамъ не было ничего, кромѣ стеблей крапивы и горькихъ листьевъ, (то) онъ возымѣлъ сильную вѣру и сталъ спрашивать: «Ахъ, лама! какъ называется твой лама, твое ученіе и какъ выражается твой «памятный стихъ»[1])? Каковы твое мѣстопребываніе, товарищи и достатки (состояніе)? Если они соотвѣтственны, то я подарю тебѣ жизнь этого изюбря и послѣдую за тобой».

Тогда Мила-райба, сказавши: «Мое мѣстопребываніе и товарищи именно таковы; поэтому, если ты можешь слѣдовать за мной, то приходи (добропожаловать)» сказалъ (этому) охотнику мГоньбо-Дорчже слѣдующіе стихи:

Три ламы: Тēло, Нāро и Марба —
Вотъ три учителя Мила-(райбы).
Если существуютъ эти три ламы,
(То) слѣдуй за Мила(-райбой) [2]).

* * *

Лама, идамъ (духъ-покровитель) и Дакини —
Эти три—предметы поклоненія Мила-(райбы).
Если эти три предмета поклоненія существуютъ,
(То) слѣдуй за Мила(-райбой).

* * *

Воззрѣніе (теорія), созерцаніе и дѣйствіе (поведеніе)—
Эти три (и есть)—пункты запоминанія Мила-райбы.
Если эти и т. д.

* * *

Сланцевыя горы, снѣжныя горы и шиферныя (?монг. съ проваломъ т. е. вулканы?)
Эти три—мѣста упражненія Мила-(райбы). горы—
Если эти и т. д.

* * *

Изюбри, козули и сохатые —
Эти три—домашній скотъ Мила(-райбы).
Если эти и т. д.

* * *

---

[1]) Или «твои пункты запоминанія», т. е. главная сущность ученія, для лучшаго запоминанія изложеннаго въ формѣ коротенькаго стиха.

[2]) Въ тибетскомъ собственно три полустиха, какъ и вездѣ ниже, но я раздѣлилъ согласно монгольскому тексту.

Рыси, шакалы и волки —
Эти три—домашнія собаки Мила(-райбы).
Если эти и т. д.

* * *

Индѣйки, тетерева и грифы —
Эти три—домашнія птицы Мила(-райбы).
Если эти и т. д.

* * *

Солнце, луна и звѣзды —
Эти три—свѣточи Мила(-райбы).
Если эти и т. д.

* * *

Боги, черти и рйши—
Эти три—сосѣди Мила(-райбы).
Если эти и т. д.

* * *

Орангъ-утанги, обезьяны и медвѣди [1]) —
Эти три—товарищи веселія для Мила(-райбы).
Если эти и т. д.

* * *

Спокойствіе, ясность и отвлеченность [2])—
Эти три—товарищи въ печали для Мила(-райбы).
Если эти и т. д.

* * *

Крапива, потато и яица —
Эти три—пища Мила(-райбы).
Если эти и т. д.

* * *

Сланцевая вода, снѣговая вода и шиферная (?) (монг. родниковая?) вода —
Эти три—напитки Мила(-райбы).
Если эти и т. д.

* * *

Жилы, воздухъ и мужское сѣмя —
Эти три—одежда Мила(-райбы).
Если эти т. д.

Когда Мила-райба сказалъ это, охотникъ подумалъ: «(Его) дѣйствія (=поведеніе), слова и метода соотвѣтственны». (Отъ этого) его благоговѣніе еще болѣе увеличилось, и онъ, проливая слезы, поклонился, принялъ благословеніе но-

---

[1]) Тибет. по Jäschke, по-монг. (Ковал.) гіены.
[2]) Т. е. полная свобода отъ тяжести матеріи.

гой [1]) и сказалъ [2]): «Великій святой! (монг. просто: о лама!) изюбря, суку, стрѣлу и лукъ, шубу и силки—всѣ эти предметы я поднесу тебѣ (букв. ламѣ). Я и сука оба прежде сдѣлали много грѣховъ, (но), такъ какъ на будущее время не будемъ дѣлать ихъ, то умоляю эту суку гЛог-сЧжад-дМар-мо ввести въ страну боговъ и блаженныхъ (монг. руководить по пути спасенія); этого чернаго изюбря прошу вести по пути великаго блаженства; меня охотника мГоньбо-Дорчже также прошу вести по пути спасенія (на почвѣ ученія). Эту просьбу онъ изложилъ въ слѣдующихъ стихахъ:

Мой находящійся на правой сторонѣ (отъ тебя) черный изюбрь, украшенный бѣло-
снѣжными рогами,
Если бы (я) убилъ его, служилъ бы для утоленія голода въ теченіи семи дней;
(Но) онъ мнѣ [3]) не нуженъ, и я подношу его тебѣ, ламѣ.

* * *

Прошу чернаго изюбря вести по пути великаго блаженства,
Прошу (суку) гЛог-сЧжад-Мар-мо (монг. красную суку) вести по пути бод'и,
Прошу (меня) мГоньбо-Дорчже направить къ спасенію [4]).

* * *

Эта находящаяся на лѣвой сторонѣ сука гЛог-сЧжад-Мар-мо,
Когда (бывало) отпустишь ее, хватала даже летящихъ птицъ;
(Теперь) она мнѣ не нужна, и я подношу ее тебѣ.
Прошу чернаго изюбря и т. д.[5]).

* * *

Эти украшенные кольцами силки,
Когда (бывало) опутывалъ (ими) изюбрей и дикихъ звѣрей, не шевелились;
(Теперь) они мнѣ не нужны, и я подношу ихъ тебѣ.
Прошу чернаго изюбря и т. д.

* * *

Мою шубу, украшенную козлиной шкурой [6]),
Когда я одѣвалъ, то согрѣвался (монг. не зябъ) даже въ ущельяхъ снѣжныхъ горъ;
Теперь она мнѣ и т. д.

* * *

Моя тонкая стрѣла, которую держу въ правой рукѣ,
Украшенная киноварью (монг. съ киноварными ушками) и четырьмя перьями,—
Когда я пускалъ ее, пронизывала (все), куда я ни попадалъ;
Теперь она мнѣ и т. д.

* * *

---

[1]) Т. е. коснулся лбомъ ноги.

[2]) Дальше по порядку тибетскаго текста.

[3]) Въ тибет. мнѣ—человѣку, какъ не просто тебѣ, а тебѣ—ламѣ.

[4]) Монг. по пути спасенія.

[5]) Повторяются всѣ три полустиха.

[6]) Такъ объясняетъ слово тим-па Jäschke; монг. текстъ не согласенъ, но одно слово въ немъ неизвѣстно мнѣ; общій смыслъ (по догадкѣ): украшенную каймой изъ шелковой матеріи.

Лукъ съ бѣлыми концами, который держу въ лѣвой рукѣ,
Украшенный березовой корой [1]),
Когда (я) спускалъ тетиву, звучалъ подобно грому;
Теперь онъ мнѣ и т. д.

Излагая эти просьбы, онъ подарилъ (Мила-райбѣ) жизнь изюбря и поднесъ въ даръ суку и пр. и сказалъ: «О, лама! я послѣдую за тобою; (для этого) принесу провіантъ изъ рукъ семейства (монг. изъ дому). Посидишь ты на этомъ мѣстѣ, или будешь сидѣть въ другомъ мѣстѣ, прошу ясно указать?» Тогда Мила-райба, обрадовавшись тому, что охотникъ подарилъ жизнь изюбря и самъ обратился къ вѣрѣ, сказалъ ему: «Сынъ (мой), то, что ты, оставивши грѣхи, будешь (т. е. монг. желаешь) упражняться въ добродѣтели, весьма достопримѣчательно. (Однако, хотя) впослѣдствіи возможно (тебѣ) быть въ той странѣ, гдѣ (я) буду находиться, но трудно (будетъ) исполнить задуманное; (да и если) возможно (будетъ) исполнить, (то) при неопредѣленности моего мѣстопребыванія, (тебѣ) трудно будетъ найти его. Поэтому, если ты желаешь исполнять ученіе (жить по ученію), то лучше всего, если (ты), пресѣкши привязанность къ семьѣ, теперь послѣдуешь за мной для ученія (вѣры). Побужденіе (причина) моего скитанія безъ опредѣленнаго мѣстопребыванія таково»! сказалъ онъ и произнесъ слѣдующіе стихи:

Удивительный мущина, горный отшельникъ—я
Три лѣтніе мѣсяца занимаюсь созерцаніемъ среди снѣговъ горныхъ цѣпей.
(Тамъ) прохлада, освѣжающая лѣность тѣла.
Три осенніе мѣсяца я занимаюсь выпрашиваніемъ милостыни.

* * *

(Отъ этого) получается въ изобиліи мука для пропитанія тѣла [1]).
Три зимніе мѣсяца я занимаюсь созерцаніемъ въ чащахъ лѣсовъ;
(Они) служатъ защитой отъ порывовъ пронзительнаго вѣтра.
Три весенніе мѣсяца я сижу (нахожусь) въ сланцахъ и зеленой травѣ.
(Это) мѣсто очищенія перемѣшавшихся мокротъ.

* * *

(Мое) неуклонное прилежаніе въ созерцаніи, не разбирая ни лѣта, ни зимы,
Есть стараніе объ разрушеніи этого тѣла [2]).
(Мое) неуклонное соблюденіе всегда осторожности
Есть средство преодолѣть пять ядовъ мірскихъ суетностей [3]).

* * *

---

[1]) Въ тибет. еще два слова рГья-рГьюд, значеніе которыхъ въ данномъ мѣстѣ не вполнѣ понятно,—«съ широкими жилками»?

[2]) Тиб. букв.: четырехъ стихій тѣла.

[3]) Тиб.; монг. на оборотъ: суетности (прирожденные грѣхи) пяти ядовъ.

То, что я ѣмъ всякое попавшееся пропитаніе,
Есть знакъ счастливаго состоянія (въ зависимости) отъ неимѣнія [1]) страстей.
Постоянное прилежаніе къ ученію
Есть великое рвеніе къ Іога.

На эти его слова охотникъ сказалъ: «Ахъ, лама! если такъ, то ты весьма замѣчателенъ. Я отъ (чистаго) сердца буду упражняться въ ученіи (исполнять религіозныя обязанности) и потому, передавши (твое) наставленіе семейству и захвативши «пропитаніе вѣры» [2]), быстро приду. (Ты) посиди здѣсь». На эту его просьбу Мила-райба сказалъ: «Если ты отъ (чистаго) сердца будешь упражняться въ ученіи (исполнять религіозныя обязанности), то (тебѣ) нѣтъ смысла встрѣчаться съ семействомъ. Упражняющемуся, перенося страданія, въ ученіи отдѣльное «духовное пропитаніе» не требуется. (Вѣдь есть) достаточное количество древесныхъ плодовъ и ягодъ. Такъ какъ опасно, что при неизвѣстности, въ жизни человѣка, времени смерти (букв. когда умрешь), эта (твоя) прекрасная мысль перемѣнится, то теперь посиди здѣсь. Прежде чѣмъ ты передашь наставленіе семейству, я тебѣ самому дамъ наставленіе. Выслушай его»! Затѣмъ онъ произнесъ слѣдующіе стихи:

Поэтому слушай и вникай, охотникъ!
Звукъ грома, хотя и силенъ, есть пустой звукъ.
Цвѣты радуги, хотя и прекрасны, быстро исчезаютъ (обращаются въ ничто).
Міръ, хотя и веселъ, подобенъ сновидѣнію.

* * *

Страсти, хотя и упоительны,—причина грѣховъ.
Все составное, хотя какъ будто и вѣчно, быстро уничтожается.
Благосостояніе, бывшее на дняхъ (вчера), не продолжительно.
Человѣкъ, бывшій въ прошедшемъ году, умираетъ въ этомъ году.

* * *

Другъ, бывшій хорошимъ, дѣлается врагомъ.
Пища, которую ѣли съ пользою, обращается въ ядъ.
Тѣ, которыхъ поддерживали благодѣяніями, (становятся) очень наглы.
Грѣхъ, сдѣланный самимъ (тобою, тебѣ) самому и вредитъ.

* * *

Ты изъ сотни (множества) головъ дорожишь своей головой;
Который ты ни отрѣзалъ бы изъ десяти пальцевъ, все равно является жгучая боль.
Изъ множества людей ты дорожишь самимъ.
Настало время тебѣ быть самостоятельнымъ.

* * *

Эта (твоя) жизнь не вѣчна и быстро умрешь.
Въ дѣлѣ вѣры нельзя отступать.

---

[1]) Тибет. малости.
[2]) Т. е. провіантъ, данный изъ религіозныхъ побужденій духовному.

Друзья бросаютъ въ море перерожденій.
(Тебѣ) настало время довѣриться ламѣ.

* * *

Настало время упражняться въ святой вѣрѣ,
Доставляющей блаженство послѣ этой жизни.

Когда (Мила-райба) такъ сказалъ, у охотника мГоньбо-Дорчже умъ искренне обратился къ святой вѣрѣ, и онъ сказалъ: «Не возвращаясь къ семейству, преподношу Божественному небольшія мысли, родившіяся отъ созерцанія ученія святыхъ, и прошу теперь великодушно сообщить наставленіе о методѣ запечатлѣнія въ памяти (изученія)». Мила-райба обрадовался и, сказавши: «Начало добродѣтелей возродилось (въ тебѣ)[1]; метода запечатлѣнія въ памяти (ученія) вотъ такова»! произнесъ слѣдующіе стихи:

Когда довѣришься благородному (святому) ламѣ,
Отъ чистаго сердца все молись и молись.
Во время созерцанія идама и дакини,
Все уясняй и уясняй порядокъ начинанія (возрожденія)[2].

* * *

Во время созерцанія невѣчности умирающаго,
Все думай и думай о неизвѣстности времени смерти.
Во время созерцанія великой печати (Махāмудра)
Все созерцай и созерцай. . . .[3]).

* * *

Во время созерцанія «батюшки и матушки» живыхъ существъ
Все вспоминай и вспоминай воздаяніе за благодѣянія.
Во время созерцанія «глубокаго источника уха»
Развивай энергію въ сердцѣ.

* * *

Во время достиженія высшей степени вѣры
Защищай, не разбирая ни высокаго, ни низкаго.
Во время разсматриванія согласнаго и несогласнаго съ ученіемъ
Не спѣша подводи къ одному.

* * *

Во время воздѣлыванія нивы божественнаго ученія
Оставь всѣ мірскія хлопоты.
Когда боги доставляютъ пропитаніе,
То не нужно дѣлать запасовъ.

* * *

---

[1]) Этихъ словъ нѣтъ въ монг. текстѣ.
[2]) сКьед (Чжед)-рим—родъ созерцанія (См. Jäschke).
[3]) Монг.; тибет. текстъ не совсѣмъ ясенъ—К'рид-жус-нес (букв. по испрошенію руководства).

Собранное со скупостью не умножается
И вообще есть клятва (обѣтъ) Дакини.
Поэтому отбрось мысль (заботы) о пищѣ и одеждѣ,
Поэтому сознательно отвергни эту жизнь.

Когда онъ такъ сказалъ, охотникъ, достигшій высшей степени пониманія вслѣдствіе того, что (Мила-райба) далъ ему возможность созерцать всѣ посвященія и наставленія, сдѣлался однимъ изъ его духовныхъ дѣтей, называемыхъ Райба. Сука же и изюбрь отнынѣ впредь избавились отъ страданій дурныхъ перерожденій. Сдѣлалось извѣстнымъ, что въ той пещерѣ (гдѣ сидѣлъ Мила-райба) и въ настоящее время находятся стрѣла и лукъ, поднесенные (ему) охотникомъ.

Перечень главъ повѣсти о Мила-райбѣ [1]).

1) Глава съ тремя заглавіями, означающими одно и то же: а) шесть бесѣдъ ламы по поводу царя демоновъ Бхинаяка или в) . . . . . (монг. чуанглунъ) съ красной скалой, или с) собираніе топлива Мила-райбой.

2) . . . . . .

3) Снѣжная гора.

4) Обращеніе святымъ Мила-райбой жадничающей женщины Ракшаса на скалѣ Линъва.

5) О живущихъ въ (царствѣ) Рагма, каждый отдѣльно вернувшихся домой (первая глава).

6) Небесный замокъ (рЦзонъ) рКьянъ-П'ань (Чанъ-пань).

7) Снѣжная гора Іол-мо.

8) Небесныя дѣвы, обратившіяся въ горлицъ; отюда и выше вообще «введеніе въ таинство «не-людей» (Амануша)».

9) Алмазный замокъ Браг-сКья (Чжаг-ча, Дак-ча), первая глава.

10) Встрѣча съ Мила-райбой (духовнаго сына).

11) Встрѣча съ (сдѣлавшимся ученикокъ) рЦза-П'у-райбой.

12) Встрѣча съ духовнымъ сыномъ Санс-рГьяс (Санъчжай)-сКьявс (Чав).

13) Оказаніе состраданія духовному Ша-гі-я (тиб. Шаг-гу) въ пещерѣ, (находящейся) въ гНья-нам'ѣ.

14) Встрѣча въ пещерѣ гЧжунъ-ги-ганъ-ба-сЛе-гСум съ дѣвицей дБал-дараБум изъ числа 4-хъ сестеръ—ученицъ Мила-райбы.

15) Встрѣча съ Се-бань-райбой въ сѣверной гостинницѣ Г'а-ра-к'а-че.

16) Встрѣча съ аБри-бсГом-райбой на горѣ рГьял-цзи-Шри.

17) Встрѣча съ успокоившимся (отдыхающимъ) Райбой вблизи серебрянаго субургана.

---

[1]) По черновому перечню, составленному наскоро, безъ ознакомленія съ содержаніемъ главъ. Оставшіяся неразобранными мѣста означены точками.

18) Тростниковый посохъ въ лЧжи-ма-лунѣ, или встрѣча съ учителемъ (жившимъ) въ худомъ замкѣ.

19) Встрѣча съ Дамба-рГьягс (Чжаг)-П'ува.

20) Встрѣча[1]) на перевалѣ сГор-ра съ мК'ар-чунъ-райбой.

21) Встрѣча съ Райба-Дарма-дВан-чуг'омъ въ Бу-рангс (Ву-ранъ).

22) Обращеніе На-ро-бонь-чуна на горахъ Ганс-ди-се (Гандесъ).

23) (22) Встрѣча съ Ронъ-чунъ-райбой во время позднѣйшаго прибытія въ алмазный замокъ Браг-сКья (Даг-ча, Чжакча)—(рЦзонъ).

24) (23) Встрѣча въ укрѣпленіи (пещерѣ), въ которомъ укрылись овцы, и въ укрѣпленіи Лап'уг-падма съ райбой-овчаремъ, главнѣйшимъ изъ разрѣшившихъ свои сомнѣнія и съ близкимъ ученикомъ гШень-сГом-райбой.

25) (24) Встрѣча у пяти маленькихъ озеръ Чжо-ро-аБриг (Чжиг, Диг)-аЦамс съ Рас-чунъ-ма изъ числа четырехъ сестеръ-ученицъ Мила-райбы.

26) (25) Переведена.

27) (26) Въ царствѣ Монь-юль царь К'о-К'ом (Хохом, Коком), принеся жертву, приходитъ искать удобнаго случая (доступа) къ Цэ-ринъ-ма (долгоденствіе).

28) (27) Жемчужные четки—поэма, записанная по твердой памяти (нѣкимъ) Бодхи-рāчжā, учителемъ изъ дурнаго укрѣпленія.

29) (28) Четки—свѣтъ амврозіи (напитка безсмертія).

30) Съ очень большимъ заглавіемъ.

31) Удивительное ученіе, скрѣпленное тройными печатями, давши (ми) твердую клятву, Ачарія-Бодхи рāчжā и Райба-жи-ва-од'омъ.

32) Райба-Дорчже-дВанъ-чуг.

33) Встрѣча съ Дхарма-бодхи.

34) Отпроверженіе возражавшимъ отъ зависти.

35) Встрѣча съ Рас-чун-тип'уба-ламой.

36) Мес-сГом (созерцаніе огня)—райба.

37) Дѣвица Са-ле-одъ.

38) Встрѣча съ Рас-чуномъ.

39) Примѣръ изъ свойства (субстанціи) рога (яка).

40) Конецъ рога яка.

41) Дикій оселъ (чигитай).

42) Встрѣча съ близкимъ ученикомъ гЛань-сГом'омъ.

43) Верховный святой сГомпо-па (Гомбоба, созерцатель), духовный сынъ великаго святаго Мила-райбы.

44) Ученики учителя Лō.

45) Учитель аДре-сТонь (монг. Дристун-бакши).

46) Ли-сКор-П'ью-ру-ва или оказанія состраданія своимъ великимъ ученицамъ, счастливымъ и воспитаннымъ.

47) Отвѣты учениковъ и женъ.

---

[1]) Въ монг. эта не считается и слѣдующая счит. 20-ой.

48) Гора Бонь-бо.

49) Посвященіе и успокоеніе.

50) гШень-рДор-мо и Легс-сеу-аБум (двѣ женщины).

51) Исправленіе теченія (постепеннаго наступленія) смерти.

52) Пещера укрощенія шимнусовъ и, отправившись освѣжиться, воспѣваніе вина.

53) Пещера Рам-сДингс (Динъ)-гНам.

54) Рас-чунъ отправляется въ дВуй (Средній Тибетъ).

55) Перевалъ Т'онъ-ла.

56) Выпрямленіе духа (секты) Боньбо крюкомъ милосердія и утвержденіе дѣвицы Бета въ бодхи (святости).

57) Наставленіе гНьянамскимъ хозяйкамъ относительно хвоста (нижней части туловища).

58) Медикъ гЯнъ-нге.

59) Вторичное отправленіе Рас-чуна въ дВуй.

60) бКра-шис (Чжа-шій)-рЦзэгс.

61) мЦзэс-се, Кью-бьюг (Чю-чжюг) и прочія Бриньскія хозяйки.

62) Отвѣты тарниста (изучающаго тарни).

63) Ученики показали чудесное пріобрѣтеніе тѣла, порождающаго блаженство (т. е. дающаго состояніе постояннаго блаженства), или различ. . . . .

Въ монгольскомъ перенумеровано 52 главы, остальныя вновь переведены и включены послѣ.

Мы помѣстили здѣсь переведенную А. О. Ивановскимъ одну главу изъ повѣсти о Мила-райбѣ, чтобъ доставить читателю возможность сравнить ее съ записанными нами разсказами монголовъ о Меле-бурханѣ. Отъ Сантанъ-джимбы я слышалъ, что въ тибетской литературѣ существуетъ разсказъ о томъ, какъ Мила-райба строилъ городъ или храмъ. Въ повѣсти, изъ которой переведена для насъ А. О. Ивановскимъ помѣщенная выше глава, повидимому этого эпизода нѣтъ; по крайней мѣрѣ въ приложенномъ къ переводу перечнѣ главъ повѣсти нѣтъ ни одного заглавія, въ которомъ можно было бы увидѣть указаніе на подобную тему. Но такой разсказъ существуетъ и переданъ намъ въ слѣдующемъ свободномъ пересказѣ бурятомъ И. В. Вамбоцыреновымъ.

Кто-то подмѣнилъ у Мила-райбы его книги другими, книгами чернокнижниковъ. Мила-райба началъ читать эти книги и самъ сдѣлался чернокнижникомъ. Онъ сталъ посредствомъ вычитанныхъ чаръ навлекать на хлѣбныя поля грозу и очень вредилъ людямъ. Однажды онъ зашелъ къ бѣдной старухѣ и засталъ ее плачущею. На разспросы, почему она плачетъ, она сказала, что боится Мила-райбы, какъ бы онъ не истребилъ ея посѣвъ; тогда она останется безъ хлѣба. Мила-райба попросилъ ее начертить очертаніе ея поля; она начертила треугольникъ; Мила-райба прикрылъ чертежъ чашкой; чашка оказалась не достаточно великой и углы треугольника остались открытыми. Послѣ этого Мила-райба призвалъ грозу и градъ избилъ поля, но участокъ старухи уцѣлѣлъ; побиты были только углы поля, соотвѣтствовавшіе не покрытымъ чашкою угламъ начерченнаго треугольника.

Потомъ Мила-райба попалъ къ учителю, который, хотя былъ женатъ, но велъ строгую жизнь. Учитель, не приступивъ къ обученію и не показывая ему ничего, сразу наложилъ на него задачу выстроить храмъ, при чемъ Мила-райба долженъ работать безъ помощниковъ, самъ долженъ на себѣ носить весь нужный матеріалъ. Мила-райба принялся строить; собралъ камни,

снесъ ихъ на мѣсто постройки и сталъ складывать стѣны; выведши стѣны, онъ призвалъ учителя осмотрѣть работу. Учитель пришелъ, взглянулъ и нашелъ постройку невѣрной; онъ велѣлъ ее всю разрушить до основанія и отнести всѣ камни до одного назадъ, на то мѣсто, гдѣ они были взяты. Мила-райба разобралъ стѣны и снесъ матеріалы на прежнія мѣста. Учитель велитъ снова строить храмъ. Опять Мила-райба вывелъ стѣны и опять учитель велѣлъ разобрать ихъ. Въ третій разъ Мила-райба вывелъ стѣны и на этотъ разъ учитель нашелъ работу негодной и велѣлъ разобрать. Мила-райба въ отчаяніи и хочетъ удавиться. Онъ сдѣлалъ петлю и готовится надѣть ее на себя. Это увидѣла жена учителя, проходившая мимо, остановила его, отговорила накладывать на себя руки, пошла къ мужу и стала просить его, чтобъ онъ не мучилъ бы своего ученика, а далъ бы ему наставленіе, какъ слѣдуетъ. Тогда учитель далъ Мила-райбѣ нѣсколько писемъ и научилъ, чтобъ онъ раскрывалъ ихъ и читалъ по очередно, и прочитавъ одно, не прежде приступалъ къ чтенію другого, какъ исполнивъ приказъ, содержащійся въ прочитанномъ письмѣ. Взявъ письма, Мила-райба удалился въ пещеру и раскрылъ первое письмо. Въ немъ было сказано, чтобъ онъ сидѣлъ три года, питаясь самой скромной пищей. Просидѣвъ три года, Мила-райба раскрываетъ другое письмо. То ему приказываетъ еще сидѣть три года и питаться отваромъ крапивы. Онъ прожилъ три года въ пещерѣ, питался только крапивой и сдѣлался зеленый. Раскрываетъ третье письмо; въ немъ заключается приказаніе еще сидѣть три года голодомъ, не принимая пищи. И это исполняетъ Мила-райба и раскрываетъ четвертое письмо. Въ немъ было сказано, чтобъ онъ шелъ къ такому-то храму, чтобъ поднялся на его вершину и оттуда бы бросился на землю. Мила-райба поднялся на вершину высокаго храма и бросился оттуда внизъ; сначала онъ летѣлъ внизъ, но, пролетѣвъ половину разстоянія до земли, какимъ-то чудомъ началъ подниматься кверху на небо. Такъ совершилось его обученіе и онъ достигъ совершенства.

Разсказъ въ Шиддикурѣ о построеніи дома на небѣ: Красильщикъ и плотникъ жили въ ссорѣ; желая погубить своего врага, красильщикъ написалъ царю письмо будто бы отъ умершаго отца царя; въ письмѣ отецъ проситъ прислать къ нему на небо плотника, который построилъ бы ему домъ. Красильщикъ указалъ и средство, какъ доставить плотника на небо; нужно устроить костеръ, посадить на него плотника, обложить его ватой, облить масломъ и зажечь. Плотникъ узналъ, гдѣ будетъ устроенъ костеръ, сдѣлалъ подземный ходъ и по нему, въ удобный моментъ, убѣгаетъ изъ огня. Потомъ плотникъ сочиняетъ письмо тоже будто бы отъ умершаго отца царя: отецъ благодаритъ за постройку дома и проситъ прислать красильщика. Красильщикъ сожженъ (Шиддикуръ, гл. VIII; въ Этн. Сборн., VI, стр. 46—49).

II.

Монгольскія сказки, записанныя въ Ургѣ въ 1889 году[1]).

1. Три брата.

Въ древнее время были три брата. Однажды одинъ изъ этихъ братьевъ укралъ изъ чужого табуна сорокъ головъ лошадей и принесъ ихъ въ сжатомъ кулакѣ. Другой братъ волосами своей бороды прокормилъ этихъ лошадей одинъ мѣсяцъ. Наконецъ, когда явился хозяинъ этихъ лошадей, то третій братъ, закрывъ этихъ лошадей своей шапкой, укрылъ ихъ отъ глазъ хозяина.

Кто скажетъ, кулакъ больше всѣхъ, тотъ счастливъ на добычу; кто скажетъ борода больше всѣхъ, у того ротъ счастливъ, а кто скажетъ шапка больше всѣхъ, тотъ счастливъ на одежду.

2. Долонъ бурхынъ (созвѣздіе Б. Медвѣдица).

Въ древнее время въ одномъ семействѣ родился сынъ, у котораго впослѣдствіи выросли на головѣ два рога и сдѣлался онъ человѣкомъ, обладающимъ необыкновенной силой, за что отецъ и мать его прогнали. Онъ, прогнанный родителями, идетъ куда глядятъ его глаза. Однажды въ лѣсу встрѣчаетъ онъ чернаго по цвѣту кожи человѣка и спрашиваетъ: «Ты кто такой»? Тотъ отвѣчаетъ: «Я тарба, родившійся отъ лѣсу». «Ты пойдешь вмѣстѣ со мною?» продолжаетъ спрашивать человѣкъ съ рогами. «Пойду», отвѣчаетъ тотъ и идутъ оба дальше. Находится гора и на этой горѣ опять встрѣчается человѣкъ. «Ты кто такой?» спрашиваетъ человѣкъ съ рогами. «Я тарба, родившійся отъ горы», отвѣчаетъ тотъ. «Ты съ нами пойдешь?» продолжаетъ спрашивать человѣкъ съ рогами. «Пойду», отвѣчаетъ тотъ и идутъ дальше всѣ трое вмѣстѣ. Стоитъ гора и около горы находится жилище людское. Забравшись въ это жилище, они рѣшили на время остановится тутъ.

---

[1]) Эти сказки были записаны для меня въ Ургѣ однимъ грамотнымъ монголомъ помонгольски. Переводъ сдѣланъ г. Вамбоцэрэновымъ.

Во дворѣ этого жилища были мулы, яки и разныя другія животныя, и были съѣстные продукты, не было только мяса. Поэтому двое изъ нихъ ушли поохотиться за звѣрями, а тарба родившійся отъ горы остался домовничать. Въ то время, когда оставшійся дома тарба приготовлялъ пищу въ ожиданіи своихъ товарищей, приходитъ къ нему въ жилище старушка-шабаганца (монахиня) вышиною ростомъ съ четверть и говоритъ: «Дай, голубчикъ, отвѣдать, вкусную ли пищу ты готовишь!» И какъ только далъ ей тарба немножко изъ той трапезы, вся трапеза моментально исчезаетъ. На другой день остается домовничать тарба, родившійся отъ лѣсу. Приходитъ та же старушка-шабаганца, проситъ дать отвѣдать пищу и пища вдругъ исчезаетъ. Тарба, боясь двухъ своихъ товарищей, беретъ скотское копыто и съ помощью его покрываетъ всю площадь двора скотскими слѣдами. Когда возвратились товарищи съ охоты, онъ имъ облыжно говоритъ, что пріѣзжало множество людей, всѣ на быкахъ, и, угрозами заставивъ его отстраниться, съѣли всю приготовленную имъ пищу. На третій день остается дома человѣкъ съ рогами. Приходитъ та же старушка-шабаганца и просить дать отвѣдать пищу. Человѣкъ съ рогами, просверливъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ дно ведра, даетъ ей это ведро и говоритъ: «Ступай, принеси одно ведро воды, потомъ дамъ тебѣ отвѣдать пищу». Шабаганца, взявъ ведро, уходитъ на рѣчку. Пользуясь случаемъ, человѣкъ съ рогами развязываетъ сумочку старухи, вынимаетъ оттуда оказавшіеся тамъ желѣзный молотокъ, желѣзныя клещи и веревку изъ жилы и кладетъ туда деревянный молотокъ, деревянныя клещи и волосяную веревку. Шабаганца возвращается сердитая, и говоритъ: «Ты напрасно только помучилъ меня, давъ ведро съ просверленнымъ дномъ! ты даешь мнѣ пищу или нѣтъ? если нѣтъ, то я съ тобой поборюсь». Человѣкъ съ рогами говоритъ: «Ладно, будемъ бороться!» Далѣе спрашиваетъ онъ: «Чѣмъ будемъ бороться?» Шабаганца говоритъ: «Давай бороться молоткомъ». «Ладно», говоритъ человѣкъ съ рогами и, раздѣвшись, ждетъ. Шабаганца, вынувъ деревянный молотокъ, ударяетъ имъ по-головѣ человѣка съ рогами, а тотъ даже и не подумалъ объ ударѣ. Шабаганца говоритъ: «Давай бороться клещами». «Давай», говоритъ тотъ. Шабаганца, доставъ деревянныя клещи, щиплетъ ими человѣка съ рогами, а тотъ и не чувствуетъ. Затѣмъ человѣкъ съ рогами говоритъ: «Теперь кажется настала моя очередь». «Да, настала», говоритъ шабаганца. Человѣкъ съ рогами, доставъ желѣзный молотокъ, бьетъ имъ разъ по головѣ шабаганцы, та падаетъ въ обморокъ. Потомъ, очнувшись, убѣгаетъ отъ него, покрывая слѣдъ пятнами своей крови. Позже возвращаются съ охоты товарищи и спрашиваютъ: «Ну, рогатая голова! хорошо ли подомовничалъ?» «О, какіе вы очень нехорошіе люди!» говоритъ тотъ въ отвѣтъ. «Отчего вы не могли побиться съ одной шабаганцой, имѣвшей небольше четверти росту?» Тѣ сильно застыдились. Затѣмъ отправились всѣ трое по слѣдамъ шабаганцы, усѣяннымъ пятнами крови; слѣды ушли черезъ отверзстіе въ подземелье, находившееся у одной горы. Человѣкъ съ рогами спускается туда внизъ по веревкѣ и находитъ шабаганцу уже мертвою. Около шабаганцы находятся различныя драгоцѣнности, которыя онъ подаетъ по веревкѣ на верхъ своимъ товарищамъ; потомъ, когда кончились драгоцѣнности, онъ проситъ

спустить веревку и вытащить оттуда его самого, но товарищамъ, соблазнившимся драгоцѣнностями, приходитъ въ голову худая мысль и они оставляютъ его (т. е. человѣка съ рогами) на днѣ подземельной глубины. Человѣкъ съ тяпчьей головой сидитъ тамъ одинъ. Между тѣмъ спускаются сверху къ нему въ отверзстіе лукъ и стрѣла. Онъ осмотрѣлъ ихъ; оказывается, что это лукъ и стрѣла Хормусты-Тэнгри. Обрадовавшись этому, человѣкъ съ рогами начинаетъ молиться. Узнавъ это и желая спасти его, Хормуста-хаганъ спускаетъ къ нему внизъ желѣзную лѣстницу и по ней достаетъ его на верхъ. Коровья голова, поднявшись на небо, славится тамъ за человѣка съ необыкновенной силой. Между тѣмъ черный и бѣлый порозы тэнгріевъ Эсрунъ, поссорившись между собою, вступаютъ въ борьбу. Не находится ни одного человѣка, который бы могъ ихъ разнять. Тогда Хормуста-тэнгри говоритъ человѣку съ коровьей головой: «Уйми чернаго пороза». Человѣкъ съ коровьей головой, ставъ передъ чернымъ порозомъ, стрѣляетъ изъ лука ему въ лобъ и голова пороза распадается на двѣ части. Хормуста-хаганъ весьма обрадовался и говоритъ: «Ну, ты великій человѣкъ! отправляйся внизъ въ страну шимнусовъ; тамъ на головѣ царя-шимнуса торчитъ наша одна стрѣла; ты посмотри и втолкай ее поглубже; я тебя щедро вознагражу». Человѣкъ съ коровьей головой, спустившись внизъ, подходитъ къ воротамъ царя-шимнуса и стучится. Выходитъ за ворота женщина съ пылающимъ изъ рта ея огнемъ и спрашиваетъ: чего надо? Коровья голова отвѣчаетъ: «я врачъ». «Въ такомъ случаѣ войди!» говоритъ женщина. Коровья голова входитъ. Царь шимнусовъ лежитъ, а на головѣ его торчитъ стрѣла Хормусты-хагана. Человѣкъ съ коровьей головой пробуетъ вынуть стрѣлу. Царь шимнусовъ говоритъ: «Ахъ, какъ хорошо!» Тогда коровья голова, помолившись въ душѣ Хормуста-хагану, вталкиваетъ стрѣлу въ голову царя-шимнуса и самъ поскорѣе поднимается вверхъ. Но жена шимнуса кидаетъ вслѣдъ ему желѣзную колотушку, которая, попавъ въ него, раздробляетъ его на семь частей. Царь Хормуста, изъ вниманія къ заслугамъ его, изъ этихъ семи его частей образовалъ «Семь Бурхановъ» (долонъ бурхынъ).

3. Два брата.

Въ глубокой древности въ одно время былъ одинъ богатый человѣкъ. Имѣлъ онъ двухъ сыновей. Однажд ыстарикъ этотъ, призвавъ къ себѣ двухъ своихъ сыновей, говоритъ: «Я вамъ хочу слово сказать, года мои уходятъ, приближается уже смерть, я долженъ раздѣлить вамъ наслѣдство. Одинъ изъ васъ пусть возьметъ домъ, скотъ и все тому подобное, а одинъ пусть возьметъ мой обдисъ» (таинственную силу). Тогда старшій сынъ говоритъ: «Я возьму домъ, скотъ и прочее», а другой младшій сынъ говоритъ: «я возьму обдисъ». Потомъ черезъ нѣкоторое время старикъ умираетъ. Старшій сынъ беретъ себѣ все имущество старика, домъ, скотъ и проч. Младшему сыну старикъ при жизни говорилъ слѣдующее: «Сынъ мой! прежде чѣмъ дѣлать что нибудь, каждый разъ предварительно спрашивай самаго стараго человѣка». И больше ничего не говорилъ. И вотъ младшій сынъ, которому старшій

ничего не далъ, кромѣ одежды, которая была на немъ, отправляется искать столѣтняго старца. Находитъ старца и говоритъ ему о себѣ подробно. Старецъ этотъ говоритъ ему: «Я ничего не знаю; вонъ тамъ на западѣ есть старецъ старше меня, ста десяти лѣтъ, ты спроси у него». Младшій сынъ отправляется дальше и, отыскавъ указаннаго старца, говоритъ ему о себѣ. Старецъ этотъ отвѣчаетъ ему: «Я ничего не знаю; вотъ на западѣ есть постарше меня, старикъ ста двадцати лѣтъ; ты ступай къ нему и спроси у него». Младшій сынъ отправляется дальше къ ста двадцати лѣтнему старцу и, отыскавъ его, разсказываетъ ему о себѣ подробно. Старецъ говоритъ ему: «О, ты! царь этого нашего города долѣе трехъ сутокъ не живетъ. Въ данное время царскую печать держитъ царица; ступай къ царицѣ. Царица увидѣвъ тебя, будетъ удивляться и спроситъ: «Что это за красивый молодой человѣкъ? откуда онъ идетъ и съ какою цѣлью»? Тогда ты скажи: «Я прибылъ изъ Индіи; я знаю, что тутъ царь долго не живетъ, и вотъ я пришелъ занять царское мѣсто». Младшій сынъ согласно указанію старца приходитъ во дворецъ и представляется царицѣ. Царица говоритъ: «Какой красивый молодой человѣкъ! гдѣ твоя родина, какъ тебя зовутъ, куда идешь?» Младшій сынъ говоритъ: «Родина моя въ Индіи. Услыхавъ, что царь здѣшней страны долго не живетъ, пришелъ быть царемъ». Тогда царица говоритъ: «О! если такъ, то вотъ на юговостокъ отсюда есть одинъ большой городъ подъ названіемъ Шингъ, ты ступай туда и принеси оттуда одни мѣдные сапоги. Когда принесешь, мы посадимъ тебя на царскій престолъ». И даетъ ему тридцать ланъ серебра на дорогу. Младшій сынъ возвращается обратно къ старцу и разсказываетъ ему все. Старецъ говоритъ: «Ступай въ городъ Шингъ; тамъ есть старецъ, тоже ста двадцати лѣтъ; ты обратись къ нему и спроси, что тебѣ дѣлать». Младшій сынъ приходитъ въ городъ Шингъ и разыскиваетъ старца, имѣющаго сто двадцать лѣтъ. Въ это время встрѣчается съ нимъ одинъ человѣкъ и говоритъ ему: «Ты что за человѣкъ? твой отецъ мнѣ былъ долженъ одинъ глазъ, я возьму у тебя одинъ глазъ»! и, пообѣщавшись взять у него глазъ потомъ, проходитъ дальше. Младшій сынъ идетъ дальше, находитъ наконецъ старца и разсказываетъ ему все. Старецъ говоритъ ему: «О, молодой человѣкъ! на южной сторонѣ этой горы есть высокое дерево; ты отправляйся въ эту ночь туда, залѣзь въ дупло того дерева и, не шевелясь, сиди; какой нибудь признакъ узнаешь». Какъ только наступила ночь, младшій сынъ отправляется къ указанному дереву, влѣзаетъ въ его дупло и, притаивъ дыханіе, сидитъ. Вскорѣ за тѣмъ къ тому дереву собирается множество людей и разговариваютъ о смерти царя и о томъ, какъ его погребали днемъ. Въ это время тотъ самый человѣкъ, который угрожалъ взять у младшаго сына глазъ, разсказываетъ царю, что онъ сегодня встрѣтился съ однимъ человѣкомъ изъ дальней страны и что обѣщался взять у него одинъ глазъ. Царь ему говоритъ: «Ахъ! ты это очень неправильно поступилъ. Онъ завтра, уступивъ тебѣ свой глазъ, будетъ требовать, чтобы ты тоже уступилъ ему свой глазъ Тогда ты что бы сдѣлалъ?» Тотъ человѣкъ говоритъ: «Что же мнѣ теперь дѣлать?» Царь говоритъ: «Ты дай тому человѣку все, чего бы онъ ни попросилъ». Затѣмъ, когда царь съ народомъ разъѣхались, младшій сынъ, возвратившись къ старцу, раз-

сказываетъ ему все. Старецъ говоритъ: «Ну, ты завтра утромъ отправляйся къ тому человѣку и заставь его найти и доставить тебѣ сапоги». Младшій сынъ, разыскавъ того человѣка, достаетъ черезъ него сапоги и вмѣстѣ съ ними является къ старику. Старикъ говоритъ: «Ты, взявъ эти сапоги, отправляйся къ царицѣ». Младшій сынъ доставляетъ царицѣ сапоги и дѣлается царемъ. Сдѣлавшись царемъ, онъ долгое время жилъ въ блаженствѣ, между тѣмъ отъ одной изъ его супругъ родился сынъ съ золотымъ передомъ и серебрянымъ задомъ (съ золотою грудью и серебряною задницею). Сынъ этотъ въ настоящее время носитъ названіе Гэри-тэнгри-сайнъ-цаганъ-нойонъ и обитаетъ на сѣверо-западѣ вмѣстѣ съ Бисманъ-тэнгріемъ. Сила и могущество его, говорятъ, были невыразимыя.

4. Огромная корова (ихэ ухуръ).

Въ древнее время былъ нѣкій большой городъ подъ названіемъ Варанаса [1]). Въ томъ городѣ была одна огромнѣйшая корова; на головѣ ея было одно стойбище, обитатели котораго постоянно слышали, какъ дышала корова. На спинѣ ея противъ почекъ было другое стойбище. Отъ одного стойбища до другого разстояніе равнялось двадцати днямъ ѣзды на лошади. Было еще одно стойбище на спинѣ около хвоста этой коровы, обитатели котораго слѣдили за ея испражненіемъ. Въ одно время корова эта издохла. Одинъ старикъ изъ того улуса (хотона), пасшій козловъ (ямановъ), лежалъ въ степи на спинѣ. Въ это время одна птица, несшая въ своемъ клювѣ лопатку издохшей коровы, какъ-то выронила ее изъ клюва. Лопатка попала въ глазъ старика. Старикъ, вытащивъ кость, положилъ на землю и ушелъ. Потомъ одно войско въ тысячу человѣкъ, слѣдовавшее черезъ эту кость, остановилось на ней обѣдать. Въ это время подходитъ лисица и уноситъ кость вмѣстѣ съ находившимся на ней войскомъ. Теперь нужно разгадать, что больше: кость коровы или глазъ старика, или лисица?

Кто скажетъ корова больше всѣхъ, того надо причислить къ глупымъ, кто скажетъ глазъ старика больше всѣхъ, того надо считать человѣкомъ степеннымъ. Кто скажетъ сила лисицы больше всѣхъ, тотъ долженъ считаться человѣкомъ, умѣющимъ искусно обдѣлывать свои дѣла.

---

[1]) Бенаресъ.

III.

Бурятская сказка.

Въ глубокой древности жили три брата — охотника. Однажды, отправляясь на охоту, они позабыли взять съ собою огниво, и вотъ они стали толковать, какъ и откуда добыть огня. Толковали, толковали и рѣшили такъ: идти старшему брату къ владыкѣ земли (Дэлэхэйнъ эдзэнъ) и просить у него огня. Старшій братъ отправляется, но долго не возвращается. Отправляется за нимъ средній братъ, но и онъ тоже не возвращается. Наконецъ, когда не могъ дождаться ни того, ни другого брата, отправляется за ними младшій братъ. Приходитъ къ Эдзэну и видитъ: Эдзэнъ старый, сѣдобородый старикъ, лежитъ бокомъ около костра и грѣетъ свою спину, а ушедшіе ранѣе братья его стоятъ привязанные къ деревьямъ; на спинахъ у нихъ замѣтны слѣды снятой кожи на чумбуры (ремни). Эдзэнъ спрашиваетъ младшаго брата зачѣмъ онъ пришелъ; младшій братъ отвѣчаетъ, что пришелъ просить огня. Эдзэнъ говоритъ: «Если скажешь мнѣ сказку, дамъ огня, а если не знаешь сказки, то, снявъ съ твоей спины кожу для трехъ ремешковъ, привяжу тебя къ дереву». Младшій братъ говоритъ: «Ладно, скажу сказку, но только съ тѣмъ условіемъ, чтобы ты отнюдь не возражалъ; если будешь возражать, то я сниму съ твоей спины кожу для ремешковъ, привяжу тебя къ дереву, возьму огня и уйду». Эдзэнъ соглашается на условіе и вотъ младшій братъ начинаетъ разсказывать: «Родился я раньше отца, пасъ верблюдовъ своего дѣда. Однажды потерялъ одного верблюда-самца. Для того, чтобы посмотрѣть, не находится-ли гдѣ мой верблюдъ, поднялся я на гору; гора немогши меня поднять, разрушается; тогда я сталъ на стебель сараны [1]); этотъ стебель поднялъ меня такъ хорошо и такъ высоко, что я могъ осмотрѣть кругомъ всю мѣстность и увидѣлъ моего верблюда за моремъ, гдѣ, оверблюдившись, ходилъ онъ съ верблюженкомъ. Побѣжалъ я къ морю, сѣлъ на лодку, чтобы переплыть на ту сторону моря; лодка не поднимаетъ; тогда я изъ сосновой коры сдѣлалъ себѣ лодку и на ней переплылъ черезъ море лучше, чѣмъ на большой лодкѣ. Перебравшись такимъ образомъ на ту сторону моря, я поймалъ верблюда, взвалилъ

[1]) Лилія, Lilium Martagon.

на него верблюженка и потомъ, сѣвъ на него же и самъ, хотѣлъ пуститься въ море, чтобы перебрести обратно на эту сторону, но верблюдъ не поднимаетъ; тогда я взвалилъ верблюда на верблюженка и сѣлъ на него самъ. Такимъ образомъ переплылъ я черезъ море на верблюженкѣ лучше, чѣмъ на верблюдѣ. Пріѣзжаю къ остальнымъ верблюдамъ, ихъ не оказывается. Опять поднимаюсь на гору, гора не поднимаетъ, разрушается; сталъ тогда опять на стебель сараны, стебель поднимаетъ хорошо и высоко, такъ что я безъ затрудненія увидалъ своихъ верблюдовъ, но увидалъ ихъ на небѣ. Думаю себѣ, какъ бы подняться на небо, и вдругъ смотрю, изъ одной юрты идетъ прямо на небо дымъ. Я побѣжалъ и, подпарившись къ дыму, поднялся на небо. На небѣ шло большое пиршество; я напился вина до пьяна и свалился. Когда пробудился, оказалось, что верблюдовъ моихъ съѣли тамошнія мухи. Мухи тамъ громадныя, далеко больше нашихъ верблюдовъ. Мнѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ только спуститься обратно, но какъ спуститься, это представилось для меня трудной задачей. Тѣмъ не менѣе я не сталъ долго думать, убилъ нѣсколько мухъ, содралъ съ нихъ шкуры, разрѣзалъ шкуры на ремешки, сплелъ изъ ремешковъ веревку, привязалъ одинъ конецъ веревки за дерево и затѣмъ по веревкѣ сталъ спускаться. Спустился какъ разъ до половины разстоянія отъ неба до земли и тутъ къ горю моему веревка моя кончилась. Подняться обратно не могу, спуститься внизъ боюсь. Дунетъ вѣтеръ съ сѣвера, увлекаетъ меня на югъ, дунетъ съ юга, увлекаетъ меня на сѣверъ, дунетъ съ запада, увлекаетъ на востокъ, дунетъ съ востока, увлекаетъ на западъ; и такимъ образомъ провелъ я тамъ три года. Наконецъ мнѣ надоѣло, рѣшилъ выпустить изъ рукъ веревку и спуститься, куда судьба укажетъ. Веревку выпустилъ, лечу внизъ и ушелъ въ землю какъ разъ по уши. Вылѣзти нѣтъ никакой возможности; проходитъ годъ, другой и идетъ третій, все стою. Въ первый годъ птицы стали вить гнѣздо на моей головѣ въ основаніи косы, нанесли яйца и,—вывелись птенцовъ, улетаютъ. На другой годъ въ правомъ ухѣ моемъ ощенилась лисица и,—вывелись своихъ лисинятъ, уходитъ. Въ то время какъ ей идти, я едва высунувшимися руками хватаю ее за хвостъ; она какъ дернетъ, я отпустилъ хвостъ, но тѣмъ не менѣе немного высунулся изъ земли. На третій годъ приходитъ волчица и щенится въ лѣвомъ моемъ ухѣ. Въ то время какъ ей идти съ волчатами, я взялъ ее за хвостъ; она стала кидаться въ сторону отъ меня, но я хвоста ея не выпускаю изъ рукъ. Волкъ тянулъ, тянулъ и наконецъ вытащилъ меня изъ земли. Въ этотъ самый моментъ съ хвоста волка сдернулась шкура мѣшечкомъ и въ этомъ мѣшечкѣ оказалась росписка, данная тобою отцу моему, что ты ему долженъ 300 рублей. Вотъ я и пришелъ предъявить тебѣ эту росписку и потребовать уплаты денегъ». Когда онъ это сказалъ, старикъ не вытерпѣлъ, сказалъ: «Врешь!» Тогда младшій братъ сдираетъ со спины старика кожу на три ремешка, привязываетъ къ дереву, а потомъ, развязавъ братьевъ и взявъ огня, уходятъ въ свой таборъ.

Записалъ по памяти И. В. Вамбоцэрэновъ.

Для сравненія съ этой сказкой хоринскихъ бурятъ я помѣщаю здѣсь киргизскую, записанную г. Бигловымъ со словъ киргиза, пріѣхавшаго въ Петербургъ съ г. Ибрагимовымъ повидимому изъ Туркестана. Сказка называется: «Тридцать словъ вранья», отусъ аузъ утрыкъ.

У одного хана была красавица дочь. Онъ обѣщалъ выдать ее замужъ за того, кто сумѣетъ искусно соврать тридцать разъ; а кто, взявшись за это, не сумѣетъ соврать тридцать разъ, тому будетъ отрублена голова.

Много охотниковъ до ханской дочери поплатились своими головами. Однажды пришелъ къ хану купеческій сынъ и заявилъ, что онъ можетъ соврать тридцать разъ, и началъ такъ.

«Когда я былъ еще во чревѣ своей матери, я пасъ стада своего прадѣда; разъ, повѣряя стада, я замѣтилъ, что нѣтъ одной пѣгой кобылы. Осмотрѣвшись кругомъ, я нигдѣ ея не увидѣлъ. Я поднялся на гору, но и тогда нигдѣ ея не увидѣлъ. Я сѣлъ на лошадь, но и съ лошади ничего не увидѣлъ. Тогда я поставилъ на сѣдло «курукъ» (укручину), влѣзъ на него; все-таки ничего не увидѣлъ. Я воткнулъ въ конецъ «курука» ножъ и взобрался на него, и тогда я увидѣлъ свою пѣгую кобылу на берегу безбрежнаго моря; она собиралась ожеребиться. Я сѣлъ на свою лошадь и поплылъ черезъ море. На срединѣ моря моя лошадь устала; тогда я пересѣлъ на «курукъ», а лошадь взвалилъ себѣ на спину; такимъ образомъ я переплылъ черезъ море. Смотрю, жеребенокъ уже прыгаетъ черезъ свою мать; при мнѣ онъ перепрыгнулъ черезъ нее три раза въ одну сторону и три раза въ другую. Сѣлъ я на этого жеребенка и погналъ лошадей передъ собой. На дорогѣ я встрѣтилъ холостую зайчиху, которая только что родила зайченка. Этого маленькаго зайченка я убилъ и изъ его внутренностей вышло девять пудовъ сала; съѣлъ я его мясо, а саломъ запилъ. Поѣвши, я захотѣлъ немного соснуть. Ложась спать, я одинъ сапогъ положилъ около себя съ боку, а другой подъ голову. Просыпаюсь, хочу надѣть сапоги, но того сапога, что сбоку лежалъ, нѣтъ; ищу, нигдѣ найти не могу. Спрашиваю у оставшагося сапога: «гдѣ твой товарищъ?» Онъ мнѣ отвѣчаетъ: «Когда ты поѣлъ заячьяго мяса и попилъ сала, то сальныя руки вытеръ объ меня; а когда руки уже вымылъ, то мокрыя руки обтеръ объ моего товарища; онъ на тебя за это разсердился и убѣжалъ». Я одѣлъ оставшійся сапогъ и погнался за убѣжавшимъ. На дорогѣ мнѣ захотѣлось пить; подошелъ къ колодезю; не чѣмъ было достать воды. Тогда я отрубилъ голову и бросилъ ее въ колодезь, чтобы она сама тамъ напилась. Иду дальше; вижу—впереди аулъ; въ немъ пиръ и много народу. Слышу—смѣются и говорятъ, указывая на меня: «Смотрите, вотъ человѣкъ безъ головы и въ одномъ сапогѣ на обѣ ноги!» Тутъ я вспомнилъ, что голову то я забылъ въ колодезѣ. Побѣжалъ обратно къ колодезю, досталъ голову, поставилъ ее на ея мѣсто и снова пришелъ въ аулъ. Въ аулѣ мой сапогъ ходитъ между гостями и разноситъ блюда. Увидѣвъ меня, онъ испугался, уронилъ блюдо, разбилъ его и убѣжалъ къ хозяину. Я пошелъ за нимъ и объяснилъ хозяину, что это мой сапогъ, убѣжавшій отъ меня; хозяинъ возвратилъ мнѣ мой сапогъ и я возвратился къ своему табуну».

За этотъ разсказъ ханъ выдалъ за купеческаго сына свою дочь, потому что послѣдній сумѣлъ искусно соврать тридцать разъ.

IV.

Дополненія къ примѣчаніямъ.

I. Къ стр. 112. Легенда о горѣ-веретенѣ разсказана была П. Золотовымъ въ «Иллюстраціи» 1846 г., № 25, стр. 330. Горная гряда Кушъ-мурунъ отдѣляется отъ Тарбагатайскаго хребта на сѣверъ; одна изъ отдѣльныхъ сопокъ этой гряды стоитъ отдѣльно на берегу р. Бугаса; туземцы называютъ ее Бюръ-тастаганъ, «воткнутое веретено» [1]). Легенда: на Тарбагатаѣ жила молодая волшебница Билючи; какъ весеннее солнце блещетъ на вершинѣ *Снѣжнаго хребта* (курсивъ въ подлинникѣ) [2]), такъ она сіяла красотой. Многочисленныя стада ея паслись вокругъ; ихъ не тревожили ни волки, ни воры. Но однажды появился волкъ и испугалъ стадо. Билючи увидѣла его; она въ это время пряла. Она бросила въ волка веретеномъ, которое поразило хищника, хотя до Бугаса отъ Тарбагатая день доброй ѣзды, и окаменѣло, глубоко воткнутое въ песчаный берегъ Бугаса.

II. Къ стр. 116. Одинъ изъ эпизодовъ бурятскаго сказанія о Гэсэрѣ, не вошедшій въ это изданіе, именно о борьбѣ Гэсэра съ Лобсогоемъ и съ женщиной Моисъ-хара, записанъ о. Затопляевымъ и помѣщенъ въ Запискахъ Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по эти., т. I, вып. 2, стр. 20 и слѣд.

III. Къ стр. 123. Къ приведеннымъ примѣрамъ двойнаго одновременнаго настроенія можно присоединить еще одинъ изъ Алтайск. Словаря Вербицкаго (Казань, 1884, стр. 225): «въ тотъ день мы утромъ пѣли, а вечеромъ плакали».

IV. Къ стр. 178, къ сказкѣ: «Тенекъ-ху». Киргизскій разсказъ о перекатиполе, по-киргизски камбакъ (вм. монгольскаго хамхакъ), сообщенный мнѣ студентомъ-киргизомъ г. Саматовымъ: Джанибекъ-ханъ имѣлъ при себѣ мудреца Джиренше-шешена; онъ посылалъ его узнать, куда катится камбакъ. Джиренше-шешенъ съѣздилъ и привезъ отвѣтъ хану:

Кушеримди жел бисен
Кунарымди сай бисен
Сауарга біим жок
Кушерге тюем. жок

«Про то вѣтеръ знаетъ, куда я кочую, про то оврагъ знаетъ, гдѣ я ночую; доить молоко—у меня кобылъ нѣтъ, перекочевывать,—у меня верблюдовъ нѣтъ». Конечно у него никакого разговора съ камбакомъ не было; Джиренше-шешенъ самъ придумалъ этотъ отвѣтъ; онъ мудрый былъ.

V. Къ стр. 210. Въ моемъ примѣчаніи недосмотръ; сравненія гудѣнія стрѣлы съ паденіемъ веретена въ разсказѣ о женѣ (Лутусы № 67, Ванъ-моръ) нѣтъ, но разсказъ сходенъ въ томъ, что мужъ начинаетъ подозрѣвать опасность и жена успокоиваетъ его лживыми словами. Вере-

---

[1]) Веретено по-киргизски ик. Тастаганъ причастіе отъ киргизскаго глагола таста, кидать, метать; бюръ не понятно.

[2]) Вѣроятно Мусъ-тау (или Сауръ). Эта подробность, кажется, должна быть вмѣнена киргизскому подлиннику.

тено играетъ роль въ разсказѣ о херсонской Гикіѣ, дочери Ламаха, сохраненномъ для потомства Константиномъ Порфирородным.

VI. Къ стр. 211. Кромѣ варіанта сказанія объ озерѣ Иссыкъ-кулѣ, записанномъ Голубевымъ, та же легенда была записана и г. Венюковымъ; см. его статью: «Очерки заилійскаго края» въ Запискахъ Геогр. Общества, 1861, кн. IV, стр. 104. Варіантъ, записанный г. Корольковымъ, помѣщенъ въ газетѣ «Вост. Обозр.,» 1890 г., № 6.

Г. Саматовъ, студентъ-киргизъ, сообщилъ мнѣ, что на его родинѣ, въ окрестностяхъ Илецкой защиты, киргизамъ извѣстно преданіе о рогатомъ царѣ Искендерѣ. Онъ казнитъ тѣхъ, кто ему брѣетъ голову. Одинъ юноша, который былъ призванъ къ хану, не былъ казненъ, но съ условіемъ, чтобъ онъ не разглашалъ тайны. Скрывать эту тайну ему было невыносимо и онъ сообщилъ ее колодезю. Нагнувшись надъ отверстіемъ колодезя, онъ произнесъ Искендердунгъ міювы баръ, «Искендеръ имѣетъ рога». У колодезя, какъ это часто случается, росло растеніе чубузга, растеніе, изъ котораго киргизы дѣлаютъ свирѣли, по-киргизски чубузга. Чубузга слышала слова этого человѣка и черезъ нее тайна распространилась въ народѣ.

Въ иссыкъ-кульской легендѣ (см. выше, стр. 211) царь съ бычьими рогами или съ ослиными ушами носитъ имя Джанибекъ. Въ другихъ киргизскихъ разсказахъ, можетъ быть, относящихся къ тому же самому лицу, къ этому имени приставляется еще членъ Ӧсъ: Ӧсъ-Джанибекъ или Асъ-Джанибекъ (Очерки, II, 129, 158, прим. 39, который спаривается и съ другими формами: Ӧсъ-Темиръ, Асъ-тарханъ (имя города Астрахани), въ осетинскомъ Осъ-бакатаръ. Въ виду этихъ парныхъ не слѣдуетъ ли Искендеръ разложить такъ: Ис-кендеръ?

VII. Къ стр. 243, къ сказанію объ .Ундуръ-гэгэнѣ. Отъ ламы въ монастырѣ Амуръ байсхылынъ записанъ слѣдующій разсказъ: Богдо-гэгэнъ возродился въ утробѣ одной русской женщины; два гэгэна, одинъ Номонъ-ханъ, и еще другой, пришли къ ней, объявили волю неба и сказали, что они подожгутъ рожденія ребенка и возьмутъ его, чтобы воспитать для святого престола. Но мужъ женщины говоритъ: «Все это вздоръ»! Онъ не признавалъ желтой вѣры. Сказавъ свои слова, онъ пнулъ беременную женщину въ животъ. Женщина родила недоноска. Съ той поры Джебзунъ-тамба (т. е. богдо-гэгэнъ) пересталъ рождаться на сѣверѣ, а возрождается въ Литанѣ (въ восточномъ Тибетѣ).

Въ томъ же монастырѣ другой лама старикъ разсказалъ: Богдо-гэгэнъ съ шестью шаби, обратившись въ семь ангировъ, [1]) въ осеннее время вмѣстѣ съ ними прилетѣлъ на одно озеро. Одинъ старикъ увидѣлъ ихъ, велѣлъ женѣ варить чай и пошелъ пригласить ангировъ; смотритъ они превратились въ семь ламъ. Попивши чаю, ламы положили старику въ мѣшокъ изъ его же муки слѣпленнаго коня. Съ той поры старикъ разбогатѣлъ; у него размножились лошади. Потомство его находится въ хошунѣ Сайнъ-нойона.

VIII. Къ стр. 250, къ № 45. По другому показанію, записанному мною, въ хребтѣ Гурбаньсайханъ есть пещера Лавунъ-чимбо-агуй. Можетъ быть, этотъ разсказчикъ имѣлъ въ виду ту же пещеру, которая находится въ Инъ-шани и ошибся пріуроченіемъ. Инъ-шаньскую также называли мнѣ иногда Лавунъ-чимбо-агуй.

IX. Къ стр. 262. Хитрое приглашеніе врага оглянуться и посмотрѣть, кто идетъ сзади, и нанесеніе вслѣдъ за этимъ смертельнаго удара въ остяцкой сказкѣ (см. въ статьѣ г. Гондатти: «Слѣды языческихъ вѣрованій у Маньзовъ», помѣщенной въ «Трудахъ этногр. отдѣла И. Общ. любителей естествознанія, антр. и эти. при моск. универс., кн. VIII (Изв. того же общества, т. XLVIII, в. 2), 1888, стр. 58): богатырь Тахытъ-котль-горумъ идетъ на бой съ пришедшимъ съ моря дьяволомъ мэнквъ; онъ кричитъ ему: «посмотри, кто идетъ за тобой»! Мэнквъ повернулъ голову и сталъ смотрѣть назадъ. Стрѣла противника вонзилась въ него, по всей вѣроятности въ грудь подъ шеей, гдѣ у мэнква была часть человѣческаго тѣла, потому что противникъ мэнква получаетъ объ этомъ свѣдѣніе передъ битвой очевидно въ качествѣ наставленія, куда мѣтить. Этотъ участокъ человѣческаго тѣла вѣроятно было единственное уязвимое мѣсто. Отъ крика умирающаго мэнква разверзлась земля, изъ отверстія потекла вода и образовала рѣку Охуръ-я.

X. Къ стр. 278. Указаніе на преданіе о Бѣлогорскомъ селѣ сдѣлано неправильно. Въ «Сиб. Исторіи» Фишера разсказано только, что здѣсь на берегу стоялъ идолъ, изображавшій нагую богиню. Во время нашествія русскихъ богиня просила остяковъ скрыть ее (Сиб. Ист., Спб., 1774 г., стр. 149).

---

[1]) Ангиръ—красная утка.

XI. Къ стр. 278. Кеппенъ говоритъ, что монголы имя знаменитаго тибетскаго царя Сронцзонъ-гамбо, что значитъ: «прямой (открытый) мудрый князь», переводятъ Berke Schidurgho taelgen khan (Köppen, Die Religion des Buddha, B. II, S. 53).

XII. Къ стр. 283, къ сказанію о Даинъ-терьхе. Разсказъ старика ламы въ манастырѣ Амуръ-байсхылынъ: Даинъ-терьхе былъ гадзыренъ-сандыкъ (духъ мѣстности) въ западной землѣ и очень вредилъ людямъ; одинъ богдо погналъ его; достигнувъ до караульной линіи (проходящей вдоль хребта Танну-ола), Даинъ-терьхе обратился въ камень. Онъ знаетъ всѣ думы людей.

XIII. Къ стр. 298, къ преданію о развалинахъ города Боро-балгасуна. Монголы, живущіе около этихъ развалинъ, разсказываютъ, что въ нихъ находятъ кувшины и жернова, или круподерные камни, всегда опрокинутыми; нижній жерновъ сверху, верхній снизу; кувшинъ дномъ кверху. Много выкапываютъ человѣческихъ костей. Однажды выкопали черепъ, который на видъ былъ—не человѣческій и не лошадиный и не коровій; рѣшили, что это черепъ самого осла-царя, посмотрѣли и бросили.

XIV. Къ стр. 299. Близь Си-ванъ-цзе, резиденціи католическихъ миссіонеровъ около Калгана, по разсказу Сантанъ-джимбы, есть развалины города, который китайцы называютъ Эрръланъ-ченъ; объ этомъ городѣ разсказываютъ, что въ немъ жилъ Ельджигенъ-ханъ, «оселъ-царь».

XV. Къ стр. 307. Чойчжалъ, монг. Ерликъ, изображается часто держащимъ въ объятіяхъ женщину. Откровенность, съ которою представлены эти фигуры, не оставляютъ сомнѣнія, что художникъ имѣлъ въ виду сцену въ родѣ эпизода изъ жизни ханьши, матери Джанибека, встрѣтившейся съ осломъ (по иссыкъ кульской легендѣ).

XVI. Къ стр. 311. Въ примѣчаніи къ № 80 опечатка; сказано что кэрэксуры, по показанію одного халхасца, сложилъ народъ Цаганъ-баргутъ; слѣдовало напечатать: Цаганъ-баргунъ.

XVII. Къ стр. 311. Г. Дуброва, описавшій свою поѣздку въ сѣверозападную Монголію въ Изв. Вост. Сиб. Отд. Геогр. Общества (т. XV, № 1—2, стр. 11), говоритъ, что остатки древности монголы называютъ кергесе чило, «камни (народа) кергесъ», и что у бурятъ они извѣстны подъ именемъ хатяшъ хуре, «китайскихъ дворовъ» (тутъ, кажется, опечатка). Они по народному преданію принадлежатъ невѣдомому народу кергесъ, который былъ богатъ серебромъ и золотомъ. Пришелъ народъ съ сѣвера малаго роста, но съ ушами до земли, прогналъ кергесовъ и овладѣлъ ихъ серебромъ. Эти ушастые жили на сѣверѣ и были заключены какимъ-то ханомъ, по однимъ Чингисъ-ханомъ, по другимъ Делгиръ-ханомъ, между скалъ Алтанъ-мундурга (т. е. Саянскаго хребта по объясненію г. Дубровы, вѣроятно заимствованному у разсказчика) и завалены камнями; но ушастые не погибли; они пролизали камни, вышли и начали опустошеніе земли кергесовъ. Какой-то богатырь (потомокъ Гесэръ-хана) спасъ людей отъ конечнаго истребленія и вновь заключилъ ушастый народъ въ пещерахъ горъ. Но, можетъ быть, придетъ пора, когда ушастый народъ вновь пролижетъ стѣны своей темницы и нападетъ на людей.

О горѣ Мундурганъ есть слѣдующія замѣтки г. Черскаго (Изв. Вост. Сиб. Отд., т. XII, № 4—5, стр. 65). На картѣ Гумбольдта гора Mondorgon-oola помѣщена на мѣстѣ бѣлка Мунко-сардыка. Г. Черскому пришлось слышать о горѣ Мундурганъ, «очень высокой», даже «самой высокой» горѣ, которая будто бы находится въ Тункинскомъ краѣ, но сами тункинскіе буряты этого не знаютъ. Черскій слышалъ о ней отъ онгуренскихъ бурятъ. Далѣе онъ узналъ, что Мундурганъ принадлежитъ къ священнымъ мѣстамъ бурятъ, упоминаемымъ въ шаманскихъ рѣчахъ, какъ мѣстность, связанная съ похожденіями Буха-ноина; рядомъ упоминается и Хухэй (спаривается Мундурганъ-хухэй). Хухэй, русское Кукой, находится въ Торской долинѣ (въ Тункѣ); въ предѣлахъ же Кукойскаго улуса находится священное мѣсто Саганъ-шулунъ, мѣсто окаменѣнія Буха-ноина. По мнѣнію г. Черскаго, это и есть Мундурганъ.

Въ Очеркахъ, IV, 126, записано одинокое показаніе, что бѣлокъ Мунко-сардыкъ въ старину назывался Долонъ-Мундурго, «семь мундурго». Въ сказаніи аларскихъ бурятъ о Буха-ноинѣ, записаномъ о. Затопляевымъ (Зап. Вост. Сиб. Отд. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. I, стр. 115) тэнгріевъ сынъ, «сынъ неба», послѣ похожденій на землѣ, ушелъ на гору Мундурга; вмѣстѣ съ нимъ на девяти холмахъ горы Мундурга поселился и порозъ Бухо-ноенъ-бабай.

Пріуроченіе имени Мундурганъ къ бѣлку въ вершинахъ Иркута, можетъ быть, параллельно тому, какъ на землѣ указываются Алтынъ-хатасыны (см. выше, стр. 331). Тема о (добровольномъ) окаменѣніи приводитъ насъ къ темамъ о Кала-мэмбырѣ (выше, стр. 126) и о добровольно улегшемся въ могилу Акъ-кобокѣ, который долженъ бы воскреснуть по истеченіи срока, но

не воскресъ, преждевременно потревоженный въ могилѣ; Чандрагоминъ (см. выше, стр. 246), также добровольно похоронившійся, былъ счастливѣе.

Городища въ иркутск. губ. буряты приписываютъ китайцамъ и называютъ ихъ «китайскими дворами» [1]), а горшковидныя углубленія въ скалѣ въ мѣстности Каргой «китайскими ступками», въ которыхъ китайцы будто бы толки просо; Агапитовъ, «Прибайкальск. древности» (въ Изв. Вост. Сиб. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ., т. XII, № 4—5, стр. 9). Въ Забайкальи такъ называемые «маяки», т. е. древнія могилы, обставленныя торчмя стоящими плитами, буряты агинскіе и въ долинѣ Уды называютъ косӧ или когѳ̈.

XVIII. Къ стр. 317. Г. Логиновскимъ доставлена мнѣ слѣдующая замѣтка о возврѣніяхъ тунгусовъ нерчинскаго округа на природу. Предѣломъ плоской поверхности земли служитъ море; солнце и луна скрываются, первое въ ночное время, вторая днемъ, за предѣлами земли, т. е. въ морѣ. Оттого ночью, когда солнце находится погруженнымъ въ море, вода бываетъ теплѣе, а земля холоднѣе; днемъ же бываетъ наоборотъ. Когда-то давно на берегу моря стояла хижина, въ которой жила вдова съ своей дочерью. Однажды матъ передъ солнцезакатомъ отправили свою дочь къ морю за водой. Дѣвица взяла ведро и деревянный ковшъ и пошла. Прійдя къ морю, она залюбовалась на него и забыла, зачѣмъ пришла. Мать, прождавши дочь долго, вышла изъ терпѣнія, выбѣжала изъ хижины и стала ругать дочь и говорить: «Что, чортъ тебя забралъ, что ли»? И крикнула дочь по имени. Водяной царь, услыхавъ имя дочери, схватилъ ее и поволокъ въ воду. Ведро осталось на берегу, а ковшъ у дѣвицы въ рукахъ. Между водянымъ и дѣвицей началась борьба. Мѣсяцъ въ это время уже поднимался изъ воды, чтобы совершить свой путь по небу. Когда онъ подплылъ къ дѣвицѣ, она схватилась свободной рукой за кустъ, который растетъ на мѣсяцѣ. Мѣсяцъ продолжалъ подниматься все выше и выше, а дѣвица не выпускала изъ руки куста; такимъ образомъ мѣсяцъ поднялъ ее. Тунгусы говорятъ, что и теперь на мѣсяцѣ стоитъ кустъ, а за кустъ держится дѣвица съ ковшомъ, которую онъ поднялъ. Помня этотъ несчастный случай, тунгусы запрещаютъ кликать по имени дѣвицъ, ушедшихъ по воду.

XIX. Къ стр. 319. Г. Гонддати приводитъ вогуличскую легенду о Б. Медвѣдицѣ. Сперва лось жилъ на небѣ и у него было шесть ногъ, почему его никто не могъ догнать. Онъ этимъ возгордился и сталъ хвастаться; тогда богъ Нуми послалъ одного богатыря наказать его. Богатырь Мось-хумъ погналъ его по всему небу, догналъ, отрубилъ ему двѣ заднія ноги и бросилъ на землю; съ тѣхъ поръ у него стало четыре ноги, и онъ сдѣлался добычей человѣка; воспоминаніе же о шестиногомъ лосѣ осталось въ видѣ созвѣздія Большой Медвѣдицы, а путь, по которому Мось-хумъ гналъ лося, называется мось хумъ ӧва лонгха и есть не что иное, какъ Млечный путь (Труды Этн. Отд. И. Общ., люб. ест., антр. и этн. при моск. унив., кн. VIII, въ Изв. того же Общества, т. XLVIII, в. 2 (1888 г.), стр. 71).

XX. Къ стра. 324. Плеяды по осетински Чугэйгэрь; въ Очеркахъ, IV, 730: Чехгэръ. Ср. о звѣздѣ Чигирь у Востокова въ Описаніи рукописей Румянц. музея: «Сія бо звѣзда Чигирь есть межь всѣми звѣздами; еще кому ѣхати или ити куда или селитися смотри на которую сторону та звѣзда стоитъ» (стр. 15).

XXI. Къ стр. 32[illegible]. Собраніе на Плеядахъ. На горѣ Делгиръ-ханъ духи собираются въ извѣстное время, «точно наши кіевскія вѣдьмы на Лысой горѣ» (въ ст. Дубровы въ Изв. Вост. Сиб. Отд. Имп. Р. Геогр. Общ., т. XV, № 5—6 (1885), стр. 40).

XXII. Къ стр. 333. Міровое дерево у якутъ. Въ якутской сказкѣ «Юрюнгъ-уоланъ», начало которой переведено г. Гороховымъ (Извѣстія Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ., т. XV, № 5—6, стр. 43) дерево улу аръ кудукъ масъ стоитъ на холмѣ, который, судя по контексту, находится на «пупѣ земли», на «тихомъ мѣстѣ»; вершина его проросла сквозь семислойное небо и служитъ здѣсь коновязью для Юрюнгъ-ан-тоена (высшаго якутскаго бога, имѣющаго сѣдалищемъ «молочный камень», ють-тасъ); корни дерева проникаютъ преисподнюю, гдѣ они служатъ столбами жилища существъ, имѣющихъ ротъ подъ кадыкомъ. Г. Гороховъ догадывается,

[1]) Г. Хангаловъ сообщилъ мнѣ, что городища балаганскіе буряты называютъ хитэй хуре, «Китайскими дворами». Одно изъ нихъ находится на горѣ Удактай; тутъ лѣтъ 20 назадъ была найдена серебряная пластинка; другое на горѣ Зугэй-уланъ; тутъ лѣтъ 15 назадъ найденъ лоскутокъ сгнившей шелковой матеріи; третье на горѣ Тальхини-уланъ; тутъ будто бы временно стоялъ Зугэй-нойонъ, который угналъ жившихъ тутъ жителей въ Китай; жители, покидая родину, свои серебряныя вещи, завернувъ въ бересту, заложили въ ущелья.

что аръ значитъ вѣтвистый, потому что есть якутское слово арбагаръ, «растрепанный»; кудукъ г. Горохову совсѣмъ не понятно. Кудукъ ср. съ формами катаганъ, кодахъ, «колъ» «гвоздь», приведенными выше на стр. 331; Полярная звѣзда, у агинскихъ бурятъ Алтанъ-гатыхъ или Алтанъ-гатысъ. Если кудукъ есть второй членъ этого парнаго, то аръ стоитъ на мѣстѣ алтанъ, «золото».

Сюлюгяй по Горохову (ibid., стр. 59) въ родѣ живой воды, хотя «живая вода», эльбеть менгю ута, особо упоминается. По объясненію якута-сказочника сюлюгяй «сокъ»; въ обыкновенной рѣчи не употребляется. Сюлюгяй Юрюнгъ-аи-тоена, величиной съ утиное яйцо, былъ спрятанъ въ ухѣ коня; богатырь и его конь поѣли его и поназались имъ и оправились отъ безсилія (ib., стр. 60); сестра умершаго брата испрашиваетъ у Юрюнгъ-аи-тоена сюллюгяй, мажетъ имъ трупъ и оживляетъ брата (ibid.).

XXIII. Къ стр. 335. Кромѣ указанныхъ на этой страницѣ горъ въ Монголіи я слышалъ еще о двухъ: 1) о горѣ Баинъ-Сумбуръ въ хребтѣ Гурбань-Сайханъ, къ ю. отъ р. Онгіинъ-гола (см. Изв. И. Р Геогр. Общ., т. XXIII, стр. 20 отд. оттиска); 2) о горѣ Сюнбурь, лежащей на дорогѣ съ Едзина на уроч. Борцзонъ-цзергеле (см. тамъ же). Можетъ быть, то же имя слѣдуетъ видѣть и въ имени горы Сяври-богдо, которое произносится также Сябрѣ или Севиренъ-богдо. Эта гора находится въ гобійскомъ Алтаѣ къ западу отъ Гурбань-Сайхана. Второй членъ богдо показываетъ, что это одна изъ поклонныхъ горъ. О Сяври-богдо см. въ III части этого изданія.

XXIV. Къ стр. 336. Въ киргизской легендѣ, записанной г. Венюковымъ на Иссыкъ-кулѣ, покража мутовки приписана Кыргызбаю, предку иссыкъ-кульскихъ киргизъ. Кыргызбай былъ изгнанъ братьями изъ своего улуса, упрекавшими его неизвѣстнымъ происхожденіемъ (ср. о Бодончарѣ, предкѣ Чингисъ-хана), но онъ восторжествовалъ надъ ними, когда ему удалось украсть изъ юрты матери колотушку для кумыса и узду, символы первенства (Венюковъ, «Очерки Заилійскаго края», въ Запискахъ Геогр. Общ., 1861, кн. IV, стр. 104). Начало этой легенды ср. съ преданіемъ о предкѣ хотонскихъ хановъ Гэльгенъ-пи (Очерки, II, 162). Въ преданіи зайсанскихъ киргизъ о Есекень-батырѣ, которое мы сближаемъ съ однимъ эпизодомъ изъ жизни Чингисъ-хана, также является имя Кыргызъ (см. Очерки, II, 149; прим., стр. 34; IV, 802).

XXV. Къ стр. 341. Арайанъ-коройонъ. У бурятъ употребляется выраженіе: арьялын хольялын, посредствомъ котораго изображается кипѣніе, наприм., булык арьялын хорьялын байна, «ключъ кипитъ, бурлитъ». Отъ того же глагола, арьяллху хорьяллху, можетъ быть образовано выраженіе арьян хорьян, которое не употребляется, но, будучи сказано, будетъ понято бурятами въ томъ же значеніи. (Сообщено хоринскими бурятами).

XXVI. Въ числѣ историческихъ преданій одно по ошибкѣ не помѣщено въ своемъ мѣстѣ. Въ то время какъ манджурскій князь усиливался, одинъ лама родомъ изъ Баджоу (въ Сань-чуани) «посмотрѣлъ тюльку» (погадалъ по внутренностямъ) и сказалъ ему: «Часъ стать тебѣ ханомъ пришелъ! Спѣши!» И манджурскій князь сѣлъ на пекинскій престолъ подъ именемъ ...Чжасакчи. Ламѣ же этому далъ удѣлъ и сдѣлалъ его ваномъ. Этотъ лама-ванъ есть и теперь; онъ живетъ въ своемъ куренѣ къ сѣверовостоку отъ хошуна Карачинъ, въ провинціи Кванъ-дунъ [1]). его подчиненные называются куренъ-монголъ. Надъ прахомъ перваго ламы — вана въ Пекинѣ, поставленъ бѣлый субурганъ; онъ и теперь есть и извѣстенъ подъ именемъ Баджоу-ламани-субурга. Согласно постановленію ...Чжасакчія, когда лама-ванъ умретъ, на его мѣсто садятъ другого, непремѣнно родомъ изъ деревни Баджоу т. е. изъ Сань-чуани (Разсказъ Сантанъ-джимбы).

XXVII. Другое не попавшее въ этотъ томъ преданіе — разсказъ объ Ундуръ-гэгэнѣ (собственно о Джибцзунь-тамбѣ) помѣщенъ въ первомъ томѣ, въ III части, въ V главѣ при описаніи монастыря Амуръ-байсыхылынъ.

---

[1]) Гуань-дунъ (т. е. земля на востокъ отъ Шань-хай-гуаня). одно изъ китайскихъ названій Маньчжуріи. *А. О. И.*

V.

Примѣчанія А. О. Ивановскаго [1]).

Извѣстно, какое важное значеніе имѣетъ произведеніе подъ заглавіемъ «Подвиги Богдо-гэсэръ-хана» въ письменной монгольской литературѣ, за исключеніемъ переведенныхъ съ тибетскаго буддійскихъ сочиненій, состоящей изъ самаго ничтожнаго количества сочиненій. Въ настоящее время, когда письменный монгольскій языкъ настолько отдѣлился отъ разговорнаго, что вся эта литература, очевидно, дѣлается вымирающей, если не мертвой [2]), чрезвычайно важно опредѣлить, существуютъ ли въ народѣ какія либо устныя произведенія, не взяты ли они изъ письменной литературы или на оборотъ, не воспользовалась ли письменная литература устными произведеніями своего или другого народа. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно важно собрать различныя сказки, легенды и т. п., существующія у монголовъ Затѣмъ, такъ какъ, въ виду того, что вся почти монгольская (буддійская) литература есть сколокъ (переводъ) съ тибетской, является предположеніе, что и произведенія, подобныя Гэсэръ-хану, заимствованы у тибетцевъ, то важно собрать подобныя же сказки, легенды, преданія и у тибетцевъ, важно наконецъ собрать у нихъ существующія варіанты произведеній, попавшихъ и въ письменную монгольскую литературу. Эти сказки, легенды, преданія и варіанты важно собрать не только въ переводѣ, но еще лучше на туземныхъ языкахъ, хотя бы въ транскрипціи русскими буквами, такъ какъ текстъ не менѣе важенъ при опредѣленіи вопроса о заимствованіи, чѣмъ сличеніе содержанія различныхъ варіантовъ.

Переходя въ частности къ Гэсэръ-хану, надо замѣтить, что мы имѣемъ монгольскій текстъ его по пекинскиму изданію временъ императора Канъ-си (1716 г.).

---

[1]) Во время печатанія книги, безъ руководства оріенталиста въ ней неизбѣжно должны были явиться неисправности и недомышленія. Когда вернулся въ Петербургъ А. О. Ивановскій изъ своего путешествія въ Манчжурію, я обратился къ нему съ просьбой просмотрѣть мою книгу; онъ сдѣлалъ это и я очень цѣню его дружескую услугу. Его филологическія замѣтки помѣщаются здѣсь, а поправки правописанія собственныхъ именъ и восточныхъ словъ сдѣланы въ индексахъ. Г. П.

[2]) Непонятные уже теперь обороты и формы письменнаго монгольскаго языка монголы признаютъ за маньчжурскіе—манчжурскіе потому, что нѣтъ другого подходящаго языка,—а въ сущности значитъ, чуждыми, не своими.

Кромѣ того, что во всѣхъ пекинскихъ изданіяхъ монгольскій текстъ отличается постоянными опечатками и искаженіями текста [1]), это изданіе очень позднее, и текстъ его, прежде чѣмъ былъ увѣковѣченъ печатью, очевидно, подвергался большимъ перемѣнамъ и вставкамъ въ устахъ народа. Затѣмъ мы не знаемъ, какъ и съ какого оригинала было сдѣлано это изданіе. Понятно, что въ выясненіи вопроса о происхожденіи этого произведенія чрезвычайно важное значеніе пріобрѣтаютъ варіанты, записанные въ различныхъ мѣстахъ, а, если еще есть и тексты этихъ варіантовъ, то мы можемъ дѣлать различныя коньектуры и догадки относительно темныхъ, двусмысленныхъ и различно переданныхъ (въ отдѣльныхъ варіантахъ) мѣстъ [2]). Матеріалы для текстовъ также вывезены Г. Н. Потанинымъ, такъ что можно надѣяться, что и они будутъ современемъ изданы.

Теперь же займемся этими варіантами, сказками и легендами только въ передачѣ на русскій языкъ.

Китайцы, а за ними и европейскіе ученые принимаютъ Гэсэръ-хана за одно лицо съ Гуань-юйемъ, однимъ изъ главныхъ героевъ Сань-го-чжи [3]). Это несомнѣнно историческая личность, онъ выдавался среди своихъ современниковъ своею наружностью [4]) и военными талантами и былъ личнымъ другомъ Лю-бэй'я, основателя царства Шу-Хань (или Шу, въ Сычуани, частью въ Хубэй), которому онъ служилъ вѣрою и правдою, несмотря на всѣ старанія владѣтелей другихъ царствъ (Вэй и У) переманить и удержать его у себя (когда онъ попадался въ плѣнъ). Конецъ его описывается такъ: въ 219 г. [5]) онъ въ городѣ Май-чэнѣ былъ окруженъ войсками царства У и, выманенный въ засаду изъ города по плану министра (царства У) Люй-мэна, захваченъ въ плѣнъ въ Линь-цзюй. Сунь-цюань, владѣтель царства У, склонялъ Гуань-юй'я перейти на свою сторону, но послѣдній съ бранью отказался, и ему вмѣстѣ съ сыномъ, Гуань-пиномъ, была отрублена голова.

По преданію [6]) онъ явился (уже духомъ) на горѣ Юй-цюань-шань въ уѣздѣ Данъ-янъ-сянь области Цзинъ-мынь-чжоу монаху Пу-цзину (носившему титулъ ставиры—Чжанъ-лао) вмѣстѣ съ сыномъ и вѣрнымъ генераломъ Чжоу-цаномъ [7]) и выслушалъ отъ Пу-цзина ученіе Будды. Мѣстные жители на вершинѣ горы поставили въ честь его кумирню (мяо) и въ каждое изъ четырехъ временъ года прино-

---

[1]) По винѣ переписчиковъ текста для печати и рѣзчиковъ досокъ.

[2]) Помимо того еще, что нельзя быть увѣрену, что переводъ текста черезъ посредство нѣсколькихъ переводчиковъ всегда былъ точенъ.

[3]) Кстати исправляемъ неточность: на стр. 263 сказано: Гуань-инъ вм. Гуань-юй, Сань-го-ши вм. Сань-го-чжи, Ли-бэй вм. Лю-бэй, Chi-ko-Чжу-гэ-лянъ (или Куиъ-минъ, первый министръ Лю-бэй'я, образецъ искусныхъ министровъ по признанію китайцевъ и главный герой этого періода).

[4]) Между прочимъ красотою усовъ и бороды, отчего его статуи всегда дѣлаются съ длинными усами и бородой изъ настоящихъ черныхъ волосъ.

[5]) Т. е. въ томъ году, въ которомъ кончилась вост. династія Хань и съ котораго собственно начался періодъ Троецарствія (220—$^{265}/_{279}$).

[6]) Очевидно составленному послѣ канонизаціи, для объясненія того, что онъ попалъ и въ буддійскіе храмы.

[7]) Оттого статуи двухъ этихъ лицъ ставятся справа и слѣва передъ статуей Гуань-юй'я (одинъ съ мечемъ, другомъ съ копьемъ, или одинъ съ печатью, другой съ мечомъ).

силѝ жертву. При дин. Хоу-Сунъ, когда Гуань-гунъ (графъ Гуань—такъ уже онъ титуловался тогда) проявилъ свою святость, ему въ года правленія Чунъ-нинъ (1102—1106 по Р. Х.) былъ пожалованъ титулъ Чунъ-нинъ-чжэнь-цзюнь (истинный владыка годовъ правленія Чунъ-нинъ); послѣдующія династіи прибавили ему царскій титулъ И-юнъ-ву-ань-ванъ (справедливо-храбрый воинственно-спокойный царь).

Нынѣшняя династія признала его своимъ геніемъ хранителемъ потому, что, когда къ Нурхаци (основателю этой династіи) прислали его кумиръ, то нашли, что онъ очень похожъ на Нурхаци (или его отца [1]). Теперь онъ пользуется всеобщимъ почтеніемъ и извѣстностью въ Китаѣ подъ именемъ Гуань-ди (императоръ Гуань), Гуань-лаоѣ (господинъ [2]) по фамиліи—Гуань) или просто Лао-ѣ. Кумирни въ честь его (Лаоѣ-мяо) строятся не только въ горахъ, но и по дорогамъ, на перевалахъ [3]). Въ городахъ Маньчжуріи (особенно сѣверной) его кумирня считается обыкновенно главной (ца-мяо), хотя бы и находилась за городомъ; въ нее является амбань 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца для совершенія положеннаго моленія. Особенностью кумиренъ въ честь Гуань-лаоѣ служитъ особое воротное зданіе съ двумя такъ называемыми ма-тунами (конюхами), въ платьяхъ разнаго цвѣта, ведущими въ поводу двухъ осѣдланныхъ лошадей разной масти (лицомъ на улицу, очень рѣдко другъ къ другу); иногда еще между этимъ воротнымъ зданіемъ и самой кумирней устраивается среднее, гдѣ помѣщаются различныя принадлежности свиты китайскаго знатнаго лица: флаги, зонты, копья, аллебарды и т. п. Изображается Гуань-лаоѣ въ царскомъ одѣяніи, обыкновенно въ зеленомъ шелковомъ халатѣ или мантіи, накинутой на статую. Иногда передъ нимъ или особо (внѣ кумирни въ особой нишѣ, на перевалахъ) помѣщаются небольшія конныя статуи его.

Въ Маньчжуріи онъ считается главнымъ изъ девяти духовъ, кумирни въ честь которыхъ наиболѣе часты въ деревняхъ. Въ нихъ Гуань-лаоѣ занимаетъ всегда (какъ и на рисункахъ) среднее, главное мѣсто, оттого и кумирня называется или Цзю-шэнь-мяо (Кумирня девяти духовъ) или Лао-ѣ-мяо.

Считаю нелишнимъ перечислить этихъ духовъ: 1) Лао-ѣ; 2) чернолицый Лунъ-ванъ (драконъ, богъ водъ и дождя); 3) краснолицый Хо-шэнь (духъ огня); 4) четверорукій или шестирукій Ма-ванъ (или Ма́-шэнь, т. е. богъ лошадей); 5) Ню-ванъ (богъ коровъ); 6) Яо-ванъ (царь лекарствъ, богъ врачебнаго искусства); 7) Чунъ-ванъ (богъ насѣкомыхъ, червей); 8) Мяо-ванъ (богъ хлѣбовъ) и 9) Цай-шэнь (духъ богатствъ), настоящій богъ китайцевъ, первенствующій среди этихъ духовъ (какъ иногда и Лунъ-ванъ), если нѣтъ Гуань-лао-ѣ. Иногда къ этимъ духамъ прибавляется еще 4 и получается 13 духовъ (ши-сань шэнь); это: 1) Гуань-инь-пу-са; 2) Ту-ди (сѣдовласый старикъ, подобно монгольскому цаганъ-эбугэну—богъ плодородія земли); 3) постоянный его спутникъ темнолицый Шань-шэнь, изображаемый въ полномъ воору-

---

[1]) То же разсказывается и про статую Маньчжушри.

[2]) Въ Маньчжуріи теперь даже различаютъ: Лао-ѣ означаетъ Гуань-юй'я, а ло́ѣ прибавляютъ къ фамиліи или первому слогу ея, въ смыслѣ нашего Г-нъ, наприм. Энь-ло́ѣ, И-ло́ѣ, О-ло́ѣ и т. д.

[3]) Отчего наприм. въ Манчжуріи многіе хребты и перевалы носятъ его имя—Лаоѣ-линъ.

женіи, въ латахъ и шишакѣ; 4) Ву-дáо (временъ династіи Танъ) въ такомъ же вооруженіи, какъ Шань-шэнь, но бѣлолицый [1]).

Что же теперь сказать насчетъ отождествленія Гуань-юй'я съ Гэсэръ-ханомъ? По моему оно допустимо, но не неоспоримо. Если, съ одной стороны, мы имѣемъ примѣры, какъ въ легендахъ измѣняются до неузнаваемости историческія личности, такъ что историческій генералъ Гуань-юй могъ измѣниться [2]) въ буддійскаго Гэсэра, сына Хормузды или вообще небеснаго владыки, то съ другой стороны между Гуань-юй'емъ въ Сань-го-чжи и Гэсэръ-ханомъ монгольскихъ и тибетскихъ версій поэмы громадная пропасть, ничѣмъ еще не заполненная хотя отчасти. Нѣсколько сходныхъ эпизодовъ ничего не значатъ: въ разныхъ мѣстахъ различныя лица могутъ быть въ одинаковыхъ положеніяхъ, и потому сходныя ситуаціи въ нѣкоторыхъ случаяхъ двухъ героевъ не означаютъ ихъ тождества.

Гуань-юй, несмотря на чудесныя приключенія, разсказываемыя про него въ Сань-го-чжи [3]), все-таки остается лицомъ историческимъ. Если онъ теперь и сдѣлался богомъ (подобно другимъ китайскимъ историческимъ личностямъ), то это совершенно въ духѣ конфуціанства, и никто ему божественнаго происхожденія не приписываетъ. Лицъ, удостоенныхъ почитанія, въ Китаѣ очень много. Возвысился Гуань-юй въ почитаніи китайцевъ (изъ гуновъ въ императоры), благодаря честолюбію династіи: возвышая Гуань-юй'я, династія возвышала себя въ лицѣ своего основателя (Нурхаци), похожаго на Гуань-лаоѣ. Такихъ примѣровъ въ китайской исторіи много, начиная съ самого—Кунъ-фу-цзы (Конфуцій).

Далѣе, хотя Гуань-юй и относится къ періоду Троецарствія, но только къ самому начальному періоду его, который еще относится къ концу восточной ханьской династіи. Самый же періодъ, т. е., окончательное сформированіе 3-хъ царствъ: Вэй на сѣверѣ, У на югѣ и Шу (Шу-Хань, Хань) на западѣ, начинается съ 220 г. (а онъ казненъ въ 219 г.). «Подвиги Гэсэръ-хана», правда, относятъ появленіе послѣдняго ко времени борьбы 3-хъ царствъ (народовъ): Туса, Дунсаръ и Ликъ, но, хотя слово Ликъ, благодаря свойству монгольской письменности, могло легко образоваться изъ встрѣчаемаго въ тангутской версіи Лингъ (Лангъ), то все-таки для сближенія этихъ именъ съ 3-мя китайскими царствами мы ничего не имѣемъ кромѣ числа (3). Вѣдь мы знаемъ только ихъ названіе въ китайской исторіи, а имѣли ли они отдѣльное названіе въ Сы-чуани и у тибетцевъ, ничего неизвѣстно [4]).

Далѣе, имѣя въ виду разсказъ, что Кэсыръ разрушилъ широнгольское царство, управляемое 3-мя царями, можно заключить, что въ Гэсэръ-ханѣ разумѣются не три китайскія царства, а свои, мѣстныя.

---

[1]) Въ такомъ же вооруженіи изображается еще Вэй-тоу-пуса, но онъ всегда помѣщается отдѣльно, въ заднемъ отдѣленіи входнаго или средняго зданія, лицомъ къ главному зданію.

[2]) Тѣмъ болѣе, что съ его смерти прошло много вѣковъ до начала письменности у тибетцовъ, тѣмъ болѣе у монголовъ. Затѣмъ появившійся буддизмъ, по своему обыкновенію, сталъ пользоваться существовавшими уже до него въ народѣ легендами для своихъ цѣлей.

[3]) Чудесныя приключенія героевъ общи всѣмъ китайскимъ произведеніямъ подобнаго рода.

[4]) Можно допустить, что настоящія имена забылись и были даны выдуманныя, но вѣдь это гадательно.

Затѣмъ сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній, дополненій и поправокъ по порядку страницъ.

Стр. 32. прим. Кыу-шинъ по-китайски медвѣдь. Медвѣдь по-пекински сюнъ или жень (человѣкообразный)-сюнъ, но здѣсь вѣрно прибавлено гоу—собака. Томъ, вѣроятно то же, что по-китайски т'о, баснословное животное, на которомъ ѣздятъ боги; по звуку оно напоминаетъ верблюда (ло-то), но изображается такъ, что не похоже ни на одно существующее животное (между прочимъ, раздвоенныя копыта).

Стр. 34. Лунва-ксындо. По лексикону Лун̀ [1])-ва (рѣчная долина, а гЛун-ма рѣка)—гСум (три),-мДо (устье).

Стр. 44. Лсаганъ—по лексикону хЛа-к̇ан̀ (божій домъ). Магчжи-чжаву по лексикону дМаг-ги-рЧжал-бо (или Чжо-во) — Владыка (богъ) войны. Драконъ (нчжугъ), это по лексикону аБруг (чит. Чжуг)—громъ; драконъ, которому приписывается громъ (голосъ дракона).

Стр. 50. «Тӧгӧлтӧр отъ тӧгӧт» близнецъ». Въ монг. языкѣ есть прямо это слово тэгултэр (разгов. тӧгӧлтӧр), совершенный, въ совершенствѣ владѣющій чѣмъ-либо, такъ что Моргонъ-тӧгӧлтӧръ значитъ искусный стрѣлокъ.

Стр. 54. Слово гэрэл значитъ свѣтъ, сіяніе; гэрэлтэ, гэрэлтэй — имѣющій свѣтъ, свѣтлый.

Стр. 167. Чаугунцза искажено изъ чибаганца, шибаганца (шимакца) монахиня.

Стр. 177. Тѝнса, по Ковал. Чжинсе (отъ кит. цзинь-цзы).

Стр. 190. Би-лу-женя испр. Би-лу-чжэня, Ю-лай испр. Жу-лай. Feou-thou—Фоу-ту, древнѣйшая транскрипція слова будд'а (теперь Фо или Фӧ-ѣ), ясно показывающая, что слово никоимъ образомъ нельзя производить отъ греческаго Θεός, какъ хотѣлось нѣкоторымъ. Lo-heou-lo—Ло-хоу-ло (Рахула), сынъ Сакьямуни. Pi-tchi-fo—Би-чжи-фо—Пратіека-будда (Тиб. Ран-сан-чжай) т. е. прозрѣвшій, достигшій святости самъ собой, безъ участія Буддъ, созерцаніемъ ниданъ. Пратіека-будды считаются выше архановъ. Pi-lou-tchena—Вайрочана. Цзялань-санскр. санг'ā-рама—монастырь. Раганъ—арханъ.

Прим. Часто встрѣчающееся въ легендахъ (напр., стр. 250) слово лумбунъ, вѣроятно тиб. сЛов-дБонь (Ловбон, Лувбун)—учитель, наставникъ, въ легендахъ въ смыслѣ совѣтника царя.

Стр. 194. Барга-Солонъ. Собственно Баргу въ сѣверной Маньчжуріи считаются монголами (что доказывается и ихъ языкомъ). Солономъ же онъ назывался себя, вѣроятно, потому, что родомъ изъ Хайлара, въ которомъ живетъ одинъ главноуправляющій Солонами (другой живетъ въ Бутха). Такимъ образомъ, слово Солонъ является здѣсь какъ бы собирательнымъ, какъ въ Бутха это послѣднее слово (Бутха-Дахуръ, Бутха-Солонъ).

Стр. 206. Осрунъ-бурханъ. Это Эсруа, Эсрун (тиб. Цанъ-ба) — Брахма.

---

[1]) Носовое н.

Прибавка слова бурханъ (хотя Брахма не будда) встрѣчается и въ другихъ именахъ, напр., бодисатва Майтрея называется Меле-бурханъ (кит. Ми-лѣ-фо).

Стр. 209. Насчетъ догадки, что бухэ искажено изъ бугэ, надо замѣтить, что оба слова въ письменности не различаются и переводчикъ, вѣроятно, прочиталъ бухэ, не рѣшаясь признать за бугэ (бӧ) шаманъ. Точно также насчетъ догадки о словѣ фучжинь (въ имени Бурте-фучжинь) надо замѣтить, что это китайское слово фу-жень—почетное названіе женъ знатныхъ лицъ, поэтому приложено и къ имени (или первой части его, по китайскому обыкновенію) жены Чингиса.

Стр. 221, прим. Исправить такъ: Ширама—(по тибетски а$\overset{c}{К}$ро или $\overset{c}{К}$ро), по Ков. сплавъ металловъ, бронза (также и тибет. у Шмидта); въ Монголо-бурятскомъ же переводчикѣ (Спб. 1891, стр. 10) есть слово ширэм—чугунъ. Ширмынъ усунъ должно соотвѣтствовать тибет. а$\overset{c}{К}$ро-чу—растопленная бронза (еще колокольная мѣдь, по Шмидту).

Стр. 225. Относительно двухъ видовъ Гуань-инь-пусы замѣчу, что въ Маньчжуріи и сѣв. Китаѣ (гдѣ я былъ) она изображается или въ видѣ женщины (молодой), что встрѣчается гораздо чаще, или очень рѣдко въ видѣ мужчины (старика). Хэшанъ того храма въ Маньчжуріи, гдѣ я впервые увидалъ Гуань-инь-пусу въ видѣ мужчины (старика), объяснилъ мнѣ, что этотъ бодисатва мужчина, но чтобы ему могли молиться и женщины, его стали изображать и въ видѣ женщины. Принимая во вниманіе легенды про Гуань-инь-пусу въ Китаѣ, дѣйствительно, надо думать, что буддисты въ Китаѣ, чтобы привлечь къ себѣ женщинъ, воспользовались культомъ какой-либо женщины (а такой культъ въ духѣ китайцевъ: канонизація возможна за подвиги любви и преданности къ родителямъ и т. п.) и отождествили послѣднюю съ Авалокитешварой, который по приписываемому ему милосердію казался имъ болѣе подходящимъ. Теперь Гуань-инь-пуса пользуется громаднымъ почитаніемъ со стороны женщинъ. Праздники въ честь ея—(уже не *его*) чисто женскіе праздники; къ ней обращаются съ молитвами о дѣтяхъ. Тогда она называется сунъ-цзы «посылающей дѣтей» или цзы-сунь («дѣти-внуки», потомство, т. е. дающая потомство). Въ этомъ случаѣ она сходна съ Цзы-сунь-нянъ-нянъ, одной изъ трехъ особо-чтимыхъ нянъ-нянъ (букв. барышенъ). тоже считающейся покровительницей дѣтей [1]). Дже—цзѣ? старшая сестра.

Стр. 228. Майдари (Шянба) по лекс. Чжамъ (Вьямс)-ба.

Стр. 229. Мандзу-шара-бычинъ. По монг. обезьяна мечин и бечин.

Пять искусствъ (эртэнъ). По Ков. эрдэм. Изъ нихъ первыя четыре названы по кит. (по пекин. му-цзянъ, хуа-цзянъ, тѣ-цзянъ, ши-цзянъ), послѣднее по монгольски цзурахай, по Лек. чжирухай.

Стр. 231. Раншюнъ, по лек. ран-чжюн, саморожденный, самъ собою происшедшій (монг. убэр-йен-гаруксан), употребляется и какъ эпитетъ Брахмы (Эсруа), санскр. swayabhu. (см. Ков. 503).

---

[1]) Двѣ другія: одна помогаетъ въ глазныхъ болѣзняхъ (Янь-гунъ-нянъ-нянъ); другой молятся объ избавленіи отъ оспы (Доу-чжэнь-нянъ-нянъ).

Урджянъ-рембучи (букв. Урджянская драгоцѣнность, драгоцѣнный Урджянецъ) одно изъ тибет. названій Падма-Самбавы, знаменитаго пандиты, жившаго, какъ считаютъ, въ Тибетѣ въ VIII и IX ст. Другія его названія (см. лекс. Шмидта) Урчжянь [1])-падма (Ур.—скій лотосъ ледвенецъ), и Падма-аЧжун-гНай (переводъ санскр. Падмасамб'ава [2]). Легенды о немъ въ сочин. Падмагатанъ (стр. 233 Бамакатунъ).

Стр. 232. Ртомба-Шихча-тоба (а на стр. 236 Томба-Шигба-тува), по лекс. сТонь-ба-Шакья (калм. Шакчжа)-тув-ба—Учитель Сакьямуни (тиб. тув-ба=сан. муни «отшельникъ»).

Хланджи—по лекс. хЛа-аДре (чит. хЛан-чже) злой духъ, чертъ.

Стр. 234. Рсамба. По лекс. рЦзам-ба, приготовляется изъ ячменя (тиб. нас, чит. ней, hordeum bulbosum).

Прим. 2) Цаг-дур, по лек. Чаг (Пьяг)-рДор или полнѣе чаг-на (или Лаг-на) дорже—«(держащій) драгоцѣнность въ рукахъ», переводъ санскр. Вачжрапани (въ монг. испорчено въ Очирвани, одно изъ названій Авалокитешвары).

Стр. 235. Шянба мясникъ, по лекс. бШань-ба, Шань-ба.

Стр. 237. Джи-цзункава, Джи-лама. Здѣсь Джи вм. рЧже «достопочтенный» (титулъ высшихъ духовныхъ особъ, еще рЧже-бЦзунь) [3]).

Умъ по тиб. бЛо.

Стр. 239. Шакджа по лек. Сас-кья (Шакья).

Стр. 240. Ма-юла-чжолма не Ман-юлъ-чжолма ли (т. Чжиронская Чжолма—Тара, Дара-экэ)?

Стр. 250. См. выше прим. Такимъ образомъ здѣсь Лумбунъ-чимбо можетъ значить «великій учитель» или совѣтникъ (сЛов-дБонь-чень-бо).

Стр. 251. Кит. Пей-юнъ-сай, сообразно монг. Чаганъ-Абита (Бѣлый Абида, санскр. Амитаб'а) должно по пек. быть Бай (бѣлый)-юнъ-цзай (вѣчно существующій). Но Амитаб'а чаще по кит. переводится У-лянъ-гуанъ (фо—Будда), монг. Цаклаши угэй гэрэлту (имѣющій) «неизмѣримый свѣтъ» (Будда), еще чаще оно остается безъ перевода въ формѣ О-ми-то-фо. Имя его самое популярное въ Китаѣ изъ всѣхъ будд. боговъ, и обращеніе къ нему такъ же въ ходу среди китайскихъ буддистовъ, какъ среди монголовъ и тибетцевъ извѣстная формула: «Омъ-мани-падме-хумъ!» Постоянное призываніе имени О-ми-то-фо есть одно изъ средствъ попасть въ буддійскій рай Сукавати (по кит. Цзинъ-ту, находится на западѣ), описанію котораго посвящена между прочимъ отдѣльная сутра О-ми-то-фо-цзинъ. Но описаніе этого рая куда блѣднѣе и безсодержательнѣе, чѣмъ описаніе буддійскихъ адовъ.

Стр. 253. «Инъ» обыкновенно (безъ прибавленія другихъ словъ) означаетъ одну изъ соколиныхъ породъ (соколъ, кречетъ, иногда коршунъ).

Стр. 260. Соо-со—это Цао-цао, герой начала періода Троецарствія, министръ династіи Хань, положившій начало удѣлу Вэй. Про него разсказывается, что онъ

---

[1]) Санскр. Удіяна, область въ Индіи.

[2]) Самбава рожденіе, происхожденіе.

[3]) Напр., Чжебцзунъ дамба хутухту.

пытался удержать у себя Гуань-юйя, но тотъ, исполнивши его порученіе, бѣжалъ къ Любэй'ю, и Цао-цао не велѣлъ его преслѣдовать. Чжанъ-хой, вѣроятно, Чжанъ-фэй, участникъ клятвы побратимства.

Стр. 271 и 272. Въ Чжао-чжинъ надо скорѣе всего видѣть искаженіе кит. Чжао-цзюнь (гюнь), подобно тому какъ кит. цзянъ-цзюнь (цзянъ-гюнь) перешло въ монгольскомъ въ чжанчжунь.

Стр. 292. Подъ упоминаемымъ въ легендѣ о Леу-да-женѣ императоромъ Цунъ-линомъ, вѣроятно, нужно разумѣть года правл. Чунъ-нинъ (1102—1106 по Р. Х.) сунскаго императора Хуй-цзуна. Леу-да-жень по пек. Лю-да-жень.

Стр. 296. Караманы, имѣющіе хвостъ, очевидно отголосокъ китайскихъ повѣрій, что среди инородцевъ есть имѣющіе хвостъ.

Стр. 297. Ла-уа, ла-ва ворона, по пекински лао-гуа.

Упоминаемый на стр. 297 Лу-бянъ-шэнъ, по пек. Лу-бань-шэнь, духъ покровитель архитекторовъ и плотниковъ.

Стр. 303. Въ легендѣ о Тохто-хото первый императоръ династіи Минъ Хунъ-ву (по годамъ правленія $\frac{1368}{1398}$ или Чжу-юань-чжанъ—первоначальныя его фамилія и имя) названъ Чуу (т. е. Чжу, фамилія) хунъ-ву съ добавленіемъ, что монголы переводятъ его имя Гахай-омокъ. Точно также отецъ Янъ-ву-лана названъ Хони-омокъ. Оба эти монгольскіе перевода основаны на смѣшеніи (умышленномъ?) сходныхъ по звуку китайскихъ словъ. Именно, фамилія минскихъ государей пишется не черезъ гіероглифъ чжу—свинья (монг. гахай), а черезъ другое чжу (красный), а фамилія Янъ-ву-лана не янъ—баранъ (монг. хони), а янъ—тополь. Однако и въ названіи растеній (см. ниже) китайское названіе тополя (янъ-шу) передано по монгольски «овечья шерсть», очевидно на основаніи народнаго объясненія.

Стр. 306. Подъ Ли-бу, названнымъ братомъ Куанъ-лоѣ, надо разумѣть Лю-бэй'я, владѣтеля царства Шу-хань (см. выше).

Стр. 309. Царевичъ (чжалву джимегунданъ)... Царевичъ по тибетски чжал-ву (сынъ царя; не надо смѣшивать чжо-во или чжа-ву господинъ, князь), а Чжи-ме гунданъ, вѣроятно, его имя.

Стр. 317. Приведенная здѣсь солонская фраза—сара айджи «луна испугалась»—есть чисто монгольская и подтверждаетъ мое предположеніе о происхожденіи слова Барга-Солонъ. Затѣмъ, надо имѣть въ виду, что Солонами называются иногда и Дахуры (или, какъ ихъ въ такомъ случаѣ называютъ, Дахуръ-Солоны), говорящіе тоже монгольскимъ языкомъ (съ примѣсью маньчжурскихъ словъ). Поэтому и здѣсь подъ солонами можетъ быть надо разумѣть дахуровъ, тѣмъ болѣе что названія Большой Медвѣдицы и др. созвѣздій тождественны съ дахурскими. По солонски же Большая Медвѣдица называется Надан ошиктэ (тоже «7 звѣздъ»).

Стр. 322. Менджуръ..... Плеяды по тибетски сМинь-Другъ (чит. Минъ-чжуг).

Стр. 376. Монг. убадис есть искаженіе санскр. upadêça—совѣтъ; колдовство, волшебство.

VI.

a. Списокъ мѣстныхъ названій растеній [1]).

(Сокращенія: кит. китайцы; монг. монголы; широнг. широнголы; торг. торгоуты; танг. тангуты; х. е. хара-егуры; ш. е. шира-егуры; сал. салары).

Aconitum Anthora L. танг. (Сань-чуань) бонвà.

Aconitum Lycoctonum L. танг. (Ксернцо) усёкъ.

Agriophyllum монг. въ Ордосѣ чульгиръ.

Ailanthus glandulosus Des. кит. въ Шань-си сунь-шу, сянь-чунъ-шу; кит. въ Гань-су чу-му, чунъ-шу; широнг. чоу-чей. (По Perny чоу-чунь-шу; чоу «вонючій»; сянъ «пахучій»).

Aleurites кит. ку-цза (у Perny ю-лай, ши-ли).

Allium senescens L. монг. мангинъ.

Allium tenuissimum L. var. typicum монг. танъ.

Allium sp. монг. въ Ордосѣ сориссу.

All. sp. монг. въ Ордосѣ когытъ, когутъ.

Allium sp. кит. чіу-цхей; широнг. гого. (Perny цзю-цзай All. angulosum).

All. sp. танг. въ Сунъ-панѣ чжонгргòгъ.

All. sp. широнг. сангныкъ. Allium sp. широнг. самсыхъ.

Amaranthus кит. въ Гуй-хуа-ченѣ юй-гу-ми.

Anabasis brevifolia C. A. Mey. монг. въ горахъ Тосту багалуръ; монг. въ Ордосѣ баглуръ.

Androsace elongata L. танг. иму.

Anemone japonica Sieb. танг. въ Сань-чуани палыгъ; изъ листьевъ тангуты дѣлаютъ трутъ.

Aralia chinensis L. танг. въ Сань-чуани гянда; широнг. улэнту.

Artemisia annua L. монг. въ Ордосѣ и въ горахъ Тосту моринъ-шарильджи, «лошадиная полынь».

Artem. campestris L. монг. въ Ордосѣ: шабакъ, шябыкъ, шявыкъ.

---

[1]) Этотъ списокъ просмотрѣнъ А. О. Ивановскимъ и снабженъ имъ примѣчаніями и ссылками на словари Perny, Iäschke, Ковалевскаго и Попова.

Artem. sp. монг. въ Ордосѣ тосунъ-торлыкъ, «масляный торлыкъ». (У Ковалевскаго торлокъ, Calligonum).

Artem. glauca Pall. монг. въ Ордосѣ эрмэ. (У Ковалевскаго подъ этимъ именемъ Art. Abrotanum).

Artem. maritima Bess. монг. въ Ордосѣ и въ горахъ Тосту агэ.

Artem. sacrorum Led. монг. (Ордосъ) теньгрà-убюсу; кит. ха-у-за (хао-цза)? Дѣлаютъ шнурки, которыми курятъ, чтобъ прогнать комаровъ; золу отъ этого растенія кладутъ въ курительный табакъ.

Astragalus sp. танг. въ Сань-чуани шюларигъ.

Beckmannia eruciformis Host. кит. въ Чжи-ли (Ань-су) ѣ-пай-цза.

Berberis integerrima Bge? танг. въ Сань-чуани камбу, чигыръ; широнг. шира ургосы, «желтая колючка».

Berb. kaschgarica Rupr. танг. (Гуй-дуй) цермандунъ.

Berb. sinensis Desf. монг. шара-мото, «желтое дерево».

Berberis sp. широнг. ширачукъ, танг. ширачукъ, цзоманынъ.

Betula alba L. кит. въ Шань-си (У-тай) гуа-жу (Perni: хуа-пи-шу или хуашу); танг. ртыгпà, пый; листья употребляютъ вмѣсто чая.

Brassica oleracea L. монг. въ Ордосѣ гэда пейсей (Perni: пао-нао-цай. Въ Гуй-хуа-ченѣ китайцы вилочную капусту называютъ хуй-цзы-бэй (т. е. уйгурскою капустой?). Широнг. въ Санъ-чуани кэта.

Brassica rapa L. широнг. въ Сань-чуани сормыгъ.

Buxus кит. хуанъ-янъ.

Calimeris altaica Nees. танг. люгмыкъ (запис. въ Ордосѣ отъ монголовъ); Calimeris разныхъ видовъ монг. въ Ордосѣ боро-терме.

Calligonum халха кöтыръ.

Cannabis sativa L. кит. ма-цза.

Caragana frutescens Dec. танг. (Гуй-дуй) джамà; (Сань-чуань) имӳ; широнг. (Сань-чуань) меджо-ургосы, теме-ургосы, лоту-ургосы.

Caragana jubata Poir. кит. въ Шань-си (У-тай) куй-чженъ-цхо; (у Perni гуй чжень цао, чертова игла трава, Bidens parviflora); шира-егуры кумьякъ.

Carduus leucophyllus Turcz. монг. (Ордосъ) улà, т. е. «трутъ». (У Ковалевскаго улà «подошва», ӳла «трутъ»).

Caryopteris mongolica Bge монг. (Ордосъ) агури-шявыкъ.

Cephalotaxus Fortunei Hook. кит. (Сы-чуань) ма-и-су.

Clematis sp. широнг. муръ-чичекъ.

Cnicus arvensis. Hoffm. танг. люта; торгоуты (Едзинъ-голъ) халха (этимъ же именемъ монголы въ другихъ мѣстахъ зовутъ крапиву).

Cn. japonicus Maxim. монг. (Ордосъ) хонгорчукъ. (У Ковалевскаго: «гроздъ», «кисть», «почка цвѣтка», «шелуха»).

Cn. segetum Maxim. кит. (Гуй-хуа-ченъ) цы.

Codonopsis viridiflora Maxim. кит. въ Минъ-чжоу танъ-шинъ; корни ѣдятъ; кладутъ въ супъ.

Comarum palustre L. шира-егуры нойтуръ-харагана, т. е. харагана, вызывающая чиханіе.

Convolvulus arvensis L. кит. въ Ордосѣ цу-цао, «свинячья трава» (свинья по пекинск. нарѣчію чжу); въ Тянь-цзинѣ ла-ба-хуаръ, «труба-цвѣтокъ».

Corispermum sp. халха въ горахъ Тосту харалда.

Cotoneaster sp. танг. цалиръ.

Cotyledon fimbriata Turcz. монг. въ Ордосѣ ботогонъ-холэй, «горло верблюженка».

Cotyledon sp. халха на Орокъ-норѣ ухуринъ нюдунъ, «коровій глазъ».

Cousinia sp.? монг. на р. Легъ шари талынъ.

Crataegus танг. уасы, васы.

Cynanchum acutum L. торг. (Едзинъ-голъ) хуцо.

Cyn. pubescens кит. (Тянь-цзинъ) ху-лю-пяо, (на Едзинъ-голѣ) ху-лу-пяо.

Cynomorium coccineum L. кит. около Си-нина со-янь; кладутъ въ чай; на Желтой рѣкѣ (ур. Шачжинъ-тохой) со-чжинъ. Хара-егуры со-енъ, торгоуты на Едзинѣ со-цзунъ; халха въ горахъ Тосту гое, гоеха; халхасцы ѣдятъ корни сваренными съ масломъ или съ мясомъ, а также сушатъ ихъ, толкутъ, мѣшаютъ съ мукой и дѣлаютъ лепешки на маслѣ. Олеты на Хухунорѣ зовутъ растеніе соцзунъ, варятъ его въ молокѣ и увѣряютъ, что вкусно. По ихъ мнѣнію, оно полезно при мужской болѣзни (кöль бöри обӱдӱна); тогда варятъ въ молокѣ и ѣдятъ. Употребляется также при боляхъ поясницы и при опухоляхъ въ пахахъ. Торгоуты на Едзинъ-голѣ ѣдятъ гаеху сваренною въ маслѣ, какъ мяхиръ, и въ этомъ видѣ заготовляютъ на зиму.

Cynosurus sp.? монг. (Ордосъ) юзе.

Daphne tangutica Maxim. танг. токшинъ.

Daucus Carota L. широнг. въ Сань-чуани шира-турма.

Delphinium cheilanthum Maxim. танг. около Сунъ-пана пешитъ хлунбу.

Dicentra spectabilis Miq. танг. (Боу-нань) рца-бама.

Diospyros Kaki L. дерево: кит. сы-цзы-шу; плоды: кит. сы-піянъ-цзы; монголы хошуна Кэшиктенъ (Талъ-норъ) шептылъ; въ Ордосѣ ельджигенъ-чикынъ, «ослиное ухо».

Diospyros Lotus L. кит. въ Шань-си хэ-цзаоръ, «черный жужубъ».

Dysophylla janthina Maxim. танг. около Лабрана гомочи, въ долинѣ Дзурге нгавулюле.

Echinops Gmelini Led. монг. въ Ордосѣ ула-убюсунъ, «трутъ-трава»; листья мнутъ и изъ волоконъ приготовляютъ трутъ для добыванія огня.

Ech. Turczaninovii Led. монг. въ Ордосѣ хонгоръ-убюсунъ.

Echinops sp. халха въ горахъ Тосту хонгоръ-цзула.

Eleagnus hortensis M. a Bieb. торг. на Едзинѣ дзегде.

Eleagnus umbellata Thbrg кит. (Гуй-дуй) са-цзоръ, «жужубъ песковъ»; танг. нгусянъ, нгушюнъ, «серебряное дерево» (дНгул-шинъ).

Elymus sp. торг. на Едзинѣ сули.

Ephedra sp. танг. панцей; широнг. (Сань-чуань) чорго.

Eragrostis pilosa P. de Beauv. монг. въ Ордосѣ бутюну убюсу.

Euphorbia sp. танг. въ Сань-чуани джангӯ-тарчигъ.

Eurotia ceratoides C. A. Mey. монг. въ Ордосѣ тэскэ.

Evonimus sp. танг. (Лабранъ) кюймынъ; широнг. (Сань-чуань) мянгамодо.

Fagopirum кит. въ Гуй-дуѣ хуанъ-ёу-цзы, въ Гуй-хуа-чёнѣ чоу-май (цяомай). Монг. въ Ордосѣ, Кэшиктенѣ и Карачинѣ сагатъ, сагытъ; гуй-хуа-ченскіе тумуты са́гда; широнг. въ Сань-чуани ска, въ У-янъ-бу сха, сыха; въ Тунъ-сянѣ сага; шира-егуры сыгды, сыгдъ. Халхасцы на рѣкѣ Селенгѣ сагыкъ. На сѣверѣ отъ Калгана по словамъ туземцевъ, когда три года не сѣютъ, падалка на полѣ, прежде засѣвавшемся гречихой, перерождается въ растеніе нохонъ хошу, «собачій носъ», у котораго стебель красный, цвѣты, какъ у гречихи, но сѣмя горькое. Тогда сѣмя скармливаютъ лошадямъ, траву свиньямъ. Въ Ордосѣ встрѣчается много четырехгранной гречихи [1]). Сал. сага; х. ег. сака.

Forsythia кит. въ Тянь-цзинѣ сшоу-дань.

Galium boreale L? танг. цзуль; корнями его красятъ шерстяныя матеріи въ красный цвѣтъ.

Galium sp. танг. цзо̀то (запис. въ Ордосѣ отъ монголовъ).

Geranium sibiricum L. танг. бандзы тобо.

Glycyrrhiza glandulifera Waldst. et Kit.? монг. въ Ордосѣ чикыръ-убюсу-«сахарная трава»; кит. чянъ-цао-мяо; около Гуй-хуа-чена кя-цао. (Perny: гань. цао, «сухая трава»).

Gypsophyla Gmelini Bge? монг. въ Ордосѣ бӯдурганакъ.

Haloxylon Ammodendron Bge монг. цзакъ. Самое большое дерево цзака мы встрѣтили на Едзинъ-голѣ; это Ганцы-цзакъ, какъ его зовутъ торгоуты; описаніе его см. въ I томѣ стр. 461; ему насчитываютъ три вѣка жизни. Вообще монголы считаютъ цзакъ болѣе долговѣчнымъ, чѣмъ евфратскій тополь.

Hedysarum fruticosum L. var. mongolicum Turcz. монг. въ Ордосѣ торлокъ

Hedys. multijugum? широнг. кара́.

Hedysarum sp. танг. (Сань-чуань) ани гугуръ.

Helianthus annuus L. широнг. наръ-чичекъ, «солнце цвѣтокъ».

Hibiscus Trionum L. кит. хуа-жянъ-мяо-цао.

Hippophaë rhamnoides L. монг. въ Ордосѣ чичирганакъ; широнг. въ Сань-чуани хара ургосу, «черная колючка»; шира-ёгуры цициргана.

Hordeum vulgare L. кит. въ Чжи-ли та-май-цза, «большая май-цза»; халха на р. Легѣ арбай; широнг. въ Сань-чуани арпа (голый чинъ-куй, чинъ-ко); въ У-янъ-бу ирпэй; въ Боунани арпа; ш.-ёг. арпай, ирпей; сал. арфа̀; х. ег. харба.

Humulus Lupulus L. монг. въ Ордосѣ унюгынъ-герь, „лисицынъ домъ".

Hyosciamus niger L. кит. въ Шань-си (У-тай) лянъ-инъ-тоу-цзы, въ Ордосѣ

---

[1]) Въ Кэшиктенѣ другой родъ гречихи, назыв. манчу.

но-ланъ-танъ (Perni: ванъ-ю-цао, „забудь печаль трава“ или сюань цао). Монг. въ Ордосѣ янда, яндыкъ; танг. въ долинѣ Тао-хэ хонки чжацыкъ.

Incarvillea sinensis Lamm. монг. въ Ордосѣ нарáну-чечекъ, „солнечный цвѣтокъ“, широнг. могайнъ-ибисы, „змѣиная трава“.

Inula Britannica танг. аджикъ серджонъ (запис. отъ монголовъ въ Ордосѣ).

Iris Bungei Maxim. танг. (Сань-чуань) мама гендей.

Iris dichrotoma Pall. монг. въ Ордосѣ буреньякъ.

Iris ensata Thunb. танг. (Сань-чуань) джирма; широнг. (Сань-чуань) чичирма. Вѣроятно, этотъ же видъ монголами въ Ордосѣ называется чичарма, чжерхемыкъ, чихырмыкъ, а сѣвернѣе Ордоса: чакилтай [1]). (Ковалевскій, цакилдакъ, Iris sibirica).

Iris tenuifolia Pall тангут. (Сань-чуань) балынъ каджу, мама гентей; широнг. (тамъ же) чичирмà, цицирмà.

Iris Tigridia Bge танг. (Сань-чуань) мама гендей.

Iris разн. видовъ кит. въ Шань-си (У-тай) ма-линъ, ма-лиръ.

Juglans regia L. кит. (Гань-су) хэ-тоу.

Juniperus chinensis L. монг. въ Ордосѣ арчà; кит. въ Шань-си сунъ-шу- (Perny: цзы-сунъ или лохань-сунъ, „сосна архата“).

Juniperus communis L. танг. въ Амдо шихпа, чихбà; шира-ёгуры сайнъ-арча.

Jun. Pseudo-Sabina Fisch. et Mey. танг. въ Нань-шанѣ чэрчугъ, цирачугъ „колючее дерево“; шира-ёгуры ургюсту арча, „колючій можжевельникъ“.

Juniperus sp. танг. рашюгъ; широнг. (Сань-чуань) имà-арчигъ, „козлиный можжевельникъ“.

Kalidium foliatum M-T. монг. будургана. Какое-то Salsolaceae торгоуты на Едзинѣ называютъ кöрюкъ, хурюкъ, халха въ горахъ Тосту шара-бутургана. Сѣмена этого растенія высушиваютъ, молотятъ, вымываютъ, варятъ съ масломъ и ѣдятъ также, какъ и сульхиръ (Agriophillum). (У Ковалевскаго будургана, Artemisia absinthium). У Пржевальскаго будургана Kallidium; равно и я никогда не слыхалъ, чтобъ будурганой монголы называли полынь.

Kochia scoparia Schrad. монг. въ Ордосѣ лóули.

Lactuca tatarica C. A. Mey. кит. въ Гуй-хуа-ченѣ ку-цхей, „собачья овощь“ (гоу-цай).

Lact. versicolor Benth. танг. въ Амдо шиты метукъ; монг. въ Ордосѣ съ тангутскаго самчи; употребляется въ лѣкарство.

Lagochilus ilicifolius Bge. монг. въ горахъ Тосту ангылъ-цзоръ.

Lasiagrostis splendens Kunth. кит. на Едзинѣ чжи-чже; широнг. въ Сань-чуани турусы.

---

[1]) Чихырмыкъ ср. съ хамійскимъ чакыртмакъ, Iris (Очерки, II, 133); у хамійскихъ тюрковъ чакыр., «высѣкать огонь». Дюрбютское названіе ириса цахильдыкъ (Очерки, IV, 149) сходно съ монгольскимъ цахильганъ, «молнія». Tsakirmak hogôltu—мѣстность, упоминаемая въ сказаніи о Гэсэрѣ (Die Thaten Bogda Gesser chan's, übers v. Schmidt, S. Pt., 1839, S. 44).

Монголы зовутъ это растеніе дэрисунъ или дэрису, а заросли его тункэ; киргизы какъ отдѣльныя особи, такъ и заросли изъ дэрисуна зовутъ чій. Дэрисунъ растетъ обширными зарослями на низкихъ мѣстахъ съ песчаноглинистой почвой, содержащей примѣсь соли; такія мѣста служатъ убѣжищемъ для мелкаго скота въ зимніе бураны и избираются для зимовки съ баранами; тункэ замѣняютъ кочевникамъ теплые хлѣвы и конюшни. Тонкіе, ровные и крѣпкіе, какъ проволока, стебли растенія идутъ у киргизовъ на приготовленіе циновокъ; они выдергиваются осенью, въ августѣ; въ засохшемъ состояніи получаютъ соломенный цвѣтъ; вырванные стебли укладываются на землѣ одинъ подлѣ другого и переплетается поперегъ цвѣтной шерстяной ниткой въ узоръ. Получается золотистаго цвѣта циновка, ширина которой зависитъ отъ длины стеблей, иначе сказать, отъ высоты растеній; въ сѣверныхъ частяхъ киргизской степи эти циновки, которыя киргизы тоже не зовутъ иначе, какъ «чій», уже; на югѣ степи шире. Такими циновками одѣвается обыкновенная нижняя цилиндрическая часть киргизской юрты, состоящая изъ деревянной рѣшетки или кереге; чій приставляется къ кереге снаружи и потомъ уже юрта покрывается войлокомъ. Эти же циновки употребляются при катаніи войлоковъ; на разостланныя циновки накладывается слой шерсти, циновка свертывается въ трубку, которую послѣ того женщины катаютъ по землѣ до тѣхъ поръ, пока шерсть не сваляется въ войлокъ. Ширина войлока зависитъ отъ ширины циновки; поэтому въ южной части киргизской степи войлока шире, чѣмъ въ сѣверной. Китайцы изъ дэрисуна плетутъ ковши, уполовники и другую утварь.

Leontopodium sibiricum Cass. монг. въ Хангаѣ цаганъ-турю..

Lespedeza trichocarpa Pers. монг. въ Ордосѣ харганыкъ-чай, т. е. «караганный чай»; вмѣсто чая однако не употребляется.

Lilium speciosum Thbrg. кит. въ Гуй-дуѣ фуй-динъ. (Perny: чжу-динъ-хуа, Lil. concolor).

Lil. tenuifolium Fisch. монг. въ Ордосѣ саранык̈ъ, кит. тинъ-сянъ-мій. Солоны туму. Люди выкапываютъ луковицы, а также грабятъ запасы мышей; грабленый запасъ назыв. ургунъ.

Linum usitatissimum L. кит. ху-ма.

Lonicera sp. широнг. (Сань-чуань) худза.

Lycium chinense Mill. кит. въ Гуй-хуа-ченѣ кы-ченъ (ченъ «колючка»); въ Ордосѣ: гоу-чы, гоу-чыръ, «собачья снѣдь». (У Perny: гоу-ци, у Попова ку-ци). Монг. въ Ордосѣ хэрэинъ ургюсу, «воронья колючка».

Lycium turcomanicum Fisch. et Mey. танг. въ Гуй-дуѣ цирма, въ Сань-чуани хамурудухъ; широнг. въ Сань-чуани хамарыкъ (не перестановка ли отъ «хармыкъ», монгольскаго имени кустарника Nitraria Schoberi L.).

Lycoperdon Bovista L.? танг. въ Амдо па-го-дзѣй [1]).

---

[1]) По якутски дождевикъ назыв. тангара сага, «божій калъ»; сообщ. якутъ Николаевъ. По алтайски сыга перезимовавшій внутри медвѣдя отвердѣвшій калъ; апшакъ сыгазы—Thalictrum; апчакъ «старикъ», «медвѣдь». Вербицкій, Словарь алтайск. и аладагск. нарѣчій, Казань, 1884, стр. 317 и 23.

Malva verticillata L. кит. сяо-чу-чи-цза (чи-цза маленькой свиньи или малая свинячья чицза). (Perny: дунъ-куй-цзы).

Melica scabiosa Trin. кит. Шань-си синъ-синъ.

Myricaria germanica Desv. танг. (Гуй-дуй) онгыръ; широнг. (Сань-чуань) джа-сукóй.

Nicotiana rustica L. монг. тамхи; широнг. въ Сань-чуани янь; въ У-янъ-бу тамакэ; въ Боу-нани йянь; шира-егуры тамакъ.

Nonnea lutea Rchb. торг. на Едзинѣ кичихинѐ; изъ растенія дѣлаютъ трутъ. Халхасцы: могуцзё; потибетски по показанію монгольскаго ламы (значитъ книжное тибетское) безземыкъ. Изъ корней получается краска. Халхаское другое названіе: тэмыкъ, дэмыкъ.

Oplismenus frumentarius Kth. (воздѣл.) кит. въ Гуй-хуа-ченѣ ку-цза, широнг. въ Тунъ-сянѣ конӯу; сал. кунахъ.

Oplism. Crus galli монг. въ южн. Ордосѣ хара таранъ, «черное жито».

Orobanche sp. монг. въ Ордосѣ шябыгэнъ шоджòнъ; шябыкъ одинъ изъ видовъ Artemisia; шоджонъ можетъ быть Cynomorium coccineum; этотъ Orobanche такъ названъ потому, что растетъ въ кустахъ шявыка.

Oryza sativa L. кит. пай-ми (пекинск. бай-ми); монг. въ Ордосѣ тутурга; широнг. въ Сань-чуани и Боу-нани тутурга, х. и ш. егуры тутурханъ, турханъ; сал. тутурганъ.

Oxytropis sp. (aff. tragacanthoides, колючіе ежикообразные кустики) монг. въ Ордосѣ чаганъ-ортутъ. У Пржевальскаго дзара (что по монгольски значитъ ежъ), отнесено къ колючему вьюнку; въ скобкахъ рядомъ поставлено Convolvulus tragacanthoides (Монг. и страна тангутовъ, I, 158); слѣдовало вѣроятно: Oxytropis tragacanthoides. Колючій вьюнокъ, растущій въ Монголіи, извѣстенъ ботаникамъ подъ именемъ Convolvulus Gortschakovii. См. Очерки, IV, 148. Сал. седжемыхъ.

Oxytropis sp. танг. (Гуй-дуй) пашюгъ; корни ѣдятъ.

Paeonia albiflora Pall. кит. въ Минъ-чжоу со-ё; въ Гуй-дуѣ шо-ю.

Paeonia anomala L. танг. въ Гуй-дуѣ дзорэ, томбӯ-тугланъ.

Paeonia Moutan Sims. кит. въ Гуй-дуѣ моудянъ (Perny: му-дань); танг. (тамъ же) метукъ памà.

Panax Ginseng Mey. кит. жень-шенъ, монг. въ Кэшиктенѣ: орхòту.

Panicum miliaceum L. монг. въ Ордосѣ хàра бутà; широнголы въ Тунъсянѣ и шира-егуры амунъ, амынъ. Х. ег. сокпа.

Pedicularis lapponica L. кит. въ Шань-си (У-тай) куй-чуаръ-цхай.

Peganum Nigellastrum Bge монг. мухай убюсунъ, умухэй убюсу, «вонючая трава». Сал. узелихъ.

Periploca sepium Bge монг. въ Ордосѣ усютай балгунъ, «молочный балгунъ» (въ сѣверо-западн. Монголіи «балгуномъ» назыв. Myricaria).

Persica vulgaris Mill. кит. тхаоръ.

Peucedanum sp. монг. въ Ордосѣ съ тангутскаго конотà.

Phragmites communis Trin. торг. хàна.

Physalis Alkekengi L. кит. въ Минъ-чжоу чанъ-чи-цза. (Perny: суань-цзянъ или тунъ-гу-нянъ, «мальчикъ-барышня»).

Picea Schrenkiana Fisch. et Mey. танг. въ Амдо цомба̀, рсумба̀; широнг. (Сань-чуань) кыджура̀; шира-ёгуры нагъ, каргай.

Pinus leucosperma Maxim. танг. танди̇̀.

Piptantus mongolicus Maxim. монг. мунко-харагана, «вѣчная харагана».

Pisum sativum L. кит. вань-доу, широнг. въ У-янъ-бу бирчагъ; въ Боунани пичыгъ; шира-егуры бурчакъ. Х. ег. бурчакъ; сал. пирчахъ.

Plantago кит. около Бао-дина: чянь-чуанъ-цза, «мотоузъ для нанизыванія чоховъ». (У Perny: чэ (телѣга)-цянь (передъ)-цзы-цао, ма-ти, «лошадиное копыто», данъ-дао, «на дорогѣ», цянь-чуань-цао, «связка денегъ трава»).

Poa cynosuroides, санскритск. kuça или darbha, ведическое священное растеніе наряду съ durva или dûrbâ (по Вильсону Agrostis linearis, по Карею Panicum dactylon); нѣкоторые ученые смѣшиваютъ эти термины. Монголы и тангуты въ храмахъ употребляютъ кропила для освященной воды, связанныя изъ стеблей злака гуши и нѣсколькихъ павлиньихъ перьевъ. Гуши доставляется изъ Индіи черезъ Тибетъ и доходитъ до забайкальскихъ бурятъ.

Polygonatum officinale All. кит. въ Шань-си (У-тай) линъ-тхай-цай (линъ-тай-цай).

Polygonatum roseum Led. танг. кади-джума̀.

Polygonatum sibiricum Redouté. Одинъ монголъ въ Ордосѣ назвалъ, повидимому по ошибкѣ, сараныкъ; корни его орхото (?). Варятъ въ овечьемъ молокѣ и ѣдятъ.

Polygonum aviculare L. кит. въ Чжи-ли (Бао-динъ) чуу-цзу-цао, «паукъ-трава». Сѣмена ѣдятъ. (Паукъ у Попова: чжу-чжу).

Polygonum Bistorta L. танг. въ Джони рамбу; корни варятъ вм. чая.

Polygonum viviparum L. солоны мянгиръ; корни солоны ѣдятъ. Олеты на Хухунорѣ мелютъ изъ сѣмянъ муку, мѣсятъ ее въ сыромъ видѣ съ масломъ и ѣдятъ; мука имѣетъ красный цвѣтъ; цѣлебно отъ болѣзни въ желудкѣ. Сѣмена и наземную часть растенія олеты зовутъ ю̇юргене̇; корень (ююргененай унгу̀) зовутъ мяхиръ. Въ Хангаѣ шабинары Ламенъ-гэгэна собираютъ корни Pol. viviparum; корни они называютъ мяхэръ, сѣмена буургене; и изъ тѣхъ, и изъ другихъ дѣлаютъ муку. Особенно хвалятъ муку изъ буургене.

Populus Przewalskii Maxim. кит. въ Гань-су пей-янъ, пай-янъ-шу. (Янъ-шу, «тополь»; бай-янъ-шу, «бѣлый тополь», Pop. alba).

Populus euphratica Oliv. торг. на Едзинѣ: тоора̀.

Populus suaveolens Fisch. кит. въ Ордосѣ янъ-шу, «баранье дерево», по объясненію китайца переводчика, потому, что пухъ въ плодахъ. Шира-ёгуры туракъ.

Populus sp кит. въ Шань-си (Бао-динъ) янъ-шу, «баранье дерево».

Potaninia mongolica Maxim. халха въ горахъ Тосту ойру̇къ.

Potentilla Anserina L. широнг. въ Сань-чуани джума̀.

Potentilla biflora Willd. шира-ёгуры таргунъ тырмакъ.

Pot. bifurca L. танг. въ Амдо бамбыръ [1]).

Pot. fruticosa шира-ёгуры харагана.

Pot. glabra Loddig. танг. въ Амдо пей-ма, пьямà.

Potentilla sp. танг. нейщюгъ.

Primula Maximowitzii Regel танг. метыкъ-ишй, кит. янь-шань-хуаръ.

Primula sp. танг. въ Сунъ-панѣ семджиръ-рнгава.

Prunus Armeniaca L. кит. въ Гань-су синъ-шу, въ Гуй-дуѣ хынъ-шу. Тангуты въ Гуй-дуѣ сьедунъ; широнг. въ Сань-чуани торъ.

Pr. tomentosa Thbrg кит. въ Гуй-дуѣ инъ-тоу; танг. (Си-гу) джадынъ.

Pr. triloba Lindl. кит. въ Тянь-цзинѣ ланъ-цза.

Pteris aquilina L. танг. въ Амдо шялыгъ, аильлага. Тангуты варятъ вайи и ѣдятъ съ масломъ или кладутъ въ супъ. Китайцы варятъ и подаютъ съ уксусомъ къ мясу. Съѣдобны весной, пока экземпляры не выше четверти аршина.

Pugionium cornutum Gärtn. монг. на Хуанъ-хэ въ сѣв. Ордосѣ елисынъ-лобынъ, «рѣдька песковъ»; монг. въ южн. Ордосѣ сагай.

Pyrus betulifolia Bge кит. въ Шань-си ту-ру-суань (суань «кисло», «уксусъ»).

Pyrus Malus. L. кит. ша-горъ; въ Гуй-дуѣ хуа-чинъ.

Pyr. sinensis Linde кит. ли-шу; въ Гуй-дуѣ суань-лиръ.

Quercus aliena Blume (по кит. у Perny: цинъ-ганъ-шу); танг. цинганъ, чинганъ.

Raphanus Raphanistrum L. широнг. торма.

Reaumuria soongorica Maxim. монг. въ Ордосѣ уланъ-будургана.

Raphanus sativus L. широнг. (Сань-чуань) чиканъ турма.

Rhamnus erythroxylon Pall. монг. въ Ордосѣ хàра-бутà.

Rheum Pichoni Pierre, кит. та-хуанъ; танг. рчжимпца, чжимпца.

Rheum palmatum L. хара-ёгуры ширачи. Показаніе хара-ёгура: растеніе не всякій годъ выгоняетъ стебли; когда много стеблей, ихъ издали видно, тогда по многу добываютъ корней; когда стеблей нѣтъ, трудно находить корни. Копаютъ ихъ бѣдные люди; скупаютъ или егуры, имѣющіе скотъ, или китайцы, наѣзжающіе въ кочевья егуровъ за покупкой ревеня, маральихъ роговъ и каборожьей струи. Одинъ дымъ накапываетъ до 400—500 чжиновъ въ лѣто. Копатели ставятъ палатки и живутъ въ это время на высокихъ горахъ; сушатъ въ палаткахъ; стараются избѣгать солнца и мокра; дождь можетъ испортить корни. За цѣнъ свѣжаго ревеня платятъ только 10 чоховъ, за пролежавшій въ сушкѣ годъ даютъ 30 чоховъ. Разведеніемъ ревеня занимаются только ламы въ монастыряхъ, въ небольшомъ количествѣ и не отъ сѣмянъ, а пересаживая корни изъ горъ. Нѣкоторые экземпляры даютъ до 15—20 чжиновъ корней.

---

[1]) Названіе бамбыръ извѣстно для этого растенія и монгольскимъ ламамъ. Не къ этому ли имени относятся старинныя извѣстія, собранныя Юлемъ (Cathay and the way thither vol. I, p. CCXVI) о корешкѣ Mambroni Cini или Mámfràn-i-Chíni, который росъ около Су-чжоу, доставлялся изъ Китая въ Кашмиръ вмѣстѣ съ ревенемъ и считался превосходнымъ лѣкарствомъ отъ глазныхъ болѣзней.

Rhododendron capitatum Maxim. танг. въ сѣв. Амдо сюкыръ, суркеръ; танг. около Сунъ-пана сюрныгъ.

Rhod. sp. широнг. въ Сань-чуани тунъ-чинъ.

Ribes pulchellum Turcz. монг. въ Ордосѣ ухунай сутуръ, «жила козла самца».

Rib. stenocarpum Maxim. танг. въ Гуй-дуѣ цзуманыръ.

Ricinus communis L. кит. около Пекина та-ма-цзы.

Rosa microphylla Rokb. танг. сылакуръ.

Rosa sp. широнг. (Сань-чуань) ноккой-кошу, «собачій носъ». Сал. итъ пуруни, «собачій носъ».

Rosa sp. кит. въ Шань-си (У-тай) ю-піенъ-цзы.

Salix babylonica L. танг. ирчанмà, рчанмà; широнг. кучосы.

Salix affinis japonica кит. леу-шу; монг. въ Ордосѣ удà.

Salix sp. монг. въ Ордосѣ бургасунъ; широнг. учосы. Сал. отынъ.

Salix sp. танг. лангма (у Jäschke лЧжанъ-ма).

Salix sp. шира-ёгуры рчесунъ.

Salsola clavifolia Pall. торг. на Едзинѣ хушь.

Salsola collina Pall. торг. на Едзинѣ нохонъ аранъ, «коренной зубъ собаки».

Salsola Soda L. монг. въ Ордосѣ уланъ хамкыкъ; хамкакъ.

Saussurea sp. кит. около Гуй-хуа-чена янъ-эрръ-тоу, «баранье ухо» (эрръ-дао, эрръ-до).

Scirpus maritimus L. кит. въ Чжи-ли сань-лынъ-цзы.

Scopolia tangutica Maxim. танг. въ долинѣ Тао-хэ домбу тòочжонъ.

Scorzonera sp. кит. въ Шань-си ё-ма-мà.

Serratula centauroides L. ? кит. хэ-шанъ-тоу, «голова буддійскаго монаха».

Serratula coronata Fisch. et Mey.? монг. въ Ордосѣ хонгоръ-джулà.

Serratula sp. танг. въ Лабранѣ агà-титукъ.

Setaria широнг. нарамў (по монгол. хуныкъ).

Sibiraea laevigata Maxim. кит. въ Гуй-дуѣ шуй-пу-тао, «водяной виноградъ»; танг. гунджўнъ.

Silene repens Patrin. танг. башигà.

Silene tenuis Kar. et Kir. монг. въ Ордосѣ съ тангутскаго башигà, чаганъ башигà, «бѣлая башигà».

Smilax sp. танг. въ Джони джодорчи.

Solanum tuberosum L. кит. въ Тянь-цзинѣ сай-яо-тоу-цза (Perny: S. tuberosum янъ-юй; S. sinense юй-тоу).

Sol. septemlobum Bnge монг. въ Ордосѣ хиреинъ нюдунъ, «вороній глазъ».

Sophora alopecuroides L. монг. въ Ордосѣ буяу.

Soph. japonica L. кит. хуай-шу.

Sorgum кит. гао-лянъ.

Sphaerophyza salsula Dec. монг. въ Ордосѣ хоръ-чжигинуръ.

Spiraea sp. широнг. (Сань-чуань) джунджугей, сал. джемджегышъ.

Statice sp. монг. въ Ордосѣ джугей.

Stellera Chamaejasme L. монг. въ Ордосѣ хонинъ таланъ турю; танг. въ Амдо лама ричюгъ; кит. кыу-ту-хуаръ, «цвѣтокъ собачья голова»; широнг. мантунъ-чичекъ; изъ корня китайцы дѣлаютъ бумагу.

Stipa inebrians Hance кит. въ сѣв. Гань-су чжи-ма-цао. Монг. въ южн. Ордосѣ нохой-дэрису, т.е. «собачій дэрисунъ» (дэрисунъ Lasiagrostis splendens).

Stipa sp. монг. въ Ордосѣ хилагана.

Sympegma sp. торг. на Едзинѣ цзакцзамылъ.

Syringa sp. танг. агсы.

Tamarix Pallasii Desv. танг. (Гуй-дуй) джарта; монг. сухай.

Tanacetum sp. танг. въ Сань-чуани камбангосыръ.

Taraxacum sp. монг. въ Ордосѣ дзулгеней чечекъ; кит. въ Гуй-хуа-ченѣ хуанъ-чю-цай, лао-гу-цзинъ. (Регну: пу-гунъ-инъ, пу-гунъ-цао). Танг. въ Гуйдуѣ алу-гагà; широнг. меменгў, гугусэй.

Thalictrum petaloideum L. танг. тигдà.

Thermopsis lanceolata R. Br. кит. кыу-доуръ, «собачій горохъ»; монг. въ Ордосѣ хони буя; «буя» или «буяу» Sophora alopecuroides; хони буя будетъ значить «баранья софора». Танг. радга, радуга; широнг. нокой бирчигъ, «собачій горохъ».

Thladiantha dubia Bge танг. улмусѐ (запис. отъ монголовъ въ Ордосѣ).

Thymus Serpillum L. монг. въ Ордосѣ коккўръ-убюсунъ; широнг. ти-чжу.

Tragopyrum lanceolatum M. a Bieb. монг. въ Ордосѣ торлокъ.

Trapa sp. монг. въ Ордосѣ: укуръ джангу; широнг. въ Сань-чуани толунгуръ.

Triticum vulgare Vill. кит. май-цза; широнг. бидй. Сал. бугджи; хара-ег. тарыкъ.

Tussilago Farfara L. ? широнг. въ Сань-чуани нань-синъ-хуаръ (Регну: куань-дунъ-хуа), танг. мѐдунъ галахчи.

Typha mongolica шира-ег. хулусунъ.

Ulmus campestris L. монг. хайлясу, халясунъ; широнг. кыйласы, кайласы; шира-ёгуры зынканъ, танг. юмбугъ, имбугъ. Кит. въ Тянь-цзинѣ юй-шу, въ Ордосѣ и-су.

Urtica sp. широнг. въ Сань-чуани: халахай, лялагуръ; въ У-янъ-бу лялагэй. Сал. кечжигенъ.

Viburnum davuricum Pall. кит. въ Шань-си (У-тай) лэу-тэнъ-шу.

Vib. fragrans Bge кит. въ Гуй-дуѣ танъ-чунъ-хуаръ, линъ-бей.

Vincetoxicum mongolicum Maxim. монг. въ Ордосѣ хара таланъ турю; танг. около Гуй-дуя джугмуни, въ Сань-чуани нань-чинъ.

Vincet. sibiricum Decaisn. монг. въ Ордосѣ теменъ-кöкö, «верблюжій сосокъ».

Wistaria chinensis Dc. кит. въ Чжи-ли тынъ-ло (Регну: цзы-тэнъ-хуа; у Попова: тэнъ-ло «ратанъ»).

Xanthoceras salicifolia Bge кит. чжанъ-чжу-мэй.

Zantoxylon Bungei PC. кит. хуай-шу; хуа-чжао-шу; широнг. въ Сань-чуани чёу-цзы; плоды кладутъ въ супъ. Танг. (Сань-чуань) ирмà.

Zelkowa sp. кит. въ Сы-чуани: пао-мў-шу.

Zizyphus vulgaris Lam. var. inermis кит. цзаоръ, цзоръ.

Ziz. vulgaris, var. spinosus монг. чибыгы.

Корни какого-то Umbelliferae въ деревнѣ Баянъ къ з. отъ Си-нина китайскіе крестьяне ѣдятъ сырые весной, а также варятъ ихъ съ мясомъ. Китайцы зовутъ ихъ ѣ-хунъ-ло-пу (ѣ «дикій»; хунъ ло́бо «морковь»); танг. гамбиръ, кампиръ.

Кромѣ того записаны названія растеній, оставшихся безъ опредѣленія.

Тау-шанъ, широнгольское названіе растенія въ родѣ Setaria.

Ла-ла, такъ широнголы называютъ какое-то невысокое растеніе съ четверть ростомъ; листья прилегаютъ къ землѣ; растетъ подлѣ заборовъ по деревнямъ. Весной выкапываютъ его корни и ѣдятъ сырыми, особенно дѣти. Позднѣе, когда растеніе станетъ выше, корень становится несъѣдобнымъ.

Мохъ по широнгольски шʼяцгай янь, «сорочій табакъ».

Въ хошунѣ Кэшиктенъ монголы роютъ корни растенія хуанъ-чжу, который они продаютъ китайцамъ; отправляется въ южный Китай.

Въ Сань-чуани собираютъ растущій на земной поверхности лишайникъ, который монголы въ Ордосѣ называютъ гадзыренъ усюнъ, «волосы земли», а въ другихъ мѣстахъ гадзыренъ курэсу. Китайцы употребляютъ это растеніе въ пищу. Въ низовьяхъ р. Едзина около озера Гашіунъ-норъ также есть это растеніе; его ѣли въ голодные годы во время мятежа, но торгоуты говорятъ, что оно вредное и люди отъ него умираютъ. Торгоуты зовутъ его тостай кэрэсу.

Хара-ёгуры, живущіе на плоскости въ пескахъ около озера Хай-цзы къ з. отъ Гао-тая собираютъ растеніе джураканъ (это кажется, Agriophyllum) [1]).

Въ Ордосѣ растетъ трава ханъ-темуръ-убюсу (царская желѣзная) въ видѣ шарообразныхъ кустовъ около 1 фута высоты, сильно вѣтвящихся; мелкіе желтые цвѣты; сразу срубленная, выпускаетъ молочный сокъ (Euphorbia?).

Въ Ордосѣ есть двѣ травы: моринъ-буяу и чикыръ-буяу (солодковый корень); выкопавъ ихъ корни, соединяютъ ихъ и даютъ больнымъ горячкой.

Головню на пшеницѣ монголы въ Ордосѣ назыв. чакилтай урй.

Отъ одной хухунорской олетки записаны названія растеній:

1) Табынъ хурʼгу, «пять пальцевъ»; употребляется въ молокѣ отъ болѣзни кій. Стебель растенія до аршина высоты, вѣтвистый, цвѣты вродѣ, какъ у ячменя; цвѣты и плоды называются другимъ именемъ: корнюты; ихъ лѣтомъ собираютъ, молотятъ, толкутъ, варятъ съ мясомъ и ѣдятъ отъ болѣзни орöцюнъ убучинъ.

2) Мухуръ-ямà, «комолый козелъ». Наземная часть не велика, круглой формы; сидячій пучекъ зеленыхъ цвѣтовъ; длинныя подземныя корни, идущіе горизонтально, несутъ съѣдобные, вкусные шарики, прикрѣпленные на нитяхъ.

---

[1]) Джураканъ ср. съ халхаскими названіями Plantago у ургюнъ, бо юргунъ; въ городѣ Хобдо мнѣ говорили, что изъ сѣмянъ бо-юргуна монголы дѣлаютъ муку. У бурятъ ургене названіе какого-то растенія, и тѣмъ же именемъ называются запасы полевокъ, которые люди иногда обобираютъ у мышей (Алтанъ тобчи, стр. 78). Запасы эти состоятъ изъ корней мяхира (Polygonum viviparum) и сараны (Lilium tenuifolium et Martagon), но я не встрѣчалъ, чтобъ гдѣ-нибудь было записано имя ургене, какъ имя котораго-либо изъ этихъ растеній.

3) Сонгоныкъ (какой-то лукъ). Ѣдятъ луковицы (боксы).

4) Та̀ны, мелкій лукъ; ѣдятъ въ супѣ.

5) Кумю̀ли; растетъ на скалахъ; повидимому зонтичное; стеблей много; на нихъ красное зерно. Варятъ въ водѣ; сливъ воду, наливаютъ молокомъ, и снова варятъ. Полученную кашу ѣдятъ съ масломъ.

6) Сармисыкъ; растеніе имѣетъ два листа; луковицы ѣдятъ.

Несъѣдобныя растенія:

7) Шянымъ; имѣетъ желтые цвѣты.

8) Хонхо-цецикъ, «колокольчикъ цвѣтокъ»; имѣетъ синіе цвѣты.

9) Гечжиги, «коса»; съ черносиними цвѣтами.

10) Танхыкъ, «мѣшокъ»; цвѣты большіе, пунцовые; дѣвицы вплетаютъ ихъ въ волосы. Корни длинные, бѣлые; врачебные.

11) Цакильдыкъ, Iris. Кажется, содержимое молодыхъ плодовъ ѣдятъ, для чего ихъ варятъ. Считается врачебнымъ отъ куйтунъ убучинъ (болѣзнь мужского полового органа).

12) Халхай, крапива. Отъ той же болѣзни употребляютъ; сѣмена толкутъ, варятъ съ мукой и овечьимъ саломъ и разводятъ чаемъ.

Дерево, которое салары у Сюнъ-хуа-тина зовутъ карамухъ, сань-чуаньскіе широнголы назыв. коргосы. У саларовъ, кромѣ помѣщенныхъ выше, записаны еще названія: тоскунъ, какой-то кустарникъ; юшанъ, какая-то полынь и чиксыганъ, ядовитый злакъ, которымъ отравляется скотъ (Lolium sp.).

---

6. Мѣстныя названія животныхъ.

1. Звѣри.

Aegoceros монг. въ Ордосѣ куку яма, янгиръ ямà.

Arctomys монг. тарбагà.

Camelus дикій торг. на Едзинѣ хапта̀гай, теменъ-гурёсу.

Домашній верблюдъ на алтайскихъ нарѣчіяхъ тебе, тебеге (о. Вербицкій, Словарь алт. и алад. нарѣчій, Казань, 1884 г., стр. 343). Алтайское сказаніе о верблюдѣ: Народъ тебетъ-танатъ [1]) былъ необыкновенный, почти ничего не ѣлъ, кромѣ древесныхъ почекъ, ничего не дѣлалъ, а устремлялъ взоръ на небо, только стоялъ и молился. Никто не могъ проникнуть къ нимъ; ихъ страна была окружена змѣями окъ-диланъ или нокоинъ-шарба-диланъ, которыя прострѣливали человѣка. Одинъ китаецъ взялся пройти къ нимъ и провести одного ихняго человѣка, что и исполнилъ. Тибетцы послали противъ Китая гору проклятій; китайцы выставили съ своей стороны гору проклятій. Тибетская гора превратилась въ верблюда (тее),

[1]) Танатъ вѣроятно тангуты.

китайская въ осла (ельдигянь). (О. Вербицкій, Алтайцы, Томскъ, 1870 г., стр. 159; Томск. губ. вѣд., 1861 г., № 32). Тибетцы явились вѣроятно по сходству имени верблюда тебе съ именемъ Тебе, какъ тангутовъ зовутъ саньчуаньскіе широнголы.

Canis lupus солоны: чоно, кери-нохой (въ Ордосѣ также зовутъ волка кери-нохой, «степная собака»).

Canis vulpes солоны: унюгу̀.

Cervus maral солоны: ♂ богу̀, ♀ согу̀.

Dipus монг. въ Ордосѣ: ельджигенъ-ялмынъ.

Elephas primigenius. Буряты кости мамонта принимаютъ за кости животнаго аргалынъ-занъ. Ср. съ именемъ перваго шамана у якутовъ Анъ-аргылъ, которое представляетъ какъ будто только перестановку бурятскаго парнаго.

Hiroptera монг. въ Ордосѣ бакбагай; широнг. въ Сань-чуани: урмёнъ сара; хухунорскіе олеты хошуна Чинъ-хай-вана: цецѝнъ-бакбагай; солоны: харàэрбэкэ. Торгоуты на Едзинъ-голѣ: сарисынъ бакбагай. На Едзинѣ летучія мыши живутъ въ рощахъ евфратскаго тополя. Торгоуты сказали мнѣ фразу: кудзенъ теме кептій, «садится на шеи верблюдовъ». Можетъ быть, краткая схема легенды о спорѣ верблюда о старшинствѣ.

Mustela putorius монг. въ Ордосѣ хурене (въ Ордосѣ его много). Солоны хорюнъ.

Tamias striatus, монг. въ Ордосѣ: солонго; солоны: кэримъ; кит. въ Шаньси: ки-линъ.

Taxus монг. въ Ордосѣ: торго, мангысу, каджаръ-гахай.

Ursus arctos, солоны хара гурёсу.

Монголамъ въ Ордосѣ извѣстны имена мелкихъ звѣрковъ: сокуръ номунъ (кротъ?) и оро цсусакъ, орочи цсусакъ.

2. Птицы.

Athene bactriana (?) широнг. куку-мяо[1])

Hirundo у ордосскихъ монголовъ хотунъ-харачай.

Casarca rutila широнг. (Сань-чуань) лама мургусы.

Caccabis hukar широнг. въ Сань-чуани кычилѝ, широнг. въ У-янъ-бу чоргольчинъ; въ Тунъ-сянѣ кыккэлю; монг. въ Ордосѣ хахали.

Grossoptilon auritus, ушастый фазанъ, широнг. ма-чжи.

Otis tarda? монг. въ Ордосѣ буха дуудыкъ; водится въ Ордосѣ по лугамъ (чайдамъ), гдѣ много хамхака (Solsoda Soda?); передъ птицы бѣлый; спина сѣрая; величиной больше гуся; мясо вкусное; лѣтомъ не видать, зимой бываетъ много. Стрѣляютъ съ лошади.

[1]) Сова поалбански χουχουβάϊκα; см. Hahn, Albanesische Studien, S. 175.

Fregilus graculus широнг. (Сань-чуань) няръ.

Phasianus torquatus монг. въ Ордосѣ ♂ соно хургулъ; ♀ борокчинъ.

Phasianus sp. танг. въ Амдо теу.

Syrraptes paradoxus Pall. торг. на Едзинѣ бульдурӳ, халха въ гобійскомъ Алтаѣ ноктрӳ, нохтуру; Сантанъ-джимба звалъ птицу нитрӳ (можетъ быть, по произношенію чахаровъ).

Китайская горлица широнг. кунгунъ-шуй.

У монголовъ въ Ордосѣ я записалъ еще слѣдующія имена птицъ:

1) Таланъ келиту (семидесяти голосая); птичка больше воробья, брюхо бѣлое, спина сѣрая, концы крыльевъ черные, хвостъ бѣлый; поетъ на разные лады.

2) Алыкъ-тунха; верхъ сѣрый, передъ брюшка бѣлый; когда кричитъ, качаетъ хвостомъ.

3) Тэгили въ родѣ журавля; лобъ бѣлый? Различаютъ хуху тэгили и хальджанъ-тэгили (голубой т. и лысый т.).

4) Ольджинъ-шибо. Кричитъ: пуут-тс! пуут-тс!

Ящерицу, очень быстро бѣгающую (Podarces?), монголы въ Ордосѣ называютъ могочукъ; они вѣрятъ, что она поѣдаетъ фриноцефаловъ.

VII.

Собраніе словъ широнгольскаго и шира-ёгурскаго нарѣчій.

Слова этого собранія записаны въ пяти мѣстахъ 1) въ Сань-чуани, на мѣстѣ нашей зимовки 1884—1885 г.; 2) въ деревнѣ около г. У-янъ-бу, къ с. отъ Синина; 3) въ дер. Сунъ-чжя-чыръ, которая населена переселенцами изъ мѣстности Тунъ-сянъ, лежащей между гг. Лань-чжоу и Хэ-чжоу; 4) въ г. Боу-нань и 5) въ долинахъ Нань-шаня, къ югу отъ Гань-чжоу (отъ кочевыхъ шира-егуровъ). Широнголы въ окрестностяхъ г. У-янъ-бу сами себя зовутъ тани-кунь (т. е. свой, нашъ народъ, точнѣе «знакомые люди»); монголовъ плоскости, то, что иначе называется доро-монголъ, «низовскіе», они зовутъ хара-монголъ, «черными монголами», а въ отличіе отъ нихъ желторѣченскихъ, амдосскихъ монголовъ (широнголовъ)—чиханъ монголъ, «бѣлыми монголами». Тунъ-сянцы сами себя зовутъ саньта, а сань-чуаньцевъ—ту-жень [1]). Боу-наньцы сами себя называютъ монголъ-кунь, кочжани-кунь (послѣднее то же, что эджени-кунь). Шира-егуры себя называютъ эджени-монголъ [2]).

Сокращенія: *Сч.* Сань-чуань, *У.* У-янъ-бу, *Тс.* Тунъ-сянъ, *Бн.* Боу-нань, *ш. ег.* шира-егуры, монг.—по монгольски (по принятому у насъ чтенію), кит.—по китайски, тиб.—по тибетски, дах.—по дахурски, ман.—по маньчжурски.

k—означаетъ гортанное к; *нг*—носовой н; χ—придыханіе.

---

[1]) Китайское слово («туземецъ»), имъ обозначаются и инородцы, и коренные жители какой либо мѣстности. *А. О. И.*

[2]) Дополненія и сличенія съ словарями китайскимъ, тибетскимъ, дахурскимъ и манчжурскимъ сдѣланы А. О. Ивановскимъ. *Г. П.*

Чтобы нагляднѣе показать лексическій составъ такъ-называемаго широнгольскаго языка въ этомъ спискѣ, соотвѣтствующія имъ монгольскія, тибетскія, китайскія и др. слова вынесены въ особыя строки. Если передъ примѣчаніемъ стоитъ сокращеніе, напр. *Бн.*, это значитъ, что примѣчаніе относится къ одному только Боунаньскому говору.

Эти добавленія дѣлались уже въ набранный списокъ, поэтому они кратки и часть словъ за спѣшностью осталась неопредѣленной. Примѣчанія въ выноскахъ и въ скобкахъ принадлежатъ Г. Н. Потанину. Относительно состава широнгольскаго языка надо сказать, что онъ монгольскій, въ фонетическомъ отношеніи очень напоминаетъ дахурскій, причемъ нѣкоторыя слова, сохранившіяся только въ дахурскомъ языкѣ, существуютъ и въ немъ; затѣмъ въ него входятъ слова тибетскія, китайскія и тюркскія, очевидно заимствованныя уже впослѣдствіи. *А. О. И.*

Адъ *Сч.* тамуг.
монг. таму.
армячина *Сч.* мэргэ [1]); *ш. ег.* ургумѐ.

Бабка со стороны матери *Сч.* вый нинѝ.
бабка со стороны отца *Сч.* нинѝ.
бабушка *У.* нинѐ; *Тс.* нэный.
баранъ самецъ *Сч.* кучѝ.
монг. хуца.
барсукъ *Сч.* торгу; *Бм.* джимба.
тиб. гРрум-ба, Чжумба.
башмакъ *Сч.* хэй; *Бм.* хэй.
кит. хяй.
безрукавка *Сч.* каньджар.
кит. кань-цзяр.
бѐрдо [2]) *Сч.* сам.
берегъ *Сч.* чэрбэ; *У.* чэрбэй; *Тс.* морэн kычжа; *ш. ег.* мереии гаджар.
монг. мурэн-рѐка, гацзар земля.
беркутъ *У.* ин.
кит. инъ.
блевать *Сч.* борчжиху.
монг. бӱгелчжикӱ.
близко *Сч.* тадѝ: *Бм.* чятан.
монг. дӱтэ, лӱтӱ.
блоха *Сч.* берге; *Бм.* бэргэ.
бляшки серебряныя на ноударѐ *Сч.* мійхѝр.
богатый *Сч.* баѝн кун; *Бм.* баян kунь.
монг.
богъ *Сч.* буркан.
монг.
большой *Сч.* шукӧ, шукони; *Тс.* фукэ; *Бм.* уко; *ш. ег.* ишкэ.
монг. јекэ, дах. шигэ.
борода *Сч.* сакал; *У.* сыкал; *Тс.* саган (sic); *Бм.* капсы.
монг. сахал.
борона *Сч.* моцза.
кит.
бороться *Сч.* боко бариху.
монг. бӱкэ борецъ и бариху.
младшій братъ *Сч.* дю; *Тс.* джу; *Бм.* ду; *ш. ег.* тю.
монг. дӱ.
старшій братъ *Сч.* гагѝ; *У.* кокӧ, агӱ; *Тс.* кай; *Бм.* гага; *ш. ег.* ага.
кит. гэгэ, монг. аха.
старшій братъ отца *Сч.* шукӧ аба.
шукӧ большой, монг. абага дядя.
младшій братъ отца *Сч.* авӱ.
монг. аба, абагай, абугай.

братъ матери *Сч.* ачжу.
монг. нагачу.
бровь *Сч.* ханискѝ; *У.* ханиска; *Тс.* мимо; *Бм.* симсон; *ш. ег.* кэрбыг.
тиб. сМинь-ма; монг. кӱмӱскэ.
бросать, кидать (напр. игральн. кости) *Сч.* кырлаху.
бубенъ *Сч.* пандэй; *Бм.* кэнгриг.
монг. кэнгэргэ.
буква, письмо *Тс.* ужѝг.
монг. ӱцзӱк.
бумага *У.* чальдзы.
монг. цасун, дах. чаза (оба съ кит.)
быкъ *Сч.* пыка; *У.* анчжасы укур; *Бм.* эрэ укур. *Бм.* монг.
бѣдный *Сч.* хуйтанъ kун; *Бм.* угэй кунь. *Бм.* монг.
бѣлый *Сч.* чиkан; *У.* чихан; *Тс.* чиkанг; *Бм.* цхан.
монг. чиган, цаган.
бязь, даба *У.* бос.
монг. бӧс.

Вверху *У.* дере; *Бм.* дэгунг. *У.* монг.
вдвоемъ *Сч.* kорло.
монг. хоюлāран.
ведро *Сч.* сорго.
монг. сулга.
верблюдъ *У.* темен; *Тс.* лото. *У.* монг. *Тс.* кит.
веревка *У.* подӧк.
веретено *Сч.* йяχ.
монг. ик.
вертѣть веретено *Сч.* йяχ томиху.
верхъ *Сч.* дере.
монг.
вершина рѣки *Сч.* голни ишчи.
монг. голыйн эхин.
весло *Сч.* шуй-чжанъ.
кит.
весна *Сч.* кабыр.
монг. хабур.
вести въ поводу *Сч.* лакяху.
вечеръ *Сч.* орей, шулен; *У.* орой; *Бм.* шилэн. дах. орёокóнъ къ вечеру.
вилка *Сч.* чачыр.
вмѣстѣ *Сч.* ханту; *ш. ег.* хантар. монг. хамту.
внизу *У.* доро; *Бм.* дорѝ. монг. доро.
внукъ *Сч.* сунцза; *Бм.* сунцза, кит. сунь-цзы.
внутри *Сч.* тоотур; *Бм.* хторѝ. монг. дотора.

[1]) У ордосскихъ монголовъ *урмэгэ*.
[2]) Зубья дѣлаются изъ бамбука.

внѣ *Сч.* хата.
монг. гада.
вода *Сч.* усу; *Бн.* усу; *ш. ев.* хсун.
монг. усун.
водка *Сч.* турасы; *Бн.* турасы.
монг. тарасун.
войлокъ *У.* рсям.
кит. чжань, тиб. чжинъ-ва.
волкъ *Сч.* чунà; *Тс.* чжиранкэй; *Бн.* чина; *ш. ев.* чина, уладаги, улàдгай.
Сч. монг. чино, чоно.
волосы *Сч.* усў; *У.* усу; *Тс.* усун; *Бн.* рава; *ш. ев.* усун.
монг. ўсўн.
воробей *У.* амичкай; *ш. ев.* бокширге.
монг. бокширга.
ворона *Сч.* лаувà; *У.* крэ; *Тс.* лауза.
кит. лао-гуа, монг. кэріѣ.
воротникъ *ш. ев.* энгэр.
монг.
востокъ *Сч.* дунбанги; *Бн.* мар чуг.
Сч. отъ кит. дунъ-бянь, ги частица притяженія.
Бн. съ тиб.
вошь *Сч.* босы; *Бн.* босун.
монг. бўгэсўн, бўсўн.
впереди *Сч.* мешѐ.
вскачь на лошади [1]) *Сч.* холго.
встрѣчать *Сч.* учжараху.
монг. учираху.
встрѣчать, присутствовать *Сч.* чжиличжи.
вчера *Сч.* нигудур.
монг. нигэ-ўдўр одинъ день—тому назадъ.
высокій *Сч., ш. ев., Бн.* ундур.
монг.
вѣнчикъ на головахъ женщинъ, *Сч., У.* ноудàр.
вѣтвь дерева *Сч.* пах сарбйни.
вѣтеръ дуетъ *Сч.* кэй туджи; *Бн.* кій фійлина.
вѣять *Сч.* кишигеху.
монг. кэйскэкў.

Главъ *Сч.* нютў; *У.* нюду; *Тс.* нутун; *Бн.* нидун; *ш. ев.* нютун.
монг. нидун, нўдўн.
глубокій *Сч., Бн.* гун.
монг. гун.
глупый *Сч.* тэндун kун, лоуду kун.
монг. тэнэк кун.
глухой, *Сч., Бн.* тулэй
монг. дўлэй.
гнаться *Сч.* чжураху.
говори *Тс.* кэли.
монг. кэлэ.

[1]) Монг. въ Ордосѣ уруддуху.

годъ *Сч.* хон; *У.* фуань; *Тс.* хуан; *Бн.* хон.
монг. он; дах. хон, хуан.
голень *У.* шикей.
голова *Сч.* толгай; *У.* толгой; *Тс.* чорун; *Бн.* торон; *ш. ев.* тологой.
монг. тологой.
голубой *У.* куко; *Тс.* кукэ.
монг. кўкэ.
голубь *Сч.* кугушкэй; *Тс.* кугочин.
монг. кэкўрчжэгэнэ.
гора *Сч., Тс., ш. ев.,* улà; *У.* ўля; *Бн.* улѐ.
монг. ула.
горить *Сч.* унгурчи.
горлица *Сч.* кугушкэй; *У.* унгускей; *Тс.* панджю, пандю.
Тс. кит. цзю, бань-цяо.
горло пищепріемное *Сч.* хулан холо; *Бн.* фулан голи.
монг. улăн хōлай.
горло дыхательное *Сч.* могурсы холо; *Бн.* нитыг.
монг. мўгэрсун хōлай.
городъ *Сч.* бадзыр; *Тс.* базà; *Бн.* бадзыр.
горсть *Сч.* аткò.
монг. атху.
гость *Сч.* гэчин.
монг. гэйчи.
градъ *Бн.* джарма.
монг. цзарма мелкая крупа.
граница, рѣчной берегъ *Сч.* чэрбэ.
градъ, *Тс.* чикан гура, мендур.
монг. цаган хура «бѣлый дождь»; мэндур.
грива, *ш. ев.* дель.
монг.
гроза *Сч.* нохчин; *У.* нохчир.
громъ гремитъ *Сч.* тэнгри пангнани, нохчин ирина; *Бн.* джигдун хорчжива; *ш. ев.* улў ду гарчи.
Сч. «гроза приходитъ», монг. ирэнэ; *Бн.* съ тиб.; *ш. ев.* монг. луйн ду гарчжи «явился голосъ дракона».
грудь *Сч.* ишчў, ичў *У.* ичуу; *Тс.* эчэн.
монг. ўбчўн.
грудь женская *У.* кокò; *Тс.* кукэ; *ш. ев.* кукэн.
монг. кўкўн.
губа *ш. ев.* ирын.
монг. урўл?
гумно *Сч.* итерге; *Бн.* терьган.
монг. ўтэрмэ?
густо *У.* утюгэн.
монг. ўтгэн.

Далеко *Сч.* колò; *Бн.* холо.
монг.
дверь *Сч.* идѝ; *У.* удэ; *Тс.* выйтэн; *Бн.* ртан; *ш. ев.* юдэн.
монг. ўдэн.

дворъ *Сч.* номтык; *Тс.* хором; *Бн.* има; *ш. ег.* кэрим.
ш. ег. монг. ограда.
день *Сч., У., Бн.* удур., *Тс.* уту.
монг, ӱдур.
деньги, *Бн.* джосу.
монг.
деревня *Сч.* имык; *У.* аиль; *Тс.* агын; *Бн.* дева.
монг. аймак, аиль.
дерево, *У.* пах; *Тс.* мотун; *Бн.* шу (кит.).
монг. модон.
дзеренъ (Antilopa) *Сч.* джерь има.
монг. цзэрэн.
дикій *Сч.* чигилй.
монг. чикилэ упрутій.
дитя *Сч., У.* пылэй; *ш. ег.* мла.
длинный, *Сч., У.* утур; *Бн.* уту.
монг. урту.
дно *Сч.* очжор; *Бн.* гурйль (?)
довольно [1]) *Сч.* борне.
дождь (идетъ) *Сч.* кура боона, кура бооджи; *У.* кора боона, кора орона; *Тс.* кура бууна; *Бн.* бора асхаджи; *ш. ег.* борон орона.
монг. хора асхачжи орона, хора орона, борога (боро) орона.
долина *Сч.* тала; *Бн.* там (танг.).
Сч. монг; *Бн.* кит.
долина рѣчная (?) *Сч.* арыр (арал).
домъ *Сч.* мазын, тяньшй; *ш. ег.* бэйшин.
монг. байшинъ.
домъ кирпичный *Сч., У., Бн.* герь; *Тс.* кэ.
Сч. монг.
дорога *Сч.* мор; *Тс.* мо; *Бн.* морь; *ш. ег.* мӧрь.
монг. мӱр.
дорога большая *Сч.* шукӧ мор.
доска *Сч.* бамбыр.
дочь *Сч.* учин; *У.* агур.
монг. укин.
драконъ *Сч.* лу.
монг. отъ кит. лунъ.
другой *Сч.* корй.
дупло *Сч.* куантэй.
дымъ *У.* фунй.
отъ кит. фынь, фунь жечь?
дыханіе *Сч.* ор; *У.* ур.
монг. агур.
дѣвица *Сч.* агур; *У.* агур; *Бн.* агу; *ш. ег.* укун.
дѣвочка эвател. *Сч.* ай.
дѣвица дурного поведенія *Сч.* хочй.
отъ монг. хуяли, хойги и др?
дѣдъ *У.* дидӧ *Тс.* чжетый.
дѣдъ со стороны матери *Сч.* вый дидй.

дѣдъ со стороны отца *Сч.* дидй.
дѣлать въ долгъ *Сч.* чжилиху.
съ монг. отъ кит. чжай, цзѣ съ глагольной частицей ла?
дядя со стороны матери *ш. ег.* тага.
дядя со стороны отца *ш. ег.* абга.
монг. абага.

Ежъ, *Тс.* цсывэй.
ель, *Сч.* кычора.
есть *Сч.* бом; *У.* вӓн; *Тс.* вэйне; *Бн.* ва.
монг. буй, байна.

Жарко; *ш. ег.* халун.
монг.
жаровня *Сч.* хо-бынъ.
кит. хо-пынъ.
жать *Сч.* кадуку.
монг.
ждать *Сч.* кулиху.
монг. кӱлекӱ.
Желтая рѣка (Хуанъ-хэ) *Сч.* шукӧ мурэн.
«большая рѣка» переводъ кит. да-цзянъ.
желтый *Сч., У., Тс., Бн.* шира.
монг.
желудокъ *Сч.* гедис; *У., ш. ег.* гедисы; *Тс.* кэли *Бн.* гедисун.
дах. кэли, ман. хэфэли.
монг. гэдэсун, гэдэсу кишки, внутренности.
желѣзо *Сч.* тэмур; *ш.* ег. тэмыр.
монг. тэмур.
жена *Сч.* пэры; *У.* бэрӱ; *Тс.* пэрй; *ш. ег.* бисегуй.
монг. бэри невѣстка.
жена младшаго брата *Сч.* дю пэры.
жена старшаго брата *Сч.* шиначжа; *Бн.* веригап.
женск. половые органы *Сч.* кутугу.
ср. монг. хутугуту желудокъ.
женщина *Сч.* 1 учин кун, 2 экэнэр кун; *У.* учун кунь, *Тс.* уачин кунь; *Бн.* хтун кун; *ш. ег.* бисегу-кун.
см. дѣвица. 2 *Сч.* монг. женщины. *Бн.* монг. хатун жена князя, супруга; *ш. ег.* изъ бисегуй и кун человѣкъ.
жеребенокъ (лошади и осла), *Сч.* тагыр.
монг. тобор.
жеребецъ *Сч.* аджирга; *У.* ер ма; *Бн.* гома мори.
Сч. монг; *У.* кит. *Бн.* кит. кэ-ма кобыла.
животное *Тс.* амиту.
монг.
жидко *У.* шингэн.
монг.
жила кровеносная *Сч.* сутасы; *Тс.* сутасун.
монг. судасун.
журавль *Тс.* тогурӱ.
монг.

[1]) Монг. болынӧ.

Завтра *Сч.* магаши (sic); *У.* маргаши; *Тс.* магаши.
монг. маргада, част. ши и въ дах. яз.
завязки на башмакѣ *Сч.* тэйцзы, хайни тэйцзы.
съ кит.
задница *Сч.* кунджёбсы.
испорч. монг.
западъ *Сч.* си банги; *Бм.* яр чуг.
кит. сибянь; тиб. шар-чог востокъ?
запахъ *Сч.* хунир.
монг. ўнўр.
заплетать волосы *Сч.* куриху.
монг. гўрўкў.
заря *Тс.* асман шончжу.
затменіе луны *Тс.* сара karалыва.
въ монг. сара кўрелэбэ луна въ свѣтломъ кругу.
затоплять печь *Сч.* чикеху.
заяцъ *Тс.* туулэй.
монг. таолай, тулай.
звать, кликать *Сч.* доудалачху.
съ монг.
звѣзда *Сч.* хоту; *У.* фотў; *Тс.* хотун; *Бм.* хотун; *ш. ев.* ходун.
монг. одон.
здѣшній *Сч.* эндекуни.
монг. эндэ здѣсь, кун человѣкъ.
зеленый *У.* ногон; *Тс.* ногон; *ш. ев.* ногон.
монг.
земля (прахъ), *Тс.* шурà, турà.
монг. широй,
земля (страна) *Сч.* каджир; *Тс.* kачжа; *Бм.* хаджир; *ш. ев.* гаджар.
монг. гацзар.
зима *Сч.* угуль; *Тс.* куйтэн ча; *Бм.* уль.
монг. ўбўл.
монг. куйтун цак «холодное время».
змѣя *Сч.* могай: *У.* могой; *Тс.* могый.
Сч. монг.
зола *Сч.* хунисы; *У.* фунисы.
монг. ўнесўн.
золовка *Сч.* катун талани учин дю.
монг. хатун супруга, укин дў младшая сестра.
золото *Сч.* алтан; *У.* хальдан; *ш. ев.* алтан.
Сч. монг.
зубъ *Сч.* шюту; *У.* шитў; *Тс.* шитум; *Бм.* ртун; *ш. ев.* шидын.
Бм. изъ шитун, какъ изъ сТонь—рТонь?
монг. шидўн, шўдўн.
зубья въ бёрдѣ *Сч.* шюту.

Избирать *Сч.* солиху.
манчж. солимби, а въ монг. солиху смѣшивать.

имя *Тс.* нэрэ.
монг.
ирбисъ, *ш. ев.* ирбис.

Кабарга *Сч.* шяцзы́ имà; *Бм.* хяа.
Сч. тяцзы съ кит; има монг. козелъ. *Бм.* тиб. гЛа-ва.
камень *Сч.*, *Тс.* ташь; *Бм.* таши; *ш. ев.* чило.
монг. чилагун, чилун.
канава оросительная *Сч.* тутол (произн. тутор).
кастрированный мулъ *Сч.* куагелесын лусы.
Сч. монг. легченый; лусы съ кит. лоцза.
клещъ *ш. ев.* алтага [1]).
кинятить *Сч.* бичилгаху (произн. бичиргаху).
монг. буцалгаху.
китаецъ *Сч.* читай kун; *Тс.* намка; *Бм.* хитэй кун; *ш. ев.* хытат.
монг. китат.
кишки *Сч.* нарин гедис нарин.
нарин монг. тонкій, см. желудокъ.
клей шубный *Сч.* чжульсы.
клопъ [2]) *Сч.* пи-ша (съ кит.).
ключъ *У.* пылыг.
монг. булак.
книга *Сч.* шу.
кит.
кобыла *Сч.* гу мори; *У.* годма; *ш. ев.* гуюн.
Сч. монг; *У.* кит. кэ-ма.
когти *Сч.* чюмнсы.
монг. кумусун, кимусун.
коза самка *Сч.* сэркй.
козелъ *Сч.* кунегъ, соохур; *У.* има; *Тс.* иман; *Бм.* яма; *ш. ев.* има.
монг. има, иман.
козленокъ *Сч.* унюгур; *Бм.* хурган.
Бм. монг. ягненокъ.
козуля *Сч.* има.
монг.
колесо *У.* терге гурў.
монг. тэргэйн кўрдў.
колодезь *Сч.* чжир; *Гс.* кытўу.
монг. худук.
колоколецъ *Сч.* конго.
монг. хонхо.
колотушка *Сч.* домбу.
колоть, кольнуть *Сч.* чокуху.
монг. цокиху.
колѣно *Сч.* подок; *У.* битўг; *Тс.* уату; *Бм.* вэдыг.
монг. эбўдўк.
кольцо *Сч.*, *У.* кэйджур.
кольцо деревянное въ носу ѣздового быка *Сч.* торы.
монг. дўрў палочка въ ноздряхъ вола.

---

[1]) Монг. шальчжа.
[2]) Въ Ордосѣ монг. *улан-хорхой*.

кольчуга *Сч.* чжакуй.
съ кит. съ перестановкой вм. куйцзя.
копна *Сч.* цзонцзон.
см. толстый, монг. цзуцэйн.
копыто *Сч.* чимсы; *Бн.* урджэн; *ш. ев.* турўн.
монг. туру.
копыто двухкопытныхъ *Сч.* чимсы; *У.* чюмисы.
см. ноготь.
копыто лошади *Сч.* чжанцзы.
кит.
кора *Тс.* мотун арасўн.
«кожа дерева», монг.
корень дерева *Сч.* пах унгани; *У.* чўре; *Тс.* унтусун; *ш. ев.* ильдыс (?)
Сч. унгани: монг. иргар? *Тс.* мон. ўндўсун.
корзина *Сч.* калар.
кормить, угощать *Сч.* идиргачи.
отъ монг. идэкў ѣсть.
кормить грудью *Сч.* кёкёчжи.
мон. кўкўкў сосать.
корова *Сч.* укур; *У.*, *Бн.*, *ш. ев.* укур; *Тс.* укэр.
монг.
корова самка *Сч.* анджасы; *У.* уне; *Бн.* уне укур.
монг. анчжису плугъ, соха; корова унiѣ, унѣ.
коромысло для ведеръ *Сч.* шидан.
кит.?
короткій *Сч.* хукур; *У.* укур; *Бн.* хур.
мон. охор.
коса (волосъ) *Сч.* зомыр; *У.* куколь; *ш. ев.* 1 гэджигэ, 2 кукўль.
1 *ш. ев.* монг; монг. кўкўл длинные волосы.
кость *Сч.* ягсы; *У.* ясы; *Тс.* ясун; *Бн.* ясун.
Тс. монг.
котелъ *Сч.* того; *Тс.* токон.
монг. тогон, того.
кошель, мѣшокъ *Сч.* чючур.
монг. арчул, арчигур.
кошка *У.* моушо.
съ кит.
красивый *Сч.* туйтан, сайхан; *Бн.* сайхан.
монг. дуйтей способный. *Бн.* монг.
красный *Сч.* хулан; *У.* фылан; *Тс.* хулам; *Бн.* фулян.
монг. улāн, дах. хулан.
кривой (глаз.) *Сч.* сукор; *Бн.* сохур.
монг. сохор.
кричать *Сч.* кайлаху; *У.* кыйлаху.
монг. хайлаху реветь, плакать.
кровь *Сч.* чюсу; *Тс.* чсун; *Бн.* чюсун.
монг. чисун.
кротъ *ш. ев.* манан сокур
монг. сохор.
кружокъ на веретенѣ [1]) *Сч.* арчак.
крупа *Сч.* ушик.
крыло *Сч.* чжур, учжюр.
монг. чжигур, чжўр.
крышка на посуду *Сч.* бэргэсы; *Тс.* когый.
кувшинъ чугунный *Сч.* тангун.
кулакъ *Сч.* чуй; *Бн.* нутўрга.
Сч. съ кит; *Бн.* монг. нидурга.
курица *Сч.* токò; *Тс.* тыка.
монг. такя.
кусай *Сч.* чжачжур.
монг. цзагуху.
кухня *Сч.* соуха гэр.
отъ кит. чу (чоу) фанъ кухня и монг. гэр домъ; см. печь.

Ладонь; *Тс.* ka чжандзы.
отъ кит. бáчжанъ или чжанъ-цза.
ласточка *Сч.* караджягай.
левъ *Сч.* эрслан; *Тс.* шицзы.
монг. арсалан, кит. ши-цзы.
легкія *Сч.* òшки; *Бн.* ошкю.
Бн. монг.
ледъ *Сч.* мурсы; *Тс.* мянсун; *ш. ев.* мбсун.
монг мўсун.
лежи *Тс.* кыче.
по монг. хэбтэ.
летучая мышь *Сч.* урмэн сара; *У.* сурусу бильдуу; *Тс.* сарысун; *Бн.* шинсон бенджир; *ш. ев.* сарсын ханат.
лисица *Сч.* хундегей; *Тс.* фунэгэм; *Бн.* га (танг.); *ш. ев.* энеген.
монг. ўнэгэн.
листъ *Сч.* лыгчи; *У.* лапчи; *Тс.* лачин; *Бн.* лапчом *ш. ев.* лапчик.
мон. набчи.
лицо *Сч.* тама; *Тс.* вангэ; *Бн.* нюрь; *ш. ев.* нюр.
ш. ев. монг.
лобъ *Сч.* мэнлэй; *У.* мамни; *Тс.* малый; *Бн.* лапа.
монг. манглай, мангнай.
лодка *Сч.* чуань.
кит.
ложка; *У.* хуулга; *Тс.* чачуку.
Тс. ? дах. чашка, ложка по монг. ухара, ухур.
локоть *Сч.* токой; *У.* токой; *Бн.* тухэй.
Сч. монг.
ломаться *Сч.* какараху.
монг. кокираху.
лоскутъ, нашиваемый на башмакѣ надъ пяткой *Сч.* панджин.
лошадь *Сч.*, *У.*, *Тс.*, *Бн.*, *ш. ев.* морѝ.
монг.
лужа, *У.* лампын.
лукъ (Allium) *Сч.* самыныг.
съ монг.

---

[1]) Въ Ордосѣ у монголовъ *тологой*.

лукъ стрѣлебный *Сч.* луму; *ш. ев.* номын.
монг. нумун.
лѣсъ *Сч.* хой; *Тс.* хой; *Бм.* фый.
монг. ой.
лѣто *Сч.* наджыр; *Тс.* калун ча; *Бм.* яр.
дах. нацзир лѣто; монг. халун цак «теплое время», *Бм.* тиб. дЧжар лѣто.
лягушка *Сч.* мендегей, мянтакей; *У.* палӯг; *Тс.* бага; *Бм.* мынгей.
монг. мэнэкэй, мэлэкей.

Маленькій *Сч.* мла, млани; итегер; *У.* мла; *Тс.* мила; *Бм.* ичиган; *ш. ев.* атай, баґа.
ср. дах. ицикэн малый; монг. бага, уцухэн.
мальчикъ, *У.* ку пылэй; *Бм.* аву; *ш. ев.* кукюн (sic).
маралъ (Cervus) *Сч.* богу.
монг. бугу.
маска *Сч.* мёнгусы.
масло *Тс.* тосӯ; *Бм.* тосу.
монг.
масло желтое, *Тс.* кыйма.
мать *Сч., Бм.* ана; *У.* ама; *Тс.* аный; *ш. ев.* экэ.
ман. энэ мать, ама отецъ; *ш. ев.* монг.
медвѣдь *ш. ев.* хара гуресун, тулкара.
ш. ев. «черный звѣрь», монг. кара гӯрӯгсӯн (гӧрӧсӧн).
медъ *Тс.* шимей (кит.).
межа (пашни) *Сч.* лунган.
мелко *Сч.* чжя.
мельница *Сч., У.* терьмѐ; *Бм.* термаи.
монг. терме.
мечеть (мусул.) *Тс.* мэчы.
мизинецъ см. палецъ.
млечный путь *У.* намчю [1]).
могильная (?) древняя насыпь *Сч.* томлӯк.
можжевельникъ *Сч.* шихпа.
тиб.?
мозгъ, *Тс.* нуусэй.
кит. нао-суй.
мой *Бм.* мини.
монг.
молнія *Тс.* шанчжян.
отъ кит. шань-дянь?
молодица *Сч.* шинагур.
шинэ новый, агур дѣвица, дочь.
молоко, *У., Тс.* най-цзы; *ш. ев.* хсун.
У. кит; *ш. ев.* монг. сӯн.
молоко забродившее, съ котораго снято масло, *ш. ев.* ундан.
монг. унда напитокъ.

молоко кислое, съ котораго не снято масло, *ш. ев.* тарак.
монг.
молотить *Сч.* чжанчжиху.
монг. цзанчиху бить.
молоть *Сч.* чжураху.
см. гнаться.
монастырь *Сч.* сюмѐ.
монг.
морда (лошади, коровы, собаки) *Сч.* кошу.
монг. хошун.
моча *Сч.* шесы.
монг. шигэсун, шэсун.
мужск. половой органъ *Сч.* чучӯ.
ман. чочо.
мужчина *Сч.* нун kун; *У.* ку кунь; *Бм.* эрэ кун; *ш. ев.* бисету кун.
всѣ 3 монг; *ш. ев.* «женатый человѣкъ».
мужъ *Сч.* курген.
монг. ку + иргэн.
мука *Сч.* гурю, гурюр; *Бм.* гурӯль.
монг. гулир.
мулъ *У., Бм.* лоса.
кит. лоцза.
муравей *У.* шоргольджин; *Тс.* па бэ цзу.
У. монг; *Тс.* мѣстн. кит.?
мутная вода *Сч.* 1 хулан усу, 2 пэлэнкур усу.
1 *Сч.* «красная вода». 2 *Сч.* монг. булангир усу.
муха *Сч.* шумул.
мышь *Тс.* гсыган.
мѣдь желтая *Сч.* тэушѝ; *У.* чес (?); *ш. ев.* голо.
монг. гаоли, гӧли.
мѣдь красная *Сч.* джес; *У.* цзонмар (?).
монг. цзэс; тиб. занъ мѣдь, дМар красный.
мѣсить тѣсто *Сч.* нукуху.
монг. растирать.
мѣсяцъ *Сч., У., Тс., Бм., ш. ев.* сара.
монг.
мѣхъ кузнечный *Сч.* хунь ся.
отъ кит. фынъ-сянъ.
мѣшать въ чашкѣ *Сч.* котогаху.
монг. кутхуху смѣшивать.
мѣшокъ большой *Сч.* ута.
мѣшокъ небольшой дубовый *Сч.* тобуру.
мясо *Сч.* маха; *Тс.* мига; *Бм.* мага.
монг. мэха, маха.

Набрюшникъ въ видѣ кармана *Сч.* уйдыр.
наконечникъ стрѣлы *Сч.* джебе.
монг.
намордникъ на мула *Сч.* уор.
наперстокъ *Сч.* тэньджур.
можетъ быть съ тиб.; по тиб. мЦзув-рТень.
небо *Сч., У., Бм.* тэнгрѝ; *Тс.* асман; *ш. ев.* тэнгэри.
Сч., ш. ев. монг.

---

[1]) Это переводъ китайскаго «небесная рѣка» на тибетскій.

невѣстка *Сч.* ку бэрӣ; *Бн.* вери.
монг. бэри.
недоставать *Сч.* тутураху.
монг. дотараху.
некрасивый *Сч.* мусай (sic).
монг. мӯ, магу, магуй.
нижняя часть туловища *Сч.* конджбсы.
см. задница.
низкій *Сч.* бугулӣ; *Бн.* бухули.
монг. богони.
низъ *Сч.* доро.
монг.
нитчанка (при тканьѣ) *Сч.* самджбх.
новолуніе *Сч.* катур сара.
1-ая четверть луны? по монг. кадур серпъ.
новый *Сч.* шинӣ; *Бн.* шине.
Бн. монг.
нога (ступня) *Сч.* кор; *У.* коль; *Тс.* шикара; *Бн.*, *ш. ег.* кёль.
монг. кӯл
ноготь *Сч.* чюмисы, чимсы; *У.* чумисы; *Тс.* kый мусун; *Бн.* гонцон; *ш. ег.* хамысын.
монг. кимусун, кумусун.
ножъ *Сч.*, *Тс.* читого; *У.* читохо; *Бн.* шитого; *ш. ег.* хутага.
монг. кутага, хутуга и т. д.
нойонъ, *Тс.* новн; *ш. ег.* нойон.
ш. ег. монг.
носъ *Сч.* хабыр; *У.* хавар; *Тс.* кава; *Бн.* хорь. *ш. ег.* камыр.
монг. хамар, хабар.
ночевка (утварь) *Сч.* кочи.
ночь *Сч.* сони; *У.* сюни; *Тс.* сени; *Бн.* сбни.
монг. сӯни.
нѣмой *Сч.* яба; *Бн.* гулу.
Сч. кит.
нѣту *Сч.* угӯ бонн, угонн; *Тс.* выйвэ; *Бн.* гейна.
Сч., *Бн.* монг. угэй съ оконч. наст. вр.

Обезьяна *Сч.* мечин; *Тс.* пячин.
монг. мэчин, бэчин.
облако *Сч.* уле; *У.* олон; *Тс.* улэн; *Бн.* олӯн; *ш. ег.* бытан.
монг. ӯлэн.
обручь *Сч.* майдан.
овца *Сч.*, *Тс.*, кони; *У.*, *Бн.* хони; *ш. ег.* хоно.
Бн. монг.
овца самка *Сч.* эргэ.
огонь, *Сч.*, *Тс.*, *Бн.*, *ш. ег.* гал; *У.* кал.
Сч. монг.
одинокій *Сч.* ганчкар; *ш. ег.* гакчар.
ш. ег. монг.
одѣвать *Сч.* умусӯргаху.
монг. эмӯсгэкӯ.
одѣваться *Сч.* умбскӯху.
монг. эмӯску, ӯмӯскӯ.
оверо, *У.* талій; *Тс.* но; *ш. ег.* талай, нур.
монг. далай, нур.
окно *Сч.* чонкон; *У.* чунгун; *Тс.* чуангун; *Бн.* чжама.
Сч., *Тс.* монг. отъ кит. чуанъ-ху. *Бн.* тиб.?
олово *Сч.* толгай.
монг. тугулга, тулга.
опіумъ *Сч.* я-піенъ.
кит. я-пянь.
орелъ *Сч.* хара боргон; *ш. ег.* бюргутъ.
ш. ег. монг. и татар.
оса *Тс.* бамбын.
оселъ *Сч.* ельджигӣ; *У.* ельджигы; *Тс.* енджиге; *Бн.* ельджиге.
Бн. монг.
осень *Сч.* намыр.
монг. намур.
основа ткани *Сч.* утасы.
оспа *Сч.* чэчэк.
монг.
оставаться *Сч.* хулиху.
монг. кӯлїеку ожидать.
отдыхать *Сч.* хамбыраху.
монг. амараху, амураху.
отецъ *Сч.* апа, адӣ; *У.* ада, аба; *Тс.* авый; *Бн.* ава, *ш. ег.* чиге.
монг. аба, эцигэ.
отклонять *Сч.* танглаху.
отъ кит. данъ препятствовать.

Пазуха *Сч.* бэн.
палецъ *Сч.*, *Тс.*, kуру; *У.* хурю; *Бн.* курӯ.
мон. хуругу, хуру.
п. большой *Сч.* шукӧ kуру; *У.* шики хурю; *Тс.* фукэ kуру; *Бн.* тему гуру; *ш. ег.* шике хурун, хэрмэкче, хэрмэпчу.
п. указательный *Сч.* хумугей kуру; *У.* или хурю *Тс.* иман kуру; *ш. ег.* толко.
п. средній *Сч.* дунда kуру; *У.* тунда хурю; *Тс.* тундату kуру; *ш. ег.* дундатун хурун.
монг. думдату хуру.
п. безымянный *Сч.* идана kуру; У. скыума хурю; *Тс.* унэчин kуру; *ш. ег.* нере угей.
ш. ег. монг.
мизинецъ *Сч.* чучжукарь kуру; *У.* кага хурю; *Тс.* мила kуру; *Бн.* ичиган гуру; *ш. ег.* зынгычек.
У. монг. бага маленькій. *Тс.* «маленькій».
палочки для ѣды *Сч.* шӧр; *Тс.* чуку.
паукъ *Сч.* хахэй; *Тс.* чыу чжу (кит.).
кит. чжу-чжу.
паутина, *Тс.* чыучжу ванъ.
кит. чжучжу ванъ «сѣть паука».

пахарь *Сч.* хулучи.
пашня *Сч.* таран; *Тс.* чжончжа.
Сч. монг.
пей *Тс.* учы.
монг. уху пить.
перо *Сч.* чиндага.
монг. чиндага бѣлый заяцъ.
печень *Сч.* харьгй; *У.* ельгѐ; *Бм.* ильгэ.
монг. элигэ.
печь *Сч.* соуха.
см. кухня.
пещера *Сч.* ёдун (кит. яо-дунъ).
пила *Сч.* чиру.
монг. кирўгэ, киру.
пиръ *Сч.* кырь, курун.
монг. найр, хорим.
письмо *У.* бичик; *Тс.* ужиг; *ш. ет.* бучик.
монг. бичик; а ўсўк буква.
плачь *Тс.* выйла.
монг. уйла.
племянникъ *Сч.* чы; *Бм.* цу.
кит. чжи.
плеть, бичъ *Сч., У.* рчу.
отъ тиб. лЧжаг?
подкова *ш. ет.* така.
монг.
подлѣ бокъ, въ сторонѣ *Сч.* хачжиду.
мон. хачжуда, хачжигуда.
подошва башмака *Сч.* ула.
монг.
поздно *У.* орой.
монг.
покраснѣть отъ стыда *Сч.* ичечжи.
монг.
полнолуніе *Сч.* путунъ сара.
монг. будунгуй темный.
половина *Сч.* чжярым.
монг. чжарам ярмо для двухъ быковъ.
полярная звѣзда *Сч.* кани хоту; *Тс.* цзывэй-синъ.
Сч. «царская звѣзда», монг хани одон.
Тс. кит.
пометъ лошадей и коровъ *Сч.* харгал; *Бм.* харга.
монг. аргал.
пометъ бараній *Сч.* хоргосы.
монг. хоргосун.
твердыя отложенія человѣческія и животныхъ *Сч.* бас.
монг. басун.
поперекъ *Сч.* хонделян.
монг. кўндўлэн.
поросенокъ *Сч.* какай чульджигар (произн. чурджигар).
монг. гахай, цзулцзага.
потъ *Тс.* кулесун.
монг. кўлўсўн.
послѣзавтра *Тс.* чинаджи.
отъ монг., чинакши далѣе.
почки *Сч.* пòри; *У.* борò.
У. монг.
пращъ *Сч.* хурбй.
по монг. хаjагабчи, гўйбур.
пригоршни *Сч.* битб.
монг. битўгў, битў.
принеси *Тс.* ачирэ.
изъ монг. абчи ирэ.
пробудиться *Сч.* ширгэху.
монг. сэргэкў отрезвиться.
прятать *Сч.* иноху.
монг. нигуху, нўху.
прятать *Сч.* хураху.
монг. хурijаху, хурāху собирать.
пташка *Сч.* амицкай.
птица *Сч.* шипо; *У.* шиво; *Тс.* шива; *Бм* амичи (домашняя); *ш. ет.* шовун.
монг. шибун, шўбу, амичи—живность (отъ монг. амин).
пугаться (испугался, шарахнулся) (о мухѣ) *Сч* кургана.
пуговица *Сч.* тогчи; *У.* табчю.
монг. тобчи.
пуля *Сч.* суму.
монг. стрѣла.
пупъ *Сч.* куйсы.
монг. кўйсу.
пустельга? (монг. ителькэ) *Сч.* терьгѐ.
пухъ *Сч.* бурбур.
пчела *Тс.* чжинъ бамбынъ.
по тиб. пчела вунъ-ва, буиъ-ба.
пшеница *Сч.* бидѐй; *У.* будѐ; *Тс.* будэй; *Бм.* бугдей; *ш. ет.* богдўй.
монг. бугудай.
пѣтухъ *Сч.* кунъ-дже.
кит. гунъ-цзи.
пятка *ш. ет.* зонай.

Радуга *Сч.* солонгу; *У.* солонго; *Тс.* лун сунани *Бм.* джа (танг.); *ш. ет.* солонго.
ш. ет. монг.
разрушать *Сч.* бэтэрху.
монг. эбдэкў, эбдэрэкў.
рано *У.* иртэ; *Тс.* чэвэ; *Бм.* иртэ.
монг. эртэ.
расплетать косу *Сч.* ырдырху.
? разрушать, отъ эбдэрэку, какъ и въ дах.
рваться *Сч.* цысараху.
монг. тасулаху.
ребро *Сч.* капсы; *Тс.* каруга; *Бм.* харга.
монг. хабису.
ровный *Сч.* тебшин.
монг. тэкши, а тебши блюдо.

рогъ *Сч.* убӱр, обӧр; *У.* вэр; *Бн.* вэрь; *ш. ег.* эвэр.
Сч. монг.
родить *Сч.* тургаху.
монг. тӱрӱкӱ.
ротъ *Сч.* амà; *У.* ама; *Тс.* аманг; *Бн.* аман; *ш. ег.* ама.
Сч. монг.
ругается *Сч.* сукуна.
ружье *ш. ег.* пу.
кит. пао, поу.
рука (кисть) *Сч., У., ш. ег.* гар; *Тс.* ка; *Бн.* харь.
монг. гар.
рука (отъ кисти до плеча) *Сч.* чимекè.
рукавъ *У.* хамчи; *ш. ег.* канджуун
монг. ханчу, ханчуй.
ручаться *Сч.* даку.
монг.
ручка у ведра [1]) *Сч.* парюрь.
рыба *Сч.* джагарсы; *У.* чжигасы; *Тс.* чжагасун.
Тс. монг.
рысью *Сч.* кульгѝ.
рѣка *Сч.* гол, мурэн; *У.* морӧн; *Бн.* голь, арѐль; *ш. ег.* мерен.
Сч. оба монг.

Саларъ (народность) *Сч.* сартур; *Тс.* салар; *Бн.* сантыр.
сапогъ *У.* кутусы; *Бн.* кутусун; *ш. ег.* гутусун.
т. ег. монг.
сахаръ *Сч.* пинъ-танъ; *Тс.* пинъ-танъ (леден.), шатанъ (пес.).
всѣ кит.
свекоръ *Сч.* кадун аба [2]).
«отецъ для жены».
свекровь *Сч.* катун ана [3]).
«мать для жены».
свинецъ *Сч.* чиkан тэмур.
«бѣлое желѣзо», монг.
свинья *Сч.* каkай; *Тс.* кыkэй.
монг. гахай.
свѣтло *У.* гэгэн.
монг.
свѣтлая вода *Сч.* гэгэн усу.
монг.
сегодня *Сч.* ноудур; *Бн.* энэ ду.
монг. энэдур.
семь *Сч.* долон.
монг.
сердце *У.* джерке; *Тс.* джугэ (sic); *Бн.* джирке *ш. ег.* джурген.
монг. чжирукэн.

[1]) Монг. въ Ордосѣ соолгони хамаръ.
[2]) Невѣстка зоветъ его просто аба.
[3]) Невѣстка зоветъ ее просто анà.

серебро *Сч., У. ш. ег.* менгу.
монг. мӱнгӱн.
серпъ *Сч.* кадур.
монг. хадур.
серьга *ш. ег.* чиkан дӧгӧ.
сестра старшая *Сч.* ачжа; *У.* ачжа.
сестра младшая *Сч.* хучин дю, учин дю.
монг. укиндӱ.
сестра отца *Сч.* агу.
сестра матери *Сч.* аѝ.
сзади *Сч.* хонò; *У.* хоно.
монг. хойна, хойно.
скакать (о лошади) *Сч.* хоргоху.
монг. оргоху.
скать тѣсто *Сч.* дельгеху (произн. терьгеху).
монг. дэлгэкӱ растянуть.
скорпіонъ *Сч.* тэнгучур; *Сч.* шэцзы; *Бн.* тэкэрачжу.
кит. сѣ-цзы.
скотъ *Сч., Бн.* асы̀; *Тс.* асун.
монг. адусун.
скудаться *Сч.* танкиху.
слеза *Тс.* нигусун.
монг. нилбусун.
слово *Сч.* угѝ; *ш. ег.* лар.
монг. угэ.
слѣдъ *Сч.* орон.
монг. ором.
слѣдъ ноги *Сч.* корни орон.
монг. кӱл-ун ором.
слюна *Сч.* лимбу, лимпсы; *Тс.* нигусун; *Бн.* нимесун.
монг. нилмусун, нилбусун.
смирный *Сч.* ондан; *Бн.* чянму.
снаружи *Бн.* хата.
монг. гада.
сновидѣніе *Сч.* чжаодунъ.
монг. цзэгудун.
снѣгъ *Сч., Тс.. Бн., ш. ег.* часун; *У.* часы.
монг. цасун.
собака *Сч.* ноkой; *У.* нохой; *Тс.* нохэй; *Бн.* ногой; *ш. ег.* нокой.
монг. нохой.
собираться *Сч.* чонглаху, кураху.
монг. цуглаху, хурāху.
сова *Тс.* шира шиванг.
монг. шира шибун.
солнце *Сч., У., Тс., Бн., ш. ег.* нара.
монг.
соль *Сч.* табысы; *Тс.* дабасун; *Бн.* дабсун; *ш. ег* дабсын.
Бн. монг.
сопли *Тс.* кавар усу чю.
монг. хабар носъ, усу вода; тиб. чу вода.
сорока *У.* шячгай; *Тс.* сачгый.
монг. шагацзагай, шакцагай.

спереди *У.* меше.
спать *Сч.* унтаджи бонг (спитъ); *Тс.* хунтура (спи); *Бн.* 'трана (спитъ).
монг. унтаху, ўнтачжи байна.
спрашивать *ш. ег.* сурку.
монг.
ткацкій станокъ *Сч.* ходжан, мэргэнэ чжэцзы.
старикъ *Сч.* лоудигэр [1]); *Бн.* (зват.) дэдэ.
Сч. съ кит.? *Бн.* отъ кит. дѣ?
старуха (звател.) *Сч.* нини; *Бн.* нэнэ.
ср. монг. эмэгэн, ман. энѣ.
старуха *Сч.* нининχэр.
старый *Сч.* коучйн; *Бн.* кокушюн, хойчен.
монг. хагучин, хучин.
стволъ дерева *Сч.* паχ шулўн.
стогъ *Сч.* толò.
столъ *У.* шире; *Тс.* шире.
монг.
стремя *Сч.* тын; *ш. ег.* дорö.
монг. дуругэ, дöрö.
струя каборожья *Бн.* ларси.
стрѣла *Сч.* суму; *ш. ег.* сумын.
Сч. монг.
стрѣлять *Сч.* кармуху.
монг. харбуху.
стѣна дома *Сч. У.* балгасы̀; *Бн.* ртам; *ш. ег.* кэрим.
монг. балгасу городъ. *Бн.* тиб. аГрам, чит. Дам.
Бн. монг. кэрэм, ман. кэрэму.
сурокъ *Сч.* тарбагà; *Бн.* шя.
монг. тарбага. тиб. чи-ва.
сухожилье *Сч.* шюрпусы̀.
монг. ширбусу.
сухой *ш. ег.* курй.
монг. хурай.
суставъ пальца *Тс.* гуру уэ̀.
монг. хуру, уйје.
счастье *Сч.* таларга.
отъ монг. далалга стрѣла при жертвоприношеніи?
счетъ *Сч.* то.
монг.
считать (о деньгахъ) *Сч.* толоху.
монг.
сынъ *Сч.* ку; *Тс.* кывэнг.
монг. кўбўн, кў.
сынъ, мальчикъ *Сч.* куkэр.
монг. хўхэн.
сырой *ш. ег.* чиктэ.
монг. чиктэй.
сыръ *ш. ег.* чурмэ, идэк.
мон. эцэзгэй; монг. ўрўмэ пѣнки сливокъ?

[1]) Почтительно къ старикамъ обращаются съ словомъ итигў kунъ. *Г. П.*
дах. этеhу старикъ,—уха. *А. И.*

сѣверъ *Сч.* пей банги; *Бн.* шян.
Сч. кит. бэй бянь. *Бн.* тиб. чжанъ.
сѣдло *Сч.* имель (произн. имер.); *Бн.*, *ш. ег.* емель
Бн. монг.
сѣмя *Тс.* уасун фурэ.
монг. ўрэ сѣмя.
сѣноставка (Lagomys) каталюр; *Бн.* шира нюк; *ш. ег.* сарык теге.
сѣрый *Бн.* боро.
монг.
сѣть для ловли *Сч.* тор.
монг.
сѣялка *Сч.* лу.
отъ кит. лоу-доу?

Тамошній *Сч.* тэндэкуни.
монг. тэндэ тамъ, кун человѣкъ, тэндэки тамошній?
тангутъ *Сч.* тэбэ kун; *Тс.* сифань; *Бн.* тангул.
ш. ег. тангыт.
Тс. кит. *Бн.*, *Сч.* монг. тангут, тўбэт.
твой *Бн.* чини.
монг.
телега *Сч.* терге; *Бн.* шянгрта (танг.).
Сч. монг.
теленокъ *Сч.* пирў.
темно *Сч.* карангу; *У.* харангу.
монг. харангуй.
темя (черепъ?) *Сч.* каблык.
испорч. санскр. капāла.
тесть *Сч.* кадун орук.
тесьма *Сч.* тсма.
? съ рус.?
тетива *Сч.* лумуне утасы.
монг. нумун-у, утасу.
тигръ *Сч.* барс; *Тс.* басы; *Бн.* пас; *ш. ег.* барйс.
Сч. монг.
ткать [1]) *Сч.* никэху.
монг. нигэткў соединить,—ся, нигикў выжимить.
быть товарищами *Сч.* нюкюргеху.
монг. нўкўрлэкў.
толочь *Сч.* нидуху.
монг. нидўкў.
толстый *Сч.* чжучжан; *Бн.* дзидзян.
монг. цзуцзāн.
толстый, большой *Сч.* пэтун; *Бн.* пэтун.
монг. бўдун.
тонкій *Сч.* мэнгэ; *Бн.* нинганг.
монг. нимэгэн, нимгэн.
топиться въ водѣ *Сч.* дююльху.
монг. дэгўликў.
топоръ *Тс.* сюкэ.
монг. сўкэ.

[1]) Монг. въ Ордосѣ дэлэдиху.

торфъ *Сч.* донгул.
трава *Сч.* эбисы; *У.* ибисы; *Тс.* уасун; *ш. ег.* вейсун.
монг. эбэсӯн, ӱбӱсӯн.
третья четверть (фаза луны) *Сч.* чжантху тулà.
тропа *Сч.* хуйтан мор.
см. бѣдный.
трубка для куренія табаку *Сч.* ямпыр, канза; *У.* ямпир, ханса; *Бн.* ямпӯнг; *ш. ег.* каньса.
Сч. испорч. китайск. янь-пынъ-эръ, янь-пынръ.
ш. ег. кит. гань-цза.
трясти *Сч.* кубиху.
монг. гӱбикӯ стучать, хлопать.
туман *Сч.* манан; *У.* манан.
Сч. монг.
ты *Сч.* чи; *Бн.* чи.
монг.

Угождать *Сч.* тусалаху.
монг. приносить пользу.
уголь *У.* касык.
увда *ш. ег.* кадыр.
монг. хацэ̀р.
узкій *Сч.* нарын; *Бн.* нарын.
монг. нарин.
украдкой *Сч.* нюту угэя.
«безъ глазъ», монг. нӱдӱ угэ̀ja.
умный *Сч.* шичэнь kун.
монг. сэцэн кун.
умъ *Сч.* саныл чичэн; *Бн.* ирекпа (танг.).
Сч. монг. санал, сэцэн.
уничтожился *Сч.* угейдачжи.
съ монг.
устраивать свиданье *Сч.* олчжалгаху.
монг. учирагулху.
устье *Сч.* голни амà.
монг.
утесъ *Бн.* гада (гата).
монг. хада.
утка *Тс.* шу яцза.
кит.
утокъ ткани *Сч.* акар.
монг. агар сфера, объемъ?
утро *Сч. У.* иртэ; *Тс.* чэвэ.
монг. эртэ рано.
ухо *Сч.* чикѝ; *У.* чикы; *Тс.* чикын; *Бн.* чикан; *ш. ег.* чикын.
монг. чихин.
ученикъ, банди *Сч.* панджи.
монг. банди.

Филинъ *Сч.* шира шипо.
монгольск. шира шӱбӱн (шибагун) желтая птица.

флагъ, стягъ [1]) *Сч.* чичир, чечер.
форма для печенія хлѣба *Сч.* чингур, чонгур; *Бн.* чонгур.
отъ монг. гонхор?

Хайнякъ, помѣсь яка и коровы *Сч.* мусӯн.
тиб. мЦзо.
хвостъ *Сч.* сѣль (произн. сёр); *У., ш. ег.* сюль; *Тс* шяи; *Бн.* санчѝг.
монг. сэгӱл, сӱл.
хлопчатая бумага *Сч.* мянъ-куа *Тс.* мянъ-хуа.
кит.
хлѣбъ *Сч.* итимѝ; *Тс.* ичимэ [2]); *Бн.* ртемѐ (*ш. ег.* на корню: таран).
дах. утумо, утум.
хлѣбъ, испеченный въ формѣ *Сч.* чингур итимѝ.
хлѣбъ сдобный (на раст. маслѣ) *Сч.* борсок.
монг. богорсак, борсок.
холодно *ш. ег.* куйтэн.
монг. куйтун.
хорошо *Сч., ш. ег.* сайн.
монг.
хромой [3]) *Сч., Бн.* доголан.
монг.
худо *Сч., Бн., ш ег.* му.
монг.

Царь *Тс.* чаочин; *ш. ег.* кан [4]).
Тс. кит. чао-тинъ. *ш. ег.* монг. хан.
цвѣтокъ *У.* чичек; *Тс.* чичѐ; *Бн.* чичик.
монг. цэцэк.
цыпленокъ *Сч.* токо чульджигар.
монг. тавіja, (такя) цэулцэага.
цѣвка *Сч.* акар хороку хулусы.
цѣлый *Сч.* пукуле.
монг. бӱкӱли.

Чашка *У.* 'ига̀, *Бн.* аяга; *ш. ег.* аига.
Бн. монг.
челнокъ ткацкій *Сч.* ульдӯ.
человѣкъ *Сч.* kун; *У, Тс, ш. ег.* кунь.
монг.
червь *У.* хоргэй; *Тс.* кугый, кургый.
монг. хорохай.
черный *Сч., У., Бн.* хара; *Тс.* кара.
монг.
чеснокъ *Сч.* самсых.
монг. сарнисак.
четверть первая (фаза луны) *Сч.* чжанту сара.
см. третья четверть.

---

[1]) Въ Ордосѣ монг. гегеръ
[2]) На корню ама.
[3]) Въ Ордосѣ монг. хаджигыр.
[4]) Кит. императоръ едженъ-ханъ.

чистый *Сч.* арун.
монг. арӱн.
чортъ *Сч.* дугули; *Бн.* чихтыр.
монг. читхур.

Шагомъ (ѣхать) *Сч.* ёлго.
монг. энхэ, ман. элхэй спокойно?
шадровитый, рябой *Сч.* мàзы.
кит. ма-цзы.
шаманъ *Сч.* бо.
монг. бӧ.
шапка *Сч.* марга; *У.* малга; *Бн.* сэмун; *ш. ег.* малгый.
монг. малагай.
шапка женская съ металлическимъ трезубцемъ на вершинѣ *У.* борбольчжин ноудар.
шелкъ *Сч.* торго.
монг.
шерсть *У.* унгасы; *Тс.* ногусун; *Бн.* ногусун.
монг. ангасун.
шея *У.* кучю; *Тс.* кучжин.
монг. кӱцэӱн.
шкирдъ *Сч.* бачикэ.
шкура *Сч.* арасы̀; *Бн.* арасун.
Бн. монг.
шляпа *ш. ег.* малгай.
см. шапка.
штаны *Сч.* мутуг; *ш. ег.* мӱдун.
монг. ӱмӱдӱ.
шуба *Сч.* нэкэй [1]); *У.* тэль; *Бн.* дэль; *ш. ег.* тиль.
монг. дэбэл. дэгэл, дэл.
шуринъ *Сч.* катун талани гага (или дю).
«братъ жены», гага монг. аха.
шулята *Сч.* пурдук.
монг. буртак грязь?

Щека *Сч.* кычà; *Бн.* джамба (танг.).
щенокъ *Сч.* кульгэр, *Сч.* кулгар; *Бн.* хаба.
монг. гӱлигэ.

Ѣшь *Тс.* ичжѐ.
монг. идэ, ман. чжэмби.

Югъ *Сч.* наньбанги; *Бн.* лто.
кит. нань бянь; по тиб. лХо.

Я *Сч., Бн.* би.
монг.
яблоко *Сч.* амла, алима.
монг. алима.
ягненокъ *Сч.* курга; *ш. ег.* хурган.
монг. хурага, хураган.
ядро (?) *Сч.* сангрык.
языкъ *Тс.* кэлэн.
монг.
яйцо *Сч.* ендигѐ; *Тс.* эндыгэй.
монг. ӱндӱгэн, ӱндэгэн.
якъ, сарлыкъ *Сч.* кайнэг; *У.* хайнэк; *Бн.* хайняк
монг. хайнук, сарлук.
якъ самка *У.* рто нью.
кит. ню корова.
помѣсь яка *У.* мусун.
см. хайнякъ.
ярмо *Сч.* таньчжа.
яръ *Сч.* ерге.
монг.
яръ, скала *Сч.* кадан.
монг. хада.
ястребъ *ш. ег.* карчигей.
ящикъ *У.* пангуй; *ш. ег.* ргам.
У. съ кит.
ящерица *Сч.* шӧшкѐй; *У.* шашилю̀; *Тс.* шошоули

Счетъ.

	Монгол.	Сань-чуань.	У-янъ-бу.	Боу-нань.	Шира-егуры.
1	нигэн	нигэ	никэ̀	нигэ	нигэ
2	хояр	kор	кор	гар	kур
3	гурбан	гурбань	гуран (sic)	гурбон	гурбан
4	дӱрбэн	дӧрбянь	дэрэн	дурбен	дурбен
5	табун	табын	тавын	тà'*нг*	табын
6	цаурган (чжиргуган)	джургон	джургон	джиргон	джюргон
7	долон	долон	толон	толун	долон
8	найман	найман	нэйман	нійман	найман
9	йисун	юсун	рсын	есун	исун
10	арбан (дах. харбын)	харбан	харван	харвон	харбан
11	арбан нигэ	—	хран никэ	—	—
12	арбан хояр	—	хран кор	—	—
20	хорин	—	хорин	хорун	хорин
30	гучин	—	хочин	хубаран	гучӧн

[1]) Нагольная.

	Монгол.	Сань-чуань.	У-янъ-бу.	Боу-нань.	Шэра-егуры.
40	дӳчин	—	тючинъ	дериран	дючон
50	табин	—	тамн	та'нвран	табын
60	чжиран	—	джирэн	джиргонран	джирен
70	далан	—	таляи	толунран	талан
80	наян	—	наян	ниймапран	наян
90	йирэн	—	ирын	есунран	ирэн
100	цзун	—	джон	нигэ джон	джуун
1000	минган	—	минхан	ртунсу (съ тиб.) нигэ	мынган
10,000	тӳмэн	—	—	—	темен

Фразы.

Моя лошадь мини мори. Сч.
Этотъ годъ нэ (ср. ман. нэ теперь, монг. энэ этотъ) хуан. Тс.
Въ этомъ мѣсяцу нэ сара. Тс.
Слѣдъ ноги лошади морни корни орон. Сч.
Во время моей молодости мини младу. Сч.
Ножикомъ читогò голò. Сч. рукой кар голо. Сч.
Сдѣланъ изъ бумаги чирсы голò хійсын. Сч.
Что хотите изъ этого сдѣлать? энe голò яна? Сч.
По этой причинѣ, поэтому терь голò. Сч.
Этотъ человѣкъ хуже того энe кун тэн кунса му. Сч.
Ѣлущіе вверхъ и ѣдущіе внизъ доро ябучин дере ябучин. Сч.
Вари пищу кутан чина Бн. (вмѣсто саньчуаньскаго: бута чина).
Кушайте! шіуткэр чинла! (кит. цинъ, цинъ-лё прошу) Сч.
Не плачь бо уйла. Сч.
Не скачи бу хорго. Сч.
Щипай мясо махани чак. Сч.
Привяжи за ноги кӧрса уй. Сч.
Откинь кручину, перестань думать битэкэн санар кій. Сч.
Если бросать (стрѣлу), такъ бросай! чокибани чоко! Сч.
А сахаръ пусть въ бумагѣ лежитъ пейтан чирсытай сугй. Сч.
Ударяетъ по головѣ книгой (благословляетъ) багна. Сч.
Принесъ ачирэвэ, ачирэчжун. Тс. не принесъ сачирэвэ Тс.
Всталъ осна. Бн.
Ѣлъ идисан. Сч.
Сварили пычалувэ. Тс.
Умеръ укучжовэ. Тс. ухуджон. Сч.
Изорвался цысарасэн. Сч.
Выросло (?) эдигесын. Сч.
Пришли ладить ясагад ричжи. Ш. ег.
Выздоровѣлъ эдигесын. Сч.
Изломался какарабà, какараджон. Сч.
Спрятано хураджон. Сч.
Укусилъ качжасын. Сч.
Убилъ аладжон. Сч.
Пробудился ширгэсэн. Сч.
Подбросилъ кырласын. Сч.
Радовался баяссын. Сч.
Осталось хулисын. Сч.
Поѣхалъ дорогой мор яуна. Сч.
Уѣхалъ въ деревню Наньчжа—Наньчжату очпà. Сч.
Сильно мучился думой шуко санар чжобочи. Сч.

Наѣлся, сталъ сыть чжотосын. Сч.
Вставши, убѣжалъ босоду тутачжи яунѣ. Сч.
Не вскипѣла бу бичирджон. Сч. (вода) сы пычалучживэ. Тс.
Не вытерпѣлъ тэссэн уга. Сч.
Не марался чійлихуга. Сч.
Разсѣялъ (тучи) ырдырасын. Сч.
Поручился дасын. Сч.
Опоздалъ утавэ. Тс.
Солнце взошло нара гарва. У. наран кычирва. Тс. нара карлà. Сч.
Солнце закатилось нара батава. У. наран пытава. Тс. нара бакталà. Сч.
Луна пополнѣла сара юндавà. Тс.
Мѣсяцъ умеръ (новолуніе) сара ули учигнй. Сч.
Луна затмилась (затменіе) сара баралылà, сара кердила. Сч.
Помолился, поклонился чорон моргучжува (или могучжува). Тс.
Небо очистилось, ведро арульчжи. У.
Заненастило тэнгри бороточжи. У.
Окованъ чорголосын. Сч.
Ледъ образовался мурсы кульдеджон. Сч. мянсун кванчжи. Тс.
Затуманилось маран битечжи. Сч..
Камни покатились ташь (тюрк.) хонгурчи. Сч.
(Гэсэръ) обнаружилъ, показалъ дурное лицо му чиры гаргасын. Сч.
Схваченая за хвостъ стояла сёрса бариду суусын. Сч.
(Гэсэръ) заставилъ снѣгъ выпасть чирсы богорсын. Сч.
Хлѣбъ побросалъ въ снѣгъ бобо чирсынду унаргасын. Сч.
Свѣча отаяла ла (кит.) шингэрэсэн. Сч.
Ледъ растаялъ мянсун шимичирэ. Тс.
Градъ побилъ хлѣбъ мендур тара багни. Сч.
Увеличилъ противъ заказа шукодаджон. Сч.
Обмалилъ, сдѣлалъ меньше противъ заказа млададжон. Сч.
Насталъ полдень удур соко болба. Сч.
Дерево искривилось пах мерджи. Сч.
Дерево развѣтвилось пах салаладжи. Сч.
Мою лицо тама угани. Сч.
Идетъ, приближается иричжува. Тс.
Кричитъ варатанà. Тс.
Спитъ унтачжи бом. Сч.
Дождь идетъ тэнгир хура оручжива. Тс.
Пирожки прягутся поуцзы (кит. бао-цзы) чинасэр байнй. Сч.
Ѣстъ идилон. Сч. лама ѣстъ лама идисэр байнй. Сч.
Зоветъ, кличетъ доудолон. Сч.
Говоритъ: «положи!» таби гелон. Сч.
Гдѣ, говоритъ, остановился? анджй сува гелон. Сч.
Идетъ за водой усургала ябучи. Сч.
Пасетъ лошадь мори танглачи. Сч.
Снѣгъ идетъ часы орона. У.
Сучитъ (нитку) дельгенѐ. Сч.
Ткетъ некена. Ш. ег.
Вѣетъ кишигенѐ. Сч.
Блюетъ борчжичжи. Сч.
Приноситъ клятву чжу идичжи. Сч.
Не знаю ли—мединэ. Ш. ег.
Это письмо слѣдуетъ доставить въ ямынъ города Хойсянь эне бичик хойсяни ямыну тушачжи угуху. Сч.
Пользы нѣтъ туса угу бом. Сч.
(Они) дружатъ, состоятъ товарищами нюкергена. Сч.

Либо Гэсэръ погибъ, либо войско хорскаго царя Кэркэра идетъ нигэ боло Гэсэр угейдачи нигэ боло Хор Кэркэр чжавуни чирик иричжи бом. Сч.

Затворю хайчжи кій. Сч.

Я принесу би абалачжи. Сч. ачирээ. Тс.

Вскипячу бичилга'й. Сч.

Посодѣйствую нюкергій. Сч.

Разочту, подумаю боодой. Сч.

Испугаю аиргай. Сч.

Поручусь дай. Сч.

(Привѣтствіе при встрѣчѣ: амур сайн чикер менду. Бн.).

Сколько тебѣ лѣтъ? насун кэтун болына? Тс.

Какъ тебя зовутъ? чини нэрэни ямя генѣ. Тс.

Что онъ говоритъ ю гелон? Сч.

Куда поѣхалъ? анджи шкунѣ? Сч. кала ичине? Тс.

Стала ли рѣка? гол барджу? Сч.

Пошла ли рѣка? гол тайббу? Сч.

Ты во мнѣ чего боишься? чи манайду юса айчжи байнй. Сч.

Сколько этого серебра тутъ окажется, столько пусть и запишется эне менгу кеду лан айбалани джуриги. Сч.

Между тѣмъ, тѣмъ временемъ терь чжапсырту. Сч.

Невозможно читаданй. Сч.

Нельзя пить уданй. Сч.

Нельзя проѣхать яуданй. Сч.

Не хватитъ кучиданй. Сч.

Если нужно кереглибани. Сч.

На ходу согрѣешься яббалани халана. Сч.

Нужно кэрэуна. Тс. ненужно улэ кэрэуна. Тс.

Примѣчаніе. Всѣ фразы чисто монгольскія съ небольшими фонетическими отличіями; слова въ нихъ тоже монгольскія (за исключеніемъ нѣсколькихъ), потому я считалъ лишнимъ отдѣльно приводить соотвѣтствующія монгольскія слова и фразы. Только въ спискѣ числительныхъ привелъ монгольскія для сличенія. *А. О. И.*

VIII.

Собраніе словъ саларскаго нарѣчія [1]).

(Записано въ деревнѣ Ташкулъ на р. Сэнгыръ).

Адамъ Адэм [2]).
арыкъ, канава оросительная арух.

Бабочка кенделих.
балахонъ однорядный на женщинахъ чамджà.
балки, лежащія на тергехахъ (см. подпорка) лян.
баранъ кой.
барсукъ борсуг.
башмакъ хай.
беременная (о женщинѣ и о скотѣ) буягыр.
благовонный талѝ искилир.
близко яхын.
бляха мѣдная хелли.
блюдо тавах.
богатый бар кши.
Богъ худà.
больной агрыг.
большой уллè.
борода сагал.
братъ младшій ине; старшій кага (ага)?
бровь кулюх, курлюх (?).
брусъ пилю.
брюхо кусах.
бубенъ джанганах.
бубеньчикъ, ширкунецъ конгры̀.
бумага хàги (хагит).
бусы малу.

---

[1]) Академикъ В. В. Радловъ имѣлъ любезность просмотрѣть по нашей просьбѣ этотъ списокъ саларскихъ словъ, а также и слѣдующій списокъ хара-ёгурскихъ, и сдѣлать въ нихъ свои отмѣтки въ сомнительныхъ случаяхъ.

[2]) Самый младшій изъ семидесяти двухъ сыновей Адэма назывался Ши-цзы.

бѣдный йок кши.
бѣлый ах.
босой яланг-адах.
браслетъ панджир (?)
бѣжать юкуруб юрь.

Варить аш кайнатур.
вверхъ олани.
ведро (посуда) сапчах.
верблюдъ тӱвэ.
веревка урхан.
веретено иχ.
вершина горы таг паши.
вершина рѣки гол ишѝ.
весло санг.
вечеръ кэшлюгу (кэшлик?).
видѣвшій сонъ тиш курмишь.
видѣть ушерь (?).
вилы ю̀ва.
виноградъ путò (съ кит. пу-тао); сушеный ӧзюм.
внизъ иншяни.
внукъ сундзы (съ кит.).
внутри ишинде.
внѣ ташинда.
вода су.
водка сормà.
волкъ чинà.
волосы сашь.
вонючій яман искилир.
воробей ӱй сечже.
воротникъ яха.
воръ угрѝ.
востокъ кӱнь чиkkан яни.
востокъ мешриб.

вчера тюнь.
выздоровѣть ольду (?)
вѣникъ сипсэ.
вѣсы пин.
вѣтеръ ель пырямъ.
вѣтеръ дуетъ пырямъ пар.
вязать (чулки) люмъа.

Гвоздь кадах.
глазъ кӧзь.
глина нальчиг.
глухой сагыр.
гнѣздо он'а (омъа) (ова?).
говорить келяму кухти (?).
голень киджих.
голова пашь.
голосъ (монг. аян) ӱн?
голубь кӱргенджӱх, кӱргӱнджӱх.
голый ялямъашь.
гора ṭаг.
горло дыхательное хакырдах.
горло пищепроводное эмерджих.
городъ базыр, чыи.
горькій, кислый хушан, хушаннар (?).
горячая вода иси су.
готово пэлен дуру.
грабить чуха урпамишь (?).
градъ танзы ягдзы.
громъ пуганык, пуганыг.
грудь (молочная) емджих.
груша армут.
грушевое дерево армут тал.
губа тотах.
губа верхняя ичи тотах; нижняя джіи тотах.
гусь каз.

Далеко ирах.
дверь кӓу.
дворъ аят.
день кундюси.
дерево агашь.
дитя пала.
дождь ягмыр.
домъ ӱй.
дорога йолъ.
дрова отзун (?), отун.
другъ яхши улаги (?).
дубъ сингаи.
дуракъ хуту кши, ахмах, телле кши.
дуть фыр.
дымъ чичин.
дыханіе сулух.
дѣвица, дочь кыс пала.
дѣдъ хари баба.
дѣлать нан укури (?).
дядя по отцу тата.
дядя по брату баба.
дядя по матери акӱ.

Ева Хэува.
есть вар.

Жарко иссара (исси?), сагпа.
жаровня хобын; скобки у нея кулах, «уши».
жевать кӱше.
желтый сари.
желудокъ карын.
желѣзо темыр.
женщина катун кши.
живой хулун (?).
жила кровеносная тамыр.
жирный семиз.

Завтра этэ (вм. эртэ).
замокъ соцзы (съ кит.).
западъ мегриб, кунь патkан яни.
запахъ талй (=хорошій, ср. благовонный).
затменіе мѣсяца ай цуцельджи.
звать чала (?).
звѣзда юлдуз.
земля ерь, джемин.
зима кышь.
злой человѣкъ ирэх арахсари (?).
змѣя илян.
знамя чи (съ кит.).
зола кӱль.
золото алтунь.
соска [1]) тӧх (кит. чохъ, т. е. цянь?).
зрачокъ кӧзнимъ карасы.
зубъ тишь.
зѣвать эснэ.

Игла игнэ.
идти юрь.
ирбис ирбис.

Кабарга юχер.
кадка деревянная для воды сапчах.
Каинъ и Авель Харуни Гаруни (мог.: хабиль кабиль) [2]).
камень ташь.
канъ (лежанка) окан, уйкан.
караулить вах (монг. юмо киче) (бах?).

---

[1]) Дѣтская игрушка въ родѣ волана; пинаютъ ногой; состоитъ изъ кусочка овчинки, на которую пришита для груза китайск. монета (по кит. цянь, по монгол. дзосу). Соской звали эту игрушку во время моего дѣтства въ Омскѣ.

[2]) Харуни убилъ Гаруни.

кипятокъ кайнар сух. (ср. вода су? сух?)
кисть руки эль.
кишки багарцзух (монг. нарин гедису).
клѣтка птичья лунцзы.
клювъ агзы (=ротъ, вѣр. =kуш агзы).
ключь, родникъ юль.
ключь къ замку келит.
книга китаб.
князь (монг. нойонъ) цеχ.
кобыла хысырах.
коготь тырнаг (ср. ноготь).
козелъ ишки.
колесо коскур.
колодезь гуй.
колпакъ бѣлый въ родѣ башлыка кэтў.
колчанъ садых.
кольцо кэнджир, кэджир.
колѣно тизин.
комета куйрух юлтус (ср. свѣзда юл дузъ).
копать казы̀.
кора древесная тал гох (?).
корень древесный тал узех (?).
корзина чеден, сюумур.
корзинка для муки пола.
корзинка ручная калà.
корова кулиχ.
корчага (такъ назыв. по китайски ганъ) сіи-тан.
кость, синэх (сингэх?).
косякъ яныг, ко-яныг (ср. дверь кау).
котелъ казын.
кочка у верблюда эдкетà (монг. боко).
кошка мöших.
краска чуджех.
красный кызыль.
кремень чихмыг.
кривой (глазомъ) kыя̀,
кричать сыкара.
кровля лян.
кровь кан.
круглый коскур.
кружка глиняная сюезе.
крыло канат.
крышка тох; крышка на котелъ казын товах.
кувшинъ или сосудъ для воды въ видѣ низкой бутылки съ ручкой атымà.
кузнецъ темирджи.
кулакъ джугурдух, эль (ср. рука, ладонь).
купецъ сачихчари (?) (садихчи?).
курица тох (таухъ?).
куропатка горная кегелих.
кусать каджа (?).

Лагунъ для воды сучах.
ладонь эль (?).
лампочка чинчжян.
лапша ашь (по широнгольски лахсà).
левъ аслан.
легкій юмыл.
легкое ухэн.
ледъ муз.
лезвее агсы̀.
лизать ялà.
лисица тюльго.
листъ ярвах.
лицо юз.
лобъ мынгзй.
ловить рыбу тамна.
лодка кеме.
ложиться ятмишь (причастіе).
ложка джог.
локоть пилыгы.
лопата курэх.
лопатка (кость) ягрын.
лошадь ат.
лукъ стрѣлебный я.
лѣкарство емь.
лѣкарь отаджи(=уйгурск.), бахумджи.
лѣстница озенго (?).
лѣто ий (=яй?).
лягушка пага.

Малый кичи.
мальчикъ, сынъ огул пала.
масло яг.
масло ленное хума яг; масло сурѣпное кэзы яг
мать иджа.
медвѣдь àчих (ач'х) (=уйг. адык).
медъ пал, паль.
мельница термен.
мерзнуть сухарй (?).
мечетѣ мишт, мист.
много коб, купари (?).
могила турбеть.
мозгъ мынс (мынгыс?).
молиться (?) панкененне (?); молиться Богу башіури (?).
молнія илдырджан.
молодой человѣкъ игит кши.
молоко сўть.
молотить тогмах туйпар.
молотъ тохмах.
молоть тескимпар (?).
молчать ачих кіймыш (?) (отвѣтъ на вопросъ какъ посаларски перевести монгольское урла джи, «сердится»).
монголъ—могол.
мостъ кумыр.
мужчина ерь кши (?).
мука унь.

мулъ лосà.
мышь кеме.
мышь летучая ярасань.
мѣдь желтая сари чышь.
мѣдь красная кызылъ чышь.
мѣсяцъ ай; четверть мѣсяца ярумтуг ай; полный мѣсяцъ хулун ай; мѣсяцъ въ ущербѣ ай кичиленджи.
мѣшокъ хап.
мягкій юмшах.
мясо эт.
мячъ мудан.

Накатъ изъ жердочекъ на балкахъ, поддерживающихъ потолокъ талим.
накидка верхняя у женщинъ моулан.
наперстокъ чэнджир.
народъ агыль (в. аулъ).
небо осман.
невѣстка, молодуха кэнь (=келинъ).
нитка ишпэхэ, ипэх, иб.
нога инджиг (?)
ноготь тырнах.
ножницы синза, чяндзы.
ножъ большой для мяса сейту.
ноздря тышах (тешіх?).
Ной Нух [1]).
нора ома.
носъ бурун.
нынѣшній годъ пиль иль (пійл=пу-иль).
нѣмой тюхха.
нѣту йох тур.
нюхать илин.

Облако булут.
обрывъ, яръ (глиняный, лёссовый) торах кая.
обухъ инсà.
обычай, законъ тёре пилехари (?).
огонь от.
одѣяло юргын.
озеро кöль.
окно тередже.
олово кара кэн (вѣр. ошиб. вмѣсто ах кэн).
орѣхъ хос.
осель эндженгэ.
островъ тань.
острый пичаг иглар'и (=остріе ножа).
отецъ аба.

па-гунъ (см. ч. I, стр. 174) сыкыз гун (?).
палатка чадыр.
палецъ бармаχ, бирмаχ.

[1]) У Нуха три сына: Яфизъ, Аджи и Уджи.

палецъ большой башь пирмаχ, имам бирмаχ (взятъ пармах).
палецъ указательный ёмэн бирмаχ.
палецъ средній оту бирмаχ.
палецъ безъименный мазы бирмаχ.
мизинецъ чеджи бирмаγ.
парусъ чи.
пастухъ барановъ куй кўткўджи паст. лошадей ат кўткўджи.
паукъ пый.
пахать эх.
пашня ас, асыть (?).
перо, пухъ тюх.
перо для письма келем.
перья мемелих.
песокъ гум.
пестрый ала.
петля àнку.
печень багры (пагыр) (монг. ильгы).
печь очаг.
печь (точнѣе верхъ печи) казымаш.
пика джидà.
пить ишь.
плакать иглà.
платокъ, повязываемый на головѣ (иногда просто бѣлая тряпица) шукюн.
платье пекарых (?).
плевать чюхур.
плести ургурй (ŏр?)
плечо бадынгу.
плотникъ ўничи (?).
поварешка шинага.
подносъ талар.
подошва аяг чуй (аях=адах ср. босой).
подпорки подъ потолокъ тергех.
полдень ўлэ.
половина ярымтух.
полынь юшанъ.
понимать танигу.
порогъ оциг, ўтўг.
порохъ пу емь (пу эми).
послѣзавтра баса гунь.
постель када якур (?).
потъ терь.
почка бугурих (=пўгрих?).
поясъ пулгах.
прошлый годъ ишкй иль.
пуговица тугмà.
пуля тянцзы.
пупъ гендых.
пчела джiин.
пыль торах.
пѣтухъ куньгу.
пятна аяг сун (аяг=адих).

Рабъ джарыкчи, джарган кши.
радуга мелекѐ, меke.
развалины города, древній необитаемый городъ исар.
раковина пузу аш (?).
ребро кохкà.
рогъ монгус.
роса чихсу.
ротъ агсы.
рубаха хантар.
ружье пу.
рука голь; задъ ручной кисти арджи.
рука правая сах эль; лѣвая сол эль.
рукавъ инг.
ручка (у чайника) сап.
рыба палиχ.
рыть могилу турбетъ азар (казар?).
рѣка гол, мурень, узень.
рѣсница су кӱрлюх.

Сабля kилиш.
сажа, копоть карà.
сахаръ бѣлый ах шатан; сахаръ черный хара шатан.
свадьба, той.
свинецъ ах кэн (вѣр. ошибка, вмѣсто кара кэн).
свинья тонгус.
свѣтильня чиралых.
свѣтло, ясно яруχ.
свѣча ла.
сегодня бӱгӱнь.
сердце ирэх.
серебро кӱмышь.
серпъ орах.
серьга сыргà.
сестра младшая сингне; старшая аджа.
сильный кӱшлӱг, кучи улар пар.
синій кӧх.
сирота ечим кши (монг. унечин).
сито илэх.
скала ташь-кая.
скалка кальчан.
скорлупа орѣховая хос кох (когы?).
скорлупа яичная юмыта кох (когы?).
скоро линген.
скотъ малъ.
скрипка (кит. шяндзы) козы (кобузы?).
слабосильный кӱчи юхар.
сладкій талляру (?).
слеза яшкузӧ (кӧз яшы ср. глазъ).
слово сӱсь.
слѣпой мень кӱрмири (я не вижу?)
слюна кохсу.
смѣяться кӱле.
сноха янгу.
снѣгъ карь.
собака ит.
сова пія-гушь.
солнце кӱнь.
соль туз.
сопля пурнѝ су (сугы?).
сосать (грудь) емджих емпирари (=аміп+пер).
соха сован.
спать ухлà.
спина арха.
спроси сор.
станокъ ткацкій тахша.
старикъ кари кши (ср. дѣдъ).
старуха кари катун кши (ср. дѣдъ).
степь тысь (тӱсь).
столик ширà.
столъ для стряпни (большой) хоонà, кона.
стремя тин.
стрѣла ох.
стрѣлять вур (слѣд. прибав. ох).
ступня аях (ср. босой).
стѣна чидàры.
сука чи, ганчихой.
сурокъ схур (=сур?).
сухой гури (?).
сырой уши.
сѣдло ингер; сѣдло вьючное, 'ынгырчах [1]).
сѣдой ах сашь.
сѣноставка (широнгол. хаталюръ) тушан геме, чулох геме.
сѣть рыболовная тор.
сѣять сэр урпар (?).

Твердый хатѝ.
телега кангри.
теленокъ пызӱ.
темно карангу.
темя пашь отасы.
тенета пый тор.
теперь нингян (?)
тетива килиджа.
тигръ барс.
тихо асан.
толстый халун.
тонкій, узкій нэшкэ.
топоръ палта.
тощій аруг.

[1]) Тѣмъ же именемъ ангирчакъ вьючное сѣдло зовутъ и монголы сѣверной Монголіи. Это слово встрѣчается у Рашидъ-Эддина (рус. перев., т. I, стр. 122); русскій переводчикъ напрасно перевелъ его словомъ «повинность». Оно стоитъ рядомъ съ словами: подвода, веревки (аргамджи), т. е. въ числѣ предметовъ, необходимыхъ при вьючкѣ, которые собирались съ народа въ случаѣ похода.

трава чӧб.
тростникъ камыш.
труба пӱрѐ.
трупъ синэх (кости?)
тупой игли имэсари (?).
тушить от сӧнмишь.
тѣнь илянкут.
тяжелый агыр.

Уголь гӱмыр; уголь въ раскаленномъ состояніи кос.
умъ юмыль (?).
уполовникъ шинага.
устье (рѣки) узень адаги (ср. босой, ступня).
утесъ (каменный) шибан кая.
утка пат, су-пат.
утомиться ятà, ятамиш.
утро этесй (вм. эртэси).
ухо кулах.

Фазанъ сюхӱлюн.

Ханъ падишах.
ха-сы гунъ (см. ч. I, стр. 174) иншедед гун.
хлопчатая бумага мамху бадам (?).
хлѣбà ашлых.
хлѣбъ печеный эммех.
хозяинъ хаванджи.
хозяинъ дома ӱй баши.
холодно суххара (?).
холодная вода сок су.
хорошо якши.
хромой ахсах.
Хуанъ-хэ Мурэн.
худо хачжан (?), яман.

Цвѣтокъ чичжек.

Чайникъ мѣдный тангын.
чайникъ или кружка для воды тангын.
чалма тастар.
чашка большая фарфоровая сандзы.
чашка чайная джунрэ.
чело печи, гдѣ огонь горитъ очаг, очакй.
человѣкъ киши.
челюсть янах (янах).
червь гут.
черный кара.
четки тесьпигà.
чистый арй; не чистый ари имес.
Читай-коу (рѣчка) Моголъ-голъ.
читать уху.
чортъ шитан, иблис.
чохъ, пришитый на шубѣ ребенка[1]) хали.
чулки, сшитые изъ дабы ленга.
чулки шерстяные мууары (?).

Шанъ-сы гунъ (см. ч. I, стр. 174) уредед гун.
шаровидный кулюлух (?).
шапка цворах (ворах?).
шелкъ товар.
шерсть юн.
шея пуйни.
шить (шубу) тон чихкурй (?).
шишечка на шапкѣ сигмэ, тигмэ.
шкура тере.
штаны иштан.
шуба тон.

Щека ӱзи (ср. лицо).
щенокъ инчхолà (?).
щипцы желѣзныя для углей темир ходжу.

Есть дже.

Яблоко алима.
ягненокъ кòзы.
ядъ агу.
языкъ тиль.
яицо юмыта.
яръ (скала) кая.
ящерица илян кенделих.
ящикъ сандуχ.

Счетъ.

1 пир
2 ишки (икки?)
3 ӱш
4 тӧрт
5 пи
6 алчи
7 иди (йиди?)
8 сэкиз
9 токуз
10 он
20 джигирме
30 отуз
40 кырых
50 илэ
60 алмышь
70 итмышь (йитмишь)
80 сэксэн
90 токсан
100 юз
1000 мин

[1]) Вмѣсто амулета.

Фразы.

Приди вагур (=вар+?); не приходи вамас (=вармас?)
Садись отур
Не будетъ больмайдур
Моя жена мени кени (=менинг келінім).
Моя шапка больше твоей менин сурах (ворагымъ) сяниге сурахка (сенин ворагымда) бакша уллари (бакса (?) уллурах)
Читайпу меньше чѣмъ Сюнъхуатинъ? Читайпу Языбазар вохса (бакса?) кичидур.
Сюнъхуатинъ больше. Языбазар джадых дур
Желтая рѣка больше рѣки Читайкоу. Мурен увене агса уллари (бакса уллурак?)
Довольно ли? огар му ому гар? (?)
Эта лошадь моя. Ву ат мининги дур.
Это что? пу нан дур (не дур?)
Это что за вещь? пу нан во дур?
Какого цвѣта? нанъ янши дур?
Какого поколѣнія? сень нань дур?
У тебя сколько сыновей? сан да огул (н) эчи бар?
Сколько лѣтъ? (в?) эчи яш олмышъ?
Въ году двѣнадцать мѣсяцевъ пиръ илъ он икки ай.
Десять деревень он агыл
Ты саларъ ли? сень салыр дуру?
Если у тебя есть деньги, дай мнѣ. Сенинги хелли воса (боса=болса?) мада учылета (?) верь.
Дай мнѣ желѣза сянь мада темыр (биджи) вер.
Выйди (и уходи) сянь чикта вар.
Войди сянь гердэ гель!
Огонь зажги от калагур!
Вари аш кайнакур!
Жарь мясо эт лоулагур!
Пляши соджахла (?)
Пой пѣсни ирла.
Играй уйна!
Скажи сказку пифан кой! (?)
Продай мнѣ мада сату берь
Скажи! сянь бирь яйша (янша?)
Скажи по-китайски! хаджу сёзь яйша (янша?)
Здравствуй (здоровъ ли?) сянь яхши му?
Прощай энкечи (?)
Мой, вымывай! ю!
Зарой (въ землю покойника)! кўм!
Ты много не говори! сень кёб яншама (яйшама?).
Вставай хоб
Отвори дверь коони аш ср. дверь.
Затвори дверь коони яб.
Возьми твою (мою?) шапку сянь ворах мала гуре (ен ворагым ала+?).
Дай мнѣ еще одну чашку воды сянь мада йене пирь санзу су верь.
Дай мнѣ три свѣчи сянь мада ўш ла верь.
Еще дай одну йене бирь верь седет (?).
Иди, напой лошадь ат суарма вагур.
Корми курицу тох асрагур.
Скорѣе! ниган! ниган!
Тише поѣзжай! асаган юри.
Знаетъ или нѣтъ? билерму билмесму?

Ты что сказалъ? сень нан янша (яйша?) дур?
Ты мои слова къ чему записываешь? Сень муни уркени (ты этому учился?) нан иткури?
Здоровъ ли онъ или боленъ? агрыджи му агырмаджиму.
Это не твоя ли шапка? бу сень зорагынг му емесму.
Знаешь ли по китайски? сянь хачжу сӧзь билер (синму) бильмес (синму).
Вы гдѣ живете? сянь кайссы агылда пейджи (?).
Ты слышалъ ли? сянь ишиттингму?
Дождь идетъ ягмур ягджи.
Снѣгъ идетъ кар ягджи.
Ледъ таетъ мус ириджи.
Вода (ледъ) смерзается мус тонгджи.
Разсвѣтаетъ (заря занимается) этеси асманъ шуулан парари.
Смеркается (заря потухаетъ) кишлих асман туулан парари.
Я сплю мень ячих пар (?).
Мы пашню не пашемъ писер джунге (?) ихмес.
Другой человѣкъ караулитъ пашка кши кула кулих (?) кӱткӱджи.
Жаждетъ усаду [монг. ондасчи)
Я думаю этотъ человѣкъ богатъ, дастъ тебѣ серебра. Мянь сеньохса (?) бар кши ара (?). Санга кӱмышь вериръ.
Я боюсь мянь хоргура.
Солнце всходитъ кӱнь чик кельджи.
Солнце закатается кӱнь патти.
Въ этой землѣ нѣтъ змѣй бу тифанда илян йохтур.
Солнце высоко кӱнь запари (?).
(Городъ) Сюнъ хуатинъ (стоитъ) на этой сторонѣ Желтой рѣки Языбазыр Мурен бей янде бар.
Баянъ жунъ стоитъ на той сторонѣ Беин базыр Мурен ол янда бар.
Моя родина лѣсиста, Мини тифанда тал кӧпбар (?).
На моей родинѣ есть вязъ. Мини тифанда каргашь тал бар.
Я сытъ (я напился?) мянь ишиб тойджи.
Я покупаю мянь алгы.
Ты правду говоришь сянь сэй (?) яншаджи (яйшаджи?).
Ты дорого просишь, я не возьму сенинге пу купари (?) мянь алмас.
Если дешево, возьму, если дорого, не возьму ав воса (боса?) алгури, кыпос (кӧп боса) алмас.
Мнѣ надо лошадь манга аттур келигари (манга ат керекъ).
Ты когда пріѣхалъ? сянь качан кельджи?
Я вчера пріѣхалъ. Кедже кельджи.
Ты откуда пріѣхалъ? сянь кадан кельджи?
Я пріѣхалъ изъ Ланьчжоу. Мянь Ланьчжоудань кельджи.
Куда поѣхалъ? кала вагуре?
Я ѣду въ салары салар вахури.
Положи эту книгу на столъ курени ширга кой.
Я положилъ мянь койджи.
Ты спишь или нѣтъ? сянь ячиму ямачиму?
Огня надо или нѣтъ? от келивур му келивермес? (?)
Веревку надо или нѣтъ? урхан келивур му келимес?
Какъ тебя зовутъ? сени адини нан дур?
Меня зовутъ Яхія, мининг адимъ Яхія дур.
Живъ ли твой отецъ? сени аба варму?
Мой отецъ умеръ. Мени аба ӱльджи.
Усталъ ли? ядаджи му?
Этотъ домъ чей? бу ӱй кемниги дур?
Тебѣ на что желѣзо? темыр санга нан юлла пер?
Влезетъ или нѣтъ? отыл гар му отыл ма гар.
Есть ли досугъ? Бошагари му бошамагари.

Прежде что было? эча ил боумишь (?).
Эта вещь въ какой цѣнѣ? муни эчэ келигуре?
Я тебѣ сколько долженъ? мянь сянидангу камурари (?).
Куда ѣдешь када варари?
Вспотѣлъ терь чикти.
Написалъ бичиджи.
Отвѣтилъ джуаб берьди.
Мою ногу собака укусила Мин (менин?) аягым (адагым?) ист каджагар.
Проголодался ачихчи (монг. олусчи).
Человѣкъ умеръ, мясо сгнило, остались кости. Кши ӱлер, этти ӱхӱлер синэх чикилер.
Я пахалъ пашню мянь яхпар (?):
Ты ошибся, сказалъ. Сянь эйшаган туйля мара (?).
Ты правду сказалъ. Сянь джингача яша (яйша, янша?).
Я въ эту ночь спалъ (пребывалъ) въ твоемъ домѣ. Сяниниге ӱйэндэ мянь берь уторе.
Эта женщина родила шесть дѣтей бу катын кши алчи тугмышь.
Женщина овдовѣла катын-кши гуисы ӱльмишь.
Женился кени альджи.
Я зажегъ огонь мянь от калагур.
Всѣ дрова сгорѣли отын калаб тосчи.
Ты совралъ сянь ялган чачиб парари.
Если буду живъ, снова сюда пріѣду бугус вэймэс арджи кэз вегуре (?).
Принеси чайникъ. Я попью чаю. Чаху алдыгель. Мянь чай ишикуре.
Я въ вашу землю возвращусь. Мянь сенинге тифанга вагуре.
Въ будущемъ году вы будете ли пахать? итса гунь (?) чунге икур му ихмес.

Ямынские люди возвратились въ деревню Ничжа; мандаринъ города Няньбо не далъ имъ письма; онъ желаетъ, чтобъ я пріѣхалъ въ городъ Нянь-бо, но я имѣю дѣло въ Сань-чуани и буду зимовать здѣсь, а въ городъ Нянь-бо не поѣду. Поэтому прошу ямынскихъ людей не обвинять.

Ямын кши Ничжага игамаишки ян (?) кельджи; Мембе-лоѣ джола кельджи; унщу туладжи; Мембе-лоѣ, мени курмей, хуйун уймеджи. Мянь Ушь-чжуань-да кышь уджей ухкуре. Мембе-бавырга уамас. Бу ишки кшиня уруӱхкума, нэмэ эйшама.

Это письмо на саларскомъ языкѣ я писалъ подъ диктовку сюнъ-хуатинскаго я-и, родомъ салара. Писано оно изъ деревни Ничжа въ городъ Сюнъ-хуа-тинъ къ тамошнему мандарину. Проводивъ меня до дер. Ничжи, сюнъ-хуатинскіе я-и прошли далѣе въ городъ Нянь-бо, чтобы отъ мандарина этого города получить оправдательный документъ въ томъ, что они благополучно меня доставили въ вѣдомство нянь-боскаго мандарина. Но послѣдній отказался дать имъ такой документъ; онъ требовалъ, чтобъ я-и доставили меня непремѣнно въ городъ Нянь-бо, чтобы онъ собственными глазами могъ убѣдиться въ моемъ существованіи. Я-и вернулись въ Ничжу и стали упрашивать меня ѣхать въ Нянь-бо и представиться мандарину, иначе имъ придется вернуться въ Сюнъ-хуа-тинъ безъ письма и мандаринъ этого города взыщетъ съ нихъ. Для меня не было разсчета расходовать на эту поѣздку ни денегъ, ни времени, ни физическихъ силъ, съ единственною цѣлью, удовлетворить желаніе одного изъ китайскихъ мандариновъ увидѣть западнаго человѣка, котораго онъ, повидимому, ранѣе не видѣлъ. Я уговорилъ я-и ограничиться тѣмъ, что я имъ дамъ письмо къ сюнъ-хуа-тинскому мандарину, оправдывающее ихъ.

IX.

Собраніе словъ нарѣчія хара-ёгуровъ.

Армякъ ўрюм.

Бабочка кевели.
берегъ каѧ.
большой бӧзюк.
братъ младшій дюгэ.
братъ старшій гогӧ.
бумага (писчая) кегде.
бѣлый ак.

Верблюдъ тіѣ.
вода су.
войлокъ кигис.
волкъ тэрдыѧ.
волосы сашъ.
воробей ютчу кышкаш.
востокъ уньдун.
вѣтеръ ель.

Гань-чжоу (городъ) Гамсы.
глаза кӧз.
годъ джил.
голова пашъ.
голубой кӧк.
гора таг.
городъ чын.
грива лошади яль.
грудь женская хэмык.
губа агсыѧ яка.

Деревня чжонза.
дерево ягашъ.
дорога йолъ.
дитя мала.
домъ (постоянный, не палатка) хомэй.
дѣвица кыз.
дядя по отцу абга.
дядя по матери дагай.

Жарко исик.
желтый сарык.
желудокъ гчег (ичег?).
желѣзо тэмір.
женщина саждык.

Западъ арт.
звѣзда юлтус.
зеленый ясыл.
земля, ерь.
земля, пыль торвакъ.
золото алтын.
зубъ тись.

Императоръ китайскій еджен кан.
ирбисъ эсыр.

Камень тас.
китаецъ кытай.
князь, господинъ пэг, пэк.
кобыла пи.
козелъ шуко.
копыто тюяк.
корова ӧкўз.
корень ильдис.
коса чок.
красный кызыл.
кротъ манан сокур.
крыло ханат.

Ледъ бось.
лисица тўлькў.
лицо юз.

лошадь ат.
лукъ стрѣлебный я.

Маленькій кичик.
мальчикъ уган (углан?).
мать ана́.
медвѣдь джитпын.
мужчина ерень.
мышь шышкан.
мышь водяная сочугус.
мышь летучая сарсын ханат.
мѣдь желтая голá.
мѣсяцъ ай.

Небо тэнгри.
нога пут.
ноготь тырнгак.
ножикъ пчак.
носъ кангрык, тонграк.

Облако пулут.
овца кой.
озеро нур.
орелъ, беркутъ гàйрэ.
отецъ аджа.
очагъ аджагыс (?).

Палецъ тырмак (?); большой бас эрмэк; указательный сукулык (сук-кол?); средній урсамык (уртамык?); безымянный аджокэлык (ады-йок-кол?); мизинецъ хетагамак.
песокъ кум.
подошва ноги азактынг табакы.
пометъ (кизякъ) овечій джил, коровій харгал, конскій ендак.
птица кус.
пятка зонай.

Рогъ муус.
рубаха ялмá.
ружье пу.
рука кол; кисть руки элык.
рукавъ енгь.
ротъ агс.
рѣка ггол [1]).

Сапогъ кутул.
сердце юрэк.
серебро кӱмӱс.
слово сӧзь.
снѣгъ хар.
собака эшт.
солнце кӱнь.

[1]) Два гг вмѣсто гортаннаго г.

соль туз.
стрѣла ок.
ступня ноги азак.
сухой kак.
Су-чжоу (городъ) Сукчю.
сырой ульдуру (öl дуру).
сѣверъ говӱ.
сѣноставка (Lagomys) тас иртканá.

Табакъ тамак.
тангутъ тат.
теленокъ ярма, шят.
тигръ барс.
товарищъ нэкэр.
трава от.
турпанъ (Casarka rutila) галӱ.

Удодъ (Upupa epops) кукугат («лошадь кукушки»).
ухо гулак.

Хвостъ кудругъ.
холодно тонг.
хорошо якши.
худо юз (йуув? йауз?).

Царь кан.

Чашка аяк.
человѣкъ кси.
черный кара.

Шапка пӧрӱк.
шелковая матерія тавар.
штаны ӧмь.
шуба дон.

Югъ юрӱ.
юрта ӱй.

Ягненокъ кòза.
ястребъ карчигай.
ящикъ харчак.

Счетъ.

1 пирь.
2 шикэ.
3 ӱшъ.
4 тюрт.
5 пэс.
6 алты.
7 еты.
8 сакыз (секиз?).
9 токуз.
10 он.

11 пэре герме (?).	40 кчон (?).
12 шике герме (?).	50 бесон.
13 уче герме (?).	60 алтон.
18 сакше герме (?).	70 едон.
19 токси герме (?).	80 саксон.
20 егерме.	90 токсон.
21 пэрь отуз (?).	100 юз.
22 шике отуз (?).	1000 пэрь мӹн.
30 отуз.	10,000 пэрь ак.

Фразы.

Дѣнадцать годовъ цикла: барсъ, тусканъ, улу, иланъ, атъ, кой, педжинъ, така, ишть, том:усъ, шышканъ, бгӱзъ.

Есть или нѣтъ? пар ма йок па?
Знаешь ли? билдыр ма?
Не знаю пилмэс туру.
Приди гель.
Принеси кэгирь.
Куда пошелъ? кайга мӓ:дуру.
Стемнѣлось тюнно олуб туру.
Дождь идетъ тӭ:ри я̈:кытуру.
Громъ гремитъ улу куркерене.
Радуга явилась солонго тусубтуру.
Солнце сѣло кӱнь иргады.
Куда поѣхалъ? кага мӓ:ды?
Вода глубока хсун (?) бузӱк тур.
Запри дверь ысыкты соло (?).
Отвори дверь ысыкты ашь.
Завяжи пог.
Развяжи язь.
Пей чай ча аша.
Ѣшь (кушанье) сумен аша.
Ножикомъ пчак биле.
Бумагой кегде биле.

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ,

ВСТРѢЧАЮЩИХСЯ ВО II-МЪ ТОМѢ.

Сокращенія: б. богъ, б. ж. божество женское, г. гора, грд. городъ, дер. деревня, ж. п. женскій персонажъ, зв. звѣда, зм. змѣя, кам. камень, кн. книга, лош. лошадь, м. п. мужской персонажъ, мог., мог. нас. могила, могильная насыпь, мон. монастырь, мѣстн. мѣстность, нар. народъ, оз. озеро, онг. онгонъ, остр. островъ, пт. птица, пл. племя, покол. поколѣніе, р. рѣка, соб. собака, созв. созвѣздіе, хош. хошунъ, хр. храмъ, чуд чудовище.

Абага-биге, Абга-биге, ж. п. 208.
Абай-Гэхэръ-Богдоханъ, м. п. 66, 73—93, 95, 97—116.
Абарга-могай, зм. 66, 299.
Абарга-Сэсэнъ-мангатхай, чуд., 94, 95, 101, 115.
Абатай-саинъ-ноинъ-ханъ, Абутай-с.-х., м. п. 117, 121, 122, 124, 206, 207, 209, 210, 214, 221—224, 337, 340, 346.
Абахай-дагине, ж. п. 208.
Абахай-зандынъ, ж. п. 136.
Абахай-цэцэкъ, м. п. 208.
Абга-биге, ж. п. 208.
Абрикъ-могай, зм. 161.
Абутай, см. Абатай.
Абымъ-бомъ, мѣстн. 338.
Абырга-могай, Абырга-могой, зм. 175, 182.
Абырганъ, зм. 296, 334.
Авалокитешвара, б. 117, 206, 208, 210, 214, 222, 227, 228, 262.
Аву-тончжанъ, м. п. 4.
Аву-тончжинъ, м. п. 4.
Аву-тончжунъ, м. п. 4, 5.
Агамъ-огусъ, 325.
Агъ-ене, б. 317.
Агыръ, соб. 118.
Адай-дархаты, пл. 245.
Аджинай-хара-балыръ, мѣстн. 141.
Аджинтай-мергенъ-ханъ, м. п. 140—143.
Адзыръ, соб. 143.
Адиль, р. 278.
Аднынъ-торо-алактай, м. п. 122.
Адыя, зв. 317.
Азыръ, соб. 184, 185.
Аи-бамза-бомбчиръ, ж. п. 8.
Айдагулъ, м. п. 212.
Аи-дурсы, ж. п. 18.
Аи-тоенъ, м. п. 324.
Аи-Цомэнъ, ж. п. 44.
Аи-Шонгри, г. 44.
Аи-шугму, ж. п. 44.
Ака-Чотонъ, Аку Чотонъ, м. п. 38, 40, 41, 117; см. Чотонъ-чжаву.
Аксага-ашякъ см. Атучи—А.—а.
Аксагалъ-бадай, м. п. 123.
Аксакъ-Темуръ, Акс.-Тимуръ, м. п. 127, 274.
Аксаръ, м. п. 121.
Аку-ртомба, м. п. 168—170.
Аку-Чотонъ, см. Ака-Ч.
Акъ-бибе, ж. п. 280.
Акъ-кибякъ, м. п. 121.
Акъ-кобокъ, м. п. 120—122, 333, 384.
Акъ-кубуль, м. п. 121.
Акъ-кочча, покол. 120.
Акъ-ханъ, м. п. 119.
Алань-гоа, Алань-гова, ж. п. 186, 239.
Алашань, г. 248, 299.
Алгинскій мысъ, 278.
Алдаръ-Эрхэмъ, м. п. 135.
Александръ, м. п. 139.
Алёша-поповичъ, м п. 189.
Алма-Моргонъ-Абахай, А.-М.-хатанъ, ж. п. 76, 77, 86—92, 100—102, 108, 115.
Алмасъ, чуд. 351.
Алобэнь, м. п. 257.
Алтай, г. 131, 212.
Алтайдынъ-кіпдічі, оз. 332.
Алтаннъ-сайнъ-сумэ, м. п. 123.
Алтанъ-гадасунъ, зв. 330.
Алтанъ-Гартай, м. п. 224.
Алтанъ Гасунъ, зв. 330.
Алтанъ-гатысъ, А.-гатыхъ, зв. 386.
Алтанъ-мундурга, г. 384.
Алтанъ-сэсэкъ, ж. п. 122, 143.
Алтанъ-тебши см. Алтанъ-хангай.
Алтанъ-тугулъ, г. 252.
Алтанъ-тэнгэри, м. п. 45.
Алтанъ-Ула, г. 45, 83.
Алтанъ-унага, г. 252.
Алтанъ-хаганъ, м. п. 248, 284.
Алтанъ-хангай-алтанъ-тебши, мѣстность, 269.
Алтанъ-ханъ, м. п. 219, 326.
Алтанъ-ханъ туметскій 191, 192.
Алтанъ-ходого, м. п. 331.
Алтань-гасу-цилу, г. 127, 331, 332, 339.
Алтынъ-аргуй, колчанъ, 160.
Алтынъ-бургэ, г. 307, 308.
Алтынъ-гадасы, зв. 330.
Алтынъ-гасу, г. 213.
Алтынъ-гатысъ, зв. 330.
Алтынъ-мелекей 350.
Алтынъ-одунъ, зв. 330.
Алтынъ-ола, г. 296.
Алтынъ-суме, кум. 236.
Алтынъ-тебши, мѣстн. 267.
Алтынъ-ту, г. 332, 252.
Алтынъ-хаганъ, м. п. 257.
Алтынъ ханъ китайскій, м. п. 331.
Алтынъ-хасынъ, зв. 126, 330.
Алтынъ-хатасунъ, А.-хатасынъ, А.-хатысынъ, А.-хатысъ, зв., г. 130, 213, 273, 330—332, 335, 336, 339, 384.
Алтынъ-чечекъ, ж. п. 267.
Алыгла-сэнъ, м. п. 301.
Алыкъ-дева-сэнъ, м. п. 240.

Алмъ-ола, г. 267, 296.
Альбатинъ, страна 107.
Аль-Кадимъ, м. п. 333.
Альтальджинъ, созв. 326.
Амагасадзячи, м. п. 138.
Ама-донзама, ж. п. 5.
Ама-нгиэа-хламу, ж. п. 5, 7.
Ама-нниму, ж. п. 19, 20, 23.
Амбагай, м. п. 211.
Амдо, страна 204.
Ами-кургэль, м. п. 16, 285; см. Чими-ами.
Амиранъ, м. п. 214.
Ами-Сахидакъ, м. п. 44.
Амитаба, б. 258.
Аммонъ, б. 139.
Амурсана, м. п. 126, 130, 281, 336.
Аминъ-цаганъ-бюрю, м. п. 146.
Амырга-могусъ, чуд. 126.
Амыръ-тамыръ, б. ж. 198.
Анагуй-ухаръ, м. п. 168.
Ана-мергенъ, ж. п. 329.
Анӓ солимъ, ж. п. 123.
Ана-хуань, м. п. 279.
Ангуръ-лончжа, м. п. 258.
Ангуръ-шихъ, м. п. 257, 258.
Андалма, чуд. 325, 334, 339.
Анджасы-хоту, созв. 326.
Анджюсонъ-хотунъ, созв. 326.
Андзалъ. м. п. 222.
Андзынъ-хурумчи, м. п. 128.
Андрей Критскій, м. п. 247.
Андрей юродивый, 214, 215, 246.
Андронъ, м. п. 337.
Андури, б. 248.
Ане-гома-чжаму, б. ж. 4, 7, 9. 11, 18, 21, 22, 24, 27, 30, 31, 36, 37, 122, 315, 316.
Ане-чжаму, м. п. 40.
Анзанъ-Бэрхэ-батаръ, м. п. 61.
Анзанъ-Шумаръ-батаръ, м. п. 61.
Аника, м. п. 333.
Анисимъ, м. п. 274, 280.
Анкӓсы-бабӓ, м. п. 256.
Анпу, м. п. 218.
Ансаръ, м. п. 121.
Ану-Гали-Гванченъ, м. п. 44.
Анчжясы-хоту, созв. 326.
Анчи анду-шира, м. п. 222.
Анчинъ, м. п. 222.
Анъ-Аджырга, м. п. 126.
Анъ-алай хотунъ, ж. п. 346.
Анъ-аргылъ-оюнъ, м. п. 324.
Анъ-Богдоръ, м. п. 207.
Анъ-далма-моосъ, чуд. 129.
Анъ-Дӧлмӧнъ, м. п. 325.
Анъ-дулманъ-ханъ, м. п. 339.
Апанбу, м. п. 121.
Аполлонъ, б. 239.
Арангасъ-сулусъ, созв. 332.
Аранзула, лош. 124.
Араха, м. п. 346.
Арахалунъ, м. п. 316.
Арахи-бурханъ, м. п. 283, 346.
Арахо, чуд. 339.
Арахола, м. п. 316.
Араху, чуд. 317, 346.
Арахъ, зв. 317.
Арахъ, Арахы, чуд. 346.
Араче, г. 230.
Арашъ, лош. 125.
Арбальчжи, ж. п. 267.
Арбанъ-хонръ оду, созв. 340.
Арга'анъ, Аргаганъ, покол. 334, 347.
Аргасъ-сулусъ, созв. 332.
Арга-чаганъ-туулай, м. п. 317.
Аргинец, нар. 347.
Аргоны, нар. 347.
Аргылъ, м. п. 127, 276, 332; см. Анъ-А.
Аргынъ, покол. 347.
Арджи-борджи, м. п. 136, 137, 139, 140, 208.
Ардунъ-масъ, дерево 333.
Арже-Буржэ-ханъ, м. п. 129.
Аріадна, ж п. 218.
Аркаръ, созв. 324.
Аркаунъ, нар. 347.
Армури, м. п. 120.
Арсланъ, м. п. 136.
Архаунъ, Архаюнъ, нар. 135, 347,
Ары-богдо, м. п. 296.
Арынъ-Саганъ-ханъ, м. п. 129.
Ары-тайджи, м. п. 296.
Арья-Вало, Арья-Пало, б. 161, 168, 189, 208, 210, 222, 225, 227, 229, 247, 248, 303, 325, 342, 346, 347.
Асафъ, м. п. 246.
Асена, м. п. 272.
Асока, м. п. 218.
Асухэнъ, ж. п. 273, 346.
Асхитту, р. 306.
Асъ-Джанибекъ-ханъ, м.п. 146, 383.
Асынъ, м. п. 120, 122, 125—127, 213, 332 — 334; см. Чингинъ-Асынъ.
Асыръ, соб. 118, 327, 329.
Атагатуйскіе враги Гэхэра 74.
Ата-Уланъ-тэнгэри, 46, 51—56, 58, 59.
Атгыръ-Хара-Муусъ, чуд. 114.
Атель, р. 278.
Атилла, м. п. 270, 278.
Атиль, р. 278.
Атли, м. п. 270.
Атучи-Аксага-ашикъ, м. п. 125.
Атхаръ-хара-мангысъ, чуд. 131.
Ахиллъ, м. п. 245.
Ахсартагъ, м. п. 122.
Ахъ-сагалъ, м. п. 123.
Ачитъ-норъ, оз. 213.
Ашемезъ, м. п. 124.
Ашена, Ашина, м. п. 121, 272, 289.
Аю-чикты, м. п. 208.
Алии-Самба-гарву, м. п. 40.

Бабудакъ таукай, Б.-таухуа; ж. п. 307, 319.
Бага-еджень-хоро, ставка 269, 303.
Багдадъ, грд. 192,
Багыръ, соб. 118,
Бадай-Цаганъ, м. п. 123.
Бадаргата см. Галъ-б.
Бадарнигой-Цаганъ-тынгыри, м. п. 123, 244.
Баджоу, мѣстн. 386.
Баджоу-ламани-субурга, башня 386.
Бадзыръ, соб. 143.
Бадъ-барахъ, мѣстн. 307.
Базаръ, р. 212.
Базыръ, соб. 184, 185.
Байбарахъ-бельчиръ, мѣстн. 307.
Бай-бука, м. п. 255.
Байдарикъ, р. 307.
Байкалъ, оз. 212, 214, 297.
Баинъ-Сумбуръ, г. 386.
Баинъ-Цундуръ, г. 248.
Баинъ-ундуръ, г. 248,
Байргастэ, м. п. 137, 138,
Банырганъ-ата, мѣстн. 258.
Балахай, ж. п. 339.
Балбэ (Непалъ), страна 205.
Балуръ-саганъ-тэнгэри, м. п. 60; см. Болуръ.
Балъ-Дорчжи, м. п. 168, 170, 218.
Балыкса, м. п. 328.
Балынъ-са, м. п. 166.
Балынъ-сенге, м. п. 125, 166—168, 170, 218.
Бальджина-нуръ, оз. 280.
Бальджинъ-Хатунъ, ж. п. 280, 281.
Бама-катунъ, кн. 283.
Бама-ханъ, м. п. 139.
Бамбада-Саганъ, м. п. 60.
Бамбахинъ-Бахи-хара, м. п. 61.
Бамба-шиту, м. п. 218.
Банченъ-эрдени, Банчень-э., м. п. 220, 242, 243, 266—268, 271.
Бань-чао, м. п. 266.
Барагунъ-туметы, пл. 245, 273.
Барасъ, онг. 276.
Барга-баторъ, м. п. 280.
Барса—Кильмэсъ, м. п. 143; остр. 339.
Барсъ, м. п. 126.
Барсъ-Ирбисъ, м. п. 126.
Барунъ-хитъ, мон. 299.
Барчинъ, соб. 158—160.
Варъ-убугунъ, онг. 276.
Васангъ, Басынъ, зв. 317, 327.
Баскунчатское оз. 214.
Басынъ см. Басангъ.
Басыръ, соб. 118, 327, 329.
Батиразъ, м. п. 117.
Баторъ-Сокто-моргонъ, м. п. 285.
Бату-менко, м. п. 319.
Батыръ ванъ, м. п. 310.
Батыръ-бэли, м. п. 245, 247.
Батыръ-моосъ, Батыръ-муусъ, м. п. 248, 284, 339.
Батыръ-Чонунъ-бэйли, м. п. 281.
Бахи-Хара-батаръ, м. п. 61.
Балынъ-Намсрынъ, б. 341.
Балынъ-сулу, ж. п. 119.
Балынъ-суме, грд. 288.
Балынъ-цумбуръ, г. 248, 335.
Бегдози, б. 303.
Бектеръ, м. п. 247.
Белгетей, м. п. 274, 296.
Беликтуй, м. п. 296.
Беранъ-сенгданъ, мѣстн. 122.
Бикаръ-Мадзиди, м. п. 139, 165.
Бикэ чилгэръ, м. п. 271.
Билигинъ гэрь, лош. 114.
Би-лу-жень, м. п. 190.
Бильгыйинъ-кере, лош. 114.

Билючи, ж. п. 382.
Бима, грд. 191.
Бирдиктынъ, страна 89, 90.
Бирюдзана, б. 190.
Битью, м. п. 149.
Вія р. 214.
Бобырганъ, г. 213, 214, 334.
Бова-королевичъ, м. п. 119.
Богасъ, р. 212.
Богдо, г. 214.
Богдо-Гэсэръ, м. п. 128, 186; см. Гэсэръ.
Богдо-еджень, м. п. 312.
Богдо хурэ, мон. 281.
Богдо-Эдзэнъ, м. п. 118.
Бӧгбдзи, ж. п. 270.
Боголъ-Мечинъ, м. п. 129.
Богорчжи, Богорчу, Богорчи, м. п. 123, 244, 245; см. Кулукъ-Б., Боорчи.
Богски, созв. 328,
Богурчжи, Богурчи, м. п. 123, 244, 245.
Водай, м. п. 245.
Бодонджаръ, Бодонцаръ, Бодончаръ, м. п. 186, 274, 296, 386.
Водотъ, м. п. 274.
Бодунтай, м. п. 254.
Бодунъ см. Одунъ.
Бодунъ-цоросъ, м. п. 274.
Боду-тюбъ-ханъ, м. п. 133, 134.
Бӧке-Чингэръ, м. п. 209.
Болго, м. п. 255.
Болдзотенъ - боро - тологай, холмъ 157, 158.
Болдзотэнъ-ула, г. 132.
Болуръ-Саганъ, м. п. 45. См. Балуръ.
Болхо, м. п. 247.
Больчжотенъ-боро-тологой, г. 134, 185.
Большая Медвѣдица, см. Медвѣдица.
Бомборинъ-Саганъ-тэнгэринъ, м. п 60, 78, 108.
Бо-нонинъ, м. п. 277.
Бонякъ Шелудивый, м. п. 211,
Боорчи, м. п. 123, 244.
Борджигиты, покол. 123, 245.
Борма-ярыжка, м. п. 117.
Бӧро-балгасунъ, мѣстн. 293, 296, 298, 384.
Боролгонъ-Саганъ, м. п. 60.
Бородзой-обогонъ, м. п. 186.
Боролтай-ӱбӱгӱнъ, м. п. 170, 171.
Боролтай-ханъ, м. п. 140—142.
Боролтай-ху, м. п. 184—186.
Бӧрбӧнъ-тэнгэри, 52, 53, 56,
Боро-тологой, г. 163.
Бортѣ-(фучжинь), ж. п. 222.
Бортэ-фуджинь, ж. п. 271.
Борчжи, м. п. 244.
Ботакызъ, ж. п. 120.
Вохакъ, м. п. 209.
Бӧхӧ-Бэлгэтэ, м. п. 45, 47—50.
Боходи-хара, м. п. 324.
Брибинъ, мон. 14.
Брикурти; б. ж. 117.
Бубэй-бэйлэ, м. п. 280, 281.
Буга, б. 216.
Буга-нонинъ, м. п. 255.
Бугасъ, р. 382.
Бугу-Сальжи, м. п. 296.
Бугу-хатаги, м. п. 296.
Будакъ-шумаръ-батаръ, м. п 60.
Будала, г. 203.
Будэ-Уланъ-батаръ, м. п. 78, 108,
Будда, м. п. 190, 206, 207, 210. 217, 222, 239, 252, 319, 337.
Буди-Уланъ-батаръ, м. п. 60.
Будуй-джиркынъ, м. п. 324.
Будургу-сагант тэнгэри, 123.
Бузыкай—таракай, м. п. 119.
Буйрукъ-ханъ, м. п. 215, 255.
Бука-ханъ, м. п. 215.
Булганъ-хара, м. п. 255.
Булгунъ-Абахай-цицинъ, ж. п. 208.
Булотъ-хуре, м. п. 126, 208.
Буникка, м. п. 216.
Буня ка Шолудивый, м. п. 211.
Бура, м. п. 325.
Бури-боко, м. п. 336.
Бури-ханъ, м. п. 336.
Бурте, Буртэ, ж. п. 209, 271, 885.
Бурте-фучжинь, ж. п. 209.
Бурте-чино (жена Чингиса), 209.
Бурте-чино, покол. 120.
Буртечино, Бурте-чоно (предокъ моголовъ), м. п. 121, 280, 289, 336.
Бурте-эртени, ж. п. 208.
Бурто, соб. 209.
Бурто, онгонъ, 208, 209.
Буртэ-убугунъ, м. п. 208, 223.
Бурханъ-бакши, б. 164, 228, 229, 236, 255, 337, 349.
Бурханъ-боксинъ-дабанъ, г. 337.
Бурханъ-Галдунъ, мѣстн. 303.
Бурьтакъ-тэнгэринъ, 46.
Бурьтынъ, онг. 208, 209.
Бурэнъ-тэнгэринъ, 46; см. Бӧрбӧнъ.
Бутъ-тэнгри, м. п. 191, 192.
Буха, м. п. 255.
Буха-нонинъ, Б.-нойонъ, м. п. 168, 255, 273, 277, 283, 324, 384.
Бухаръ, лукъ 45.
Бухо-носенъ-бабай, м. п. 384.
Бухтанъ-Бухтановичъ, м. п. 186.
Буху Беликтуй, Б.-биликтуй, м. п. 213, 296, 346.
Бѣлая Дара-экэ, б. ж. 206.
Бѣлгутай, м. п. 296.
Бѣлогорское село, 278, 383.
Бѣлый Юджіянь, м. п. 325.
Бэгэръ-Меджитъ, м. п. 138, 193, 165.
Бэджинъ-сулганъ, см. Бэжинъ.
Бэдуху, ж. п. 124, 130.
Бэжинъ сулганъ, дворецъ, 216, 218.
Бэктэръ, м. п. 274.
Бэмбо, Бэмбу, Бэмбэ, зв. 317, 327.
Бэрхэ см. Анзанъ-б.
Бюръ-тастаганъ, г. 382.
Бянъ-ду-коу, р. 301.

Вавилонъ, грд. 128, 139, 244, 332.
Ваджрапани, б. 207.
Вайрочана, б. 190.
Вайсрамана, б. 302.
Ванчукъ, м. п. 213.
Ванъ кирейскій, В. киреитскій, м. п. 135, 208, 245, 248, 280, 285, 347; см. Ванъ-ханъ.
Ванъ-манъ, м. п. 289, 291, 292.
Ванъ-моръ, м. п. 271, 289—291, 382.
Ванъ-ханъ (кирейскій, киреитскій, хиреитскій), м. п. 139, 266, 267, 276, 279, 285, 307, 346.
Ванъ-янъ-чжанъ, м. п. 287.
Ваньчикъ дзурчитскій, м. п. 222.
Варанаса, Варанаси, грд. 206, 378.
Вейнемейненъ, м. п. 278, 328.
Вейси, Вейси-баба, м. п. 256, 257.
Венера, зв. 129, 209, 329.
Виляли, госуд. 257.
Висваруна, м. п. 246.
Вишешака, м. п. 246.
Вишну, б. 146, 246.
Вишнугупта, м. п. 146.
Вишнусарманъ, м. п. 146.
Владимірка, ж. п. 335.
Владиміръ, м. п. 290.
Власій, м. п. 230.
Воденичарь, м. п. 186,
Возъ, созв. 319.
Волга, р. 214, 278.
Волосожаръ, созв. 324.
Волхъ-Сеславьичъ, м. п. 210.
Вритра, м. п. 246.
Вэйгчжа-сынгэ, м. п. 17.
Вэй-люй, м. п. 125,

Гагенъ, м. п. 270.
Газари-Ганикъ-бохо, м. п. 50.
Галбарсынъ-модо, дерево 253.
Галданъ, мон. 14, 205, 236—240.
Галданъ, ханъ олетскій, 129, 130, 207, 222, 285.
Галданъ бошко, м. п. 126.
Галданъ-бошохту-ханъ, м. п. 310.
Галданъ-дугэръ-хаганъ, м. п. 123, 244.
Галдзаго-Абатай, м. п. 207.
Галдзагу-чингъ-тайши, м. п. 222.
Галдзу-Абуте, м. п. 207.
Гали, м. п. 321.
Галта-уланъ тэнгиръ, б. 329.
Галто, см. Хурмустанъ.
Галчжи, пт. 242.
Галъ-Бадаргата, м. п. 61.
Галъ-Дӧлмӧ-ханъ, м. п. 55, 56, 58, 62, 66, 107—113, 115, 116, 129.
Ганга-Заданъ, м. п. 107—109.
Гангъ, р. 246.
Ганикъ см. Газари.
Ганци-Ментэшъ, м. п. 170.
Ганъ-тимуръ, м. п. 337.
Ганьчжуръ-Танчжуръ, кн. 34.
Гариде, пт. 224.
Гариди см. Ханъ-Гариди.
Гари-оло-чючжуръ, ж. п. 15; см. Нгари-оло.
Гаруда, Гарудн, пт. 146, 224.
Гарчикъ, мѣстн. 236.
Гарчинъ, зв. 338.
Гарыкулъ, м. п. 208.
Гарьюлай, м. п. 262.

Гахай-бакши, м. п. 256.
Гахай-омокъ, м. п. 303, 304.
Гачари, зв. 327, 329.
Гашіунъ-норъ, оз. 213, 219.
Гвардамба, м. п. 200—205, 216, 217, 242.
Гегенъ-ханъ, м. п. 284.
Гегенъ-хотунъ, зв. 338.
Гельбинту, г. 296.
Гени-мачакъ, кн. 267.
Геретинъ, мон. 284.
Гермесъ, б. 127.
Гизонъ-дамба, м. п. 265, 266.
Гикія, ж. п. 383.
Гланъ-Гэсэръ, м. п. 300.
Глынга-глынза-чжигэ, ж. п. 14.
Глынга-джупрэ-нохо, м. п. 3.
Гокчу см. Ерь-Гокчу.
Гокчу-ашякъ, м. п. 120.
Голто-Саганъ-бурханъ, м. п. 45, 58, 86.
Голубиная книга, 351.
Гома-сала, башня, 205; см. Гума-с.
Гомбо-гуру, Гомбогуръ, б. 206, 207, 222, 224, 310.
Гомбу-дорчжи, м. п. 230, 231.
Гомбу-лочжу, м. п. 230.
Гомо-Сэсэкъ-хатанъ, ж. п. 80, 81, 84.
Гоньбо-дорчже, м. п. 364, 369.
Горгона, ж. п. 275.
Горгонія, ж. п. 139.
Горохенъ-годъ, р. 307.
Го-Чикиту, м. п. 208, 247.
Громъ, царь. 186.
Гсыла-рэнченъ, чуд. 11 (ср. Улугсыгла).
Гуань-инъ, м. п. 125, 263.
Гуань-инъ-пуса, б. ж. 189, 222, 225—227, 303, 342.
Гуань-лао-ё, м. п. 125, 261, 263, 264.
Гудруна, ж. п. 270.
Гужиръ, м. п. 126, 319; см. Ханъ-Гужиръ.
Гуйга-сэнчжэ-гэксынъ, мон. 14.
Гуйгэ-гуйза-учюкъ, ж. п. 14.
Гуй-хуа-ченъ, грд. 248, 264, 265, 271, 289, 292, 293, 302, 303, 306.
Гуйцынъ, страна, 4, 168,
Гулагу, м. п. 192, 347.
Гули-Мӧнгӧнъ-Ула, г. 45, 83.
Гуль-гуле, грд. 305.
Гума-сала-субурга, башня 252; см. Гома-сала.
Гума-ханъ, м. п. 275, 331.
Гумбумъ, мон. 236, 251.
Гуменъ-ханъ, Гумэнъ-х., м. п. 80—85, 115, 128.
Гунанъ-Саганъ-тэнгэри, м. п. 45.
Гуна-хара-мангысъ, чуд. 163, 164.
Гунданъ, м. п. 309.
Гунтеръ, м. п. 270.
Гурба-марылъ, созв. 326.
Гурба-мыши, созв. 326.
Гурба-нохой, созв. 326.
Гурбанъ-марылъ, созв. 326, 327.
Гурбанъ-нохой, созв. 328.
Гурбань-сайханъ, г. 383.
Гурбельджинъ-гоа, ж. п. 267, 270, 278.
Гурбесу, ж. п. 128.
Гурбу-маралъ, Гурбунъ—м., созв. 326—328.
Гурбустенъ-ханъ, б. 128.
Гурбынъ бого хогонъ, созв. 328.
Гургулданнъ-гурбунъ-сисынъ, м. п. 144.
Гурте, м. п. 209.
Гурьба-марылъ, созвѣзд. 326.
Гусиное оз., 213.
Гу-ченъ, грд. 268, 264.
Гучжигэнъ-гомбу, м. п. 133.
Гу-ша-н, грд. 304, 305.
Гуши-ханъ, м. п. 281.
Гыгэръ-Меджитъ, м. п. 138, 165, 207.
Гэлгенъ-пи, Гэльгенъ-пи, Гэльгэнъ-пи м. п. 278, 324, 386.
Гэрэлту см. Саганъ-Гэрэлту, Хара-Г., Шара-Г., Хӧхӧ-Г.
Гэрэсандза, Гэрэсэндзэ Джеланръ-хунъ-тайджи, м. п. 273.
Гэсынъ, м. п. 267.
Гэсэръ дортыхъ, мѣстн. 301.
Гэсэръ, Гэсэръ-ханъ, м. п. 2, 5, 6—15, 18—44, 113, 114, 117—122, 124—128, 130, 138, 139, 159, 161, 186, 192, 210, 213, 216, 222, 239, 263, 272, 275, 285, 289, 300—302, 319, 325, 329, 331, 333, 339, 346, 382, 384.
Гэсэръ-мыгджи-джаву, м. п. 203.
Гэхусенъ, м. п. 290.
Гэху-ушень-хуханье, м. п. 289, 290.
Гэхэръ см. Абай-Гэхэръ.
Гэхэръ-ханъ, м. п. 114, 138.

Давань, государство. 125.
Давидъ, м. п. 275.
Дагмалуйжинъ, башня, 205,
Данъ-Тере-Тарханъ-бо, м п. 209, 275.
Данъ-терьхе, м. п. 384.
Дай-сэцэнъ, м. п. 247.
Дай-тарханъ, м. п. 245.
Дайтонгъ-голъ, см. Да-тонгъ-голъ.
Дай-чинъ-сань, г. 292.
Да-курень, мон. 266.
Далай-батырь, м. п. 203.
Далай-куйса, остр. 213.
Далай-лама, м. п. 121, 122, 166, 198, 203, 207, 220, 221, 248, 249, 252, 283, 284.
Далатъ, хош. 269.
Дамбысырь, дер. 44.
Дамдинъ, м. п. 283.
Дамжинъ, м. п. 283.
Дамза, ж. п. 20.
Дангра, оз. 44.
Данило-безсчастный, м. п. 189.
Данило Игнатьевичъ, м. п. 222.
Дань-ша-си-ло, царство 217.
Дара, б. ж. 222, 246, 247, 339.
Дара-экэ, б. ж. 127, 206, 210, 233, 294.
Дареке, пещера. 251.
Дарій, м. п. 139.
Да-тонгъ-голъ, р. 287, 288, 290, 291.
Да-тунъ-голъ, см. Да-тонъ-голъ.
Даянъ-ханъ, м. п. 245, 273, 319.
Девадатта, м. п. 257.
Дедалъ, м. п. 218.
Делгиръ-ханъ, г. 384, 385.
Демичи-еренъ, м. п. 277.
Дерисунъ-хото, см. Дэристу-х.
Джаву-ландеръ, м. п. 233; см. Ландеръ.
Джаву-рембучи, м. п. 198.
Джагыръ-дорчжитанъ, страна 252.
Джалангаръ, м. п. 121.
Джаланкаръ, м. п. 121.
Джалбагай, чуд. пт. 290.
Джалма-оха, м. п. 338, 339.
Джамбцзы-лочжуй, м. п. 309.
Джамгаръ, м. п. 121.
Джампудвипа, земля 117.
Джанбай, м. п. 275.
Джангаръ-ханъ, м. п. 123.
Джангбыршы, м. п. 119, 120, 126.
Джангеръ, м. п. 262.
Джанджа-гэгэнъ, м. п. 238.
Джанджа-руви-дорчжи, м. п. 238.
Джанибекъ-ханъ, м. п. 146, 211 216, 382—384.
Джаринъ-норъ, оз. 213.
Джарунъ, оз. 242.
Джарунъ-хашаръ, башня. 205.
Джасыръ-гэгэнъ, м. п. 299.
Джаячи, м. п. 328.
Джебцзунъ см. Джибцзунъ.
Джедай-ханъ, м. п. 320.
Джедыбай, м. п. 119.
Джеды ганъ, созв. 275.
Джеланръ см. Харасандза.
Джеланръ-хунъ-тайжи, м. п. 326.
Джелары, покол. 273, 326.
Джелбага, Джельбага, чуд. 290, 301.
Джельбегень, чуд. 208, 291, 339.
Джепекъ-бай, м. п. 120.
Дже-рембучи, м. п. 233.
Джерканатъ, м. п. 127, 138, 244.
Джерке-линъ-гунъ, м. п. 135, 273, 347.
Джетыганъ, созв. 157.
Джеты-гуре, б. 341.
Джеты каракши, созв. 321.
Джеты-каракъ, созв. 319.
Джибцзунъ Дамба, Джибцзунь-тамба, м. п. 243, 333, 336.
Джида-нойонъ, м. п. 274, 275.
Джилама, м. п. 237, 238.
Джилдизъ-коль, оз. 332.
Джильбы-хуньякъ, зв. 339.
Джиме-гунданъ, м. п. 309.
Джингиръ-бухэ, м. п. 209, 271, 277.
Джиренше-шешенъ, м. п. 277, 382.
Джиренъ шешенъ, м. п. 119, 146, 277.
Джиркылъ, м. п. 138, 146.
Джиртушлюкъ, м. п. 339.
Джиты-ганъ, созв. 319, 320.
Джицзункава, м. п. 237.
Джолма-нурму, ж. п. 223, 224, 339.
Джонтонъ, дер. 234; см. Дондонъ.
Джоро-Гэсэръ-ханъ, м. п. 124.

Джу, б. 206.
Джуглунва, страна, 250.
Джургонъ-хоту, зв. 341.
Джурджиты, народъ, 213.
Джу-рембучи, ж. п. 117, 198, 210, 223.
Джу-Эрдэни, мон. (въ Тибетѣ) 206.
Дзалута-мергенъ, м. п. 135, 186, 208.
Дзамбу-дзэрликъ-ханъ, м. п. 133.
Дзанчунъ, м. п. 213.
Дзерджи-Ваньчикъ, г. 213.
Дзетку-ханъ, м. п. 157.
Дзу, м. п. 136, 137.
Дзургануъ-мечинъ, Д.-мечитъ, созв. 322, 323.
Дзурганъ-одунъ, созв. 322.
Дзу-эрдени, б. 117.
Дзыргилэ, г. 302.
Дибэнъ, падь, 89, 90.
Дибэнъ-хара, пт. 96, 97.
Ди-дао, грд. 306.
Дизъ-Даркіой, мон. 305.
Диктъ, м. п. 275.
Ди-мѣ-ли мо-ли, р. 307.
Діонисій, м. п. 276.
Догедой, м. п. 209.
Долматинскіе цари, 128.
Дѳлмѳ-ханъ, м. п. 128, 130, 334, 339; см. Галъ-Д.-х.
Долонъ-бурканъ, Д.-бурханъ, Д.-бурхутъ, Д.-бурхынъ, созв. 146, 317, 318, 320, 374.
Долонъ-мечинъ, созв. 322.
Долонъ-Мундурго, г. 384.
Долонъ мыганъ, созв. 318.
Долонъ-нохой, созв. 318.
Долонъ-Обѳгѳдъ, созв. 83.
Дѳлѳнъ-тэнгэри, 45, 52, 53, 55.
Долонъ-фоту, созв. 318.
Долонъ-хоту, созв. 318.
Долонъ хэрьгэ, созв. 318.
Долонъ-Ѳбугутъ, созв. 143.
Дондонъ, дер. 200, 234.
Дондонская тѣснина, 308.
Дондугулъ, м. п. 275.
Дононъ-саганъ-тэнгэри, 45.
Дончжи-молумъ-эрдени, м. п. 157—160.
Дорда-дарханъ, м. п. 245.
Дорчжитанъ, страна 238; см. Чжагыръ-Д.
Дронъ, м. п. 337.
Дружневна, ж. п. 119.
Дунъ-ахорсынъ, см. Тунва-ахырсынъ.
Дурбенъ-ойродъ, нар. 311.
Дурутъ, пл. 121.
Дутумъ-менень, м. п. 273, 275.
Души-ханъ, м. п. 121.
Дырь, чуд. 3, 4, 6, 7, 10—14, 19, 20, 22—27, 121, 125.
Дырь, страна. 12.
Дѣдъ Шкуропѣтъ, м. п. 129.
Дэгэдэши-Хара, доспѣхъ 45.
Дэлэхэйнъ-эдзэнъ, м. п. 379.
Дэнгъ, г. 297.
Дэристу-хото, Дэрисунъ-хото, грд. 270, 271, 306.

Егорій, м. п. 325, 333, 337.
Егъ-Таму-нцо, ж. п. 124, 186—190, 227, 346.
Едженъ-ко, ж. п. 271, 272, 274, 277.
Едженъ-ханъ, м. п. 165, 228, 262.
Едженъ-хоро, ставка 267, 268.
Еджюль, р. 278.
Едзенъ-ханъ, м. п. 338.
Едзинъ-хола, лош. 163.
Единъ, м. п. 218.
Екэ-Туко-ханъ, м. п. 255.
Екэ-Утукъ, мѣстн. 303.
Елбекъ-ханъ, Ельбекъ-ханъ, м. п. 122, 290.
Ельджигенъ-джигитъ-ханъ, м.п. 211.
Ельджигенъ-тологойтой-ханъ, м. п. 293—295.
Ельджигенъ-ханъ, м. п. 266, 384.
Ельджигенъ-чикту, м. п. 215, 216, 285.
Енхобо, Енхобой, ж. п. 85, 87, 89, 91.
Ергилъ-буга-нонинъ, м. п. 255, 276.
Ерденн-дзо, пещера 250, 251.
Ерденн-Харалинъ, м. п. 189; см. Эрдени-х.
Еренте, мѣстн. 61.
Ерень-чечень, м. п. 341, 342.
Еркетъ, покол. 346.
Ерке-Шудунъ, ж. п. 129.
Ерликъ-ханъ, б. 135, 164, 168, 216, 228, 241, 243—245, 255, 307, 332, 339, 384; см. Эрликъ.
Ермакъ, м. п. 222.
Ерте-уланъ-хунъ-тайджи, м. п. 273.
Ерусланъ, м. п. 279.
Ерцисъ, р. 281.
Еръ-кюкча, покол. 120.
Ерь-гокчи, м. п. 120.
Ерь-Гокчу, м. п. 119, 120.
Ерьсару, м. п. 119, 190, 227, 272, 273, 277, 346.
Есекень, м. п. 122, 126, 274, 334, 386.
Есугай, Есугей, Есукей, м. п. 247, 271, 274, 277, 334.
Есуганъ, ж. п. 275.
Ехонъ-Тѳрѳнъ, г. 116.
Ехонъ-Уленши-батаръ, м. п. 61.

Желтая р., 249, 257, 258, 271, 300, 304, 305.
Жидигянъ, созв. 320.
Жорголжихо-батаръ, м. п. 61.
Жуань-жуань-лю-ванъ, м. п. 299.

Зайсанъ, оз. 212—214.
Замбалъ-ханъ, м. п. 123, 124.
Запава, ж. п. 290.
Зарница, зв. 129, 208, 337—339.
Заря азарга, м. п. 124, 190, 277.
Заса-Шухеръ-Аха, м. п. 44, 45.
Затъ-Шухеръ-ханъ, м. п. 56, 57, 73.
Заянъ саганъ, б. 337.
Зеленая Дара экэ, б. ж. 206.
Земныръ, Тыгрыгъ-Земныръ, м. п. 9.
Зодо Шара-батаръ, м. п. 107—109.
Зонкава, м. п. 240; см. Цзонкава.
Зонь-зерикгуй, м. п. 136.
Зотынъ-нойонъ, м. п. 118; см. Чотонъ.
Зугэй-нойонъ, м. п. 385.
Зугэй-уланъ, г. 385.
Зудакъ-Шара-батаръ, м. п. 82.
Зэтъ-Мѳнгѳнъ Ула, г. 45, 83.

Ибаху, ж. п. 139, 208.
Ибиръ-сибиръ, страна 335.
Иванъ Годиновичъ, м. п. 123.
Игитъ-иркылъ-ходжа, м. п. 324.
Иджиль, р. 311.
Идыганъ, созв., 262, 275.
Идыге, м. п. 274, 275, 278—280, 283.
Идыль, р. 124.
Илгысынъ-гэгэнъ, м. п. 245.
Илекъ-жондозъ, созв. 324.
Или-ханъ, м. п. 279.
Илихи, м. п. 346.
Ильмень, озеро, 351.
Иль ханъ, м. п. 339.
Илья-Муромецъ, м. п. 122, 130.
Инань см. Инаньчи.
Инаньча-бильгэ, м. п. 255.
Инаньчи-кэхань, м. п. 346.
Индерь-хара-мангысъ, Индэръ-х.-м., чуд. 134, 162
Индра, б. 246, 254.
Индыръ-ханрханъ, г. 248.
Индэрь-хара-мангысъ, м. п. 248.
Инъ-хай, м. п. 225.
Ирагу, г. 287.
Ирей, чуд. 123.
Иринтей-убугунъ, м. п. 136.
Иринъ-сайнъ, м. п. 120, 122—125, 136, 273, 346.
Иринъ сайнъ-алтынъ-горголтай, м. п. 131—133.
Иринъ-сайнъ-гуныиъ-хара, м. п. 133—135.
Иринъ-сайнъ-уланъ-хунъ-тайджи, м. п. 135.
Иринтэ-обѳгонъ, м. п. 136.
Иркутъ, р. 384.
Ирль-ханъ, б. 277, 339.
Иртышъ, р. 212, 213, 335.
Иръ-сару, Иръ-сары, м. п. 190, 277.
Иръ-Тушлюкъ, м. п. 143.
Искендеръ, м. п. 383.
Иссыкъ-куль, оз. 211, 212, 214, 216, 217, 383.
Исуге, м. п. 334.
Исунке, м. п. 168.
Итегель, м. п. 136.
Итыгиль, м. п. 285.
Ифигенія, ж. п. 208.
Ихи-едженъ-хоро, ставка, 269.
Ишигѳ-хатунъ, ж. п. 269.

Іетти-ганъ, созв. 318, 323.

Кабатаръ-сталъ, зв. 330.
Кабуту-касыръ, м. п. 267.
Катортокъ, м. п. 275.
Кадигава, мон. 240.
Кадыръ, м. п. 121.
Казаръ, соб. 118.
Кайтухо-Тохтамышевъ, м. п. 274.

Кала-мэмбыръ, м. п. 20—22, 120, 122, 125, 126, 130, 213, 222, 248, 332—334, 384.
Калашань, г. 248.
Калинъ-царь, м. п. 130.
Калмы-тологой, г. 212, 213, 339.
Камбаръ, м. п. 119.
Камъ, страна 215.
Камъ-Курмбосъ, м. п. 128.
Кани-хоту, зв. 330.
Кантемуровы, фамилія 337.
Канъ-Кереде, пт. 207.
Канъ-тегиръ, р. 334.
Кань-си, м. п. 264, 265.
Кара-бадзыръ, грд. 130, 139, 304, 305.
Карабай, м. п. 119.
Карабатыръ, м. п. 119.
Карабты-ханъ, м. п. 156.
Кара-бута, м. п. 274.
Карагула, см. Каракула.
Кара-кула, м. п. 273; см. Хото-гайду.
Кара-кюнча, покол. 120.
Каратты-ханъ; см. Тунгъ-К.-х.
Кара-ханъ, м. п. 119.
Каргой, мѣстн. 385.
Касарпана, хр. 117.
Кассіопея, созв. 328.
Касы-баба, м. п. 257.
Касьянъ, м. п. 218.
Катай-ханъ, м. п. 331.
Катигава монг. 240.
Ка-тіа, мѣстн. 359.
Катунъ, скала, 301.
Катунь, р. 214, 301.
Кашмиръ, страна, 190.
Кванъ-ло-ѣ, м. п. 261, 262.
Кванъ-омоктай, м. п. 262.
Кебысъ, лош. 134.
Кедючжи, м. п. 237.
Кейсы, м. п. 257.
Кейтей-нойонъ, м. п. 274.
Кендыкъ-тюбе, г. 212.
Кергитъ, нар. 311.
Кереметь, ж. п. 325.
Керсу-пілу, м. п. 342.
Керъ, г. 325.
Керъ-илакъ, мѣстн. 122.
Кидани, нар. 277, 307, 326.
Киданъ-ханъ, м. п. 121, 333, 336.
Киденъ-ханъ, м. п. 331, 333.
Кидошъ, г. 335.
Кидэнъ, м. п. 122, 123.
Килунгутъ-тарханъ, м. п. 245.
Кипчаки, пл. 121.
Кирвесъ, Кирвэсъ, м. п. 272, 332; см. Хэрэкъ-К.
Кириги, нар. 326, 346.
Кирило Кожемяка, м. п. 325.
Кирхисъ, покол. 211, 311.
Китайцы, нар. 69.
Китанъ-ханъ, м. п. 336.
Китежъ, г. 335.
Китмиръ, м. п. 121.
Кичиги, созв. 328.
Кичиликъ, м. п. 245.
Кичи-эджигенъ, созв. 318.
Кобокъ, м. п. 123; см. Акъ-К.
Коголь-найманъ, м. п. 120.
Коготай, м. п. 120.
Когульдей-мергенъ, м. п. 120, 231, 328.
Кодаръ, м. п. 119.
Кодонъ, м. п. 122, 123.
Кодонъ-пи, м. п. 331.
Козай, м. п. 119, 120, 126.
Козу-курпешъ, м. п. 119, 128.
Козу-кюрпэчъ, м. п. 119.
Козьма кривой, м. п. 129.
Кокочу, м. п. 120.
Колду-бурханъ, б. 117, 135, 207 346.
Комбу-дорчжи, м. п. 231.
Комдей-мергенъ, м. п. 277.
Конгкомаръ, покол. 192.
Конда, народъ 219.
Конна, народъ 219.
Константинополь, грд. 214.
Константинъ, царь 215.
Косоголъ, оз. 213, 335.
Кёсэръ онга, мѣстн. 300.
Котанъ, м. п. 123.
Котянъ, м. п. 121, 122.
Кохоце, м. п. 120.
Кохъ-цехце, пт. 324.
Ксэрлыгунъ, ж. п. 186—189.
Ксэрмыгъ-танъ, мѣстн. 198.
Куанъ-ло-ѣ, м. п. 306.
Кубай-ко, ж. п. 277.
Кубчюгъ-сэйчергенъ-сэнъ, м. п. 240.
Кугэ-цэрка-рэкшэръ, мѣстн. 14.
Куйсунъ-тологой, остр. 213.
Кукой, мѣстн. 384.
Кулбу сэтгэ, зв. 338.
Кулухъ-Богурчи, м. п. 244; см. Богорчи.
Кулѣръ-Ундургинь, ур. 222.
Кумджухъ-палунъ, мѣстн. 300.
Кунала, м. п. 218.
Кунгый-уацâ-тарва, м. п. 3, 8.
Кунигъ-чжаву, м. п. 15—17, 32—37, 126.
Купя-юлтусъ, зв. 330.
Курбустанъ, б. 128.
Куриное гдѣздо, созв. 324.
Куринъ-Ракша, быкъ, 161.
Куркэръ-чжаву, м. п. 16, 17; см. Кэркэръ.
Кусуръ-олоксонъ-Ольджебай, м. п. 118.
Кусэрь, м. п. 200, 234, 300, 301.
Кусэрь-чжаву, м. п. 16, 17, 35, 37; см. Кэсэръ-чжаву.
Кутузово, мѣстн. 335.
Кухулинъ, м. п. 219.
Кушъ-мурунъ, г. 382.
Кучки, созв. 325, 328.
Кучумово городище, 335.
Кучумъ, м. п. 228.
Кыдай бахсы, б. 337.
Кызыръ-пейгамбаръ, м. п. 121.
Кынъ-сылу, ж. п. 121.
Кыргызбай, м. п. 386.
Кыргызъ, м. п. 386.
Кыянъ, м. п. 275.
Кэзэръ, м. п. 122; см. Чингисъ-Кэз.
Кэлѣ, нар. 346.
Кэрвэсъ, м. п. 126; см. Хэрэкъ-Кэрвэсъ.
Кэркэръ-чжаву, м. п. 14, 15, 30, 31, 33, 35—37; см. Хоръ-кэркэръ.
Кэсэръ-чжаву, м. п. 39; см. Кусэрь-чжаву.
Кэсыръ, м. п. 261, 262.
Кэшиктенъ, хош. 306, 312.
Кюнеръ-сулу, ж. п. 143.

Лабранъ, мон. 38, 206, 241, 248, 249, 301.
Лавунъ-чимбо-агуй, мѣстн. 383.
Лалунъ-Балъ-Дорчжи, м. п. 168.
Ламангурю, м. п. 26.
Лама-тологой, г. 213.
Ламахъ, м. п. 383.
Ламо, б. ж. 270.
Лангъ, страна 40, 44; см. Лынгъ.
Лангъ-дарма, Ландарма, м. п. 146, 168, 170, 202, 211, 215, 218, 238, 250, 255, 266.
Ландэръ, Ландэръ, м. п. 199, 233, 234, 249, 266.
Ланъ-Гэсэръ-ханъ, м. п. 233.
Ласса, грд. 13, 14, 22, 44, 168, 197—199, 201, 206, 211, 214, 217, 233, 236, 237, 239, 242, 249, 250.
Латыгорка, ж. п. 335.
Ла-уа-ся, тѣснина, 297.
Лаху-Баянъ, м. п. 123, 245.
Лебедь-птица, ж. п. 189.
Лемминкайненъ, м. п. 248.
Леу-бао-вэнь, м. п. 304.
Леу-да-жень, м. п. 292, 293.
Ли, м. п. 186, 187.
Ли, страна, 206.
Ли-бей, м. п. 263.
Ли-бу, м. п. 306.
Ли-гуанъ-ли, м. п. 125.
Ликургъ, м. п. 276.
Линъ-ченъ, грд. 292.
Ли-сунъ-сяо, м. п. 272, 287—289.
Ли-хаганъ, м. п. 137, 138.
Ли-чжинъ-ванъ, м. п. 286—289.
Ли-юль, страна 217.
Ліу-чуань, р. 306.
Лобсогой, м. п. 85 — 92, 115, 116, 382.
Лобсоголдой, м. п. 55.
Локаята, м. п. 246.
Ломбо-Моке, м. п. 239.
Лосанъ-Шумаръ-батаръ, м. п. 61.
Лосунай-ханъ, м. п. 89.
Лосунъ-ханъ, м. п. 180, 182, 183.
Лось, созв. 319.
Лоу-линъ-гунъ, м. п. 304.
Лоха, р. 307.
Ло-хеу-хо, м. п. 190.
Лочжуй, м. п. 309.
Лошанбу, м. п. 300.
Лта-чинбу; см. Марцзанъ.
Лу-бинъ-шенъ, м. п., его слѣды 297.
Лумбунъ-чимбо, мѣстн. 250, 251.
Лунва-ксындо, мѣстн. 34.
Лунъ-ванъ, б. 211, 227.
Лусай-ханъ, м. п. 143, 156.

Луса-тэнгэринъ, 60.
Луту, 353.
Лу-ту-сы, м. п. 210, 271, 272, 290—292, 382.
Лхагву, Лхагу, зв. 317.
Лхалунъ-нцо, оз. 234.
Лха-лхаму, б. 231.
Лхама, Лхамо, б. ж. 213, 307, 335, 339.
Лнингъ, страна 3—5, 13—23, 26—28, 32—34, 37; см. Лангъ.
Лысая гора 385.
Лю-бей, м. п. 263.
Лю-ванъ, м. п. 299.
Лю-пей, м. п. 262.
Лю-тоу, м. п. 293.
Лютъ-хара-хунь-абагай, м. п. 163.
Лютэнъ-цангу, мѣстн. 241.
Лянъ-чжоу, грд. 206.

Ма, фамилія 257.
Магай-джори, м. п. 7.
Магчжи-чжаву, м. п. 44.
Маджу, г. 295.
Майдари, м. п. 228, 235, 236, 246, 315, 316.
Майманъ, 326.
Майтере, б. 348.
Май-трея, б. 235.
Малганъ, ж. п. 329.
Маму-чуму, овца, 6.
Мамырханъ, м. п. 126, 274, 334; см. Уралтай.
Мананъ-тэнгэринъ, 46, 52, 53, 56.
Мангатхай, чуд. 115; см. Абарга-Сэсэнъ-М.
Мангнай Шилѳ, м. п. 42.
Мангрукъ, р. 283.
Мангусъ, м. п. 325.
Мангутъ, Мангуты, пл. 274.
Мангу-ханъ, м. п. 275.
Мангушъ, м. п. 121, 122.
Мангысъ, чуд., 135, 136, 138; см. Оролынъ-м.
Мангысъ-эмегенъ, ж. п. 172, 173.
Манджушри, м. п. 216, 227—229, 251, 262, 319.
Мандзанъ-Гѳрмѳ, Манзанъ-Гѳрмѳ, ж. п. 45, 58, 59, 82—84, 100, 101, 111, 128, 340.
Мандзу-шара-бычинъ, м. п. 229.
Манзанъ, лукъ 105.
Манзанъ-Гѳрмѳ; см. Мандзанъ.
Мани-Ветыръ-ханъ, м. п. 144, 208, 223.
Манкутъ, покол. 274.
Манкушъ, м. п. 121.
Манхутай, м. п. 274.
Манхутъ, покол. 274, 275.
Манчжаму, ж. п. 38.
Маньчжу-ванъ, м. п. 294, 295.
Мапунъ-нцо, оз. 233.
Марба-лама, м. п. 360, 364.
Маркобрунъ, м. п. 119.
Марсъ, м. п. 329.
Марцзанъ-Лта-чинбу, мон. 249, 250.
Масангъ, м. п. 329.
Ма-ти, мѣстн. 301.
Маюй, г. 307.
Маяки-Бурчжанъ-чжаму, ж. п. 40.
МГоньбо-Дорчже; см. Гоньбо-Д.
Медвѣдица (Большая), созв. 83, 127, 146, 235, 262, 317—320, 322, 323, 328, 329, 332, 335, 339, 341. 374, 385.
Медвѣдица (Малая), созв. 321, 324.
Меджитъ, грд. 325.
Меджитъ, м. п. 164, 165.
Медунгъ, созв. 318.
Меечінъ, созв. 323.
Меле-бурхынъ, м. п. 231, 372.
Мелевъ-гуру, б. 252.
Менгмыръ, зв. 337.
Менгу-кызъ, ж. п. 277.
Менгу-чжу, Менгу-цзу, мон. 166, 201—205, 216, 233, 237, 240, 248, 249, 252, 332.
Мендасунъ, созв. 326.
Менджугъ, Менчжугъ, Менчугъ, созв. 322, 327, 328
Менке-Медина-карба, грд. 257.
Менчугъ; см. Менджугъ.
Мергенъ-Касаръ, м. п. 268.
Мерки, поколѣн. 326.
Мертеки-джалву, м. п. 232.
Мечинъ, созв. 129, 146, 165, 262, 328—326.
Мечинъ-бакши, м. п. 256.
Мечитъ, созв. 285, 322, 324, 339, 345.
Мечи-хоту, созв. 322.
Мечи-хуаръ, м. п. 165.
Меши, созв. 322.
Мзабонъ-ичи, ж. п. 39.
Мигмыръ, зв. 317.
Мидасъ, м. п. 239.
Мила-райба, м. п. 231, 359 — 370, 372, 373.
Миляръ-ава, м. п. 230, 231, 233.
Минганъ-саганъ-бурханъ, б. 45.
Минотаръ, чуд. 218.
Ми-омонтай, м. п. 219.
Мисеръ-улюкъ, м. п. 307, 319.
Михайло Даниловичъ, м. п. 222.
Млечный путь, 84, 340, 385.
Мова-Кушинъ-Тему, м. п. 5.
Мойсъ-хара, ж. п. 285, 339.
Могусъ см. Амырга-м., Темиръ-м.
Модава, ж. п. 215.
Моисъ-хара, ж. п. 382.
Моланья царица, ж. п. 186.
Молонтей, м. п. 168.
Молонтой, м. п. 168.
Мона-ханъ, г. 192; см. Тегусъ-Цзокту-М.—х.
Мѳнгѳтѳ-Ула, г. 45, 72.
Мѳнхѳ, море, 74, 107, 109.
Моосъ см. Анъ-далма-м.
Моргонъ-Тѳгѳлторъ, м. п. 50, 59, 63, 66, 67, 75.
Моргонъ-хара, м. п. 168, 276, 324, 329.
Мѳрѳнъ, мѣстн. 74, 107.
Мѳрѳнъ-Ула, г. 88.
Мось-хумъ, м. п. 385.
Моторъ-бахадуръ, м. п. 122.
Муджинъ-салту, м. п. 326.
Мунго, Мунко, м. п. 16, 17, 122; см. Чагэ-мунго.
Мундурга, Мундурганъ, г. 384.
Мундурганъ-хухэй, г. 384.
Муни-ола, М.-ула, г. 192, 267.
Мунко-сардыкъ, г. 44, 384.
Мунликъ-эчигэ, м. п. 247.
Мунулуна, ж. п. 273, 275, 326.
Мургунъ-тошо, м. п. 321.
Муренъ, р. 300, 304, 305.
Муртемни, долина 219.
Мусъ-тау, г. 382.
Мутгальвани, м. п. 206.
Муусъ см. Аттыръ-хара-м.
Мухамедъ-пейгамбаръ, м. п. 218.
Мухуръ-Уланъ, г. 116.
Мучинъ, созв. 322.
Му-ѣ, г. 307.
Мынгы-ныгы-чжори, м. п. 6.
Мышинъ, созв. 146.
Мэмбыръ, м. п. 126; см. Кала-мэмбыръ.
Мэри (Шянба-мэри), м. п. 17.
Мэчитъ, созв. 165.
Мяо-чжоанъ, м. п. 226.
Мяо-шенъ, ж. п. 226, 227.

Навуходоносоръ, м. п. 244.
Нагацу, м. п. 275.
Надулуше, м. п 121.
Нажинъ, Найжинъ, падь 74, 79, 80, 82.
Найманъ, покол. 346.
Найманъ-герь, Найманъ-чаганъ-герь, мѣстн. 325, 326.
Наксосъ, остр., 218.
Нама, м. п. 328.
Намугэнъ см. Цадуръ-н.
Намунъ-гуре, м. п. 231.
Намчжиль-хансынъ, мон. 330.
Нанчжинъ-кунгванъ, б. 4.
Наранъ-гериль, ж. п. 163.
Наранъ-Гохонъ-абаха, ж. п. 46—48, 50, 63.
Наранъ-Гэрэлъ, м. п. 208.
Наранъ-Сулу, ж. п. 119.
Наранъ-ханъ, м. п. 129.
Нарзунъ-заркумъ, м. п. 321.
Наринъ-Гохонъ-хатанъ, ж. п. 112, 113.
Наринъ-Уланъ, доспѣхъ, 46.
Наро, м. п. 361, 362, 364.
Наръ-банджинъ, м. п. 266.
Наръ-ханджитъ, ж. п. 161.
Нарынгенъ-агуй, мон. 251.
Нарэнъ-ханъ, м. п. 279.
Находъ-Осоръ, м. п. 128.
Начинъ, м. п. 273—275.
Начинь-баатуръ, м. п. 274, 275.
Налята, мѣстн. 61.
Нгаре-олу, ж. п. 119.
Нгари, страна 215.
Нгари-оло-чючжуръ, ж. п. 34.
Нгари-сынгы-тангиръ, м. п. 32.
Нго-ло-гу-моли, р. 307.
Нгулыгунъ, ж. п. 186—189.
Ндамь, мѣстн. 38.
Негмыръ, зв. 317.
Нектанебъ, м. п. 139.

Несренжаке, м. п. 124.
Нестыкъ, пт. 158—160.
Нигча-гмырыгъ, лош. 17.
Нингунэ, м. п. 227, 228.
Нинъ-гу-ё, м. п. 208, 238.
Нинъ-ся, грд. 252.
Ногай, м. п. 285.
Ногонъ-Гохонъ-Абахай, ж. п. 85.
Ногонъ-дара, б. ж. 229.
Ногонъ-дареке, Ногонъ дарихе, б. ж. 159, 160, 229.
Ногонъ-дариху, Н.-дарихэ, б. ж. 160, 161, 200, 201, 203, 204.
Ноинъ-богдо, г. 296, 297.
Нойонъ-Хонгоръ, м. п. 281.
Нойонъ-хутухту, м. п. 246, 247, 282.
Номонъ-ханъ, м. п. 383.
Норчжуньма, б. ж. 242.
Нохой-баргасу, нар. 351.
Нсонникъ, остр. 204,
Нун, м. п. 230.
Нукузъ, м. п. 275.
Нулунъ-тала, мѣстн. 303.
Нундау, ж. п. 230.
Нцу-памали, оз. 332.
Нчжигму, ж. п. 42, 315; см. Нчжугму.
Нчжугму, ж. п. 130.
Нчжуму, ж. п. 7—11, 13—15, 18, 19, 21, 31, 37; см. Нчжигму.
Нчжу-рамыръ, корова 23.
Нынгса Нгазунъ, м. п. 22.
Нью-тоу-ванъ, м. п. 254, 255, 266.
Нью-тоу синъ, зв. 341.
Нью-тоу-шань, г. 252.
Ньянъ-ньанъ, ж. п. 44.
Нэмэгету, г. 297.
Нюй-гу, р. 307.
Нюхата-Зура, м. п. 69—73.
Нюхата-Зурга, Нюхата-Зургай, м. п. 67, 68.
Нянь-бо, грд. 286.
Нянь-гэнъ-яо, м. п. 227, 238.

Обборъ боксо, мѣстн. 337.
Огодай, м. п. 123.
Огономъ, м. п. 279.
Оготай, м. п. 244.
Огузъ-ханъ, м. п. 146, 255, 325.
Огутуръ-уланъ-ванъ, м. п. 282.
Одо-мышинъ-сокъ-мышинъ, созв. 320, 327.
Одонъ-тала, мѣстн. 331.
Одотъ, м. п. 274.
Одунъ-Бодунъ, м. п. 186, 255, 274.
Одюгэ-хогоръ-бо, м. п. 239.
Озирисъ, б. 122, 149, 277.
Ойдулъ, созв. 340.
Ойо-ондохонъ, м. п. 208.
Ойо-Чикиту, м. п. 208.
Ой-хаптагай, м. п. 208.
Ойхонъ, остр. 339.
Ойю-Окторъ-эрэнъ-баръ, левъ 78.
Оки-гари-тамба, м. п. 197—199.
Окинь-тэнгри, ж. п. 130.
Оксогоръ, г. 116.
Окторъ, левъ 78, 79, 115.
О-лао-ло-цзя, грд. 331, 335.
Олгонъ, мѣст. 339.
Олекчинъ, м. п. 119.
Олёты, пл. 310.
Олзомохонъ, м. п. 105, 106.
Олимбіада, ж. п. 189.
Олоксонъ см. Кусуръ-ол.
Олбстб-Ула, г. 109.
Олотъ, м. п. 208.
Олунъ-эхэ, ж. п. 207, 271.
Олхо, мог. 303.
Ольберге, м. п. 156.
Ольджайту-норъ, оз. 303.
Ольджебай, м. п. 118.
Ольхонъ, остр. 303.
Онгонъ-манхинъ, мѣстн. 298.
Ононъ, Ононъ-Керуленъ, мѣстн. 326.
Онохой бай, м. п. 278, 279.
Ончонъ, м. п. 207, 222.
Онъ-сомъ, м. п. 280.
Оргилъ-Ула, г. 63—65, 73, 85, 86, 107, 324.
Оргу, мѣстн. 4.
Оріонъ, созв. 118, 120, 127, 231, 235, 242, 326—330, 339.
Оролынъ-мангысъ, чуд. 123.
Оролынъ-читкуръ, чуд. 138, 207, 244.
Оронъ-ганцханъ-модо, дерево 254, 333.
Оросъ, 274.
Орусъ, м. п. 280, 296.
Орусъ, поколѣніе 280.
Орусъ-иналъ, м. п. 280.
Орхонъ, р. 213, 214, 307, 310, 332.
Орхонъ-туше-гунъ, р. 310.
Осиново гнѣздо, созв. 324.
Осрунъ-бурханъ, б. 206.
Осъ-бакатаръ, м. п. 383.
Осъ-Джанибекъ-ханъ, м. п. 146, 383.
Осъ-Темиръ, м. п. 383.
Отокъ, хошунъ 282.
Отханъ Толоръ-хунъ-тайджи, м. п. 290.
Охуръ-я, р. 383.
Очирвани-бурханъ, б. 234, 317.

Паасынъ, зв. 317.
Пагай-Джуру, м. п. 114.
Пагвашинъ-гунъ, башня 205.
Падма-самбава, м. п. 233.
Падма-ханъ, м. п. 161—163.
Пазаръ, соб. 118.
Пай-джянь-джюнь, Пай-чжань-чжунь, Пай-чжянь-чжюнь, м. п. 123, 264, 265, 267.
Пай-ма-сы, мон. 249.
Пай-чжань-чжунь, см. Пай-джянь-джюнь.
Палынъ котыгъ, камни 42.
Палынъ-сенге, м. п. 166; см. Балынъ.
Папаву-раншюнъ, кам. 232.
Папа римскій, м. п. 320.
Пей-доу, созв. 335.
Пейранъ, мон. 301.
Пей-таджи, м. п. 296.
Пей-юнъ-сай, мон. 251.
Пекинъ, грд. 164, 165, 219, 238, 268, 285, 299, 310.
Пецдо-хорджи-джаву, м. п. 203.
Персей, м. п. 275.
Петровъ крестъ, созв. 328.
Пилигримъ, м. п. 309.
Пинъ-си, м. п. 263.
Писонъ-Саганъ-тэнгэри, 45—50, 59, 63.
Плеяды, созв. 127, 129, 146, 165, 262, 276, 318, 319, 322—327, 329, 339, 341, 345, 385.
Поли, г. 125.
Полидектъ, м. п. 275.
Полярная звѣзда 126, 127, 130, 170, 319, 321, 324, 325, 330, 331, 334—339, 386.
Поповичъ Раковичъ, м. п. 189.
Пори-ханъ, м. п. 156, 336.
Потала, г. 117, 168, 201, 210, 248, 249.
Почай, Почайна, р. 325.
Правадія, грд. 305.
Пукб, м. п. 300.
Пулай-арыгъ, ж. п. 277.
Пуляръ-пукб, м. п. 300.
Пурбу, Пурву, зв. 317.
Пундавардан, г. 117.
Пурураваса, м. п. 127.
Путо, г. 226, 227.
Пучай рѣка, 325.
Пу-чжоу, грд. 262.
Пучина, чуд. 325.
Пхынь-сунъ-чжао, мон. 264, 265.

Рабанъ-ата, м. п. 257.
Раббане, м. п. 257.
Рагнаръ Лодброкъ, м. п. 342.
Раковичъ (поповичъ), м. п. 189.
Рамоче, мѣстн. 206, 210.
Раха-шолмо, чуд. 124.
Раху, м. п. 316, 317.
Раху, зв. 317.
Рахъ-разбойникъ, м. п. 192, 246, 347.
Рачи-Самба, м. п. 40, 41.
Рдо-нирда, горный перевалъ, 198.
Рдурги-Ларгу, г. 42.
Рдурги-чжугу-рыгчжа, колесо, 41.
Рдурги-чжимы-намбыръ, соб. 42.
Рдурь, чуд. 41—44, 114, 119, 210, 289. См. Дырь.
Рдучава, чуд. 300.
Римынъ, дер. 44.
Рмартутъ, мѣстн. 300.
Рогмо-гоа, ж. п. 119, 120, 333.
Рокапи, ж. п. 332.
Рпонву-Кенчугъ, созв. 326, 327.
Рситанъ, мѣстн. 229.
Рсэрьгб чжунъ-рн, г. 300.
Ртальджинъ, созв. 326.
Рта-нго-уну, лош. 10.
Рта-рчунву, лош. 6, 8.
Ртомба-Шихча-тоба, б. 232.
Ругь-могай, Р.-могой, ж. п. 114, 269, 325, 329.
Руниу-гончень, мон. 240.
Русуданъ, ж. п. 275.
Рчже-чжаза-кунчю, ж. п. 14.
Рѣшето, созв. 324.
Рэмисыръ-сари-руху, г. 13.

Сабаръ, м. п. 124.
Савуръ, могила 214.

Саганъ-Гэрэлтэ-ханъ, м. п. 54, 95, 97, 105, 106.
Саганъ-Зурха-Моргонъ, м. п. 46.
Саганъ-Мӧнгӧнъ-Ула, г. 45, 83.
Саганъ-шулунъ, мѣстн. 384
Сагатай, м. п. 120.
Садагай, м. п. 157.
Сайдамто, оз. 245.
Сайынъ-убугунъ, зв. 328.
Сайнъ-самучинъ, лош. 123.
Сайханъ-ху, м. п. 181, 182.
Сакіамуни, м. п. 217, 226.
Сактартай, м. п. 213.
Салихай, ж. п. 339.
Саломо, м. п. 210.
Салунъ-хоръ-дорчжи, м. п. 199, 200.
Самаркандъ, грд. 258, 295, 330.
Самаръ-казанъ, м. п. 121.
Самба см. Аяни.
Самба-гарву, м. п. 40, 41, 127, 130.
Самбай-дагине, ж. п. 208, 224.
Самбуренъ-ханъ, м. п. 39.
Самородовичъ, м. п. 333.
Самсагай, ж. п. 328.
Самучинъ, лош. 123.
Самьжи, страна 232.
Самьи, страна 232.
Сангинъ-далай, кол. 299.
Санда-рачи, м. п. 20, 28, 29, 123.
Сандыгъ-хуатъ-чжириву, г. 231, 232.
Сани-угӧ-Тарй, м. п. 44.
Санъ-енчинъ, мѣстн. 8, 10, 20, 21.
Санъ-янъ, м. п. 261, 263.
Сань-ча-хо, р. 303.
Сань-чуань, мѣстн. 256.
Саптартай, м. п. 213.
Сарагалъ-ноенъ-ханъ, Саргалъ-ноенъ-ханъ, м. п. 45, 56, 57, 67—69, 73, 88, 96, 100, 122, 128.
Сарагалъ-ханъ, м. п. 186.
Сараиъ-Гэгэнъ, м. п. 208.
Сартактай-Кэзэръ, м. п. 118, 122, 213, 214, 301.
Сартакъ, м. п. 122.
Саръ-мачинъ, чуд. 317.
Сары-бай, м. п. 119.
Сата, ж. п. 328.
Сатана, ж. п. 122.
Саура, могила, 214.
Сауръ, г. 212—214, 382.
Сахуръ-джалву, м. п. 232.
Са-ху-шанъ, м. п. 254.
Саянъ-данчинъ-шюгмыръ, м. п. 3, 11, 15—17.
Святогоръ, м. п. 122, 333.
Святыя горы 333.
Себежъ, грд. 335.
Севръ—рыба, 333.
Севиренъ-богдо, г. 386.
Семикъ, созв. 324.
Семичиха, ж. п. 324.
Сенгенъ-хунъ тайджи, м. п. 118.
Сенге-ханъ, м. п. 284.
Си-ань-фу, грд. 206, 286, 288.
Сибирскій городъ 335.
Сибирь, страна 334, 335.
Сибэръ, соб. 336.
Си-ванъ-цзе, дер. 384.
Сиверная гора, 335.
Сиверьянишна, ж. п. 335.
Сигурдъ, м. п. 270.
Сила сата, созв. 340.
Синъ-су-хай, мѣстн. 331.
Сисиній, м. п. 248.
Си-юй, страна 257.
Смерть, 333.
Смородина, р. 333.
Собонъ саганъ-ноенъ, м. п. 63.
Совръ, рыба 333.
Согдо-богдо, м. п. 274.
Согсогъ-фоту, созв. 322.
Содей-мергенъ, м. п. 271, 274, 277.
Соди вама, г. 15, 16.
Соди-кунгма, г. 15, 16.
Содишюма, г. 15, 16.
Соднамъ-Джямцо, м. п. 192.
Содо, м. п. 273.
Содо-богдо, м. п. 272, 274.
Сокто-Сумбыръ, г. 338.
Солбанъ, зв. 338, 339.
Солбанъ-иръ, зв. 338.
Солбонъ, Солмонъ, зв. 129, 209.
Солнечное царство, 279.
Солнечный царь 129, 279.
Соловей, м. п. 130, 335.
Соловей Будимировичъ, м. п. 290.
Соловей разбойникъ, м. п. 290, 325.
Соломонъ, м. п. 239.
Солонгосъ, нар. 279, 339.
Солцанъ, м. п. 328.
Сомапури, хр. 217.
Сомбра-хахыръ, мѣстн. 297.
Сому-срибуй, страна 233.
Сӧнгӧлӧнъ, м. п. 63, 64.
Соозунъ, м. п. 328.
Соо-со, м. п. 261.
Сора, ж. п. 119.
Соржи, Соржи-лама, три ламы, 58, 72, 73, 85, 86, 93.
Сӧрӧ, ж. п. 119.
Сорчжи-бакши, м. п. 135,
Со-со, м. п. 263.
Сосрыко, м. п. 121, 122.
Со-чжи-лунъ-ванъ, м. п. 256.
Со-чжи-ё, м. п. 256.
Сронцзанъ-Гамбо, Ср.-Гомбо, Сронцзонъ-Г., м. п. 127, 206, 215, 217, 218, 268, 308, 384.
Срю-ванъ, м. п. 241.
Стефанъ, м. п. 285.
Стожары, созв. 319, 324.
Стозвѣздникъ, созв. 324.
Страфиль, пт. 332, 351.
Субугенъ-булыкъ, Субукъ, ключъ, 298.
Субурганъ-хаирханъ, г. 335.
Субуръ, г. 213, 214, 336.
Субуръ-хаирханъ, г. 335.
Судана, м. п. 208.
Судо богдо, м. п. 272.
Сулмарши-батаръ, м. п. 61.
Сумаджутъ-Танака, м. п. 139.
Сумбери, г. 318.
Сумберъ-ола, г. 351.
Сумбуръ-ола, г. 126, 213, 248, 330, 334—336, 340.
Сумбыръ, 338.
Сумбэръ, г. 334.
Сумеру, г. 126, 248, 318, 334, 336, 340, 350.
Сумеръ-ола, г. 254, 248, 254, 334, 341.
Сумеръ-уланъ-тайга, г. 335.
Сумиръ, г. 334.
Сумуръ, г. 335.
Сумъ-далай, море 334, 340, 351.
Сумыя, зв. 317.
Сумэру, Сумэръ, г. 334.
Сунсэръ-гамбу, м. п. 197, 198.
Сунъ-ву-кунъ, м. п. 254, 255, 256.
Сурганъ, м. п. 272, 273.
Сута-Ноенъ-ханъ, м. п. 56, 63, 64, 71—73, 88, 92, 93, 99—104.
Суту-богдо, м. п. 123.
Суть-коль, Суть-куль, оз. 335, 340.
Суу-хушъ-ву, м. п. 124.
Сыбыръ, г. 335.
Сымыръ, г. 212—214, 336.
Сы-чжа-цзуй, мѣстн. 306.
Сэгэнъ-сэбдэкъ-тэнгэри, б. 45, 51—56.
Сэженъ-бярсэнъ-тымыршей, онг. 276.
Сэлигисы, м. п. 123, 245
Сэнглунъ, м. п. 139; см. Сӧнгӧлӧнъ.
Сэньцзу, м. п. 272.
Сэрву-ксеридугъ, лош. 17.
Сэрнынъ-памджу, м. п. 230, 231.
Сэсэкі-Ногонъ-Абаха, ж. п. 46.
Сэцэнъ-ханъ, м. п. 247.
Сюань-хуа-фу, грд. 288.
Сюнбурь, г. 386.
Сють-коль, оз. 334.
Сябре, г. 386.
Сяври, г. 296, 386.
Сяйдякъ, м. п. 228.
Сянь-би, народъ 228.
Сятта кюре жясагай-ай, б. 341.

Табинъ-табынъ-тэнгри, б. 44.
Табынъ-ханъ, б. 283.
Тадыгенъ-хӧшӧ-чило, камень 311.
Тадыкъ тологой-хошо-чило, камень 311.
Тазъ-тагъ, г. 212.
Тай-бука, м. п. 255.
Тайбуцинъ, м. п. 255.
Тайджигуты, Тайджіуты, пл. 123, 244, 273, 274.
Тайиръ, м. п. 119.
Тайминггъ-хунъ-ву, м. п. 295.
Таннъ-Дерхе, кам. баба 311.
Таннъ-терьхе, м. п. 283.
Таннъ-Тирхинъ, м. п. 209, 275, 276, 283.
Таннъ-Тэнгиръ, м. п. 209,
Тайхыръ-чило, мѣстн. 296.
Тай-янъ-гунь чжу, ж. п. 304, 305.
Тай-янъ-ху, грд. 306.
Талай-ханъ, м. п. 277.
Талахаинъ-тала, мѣстн. 310.
Талха-вандыръ, кам. баба 311.
Тальхини-уланъ, г. 385.
Тамджанъ-чуджа, м. п. 283.
Тамджинъ-ханъ, м. п. 242, 246, 247, 276, 282.
Тамдинъ, м. п. 242, 283, 330, 335.

Тамерланъ, м. п. 186, 274.
Тамири-уланъ, г. 320, 334.
Тамиръ, р. 296, 307.
Тамиръ-сана, м. п. 336.
Тамунцо, ж. п. 189, 190.
Тамурсана, м. п. 126.
Тамчанъ, м. п. 242.
Тамчанъ-джабу, м. п. 283.
Тамчинъ-ханъ, м. п. 282.
Тамчинъ-чуджа, м. п. 283.
Тамчинъ-чойчжалъ, м. п. 241.
Тангре-кулъ, м. п. 275.
Тандукъ, мѣстн. 347.
Тандыкъ, г. 250; см. Тендыкъ.
Тансынъ-лама, м. п. 254, 267.
Танъ-ванъ, м. п. 203, 204, 256, 257, 286.
Танъ-чао-ванъ, м. п. 257.
Тао-вэй-сы мо ли, р. 307.
Тара, б. ж. 117, 210; см. Дара.
Тарбагатай, г. 212.
Тарва, м. п. 9, 11, 13, 15—17, 27.
Таргутай-Харалтукъ, м. п. 274.
Тарданакъ, м. п. 125.
Тартагай, лукъ 134, 161, 163.
Тарханъ-бо, м. п. 118, 244, 245, 266, 267, 276, 324.
Та-са-пу, дер. 200.
Тасъ-хара, м. п. 129, 130.
Татагата, м. п. 190.
Тафу, м. п. 270.
Тахигаръ, левъ 78.
Тахытъ-котль торумъ, м. п. 383.
Та-чжао-сы, мон. 206.
Тачжи-урянхай, хош. 290.
Та-ши тянь, мон. 252.
Таши-хлумбу, мон. 233.
Ташканъ, м. п. 319.
Таяши-лама, м. п. 46—49, 58.
Таяши-Тарха-лама, м. п. 45.
Таянъ-ханъ, м. п. 128, 189, 215, 276, 285.
Тегусъ-цзокту-Монаханъ, г. 192.
Тезей, м. п. 218.
Тёло, м. п. 364.
Темирсана, Темиръ-сана, м. п. 126, 127, 130.
Темиръ-Асынъ, м. п. 297.
Темиръ-бай, м. п. 120, 126.
Темиръ-боко, м. п. 244, 334.
Темиръ-бӧсь, м. п. 136, 336; см. Тэнгріинъ-ху.
Темиръ-казыкъ, зв. 127, 319 330.
Темиръ-могусъ, м. п. 126.
Темиръ-олху, мог. 271, 339.
Темиръ-тайга, г. 320, 334.
Темиръ-цорго, р. 334.
Темиръ-цохуръ, м. п. 277.
Темиръ-черга, р. 334.
Темурчи, м. п. 191.
Темурчинъ, м. п. 244, 274, 334, 336.
Темуръ-ленгъ, м. п. 127.
Темуръ-олху, могила 267, 271, 303, 320.
Темучинъ, м. п. 117, 118, 123, 126, 186, 189—191, 242, 244, 247, 272, 274, 276, 277, 320, 334.
Тенгріинъ-ху см. Тэнгріинъ.
Тендукъ, мѣстн. 347.
Тендыкъ-Яндыкъ, г. 234, 249.
Тенекъ-ху, м. п. 178, 179.
Тене-ханъ, м. п. 180, 181.
Тене-ху, м. п. 180, 181.
Тере-норъ, оз. 211, 212, 214, 215.
Терхинъ-голъ, р. 307.
Терхінъ-норъ, оз. 307.
Тесинъ-голъ, р. 306.
Тесъ, р. 307.
Тимучинъ, м. п. 278.
Ти-чинъ, м. п. 305.
Ти-чинъ-да-бо, м. п. 305.
Тлебица, м. п. 124, 130.
Тобоно-Гохонъ-Абаха, ж. п. 64.
Тогонцы, народъ 125.
Тогонъ, м. п. 228.
Тогосъ-Сокто, м. п. 45.
Тогулунъ-мергенъ, м. п. 327.
Тогусъ-цзокту, Т.-чокту, м. п. 192, 285.
Токто-тайджи, м. п. 304.
Токто-хото, грд. 304.
Токсоба, пл. 121.
Толи-зандант-тайгне, ж. п. 136.
Толуй, м. п. 123, 244, 245.
Томба-цаму-герь, ж. п. 40, 41.
Томба-Шигпа-тува, м. п. 236.
Томбу рэнчинъ, лош. 21.
Тӧмӧнъ-Жаргаланъ-Абахай, ж. п. 71, 72, 74, 101.
Т.-ж.-хатанъ, ж. п. 71—74, 77, 88, 92—97, 101, 104, 115.
Тӧмӧрше, Тӧмӧршн, м. п. 276, 336, 337.
Тонджюгъ, щенокъ 41.
Тончженъ, м. п. 40.
Тончжонъ, м. п. 40.
Гончжу-гарву, м. п. 40.
То-омоктай, м. п. 219.
Торгонъ-шара, м. п. 245.
Торгоуты, нар. 311.
Тӧрӧни-аманъ, мѣст. 116.
Тӧрӧни-хӧтӧлъ, мѣстн. 116.
Торонъ-музыкай, м. п. 334, 339.
Торху, м. п. 285.
Торъ-Саганъ, Торь-Саганъ, сѣть, 45, 60, 65, 66, 80.
Тостогошъ, м. п. 324.
Тото-чинъ-сянъ, м. п. 303.
Тотурхай-Илгисэнъ, м. п. 136.
Тотырешъ, м. п. 122.
Тохта, м. п. 139.
Тохта-бики, м. п. 208; см. Тухта.
Тохтагулъ, м. п. 275.
Тохтамышевъ, м. п. 274.
Тохтамышъ, см. Тохтомышъ.
Тохтоа, м. п. 285.
Тохтогаху, м. п. 245.
Тохтомышъ, м. п. 248, 267, 278—280, 285.
Тохто-тайджи-ханъ, м. п. 303.
Тохто-хото, грд. 303.
Тохту, м. п. 208, 209; см. Тухта.
Тохтугулъ, м. п. 285.
Тошю-ола, г. 302.
Тракинскіе цари 128.
Тубутъ-тангри, Т.-тэнгри, м. п. 257, 275.
Тугла-сэргуръ, Тугла сургэръ, м. п. 17, 18, 35.
Тугушинскіе цари и царства, 56, 57, 63, 71, 73.
Тугю, нар. 121, 289.
Туко-ханъ, м. п. 215, 255.
Тукю, нар. 215; см. Тугю.
Тулякъ, м. п. 125, 210.
Тумбинай-ханъ, м. п. 275.
Тумена-ханъ, м. п. 275.
Туменъ-джиргаланъ, ж. п. 126, 320.
Туметы, см. Барагунъ-Т., Тумюды.
Тумуръ-жиргынынъ, ж. п. 320.
Тумучи, дер. 44.
Тумэ-Ногонъ-духэ, ж. п. 126, 319.
Тумэ-Уланъ-ханъ, м. п. 71—73.
Тумюды, пл. 248.
Тунбаши, 253.
Тунва-ахырсынъ или Дунъ-ахорсынъ, страна 7.
Тунгъ-каратты-ханъ, м. п. 208, 209, 223, 224.
Тунгъ-шялъ, м. п. 139.
Тунхъ-похъ, м. п. 320.
Тунъ-могай-хара-нюдунъ, ж. п. 157.
Тухоло, царство 125.
Тухта, м. п. 285.
Тухта-бики, Тухтай-б., м. п. 209, 271, 285.
Тухэ, р. 307.
Тушету-ханъ, м. п. 243.
Тыгэы-норджи-джаву, м. п. 203.
Тыгынъ, м. п. 228, 285.
Тызынъ, м. п. 228.
Тѣбъ-тэнгэри, м. п. 191, 192, 244, 247, 276.
Тэбэкъ-Ногонъ-Абаха (Абахай), ж. п. 63—65, 67.
Тэджи, м. п. 119.
Тэмэнъ-ногонъ, ж. п. 126, 320.
Тэмиръ-казыкъ, зв. 321.
Тэнгри-ола, г. 334.
Тэнгріинъ-ху-тебикъ-уланъ-дзалута, м. п. 135.
Тэнгріинъ-ху-темиръ-бӧсь, м. п. 135, 136.
Тюменъ-Джиргаланъ, ж. п. 127, 138; см. Туменъ-Дж.
Тюрунъ-Музыкай, Т.-М.-бурканъ, м. п. 114, 119, 129, 325.
Тянгара, м. п. 328.

Уакъ, м. п. 119.
Уакъ, покол. 120.
Убаши, м. п. 278.
Убиртихъ-хормоздъ, м. п. 320.
Угарь, созв. 341.
Угей-норъ, оз. 213.
Угеръ, созв. 323, 341.
Угинъ-Саганъ-Абахай, ж. п. 63, 64.
Удактай, г. 116.
Удзонъ-Залайръ, м. п. 290.
Узунъ-жулъ, мѣстн. 340.
Уйгуры, нар. 326.
Уйленъ-ханъ, м. п. 124, 163, 164.
Уйлинъ, лош. 133.
Уймаръ-джумаръ, У.-ймаръ, р. 214.

Уйраты, поколѣн. 326.
Укаръ, созв. 324, 341.
Укинь-тэнгри, ж.п. 307.
Укко, м. п. 324.
Улакчинъ, м. п. 119.
Уланъ см. Ата-у., Буда-у., Буди-у.
Уланъ-нидунъ, зв. 329.
Уланъ-хонгоръ, м. п. 124.
Уланъ-хурхынъ, м. п. 168.
Уланъ-чики, мѣстн. 296.
Улгенъ, созв. 318.
Улгеръ, созв. 318.
Улгу-Уланъ-батаръ, м. п. 61.
Ули эджигенъ, созв. 318.
Улкеръ, созв. 323.
Улу-гсыгла-рэнчэнъ, чуд. 4, 31; (ср. Гсыла-рэнчэнъ).
Улы-гсыгла-рэнчинъ, чуд. 150.
Улыкэръ, созв. 322.
Ульберге, м. п. 156.
Ульгень, б. 216, 316.
Ульгере, 339.
Ульгяръ, созв. 339.
Ульдзэту-гоа, У.-гуа, ж. п. 270, 303.
Ульстеръ, страна 219.
Улэ-Бутэдэкъ, м. п. 45.
Улюгеръ, созв. 323.
Ундуръ-гэгэнъ, м. п. 242—248, 266, 267, 312, 383, 386.
Ундюръ-байсхылынъ, г. 248.
Ункъ-ханъ, м. п. 191.
Унсуръ, м. п. 121.
Уоръ-вэше вяджери, созв. 319.
Уралтай-мамырханъ, м. п. 273.
Ураты, пл. 250, 326.
Урваши, ж. п. 127.
Ургялъ, созв. 276.
Урджинъ-рембучи, м. п. 117, 231—233, 316.
Уріеръ, м. п. 117.
Уркилъ-Шолонъ, мѣстн. 324.
Уркёръ, созв. 324, 325.
Уркяръ, созв. 324.
Урма-Гохонъ-Абахай, Урмай-Г.-Аб., Урма-Г.-хатанъ, ж. п. 72—74, 77, 88, 96 — 101, 103, 105, 106, 115.
Уртай-шара-ханъ, м. п. 134, 135.
Уртень-тагъ, г. 212.
Урунъ-модонъ, дерево 254.
Уруньву, мон. 240.
Урусланъ-Зальазаровичъ, м. п. 125, 136.
Урусъ, 274.
Урусъ, нар. 126, 244, 311.
Урутъ, покол. 274, 275.
Уруудай, м. п. 274.
Урутъ, покол. 274.
Урчукъ-тюбе, г. 212, 297.
Уръ, г. 325.
Усуни, нар. 272.
Усунъ-цзуйль, мѣстн. 340.
Усюнъ-джюль, У.-дзюль, мѣстн. 340.
Утай, мон. 229, 238.
Ута-Мангила-батаръ, м. п. 97, 98, 101, 105.
Ута-Манжилай-батаръ, м. п. 105.
У-та-сы, мон. 265.
Утей-сангунъ-агула, г. 229.
Утиное гнѣздо, созв. 324.
Утіана, м. п. 206.
Уту-шяра-бокё, м. п. 157, 159, 160.
Уха-Лобсонъ-ханъ, м. п. 75—77, 100—102.
Уха солбонъ, зв. 329, 338.
Ухуани, нар. 277.
Ухыръ-ола, г. 252.
Ухырь, созв. 341.
Ухырь-чило, г. 297.
Ухэръ, созв. 341.
Учжа-дабчжалъ, хр. 232.
Учъ мыйгакъ, созв. 328.
Учь-Курбустанъ, б. 128.
Ушинъ да, м. п. 164, 165.
Ушъ мыйгакъ, созв. 327.

Фафниръ, м. п. 270.
Февронія, ж. п. 342.
Филипъ, м. п. 139.
Фуюйскій государь, 124.

Хабата-Хасаръ-Моргонъ, м. п. 44, 48, 49, 59, 60, 111, 112.
Хабуту, м. п. 118.
Хаданъ-бахадуръ, м. п. 122.
Хадасы-чоло, г. 331.
Хаджиръ-Чингисъ-тэнгри, м. п. 128.
Хадынъ-дзюгэ, м. п. 122, 160.
Хазаръ-хаганъ, м. п. 312.
Хайду-ханъ, м. п. 273, 275.
Хаинкирва, б. 242.
Хакимъ-ата, м. п. 258.
Халхинъ-тэнгэри, б. 45, 52, 53, 55.
Хамами-Чжачи-Чикыръ, м. п. 44.
Хамуръ, г. 336.
Ханай-хэрь, г. 296.
Хангавай, Хангамай, м. п. 122, 136, 145, 190, 248, 277.
Хапгай, страна 267; см. Алтанъ-х.
Хангинъ, покол. 208, 285.
Ханъ-бата, м. п. 329.
Ханъ-Гариде, Х.-гарнди, Х.-гаруди, пт. 145, 207, 249, 298, 343, 344, 350, 351.
Ханъ-Гужиръ, м. п. 125.
Ханъ-тэнгри, г. 334.
Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэринъ, б. 44—46, 51—63, 66, 75, 88, 91, 100, 111, 118, 128.
Ханъ-Ула, г. 74, 107, 109.
Ханъ-Хормусты, б. 186.
Ханъ-хотанъ, покол. 192.
Ханъ-хурмустенъ-ханъ, б. 184—186, 343; см. Хурмустенъ.
Ханъ-янъ, покол. 285.
Хара-Багинъ, ключь 301.
Харабсаръ, пт. 80.
Хара-гыргенъ, м. п. 276, 324.
Хара-Гэрэлтэ, книга, 46.
Хара-Гэрэлтэ-ханъ, м. п. 54, 95—97, 100, 104—106.
Хара-Зурха-моргонъ, м. п. 46.
Хара-иленъ, м. п. 164.
Харакчи-Тайбуцинъ, Х.-Тайбучинъ, м. п. 255.
Хара-Мурэнъ, р. 307, 308.
Хара-обугюнъ, м. п. 230.
Харасага-Хара-батаръ, м. п. 61.
Харасандза-Джелаиръ-хунъ-тайджи, м. п. 273, 290.
Хара-Сута-ноенъ, м. п. 115.
Хара-Сутанъ, м. п. 73.
Хара-хушунъ, г. 116.
Хари-ванъ, м. п. 241.
Харидыкъ, пт. 158—160.
Харитай, м. п. 186.
Харчинъ, соб. 158—160.
Харшютъ, г. 297.
Хасаръ, м. п. 118, 129, 130, 222, 279, 336.
Хаси, м. п. 257.
Хасыкъ, нар. 281.
Хасыръ-басыръ, соб. 118, 327.
Хата-гайту-хара-халу, пл. 273.
Хатагинъ, покол. 331.
Хаталза-хара, м. п. 81, 82.
Хатамба, м. п. 202, 203.
Хатанъ, падь 73, 74, 77, 93, 96, 101, 102, 107—109.
Хатунъ-голъ, р. 130, 180, 267, 269, 278, 295, 303.
Хаягрива, б. 242, 283.
Хинсаши-батаръ, м. п. 61.
Хиралжинъ, г. 112.
Хиру-тэнгэри, 45, 52—54, 56.
Хламо, ж. п. 213, 339.
Хлачжинъ-цонва-гарву, б. 4.
Хобульдей-мергенъ, м. п. 323.
Ховатай-убугунъ, м. п. 171—173.
Ховугу, м. п. 122, 160.
Хожиръ, м. п. 81, 82.
Хо-лао-ло-цзя, грд. 252.
Хёмёръ-ула, г. 334, 335.
Хонджинъ, б. 208.
Хонинъ-Хотонъ, мѣстн. 55, 56, 107.
Хони-омокъ, м. п. 304.
Хонуръ-Бурханъ, ж. п. 45, 60, 76, 77, 101.
Хоншинъ, б. 248.
Хонъ, пт. 87, 89, 90, 95, 96.
Хонъ-тайджа, ж. п. 245.
Хонъ-Хормуста-тынгырей, м. п. 245.
Хоптыгъ-эмегенъ, зв. 208.
Хоргисэ-гарву, пт. 15.
Хоредой, м. п. 168, 186, 208.
Хоридай, Хоридой, м. п. 186, 208, 209, 239, 245, 271.
Хорису-Баджу, Хорису-Маджу, Хори-Сумаджу, м. п. 139.
Хоритай, м. п. 271.
Хормуста, б. 118, 128, 192, 270.
Хормуста-тэнгри, Хормуста-хаганъ, б. 376.
Хормусту-ханъ, м. п. 186.
Хороддай-мергенъ, м. п. 135.
Хорхутъ, м. п. 122, 332, 338.
Хортонъ, м. п. 208, 209.
Хорульдей-богдо, Хорульдей-мергенъ, б., м. п. 161—163.
Хоръ, страна и народъ, 12, 14—21, 27, 28, 30, 32—36.
Хоръ-Банда-чжи-чжаву, м. п. 44.
Хоръ-Бандэра, г. 301.
Хоръ-Куркэръ-чжи-чжаву, м. п. 44.
Хоръ-Курныгъ-чжи-чжаву, м. п. 44.
Хоръ-кэркэръ-чжаву, м. п. 3, 4, 14; см. Кэркэръ-чжаву.

Хоръ-Чагэнъ-чжаву см. Чагэнъ-чж.
Хотанъ, грд. 190, 211, 214, 217, 218, 252.
Хото-гайду, Х.-гайту, пл. 135, 273.
Хото-гайду-карагула, Х.-гайту-к., м. п. 273.
Хото-гойту, пл. 273.
Хохо-Гэрэлтэ, книга 46.
Хоходой, м. п. 120.
Хохосо, м. п. 120.
Хо-чжоу, грд. 306.
Хо-чжунъ-танъ, м. п. 238.
Хуанъ-хэ, р. въ киданьскомъ царствѣ, 307.
Хуа-солбонъ, зв. 338.
Хугэлъ-Эмши-батаръ, м. п. 98.
Хугэнъ-Эмшинъ-батаръ, м. п. 61.
Худа-хайту, г. 273.
Хулана, ж. п. 130.
Хуланъ-хатунъ, ж. п. 267.
Ху-ланъ-чуань, мѣстн. 306.
Хули, м. п. 284.
Хулугу, м. п. 125.
Хумъ-далай, м. 334, 340.
Ху-нань, провинція 225.
Хунгъ-Бэгэджи, ж. п. 270.
Хунгъ-Бэгэдзи, ж. п. 270, 302.
Хунгъ-табынъ-одунъ, созв. 340, 341.
Хунъ-тайджи, м. п. 245.
Хунъ-тайджи см. Отханъ, Харасандза, Сенгенъ.
Хунъ-тайжи, м. п. 129.
Хуренъ-бельчиръ, мѣстн. 307.
Хурій, м. п. 139.
Хурмустанъ Галто, м. п. 270.
Хурмустенъ-ханъ-тенгиръ, б. 185; см. Ханъ-хурмустенъ-х.
Хурмусту, б. 283.
Хурмуше, м. п. 128; см. Андзынъ-х.
Хурэ-хара-батаръ, м. п. 97.
Хусыкэнъ, ж. п. 273.
Хуту-гайту, г. 273.
Хутула-каанъ, м. п. 118.
Хуухунъ-хутухту, м. п. 261.
Хуханье, м. п. 272.
Хухенъ-хутухта, м. п. 319.
Хухулзей мыргынъ, зв. 328.
Хухулзей хонръ нохай, зв. 328.
Хухулзейнъ годоли, зв. 328.
Хухулзенъ хухшинъ саганъ-моринъ, зв. 328.
Хуху-норъ, оз. 125, 127, 202—206, 211—214, 216, 257, 282, 297.
Хуху-хото, грд. 264—266.
Хухэй, мѣстн. 384.
Хэ-бо, б. 124.
Хэлгэнъ-саганъ-заянъ, м. п. 324.
Хэли, м. п. 346.
Хэрэкъ-кирвэсъ, м. п. 124, 126, 128, 319.
Хэрэтуйская степь 94.
Хэ-чжоу, грд. 306.

Цаганъ-баргунъ, нар. 311, 384.
Цаганъ-дара, Ц.-д.-еке, Ц.-д.-экэ, Ц.-дареке, Ц.-дарихе, Ц.-дариху, б. ж. 130, 159, 160, 189, 210, 213, 270, 303, 339.
Цаганъ-Лабай-тэткукчи, м. п. 157.
Цаганъ-тирхинъ-норъ, оз. 303.
Цаганъ-ханъ, ж. п. 189, 274, 280.
Цагдуръ, м. п. 234.
Цадуръ-намугэнъ, м. п. 197.
Цадуръ-рембучи, м. п. 197.
Цаннай, м. п. 275.
Цасунъ-цаганъ, ж. п. 157, 158.
Цзаду-рахи, м. п. 316.
Цзалъ-куйрукъ, лош. 210.
Цзальгидыкъ емегенъ, зв. 317, 337.
Цзонкава, м. п. 191, 205, 233, 236, 237, 239, 240, 245, 265, 283; см. Зонкава.
Цзюй-ши-линъ-цзя, г. 252.
Цинъ-чжунъ, мог. 271.
Цогцогъ, созв. 322, 324, 329.
Цёдей-ханъ, м. п. 274.
Цоктай, м. п. 266, 267, 285, 338.
Цоктай-ханъ, м. п. 208, 209, 248, 275, 284.
Цокцогъ, созв. 329.
Цолбонъ, Цолманъ, Цолмонъ, Цолмунъ, Цолмынъ, зв. 129, 285, 329, 337, 338.
Цонхынъ-нима-ибынъ, м. п. 11.
Цорки-дорчжи, цвѣтокъ 232.
Цоросъ-Бодунъ, м. п. 186, 255, 274, 278, 334; см. Бодунъ.
Цохтай, м. п. 338.
Цумбуръ, г. 248, 336; см. Баянъ.
Цундуръ, г. 336.
Цунъ-линъ, м. п. 292.
Цэрэковъ панцырь 121.
Цэцэнъ-ханъ, м. п. 247.

Чаволай, м. п. 290.
Чаганъ-абита, мон. 251.
Чаганъ-балгасунъ, мѣстн. 293, 294, 298, 299.
Чаганъ-дарихе, б. ж. 269.
Чаганъ-лосунъ-ханъ, м. п. 153.
Чаганъ-муренъ, р. 306.
Чаганъ-обугюнъ, м. п. 230.
Чагэ-мунго-мончугъ, м. п. 15—18; см. Мунго.
Чагэнъ-чжаву, Хоръ-чагэнъ-чж., м. п. 3, 4, 8, 9, 15, 16, 18, 36.
Чакра, б. 246, 254.
Чаксу, м. п. 275.
Чалубей, м. п. 290.
Чангызъ, м. п. 191.
Чандрагоминъ, м. п. 228, 245—247, 262, 319, 368, 385.
Чандрагупта, м. п. 146.
Чандра-двипа, остр. 246.
Чандракирти, м. п. 223, 263.
Чанъ-омоктай, м. п. 261, 262.
Чанъ-хой, м. п. 261, 262.
Чань-ань, грд. 206, 286, 288.
Чао-джюнъ, ж. п. 266, 302, 303.
Чао-чжинъ, Чао-чжюнъ-фынъ, мог. насыпь 289, 302, 303.
Чахыръ-саянъ, м. п. 277.
Чеботокъ, м. п. 332.
Чеды-ганъ, созв. 320.
Чеды-ханъ, созв. 318.
Чекчекей, ж. п. 325.
Чельбегень, чуд. 339.
Четты-канъ, созв. 318.
Чехгэръ, созв. 385.
Чечевъ-бучюкчи, ж. п. 137, 138.
Чечинъ-кызъ, ж. п. 122, 248, 277.
Чжагыръ-дорджитанъ, страна 237, 240.
Чжакыръ-чжалву, м. п. 232.
Чжакэ-нигу-сытунъ, м. п. 34, 35.
Чжамуха, м. п. 271.
Чжамхакъ, р. 269.
Чжанчжа-хутухта, м. п. 267.
Чжанъ-тешь бакшинъ яманъ-хоро, созв. 341.
Чжанъ-хой, м. п. 263.
Чжанъ-ё, м. п. 263.
Чжанникъ, страна 12, 14, 15.
Чжань-мохе, м. п. 211.
Чжао-гюнъ, Ч.-гюнь, Ч.-цзюнь-нянъ-нянъ, Ч.-чжинъ, Ч.-чжюнъ, ж. п. 271, 272, 290.
Чжарсэй-чжаву, м. п. 9, 11, 13, 15, 16, 18, 27, 33, 34, 36, 126.
Чжарсэй-шякыръ-мбумэ, м. п. 3.
Чжасырчжи, м. п. 237.
Чжасы-фоту, созв. 326.
Чжачжукъ-марву-цонге-тончжау, мѣстн. 14.
Чжашинъ-чи, мѣстн. 241.
Чжаянъ-чжанпа-сэнъ, м. п. 240, 241.
Чжиланъ, лош. 41.
Чжочжуто-рембучи, м. п. 236.
Чжуанъ-ванъ, м. п. 225.
Чжумынъ, м. п. 124, 190, 301, 302.
Чжучинба, б. 230.
Чигирь, зв. 385.
Чигныгъ-Асынъ, м. п. 20—22; см. Асынъ.
Чигсанъ, м. п. 264.
Чика-арасу, соб. 6, 124.
Чикиту см. Го-Ч., Ойо-Ч.
Чикты см. Ак-ч.
Чилгэръ, м. п. 209, 271.
Чилету, м. п. 209, 271.
Чилоту, р. 303.
Чилунъ-ташюръ, м. п. 139.
Чими-ами-кургэль, м. п. 15; см. Аму-кургэль.
Чингисъ-богдо, м. п. 251, 267, 269, 282, 296, 297, 299.
Чингисъ-ханъ, м. п. 117—119, 122, 123, 126, 128, 129, 139, 168, 191, 208, 209, 213, 215, 216, 221, 222, 231, 242, 244, 245, 247, 251, 252, 254, 255, 266—280, 282, 284, 285, 289, 290, 294, 296, 299, 300, 303, 305—307, 312, 320, 325, 326, 330, 334, 336, 338, 339, 346, 347, 384, 386.
Чингисъ-Кэзэръ-кайраканъ, м. п. 118.
Чингисъ-Хаджиръ-бо, м. п. 118.
Чингионы, м. п. 305.
Чингій, м. п. 280.
Чинъ-Тимуръ, м. п. 337.
Чи-танла, соб. 6.
Чичагъ, пт, 325.
Чи-чжа-лао-ё, м. п. 256.
Чи-шуй-гуань, застава 263.
Чоджи-джабу, м. п. 283.

кобыла, 38, 41; вороная, 321; пѣгая, 79, 80; саврасая, 133.
ковшъ, 26, 43, 144, 385; золотой, серебряный, 186.
коза, 141; бѣлая. 202, 205.
козелъ, 194, 239, 242; бѣлый, 203.
козлуха, 181.
козодой, 324.
козуля, 208; бѣлая, серебряная, 45, 83.
коку буху, 158.
колесница, 210, 219.
колесо, 222, 337; огненное, 41.
колодезь, 147, 155, 162, 175, 204, 205, 211, 383.
колоколъ, 298.
колонна, 249, 252, 332.
колчанъ, 45.
колыбель см. люлька.
колъ желѣзный, 321, 330; золотой, 213, 299, 331; серебряный, 299.
колючка, 38, 119.
комаръ, 66.
конь, 8, 19, 21, 34, 42, 45, 109, 113, 114, 120, 125, 132, 135, 219, 319; бѣлый, 61, 219, 328; бѣлымъ-бѣлый, 78; восьминогій, 155; карій, 308; красночалый, 61; рыжій, 75; соловой, 56; сѣрый, 60; темно-гнѣдой, 58, 60, 74—76, 102, 104, 106; черный, 61; см. лошадь.
копыто, 133, 158, 301; коровье, 342.
копье, 116, 217, 226; черное, 78.
копъеце, 38.
кора пихтовая, 88.
корабль, 328.
корень судусунъ, 273.
корова, 7, 23, 38, 41, 43, 172, 181, 194, 221, 237, 295, 298, 324, 343, 355; пѣгая, 307; черная, 63, 64.
коровье копыто, 342.
коровья голова, 341.
коршунъ (тасъ), 343.
костеръ, 90, 95, 232.
косточки изъ фруктовъ, 150.
костыль, 328.
кость, 30, 40, 43, 183, 184, 188, 190, 219; кость бабка 115; плечевая, 158.
котелъ, 164, 275, 299; черный, 63, 64.
крапива, 230.
красная, ое, ый: 74; бобъ, 156; глазъ, 329; зандынъ, 14; звѣзда, 327; камень, 61; молотокъ, 5; мысъ, 160; нить, 29; порозъ, 68, 69; струя, 324; теленокъ, 67; цвѣтъ, 208.
красно-мѣдная-серебряная-собака, 83.
красно-чалый конь, 61.
кремень, 13, 104, 106.
кровь, 114.
крокодилъ, 343.
кротъ, 44.
кувшинъ золотой, 224.
куджи, 237.
кузнецъ, 81, 82, 83, 113, 116, 276, 320.
кузнечный батаръ, 61.
кузнечный духъ, 337.
кукушка, 349.
купецъ, 11.
курдэ, 238.
курица, 221, 324, 342, 343.

Лама, 26, 32, 85, 86, 93, 182, 188, 243, 290.
лань, 222.
лебедь, 98, 208, 209, 239.
левъ, 78, 102, 115, 118, 231, 242, 310; четырехногій, 155.
легкія, 134, 135.
ледъ, 139.
летучая мышь, 127, 128, 170, 320, 325, 329, 343, 344.
летяга, 344.
лизаніе стрѣлы, 114.
лисица, 18, 19, 45, 170—173, 186, 254, 322; л. желто-мѣдно-серебряная, 83.
лодка, 38.
лопата березовая, 112.
лось, 328, 385.
лошадь, 4, 10, 17, 24, 34, 123, 163, 194, 221, 305, 321, 342, 343, 354, 355; бѣлая, 249, 250, 307; гнѣдая, 134; карельсая, 310; сивая, 133, 161, 162, чубарая, 338; см. конь.
лу, 177.
лука золотая, 308.
лукъ, 70, 102, 105, 134, 161, 162, 163, 306; желтый, 45.
лумбу, 16.
луна, 198, 246, 306, 315, 317, 323, 345.
львиное молоко, 238.
львица, 238.
льдина, 292.
лѣсъ, 17, 30.
людоѣдъ, 235.
люлька желѣзная, 104.
лягушка, 324, 349; золотая, 350.
лягушечій тамъ, 84.

Мангатхай, 94, 101.
мангусъ, 325.
мангысъ, 131, 134, 135, 164, 172, 229, 319.
маралуха, 120, 328.
маржанъ, 94.
матица въ потолкѣ, 37.
махачи, 235.
мачта, 169, 335.
медвѣдь, 102, 242, 320, 340.
мельница золотая, 45, 83.
мельница молитвенная, 238.
мечь, 328, 332.
мизгирь, 343.
мизинецъ, 105, 112, 122.
могила, 332, 333.
можжевельникъ, 4, 19, 23, 37, 64.
молитвенная мельница, 238.
молнія, 185.
молоко, 5, 23, 25, 80, 84, 199, 202, 205, 233, 234, 238, 241, 245, 255, 281, 340.
молоръ-эрдени, 136, 137.
молотокъ красный, 5.
молотъ, 35, 36, 332; желѣзный, 86, 91, 116.
молочное море, м. озеро, 340.
монахиня, 30.
море, 17, 21, 22, 74, 76, 109, 117, 122, 132, 133, 135, 141—143, 157, 182, 203, 204, 213, 225, 246, 277, 278, 301, 339, 331—334, 351; бѣлое, 56, 62; желтое, 56, 62, 75, 76, 94, 100, 101; желѣзное, 333; молочное, 340; синее, 56, 62; черное, 57, 63.
мори-больджумуръ, 282.
морозный тамъ, 84.
морозъ, 74, 121.
морской пупъ, 213.
морское чудовище, 114, 534.
мостъ, 150, 214, 301, 302.
мужъ желѣзный, 333.
мулъ, 164, 165; сивый, 7.
муравей, 3, 124, 350.
мутовка, 336, 386.
муха, 155; черная, 87.
мышь, 33, 175, 178, 221, 342, 343, 354, 355.
мышь летучая, 127, 128, 170, 320, 325, 329, 343.
мѣсяцъ, 316, 320, 323, 385.
мэнивъ (чуд.), 383.
мясо, 27, 40.

Наковальня, 242, 302.
налимъ, 346.
наперстокъ, 154.
нгрва, пт. 14.
небесная стрѣла, 7.
нитки, 24, 25, 31.
ножъ, 8, 20, 152.
нора волчья, 137, 138.
нохой-баргасу, 351.
нчжунъ (драконъ), 149; нчжунъ-рэмыръ, якъ, 27.
нэйцу, пт. 14.
нямбыгъ шянцынъ, 31.

Облава, 69.
обезьяна, 221, 229, 253, 254, 325. 342, 343, 354, 355.
овечій пометъ, 175, 177.
овца, 170, 175, 354, 355.
огненное, ый: колесо, 41; тамъ, 84.
огнивная сумочка, 160.
огниво, 104.
огонь, 43, 70, 121, 122, 158, 213, 216, 232, 238, 254.
озеро, 155, 156, 187, 189, 198, 200, 202, 205, 206, 209, 211—214, 216, 217, 223, 224, 232, 238, 246, 281, 289, 308, 309; молочное, 340.
оленуха, 135, 327.
олень, 40, 135, 162, 230, 231, 275, 324.
онгонъ-чекчегей, пт. 325, 329.
орелъ, 324, 329; бѣлый, 324.
оса, 66.
оселокъ, 342.
оселъ, 86, 87, 115, 206, 211, 214,

294, 319, 384; черный, 150; паршивый, 182, 183.
оскопленіе, 122, 218.
островъ, 225.
ось земная, 241.
отрубленная голова, 81, 82, 208, 209, 244, 218, 275, 276, 284, 285.
отшельникъ, 235, 246.
охота, 115.
очиръ, 317, 330.
ою камень, 203.

Палецъ, 346.
палецъ большой, 345.
палунъ-иготугъ, палынъ-котыгъ, камень, 30, 42.
панцырь, 121, 122.
парусъ бѣлый, черный, 218.
паршивоголовый, 119.
пастухъ, 209, 244, 282.
паукъ, 200, 203, 234, 343; см. мизгирь.
паутина, 200, 203, 234.
перевалъ, 337.
перо, 33, 47, 48, 96; перья, 103.
перстень золотой, 213.
песчаный дождь, 252, 331.
петля, 45, 60, 65, 66, 79, 80, 224.
печень, 134, 135.
пещера, 188, 190, 200, 223, 234, 235, 237, 238, 250, 287, 289, 290—292, 298, 311, 384.
письмо, 18, 135, 179.
пихтовая кора, 88.
пища одуряющая, 76.
повозка, 51.
подё (боди), 351.
подруга, 201, 205, 238.
пожаръ, 142, 213, 238.
попугай, 184, 185.
порозъ, 194; красный, 68, 69.
портретъ, 240.
послѣдъ, 236.
посолъ, 95.
посохъ, 228, 332.
потопъ, 215, 328.
пращъ, 5.
приколъ золотой, 336.
пряжка, 211.
птица, 3, 5, 6, 9, 15, 18, 26, 29, 40, 41, 79, 80, 96, 97, 145, 148, 158—160, 205, 207, 224, 244, 321, 327; бѣлая, 5; инъ, 253; мори-больджумуръ, 282; оигонъ-чекчегей, 325, 329; тасъ, 184; цакцагай, 325.
пугало, 320.
пуговица, 46, 60, 80.
пунце, 193.
пупъ, 126, 162; Алтая, 332; земли, 332, 385; морской, 213; неба, 324, 332.
пурьву, 242.
пчела, 9, 43, 66.
пѣгая, ій; кобыла, 79, 80; корова, 307; ягненокъ, 188, 189.
пѣтухъ, 354, 355.
пятнадцатиголовый, 94, 95
пятно родимое, 28.
пять боговъ, 117; лебедей, 98.
пятьдесятъ пять тэнгэриновъ, 46, 51, 52, 56—59, 88, 91, 111.

Радуга, 163.
ракшаса, 229.
ратовище, 214.
ргуръ-тэнкэръ, пт. 3.
ребро, 33.
ремень, 27.
рога, 13, 139, 158, 199, 233, 236, 237, 255, 348, 383.
рука, 227.
рсанъ, 37; см. санъ.
рта-бунгу, 4.
рыба, 29, 180, 226.
рыжій: быкъ, 238; конь, 75.
рѣка, 13, 41, 138, 139, 209, 213, 214, 222, 278.
рѣшето, 43, 197.
рябчикъ, 118.

Сабля, 112, 128, 226.
саврасая кобыла, 133.
садакъ, 160.
самбава, 235.
сандальное дерево, 206, 220.
санъ, 4, 19, 134; см. рсанъ.
сборный сѣрый холмъ, 134.
свинья, 205, 221, 342, 343, 354, 355.
семилѣтняя дѣвочка, 324.
семимѣсячный, 113.
семислойное небо, 385.
семь, 83, 120, 145, 170, 185, 243, 290; ангировъ, 243, 245, 383; богатырей, 123, 124; братьевъ, 82; воровъ, 319; вѣдьмъ, 325; глазъ, 324; головъ, 82, 83, 320; горъ, 24, 39; деревъ, 145; долинъ, 39; дѣвицъ, 30, 218, 339; женъ, 213; кузнецовъ, 81, 82, 320; лямъ, 243, 245; лисицъ, 322; лумбу, 16; лѣтъ, 20, 31, 245, 246; начальниковъ бугра, 107, 109; овецъ, 170; птицъ, 184; пугалъ, 321; рѣкъ, 69; саженъ, 157; слоевъ, 162; желѣзныхъ столповъ, 333; стрѣлъ, 18; ступеней, 42; стѣнъ, 120; сыновей, 81, 273, 290; тэнгэриновъ, 46; усовъ, 339; хошуновъ, 290; чашекъ, 83; человѣкоядцевъ, 7; человѣкъ, 321; чертей, 186; чиновниковъ бугра, 108; шаговъ, 181; юношей, 218.
семьдесятъ: верблюдовъ, 69; возовъ, 71, 72; дней, 68; жеребятъ, 160; коровъ, 172; лѣтъ, 45; семей, 273; стрѣлъ, 45; телятъ красныхъ, 67; цвѣтовъ, 91; шкуръ коровьихъ, 134, 161.
семьдесятъ два, 38.
семьсотъ альбиновъ, 56.
сердце, 132, 133, 158, 159, 161, 205, 234, 250, 256, 325; с. быка, змѣи, коровы, 161.
серебряная, ое, ый: барабанъ, 71, 107; ведро, 43, 186; ковшъ, 186, козуля, 45, 83; колъ, 299; столбъ, 46—48, 58, 71, 72, 74; столъ, 76; стрѣла, 113; цѣпь, 45.
сестры, 45, 60, 76, 77, 87, 101.
серьга, 31.
сивая, ый: быкъ, 143, 158, 159, 201—203, 205; жеребенокъ, 63; жеребецъ, 56, 63, 71; лошадь, 133, 161, 162; мухъ, 7.
синее, ій, яя: альбинъ, 56; вошь, 57; море, 56, 62; шкура, 180, 181.
сито, 324.
скала, 22.
слеза, 57, 80, 136, 309, 317, 342.
слонъ, 206, 231, 253.
слѣдъ, 64, 76, 101, 141, 300, 301, 340.
слюна, 57, 189, 312.
снѣгъ, 12, 41, 64, 65, 70, 342.
собака, 6, 29, 38, 41, 42, 45, 118, 151, 158—160, 176, 184, 205, 221, 230, 284, 294, 305, 310, 327, 328, 340, 351, 354; красно-мѣдяно-серебряная, 83.
собака-тайга, 171.
собачья шкура, 153.
сова, 128, 244, 344.
солнце, 198, 315—317, 320, 339, 345.
соловой жеребенокъ, 62; конь, 56; меринъ, 244.
сорока, 14, 18, 31, 39, 42, 64, 89, 98, 118, 129, 349.
сорокъ: батаровъ, 110; шейховъ, 295.
сорокъ девять дней, 306.
сорокъ четыре тэнгэри, 46.
сорочье платье, 157.
сосна, 216.
сосокъ, 255; с. земли, 217.
сошникъ желѣзный, 200.
старикъ: бѣлоголовый, 141; бѣлый, 328.
стеклянный городъ, 153, 317; дворецъ, 178.
сто альбиновъ, 56, 62.
сто восемь суме, 232.
стойло желѣзное, 210.
столбъ, 232, 332; желѣзный, 333; золотой, 76, 331; серебряный, 46—48, 58, 71, 72, 74, 76.
струя красная, 324.
стрѣла, 12, 18, 22, 23, 39, 40, 43, 49, 50, 63, 64, 70, 98, 102, 112, 116, 174, 179, 227, 230, 234, 300, 306, 307, 317, 321, 327, 345; небесная, 7; серебряная, 113; черная, 49; лизаніе стрѣлы, 114.
субурга, субурганъ, 205, 238, 252, 332, 335.
судусунъ корень, 273.
сука, 157; черная, 63, 84.
сумка, 333; огнивная, 160.
суровъ, 207, 345, 346.
сыбыръ, 335.
сывыръ, 335.
сынъ, 229, 328.
сѣверные цари, 59.
сѣдло, 8, 21, 70.
сѣро-пестрый жаворонокъ, 64.
сѣрый: волкъ, 115; конь, 60.
сюлюгій, 386.

Чоджинъ, ж. п. 302.
Чой-чжалъ, б. 216, 307, 384.
Чолбонъ, Чолбонъ-хоту, зв. 337.
Чоллянъ, зв. 338.
Чолманъ, Чолмонъ, Чолпонъ, зв. 337—339.
Чононъ-гурбанъ-нюдунъ, созв. 341.
Чононъ хоиръ нюту, созв. 341.
Чонунъ-бэль, м. п. 277.
Чотонъ, Чотонъ-ака, м. п. 117, 119, 121, 125, 127, 303.
Чотонъ-чжаву, м. п. 3, 6, 7, 9, 12, 14—16, 18, 28—30, 36; см. Ака-Чотонъ.
Чохчогъ, созв. 322, 324.
Чочжа, м. п. 237, 239.
Чуань-ку, грд. 288, 290, 292.
Чу-ба-чже, м. п. 254, 256.
Чугэйгэрь, созв. 324, 385.
Чунцэй-гаму, ж. п. 10, 20, 27.
Чунъ, пт. 9, 298.
Чунъ-ченъ-гарву, пт. 41.
Чуу-хунъ-ву, м. п. 303, 304.
Чухлюнское озеро 278.
Чюнкырь, теленокъ 41.

Шажага-номонъ-ханъ, м. п, 95—98.
Шажагатыйская степь 94.
Шакджа, Шакджа-муни, м. п. 239.
Шакчжитоба, б. 315, 316.
Шаманскій камень, 127, 212, 297.
Шантиварманъ, м. п. 117, 208, 210, 214, 222, 223.
Шарабуловы цари, 54, 95—101, 103—106, 115.
Шара-Гэрэлтэ книга, 46.
Шара-Гэрэлтэ-ханъ, м. п. 54, 95, 97, 100, 105, 106.
Шара-Зурха-моргонъ, м. п. 46.
Шара-Сэсэкъ-Абаха, ж. п. 95—97.
Шаргарданъ-чжамцу-сэнъ, м. п. 240.
Шареголынъ гурбанъ-ханъ, м. п. 221.
Шарисынъ-ханъ, м. п. 139.
Шарусенъ-голъ, р. 251.
Шарханъ, ж. п. 57.
Шатакъ, земля 62, 74.
Ша-хай, грд. 238.
Шацгай-ханъ, м. п. 152, 154, 157, 207.
Шенъ-цай, м. п. 226.
Шеше-хатунъ-иби, ж. п. 277, 342.
Шибогэни, Шибэгэни-бурханъ, б. 73.
Шибэгэни-Саганъ, Шибогэни-саганъ, м. п. 45, 58, 65, 73.
Шигемуни, б. 123.
Шигустей-кутухту, м. п. 247.
Шидургу, м. п. 209, 213, 217, 267, 278, 285, 289, 290, 303, 330; см. Шудургу.
Шидургу-тюлгунъ-ханъ, м. п. 270, 278.
Шидургу-тюлгучи-ханъ, м. п. 269.
Шидургу-ханъ, м. п. 279.
Шидырванъ, м. п. 245, 246, 266, 278, 326.
Шикчжи-муни, б. 219.
Шикэръ-тайго, 319.
Шихъ, м. п. 246.
Шильдэ-дзанги, м. п. 307, 308.
Шингисъ, м. п. 190, 285.
Шингисъ-шерэтэ-богдо, м. п. 45, 48, 49, 59.
Шингъ, грд. 377.
Шингысъ, м. п. 275, 280, 312.
Шинкиба, м. п. 239.
Шинъ-ся-норъ, оз. 200, 234, 308.
Шинъ-чжяръ, ж. п. 225.
Шинъ-чжя-шянъ-нойонъ, м. п. 225.
Шира-муренъ, р. 306, 307.
Шира-хото, грд. 198.
Ширинъ, м. п. 208.
Шисы-баба, м. п. 256.
Шитургу-Тюльгенъ, м. п. 269.
Шитыръ-тюльгунъ, м. п. 302.
Шиси, м. п. 257.
Шихпадорчжи, б. 198.
Шихэръ-тайху, ж. п. 319.
Шкуропётъ, м. п. 129.
Шодо зайсанъ, м. п. 307, 308.
Шолбанъ, зв. 338.
Шолмо, Шолмонъ, чуд. 138.
Шолудивый Буняка, Шолудько-Буняченко, м. п. 211.
Шонгъ-гуршинъ, зв. 341
Шоно, м. п. 129, 130.
Шоно-доитъ. м. п. 208.
Шоно-ноинъ, м. п. 44.
Шононъ дербунъ нюдынъ, созв. 341.
Шо-янъ-гунь-чжу, ж. п. 304, 305.
Шу-ань-гунь-чжу. ж. п. 304, 305.
Шубасара, м. п. 117.
Шудургу, м. п. 129, 130, 217, 266, 285, 303; см. Шидургу.
Шудурманъ, м. п. 129.
Шумаръ см. Анзанъ-ш., Буданъ-ш.
Шуно, м. п. 125—127, 129, 130, 280, 289, 336.
Шютургу-Тюльгенъ-ханъ, м. п. 268.
Шялъ, м. п. 138, 139.
Шянба, м. п. 211, 228, 235, 236, 246.
Шянба-мэри, м. п. 17—19, 27.
Шянба-нибдынъ, чуд. 7.
Шянъ-танъ, деревня, 288.
Шяра-бокб, м. п. 157, 158.
Шя-чунъ, мон. 236, 237, 298.

Ёди-тублухъ, м. п. 320.
Ёкэ-чжэрянь, м. п. 269.
Ёлике-хала, м. п. 346.
Ёсугань, ж. п. 269, 275.

Эгей, м. п. 218.
Эджигенъ, созв. 318.
Эджинъ-Чингисъ, м. п. 296.
Эдзенъ-сульде, б. 340.
Эдзигенъ, созв. 318.
Эдигенъ, созв. 318.
Экиритъ, м. п. 346.
Экэри, м. п. 346.
Экэ-Чилету, м. п. 209.
Элбэкъ-ханъ, м. п. 270, 290.
Элхэтэ-ула, г. 109.
Эмайка, мѣстн. 219.
Эмдо, страна, 197.
Эмэршинъ-тэнгэри, б. 45, 52, 53, 55.
Энгирэхэнъ-джу, хр. 216.
Эндури, б. 248.
Эргилъ-буга-ноинъ, м. п. 324.
Эрдени, камень 60, 62, 65, 70.
Эрдени-дзу, б. 210, 218.
Эрдени-дзу, мон. въ Халхѣ 217, 222, 306, 310.
Эрдени-хараликъ, см. Эрдэни-Х.
Эрдени-ула, г. 210, 310.
Эрдэне-абахай-цэцэкъ, м. п. 208.
Эрдэне-цэцэкъ, ж. п. 208.
Эрдэни-цзао, мон. 207; см. Эрд.-Дзу.
Эрдэни-дзу, мон. (въ Халхѣ) 129 130, 207, 210, 217, 218, 222; см Эрд.-цзао.
Эрдэни-хараликъ, м. п. 161, 168, 192, 208, 210, 223, 227.
Эржинъ-Шумаръ-батаръ, м. п. 61, 78, 109, 111, 112.
Эркгитъ, м. п. 346.
Эрке-хара, м. п. 346, 347.
Эркинъ-дологонъ-кумунъ-сандалиту-хаганъ, м. п. 320.
Эркэ, м. п. 347.
Эркэгутъ, нар. 347.
Эркэ-мергенъ, м. п. 207.
Эркэунъ, нар. 135, 346.
Эркэ-хара, м. п. 135.
Эрликъ-ханъ, б. 114, 207, 277; см. Ерликъ.
Эрлэнъ-ханъ, б. 207, 244; см. Ерликъ, Эрликъ.
Эрръ-ланъ-ченъ, мѣстн. 384.
Эртене, мон. 285.
Эртене-мергенъ, м. п. 125, 128, 135, 207, 209, 210, 223, 346.
Эрте-уланъ-хунъ-тайджи, м. п. 347.
Эртэ, м. п. 135.
Эртэне, м. п. 135.
Эртэнъ-эргэ, м. п. 207.
Эртэнэ-мергенъ, см. Эртене-м.
Эртэ-еайнъ-хунъ-тайджи, м. п. 135.
Эрхе-мергенъ, м. п. 345.
Эрхи-мергенъ, м. п. 345, 346.
Эрхэ-Анзанъ-батаръ, м. п. 61, 97, 98, 100, 101.
Эрхэ-Билектэ, м. п. 45, 346.
Эрши, грд. 125.
Эрши-гянь-гунь, Эршы, Эршыскій, м. п. 125.
Эръ-Элляй, Эръ-Эльяй, м. п. 278.
Эрэндахъ-Бурэндахъ, м. п. 325.
Эрякя-жяряка, б. 346.
Эсеге-маланъ, м. п. 277.
Эсугай, Эсугей, м. п. 168, 247; см. Есугай.
Эсэгэ-маланъ-тэнгэри, м. п. 46, 64, 161, 168, 186, 277, 342.
Этугэнъ, б. ж. 278.
Этыкенъ, созв. 318.

Юджіянь (Бѣлый), м. п. 325.
Юдя, м. п. 354.
Юкагайненъ, м. п. 278.
Юлай, м. п. 190.
Юла-илакъ, мѣстн. 122.
Юнло-донжу, м. п. 200.
Юпитеръ, зв. 242, 329.

Юргялъ, Юргяль, созв. 127, 324.
Юрунъ-Музыкай, м. п. 129.
Юрюнгъ-ан-тоенъ, м. п. 386.
Юрюнгъ-уланъ, м. п. 386.
Юрюнь-хатунъ-иби, ж. п. 277, 342.
Ютянъ, грд. 190.
Ю-хуанъ-ё, б. 256.

Ява-ясыръ-рхсныъ, м. п. 283.
Явей-чаганъ, м. п. 133, 135.
Яикъ-ханъ, м. п. 328.
Ямаганъ-шолмо, чуд. 124.
Ямантака, м. п. 224.
Яндыкъ, г. 234; см. Тендыкъ.
Янъ-ву-ланъ, м. п. 304.

Янь-дже-ма, Янь-чжи-ма, лош. 125 261, 306.
Янь-чжи-чуань, р. 306.
Яру-Цзампо, р. 233.

Ѳаворъ, г. 336, 351.

Abar-Sabir, Abir-Sibir, страна 335.
Aghola Oergöktschi Büke, м. п. 120.
Aldang-Gadassu, 331.
Andun Tsching Taidschi, м. п. 222.
Angdulmanchan, чуд. 128.
'Angka, пт. 350.
Aracho, м. ч. 316.
Argon, нар. 5.7.

Bâdâmi, хр. 336.
Balchija, ж. п. 210.
Baliq, г. 191.
Bar juchre, пт. 350.
Berke Schidurgho taelgen khan, м. п. 384.
Bitiou, м. п. 139, 148, 149, 218.
Bosy Körpäsch, м. п. 119, 278.
Bugra-chan, м. п. 258.
Buke-Tschilger, м. п. 209.
Bukra-chan, м. п. 258.
But Tyngry, м. п. 191.

Chajanggiriwa, б. 283.
Chakdor, б. 316.
Changius, м. п. 191.
Chara-chang, ж. п. 129.
Chintsa-tsio, ж. п. 239.
Chu-ko, м. п. 263.
Cokza. м. п. 191.
Cunachmar, покол. 191.

D'âkinis Dschnâna-Goschja, б. ж. 208.
David, м. п. 275.
Denis, м. п. 276.
Djildiz-col, оз. 332.
Djit kules bözerag at, лош. 320.
Dschadanaringun dabagha, перевалъ 217.
Dudpo, страна 270.

Ede Kiurghan, мѣстн. 320.
Erdeni-Ssara, м. п. 192.

Fou-pen Feou-thou, б. 190.

Gaddasun, зв. 328.
Gali-tieghin, м. п. 310.
Garuda, пт. 350.
Gassalan ügei Nomuhn chan, м. п. 136.
Ghoumara-chri, м. п. 206.
Grips, пт. 350.
Gunnar, м. п. 270.
Gurban-yrdaenaéh, 331.
Gvison Tamba, м. п. 243, 265.

Halaxi, 340.
Hoan Chen Tsaï, м. п. 226.
Högni, м. п. 270.
Ho lao lo kia, грд. 190.

Ibir-Sibir, страна 335.
Inandj Belgeh Buka chan, м. п. 255.
Itegel, 136.
Itegel Arsslan chaghan, м. п. 136.
Itel, 136.

Jeliku, м. п. 346.
Juolun-tieghin, м. п. 310, 311.

Kalla parneh, созв. 328.
Khio-ki (Tcheu-tchi), страна 206.
Khouli-takh, г. 310.
Kidân chan, м. п. 122.
Kin-lian, ж. п. 310.
Ködon kan, м. п. 122.
Ködön-pi, м. п. 122.
Kötsün-kan, м. п. 228.
Külük Bogordschi, м. п. 245.
Kürlak, мѣстн. 122.

Lhamo, Lhamu, б. ж. 270, 303, 339.
Lo-heou-lo, м. п. 190.
Lombo-Moke, м. п. 239.
Lou-tcheu, б. 190.
Lung-ch'ü tao, остр. 216.

Mânasa, оз. 246.
Mandara, г. 336.
Manhat, нар. 274.
Menglik-Iska, м. п. 191.
Miao Chen, ж. п. 226.
Miao-Tchoang, м. п. 226.
Mondorgon-oola, г. 384.

Nandson, м. п. 222.
Nauman cura, мѣстн. 326.
Naymans, пл. 266.
Nieou to vang, м. п. 217.
Nilom-Tala, мѣстн. 303.

Oikhan, г. 271.
Okkin-tängri, б. ж. 270.
Oldscheitu Chung Beidschi, Oldjeitu-chung-goa-beidji, ж. п. 270, 303.
Oldschibai, м. п. 118.
Olgon, мѣстн. 271, 303, 339.
Ormön-bet, м. п. 119.
Oros, нар. 274.
Orot, нар. 274.

Pao Teh, м. п. 226.
Piliging chär, лош. 114.
Pi lou tchena, м. п. 190.
Pi tchi fo, м. п. 190.
Pohjan tähti, зв. 331.
Prestre-Jan, м. п. 266.

Qatagan, покол. 331.
Qong qomâr, покол. 192.
Qouri Soumâdjou, м. п. 139.

Rukh, пт. 350.

Sässä Schikär, м. п. 128.
Scharlak, мѣстн. 122.
Scharong-Gassur, башня 205, 216.
Shariputra, б. 217.
Shinja, м. п. 270.
Selesni coll, зв. 330.
Selmenn, зв. 329.
Sibir-Abar, страна 335.
Simurgh, пт. 350.
Sodnam rGjamtso, м. п. 191.
So ma jo, мон. 190.
Soon Tserictu, м. п. 136.
Sora-chenim, ж. п. 119.
Sübür, г. 334, 335, 336.

Täji-pascha, м. п. 119.
Tamuzin, м. п. 191.
Tanikân, м. п. 139.
Ta scharo szu, мон. 206.
Tcheu-tchi, страна, 206.
Tegus Tsoktu, Tegüs Tsoctu, м. п. 192.
Temur Olcho, мог. нас. 303.
Tenduc, мѣстн. 347.
Tengeri-yu-takh, г. 310.
Theghthoum, покол. 191.
Thingiz, м. п. 186.
Todorchoi Ilaguskan, м. п. 136.
Tsoktsassun-Dschiruken, м. п. 192.
Tsong-kaba, м. п. 239.
Tvachtri, м. п. 246.

Ukko, м. п. 331.
Ukon poika, м. п. 324.
Ulämtshi, зв. 329.
Urghien, м. п. 233.

Wäinämöisen meikka, созв. 328.
Wäinämöisen's wikate, созв. 328.

Vaisramana, б. 217.
Vajrapani, б. 316.
Vennou, пт. 149.
Venus, зв. 329.
Viçvaroûpa, м. п. 246.

Xwei-tsan, м. п. 230.

Yzyt-khan, м. п. 277.

Zingis-Chan, м. п. 191.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

КЪ II-МУ ТОМУ.

Алмасъ, 351.
алтынъ дельхе, 315.
альбинъ, 56, 62, 84; **восточный**, 92.
альбинъ-тама, 92.
амбаръ желѣзный, 105, 106, 113.
ангиръ, 243, 245, 246, 383.
арайанъ-коройонъ, 341.
арашанъ, 251:
аришанъ, 162.
аршанъ, 256.
ахманъ, 296.

Баба каменная, 311.
бабка (кость) 115.
бабочка, 344.
багульникъ, 37.
бадмаракъ камень, 174.
бамбукъ, 227.
барабанъ, 217; **золотой**, 71, 107; **серебряный**, 71, 107.
баранъ, 194, 235, 324, 343; **желтолысый**, 155; **черный**, 92.
баргутъ, 273.
батаръ каменный, 91.
башнакъ, 149, 241, 303.
башня (субурганъ), 332.
береза бѣлая, 166.
березовая лопата, 112.
беркутиха, 329.
беркутъ, 324, 329.
бобъ красный, 156.
богатыри, 123, 124.
боди, 350.
большой палецъ, 345.
бородавка, 332.
браслетъ, 19; **золотой**, 224.
брусъ точильный, 13, 42.
бубенъ, 22, 298, 329, 338, 339.
будене-оготонъ, 154.
булавка, 136.
бунчукъ, 326.
бурундукъ, 344.
бутылка, 137.
бухерь, 220.
быкъ, 13, 89, 144, 168, 199, 215, 241, 283, 307; **сивый**, 143, 158, 159, 201—203, 205; **рыжій**, 238.
бычьи рога, 199, 255; **бычья голова**, 255, 329; **б. шкура**, 228.
бѣлая, ое, ый: альбинъ, 56, 62; **береза**, 106; **волосы**, 75; **вошь**, 56; **глазъ**, 95, 112; **глина**, 34; **гора**, 44; **жаворонокъ**, 49; **жеребенокъ**, 62; **заяцъ**, 321; **змѣя**, 26, 143; **знамя**, 274; **камень**, 45, 60, 62, 65, 66, 70, 282; **книга**, 46; **коза**, 202, 205; **козелъ**, 203; **козуля**, 45; **конь**, 34, 61, 219, 328; **лошадь**, 249, 250, 307; **море**, 56, 62; **нитки**, 24, 25; **орелъ**, 324; **парусъ**, 218; **птица**, 5, 18, 40; **старикъ**, 328; **цѣпь**, 45; **шуба**, 34; **юрта**, 325; **ягненокъ**, 184.
бѣлоголовый старикъ, 141.
бѣло-серебряный дворецъ, 57, 58, 63, 64, 71—73, 75, 81, 85, 86, 93, 96, 101, 102, 107, 108.
бѣлымъ-бѣлый конь, 78.

Ведро, 43, 279, 385; **в. золотое и серебряное**, 186.
верблюдъ, 69, 124, 140, 141, 158, 194, 221, 223, 242, 247, 319, 331, 342, 343, 355; **в. золотой**, 160; **черный**, 161.
верескъ, 64, 88.
веретено, 39, 132, 212, 382.
вино, 9, 44, 49, 82, 83, 138, 276, 291, 292.
винокуренная труба, 346.
вихорь, 147, 149.
вода, 18; **животворная**, 22, 218; **кипящая**, 156.
водяной царь, 150.
войлокъ, 151.
волкъ, 13, 32, 115, 116, 127, 138, 171, 179, 186, 229, 274, 280, 287, 336—338, 382; **в. сѣрый**, 115.
волосъ, 14, 132, 176, 241; **волосы**, 148, 157, 158, 176, 254.
волчица, 170, 289.
волчій глазъ, 341.
волчья нора, 137, 138.
волшебство, 56, 85, 103, 104, 108, 111, 116.
воробей, 349.
ворожея, 5, 39.
ворона, 39, 42, 178, 186, 216, 235, 253, 278; **в. золотая**, 297; **черная**, 89, 90.
вороная кобыла, 321.
воронъ, 14, 23, 42, 235; **черный**, 87, 95, 96, 325.
воръ, 164, 319.
восемнадцать, 3, 26.
восемь: братьевъ, 326; **бѣлыхъ юртъ**, 325; **вьюковъ**, 34; **годовъ**, 79; **лошадей**, 123; **лу (драконовъ)**, 177; **пуповъ**, 332; **разъ**, 76; **солоныхъ мериновъ**, 244; **сторонъ**, 75; **хановъ**, 107—109.
восемьдесятъ: телегъ, 310; **цвѣтовъ**, 61.
восемьдесятъ восемь узловъ, 46, 60, 80.
восемьдесятъ одинъ быкъ, 144.
восемьдесятъ семь пуговицъ, 46.
восемьсотъ восемь, 27, 28.
восточные: тэнгерины, 51; **альбинъ**, 92.
восьминогій конь, 155.
восьминожное знамя, 326.
вошь, 56, 57.
вшивый тамъ, 84, 85.
вымя, 175.
вѣдьма, 325.
вѣнецъ золотой, 224.

Гадатель, 22.
гвоздь, 20, 22, 329, 330.
гза (чуд.), 149.
глазъ, 55, 129, 184, 227, 309, 324, 334; **г. бѣлый**, 95, 112; **волчій**, 341, **красный**, 329.
глухариное перо, 103.

STANFORD LIBRARIES
To avoid fine, this book should be returned on
or before the date last stamped below

10M-12-47

Hoover Institution Library
3 6105 071 407 428

Potanin, G. N.

29140

Тангутско-тибетская окраина Китая.

	DATE	NAME	DATE